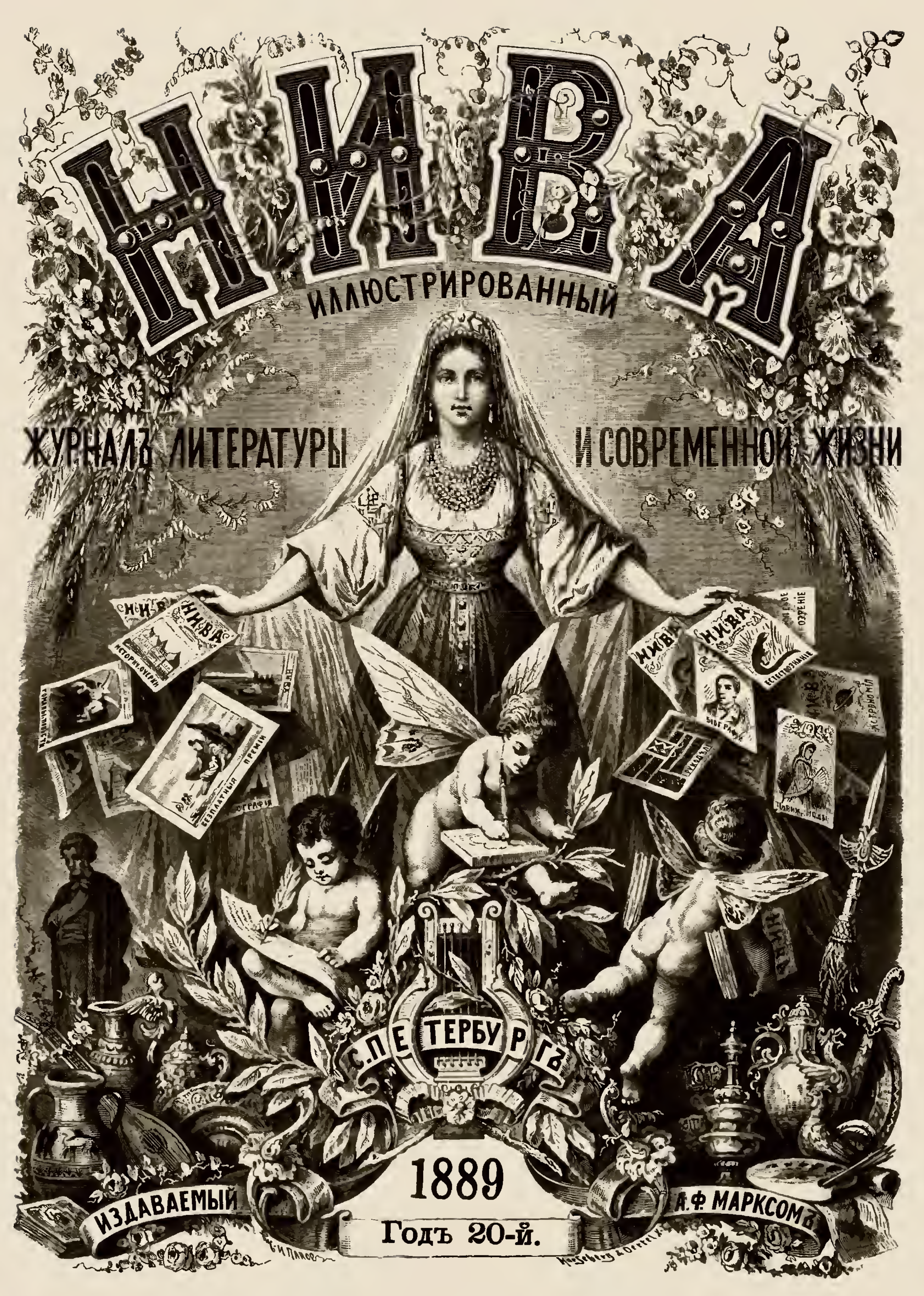

Невскій проспектъ, № 6.

XX г. — № 18

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 29 апрѣля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. У венеціанскаго мастера. Карт. Н. П. Степанова (право грав. пріобр. „Нивой“), грав. Волковъ.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ **М. В. Крестовской.**

(Продолженіе).

— Быть-можетъ, говорила она нѣжнымъ воркующимъ голосомъ, тѣмъ голосомъ, отъ котораго самыя простыя слова и фразы казались какими-то чарующими,—быть-можетъ, вы подумали что я позавидовала подарку, который вы сдѣлали Софи? Нѣтъ, мой другъ, я не могу завидовать бриллiантамъ,—это сказала она съ печальной, горькою усмѣшкой,—у меня ихъ такъ много... слишкомъ много... и еще больше я право не хочу... Но вѣдь иногда невольно хочешь чего-то другаго еще... чего отъ васъ я... не получала никогда... Впрочемъ, нѣтъ... когда-то было, но давно, очень давно... задумчиво прибавила она съ глубокимъ вздохомъ,—когда мы съ вами были еще такъ молоды... Хочешь вниманiя... заботъ, въ которыхъ бы чувствовалась любовь...

И она грустно склонила голову.

— Но! воскликнулъ Ѳедоръ Густавовичъ уже съ полнымъ удивленiемъ, растерянно смотря на жену, которой почти не узнавалъ въ этой прелестной, нѣжной и грустной женщинѣ... И при томъ она кажется укоряла въ недостаткѣ вниманiя, любви? Ѳедоръ Густавовичъ почти не вѣрилъ своимъ ушамъ и мысленно спрашивалъ себя, такъ-ли онъ понимаетъ ее, какъ она говоритъ, не перепуталъ-ли онъ чего-нибудь по незнанiю языка; но она, какъ бы желая его еще больше увѣрить, поспѣшно воскликнула:

— Да, да, это такъ! и снова заговорила печально и нѣжно. — Когда сегодня вы принесли вашъ подарокъ Софи, и я увидала при этомъ ваше лицо, услышала вашъ голосъ, то я невольно и впервые поняла (она снова тяжело, какъ-бы съ какой-то мучительной нравственной болью, вздохнула) разницу въ томъ, какъ вы дарите мнѣ и какъ дарите ей... Для нея вы—весь любовь... тогда какъ со мной—простое исполненiе долга... и долга даже непрiятнаго...

Она болѣзненно засмѣялась, и остановясь въ одной изъ гостиныхъ, вдругъ опустилась на круглый атласный диванъ, окружавшiй посреди комнаты громадную латанiю, тоскливо сжала и вытянула вдоль колѣнъ свои красивыя обнаженныя руки...

Ѳедоръ Густавовичъ также остановился и, не зная что̀ ей сказать, продолжалъ молча и растерянно глядѣть на нее. Въ словахъ ея было много правды, онъ невольно сознавалъ это, но онъ никогда не думалъ чтобы это могло огорчать ее... Теперь-же, при видѣ ея тоскливой позы и грустнаго лица, ему стало казаться что онъ дѣйствительно виноватъ предъ ней отчасти; ему стало и совѣстно какъ-то, и жаль ея... Къ тому же, она была такъ поразительно и такъ трогательно красива...

— Но нѣтъ! заговорилъ онъ нѣсколько сконфуженно и смущенно, — вы ошибайтесь... даю вамъ слово ошибайтесь... Я всегда желалъ дѣлать для васъ всякiй удовольствiй, но вы сами... вы сами бывали со мной всегда такъ нелюбезны и... и... даже презрѣнни...

— О! она вдругъ высоко подняла голову и обдала его тѣмъ прелестнымъ взглядомъ, который бываетъ у влюбленныхъ, но гордыхъ и самолюбивыхъ женщинъ.— Я не могла заискивать и унижаться передъ вами, зная... зная что вы не любите меня...

Закрывъ лицо руками, она слегка запрокинула голову и до-бѣла закусила губы, какъ бы сдерживая рыданiя; наконецъ, точно пересиливъ себя, порывисто встала и проговорила задыхающимся шепотомъ:

— Пойдемте... пора...

Но Ѳедоръ Густавовичъ взволнованно схватилъ ея руки и судорожно сжалъ ихъ, преграждая ей дорогу. Ему вдругъ стало казаться что онъ всегда безумно любилъ эту прелестную женщину: да, вѣдь она обольстительно прекрасна и въ то же время его жена, его законная жена, на которую онъ, вотъ уже многiе годы, въ силу какого-то ужаснаго, невозможнаго недоразумѣнiя, не обращалъ никакого вниманiя, поставилъ себя въ самое скверное положенiе, въ самыя глупыя отношенiя вмѣсто того чтобы пользоваться всѣми своими правами.

И вдругъ теперь, когда почти все уже было навсегда потеряно, она сама намекаетъ, почти прямо говоритъ ему что любитъ его... а онъ... О, какой большой дуракъ бывалъ онъ все это время! Страстный порывъ какого-то опьяненiя, страсти и раскаянiя охватилъ его; лицо его побагровѣло; тяжело дыша и не пуская ее уйти, онъ стиснулъ ея руки въ своихъ рукахъ, дрожавшихъ отъ волненiя.

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорилъ онъ отрывистымъ шепотомъ, — теперь нельзя уходить, теперь намъ надо объяснять... это... это... недоразумѣнiе.

Но Юлiя Андреевна выдернула руки и быстро отвернулась отъ него — глаза ея горѣли торжествомъ побѣды и все лицо дрожало отъ внутренняго смѣха. Она боялась заговорить и глядѣть на него, чтобы не расхохотаться; та легкость, съ которой она одурачила его и разомъ влюбила его въ себя, потѣшала и изумляла ее самоё.

— Пустите, пустите меня, заговорила она, пересиливая смѣхъ, — потомъ когда-нибудь... въ другой разъ мы поговоримъ—теперь уже поздно... сейчасъ начнутъ съѣзжаться... пустите...

Но Ѳедоръ Густавовичъ уже не хотѣлъ ни пускать ее, ни отлагать объясненiя.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ рѣшительно и горячо. — лучше поздно чѣмъ не будетъ совсѣмъ!

Почти не понимая что̀ онъ дѣлаетъ и зачѣмъ, онъ обнялъ ее за талiю и сильнымъ движенiемъ заставилъ ее опять сѣсть на диванъ, а самъ тяжело опустился передъ ней на колѣни, страстно цѣлуя ея руки.

— Я былъ дуракъ, шепталъ онъ безсвязно, — я ничего не понималъ въ сердцѣ женщина, я думалъ что я непрiятенъ и противенъ для васъ и что вы ненавидьте меня! О, mein Gott, если бы я могъ понимать что это не такъ, я бывалъ бы самый лучшiй, самый любезный мужъ! Но теперь мы понимали другъ друга, теперь надо все это кончать и теперь мы будемъ immer, всегда любить другъ друга! Nicht wahr, mein Liebchen?

Она прятала свое лицо, ей хотѣлось расхохотаться прямо ему въ глаза и сказать: „о! глупый тюлень!“ Но она сдерживалась и чувствуя надъ нимъ свою власть, только перемѣнила тонъ—изъ любяще-тоскующаго перешла въ игриво-кокетливый и снисходительный, который былъ ей болѣе присущъ и въ которомъ она чувствовала себя удобнѣе и легче.

— Ну какъ знать, какъ знать! сказала она съ кокетливой улыбкой покачивая головой,—нельзя цѣлые годы только ссориться и оскорблять другъ друга, а потомъ вдругъ взять и сразу разнѣжничаться и опять влюбиться другъ въ друга. Нѣтъ, то что̀ прежде быть-можетъ вышло бы само собой — теперь надо заслуживать. Да, прибавила она смѣясь, — надо заслуживать! Вотъ мы и посмотримъ, будетъ-ли кто-то въ этомъ стараться! А въ сердцѣ женщинъ вы дѣйствительно ничего не понимаете,—что правда то правда!

И смѣясь задорнымъ смѣхомъ, она смотрѣла прямо въ его недоумѣвающiе, удивленные глаза.

Смѣхъ этотъ слегка коробилъ Ѳедора Густавовича, онъ не совсѣмъ ясно понималъ чего она хочетъ и про что̀ говоритъ ему, чувствовалъ себя отчасти даже

какъ будто оскорбленнымъ въ своемъ страстномъ, искреннемъ порывѣ къ женѣ; но его обезоруживало, наполняя страстнымъ очарованіемъ, и снова примиряло съ ней, ея лицо, злое и прелестное, съ сіявшими предъ нимъ ея темными, мрачными глазами и сочнымъ чувственнымъ ртомъ, который точно дразнилъ его, вдругъ приблизившись, когда она наклонила голову такъ близко къ нему, что онъ даже чувствовалъ его горячее, неровное дыханіе, и котораго онъ все-таки не смѣлъ поцѣловать, хотя такъ страстно желалъ бы этого.

— Ну, сказалъ онъ, подозрительно вглядѣвшись въ нее, но все еще не вставая съ колѣнъ, — такъ это все шутки были? да?

Она съ загадочной улыбкой тихо покачивала головой.

— А вы какъ думаете? спросила она не то насмѣшливо, не то нѣжно.

— Я! я ничего не думаю! Я думаю что всѣ женщины похожи на волшебный сказка, въ которой на каждой страницѣ по два чуда и гдѣ совсѣмъ не знаешь что̀ будетъ на слѣдующей страницѣ.

— А! сказала она смѣясь, — очень милое сравненіе! значитъ и я тоже похожа на волшебную сказку?

— О, вы еще больше чѣмъ всѣ другія!

— Да? ну что жь, для васъ это должно быть очень интересно. Сказки всегда интересны — право, мнѣ нравится ваше сравненіе, въ немъ что-то новое есть, а потому можете еще разъ поцѣловать мою ручку, а затѣмъ извольте подниматься съ колѣнъ. Сейчасъ придетъ Софи съ M-elle Mignard — что̀ скажетъ M-elle Mignard если застанетъ насъ въ этой трогательной сценѣ? она къ нимъ не привыкла.

— Ахъ, какой мнѣ дѣла что̀ скажетъ эта дура! вы моя законный жена! Ну, скажите же мнѣ правду, будемъ мы теперь переставать сориться!

— Вѣдь я вамъ уже сказала: если хотите прощенія и мира—старайтесь заслужить это!

Вставъ и подойдя къ трюмо, она подняла руки высоко надъ головой и стала оправлять въ волосахъ брильянты.

— Заслужить! сказалъ Ѳедоръ Густавовичъ, съ сокрушеніемъ покачивая головой,—но какъ?

— Если вы очень этого захотите, тогда съумѣете понять какъ!

Ѳедоръ Густавовичъ невольно смотрѣлъ на ея открытую шею, обнаженныя поднятыя руки, на изящный затылокъ, и тихо вздыхалъ.

— Это будетъ очень трудно дѣлать! мы есть немножко капризны...

— О, да! она громко и весело засмѣялась, блеснувъ на него въ зеркалѣ ярко вспыхнувшими глазами. — я капризна, я злая, это правда — ну что-жь, тогда и не старайтесь лучше... оставьте...

— Нѣтъ, сказалъ Ѳедоръ Густавовичъ, не отводя отъ нея влюбленнаго взгляда,—я лучше буду стараться...

И наклонившись, онъ вдругъ прижался горячими губами къ ея тонкому, душистому затылку. Она слегка вздрогнула и, быстро отодвинувшись, ударила его своимъ вѣеромъ.

— Ну, этого вы еще совсѣмъ не заслужили... и вы напрасно такъ торопитесь, вамъ этого еще никто не разрѣшалъ, проговорила она съ сердито вспыхнувшими глазами.

— Ну, ну, я не буду больше, не буду, но... только ручку!

— Нѣтъ и ручки не заслужили.

— Ну пальчикъ, одинъ хорошенькій, маленькій пальчикъ!

— Нѣтъ, и пальчика не заслужили.

— Ну нѣтъ, это я уже заслужалъ.

И онъ хотѣлъ уже схватить ея руку, но въ эту минуту вошла Софи съ M-elle Mignard.

Ѳедоръ Густавовичъ смущенно, какъ будто не M-elle Mignard застала его ухаживающимъ за женой, а жена—за M-elle Mignard, отшатнулся отъ Юліи Андреевны, стараясь принять равнодушный и приличный видъ.

XIV.

M-elle Mignard, которой еще на пути къ гостиной послышались какіе-то поцѣлуи, съ удивленіемъ взглянула на обоихъ супруговъ. Сконфуженный видъ Ѳедора Густавовича еще болѣе подтверждалъ это, но зная отношенія monsieur и madame, она сочла подобный случай совсѣмъ невозможнымъ и была склонна скорѣй думать, что это только такъ все ей показалось.

Едва переступивъ порогъ, она, такъ же какъ передъ тѣмъ Софи, вскрикнула и остановилась пораженная на половину искренно, на половину же входя въ роль и увлекаясь, по своему обыкновенію, торжественнымъ моментомъ.

— О madame! воскликнула она, поднимая глаза и всплескивая руками. — M-elle Софи уже говорила мнѣ, какъ вы прекрасны, но чтобы понять это вполнѣ — нужно видѣть васъ... Это что-то необычайное!

Юлія Андреевна разсмѣялась и перейдя къ другому, болѣе удобному для пріема дивану, пригласила сѣсть подлѣ себя и M-elle Mignard, и Софи. Ѳедоръ Густавовичъ долженъ былъ отправиться въ другую залу, смежную съ роскошно убранной гостиной, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣчать гостей, и въ первый разъ за всѣ послѣднія десять лѣтъ сожалѣлъ о томъ что уходитъ отъ жены. M-elle Mignard продолжала подозрительно поглядывать своими юркими, любопытными глазками на супруговъ и особенно на Ѳедора Густавовича. Эти любопытные взгляды M-elle Mignard крайне досаждали Ѳедору Густавовичу, который, чтобы маскировать свой сконфуженный видъ, старался придать своему лицу нѣчто чрезвычайно солидное и серьезное.

Было уже десять минутъ одиннадцатаго, но еще никто не являлся; каждый боялся прибыть первымъ, предпочитая запоздать на цѣлый часъ. Наконецъ начало было сдѣлано двумя совсѣмъ еще юными офицерами въ блестящихъ съ иголочки мундирахъ, съ дѣтски веселыми, безусыми, миловидными лицами. Оба они были изъ тѣхъ необходимыхъ для каждаго бала „кавалеровъ“, которыхъ приглашаютъ всюду исключительно какъ танцоровъ и которые служатъ общимъ фономъ картины.

Молоденькіе прапорщики, очевидно сконфуженные тѣмъ что явились первыми, старались игривою развязностью скрыть свое смущеніе, и громко звеня шпорами, расшаркивались передъ прелестною хозяйкой, которая плохо знала даже ихъ фамиліи, но тѣмъ не менѣе сейчасъ же познакомила ихъ съ Со̀фи и была съ ними, за отсутствіемъ другихъ болѣе интересныхъ и значительныхъ гостей, очень любезна. Она съ улыбкой болтала съ ними о разныхъ мелочахъ, избитыхъ и безсодержательныхъ, но которыя у нея выходили какъ-то особенно мило и граціозно.

Молоденькіе офицеры, не разъ встрѣчавшіеся съ нею на разныхъ балахъ и еще прежде восхищавшіеся ея красотой, еще больше очаровались ея любезностью, и уже совсѣмъ съ влюбленнымъ видомъ, на перегонку другъ передъ другомъ, осыпали ее восторженными комплиментами, усердно и весело смѣялись надъ ея остроумными замѣчаніями и всѣми силами старались занять ее, только чтобы имѣть счастье понравиться ей. Они упрашивали ее подарить имъ по одной кадрили, или хоть одну пополамъ на обоихъ, но она отвѣчала съ кокетливой улыбкой, что съ нынѣшняго дня бросаетъ танцовать, передавая это право своей дочери.

Тогда они поспѣшили пригласить Софи, на которую, поглощенные мамашей, почти не обращали вниманія;

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Бесѣда.

Картина И. Пелевина (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Виленскіе мученики Антоній и Іоаннъ.
Картина академика И. П. Трутнева (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Пястушкевичъ.

но пригласивъ и получивъ согласіе, тотчасъ же обратились опять къ Юліи Андреевнѣ съ самыми горячими и искренними убѣжденіями не бросать танцевъ. Они находили такое рѣшеніе съ ея стороны просто преступленіемъ, и увѣряли чуть не со слезами на глазахъ, что она лишаетъ ихъ этимъ огромнаго счастья, что балы теперь потеряютъ всю свою прелесть и что никто не станетъ ѣздить на нихъ.

Но она все съ той же прелестной улыбкой упорно отказывалась, шутливо увѣряя, что съ нынѣшняго дня записывается въ старухи, чѣмъ приводила юныхъ прапорщиковъ совсѣмъ въ отчаяніе и вызывала самые горячіе протесты.

XV.

Къ половинѣ одиннадцатаго пріѣхала Ninon съ своимъ мужемъ, молодымъ и очень представительнымъ полковникомъ въ густыхъ эполетахъ, которыя онъ носилъ както особенно эффектно и красиво, также какъ и ордена на груди.

Ninon считалась одной изъ самыхъ красивыхъ и опасныхъ соперницъ Юліи Андреевны. Это была высокая, стройная блондинка, съ интереснымъ и хорошенькимъ лицомъ, которому впрочемъ слегка подкрашенные глаза, напудренные, густо завитые волосы и насмѣшливое, вызывающее выраженіе придавали нѣкоторую вульгарность.

Ninon и сама прекрасно это знала, но это нисколько не смущало ее; напротивъ, ей это нравилось, и она нарочно старалась подражать и въ манерахъ, и въ костюмахъ дамамъ demi-mond'а и бравировала этимъ смѣлымъ пошибомъ, на зло своимъ болѣе застѣнчивымъ пріятельницамъ, которыхъ заставляла краснѣть разными эксцентричными выходками. Съ Юліей Андреевной она повидимому находилась въ большой дружбѣ и была даже на-*ты*, но въ сущности обѣ не долюбливали другъ друга, и завидовали одна — молодости, другая—богатству и успѣху своей пріятельницы.

Еще поднимаясь по лѣстницѣ и замѣтивъ что залы совсѣмъ пусты, Ninon ужасно разсердилась на своего мужа, у котораго была дурная привычка быть не только акуратнымъ, но даже пунктуальнымъ, и который всегда торопилъ ее когда она одѣвалась, вслѣдствіе чего они очень часто пріѣзжали на вечера гораздо раньше, чѣмъ это слѣдовало по мнѣнію Ninon. Мужъ ея, большой поклонникъ Юліи Андреевны, былъ тоже нѣмецъ и даже приходился Ѳедору Густавовичу какимъ-то дальнимъ родственникомъ, но обрусѣлъ гораздо болѣе своего родственника, къ которому, не смотря на все уваженіе ради богатства, относился нѣсколько свысока и покровительственно, считая за человѣка мало образованнаго и невоспитаннаго; самъ онъ, благодаря связямъ и протекціямъ, воспитывался въ высшемъ военномъ училищѣ, гдѣ всегда отличался примѣрнымъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, что впослѣдствіи, составивъ ему репутацію дѣльнаго и исправнаго офицера, помогло сдѣлать очень недурную и быструю карьеру. Не только въ выговорѣ его и рѣчи, почти литературно правильной, какъ это часто бываетъ у нѣмцевъ много занимающихся языкомъ, но даже въ лицѣ его, румяномъ и красивомъ, съ прекрасными сѣрыми глазами и темными каштановыми волосами и бакенбардами, не было ничего нѣмецкаго; за то выправка его, строго разсчитанная и какъ бы проникнутая сознаніемъ всей важности ношенія мундира—была совсѣмъ нѣмецкою, не напоминавшею русскаго офицера.

Увидѣвъ входящую Ninon, которую Ѳедоръ Густавовичъ съ торжественною, но нѣсколько фамильярною почтительностью велъ подъ руку, Юлія Андреевна любезно поднялась къ ней на встрѣчу, и протянувъ руки, онѣ съ привѣтливыми улыбками поцѣловали воздухъ, приложившись другъ къ другу щеками.

Молодые прапорщики поспѣшно вскочили, нѣсколько смущенные появленіемъ начальства въ лицѣ полковника Шилинга, служившаго въ ихъ же полку.

— Ну, познакомь же меня съ твоей дочерью, я ею чрезвычайно интересуюсь, сказала Ninon, подчеркивая слово „чрезвычайно".

Юлія Андреевна, предчувствуя напередъ что пріятельница сейчасъ же скажетъ какую-нибудь милую колкость, тѣмъ не менѣе поспѣшила любезно исполнить ея просьбу.

— Вотъ, сказала она, взявъ Софи за руку,—прошу любить и жаловать.

— О, еще бы!—Ninon весело протянула молодой дѣвушкѣ обѣ руки и поцѣловала ее, — мы съ вашей maman старые друзья, а потому я и васъ уже заранѣе готова полюбить отъ всей души. Хотя, по настоящему, съ вами бы слѣдовало скорѣй враждовать, воскликнула она шутливо, — вѣдь вы теперь наша соперница! Ахъ, chère, обратилась она вдругъ къ Юліи Андреевнѣ, съ печальнымъ вздохомъ, — какъ летитъ время! положительно не замѣчаешь какъ старѣешь: еще какихъ-нибудь девять-десять лѣтъ—и мнѣ придется дѣлать такой же балъ и для моей маленькой Китти. Злыя дѣвочки! онѣ точно нарочно спѣшатъ такъ рости, чтобы скорѣй состарить насъ и занять наши мѣста.

Она засмѣялась и снова поцѣловала Софи, какъ бы желая хоть поцѣлуемъ смягчить свои слова.

Юлія Андреевна вспыхнула и сердито закусила губы.

— Да, сказала она, — въ сущности гораздо выгоднѣе выходить замужъ поздно (Ninon нѣсколько поздно вышла замужъ и это было ея больнымъ мѣстечкомъ), а то слишкомъ рано приходится дѣлаться бабушкой.

Ninon слегка покраснѣла въ свою очередь и подумала:

„Ну, я въ долгу не останусь!"

И небрежно раскинувшись на низенькомъ креслѣ, она начала, играя глазами и вѣеромъ, говорить шутя и смѣясь самыя злыя и рѣзкія колкости. У нея былъ свой жаргонъ и своя манера говорить ихъ, съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ будто совсѣмъ нечаянно, безъ всякаго злаго умысла, съ милыми наивными улыбками, такъ что къ ней почти нельзя было за нихъ придраться.

Эти маленькія шпильки всегда доставляли ей большое удовольствіе, а сегодня тѣмъ болѣе. Она была не въ духѣ и оттого что пріѣхала слишкомъ рано, и оттого что ей, когда она увидѣла поражавшій изящною простотой костюмъ Юліи Андреевны, вдругъересталъ нравиться собственный дорогой, но эксцентричный туалетъ состоявшій изъ розовой атласной юбки, затканной множествомъ пестрыхъ бархатныхъ птичекъ, откиднаго золотистаго плюшеваго трэна и такого же глубоко вырѣзаннаго лифа. Въ волосахъ ея, высоко зачесанныхъ, и на груди пріютились, вмѣсто цвѣтовъ, гнѣздышки изъ листьевъ и мху съ такими же маленькими птичками, сидящими въ нихъ, какъ и на юбкѣ.

Эти гнѣздышки приводили ее сначала въ восхищеніе своей оригинальностью, но вдругъ потеряли въ ея глазахъ всю свою эксцентричную прелесть, какъ только она увидѣла на шеѣ Юліи Андреевны ея роскошное старинное ожерелье. Она сердилась и на Юлію Андреевну, которая смѣла обладать имъ, и на своего мужа, который не въ состояніи былъ доставлять ей подобныя вещи, и на этого толстаго дурака Таненбаума, который былъ такъ неприлично богатъ, и даже на юныхъ прапорщиковъ, по сіяющимъ лицамъ которыхъ она замѣтила, что они уже успѣли влюбиться въ эту молодящуюся старуху;—вслѣдствіе всего этого, бѣдной Юліи Андреевнѣ приходилось очень

плохо отъ милыхъ колкостей своей пріятельницы, и волнуясь въ душѣ, она едва сдерживалась, отвѣчая ей столь же мило, но столь же зло и остроумно.

XVI.

Къ одиннадцати часамъ съѣздъ начался вполнѣ, и гостиная стала быстро наполняться. Ѳедоръ Густавовичъ, радушный и гостепріимный болѣе чѣмъ когда-нибудь, встрѣчалъ гостей въ главной залѣ, любезно пожимая руки мужчинамъ и осыпая дамъ шумными комплиментами.

Онъ былъ чрезвычайно въ духѣ. Пріятное волненіе, охватившее его въ гостиной во время неожиданной сцены съ женой, не покидало его и теперь, придавая ему какую-то особую бодрость и оживленіе.

Онъ невольно припоминалъ тѣ фразы, которыя она въ началѣ сцены говорила ему, ихъ тонъ и выраженіе лица ея при этомъ—и все болѣе убѣждался что она положительно любитъ его, но скрывала это только будучи слишкомъ гордою женщиной.

Предъ нимъ вырѣзывались вдругъ ея жгучіе, красивые глаза, ея прелестный, какъ бы созданный для поцѣлуевъ ротъ, сочный и яркій, ея обнаженныя поднятыя кверху руки—и то ощущеніе, которое онъ уловилъ на своихъ губахъ, когда поцѣловалъ ея тонкую, душистую шею, а маленькія колечки ея пушистыхъ волосъ, змѣившіяся подлѣ, вдругъ защекотали его, — снова повторялось и жгло ему губы. Его влекло и тянуло къ этой жестокой женщинѣ, не хотѣвшей дать ему поцѣловать даже одинъ мизинецъ...

Ѳедоръ Густавовичъ волновался, давно не испытывая уже ничего подобнаго; но волненіе это было пріятное, какъ бы животворное, онъ самъ себѣ казался теперь моложе, бодрѣе и даже красивѣй; проходя мимо зеркалъ, онъ выше поднималъ свои богатырскія плечи и самодовольно говорилъ, оглядывая себя:

— Ну, Ѳедоръ Густавовичъ, вѣдь и ты еще не старикъ! Мы съ тобой еще совсѣмъ молодцы и будемъ заживать теперь на славу.

И легкой, эластичной походкой, еще совсѣмъ молодаго человѣка, онъ бросался на встрѣчу входившимъ дамамъ.

Гостиныя наполнялись все больше и больше; отъ дыханія и люстръ, въ прохладныхъ комнатахъ становилось уже тепло и душно. Въ двѣнадцатомъ часу стало пріѣзжать сразу по нѣсколько человѣкъ; дамы, шурша шлейфами и оправляясь мимоходомъ предъ зеркалами, входили въ голубую гостиную, гдѣ принимала Юлія Андреевна, и здоровались между собою, съ радостными восклицаніями и любезными улыбками. Почти всѣ онѣ были хорошо знакомы, встрѣчаясь другъ съ другомъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ на однихъ и тѣхъ же балахъ, визитахъ, спектакляхъ, концертахъ и въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ, въ которыхъ почти каждая изъ нихъ была участницей или покровительницей.

Поздоровавшись съ хозяйкой, онѣ группами разсаживались на маленькихъ диванчикахъ и креслахъ, оправляя свои шлейфы, незамѣтно, но внимательно осмотрѣвъ туалеты другъ друга, принимали красивыя позы и начинали болтать всѣ вмѣстѣ, какъ умѣютъ говорить только женщины, не слушая и прерывая одна другую, о разныхъ послѣднихъ новостяхъ, концертахъ, операхъ, модныхъ пѣвцахъ, болѣзняхъ дѣтей, бенефисахъ актрисъ, проигрышахъ мужей и т. п.

Юлія Андреевна, со спокойною граціей и самоувѣреннымъ достоинствомъ, принимала своихъ гостей, съ любезной улыбкой представляя вновь прибывавшимъ свою Софи.

Но въ душѣ она волновалась; при входѣ каждаго новаго лица и особенно женщины, глаза ея чуть вспыхивали, и она тревожно приготовлялась къ „парированію“ колкихъ замѣчаній и насмѣшливыхъ любезностей. И дѣйствительно, неожиданное появленіе Софи вызывало всеобщую сенсацію.

Всѣ поражались, многіе даже не вѣрили.

— Какъ, неужели это ваша дочь! такая большая! Боже мой, ну кто бы могъ подумать смотря на васъ, что у васъ уже взрослая дочь!

Голоса дамъ звучали при этомъ такъ ядовито и злорадно, что Юлія Андреевна невольно вспыхивала и сердито сжимала въ рукахъ свой круглый вѣеръ, въ восточномъ вкусѣ, изъ павлиньихъ и страусовыхъ перьевъ, съ дорогой ручкой изъ золота и эмали. Но мужчины, толпившіеся въ дамской гостиной и ухаживавшіе за хорошенькими женщинами, въ особенности за прелестною хозяйкой, отчасти безсознательно поддерживали ее и помогали ей.

Хотя появленіе Софи не мало удивляло и ихъ, но они относились къ нему гораздо проще и безъ всякаго злорадства. Красота Юліи Андреевны, всегда ихъ привлекавшая, была сегодня слишкомъ очевидна и обаятельна, чтобъ такой пустой въ сущности фактъ, какъ большая дочь, могъ подѣйствовать рѣшительно охлаждающимъ образомъ. Напротивъ, они, плѣняемые ея чарующими взглядами и нѣжными улыбками, на которыя она сегодня уже не была скупа, ухаживали за ней съ особеннымъ удовольствіемъ.

Видя это, Юлія Андреевна начинала въ душѣ все болѣе успокаиваться и ободряться. Она знала что въ подобныхъ случаяхъ главная сила все-таки въ мужчинахъ, и всячески старалась очаровывать ихъ, такъ какъ, образовавъ себѣ изъ нихъ большую партію, ей уже не трудно будетъ справиться съ женщинами и заставить ихъ замолчать.

„Вотъ погодите, думала она смѣясь въ душѣ, — я докручу сегодня хорошенько головы всѣмъ вашимъ мужьямъ и поклонникамъ, и посмотримъ какъ-то тогда вы будете смѣяться и злорадствовать!“

Между тѣмъ юные офицерики, почти совсѣмъ забытые Юліей Андреевной и обдѣляемые даже ея улыбками, но все еще влюбленные и вѣрные ей, успѣли разнести вѣсть, что прелестная Юлія Андреевна отказывается отъ танцевъ. Извѣстіе это произвело новую сенсацію, всѣ подходили къ ней, спрашивали правда-ли это, сожалѣли, не вѣрили и упрашивали отказаться отъ этого ужаснаго рѣшенія, многихъ повергавшаго въ самое непріятное разочарованіе, такъ какъ Юлія Андреевна замѣчательно хорошо танцовала.

Но она рѣшительно и упорно отказывалась.

— Нѣтъ, господа, въ мои годы это уже не идетъ, говорила она съ кокетливой улыбкой. — Вотъ вамъ моя дочь, она замѣнитъ вамъ меня.

Но всѣмъ, при взглядѣ на Софи, сидѣвшую подлѣ матери съ печальнымъ, утомленнымъ лицомъ, дѣлалось очевиднымъ, что она-то ужь никогда не съумѣетъ замѣнить свою мать.

Софи инстинктивно понимала эти мысли, то краснѣя, то блѣднѣя отъ всѣхъ этихъ устремленныхъ на нее насмѣшливо критическихъ взглядовъ. Отъ непривычной ей толпы чужихъ, незнакомыхъ лицъ, съ которыми ее то и дѣло знакомили, у нея пестрѣло въ глазахъ и кружилась голова. Она не помнила почти ни одного изъ названныхъ ей именъ и всѣ они смѣшивались для нея во что-то одно, непріятно смущавшее и тяготившее ее. Она съ тупою покорностью позволяла цѣловать себя всѣмъ этимъ наряднымъ, любезнымъ дамамъ, которыя называли себя лучшими подругами ея матери, но во взглядахъ и фразахъ которыхъ она невольно чувствовала что-то странное, враждебное, не только къ себѣ, но даже и къ своей матери, ихъ лучшему другу. Что же касалось мужчинъ, то на нихъ она почти не смѣла смотрѣть и только, мучительно крас-

нѣя, застѣнчиво шептала, когда они изъ любезности къ хозяевамъ дома спѣшили заранѣе ангажировать ее на кадрили и мазурку.

Голосъ Ninon и ея смѣхъ, вызывающій и дерзкій, чаще и громче вырывался среди другихъ голосовъ, пугая и смущая Софи, которая почему-то боялась этой красивой и непріятной для нея женщины. Она невольно вздрогнула когда Ninon, завидя входившаго подъ руку съ вновь пріѣхавшей дамой Ѳедора Густавовича, вдругъ громко крикнула ему:

— Послушайте, Ѳедоръ Густавовичъ, мы всѣ на васъ ужасно сердиты!

Ѳедоръ Густавовичъ, любившій хорошенькихъ женщинъ и слегка даже пріударявшій за вѣтреною Ninon, добродушно и весело засмѣялся.

— Но! Какія преступленія я совершалъ?

— Очень большія! воскликнула Ninon, капризнымъ тономъ женщины избалованной ухаживаніями, — какъ вы смѣли до сихъ поръ прятать отъ всѣхъ насъ вашу прелестную дочку! Развѣ это не преступленье? Теперь вѣдь мы можемъ подумать, что вы дѣлали это нарочно!

— Какъ нарочно? зачѣмъ нарочно? удивился Ѳедоръ Густавовичъ, не совсѣмъ понимая, про что̀ говоритъ ему Ninon.

Но Юлія Андреевна, уже все понявшая, быстро и громко заговорила со своей сосѣдкой о бенефисѣ итальянской примадонны, нарочно отвлекая вниманіе слушателей.

— Да, да, хорошо! засмѣялась Ninon, замѣтившая маневръ Юліи Андреевны и покрывая ея слова своимъ звонкимъ голосомъ. — Вы хотѣли молодиться! Нѣтъ, нѣтъ, не отрекайтесь, теперь это всѣ поняли! ай, ай, Ѳедоръ Густавовичъ, какъ стыдно! и вы не краснѣете?

И она шутливо грозила ему, весело смѣясь.

Кругомъ всѣ насмѣшливо улыбались, искоса поглядывая на поблѣднѣвшую отъ гнѣва Юлію Андреевну, а Ѳедоръ Густавовичъ, принявшій слова Ninon въ буквальномъ смыслѣ, благодушно и громко хохоталъ.

— О! когда имѣешь такую старушку, то старость не страшна! воскликнулъ онъ весело, и воспользовавшись удобнымъ случаемъ, схватилъ ручку Юліи Андреевны, перевернулъ ее ладонью кверху и звучно, со вкусомъ, точно что-то смакуя, поцѣловалъ ее въ открытое между пуговицами мѣстечко.

Ему сейчасъ же, почти всѣ мужчины, нѣсколько сконфуженные дерзкою выходкой Ninon, стали аплодировать, одобрительно и любезно смѣясь его находчивости, а Ѳедоръ Густавовичъ, очень довольный и своей находчивостью, и поцѣлуемъ жениной ручки, шутливо раскланивался, обводя всѣхъ торжествующими взглядами.

Въ эту минуту раздались первые звуки вальса, и всѣ оживились.

Ѳедоръ Густавовичъ не танцовалъ уже много лѣтъ, но „на радостяхъ“, какъ онъ выразился, рѣшился сегодня тряхнуть стариной и, быстро подскочивъ къ Софи, обнялъ ее за талію и воскликнулъ:

— Ну, дочка, будемъ открывать балъ!

Юліи Андреевнѣ, не любившей никакихъ трогательныхъ сценъ, а тѣмъ болѣе при постороннихъ, не особенно понравилось „столь семейное начало“ торжества; но останавливать это было уже поздно, такъ какъ Ѳедоръ Густавовичъ, подхвативъ сконфузившуюся Софи, уже несся съ ней изъ гостиной въ залу, и большинство гостей послѣдовало ихъ примѣру.

Юлія Андреевна оглянулась и увидѣла что подлѣ нея въ выжидательныхъ позахъ стоятъ нѣсколько лучшихъ кавалеровъ, все еще повидимому разсчитывавшихъ что она перемѣнитъ свое рѣшеніе. Ихъ настойчивость была ей очень пріятна.

— Eh bien! сказала она, съ улыбкой обращаясь къ нимъ, — сегодня мы на положеніи „мамаши“, а потому нужно выбрать гдѣ-нибудь уютный уголочекъ „возлѣ стѣнки“, и будемъ смотрѣть какъ танцуетъ дочка.

И она подошла къ порогу залы, отрицательно качая головой на новыя уговариванья и упрашиванія своей свиты.

— Господа, зачѣмъ теряете вы даромъ время? Я рѣшила что не буду — и не буду; право, я уже слишкомъ стара для этого и это было бы очень смѣшно, смѣясь отвѣчала она на ихъ просьбы, и смѣхъ ея при этихъ словахъ звучалъ такъ молодо и весело, глаза сверкали и отъ всей ея фигуры, лица и голоса вѣяло такою жизнью, страстью и очарованіемъ, что красота ея казалась еще ярче и обаятельнѣе.

Подлѣ нея остались всѣ лучшіе танцоры и самые блестящіе кавалеры всѣхъ баловъ. Тутъ былъ и изящный баронъ Ферингъ, красивый блондинъ, съ роскошною, расчесанною бородой, которую онъ, не смотря на моду, не рѣшался подстричь и которая чрезвычайно шла къ нему, составляя нѣкоторымъ образомъ его гордость; и два брата Лотухины, блестящіе кавалергарды, прозванные въ свѣтѣ братьями-красавцами; и молодой милліонеръ Шуровцынъ, ловимый всѣми мамашами и дочками, но безнадежно влюбленный въ Юлію Андреевну; и мужъ Ninon, сдѣлавшій карьеру между прочимъ и танцами, въ которыхъ онъ былъ виртуозомъ, какъ выразилась про него жена одного изъ его начальниковъ. Недоставало только Бахманова, и Юлія Андреева тревожно поджидала его, боясь въ душѣ что онъ пожалуй совсѣмъ не пріѣдетъ.

Ѳедоръ Густавовичъ, передавшій Софи молодому Юрину, дирижировавшему танцами, подлетѣлъ къ женѣ, еще совсѣмъ красный и запыхавшійся, отъ непривычнаго для него моціона, но тѣмъ не менѣе въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и желая непремѣнно пройтись и съ Юліей Андреевной еще хоть одинъ туръ.

— Ну что такое! упрашивалъ онъ, смотря на нее влюбленными глазами, — съ мужемъ можно! Будемъ воображать что это наша серебряный свадьба, это обычай!

Но Юлія Андреевна нахмурилась; упоминаніе вслухъ о серебряной свадьбѣ, до которой ей оставалось всего какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ, было ей непріятно и она слегка даже разсердилась.

— Идите, идите, сказало она сухо, повелительнымъ голосомъ, — встрѣчайте гостей, еще не всѣ пріѣхали, или устройте винтъ на своей половинѣ — право, карты идутъ къ вамъ больше танцевъ, прибавила она съ насмѣшливой улыбкой.

Ѳедоръ Густавовичъ опять былъ нѣсколько и разочарованъ, и обиженъ, но не желалъ показывать этого при гостяхъ, и съ натянутымъ смѣхомъ развелъ руками.

— Ну, будемъ утѣшать себя картами! воскликнулъ онъ, опять не утерпѣвъ и поцѣловавъ ручку жены.

— И такъ это рѣшено безповоротно и окончательно? спросилъ вздыхая полковникъ, когда Ѳедоръ Густавовичъ отошелъ отъ нихъ.

— Окончательно и безповоротно, повторила за нимъ Юлія Андреевна, весело играя взглядомъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣроятно многіе на сегодняшній день послѣдуютъ вашему примѣру; по крайней мѣрѣ я ручаюсь за себя, сказалъ онъ съ покорнымъ поклономъ.

— Отличная идея! воскликнулъ обрадовавшійся почему-то баронъ Ферингъ, — я съ восторгомъ присоединяюсь къ ней!

„Идею“ одобрили и Шуровцынъ, и братья Лотухины, которымъ она въ сущности совсѣмъ не нравилась, но которымъ не хотѣлось отстать отъ другихъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Алмея.

Картина академика **В. А. Боброва** (право гравированія пріобрѣтено **„Нивой“**), грав. Ольшевскій.

— Къ чему это, господа! воскликнула Юлія Андреевна, не то съ упрекомъ, не то съ одобреніемъ, — зачѣмъ вы хотите лишить моихъ бѣдныхъ дамъ лучшихъ кавалеровъ?

— А зачѣмъ же вы насъ, бѣдныхъ кавалеровъ, хотите лишить лучшей дамы?! воскликнулъ тоже съ упрекомъ полковникъ Шилингъ.

Это неожиданное, но любезное рѣшеніе всей свиты было очень пріятно Юліи Андреевнѣ, и торжествуя въ душѣ, она, смѣясь и шутя, упрашивала ихъ не дѣлать глупостей и танцовать съ другими дамами; но теперь отказывались уже они, увѣряя что имъ гораздо пріятнѣе будетъ провести время разговаривая съ нею, чѣмъ танцуя безъ нея.

Между тѣмъ Юринъ, узнавъ что Юлія Андреевна рѣшительно не хочетъ танцовать, пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ не хотѣлъ дирижировать, заявляя что теперь у него пропалъ весь пылъ и вдохновеніе.

— Боже мой! воскликнула она съ шутливымъ отчаяніемъ, — что вы всѣ со мной дѣлаете! право, мой балъ кажется совсѣмъ разстроится, если вы всѣ будете такъ капризничать!

Но Юринъ, любившій всегда подурачиться и побалагурить, требовалъ чтобы его пропустили къ выходу, говоря, что ему остается теперь только кричать:

Карету мнѣ, карету!
Пойду искать по свѣту
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

— Не пускайте его, баронъ! просила Юлія Андреевна.

Баронъ вмѣстѣ съ Шуровцынымъ и братьями Лотухиными, смѣясь и дурачась, загораживали ему дорогу, и вырвавъ даже у него шляпу, передали ее на сохраненіе Юліи Андреевнѣ.

— Ну вотъ, теперь вы у меня подъ арестомъ, и въ наказаніе уѣдете послѣднимъ; раньше я васъ не пущу, впередъ бунтовать не будете. — Она положила въ его цилиндръ свой тонкій, кружевной платокъ. — Ну, не упрямьтесь же, Юринъ, продолжала она, — будьте лучше умницей и постарайтесь дирижировать такъ чтобы заставить всѣхъ этихъ господъ отказаться отъ ихъ нелѣпаго рѣшенія. Смотрите, какъ всѣ вяло танцуютъ! Идите и увлекайте всѣхъ вашимъ жаромъ; вѣдь когда вы захотите, такъ у васъ даже старички пускаются въ плясъ.

Юринъ оглянулся на танцующихъ; въ сущности онъ страстно любилъ и танцы, и дирижированіе, но ему хотѣлось немножко поломаться, что было его обычной манерой.

— Танцуйте, Юлія Андреевна, и я расшевелю даже мертвыхъ! воскликнулъ онъ съ театральнымъ паѳосомъ, но она нетерпѣливо прервала его:

— Ну такъ я приказываю, наконецъ!

— Слушаю-съ! сказалъ онъ съ покорнымъ вздохомъ, и, низко поклонившись ей, отправился къ серединѣ залы и сталъ дирижировать съ самымъ вялымъ и равнодушнымъ видомъ, издали показывая Юліи Андреевнѣ и всей ея компаніи, со смѣхомъ наблюдавшей за нимъ, и голосомъ, и жестами, и выраженіемъ лица свое полное равнодушіе къ любимому дѣлу.

— Ахъ, господа, сказала Юлія Андреевна, укоризненно покачивая головой, но съ самою милой улыбкой, — право, вы меня очень огорчаете, и право, это очень не хорошо съ вашей стороны; но такъ какъ вы не хотите слушаться меня, то пойдемте ужъ лучше въ восточную гостиную, велимъ подать себѣ фрукты, мороженаго и шампанскаго и будемъ болтать...

На это вся свита выразила полную готовность и съ видимымъ удовольствіемъ отправилась за ней.

Но едва они успѣли войти туда и сѣсть, какъ вбѣжалъ Ѳедоръ Густавовичъ, искавшій жену и желавшій представить ее какому-то новому гостю, высокому, сѣдому старику, въ лентѣ черезъ плечо и въ звѣздахъ, съ красивымъ и нѣсколько надменнымъ лицомъ, которому Ѳедоръ Густавовичъ желалъ повидимому выказать особенное уваженіе и даже почтительно придерживалъ предъ нимъ тяжелую портьеру.

Это былъ одинъ изъ очень важныхъ и вліятельныхъ сановниковъ, присутствія котораго у себя Таненбаумы уже давно и до сихъ поръ безуспѣшно добивались.

Увидѣвъ его, Юлія Андреевна вся даже радостно вспыхнула.

„А,“ подумала она, „какъ все это кстати!“ и съ изящной граціей поспѣшно подошла навстрѣчу.

(Оконч. въ слѣд. №).

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Разсказъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

III.

Изъ необычайныхъ казусовъ позднѣйшей жизни столоначальника Порфирія Перепелкина сохраненіе шести сторублевыхъ, которымъ онъ всецѣло обязанъ былъ своему спасителю, студенту Рындину, оказывалось почти чудомъ. На великое счастіе его, Рындинъ, съ двумя товарищами бывшими у него въ гостяхъ, выходилъ изъ дому, провожая ихъ, именно въ ту секунду, какъ грабители сбили Порфирія Семеновича съ ногъ. Всѣ трое бросились на выручку. Воры перетрусили, ударились бѣжать, успѣвъ только сорвать съ Перепелкина шарфъ и шинель; да и ту бросили, когда за ними въ погоню ударились дворники и ворамъ пришлось перемахнуть черезъ заборъ.

Потерпѣвшаго неизвѣстнаго чиновника внесли въ квартиру студента, положили на постель, и весьма удивились оказавшейся при немъ суммѣ денегъ, которыя Рындинъ тотчасъ спряталъ въ свой комодъ, намѣреваясь — *въ случаѣ чего* — передать ихъ въ полицейское вѣдѣніе... Но этого *„чего“* къ общему удовольствію не случилось. Докторъ, жившій рядомъ, подалъ первую помощь—и къ утру, какъ мы видѣли, Перепелкинъ пришелъ въ себя. Онъ самъ помогъ составить полицейскій протоколъ о случившемся; самолично, хотя попятываясь и морщась отъ боли, передалъ порученныя деньги по принадлежности, въ училище, до котораго не удалось ему добраться наканунѣ,—и въ тотъ-же день, осыпавъ благодарностями студента Рындина и его добрую сосѣдку, помогавшую ему въ уходѣ за нимъ, переѣхалъ домой. Зато, свершивъ всѣ эти подвиги, бѣдный столоначальникъ свалился и, къ отчаянію Марѳы, пробредилъ нѣсколько сутокъ.

Однако болѣзнь эта оказалась Перепелкину не къ смерти, а къ славѣ: со времени ея повезло ему счастіе безпримѣрное.

Во-первыхъ, начальство *вдругъ* дѣйствительно и весьма рѣшительно обратило на него вниманіе. За время долгой болѣзни его не только не уволили отъ службы, какъ опасался бѣдняга, но къ празднику дали денежную награду „за отлично усердную службу“, а къ новому году былъ онъ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Но мало того: его превосходительство во все время болѣзни Перепелкина изволилъ присылать о немъ навѣдываться; два раза навѣщалъ его директорскій домашній докторъ, статскій совѣтникъ Лустигмаузе; а на праздникахъ, когда Порфирій Семеновичъ оправился и хотя съ обритой еще и перевязанной, но совершенно здравомыслящей головой, въ одно морозное утро наблюдалъ въ разрисованное инеемъ окно, какъ во дворѣ купца Мордасова мальчишки снѣжками другъ другу глаза подбивали,—подъѣхали къ воротамъ парныя сани и самъ его превосходительство навѣстилъ „пострадавшаго...“

Послѣ этого уже не стало мѣры уваженію сосѣдей и товарищей и пріятному самодовольству Порфирія Семеновича. Гордости не было въ его кроткой природѣ. Онъ не сталъ превозноситься и чваниться, какъ сдѣлали-бы на его мѣстѣ девять-десятыхъ столоначальниковъ; но вспоминалъ онъ всегда этотъ визитъ съ пріятной улыбкой и самъ не зналъ о чемъ ему пріятнѣй, въ часы досуга, бесѣдовать съ Марѳой: вспоминать-ли это неожиданное, лестное посѣщеніе, или расписывать ей сильными штрихами, съ подобавшими эффектами рѣчи, „нападеніе разбойниковъ“, геройское вмѣшательство „спасителей“ его, „прекраснѣйшаго юноши, Ивана Павловича Рындина, и его достойнѣйшихъ друзей, студентовъ, *будущихъ столповъ науки*...“

Цѣлый годъ и болѣе не изсякали эти бесѣды, доставляя Марѳѣ Родіоновнѣ и ея хозяину пріятнѣйшее развлеченіе въ антрактахъ между праздничными „дурачками“ и „фофанами“ и любимую тему для дружескихъ разспросовъ сослуживцевъ, какъ вдругъ подоспѣли еще болѣе невѣроятныя событія...

Былъ близокъ Великій постъ недавно покончившаго свое существованіе года и какъ разъ наступилъ канунъ пятьдесятъ третьяго дня рожденія надворнаго совѣтника Порфирія Перепелкина. Сумерки грязненькаго, вѣтренаго дня глядѣли въ чистую гостиную, уставленную старинной мебелью: диваномъ и креслами съ изогнутыми, подбоченившимися ручками; столомъ съ двумя лирами, изъ которыхъ давно повыпадали деревянныя струны. Въ простѣнкѣ надъ ломбернымъ, никогда не открывавшимся столомъ, украшеннымъ парой бронзовыхъ шандаловъ, зеркало, небольшое но въ очень высокой рамѣ съ позолоченными украшеніями; а по стѣнамъ три - четыре старинныя раскрашенныя гравюры, изображавшія все однихъ и тѣхъ-же двухъ лицъ: юношу на одномъ колѣнѣ, заявляющаго любовь свою прекрасной дѣвицѣ въ букляхъ и оттопыренныхъ рукавахъ; счастливый бракъ любящихся; рожденіе первенца и радости семейной жизни. Все это были вещи составлявшія приданое дѣвицы Кубариной, покойной госпожи Перепелкиной, вещи съ которыми Порфирій Семеновичъ сжился, какъ со старыми друзьями и безъ которыхъ жизнь казалась ему немыслима. Вотъ и сейчасъ глядѣлъ онъ въ умиленіи на картинку подъ стекломъ въ картонной рамѣ, его сверстницу; глядѣлъ и вспоминалъ какъ, тому полстолѣтія, толстый, румяный Порфинька, въ кумачной рубашонкѣ, тыкалъ бывало пальчикомъ въ колыбель спавшаго на ней младенца и спрашивалъ свою мамашу: „Это я, мамка?..“—„Ты, голубчикъ! Ты, мой золотенькій!“ поблажали ему мать и нянька. — „А это — папка?“ продолжалъ онъ тыкать въ высокій *кокъ* господина, умильно приподнявшаго занавѣску колыбели. — „Папа твой, папенька тобою любуется, херувимчикъ нашъ ненаглядный“. — „А вотъ эта барыня — не ты, мамка!“—„Отчего-же не я, голубчикъ?..“ — „А у тебя нѣтъ такого хорошаго платья и головка гладенькая, безъ бантовъ!“ объявлялъ Порфинька. — „Ахъ, ты умница! Ахъ, ты радость наша! Занятный какой, да замѣтливый!.. Ужъ быть тебѣ первымъ разумникомъ въ свѣтѣ, красавчикъ нашъ писаный!“ восторгались, покрывая его поцѣлуями, мать и нянюшка.

Помнилъ онъ что и тогда похвалы ихъ были ему пріятны и чувствовалъ онъ почти то же радостное расширеніе сердца, какое ощущалъ и нынѣ, вспоминая посѣщеніе и ласковыя рѣчи начальства.

„Да!“ вздохнулъ онъ, отводя глаза отъ памятныхъ картинокъ, „отецъ и мать были счастливы... А вотъ мнѣ такъ не задалось!.. Не знавать мнѣ, видно, радостей семейныхъ... Чтò дѣлать!.. Всякому свое“.

Порфирій Семеновичъ, сложивъ газету,—только что имъ прочитанную и такъ и оставшуюся забытой въ рукахъ его, когда стемнѣло и онъ заглядѣлся на старую гравюру,—подумалъ: „Чайку бы напиться пора! Что это Марѳа лампы не зажигаетъ?..“ зѣвнулъ и замолкъ, прикрывъ глаза рукою.

Часы постукивали возлѣ него на стѣнкѣ; на дворѣ противъ обыкновенія было тихо; дождь рѣдкими, крупными каплями иногда шлепалъ въ стекла оконъ и беззвучно сливался струйками, словно слезы. Черезъ сѣнцы, изъ кухни доносились шаги и движеніе; Марѳа Родіоновна тамъ тѣсто на завтрашній пирогъ заквашивала и еще задумала барину „сюпризъ въ день рожденія“ — сдобный коржъ замѣсила ему къ утреннему кофе. Она знала что баринъ страсть охочъ до коржиковъ, къ которымъ его еще „покойница-барыня“ пріохотила.

Вдругъ въ сѣнцахъ задребезжалъ звонокъ.

Порфирій Семеновичъ вздрогнулъ и удивился.

Марѳа удивилась не менѣе: вдова-чиновница и другіе рѣдкіе гости къ ней всегда съ задняго крыльца проходили, чрезъ кухню, а тутъ... кого-бъ это Богъ далъ?.. Наскоро обтеревъ руки, Марѳа Родіоновна отперла и еще сильнѣе изумилась. Предъ ней стоялъ рослый полицейскій.

— Что, голубушка, баринъ твой дома будетъ?

— Дома же!.. Куда ему дѣтся?.. А вамъ что?

— Да вотъ Максимъ Филипповичъ—частный приставъ, знаете? — прислалъ имъ нумерокъ *Сенатскихъ Вѣдомостей*... О нихъ тамъ, что-ли, какое-то заявленіе.

Тутъ и самъ хозяинъ квартиры, прислушивавшійся съ большимъ любопытствомъ, показался въ дверяхъ.

— Въ чемъ дѣло, братецъ?

— Здравія желаю, ваше—скородіе!

— Здравствуй, любезный. Какія тамъ *Сенатскія Вѣдомости* у тебя?.. Давай сюда!.. Максимъ Филипповичъ прислалъ?

— Точно такъ, ваше —скородье!.. Потому до васъ что-то касающее. Извольте-съ!.. Тамъ карандашикомъ отмѣчено.

— Марѳа! Зажги, голубушка, скорѣе лампу.

Марѳа ужъ зажгла, сама сгорая любопытствомъ, а у Порфирія Семеновича такъ даже руки дрожали.

Чего только не передумалось ему за нѣсколько секундъ, пока разгорѣлась лампа и развертывался имъ листокъ „Прибавленій“ къ сенатской газетѣ.

Наконецъ онъ развернутъ по столу, глаза Перепелкина пробѣгаютъ по столбцамъ мелкаго шрифта и останавливаются на обязательно отмѣченномъ краснымъ карандашомъ параграфѣ.

Онъ прочелъ, — но сразу ничего не понялъ, только знакомая фамилія поразила его... Онъ сдѣлалъ усиліе, сосредоточился, перечелъ еще разъ и... строчки запрыгали, заметались въ глазахъ его; онъ поблѣднѣлъ и опустился молча на стулъ...

— Батюшка-баринъ! шептала Марѳа совсѣмъ перетрусивъ.— Да что жь тамъ такое про васъ?.. Аль бѣда какая стряслась?

Перепелкинъ молчалъ, широко улыбаясь, перебѣгая глазами съ Марѳы на вытянувшагося полицейскаго, и никакъ не могъ осилить волненія.

Наконецъ онъ опомнился, дрожащими пальцами протеръ глаза и снова уставился на отмѣченныя строчки... Вотъ онѣ... Онъ не ошибся! Точно!.. Точно: Савелій Порфирьевичъ Кубаринъ... Мать была Наталья Порфирьевна.. Вызываются наслѣдники... „Московская купеческая управа симъ вызываетъ наслѣдниковъ купца второй гильдіи, Савелья Порфирьева Кубарина...“ въ третій разъ перечелъ онъ и наконецъ сознательнѣй остановилъ взоръ на встревоженной, перепуганной кухаркѣ.

— Это... это, видишь-ли, еще можетъ-быть ошибка, но тутъ вызываютъ родственниковъ дядюшки, матушкина братца роднаго, для полученія... наслѣдства, досказалъ онъ и самъ изумился.

— Ну и что жь?.. Тебѣ жь какое дѣло? не домекнула Марѳа Родіоновна.

— А какже! поучительно обернулся къ ней околоточный.— Значитъ они это и есть — то-ись дядюшки своего племянники и наслѣдники... А то кому жь быть?

— Какъ же такъ! развела Марѳа руками и вдругъ сообразила и обрадовалась не въ мѣру. — Да ну васъ! вскричала она, всплеснувъ руками.—Да можетъ-ли быть?.. Наслѣдство?.. Дарьято Кузминична намедни карты кидала: „на порогѣ“, говоритъ, „на порогѣ у васъ прибыль, — деньги, да большущія!.. Деньжищи, говоритъ! И почести, и слава, и восторгъ такой, что и во снѣ такого не бывало!..“

— Ну перестань! Перестань, Марѳуша!.. усмирялъ ее Перепелкинъ и смѣясь, и конфузясь, и самъ не зная за чтò взяться.

Да не тутъ-то было! Развѣ остановишь расходившуюся на радостяхъ бабу?.. Легче ядро пушечное на лету остановить.

Марѳа Родіоновна, забывъ свои почтенные годы и тучное сложеніе, металась, готова была въ присядку пойти, околоточнаго расцѣловать и барина задушить въ объятіяхъ, рискуя тѣмъ самымъ лишить его возможности получить наслѣдство.

— Да чтò ты, Богъ съ тобой! уговаривалъ ее хозяинъ.—Еще можетъ и вздоръ... То есть не вздоръ—а не я... То есть вздоръ, что я... то есть... тьфу ты! другой, можетъ, а не я наслѣдникъ! насилу справился съ рѣчью Порфирій Семеновичъ.

Но Марѳа и слышать не хотѣла. Какъ? чтобы въ газетѣ, „по печатному“ написали да вышло не такъ? Быть этого не можетъ!.. И полицейскій былъ такого же мнѣнія: если не всему капиталу онъ былъ наслѣдникомъ, то ужь что-нибудь да навѣрное и ему, родному племяннику, перепадетъ... Онъ совѣтовалъ немедленно пойти посовѣтоваться съ частнымъ.

— Потому, говорилъ онъ, — Максимъ Филипповичъ эти дѣла знаютъ и не стали бы за-дармà безпокоить.

Не мудрствуя лукаво, надворный совѣтникъ рѣшился послѣдовать совѣту околоточнаго и немедленно отправился „посовѣтоваться“ къ знакомому приставу. На другой же день законныя заявленія и запросы полетѣли въ Москву-Бѣлокаменную; а черезъ недѣлю ужь всѣ знали что столоначальникъ Перепелкинъ не простой надворный совѣтникъ, а капиталистъ, богачъ, милліонеръ.

Въ скорости послѣ Святой недѣли съѣздилъ Порфирій Семеновичъ въ Москву; пробылъ тамъ недѣли съ три и возвратился изъ отпуска къ сроку, удостовѣрившись что онъ счастливый обладатель тридцати тысячъ годоваго дохода.

Это, безъ сомнѣнія, было очень пріятное сознаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ было въ немъ нѣчто и съ-толку-сшибательное... Въ сущности скромный, непритязательный, пятидесятилѣтній департаментскій чиновникъ не чувствовалъ въ себѣ ровно никакой перемѣны; ему хотѣлось бы, чтобъ и другіе не обращали никакого вниманія на его перемѣнившіяся обстоятельства, — но это было невозможно. Старая почва уходила изъ-подъ ногъ его, а онъ никакъ не могъ перескочить съ нея на другую, чуждую ему, пугавшую его ненужнымъ просторомъ и блескомъ.

IV.

Едва вернувшись, Порфирій Перепелкинъ съ перваго же дня почувствовалъ себя нежданно-негаданно выброшеннымъ изъ спокойной колеи, укатанной имъ въ теченіе цѣлой жизни.

Онъ хотѣлъ бы сосредоточиться, собраться съ мыслями, обдумать свое новое положеніе и помаленьку устроиться такъ, чтобъ и ему, и другимъ было хорошо, — но это оказалось невозможнымъ: знакомые, сослуживцы, дворники, сосѣди, бѣдняки-попрошайки, а что всего хуже — женщины... Цѣлыя полчища, казалось ему, знакомыхъ и незнакомыхъ дамъ, дѣвицъ и въ особенности маменекъ, ополчились походомъ на безобиднаго столоначальника, рѣшились со свѣта сжить злополучнаго „богача“. Каждая словно зарокъ положила: или женить его на себѣ или своей дочкѣ, или въ гробъ вколотить...

Утратилъ спокойствіе, свободу дѣйствій, душевную ясность несчастный Порфирій Перепелкинъ. Свѣту не взвидѣлъ отъ вмѣшательства въ его существованіе непрошеныхъ друзей и совѣтчиковъ, отъ вниманія людей, которые мѣсяцъ тому назадъ на него и смотрѣть-то не хотѣли.

Отъ однихъ приглашеній и посѣщеній нашъ бѣдняга-богачъ замотался совсѣмъ и голову потерялъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Недоразумѣніе.
Картина Н. Лосева (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

XVII передвижная выставка. Разсчетъ по наслѣдству.

Картина Н. В. Неврева (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

— Господи Твоя воля! И на что̀ только нуженъ я имъ? отчаянно обращался онъ порою къ Мареѣ. — Зачѣмъ понадобился?.. Вѣдь очень ясно мнѣ, что не я, а мои деньги ихъ ко мнѣ тянутъ. Такъ не могу же я всѣхъ одѣлить!.. И радъ бы на покой откупиться, да вѣдь ужь очень много ихъ сразу меня полюбило: всѣхъ не ублаготворишь, хотя бъ я самого себя обобралъ.

— Ну, что жь дѣлать, батюшка-баринъ? успокоивала его Мареа. — Оно, конечно, что болѣе народъ на васъ воззрился нонѣ, потому что Господь васъ милостью взыскалъ; но, какъ узнали васъ ближе—и самихъ васъ полюбили и честь воздаютъ само собой!

Мареѣ очевидно льстило всеобщее вниманіе къ ея барину...

Но смѣтливый столоначальникъ не вѣрилъ, чтобы „само собой"... Онъ не прочь былъ зажить пошире; не прочь былъ и самъ повеселиться и другихъ угостить—и угощалъ уже не разъ широко, не торгуясь; а многимъ даже и гораздо существеннѣе помогалъ въ нуждѣ щедрой рукою. Но, отъ природы нрава тихаго, онъ и съ молоду не бывалъ склоненъ къ безпорядочной жизни, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ тѣмъ болѣе не могъ измѣнить своего нрава... А друзья-пріятели, какъ грибы по осени кругомъ его наросташіе, каждый день наровили покутить на его счетъ.

— Охъ-охъ-охъ, сердечный мой, одолѣютъ тебя совсѣмъ эти прощалыги, да повѣсы! сокрушались надъ нимъ почтенныя маменьки, хозяйка дома, десяти-пудовая купчиха, матушка-попадья и другія сердобольныя кумушки. — А все оттого что на холостомъ положеніи.. Оженись поскорѣй—вотъ и не будетъ къ тебѣ такого доступу обираламъ этимъ, картежникамъ и лизоблюдамъ.

А за матушками заботливыми не плошали и дочки: проходу не было ему нынче отъ взглядовъ, улыбокъ и заигрываній. Барышни Мордасовы то и дѣло ему поперекъ дороги становились; то и дѣло у нихъ, не то рожденія, не то именины справлялись—и ни одинъ обѣдъ, ни одна вечеринка безъ него не могли обойтись. Проходилъ-ли онъ по двору, изъ окошекъ на него уставлялись ласковые взоры, ему умильно кивали сосѣдки, сверкая улыбками. Изъ оконъ комнатки внизу, занимаемой „учительшей-вдовой", что, по мнѣнію Мареы, все книжки читала, а по наблюденіямъ Перепелкина иногда дѣвчонку нещадно колотила, непремѣнно лились звуки разстроенныхъ цимбалъ и трели самыхъ отчаянныхъ романсовъ; а не то показывалась сама Раиса Корниловна и непремѣнно съ папироской въ обнаженной по локоть рукѣ, и обдавала его взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, которые она считала огненными, и тоже кивала ему съ кривой улыбкой, которую почему-то мнила „меланхолической и неотразимой"... Въ свой приходъ Перепелкинъ даже ходить пересталъ, до того надоѣли ему поповны и дьяконицы со своими подругами.

Курсистка, впрочемъ, отца-дьякона бойкая дочка, съ нимъ „не миндальничала". Она ему прямо заявила, встрѣтясь съ нимъ, не въ церкви,—она тамъ никогда не бывала,—а просто на улицѣ, чтобъ онъ не воображалъ, что и она потому вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, что тоже „за его деньги замужъ выйти хочетъ", а что ей надо его надоумить...

— Чѣмъ свѣчки-то ставить батькинымъ акаеистамъ, не разумнѣе-ль было-бы оглянуться на неимущую братью, учащейся молодежи помочь?

— Отчего-жъ! съ готовностью откликнулся Перепелкинъ. — Я готовъ, что̀ могу, на хорошее дѣло, Софья Элпидифоровна! Научите какъ и что̀?

— Вотъ-те на! Младенецъ вы, что-ли?.. Зубы никакъ раньше моихъ у васъ прорѣзались, а спрашиваете моихъ указаній?.. Мало-ль какъ!.. Читальню устройте. Дешевыя квартиры для студентовъ. На столовыя наши пожертвуйте добрый кушъ... Сами-то нынче, навѣрно, страсбургскими пирогами съ ананасами питаетесь, да токайскимъ запиваете? осклабилась она, выказывая здоровые, но нечищенные, желтые зубы.—Такъ чего-жъ?.. Снабдите голодающихъ щами да кашей по всякій день, коли вы человѣкъ съ мозгами, а не животное!

— Хорошо-съ! Хорошо! Переговорю со знающими дѣло! поёживаясь отвѣтилъ Перепелкинъ.

А самъ скорѣй за шляпу, да въ сторону, сокрушенно помышляя: „вѣдь вотъ дури-то на себя напустила! Ничего-бъ себѣ дѣвушка, а до чего самое-себя искалѣчила! Мужикъ-мужикомъ!"

Но кромѣ передѣлокъ съ дамами, были у Порфирія Семеновича и другія печали.

Крѣпко стали на него нѣкоторые сослуживцы коситься за внезапную къ нему нѣжность начальства. Не только начальникъ отдѣленія, но и другіе, повыше его сановники, словно вдругъ прозрѣли необыкновенныя дарованія и заслуги столоначальника Перепелкина. Самъ его превосходительство, едва показался онъ въ департаментѣ послѣ поѣздки въ Москву, неоднократно призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ, разспрашивалъ, поздравлялъ со счастливой перемѣной и, одобривъ вполнѣ его намѣреніе: несмотря на свалившееся богатство, службы не оставлять,—спросилъ сколько лѣтъ онъ на службѣ и давно-ль столоначальникомъ?..

— Т-съ!.. давненько! покачалъ онъ головой, будто удивившись его отвѣту.—Можете разсчитывать на повышеніе въ должности при первой вакансіи.

И не позже лѣтнихъ мѣсяцевъ стали поговаривать, что Порфирій Перепелкинъ точно получитъ это повышеніе, на зависть всѣмъ, не менѣе долготерпѣливымъ чѣмъ онъ, сверстникамъ. Это-бы все ничего, но вотъ что̀ было не совсѣмъ хорошо: въ департаментѣ громко говорили, что его, на голову другимъ, въ чужое отдѣленіе сажаютъ; что былъ-бы онъ „порядочнымъ человѣкомъ", такъ не то что у неимущихъ товарищей не перебивалъ-бы хлѣба, въ которомъ самъ не нуждается, но и совсѣмъ-бы ненужную ему службу оставилъ, чтобъ другимъ вакансію предоставить... Эти толки очень огорчали мягкосердаго Порфирія Семеновича. Тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ: вѣдь пожалуй они и правы; и впрямь служба нынче для него излишество и могъ-бы онъ, безъ всякаго ущерба, отказаться отъ сопряженныхъ съ нею выгодъ и отличій. Онъ-бы такъ и сдѣлалъ, охотно-бы сдѣлалъ... еслибъ возможно было уступить свое жалованіе, не уступая занятій!.. Что̀ бы онъ дѣлалъ, еслибъ утро его не было занято службой?.. Господи-Владыко, ужь и такъ-то незанятаго, свободнаго времени дѣвать некуда, а если еще съ девяти часовъ до четырехъ сидѣть дома одному, такъ вѣдь это помрешь съ тоски!

Пожалуй теперь было у него много чтенія: навыписывалъ онъ себѣ столько газетъ и журналовъ, что Мареа недоумѣвала, куда дѣвать всю эту бумагу... „Развѣ вмѣсто дровъ на зиму припасать, печи топить? Въ ту-же пору!.." Но вѣдь нельзя-же было живому человѣку однѣми книжками пробавляться. Порфирій Семеновичъ въ продолженіе тридцати лѣтъ привыкъ утро проводить на службѣ, втянулся въ нее, и ему казалось, что безъ департамента онъ пропадетъ отъ бездѣлія, отъ скуки зачахнетъ, задохнется, что твоя рыба безъ воды, безъ живаго общенія съ людьми.

„Добро-бы семейный!" все чаще и чаще приходила на умъ ему мысль, соблазнительная въ теоріи.

Но сколько ни перебиралъ онъ въ умѣ всѣхъ извѣстныхъ ему барышень, не исключая и новыхъ знакомыхъ, — дочерей начальниковъ отдѣленій въ своемъ и въ чужихъ департаментахъ, включительно до дочки вице-директора, — нѣтъ, ни одна не подходила подъ его идеалъ. Новыя знакомства съ удивительной легкостью составлялись имъ теперь, безъ всякаго усилія или искательства съ его стороны, и въ такихъ кругахъ, которые прежде были для него совсѣмъ недосягаемы... Но тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ ему приходилось узнавать въ нихъ, Порфирій Перепелкинъ кажется еще болѣе боялся, чѣмъ румяной и дородной Аннушки Мордасовой или ученой Софіи Элпидифоровны Силоамской. Но кто всѣхъ страшнѣе почему-то казался надворному совѣтнику — это вдова Деларозъ, „племянница" крупнаго, очень крупнаго превосходительства, съ которой недавно пришлось ему познакомиться...

Долго собирался разбогатѣвшій надворный совѣтникъ перемѣнить квартиру и никакъ собраться съ духомъ не могъ. Не то чтобъ ему самому сдѣлалось неудобно его многолѣтнее помѣщеніе; но онъ сознавалъ что ему гостей теперь надо больше звать, что „богатство обязываетъ", какъ и дворянство, и даже болѣе его, и отнюдь не желая пренебрегать общественными условіями, а тѣмъ менѣе *скряжничать*,—въ чемъ не разъ ужь его укоряли ненасытные пріятели, — соглашался вполнѣ съ тѣми кто говорилъ что теперь ему стыдно жить въ надворномъ деревянномъ флигелькѣ купца Мордасова. Съ другой стороны, такъ трудно было подняться съ насиженнаго мѣста, такъ дико представить себя окруженнымъ другими мѣстами, строеніями, людьми, что Перепелкинъ откладывалъ и откладывалъ со-дня-на-день и очень обрадовался, когда, послѣ нѣсколькихъ путешествій его и Мареы Родіоновны въ напрасныхъ поискахъ за квартирами, хозяинъ его предложилъ ему дождаться пока очистится тутъ-же, въ его каменномъ домѣ, окнами на улицу, „бель-этажъ" въ восемь комнатъ. Сначала его испугала величина его будущаго помѣщенія; но тутъ вмѣшалась Мареа, шепнувъ ему предположеніе, что кто знаетъ что̀ можетъ случиться... А вдругъ найдетъ онъ себѣ суженую, по душѣ супругу?.. Тогда, по крайности, не надо будетъ опять безпокоиться,—новое помѣщеніе искать,—переноситься. А что тысячу, что двѣ тысячи платить, не все-ли одно, при его богатствѣ?..

— Слава Христу, незачѣмъ *намъ* теперича экономить, сквалыжничать: про *нашъ* вѣкъ хватитъ! разсуждала она.—Можно и не такія палаты нанять, коли будетъ охота.

Вообще Мареа гораздо скорѣе и легче, чѣмъ ея скромный баринъ, свыклась съ мыслью о богатствѣ и со своимъ новымъ достоинствомъ экономки, съ нѣсколькими людьми подъ командой. Она даже подбивала барина и еще свой штатъ увеличить: кучера нанять, „экипажъ съ парой лошадокъ купить", но на такія затѣи баринъ только головой мотнулъ, разсмѣявшись. Богъ съ тобой де! На что̀ намъ покупать?.. Мало, что-ли, каретъ и колясокъ на каждомъ углу стоитъ?.. Да они ему и не нужны совсѣмъ: будетъ и Ваньки простаго, ежели охота прокатиться придетъ.

Онъ и то часто катался; все лѣто прокатывался по островамъ и дачамъ, куда его то и дѣло приглашали новые и старые друзья-пріятели. Чаще всего приходилось бывать, не по склонности, а такъ сказать по обязанности службы, ибо *сами*, ге-

нералъ-отъ-генераловъ, значитъ, и приглашали его, и даже раза два въ своей коляскѣ его возили туда — „на винтъ" у вдовы Флоры Осиповны Деларозъ, на Крестовскомъ. Генеральская семья въ Царскомъ лѣто проводила; но генералъ былъ *труженикъ*, не могъ, даже и лѣтомъ, надолго оставлять мѣсто своего служенія...

— Вы знаете, говорилъ онъ самъ о себѣ: — я — труженикъ! Я—жертва служебнаго долга!.. Вѣдь если *мы* не будемъ работать—*кто-жъ* будетъ?!.. Entre nous, вѣдь *это все* на мнѣ одномъ держится... Куда мнѣ разъѣзжать по дачамъ, да по ва-границамъ, какъ успѣваютъ другіе!

Когда генералъ въ первый разъ везъ, въ своей беззвучной коляскѣ на каучукѣ и мягкихъ рессорахъ, парой сѣрыхъ въ яблокахъ, Порфирія Семеновича на Крестовскій, онъ сообщалъ ему конфиденціально, понизивъ голосъ:

— Я вамъ скажу, милѣйшій, что еслибъ не моя племянница... Вы вѣдь знаете, что M-me De-la-Rose дочь двоюродной сестры моей, съ которой я былъ, въ дѣтствѣ, очень друженъ... Да, да! Очень, очень была хорошая женщина покойница, и вотъ ея красавица-дочка вся въ нее!.. Да, такъ вотъ я говорю, что если-бы не Флора Іосифовна, я бы со скуки съума сошелъ лѣтомъ, въ Петербургѣ... Вы понимаете въ мои годы, въ моемъ офиціяльномъ положеніи, неловко-же показываться часто въ этихъ Аркадіяхъ, Ливадіяхъ... Не правда-ли?.. Свѣтъ вѣдь золъ!

— О! Еще до чего золъ-то, ваше превосходительство! согласился Перепелкинъ.

— Вотъ именно. Вы, какъ умный человѣкъ, понимаете это... А тутъ тихо, безобидно, каждый вечеръ послѣ трудовъ я могу отдыхать... Дышать свѣжимъ воздухомъ среди цвѣтовъ, въ обществѣ милой, хорошенькой женщины... Пріятно. У нея бываютъ тоже иногда... Устраивается иногда винтикъ, по маленькой... Такъ для препровожденія времени. Вотъ и сегодня я обѣщалъ ей устроить, привезть партнера... Хе-хе!.. Ужасно она любитъ винтъ. Увлекается!.. Сердится!.. Пріятно смотрѣть... Я люблю, знаете, когда этакая хорошенькая женщина волнуется. Съ жаромъ, этакъ! Съ пыломъ!.. Вся раскраснѣется... Глазенки бѣгаютъ!.. Вы вѣдь тоже, чай, любите хорошенькихъ? плутовски подмигнулъ генералъ.

Надворный совѣтникъ улыбался нѣсколько растерянно, поправляя воротнички рубашки, показавшіеся ему вдругъ тѣсными.

— Ну да! ну да, любезнѣйшій! Не конфузьтесь! снисходительно продолжалъ генералъ, похлопавъ его по колѣнкѣ.—Эге! Да какой вы наивный: краснѣете, какъ барышня!.. Это хорошо!.. Хорошо. Это я люблю... Вы, конечно, играете въ винтъ?

— Играю... только плохо-съ! Не взыщите, ваше превосходительство. Какъ съумѣю ужъ!

— О! Помилуйте!.. Вѣдь мы шутя! Шутя, по маленькой.

Генералъ откинулся на мягкія подушки, закуривъ дорогую сигару, и любезно подалъ сигарочницу Перепелкину.

— Чувствительно благодаренъ, ваше превосходительство. Не курю-съ! Никогда не курилъ.

— О-о?.. протянулъ генералъ. — *Даже* не курите?

И онъ глубоко задумался, не объяснивъ къ чему собственно относится это *даже*... Вѣроятно мысли его были пріятны, ибо струйки голубаго дыма, возносившіяся къ голубымъ небесамъ, вылетали изо рта, толстыя губы котораго все шире расплывались въ улыбку, обнаруживая прекрасные зубы его каучуковыхъ челюстей.

Перепелкина задержали на дачѣ до втораго часа. Цвѣтущая Флора не выпускала никогда своихъ гостей безъ ужина и прощаясь горячо просила скорѣе доставить ей вновь удовольствіе „поиграть въ милый, прелестнѣйшій, божественный винтъ!.."

Генералъ и обратно отвезъ Порфирія Семеновича въ своей коляскѣ. Онъ былъ чрезвычайно въ духѣ и даже впалъ въ нѣкоторую поэзію, любуясь яркими звѣздами.

— Ну, что? какъ вамъ понравилась моя племянница, почтеннѣйшій? спросилъ онъ, вдругъ повернувшись къ своему спутнику и глядя ему прямо въ глаза.

— Прек... Прекраснѣйшая особа!.. Смѣю спросить, ваше превосходительство: онѣ развѣ не русскія?

— Какъ не русская, мой милѣйшій?.. Чистой новгородской крови... Я же говорю: родственница моя! А у меня, благодареніе Богу, ни ляховъ, ни нѣмцевъ нѣтъ въ родствѣ.

— Я полагалъ по фамиліи-съ, по имени французскому.

— А-а!.. Вотъ васъ что смутило! громко разсмѣялся генералъ. — Нѣтъ, милѣйшій, не смущайтесь! Ее, по настоящему, зовутъ Фіона Осиповна Снѣжкова, но какъ имя ей не нравилось, да и никому не можетъ нравиться такое глупое имя, то ее и назвали Флорой... Давно... гмъ!.. И мать, покойная сестра... гмъ! гмъ!.. такъ... Флорочкой ее называла.

— Снѣжкова-съ?.. Но почему же?.. Ахъ, да-съ! Понимаю. Онѣ, значитъ, урождены такъ, а въ замужествѣ состояли...

— Ну, да! ну, да! живо перебилъ генералъ.—Кх-мъ! Кх-мъ!.. Само собой!.. Только мужъ ея, слава Богу, умеръ... Кх-мъ! Она очень, очень несчастна была съ нимъ, бѣдняжка. Не долго и маялась со своимъ французомъ, но очень была несчастлива. Да!.. Хотѣлось бы мнѣ, весьма бы хотѣлось пристроить ее за хорошаго человѣка!.. А?.. Что вы говорите, Порфирій Семеновичъ?

— Я ничего не сказалъ, ваше превосходительство.

— Ничего?.. Мнѣ почудилось. А способная какая! Какъ играетъ-то, а?.. Что вы скажете?.. Вѣдь по такой небольшой игрѣ, а какъ она насъ съ вами почистила, а?.. Вы не сердитесь, что такъ много проиграли, почтеннѣйшій?

— Помилуйте, ваше превосходительство!.. Да мнѣ было бы совѣстно такую милую даму обыграть.

— А-а!.. Это хорошо! Ха-ха-ха!.. Скажу! скажу ей непремѣнно!.. Передамъ. Это любезно!.. Да вы опасный человѣкъ, любезный Порфирій Семеновичъ. Ну, до свиданія, до свиданія.

Сѣрыя въ яблокахъ стояли уже у дома купца Мордасова.

— Завтра ѣду на два дня домой, то есть къ своимъ въ Царское, — праздники! прибавилъ его превосходительство, пожимая руку надворному совѣтнику.—А возвратившись побываемъ опять у Флоры Іосифовны вечеркомъ, непремѣнно!..

И побывали еще раза два-три. И еще сотни двѣ-три перешли изъ укладистаго бумажника Порфирія Семеновича въ миніатюрное плюшевое портмоне госпожи Деларозъ.

Она точно была прехорошенькая и очень нравилась Перепелкину, но вмѣстѣ съ тѣмъ—странное дѣло!—чѣмъ болѣе она старалась его обворожить, чѣмъ болѣе генералъ-отъ-генераловъ ее расхваливалъ, тѣмъ болѣе онъ боялся сближенія съ нею. Не смотря на рѣдкую, почти невозможную неопытность его въ житейскихъ дѣлахъ, все въ обстановкѣ владѣтельницы прелестной дачи на Крестовскомъ казалось ему подозрительно и фальшиво.

(Продолженіе будетъ).

О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ.

Профессора **К. Э. Линдемана.**

(Продолженіе).

Приспособленіемъ къ преобладающей окраскѣ предметовъ обычной обстановки должно быть объясняемо преобладаніе одинаковой окраски у различныхъ животныхъ, населяющихъ одни и тѣ же опредѣленныя мѣстности. Такъ, при осмотрѣ большихъ собраній птицъ въ музеяхъ, тотчасъ-же бросается въ глаза одно глубокое различіе въ пернатомъ населеніи напр. средней России и тропическихъ лѣсовъ. Окраска птицъ нашихъ лѣсовъ темная, мрачная; преобладаютъ въ ней цвѣта сѣрый и рыжеватый; яркія краски хотя и встрѣчаются кое-гдѣ, но лишь въ формѣ незначительныхъ пятнышекъ на темномъ основномъ тонѣ. Птицы-же лѣсовъ тропическихъ наоборотъ представляютъ очень яркую и пеструю окраску. Стоитъ вспомнить попугаевъ, перцеѣдовъ, колибри, танагръ, райскихъ птицъ и многихъ другихъ. Въ виду такого глубокаго различія можно было-бы заключить, что условія нашего климата не благопріятствуютъ образованію яркихъ и пестрыхъ красокъ, требующихъ, можетъ быть, больше теплоты и большей яркости солнца. Но это не такъ. Цвѣты нашихъ луговъ и садовъ, и крылья многихъ изъ нашихъ бабочекъ несомнѣнно доказываютъ, что и наше солнце можетъ разцвѣтить и распестрить обитателей нашихъ мѣстностей. Поэтому ясно, что причина темной окраски нашихъ лѣсныхъ птицъ должна быть другая. Чтобы уразумѣть эту причину, взглянемъ на характеръ обстановки, среди которой протекаетъ жизнь лѣсныхъ птицъ у насъ и въ тропическихъ странахъ.

Деревья нашего лѣса и почти всѣ наши кустарники цвѣтутъ невзрачными, мелкими цвѣтами, не окрашенными въ яркіе цвѣта. Своимъ присутствіемъ цвѣты ихъ вовсе не нарушаютъ однообразія зелени лѣснаго купола и темной сѣтки сѣроватыхъ и бурыхъ вѣтвей. Совсѣмъ другое представляетъ намъ тропическій лѣсъ, напр. долины рѣки Амазонки. Круглый годъ, сверху до низу завѣшаны его деревья крупными и яркими цвѣтами. То распускаются собственные цвѣты деревьевъ; то покрываются послѣдніе цвѣтами ліанъ, ихъ спутывающихъ; то украшаются они роскошными цвѣтами орхидей. На пышно убранныхъ и чудесно испещренныхъ деревьяхъ такого лѣса толкутся птицы, которыя яркостью и пестротою своего оперенія лишь дополняютъ общій характеръ картины, не внося въ нее никакихъ диссонансовъ. Уподобляясь цвѣтамъ, ихъ со всѣхъ сторонъ постоянно окружающимъ, члены этого пернатаго общества легко укрываются за ними и вводятъ въ обманъ различныхъ хищниковъ, ихъ преслѣдующихъ. Можно думать, что многимъ птицамъ тропическаго лѣса спасла жизнь эта пестрота и яркость ихъ оперенія.

Въ однообразно окрашенномъ лѣсу средней России ярко-окрашенную птицу постигла-бы совсѣмъ другая участь. Она тотчасъ-же обратила-бы на себя вниманіе хищниковъ и несомнѣнно скоро сдѣлалась-бы ихъ добычею. Поэтому-то птицы нашего лѣса, за немногими исключеніями, имѣютъ такое опереніе, благодаря которому онѣ сходны съ окраскою стволовъ и вѣтвей деревьевъ, между которыми онѣ укрываются.

Совершенно подобно этому, напр., въ полярныхъ странахъ преобладаетъ *бѣлая* окраска. Я напомню: бѣлаго медвѣдя, бѣлаго песца, бѣлаго полярнаго зайца, леммինговъ, бѣлую куропатку, бѣлую сову и друг. Тамъ окраска всѣхъ этихъ жи-

вотныхъ соотвѣтствуетъ цвѣту снѣга, мѣстами не сходящаго въ теченіе всего года.

Бѣлая окраска преобладаетъ также у животныхъ васеляющихъ берега морей или живущихъ надъ его поверхностью. Чайки, альбатросы, фрегаты, пеликаны и другія птицы, всѣ представляются бѣлыми, и смыслъ этого явленія тотчасъ-же пойметъ тотъ кто хоть разъ только видѣлъ вѣчно безпокойное синее море, на поверхности котораго всегда разбросаны снѣжно-бѣлые гребни волнъ и бѣлыя пятна разбитой пѣны. Между этими бѣлыми полосами и пятнами совершенно исчезаютъ бѣлыя птицы, парящія надъ поверхностью моря, или сѣвшія группами на эту поверхность для отдыха или охоты. Насколько выгодно обитателямъ поверхности синяго моря надѣть на себя платье бѣлое, доказывается тѣмъ, что существо самое хитрое въ нападеніяхъ или въ прятаніи, человѣкъ, тоже окрашиваетъ свои

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. Дрессировщикъ. Группа изъ мрамора **Г. Браге,** грав. Флюгель.

лодки въ бѣлый цвѣтъ и одѣваетъ матросовъ въ бѣлыя блузы. Кому случалось съ нѣкотораго разстоянія видѣть разсыпавшуюся по морю флотилію такихъ лодокъ военнаго флота, тотъ сразу убѣждался въ томъ, что нельзя было найти лучшаго способа укрыть и спрятать такіе большіе предметы на совершенно открытой поверхности моря.

Обитатели южно-русскихъ степей, въ теченіе большей части лѣта покрытыхъ выгорѣвшею, желтовато-сѣрою травою, имѣютъ окраску соотвѣтствующую этому цвѣту мѣстности. Я напомню: сусликовъ, тушканчиковъ, степныхъ жаворонковъ. Животныя Сахàры окрашены въ сѣрый или рыжеватый цвѣтъ.

Тогда какъ животныя, обитающія на поверхности моря, принимаютъ окраску пѣны его волнъ,—животныя живущія подъ поверхностью его, приспособляются инымъ образомъ для того, чтобы сдѣлаться по возможности мало замѣтными и такимъ образомъ либо укрыться отъ своихъ враговъ, либо подстеречь жертву. Есть много морскихъ животныхъ, которыя всю свою жизнь проводятъ въ открытомъ морѣ, вѣчно плавая въ немъ, никогда не опускаясь для отдыха на слишкомъ далекое дно моря, никогда не приближаясь къ берегамъ его. Со всѣхъ сторонъ всегда окруженныя только водою, многія изъ числа этихъ, такъ-называемыхъ *пелагическихъ* животныхъ получили сходство съ нею, стали прозрачны какъ стекло и благодаря этой прозрачности получили возможность даже въ наиболѣе открытомъ мѣстѣ, окруженные исключительно водою, укрываться, становиться невидимыми для своихъ преслѣдователей. Такая совершенная прозрачность и безцвѣтность тѣла есть общій признакъ пелагическихъ животныхъ и замѣчается у формъ принадлежащихъ къ самымъ различнымъ классамъ. Таковыми представляются напр. медузы или акалефы, которыя бываютъ иногда столь прозрачны, что, глядя въ упоръ на такое животное, долго не замѣчаешь его, несмотря на его значительную величину.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. Матросъ. Акварель **Д. А. Бенкендорфа** (собств. Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣя Александровича), грав. Флюгель.

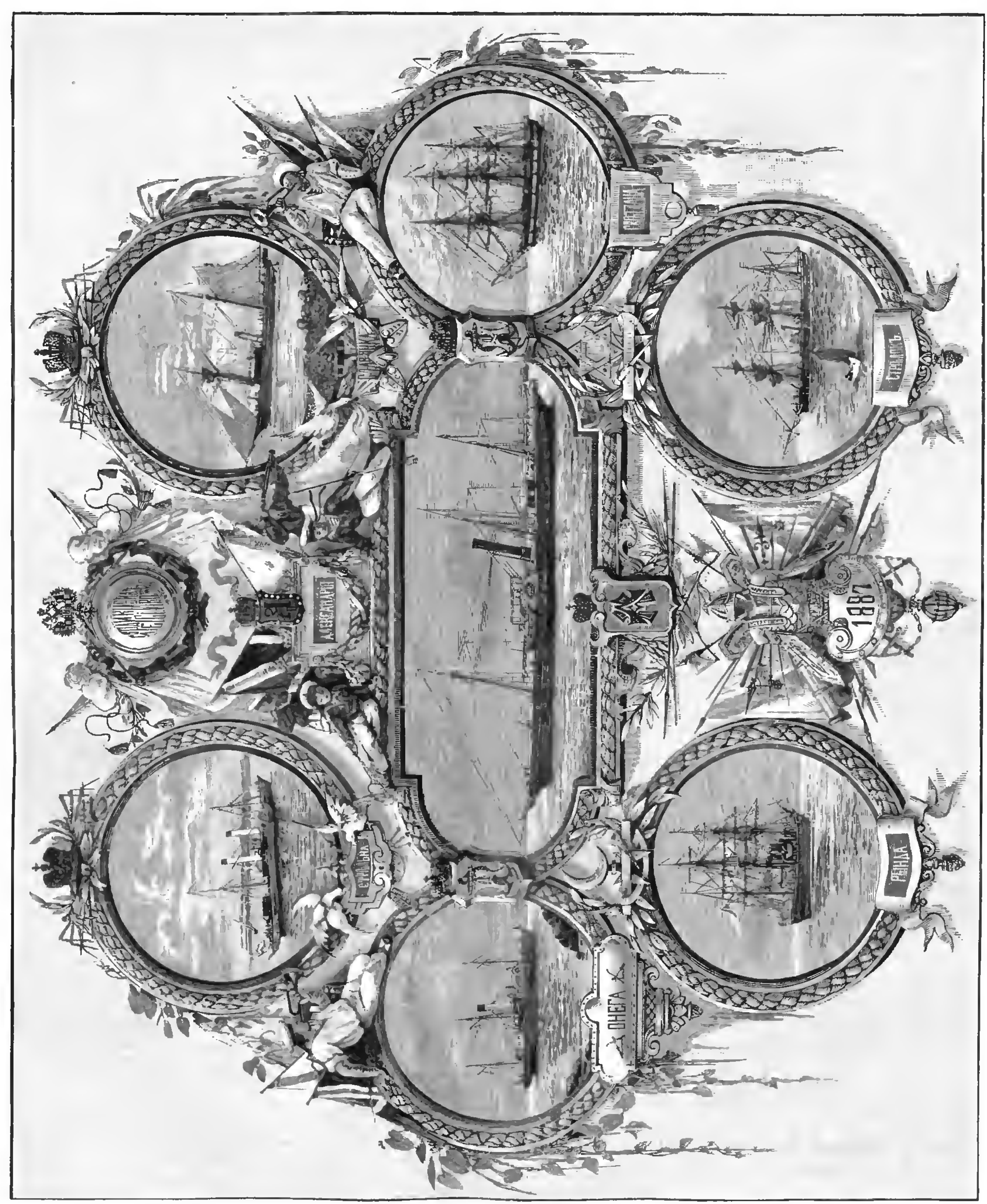
Много есть прозрачныхъ животныхъ между моллюсками (мягкотѣлыми), между оболочниками (сальпы), между ракообразными (Leptodora).

Другія морскія животныя, живущія не въ открытомъ морѣ, а на днѣ его, не имѣютъ такой прозрачности тѣла, а представляютъ окраску, сходную съ окраской окружающаго ихъ морскаго дна. Такъ между морскими рыбами есть группа *скатовъ*, имѣющихъ плоское, пластинчатое тѣло. Эти рыбы обыкновенно лежатъ на днѣ моря, между камнями, поджидая тамъ свою добычу. Верхняя поверхность ихъ тѣла окрашена въ рыжеватый или бурый цвѣтъ (рѣзко отличающійся отъ обычной, серебристой окраски тѣла рыбъ вообще), дѣлающій этихъ скатовъ столь сходными съ камнями, что въ морскомъ акваріѣ напр. до тѣхъ поръ не обращаешь особаго вниманія на лежащіе на днѣ его камни, пока одинъ изъ нихъ не начнетъ двигаться, такимъ образомъ заявляя о своей несолидарности съ лежащими вокругъ него настоящими камнями. Такому, просто

удивительному, сходству тѣла скатовъ съ камнями морскаго дна содѣйствуетъ еще то, что поверхность спины ихъ покрыта многочисленными бородавочками и морщинками, уподобляющимися тѣмъ шероховатостямъ, какія вырѣзало море на поверхности подводныхъ скалъ и камней.

Приспособленіе животныхъ къ предметамъ обычной ихъ обстановки выражается не только въ пріобрѣтеніи ими *симпатической* или *покровительственной* окраски. Рядомъ съ такою окраскою многія животныя обладаютъ еще такою *формою* всего тѣла или нѣкоторыхъ частей его, которая уподобляетъ ихъ предметамъ составляющимъ обычную обстановку ихъ, и благодаря этому получаютъ возможность укрываться еще болѣе совершенно между послѣдними. Такихъ примѣровъ болѣе совершеннаго приспособленія мы находимъ особенно много въ классѣ насѣкомыхъ, вообще чрезвычайно богатомъ формами и разнообразіемъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Одною изъ наиболѣе выдающихся формъ такого приспособленія у насѣкомыхъ является *уменьшеніе всего тѣла* до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, благодаря которымъ оно становится вовсе незамѣтнымъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Этому содѣйствуетъ еще то, что тѣло такихъ уменьшенныхъ насѣкомыхъ принимаетъ видъ округленнаго зернышка, окрашеннаго въ черный или темнобурый цвѣтъ, благодаря чему такое насѣкомое, залегая неподвижно на поверхности земли, становится рѣшительно невидимымъ между окружающими его крупинками почвы. Большинство нашихъ жуковъ представляется такимъ образомъ значительно уменьшенными, но въ особенности замѣчательно въ этомъ отношеніи семейство тахъ-пазыв.

Суда Гвардейскаго экипажа. Изъ альбома подносимаго Государю Наслѣднику Цесаревичу ко дню 6 мая отъ моряковъ Кронштадта. Акварель мичмана Дядина (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. М. Рашевскій.

волосокрылыхъ (Trichopterygidae). Самые крупные члены этого семейства имѣютъ величину не болѣе одного миллиметра, многіе-же бываютъ лишь около четверти миллиметра длиною (Ptilium). Эти пигмеи между жуками живутъ на различныхъ гніющихъ растеніяхъ и питаются плѣсенью. Ничтожная величина, темная окраска и круглая форма ихъ тѣла служитъ имъ прекрасною защитою отъ враговъ, изъ числа коихъ поневолѣ устраняются всѣ болѣе крупные, всѣ птицы, всѣ большія хищныя насѣкомыя, не говоря уже о млекопитающихъ. Уменьшая до такихъ микроскопическихъ размѣровъ тѣло жука, животнаго высоко организованнаго, природа производитъ дѣйствіе просто изумительное. Умъ нашъ не поражается, когда мы видимъ клѣточку имѣющую размѣры микроскопическіе, потому что простота строенія клѣточки не представляетъ затрудненій для уменьшенія величины ея. Но когда мы видимъ жука, тѣло котораго представляется меньше многихъ простыхъ клѣточекъ, тогда мы удивляемся могуществу природы, ибо такой микроскопическій жучекъ, ни внѣшнимъ разчлененіемъ тѣла, ни внутреннимъ строеніемъ его, не отличается отъ жуковъ самыхъ крупнѣйшихъ. Такой пигмей между жуками также имѣетъ четыре крыла и шесть разчлененныхъ ногъ; голову съ парою членистыхъ усиковъ, глазами и обычными ротовыми частями. Тѣло его одарено всѣми системами органовъ, вообще принадлежащими насѣкомымъ; всѣ органы этихъ системъ состоятъ изъ разнообразныхъ тканей, построенныхъ изъ многочисленныхъ клѣточекъ. Все это разнообразіе частей соединено въ тѣлѣ, величина котораго стоитъ на границѣ видимости для нашего глаза. Такое уменьшеніе тѣла весьма многихъ насѣкомыхъ не должно разсматривать какъ слѣдствіе неразвитія или меньшаго совершенства ихъ. Мы должны считать его слѣдствіемъ приспособленія, выраженіемъ спеціальной дѣятельности природы.

Рядомъ съ такимъ огульнымъ уменьшеніемъ всего тѣла животнаго, замѣчаются въ классѣ насѣкомыхъ и другія болѣе тонкія и изысканныя приспособленія формы тѣла. Такъ на островѣ Явѣ живетъ жукъ, *Mormolyce phyllodes*, принадлежащій къ жужелицамъ. Чрезвычайно рѣзко отличается онъ формою тѣла отъ остальныхъ членовъ этого семейства. Голова и грудной щитокъ вытянуты; надкрылія расширены и представляются въ видѣ продолговатыхъ округленныхъ пластинокъ. Благодаря этому весь жукъ получаетъ округленность листа, вытянутаго въ черешокъ. Рыжій цвѣтъ и морщинистая, неправильными бугорками покрытая поверхность надкрылій еще болѣе соотвѣтствуютъ сходству жука съ морщинистою, измятою пластинкою гнилаго листа. Смыслъ такого оригинальнаго видоизмѣненія этого „листожука“ становится совершенно яснымъ для насъ, когда мы узнаемъ, что это хищное насѣкомое живетъ въ лѣсахъ, на землѣ, между лежащими здѣсь, полусгнившими листьями, неподвижно притаившись между которыми, жукъ становится трудно замѣтнымъ какъ для своей жертвы, такъ и для своихъ враговъ, несмотря на довольно большую величину (около 2 вершковъ).

Въ лѣсахъ Суринама водится безкрылое насѣкомое *Bacteria calamus* или *фасма*, прежде всего замѣчательное по его величинѣ, такъ какъ туловище его достигаетъ болѣе четверти аршина въ длину. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Оно удивительно похоже на обломанную вѣтку дерева. Туловище его цилиндрическое; составляющіе его сегменты уподобляются междоузліямъ стебля; поверхность его окрашена въ буроватый цвѣтъ, покрыта неровностями и шипами, а мѣстами несетъ на себѣ пучки сѣроватыхъ волосковъ, подобныхъ плѣсневымъ пятнамъ на гніющихъ вѣткахъ. У нѣкоторыхъ фасмъ эти пятна имѣютъ зеленоватую окраску и образуютъ тогда пятна подобныя лишайникамъ. Это насѣкомое ведетъ ночной образъ жизни. Значительная величина его тѣла, и совершенная его беззащитность, дѣлаютъ это насѣкомое предметомъ охоты для многихъ хищниковъ: обезьянъ, птицъ и другихъ. Только благодаря формѣ тѣла ему удается спастись отъ преслѣдователей. Живетъ оно въ лѣсахъ, на землѣ, между покрывающими ее обломками гніющихъ древесныхъ вѣтвей. Когда оно заслышитъ приближеніе какой-нибудь опасности, то прижимаетъ заднія ноги къ брюшку, вытягиваетъ переднія ножки и усики впередъ и, замирая въ такомъ положеніи, дѣлается столь сходнымъ съ вокругъ лежащими обломками вѣтвей, что его трудно замѣтить врагамъ.

Извѣстный путешественникъ Уоллесъ видѣлъ на Малайскомъ архипелагѣ большую дневную бабочку (Kallima paralecta), во время подъема очень хорошо замѣтную, благодаря величинѣ и присутствію ярко-оранжеваго пятна на верхней сторонѣ крыльевъ. Но стоитъ такой бабочкѣ сѣсть на кустъ, чтобы въ то же мгновеніе совершенно исчезнуть, какъ бы сквозь землю провалиться. Это объяснилось тѣмъ, что нижняя сторона крыльевъ окрашена совершенно въ цвѣтъ засохнаго листа и снабжена разрисовкою, похожею на распредѣленіе жилокъ въ листѣ, причемъ и все очертаніе обоихъ крыльевъ уподобляется формѣ листа. Когда такая бабочка садится на вѣтви, она поднимаетъ крылья и прижимаетъ ихъ верхними сторонами другъ къ другу, какъ это дѣлаютъ многія изъ нашихъ дневныхъ бабочекъ. При этомъ скрывается совершенно яркая окраска верхней стороны крыла и открывается нижняя сторона послѣдняго. Поэтому въ то мгновеніе, когда летящая бабочка садится на вѣточку внутри куста, она тотчасъ же принимаетъ формы, окраску и разрисовку листа, какъ будто превращается въ листъ. Это превращеніе въ листъ является столь совершеннымъ, что даже глядя въ упоръ на сидящую бабочку, ее трудно отличить отъ другихъ засохшихъ листьевъ того же куста, и замѣчаешь свою недальновидность лишь въ тотъ моментъ, когда сидѣвшая такъ бабочка снимается опять летѣть.

Такихъ бабочекъ, уподобляющихся листьямъ когда онѣ садятся на отдыхъ, мы знаемъ теперь нѣсколько, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ свѣтѣ. Однѣ изъ нихъ окрашены въ зеленый цвѣтъ, и тѣмъ еще болѣе походятъ на листья. У нѣкоторыхъ (Siderone) замѣчаются на крыльяхъ выемки, либо круглыя отверстія, похожія на дыры выѣденныя червями.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

У венеціанскаго мастера. (Рис. на стр. 453).

Небольшая картинка К. П. Степанова „У венеціанскаго мастера“, третья изъ помѣщаемыхъ нами, не смотря на свои незначительные размѣры, превосходна по исполненію. Какъ самъ венеціанскій патрицій, быть-можетъ дожъ, такъ и всѣ подробности картины выписаны съ замѣчательнымъ искусствомъ. Матеріи, хрусталь, мраморъ переданы въ совершенствѣ и заставляютъ подолгу любоваться произведеніемъ молодаго художника.

Бесѣда. (Рис. на стр. 456).

Картина И. Пелевина переноситъ зрителя подъ навѣсъ деревенскаго сарая, гдѣ крестьянскія дѣти слушаютъ росказни, быть можетъ. о томъ, какъ

Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у! страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ, и козявокъ,
Корнѣй молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! отступились...

Виленскіе мученики Антоній и Іоаннъ. Картина И. П. Трутнева. (Рис. на стр. 457 и 472).

Св. Мученики Антоній и Іоаннъ происходили изъ племени литовцевъ и пострадали въ городѣ Вильнѣ, столицѣ бывшаго Литовскаго княжества, при Литовскомъ великомъ князѣ Ольгердѣ. Они были родные братья, служили при дворѣ Ольгерда и считались его любимцами. Князь этотъ, предъ вступленіемъ въ бракъ съ Витебскою княжною Маріей Ярославною, еще при жизни отца своего принялъ православіе и вмѣстѣ съ женою привезъ въ Вильну духовника ея, пресвитера Нестора. Его-то проповѣдь и обратила ко Христу братьевъ Іоанна и Антонія, которые по литовски именовались *Кумецъ* и *Нежило*. Ольгердъ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, послѣ смерти Маріи Ярославны возвратившійся въ язычество, уступилъ требованіямъ литовскихъ жрецовъ, которые хотѣли положить предѣлъ распространенію христіанства между природными литовцами, и приказалъ заключить обоихъ братьевъ въ темницу. Послѣ двухлѣтняго заключенія Іоаннъ сталъ падать духомъ и послалъ сказать князю, что подчиняется его волѣ и отрекается отъ христіанства. Ольгердъ приказалъ освободить обоихъ братьевъ, предполагая что и Антоній раздѣляетъ мысли старшаго брата. Іоаннъ сталъ исполнять языческіе обряды, но въ душѣ остался христіаниномъ и втайнѣ молился Христу, прося у Него прощенія за свое малодушіе. Но Антоній былъ чуждъ лицемѣрія и князь вскорѣ повелѣлъ возвратить его въ темницу. Все что только могли придумать озлобленные жрецы было употреблено для усиленія страданій воина Христова, но ничѣмъ не могли поколебать его твердости. Съ другой стороны, положеніе Іоанна было не менѣе тягостно. Придворные Ольгерда съ презрѣніемъ смотрѣли на него какъ на человѣка малодушнаго и непостояннаго, христіане-же чуждались его какъ богоотступника; братъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ общенія, до тѣхъ поръ пока тотъ не исповѣдуетъ явно своей вѣры предъ язычниками. Мучимый совѣстью, Іоаннъ исповѣдалъ ее предъ самимъ Ольгердомъ, навлекъ на себя страшный гнѣвъ князя и снова былъ заключенъ въ темницу. Многіе стекались къ братьямъ послушать ихъ проповѣди въ темницѣ и становились христіанами. Раздраженный Ольгердъ предалъ ихъ въ руки жрецовъ, которые подвергли ихъ неслыханнымъ мученіямъ—но тщетно. Наконецъ, обоимъ братьямъ былъ произнесенъ смертный приговоръ — и первымъ осужденъ былъ Антоній, какъ наиболѣе твердый. Въ день казни, 14 апрѣля, на разсвѣтѣ въ темницу явился пресвитеръ Несторъ и, причастивъ братьевъ, благословилъ Антонія на подвигъ мученичества. Послѣ многихъ истязаній предъ кумирами, онъ былъ повѣшенъ на дубѣ. Спустя 10 дней, послѣ многихъ му-

ченій, та-же участь постигла и Іоанна. Тѣла обоихъ братьевъ съ благоговѣніемъ были сняты благочестивыми виленскими христіанами и погребены при церкви Святителя Николая. Нынѣ же мощи ихъ, вмѣстѣ съ нетлѣнными останками третьяго литовскаго мученика, Св. Евстафія, покоится въ сооруженной во имя ихъ Литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ (1852 г.) пещерной церкви, Свято-Духовскаго монастыря, изображенной на стр. 472.

Картина И. Трутнева изображаетъ тотъ моментъ, когда языческій жрецъ въ сопровожденіи стражи вошелъ въ темницу мучениковъ; остановясь на порогѣ, онъ торжествующе и со злорадствомъ смотритъ на жертву, обреченную смерти. На первомъ планѣ картины стоитъ Св. Антоній, совсѣмъ уже готовый идти на мученическую смерть, со смиреніемъ и покорностью возведшій глаза къ небу и съ молитвой на устахъ: „да будетъ воля Твоя, Господи, надо мною!“ Одна рука его съ прощальнымъ пожатіемъ въ рукѣ брата Іоанна, который, благоговѣйно преклонивъ колѣно, съ горестными слезами приналъ къ рукѣ Антонія, напутствуя его послѣдними словами прощанія. Между братьями ворвавшійся стражъ, со злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ, намѣревается грубо оттолкнуть Антонія отъ Іоанна и разлучить ихъ навсегда. На второмъ планѣ картины стоитъ тюремщикъ съ ключами въ рукахъ, оперпись о выступъ стѣны; съ поникшей головой сострадательно смотритъ на невинныхъ мучениковъ, которыхъ во время продолжительнаго пребыванія въ темницѣ полюбилъ за ихъ христіанскую кротость и научился отъ нихъ вѣровать во Христа. Въ правомъ углу картины въ нишѣ стѣны лежитъ эпитрахиль и Евангеліе, оставленные пресвитеромъ Несторомъ. Надъ нишей старинный мѣдный крестъ, предъ которымъ св. мученики совершали ежедневныя молитвы. Въ соломѣ виденъ брошенный мечъ, напоминающій, что братья, кромѣ боярскаго достоинства, какъ любимцы Ольгерда, были храбрые воины.

Иванъ Петровичъ Трутневъ, уроженецъ Калужской губ., поступилъ въ академію въ 1851 году и былъ ученикомъ профессора Б. И. Виллевальда. Въ 1858 году за программу „Крестный ходъ въ деревнѣ“ получилъ большую золотую медаль съ правомъ поѣздки на казенный счетъ за границу, въ качествѣ пансіонера академіи, для усовершенствованія ea шесть лѣтъ. Въ 1859 году отправился заграницу и въ теченіе шестилѣтняго тамъ пребыванія осмотрѣлъ всѣ картинныя галлереи посѣтилъ мастерскія извѣстныхъ художниковъ всѣхъ государствъ Европы, изучая разныя отрасли искусства, много собралъ матеріаловъ, написалъ нѣсколько картинъ и копій разнаго содержанія, изъ коихъ одну прислалъ на академическую выставку, а именно „Празднество бельгійцевъ“, которая была пріобрѣтена г. Львовымъ. Въ 1865 году г. Трутневъ вернулся на родину и въ 1866 году былъ приглашенъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ для устройства въ городѣ Вильнѣ рисовальной школы. По устройствѣ школы Трутневу было предложено завѣдывать школою и преподавать въ ней; въ короткое время школа, при большомъ количествѣ учащихся, поставлена была въ цвѣтущее состояніе и всѣ обучавшіеся въ ней безпрепятственно принимались въ Академію. Изъ числа учениковъ Виленской рисовальной школы, двое окончили полный курсъ въ Академіи Художествъ: Майманъ въ 1887 году, и Гольдблетъ въ 1888 году, получившій большую золотую медаль съ правомъ поѣздки за границу на казенный счетъ. За отличное веденіе преподаванія въ школѣ и за прекрасные рисунки учениковъ ея, Академія въ 1881 году признала Трутнева своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ, а за служебныя занятія въ рисовальной школѣ и въ реальномъ училищѣ, гдѣ онъ преподаетъ рисованіе, онъ награжденъ былъ орденами Станислава и Анны 2 и 3 ст. и Владиміра 4 ст. и чиномъ статскаго совѣтника. Кромѣ служебныхъ занятій въ школѣ и реальномъ училищѣ Трутневъ находилъ время заниматься и живописью; такъ въ продолженіе пребыванія въ Вильнѣ имъ исполнено было много живописныхъ работъ разнаго рода, а именно: иконостасы въ Виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ, въ домовыхъ церквахъ 1-й гимназіи и духовнаго женскаго училища, въ Минскѣ 3 иконостаса въ Холмскомъ каѳедральномъ соборѣ и проч.

Кромѣ означенныхъ работъ, Трутневъ изрѣдка посылалъ картины на академическую выставку, такъ въ 1872 г. послана была картина „Корчма“, за которую онъ получилъ степень академика, въ 1887 году послана на выставку картина „Напутственное наставленіе отъѣзжающему сыну“, а въ настоящемъ 1889 году послана на выставку помѣщаемая нами картина.

Алмея. (Рис. на стр. 461).

Академикъ Викторъ Алексѣевичъ Бобровъ, кромѣ трехъ портретовъ, экспонировалъ на выставкѣ въ Акад. Худож. картину „Алмея съ тамбуриномъ“. Этимъ именемъ (что значитъ по арабски „наученная“ искусствамъ) называютъ на Востокѣ, въ особенности въ Египтѣ, странствующихъ пѣвицъ и танцовщицъ, живущихъ совмѣстно и составляющихъ какъ-бы особое сословіе. Онѣ приглашаются обыкновенно въ дома знатныхъ или богатыхъ людей въ торжественныхъ случаяхъ для увеселенія общества своими пѣснями и танцами, обыкновенно эротическаго характера.

Недоразумѣніе. (Рис. на стр. 464).

О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ,
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло...

Точно эти строчки превосходнаго стихотворенія нашего маститаго поэта, Я. П. Полонскаго, послужили темою для картины Н. Д. Лосева, только талантливая кисть его переноситъ зрителя въ отдаленныя времена античнаго міра...

Разсчетъ по наслѣдству. Картина Н. В. Неврева.

(Рис. на стр. 465).

Нашъ извѣстный историческій живописецъ Н. В. Невревъ, на нынѣшней (XVII) передвижной выставкѣ, не далъ ни одной исторической картины. За то онъ поставилъ нѣсколько жанровъ, чрезвычайно интересныхъ по содержанію и замѣчательныхъ по выполненію. Въ небольшой картинѣ *Разсчетъ по наслѣдству* художникъ нѣсколькими бойкими ударами кисти съумѣлъ передать одну изъ тѣхъ страшныхъ драмъ, которыя такъ часто разыгрываются въ нашихъ богатыхъ купеческихъ семьяхъ. Глава семьи недавно скончался; его жена, пожилая женщина, убитая горемъ, еще не успѣла осушить слезъ по усопшемъ мужѣ. А сынки уже принялись за дѣло, уже все захватили въ свои руки, все *оборудовали* по своему. Имъ было не трудно все это устроить: они знаютъ, что мать, при отцѣ, ни во что не входила, знаютъ, что она ничего не смыслитъ въ коммерческихъ дѣлахъ и въ обращеніи съ документами, и потому постарались заготовить *этихъ документовъ* по-больше, чтобы застращать несчастную старуху и младшую сестру свою, и заставить ихъ отказаться отъ своей доли наслѣдства. Вотъ они—хищные и разлакомившіеся на чужое добро—приступаютъ къ старухѣ-матери, указывая ей на незнакомые ей векселя, прикидывая на счетахъ, шумно доказывая и убѣждая въ вымышленныхъ итогахъ, сопоставляя фиктивныя цифры, побуждая ее согласиться на нищету и разоренье. Опутанная ихъ доводами и резонами, возмущенная слѣпою корыстью и низкими разсчетами, несчастная старуха колеблется, молчитъ, не знаетъ что ей предпринять. А молодая дочь ея, дитя ея сердца—чуждая всякихъ счетовъ, неиспорченная жизнью—съ презрительнымъ укоромъ смотритъ на братьевъ и невѣстку, которымъ деньги дороже ихъ чести и душевнаго покоя... Прекрасная картина и страшная по своей правдѣ!

Дрессировщикъ. (Рис. на стр. 468).

Наши выставки не богаты скульптурными произведеніями, среди которыхъ, иногда, лучшее мѣсто занимаютъ работы иностранныхъ художниковъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Энрико Брага, уже нѣсколько лѣтъ къ ряду выставляющій произведенія своего рѣзца на нашихъ весеннихъ выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ. Въ нынѣшнемъ году имъ выставлена группа изъ мрамора „Дрессировщикъ“, изображающая молодаго акробата съ собакой, весьма изящная и тонкая по отдѣлкѣ.

Матросъ. (Рис. на стр. 468).

Съ тѣхъ поръ какъ русскіе акварелисты образовали общество отдѣльныхъ выставокъ, на ежегодныхъ Академическихъ выставкахъ въ Петербургѣ встрѣчается все меньше и меньше рисунковъ водяными красками. Къ числу немногихъ работъ подобнаго рода принадлежитъ этюдъ съ натуры почетнаго вольнаго общника Д. А. Бенкендорфа, изображающій матроса гвардейскаго экипажа, гравюра съ котораго помѣщена на стр. 468. Оригиналъ принадлежитъ Е. И. В. Великому Князю Алексѣю Александровичу.

Суда Гвардейскаго экипажа.

(Рис. на стр. 469).

Это листъ изъ художественнаго альбома акварелей Балтійскаго флота, сдѣланныхъ мичманомъ Дядинымъ для поднесенія 6 мая сего года Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Наслѣднику Цесаревичу отъ моряковъ Кронштадта.

Уже давно библіотеки нашего Морскаго Вѣдомства ощущаютъ недостатокъ въ хорошемъ атласѣ, наглядно группирующемъ всѣ типы судовъ русскаго флота. Въ западно-европейскихъ государствахъ художественныя изданія этого рода давно существуютъ, пополняясь изъ года въ годъ съ каждымъ спускомъ новаго броненосца. У насъ подобный атласъ, кромѣ интереса простаго собранія морскихъ боевыхъ силъ, имѣетъ еще тотъ, что наглядно иллюстрируетъ переходное состояніе, переживаемое въ настоящее время русскимъ флотомъ. Русскій флотъ богатъ не количествомъ своихъ судовъ, а количествомъ своихъ судовыхъ типовъ. И дѣйствительно, что ни судно, то новый единичный типъ, т. е. единичный для Россіи. Возьмите суда послѣдняго времени: панцырный корабль „Императоръ Александръ II“, броненосные крейсера „Адмиралъ Нахимовъ“, „Адмиралъ Корниловъ“ и „Память Азова“ и весною спускаемый броненосецъ 1 ранга „Императоръ Николай I“. Все это корабли совершенно различныхъ конструкцій и вооруженій. У насъ не выработалось опредѣленнаго судоваго образца, по которому, разъ на немъ остановясь, можно

было бы строить цѣлую серію однородныхъ боевыхъ единицъ, сберегая денежныя затраты, сопряженныя съ постройкой судовъ все разныхъ типовъ, и дорогое время на созданіе сильнаго однороднаго флота. Россія преслѣдуетъ на морѣ двѣ цѣли: уничтоженіе непріятельскаго коммерческаго флота и защиту своихъ береговъ. Понятно, что по этимъ условіямъ и флотъ долженъ въ основаніи своемъ заключать два типа: океанскаго быстроходнаго крейсера и шхернаго фрегата, или сильной канонерки съ миноноской. Вотъ путь, по которому наше судостроеніе должно идти, не увлекаясь новыми проектами иностранныхъ державъ, поставленныхъ въ иныя условія съ нами и развивающихся поэтому иначе. Между тѣмъ, у насъ ищутъ разнообразія, что такъ вредно для флота въ финансовомъ отношеніи при передѣлкахъ и частыхъ починкахъ. Флотъ ощупью, съ завязанными глазами, идетъ теперь впередъ и поэтому переживаетъ лишь свое переходное состояніе, но станъ разъ на вѣрный путь пойдетъ уже по немъ не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Вотъ почему онъ въ судовомъ иллюстрированномъ альбомѣ болѣе чѣмъ нуждается, такъ какъ въ немъ вѣрно и наглядно характеризуется интересный переходъ нашихъ моряковъ къ окончательному типу боевыхъ судовъ, наиболѣе удовлетворяющихъ назначеніямъ и цѣлямъ преслѣдуемымъ Россіею на морѣ.

Альбомъ судовъ Императорскаго Балтійскаго флота, одинъ листъ котораго приложенъ въ нашихъ рисункахъ, начатъ мичманомъ Дидинымъ въ 1887 г. и 6 мая сего года первой серіей своей въ 15 листовъ будетъ поднесенъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, считающемуся въ спискахъ старшимъ лейтенантомъ флота. 6 мая исполнится Его Высочеству 21 годъ. Альбомъ состоитъ изъ 3 частей: 1) Гвардейскаго экипажа, въ которомъ числится Его Высочество; 2) Броненоснаго флота и 3) Неброненоснаго флота; каждая изъ этихъ частей имѣетъ по своему художественно-исполненному заглавному листу и кромѣ того весь альбомъ имѣетъ особый, чрезвычайно сложной работы, заглавный листъ съ изображеніемъ рельефныхъ медальоновъ Императоровъ Петра I и Александра III, ботика извѣстнаго подъ названіемъ „Дѣдушка Русскаго флота“ и многихъ другихъ морскихъ атрибутовъ. Всѣ акварели подносятся въ особомъ роскошномъ орѣховомъ ларцѣ, сдѣланномъ по рисунку проф. Набокова и исполненномъ въ худож. мастерской Свирскаго, для чего была собрана сумма изъ добровольныхъ взносовъ всѣхъ кронштадтскихъ моряковъ. Суда въ названномъ альбомѣ исполнены акварелью и изображены при разныхъ погодахъ и состояніи дня.

Приложенный рисунокъ изображаетъ группу 7 судовъ Гвардейскаго экипажа. Изъ нихъ „Александрія“, въ среднемъ медальонѣ, служитъ рѣчной яхтой Государя Императора. На ней въ прошломъ году произошла первая встрѣча двухъ Императоровъ. Въ правомъ среднемъ медальонѣ изображенъ фрегатъ „Свѣтлана“, командиромъ котораго одно время состоялъ и на немъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе Е. И. В. Генералъ-Адмиралъ Алексѣй Александровичъ. Лѣвый верхній медальонъ изображаетъ „Стрѣльну“, яхту Генералъ-Адмирала. Правый верхній—яхту „Славянку“, служащую для прогулокъ Великихъ Князей и Княгинь, также какъ и рѣчной пароходъ „Онега“, въ лѣвомъ среднемъ медальонѣ. Нижній лѣвый медальонъ—новый стальной корветъ „Рында“, теперь возвращающійся изъ кругосвѣтнаго плаванія съ Вел. Кн. Александромъ Михаиловичемъ. Правый нижній—клиперъ „Стрѣлокъ“, которымъ долго командовалъ извѣстный герой Скрыдловъ.

Пещерная церковь и гробница виленскихъ мучениковъ Свв. Антонія и Іоанна. Ориг. рис. академика И. Трутнева, грав. Барановскій.

Политическое обозрѣніе.

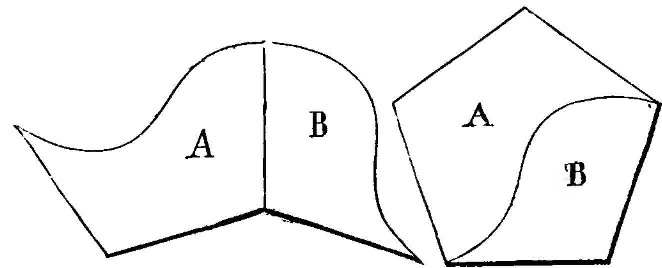
Столица Франціи нѣсколько успокоилась и готовится къ торжественному открытію выставки. Слѣдственная коммисія „девяти“ производитъ дознаніе о буланжистской агитаціи въ великой тайнѣ и тишинѣ и, можно думать, процессъ генерала Буланже разрѣшится еще не скоро. На это время депутатъ города Парижа поселился въ Лондонѣ, нанявъ частную квартиру на Портлэндской площади, недалеко отъ Реджентъ-стрита. На другой день послѣ своего прибытія въ столицу Англіи, Буланже началъ принимать журналистовъ и якобы объявилъ имъ, что не желаетъ предстать суду сенаторовъ, завѣдомыхъ враговъ его, но готовъ съ первымъ же поѣздомъ отправиться во Францію, если его рѣшатъ предать апелляціонному суду или суду присяжныхъ. Относительно своихъ плановъ онъ пока ничего не можетъ сказать, но какъ только признаетъ

своевременнымъ — издастъ новую прокламацію. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ *Pall Mall Gazette* генералъ сказалъ ему, что утверждающіе будто буланжизмъ означаетъ войну съ Германіей и русско-французскій союзъ, поступаютъ безусловно несправедливо. Въ видахъ лучшаго достиженія цѣли Буланже сознался откровенно, что и въ будущемъ онъ приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы развивать дружественныя отношенія между Франціей и Россіей, такъ какъ онъ держится мнѣнія, что большая часть политическихъ цѣлей обоихъ народовъ тождественны. Каждый день Буланже получаетъ нѣсколько сотъ писемъ изъ Франціи, Бельгіи и Англіи. Въ числѣ писемъ много денежныхъ пакетовъ. По слухамъ, французское правительство намѣрено сдѣлать распоряженіе объ арестованіи лицъ отвозящихъ въ Брюссель и Лондонъ адресованныя на имя Буланже письма. Въ этомъ правительство, будто бы, опирается на статью закона, которою монополія передачи писемъ и телеграммъ предоставлена почтовому управленію.

Столица Австріи также успокоилась послѣ бывшихъ въ ней уличныхъ безпорядковъ. Раннимъ утромъ въ самое Свѣтлое Воскресенье началась на конно-желѣзныхъ дорогахъ стачка кучеровъ, которые были недовольны непосильною работою и частыми взысканіями. Буйство началось въ Фаворитскомъ кварталѣ, гдѣ находится часть сараевъ и конюшенъ общества конокъ. Поводомъ къ безпорядкамъ послужило то обстоятельство, что правленіе, пользуясь услугами нѣсколькихъ не забастовавшихъ кучеровъ, собиралось продолжать движеніе вагоновъ, чему воспротивились забастовавшіе кучера; къ нимъ присоединились свободныя въ этотъ день отъ занятій толпы рабочихъ. Безпорядки распространились и на другіе кварталы и только вмѣшательство войскъ подѣйствовало устрашающимъ образомъ на буяновъ. 13 апрѣля стачка кучеровъ конно-желѣзныхъ дорогъ окончилась и безпорядковъ не было, отчасти благодаря тому, что все время шелъ дождь. Всѣхъ арестованныхъ во время безпорядковъ насчитывается: кучеровъ—460, изъ нихъ 350 преданы суду, 110 отдѣлались арестомъ при полиціи. По свѣдѣніямъ полиціи, раненыхъ 206, въ томъ числѣ 38 городовыхъ, 2 полицейскихъ агента и 20 солдатъ. Убытки отъ порчи и ломки вагоновъ конно-желѣзной дороги достигаютъ до 10 тыс. гульденовъ. Кромѣ того, общинный совѣтъ Вѣны оштрафовалъ общество въ 50,000 гульденовъ изъ внесенной въ залогъ суммы. Еврейскія и жидовствующія газеты поспѣшили приписать причины безпорядковъ агитаціи антисемитовъ, но на самомъ дѣлѣ можно считать, что сами еврейскіе гешефтмахеры вызвали стачку кучеровъ. Дѣйствительно, факты нещадной эксплоатаціи служащихъ подтвердились и эксплоатація эта объясняется тѣмъ, что большая часть акцій находится въ рукахъ евреевъ, во главѣ которыхъ стоитъ богатый банкиръ изъ евреевъ же. Эти господа требовали, конечно, крупныхъ дивидендовъ и правленіе общества, въ угоду имъ, страшно эксплоатировало трудъ служащихъ. Работать кучерамъ приходилось ежедневно отъ 16 до 18 часовъ, за сравнительно невысокое жалованіе; затѣмъ штрафы налагались часто и безпощадно. Наиболѣе излюбленнымъ взысканіемъ была работа въ свободный день, что дѣлалось, конечно, въ виду сбереженій. Поэтому станетъ понятно, что въ Вѣнскомъ общинномъ совѣтѣ состоялась единогласная манифестація въ пользу кучеровъ и противъ эксплоатаціи ихъ обществомъ.

Теперь въ успокоившейся Вѣнѣ засѣдаетъ, по примѣру Испаніи, Португаліи и Бельгіи, католическій конгрессъ, высказавшійся прежде всего въ пользу возстановленія свѣтской власти папы. Открылся онъ 16 апрѣля въ присутствіи вѣнскаго и пражскаго архіепископовъ и нунція Галимберти, почти всѣхъ австрійскихъ епископовъ и многочисленныхъ членовъ аристократіи. Президентомъ съѣзда избранъ т. сов. графъ Бломе. Съѣздъ постановилъ послать папѣ привѣтственную телеграмму съ протестомъ противъ лишенія папы территоріальныхъ владѣній и требованіемъ, чтобы папа пользовался полными державными правами. Католическій съѣздъ получилъ отъ папы отвѣтную телеграмму, въ которой папа заявляетъ, что вотированный съѣздомъ протестъ послужилъ ему утѣшеніемъ. Вслѣдъ затѣмъ съѣздъ обратилъ вниманіе на необходимость законодательства, значительно обезпечивающаго интересы рабочихъ. Либеральныя газеты нападаютъ за это на съѣздъ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 22 (помѣщ. въ № 12).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — И. Мѣхова, Т. К—ло, Ф. Ильяшевича, М. Заборовскаго, А. С. Шинкаренко, Г. А. Павлова, В. О. Пикель, В. А. Верейтинова, Ф. Михель, М. М. Чижика, А. Дѣрфа, Б. Бернандера, А. А. Крюковой, К. К. Грѣхова, Д. Петрова, Б. Кратирова, М. П. Кочергина, Н. Ф. Юнатова, Е. Мути, К. Кольмана, Ф. А. Боронина, Л. Свенторжецкаго, Ѳ. Петрова, Авонярфайдъ, О. М. Севрюгина, Н. Ф. Сапупенко, Шинкарева, Герасимова, Н. Г. Парускова, А. А. Поспѣева, Н. В. Люхина, А. Соболева. В. Я. Завадовскаго, А. А. Коломенскаго, С. Т. Грибова, В. Кондратьева, А. Вилькинсъ, О. К. Дуяина; **Москва** — П. Я. Романова, Н. К. Двинянинова. Н. Высоцкаго, И. Я. Тароватаго, В. П. Логинова, П. П. Смирнова, Г. Покровскаго, В. Шмидтъ, И. Н. Комова, Е. Т. Лучинскаго, Б. Г. Мануева, Дружинина, М. Попова, В. Нарбекова, В. И. Комарова; **Александровскъ** — I. Б. Кацына, **Анзуль** - Г. Фохтъ, **Астраханка** — А. Н. Майдановой, **Бѣлая-Церковь** — Г. Левинбергъ, С. Д. Адлеръ, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Брестъ-Литовскъ** — П. Кульчицкой, А. Правдзикъ, **Бѣлгородъ** — А. Поповой, **Безтроскъ** — В. Карницкой. **Буй** — Никифорова, **Болховъ** — Б. Валенко, **Бузулукъ** — В. Зиминскаго, **Варшава** — К. П. Львова. Поликеръ, **Вологда** — В. Панова, Н. Неклюдова, **Выборгъ** — А. Полякова, **Витебскъ** — С. Пичета, **Вильно** — А. М. Байратевскаго, **Гельмязовъ** — А. Левченко, **Дисна** — С. А. Дубякова, **Дунвеацы** — Крижановскаго, **Демидовка** — С. Подвысоцкаго, **Динабургъ** — О. Гинзбургъ, **Елисаветградъ** — Ларіонова-Иванова, **Екатеринославъ** — А. Авчинникова, С. Гловацкаго, **Елабуга** — Н. Ушкова, **Зарайскъ** — П. Я. Ярцева, **Ивановка** — Л. Мерина, **Износково** — Дмитровскаго, **Калуга** — Л. Перекалиной, **Козловъ** — В. Тамбовской, **Казань** — Аврорской, **Кіевъ** — Г. Невзглядова, А. П. Шульженко, **Камрвтъ** — Мутафы, **Каменецъ-Подольскъ** — П. Чепѣга, **Кузнецы** — Ф. Перова, **Кременчугъ** — С. Л. Добровенскаго, Г. С. Рабиновича, Е. Добровицкаго, **Клинъ** — Тимофѣева, **Коломна** — Н. П. Бережнова, **Кудрукюла** — И. Яксъ, **Калачъ** — Д. С. Тарасенко, **Кагарлыкъ** — М. Мирошниченко. **Ковровъ** — Е. Суминой, **Лебедянь** — В. И. Чурилина, **Льговъ** — М. М. Кусакова, **Лагодехи** — В. И. П—скаго, **Ловичъ** — Б. Крутикова, **Мценскъ** — Б. Г. Максимова, **Монька** — Бѣлова, **Малоярославецъ** — К. Д. Чудакова, **Макарьевъ** — М. Лафина, **Меленки** — Н. П. Герасимова. **Мосальскъ** — № 22,090. **Н. Новгородъ** — С. Пенюкова, **Ново-Сенаки** — В. Т. Костина, **Новгородъ** — М. Сергѣева, **Никитовка** — А. Ѳеодосьевой, **Новочеркасскъ** — В. Абрамова, **Нѣжинъ** — П. В. Сидоренко, **Н. Ломовъ** — М. А. Бояриновой. **Николаевъ** — Фольбертъ, **Новомосковскъ** — Котешникова, **Одесса** — А. Павани. Кунктаторъ, Брейтманъ, **Осовецъ** — Шереметевскаго, **Осиповка** — Ѳ Листопадова, **Порѣчье** — В. Жилкина, **Порховъ** — С. Иримакина, **Плоцкъ** — Баеръ, **Почепъ** — Н. Гурскаго, **Петроковъ** — М. Цунге, **Ростовъ н/Д.** — С. Н. Ельяшевича, **Рязань** — П. Постникова, **Россіены** — Г. А. Паркевича, **Рыбинскъ** — Е. Ф. Лучинскаго, **Саратовъ** — Ф. А. Фатуева, М. Кривошеина, **Смѣла** — И. Стахурскаго, М. Г. Павловскаго, **Скопинъ** — А. Н. Шебакиной, **Сороки** — Г. Б. Вассерманъ, **Севастополь** — Е. Гентцелотъ, М. М. Ландшафтъ, **Сюмси** — Кашина, **Симферополь** К. Мазлумова, **Смоленскъ** — Л. В. Сухинина, **Селецъ** — М. Галутвина, **Старосельцы** — Гольдвассеръ, **Сызрань** — В. Орѣшникова, **Симбирскъ** — П. Л. Яна, **Сѣдлецъ** — В. Головинскаго, **Тамбовъ** — П. М. Ананьева, **Терны** — В. Матвѣева, **Тула** — Н. Никольскаго, **Уфа** — П. Петрова, **Уткино** — П. Ф. Пономарева, **Харьковъ** — И. Л. Штаммъ, **Холмъ** — К. А. К., **Чуевка** — А. Добротворцевой, **Царицынъ** — Синко, **Швекшни** — I. Блоха, **Шемаха** — Ширъ-Бекъ-Аскеръ-Х. нова, **Шацкъ** — А. Филимоновича, **Ярославль** — В. З. Лепарскаго, К. Мосягина, **Ѳеодосія** — М. Русскихъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 20 (помѣщенной въ № 11).

Бѣлые.	Черные.
1) К g 6—f 4	Кр. d 6 — e 5
2) Л c 4—d 4	Куда угодно.
3) С g 5—f 6 или Л d 4—d 5	
1)	Кр. d 6 — d 7
2) Л e 5—e 7	Кр. куда угодно.
3) К f 4—e 6 или Л c 4—d 4	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Е. Будаговой, Б. Гувеніусъ, А. А. Поспѣева; **Москва** — А. Эйхбаумъ, И. Верхоустинскаго, К. И. Богданова, Ф. Кокушкина; **Варшава** — А. Богговутъ, **Вознесенскъ** — П. П. Самаржи, **Керчь** — Г. Шуляцкаго, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Льговъ** — Кусакова, **Николаевъ** — Н. М. Прилукеръ, **Одесса** — М. Богоявленскаго, **Саратовъ** — П. Бѣлопольскаго, **Тамбовъ** — И. С. Орловскаго. **Харьковъ** — Д. Чернушенко, **Хоробичи** — М. С. Самуиловича, З. Г. Дубравскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 19 (помѣщенной въ № 11).

Бѣлыя.	Черныя.
1) g 1 — f 2	1) e 5 — c 3
2) f 2 — e 3	2) f 4 — d 2
3) f 8 — b 4	3) h 6 — f 8
4) f 6 — g 7	4) f 8 — h 6
5) h 4 — g 5	5) h 6 — f 4
6) a 7 — e 3	6) f 4 — g 3
7) h 2 — f 4	7) c 1 — b 2
8) a 3 — c 1	8) c 3 — b 2
9) a 1 — c 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. А. Поспѣева, В. П. Шошина; **Москва** — Н. П. Смирнова; **Касимовъ** — Зворыкина, **Камышинъ** — И. С. Скородумова, **Пермь** — П. Матвѣева, **Самара** — И. М. Старостина.

Рѣшеніе ребуса № 21 (помѣщеннаго въ № 12).

„Тѣлу просторъ, душѣ тѣснота“.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

Съ 10 Мая сего года Государственный Банкъ приступитъ къ обмѣну 5% банковыхъ билетовъ 3-го вып. (1869 г.) на новые съ купонами на 3-е десятилѣтіе.

Обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Билеты могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣ Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы билетовъ, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ билеты въ 5% Отдѣленіе Банка при объявленіяхъ установленной формы, вписывая въ нихъ №№ билетовъ по достоинствамъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Новые билеты будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинствъ и за тѣми же нумерами, какъ билеты 2-го десятилѣтія.

4) При пріемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка билетовъ для обмѣна, съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за коммиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждаго листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ билетовъ) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу.

5) Билеты, находящіеся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ, при чемъ билеты, которые окажутся вышедшими въ тиражъ, будутъ оставлены во вкладахъ въ прежнемъ видѣ до полученія о нихъ распоряженій со стороны вкладчиковъ. За коммиссію по такому обмѣну будетъ взято по 10 коп. съ каждаго листа, а съ вкладчиковъ Конторъ и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы, согласно п. 4.

6) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащіе имъ билеты чрезъ посредство Отдѣленія вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ Конторъ и Отдѣленій Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ—до 1 Іюня, а въ Конторы и Отдѣленія Банка — до 1 Іюля текущаго года.

7) Пріемъ къ обмѣну билетовъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ билетовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новые билеты будутъ выдаваемы чрезъ 14 дней по представленіи старыхъ; если же окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ.

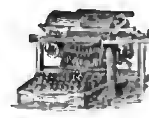
8) Въ пріемѣ билетовъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

9) За обмѣнъ билетовъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается; почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ билетовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ присылать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочные купоны.

10) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ билетовъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ; такія порученія будутъ оставляемы безъ исполненія.

и 11) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ билетовъ, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адресы, такъ и ближайшія почтовыя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Подписалъ Управляющій *Ю. Жуковскій.*

Съ втимъ аппвратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. №3853 3—1

МАЛОРОССІЙСКАЯ ВОДА

для уничтоженія перхоти по 1 р. 25 коп. за флаконъ. **Разрѣшено С.-Петербургскимъ Врачебнымъ Управленіемъ.** У парикмахера Императорскихъ театровъ

ЖОРЖЪ ПЕДДЕРЪ

Невскій пр., 46, рядомъ съ Пассажемъ. За пересылку за одинъ фунтъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1889 г НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ,

еженедѣльное изданіе.

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

◆ *Въ каждомъ № помѣщаются: совѣты, рецепты, указанія и понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ, со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и на 100 особыхъ листахъ) разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства. Также образцы мужскихъ модъ и обуви всѣхъ сезоновъ. Описаніе выставокъ, музеевъ, учебныхъ мастерскихъ, новости по техническому и ремесленному образованію.*

◆ *Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ и для школъ.* ◆

◆ **50 №№ въ годъ.** ◆

◆ **Премія:** стѣнной календарь, изящно иллюстрированный. Одни приложенія въ розничной продажѣ стоятъ около 20 р.

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой; 4 р. за 1/2 года.

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.

Изъ конторы „Ремесл. Газеты“ можно выписывать всевозможныя сочиненія по различнымъ ремесленнымъ и техническимъ производствамъ.

Имѣются въ складѣ слѣдующія изданія:

I. Альбомы и сборники рисунковъ:

1) Желѣзной мебели	2	25
2) Дамской и мужской обуви	2	25
3) Токарныхъ и рѣзныхъ издѣлій	1	75
4) Мебели и др. столярн. издѣлій	2	25
5) Желѣзныхъ оградъ, воротъ и пр.	1	75
6) Ажурныхъ (выпилов.) работъ	—	60
7) Издѣл. изъ серебра, бронзы и пр.	2	25
8) Мягкой мебели и драпировокъ	1	75
9) Токарныхъ издѣлій по дереву и кости М. А. Нетыксы	4	30
10) 1-я и 2-я серіи новыхъ рисунковъ ажурныхъ работъ, каждая по	1	—

II. Книги:

1) Курсъ токарнаго по дереву искусства	1	70
2) Унвейнъ. Построеніе частей машинъ	3	75
3) Мех. тех. дер. Ручная и машинная обработка дерева съ 600 полит. (для столяровъ, плотниковъ и учебныхъ мастерскихъ). Сост. К. А. Казначеевъ	2	30
4) Луженіе и цинкованіе	—	60
5) Производство жестяныхъ работъ	1	—
6) Окрашиваніе металловъ	—	35
7) Производство деревянной мозаики, инкрустаціи и выжиганіе на деревѣ	2	25

Цѣны на всѣ изданія указаны съ пересылкой, которая по желанію производится съ наложеннымъ платежемъ. №38 9

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Измайловскій проспектъ, 21,

МАГАЗИНЫ:

Невскій проспектъ, 32, д. Католической церкви, и 66 у Аничкина моста, Вознесенскій проспектъ, 18—54, д. Шредера.

О-де-колонъ отъ 30 к. до 1 р.
Туалетныя воды отъ 75 коп. до 3 руб. 75 коп.
Туалетныя воды цвѣточныя отъ 80 коп. до 3 р. 20 к.
Духи Незамѣняемый букетъ 2 руб.
Духи разные отъ 15 к. до 2 р. 50 к.
Мыла отъ 10 к. до 1 р.
Пудры отъ 10 к. до 1 р. 25 к.
Зубные элексиры отъ 75 к. до 1 р.
Воды и молоко для кожи отъ 75 к. до 2 руб. 25 коп.
Кремъ и патъ для кожи отъ 25 коп. до 1 рубля. Pt. № 3804 3—3

Лечебный сезонъ съ 20 мая по 20 августа.

СТОЛЫПИНО

Сѣрно-соляныя, желѣзистыя и разсольныя воды. Минеральная грязь. Кумысъ (15 к. бут.). Одиночные номера (отъ 40 к. сутк.) и семейныя дачи. Большой курзалъ. Оркестръ музыки. Все заведеніе вновь перестроено. **Цѣны** на квартиры, содержаніе и леченіе **значительно понижены.** Для малоимущихъ открыто отдѣленіе съ платою по 35 р. въ мѣс. за помѣщеніе съ полнымъ содержаніемъ и леченіемъ. Объявленіе съ видами курзала и дачъ, химическій анализъ, подробная такса и справочныя свѣдѣнія высылаются обращающимся (съ прилож. почт. мар.) въ Контору Столып. минер. водъ, Самарск. губ., с. Бълаково, на ст. Криволучье. № 3860

А. РАЛЛЕ и К° въ МОСКВѢ.

Одеколонъ семейный.
Духи гіацинтъ.
Духи русск. писателей.
Мыло русск. писателей.
Духи съ видами Москвы.
Мыло съ видами Москвы.
Пудра жирная.
Мыло Ориза-лакте.
Вода Флоридъ для лица.
Кольдъ-кремъ-Віолетъ.
Мыло цвѣточно-глицер.
Элексиръ борно-тимоловый.

П. № 3821 6—2

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (63) № 2946

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Арчеръ

СПИННЕРЪ.

Апаратъ для ловли рыбы на живца; живецъ надѣвается на иголку и прикрѣпляется металлическими плавниками; съ боковъ подхватывается крючками. Цѣна 1 руб. 10 коп., на пересылку отъ 1 до 3 прибавляется 50 к., кромѣ Азіатской Россіи и Сибири.

Прейсъ-курантъ рыболов. принадл. высылается за 7 к. марку. № 3851

П. Ф. Каратаевъ. Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ

ПЛАТЬЕВЪ и ПАЛЬТО

Л. КЮТНЕРЪ

ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА ВЪ МОСКВѢ.

НОВАЯ КНИГА:

СОВѢТЫ ПО КОСМЕТИКѢ.

Согласованные съ требованіемъ науки; какъ пріобрѣсти и сохранить здоровье и бѣлизну зубовъ; чистый и здоровый цвѣтъ лица; здоровье и богатство волосъ и пр. Составилъ докторъ медицины

М. БОГОЛЮБОВЪ.

Лестные отзывы о книгѣ напечатаны въ „Московск. Вѣд.“ № 129, въ „Русск. Вѣд.“ № 137, въ „Моск. Листкѣ“ № 149 и др.

Цѣна 75 к. съ пересылкою; стоимость можно высылать почтовыми марками (не приклеивая ихъ краями къ письму). Адресоваться письменно къ Линтропъ, у Большаго театра, Москва. Ц. № 3848

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушки). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.

Іог. Зансъ и К°.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. В. № 3784

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

Съ 1 Мая сего года Государственный Банкъ приступитъ къ обмѣну облигацій 3-го восточнаго займа на новыя съ купонами на 2-е десятилѣтіе.

Обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Облигаціи могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣ Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы облигацій, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ облигаціи въ 5% Отдѣленіе Банка, при объявленіяхъ установленныхъ формъ (для именныхъ и предъявительскихъ), вписывая въ нихъ №№ облигацій по достоинствамъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Новыя облигаціи будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинствъ и за тѣми же нумерами, какъ облигаціи 1-го десятилѣтія.

4) Для полученія новыхъ купонныхъ листовъ съ талонами на 2-е десятилѣтіе могутъ быть представляемы въ предѣлахъ указаннаго въ талонахъ 18 мѣс. срока также одни талоны (безъ облигацій). Выдача новыхъ купонныхъ листовъ будетъ производима предъявителямъ талоновъ съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что для уплаты страховаго сбора при пересылкѣ купонные листы будутъ оцѣниваемы въ половину номинальной стоимости облигацій.

5) При пріемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка облигацій для обмѣна съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за коммиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждаго листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ облигацій) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу. При возобновленіи купонныхъ листовъ къ облигаціямъ чрезъ посредство Московской, Варшавской, Кіевской, Харьковской, Одесской или Рижской Конторъ Банка, если облигаціи или талоны будутъ представлены къ обмѣну не позже 1 Августа 1889 года, взамѣнъ почтовыхъ и коммиссіонныхъ сборовъ будетъ взимаемо по 15 коп. за каждую 100 рублевую облигацію или куп. листъ и по 75 коп. за каждую 1000 рублевую облигацію или куп. листъ.

6) Облигаціи, находящіяся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, какъ выданныя на предъявителя, такъ и написанныя на имена вкладчиковъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ. За коммиссію по такому обмѣну будетъ взято по 10 коп. съ каждаго листа, а съ вкладчиковъ Конторъ и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы согласно п. 5.

7) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ облигаціи чрезъ посредство Отдѣленія вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ Конторъ и Отдѣленій Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ—до 1 Іюня, а въ Конторы и Отдѣленія Банка — до 1 Іюля текущаго года.

8) Владѣльцы именныхъ облигацій, желающіе получить новыя облигаціи на предъявителя или на другое имя, а также поручающіе высылку своихъ облигацій по адресу другихъ лицъ, присылаютъ объявленія о семъ съ засвидѣтельствованіемъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ. Отъ постороннихъ лицъ именныя облигаціи, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда новыя потребуются на прежнія имена, представляются въ Банкъ съ законными довѣренностями владѣльцевъ.

9) Именныя облигаціи съ бланковыми или передаточными на нихъ надписями будутъ обмѣниваемы лишь въ томъ случаѣ, если будутъ доставлены въ Банкъ надлежащимъ порядкомъ засвидѣтельствованныя заявленія на имя Банка отъ лицъ, на чреия которыхъ написаны тѣ облигаціи.

10) При именныхъ облигаціяхъ, перешедшихъ къ настоящимъ владѣльцамъ по наслѣдству, судебнымъ постановленіямъ или другимъ актамъ, должны быть представляемы сіи документы, а также удостовѣреніе объ уплатѣ пошлинъ, установленныхъ закономъ 15 Іюня 1882 года.

11) Совершеннолѣтніе владѣльцы именныхъ облигацій, названные въ надписи на облигаціяхъ малолѣтними, должны представить при обмѣниваемыхъ облигаціяхъ засвидѣтельствованныя копіи метрическихъ свидѣтельствъ о своемъ рожденіи въ удостовѣреніе того, что они достигли совершеннолѣтія.

12) Владѣльцы именныхъ облигацій къ своимъ заявленіямъ, подаваемымъ лично въ Государственный Банкъ, должны прилагать полицейскія или нотаріальныя свидѣтельства о личности.

13) При именныхъ облигаціяхъ, представляемыхъ къ обмѣну по порученію владѣльцевъ банками и банкирскими конторами, должны быть прилагаемы заявленія владѣльцевъ на имя Государственнаго Банка съ засвидѣтельствованіемъ подписи владѣльцевъ нотаріальнымъ порядкомъ.

14) Облигаціи, находящіяся въ Дворянскихъ Опекахъ, Сиротскихъ Судахъ или въ казенныхъ установленіяхъ на храненіи, въ залогѣ по подрядамъ, поставкамъ и проч., будутъ обмѣниваемы на общемъ основаніи.

15) Облигаціи, написанныя на имя лицъ, состоящихъ подъ опекою, для обмѣна съ написаніемъ на то же имя могутъ быть представляемы опекунами, съ приложеніемъ указовъ опекунскихъ учрежденій о назначеніи ихъ опекунами.

16) Въ тѣхъ случаяхъ, когда приложенные подлинные документы требуются обратно, должны быть представляемы, для оставленія при дѣлахъ Банка, засвидѣтельствованныя нотаріальнымъ порядкомъ копіи.

17) Пріемъ къ обмѣну облигацій и талоновъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ облигацій и купонныхъ листовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новыя облигаціи или купонные листы будутъ выдаваемы чрезъ 14 дней по представленіи старыхъ облигацій или талоновъ; если же окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ.

18) Въ пріемѣ облигацій и талоновъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

19) За обмѣнъ облигацій или талоновъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается, почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ облигацій или купонныхъ листовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ присылать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочные купоны. Тѣмъ владѣльцамъ, которые пожелаютъ обмѣнить принадлежащія имъ предъявительскія облигаціи 1-го десятилѣтія безотносительно къ нумерамъ, но въ кратчайшій срокъ, могутъ быть выдаваемы новыя облигаціи изъ числа принадлежащихъ Банку (насколько это будетъ возможно по соображенію съ количествомъ сихъ облигацій). Такимъ лицамъ будутъ выдаваемы новыя облигаціи немедленно по предъявленіи старыхъ при особыхъ объявленіяхъ по установленной формѣ, при чемъ за производство обмѣна внѣ общаго порядка будетъ взимаемо 10 коп. съ каждой облигаціи 100 руб. достоинства и 25 коп. съ облигаціи 1000 руб. достоинства.

20) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ облигацій или талоновъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ; такія порученія будутъ оставляемы безъ исполненія.

и 21) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ облигацій, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адресы, такъ и ближайшія почтовыя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Подписалъ Управляющій *Ю. Жуковскій.*

Дозвол. цензур., СПБ., 26 апрѣля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. — № 19
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
г. XX — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 6 мая 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1889 г., съ 29 рисунками и отд. листъ съ 19 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 6 рис. рукодѣльн. работъ.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. Этюдъ головки. Картина И. Галкина (право гравир. пріобрѣт. „**Нивой**“), грав. Флюгель.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ М. В. Крестовской.

(Окончаніе).

— Вотъ, mein Liebchen, его сіятельство бывало такъ любезно, что почитало нашъ вечеръ своимъ присутствіемъ! торжественно сказалъ Ѳедоръ Густавовичъ, видимо очень польщенный пріѣздомъ стараго князя.

Юлія Андреевна медленно подняла на сановника свои жгучіе, загадочные глаза и молча съ улыбкою глядѣла на него, точно чаруя его своимъ сіяющимъ взоромъ и давая ему время лучше разсмотрѣть себя.

— Я безконечно благодарна вамъ, князь, вы сдѣлали нашъ сегодняшній вечеръ вдвойнѣ счастливымъ, сказала она съ такою глубокою и трогательною благодарностью въ голосѣ, что князю стало даже немножко совѣстно за то, что онъ такъ долго не хотѣлъ ѣхать къ этимъ Таненбаумамъ и былъ столь нелюбезенъ съ ними, особенно съ прелестною madame Таненбаумъ, эффектная красота которой невольно бросилась ему въ глаза.

Онъ низко поклонился ей въ отвѣтъ на ея привѣтствіе, съ той истинно рыцарскою любезностью, которая отличаетъ почти всѣхъ воспитывавшихся въ сороковыхъ годахъ.

— Можетъ-быть вашему сіятельству будетъ угодно сдѣлать намъ честь играть карты? поспѣшилъ освѣдомиться Ѳедоръ Густавовичъ, съ восхищеніемъ смотрѣвшій и на сановника, и на жену.

Но князь столь же поспѣшно, хотя и очень любезно отказался, сказавъ что ему нужно сегодня быть еще на одномъ вечерѣ, а потому онъ, къ сожалѣнію, пріѣхалъ очень не на долго. И какъ бы для большей убѣдительности, онъ даже вынулъ часы и взглянувъ на нихъ объявилъ что у него въ распоряженіи всего одинъ часъ.

„Ну, положимъ!“ подумала Юлія Андреевна, „если ты уже пріѣхалъ, то я не отпущу тебя такъ скоро — да это вздоръ, ты и самъ потомъ не захочешь.“

Она чувствовала что произвела на князя очень благопріятное впечатлѣніе, и рѣшила, что если хорошенько постараться и пококетничать съ нимъ, то этому пріятному впечатлѣнію весьма возможно будетъ перейти „въ маленькое увлеченіе“, чего ей ужасно хотѣлось. Какъ только Ѳедоръ Густавовичъ, еще разъ почтительно раскланявшись и даже извинившись предъ своимъ почетнымъ гостемъ, убѣжалъ назадъ къ картамъ, гдѣ партнеры нетерпѣливо ожидали его,—она граціознымъ жестомъ пригласила князя сѣсть рядомъ съ нею, чѣмъ вся ея свита осталась очень недовольна, такъ какъ этотъ, офиціально всѣмъ хорошо извѣстный, но лично не знакомый сановникъ, стѣснялъ ихъ всѣхъ, внушая однимъ своимъ присутствіемъ тотъ невольный, почтительный страхъ, который люди склонны чувствовать къ важнымъ, высокопоставленнымъ лицамъ, хотя бы даже вовсе отъ нихъ и не зависѣли.

Юлія Андреевна всѣми силами старалась поддержать и оживить разговоръ, который хоть и не прерывался, но тѣмъ не менѣе тянулся холодно и натянуто; но въ душѣ она невольно сознавала что всѣмъ скучно и даже этому князю, котораго она всячески силилась занять. Не смотря на пріятное впечатлѣніе произведенное на него ея красотой, она начала опасаться съ оскорбительно непріятнымъ въ подобныхъ случаяхъ для женщины разочарованіемъ, что изъ этого пожалуй ничего большаго не выйдетъ. Такъ что когда портьера опять приподнялась и вошелъ Бахмановъ вмѣстѣ съ Рогозинымъ, молодымъ, но уже очень моднымъ художникомъ, котораго въ обществѣ очень любили за его веселость и какую-то особенную симпатичность,—всѣ ужасно обрадовались и встрѣтили ихъ веселыми восклицаніями.

Увидѣвъ Бахманова, Юлія Андреевна вздрогнула и поблѣднѣла; сердце ея забилось такъ сильно, что на мгновеніе ей даже показалось, что она страстно любитъ этого человѣка, который одинъ умѣлъ не покоряться ей и мучить, задѣвая ея гордость и самолюбіе; но она тотчасъ пересилила себя и холодно, почти небрежно кивнувъ ему, весело обратилась къ Рогозину:

— А! сказала она, чему-то нервно смѣясь, — это очень мило, что вы пріѣхали, а я уже думала не сбѣжали-ли вы опять куда-нибудь въ Италію или Сибирь! вѣдь вы любите внезапно исчезать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ весело, цѣлуя ея руку, съ которой, зная красоту ея, она сняла перчатку. — Я просто заперся въ своей мастерской и работалъ. На меня напала какая-то горячка работы...

И онъ радостно обвелъ всѣхъ веселыми, добрыми глазами, въ которыхъ дѣйствительно сверкалъ особенный лихорадочный огонекъ, присущій вообще художникамъ, писателямъ и музыкантамъ, когда на нихъ вдругъ нападаютъ порывы вдохновенія, продолжающіеся иногда по цѣлымъ недѣлямъ.

Бываютъ люди, сами по себѣ не очень остроумные, не очень даже веселые, но почему-то всѣмъ невольно симпатичные, на которыхъ пріятно глядѣть съ доброю улыбкой, пріятно слушать ихъ и быть вмѣстѣ съ ними, хотя они не говорятъ и не дѣлаютъ для этого ничего особенно умнаго или забавнаго. Подобные люди всегда однимъ своимъ появленіемъ, невольно, совсѣмъ помимо своего старанія, оживляютъ все общество, вызывая во всѣхъ какое-то особенное настроеніе непринужденной веселости и добродушныхъ шутокъ, смѣха и даже дурачествъ.

Рогозинъ принадлежалъ именно къ такимъ лицамъ. Всѣ его любили, всѣ ему радовались и всѣмъ становилось съ нимъ необыкновенно легко и пріятно. У Таненбаумовъ онъ бывалъ не особенно часто, но съ Юліей Андреевной они были большіе друзья, и онъ былъ почти единственный человѣкъ къ которому она относилась съ полной искренностью, хотя онъ никогда не ухаживалъ за ней и не разъ даже, съ добродушіемъ добраго малаго, открывалъ ей разныя ея дурныя стороны. Въ ихъ кружкѣ его почти всѣ знали и встрѣтили какъ стараго друга; у него вообще было множество знакомыхъ и, къ общему удовольствію, даже со старикомъ-княземъ, лицо котораго при входѣ Рогозина вдругъ просвѣтлѣло и даже потеряло отчасти свое строго-офиціальное выраженіе, они оказались хорошими знакомыми; Рогозинъ, не то благодаря своей вольной профессіи не ставившей его ни отъ кого въ зависимость, не то по природному добродушію, нисколько не стѣснялся держа себя съ княземъ такъ-же просто какъ и со всѣми другими.

— Но, Боже мой! воскликнулъ онъ, вдругъ остановившись въ изумленіи предъ Юліей Андреевной. — Да какая-же вы сегодня прелесть! Просто восторгъ и ослѣпленіе!

И съ безцеремонностью художника, который восхищается не столько самою женщиной, какъ типомъ интересной для него красоты, онъ слегка поправилъ складки ея длиннаго шлейфа, падавшаго на тигровую шкуру у ногъ ея, и разсматривалъ ее тѣмъ пристальнымъ, любующимся взглядомъ, которымъ бывало смотрѣлъ и на прекрасную картину, и на поразившую его своей типичностью голову старика-нищаго, и на классическую статую, словомъ—на всѣ тѣ предметы которые будили въ немъ струнки художника.

Чувствуя что вмѣстѣ съ нимъ ею невольно любуются и всѣ остальные, Юлія Андреевна съ покорной граціей позволила ему восхищаться собой.

— Вотъ такъ васъ слѣдуетъ написать! воскликнулъ онъ съ загорѣвшимися уже глазами.—И даже знаете что̀: не только въ этомъ самомъ костюмѣ, но даже и съ этимъ тигромъ у ногъ, съ этимъ индійскимъ опахаломъ въ рукахъ и въ этой самой, восточной комнатѣ! Все это чрезвычайно идетъ къ типу вашей красоты и придаетъ вамъ самой что-то восточное... И съ присущею художникамъ живостью воображенія, онъ мысленно уже видѣлъ какъ напишетъ ее въ этомъ зеленомъ бархатѣ, съ этимъ жемчугомъ на шеѣ и въ волосахъ, съ съ этой затаенной страстностью и какой-то коварной нѣгой искрившейся въ ея глазахъ и дрожавшей въ уголкахъ рта.

Она смѣялась, искоса взглядывая на князя, на насмѣшливо улыбавшагося Бахманова, и душу ея охватывалъ тотъ радостный, счастливый восторгъ, который свойственъ только женщинѣ въ тѣ минуты, когда она сознаетъ себя прекрасною, интересною, чарующею и чувствуетъ на себѣ любующіеся взгляды мужчинъ.

Она велѣла подать сюда шампанское и фрукты, и они сидѣли тутъ отдѣленные отъ всѣхъ и никѣмъ не безпокоимые, весело болтая и смѣясь. Изъ залы къ нимъ доносились звуки музыки, и самая эта комната, вся мягкая, закрытая и по стѣнамъ и по полу пушистыми восточными коврами, изолированная отъ всѣхъ прочихъ комнатъ, со спущенными на дверяхъ персидскими шалями вмѣсто портьеръ и обливаемая пріятнымъ

молочнымъ свѣтомъ восточныхъ лампъ, казалось, располагала къ нѣгѣ и истомѣ. По угламъ слегка дымились курильницы съ благовонными травами, и ароматъ ихъ смѣшивался съ сильнымъ и прянымъ запахомъ какихъ-то пунцовыхъ оранжерейныхъ цвѣтовъ въ серебряныхъ вазахъ.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ и отсутствіе хозяйки почти не замѣчалось танцующими гостями, а если и замѣчалось, то она мало объ этомъ безпокоилась; выбравъ всѣхъ кто ей нравился, она съ эгоизмомъ женщины предоставляла всѣмъ другимъ забавляться какъ они сами того желали.

— Знаете! воскликнулъ Рогозинъ. — Вы теперь похожи на какую-то восточную царицу! Право, въ васъ какая-то странная смѣсь Востока и Парижа. Ахъ, какую великолѣпную Клеопатру или Зеновію можно-бы написать съ васъ!

И онъ вдругъ началъ ее упрашивать чтобъ она позволила ему писать съ нея, и эта мысль заранѣе вдохновляла его, онъ уже видѣлъ Юлію Андреевну перенесенною на полотно въ образѣ Клеопатры и горячка творчества такъ охватывала его, что онъ мечталъ теперь только объ одномъ—начать скорѣй, какъ можно скорѣй.

— Вѣдь если поусиленнѣе работать, такъ можно еще къ выставкѣ поспѣть. Ахъ господа, вотъ вы увидите какъ это выйдетъ! восклицалъ онъ съ разгорѣвшимся лицомъ, и не отводя отъ Юліи Андреевны своего лихорадочнаго взгляда, старался уловить въ ея лицѣ то выраженіе которое ему хотѣлось придать ей на своей будущей картинѣ. Его художественный восторгъ невольно заражалъ и другихъ; силой своего воображенія онъ увлекалъ ихъ, заставляя и ихъ видѣть въ ней то, что́ желалъ видѣть самъ; но его восторгъ — восторгъ художника, отражаясь на другихъ мужчинахъ, переходилъ въ простое чувственное увлеченіе, и невольно воображая ее вмѣстѣ съ Рогозинымъ, въ разныхъ позахъ и костюмахъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ написать ее на своей картинѣ, они разгорались все больше, и болтая съ ней о разныхъ пустякахъ, не спускали съ нея страстныхъ глазъ.

Старый князь былъ горячимъ поклонникомъ женской красоты и такой рѣдкій экземпляръ ея, какой онъ видѣлъ въ лицѣ Юліи Андреевны, невольно очаровывалъ и интересовалъ его, какъ тонкаго цѣнителя и знатока. Къ тому-же, она кокетничала съ нимъ такъ очевидно, что это не могло не льстить его самолюбію. Его офиціальная натянутость исчезала, и, подъ вліяніемъ ея чарующихъ взглядовъ, онъ постепенно сталъ обращаться изъ холоднаго и строго офиціальнаго сановника, почтившаго своимъ присутствіемъ домъ, на хозяевъ котораго онъ глядѣлъ съ высоты своего положенія,—въ нѣжнаго поклонника хорошенькой женщины, предъ которой готовъ былъ и преклоняться, и ухаживать, лишь-бы добиться ея особеннаго вниманія. Онъ еще продолжалъ нѣсколько сдерживаться, стараясь до конца выдержать свою высокопоставленную роль и заморозить возникавшую въ немъ страсть сознаніемъ собственнаго достоинства и уваженіемъ къ своему сану, но Юлія Андреевна уже завладѣла имъ и не желала выпускать его изъ своихъ сѣтей, придумывая для него самые обворожительные улыбки, позы и взгляды, и онъ поневолѣ сдавался ей все больше и больше. Къ тому-же, общій восторгъ и увлеченіе, которыми Рогозинъ всѣхъ заразилъ — захватывали и его, а шампанское и острый запахъ красныхъ цвѣтовъ слегка кружили ему голову.

Но въ душѣ онъ все-таки подумывалъ, что ему пора бы уже ѣхать; онъ даже опять вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ больше для очищенія совѣсти, такъ какъ сознавалъ что ѣхать теперь ему совсѣмъ не хочется... Юлія Андреевна, замѣтившая это, вдругъ быстро обернулась къ нему.

— Нѣтъ, сказала она шутливымъ тономъ но съ повелительнымъ блескомъ въ глазахъ, — я не отпущу васъ такъ скоро. Развѣ для этого получаса ждала я васъ такъ долго? прибавила она быстрымъ, нѣжнымъ шепотомъ, подъ говоръ и смѣхъ другихъ голосовъ.— Нѣтъ, я этого не хочу! Неправда-ли, вы не уѣдете?

Она слегка дотронулась своей рукой до его руки и въ нѣжномъ шепотѣ ея было столько повелительнаго, а глаза такъ загадочно манили къ себѣ, что старый князь, котораго обожгло прикосновеніе ея горячей ручки, вдругъ потерялъ и послѣднее желаніе ѣхать на скучный офиціальный балъ вмѣсто того чтобы сидѣть въ этомъ мягкомъ ароматичномъ уголкѣ и любоваться чарующими взглядами этой прелестной женщины, и онъ покорно преклонилъ предъ ней свою сѣдую, но еще красивую голову.

— Я могу остаться еще на часокъ, отвѣчалъ онъ ей почему-то такимъ-же шепотомъ, и хотя безсознательно уже рѣшилъ не ѣхать совсѣмъ, но не хотѣлъ еще сознаться въ этомъ вслухъ не только ей, но даже и себѣ.

Она загадочно усмѣхнулась и вдругъ вспомнила, что они еще не чокались.

— Мы должны чокнуться! тихо воскликнула она. — Я буду пить, заговорила она такъ тихо, что ея слова могъ слышать только князь да Бахмановъ, молча съ угрюмымъ лицомъ сидѣвшій подлѣ нея,—за то, чтобы наше знакомство не оборвалось безслѣдно и за то, чтобы... оно не было такъ холодно какъ это шампанское!.. И запрокинувъ голову, она медленными глотками выпила до дна свой искрящійся бокалъ, смотря на князя полуоткрытыми глазами, слабо мерцавшими изъ-подъ матовыхъ длинныхъ рѣсницъ.

„Въ ней есть что-то царственное и сатанинское! Вотъ именно сатанинское“, подумалъ князь съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ, — „это какая-то чародѣйка, но какъ она прелестна, какъ прелестна!“ И съ почтительнымъ поклономъ, онъ чокнулся съ ней и выпилъ все до послѣдней капли.

— Теперь, сказалъ онъ шутя но блѣднѣя,—это шампанское уже никогда не замерзнетъ!

Она засмѣялась и попросила его очистить себѣ дюшесъ.

Шуровцынъ, увидѣвшій это, вдругъ страшно огорчился и обидѣлся. Это всегда было его правомъ—и онъ кидалъ обиженные взгляды на Юлію Андреевну и недовольные на князя, отбившаго у него эту привилегію и чистившаго сочную грушу съ сосредоточенно важнымъ выраженіемъ, присущимъ вообще его лицу.

— Господа! воскликнулъ вдругъ баронъ Ферингъ, которому Рогозинъ въ пылу увлеченія подробно разсказывалъ, какой костюмъ нужно будетъ надѣть Юліи Андреевнѣ для его Клеопатры.—Вообразимъ, что мы не въ Петербургѣ и не у милой Юліи Андреевны Таненбаумъ, а гдѣ нибудь въ Кашмирѣ, въ какомъ-то заколдованномъ дворцѣ, у ногъ какой-то прекрасной индійской царицы, и пьемъ не шампанское, а восточный нектаръ!

— Да у васъ, баронъ, богатое воображеніе, засмѣялся полковникъ Шилингъ.—Я самъ никогда-бы не былъ въ состояніи придумать ничего подобнаго—но разъ что баронъ придумалъ это за всѣхъ насъ, я очень радъ позаимствовать у него! — И ставъ въ театральную позу, онъ заговорилъ, стараясь придать и голосу, и жестамъ своимъ восточную, красивую плавность. — Привѣтствую тебя, прекрасная царица, звѣзда всего Востока! Повели—и вѣрный рабъ твой умретъ за тебя!

Юлія Андреевна смѣялась и всѣмъ очень понравилась неожиданная выходка полковника. Рогозинъ нашелъ въ немъ даже что-то типичное и подходящее къ взятой на себя роли, а Шуровцынъ, пришедшій совсѣмъ въ восторгъ отъ выдумки барона, скинулъ съ одной изъ отоманокъ шитую шелкомъ подушку на полъ и усѣлся на ней, сложивъ ноги по турецки.

XVII передвижная выставка. Письмо съ родины.

Картина А. О. Пастернака (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. „Глуховатъ“.
Картина **И. А. Пелевина** (право гравированія пріобрѣтено „**Нивой**“), грав. Флюгель.

— Отчего-же и не дать иногда воли воображенію! задумчиво сказала Юлія Андреевна, смотря куда-то въ даль печальными глазами. — Дѣйствительность такъ скучна... Да къ тому-же сегодня мой послѣдній день. Я хочу чтобы онъ прошелъ весело, давайте дурачиться, пить, смѣяться! Справьте мнѣ, господа, веселую тризну.

Но ея слова вызвали общій ропотъ и негодованіе. Зачѣмъ она говоритъ такія страшныя вещи! Зачѣмъ портитъ всеобщее веселое расположеніе духа!

Но она тихо и грустно качала головой.

— Вы этого не понимаете, господа, говорила она съ грустной улыбкой. — Ну да, сегодня моя тризна, мой послѣдній день, и мнѣ пора уже сказать себѣ: довольно! ты пожила и теперь начинай спокойно стариться! Право, это совсѣмъ не страшно и не грустно. Такъ только непривычно сначала немножко! А потомъ ничего, привыкнешь... Стариться когда сознаешь, что твоя молодость воскресаетъ и повторяется вновь въ твоемъ ребенкѣ—это не страшно и не горько, это даже пріятно. Только вы, господа, этого не поймете; чтобы понять это—нужно быть матерью! воскликнула она съ прелестной, кроткой улыбкой.

— Но позвольте, вскричалъ старый князь, которому было непріятно что такая прелестная женщина говоритъ о старости, вообще непріятной ему,—вы тоже не можете понимать подобнаго чувства: для этого, вы сами говорите, нужно начать стариться.

— Я и начала, сказала она съ легкимъ но покорнымъ вздохомъ и, поднявъ свои прекрасные глаза, медленно обвела ими своихъ собесѣдниковъ.

Всѣ засмѣялись вокругъ нея такъ весело и искренно, какъ будто-бы это сказала не сорокалѣтняя женщина, а семнадцатилѣтняя дѣвушка, въ устахъ которой это всегда выходитъ забавно и смѣшно.

— Напрасно вы смѣетесь, сказала она, грустно качая головой.—Когда у женщины такая большая дочь, какъ у меня, она не можетъ болѣе считаться ни молодою, ни красивою, и она должна умѣть это понять, иначе она будетъ смѣшна; вы-же первые, господа, замѣтите это и начнете смѣяться надъ ней.

Но всѣ горячо и даже обиженно стали протестовать противъ нея.

— Это бываетъ совсѣмъ въ другихъ случаяхъ, воскликнулъ баронъ Ферингъ, — если женщина стара и дурна—это дѣйствительно смѣшно, но разъ что она еще совсѣмъ молода и прелестна — эта добровольная, преждевременная старость ея—положительное преступленіе предъ всѣмъ обществомъ.

— О! Юлія Андреевна насмѣшливо расхохоталась.— Общество чрезъ мѣсяцъ забудетъ меня, какъ и вообще умѣетъ забывать всѣхъ и все что сошло съ арены, и никакого лишенія отъ этого не почувствуетъ. На мое мѣсто явится много другихъ, болѣе молодыхъ и красивыхъ, и одна изъ нихъ будетъ моя-же собственная дочь; значитъ, уступить ей свое мѣсто—мнѣ не будетъ ни обидно, ни непріятно!

— Но зачѣмъ-же, зачѣмъ-же уступать! воскликнулъ старый князь и, обернувшись къ маленькому столику стоявшему подлѣ нея, онъ быстро вынулъ изъ серебряной вазы прелестную пунцовую розу, сидѣвшую въ самой серединѣ букета.

— Взгляните, сказалъ онъ, указывая на ея пустое мѣсто, — какъ испортился отъ этого букетъ. Въ немъ образовалась некрасивая пустота на самомъ видномъ мѣстѣ, которое совершенно справедливо занимала въ немъ эта чудная роза; маленькій бутончикъ посаженный на ея мѣсто не наполнитъ этой пустоты. То же самое будетъ и съ нашимъ бѣднымъ обществомъ если вы вдругъ его покинете, сказалъ онъ, совершенно забывая, что общества ихъ въ сущности различныя и что „его“ обществу нѣтъ до нея, говоря правду, никакого дѣла.

Но рыцарская любезность его находчивости всѣмъ ужасно понравилась, князь положительно дѣлался въ этимъ кружкѣ все болѣе и болѣе *своимъ*: его уже не дичились, но и не благоговѣли предъ нимъ. Напротивъ, съ нимъ уже и говорили, и смѣялись какъ съ равнымъ. Шампанское, которое они всѣ вмѣстѣ пили, и ухаживаніе его за Юліей Андреевной какъ-бы свело его въ ихъ глазахъ съ той недосягаемой высоты, на которой онъ казался имъ часъ тому назадъ.

Старый князь все это внутренно сознавалъ, и все это было ему очень непріятно, но улыбки Юліи Андреевны,—которыя, какъ ему казалось, были обращены исключительно на него, — были очень пріятны, а потому онъ старался заглушать въ себѣ докучливое сознаніе, мѣшавшее ему наслаждаться.

Бахмановъ сидѣлъ подлѣ него почти все время молча и среди всеобщей веселости одинъ былъ угрюмъ и недоволенъ. Если-бы Юлія Андреевна проиграла-бы сегодня свою игру — онъ отошелъ-бы отъ нея, бросивъ всѣ свои ухаживанія за ней безъ всякаго труда и сожалѣнія, убѣдивъ себя, что она давно уже перестала ему нравиться, а пожалуй даже и не нравилась никогда. Но дѣло вышло иначе: въ ухаживаніи за ней не только не оказывалось ничего пошлаго или смѣшнаго, напротивъ, въ немъ открылся тотъ особенный букетъ, ради котораго нѣкоторые молодые люди ухаживаютъ и дѣлаютъ глупости изъ-за модной актрисы или танцовщицы, въ сущности нисколько имъ даже не нравящейся, но которая сводитъ съ ума весь Петербургъ, а слѣдовательно и они тоже должны представляться сведенными съ ума.

Увлекшійся сановникъ, Рогозинъ мечтавшій написать Юлію Андреевну въ видѣ Клеопатры, эти лучшіе кавалеры бала не танцующіе—хотя и раздражали Бахманова, но въ то же время вліяли своимъ увлеченіемъ и на него самого.

Онъ сидѣлъ угрюмо, злясь и ревнуя ее ко всѣмъ этимъ господамъ, кокетство ея съ которыми и ухаживаніе которыхъ за нею было, по его мнѣнію, положительно неприлично. Но если бы ея кокетство и ихъ ухаживаніе было меньше, то и собственная его ревность, а вслѣдствіе ревности и новый приливъ увлеченія его были бы тоже гораздо меньше; онъ даже какъ-то безсознательно сознавалъ это. Намъ всегда бываетъ пріятно чувствовать, что та актриса, которой всѣ рукоплещутъ, или та женщина, которая всѣхъ интересуетъ и увлекаетъ—принадлежитъ исключительно намъ и любитъ только насъ—это невольно обостряетъ чувство къ ней. Бахмановъ зналъ, что въ Юліи Андреевнѣ было гораздо больше тщеславія чѣмъ любви; къ тому же, она была горда, злопамятна и рѣдко прощала обиды, а потому теперь могла воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы отомстить ему за всѣ его насмѣшки и пренебрежительное поведеніе въ послѣднюю недѣлю и смѣнить прежняго, уже наскучившаго ей поклонника новымъ, гораздо болѣе значительнымъ и блестящимъ. Когда старый князь начнетъ всюду являться за шлейфомъ Юліи Андреевны съ ея накидкой и букетомъ въ рукахъ (а зная Юлію Андреевну, Бахмановъ былъ увѣренъ, что изъ одного тщеславія и желанія похвалиться своимъ важнымъ поклонникомъ, она непремѣнно заставитъ его все это продѣлывать), то всѣ поймутъ, что Бахмановъ смѣненъ—и смѣненъ не по своей волѣ и желанію, а просто потому, что онъ надоѣлъ и его прогнали. Этого съ нимъ еще никогда не случалось, и онъ считалъ это почти позоромъ; обыкновенно — „онъ“ охладѣвалъ и бросалъ, а теперь... Стыдъ, гнѣвъ и ревность заставили его блѣднѣть и поднимали въ немъ всю желчь.

Чѣмъ меньше Юлія Андреевна, совсѣмъ повидимому забывшая объ его существованіи, поглощенная всецѣло своимъ сановникомъ, обращала на него вниманія,—тѣмъ сильнѣе онъ волновался, ревновалъ и желалъ во что бы

то ни стало вернуть все то вниманіе, которымъ она дарила его за эти полгода.

Такъ какъ Ninon и нѣсколько другихъ лицъ открыли ихъ уютный уголокъ, то Юлія Андреевна поневолѣ покинула его и вышла въ другія комнаты, любезно разговаривая и занимая своихъ гостей, предъ которыми чувствовала себя нѣсколько виноватою въ невнимательности. Но вѣрная свита ея, въ конецъ уже очарованная ею, не покидала ея, медленно двигаясь всюду за ея длиннымъ трэпомъ, и только одинъ князь, котораго она не отпускала отъ себя, видимо хвастаясь имъ, шелъ рядомъ съ ней, своею осанистою, красивою походкой, съ пунцовой розой въ петличкѣ, которую она сама приколола ему въ награду за его милое сравненіе и на память объ сегодняшнемъ днѣ, какъ она сказала ему, съ многозначительнымъ выраженіемъ въ глазахъ. Съ другой стороны, она взяла подъ-руку Софи, съ нѣжной лаской опираясь на ея руку—не то кокетничая этимъ предъ другими, не то искренно желая хотя лаской загладить предъ ней свою вину.

Любовь, нѣжная и глубокая, не была въ натурѣ Бахманова, точно такъ же, какъ не была и въ натурѣ Юліи Андреевны; но онъ могъ страстно увлекаться, или вѣрнѣе, заставлять себя страстно увлекаться, и теперь, боясь что навсегда теряетъ ее, искренно мучился и волновался. При взглядѣ на ея красивый тонкій профиль и всю ея фигуру, стройную и какъ бы созданную для однихъ наслажденій — ему начинало казаться, что онъ страстно и безумно любитъ ее и готовъ натворить изъ-за нея сотню глупостей, лишь бы никому не уступить ее; то вдругъ онъ почти ненавидѣлъ ее съ какою-то острой и злобной болью.

Онъ то пробовалъ ухаживать за Ninon, думая пробудить этимъ *ея* ревность, то хотѣлъ уѣхать совсѣмъ съ этого бала. Но уѣхать онъ не могъ, и злясь на Юлію Андреевну, и на себя, и на сановника, и на всѣхъ этихъ поклонниковъ курившихъ ей ѳиміамъ и портившихъ ее тѣмъ, сознавалъ, что уѣхать онъ не въ силахъ и останется до самаго конца; ухаживаніе за Ninon, казавшейся ему глупою и пошлою, надоѣло ему чрезъ пять минутъ, тѣмъ болѣе что не производило никакого дѣйствія на Юлію Андреевну, изрѣдка только окидывавшую его насмѣшливыми взглядами.

Но когда Рогозинъ сказалъ Юліи Андреевнѣ, что для полной красоты и гармоніи ея прекраснаго туалета ей недостаетъ только живыхъ желтыхъ розъ на груди, которыя бы чрезвычайно пошли къ темному бархату ея платья и жемчугу на шеѣ, и она стала жалѣть, что не подумала и не позаботилась объ этомъ раньше, а теперь уже нигдѣ нельзя ихъ достать, Бахмановъ вдругъ, почти неожиданно для самого себя, рѣшилъ, что поѣдетъ и достанетъ ей эти розы.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти два, конечно все уже давно было заперто, но въ оранжереяхъ, на Каменноостровскомъ, гдѣ онъ всегда покупалъ цвѣты, можно было достучаться и поднять садовника.

Положимъ, это будетъ глупость, и даже большая глупость, ѣхать теперь на Каменно-островскій, стучать, будить народъ, изъ-за какихъ-нибудь десяти розъ, платить за нихъ, благодаря необычному часу, бѣшеныя деньги... Но на Бахманова находило временами какое-то страстное желаніе дѣлать подобныя безумныя и эксцентричныя глупости, о которыхъ потомъ еще долго всѣ говорили.

И не сказавъ никому ни слова, онъ быстро сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, наскоро накинулъ шинель, и сѣвъ въ свои сани, крикнулъ съ какимъ-то мальчишескимъ задоромъ удивленному кучеру: „на Каменно-островскій“.

XVII.

Когда торжествующая Юлія Андреевна замѣтила вдругъ исчезновеніе Бахманова, это очень встревожило ее.

Весь вечеръ онъ былъ очень нелюбезенъ съ ней, и хотя ходилъ за нею вмѣстѣ съ другими, но тѣмъ не менѣе съ такимъ насмѣшливымъ, скептическимъ видомъ, какъ будто не довѣрялъ ни ея успѣху, ни ея очарованію, и посмѣивался въ душѣ и надъ ней, и надъ ея поклонниками. И въ довершеніе всего уѣхалъ даже не простясь! Быть можетъ онъ злится и ревнуетъ? Это было бы очень пріятно Юліи Андреевнѣ; женщины всегда любятъ, когда люди нравящіеся имъ ревнуютъ ихъ,—почти каждая женщина видитъ въ этомъ доказательство любви. Но Юлія Андреевна боялась, не просто ли онъ совсѣмъ охладѣлъ къ ней.

Если Бахманову хотѣлось властвовать надъ Юліей Андреевной, то и она желала власти надъ нимъ. Любить она не умѣла, но онъ нравился ей болѣе всѣхъ другихъ. А потому, хотя она и сознавала, что съумѣла затмить появленіе своей дочери, придавъ ему ничтожный, ничѣмъ не вредящій ей характеръ,—торжество ея казалось ей все-таки не полнымъ, если ей опять не удастся увлечь и покорить Бахманова. Чѣмъ больше ухаживали за ней другіе, тѣмъ больше хотѣлось ей и его заставить ухаживать за собой; но онъ какъ будто не поддавался ея чарамъ, и волнуясь въ душѣ, она кокетничала со всѣми, кокетничая въ сущности съ нимъ однимъ. Но убѣдясь, что онъ уѣхалъ, она вдругъ смутилась и разсердилась, ей стало скучно, досадно—и всѣ ея поклонники сдѣлались ей почему-то непріятны и противны; было даже мгновеніе, когда она вдругъ почувствовала себя уставшею, недовольною и недостигшею ничего, только потому, что не достигла новой побѣды надъ Бахмановымъ.

Но она пересилила себя, и возбуждая самоё-себя тою легкостью побѣдъ, которыя ей сегодня особенно удавались, стала кокетничать, точно на зло Бахманову и себѣ, еще больше, съ какимъ-то нервнымъ оживленіемъ.

Между тѣмъ у Софи разболѣлась голова и она чувствовала себя очень дурно. M-elle Mignard, замѣтившая ея блѣдность и узнавшая, что ей нехорошо, поспѣшила съ таинственнымъ видомъ сообщить Юліи Андреевнѣ, что Софи нужно отдохнуть и освѣжиться, иначе ей сдѣлается дурно.

Юлія Андреевна встревожилась, она терпѣть не могла подобныхъ сценъ на вечерахъ, считая ихъ крайне неприличными и смѣшными, и вмѣстѣ съ M-elle Mignard увела Софи въ свой китайскій будуаръ.

— Ничего, говорила она успокаивающимъ, но слегка недовольнымъ тономъ, пока M-elle Mignard суетилась возлѣ Софи, натирая ей виски одеколономъ,—это пройдетъ, просто съ непривычки. Разстегнись немножко.

Софи сидѣла блѣдная, утомленная и дорóгой, и баломъ, и танцами, и массой необычныхъ для нея впечатлѣній, ей было очень совѣстно и оттого что ей сдѣлалось дурно, и оттого что мать съ нахмуреннымъ лицомъ хлопочетъ подлѣ нея вмѣстѣ съ M-elle Mignard.

— Maman, пожалуйста не безпокойтесь, говорила она сконфуженно,—теперь мнѣ совсѣмъ уже хорошо, я могу опять выйти въ залу.

— Только не танцуй, мой другъ; сейчасъ начнется мазурка, и тебѣ нужно поберечь къ ней свои силы.

Поправивъ ей волосы и платье, Юлія Андреевна позволила ей выйти вмѣстѣ съ M-elle Mignard, а сама осталась на минуту еще слегка поправить прическу. Но въ ту минуту, какъ она хотѣла уже выйти въ свою очередь, она вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась на порогѣ комнаты съ Бахмановымъ.

Она вздрогнула отъ удивленія и неожиданности, и увидѣвъ въ рукахъ его прелестныя желтыя розы, вдругъ разомъ поняла, куда онъ уѣзжалъ и кому привезъ эти розы; глаза ея вспыхнули и заискри-

лись и все лицо покрылось нѣжнымъ розовымъ румянцемъ.

— Откуда вы? спросила она, притворяясь удивленною, но съ радостной улыбкой.

Онъ насмѣшливо, но ласково, какъ будто смѣясь немножко надъ самимъ собою, подалъ ей розы.

— Вотъ, сказалъ онъ,—теперь вашъ туалетъ будетъ вполнѣ законченъ.

Она, все еще сдерживаясь, почти съ недовѣріемъ, глядѣла на него, какъ будто даже не вѣря въ возможность подобной любезности съ его стороны; но всмотрѣвшись въ его лицо и глаза, сверкавшіе теперь восторгомъ и страстью, она невольно повѣрила и тихо засмѣялась.

— Но гдѣ вы ихъ достали? спросила она, вдыхая тонкій ароматъ благоухавшихъ розъ, напоминавшихъ цвѣтъ и запахъ персика.—Теперь все заперто! Какъ вы ухитрились?

— Ну, это не трудно, стоитъ только захотѣть!

— И вы захотѣли? спросила она съ нѣжнымъ оттѣнкомъ растягивая слова, и все лицо ея озарилось какимъ-то мягкимъ, ласковымъ свѣтомъ.

Онъ молча, съ выраженіемъ сдерживаемаго чувства, кивнулъ ей головой и вдругъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, взялъ ея руку, и крѣпко прижалъ ее къ своимъ горячимъ губамъ.

Она молча, съ безсознательной улыбкой смотрѣла на него потухшими, темнѣющими глазами; какое-то странное чувство поднималось въ душѣ ея и медленно но властно обхватывало все ея существо, голова ея кружилась и ей самой хотѣлось припасть къ этой красивой головѣ, такъ страстно цѣловавшей ея руку, хотѣлось какъ будто даже заплакать...

„Отчего ты никогда не любила?..“ звучало гдѣ-то внутри ея. „Люби, люби, вѣдь это счастье... а ты никогда... никогда не знала его... этого счастья...“ Лицо ея блѣднѣло и что-то жуткое, но радостное охватывало всю ея душу...

Но она вдругъ опомнилась.

„Нѣтъ, нѣтъ! подумала она, преодолѣвая самоё-себя,— если это случится теперь, я все испорчу; онъ влюбленъ, потому что ревнуетъ—и чѣмъ больше онъ будетъ ревновать, чѣмъ холоднѣе я буду съ нимъ—тѣмъ сильнѣе я буду надъ нимъ!“ И она вдругъ захохотала насмѣшливымъ, торжествующимъ хохотомъ.

— А, такъ и вы значитъ умѣете дѣлать глупости, когда захотите? Но онѣ, право, не къ лицу вамъ!

Онъ поднялъ голову и смотрѣлъ на нее еще отуманенными страстью глазами, безъ мысли и безъ сознанія, какъ человѣкъ, котораго грубо оторвали отъ сладкой грёзы.

— Бахмановъ, сказала она вдругъ, странно зазвенѣвшимъ голосомъ и кладя свои руки на его руки,— скажите мнѣ, что думали вы сегодня утромъ! скажите!

Она близко наклонила къ нему свое прелестное, поблѣднѣвшее отъ волненія лицо съ ярко горящими на немъ темными злыми глазами.—Хотите я вамъ скажу сама? вы думали: „эта женщина стара и надоѣла мнѣ, любить ее смѣшно и дико, а ухаживать за ней пошло и глупо! Къ чему мнѣ возиться съ ней, когда можно найти десятокъ другихъ на ея мѣсто, и моложе, и лучше ея!“ А теперь, Бахмановъ, теперь что вы думаете?

Она еще ближе наклонила къ нему свое лицо и глаза ея засверкали торжествующимъ огнемъ.—Теперь вы готовы умолять меня, чтобы только вернуть прошлое! А чрезъ мѣсяцъ вы будете ползать предо мной на колѣняхъ, вы отдадите быть-можетъ десять лѣтъ жизни за минуту счастья! Но этого никогда уже не будетъ,—слышите, никогда! а если и будетъ, то тѣмъ хуже для васъ, потому что это будетъ вашимъ горемъ, вашимъ униженіемъ, вашимъ стыдомъ, но вы все-таки будете добиваться этого, потому что даже стыдъ и униженіе изъ-за меня будетъ для васъ счастіемъ! Вы не хотѣли быть господиномъ, теперь будете рабомъ; вы стыдились любить меня, а теперь я васъ измучаю, истерзаю, а вы все-таки побѣжите за мной, потому что я зла, Бахмановъ, потому что я не прощаю обидъ и умѣю мстить за нихъ!

Она съ трудомъ перевела духъ и остановилась. Грудь ея порывисто дышала, но глаза сверкали злобнымъ торжествомъ и наслажденіемъ мести.

Онъ глядѣлъ на нее молча, съ искривившимся отъ бѣшенства и оскорбленія лицомъ. Ея слова мучительно хлестали его по самолюбію. Но чѣмъ больше она говорила, чѣмъ дольше глядѣлъ онъ въ это злое, прелестное лицо ея, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ всю унизительную, безпощадную правду ея словъ. Теперь онъ ненавидѣлъ ее и боготворилъ—онъ готовъ былъ въ бѣшенствѣ ударить ее, и готовъ былъ упасть предъ ней и цѣловать ея ноги.

Когда она кончила и отошла отъ него, злая, торжествующая и гордая своей силой надъ нимъ, онъ дышалъ такъ же тяжело, какъ и она, и лицо его было такъ же блѣдно, какъ и у нея.

Но онъ вдругъ схватилъ ея руку и, самъ не зная что̀ дѣлаетъ, стиснулъ ее.

— Все это ложь, вскрикнулъ онъ задыхающимся шепотомъ—и вы будете не такою, какою *вамъ* вздумается быть, а такою, какою *я* захочу сдѣлать васъ!

— Никогда!

И она гордо подняла голову и презрительно захохотала.

Рука ея, стиснутая какъ клещами въ его небольшой, но сильной рукѣ, вся затекла и посинѣла, но она даже не вскрикнула отъ боли, и только до крови закусила свои губы. Портьера приподнялась и на порогѣ показалась улыбающаяся Ninon.

— Но гдѣ же ты, мой другъ, опять спряталась? спросила она, подозрительно взглядывая на Бахманова,—твои старички тебя вездѣ ищутъ.

Юлія Андреевна оправилась, и еще съ трудомъ дыша, но уже со спокойнымъ лицомъ, улыбнулась своей подругѣ.

— Посмотри, сказала она,—какія прелестныя розы привезъ мнѣ Анатолій Николаевичъ.

— Боже мой, какъ это трогательно! Вы, Бахмановъ, совсѣмъ рыцарь безъ страха и упрека! насмѣшливо проговорила Ninon, иронически поглядывая на Бахманова, на котораго она давно уже дулась за его продолжительное ухаживаніе за Юліей Андреевной и невниманіе къ себѣ.

Юлія Андреевна приколола розы къ своей груди съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ глазахъ, подняла перчатку и вышла вмѣстѣ съ Ninon и Бахмановымъ въ гостиныя, гдѣ ея поклонники начали уже сильно скучать въ ея отсутствіи.

XVIII.

Въ залѣ между тѣмъ шли приготовленія къ мазуркѣ. Лакеи внесли серебряные подносы, заваленные букетами для дамъ и орденами для мужчинъ.

Увидѣвъ входящую Юлію Андреевну, Юринъ кинулся къ ней.

— Юлія Андреевна, воскликнулъ онъ,—ну ради Бога, не отнимайте у меня вдохновенія! Вы должны танцовать! Мазурка—и вдругъ безъ васъ! Развѣ это мыслимо!

Всѣ подхватили его просьбу, не только мужчины, но и дамы упрашивали ее танцовать. Она нерѣшительно, видимо колеблясь, но все еще упорно качала головой.

Старый князь, такъ и не уѣхавшій на другой балъ, умолялъ ее не лишать его удовольствія видѣть ее

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Дѣвочка.
Картина **И. Творожникова** (право гравированія пріобрѣтено „**Нивой**"), грав. А. Творожниковъ.

танцующею мазурку, которую, какъ онъ слышалъ, она танцуетъ восхитительно.

Она взглянула на него и въ глазахъ ея загорѣлось вдругъ что-то новое.

— Ну, хорошо, сказала она, смотря на него чарующимъ взглядомъ,—я буду танцовать...

— Неужели! радостно воскликнули многіе, а Юринъ даже подпрыгнулъ отъ восторга.

— Но съ однимъ условіемъ, прибавила она, кокетливо улыбаясь.—Князь, я хочу танцовать съ вами.

Князь какъ-то растерянно вспыхнулъ.

— Со мной? помилуйте, вѣдь я не танцовалъ уже двадцать-три года, сказалъ онъ, какъ бы печально разводя руками.

— Никто не мѣшаетъ начать на двадцать четвертый, воскликнула она смѣясь,—при томъ же, вѣдь это мое единственное условіе.

Князь нѣсколько сконфуженно глядѣлъ на нее, видимо не зная на что̀ рѣшиться. Танцовать, да еще въ домѣ Таненбаумовъ, ему очень не хотѣлось. Онъ занималъ для этого слишкомъ видный и значительный постъ; довольно и того, что онъ согласился пріѣхать къ нимъ и пробылъ у нихъ весь вечеръ. Разсматривая вопросъ съ этой стороны, князь чувствовалъ необходимость уклониться отъ предложенія прелестной хозяйки; съ другой же стороны, отказать въ просьбѣ, да еще въ подобной просьбѣ, хорошенькой женщинѣ, было не въ его правилахъ, и онъ колебался, придумывая, какъ лучше выйти ему изъ непріятнаго положенія. Но всѣ ждали его отвѣта, онъ задерживалъ танцы, а Юлія Андреевна чаровала его своимъ безмолвнымъ взглядомъ.

— Я безмѣрно осчастливленъ вашимъ желаніемъ, но боюсь, что буду неудачно выбраннымъ кавалеромъ. Шестьдесятъ лѣтъ на плечахъ что-нибудь да значатъ въ подобныхъ вещахъ! говорилъ онъ, въ душѣ уже рѣшая покориться своей участи, которая если и шокировала его какъ сановника, то съ другой стороны все же отчасти льстила ему, какъ мужчинѣ, выбранному изъ толпы всѣхъ прочихъ, молодыхъ, блестящихъ и красивыхъ, хорошенькою женщиной и царицей бала.

Глаза Юліи Андреевны блеснули гордымъ торжествомъ, и съ прелестной улыбкой она подала ему свою руку, а онъ поклонился ей съ такимъ глубоко почтительнымъ видомъ, какъ будто однимъ этимъ поклономъ хотѣлъ возвысить ее въ глазахъ всей толпы, которая послѣ этого уже не смѣла бы находить ее недостойною его дамой.

Какъ только узнали, что Юлія Андреевна будетъ танцовать, Юринъ въ восторгѣ кинулся на средину залы и вскрикнулъ „à vos places, messieurs и mesdames“ съ такимъ одушевленіемъ, что всѣ сразу оживились, повеселѣли и почувствовали, что онъ сегодня въ особенномъ ударѣ и что мазурка пройдетъ великолѣпно; а когда вошла Юлія Андреевна подъ руку со своимъ маститымъ кавалеромъ, ведшимъ ее съ рыцарски-благородною почтительностью,—по всей залѣ пробѣжалъ ропотъ изумленія.

Это была такая важная и быстрая побѣда, что невольно поражала всѣхъ точно какое-то чрезвычайное событіе, и дамы, злившіяся на Юлію Андреевну еще съ начала вечера, тихо перешептывались, провожая и ее, и князя насмѣшливыми и завистливыми взглядами и улыбками.

Раздался второй ритурнель. Юринъ всегда начиналъ мазурку польскимъ, и очень гордился этою исключительно своею выдумкой. Какъ дирижеръ танцами, онъ шелъ всегда въ первой парѣ, но теперь онъ считалъ это неловкимъ относительно князя и, подлетѣвъ къ нему, съ любезной почтительностью предложилъ ему помѣняться мѣстами. Князю это не очень понравилось, онъ чувствовалъ себя какъ бы выставляемымъ еще больше на видъ; но Юлія Андреевна, считавшая повидимому просьбу Юрина, танцовавшаго съ Софи, вполнѣ законною, съ милой улыбкой кивнула ему головкой.

И когда прогремѣлъ второй ритурнель, и пары выстроились и двинулись, то хотя лицо князя и казалось нѣсколько смущеннымъ, но онъ такъ высоко держалъ свою сѣдую, благородную голову, шелъ такъ плавно и спокойно, съ выраженіемъ такого глубокаго достоинства и уваженія и къ себѣ, и къ своей дамѣ, эффектная красота которой въ величественномъ плавномъ польскомъ выступала еще ослѣпительнѣе, что они невольно выдѣлялись отъ всѣхъ другихъ и обращали на себя всеобщее вниманіе.

Менѣе ярые игроки бросили на время карты и подошли къ дверямъ залы полюбоваться на танцующихъ. Ѳедоръ Густавовичъ тоже пришелъ. Сегодня ему положительно и не сидѣлось за картами, да и не везло. Онъ игралъ разсѣянно, дѣлалъ страшныя ошибки, пропускалъ хорошія игры, ставилъ штрафы и всѣ его партнеры сердились, крича на него и прося быть внимательнѣе къ игрѣ. Ѳедоръ Густавовичъ извинялся, сознавалъ свою вину и конфузился, стараясь побѣдить свою разсѣянность; но плечи и глаза жены вставали передъ нимъ и, путая все, мѣшали окончательно сосредоточиться, наполняя его голову совсѣмъ другими, неподходящими для картъ мыслями, такъ что, когда его партнеры рѣшили сдѣлать маленькій перерывъ и выйти въ залу, онъ чрезвычайно обрадовался.

Увидѣвъ князя выступавшаго рядомъ съ его женой, блиставшей гордостью и красотой, онъ невольно остановился въ дверяхъ, пораженный и растроганный этою неожиданною картиной.

„О!“ сказалъ онъ себѣ, проникаясь къ женѣ еще большею нѣжностью, „это геніальная женщина! Ей надо было рождаться королевой или министромъ. Такой побѣда! Такой побѣда! Но это цѣлый выигрышъ въ двѣсти тысячъ. О, это дипломатическій побѣда: теперь мой проектъ объ акціяхъ X. желѣзной дороги будетъ непремѣнно проходить! Я могу бывать спокоенъ“.

И онъ съ восхищеніемъ слѣдилъ за ними, проникаясь усиленнымъ уваженіемъ и къ князю, и къ женѣ, и къ себѣ, и къ своему дому, и съ гордымъ самодовольствіемъ, какъ бы желая воскликнуть: „видите-ли, кто танцуетъ съ моей женой и понимаете ли вы теперь, у кого вы!“—поглядывалъ на всѣхъ, стараясь придать лицу своему, невольно расплывавшемуся въ счастливую, благодушную улыбку, сосредоточенно важное, но равнодушное выраженіе, какъ будто онъ давно уже привыкъ къ подобнымъ вещамъ и онѣ были ему совсѣмъ не въ диковинку.

Между тѣмъ польскій перешелъ въ мазурку. Князь сдѣлалъ со своей дамой еще два тура и затѣмъ, подведя ее къ мѣсту и придвинувъ ей стулъ, раскланялся предъ ней съ самымъ глубокимъ почтеніемъ.

Ѳедоръ Густавовичъ, находившій что ему все-таки слѣдуетъ поблагодарить князя за особенную честь, оказанную его дому, тотчасъ подлетѣлъ къ нему и радостно улыбаясь, что-то говоря и за что-то благодаря, но отъ волненія такимъ ломанымъ русскимъ языкомъ, что его не понималъ не только князь, но даже и онъ самъ, крѣпко жалъ обѣими руками руку сановника. Князь хмуро, съ недовольнымъ лицомъ, сердясь на то, что этотъ глупый нѣмецъ, своими безтактными благодарностями, обращаетъ на него еще большее вниманіе, какъ бы подчеркивая его неосторожный поступокъ,—сухо и холодно бормоталъ ему что-то сквозь зубы въ отвѣтъ, какъ бы нарочно вымещая на немъ ту побѣду, которую одержала надъ нимъ его жена, заставившая его и ухаживать за собой, и даже танцовать, какъ какого-нибудь мальчишку.

А Юлія Андреевна едва успѣла сѣсть, какъ тотчасъ же къ ней поспѣшно, точно боясь, что кто нибудь опередитъ его, кинулся Юринъ.

Она съ улыбкой взглянула на него и, слегка пожавъ плечами, подала ему руку.

— Какъ вамъ не скучно танцовать съ такой старухой, сказала она, смѣясь такъ весело и счастливо, что ея лицо казалось еще прелестнѣе и моложе.

Юлія Андреевна танцовала изящно и легко, съ чисто польскимъ пошибомъ, который она унаслѣдовала отъ полячки-бабушки.

Всѣ мужчины, какъ только увидѣли ее танцующей, желали танцовать съ ней во что бы то ни стало; перебивали ее другъ у друга, не давали ей даже отдыхать и караулили ее на ея мѣстѣ цѣлыми десятками. А она, точно желая наградить себя за весь вечеръ, танцовала въ какомъ-то страстномъ упоеніи, вся разгорѣвшаяся, съ полуоткрытыми губами и блестящими, влажными глазами, и благоухающія розы трепетали и вздрагивали на ея открытой, прекрасной груди.

Она чувствовала на себѣ всѣ эти влюбленные, жадные взгляды и сознавала, что она дѣйствительно прелестна, что всѣ любуются и восхищаются ею, и что никогда быть-можетъ еще за всю свою жизнь она не была такъ обаятельна, прекрасна, какъ сегодня, благодаря тому волненію, въ которомъ пробыла весь день, и тому радостному сознанію своего торжества, своего огромнаго успѣха, которое наполняло ее теперь такимъ счастіемъ. И она никому не отказывала, всѣмъ расточая чарующія улыбки, которыя невольно, какъ бы еще больше, опьяняли всѣхъ какой-то захватывающей страстью и увлеченіемъ.

Она одна властно царила надъ всѣми—и не только ея дочь, съ восторгомъ любовавшаяся своей красавицей-матерью, но почти всѣ другія женщины были забыты; она смѣялась надъ ними и нарочно дразнила ихъ, увлекая ихъ мужей и отнимая у нихъ поклонниковъ, мстя имъ за тѣ обиды и насмѣшки, которыя выслушала отъ нихъ въ началѣ вечера; а блѣдное, страдающее лицо Бахманова, съ мучительной ревностью угрюмо слѣдившее за ней, наполняло ее какимъ-то жуткимъ но сладкимъ наслажденіемъ.

Она смѣялась и надъ нимъ, и надо всѣми, но всѣ они были ея покорные рабы, по крайней мѣрѣ насегодня, ловившіе ея взгляды, радовавшіеся ея улыбкамъ; успѣхъ этотъ опьянилъ ее самоё и ей съ ненасытнымъ желаніемъ хотѣлось все бо́льшаго и бо́льшаго.

Въ той фигурѣ гдѣ она должна была бросить свой платокъ, она вдругъ порывистымъ движеніемъ сорвала съ груди своей Бахмановскія розы и высоко подбросила ихъ кверху...

Розы разлетѣлись и кружились въ воздухѣ упадая внизъ, но сотни рукъ уже бросились ловить ихъ, всѣ суетились, всѣ толкали другъ друга, съ какимъ-то бѣшенствомъ, чтобы только поймать и перехватить у другаго *ея* розу, и даже старикъ-князь, совсѣмъ уже было рѣшившійся не танцовать больше, но на котораго она кинула короткій жгучій взглядъ, вдругъ рванулся въ средину толпы и, ловко перехвативъ у кого-то ея цвѣтокъ, высоко поднялъ его, счастливый тѣмъ, что ему удалось добыть этотъ трофей...

А она стояла посреди ихъ, властная, торжествующая, улыбающаяся, и глядѣла на Бахманова, поблѣднѣвшаго отъ гнѣва, оскорбленія и муки, злыми наслаждающимися глазами. Но одна роза, случайно или нарочно, осталась на ея груди, и она крѣпко прижала ее къ себѣ своей горячею рукой...

Балъ кончился, огни потушили и всѣ разъѣхались уже на зарѣ.

Юлія Андреевна вошла въ свою комнату и молча позволила камеристкѣ раздѣвать себя. Но когда Анна ушла и она осталась одна, предъ своимъ туалетомъ, въ глубокомъ, мягкомъ креслѣ, темные, усталые глаза ея, смотрѣвшіе въ зеркало на блѣдное лицо, засіяли вдругъ гордымъ счастіемъ.

Слабый свѣтъ зари уже пробивался въ окна и свѣчи тускло мерцали, отражаясь въ зеркалѣ желтовато-красными огоньками; но она не замѣчала разсвѣта, вся еще полная впечатлѣніями проскользнувшей какъ чудный сонъ, этой ночи. Желтая роза, слегка уже поблекшая, лежала подлѣ нея и она съ задумчивой улыбкой смотрѣла на нее.

„Я спрячу ее“, подумала она съ нѣжною лаской прикасаясь къ ней, любя въ ней не только свой успѣхъ, но даже какъ будто и того, кто ей привезъ эту розу, „спрячу на память объ этомъ днѣ... Осеннія розы... быть можетъ это послѣдніе мои цвѣты“.

— Нѣтъ, воскликнула она вдругъ съ гордо загорѣвшимися глазами.—Нѣтъ, они не послѣдніе! Это было мое торжество! Мой лучшій день за всю жизнь! И теперь я опять сильна и уже надолго, а мнѣ... Боже мой! Вѣдь мнѣ уже скоро сорокъ лѣтъ! Вотъ что̀ значитъ быть умной женщиной!

Лицо ея сіяло счастіемъ и сознаніемъ своего торжества и успѣха, которые она такъ любила и безъ которыхъ не понимала жизни...

КОНЕЦЪ.

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Разсказъ **В. П. Желиховской.**

(Продолженіе).

V.

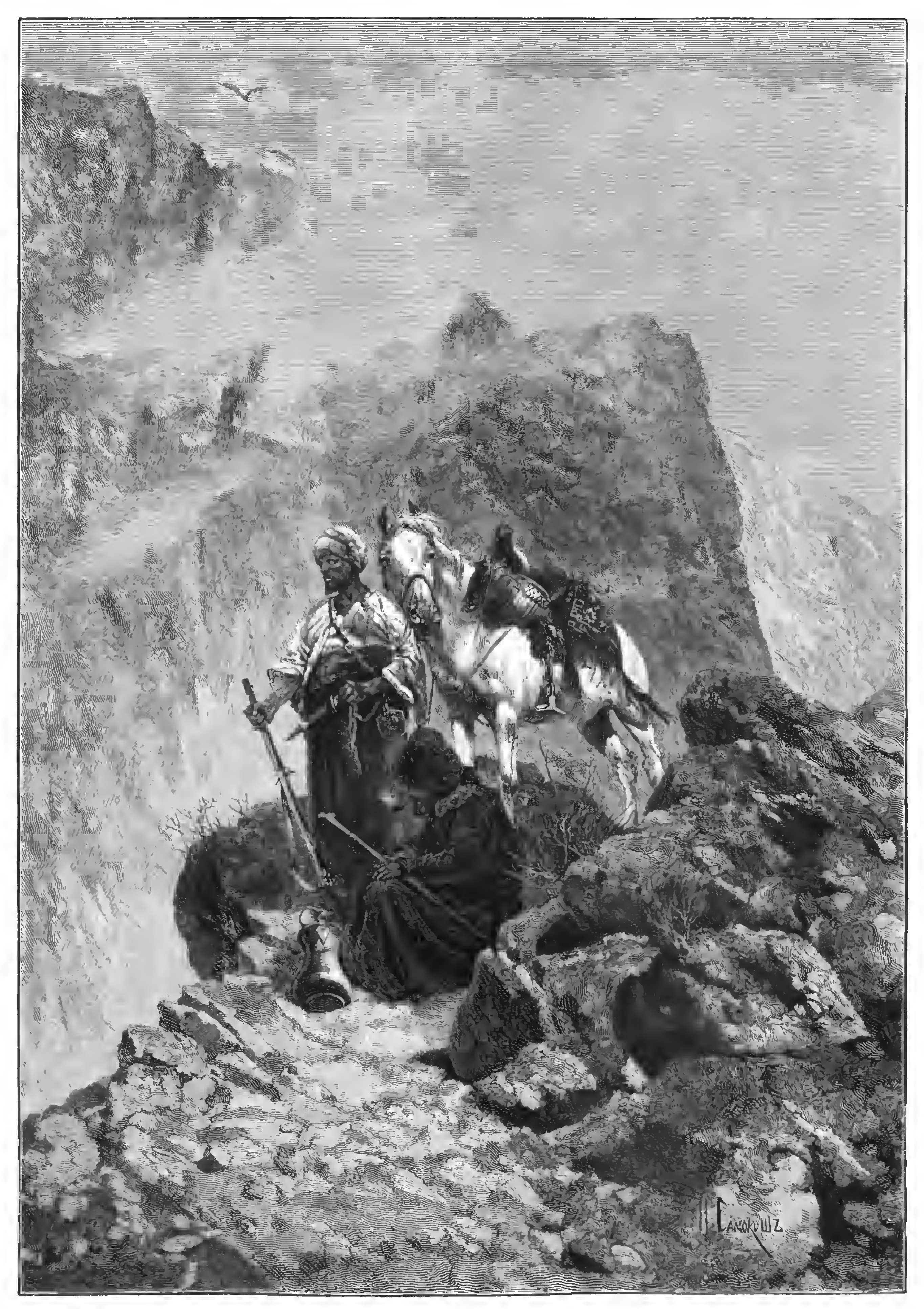
Изъ числа многихъ доброкачественныхъ свойствъ, которыми природа одарила Порфирія Перепелкина, благодарность и воспоминаніе о людяхъ чѣмъ либо его обязавшихъ—не были исключены. Онъ и два года тому назадъ, едва оправившись отъ болѣзни, навѣщалъ студента Рындина, но не засталъ его; а когда вторично собрался побывать у него весной, оказалось что тотъ съѣхалъ неизвѣстно куда.

Теперь Перепелкину часто вспадала мысль о немъ: гдѣ онъ и что?.. не нуждается-ль?.. Нельзя-ли помочь ему?

Онъ разыскивалъ усердно, но не могъ напасть на слѣдъ. Въ университетѣ сказали ему, что тою же весною двое Рындиныхъ, оба Иваны, курсъ окончили; въ полиціи тоже никакого толку не добился. Два-три раза побывалъ напрасно въ мѣстахъ указанныхъ ему въ адресномъ столѣ и бросилъ искать. Потомъ сказали ему тамъ же, что Иванъ Рындинъ значится выбывшимъ въ Казань; онъ и положилъ что уѣхалъ его „спаситель“ и отложилъ всякіе розыски. Приходила ему на умъ и та миловидная „сосѣдка“, которую онъ такъ напугалъ, когда она компрессъ ему поправляла... Ходилъ нашъ богачъ опять въ тотъ дальній переулокъ: не узнаетъ-ли чего? Не встрѣтится-ль? Но гдѣ-жь узнать, когда и фамиліи-то ея онъ не слыхивалъ!

На томъ дѣло и стало.

Въ іюлѣ, 27 числа, въ парадномъ залѣ Анфисы Ильиничны Мордасовой былъ „балъ“, по случаю дня ея ангела. Балъ былъ форменный, — съ нанятыми офиціантами и музыкой. Нечего и говорить, что хотя Порфирій Семеновичъ и не былъ танцоромъ, но все же однимъ изъ почетнѣйшихъ гостей почитался. И маменьки, и многія дѣвицы на него заглядывались, куда охотнѣе, чѣмъ на кавалеровъ и помоложе, и покрасивѣй. Впрочемъ, по истинѣ говоря, нашъ надворный совѣтникъ вовсе не былъ лыкомъ шитъ, а напротивъ все еще, какъ Мароа о немъ говорила, былъ „мужчина ровный“, сохранившій не только почти всѣ волосы и зубы, но даже и цвѣтъ лица, совсѣмъ приличествующій пятидесятилѣтнему петербургскому чиновнику. Учительша Раиса Корниловна находила, что у него безсмысленный взглядъ и что очень его портитъ вѣчная „телячья улыбка“... Но Анфиса Ильинична богатырски возставала противъ „злобныхъ словъ этой патлатой“, увѣряя будто бойкая вдовушка смѣется надъ Порфиріемъ Семеновичемъ лишь убѣдясь, что *зеленъ виноградъ*... Сколько разъ де она его ни просила на свои ухарскія вечеринки съ цыганскими пѣснями, онъ ни разу къ ней не пошелъ. Она внушала своей Аннушкѣ, что такой мужъ какъ Перепелкинъ, богатый, чиновный, богобоязненный и кроткій — Божья благодать!.. Да благоразумная Анна Ѳедотовна, похожая на мать какъ пятипудовая гирька

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Въ горахъ.

Картина **Н. С. Самокиша** (право гравированія пріобрѣтено **„Нивой“**), грав. М. Рашевскій.

XVII передвижная выставка. Сироты.

Картина бар. **М. И Клодта** (право гравированія пріобрѣтено „**Нивой**"), грав. Ю. Барановскій.

на восьмипудоную гирю, и сама находила Порфирія Семеновича очень привлекательнымъ женихомъ и отнюдь не смущалась его кроткой улыбкой и слегка растеряннымъ взглядомъ, проявлявшимся въ минуты затрудненій и волненія. И кромѣ хозяйки дома съ дочкой здѣсь были нѣжныя родительницы и многія дѣвушки-невѣсты, зарившіяся на завиднаго жениха; но какъ нарочно не было между всѣми ними такой, на которую онъ могъ бы засмотрѣться, сейчасъ же не вспомнивъ чего-нибудь непріятнаго... Ужь слишкомъ давно и хорошо зналъ этотъ молчаливый наблюдатель - старожилъ всѣхъ этихъ барышень съ ихъ родителями вмѣстѣ!.. И какъ на грѣхъ, ему самому хотѣлось до смерти жениться; но зная людямъ и себѣ цѣну, онъ вовсе не желалъ ни особенно хорошенькой, ни тѣмъ болѣе молоденькой жены; а такой-то именно, среднихъ лѣтъ, хорошей, не взыскательной, доброй женщины, которая бы посмотрѣла на него тоже какъ на добраго человѣка, а не единственно какъ на мѣшокъ съ деньгами, и не находилось вокругъ него... Простосердечный, во многомъ до смѣшнаго неопытный, Порфирій Перепелкинъ далеко не былъ глупъ, какъ то многіе думали. Онъ прекрасно видѣлъ, какіе подвохи ему подводятъ; какъ стараются поймать его барышни, которыя полгода назадъ его и знать бы не захотѣли, а теперь наперерывъ стремились увѣрить его, что онъ ихъ плѣнилъ и побѣдилъ. Замѣчалъ отлично, какими сердитыми взглядами переглядываются изъ-за него матушки; какъ каждая изъ нихъ въ его присутствіи пытается охаять дочерей своей сосѣдки и восхвалить своихъ собственныхъ...

Видалъ онъ въ молодости водевиль графа Соллогуба: „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“, который очень ему понравился и въ памяти остался. Теперь онъ часто вспоминалъ его, посмѣиваясь втихомолку, но больше досадуя и благодаря Бога, что онъ не Сердечкинъ, никогда и съ молоду не бывалъ влюбчивымъ, а то пришлось бы ему, „на старости лѣтъ дурачка разыграть“... Онъ нѣсколько разъ даже нарочно громко заговаривалъ объ этомъ водевилѣ; разсказывалъ, какъ смѣшно ссорятся тамъ барышни изъ-за богатаго жениха, а старушки чуть другъ другу глазъ не выцарапываютъ, ратуя за дочерей своихъ... Нарочно разсказывалъ, чтобъ слышали кому слѣдовало, поняли его и въ покоѣ оставили. Да не тутъ-то было! Госпожи *Кубыркины* и *Бояркины*, съ *Машеньками* и *Катеньками*,— злыми кокетками,— такъ и роились кругомъ злополучнаго богача, вѣчно готовыя передраться; только некорыстолюбивой, скромной и милой *Настеньки* не находилось.

Всѣ эти происки, неудачныя хитрости, которыми его окружали, начиная съ наивныхъ ему „глазокъ“ и улыбочекъ и кончая попытками подкупить вѣрную ему Марѳу, которая въ сердцахъ не разбирала словъ и жестовъ, а потому раза два чуть не попала сама въ бѣду, заступаясь за своего барина и за свой собственный гоноръ вѣрной слуги,— до того раздражали и надоѣли бѣдному богачу, что онъ нѣсколько разъ серьезно подумывалъ бросить все, уѣхать изъ Петербурга. Но нерѣшительный и добродушный, онъ скоро „отходилъ“ сердцемъ, даже смѣялся самъ надъ своимъ горестнымъ положеніемъ и легко находилъ оправданія не дававшимъ ему покоя „спекуляторамъ“.

— А ну-ка, ну-ка, Марѳа Родіоновна!, посмѣиваясь говорилъ онъ своей разгнѣванной „экономкѣ“:— разскажи, каково хорошъ былъ платокъ, что купчиха наша сулила подарить тебѣ въ день моего бракосочетанія съ Анной Ѳедотовной?.. Никакъ цѣльную шаль персидскую или турецкую обѣщалась, а?..

— Шаль! какже!.. Развѣ *одну* шаль?.. сердито откликалась Марѳа.— Держите шире карманъ!.. Не то шаль, а и атласу на платье сулила, и бархату на салопъ. Чего-чего ни предлагала, безстыжіе ея глаза!

— Ну и что-жь ты, безпардонная, не сватаешь? хохоча фистулой, по своему обычаю, допекалъ ее баринъ.—Можетъ я-бъ и послушался?.. Можетъ я и самъ не прочь, а только твоего слова ожидаю?

— Ну да! возражала обидчиво бывшая кухарка.— Не знаю я вашего упрямства, какже!.. У самого, чай, глаза во лбу есть. Выбирай любую. А я тебѣ, сударь, не совѣтчица, чтобы оносля не пенялъ, какъ не задастся супруга!

— Эхма! вздыхалъ баринъ.— Да, голубушка, того я и самъ боюсь, что не задастся... Прошли мои годы,— куда мнѣ жениться?.. Не хочу. Проживемъ съ тобою и въ одиночку... Ты вѣдь тоже отъ ранней молодости вдовѣешь?.. Вотъ мы съ тобой и собрались бобыли!

— Ну, что я?.. Какая рѣчь обо мнѣ!.. А вамъ не слѣдъ. Вамъ надо семью, потому у васъ на многихъ достатку!.. Вы скольких людей можете осчастливить?.. А то кому добро ваше останется?

— Какъ кому?.. Да мало-ль?.. На богадѣльню оставлю, увѣчные люди за мою душу молить будутъ... А нѣтъ — на дѣтскій пріютъ! Воспитывать бѣдныхъ дѣтей завѣщаю... Еще лучше всякой семьи. Семью-то, готовую, гдѣ возьмешь?

— Ужь и готовую!.. Тоже — сказали!.. Что вамъ сто лѣтъ, что-ли? Поспѣете и своей обзавестись.

— Ну да! расхохотался опять баринъ,—обзаведешься тутъ съ тобою, когда ты вонъ ни за шали, ни за бархаты, ни за какія коврижки меня сватать не хочешь!..

Въ августѣ мѣсяцѣ отдѣлана была наконецъ заново квартира въ „билитажѣ“, и Перепелкинъ перешелъ на новое жилье. Ему понравилось отдѣлывать и украшать просторныя, свѣтлыя комнаты, и онъ раскошелился. Это была первая значительная трата, которую онъ сдѣлалъ для себя, на свое удовольствіе. Накупая мебели, зеркалъ, картинъ, въ залу, въ гостиную и столовую, Порфирій Семеновичъ почти ничего не пріобрѣлъ для своего кабинета и спальни; туда онъ снесъ все, что было у него во флигелькѣ, и самъ благоговѣйно разставилъ и поприбивалъ по новымъ мѣстамъ старые, съ дѣтства дорогіе ему предметы.

— Тамъ комнаты и вещи на-показъ, для гостей — чужія! объяснялъ онъ Марѳѣ.—А здѣсь я буду *дома*! Опять по старому, въ своемъ насиженномъ гнѣздѣ, гдѣ прошла моя молодость,—сидѣть, стариться и вспоминать прошлое, глядя на всѣ эти милыя мнѣ вещи!

„Эхъ! Что въ гнѣздѣ безъ птенчиковъ?“ подумала со вздохомъ Марѳа, но ничего вслухъ не сказала, жалѣя барина.

Однако, врядъ-ли того же не подумалъ и самъ онъ, привѣсивъ на послѣдній гвоздикъ картинку „Семейное счастіе“ и задумчиво вглядываясь въ колыбель спящаго младенца, глубоко затаивъ вздохъ, поднявшійся со дна души.

Не смотря на твердое намѣреніе по возможности удаляться отъ своего опостылѣвшаго ему общества, скорѣе никогда и ни на комъ не жениться, чѣмъ отдать свою старость на растерзаніе одной изъ этихъ барышень,—Порфирій Семеновичъ все-таки рѣшилъ, что онъ обязанъ „отплатить за вниманіе“, угостить такъ часто его угощавшихъ знакомыхъ и справилъ новоселье шумно, съ дамами, съ танцами, съ шампанскимъ, съ разливнымъ моремъ угощеній... И что-жь?.. Да ничего, только добрые люди его же скрягой выбранили..

— Могъ бы, кажется, *день* назначить и каждую недѣлю веселить знакомыхъ, богатѣй такой!... Лежитъ на своихъ деньгахъ, какъ собака на сѣнѣ; ни ему и никому отъ нихъ проку нѣтъ.

Только всего и дождался Порфирій Семеновичъ отъ многочисленныхъ друзей-пріятелей.

Напросились къ нему гости и поважнѣй: генералъ, прослышавъ что онъ занялъ хорошую квартиру, похвалилъ, сказавъ, что это *дѣло*; такъ-молъ и подобаетъ человѣку со средствами, себя уважающему. И тутъ же обратился къ племянницѣ съ предложеніемъ:

— А что, Флорочка, не справить ли намъ-его новоселья? Не поиграть ли въ винтикъ у него въ гостяхъ?

Флора Осиповна съ удовольствіемъ согласилась; а Перепелкинъ тутъ же рѣшилъ, что ужь надо ему справить вторичное новоселье собственно для сослуживцевъ, съ полнымъ комплектомъ начальства и отпраздновать съ громомъ. Угостить на славу, такъ чтобы даже это балованное генеральство помнило какъ угощаетъ Порфирій Перепелкинъ.

Задумано—слажено. Порфирій Семеновичъ избралъ нарочно канунъ большаго праздника, такъ чтобы служащимъ повольготнѣе было, и самъ всѣхъ объѣздилъ съ приглашеніями. Даже по дачамъ, въ Павловскѣ и Петергофѣ побывалъ у двоихъ генераловъ, состоявшихъ подчиненными *его* главному генералу. Всѣ обѣщались быть на Петербургской Сторонѣ ровно къ шести часамъ, *по возможности* и съ генеральшами.

Только прямой его начальникъ, тотъ самый, изъ-за порученія котораго чуть не погибъ Порфирій Семеновичъ, спросилъ его шутя: кто-жь у него, закоснѣлаго холостяка, за хозяйку будетъ,—и узнавъ, что онъ „покорнѣйше просилъ Флору Іосифовну Деларозъ сдѣлать ему эту честь“, быстро поднялъ на него глаза и удивленно переспросилъ:

— Кого?

— Родственницу ихъ превосходительства Петра Афанасьевича-съ, Флору Іосифовну-съ, повторилъ Перепелкинъ.

— Ага!.. вразумительно протянулъ начальникъ департамента.—Хорошо-съ! Буду, если ничто не помѣшаетъ.

Но вѣроятно помѣшало что-либо, потому что этотъ генералъ, посѣтившій столоначальника своего въ скромномъ деревянномъ флигелькѣ, въ новыя палаты его не пріѣхалъ. Не пріѣхало также и большинство званыхъ дамъ; въ особенности дѣвицъ, для удовольствія которыхъ былъ припасенъ и таперъ, чтобы послѣ обѣда какъ бы ненарокомъ составились танцы, прибыло мало... Да и тѣ всѣ, по настояніямъ своихъ маменекъ, почти тотчасъ послѣ обѣда разъѣхались.

Но, хотя танцевъ и не состоялось, все же празднество вышло на славу—и гости, съ самымъ главнымъ генераломъ во главѣ, сидѣли до поздняго вечера, винтя во всѣхъ комнатахъ, и остались очень довольны.

Двери и окна были всѣ открыты, потому что день выпалъ жаркій и ночь тихая; мѣстная публика, учительша, съ собравшейся къ ней мужской компаніей, дѣвицы Мордасовы съ подругами, гуляли по улицѣ, по домашнему, выходя за ворота безъ бурнусовъ и шляпъ, и громко смѣялись, со зла, критикуя „аристократовъ“, лысыхъ генераловъ и толстыхъ генеральшъ, къ которымъ затесался ихъ давній знакомый, хозяинъ освѣщеннаго ярко „билитажа“, обошедшій ихъ, на сей разъ, приглашеніемъ.

— Вотъ ужъ ни съ рожи и ни съ кожи нашъ Порфирушка-блаженненькій къ этимъ откормленнымъ барамъ не подходитъ! говорила Раиса Корниловна, блистая черными глазами и скрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку.

И перебросивъ въ канаву папироску, которую, на великій

соблазнъ богобоязненныхъ сосѣдокъ, и на улицѣ, по ночамъ, не стыдилась курить,—учительша встряхнула волосами, какъ гривой, и сложила по-Наполеоновски руки.

А maman Мордасова позвала дочекъ изъ окна:

— Анюта! Полюшка!.. Идите въ комнаты! Будетъ по улицѣ бѣгать, на ночь глядя.

VI.

Все прекрасно обошлось на обѣдѣ и послѣ обѣда у надворнаго совѣтника; только онъ себѣ кое-что на усъ намоталъ, по поводу отсутствія дочерей и даже женъ нѣкоторыхъ сослуживцевъ и страннаго обращенія многихъ съ Флорой Іосифовной. Глаза его окончательно открылись—и бѣдняга даже за волосы невольно схватился, при воспоминаніи о томъ, что онъ приглашалъ семью своего прямаго начальника и какъ тотъ посмотрѣлъ на него узнавъ, кто будетъ у него за хозяйку... Очень непріятна ему была его неловкость, и не могъ онъ, несмотря на все уваженіе къ начальству, не попенять на генерала.

„Ахъ! Грѣхи, грѣхи!.. Еще хорошо, что предупредили они меня, что супруга и дочка у нихъ больны,—чтобъ я въ Царское не ѣздилъ, потому не примутъ все равно... Мое приглашеніе взялись сами передать, а то я-бъ еще и туда разбѣжался!.. Ахъ-ахъ-ахъ!.. Кто-жь его зналъ?!.“

Такъ размышлялъ и ужасался онъ на другой день. А тутъ еще Марѳа его жестоко смутила... Она вѣдь тоже не бездѣйствовала наканунѣ, за всѣмъ хозяйствомъ наблюдала и людей генеральскихъ въ своей комнатѣ угощала,—а имъ что-жь молчать? Такимъ образомъ вся подноготная ей стала извѣстна, даже до надеждъ „племянницы ихъ превосходительства“ въ скоромъ времени стать госпожей Перепелкиной, владѣтельницей тридцати тысячъ годоваго дохода.

Какъ по лбу обухомъ ударила Марѳа извѣстіемъ этимъ своего барина. Этого недоставало, чтобъ еще и начальство на него открывало травлю... Господи ты Боже мой!.. Да что-жь онъ за несчастный человѣкъ?.. За что на него напасти такія?.. За кого его почитаютъ, чего отъ него хотятъ?...

Три дня такъ онъ терзался и твердо въ своемъ умѣ положилъ: не ѣздить болѣе на Крестовскій, а ежели чуть что спроситъ его генералъ, такъ... такъ тогда... Самъ не зналъ Перепелкинъ, что̀ именно тогда онъ скажетъ или сдѣлаетъ, но... что-нибудь ужь учинитъ рѣшительное.

„Всего лучше и достойнѣй съ моей стороны было-бы сказать ему всю правду!“ приходилм не разъ энергическія мысли взволнованному надворному совѣтнику. Но онъ былъ настолько честенъ и правдивъ даже въ собственныхъ размышленіяхъ, что не обманывалъ себя и не рисовался излишнимъ гражданскимъ мужествомъ. Онъ сознавалъ громадную пропасть между намѣреніемъ и исполненіемъ, и зналъ прекрасно, что рѣзкаго его превосходительству ничего не скажетъ.

Порфирій Семеновичъ самому себѣ не похвалялся, но все же былъ увѣренъ... *надѣялся*, что въ рѣшительный моментъ не окончательно спасуетъ. Каково-же было его скорбное удивленіе, его презрѣніе къ самому себѣ, когда не далѣе вечера третьяго дня послѣ его званаго обѣда, онъ снова созналъ себя смирно сидящимъ въ рессорной колясkѣ; а немного погодя и за зеленымъ столомъ въ уютной гостиной госпожи Деларозъ, противъ цвѣтущей румянцемъ и улыбками самой прелестной Фіоны-Флоры Іосифовны...

Для него это былъ вечеръ внутреннихъ терзаній. Онъ не видѣлъ картъ, не слышалъ переговоровъ; онъ презиралъ себя,—и все-таки молчалъ, игралъ и улыбался.

За то съ какимъ наслажденіемъ, откупившись изрядной суммой, Перепелкинъ всталъ изъ-за карточнаго стола, помышляя себя уже на свободѣ, на чистомъ воздухѣ.

Изъ вихря отрепанныхъ, разрозненныхъ клочковъ мыслей, вертѣвшихся въ мозгу его наподобіе раскрашенной вѣтряной мельницы, къ концу вечера яснѣе другихъ выдѣлилась одна: „Уѣду!.. Брошу все!.. Переселюсь въ Москву, куда попало, но ужь *этому* не бывать!..“

Это, между тѣмъ, между Фіоной Осиповной Снѣжковой и ея покровителемъ-дяденькой было уже рѣшено безповоротно.

Порфирія Семеновича не выпустили.

— Погодите, голубчикъ! Куда спѣшите? остановилъ его генералъ.—Я васъ завезу, послѣ ужина, въ свое время... Садитесь! Побесѣдуемте.

Разсвѣтъ былъ уже близко; утромъ Перепелкину надо было вставать на службу, по обыкновенію, въ восемь часовъ; но тѣмъ не менѣе, онъ сѣлъ...

— Флорочка, дружочекъ, ты не забыла, что этотъ баловникъ любитъ шампанское?.. Приказала-ли ты заморозить бутылочку?

— Да, дядюшка. Еще бы!..

„Баловникъ“ не протестовалъ. Онъ и не слышалъ ничего... Онъ сидѣлъ въ креслѣ, куда его посадили, чинно, прямо, опустивъ глаза на коверъ, съ неопредѣленной улыбкой, какъ всегда словно застывшей на губахъ его.

Дядюшка выразительно глянулъ на племянницу.

— Я пойду, велю скорѣе подавать! сказала она и вышла.

Но далеко не прошла, а остановилась въ смежной комнатѣ, за опущенной пестрой портьерой, и тамъ замерла.

Генералъ поглядѣлъ съ минуту на Порфирія Семеновича снисходительно-покровительственнымъ, влажнымъ взоромъ; заплывшіе нѣсколько глазки его умильно прищурились и онъ тихонечко, самодовольно и одобрительно захихикалъ.

— Хе-хе-хе!.. Задумался?.. сказалъ онъ.

И вдругъ его тяжеловѣсная длань упала на колѣнку поднявшаго на него растерянный, вопросительный взглядъ Перепелкина.

— Смѣлѣе, братецъ!..

— Что-съ?!. вопросилъ Порфирій Перепелкинъ, вздрогнувъ.

— А то, ласково пригнувшись къ нему заговорилъ сановникъ:—то, что я давно, прекрасно вижу всѣ твои чувства и планы, голубчикъ мой! Вотъ и говорю: смѣлѣе!.. Она тебѣ по сердцу?.. И ты ей тоже... Она вѣдь отъ меня не скрывается! Я ей что отецъ родной, и повѣрь, что мужъ Флорочки забытъ мною не будетъ!

Перепелкинъ медленно, словно не своею волей, поднялся и стоялъ открывъ ротъ и уставивъ глаза прямо въ лицо генерала. „Неужели?... Такъ вотъ она, задача-то! Уже?.. Настала?!. Рѣшительная, послѣдняя минута!.. Что жь теперь?!..“

Онъ стоялъ неподвижно, чувствуя какъ руки его, ноги и самый мозгъ, казалось, холодѣютъ... На лбу его проступалъ холодный потъ.

Генералъ готовъ былъ прослезиться самъ, а между тѣмъ добродушно, прочувствованнымъ голосомъ, уговаривалъ его:

— Ну, не волнуйся такъ, дружокъ! Не волнуйся!.. Сейчасъ мы все это покончимъ и выпьемъ за здоровье жениха и невѣсты. Ахъ ты, счастливчикъ!

И весело подмигнувъ ему, генералъ взялъ его безжизненно висѣвшую руку, грузно всталъ и повернувшись къ двери громко позвалъ:

— Флорушка! Иди къ намъ, голубка моя!

Путь Флорушки былъ не далекъ. Порфирій Перепелкинъ и опомниться не успѣлъ, какъ ужь она стояла рядомъ съ нимъ улыбаясь и рдѣя.

„Господи помилуй! Господи, помоги мнѣ!“ внутренно взмолился онъ.

А генералъ уже взялъ ихъ за руки обоихъ и начиналъ формальную, рѣшительную рѣчь:

— Вотъ, Порфирій Семеновичъ дѣлаетъ намъ честь: онъ проситъ руки твоей... Ты согласна?

Но прежде чѣмъ первый слогъ послѣдняго генеральскаго слова успѣлъ слетѣть, какъ эхо, съ коралловыхъ устъ Фіоны Осиповны, злосчастный Перепелкинъ сдѣлалъ шагъ въ сторону, выдернулъ свою руку и чуть не крикомъ вскрикнулъ:

— Нѣтъ, ваше превосходительство!.. Это... это невозможно-съ!

Если бы между ними лопнула разрывная бомба—и это бы не могло болѣе поразить генерала и его племянницу.

Она отпрянула вспыхнувъ какъ буракъ...

Онъ покраснѣлъ какъ свекла и хрипло произнесъ:

— Какъ?.. почему это?!

„А почему, въ самомъ дѣлѣ?..“ промелькнуло въ мозгу Перепелкина.

Онъ не успѣлъ ни опомниться, ни сообразить, какъ языкъ его самъ сболтнулъ:

— По... потому, что я женатъ!

— Же... женатъ?!. Ты просто лжешь! закричалъ генералъ до того вспыливъ, что забылъ всякое приличіе.—Гдѣ твоя жена?.. На комъ ты женатъ?

„О! Господи!.. Вотъ пытка!.. Что̀ мнѣ сказать?“ мучился несчастный надворный совѣтникъ.

Онъ искренно готовъ былъ въ эту секунду закричать: „Жену! Жену!.. Полцарства за жену!..“ Но и за полцарства не откуда было ее сразу достать. А сознательно лгать ужь не хватало силы.

— Все равно что женатъ, ваше превосходительство! шепотомъ взмолился онъ.—Ей-богу *все равно* что женатъ!

Флоры Осиповны уже не было въ комнатѣ; она убѣжала, при первыхъ словахъ объясненія.

— А-а!.. Все равно что женатъ?.. Это хорошо! злорадно выкрикивалъ генералъ, ходя быстро изъ угла въ уголъ и задыхаясь при мысли о томъ, что̀ теперь будетъ ему отъ Флорочки.—Такъ что жь вы не сказали, что у васъ есть невѣста?.. Звали бы меня на свадьбу, въ посаженые отцы, что-ли!.. А?.. Такъ что жь вы молчите?.. Говорите же: кто же ваша счастливая невѣста?.. Туда же! Враль!..

Вдругъ что-то совсѣмъ небывалое случилось съ Порфиріемъ Перепелкинымъ. Его будто за сердце укусило острое, невѣдомое чувство злобы на этого тучнаго, важнаго человѣка, кругомъ виноватаго и надъ нимъ же безправно издѣвавшагося. Да! Онъ лгалъ!.. Онъ самъ былъ золъ и презиралъ себя за эту ложь. Но вѣдь солгалъ-то онъ, его жалѣючи!.. А онъ посмѣивается: „на комъ де женитесь? Кто счастливая невѣста?..“

И выпрямившись во весь ростъ, Порфирій Семеновичъ бодро и громко отвѣчалъ:

— На незнакомой вамъ, бѣдной, *но честной* женщинѣ, ваше превосходительство... Мое почтеніе, ваше превосходительство!

И схвативъ мимоходомъ въ передней пальто и шляпу, Перепелкинъ выскочилъ на улицу какъ ошпаренный и зашагалъ подъ звѣзднымъ небомъ, жадно вдыхая свѣжій воздухъ.

Сердце его такъ громко стучало, что онъ не слыхалъ шаговъ своихъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

О приспособлении формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ.

Профессора **К. Э. Линдемана.**

(Окончаніе).

Во всѣхъ выше разсмотрѣнныхъ примѣрахъ мы имѣли дѣло съ такими животными, которыя для обезпеченія существованія получили формы и окраски, уподобляющія ихъ различнымъ *предметамъ* окружающей ихъ обстановки. Но извѣстны и такіе случаи, гдѣ животное совершенно беззащитное, для того чтобы избавиться отъ преслѣдованій различныхъ хищниковъ, получаетъ рѣшительное сходство въ формѣ и окраскѣ съ другимъ животнымъ, одареннымъ какими-нибудь снарядами, успѣшно защищающими его отъ враговъ. Бываютъ такіе случаи когда беззащитное животное надѣваетъ на себя маску животнаго могущественнаго и получаетъ чрезъ это значительную пользу. Такое явленіе, сравнительно весьма недавно открытое, называется *миметизмомъ*. Нѣсколько примѣровъ его намъ извѣстны изъ естественной исторіи бабочекъ.

Въ центральной и южной Америкѣ встрѣчаются нѣкоторыя дневныя бабочки, которыя выдѣляютъ особыя ѣдкія, горькія и ядовитыя жидкости, изъ особыхъ железокъ. Благодаря этой способности, онѣ совершенно не съѣдобны и оставляются въ покоѣ обычными врагами бабочекъ, птицами и обезьянами, очень хорошо знакомыми съ опасными для нихъ особенностями этихъ несъѣдобныхъ бабочекъ. Благодаря этому, эти послѣднія принадлежатъ къ числу наиболѣе обыкновенныхъ насѣкомыхъ названныхъ странъ, во множествѣ населяя открытыя мѣста и лѣсныя поляны. Такія несъѣдобныя бабочки принадлежатъ къ тремъ различнымъ семействамъ, именно: Danainae, Ithomiinae и Heliconiae, носящимъ общее названіе *маракужа*. Всѣ эти бабочки средней величины, окрашены въ буроватый или черный цвѣтъ, и имѣютъ яркія красныя, желтыя или бѣлыя пятна на крыльяхъ. При этомъ заслуживаетъ особаго упоминанія слѣдующая замѣчательная черта. Хотя вообще бабочки названныхъ здѣсь трехъ различныхъ семействъ представляютъ весьма большое разнообразіе въ окраскѣ, и даже въ формахъ,—тѣ виды ихъ, которые обладаютъ указанными полезными для нихъ особенностями, не смотря на принадлежность къ разнымъ видамъ, являются чрезвычайно сходными между собою по формамъ и окраскѣ крыльевъ. Это объясняется тѣмъ, что несъѣдобнымъ бабочкамъ одной и той же мѣстности весьма выгодно значительно сходствовать между собою, ибо насѣкомоядныя, преслѣдующія ихъ животныя, для ознакомленія со свойствами ихъ, для пріобрѣтенія опыта, необходимо должны истребить нѣкоторое число такихъ бабочекъ, чтобы впредь уже, при одномъ взглядѣ на нихъ, не пускаться на повтореніе попытки употребить ихъ въ пищу. Еслибы всѣ несъѣдобныя бабочки одной и той же мѣстности были весьма различны между собой, то это сдѣлало бы необходимымъ истребить для пріобрѣтенія такого опыта соотвѣтственно большее число ихъ, нежели это необходимо теперь, при чрезвычайномъ ихъ взаимномъ сходствѣ. Послѣднее простирается, поэтому, столь далеко, что напр. у всѣхъ несъѣдобныхъ бабочекъ трехъ названныхъ семействъ, живущихъ въ Гвіанѣ, въ верхушкѣ крыла имѣются оранжевыя пятна; а у такихъ же бабочекъ Бразиліи эти пятна бѣлыя.

Въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ во множествѣ порхаютъ столь хорошо защищенныя несъѣдобныя насѣкомыя, летаютъ многочисленныя бабочки, принадлежащія совершенно другому семейству (именно Pieridae), не выдѣляющія помянутыхъ ѣдкихъ и горькихъ жидкостей, не обладающія вообще никакими защищающими ихъ особенностями, а между тѣмъ тоже не подвергающіяся преслѣдованіямъ обезьянъ и птицъ. Послѣднее объясняется тѣмъ, что по внѣшнему виду, по окраскѣ, по расположенію и цвѣту пятенъ на крыльяхъ, эти совершенно беззащитныя бабочки (напр. Leptalis, Protogonius), вполнѣ сходствуютъ съ описанными несъѣдобными, настолько, что не только птицы и обезьяны должны смѣшивать ихъ съ послѣдними, но даже человѣку не посвященному въ тонкости энтомологіи трудно найти между ними какую-нибудь разницу. Беззащитныя Leptalis и Protogonius утратили тотъ внѣшній видъ и ту окраску, какая принадлежитъ членамъ ихъ семейства (Pieridae), и надѣли на себя маску могущественныхъ, хорошо защищенныхъ, несъѣдобныхъ видовъ Lycorea, Mechanitis, Heliconius и друг., принадлежащихъ совершенно другимъ семействамъ, для того чтобы лучше обезпечить свое существованіе, вводя въ обманъ своихъ многочисленныхъ враговъ. Такъ въ царствѣ насѣкомыхъ реализуется, хорошо извѣстное въ другихъ областяхъ, обезпеченное существованіе ничтожества подъ могущественнымъ покровительствомъ сильныхъ міра.

За примѣрами подобнаго миметизма приходится обращаться не только къ фаунѣ тропическихъ странъ. Мы можемъ найти ихъ здѣсь, вокругъ себя. Такъ въ средней Россіи водится бабочка, наз. *стеклянницей* (Sesia apiformis), чрезвычайно похожая на шершня. Тѣло ея толстое, рыжеватое, съ ярко-желтыми поперечными полосами на брюшкѣ и пятнами на грудной области. Крылья узкія и длинныя, и въ отличіе отъ крыльевъ другихъ бабочекъ, почти не покрыты чешуйками, а стекловидно прозрачны, какъ у осы. Для большаго сходства съ шершнемъ, эта бабочка во время полета жужжитъ, чего не дѣлаетъ ни одна другая бабочка у насъ. Вслѣдствіе всего этого, сходство этой беззащитной бабочки съ хорошо вооруженнымъ шершнемъ такъ велико, что даже человѣкъ всегда смѣшиваетъ ее съ этимъ послѣднимъ. Вводя такимъ образомъ въ заблужденіе своихъ враговъ, стеклянница получаетъ возможность значительно размножаться, не смотря на свою

Весенняя выставка Имп. Акад. Худож. Въ паркѣ. Картина акад. **Ю. Феддерса** (право гравир. пріобрѣт. „**Нивой**“), грав. Рашевскій.

совершенную беззащитность. Другая изъ нашихъ бабочекъ, Macroglossa fuciformis, имѣетъ чрезвычайно большое сходство со шмелемъ, такъ что на разстояніи, и въ особенности во время полета, легко можетъ быть принята за шмеля. Въ Бразиліи водится близкая ей въ системѣ бабочка (Macroglossa titan), чрезвычайно похожая на колибри.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные примѣры миметизма имѣютъ цѣлью облегчить животному его существованіе, благодаря внѣшнему сходству съ хорошо защищенными существами. При этомъ такое животное пользуется своими преимуществами безо всякаго ехидства, не преслѣдуя дальнѣйшихъ цѣлей. Но бываютъ случаи, что животное, такъ-сказать обласканное своимъ покровителемъ и при помощи маски его избѣгающее нападеній хищниковъ, не довольствуется лишь этимъ, а пускается на дальнѣйшія дѣйствія, агрессивнаго характера. Въ отличіе отъ вышеразсмотрѣннаго простаго миметизма, назовемъ его *агрессивнымъ*. Такъ есть нѣсколько мухъ изъ семействъ Syrphidae (напр. Volucella, Sphecomya, Milesia, Mallota) и Bombylidae, которыя по своему внѣшнему виду чрезвычайно похожи на шмелей и пчелъ, и легко могутъ быть приняты за нихъ. Пользуясь такимъ сходствомъ съ этими хорошо защищенными насѣкомыми, эти мухи не только избѣгаютъ преслѣдованій разныхъ враговъ, но еще обращаютъ его въ ущербъ своимъ покровителямъ, вводя ихъ самихъ въ обманъ, проникая въ ихъ собственныя гнѣзда и пристраивая тамъ своихъ личинокъ (т. е. свое потомство), живущихъ тамъ либо насчетъ запасовъ своихъ покровителей, либо истребляющихъ дѣтву послѣднихъ. Такою неблагодарностью платятъ въ этомъ случаѣ мухи за оказываемое имъ покровительство.

Такой агрессивный миметизмъ можетъ идти еще далѣе. Такъ существуютъ дорожныя осы, которыя охотятся всегда за извѣстными только мухами. Чтобы охота ихъ была обезпеченнѣе, онѣ пріобрѣли такое чрезвычайное внѣшнее сходство съ этими мухами, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ трудно отличить отъ послѣднихъ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой († 25 апрѣля 1889 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Василій Александровичъ Кокоревъ († 22 апрѣля 1889 года). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Таковы разнообразные факты, доказывающіе, что животныя приспособлены къ предметамъ ихъ обстановки. Я могъ-бы привести еще множество подобныхъ имъ, но достаточно и приведенныхъ дабы убѣдиться что такая приспособленность есть общая принадлежность животныхъ, а не выраженіе какихъ либо исключительныхъ особенностей.

Какъ-же объясняется существованіе такой приспособленности? Мы должны признать, что каждое животное обладаетъ извѣстнымъ основнымъ свойствомъ, такъ назыв. *приспособляемостью*, которая, какъ заведенная пружина, заставляетъ организмъ животнаго отвѣчать на измѣненія, совершающіяся въ окружающей средѣ. Существованіе такой приспособляемости доказывается многими фактами. Особенно большое число ихъ накоплено въ ученіи о болѣзненныхъ измѣненіяхъ организмовъ. Извѣстно, напр., какъ при страданіи одной почки, другая развивается, увеличивается, чтобы возмѣстить недостаточную дѣятельность страдающей. Извѣстно какъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ сердца, увеличивается объемъ его, и этимъ вносится поправка въ разстроенное кровообращеніе.

Еще въ прошломъ вѣкѣ *Трамбле* зналъ, что обыкновенную прѣсноводную гидру можно вывернуть, такъ сказать, на изнанку, какъ перчатку, и что она отъ такой операціи не погибаетъ, а скоро приспособляется къ такому новому положенію, переставляетъ различныя ткани въ стѣнкѣ своего тѣла и затѣмъ продолжаетъ существовать какъ ни въ чемъ не бывало. Личинки тритона, живущія въ водѣ и дышащія наружными жабрами, по достиженіи извѣстнаго возраста, выходятъ на сушу, теряютъ эти жабры и начинаютъ дышать легкими. Если-же такихъ личинокъ, помѣщенныхъ въ акваріѣ, насильственно удерживать въ водѣ, отнять у нихъ возможность выйти изъ нея, то можно достигнуть того, что эти личинки на всю жизнь сохранятъ свои наружныя жабры, и превратившись въ водяное животное достигнуть въ этой новой средѣ полнаго развитія и приступятъ къ метанію икры.

Черная саламандра рождаетъ живыхъ дѣтенышей, прямо отъ рожденія дышащихъ легкими. Но во время зародышевой жизни они снабжены роскошными перистыми наружными жабрами. Если вырѣзать такого зародыша и помѣстить его въ акваріѣ, изъ котораго онъ не будетъ имѣть выхода, то удается сохранить эти наружныя жабры на долгое время, и получается животное, обладаніемъ такихъ жабръ рѣзко отличающееся отъ своихъ производителей.

Такіе факты доказываютъ дѣйствительное существованіе особаго, различнымъ животнымъ присущаго свойства, приспособляемости, благодаря которой животное не гибнетъ при рѣшительно и глубоко мѣняющихся условіяхъ жизни, а приспособляясь къ нимъ, получаетъ возможность существовать и при этихъ условіяхъ. Выше разсмотрѣнные примѣры приспособленности суть наглядное выраженіе взаимодѣйствія этой приспособляемости и опредѣленныхъ внѣшнихъ условій обстановки.

Къ рисункамъ.

Этюдъ головки. (Рис. на стр. 477).

На первой страницѣ настоящаго нумера помѣщена гравюра съ картины неклассснаго художника Ильи Саввича Галкина „Этюдъ головки“. Хотя художникъ и назвалъ свою работу этюдомъ, но это въ дѣйствительности вполнѣ законченная, небольшая картинка—такъ правдиво и тонко передано въ ней удивленное личико крестьянской дѣвочки съ большими выразительными глазами.

Письмо съ родины. (Рис. на стр. 480).

Одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ искусства слѣдуетъ, конечно, считать ту простоту и правду, которую очень немногіе изъ художниковъ умѣютъ переложить на холстъ, не прикрашивая и не подрумянивая вымысломъ и ложными эффектами освѣщенія и группировки. Если разсматривать произведенія г. Пастернака (художника еще очень молодаго и начинающаго) именно со стороны этой простоты и правды, то надо ему отдать полную справедливость: онъ удивительно просто и правдиво передалъ изображенный имъ простой и безхитростный сюжетъ. Въ тѣсной и душной компатѣ, прокуренной дешевымъ табакомъ, облѣпленной по стѣнамъ дешевыми лубочными произведеніями и плохими литографіями,—мы видимъ три лица: троихъ солдатиковъ. Одинъ изъ нихъ, грамотный, читаетъ другому, не владѣющему „письменною“ грамотой, письмо съ родины,—читаетъ, конечно не придавая особаго значенія этимъ строкамъ, которыя, очевидно, ничего не говорятъ его сердцу... Но тотъ, которому много говорятъ эти строки, присланныя издалека, съ родины,—тотъ весь обратился въ слухъ и вниманіе, и старается не проронить ни одного слова. Совершенную противуположность имъ составляетъ третій солдатъ, который за спиною слушающаго развалился на постели, и, покуривая „табачишко“, думаетъ свои немудреныя думы.

Глуховатъ. (Рис. на стр. 481).

Въ чистенькой свѣтелкѣ, на деревянной скамьѣ сидитъ старый дѣдушка, съ бѣлой бородой, и внимательно вслушивается въ неторопливое и нетвердое чтеніе своего подростка-внука. Таково содержаніе третьей картины академика И. А. Пелевина. Это лучшая изъ его картинъ выставленныхъ въ нынѣшнемъ году на весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ. Старое, сморщенное лицо глуховатаго старика, старающагося уловить каждое слово, написано очень выразительно; не лишена также экспрессіи и фигурка мальчика-грамотѣя, съ трудомъ разбирающаго по печатному.

Дѣвочка. (Рис. на стр. 485).

Картина классснаго художника 1-й степени И. И. Творожникова очень тонко и художественно передана даровитымъ рѣзцомъ его брата, гравера А. И. Творожникова. Только недостаетъ красокъ, чтобы передъ читателемъ была та самая крестьянская дѣвочка, въ полушубкѣ и большихъ неуклюжихъ башмакахъ, которая невольно заставляетъ остановиться передъ собою знатока и любителя на нынѣшней академической выставкѣ.

Въ горахъ. (Рис. на стр. 488).

Николай Семеновичъ Самокишъ выставилъ въ нынѣшнемъ году въ Академіи четыре свои произведенія: два рисунка перомъ и двѣ картины. Самою серьезною изъ нихъ является изображеніе сраженія при Авліарѣ въ русско-турецкую войну 1877 г. По ней, какъ и по другой его картинѣ, изображающей сцену изъ жизни курдовъ, можно судить, какіе успѣхи сдѣлалъ молодой пенсіонеръ Академіи за послѣдніе 2—3 года. Нѣкоторая эскизность его манеры писать, происходившая, можно думать, отъ большаго числа работъ торопившагося научиться художника, а также подражательность французскимъ баталистамъ исчезаютъ и художникъ, родившійся въ 1861 г., и поступившій въ Академію въ 1879 г., нынѣ является самостоятельнымъ мастеромъ.

Сироты. (Рис. на стр. 489).

Давно уже М. П. Клодтъ не давалъ намъ такого милаго художественнаго наброска, какъ эта картинка, полная грустной экспрессіи. Дочь-подростокъ и сынъ-мальчикъ, только что перенесшіе тяжкую утрату, только что вкусившіе всей горечи одинокаго сиротства, сидятъ на диванѣ и стараются освоиться, свыкнуться со своимъ грустнымъ положеніемъ. Болѣе пылкая и болѣе чуткая къ ощущеніямъ горести дочь-сиротка, устремивъ неподвижный взоръ въ пространство, какъ будто старается возобновить въ своей памяти дорогія черты лица, съ которымъ смерть разлучила ее навѣки. Ея миловидное лицо прекрасно выражаетъ глубокую, грустную думу—и слезы, кажется, готовы навернуться ей на глаза. Сынъ-гимназистъ, болѣе сосредоточенный и сдержанный, относится къ своему горю иначе: онъ сумрачно уткнулся головой въ подушку дивана и старается забыться, заснуть, отрѣшиться отъ тягостныхъ впечатлѣній, которыя его истомили...

Въ паркѣ. (Рис. на стр. 492).

Картина Ю. И. Феддерса переноситъ зрителя въ укромный уголокъ запущеннаго парка. Мостикъ съ перилами изъ березовыхъ стволовъ полуразвалился, дорожки мѣстами поросли травой, деревья растутъ, переплетаясь вѣтвями, какъ попало; но, все такъ тихо, уютно и покойно въ немъ, вдали отъ городскаго шума, въ прохладной тѣни разросшихся на волѣ вѣтвей.

Графъ Д. А. Толстой. (Портр. на стр. 493).

„Съ какою страшною скорбью узналъ Я о кончинѣ дорогаго графа Дмитрія Андреевича. Для васъ это страшная потеря, но и для Меня она можетъ быть еще тяжелѣе, а въ особенности въ настоящую минуту. Такого преданнаго, благороднаго и стойкаго человѣка и сотрудника замѣнить трудно...“ Вотъ какими золотыми словами почтилъ память усопшаго графа Толстого Государь Императоръ въ депешѣ изъ Гатчины, адресованной на имя вдовы покойнаго министра. Эти немногія слова, исходящія съ высоты трона, какъ нельзя лучше характеризуютъ и личность, и дѣятельность такого поистинѣ удивительнаго государственнаго человѣка, какимъ былъ графъ Толстой. Не взирая ни на какія трудныя времена, твердо и непоколебимо стоялъ онъ всегда на всѣхъ тѣхъ постахъ, на которые онъ былъ призываемъ въ разное время. Трудно выразить, какую громадную, невознаградимую потерю понесла въ немъ наша родина, которой онъ былъ дѣйствительнымъ, любящимъ, безкорыстнымъ другомъ, для которой сдѣлалъ такъ много, то охраняя интересы русской церкви, то созидая новую учебную систему, энергически насаждая въ отечествѣ истинное просвѣщеніе, то спасая дорогую ему Россію отъ внутренней крамолы, какъ червь подтачивавшей ея организмъ, то ревниво заботясь о цѣльности Русской земли, твердо положивъ предѣлъ издавна начавшимся земельнымъ захватамъ иностранцевъ въ Россіи. Вся его многолѣтняя дѣятельность была непрерывною борьбою съ невѣжествомъ и рутиною, съ легкомысліемъ русскаго общества, съ тайными и злѣйшими недоброжелателями Россіи, съ явными ея врагами. Глубокоубѣжденный, могучій боецъ за русскую національность, за русскія государственныя начала, за политическую цѣлость отечества, за родные историческіе устои, онъ принужденъ былъ почти всегда бороться одинъ. Стыдно сказать, но онъ былъ почти одинъ, онъ мало видѣлъ поддержки въ русскомъ обществѣ, онъ чуть не всюду встрѣчалъ противодѣйствіе, и, не обинуясь скажемъ, недостойную ненависть со всѣхъ сторонъ. Казалось, ему *одному* была не по силамъ эта „на жизнь и смерть заклятая борьба“; но, борясь и въ одиночествѣ, онъ праздновалъ полную побѣду. Онъ былъ слишкомъ уменъ, онъ былъ слишкомъ стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, слишкомъ беззавѣтно вѣрилъ въ правоту ихъ и въ свое призваніе, чтобы уступить. И онъ никогда не уступалъ ничего даже въ мелочахъ, не сдавался ни на какіе компромиссы, шелъ неуклонно по намѣченному имъ пути. Онъ не терпѣлъ полумѣръ и, строго обсудивъ свои дѣйствія, взвѣсивъ все то, что считалъ нужнымъ провести въ жизнь государства и общества, преслѣдовалъ свою цѣль неуклонно, настойчиво, систематически устранялъ препятствія и всегда и во всемъ оставался вѣренъ себѣ, своимъ идеямъ. Онъ былъ, какъ не многіе изъ сановниковъ, совершенно подготовленъ къ государственному поприщу, и эта подготовка въ соединеніи съ необычайною твердостью характера, громадной силой воли и ума, съ любовью къ дѣлу, дала ему возможность осуществить всѣ свои предначертанія, создать все то, что онъ хотѣлъ для блага родины. Вотъ почему онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи нашего просвѣщенія, въ исторіи внутренней жизни Россіи и, конечно, останется вѣчно жить въ потомствѣ, какъ замѣчательнѣйшій дѣятель, какъ человѣкъ историческій въ полномъ значеніи этого слова. Пройдутъ года—и безпристрастный судъ исторіи достойно оцѣнитъ этого рѣдкаго друга Россіи.

Графа Д. А. Толстого поверхностные люди считали врагомъ

просвѣщенія, а межъ тѣмъ онъ сдѣлалъ, въ двѣнадцатилѣтній періодъ времени, для русскаго просвѣщенія несравненно болѣе, чѣмъ было сдѣлано до него въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Онъ пересоздалъ дѣло образованія до неузнаваемости: улучшилъ преподаваніе по всѣмъ предметамъ, выработалъ новыя программы, ввелъ новые учебники, совершенно измѣнилъ гимназическій уставъ и вслѣдъ за этимъ издалъ уставъ училищъ реальныхъ, вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ времени, требованіямъ истинно-реальнаго воспитанія, а не призрачнымъ цѣлямъ. При графѣ Д. А. Толстомъ проектировано измѣненіе университетскаго устава 1863 года, открытъ Варшавскій университетъ, учреждены два историко-филологическихъ института для подготовки гимназическихъ преподавателей, исходатайствовано основаніе университета для Сибири. Число женскихъ гимназій увеличено значительно, учебная часть ихъ улучшена и онѣ получили вполнѣ правильную организацію. Реформы графа коснулись и элементарнаго образованія, начавшись съ преобразованія городскихъ училищъ, учрежденія одноклассныхъ и двухклассныхъ образцовыхъ школъ; затѣмъ открыты учительскіе институты, учительскія семинаріи и женскія учительскія школы, увеличенъ въ значительной степени правительственный бюджетъ на народныя школы, созданъ типъ образцовыхъ начальныхъ школъ отъ правительства, составлено для школъ новое положеніе, школы инородческія получили иную организацію и, наконецъ, учреждены учительскія семинаріи для приготовленія учителей изъ инородцевъ. Число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній со времени графа Толстого увеличилось втрое, и вообще едва-ли отыщется такая область въ нашемъ просвѣщеніи, которой не коснулась бы энергичная, твердая рука этого замѣчательнаго реформатора. Необыкновенными усиліями, путемъ тяжелой борьбы сломилъ онъ старую учебную систему, вырвалъ русскую школу изъ пасти нигилистическаго гада, водворилъ классическое направленіе, и такъ-сказать подвелъ подъ школу русскую тотъ самый фундаментъ, на которомъ выросло и зиждется все современное образованіе въ Западной Европѣ.

Графъ Толстой съ неменьшимъ рвеніемъ служилъ и интересамъ православія, интересамъ русской церкви. Онъ свершилъ одно изъ крупнѣйшихъ дѣлъ этого рода—возсоединилъ холмскихъ уніатовъ; припомнимъ съ какою злобой встрѣчены были первыя попытки графа въ этомъ дѣлѣ не только со стороны польскаго общества, но и со стороны тѣхъ русскихъ, въ которыхъ чувства національной гордости и національнаго самосознанія совершенно притупились подъ разными тлетворными вліяніями. Тѣмъ же недоброжелательствомъ, тѣмъ же позорнымъ противодѣйствіемъ встрѣчены были и усилія графа искоренить зловредное вліяніе іезуитской и польско-католической пропаганды въ школахъ Западнаго края, оградить русскую церковь отъ дерзкихъ посягательствъ пресловутыхъ апостоловъ ученія Игнатія Лойолы. Твердое направленіе, настойчивое преслѣдованіе благихъ цѣлей сказались и въ отношеніяхъ графа Толстого къ духовному вѣдомству, когда онъ дѣлалъ преобразованія въ качествѣ оберъ-прокурора Св. Синода. Эта дѣятельность его также ознаменована цѣлымъ рядомъ реформъ. Онъ ввелъ выборное начало среди духовенства, энергично старался улучшить бытъ послѣдняго, возродилъ совершенно духовно-учебныя заведенія, выработавъ для духовныхъ академій, семинарій и училищъ новые уставы; онъ призвалъ духовенство къ избранію членовъ въ училищные совѣты духовныхъ училищъ, сдѣлалъ ректоровъ семинарій несравненно болѣе самостоятельными, поставивъ ихъ въ гораздо меньшую зависимость отъ епархіальной власти, наконецъ увеличилъ содержаніе преподавателей семинарій и духовныхъ училищъ, чѣмъ улучшилъ и самое преподаваніе, сдѣлалъ все возможное для женскихъ епархіальныхъ училищъ и, кромѣ всего, положилъ починъ въ дѣлѣ преобразованія духовнаго суда.

Какъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Толстой явился прежде всего энергичнымъ преслѣдователемъ внутренней крамолы. Взглянувъ, по обыкновенію, глубоко, въ самый корень, онъ принялъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ для пресѣченія зла, твердою рукой сорвалъ онъ съ крамолы маску призрачной силы, и оказавшаяся ничтожною горстью безумныхъ негодяевъ, крамола зачахла. Затѣмъ всѣми своими дѣйствіями графъ показалъ, что онъ человѣкъ истинно-русскій, преслѣдующій національныя задачи. Презирая подлыя клеветы иностранцевъ, не страшась криковъ негодованія, раздававшихся въ западной печати, онъ постоянно дѣйствовалъ въ духѣ того направленія, которое подсказывали ему и проницательный умъ его, и чувство національнаго самосознанія. Настойчиво и методически преобразовывалъ онъ администрацію въ Прибалтійскомъ краѣ и всюду, гдѣ только можно, укрѣплялъ и охранялъ русскую народность. Не смотря на массу служебныхъ дѣлъ своихъ, графъ Толстой успѣвалъ заниматься и учено-литературными работами. Онъ достаточно потрудился надъ исторіей просвѣщенія въ Россіи, надъ исторіей вѣка Екатерины II и надъ другими научными вопросами. Его перу принадлежатъ, между прочимъ, изслѣдованіе о вліяніи католицизма въ Россіи, сперва явившееся въ видѣ брошюры „Іезуиты въ Москвѣ и Петербургѣ“, а затѣмъ въ формѣ большаго труда „Римскій католицизмъ въ Россіи“, обратившаго на себя вниманіе всей Европы; „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи“—сочиненіе капитальное, удостоенное преміи отъ Императорской Академіи Наукъ. Цѣлый рядъ цѣнныхъ монографій графа Толстого помѣщенъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и *Русскомъ Архивѣ*; кромѣ того онъ оставилъ огромный трудъ, еще неизданный, о просвѣщеніи въ эпоху Екатерины. Припомнимъ также, что при содѣйствіи гр. Толстого, какъ директора канцеляріи Морскаго министерства, многіе извѣстные талантливые русскіе писатели, какъ Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, Писемскій и др. были командированы на югъ и сѣверъ Россіи и заграницу для доставленія въ *Морской Сборникъ* этнографическихъ очерковъ.

Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, почетный опекунъ, президентъ Академіи Наукъ и почетный членъ ея, почетный членъ всевозможныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, докторъ философіи Лейпцигскаго университета—родился въ Москвѣ, 1 марта 1823 года. Воспитаніе получилъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ декабрѣ 1842 года, съ золотою медалью, и началъ службу въ слѣдующемъ году въ канцеляріи Императрицы Александры Ѳеодоровны, по управленію учебными и благотворительными заведеніями. Прослуживъ здѣсь до мая 1847 года, онъ уволился, и въ сентябрѣ того-же года опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Съ 1853 по 1860 г. онъ занималъ должность директора канцеляріи Морскаго министерства, причемъ, въ 1860 г., назначенъ членомъ Главнаго правленія училищъ министерства Народнаго Просвѣщенія, а въ 1861 управляющимъ департаментомъ того-же министерства, съ оставленіемъ членомъ Главнаго правленія училищъ и въ должности гофмейстера, на которую былъ назначенъ въ 1859 году, при пожалованіи въ камергеры годомъ ранѣе. Въ 1862 г. гр. Толстой былъ назначенъ къ присутствованію въ департаментѣ герольдіи Сената, затѣмъ переведенъ сперва во второе, а потомъ въ первое отдѣленіе 5-го департамента Сената. Въ 1864 году онъ назначенъ членомъ по учебной части совѣтовъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и петербургскихъ училищъ Александровскаго и ордена св. Екатерины, а въ слѣдующемъ году ему повелѣно быть оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, съ зачисленіемъ въ сенаторы неприсутствующіе. 14 апрѣля 1866 года графъ призванъ на постъ министра Народнаго Просвѣщенія, на которомъ съ честью подвизался вплоть до 1880 г., когда былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и тогда же, по прошенію, уволенъ отъ должностей министра Народнаго Просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Только на два года была прервана плодотворная дѣятельность графа: въ апрѣлѣ 1882 года онъ занялъ мѣсто президента Императорской Академіи Наукъ, а 30 мая назначенъ на постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, который занималъ до самой кончины, не переставая интересоваться дѣлами управленія до послѣдней минуты. Графъ Толстой скончался отъ воспаленія легкихъ, 25 апрѣля текущаго года, въ полной памяти, оплакиваемый всѣми истинно русскими людьми.

В. А. Кокоревъ. (Портр. на стр. 493).

Въ лицѣ недавно скончавшагося Василія Александровича Кокорева отечество наше лишилось одного изъ весьма крупныхъ дѣятелей, человѣка истинно-русскаго, горячо любившаго свою родину, всей душой преданнаго ея интересамъ, гордившагося ей славой. Имя Кокорева было извѣстно всей Россіи, и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ просто гремѣло. Вращаясь въ различныхъ московскихъ кружкахъ, близко сойдясь съ просвѣщенными людьми того времени, онъ настолько подготовился къ общественной дѣятельности, что могъ откликнуться на разные вопросы, преимущественно экономическіе, и въ качествѣ публициста довольно часто принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи реформъ начала прошлаго царствованія. Писалъ онъ довольно много, преимущественно о нуждахъ и желаніяхъ русской промышленности, но больше всего о замѣнѣ откуповъ акцизною системою. Практическая дѣятельность Кокорева была разнообразна: онъ занимался откупами, пытался организовать нефтяное дѣло на самыхъ широкихъ началахъ, понявъ какими колоссальными нефтяными богатствами обладаетъ Россія; участвовалъ въ установленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Персіей, учредилъ Волжско-Камскій банкъ, основалъ Сѣверное страховое отъ огня общество, построилъ цѣлую колонію роскошныхъ дачъ для петербургскихъ жителей близъ Николаевской желѣзной дороги, занимался сельскимъ хозяйствомъ, особенно пчеловодствомъ, въ своемъ помѣстьѣ около озера Ильмень, гдѣ соорудилъ прекрасное дачное помѣщеніе для академистовъ и пансіонеровъ Академіи Художествъ. Вмѣстѣ съ П. І. Губонинымъ построилъ онъ Уральскую горнозаводскую желѣзную дорогу; стремился организовать сбытъ русскаго битаго мяса на европейскіе рынки; наконецъ, устроилъ операцію, по которой крестьянскія общества Новгородской губерніи получили возможность пріобрѣтать у него участки земли на весьма льготныхъ условіяхъ. Въ послѣднее время Кокоревъ усердно разрабатывалъ проектъ и занимался осуществленіемъ Каспійскаго коммерческаго банка

для нуждъ нефтяной промышленности и Закаспійскаго края. Съ именемъ Кокорева связано еще нѣсколько различныхъ предпріятій,—напримѣръ, акціонерное общество „Сельскій Хозяинъ", такъ называемое „Кокоревское подворье" и поднесь существующее въ Москвѣ и друг. Далеко не все удавалось предпріимчивому, энергичному Кокореву, не разъ дѣла его запутывались, онъ разорялся, но его удивительная бодрость духа, смѣтливость и чрезвычайно практическій умъ спасали его. Всю свою жизнь онъ не переставалъ трудиться, и наладивъ одно дѣло, со свойственной ему энергіей, отдавался другому.

В. А. Кокоревъ представлялъ собою чрезвычайно цѣльный характеръ, типъ настоящаго русскаго самородка, который грудью пробиваетъ себѣ дорогу. Онъ создалъ себѣ огромное состояніе, доходившее въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ до семи милліоновъ, и выдвинулся впередъ, благодаря лишь самому себѣ; достигъ всего своимъ умомъ, трудомъ, настойчивостью, энергіей, выйдя на свѣтъ можно сказать изъ тьмы ничтожества. Онъ происходилъ изъ мѣщанскаго сословія и родился въ 1817 году, въ городѣ Солигаличѣ, Костромской губерніи, гдѣ его отецъ и прочая родня были сидѣльцами въ питейныхъ домахъ и мѣстными агентами оптовыхъ виноторговцевъ. Получивъ воспитаніе на мѣдные гроши, или лучше сказать, съ грѣхомъ пополамъ выучившись грамотѣ и счисленію, Кокоревъ съ молодыхъ лѣтъ тоже сталъ заниматься по винной части. Смѣтливость и бойкость все болѣе и болѣе выдвигали его впередъ въ старинной винно-откупной іерархіи, что однако не помѣшало ему испытать массу передрягъ и злоключеній. Въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ переѣхалъ въ Петербургъ, мало-по-малу устроился, познакомился и сблизился съ бывшимъ министромъ финансовъ М. П. Вронченко и къ пятидесятымъ годамъ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ откупщиковъ. Съ той поры онъ уже стоялъ на дорогѣ и игралъ не послѣднюю роль какъ въ коммерческомъ мірѣ, такъ и въ образованномъ обществѣ, гдѣ цѣнили его своеобразный умъ, находчивость и несомнѣнную талантливость. В. А. Кокоревъ скончался въ Петербургѣ 22 апрѣля, отъ гриппа. Изъ его статей, кромѣ „Экономическихъ проваловъ", обращали на себя вниманіе „Путь севастопольцевъ", „Взглядъ русскаго на европейскую торговлю", „Мысли о русской внутренней торговлѣ", „Объ откупахъ" и друг., печатавшіяся преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

П. Б—въ.

Фотографическая выставка въ СПБ. (въ память пятидесятилѣтія изобрѣтенія фотографіи).
Съ фотогр. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Фотографическая выставка въ СПБ.

(Рис. на стр. 496).

Первые опыты свѣтописи производились еще задолго до начала собственно фотографической эры. Чувствительность, напримѣръ, хлористаго серебра къ свѣту была извѣстна уже алхимикамъ, и въ 1727 году врачъ Шульце изъ Галле употреблялъ его для воспроизведенія солнечнымъ свѣтомъ буквъ вырѣзанныхъ на трафаретахъ. Эти опыты были однако забыты, равно какъ попытки Деви и Веджвуда въ 1802 году, благодаря тому, что не было еще найдено средства *фиксировать* полученныя копіи, т. е. дѣлать ихъ недоступными дальнѣйшему дѣйствію свѣта. Съ 1814 г. такими опытами занимался Никифоръ Ніепсъ; ему первому пришло въ голову закрѣпить изображенія предметовъ получаемыя въ камера-обскурѣ. Въ 1828 г. ему удалось получить изображенія съ помощью асфальта—и такимъ образомъ онъ долженъ считаться первымъ изобрѣтателемъ фотографіи. Но честь эту перебилъ у него Дагерръ, подобно тому какъ Америкъ Веспуци у Колумба относительно названія открытой послѣднимъ части свѣта. Въ 1829 г. Ніепсъ соединился съ Дагерромъ, который производилъ опыты въ томъ же направленіи, а по смерти Ніепса продолжалъ ихъ одинъ и въ 1838 г. открылъ способъ (названный по его имени дагерротипіей) получать изображенія на серебряныхъ пластинкахъ съ помощью ртути, который и былъ опубликованъ въ 1839 году.

Пятидесятая годовщина этого событія и празднуется нынѣ фотографическою выставкой въ Соляномъ Городкѣ. Въ томъ же 1839 году, Фоксъ Тальботъ обнародовалъ свой способъ копированія изображеній на бумагѣ и впослѣдствіи негативный процессъ на пропитанной іодистымъ серебромъ и растворомъ ляписа (азотнокислой окиси серебра) бумагѣ. Это и было началомъ современной фотографіи. Способъ его былъ усовершенствованъ Ніепсомъ-де-Сенъ-Викторъ, который въ 1847 году вмѣсто бумаги сталъ употреблять пропитанныя іодистымъ серебромъ пластинки изъ бѣлка, Арчеромъ и Фрейемъ въ Англіи, замѣнившими бѣлокъ коллодіемъ. Этотъ способъ съ коллодіемъ господствовалъ до 1882 года; теперь же онъ уступаетъ мѣсто въ высшей степени чувствительнымъ пластинкамъ изъ желатина. Новѣйшіе успѣхи фотографіи состоятъ главнымъ образомъ въ приготовленіи пластинокъ чувствительныхъ не только къ свѣту, но и къ различнымъ краскамъ.

Какіе успѣхи сдѣланы ею, можно судить хотя-бы по вы-

ставленнымъ образцамъ мгновенной фотографіи. Снимки академика Марея, присланные изъ Парижской физіологической обсерваторіи, передаютъ неуловимыя для глаза движенія полета птицъ, брошенныхъ предметовъ, упражненія гимнастовъ и т. п. Подобныя-же фотографіи выставлены Аншюцомъ изъ Позпани. А. Лондомъ изъ парижской Salpetrière воспроизведены фотографически спазмы лица, судороги и т. п. весьма интересныя и поучительныя съ медицинской точки зрѣнія. Также интересны примѣненія фотографіи и для другихъ научныхъ цѣлей. Такъ, наприм., братья Анри изъ Парижа прислали образцы астрономическаго фотографированія. Благодаря имъ, сдѣланы замѣчательныя открытія новыхъ планетъ и созвѣздій. Замѣчательно воспроизведеніе Млечнаго пути въ созвѣздіи Лебедь. Затѣмъ заслуживаютъ большаго вниманія микрофотографическіе снимки для цѣлей санитарныхъ, судебно-медицинскихъ, клиническихъ, бактеріологическихъ и другихъ. Но всего выдающагося невозможно передать въ небольшой статьѣ о фотографической выставкѣ, одна изъ витринъ которой изображена на стр. 496. На гравюрѣ видны портреты Дагерра въ серединѣ и Ніепса и Тальбота по бокамъ его, первый слѣва, а второй справа.

М. Е. Салтыковъ († 28 апрѣля 1889 г.). Рис. Августъ Нейманъ, грав. Адольфъ Нейманъ.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

(Портр. на этой стр.).

Русская литература на-дняхъ потеряла еще одного изъ даровитыхъ писателей нашихъ. 28 апрѣля скончался послѣ продолжительной болѣзни Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ, извѣстный сатирикъ, родоначальникъ цѣлой школы писателей такъ-называемаго обличительнаго направленія. Явившись со своими „Губернскими очерками“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* конца пятидесятыхъ годовъ, М. Е. Салтыковъ, прикрываясь псевдонимомъ Н. Щедрина, сразу завоевалъ симпатіи читающей публики. И дѣйствительно въ своихъ „Губернскихъ очеркахъ“, „Невинныхъ разсказахъ“ и частію въ послѣднемъ произведеніи „Пошехонская старина“ Щедринъ обнаружилъ всю глубину своего обширнаго таланта, выказавъ при этомъ бездну наблюдательности, полное, всестороннее знакомство съ жизнью провинціальнаго міра, удивительное мастерство въ изображеніи типовъ и сценъ этого міра. „Губернскіе очерки“ во всѣхъ отношеніяхъ и даже по формѣ рѣзко отличаются отъ дальнѣйшихъ произведеній Щедрина; здѣсь его симпатіи и антипатіи выступаютъ рельефно и результаты его размышленій по поводу разныхъ общественныхъ вопросовъ, его наблюденія надъ жизненными явленіями, его взгляды формулованы совершенно ясно, опредѣленно. Представляя въ яркихъ краскахъ дѣйствительное зло, онъ указываетъ на причины его, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя, и почти всегда изыскиваетъ способы къ его искорененію. Здѣсь нѣтъ тѣхъ туманныхъ разглагольствованій, странныхъ намековъ и скрытыхъ мыслей, нерѣдко просто вредныхъ, которыми изобилуютъ позднѣйшія творенія Щедрина, особенно его сатиры съ политическимъ оттѣнкомъ. Но что важнѣе всего, съ „Губернскихъ очеркахъ“ Щедринъ не ограничивается однимъ обличеніемъ, а преслѣдуетъ и чисто художественныя задачи. Въ этихъ очеркахъ онъ старался дать разностороннее изображеніе бытовой жизни русскаго люда, множество провинціальныхъ типовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ тѣсную связь и значительное сходство съ гоголевскими типами. Послѣдующія произведенія Щедрина, при всей ихъ талантливости, не даютъ уже читателю чисто эстетическаго наслажденія, и на людей неувлеченныхъ производятъ даже непріятное впечатлѣніе карикатурностью изображеній, фальшью, пристрастною тенденціей. Схватывая въ нихъ зачастую лишь мимолетныя вѣянія жизни, текущія событія и смотря на нихъ довольно односторонне, Щедринъ изъ художника поневолѣ превращается въ фельетониста, который, ловя на лету разныя злобы дня, не успѣваетъ подвергнуть ихъ болѣе или менѣе глубокому анализу. Тѣмъ не менѣе, въ произведеніяхъ Щедрина будущій историкъ нашего поколѣнія найдетъ достаточно матеріала для изученія его нравовъ, ибо произведенія эти представляютъ собою зеркало, мимо котораго прошли типы и характеры третьей четверти переживаемаго нами столѣтія и отразились въ немъ, хотя часто и въ извращенномъ видѣ, но въ полномъ составѣ.

Родъ Салтыковыхъ принадлежитъ къ числу довольно древнихъ русскихъ родовъ и фамилія эта встрѣчается еще при царяхъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ. Сынъ довольно богатаго помѣщика, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ родился 15 января 1826 г., Тверской губерніи, Калязинскаго уѣзда, въ с. Спасскомъ, или Спасъ-Уголъ. Семи лѣтъ онъ сталъ учиться грамотѣ, для чего, по обычаю „добраго стараго времени“, къ М. Е. былъ приставленъ, въ качествѣ наставника, крѣпостной человѣкъ Салтыковыхъ—Павелъ, живописецъ по профессіи, бойкій и смышленый малый, „видавшій виды“. Онъ занимался съ Салтыковымъ цѣлый годъ, затѣмъ эти занятія продолжала сестра Салтыкова, Надежда Евграфовна, пріѣхавшая домой, по окончаніи курса въ московскомъ Екатерининскомъ

институтѣ. Помогала ей Е. П. Васильевская, ея институтская подруга, занявшая въ домѣ Салтыковыхъ мѣсто гувернантки. Въ августѣ 1836 года, десяти лѣтъ отъ роду, М. Е. поступилъ въ 3-й классъ Московскаго дворянскаго института, откуда за успѣхи, какъ лучшій ученикъ, былъ въ 1838 г. переведенъ въ Царскосельскій лицей. Здѣсь онъ началъ писать стихи, „за которые былъ часто наказываемъ“ и въ это-же время печаталъ ихъ въ *Библіотекѣ для чтенія* и въ *Современникѣ* Плетнева. Окончивъ курсъ въ 1844 году, Салтыковъ поступилъ на службу въ канцелярію Военнаго министерства, гдѣ прослужилъ до половины 1848 г. Въ этомъ году появилась вторая его повѣсть „Запутанное дѣло“, которую признали слишкомъ либеральною и за это перевели автора въ Вятку подъ опеку тамошняго губернатора. Въ Вяткѣ Салтыковъ прослужилъ до 1855 года и затѣмъ былъ переведенъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ по министерству Внутреннихъ Дѣлъ, потомъ былъ вице-губернаторомъ въ Рязанской и Тверской губерніяхъ. Въ 1856 году Салтыковъ возобновилъ литературную дѣятельность и до 1868 года занимался писаніемъ, не покидая службы. Въ 1868 году онъ вышелъ въ отставку и, отдавшись исключительно литературѣ, написалъ около 25 томовъ разныхъ сочиненій и множество рецензій, статей и замѣтокъ.

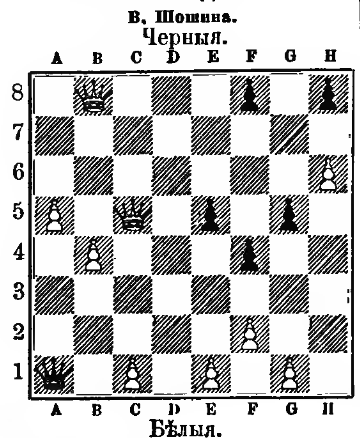
Политическое обозрѣніе.

Открытіе всемірной выставки въ Парижѣ и французскія національныя торжества сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе всего міра. Монархическая Европа отказалась оффиціально принять участіе въ торжествахъ въ виду рѣшенія правительственныхъ сферъ французской республики соединить выставку съ празднованіемъ столѣтней годовщины революціи, но не запрещаетъ въ то же время своимъ подданнымъ участвовать въ выставкѣ въ качествѣ частныхъ лицъ. Празднества начались 23 апрѣля, съ поѣздки президента республики въ Версаль. На пути слѣдованія изъ Парижа въ этотъ городъ президентъ Карно былъ встрѣчаемъ властями и привѣтствуемъ населеніемъ. По прибытіи въ Версаль, президентъ присутствовалъ при открытіи памятной доски на зданіи, гдѣ собирались генеральные штаты (депутаты различныхъ сословій). На празднествѣ президентъ Карно произнесъ рѣчь исполненную обычныхъ громкихъ фразъ о дѣятеляхъ 1789 г., которые цѣною столькихъ жертвъ будто-бы оказали Франціи и всему человѣчеству „великія услуги“; изложилъ такъ-называемые принципы 1789 г., коими якобы проникнуты учрежденія современнаго міра. Въ Зеркальной галереѣ Версальскаго дворца, гдѣ находились власти и представители государственныхъ и общественныхъ учрежденій, президентъ сената Леройе произнесъ рѣчь отличавшуюся нѣсколько пессимистическимъ, не подходившимъ къ торжественной обстановкѣ характеромъ. Старый и безупречный республиканецъ говорилъ: „Если революція грѣшила смѣлостью грёзъ, то мы грѣшимъ отсутствіемъ самоотверженія, недостаточнымъ пониманіемъ своихъ обязанностей, колебаніями воли. Если революція парила слишкомъ высоко, то мы влачимся слишкомъ низко. Годовщина 1789 г. побуждаетъ насъ осуществить объединеніе сердецъ въ любви къ родной землѣ и учрежденіямъ“. Послѣ Леройе, Версальскій епископъ обратился къ президенту Карно съ рѣчью, въ которой констатировалъ, что духовенство 1789 г. раздѣляло желаніе реформъ, воодушевлявшее тогда всю Францію, принимало участіе въ движеніи, котораго впослѣдствіи сдѣлалось жертвою, но несмотря на преслѣдованія, не переставало представлять доказательства патріотическаго самоотверженія и вмѣстѣ съ тѣмъ твердости въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. „Нынѣшнее духовенство—присовокупилъ епископъ—исполнено такихъ же великодушныхъ чувствъ. Да не будемъ никогда отдѣлять въ нашей любви и въ молитвахъ нашихъ Францію отъ церкви“. Въ заключеніе епископъ воздалъ должное достоинству, характеру, правильному образу дѣйствій Карно, внушающему уваженіе всѣмъ партіямъ. Президентъ возвратился въ Елисейскій дворецъ въ 8 час. вечера среди привѣтственныхъ кликовъ народа. На другой день происходило открытіе выставки. На пути къ ней президентъ Карно былъ горячо привѣтствованъ толпою. При пріѣздѣ на выставку президентъ Карно былъ со стороны публики предметомъ такой восторженной оваціи, что экипажъ долженъ былъ ѣхать шагомъ, а при входѣ въ центральное зданіе, онъ былъ привѣтствованъ продолжительными рукоплесканіями. Центральное зданіе представляло чудесное зрѣлище при разнообразіи мундировъ и костюмовъ всѣхъ націй. Открытіе выставки состоялось согласно программѣ. Тираръ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что успѣхъ выставки превосходитъ ожиданія. Президентъ Карно выразилъ, отъ имени Франціи, благодарность всѣмъ сотрудникамъ по устройству выставки и объявилъ выставку открытою. Рѣчамъ Тирара и Карно много аплодировали. Энтузіазмъ продолжался и при обходѣ различныхъ отдѣловъ выставки и принялъ еще большіе размѣры въ галереѣ машинъ. Здѣсь раздались громкіе восторженные клики, всѣ обнажили головы и махали шляпами. Директоры выставки представили президенту республики главныхъ экспонентовъ и начальниковъ отдѣловъ. Осмотръ иностранныхъ отдѣловъ президентъ началъ съ русскаго, причемъ Россія была предметомъ сочувственной оваціи. При входѣ въ русскій отдѣлъ, президентъ былъ привѣтствуемъ кликами: „да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Карно!“. На возвратномъ пути президента въ Елисейскій дворецъ собравшаяся на набережной и площади Согласія громадная толпа народа устроила ему восторженную овацію. Берега Сены были красиво иллюминованы. Несмѣтныя толпы народа гуляли по улицамъ. Позже были сожжены фейерверки. Празднество завершилось освѣщеніемъ всей Эйфелевской башни бенгальскими огнями, вызвавшимъ общее удивленіе.

Шашечная задача № 33.

В. Шошина.

Черныя.

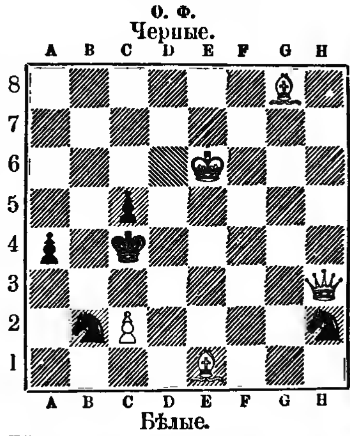
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Шахматная задача № 34.

О. Ф.

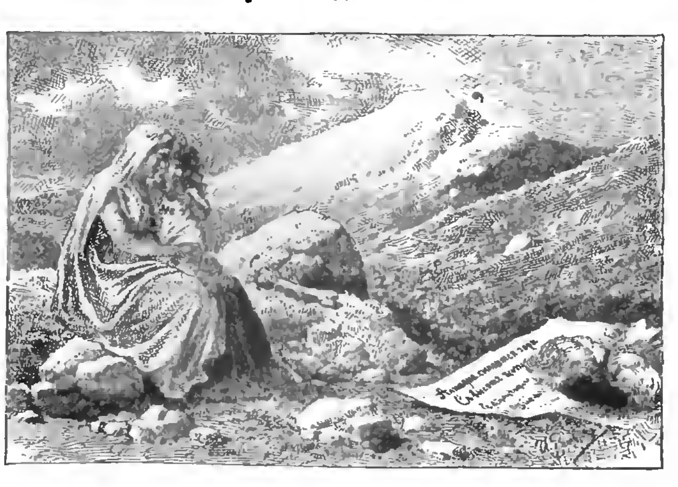
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Ребусъ. Задача № 35.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНІЕ 7—2
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. И. Ходжашу.

ЭЛЕКТРО - ГОМЕОПАТИЧЕСКІЯ
СРЕДСТВА
графа МАТТЕЯ
продаются въ складѣ **Ф. Гебауеръ,** Москва, Газетный пер., д. 7.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.
„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3838 3—3

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М.

фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ“.
Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—6

CORSETS
20-11
LEOTY
adoptés
par le
High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine. Paris.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЮСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ въ Будапештѣ,

по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она **дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.**
Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ.
Продается вездѣ.
Для нормальнаго пріема достаточно одного виннаго стакана. Ц. № 3722 6—4
Дирекція въ Будапештѣ.

ЭФФЕКТНО ДЛЯ ЛѢТА!
ПАРИЖСКІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ
изъ натуральныхъ бразильскихъ жуковъ въ красивѣйшихъ оправахъ. Браслеты съ 10, 3, 2, 1 жук. 5 р. 50, 2 р. 50, 2 и 1 р. 50. Брошки съ 4, 3, 2 жук. 2 р. 50, 2 р., 1 р. 50. Серги съ 1 жук. 1 р. 25. **Шпильки черепаховыя** съ 3 и 2 жук. 2 р., 1 р. 50.; **позолоченыя** съ 1 жук. 1 р. Мужскія булавки 75 к. Цѣлый уборъ: браслетъ, брошь, серги и шпильки 5% дешевле. Жуки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, и потому особенно красивы лѣтомъ. № 3869
Единственный складъ
ОСКАРА ЛЕССЕРЪ.
С.-ПБургъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.

ФАБРИКА и МАГАЗИНЪ
хирургическихъ инструментовъ и перевязочныхъ принадлежностей
ТОРГОВАГО ДОМА
М. РАЗУМОВЪ и А. ШИЛЛЕРЪ
Рождественка, противъ клиникъ, д. Фирсанова, въ Москвѣ. № 3870
Мастера и поставщики **Императорскаго Московскаго Университета.**

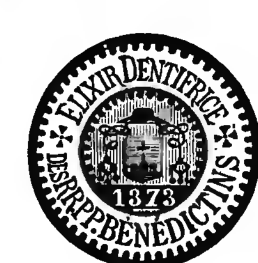
Р. № 3871 4—1

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,
состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.
Цѣна въ изящн. литограф. обертк. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная, 1 р. 25 к.,** а съ пересылкою **1 р. 60 к.**
Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала „**Нива**“ (Невскій, 6).

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ
Предлагаетъ: сѣялки, жнейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3719 12—6

МАГАЗИНЪ № 3799 9—2
ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ
Москва, ГИЛЛЕ и ДИТРИХА Софійка.
Издѣлія собственныхъ фабрикъ: полотно, столовое бѣлье, платки, полотенца, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія.
Большой выборъ чулочныхъ товаровъ. **Готовое приданое.** Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ
(въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принимаются безъ экзамена окончившіе курсъ въ трехъ и четырехъ-классныхъ городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соотвѣтствующему испытанію. Курсъ ученія 4 года, пріемные экзамены 11, 12 и 14 августа. Плата за полнаго пансіонера 180 руб. въ годъ, за приходящаго 30 рублей. Для пріема въ I классъ требуется возрастъ не моложе 14 и не старше 17 лѣтъ.
Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбываніи воинской повинности.
За подробными свѣдѣніями желающіе благоволятъ обращаться въ канцелярію училища лично и письменно. Директоръ училища **А. Хвастуновъ.** № 3865 3—1

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛАКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно извѣстны:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—11
Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Съ 1-го января 1889 года издается
ЖУРНАЛЪ СЧЕТОВОДЪ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО.
Выходитъ 33 книжки въ годъ съ приложеніемъ
учебниковъ, руководствъ, пособій и сочиненій по счетоводству.
Въ 1889 г. будутъ даны слѣдующія приложенія за полный годъ, именно:
1. Новое изданіе: Теорія счетоводства, по существующимъ системамъ: простой, двойной итальянской, англійской и тройной русской. Составилъ Ѳ. Езерскій. Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 р., перес. за 3 ф.
2) Нѣсколько мелкихъ пособій и руководствъ.
3) На выборъ, сверхъ того, по желанію подписчиковъ на три руб. любыхъ сочиненій и изданій Ѳ. В. Езерскаго, списокъ которыхъ (54 названія) напечатанъ въ первой книжкѣ журнала.
Подписная цѣна на годъ 6 р., а съ приложеніями 9 р.
Подписчики 1889 г. досылающіе до 9 р. получатъ всѣ приложенія за полный 1889 г.
Адрес.: **въ С.-ПБургъ, Невскій пр., № 66, въ ред. журн. „Счетоводъ“ Ѳ. В. Езерскаго.**
САМОУЧАЩИМСЯ СЧЕТОВОДСТВУ
представляется возможность получать въ приложеніяхъ къ журналу по ихъ выбору пособія, учебники, руководства и сочиненія по счетоводству.
Въ самомъ журналѣ, кромѣ статей, разъясняющихъ самымъ общепонятнымъ языкомъ счетоводное дѣло, даются въ отдѣлѣ „вопросы и отвѣты“ объясненія вопросовъ, возбуждаемыхъ подписчиками на столько обстоятельно, чтобы эти объясненія могли быть понятны и для остальныхъ читателей журнала. № 3866

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Продолжается подписка, на 1889 г., на литературно-политическій журналъ:
ГОДЪ VIII. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ VIII.
СОДЕРЖАНІЕ **первыхъ 4-хъ книгъ** (*январь—апрѣль*): 1) *Сонъ погасъ!* романъ **І. І. Ясинскаго** (*оконч.*); 2) *Свѣжіе побѣги,* повѣсть въ 2-хъ частяхъ, **Ф. Д. Нефедова** (*оконч.*); 3) *Говорокъ,* очеркъ **Д. Сибиряка**; 4) *Ужасъ* (картинки домашней жизни) **Н. Ѳ. Бажина**; 5) *Папиросница* (изъ типовъ женскаго пролетаріата) **К. В. Назарьевой**; 6) *По нашію,* разсказъ **П. Лѣтнева**; 7) *Бабушка,* разсказъ **Н. Д. Ахшарумова**; 8) *Виченца и Мантуя,* **Василія Ив. Немировича-Данченко**; 9) *Вѣкъ эпикурейства* (черты нравовъ въ Россіи XVIII в.), **В. О. Михневича**; 10) *Наше законодательство и земская инціатива,* **Я. В. Абрамова**; 11) *Вопросы дня* (три статьи), **Вл. П. Безобразова**; 12) *Современныя женщины-писательницы* (критич. очеркъ), **В. В. Чуйко**; 13) *Русскій художникъ (Крамской) въ качествѣ критика.* **Его же**; 14) *Историческія основы воспитанія,* **А. С. Трачевскаго**; 15) *Кабала въ отхожемъ промыслѣ,* **Г. П. Сазонова**; 16) *О Парижской Ecole des chartes,* **И. Е. Андреевскаго**; 17) *На тронѣ* (истор. романъ изъ жизни Людвига Баварскаго) **Кларисы Лоде** (съ нѣмецкаго); 18) *Золотая радуга,* романъ **Давида Мюррея** (съ англ.); 19) *Исторія одной любви,* повѣсть **Цезаря Тронкони** (съ итальянск.); 20) *Очерки иностранной литературы,* **В. Р. Зотова**; 21) *И смѣхъ, и горе* (фельетоны) **Ефима Простосердова** и пр. № 3850 3—2
Для слѣдующихъ книгъ, въ распоряженіи редакціи находится уже значительное количество беллетристическихъ произведеній и научныхъ статей извѣстныхъ писателей.
Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15 числа, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Иногородные подписчики, желающіе получить *второе* изданіе монографій **А. П. Пятковскаго:** „*Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія*“, высылаютъ, вмѣстѣ съ годовою платою за журналъ, 17 р. 50 к. (копѣйки—марками). Главная контора: СПБ., Владимірская, № 1—6. Здѣсь же принимается подписка на журналъ
НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XXI).
Одобренъ М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами.
Годовая цѣна **4 р. 50 к.** съ перес. За гран.—6 р.
Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Вслѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.

ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:

С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 3867 2—1

!! НОВОСТЬ !!

АВТОМАТИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ,

для продажи безъ посредства продавца шоколада и конфектъ по 15 к., при чемъ даетъ хорошую пользу какъ продавцу, такъ и покупателю.

Желающихъ пріобрѣсти означенный аппаратъ, просятъ обратиться за свѣдѣніями къ **П. М. Кадишъ, Москва, Чистые пруды, д. Кистеръ.** М. № 3863

Нахожу не лишнимъ упомянуть, что аппараты поставлены уже въ большомъ количествѣ на многихъ мѣстахъ, какъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ садахъ, на бульварахъ, въ театрахъ, и работаютъ очень успѣшно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ °/о бумаги.

Ссуды подъ всѣ °/о бумаги.

Страхованіе выигрышныхъ займовъ.

Переводы на всѣ города.

Оплата купоновъ. №3716

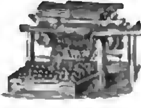
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

Поступила въ продажу большая гравюра:

ПОРТРЕТЫ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) **Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.**
2) **Государыня Императрица Марія Θеодоровна.**
3) **Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.**
4) **Великій Князь Георгій Александровичъ.**
5) **Великій Князь Михаилъ Александровичъ.**
6) **Великая Княжна Ксенія Александровна.**
7) **Великая Княжна Ольга Александровна.**

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи **С. Л. Левицкаго и К°** и отпечатанная на отличной веленевой бумагѣ, размѣромъ $10^1/_2$ вершк. выш. и $7^1/_2$ вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. **Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р.,** съ пересылкой и укупоркой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ $13^7/_8$ вершк. выш. и $9^7/_8$ вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. **Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.;** съ перес. и укупоркой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій просп., № 6, СПБ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ
по 30 коп.

Для сбереженія шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч.

Этотъ составъ можетъ служить жидкостью для очищенія воздуха въ комнатахъ посредствомъ пульверизатора.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Pt. 3862 2—1
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. **(Розничная и оптовая продажа).**

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

Іодисто-разсольныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи

Самое сильное содержаніе Іодистаго разсола въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д.

Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ.

Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября.

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ

Дирекція водъ въ BAD-HALL. R. № 3747 4—?

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Специальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3787 (7).

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

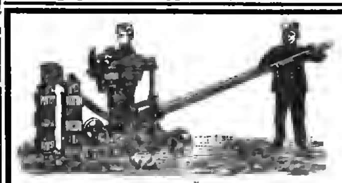
Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (64) № 2946

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

Москва, Красносельск. улица

№ 3848 СТРОИТЪ: 6—3

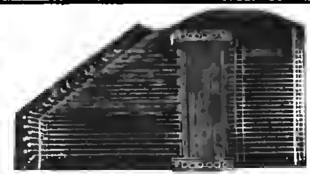
плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнные пресса, кирпичн. пресса и пр.

КОНТОРЫ и СКЛАДЫ:

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.

Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.

Иллюстрированные каталоги безплатно.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:

съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (1) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

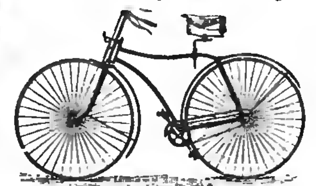

Вырабатываю только натуральный уксусъ: окисленіемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ *Спирта, Солода и Виноградного вина.*

Безопасные 2-хъ-кол. велосипеды

СВИФТЪ И ВИППЕТЪ

спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Барри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3829 (4)

Дозвол. цензур., СПБ., 3 мая 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | № 20

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 мая 1889 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Весенняя выставка Имп. Акад. Художествъ. Маленькая швея. Карт. Н. Н. Зимина (право грав. пріобр. **„Нивой"**), грав. Волковъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ

Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Клубкомъ свернувшійся, бѣлый котенокъ вдругъ потянулся, замурлыкалъ что-то и сталъ жмуриться на солнце, залившее уже своимъ горячимъ золотомъ простенькую комнатку сквозь не плотно спущенную занавѣску. Выбѣленныя стѣны, некрашеный полъ, зеленыя ширмы да умывальникъ въ углу. Было такъ тихо, что, выпрыгнувъ изъ корзины, гдѣ заботливая рука устроила покойное гнѣздышко, котенокъ самъ испугался надѣланнаго имъ шума, распушилъ хвостъ, ощетинился, выгнувъ спину верблюдомъ, и нѣсколько шаговъ проскакалъ бочкомъ-бочкомъ на всѣхъ лапкахъ разомъ. Успокоясь, онъ хотѣлъ было поиграть съ огнистымъ кружкомъ солнечнаго свѣта, дрожавшимъ на полу, ткнулся въ него мордочкой, причемъ она сама загорѣлась золотистымъ свѣтомъ, но сообразивъ что не стоитъ и, разслышавъ знакомое мѣрное дыханіе, отправился за ширму. Съ узенькой кровати свѣшивалось одѣяло, котенокъ взобрался на него и пошелъ обычною дорогой

къ изголовью спавшей дѣвушки. Ткнулся ей въ подбородокъ, запѣлъ что-то весьма ласковое, лизнулъ ей кончикъ носа и, когда та на него фыркнула, потрогалъ его мягкими лапками: что̀ это де за мудреная штука. Потомъ онъ весьма удобно расположился у нея на шеѣ и опять запѣлъ, да такъ сонно, что открывшая было большіе голубые глаза свои, его пріятельница вновь ихъ сомкнула и задремала еще крѣпче. Изъ другой комнаты чуть слышалось тиканье стѣнныхъ часовъ. Потомъ къ нимъ присоединилось шуршанье чьихъ-то мягкихъ туфель на полу. Скоро пріотворилась дверь и сюда вошла маленькая толстая старушка въ бѣлой юбкѣ и ночной кофтѣ. Зѣвая и крестя ротъ, она подняла занавѣску и зажмурилась, обданная слѣпящимъ блескомъ и тепломъ.

— Вѣрочка!.. шепотомъ спросила она. — Вѣрочка, спишь? Не притворяйся, не притворяйся. Я вѣдь все вижу.

Но за нее мурлыкала только Маруська, еще привольнѣе свѣшивая лапки и жмурясь на старушку.

— Ишь, обѣ вмѣстѣ! засмѣялась вошедшая, пощекотала голову котенку и поправила бѣлокурую прядь волосъ, выбившуюся изъ-подъ щеки ровно дышавшей дѣвушки на подушку.—И жарко-же! шептала старушка, опять перейдя къ окну.

Она распахнула его на̀стежъ. Точно ожидавшіе только этого мгновенія колокола въ монастырѣ насупротивъ— проснулись. Громкій и гулкій ударъ прокатился съ высоты, всколыхнулъ застоявшійся воздухъ, медленно и торжественно проплылъ мимо небольшаго домика; за нимъ—другой, третій. Точно играя на ихъ густомъ и однообразномъ фонѣ, вслѣдъ пронесся перезвонъ болѣе мелкихъ—казалось всю комнату эту наполняя своими веселыми, радостными звуками, отражаясь отъ ея угловъ и замирая подъ потолкомъ.

— Неужели такъ поздно уже? послышалось за ширмой.—Это къ ранней обѣднѣ ударили?

— Нѣтъ, къ вечернѣ! А ты какъ думала? Ты полагала они тебя ждать будутъ.

— Заспалась. Я бы давно встала—да пришла Маруська, жаль было ее тревожить. А потомъ она меня замурлыкала и сама я заснула. Сонъ какой я видѣла, бабушка, утромъ ужь...

— Ну, сказывай баловница, что̀ еще тамъ у тебя оказалось?

Внучка ея уже сидѣла на кровати, свѣсивъ внизъ босыя ножки и гладя котенка, потягивавшагося у нея на колѣняхъ.

— Да брось ты Маруську. Ишь только и знаетъ что жмурится. Ну, что̀ ты тамъ видѣла?

— Будто я дописала свою картину, и мать Варлаама приказала ее повѣсить—куда-бы ты думала? Навѣрное не угадаешь!

— Ну, въ ризницу, что-ли? Въ ризницу-то слишкомъ лестно... Развѣ во снѣ—не доросла ты еще до этого.

— Нѣтъ, не въ ризницу, и не въ церковь... А ты подумай.

— Къ себѣ въ келлію? Только у нея въ келліи кромѣ митрополитовъ никого нѣтъ.

— И опять не угадала! смѣялась внучка, показывая бѣлые и ровные зубы.

— Ну ужь и не знаю куда еще. Не въ трапезную же... Въ школу развѣ?

— На колокольню!

— Къ грачамъ и воронамъ! Такъ. По картинѣ и честь. А что много вчера работала?

— Какже, мать Клеопатру всю дописала. Кажется выходитъ у меня. Бабушка Капитолина хвалила вчера; говоритъ—какъ живая.

Дѣвушка наконецъ отыскала ногами туфли, надѣла ихъ и жмурясь и зѣвая пошла къ окну. Солнце всю ее освѣтило своимъ свѣтомъ, заиграло по виткамъ ея свѣтлорусыхъ—свѣтлѣе лица—волосъ, безпорядочно падавшихъ на спину и на плечи. Ея румяныя большія губы безсознательно улыбались чему-то творившемуся будто въ ней самой.

— Безпоряха ты, вотъ что̀! недовольно смотрѣла на нее старушка.—Безпоряха была и есть. Ничему не научилась.

— За что̀ ты это бранишься?

— Какъ тебя не бранить! Этакую красу глупой предоставилъ Господь, а ты небрежешь. Лѣнь было на ночь заплести косы-то... Что̀ у тебя отъ волосъ останется? Начнешь чесать — и рвешь. Каждый разъ на гребнѣ-то добрая пригоршня ихъ. А все лѣнь, все лѣнь.

— Лѣнь! засмѣялась внучка. — Тебѣ-же, бабушка, лучше, по крайности есть на что̀ поворчать.

— Вотъ я матери Варлаамѣ разскажу про всѣ твои дѣла. Посмотримъ, какъ заступница твоя похвалитъ тебя за это. Сегодня ужъ я за тобой прибирала-прибирала. Краски въ одномъ мѣстѣ, бумага въ другомъ, кисти въ третьемъ. Платокъ подъ диваномъ въ сору. Это развѣ порядокъ? что къ тебѣ горничныя приставлены что-ли?

— Платокъ—это Маруська затащила.

И схвативъ котенка на руки, она коснулась лица старушки его круглою головкой съ крошечными усиками.

— На возьми ее... Это она все.

— Ладно, не юли... Обѣимъ вамъ одна цѣна у меня: что Маруськѣ, что тебѣ. По разуму-то ровны.

А рука у самой такъ и тянется пощекотать котенка.

— Что шельма, а? сливокъ хочешь?

Притворявшаяся до тѣхъ поръ ко всему вполнѣ равнодушною, Маруська разомъ почувствовала, что это выше ея силъ. При словѣ „сливки“ она соскочила на полъ и побѣжала, задравъ хвостъ и оглядываясь, къ дверямъ.

— Ну, одѣвайся, да иди чай пить! обернулась бабушка, уходя за котенкомъ.

Дѣвушка лѣниво подошла къ окну. Все за нимъ было такъ знакомо ей, такъ срослось съ ея жизнью. Инаго міра, неоглядно въ даль и ширь раскидывавшагося за стѣнами монастыря—она не знала, не думала о немъ, какъ не думаетъ дикарь-островитянинъ: есть-ли еще живые люди за голубымъ просторомъ океана, охватившаго отовсюду клочокъ земли на которомъ онъ родился и выросъ. Домикъ, гдѣ жила Вѣрочка, весь точно грибъ поднялся въ тѣни монастырскихъ стѣнъ. Его можно было различить издали, когда солнце поднималось высоко. Но при восходѣ, когда оно затопляло своимъ свѣтомъ высокія стѣны, прочныя башни, бѣлыя колокольни, золотые и голубые купола обители—его пожалуй и не различилъ бы, чисто какъ ласточкино гнѣздо у чужой кровли. Когда же солнце заходило за монастыремъ и весь онъ, со своимъ соборомъ, церквами, зубцами стѣнъ, тонкими силуэтами колоколенъ вырѣзывался темнѣй на огнистомъ маревѣ заката, въ густой тѣни отбрасываемой этою твердыней и совсѣмъ нельзя было замѣтить крошечнаго домика „Вѣрочкиной бабушки“. Какъ домъ этотъ сливался съ громадою обители, такъ и все существованіе дѣвушки тонуло въ ней. Она родилась, болѣла, выздоравливала, играла, смѣялась и плакала, думала и училась, вставала и ложилась спать въ ея тѣни подъ звонъ ея колоколовъ. Самой себѣ иногда казалась она одною изъ тѣхъ птицъ, что жили на колокольняхъ, въ бойницахъ стѣнъ, подъ карнизами башенъ, наполняя окрестную тишину своимъ стрекотомъ и чиликаньемъ и смолкая только тогда, когда начинали говорить колокола...

Но какъ ни сжилась Вѣрочка съ этою обителью, какъ ни привыкла видѣть ее то подъ чистымъ небомъ, вѣявшимъ благоговѣйною тишиною и кроткимъ миромъ, то подъ сизыми грозовыми тучами, громами и молніями, отзывавшимися ударами ея колоколовъ,—всякій разъ,

подходя къ окну, она съ невольною любовью, несознанной но теплившейся въ ея душѣ, смотрѣла на эти древнія стѣны. Особенно теперь, когда весна дышала ей въ лицо такимъ чарующимъ ароматомъ. „Откуда это?“ задумывалась она. И жасминами, и розами... Вотъ и гіацинты слышны. Должно быть у игуменьи. Нѣтъ, нѣтъ, въ тонкой струѣ этого благоуханія пахнетъ свѣжими, только что развернувшимися березовыми зеленями. Они еще мелки. Въ нихъ еще такъ ясно сквозятъ бѣлые стволы. Тонкія вѣтки лишь подернулись ими. Кажется, что эти крохотные листочки просыпались откуда-то сверху, съ неба, и до перваго порыва вѣтра уцѣпились за деревья. Солнце въ нихъ играетъ золотистыми отсвѣтами и трепещутъ подъ нимъ березки первою веселою дрожью зарождающейся жизни. Ласково, мягко и нѣжно шумятъ онѣ, когда вокругъ всколыхнется теплый воздухъ. Это не лѣтняя мощь, не осенній сухой шелестъ мертвѣющаго листа—это дѣтскій лепетъ веселой зелени, только что родившейся изъ своихъ темно-красныхъ почекъ... А какъ красивы древнія стѣны за этими сквозными березами, старыя почтенныя стѣны, въ щеляхъ и трещинахъ которыхъ поднялось всякое быліе, а между зубцами распустились цѣлыя деревца, отъ сѣмянъ когда-то занесенныхъ сюда вѣтромъ!..

Вонъ темная арка воротъ съ золотымъ крестомъ вверху. Вѣра знаетъ, что сидитъ теперь и дремлетъ въ нихъ мать Степанида, что она и сегодня ласково улыбнется дѣвушкѣ и спроситъ ее, какъ спрашивала вчера, третьяго дня, годъ, десять лѣтъ назадъ.

— Ну, что̀, все прыгаешь, стрекоза? Прыгай, прыгай, Господь съ тобой.

И при этомъ вздохнетъ, помянетъ про часы-то „искушенія“ и опять задремлетъ.

А вонъ пять большихъ куполовъ соборнаго храма. Какъ подъ его высокими сводами гулко звучитъ ея голосъ, свѣжій и чистый! И какіе это купола! Есть-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ такіе? Какъ они красивы сегодня! Темно-синіе со звѣздами и посреди ихъ выше всѣхъ—главный, золотой, какъ огонь горящій подъ этимъ солнцемъ. Тонкіе сквозные кресты на нихъ. Съ крестовъ висятъ на золотыхъ цѣпяхъ золотые шары. Ребенкомъ она вѣрила, что это яйца чудесныхъ райскихъ птицъ; каждое Свѣтлое Христово Воскресенье птенцы проклевываютъ серебряными носиками золотую скорлупу — и съ первымъ ударомъ колокола, красныя какъ пламя, вылетаютъ отсюда во всѣ концы міра—сообщая всѣмъ: и звѣрю дикому, и пернатому хищнику-соколу, и ласточкѣ кроткой, и сѣрому воробью одну великую вѣсть: „Христосъ Воскресъ...“ И тотчасъ-же невѣдомые ангелы сходили съ небесъ и вмѣсто старыхъ проклеванныхъ вѣшали новыя яйца съ чудесными птицами. Качалъ и баюкалъ ихъ потомъ вѣтеръ, цѣлый годъ кропилъ ихъ дождь, сушило и грѣло солнце, будили по утрамъ гулкіе колокола монастырскіе...

Зеленыя кровли подъ куполами. По краямъ ихъ на теплѣ усѣлись голуби, сорвется одинъ, погуляетъ-погуляетъ въ воздухѣ, залетитъ въ какую-нибудь бойницу и опять назадъ. Вонъ церковь Варвары-Великомученицы,—ея пеструю колоколенку грачи любятъ. Гнѣзда ихъ дальше въ рощѣ, что зеленымъ облакомъ заполонила лощину. Черными шапками торчатъ они тамъ на верхушкахъ. А днемъ—всѣ грачи здѣсь, и когда рослая и сильная мать Митрофанія раскачиваетъ тяжелый и ржавый языкъ толстаго стараго колокола, чтобы сильнѣе ударить имъ въ звонко гремящій металлъ—пернатые посѣтители „Варваринской вышки“ даже съ мѣста не трогаются, зная, что ихъ здѣсь никто не обидитъ. Какъ только подходитъ весна — грачи первые слетаются сюда—слушать молча, какъ заговоритъ и потомъ замретъ бронзовая пасть, а потомъ они загомонятъ и завозятся между красными и синими колонками, въ темныхъ амбразурахъ и подъ выбѣленными сводами „вышки“, гдѣ перекрестились потрескавшіяся балки поддерживающія тѣло стараго колокола. А вся главная монастырская колокольня,—она точно пронизала синеву неба. Сквозная амбразура противъ амбразуры приходится, въ нихъ лазурь видна, точно синія стекла вставлены. Внизу сама громада, колоколъ виситъ. Вѣра помнитъ, какъ въ дѣтствѣ ей страшно было за мать Агнію, живущую подъ колоколомъ въ крохотной келійкѣ. А вдругъ онъ сорвется, пробьетъ потолокъ ея и рухнетъ придавивъ ее къ землѣ своимъ тяжкимъ бронзовымъ тѣломъ. Въ него звонятъ рѣдко, только въ великіе праздники,—когда всѣ должны или радоваться, или печалиться; когда птица—и та чувствуетъ. Сказывала ей Агнія, что услышавъ его тягучій ударъ подъ землей—всѣ инокини, схороненныя на монастырскомъ кладбищѣ, гдѣ такъ густа трава и такъ хорошо пахнетъ шиповникъ, начинаютъ подъ своими насыпями тихо шептать молитвы, и если прилечь въ это время да приложить ухо къ землѣ—то можно разслышать глубоко-глубоко не только гудѣніе безчисленныхъ устъ, но и шорохъ рукъ, до тѣхъ поръ недвижно сложенныхъ на недвижныхъ грудяхъ. Подымаются въ гробахъ костлявыя руки и осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ истлѣвшія лица. Замретъ главный колоколъ—и опять заснутъ до слѣдующаго великаго праздника схороненныя инокини—черныя, въ черныхъ гробахъ подъ землею...

— Ну, что же ты скоро? показалась въ дверяхъ бабушка.—Да ты еще срамница и не одѣта! Ай да ну! Все въ своей рубашенкѣ стоитъ! Что ты, Вѣрка? Думаешь самоваръ долго для тебя кипѣть будетъ — и не воображай. Позову Устинью и велю ей унести все прочь.

— Я сейчасъ, сейчасъ.

И бросивъ на монастырь послѣдній взглядъ, Вѣра пошла умываться.

— То-то сейчасъ. Вѣдь ужъ кажется большая. Восемнадцатый годокъ пошелъ — безстыдница ты этакая.

— Ужъ и большая! Вотъ въ обители „бабушки“ меня за младенца считаютъ.

— Избаловали они тебя. По уму-то ты, милая — младенецъ. Ты думаешь картины рисуешь, такъ и взрослая,—нѣтъ, погоди. Далеко еще воробью до сороки бѣлобокой!.. Ну скорѣй, скорѣй! Нечего полоскаться-то. Рада что до воды добралась. Утка, настоящая. Ишь, вонъ должно быть отъ матери Капитолины бѣличка бѣжитъ къ тебѣ. Взглянь-ко, мнѣ не разсмотрѣть.

— Да, это Маша и есть.

— Ишь! А ты бы спала до сихъ поръ.

На крыльцѣ домика хлопнула дверь. Въ комнатахъ послышались быстрые шаги.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! пѣвучимъ голосомъ сказался кто-то за дверью.

— Маша — ты?.. Входи скорѣе... Чего ты въ экую рань?

— Спаси васъ Богъ, матушка!.. поклонилась та старушкѣ.—Христосъ съ тобою, Вѣра... Къ тебѣ я отъ матушки Капитолины. Спосылала скорѣй. Сейчасъ чай будетъ пить—отъ обѣдни пришла, такъ звала безпремѣнно. Пусть, говоритъ, придетъ, мы новую банку крыжовниковаго починать станемъ. Опять же просфоры сегодня удались нашей старицѣ скусныя-скусныя.

— Да ты отдохни, Маша, смѣялась Вѣрочка.—Ишь, какъ заторопилась вся. Даже духъ захватило.

— И впрямь, умница ты моя... Я вѣдь сломя голову бѣжала. Мать Степанида въ воротахъ-то кричитъ мнѣ: „охъ, искушеніе, что̀ за тобою бѣсовская сила гонится?“ Ей-то вишь досадно. Она нынче и ходитъ-то валко... Едва-едва...

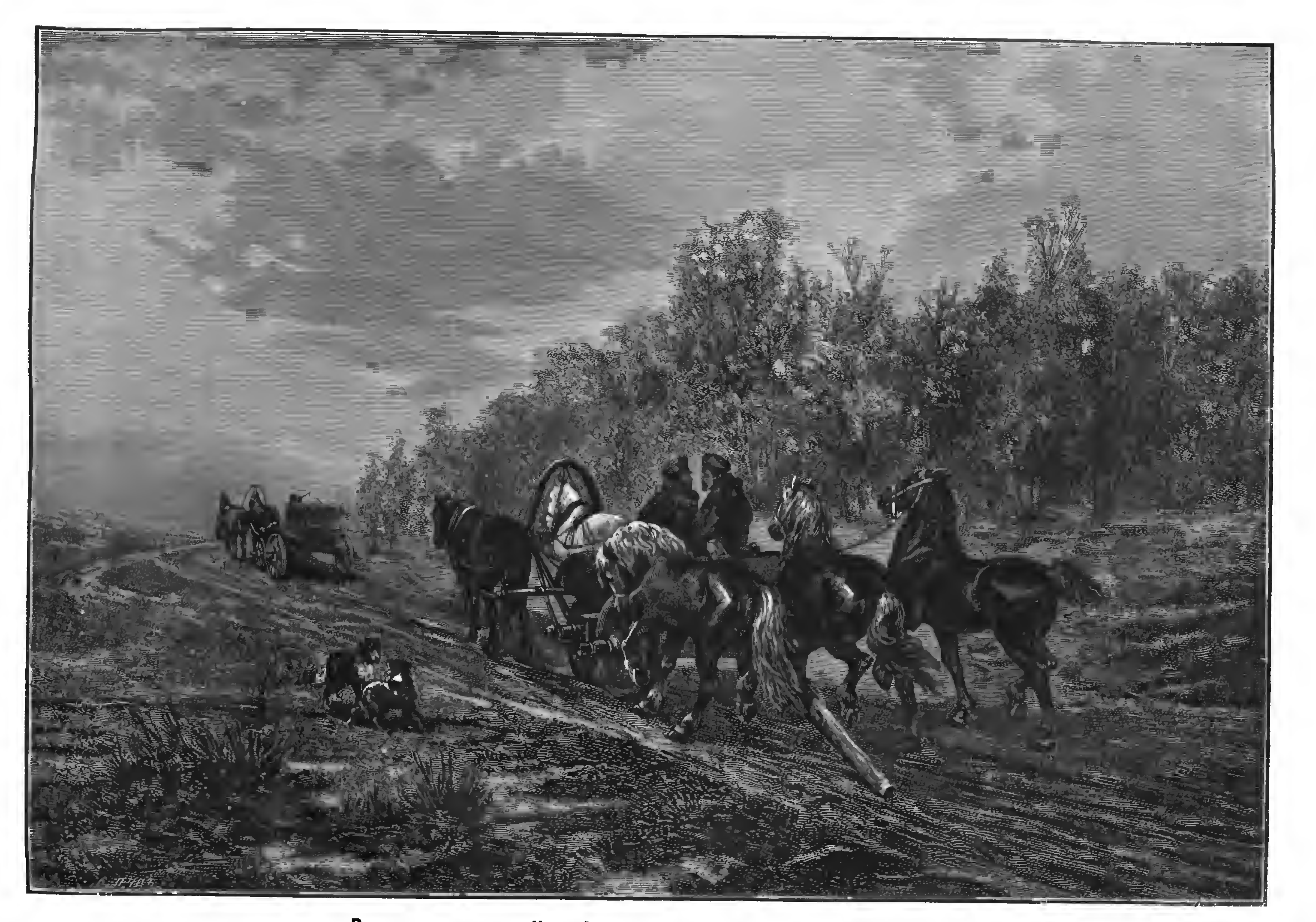
— Старая ужъ...

— Какже. Еще когда моя матушка поступила въ обитель — Степанида ужъ сидѣла подъ воротами-то и сѣдая была...

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. На дѣвичникѣ.

Картина академика **А. П. Корзухина** (право гравированія пріобрѣтено „**Нивой**"), грав. Шлипперъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. На конскій рынокъ.
Картина Р. Ф. Френца (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. Пуцъ.

II.

Вѣра живо собралась въ обитель, бѣличка не ждала ее—и дѣвушка пошла одна.

Теперь она была по наружному виду похожа на монахиню. На ней было черное люстриновое платье, плотно обтянутое въ таліи широкимъ кожанымъ поясомъ. На голову она набросила черный платокъ скрывавшій ея чудесные волосы. Одни глаза только смѣялись и лучились совсѣмъ не по монашески; напротивъ, они дышали жизнію и манили къ жизни. Впрочемъ, у воротъ обители она низко опустила свои длинныя рѣсницы и проходя поклонилась сидѣвшей сѣдой и сгорбленной монахинѣ.

— Здравствуй, бабушка Степанида.

— Ну что, все прыгаешь, стрекоза? Здравствуй, здравствуй. Что поздно такъ сегодня?

— Заспалась, бабушка.

— Ишь, грѣхи-то какіе! Поди и лба себѣ не перекрестила? Ахъ ты мірская грѣховодница. Подлинно—искушеніе съ тобой, ну иди. Мать Капитолина стосковалась, спосылала за тобой. А потомъ и меня старую навѣсти — не забывай. Все съ тобой точно и сама-то помоложе.

Вѣра, пройдя подъ воротами, вошла въ большой монастырскій дворъ.

Боже мой, какъ здѣсь все было ей знакомо! Какой крошкой казалась она самой себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ играя подъ этими величавыми стѣнами и на какую громадную высоту выростали тогда надъ нею всѣ эти колокольни, соборы и башни! Теперь она выросла и они точно немножко понизились, но все-таки, проходя мимо нихъ, она чувствовала себя опять такой же крошечною какъ и въ тѣ времена. Мать у нея давно умерла. Бабушка, воспитавшая ее, поселилась у обители, въ которой спасалась ея сестра. Когда умерла эта, первой уже казалось невозможнымъ уйти отсюда, переселиться въ городъ, отъ котораго верстъ за двадцать стоялъ монастырь. Къ ней пріѣзжали иногда родные, убѣждали отдать имъ дѣвочку. По ихъ словамъ, Вѣру надо было воспитать и образовать, но всякій разъ какъ старушка колебалась и начинала сдаваться на эти доводы — внучка ея или убѣгала въ монастырь и пряталась тамъ у монахинь, повѣряя имъ свое дѣтское горе, или благимъ матомъ кричала, топая ноженками: „не хочу въ городъ, хочу къ бабушкамъ“. Благодаря старухѣ-родственницѣ, всѣ монахини здѣсь назывались ея *бабушками*. Она такъ ихъ и называла, различая ихъ только по именамъ; такъ у нея была бабушка Антонида, бабушка Гликерія, бабушка Стефанида. Въ свою очередь и старушки, привязавшіяся къ ребенку, звали ее внучкой. Скоро такимъ образомъ Вѣрочка стала внучкою цѣлаго монастыря. Каждая изъ монахинь, будучи еще въ міру, или имѣла дѣтей и утратила ихъ, или страстно желала имѣть ихъ теперь; воскресавшіе въ нихъ материнскіе инстинкты невольно сказывались по отношенію къ общей любимицѣ. Понятно, что она и росла „вселенскою баловницей“, какъ назвалъ ее старикъ-священникъ, являвшійся сюда для совершенія требъ. Для нея припрятывали лучшіе кусочки, ей вязали чулки, шили бѣлье, платья... Такъ бы, благодаря общей любви къ ней, и выросла она безграмотною, или бы старушка, настоящая бабушка, наконецъ взялась за умъ и скрѣпя сердце отвезла ее въ городъ учиться, если бы между монахинями не находилось нѣсколькихъ „бабушекъ“ пообразованнѣе. Онѣ учились въ свое время въ институтахъ, знали языки и обрадовались случаю позабыть однообразіе монастыря, занимаясь съ шустрою дѣвочкой. Такимъ образомъ только девяти лѣтъ Вѣрочка выучилась читать и, какъ это бываетъ почти всегда, когда начинаютъ учить поздно—ея способности развернулись вдругъ и поразили всѣхъ окружавшихъ. Дѣвочка схватывала всякія знанія съ жадностью галчонка въ гнѣздѣ, котораго сколько мать ни корми, а у него всегда клювъ раскрытъ широко. Ученыя бабушки, занявшіяся съ Вѣрочкой, потомъ и сами были не рады. Разъ пробужденная ими любознательность не засыпала никогда больше въ дѣвочкѣ. Она цѣлые дни приставала къ нимъ съ вопросами, требовала обстоятельныхъ объясненій, не удовлетворялась назначеннымъ для уроковъ временемъ, хотѣла чтобы ей цѣлые дни читали что-нибудь вслухъ. Скоро монахинямъ пришлось выписывать книги и самимъ учиться чтобы чѣмъ-нибудь наполнить эту ненасытную жажду знанія въ Вѣрочкѣ. Память у нея была удивительная. Монахини обратились было къ священнику, чтобы тотъ помогъ имъ, но старикъ, хотя въ свое время и кончившій курсъ въ академіи, скоро отказался отъ непосильнаго труда.

— Эта курочка клевала да клевала у васъ по зернышку да такъ наклевалась, что теперь и мнѣ передъ нею стыдно.

— Ужь такая-ли прилежная, восхищалась мать Варлаама, — просто удивительно.

— Истинно: тщаніемъ не лѣнива, духомъ горяща, Господеви работающа. Хорошихъ книгъ ей надо, вотъ что̀.

Инокини обратились за книгами въ городъ, къ „благодѣтельницамъ“; благодѣтельницы послали имъ короба̀ всякаго хламу. Простодушнымъ матерямъ нѣкогда было разсматривать всю эту премудрость, онѣ предоставили самой Вѣрочкѣ распутываться съ нею какъ сама знаетъ. Дѣвочка обрадовалась, перетащила мало-помалу книги къ себѣ на чердакъ и занялась чтеніемъ сама, безъ толку и безъ разбору, глотая и путешествія, и романы, и историческія сочиненія, и часто отъ одного упрямства одолѣвая такія, въ которыхъ ей ничто не было понятнымъ. Зато же и надоѣдала она потомъ „бабушкамъ“ со своими вопросами.

— Бабушка Гликерія, что̀ значитъ это?

И она читала ей выдержку изъ какого-нибудь мудренаго „Ключа къ таинствамъ природы“ или „Сокровища мудраго каменьщика стремящагося къ совершенству“.

Бабушка выслушивала, хмурилась, задумывалась.

— Да ну же, бабушка? приставала нетерпѣливая Вѣрочка.

— А ты варенья не хочешь? у меня есть вишневое, да какое — съ косточками.

Но этотъ маневръ не удавался. Вѣрочка упиралась пальчикомъ въ книгу и требовала объясненій. Бабушка Гликерія пробовала было пуститься въ умствованія и тотчасъ же запутывалась и начинала сердиться.

— Иди, иди, Вѣрка негодная... Иди!.. Ишь вздумала больнаго да сыраго человѣка тревожить. Нечего грѣшить-то... Ступай, ступай,—я на молитву стану.

Вѣрка, съ раскрытой на той же страницѣ книгой, бѣжала къ другой бабушкѣ, тамъ пробовали было ее умаслить пряниками, но когда это средство не дѣйствовало, брали ее за плечи и выводили за двери; дѣвочка бѣжала къ третьей, четвертой, пятой, но у всѣхъ бабушекъ ни отвѣта, ни указаній для нея въ наличности не было. Она въ отчаяніи отправлялась подъ ворота къ послѣдней изъ бабушекъ, къ Степанидѣ.

— Бабушка, а бабушка, ты вѣдь добрая, а? ластилась она.

— Ишь, стрекоза! Ну да ужь не лестись... Говори, чего надо?

— А вотъ скажи ты мнѣ, что̀ это значитъ: „мудрый и каменистыми путями блуждающій и бездны по сторонамъ, въ меракъ уходящія, созерцающій не прекратитъ пути своя, но въ благовременіи одолѣвъ страсть обрящетъ истинную тропу добродѣтели, содѣлавъ хищнаго льва себѣ не опаснымъ и въ душѣ своей возрастивъ агнца добродѣтельнаго и...“

Степанида задумалась.

— А ну-ко, прочни-ко еще...

Вѣрочка ей читала.

— Ты у кого спрашивала-то?

— Всѣхъ бабушекъ обѣгала, никто не понимаетъ.

— То-то... Вотъ оно высокоуміе... А простаго дѣла не сообразили... Про *него* это, Вѣрочка, все про *него*.

— Про кого?

— Ну еще... Не ко времю поминать бы: про бѣса, про чорта этого самаго... Левъ-то вѣдь—онъ. Какъ про него въ писаніи сказано: „аки левъ нѣкій, кого поглатити...“

Полуудовлетворенная дѣвочка принималась читать дальше...

Книгу она бросала только для церкви.

Въ монастырѣ отлично пѣли, а Вѣрочка очень любила пѣніе. Сверхъ того, забравшись въ уголокъ и спрятавшись тамъ ото-всѣхъ, она высматривала, какъ колонны собора уходили во мракъ густѣвшій подъ его сводами, и дѣвочкѣ чудилось, что онѣ тянутся высоко-высоко и пропадаютъ въ самыхъ небесахъ; когда легкими струйками по нимъ курился вверхъ дымокъ ѳиміама, она представляла себѣ, что это обрывки облаковъ, что церковь вмѣстѣ съ колоннами вознеслась уже въ недосягаемыя глубины тверди, что сама она, Вѣрочка, выйдя сейчасъ на паперть, увидитъ себя повиснувшею въ какомъ-то безграничномъ пространствѣ, а земля будетъ тамъ далеко-далеко внизу свѣтиться ей робкою звѣздочкой. Очнувшись, дѣвочка смотрѣла, какъ подъ порывистымъ и трепетнымъ свѣтомъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ, горѣли алмазныя спицы и золотыя ризы и казалось шевелились лица старыхъ иконъ. Вонъ глаза Богоматери... Точно моргнула она, и Вѣрочкѣ кажется, что внизъ по золоту ризъ и серебру окладовъ катится лучистая брилліантовая слезка... Вонъ ангелы на царскихъ вратахъ подъ сизоватымъ туманомъ ладона; чудится, что они улыбаются ей, что легкія и сквозныя перья за ихъ спинами вздрагиваютъ и трепещутъ. Еще мгновеніе и они развернутся и унесутъ крылатыхъ младенцевъ и съ этого полотна и изъ этого храма, а на ихъ мѣстѣ останется одно пустое, ничѣмъ не закрашенное пятно. Была одна старая икона, вся въ рубинахъ, въ жемчугахъ, изумрудахъ и алмазахъ. Камни эти искрились, загорались, окружая ее какимъ-то фантастическимъ сіяніемъ. Вѣрочка подолгу упорно всматривалась въ ликъ, когда-то изображенный на ней, и ничего не различала тамъ. И днемъ, близко подходя къ нему, она ничего не могла разсмотрѣть на этой иконѣ—ея краски давно потускли, линіи расплылись, стерлись. Но теперь, за трепетавшимъ пламенемъ свѣчей, въ нагрѣтой атмосферѣ храма, въ клубахъ то сгущавшагося, то расходившагося ѳиміама—ей на мѣстѣ старой и ветхой иконы чудились разные лики, одинъ благостнѣе, одинъ кротче другаго. То улыбающіеся, то печальные. Она не отводила глазъ отъ этого темнаго пятна, и вотъ въ немъ точно проступали изъ какой-то глубины другіе глаза. Ближе и ближе. Она уже различаетъ взглядъ устремленный на нее, видитъ какъ шевелятся рѣсницы этихъ глазъ, какъ свѣтъ отражается къ покрывающей ихъ влагѣ. Мало-по-малу опредѣляются брови надъ ними, бѣлѣетъ и выступаетъ лобъ—мелькнули, опять скрылись, опять выказались и пропали, и наконецъ совсѣмъ обрисовались печальныя уста. И Вѣрочка страстно молилась этой, ей одной явленной иконѣ. И чувствуетъ дѣвочка какой-то холодъ, вскорѣ пробѣгающій по ея тѣлу, въ груди чутко и больно колотится сердце, какъ птичка въ тѣсной клѣткѣ, стремящаяся на волю, а церковь возносится все выше и выше, и куда-то низко-низко проваливается робкая звѣздочка тамъ оставшейся земли. Теперь ужь ее почти не видно вѣрно, мигаетъ и опять скроется какъ брилліантовая слезка, прокатившаяся по благостному, ей одной открывшемуся, лику... А напѣвы звучатъ все громче, стройнѣе, высокіе голоса кажется съ какой-то недосягаемой высоты льются въ этотъ храмъ, вотъ они цѣлымъ потокомъ хлынули около нея, закружились, схватили ее въ свое звучное облако и уносятъ... Куда?.. Развѣ она знаетъ куда?.. Она только чувствуетъ, что сердце вотъ-вотъ переростетъ ея клѣтку и что-то горячее и жгучее подкатилось и горитъ въ ея глазахъ, что щеки ея стали влажны, а она сама такъ легка, такъ легка—что поди теперь и спрыгни съ паперти—такъ и останется висѣть въ эфирѣ, какъ одинъ изъ его тысячныхъ атомовъ... Только и приходила въ себя дѣвочка—когда какая-нибудь монахиня, замѣтившая ее во мракѣ ея уголка, приближалась къ ней, клала ей на горячій лобъ свою холодную мягкую руку и спрашивала, наклонясь:

— Что, дѣвочка, у тебя головка болитъ?

— Нѣтъ... Нѣтъ... Это такъ...

И она старалась освободиться изъ-подъ ласковой руки „бабушки“, хотя иногда эта „бабушка“ была и сама еще молодою женщиной.

Возвращенная землѣ, дѣвочка долго слѣдила за своими „бабушками“.

„О чемъ это такъ вздыхаетъ мать Капитолина?.. Почему это она наклонится и долго стоитъ наклоненною и прижимаетъ рукою сердце? Что она чувствуетъ? А бабушка Агнія—почему она всегда плачетъ въ церкви, а внѣ ея такая веселая и спокойная? Вонъ Варлаама о чемъ-то шепчется съ Капитолиной—къ нимъ присоединилась и Афанасія...“ И долго еще слѣдитъ Вѣрочка, какъ въ сумракѣ храма обрисовываются смутные черные силуэты монахинь. Еще поближе, они различаются изъ общаго фона—дальше сливаются совсѣмъ и только порою въ этомъ маревѣ чудится какое-то движеніе, слышенъ шорохъ, изрѣдка вырвется какой-нибудь загадочный звукъ и пропадетъ опять, какъ свѣтлое пятно, проступавшее во тьмѣ на одно мгновеніе. А когда священникъ, высоко поднявъ Евангеліе въ золоченомъ окладѣ, идетъ въ эту тьму и оно одно тускло лучится и свѣтится въ ней — дѣвочкѣ кажется, что выпусти отецъ Спиридонъ Евангеліе изъ своихъ слабыхъ, дрожащихъ рукъ—оно поплыветъ, поплыветъ прямо по воздуху, высоко-высоко — на паперть, съ паперти уйдетъ въ пространство и загорится въ немъ новою яркою звѣздочкой...

Такъ дѣвочка жила въ эту минуту среди одной ей явленныхъ, одной ей понятныхъ чудесъ...

Она такъ забывалась, такъ входила въ самоё-себя и въ свой призрачный міръ, что мать Афанасія—бабушка всегда запиравшая церковь—долго ходила по всѣмъ угламъ, высматривая, не затерялась-ли гдѣ-нибудь Вѣрочка. И Вѣрочка, случалось, задумавшаяся и восхищенная, видѣла, какъ мракъ большаго и тускло освѣщеннаго только у иконостаса храма мало-по-малу освобождался отъ черныхъ силуэтовъ монахинь. Она даже не видѣла этихъ силуэтовъ, а отгадывала ихъ, отгадывала, какъ они толпятся у выхода, одна за другой исчезаютъ въ немъ, и мракъ послѣ нихъ кажется не такъ густъ. Въ немъ, въ его исполненной молитвы и благоговѣнія глубинѣ—осталось что-то, что-то великое и страшное въ одно и то же время, что-то сгущающееся тамъ вдали, но и сюда достигающее, касающееся ея самой, ея горячаго лобика, шевелящее волоса на ея головкѣ... Но вотъ рядомъ съ нею обрисовывается другой силуэтъ.

— Ишь ты шалунья!.. А я ее ищу, ищу.

И бабушка Афанасія ласково беретъ ее за руку.

— Всегда такъ-то задумывается... Да ты не спишь ли здѣсь по уголкамъ? а?..

И низко наклонясь къ дѣвочкѣ, бабушка видитъ ея глаза широко раскрытые, полные несознаннаго еще чувства.

— Нѣтъ, не спишь?.. Ну, пойдемъ, пойдемъ.

И она ведетъ ее вонъ изъ церкви, позванивая клю-

чами и шаркая по полу слабыми, больными ногами. Колонны за колоннами выступаютъ изъ мрака и пропадаютъ въ немъ. По пути, Аѳанасія тушитъ послѣднюю, еще робко мигающую свѣчку, и прямо въ лицо дѣвочки струится тонкій дымокъ ея, пахнущій гарью и воскомъ—еще секунда и прохлада паперти приводитъ ее въ себя.

Высоко между колоннами церквей вырѣзывается серпъ молодаго мѣсяца. Какая-то звѣздочка около. Гдѣ-то далеко-далеко лаетъ собака. Шорохъ загадочныхъ крыльевъ замираетъ въ воздухѣ.

— Ну, куда ты теперь? спрашиваетъ Афанасія.

— Къ бабушкѣ Варлаамѣ.

— Что тамъ?

— А у нея моя бабушка сегодня чай пьетъ.

И увѣренно, точно у себя дома, идетъ она въ сумракъ монастыря, у старыхъ высокихъ стѣнъ и громадныхъ, ночью еще выше кажущихся, башенъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! говоритъ она, стуча въ дверь.

— Аминь! слышится оттуда.

Вѣра входитъ въ келью, и бабушка Варлаама ласково улыбается ей изъ-за стола, на которомъ кипитъ самоваръ, уже шипя ей навстрѣчу, точно со злости, что она заставляла его ожидать ее, такую ничтожную и маленькую дѣвочку...

III.

Не всѣ „бабушки“ у Вѣры были добрыя. Она знала нѣсколькихъ слывшихъ у нея и злыми „бабушками“.

Злыя бабушки большею частію были старыя и больныя монахини, оплывшія, съ желтымъ отекшимъ лицомъ, едва двигавшимися ногами, носившими всѣ признаки начинающейся водяной. „Злыя бабушки“ сами по себѣ не были злы. Ихъ дѣлали такими страданія и недуги. Выйдетъ бывало „злая бабушка“ на воздухъ изъ своей душной кельи въ самый жаркій часъ лѣтняго дня, сядетъ на скамью въ саду подъ акаціей, узорчатыя листья которой неподвижно замерли въ свѣтѣ и зноѣ, или подъ кленомъ, подставившимъ свои зеленыя ладони солнцу... Сядетъ и смотритъ на липу, всю осыпанную палевымъ пухомъ, обвѣянную медовымъ запахомъ, смотритъ и слушаетъ, и думаетъ, о чемъ это гудутъ пчелы въ ней. Ихъ однихъ не истомилъ жаръ. Птицы всѣ попрятались, кто въ тѣнь, кто подъ колокольни, кто подъ кровли—а пчелы роятся и жужжатъ, и гудутъ въ пышной липѣ. Истинные божьи работники. И только что такая „бабушка“ станетъ отходить—и боли въ ногахъ не чувствуетъ, и не холодно ей, напротивъ—старую больную грудь пригрѣло солнцемъ, и на безкровныя губы улыбка ложится, а на отекшемъ желтомъ лицѣ выступаетъ выраженіе довольства, какъ откуда ни возьмись летитъ, точно со скалы, „бѣсенокъ“ Вѣрочка, и не разобравъ, кто это сидитъ — такъ съ разбѣгу прямо на колѣна инокини. Только вскрикнетъ та отъ боли и, собравъ послѣднія усилія, швырнетъ отъ себя егозу-дѣвчонку.

— Уйму на тебя нѣтъ, дьяволенокъ! Прости меня, Царица Небесная. А ужъ приберегу я лозу для тебя. Будешь ты помнить ревность мою о Господѣ.

И долго еще злится и ворчитъ злая бабушка, потирая колѣни и охая—и пристыженная дѣвочка, уходя прочь, слышитъ за собой ея напутственныя пожеланія:

— Ногу бы тебѣ сломить, пострѣленокъ. Скажу матушкѣ-игуменьѣ, чтобы она не приказала тебя пускать сюда въ садъ. Спокою нѣтъ съ тобой. Точно песья муха со слѣпу на людей кидается...

Были и нервныя монахини, не любившія дѣтей съ ихъ рѣзвостію и шумомъ; была, наконецъ, одна юродивая, ходившая какъ-то смѣшно, болтая руками и головой въ разныя стороны. Та всякій разъ, встрѣчая дѣвочку, показывала ей языкъ и кричала:

— А вотъ погоди—*самъ*-то прижгетъ тебя. На сковородочку, на бочекъ, да огнемъ геенскимъ!.. Зашипишь только, а потомъ перевернетъ на другую сторонку, чтобы всю подрумянило... Ай, больно, больно будетъ!.. Ай, больно! Эге-ге... Ну-ко... Что?

И помѣшанная сестра Ирина начинала подплясывать, кивая Вѣрочкѣ головой, пока нарочно приставленная къ больной бѣлица не прибѣгала на крикъ и не уводила съ собою всегда на одну и ту же приманку.

— А тебя на томъ свѣтѣ прижгутъ, уже уходя къ себѣ оборачивалась она къ Вѣрочкѣ.—Прижгутъ! Сначала-то на одинъ бочекъ, а потомъ на выворотъ!.. Шиворотъ на выворотъ!.. Выворотъ на шиворотъ.

Это впрочемъ очень мало огорчало дѣвочку.

Какъ легкія лѣтнія тучки, пробѣгавшія по чистому, голубому небу—вспрыснетъ дождемъ, нагремитъ, нашумитъ и опять грѣетъ солнце, и опять поютъ птицы, и опять алѣютъ и голубѣютъ цвѣтики въ саду у бабушки игуменьи. Разъ, впрочемъ, Вѣрочкѣ досталось довольно серьезно. Попала ей въ руки какая-то книга, гдѣ разсказывалось о животныхъ. Прочла она о китѣ—и ахнула. Сейчасъ къ первой попавшей бабушкѣ.

— Мать Секлетея, бабушка Секлетея!

Нарвалась на этотъ разъ на „злую бабушку“, да разсуждать некогда было — оказывалось необходимымъ поскорѣе рѣшить свое недоумѣніе.

— Ну, чего тебѣ, блоха?

— Вотъ тутъ, торопилась она,—вотъ тутъ написано...

— Что написано-то? хмурилась злая бабушка.

— Будто у кита, у рыбы кита, горло столь узкое, что онъ развѣ когда селедку проглотить можетъ.

— Ну? недоумѣнно поднимала брови мать Секлетея.—Ну, а мнѣ-то какое касательство до селедокъ. Я ихъ, признаться, и въ міру ахъ какъ не любила.

— Вотъ, а какъ-же онъ, коли у него горло такое—пророка-то... Іону-то...

— Покажь книжку-то.

Вѣрочка показала.

Злая бабушка прочла. Похлопала, похлопала глазами, побѣлѣла даже вся, точно испугалась, да какъ взвизгнетъ.

— Чортъ, чортъ!.. Чортъ вселился въ тебя на горе наше... Въ сомнѣніе вводитъ... Убить тебя мало!

И схвативъ одною рукою книгу, а другою Вѣрочку за ухо, такъ и повлекла ее къ матушкѣ-игуменьѣ. Та, къ счастію, была въ саду съ „батюшкой“.

— Что это, Секлетея?..

— Бѣса привела къ тебѣ, мать-игуменья!

И отдала ей земной поклонъ.

— Встань, что случилось-то? Что ты надѣлала, Вѣрочка?

Но пока Вѣрочка плакала, Секлетея, волнуясь, глотая слова, повѣдывала о томъ, какъ дѣвочка, въ которую должно быть вселился бѣсъ, повергла ея душу въ смущеніе и смятеніе вопросомъ о китѣ и ссылкой на Іону.

— Ну, и что-жь тутъ такого? вмѣшался батюшка, слушавшій внимательно.—Ни въ чемъ Вѣрочка не виновата; напротивъ, ты, мать, должна была-бы просвѣтить ея любопытство, а не хватать ее за уши, точно галку за крыло.

Потомъ батюшка обратился къ дѣвочкѣ:

— Подь-ко сюда. Въ писаніи какъ сказано, что Господь съ Іоной сотворилъ чудо?

— Да.

— Ну, а скажи, какое-же бы это чудо было, если бы у кита горло-то широкое вышло, вонъ въ эту бочку—сороковую? Въ томъ самое чудо и есть. Поняла?

— Поняла, дѣдушка.

— Ну, вотъ иди себѣ съ миромъ.

Но „бабушка Секлетея“ не могла никакъ забыть послѣ своего посрамленія, и встрѣчая Вѣрочку съ ка-

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Русская дѣвушка.
Картина профессора К. Б. Венига (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

кою-нибудь изъ ея учительницъ, шептала про себя: „Слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ“.

— Что это ты, мать Секлетея? оборачивалась къ ней встрѣчная монахиня.

— Ничего, такъ я... По смиренію своему: изъ Матѳія вспомнила.

И быстро уходила прочь, творя, по своему мнѣнію, благо.

Злыя бабушки мѣшались въ воспоминаніяхъ Вѣрочки съ бабушками добрыми, и такъ какъ послѣднихъ было больше чѣмъ первыхъ, то онѣ и заслонялись совсѣмъ; да и какъ не заслоняться. Разъ Вѣрочка заболѣла и лежала у себя въ домикѣ, нѣсколько дней уже не показываясь въ монастырѣ. Когда она очнулась и пришла въ себя,—первое, что̀ увидѣла дѣвочка, было заплаканное лицо юродивой. Сестра Ирина стояла вмѣстѣ со своей бѣлицей надъ кроватью больной и порывисто, обѣими руками, крестила Вѣрочку, повторяя ни къ селу, ни къ городу: „Взыщутъ меня злые и не обрящутъ, взыщутъ меня злые и не обрящутъ, взыщутъ меня злые и не обрящутъ“. А потомъ, когда встрѣтила ее выздоровѣвшую на монастырскомъ дворѣ, ни съ того, ни съ сего ткнула ей въ ротъ морковку и закричала:

— Свинья ѣстъ—и ты ѣшь!.. Вси убо прахъ...

И поскакала прочь на одной ножкѣ, болтая головой во всѣ стороны.

Больше всего любила Вѣрочка мать Серафиму, и по цѣлымъ днямъ просиживала у нея. Бабушка Серафима была богатой женщиной въ мірѣ—и въ монастырѣ ея келья состояла изъ особаго домика съ просторными и свѣтлыми комнатами, оклеенными пестрыми обоями. Полы были застланы коврами, и по коврамъ, отъ одной двери къ другой, шли дорожки. Мебель у бабушки Серафимы была тоже особенная. Неуклюжія кресла, твердыя какъ камень, которыя Вѣрочка называла „растопырями“, и въ которыя нельзя было броситься съ разбѣгу—здѣсь отсутствовали; зато всюду стояли большія и мягкія, гдѣ она помѣщалась въ уголку, свернувшись будто котенокъ. Бабушка Серафима была ученая. У нея постоянно подъ потолкомъ висѣли разныя ароматическія травы, наполнявшія ея келью нѣсколько пряпымъ, но необыкновенно пріятнымъ запахомъ. Когда инокиня заболѣвала — она посылала обыкновенно за Серафимой. Та брала какую-нибудь изъ своихъ мудреныхъ книжекъ и шла, а потомъ, вычитавъ что-то, брала ту или другую траву, сама готовила изъ нея настой, читала надъ нимъ молитву и посылала его съ наставленіемъ, какъ надо употреблять таковой. Былъ у матери Серафимы еще большой атласъ, и развернувъ его, она разсказывала Вѣрочкѣ про разныя страны и народы такія чудеса, что у той только дыханіе захватывало, да глаза, казалось, готовы были выскочить вонъ изъ своихъ впадинъ. Ей чудилось, что она и сама видитъ безбрежные океаны съ ихъ штормами, съ кораблями, затерянными среди ихъ простора, и дивными островами, гдѣ растутъ такіе сказочные деревья и цвѣты, и люди ходятъ нагишемъ, не терпя ничего отъ зноя и отъ холода; высокія горы покрыты вѣчными снѣгами; лѣса съ такими страшными звѣрями, передъ которыми китъ пророка Іоны показался бы пожалуй смиреннымъ и кроткимъ какъ овечка. И чудились ей долины съ фантастическою роскошью зелени, растущей и рвущейся вонъ изъ мѣры,—равнины, по которымъ струятся рѣки, блестя подъ солнцемъ, какъ змѣиныя кольца; бѣломраморные храмы съ дивами искусства, руины другихъ, еще болѣе великолѣпныхъ, построенныхъ невѣдомыми народами, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ... И Вѣрочка замирала, вся обращаясь въ слухъ.

— А гдѣ, бабушка Серафима, живутъ одноглазые люди? спрашивала она наконецъ, положивъ подбородокъ на ладони и упираясь локтями въ столъ.

— Такихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ, когда мнѣ бабушка Степанида разсказывала?

— Вѣрно у нея подъ воротами живутъ они!.. смѣялась мать Серафима.

— Ну, а хвостатые?

— И хвостатые люди тоже тамъ у нея подъ воротами.

Вѣрочка съ сомнѣніемъ покачивала головой, не смѣя не вѣрить ученой бабушкѣ, и въ то-же время отдавая полную справедливость интереснымъ разсказамъ простой бабушки подъ воротами.

Но и не это все-таки приманивало главнымъ образомъ Вѣрочку въ келью къ бабушкѣ Серафимѣ.

У монахини была одна очень большая комната съ громаднымъ окномъ, завѣшаннымъ сборчатою шторой изъ золотисто-желтаго шелка. Это была мастерская матери Серафимы. Здѣсь стоялъ треножникъ и на немъ всегда было полотно, натянутое на раму. Около лежали палитра съ масляными красками, дальше на столикѣ тѣ-же краски „въ свинцовыхъ фунтикахъ“, какъ называла ихъ Вѣрочка. Стоило пожать такой „фунтикъ за хвостикъ“ и въ горлышкѣ его проступала или голубая, или красная, или желтая, или зеленая капелька. Сюда, когда освѣщеніе было достаточно хорошо, удалялась мать Серафима писать свои картины и образа, которыми она украшала обительскія церкви, посылала ихъ въ подарокъ бѣднымъ сельскимъ храмамъ, наконецъ, вѣшала у себя на стѣнахъ. Серафима была талантливая женщина. Къ ней обращались даже изъ города заказчицы, но она всѣмъ имъ отказывала.

— Талантъ—отъ Бога, и Ему Одному надо посвящать его, говорила она.

Вѣрочка готова была цѣлые часы сидѣть неподвижно, свернувшись калачикомъ, въ углу большаго кресла, и смотрѣть, какъ „бабушка Серафима“ орудуетъ своею мастерскою кистью. Она замѣчала, какъ та слаживаетъ краски, изучала пріемъ, какъ держать кисть и палитру, какъ грунтовать полотно. Когда передъ нею, изъ смутныхъ и небрежныхъ набросковъ, повидимому ничего сначала не означающихъ, выступалъ, наконецъ, художественно намѣчавшійся образъ—она чувствовала, какъ что-то трепетало у нея въ груди, какъ точно въ комнатѣ воздуху становилось меньше, какъ жгло ея щеки и сохли губы. Тутъ ужь она, хоть ущипни ее, не крикнула бы ни слова, чтобы не помѣшать этому творчеству, созданію чего-то живущаго и прекраснаго изъ ничего... Мать Серафима долго присматривалась къ ней во время этихъ безмолвныхъ восторговъ и, наконецъ, разъ сказала ей:

— Вѣрочка, хочешь учиться у меня рисовать?

У той даже сердце захолонуло. Она и отвѣтить ничего не могла, поблѣднѣла вся и часто-часто задышала.

— Значитъ хочешь? Ну и ладно. Сегодня я поговорю съ твоей бабушкой, спрошу благословенія у матери-игуменьи, а завтра милости просимъ за работу.

Мать-игуменья благословила, бабушка (настоящая) согласилась, и Вѣрочка начала такимъ образомъ учиться живописи.

(Продолженіе будетъ).

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Разсказъ **В. П. Желиховской.**

(Окончаніе).

VII.

Не зналъ онъ куда и долго-ли шелъ, однако прекрасная ночь перешла уже въ разсвѣтъ; востокъ загорѣлся оранжевымъ, широкимъ пламенемъ; звѣзды блѣднѣли, тонули въ зеленоватой лазури и пропадали въ ней, а онъ все шелъ и шелъ, куда глядятъ глаза, не замѣчая, что уходилъ изъ города, а не въ городъ.

Тревога его унималась, но чувство обиды горько еще стояло въ горлѣ. Вмѣстѣ съ сознаніемъ ея незаслуженности росла и забота: какъ бы все это поскорѣе покончить? Какъ бы и впредь оградить себя отъ такихъ покушеній на его спокойствіе, на достояніе его и самую честь?.. Прежде онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что, въ крайности, уѣдетъ; но теперь, успокоившись, онъ ясно видѣлъ что уѣзжать некуда и незачѣмъ,—что всюду есть люди, есть женщины; слѣдовательно вездѣ найдутся корыстолюбіе, интриги, обманы... Отъ нихъ уйти нельзя, особливо съ его мягкимъ характеромъ; значитъ надо проститься съ покоемъ, вѣчно осматриваться, остерегаться, огрызаться?.. Фу! Тоска какая!.. Этакъ лучше не жить... Что жь? Руки ему на себя наложить, что-ли?..

Перепелкину даже стало смѣшно отъ такого отчаяннаго вывода.

„Вотъ бы сумасшедшимъ назвали добрые люди!“ подумалъ онъ, улыбаясь. — „Получилъ наслѣдство, богатство громадное—и съ горя повѣсился!.. Ужь лучше жениться!..“

Онъ оглянулся и увидалъ, что зашелъ на самое взморье. Былъ ужь бѣлый день. Солнце вставало; тѣни ложились длинныя, прозрачныя, отъ зданій, отъ деревьевъ, на землю и воду. Ласточки звонко щебетали собираясь въ отлетъ, блистая точками въ прозрачномъ, свѣжемъ до холода, утреннемъ воздухѣ. Изъ города еще не долетало шума, но изрѣдка ужь заслышивались колеса и голоса людей, проснувшихся къ работѣ на водѣ и на сушѣ. И вся эта утренняя суета покрывалась дальнимъ гуломъ колоколовъ.

Перепелкинъ сѣлъ на скамейку. Онъ очень усталъ, но ходьба и утренняя свѣжесть, а можетъ быть и сильное черезчуръ волненіе, отогнали отъ него сонъ. Онъ вглядывался и вслушивался во все, словно духомъ оживая и ободряясь думалъ, какъ все красиво, ясно и спокойно въ природѣ. Какая краса и тишь въ этой пестрой листвѣ, раскрашенной осенью; въ прозрачной водѣ съ ея отраженіями; въ этомъ сіяющемъ небѣ и съ нимъ сливавшимся, въ общей дали, морѣ, съ черными точками судовъ и бѣлыми искорками парусовъ на рыбачьихъ лодкахъ...

Эхъ! Кабы люди-то жили мирно да любовно, по правдѣ и чести, и не портили бы сами себѣ этой благодати!

И неужели подъ этимъ куполомъ, окрашеннымъ восходившимъ солнцемъ, на всемъ богатомъ земномъ просторѣ, подъ всѣми тысячами крышъ громаднаго города, не найдется для него, бѣднаго богача, спокойнаго уголочка? Доброй души, которая пожалѣла бы его, ради его самого, а не однѣхъ его денегъ, приголубила бы, осчастливила его близкую старость пріютивъ въ семьѣ, у домашняго, мирнаго очага?.. Размечтался нашъ солидный чиновникъ, словно юноша-поэтъ, только что начинающій жить, и вдругъ опомнившись, устыдился и самъ надъ собой досадливо разсмѣялся.

Разсмѣялся, да тутъ же и на свой смѣхъ разсердился. Что, право!.. Чѣмъ же онъ виноватъ, если созданъ не такъ, какъ другіе? Не старѣетъ какъ-то душою. Какъ себя помнитъ, — двадцать, тридцать лѣтъ тому, такъ и теперь онъ все тотъ же. Другіе съ лѣтами и внутренно мѣняются, а онъ—нѣтъ!.. Что любилъ—то и любитъ; чѣмъ скучалъ—тѣмъ и нынче скучаетъ; а что находилъ хорошимъ, какъ вотъ это утро чудесное, — тѣмъ и нынѣ готовъ любоваться. Онъ не виновенъ во всемъ этомъ!.. Какъ не повиненъ и въ томъ, что, вотъ, бобылемъ остался потому, что боялся съ молоду связать съ собой на бѣдность и можетъ быть голую нищету другихъ неповинныхъ людей. Боялся, съ молоду не смѣлъ; а вотъ теперь пришло обезпеченіе, даже богатство,—а на что оно ему, когда подѣлиться имъ не съ кѣмъ? Когда некому имъ счастія и радости принесть!

Вдругъ неподалеку отъ него плеснуло весло и молодой, почти дѣтскій голосокъ затянулъ пѣсенку:

„Женись, мое дитятко! Женись, мое милое,
На славной боярышнѣ, на боярской дочери!“

Порфирій Перепелкинъ, пятидесяти-трехъ-лѣтній надворный совѣтникъ, такъ и подскочилъ отъ неожиданности. До того поразили его слова пѣсни, будто отвѣтныя на тайныя мысли его слова.

Онъ чуть не отвѣчалъ вслухъ: „И женюсь!“

Что, въ самомъ дѣлѣ, словно дразнитъ его со всѣхъ сторонъ! Вотъ на зло всѣмъ, возьметъ онъ и женится! Не на одной изъ этихъ, разныхъ, что тамъ его деньги подкарауливаютъ, — а просто, на первой встрѣчной. На бѣдной какой-нибудь дѣвушкѣ, которая рада будетъ радёшенька такому счастью и весь вѣкъ будетъ ему благодарна...

Мимо него, по Невкѣ къ Яхтъ-клубу, изъ-за деревьевъ выскользнула маленькая лодка; въ ней пожилой матросъ за веслами, а у руля мальчикъ, очевидно гимназистъ или школьникъ, справлявшій свои послѣдніе лѣтніе дни. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ длинную удочку и, весело глядя ко взморью, затягивалъ свою старую, вѣроятно отъ бабушки слышанную, пѣсенку, далеко сплавшуюся по рѣкѣ.

— А вы баринъ руль-то смотрите! Руль! улыбаясь на него, говорилъ матросъ. — Жениться-то вамъ еще рано!

Мальчикъ смолкъ, увидавъ на берегу, у самаго мыска, который огибала лодочка, какого-то господина, пристально на него смотрѣвшаго. Но едва лодка отошла на нѣсколько саженей, онъ, сжимая рученкой лесу, въ радостномъ предвкушеніи предстоявшаго улова, снова безсознательно затянулъ:

„Дитя мое дитятко, дитя-ль мое милое,
Что ходишь не весело, головку повѣсило?..
Сударыня-матушка, оттого-ль я все тужу:
Друзья-братья женятся, — а я не женатъ хожу!“

„Ну, вотъ то-то же!.. Все и горе въ томъ, что я не женатъ хожу!.. Ишь пророкъ какой въ кумачевой рубахѣ проявился!“ улыбаясь вслѣдъ мальчику въ лодкѣ, раздумывалъ Порфирій Семеновичъ. — „А я вотъ что сдѣлаю благословясь... Да!.. Не даромъ все это: и эти мысли, и эта ужасная ночь, и эта пѣсня отрока невиннаго, и это чудное утро, и... и вотъ этотъ торжественный звонъ!.. Этотъ Божій призывъ!“

Онъ всталъ, повернувшись къ востоку, со стороны котораго долеталъ къ нему гулкій звонъ церковнаго колокола, снялъ шляпу и благоговѣйно перекрестился, преклонивъ голову...

„Да! Вотъ что я сдѣлаю: я пойду сейчасъ и войду въ первый Божій храмъ, гдѣ будетъ служба. Войду, помолюсь и пусть первая дѣвушка или вдова, которую я тамъ увижу и которая согласится быть мнѣ женой, не зная о моемъ богатствѣ—и будетъ ею!.. Да!.. Пусть самъ Богъ пошлетъ мнѣ суженую... Говорятъ: бракъ — лоттерея. Ну, — вытяну билетъ на счастіе, помолившись... Самъ я, все равно, не умѣю выбрать, — пускай за меня рѣшитъ судьба! По крайней мѣрѣ не буду я лгуномъ: сказалъ, что женюсь—и женюсь, на комъ Богъ пошлетъ!“

И принявъ такое совершенно невѣроятное рѣшеніе, Порфирій Перепелкинъ такъ быстро зашагалъ обратно къ городу, какъ будто бы сама судьба гнала его.

Да такъ оно и было, судя по дальнѣйшимъ событіямъ.

Видно и впрямь безуміе предъ гордыней людскою—порою бываетъ премудростью предъ Богомъ и идетъ человѣку во благо.

Шелъ онъ быстро, совсѣмъ не глядя передъ собою, перешелъ какой-то мостъ и продолжалъ идти не подымая глазъ, поглощенный цѣлымъ моремъ бурныхъ непослѣдовательныхъ чувствъ и мыслей, надъ которыми одна преобладала: „надо жениться! Женюсь — во что бы то ни стало!“

Эта рѣшимость все болѣе всплывала надъ всѣми другими помыслами, осиливала всѣ возмущенныя чувства Порфирія Семеновича и все опредѣленнѣе и сознательнѣе въ немъ укрѣплялась.

Пожилаго, департаментскаго чиновника, какъ не бывало! Порфирій Перепелкинъ забылъ свои годы и все пережитое, и весь ушелъ въ будущее; въ счастливое, радужное будущее, къ которому нетерпѣливо стремился, заранѣе пылая и млѣя отъ предвкушенія будущаго счастія. Пока онъ шелъ быстро шагая, не замѣчая что убитый грунтъ дорожекъ смѣнился мостовой, что вокругъ него ужь не зелень загородныхъ дачъ, а улица съ утреннимъ ея движеніемъ и шумомъ, мысленнымъ взорамъ его представлялись картины, одна романичнѣе и милѣе другой, и всѣ на тему тѣхъ старыхъ гравюръ, оставленныхъ ему въ наслѣдство матерью, которыми съ дѣтства онъ привыкъ любоваться.

VIII.

Онъ такъ углубился во внутреннюю жизнь, что внѣшняя не останавливала его вниманія, и непремѣнно прошелъ бы церковную ограду, еслибъ при поворотѣ чуть не сбилъ съ ногъ какой-то дѣвушки.

— Извините!

— Ничего.

Она проскользнула, не оглядываясь.

За то оглянулся на нее Перепелкинъ. Онъ замѣтилъ молоденькое, очень молоденькое и очень печальное, даже сильно заплаканное личико дѣвушки...

Этого было довольно... Фантазія забила неудержимо въ мозгу надворнаго совѣтника. Онъ круто повернулъ назадъ и смотрѣлъ вслѣдъ заплаканной дѣвушкѣ, остолбенѣвъ вопросительнымъ знакомъ, среди узенькаго тротуара.

„Что это за дѣвушка?.. Чѣмъ такъ убита?.. Куда она идетъ?..“

Эти вопросы вдругъ смѣнили всѣ бушевавшія въ немъ мысли.

— Ахъ, батюшка! Да пропусти же!.. Стоитъ—колода колодой и въ храмъ Божій людямъ ходу не даетъ! услыхалъ онъ за собой недовольный женскій голосъ.

Широкая старуха, въ тальмѣ наподобіе летучей мыши, стояла за нимъ, но онъ не видалъ ее. Его поразили лишь слова: „храмъ Божій!..“ Да вѣдь и онъ идетъ туда же!.. А она?..

Перепелкинъ глянулъ и едва успѣлъ уловить темный, тоненькій силуэтъ дѣвушки, исчезавшій за желѣзной оградой церкви... И она?!. О! Это явное указаніе Божіе.

И онъ, съ сильно застучавшимъ сердцемъ, твердыми шагами пошелъ за ней, убѣжденный, что его влечетъ неизбѣжная судьбина.

Въ небольшой церкви было сумрачно; поспаленные глаза его сначала ничего не различали въ ней, кромѣ нѣсколькихъ блестокъ на иконныхъ ризахъ, да синяго дымка кадильницы, перерѣзаннаго яркимъ лучомъ изъ узкаго, высокаго окошка въ алтарѣ. Царскія двери были открыты; старенькій, сгорбленный священникъ, съ дьячкомъ вмѣсто клира, пѣли „Слава въ вышнихъ Богу“; кончалась утреня. Богомольцевъ почти но

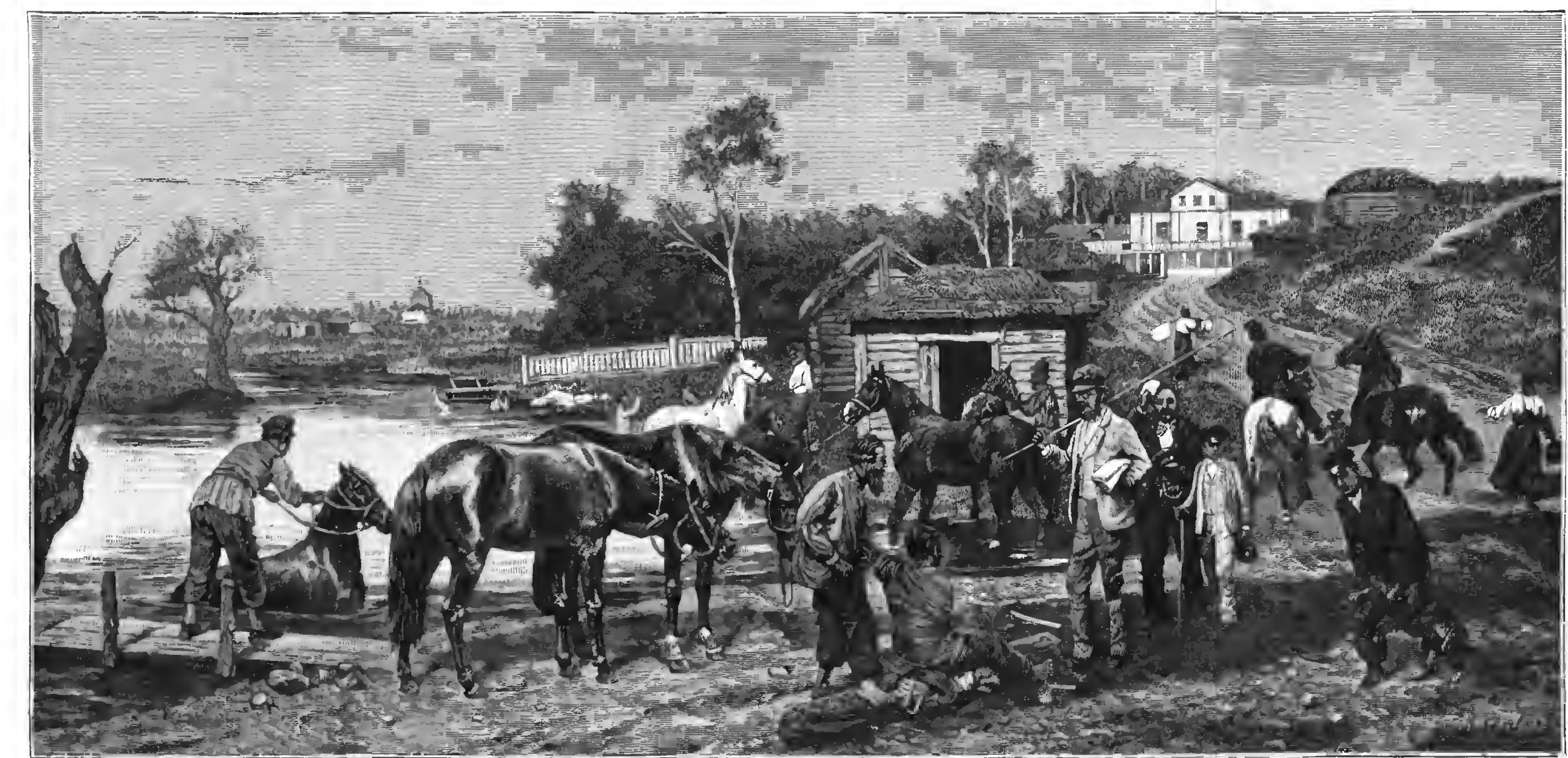

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Двѣ кавалькады. Картина проф П. О Ковалевскаго (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. Рашевскій.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Тройка въ грязи. Картина проф. П. О. Ковалевскаго (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Купанье въ деревнѣ. Картина проф. П. О. Ковалевскаго (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"). грав. Шюблеръ.

было, такъ что когда толстая барыня въ тальмѣ, вошедшая вмѣстѣ съ Перепелкинымъ, заговорила у входа съ инвалидомъ продававшимъ свѣчи о томъ почему такъ поздно утреня и скоро-ли ранняя обѣдня начнется, голосъ ея гулко разнесся подъ сводами.

„До чего горласта!" промелькнуло въ головѣ Порфирія Семеновича, хотя онъ былъ въ большой тревогѣ: никакъ не могъ найти глазами молоденькой дѣвушки.

Онъ искалъ ее по сторонамъ, вдали, у клироса; а она стояла на колѣняхъ за нимъ, въ уголкѣ, скрытая выступомъ лѣстницы въ верхній этажъ. Бѣдняжка какъ вошла такъ и забилась въ темный уголокъ, стала на колѣни и не словами молилась, а горькими, отчаянными слезами. Она боролась съ собой, сдерживала рыданія, прижимая ко рту платокъ, весь мокрый, свернутый въ круглый комочекъ; но они неудержимо вырывались сотрясая ея голову и худенькія плечи. Перепелкинъ наконецъ нашелъ ее и такъ какъ нельзя же было обернуться спиной къ иконостасу, а сзади дѣвочки и мѣста не было, то онъ перешелъ въ противуположный уголъ церкви, чтобъ не потерять ее изъ виду и прислонившись къ стѣнѣ наблюдалъ.

„Господи-Владыко! И чего она такъ убивается?.. Молоденькая такая, бѣдняжка!.. И видно что очень бѣдная... Ужь не съ голоду-ли она такъ? Можетъ давно не ѣла?.." подумалъ онъ и самъ содрогнулся изъ жалости къ ней, столько же сколько отъ невольнаго отвращенія: ему вдругъ вспомнилось „вчерашнее"...

И жалость, несказанная жалость, какъ у матери къ своему больному, голодному ребенку, охватила сердце Порфирія Перепелкина.

— Взбранной Воеводѣ Побѣдительная! неестественно громко затянулъ на клиросѣ дьячекъ.

„Помоги, Царица Небесная!" началъ усердно молиться надворный совѣтникъ, вспомнивъ что онъ въ храмѣ Божьемъ.

Но опять мысли, неотвязныя мысли, шумнымъ потокомъ зачередовались въ головѣ, вытѣсняя молитвенное настроеніе. Кончилась утреня. Народъ сталъ прибывать къ ранней обѣднѣ; барыня въ тальмѣ, въ ожиданіи ея, усѣлась на боковой скамьѣ; разложила возлѣ себя носовой платокъ съ завязанными въ уголкахъ деньгами и стала считать мѣдяки, сдачу съ купленныхъ свѣчей.

Дѣвушка поспѣшно отерла лицо, натянула платочекъ на лобъ, чтобъ закрыть свои заплаканные, вспухшіе глаза; встала, быстро перекрестилась еще на алтарь и не глядя по сторонамъ пошла къ выходу.

Какъ сорвавшійся съ цѣпи устремился за ней Перепелкинъ, сгорая поспѣшною рѣшимостью. Онъ нагналъ ее на паперти и пригнувшись сказалъ самымъ ласковымъ голосомъ:

— Милая дѣвушка, послушайте! Что съ вами?.. Какое у васъ горе?.. Не бойтесь меня! Пожалуйста не бойтесь. Быть-можетъ я смогу помочь вамъ?..

Дѣвушка, — прехорошенькая дѣвушка была она, хотя лицо ея было истомлено и теперь горѣло красными пятнами,—вздрогнула, остановилась и повела на него испуганными глазами. Въ добродушномъ лицѣ пожилаго господина, такъ неожиданно ее остановившаго, было столько участія и въ сѣрыхъ глазкахъ его выражалась такая доброта и ласка, что она хотѣла отвѣчать ему, да не смогла: именно его нежданная ласка и расшалила снова ея горе, и слезы ея полились неудержимо, сдавивъ горло такъ, что не могла она выговорить ни слова. Она прислонилась къ колоннѣ церковной и, закрывъ лицо платкомъ, силилась удержать слезы, справиться съ собою.

— Ну, вотъ видите, какая бѣда!.. Ну полно, милая! Успокойтесь!.. Въ чемъ дѣло? Скажите мнѣ, убѣдительно заговорилъ онъ снова, — что васъ такъ огорчаетъ?.. Послушайте, душенька, вы видите: я съ добрымъ намѣреніемъ, я не злой человѣкъ, право! Я васъ не обижу... А если что, если можетъ-статься нужда у васъ, — денежная нужда, — я могу вамъ помочь... Я человѣкъ богатый.

Онъ совсѣмъ позабылъ о намѣреніи своемъ скрыть этотъ фактъ, отъ особы на которую обратитъ вниманіе. Да дѣло въ томъ, что онъ и о другихъ-то своихъ намѣреніяхъ забылъ совсѣмъ, а просто искренно желалъ бы помочь этому ребенку.

Дѣвушка казалась ему совсѣмъ маленькою, и если бы Порфирій Перепелкинъ вспомнилъ теперь о своихъ матримоніяльныхъ планахъ, то первый бы разсмѣялся самъ надъ собою.

— Ну, такъ полно-же, полно плакать!.. Ну?.. Соберитесь съ духомъ, скажите мнѣ, что съ вами?.. Вѣдь, Богъ миловалъ, не умеръ у васъ кто-нибудь?

Она покачала головой отрицательно.

— Вотъ видите! и слава Богу! продолжалъ онъ, словно ублажая малое дитя.—И никто не боленъ?.. Нѣтъ? А!.. Мама больна? Жаль!.. Но вѣрно не опасно?.. Вылѣчимъ, вздоръ! Все поправимъ... Перестаньте-же плакать, и просто и прямо скажите мнѣ: можно деньгами помочь вашему горю?

Дѣвушка низко склонила голову и чуть слышно прошептала:

— Да...

— Да?.. Я такъ и думалъ! вскричалъ Порфирій Семеновичъ, а самъ размышлялъ: „Нужда проклятая! Я говорю: навѣрное она не ѣвши!"

— Вотъ и слава Богу! И нечего вамъ больше плакать, дѣточка моя! Потому: была нужда—и не будетъ ея больше... Вотъ и все! воскликнулъ онъ такъ увѣренно и весело, что она и сама чуть-чуть оживилась, подняла голову и посмотрѣла на него въ первый разъ во всѣ свои большущіе голубые глаза, не смѣя еще вѣрить тому, что говорилъ онъ.

— Да! Да!.. Вытирайте слезы, продолжалъ онъ,—и только поскорѣе скажите мнѣ, сколько вамъ нужно?.. Много?

— Сейчасъ? спросила дѣвушка, наконецъ осмѣлившись.

— Ну и сейчасъ, и... вообще! отвѣчалъ Перепелкинъ, тутъ же подумавъ: „вѣдь не скажетъ же она—триста тысячъ!"

Но то что она сказала удивило его въ другую сторону.

— Сейчасъ мнѣ нужно три рубля, промолвила она и вся тотчасъ же вспыхнула.

— Три рубля?!.. изумился Порфирій Семеновичъ. — Какъ?.. Только три рубля?.. И неужели изъ-за нихъ вы такъ горько плакали?

— Не изъ-за нихъ, а изъ-за моего кольца, сорвалось у нея съ языка, и она опять всхлипнула, какъ малое дитя во снѣ.

— Изъ-за кольца? еще больше удивился онъ и недовѣрчиво ее оглянулъ.—Вы, что же, хотите купить кольцо?

— Зачѣмъ купить? обидчиво изумилась дѣвушка.—Не купить совсѣмъ, а я... продать не хочу кольца, которое... которое мнѣ подарили... Я его больше всего люблю. И оно гораздо, гораздо дороже стоитъ, а даютъ всего... три рубля!

— Да... вотъ оно что!.. Вамъ нужно продать—и жалко?

— Ну, да... Я и не продала. Я думала дадутъ рублей двадцать,—по крайней мѣрѣ на недѣлю мама будетъ спокойна, долги заплатить... А тамъ, далъ бы Богъ, поправилась, сама бы опять работать стала, и я также, и... вывернулись бы какъ-нибудь... Совсѣмъ рѣшилась, понесла и вдругъ—три рубля!.. Я и не отдала.

— И прекрасно сдѣлали, сказалъ Перепелкинъ.

— Да! Прекрасно!.. А что я мамѣ ѣсть дамъ, когда приду?.. Она ждетъ... Вотъ мнѣ теперь и жалко, зачѣмъ я не отдала!

И опять она закрыла лицо и горько заплакала.

— Ну-ну-ну! Перестаньте! заторопился онъ, говоря и въ то же время думая на тему: „вотъ дѣло-то оно самое и есть, что кушать дома нечего?.." Перестаньте! повторилъ онъ авторитетно.—Сами-то вы кушали сегодня что-нибудь?

— Я?.. Нѣтъ.. Да это ничего! Я вѣдь здорова. Я могу долго...

— Ну, тамъ можете или нѣтъ, а вы вотъ что...

Онъ оглянулся. Мимо ограды проходила женщина съ жестянымъ кувшиномъ молока и кружкой. Онъ зазвалъ ее и чуть не силой заставилъ дѣвушку выпить кружку, да и самъ напился, только тутъ замѣтивъ, что и у него крѣпко пересохло въ горлѣ.

— Ну, сказалъ онъ, — теперь пойдемте къ вашей матушкѣ. Далеко вы живете?.. Нѣтъ?.. И прекрасно. Показывайте дорогу къ вашей больной мамѣ, авось мы вылѣчимъ!

— Развѣ вы докторъ? удивленно спросила дѣвушка.

— Да, да! Разумѣется докторъ! съ улыбкой подтвердилъ Перепелкинъ.—Но прежде, вотъ что... Послушайте! Вѣдь надо же вамъ купить ей что-нибудь покушать.. Вотъ! Возьмите, дитя мое... Вы говорили, что желали, то есть—думали получить за свое колечко двадцать рублей?.. Вотъ вамъ они. Возьмите, и идемъ.

Дѣвушка снова широко открыла на него глаза, покраснѣла отъ шеи до корней волосъ, хотѣла сказать что-то и не смогла. Ей опять сдавило горло. Она только глубоко перевела дыханіе и торопливо опустила руку, шаря въ карманѣ.

— Берите-же, душенька! Пожалуйста... вы не думайте... то-есть—вы не смущайтесь!.. Возьмите!

— Да я... я сейчасъ... Спасибо.. Очень, очень васъ благодарю! Вотъ оно.

— Что это?.. кольцо?.. Богъ съ вами, дѣточка! Мнѣ не надо вашего кольца! разсмѣялся Перепелкинъ.

Она опустила руку, и открывъ ротъ, смотрѣла на него огорченнымъ взглядомъ.

— Но... но такъ я не могу!.. Я только хотѣла просить, чтобъ вы не совсѣмъ... То-есть, чтобъ вы не покупали, объяснила она,—а только взяли бы пока... Пока я заработаю и отдамъ вамъ деньги.

Она говорила такъ тихо, что онъ едва могъ разслышать.

— Да вѣдь я не ростовщикъ, началъ было Перепелкинъ, но замѣтивъ, что слезы опять затуманили ей глаза, и что она рѣшительно отвернулась и уходитъ, онъ передумалъ и быстро протянулъ руку.—Ну, давайте! Давайте ваше кольцо!.. Хорошо, я его припрячу. Пусть у меня полежитъ... Да какое оно хорошенькое!.. Ого! Милая моя, хорошо, что вы не отдали его негодяю, который вамъ давалъ три рубля... Оно больше двадцати рублей стоитъ.

Дѣвушка сразу повеселѣла, взяла деньги и пошла чуть не бѣгомъ. Ей вѣдь надо было еще зайти въ мелочную лавку и въ аптеку; а мать ждала со вчерашняго дня чаю и лекарства, еще накануне прописаннаго знакомымъ докторомъ, который иногда навѣщалъ ихъ. Третьяго дня онъ заѣзжалъ, — живетъ онъ очень далеко, на Петербургской. Онъ велѣлъ сейчасъ же давать его, лекарство-то; только стыдно было сказать ему, что не на что купить... Она хотѣла еще вчера снести колечко, да

мать велѣла подождать: можетъ еще и такъ пройдетъ! И можетъ принесутъ имъ заработанныя деньги, отъ одной купчихи, за мѣтку бѣлья... Но денегъ не принесли и мамѣ лучше не стало... Вотъ она сегодня утромъ ранёшенько побѣжала и чуть было домой не вернулась съ пустыми руками. Слава Богу, что зашла помолиться! Вотъ и помогъ ей Богъ...

Все это она разсказывала ему на ходу, гораздо охотнѣе теперь не только отвѣчая на его вопросы, но и сама вдаваясь въ подробности. Пока дошли, онъ узналъ, что мать ея вдова; живутъ онѣ работой—и матери ея хорошо платили до послѣдняго времени, а нынче отъ мелкой работы у нея крѣпко глаза разболѣлись,—не можетъ она больше такой тонкой вышивки браться шить, а за простую меньше платятъ.

— А вотъ мы найдемъ вашей мамѣ работу выгодную, полегче! утѣшилъ ее Перепелкинъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее попристальнѣй, только теперь увидалъ, какая она хорошенькая, и вдругъ вспомнилъ свои проекты: посвататься на первой встрѣчной, бѣдной дѣвушкѣ...

Вспомнилъ—и устыдился внутренно.

Хорошъ бы онъ былъ, еслибъ воспользовался ея бѣднотой, ея отчаяніемъ! Онъ—и этотъ ребенокъ, который не то въ дочери, чуть ли не во внучки ему годится... Да подѣломъ бы тогда вору и мука, еслибъ былъ онъ способенъ на такое преступленіе.

— А сколько лѣтъ вамъ, душенька? спросилъ онъ, и не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—вы, кажется, еще совсѣмъ маленькая дѣвочка? а?..

— Что?.. я—маленькая дѣвочка?.. Богъ съ вами! Да я ужь два года какъ невѣста!.. Мнѣ восемнадцать скоро, отвѣтила она, оглядѣвъ его гордымъ взглядомъ, какъ особа проникнутая собственнымъ достоинствомъ.

— Ого!.. Такъ вотъ какъ! улыбнулся еще добродушнѣе надворный совѣтникъ, а самъ про себя помыслилъ: „хорошъ бы я былъ, старый филя, если-бы да со своими деньгами сунулся свататься!“

— Какже! Два года. Мой женихъ посватался кончивъ курсъ въ университетѣ, вздохнула молодая дѣвушка.—Только онъ уѣхалъ далеко, на службу, на три года... Такъ надо было: мама такъ хотѣла, потому что мы бѣдные. Ему прежде надо послужить, заработать что-нибудь... По дастъ Богъ, *одинъ* годъ ужь скоро теперь пройдетъ! Правда?

— Правда, милая барышня, правда!.. Годъ—вздорное время!.. Такъ у васъ ужь и женихъ припасенъ?.. Умница!.. И что-же, онъ пишетъ вамъ часто?

— Каждую недѣлю. Мы другъ друга любимъ съ дѣтства. Еще отцы наши были друзьями... Когда отецъ его умеръ, а потомъ вскорѣ и мать, такъ мои родные взяли его къ себѣ и онъ всегда съ нами жилъ,—даже когда большой выросъ и въ университетѣ былъ,—всегда возлѣ насъ, и у мамы пилъ и ѣлъ. А послѣ умеръ и мой отецъ...

— А кто былъ вашъ батюшка? съ любопытствомъ прервалъ Перепелкинъ.—И скажите пожалуйста, какъ васъ самихъ зовутъ?

— Я Маша. Маша Ельнева, а отецъ мой докторомъ былъ, отвѣчала дѣвушка.—Оттого-то тотъ докторъ, что къ намъ съ Петербургской стороны ѣздитъ, и любитъ насъ: онъ товарищъ былъ прежде съ моимъ папой. Вѣдь и мы сюда переѣхали всего два года, а то прежде тоже тамъ, на Петербургской жили.

— Да?.. Ну, вотъ и я давно, двѣнадцать лѣтъ тамъ живу.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ-же мы не видали васъ?.. Вѣрно въ другой сторонѣ.

— Вѣрно въ другой! улыбнулся Порфирій Семеновичъ, все сильнѣе проникаясь отеческимъ благоволеніемъ къ этой милой, простой, бѣдной дѣвочкѣ, къ счастью которой столкнула ихъ судьба.—Ну-съ, милая барышня, а скажите-жь вы мнѣ: какъ же зовутъ вашего суженаго?

— Моего жениха?.. Вотъ мы и пришли... Хорошо, только вы не говорите мамѣ, что я вамъ разсказала, а то она и такъ все меня болтуньей и хвастуньей называетъ... Не скажете?

— Даю вамъ слово. Ба!.. Да ужь не его ли подарокъ и колечко это, съ которымъ вамъ такъ трудно было разставаться?..

— А разумѣется его!.. Ивана Павловича мать еще его носила и онъ подарилъ мнѣ его, вмѣсто обручальнаго.

— Иванъ Павловичъ?.. такъ зовутъ жениха вашего? вдругъ взволновался почему-то Перепелкинъ.—А фамилія его, прошу васъ, какъ? Ужь не Рындинъ-ли?

— Господи!.. Какъ-же вы это узнали?!..

Она такъ удивилась, что остановилась какъ вкопанная у входа въ калитку деревяннаго, старенькаго дома.

— А вотъ видите—узналъ!.. Ну! Во истину Богъ насъ свелъ, Машенька! И благодареніе Ему за это!

— Развѣ знаете вы Ивана Павловича?

— Знаю! Знаю!.. Ужь сколько я искалъ его!.. Вотъ теперь-то Богъ приведетъ его отблагодарить... Но, пойдемте! Пойдемте скорѣе къ вашей матушкѣ,—ждетъ она васъ вѣрно—не дождется! Тамъ я вамъ все разскажу и надѣюсь, что мы будемъ друзьями.

Порфирій Семеновичъ толкнулъ калитку и вошелъ во дворикъ, съ смутнымъ ожиданіемъ еще какихъ-нибудь чудесъ. Такія удивительныя приключались съ нимъ въ послѣднія времена вещи, что онъ былъ въ правѣ ожидать новыхъ приключеній... И дождался.

На крыльцѣ покосившагося, вросшаго въ землю домика стояла стройная, еще молодая и красивая женщина, хотя кроткое лицо ея и было истомлено печалями и временнымъ нездоровьемъ. Эта женщина была тоже Машенька Ельнева, только на восемнадцать лѣтъ постарше,—ея родная мать. И въ ней Порфирій Семеновичъ тотчасъ узналъ свою сидѣлку, добрую женщину, которую онъ такъ напугалъ послѣ безсонной ночи, проведенной ею за смѣною компрессовъ на больной головѣ его, въ квартирѣ студента Рындина.

Черезъ три мѣсяца послѣ этого, въ ноябрѣ прошлаго года, въ домѣ купца Мордасова на Петербургской сторонѣ, отпразднованы были двѣ свадьбы. Одна-то, впрочемъ, очень тихо и скромно: жилецъ бель-этажа, Порфирій Семеновичъ Перепелкинъ, надворный совѣтникъ въ отставкѣ, взявши подъ-руку вдову доктора Ельнева, прошелся съ нею до ближайшей церкви и вернулись они благополучно домой, сочетавшись законнымъ бракомъ...

И надо было слышать, какой крикъ подняли всѣ сосѣдки ихъ, кумушки, на счетъ его скряжничества!.. Виданое-ли, молъ, дѣло, этакому богачу „прячучись“, нищенскую свадьбу сыграть, ни единаго знакомаго не угостивъ въ свое здравіе?.. Вотъ скаредъ, такъ ужь скаредъ!..

„Скаредъ“ только посмѣивался; улыбалась и жена его, хлопоча надъ приданымъ, не своимъ, а дочки своей, ненаглядной Машеньки, со спѣшно вернувшимся въ Питеръ молодымъ докторомъ, Иваномъ Павловичемъ Рындинымъ. И какъ дошло дѣло до ихъ бракосочетанія, то ужь тутъ вотчимъ развернулся для своей названной дочки, и такой пиръ закатилъ, какого долго ихъ околотокъ не забудетъ.

Всѣ тутъ увидѣли, что Порфирій Семеновичъ Перепелкинъ человѣкъ скромный, но отнюдь не скряга и не скаредъ.

— Погодите годикъ, другой! насмѣшливо говоритъ сосѣдкамъ Марѳа Родіоновна, очень скоро сдружившаяся со своей кроткой хозяйкой и съ ея миловидной дочкой:—погодите, дастъ Богъ, какъ мы станемъ двойныя крестины справлять,—тогда увидите, каковъ мой баринъ скаредъ!

Новый, цѣнный вкладъ въ изученіе климата Россіи.

(Нѣкоторые способы предвидѣть погоду).

В. В. Иванова.

Мы живемъ на днѣ воздушнаго океана. Движенія его и происходящія въ немъ перемѣны имѣютъ для насъ—говоря безъ преувеличенія—громадное значеніе. Коснется-ли дѣло сельскаго хозяйства,—этой, одной изъ важнѣйшихъ, если только не наиболѣе важной отрасли человѣческаго труда; коснется-ли оно мореплаванія, имѣющаго такое дѣйствительно огромное значеніе для науки, промышленности, торговли и пр.; наконецъ, коснется-ли оно вопросовъ о здоровьѣ — повсюду погода въ ея разнообразныхъ явленіяхъ играетъ выдающуюся роль. Слѣдовательно, нельзя отъ всей души не привѣтствовать тѣхъ, кто съ любовью посвятилъ себя трудному изученію законовъ ея повидимому крайне капризныхъ явленій. Знаніе этихъ законовъ поведетъ къ возможности безошибочнаго предвидѣнія погоды, а слѣдовательно къ неисчислимо - благодѣтельнымъ послѣдствіямъ во всѣхъ сферахъ жизни. Это не преувеличенныя чаянія. Это—увѣренность, взросшая на положительныхъ данныхъ. Хотя метеорологія, какъ наука, существуетъ весьма недавно; хотя она и теперь еще вынуждена завоевывать себѣ, даже въ интелигентныхъ классахъ, права научнаго гражданства; но она дала уже во многихъ цивилизованныхъ странахъ блестящихъ представителей,—лицъ съ любовью посвятившихъ себя ея обоснованію и дальнѣйшему преуспѣянію, объясняющихъ и пропагандирующихъ ее въ массахъ. Она, несмотря на предъявляемыя ею требованія безусловно точныхъ, въ опредѣленные сроки, наблюденій, находитъ множество труженниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго вознагражденія, изо-дня-въ-день, въ строго-опредѣленные часы, производятъ наблюденія надъ давленіемъ воздуха, надъ его температурою въ тѣни, надъ его влажностью и упругостью заключающихся въ немъ водяныхъ паровъ, надъ направленіемъ и силою вѣтра, надъ видомъ, направленіемъ и скоростію движенія верхнихъ и нижнихъ облаковъ, надъ временемъ и количествомъ выпадающихъ осадковъ (дождя, снѣга и пр.), подробныя—надъ грозами, и т. д. Такихъ полезныхъ тружениковъ десятками числитъ не одна Главная физическая обсерваторія, но и метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета.

Метеорологія въ Россіи ждетъ созданія (вѣроятно не въ очень далекомъ, но болѣе счастливомъ будущемъ) удовлетворительно обставленнаго отдѣла ея морской отрасли. Наконецъ,

осуществится когда-нибудь и *дѣло земледѣльческой метеорологіи*. Что въ послѣдней есть настоятельная потребность, въ этомъ, между прочимъ, я могъ убѣдиться и изъ того сочувствія, которое вызвали какъ помѣщенная мною въ 1885 году въ *Нивѣ* (№ 36) статья „Предсказаніе погоды“ *), такъ и напечатанный тогда же фельетонъ *Правительственнаго Вѣстника* по поводу сдѣланныхъ мною въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ предложеній учредить въ Россіи правильныя сельско-хозяйственныя метеорологическія наблюденія. Осуществится мысль о земледѣльческой метеорологіи—и русскій земледѣлыватель, крупный и мелкій, имѣя возможность предвидѣть характеръ предстоящей погоды, со временемъ на все большіе и большіе сроки впередъ, будетъ (можно отъ всей души пожелать ему этого) знать когда и что можно сѣять, когда жать, когда косить и пр. Такимъ образомъ плоды его настойчиваго труда не будутъ погибать отъ пріемовъ, основанныхъ исключительно на преданіяхъ, поговоркахъ и примѣтахъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а на положительныхъ научныхъ указаніяхъ и на телеграфныхъ предостереженіяхъ о предстоящихъ перемѣнахъ погоды. Осуществится эта мысль и вѣроятно она будетъ много содѣйствовать прекращенію голодовокъ, иногда повальныхъ, на обширныхъ мѣстностяхъ. Въ народѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію передается не мало примѣтъ относительно предстоящей погоды, имѣющихъ дѣйствительное значеніе; но большинство такихъ примѣтъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предвидитъ погоду, — оно просто формулируетъ ту погоду, которая уже существуетъ въ давнее время. Тѣмъ не менѣе всѣ эти примѣты показываютъ насколько сильно въ земледѣльцѣ желаніе знать предстоящую погоду.

Отъ общихъ разсужденій перейду къ привѣтствію новаго, недавняго труда одного изъ нашихъ наиболѣе выдающихся метеорологовъ, професс. Новороссійскаго университета г. А. Клоссовскаго. Этотъ трудъ, изданный въ Одессѣ, озаглавленъ „Осадки юго-запада Россіи, ихъ распредѣленіе и предсказаніе. Одесса, 1888 г.“ Нельзя не признать, что мы въ этомъ отношеніи богатѣемъ. Еще не очень давно (года четыре назадъ) былъ изданъ прекрасный, отличающійся богатствомъ и новизною матеріала, а также талантливостью обработки и остроуміемъ выводовъ, трудъ нашего метеоролога, А. И. Воейкова „Климаты Россіи“. Въ прошломъ же году вышла весьма обстоятельная монографія объ осадкахъ на русскомъ юго-западѣ. Я познакомлю читателей *Нивы* съ этимъ послѣднимъ трудомъ; но, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и только мѣстами, тамъ, гдѣ дѣло касается способовъ и примѣтъ, по которымъ можно предвидѣть погоду, войду въ нѣкоторыя подробности.

Обращу прежде всего вниманіе читателя на тотъ рѣзко выдающійся фактъ, что въ 1887 году метеорологическая обсерваторія Императорскаго Новороссійскаго университета получала наблюденія изъ 158 пунктовъ юго-запада Россіи; что изъ числа этихъ станцій 112, на которыхъ опредѣлялось время и количество выпавшихъ осадковъ, т. е. дождя, снѣга и пр., устроены на средства ассигнованныя главнымъ образомъ *Херсонскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ*, а также Новороссійскимъ обществомъ естествоиспытателей и *земствами Бессарабской и Таврической губерній*. Сказалъ бы какое симпатичное явленіе, если-бы не было правильнѣе выразиться—какое высоко-полезное явленіе! Безъ сомнѣнія, примѣръ названныхъ земствъ не останется безъ подражанія. Не далеко, можетъ быть, то время, когда въ видахъ раціональнаго веденія сельскаго хозяйства по отношенію къ погодѣ, будутъ введены не только наблюденія надъ осадками, но и надъ всѣми метеорологическими элементами и явленіями, имѣющими непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству, лѣсоводству и пр.

*) Редакція получила въ то время много писемъ, выражавшихъ живѣйшій интерэсъ къ вопросамъ, поднятымъ этою статьею.

Брошюра г. Клоссовскаго распадается на шесть отдѣловъ. Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ читатель можетъ, между прочимъ, ознакомиться со слѣдующею картиною распредѣленія осадковъ въ Россіи въ теченіе года. Если провести на картѣ линію отъ устья Днѣстра, черезъ Николаевъ, Лугань, къ Саратову, Самарѣ и Оренбургу, то вдоль этой линіи расположена полоса Европейской Россіи, на которой, въ теченіе года, выпадаетъ слой дождя и пр. около 400 милиметровъ (нѣсколько менѣе двухъ десятыхъ долей сажени). Отъ этой полосы, въ направленіи на сѣверо-западъ, количество выпадающихъ осадковъ возрастаетъ; по линіи, проходящей чрезъ сѣверную часть Бессарабіи, южную часть Подольской губерніи, чрезъ губерніи Тульскую, Рязанскую, Владимірскую, Петербургскую и юго-западную часть Финляндіи, годовое количество осадковъ достигаетъ отъ 500 до 600 миллим. (отъ двухъ съ половиною до трехъ десятыхъ долей сажени); на всей остальной Россіи, восточнѣе этой линіи и сѣвернѣе вышеуказанной степной полосы, осадки выпадаютъ слоемъ нѣсколько болѣе двухъ десятыхъ долей сажени. На Уралѣ, между Уфой и Златоустомъ, количество ихъ достигаетъ двадцати-трехъ сотыхъ долей сажени. На крайнемъ Сѣверѣ оно нѣсколько уменьшается. Къ Кавказу, особенно западному, количество осадковъ быстро возрастаетъ, достигая на восточныхъ побережьяхъ Чернаго моря *семи десятыхъ* и даже *девяти десятыхъ* долей сажени. Къ Каспійскому же морю и Средней Азіи годовая сумма осадковъ также быстро убываетъ: въ фортѣ Александровскомъ, напримѣръ, въ теченіе года выпадаетъ слой воды толщиною только пять сотыхъ долей сажени (127,7 миллим.). Это—у насъ въ Россіи. Западная Европа получаетъ изъ атмосферы слой воды, толщиною отъ трехъ десятыхъ долей до полусажени. Пиринейскія горы, Швейцарія и побережье Адріатическаго моря—отъ полусажени до трехъ четвертей сажени. Но есть части земнаго шара, получающія изъ атмосферы несравненно большее количество воды, напримѣръ экваторіальная полоса Сѣверной Африки и Южной Америки. Въ Индіи выпадаетъ въ годъ слой воды, толщиною отъ одной съ третью до двухъ съ половиною сажень, а въ одной изъ ея мѣстностей (Черапонджи) слой воды изъ атмосферы достигаетъ пяти съ половиною сажень.

Далѣе г. Клоссовскій спеціально разсматриваетъ осадки нашего Юга. Тамъ не рѣдки какъ обильные ливни, такъ и продолжительныя засухи. Наиболѣе богаты осадками іюнь, іюль и ноябрь; наиболѣе бѣденъ—февраль. Осадки эти обусловливаются главнымъ образомъ циклонами *), проходящими чрезъ среднюю и южную Европу, имѣющими также вліяніе и на бури Чернаго моря. Неравномѣрное распредѣленіе осадковъ въ отношеніи времени крайне неблагопріятно отражается на сельскомъ хозяйствѣ. Къ тому же, на Югѣ нерѣдки и засухи, продолжающіяся по 10—15 дней; а въ 1874 году длилась 57 дней. Въ третьей главѣ своей брошюры профессоръ Клоссовскій говоритъ о признакахъ приближенія циклона. Не вдаваясь въ

Насръ-Эддинъ, шахъ Персидскій (шахъ-инъ-шахъ). Съ фот. грав. Флюгель.

*) Циклонами называютъ громадные вихри, въ которыхъ воздухъ вращается вокругъ ихъ середины, по правильнымъ, а въ иныхъ—по продолговатымъ кругамъ или оваламъ. Циклоны бываютъ отъ 100 до 8,000 миль въ поперечникѣ. Обыкновенная скорость съ которою они движутся впередъ, доходитъ до 70 миль въ часъ, если они движутся по направленію на востокъ, и до 10 миль въ часъ, если они идутъ на западъ. Иногда циклонъ стоитъ на мѣстѣ. Циклоны бываютъ какъ слабые, такъ и очень бурные.

подробности, я приведу эти признаки, увѣренный, что они могутъ представить интересъ для читателя.

Въ области циклона количество паровъ увеличивается. Во внѣшнихъ его частяхъ осадки образуютъ какъ бы дождевое кольцо. Въ болѣе сильныхъ циклонахъ, центральная ихъ часть отъ осадковъ свободна; въ слабыхъ—не свободна. По мѣрѣ приближенія къ внѣшней сторонѣ циклона, воздухъ становится насыщеннымъ парами; здѣсь-то и происходитъ рядъ тѣхъ явленій, которыя такъ-сказать оповѣщаютъ приближеніе циклона.

Такъ какъ оболочка водяныхъ паровъ, окружающая циклонъ, измѣняетъ составъ и напряженіе лучей, приходящихъ къ намъ отъ солнца и другихъ небесныхъ свѣтилъ, то это также даетъ намъ средство предвидѣть погоду.

Если лучъ свѣта пропустить чрезъ стеклянную призму, то по другую ея сторону онъ разложится на цвѣта—красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, индиго, фіолетовый. Такой рядъ цвѣтовъ называется солнечнымъ спектромъ. Въ спектрѣ видны темныя *поперечныя* линіи, происходящія отъ того, что нѣкоторые лучи поглощаются раскаленною атмосферой газовъ и паровъ, окружающею солнце; но въ немъ же видны и другія группы темныхъ линій, происходящія отъ поглощенія лучей водяными парами, находящимися въ земной атмосферѣ. Если такія линіи усиливаются въ спектрѣ разсѣяннаго солнечнаго свѣта, то это служитъ предвѣстникомъ дождя, почему и самыя линіи называются *дождевыми* [1]); онѣ встрѣчаются главнымъ образомъ въ желтой, красной и оранжевой частяхъ спектра. Желая произвести наблюденіе, должно повернуть спектроскопъ къ солнцу; и притомъ наблюденіе должно быть сдѣлано утромъ. Совѣтуется сравнивать группу дождевыхъ линій съ постоянными темными линіями въ зеленомъ полѣ и въ голубомъ полѣ спектроскопа. Обыкновенно дождевыя линіи слабѣе линіи E; если дождевая линія болѣе замѣтна чѣмъ F, то можно ожидать дождя въ самомъ непродолжительномъ времени; если же она слабѣе чѣмъ линія находящаяся между E и F, то дождь будетъ не раньше какъ черезъ 12 часовъ.

Министръ Путей Сообщенія, статсъ-секретарь А. Я. фонъ-Гюббенетъ.
Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

1) Нѣкоторыя подробности о помощи спектроскопа для предсказанія погоды можно прочесть между прочимъ въ моей статьѣ, помѣщенной въ *Морскомъ Сборникѣ* за 1888 г., № 2. Въ другой же моей статьѣ въ *М. Сб.* 1862 г., № 1, можно прочесть „О сверканіи звѣздъ“, какъ признакѣ погоды.

(Окончаніе будетъ).

СПБ. Николаевское кавалерійское училище (по поводу 25-й годовщины основанія). Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Маленькая швея. (Рис. на стр. 501).

Платьеце у куклы разорвалось. Надо его зашить,—маленькая шалунья позабыла игрушку, усѣлась и собирается починить изъянъ. Сосредоточенно смотритъ малютка-швея на свои непослушные пальчики, которые никакъ не могутъ вдѣть нитку въ иглу.

На дѣвичникѣ. (Рис. на стр. 504).

Накапунѣ свадьбы, во многихъ мѣстностяхъ Россіи до сихъ поръ еще справляется древній обычай: въ самый дѣвичникъ, въ канунъ брака, собираются къ просватанной дѣвушкѣ подруги, и веселятся, хотя и поютъ плачевныя, жалобныя пѣсни, и сама невѣста поетъ „съ плачемъ", прощаясь съ подругами и съ дѣвичествомъ; затѣмъ подруги расплетаютъ невѣстѣ косу, родители благословляютъ, а свахи уводятъ невѣсту въ баню. Парятъ невѣсту въ этотъ вечеръ съ особыми обрядами, припѣвами и прибаутками, а родители, то и дѣло, „поддаютъ изъ дома пару" свахамъ и подруженькамъ невѣсты, посылая имъ квасовъ, меду и вина. Когда невѣста выпарится, свахи и подружки ведутъ ее изъ бани съ торжествомъ, подпѣвая и приплясывая около нея; одна изъ нихъ, вздѣвъ вѣникъ на палку, разметаетъ передъ невѣстою дорогу отъ бани къ дому; другія, кругомъ невѣсты бьютъ въ сковороды, во вьюшки, въ мѣдные тазы, и стараются произвести какъ можно больше шума и звона. Этотъ шумъ и звонъ, по народному повѣрью, долженъ „*отогнать отъ невѣсты нечистую силу*", которая, какъ извѣстно, любитъ гнѣздиться въ банѣ — этомъ постоянномъ мѣстѣ дѣйствія всѣхъ святочныхъ гаданій и колдовства.

Вотъ бытовая основа, которую художникъ избралъ сюжетомъ для своей забавной картины и передалъ очень живо. Особенно привлекательною и удачною является въ картинѣ фигура лихо пляшущей дѣвушки-подруженьки, съ головною повязкою въ рукѣ; эта фигура составляетъ рѣзкую и эффектную противуположность со скромною, потупившею глаза дѣвушкой-невѣстой, которая идетъ изъ бани съ покрытою головой, въ накинутой на плечи шубейкѣ. Ея подруженьки и остальныя гости, созванныя на дѣвичникъ, еще не всѣ успѣли вокругъ нея собраться. Однѣ еще моются и парятся въ банѣ; другія, постарше, замужнія -- бражничаютъ за столомъ около бани... Впереди-же всѣхъ, преважно шествуетъ къ дому сваха, звонко ударяя въ мѣдный тазъ сковородникомъ.

На конскій рынокъ. (Рис. на стр. 505).

Почетный вольный общникъ Академіи Р. Ф. Френцъ хорошо извѣстенъ посѣтителямъ нашихъ выставокъ, какъ даровитый гиппистъ и вообще талантливый рисовальщикъ животныхъ. Его картина „На конскій рынокъ", гравюра съ которой помѣщена на стр. 505, служитъ нагляднымъ доказательствомъ того мастерства, съ какимъ онъ передаетъ своею кистью лошадей различной породы и характера.

Русская дѣвушка. (Рис. на стр. 509).

Читатели нашего журнала уже знакомы по прежнимъ годамъ *Нивы*, съ изящною и тонкою манерою письма профессора К. Б. Венига. Въ настоящемъ нумерѣ помѣщается гравюра съ его картины, украшающей нынѣшнюю весеннюю выставку въ Академіи Художествъ. На ней изображена красивая дѣвушка въ русскомъ нарядѣ, бойко подбоченившаяся и задорно смотрящая на зрителя. Фигура ея дышетъ жизненною правдою, а матерія наряда, мѣхъ и самое лицо переданы художественно.

Уроженецъ Ревеля, Карлъ Богдановичъ Венигъ учился въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, гдѣ и состоитъ нынѣ профессоромъ. 23-хъ лѣтъ, въ 1852 г., онъ получилъ 2-ю золотую медаль, а черезъ 10 лѣтъ былъ награжденъ званіемъ профессора за картину „Ангелы возвѣщаютъ гибель Содому". Особенною извѣстностью пользуется его картина „Послѣднія минуты Григорія Отрепьева", написанная имъ въ 1879 году и составляющая собственность Академіи.

Картины проф. П. О. Ковалевскаго.

(Рис. на стр. 512 и 513).

Профессоръ Ковалевскій экспонировалъ на текущей выставкѣ Академіи Художествъ пять картинъ, изъ коихъ помѣщаемъ слѣдующіе три прелестные жанра. „Двѣ кавалькады" изображаютъ часто повторяющуюся въ деревенскомъ быту встрѣчу двухъ конныхъ группъ — одной такъ-сказать первобытной и другой снаряженной со всѣми усовершенствованіями новѣйшаго спорта. Послѣдняя, въ лицѣ амазонки и ея кавалера, красиво собравъ коней на мундштукъ, легкимъ тротомъ минуетъ кучку крестьянъ, также пробирающихся верхомъ въ лѣсу, но всей вѣроятности съ сѣнокоса, гдѣ всѣ они, не выключая и бабъ, возили копны сѣна. Обѣ группы любуются обоюдно диковинными пріемами верховой ѣзды, каждая по своему выражая свои впечатлѣнія

На второй картинѣ дорожный тарантасъ ухнулъ съ разгона въ такъ-называемую важору, глубокую лужу, завязивъ передпія колеса въ невылазной грязи. Пока ямщикъ спокойно подбодряетъ лошадей—вывозите-молъ соколики, авось ничего, Богъ милостивъ,—сѣдокъ видимо колеблется, не выскочить-ли заблаговременно изъ тарантаса — хоть и въ грязь, да по крайней мѣрѣ не въ самый кисель...

Третья картина не требуетъ поясненій.

Насръ-Эддинъ, шахъ Персидскій (шахъ-инъ-шахъ).

(Портр. на стр. 516).

Повелитель сосѣдней намъ страны, заключающей въ себѣ до семи милліоновъ населенія, шахъ Насръ-Эддинъ, четвертый изъ династіи Каджаровъ, вступивъ на престолъ въ 1848 году, является теперь, послѣ королевы Англійской Викторіи и Австрійскаго императора Франца-Іосифа, третьимъ въ ряду современныхъ монарховъ по продолжительности своего царствованія, достопамятнаго для насъ тѣмъ, что государь этотъ никогда не переставалъ быть нашимъ неизмѣннымъ и вѣрнымъ союзникомъ. Въ трудную для насъ годину Крымской войны 1853—56 гг., когда Англія напрягала всѣ свои усилія, чтобы вовлечь и Персію въ общую противъ насъ коалицію, шахъ Насръ-Эддинъ одинъ остался непоколебимымъ въ дружбѣ къ намъ—и это повело къ разрыву съ нимъ и выѣзду англійской миссіи изъ Тегерана съ посланникомъ ея, Муреемъ, во главѣ. Этотъ историческій фактъ мы, русскіе, никогда не забудемъ и онъ снискалъ навсегда царствующему нынѣ государю Персіи общую у насъ симпатію. Но и независимо отъ того, къ нему нельзя не относиться съ особымъ уваженіемъ, какъ правителю своего народа, о благѣ котораго онъ несомнѣнно постоянно заботился, въ теченіе сорокалѣтняго своего царствованія.

Персія, подобно всѣмъ древнимъ государствамъ Востока, складывалась подъ особенными историческими условіями, положившими глубокій слѣдъ на ея современное намъ состояніе, въ которомъ не легко разобраться. Обычное право персилелось тутъ съ мусульманскимъ религіознымъ законодательствомъ, ставящимъ всѣ мельчайшіе поступки человѣка въ полное себѣ подчиненіе; охранители древнихъ завѣтовъ и преданій уживаются здѣсь какъ-то съ толкователями все передъ собою нивелирующаго Корана; феодализмъ идетъ рука-объ-руку съ принципомъ равноправности всѣхъ правовѣрныхъ—и проводникомъ этой странной смѣси понятій является высшій классъ, состоящій изъ родственниковъ шаха (шахъ-заде), хановъ, векилей, а рядомъ съ ними и богослововъ (улемовъ). Народъ находится у этого класса въ рабскомъ послушаніи, что отнюдь не препятствуетъ этой загнанной средѣ выдѣлять изъ себя значительный контингентъ дервишей, людей святыхъ по понятіямъ мусульманства, передъ которыми всѣ преклоняются. Всякая мысль стремящаяся выйти изъ этого круга своеобразной теологіи преслѣдуется съ ожесточеніемъ. Бабъ и его послѣдователи за ученіе свое, близко подходящее къ христіанскому и ставящее женщину наравнѣ съ мужчиною, лѣтъ 30 тому назадъ были поголовно истреблены огнемъ и мечемъ. Всякое новшество неумолимо преслѣдуется, и лицамъ проведшимъ свои молодые годы внѣ отечества, получившимъ европейское образованіе, нерѣдко приходилось дорого расплачиваться по возвращеніи на родину за свое неправовѣріе и вносимыя новшества.

Персія конечно не можетъ оставаться вѣчно въ такомъ же положеніи на точкѣ замерзанія. Просвѣщеніе, идущее съ Запада, рано или поздно озаритъ ее своимъ свѣтомъ; этому сочувствуютъ и къ этому стремятся не мало уже лицъ въ самой Персіи, а въ числѣ ихъ находится и самъ шахъ Насръ-Эддинъ. Не говоря уже о томъ, что въ его правленіе не слышно о жестокостяхъ его предшественниковъ, въ 1873 году онъ сдѣлалъ шагъ до того небывалый въ Персіи, выѣхавъ изъ ея предѣловъ для посѣщенія прежде всего своего могущественнаго сосѣда и союзника, Императора Всероссійскаго, а затѣмъ и для путешествія по остальной Европѣ. Всѣмъ памятна любознательность, съ которою онъ изучалъ все видѣнное имъ впервые по всѣмъ отраслямъ благоустройства и просвѣщенія, съ цѣлью перенести что только возможно на родную свою почву, и лица посѣщавшія послѣ того Персію свидѣтельствуютъ единогласно, что на многомъ въ ней уже видны слѣды путешествія шаха. Тегеранъ сталъ неузнаваемъ. Стѣны его возобновились, улицы приведены въ исправность, нѣкоторыя хорошо вымощены и тротуары на нихъ обсажены деревьями; часть города освѣщается газомъ, а дворецъ шаха — электричествомъ. Открылось нѣсколько гостиницъ съ европейскою обстановкою, содержимыхъ иностранцами и преимущественно французами; имѣются также и меблированныя комнаты. Эти зачатки комфорта идутъ рядомъ со введеніемъ городскаго благоустройства. Шахъ сдѣлалъ оберъ-полицеймейстеромъ европейца, организовавшаго и штатъ полиціи, заставляющій забывать традиціонныхъ ферашей, управлявшихся одною лишь палкою. Отъ Тегерана до ближайшей лѣтней резиденціи шаха сооружена уже желѣзная дорога на разстояніи 20 верстъ. Насръ-Эддинъ—писатель и издалъ два обширныя сочиненія. Одно посвящено описанію его путешествія по Европѣ, другое излагаетъ исторію всѣхъ персидскихъ провинцій и ихъ современное положеніе; оно состоитъ изъ большихъ двухъ томовъ и знатоки отзываются съ большою похвалою о его высокихъ до-

стоинствахъ. Сочиненіе это украшено множествомъ иллюстрацій, въ изготовленіи которыхъ принималъ личное участіе самъ шахъ, любитель фотографіи, достигшій въ ней большаго искусства. Чтобы вполнѣ оцѣнить такой трудъ, нужно знать, что въ Персіи нѣтъ еще до сихъ поръ типографій, всѣ книги переписываются каллиграфами-артистами и затѣмъ оттискиваются на камнѣ и литографируются. И при такихъ нелегкихъ условіяхъ въ Тегеранѣ издаются уже три газеты, въ которыхъ помѣщаются на первомъ мѣстѣ правительственныя извѣстія сообщаемыя по повелѣнію шаха. Эти общія черты лучше всего рисуютъ прогрессивныя стремленія настоящаго повелителя Ирана.

И вотъ этотъ маститый и сочувственный намъ монархъ снова посѣтилъ наше отечество; на-дняхъ его ожидаютъ въ нашу столицу, при чемъ конечно онъ найдетъ во всемъ ея населеніи самыя оживленныя привѣтствія.

А. Я. фонъ-Гюббенетъ. (Портр. на стр. 517).

Назначенный нынѣ на постъ министра Путей Сообщенія статсъ-секретарь, сенаторъ А. Я. фонъ-Гюббенетъ пользуется давно уваженіемъ какъ просвѣщенный и даровитый государственный дѣятель. Онъ основательно знакомъ съ финансами, политической экономіей и дѣйствующими у насъ смѣтными и кассовыми правилами—и это знакомство обнаружилъ въ Обществѣ для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговли, куда онъ былъ приглашенъ для обсужденія настоящаго экономическаго положенія страны. При тѣсной связи задачъ и дѣятельности министерства Путей Сообщенія съ финансовыми дѣлами, съ промышленнымъ и торговымъ развитіемъ Россіи, такія знанія А. Я. Гюббенета являются весьма драгоцѣнными и даютъ ему возможность сообразовать свои дѣйствія съ дѣйствіями финансоваго вѣдомства, идти съ нимъ рука объ руку. То дѣло, къ которому призванъ теперь А. Я. Гюббенетъ, тоже не ново для него, и тутъ онъ также имѣетъ за собою достаточный опытъ. Пять лѣтъ онъ занималъ мѣсто товарища министра Путей Сообщенія, причемъ имѣлъ полную возможность уяснить себѣ задачи, которыя возлагаются на это министерство. Онъ всегда стоялъ за упорядоченіе желѣзнодорожнаго дѣла и за тѣ основныя начала управленія имъ, которыя выразились въ трудахъ столь извѣстной коммисіи графа Баранова. А. Я. Гюббенету удалось, насколько это было въ его силахъ, устранить нѣкоторые ощутительные недостатки казеннаго управленія и вѣдомства Путей Сообщенія, въ частности,—а это съ его стороны услуга немаловажная; при этомъ онъ обнаружилъ достаточно такта. Онъ былъ кромѣ того предсѣдателемъ „тарифной коммисіи“, труды которой дали прекрасный результатъ, способствовавшій упорядоченію одной изъ важнѣйшихъ отраслей эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и подчиненію этой отрасли непосредственному контролю правительства. Такимъ образомъ новый министръ не нуждается въ подготовкѣ къ дѣятельности, выпавшей ему на долю, и дѣятельность эта нынѣ находится въ опытныхъ рукахъ, чему нельзя не порадоваться, принявъ во вниманіе всѣ прочія достоинства новаго министра.

Адольфъ Яковлевичъ фонъ-Гюббенетъ родился въ 1830 году, воспитывался въ Псковской гимназіи, а высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, окончивъ курсъ кандидатомъ правъ. При этомъ, по Высочайшему повелѣнію, ему, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, предоставлено право поступить прямо на службу въ министерства и главныя управленія. Далѣе управлялъ палатами Государственныхъ имуществъ—въ Гроднѣ, Тамбовѣ и Самарѣ и контрольными палатами Виленской и Варшавской, находясь подъ начальствомъ графа М. Н. Муравьева и статсъ-секретаря В. А. Татаринова въ тотъ самый періодъ, когда они оба энергически занимались переустройствомъ ихъ вѣдомствъ. Въ эпоху крестьянской реформы Гюббенетъ принималъ участіе въ приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, помѣщичьихъ и удѣльныхъ. Прослуживъ десять лѣтъ въ провинціи, Гюббенетъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ съ 1871 по 1874 г. занималъ должность директора канцеляріи Государственнаго контроля. Послѣ этого онъ съ 1874 года по 1880 годъ состоялъ директоромъ департамента Государственнаго Казначейства, и въ первые два года его директорства доходы по государственной росписи слишкомъ на 30 милліоновъ рублей превышали расходы; продолжалось это вплоть до турецкой войны, за все время которой онъ руководилъ полевыми казначействами, организованными имъ же самимъ на театрахъ военныхъ дѣйствій азіатскомъ и европейскомъ. При немъ составленъ и приведенъ въ исполненіе проектъ упрощенія и улучшенія счетоводства во всѣхъ мѣстныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ, что дало возможность получать изъ казенныхъ палатъ по истеченіи каждаго мѣсяца по телеграфу свѣдѣнія о поступившихъ доходахъ и произведенныхъ расходахъ во всей странѣ. Съ 1880 по 1885 г. онъ занималъ постъ товарища министра Путей Сообщенія, въ 1882 г. получилъ званіе сенатора, а въ слѣдующемъ году назначенъ статсъ-секретаремъ Его Императорскаго Величества. Этотъ перечень служебной дѣятельности А. Я. фонъ-Гюббенета показываетъ насколько она была разнообразна и какую массу всестороннихъ свѣдѣній могъ онъ пріобрѣсти, свѣдѣній такъ необходимыхъ на посту, который онъ теперь занялъ. **П. Б—въ.**

Николаевское кавалерійское училище.

(По поводу 25-ой годовщины основанія). (Рис. на стр. 517).

Первообразъ нынѣшняго Николаевскаго училища, *Гвардейская школа юнкеровъ* была основана при императорѣ Александрѣ I 9 мая 1823 года, и по мысли вел. кн. Николая Павловича, предназначалась для образованія тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, поступая въ гвардейскія войска изъ университетовъ или изъ частныхъ пансіоновъ, не имѣли достаточной подготовки въ военныхъ наукахъ. Первоначально подпрапорщики, собранные изъ гвардейскихъ полковъ, составляли роту. Позднѣе, при императорѣ Николаѣ I, 9 апрѣля 1826 г. Высочайше повелѣно было чтобы дворяне, поступающіе на службу въ полки гвардейской кавалеріи, также опредѣлялись въ школу, которая съ этого времени переименована была въ *Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ*. Молодые люди дворянскаго сословія, не моложе 17 лѣтъ, по выдержаніи установленнаго при школѣ испытанія, могли подавать прошенія о зачисленіи ихъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и затѣмъ принимались въ школу, гдѣ сохраняли свою полковую форму. Курсъ былъ двухгодичный, предметы преподаванія исключительно военные. Весь внутренній порядокъ былъ общій съ войсковымъ. Въ лагерь рота и эскадронъ ходили въ Красное село вмѣстѣ съ войсками. По окончаніи курса подпрапорщики и юнкера производились въ офицеры.

Въ 1838 году школа утратила первоначальный, исключительно военный характеръ и преобразована была въ четырехклассное учебное заведеніе по образцу кадетскихъ корпусовъ. Сюда принимались пажи-кандидаты пажескаго корпуса и дѣти потомственныхъ дворянъ, изъявившіе желаніе служить въ гвардейскихъ войскахъ, въ возрастѣ отъ 13 до 15 лѣтъ, въ роту или эскадронъ по желанію. Два низшіе класса соотвѣтствовали III и IV классу кадетскихъ корпусовъ, а два высшіе—спеціальнымъ. Въ лагерное время школа выступала въ Петергофъ, въ общій кадетскій лагерь. 24 марта 1859 года, по случаю упраздненія званія подпрапорщиковъ, школа переименована, въ память незабвеннаго ея основателя, въ *Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ*.

Наконецъ, въ 1864 году, Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ, по образцу пѣхотныхъ военныхъ училищъ (Павловскаго, Константиновскаго и Александровскаго) преобразовано въ спеціальное кавалерійское заведеніе, которое составило эскадронъ и въ 1867 году получило наименованіе *Николаевскаго кавалерійскаго училища*. Курсъ установленъ двухгодичный. Къ пріему допускаются только молодые люди съ законченнымъ общимъ образованіемъ, изучающіе въ училищѣ военные предметы и строевую кавалерійскую службу. Съ поступленіемъ въ училище юнкера зачисляются на дѣйствительную военную службу и отбываютъ лагерный сборъ вмѣстѣ съ войсками въ Красномъ селѣ.

Первоначальная Гвардейская школа юнкеровъ помѣщалась недалеко отъ нынѣшняго училища, въ казармахъ л.-гв. Измайловскаго полка, на углу 1 роты; но уже въ 1825 году для нея купленъ былъ домъ графа Чернышева (нынѣ занятый Государственнымъ Совѣтомъ), а въ 1839 году она была переведена въ казенный домъ Кондукторской школы, на углу 12-й роты и Ново-Петергофскаго проспекта. 17 августа 1839 года, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, учебный курсъ былъ открытъ въ новомъ зданіи, въ которомъ и нынѣ помѣщается училище.

Съ преобразованіемъ училища, исправлявшій должность его начальника, полковникъ Сиверсъ, 15 сентября 1865 г. получилъ дальнѣйшее повышеніе по службѣ и былъ замѣненъ полковникомъ М. А. Таубе, который собственно и есть первый начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища. На долю его выпала обязанность установить новую учебную систему лекцій, опредѣлить порядокъ строевыхъ занятій и хозяйственнаго управленія,—что за исключеніемъ небольшихъ измѣненій сохранилось и до настоящаго времени. Въ 1873 году его замѣнилъ генералъ маіоръ В. Ѳ. Винбергъ, въ свою очередь уступившій мѣсто въ 1878 году полковнику А. А. Бильдерлингу, занимающему должность начальника училища по настоящее время, т. е. въ теченіе 11 лѣтъ.

Александръ Александровичъ Бильдерлингъ воспитывался въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ первымъ съ занесеніемъ имени его на почетную мраморную доску. Въ 1863 г. произведенъ въ корнеты кавалергардскаго полка. Въ 1870 г. окончилъ курсъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, по 1-му разряду, произведенъ въ ротмистры, съ зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи и причисленъ къ Генеральному Штабу. Въ 1872 г. назначенъ дѣлопроизводителемъ военно-ученаго комитета Главнаго Штаба, а въ 1875 г. начальникомъ Тверскаго юнкерскаго кавалерійскаго училища. Въ началѣ 1877 года, полковникъ Бильдерлингъ назначенъ командиромъ 12-го драгунскаго Стародубскаго полка, съ которымъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1877—78 гг., въ составѣ Рущукскаго отряда. По окончаніи военныхъ дѣйствій назначенъ исправляющимъ должность начальника кавалерійскаго училища, а въ 1881 г. утвержденъ въ этой должности съ производствомъ въ генералъ-майоры. Его заботамъ обязано училище нынѣшнимъ его блестящимъ состояніемъ.

Библіографія.

Роскошно изданныя сочиненія В. В. Суслова *).

Въ области изслѣдованія древне-русскаго искусства нынѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе интереснѣйшіе труды академика архитектуры В. В. Суслова, изданные Императорскою Академіею Художествъ. Плоды его семилѣтнихъ поѣздокъ по Россіи ежегодно выставлялись на академическихъ выставкахъ въ цѣлыхъ серіяхъ чрезвычайно добросовѣстно исполненныхъ имъ рисунковъ. Въ настоящее время литературные труды его по русскому искусству вышли въ трехъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ: 1) *Путевыя замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи;* 2) *Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества* и 3) *Матеріалы къ исторіи древней Новгородско Псковской архитектуры* Первая книга написана совершенно популярнымъ языкомъ и по содержанію чрезвычайно разнообразна. Въ первой главѣ авторъ касается старинныхъ бытовыхъ древностей Норвегіи, собранныхъ за послѣднее время въ стокгольмскомъ Сѣверномъ этнографическомъ музеѣ и еще нигдѣ не опубликованныхъ; далѣе знакомитъ съ постройками и нѣкоторыми особенностями какъ мелкихъ селеній, такъ и городовъ (Дронтгейма, Тромсо, Гаммерфеста и Вардо), затѣмъ вкратцѣ останавливается на нашихъ промышленникахъ въ Норвегіи и довольно живо рисуетъ природу сѣверныхъ окраинъ страны. Вторая глава посвящена нашему Мурманскому берегу; тутъ припоминается Печенгскій монастырь на границѣ Норвегіи и Россіи, въ краткихъ чертахъ описывается охота на китовъ, китобойные заводы, солнечныя ночи и русскіе рыболовные промыслы. Въ третьей главѣ говорится о Никольскомъ монастырѣ, близъ Архангельска, и представляется цѣлый рядъ совершенно оригинальныхъ древнихъ деревянныхъ церквей (преимущественно XVII стол.), расположенныхъ по берегамъ Бѣлаго моря. Онѣ представлены въ тщательныхъ гравюрахъ съ фотографій, прекрасно снятыхъ самимъ авторомъ. Этотъ любопытнѣйшій матеріалъ является у насъ впервые и знакомитъ съ образцами народной архитектуры *). Кромѣ весьма удобопонятныхъ поясненій древнихъ памятниковъ русской старины, описываются старинный характеръ Поморскаго праздника, чрезвычайно любопытное путешествіе Бѣлымъ моремъ въ лодкахъ, обычные приливы и отливы рѣкъ, разысканныя церковныя вещи, остатки древнихъ остроговъ, Кемскій соборъ и пр. Въ послѣдней главѣ представляются разнообразныя свѣдѣнія о знаменитомъ Соловецкомъ монастырѣ, между прочимъ говорится о колоссальныхъ постройкахъ, о своеобразной природѣ Соловецкихъ острововъ и объ оригинальныхъ сторонахъ мѣстной монастырской жизни. Далѣе приводятся древніе храмы расположенные по берегамъ рѣки Онеги, по тракту изъ г. Каргополя въ г. Пудожъ, въ самомъ г. Каргополѣ и въ Александро-Свирскомъ монастырѣ близъ г. Олонца. Въ заключеніе авторъ касается вообще народнаго направленія водчества

Древнія постройки въ Норвегіи.

*) Сочиненія печатаны въ типографіи А. Ф. Маркса въ очень ограниченномъ количествѣ и продаются во всѣхъ университетскихъ городахъ. Главный складъ въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" А. С. Суворина. Цѣна 1-му сочиненію 3 р. 50 к., на толстой бумагѣ 4 р., 2-е сочиненіе 4 р. 50 к., третье 1 р. 20 к.

*) Наиболѣе интересныя древнія постройки г. Сусловымъ измѣрялись и благодаря сохранившимися въ нихъ слѣдамъ позднѣйшихъ передѣлокъ были представляемы Академіи Художествъ въ точныхъ снимкахъ и въ проектахъ реставрацій.

въ сѣверной Россіи за прошлое и настоящее время.

Къ сочиненію приложенъ перечень всѣхъ фотографій снятыхъ за время путешествія и указаніе художественныхъ предметовъ разысканныхъ г. Сусловымъ въ различныхъ церковныхъ кладовыхъ. Сочиненіе начинается прекрасно нарисованною виньеткой. Начало главъ и весь текстъ также украшены различными художественными рисунками, относящимися къ путешествію. Рисунки эти, въ количествѣ 26, сдѣланы съ большимъ вкусомъ и прекрасно воспроизведены (факсимиле) цинкографіею. Кромѣ того въ книгѣ находится 14 таблицъ гравюръ съ древнихъ памятниковъ русскаго зодчества и со старинныхъ бытовыхъ вещей норвежцевъ. Книга издана большимъ форматомъ (in quarto).

Чрезвычайно художественное расположеніе рисунковъ, крупная печать, роскошная атласная бумага и прекрасное исполненіе рисунковъ—все это производитъ прекрасное впечатлѣніе и весьма наглядно знакомитъ съ архитектурою старинныхъ зданій въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ, причемъ въ 18 чертеж. и 5 особыхъ таблицахъ указываются наиболѣе распространенные на нашемъ Сѣверѣ типы церквей, колоколенъ, сельскихъ избъ и т. п., а также нѣкоторыя детали конструкціи. Наконецъ, въ послѣдней статьѣ „о древнихъ соборахъ въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губ.", разсматриваются различные способы устройства вообще русскихъ церквей за XVI и XVII вѣка и отмѣчается какъ конструктивная сторона соборовъ, такъ и художественная. Научный обзоръ этихъ памятниковъ сопровождается 21 рисункомъ въ текстѣ и двумя особыми таблицами представляющими фасады и деталь одного изъ соборовъ.

Такимъ образомъ масса всевозможныхъ чертежей (210), прекрасно исполненныхъ фототипіею и цинкографіею съ рисунковъ

Церковь Благовѣщенія въ селѣ Посадномъ, Архангельской губ., Онежскаго уѣзда. (Изъ книги В. В. Суслова „Замѣтки о Сѣверѣ Россіи и Норвегіи").

ставитъ помянутое изданіе на ряду съ самыми роскошными, представляющими интересъ не только для спеціалиста, но и для всякаго образованнаго человѣка.

Вторая книга обнимаетъ собственно пять отдѣльныхъ сочиненій и касается прямо спеціальныхъ вопросовъ древне-русскаго зодчества. На заглавномъ листѣ представлены въ видѣ красивой виньетки различные памятники русской деревянной и каменной архитектуры. Къ первой статьѣ относится 40 чертежей и разсматривается одна изъ оригинальныхъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей и колоколенъ за періодъ XVI и XVII ст. Вторая статья „Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи", демонстрирована 66 чертежами и представляетъ собою подробный разборъ древнихъ деревянныхъ построекъ Земли Войска Донскаго, Малороссіи, Галиціи и др. мѣстъ. Помимо детальныхъ указаній, авторомъ обобщаются здѣсь вообще типы построекъ южно-русской архитектуры и сравниваются съ самобытными типами церковныхъ зданій сѣверной Россіи. Въ третьей статьѣ „Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ", находится 58 чертеж. и описываются весьма характерные калмыцкіе храмы (хорулы), зимнія и лѣтнія кочевки, устройство кибитокъ и т. п. Кромѣ того, разсматриваются множество мотивовъ и особенностей различныхъ памятниковъ церковной и гражданской архитектуры въ гг. Астрахани, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Суздалѣ и др. Четвертая статья „О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи", самого автора, представляетъ громадный интересъ не только для науки и современнаго направленія русскаго зодчества, но и для всякаго образованнаго человѣка, такъ какъ до сихъ поръ съ вопросомъ о русскомъ искусствѣ въ нашемъ обществѣ всегда связывается неясное и невыгодное представленіе о быломъ творчествѣ нашего народа.

Третье сочиненіе г. Суслова въ видѣ особой монографіи „Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры" хотя довольно скромно издано, но заключаетъ въ себѣ обстоятельный разборъ памятниковъ зодчества за періодъ XI—XVII ст. Въ 175 чертежахъ этого серьезнаго труда приведены всевозможные типы Новгородской архитектуры. Матеріалы эти настолько систематизированы, что выносится совершенно ясное представленіе о постепенномъ развитіи Новгородско-Псковской архитектуры.

Такимъ образомъ нашъ молодой изслѣдователь русской старины далъ въ своихъ сочиненіяхъ обширный матеріалъ по древнему зодчеству. Надо думать, что всѣ художественныя работы г. Суслова, фигурировавшія на академическихъ выставкахъ, также не замедлятъ появиться въ особыхъ изданіяхъ.

Работы такихъ спеціалистовъ конечно обусловливаютъ извѣстный авторитетъ за ихъ сочиненіями и разумѣется будутъ разсматриваться съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе что подобныя работы по русскому искусству появляются у насъ крайне рѣдко.

Политическое обозрѣніе.

Громадный успѣхъ всемірной выставки въ Парижѣ отодвинулъ на задній планъ политическую международную жизнь остальной Европы. На этомъ торжествѣ мирной и трудолюбивой Франціи продолжаетъ сосредоточиваться всеобщій интересъ и всѣ вопросы „чистой политики“ отошли на задній планъ. Сотни тысячъ людей со всѣхъ концовъ міра прибываютъ въ столицу Франціи, чтобы воочію быть свидѣтелями матеріальнаго и торговопромышленнаго развитія страны, и по словамъ президента республики Карно, произнесеннымъ на банкетѣ парижскаго муниципальнаго совѣта 29 апрѣля, „не оставятъ Франціи безъ глубокаго убѣжденія, что она трудится для мира всего свѣта“.

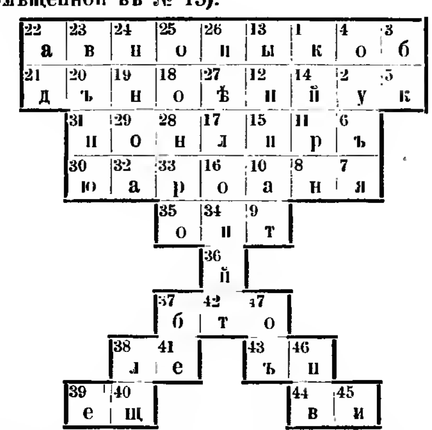
Сосѣднее наше государство, Германія встревожена въ настоящее время обширною стачкою рудокоповъ и рабочихъ въ горныхъ округахъ прирейнской Вестфаліи. Начавшись около 25 апрѣля, стачка разрослась до громадныхъ размѣровъ, такъ что пришлось прибѣгнуть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ содѣйствію войска для успокоенія расходившихся буяновъ. Число забастовавшихъ въ участкахъ дортмундскомъ, виттенскомъ, бохумскомъ и въ части эссенскаго рабочихъ 27 апрѣля простиралось до 70,000 человѣкъ, а 1 мая всѣхъ участвовавшихъ въ стачкѣ уже насчитывалось за 90,000. Нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ полагаютъ, что стачка вызвана подстреканіями соціалистовъ, но большинство объясняетъ забастовку отчасти справедливымъ недовольствомъ рабочихъ незначительнымъ вознагражденіемъ за трудъ и продолжительною работою въ шахтахъ. Особенно знаменательнымъ въ этомъ движеніи рабочихъ является непосредственное вмѣшательство императора Вильгельма. Молодой Германскій императоръ пожелалъ лично объясниться съ недовольными, и въ Берлинъ прибыла депутація отъ дортмундскаго комитета забастовавшихъ рабочихъ. 2 мая, императоръ, принимая углекоповъ, спросилъ ихъ, къ чему сводится требованія рабочихъ, и получилъ въ отвѣтъ, что они настаиваютъ не столько на увеличеніи заработной платы, сколько на пребываніи въ шахтахъ не болѣе восьми часовъ. На это императоръ замѣтилъ, что онъ внимательно относится къ желаніямъ всѣхъ своихъ подданныхъ, но прежде всего рабочіе должны понять, что ими были нарушены заключенныя условія и что удерживать желающихъ работать отъ работы есть дѣло предосудительное. Императоръ надѣется, что никакой связи съ соціалъ-демократами рабочіе не поддерживаютъ и не будутъ поддерживать и впослѣдствіи; въ противномъ случаѣ онъ прибѣгнетъ къ мѣрамъ строгости безъ всякаго снисхожденія. Императоръ милостиво относится къ рабочимъ, какъ и ко всѣмъ своимъ подданнымъ, но считаетъ каждаго соціалъ-демократа врагомъ имперіи и отечества. Если при дознаніи и разбирательствѣ, къ которымъ приступлено по приказанію правительства и результатъ которыхъ будетъ доведенъ властями до свѣдѣнія углекоповъ, обнаружится, что движеніе сопровождалось соціалъ-демократическими стремленіями и подстрекательствами къ противозаконному сопротивленію, онъ, императоръ, не поколеблется употребить всю власть, которою онъ располагаетъ, а власть эта велика. Въ заключеніе императоръ сказалъ: „Поѣзжайте домой, подумайте о томъ что я вамъ сказалъ, постарайтесь воздѣйствовать на товарищей съ тѣмъ, чтобы вернуть ихъ на путь разсудительности, но прежде всего и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ не препятствуйте товарищамъ возобновлять работы“.

Италія или, вѣрнѣе, итальянское правительство не покидаетъ мысли воспользоваться событіями происшедшими въ Абиссиніи, не смотря на то, что нежеланіе дальнѣйшаго участія Италіи въ африканскихъ дѣлахъ выразилось недавно тѣмъ, что бюджетная коммисія, послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, сократила на 2.900,000 лиръ ежегодный кредитъ на расходы въ Африкѣ. Но Криспи продолжаетъ настаивать на предоставленіи Италіи права дѣйствовать въ Африкѣ по собственному усмотрѣнію, во имя „охраны интересовъ и счастія Италіи“. О самихъ перипетіяхъ происшедшихъ въ Абиссиніи только теперь получаются интересныя подробности. Черезъ Аденъ получено отъ графа Антонелли донесеніе, подтверждающее извѣстіе, что негусъ былъ смертельно раненъ осколкомъ гранаты въ сраженіи съ дервишами при Метемнехѣ, которое произошло 10 марта и продолжалось цѣлый день. Густой туманъ содѣйствовалъ сильному урону, понесенному абиссинцами. Негусъ скончался 11 марта. Въ ночь на 12 марта дервиши атаковали абиссинскій лагерь и совершенно разгромили его. Менеликъ тотчасъ приказалъ своимъ войскамъ занять землю вологалласовъ и поддержанный стотридцатитысячною арміею провозгласилъ себя царемъ царей. Менеликъ собирается короноваться въ одномъ изъ священныхъ городовъ Абиссиніи.

Рѣшеніе задачи буквъ (ходъ короля) № 25

(помѣщенной въ № 15).

1) Щи.
2) Бонна.
3) Выя.
4) Ной.
5) Лѣто.
6) Канканъ.
7) Буйволъ.
8) Донъ.
9) Пюре.
10) Понтонъ.
11) Ре.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Пѣною пьяной
Блещетъ вино!

(А. С. Пушкинъ).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Ф. А. Боронина, Ф. Михель, А. А. Поспѣева, Н. В. Панкова, Бобруйскъ—Е. Мольской, Бѣлгородъ—Ѳ. З. Мазуръ, Б. Коровяко—В. К. Терскаго, Лебедянь—В. И. Чурилина, Льговъ—М. М. Кусакова, Лагодехи — В. Н. П—скаго.

Рѣшеніе ребуса № 24 (помѣщеннаго въ № 14).

„Ѣдетъ бѣда на бѣдѣ; бѣду бѣдой погоняетъ“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ

ДОМА И НА ДАЧѢ.

Настоящій, патентованный

ГЕРОФОНЪ

Обыкновенный съ 10-ю пьесами **30 р.**
Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры, съ 10-ю пьесами **32 р**
Добавочныя пьесы по **60 к.**
Пересылка за 50 фунт.
Каталогъ нотъ для герофона и иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.** № 3880

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).
Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco.*
Іог. Заксъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. К. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе 88.

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ а въ розницу. Каталогъ 20 к. **Б. Гостонскій,** г. Кіевъ, Рейтарская, 17. № 3874 4—1

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ВѢКА!

„АВТОМАТИЧЕСКІЙ ПРОДАВЕЦЪ".

Продажа папиросъ, сигаръ, газетъ, шоколада, духовъ и проч. товаровъ производится этимъ аппаратомъ автоматически т. е. безъ содѣйствія кого-либо, при одномъ лишь опусканіи въ него соотвѣтствующей монеты.

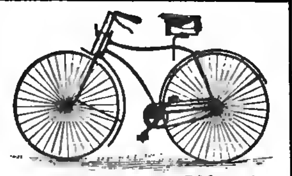
Цѣна отъ 50 р.

Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку. Mt. № 3879

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ
4, Невскій пр., 4.

Поставщикъ велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщикъ велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Поступила въ продажу большая гравюра:

ПОРТРЕТЫ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) **Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.**
2) **Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.**
3) **Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.**
4) **Великій Князь Георгій Александровичъ.**
5) **Великій Князь Михаилъ Александровичъ.**
6) **Великая Княжна Ксенія Александровна.**
7) **Великая Княжна Ольга Александровна.**

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи **С. Л. Левицкаго и Ко** и отпечатанная на отличной веленевой бумагѣ, размѣромъ $10^1/_2$ вершк. выш. и $7^1/_2$ вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. **Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р.,** съ пересылкой и укупоркой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ $13^7/_8$ вершк. выш. и $9^7/_8$ вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. **Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.;** съ перес. и укупоркой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, СПБ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CH. FAY, *Parfumeur,* **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (8).

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (65) № 2946

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

въ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ"

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость.
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3847 6—1

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія" было застраховано **20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795.020 руб.**

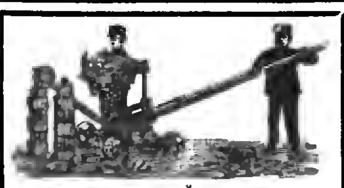
Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и **всякаго рода свѣдѣнія** сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ агентствахъ Общества **въ городахъ Имперіи.**

Брошюры по страхованію жизни **выдаются и высылаются,** по требованію, **безплатно.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.
Рекомендую гг. военнымъ большой выборъ призовыхъ часовъ для нижн. чиновъ.
Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ **высылается** по востребованію безплатно. № 3877

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

Москва, Красносельск. улица
№ 3843 СТРОИТЪ: 6—4
плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнные пресса, кирпичн. пресса и пр.
КОНТОРЫ и СКЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.
Иллюстрированные каталоги безплатно

ЛЕЙПИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ЧАСЫ ЧЕРНЫЕ СТАЛЬНЫЕ
отъ 12 р. до 30 р.
Никел. отъ 6 р. до 15 р.
Серебр. отъ 12 р. до 50 р.
Золот. отъ 25 р. до 350 р.
Главное депо часовъ
ЭДУАРДА БУРХАРДА.
СПБ., Гороховая ул. у Красн. моста, № 17.
Отдѣл.: Вознесенск. пр. у Синяго м., № 68/3.
Прейсъ-куранты высылаю безплатно.

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

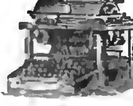
Вслѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографировать доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.

Е. КРАУСЪ и Комп.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 3867 2—2

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

XX г. № 21 — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 20 мая 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Чужой! Съ картины К. Арнольда, грав. Іерике.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

IV.

Бабушка согласилась, мать-игуменья благословила. И не просто, а позвала къ себѣ дѣвочку.

— Ну, что вѣтерокъ, учиться хочешь? Съ матерью Серафимой поработать?

— Хочу, бабушка.

— Ну... Дай тебѣ Господи. Вотъ придетъ отецъ Симеонъ, отслужитъ молебенъ, и начинай съ Богомъ; все меньше на тебя жаловаться наши больныя будутъ, а то ужь очень ты имъ надоѣла. Все летаешь, да бѣгаешь. И то ужь вчера мать Анемподиста говоритъ: „у меня отъ этой Вѣрки въ глазахъ какое-то мельканіе началось. Все мелькаетъ, все мелькаетъ,—а что̀ такое, я и сама не знаю...“ Вотъ мать Серафима тебѣ хвостъ-то прижметъ, не будешь мелькать передъ нашими старицами.

Отецъ Симеонъ, узнавъ о желаніи Вѣрочки учиться, тоже одобрилъ.

— Дастъ тебѣ, сиротѣ, Господь доброе разумѣніе и благое поспѣяніе въ наукѣ этой, станешь ты благовременно образа для нашихъ церквей писать, и подумай, сколь сіе будетъ превозвышенно: предъ дѣломъ рукъ твоихъ молитвенники и молитвенницы прольютъ слезы и, взирая на оное, призовутъ въ сердцѣ своемъ имя Господне.

Отецъ Симеонъ, обыкновенно говорившій весьма просто, наставляя кого-нибудь впадалъ въ выспренній и дидактическій тонъ.

— Но помни также, что во всемъ духъ потребенъ, такъ и въ новой наукѣ твоей... Гдѣ это сказано: „Не внѣшняя плетенія власть и обложеніе злата или одѣяніе ризъ лѣпота, но потаенный сердца человѣкъ въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа...“ Ну-ко, гдѣ? обратился онъ къ матери-игуменьѣ.

— Не знаю, отче, либо забыла.

— То-то... Сказано это... Отецъ Симеонъ запнулся, потеръ себѣ лобъ, вздохнулъ и еще потеръ, потомъ спохватился.—Что же это мы, грѣховодники, пора и молебенъ служить! Ну-ко, будущая иконописательница, пожалуйте съ своею бабушкою...

Правду сказать, Вѣра на первыхъ порахъ была очень разочарована. Она воображала, что Серафима ее сейчасъ же посадитъ на свой табуретъ, дастъ ей въ одну руку палитру, въ другую кисть, и предоставитъ въ ея распоряженіе ящикъ съ пестрыми красками, а дѣвочка съ мѣста начнетъ писать и лица, и деревья, и церкви, и небо голубое, и поля зеленыя, и монашенъ черныхъ—прежде всего, разумѣется, своихъ безчисленныхъ бабушекъ. Она уже и распредѣлила ихъ: первою нарисуетъ настоящую бабушку и въ именины подаритъ ей послѣ молебствія, потомъ мать Варлааму, у которой такое отличное варенье изъ крыжовника, за нею слѣдовала очередь самой ея учительницы Серафимы—вплоть до Степаниды, живущей подъ воротами, въ интересномъ обществѣ хвостатыхъ и одноглазыхъ людей. Но, увы! Съ перваго же мгновенія ей пришлось надолго отложить попеченіе. Вернувшись изъ церкви, она бросилась было къ табурету и треножнику и зацапала уже палитру,—да мать Серафима съ удивленіемъ спросила ее:

— Это ты что̀ же?

— Рисовать, бабушка.

— Сразу захотѣла. Ну нѣтъ... Потерпи еще. Еще нѣсколько лѣтъ, коли Господь дастъ тебѣ терпѣніе, посидишь на первой начальной школѣ.

— Что̀ же теперь мнѣ дѣлать?

— А вотъ сначала руку набивай. Вотъ бумага и карандаши. Видишь эту тетрадку? Ну, такъ какъ здѣсь и ты води вотъ эти черточки! Только старайся чтобы у тебя прямо выходило, какъ тутъ; выучишься, тогда кружки начнешь, а потомъ вотъ эти уголки, кубики. Ну, а къ тому времени для тебя закажу гипсовые, ты съ нихъ писать будешь.

И началась скучная, первоначальная подготовка.

„Вѣтерку“, какъ ее называли здѣсь, надо было много терпѣнія, чтобы каждый день высиживать опредѣленные часы за круглымъ столомъ у матери Серафимы и выводить линіи, круги и кубики, навалившись грудкой на свою же работу и мусля на губахъ, казавшійся ей недостаточно мягкимъ, карандашъ. Она и уходила отсюда вся измазанная. Руки были черныя, губы и подбородокъ тоже. Часто и кончикъ носа оказывался попробовавшимъ карандаша.

— Ну, на кого ты похожа? остановила ее какъ-то мать Секлетея.

Вѣрочка посмотрѣла гордо на злую бабушку и хотѣла пройти мимо.

— Постой, постой, ты на себя въ зеркало взгляни... Чумазая, точно изъ трубы сейчасъ выскочила. Жаль что бабъ да дѣвокъ въ трубочисты не берутъ, какъ разъ бы тебя.

„Вѣтерокъ“ надулся, но въ отмщеніе рѣшилъ непремѣнно изобразить злую бабушку вылѣзающею изъ трубы.

Наткнулась на нее и юродивая бабушка Ирина.

— Господи спаси, Господи вызволи... попятилась она. — Чортъ, чортъ...

Потомъ бросилась къ колодцу, схватила ведро и давай отмывать Вѣру.

— Что̀ ты? прибѣжали на вопли дѣвочки.—Что̀ ты, Ирина, дѣлаешь...

— Ахти мнѣ! кричала съ другой стороны, спѣшившая на выручку, бѣлица Ирины.

— Ничего, ничего. Чорта отмываю!

И она ерзала своею мозолистою рукой по скомканному совсѣмъ лицу Вѣрочки, обливая его водой.

Эти сюрпризы заставили было призадуматься Вѣрочку. „Да ужь полно, учиться-ли?“ разсуждала она. И охладѣла было, да какъ-то забралась съ бабушкой Серафимой на монастырскую колокольню. Отсюда открывался на далекое пространство дивный видъ. Направо, въ синевѣ далей змѣилась рѣка, то двоившаяся и троившаяся серебряными рукавами, то сливавшаяся въ свѣтловидныя, словно забытые среди лѣса щиты, глубокія полосы. По другую сторону, внизъ, все внизъ, шла сплошная дрема стараго лѣса, важнаго, молчаливаго; волны вершинъ, цѣлое море вершинъ — и берега этому морю не было. Волны вершинъ далеко сливались въ туманъ какой-то; туманъ пропадалъ въ небесахъ, переходя въ ихъ блѣдную, словно болѣзненную лазурь. Прямо на югъ шли луга залежные, за ними убѣгала Богъ вѣсть куда зеленѣющая даль пологихъ холмовъ, на одномъ изъ которыхъ мерещился городъ съ искрами своихъ куполовъ, то пропадавшій, то опять выступавшій маревомъ бѣлыхъ домиковъ. Прямо подъ колокольней, подъ ногами у дѣвочки, зеленѣли крыши монастыря, объѣденные временемъ и облупившіеся зубцы его стѣнъ, горѣли ярко золотые купола, свѣтились звѣзды—и повсюду, куда только ни поворачивалась она, рядомъ съ ея головою, выше и ниже, во всѣхъ направленіяхъ чертили свѣжій и теплый воздухъ шаловливыя ласточки, точно стригшія что-то своими острыми крылышками. Смотрѣла, смотрѣла Вѣрочка и почудилось ей что вмѣстѣ съ этимъ монастыремъ она не-

сется куда-то далеко-далеко, несется среди этихъ полей, луговъ и лѣсовъ... Колокольня почудилась ей мачтой этого каменнаго корабля... Даже голову закружило у дѣвочки.

— Бабушка Серафима! А бабушка Серафима!

— Что тебѣ?

— А можно все это нарисовать?

— Что̀ все?

— Вотъ и эту рѣчку, и лѣсъ этотъ, и городъ?

— Отчего же нельзя. Вотъ погоди годика черезъ три-четыре и ты писать станешь какъ слѣдуетъ.

— Я тогда сейчасъ на колокольню — и все это нарисую. А какъ же, бабушка Серафима, сдѣлать такъ, чтобы у меня на картинѣ ласточки летали и крылышками стригли?

— Въ картинѣ надо мгновеніе уловить; движеніе въ ней чувствуется, но его не видно.

И Серафима стала объяснять ей законы искусства.

Дѣвочка слушала ее съ закрытыми почти глазами, до того слова монахини переполняли весь ея внутренній міръ.

Слушала, слушала, да вдругъ показалось ей, что бабушка Серафима точно ушла куда-то отъ нея, замолкла.

Вѣрочка взглянула на нее и видитъ, что монахиня, вся просвѣтлѣвшая, смотритъ въ глубину небесной синевы прямо надъ собою.

— Что̀ тамъ, бабушка, а? Что̀ тамъ?

Та точно на землю упала съ высоты. Только съ лица ея еще не сбѣжало восторженное выраженіе какого-то неизмѣримаго счастія.

— Что̀ тамъ въ небѣ-то?.. приставала Вѣрочка, хватаясь руками за ея черную мантію.

— Ничего... Не поймешь ты этого...

— Скажи, бабушка.

— Видишь глубь, это гдѣ синь-то погуще... Насквозь ее проникаешь взглядомъ и чудится тебѣ за нею и крыло сквозное ангела небеснаго, и лучи свѣта слѣпящаго вокругъ дивнаго лика.

— О! это написать можно, бабушка?

И у Вѣрочки даже глаза разгорѣлись.

— Были великіе художники, которые и такъ умѣли картины писать. Имъ ужь это отъ Господа дано было. У нихъ каждый мазокъ кисти, что слово молитвы! Мало такихъ у насъ насчитывается, а были... Въ далекой странѣ одной... ты про Испанію читала-ли?

— Читала, бабушка Серафима; это гдѣ быковъ бьютъ и на гитарахъ по ночамъ играютъ?

— Ну вотъ, тамъ солнце жжетъ и земля не такая какъ у насъ, и небо жаркое, горячее, синѣе этого. Росъ тамъ на улицахъ мальчикъ одинъ бездомовный, спалъ на теплыхъ камняхъ церковныхъ папертей, собиралъ апельсинныя корки и куски хлѣба выброшенные другими, болѣе счастливыми людьми, и этимъ питался, и все смотрѣлъ на небо, все любовался имъ. Сталъ онъ углемъ по стѣнамъ писать.

— Углемъ? переспросила Вѣрочка, нахмуривъ озабоченно брови.

— Да, милая, углемъ, а потомъ сбился кое-какъ на краски и давай на щепочкахъ Богородицъ маленькихъ рисовать. Было это въ Кадиксѣ — городъ весь въ океанъ вдался на длинномъ мысѣ. Бѣлый весь, точно лилія на стеблѣ своемъ въ море брошенная. И отплывало тогда изъ Кадикса много кораблей въ Америку, и каждый кто ѣхалъ туда на этихъ корабляхъ, непремѣнно покупалъ у мальчика щепочку съ его Богородицей... А когда выросъ этотъ мальчикъ, онъ сталъ писать такихъ Богородицъ, что передъ ними до сихъ поръ люди плачутъ отъ восторга и счастья.

— А какъ звали этого мальчика, бабушка Серафима?

— Звали его — Мурильо, душа моя. Такъ вотъ, уже большимъ, этотъ Мурильо, въ другомъ испанскомъ городѣ, въ Севильѣ, становился на башнѣ и цѣлые часы смотрѣлъ въ синь небесную, и она разверзалась ему и являлась оттуда художнику сама Матерь Божія... Оттого онъ и писалъ ее такъ хорошо, что собственными глазами видѣлъ Пречистую.

Задумалась Вѣрочка... Сошла съ колокольни... А потомъ одна часто взбиралась туда и положивъ голову на ладони и упираясь локтями въ балюстраду, долго, тоже по часамъ, смотрѣла на синеву небесную... И иногда ей казалось, что лазурь эта точно рѣдѣетъ, воздухъ тамъ дрожать начинаетъ, въ глубинѣ его какой-то лучъ рождается и неопредѣленными, трепетными пятнами расплывается какое-то сіяніе... Но потомъ опять густота синевы, либо бродячее жемчужное облачко налетало, и Вѣра, разочарованная, сходила внизъ, утѣшаясь тѣмъ, что и ей, когда она будетъ большою, явится Богородица въ разверзшихся небесахъ... И она нарисуетъ ее, и приходя смотрѣть на ея картину люди будутъ плакать и молиться, какъ плачутъ и молятся они надъ Мадоннами Мурильо.

— Что̀ притихла? шипѣла на нее въ такія минуты бабушка Секлетея. — Что̀ притаилась, аль новую пакоду какую задумала?

И оборачиваясь Вѣрочка видѣла, что Секлетея озабоченно слѣдитъ за нею и грозитъ ей всегда своимъ сухимъ желтымъ пальцемъ.

За то разсказъ бабушки Серафимы о рисункахъ углемъ не пропалъ даромъ.

Я думаю, учительница легкомысленнаго „Вѣтерка" и сама потомъ была не рада. Скоро на всѣхъ бѣлыхъ стѣнахъ монастыря стали появляться какія-то необыкновенныя фигуры, набросанныя неумѣлою еще дѣтскою рукою. Надъ крошечнымъ домикомъ торчала громадная труба, изъ которой въ видѣ спирали подымался дымъ, загибавшійся въ сторону и въ дыму этомъ вылетала какая-то чертовка съ растопыренными пальцами. Надъ этимъ произведеніемъ красовалась надпись: „Секлетея." Потомъ въ кругѣ рисовался одинъ глазъ, подъ кругомъ значились палочки замѣнявшія ноги, а подъ ними изображалось: „одноглазые люди, живутъ подъ воротами у бабушки Степаниды". Рисовала дѣвочка и монахинь, и отца Симеона, и деревья, и угодниковъ Божіихъ такими, какими видѣла она ихъ на стѣнахъ собора, съ высоко поднятою рукою для благословенія и съ книгой въ другой рукѣ. Рисовала и голубей съ распростертыми крыльями, и купола соборовъ, болѣе похожіе на мыльные пузыри, и самый соборъ въ видѣ коробки и Богъ знаетъ что̀ еще.

Къ этому времени относится и первое горе Вѣрочки.

Разъ, только что она было начала изображать бабушку Секлетею вылетающею изъ трубы,—кто-то ущемилъ художницу за ухо. Оглянувшись, она увидѣла оригиналъ задуманной ею картины. Желтая и отекшая мать Секлетея, кипя негодованіемъ и бѣшенствомъ, подняла крикъ, на который изо всѣхъ келлій стали сбѣгаться полуодѣтыя и простоволосыя монахини. Скоро вокругъ Вѣрочки собралась сплошная толпа молчаливыхъ, сердитыхъ бабушекъ, безмолвно созерцавшихъ на бѣлой стѣнѣ ея новое произведеніе.

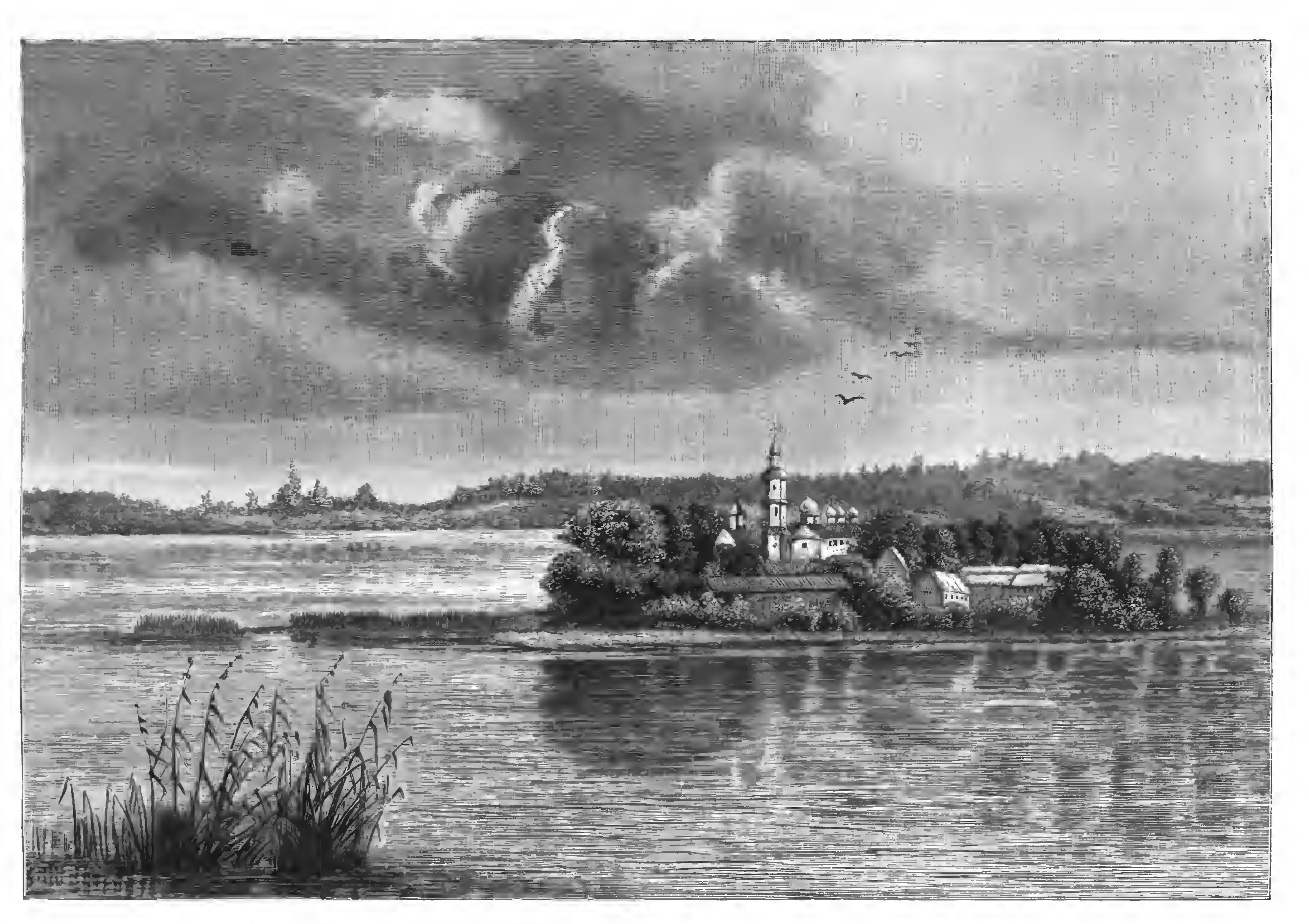
— Такъ это вотъ кто расписываетъ у насъ всѣ кельи! шипѣла Секлетея. — Вотъ кто!..

— Ахъ ты, дрянь этакая! кричала другая больная монахиня, которой тоже не мало надоѣдала Вѣрочка.

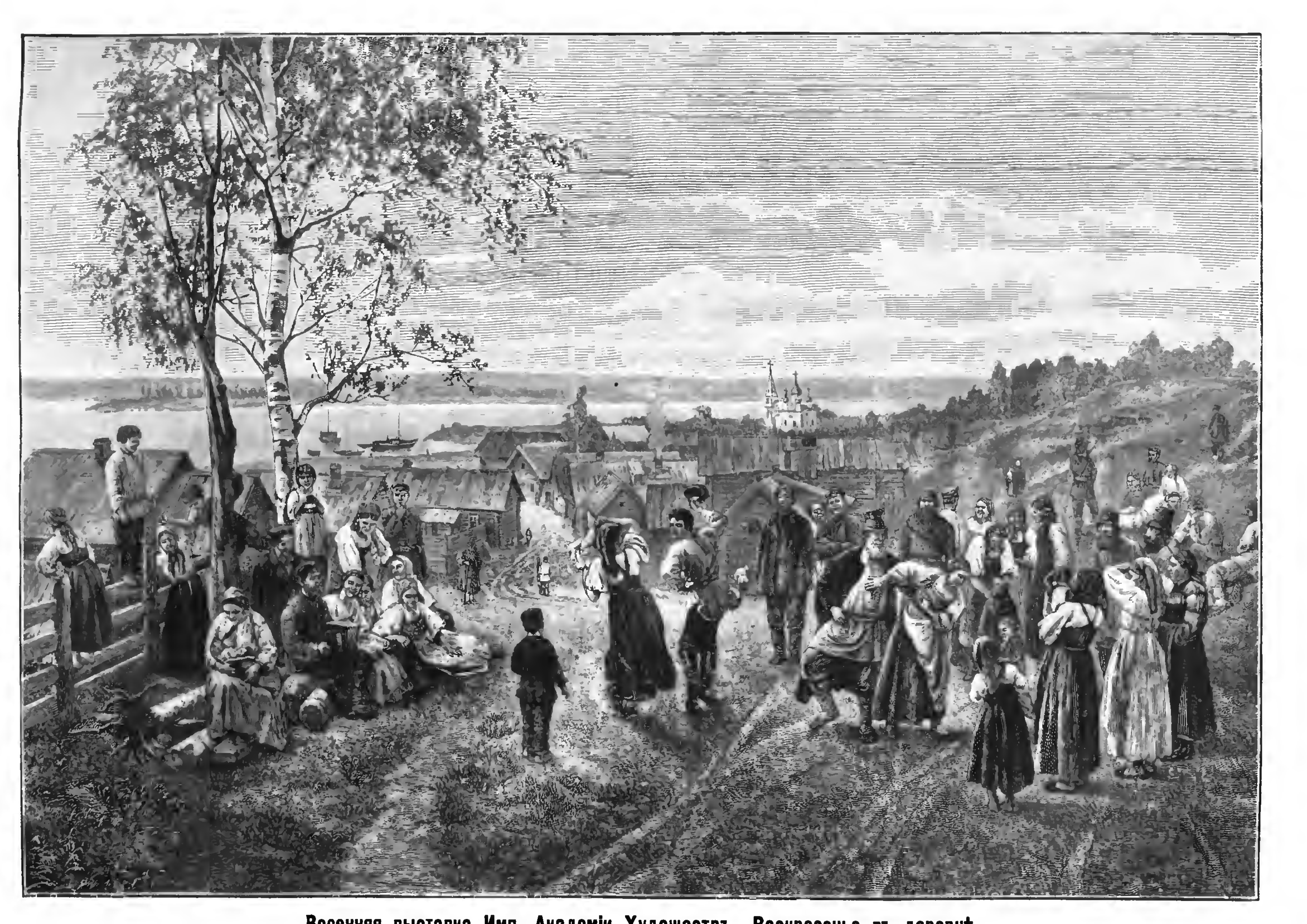
Въ довершеніе ужаса налетѣла на дѣвочку юродивая Ирина и не разобравъ въ чемъ дѣло, давай ее кропить прихваченною съ собой святою водою...

— Изыди сатана, чуръ меня, чуръ меня, изыди сатана! прыгала она вокругъ дѣвочки.

Секлетея, не выпуская изъ рукъ ея уха, торжественно повлекла ее къ бабушкѣ Варлаамѣ.

Червенецкій монастырь близъ Луги (СПб. губерніи). Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Константиновой**, грав. Рашевскій.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Воскресенье въ деревнѣ.

Картина проф. Дмитріева-Оренбургскаго (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

— Вотъ, мать-игуменья, какія дѣла завелись у насъ! запѣла ей Секлетея.

Мать-игуменья выслушала и нахмурилась.

— Такъ это ты у насъ стѣны всѣ портить начала? Этого такъ оставить нельзя. Маша, сбѣгай-ко ты за ея бабушкой.

Настоящая бабушка явилась крайне растерянная и сконфуженная за свою внучку. Она даже всплакнула было.

— Проси прощенія, прощенія проси! шептали Вѣрочкѣ отовсюду.

Но на дѣвочку нашло. Она отвернулась въ уголъ, уткнулась въ него носомъ и не поворачивалась. Ее и за плечи брали, и хотѣли заставить идти къ бабушкѣ-игуменьѣ, къ Секлетеѣ—Вѣрочка только отмахивалась да плечиками дергала.

— Что-жь ты будешь, дрянь этакая, прощенія просить? вспылила настоящая бабушка.

— Не хочу! только и бурчала про себя Вѣрочка.

— А не хочешь, такъ запретить ей входъ въ монастырь.

И мать Варлаама тутъ-же, позвавъ старицу Степаниду, пребывавшую подъ воротами, отдала ей приказаніе отнынѣ, иначе какъ на службу—въ церковь—Вѣрочку въ монастырь отнюдь не пускать.

— Какъ паршивую овцу изъ стада вонъ! зашипѣла ей вслѣдъ мать Секлетея, когда та выходила вонъ, опозоренная, какъ казалось дѣвочкѣ, навсегда. А мать Степанида, можетъ быть вспомнивъ ангела съ огненнымъ мечомъ у вратъ рая, вооружилась даже розгой на случай самовольнаго вторженія „Вѣтерка“.

V.

Вѣрочка съ ума сходила отъ отчаянія. Безъ монастыря теперь жизнь ей казалась лишенною всякаго смысла. Не цѣлые-же дни было слоняться по комнатамъ бабушкинаго дома да бѣгать въ крошечномъ садикѣ, гдѣ всего на всего цвѣли два куста розъ, клумба сирени, да высоко раскидывали надъ деревянною крышею свои пышныя вѣтви нѣсколько серебристыхъ липъ. Не разъ Вѣрочка подходила къ воротамъ обители, но очевидно запрещеніе еще не было снято, потому что, завидя ее, „бабушка Степанида“ хваталась за розгу, стоявшую около въ нишѣ старой стѣны, и стараясь придать своему доброму старому лицу строгое выраженіе, грозила „Вѣтерку“. „Вѣтерокъ“ обѣгалъ стѣны монастыря—надѣясь встрѣтить вышедшую погулять Серафиму или наткнуться, какъ будто невзначай, на мать Варлааму—но увы! какъ нарочно въ эти дни никто изъ добрыхъ бабушекъ не показывался сюда, а злыхъ и сама Вѣрочка не хотѣла встрѣтить. Такъ прошло времени до субботы, когда Вѣрочка могла показаться въ церкви монастыря съ до-боли-бьющимся сердцемъ и низко склонившеюся головкой. Она поэтому не замѣчала добрыхъ взглядовъ, которыми при видѣ ея перебрасывались монахини. Вѣрочка забилась въ уголокъ и все время проплакала въ немъ, а когда служба кончалась, дѣвочка незамѣтно выскользнула вонъ, добралась до садика матери Секлетеи и застыла въ немъ, озираясь, чтобы кто-нибудь ненарокомъ не увидѣлъ ее прижавшеюся къ старому-старому клену, въ чащѣ котораго посвистывала меланхолически какая-то вечерняя пташка. Вонъ вдали показалась сама „злая бабушка“. Идетъ черезъ силу—видимо трудно ей. Сѣла отдохнуть на скамейку.

— Простите, бабушка... только и могла выговорить дѣвочка, и вся опять залилась слезами, припадая къ рукѣ старой монахини.

— Что ты, что ты? Богъ съ тобой!.. Ну, полно, Господь простить.

И вдругъ у самой Секлетеи задрожалъ подбородокъ, скривился ротъ и она заплакала тоже, гладя желтою сморщенною рукой голову Вѣрочки.

Понятная вещь—запрещеніе было снято, и когда не знавшая этого Степанида при видѣ Вѣрочки вооружилась было своимъ огненнымъ мечомъ,—дѣвочка храбро прошла мимо, не обращая никакого вниманія на розгу. За то она очень сдружилась съ матушкой Секлетеей—и тотчасъ-же послѣ уроковъ у бабушки Серафимы, бѣжала къ ней, садилась около и слушала ея разсказы о несчастіяхъ постигшихъ бѣдную старуху въ мірѣ. „И почему это прежде она казалась мнѣ злою?“ думала Вѣрочка, всматриваясь въ отекшее лицо монахини и стараясь отыскать въ его чертахъ пугавшую ее прежде суровость. „Просто она больная, потому она и жалуется на все...“

А работа шла своимъ порядкомъ.

Мать Серафима, очень образованная женщина и талантливая художница, мало-по-малу посвящала ее во всѣ тайны своего искусства. Сначала тринадцатилѣтняя Вѣрочка — грунтовала ей полотно, потомъ мѣшала краски, наконецъ стала писать платье святыхъ и Богородицъ, которыхъ изображала Серафима. Талантъ дѣвочки развивался съ такою быстротою и яркостью, что сама учительница не разъ уже посматривала на нее съ задумчивою нѣжностію.

— Скоро надо будетъ тебя отправить отсюда, наконецъ проговорила она какъ-то.

— Куда, зачѣмъ?.. Я не хочу! всполошилась Вѣрочка.

— Да вѣдь здѣсь тебѣ нечему больше учиться. Ни оригиналовъ, ни образцовъ. Дарованіе у тебя большое—а у насъ въ обители простора ему не будетъ. Замретъ оно.

— Нѣтъ не замретъ. Стану писать образа.

— Тебя на большее хватитъ. Вотъ я поговорю съ бабушкой.

Но бабушка, на всѣ убѣжденія Серафимы, только разводила руками.

— Что ужь... Какъ ужь... Гдѣ ужь... повторяла она, очевидно теряясь передъ непобѣдимою логикой монахини.

— Поймите вы, Анфиса Кириловна, вѣдь этакого таланта, какъ у вашей внучки, я отродясь еще не встрѣчала.

— Дай Богъ, дай Богъ! повторяла та озабоченно, безсознательно при этомъ пряча подъ платокъ выбивавшіяся сѣдыя космы волосъ и щуря глаза, такъ что вокругъ располагались тысячи добрыхъ морщинокъ.

— Выростетъ и выучится она вамъ на утѣшеніе.

— Спаси васъ Господи!

— Я-то тутъ не причемъ. Курица орленка высидѣвшая. Вотъ и вся моя роль въ этомъ. А вѣдь у вашей Вѣрочки такой талантъ, что впослѣдствіи вся Россія гордиться будетъ.

Бабушка струсила и замахала на нее руками.

— Ну ужь!.. Что ужь... недовольно бормотала она.

— Въ Петербургѣ—въ академіи такихъ нѣтъ.

— Была я въ Петербургѣ... оживилась бабушка,—какже, мать моя, была... Все вывѣски. И внизу вывѣски и вверху вывѣски, и впереди и позади. Ажно я омлѣла на извозчикѣ отъ вывѣсокъ этихъ, зажмурилась да такъ, ничего не видя, до дочери и доѣхала. И потомъ у меня недѣлю голову кружило. Какъ открою глаза, такъ мнѣ сейчасъ эти вывѣски и представляются. А какъ пріѣхала—должно быть гдѣ именины праздновали, все на извозчикахъ ѣздилъ народъ. Поздравлять вѣрно. И впередъ и назадъ, и впередъ и назадъ. Такъ я потомъ ужь до самаго отъѣзда изъ комнаты своей и не выходила.

— Ну, вотъ видите, а придется вамъ отправить туда внучку. Ужь это я вамъ говорю. Грѣшно погребать здѣсь такой талантъ.

— Вотъ ужь... какъ ужь... Я ужь и не знаю... разводила та руками.

— Да вы за нее не бойтесь, дѣвочка ростетъ серьезная, не испорченная, изъ нея большой толкъ будетъ впослѣдствіи. Сами на нее не нарадуетесь.

— А я ужь думала ее въ монастырь сдать, все спокойнѣе.

— Боже васъ сохрани,—такую жизнь да погребать здѣсь... И изъ мыслей своихъ выкиньте это.

Сунулась бабушка къ игуменьѣ-матери Варлаамѣ, съ тѣмъ-же планомъ—сдать дѣвочку въ монастырь,—та на нее окрысилась еще пуще.

— Что ты, мать, въ умѣ-ли? Выпей холодной водицы, да перекрестись. Экую юницу и въ обитель! Да тебѣ за это Господь ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ не проститъ. Рано еще хоронить-то ее! Пусть поживетъ, свѣтъ увидитъ, людей посмотритъ. Ну, устанетъ, собьетъ ее съ ногъ и затреплетъ мірскою непогодой—тогда милости просимъ къ намъ. А то экій бутонъ захотѣла! Еще и не распустился онъ — еще и лепестокъ - то краешкомъ сквозь почку не прорѣзался, а ты ужь его высушить хочешь. Да кто тебѣ экую злоехидную глупость внушилъ? Поди, мать, помолись сначала.

— А вѣдь сказано, мать: „и проходитъ образъ міра сего“.

— Ахъ ты неподобная, неподобная! Горе коли отъ Писанія научатся, а сердцемъ его разобрать не могутъ. Ну, да чтò мнѣ съ тобой говорить. Нѣтъ моего благословенія отнынѣ и во-вѣки. Вотъ тебѣ и аминь! Потомъ сама будешь благодарить меня.

— Ужели-же ее въ свѣтъ пустить?

— Не сейчасъ, пока пусть ростетъ да крѣпнетъ, что деревцо молодое. Ну, а потомъ...

— Засмѣютъ ее. Вѣдь она какъ выросла здѣсь—въ смиреніи чувствъ—ничего-то она изъ мірскаго обихода и не видаетъ. Охъ! засмѣютъ ее мірскіе.

— Ты, вотъ, изъ Писанія все и не къ мѣсту, и не кстати. А вотъ по поводу твоихъ умствованій, разверника Экклезіастъ—тамъ и найдешь: „якоже гласъ тернія подъ котломъ, такъ смѣхъ безумныхъ... И сіе суета!“ Поняла?

— Поняла! Спасибо за наставленіе, матушка Варлаама.

— Ну и Богъ съ тобой, ну и аминь тебѣ, и будетъ. А глупостей больше ты мнѣ не толкуй и самыя эти зловредныя мысли оставь втунѣ. Дуръ и безъ тебя много. Хватитъ.

VI.

Такъ и продолжала рости Вѣрочка.

Годы шли за годами. Она все тянулась, да тянулась вверхъ. Молодое деревцо крѣпло и листвило, радуясь солнцу и Божьему свѣту. Казалось, ничто не измѣнилось вокругъ. Какъ прежде, она носила черное люстриновое платье съ кожанымъ поясомъ, такъ и теперь его носитъ,—только что оно подлиннѣе стало и подъ нимъ уже не видать ея молодыхъ сильныхъ ногъ. И поясъ шире ей дали, и грудь развилась надъ нимъ, плотно охваченная незатѣйливою матеріей, скроенною монахинями, почти по монашески. Тотъ-же, что и въ дѣтствѣ у нея, черный платокъ на головѣ—прежде только надѣвала она его въ бурныя погоды, а въ хорошія бѣгала простоволосою, а теперь—постоянно, какъ выходитъ изъ дому—въ немъ. Нельзя—большая, стыдно ходить непокрытою. Казалось и въ окружающемъ ее мірѣ не измѣнилось ничего. Та-же мать Степанида сидитъ подъ воротами, только сгорбилась больше. „Въ землю росту теперь!“ поясняла она сама какъ-то... Шла мимо нея вчера Вѣра—посмотрѣла-посмотрѣла на нее вратница—и головой покачала.

— Что ты, бабушка Степанида?

По старой памяти, она и теперь звала ее бабушкой, какъ и другихъ въ ея дѣтствѣ постригшихся монахинь. Только новыя были для нея „матери“ или „сестры“.

— Охъ, искушеніе!.. Ишь ты налилась-то какъ. Словно яблоко садовое... Охъ, искушеніе!.. А дьяволъ-то поди—ходитъ - ходитъ — сомущаетъ - сомущаетъ и во снахъ и на яву... Все, подлецъ, думаетъ—съ какой-бы стороны приступить ему къ дѣвицѣ... Охъ, налилась дѣвушка, охъ, спѣетъ-спѣетъ яблочко-то...

Вѣра долго смѣялась потомъ, вспоминая о сокрушавшейся надъ нею Степанидѣ.

Дѣйствительно, самъ себѣ незамѣтно выровнялся „Вѣтерокъ“ въ красивую, сильную и здоровую дѣвушку. И при этомъ не потеряла она времени даромъ. Напротивъ, уже во многіе сельскіе храмы посланы образа ея письма и, по словамъ теперь уже стараго-стараго отца Симеона, передъ ними и плачутъ и молятся простые и немудрящіе люди, слезы которыхъ до Господа доходчивы, хотя здѣсь въ суетномъ мірѣ и незамѣтны. Скоро и въ соборную церковь — повѣсятъ ея работу. И не только сама она работаетъ, но вмѣстѣ съ сильно одряхлѣвшею матерью Серафимой и другихъ учитъ этому. Теперь на ихъ рукахъ цѣлая школа рисовальная въ монастырѣ—и не мало бѣлицъ пристрастилось, съ благословенія матери Варлаамы, къ этому дѣлу...

Подумаешь, сколько лѣтъ прошло уже!.. А она все чувствуетъ попрежнему себя облюбованною монастыремъ дѣвочкой - подросткомъ. Точно еще вчера она рисовала „бабушку Секлетею“ вылетающею изъ трубы съ растопыренными руками... Злую бабушку Секлетею оказавшуюся потомъ такою доброю. Глубоко лежитъ теперь она въ сырой землѣ, на монастырскомъ кладбищѣ. Часто ходитъ къ ней „въ гости“ Вѣрочка помолиться надъ простымъ сѣрымъ камнемъ, на которомъ и надписи никакой не высѣкли... Положили старушку изнемогшую отъ земныхъ недуговъ и успокоенную смертью, по ея собственному приказанію, подъ старымъ вязомъ, засыпали землей и плитой покрыли, чтобы крѣпче ей лежалось и покойнѣе спалось.

— Нельзя безъ надписи-то! увѣщевала ее тоже сильно состарившаяся мать Варлаама.

— Пошто нельзя?

— А спросятъ: кто похороненъ-то, за кого молиться?

— Похоронена „раба Божія“, молитесь за „рабу Божію“. Онъ, сестра, и безъ имени разберетъ!..

Важно шумитъ надъ ней старый вязъ, сочная трава пробивается изъ-подъ плиты, голубые цвѣтики какіе-то наивно улыбаются въ ней всякій разъ какъ вѣтромъ повѣетъ и заколышетъ траву, заслоняющую имъ свѣтъ Божій. И Капитолина рядомъ умѣстилась—пріятельницы при жизни-то были, всегда и въ церкви рядышкомъ стояли молились. А вонъ тамъ подалѣ—Ирина-юродивая... Эта умирая въ себя пришла, у всѣхъ прощенія просила: „если и обидѣла кого, такъ не своей, а бѣсовской во мнѣ пребывавшею силой“. Надъ нею и плиты нѣтъ, такъ—холмикъ. Вѣрочка обсадила его сиренью, а наверху розовый кустъ принялся. И пышно распускаются надъ тѣломъ юродивой яркія алыя розы. Каждая съ горсть величиной. Любитъ должно-быть мать сыра земля бѣдную старицу малоумную, вволю питаетъ цвѣты украсившіе ея послѣднюю темную келью. Изъ школы, въ хорошіе дни, бѣгаетъ сюда Вѣра и, забившись въ кустахъ сирени, прислушивается ко всему, чтò творится кругомъ него. Могилу бабушки Секлетеи чижи полюбили, цѣлые утра и вечера стрекочутъ, возятся и дерутся въ листвѣ надъ нею. Какая-то крохотная пичуга, у самой плиты въ густой травкѣ, подъ защитой „мірней монахини“ даже гнѣздо свила, притомъ еще и птенцовъ своихъ въ немъ высидѣла... Сначала пугалась Вѣрочки, а потомъ перестала ея бояться—та ей корму доставляла сюда и около сыпала вдоволь, чтобъ самцу не далеко было летать за нимъ... И могилку Ирины—соловьи любятъ и зяблики.

Иной разъ кажется Вѣрѣ, что какъ распоются птицы, каждая вѣточка сирени гремитъ и стрекочетъ, и щебечетъ своимъ голосомъ... И чудится ей вмѣстѣ съ другими монахинями, что въ великіе праздники, дѣйствительно, внизу, по удару большаго колокола, гудутъ и молятся покойницы. Порывисто, словно выкликиваетъ священныя слова юродивая мать Ирина, точно истово читаетъ ихъ самоуглубленная бабушка Секлетея...

Такъ и сама Вѣрочка не замѣтила, какъ ей пошелъ восемнадцатый годокъ...

Пройдя монастырскія ворота и увидѣвъ надъ собою громадную колокольню, она вспомнила сегодняшій сонъ и невольно улыбнулась. Должно-быть ее замѣтили, потому что окно въ ближайшей кельѣ отворилось и оттуда выглянуло старческое лицо.

— Здравствуй, Вѣрочка! Спаси тебя Богъ.

— Здравствуйте, бабушка Серафима.

— Неужели ты ужь въ школу?

— Нѣтъ, мать Капитолина свою Машу прислала ко мнѣ, зоветъ чай пить.

— То-то, а я думала въ школу. Нашихъ дѣвочекъ еще ни одной поди нѣтъ.

— Лѣнятся? засмѣялась опять Вѣрочка.

Въ этомъ возрастѣ постоянно хочется смѣяться. Есть-ли къ этому поводъ, или нѣтъ,—все равно.

— Да, дѣло молодое. А у меня большая новость есть, для тебя именно И не ждешь ты поди!

— Что такое?

— Въ школѣ скажу тебѣ, обрадуешься вотъ какъ. Ну ужь иди къ Капитолинѣ-то, иди. Поди у нея самоваръ выкипѣлъ, второй приказала Машѣ своей наставить... Это она вѣрно хочетъ чтобы ты ей портретъ нарисовала.

— Отчего же, я съ удовольствіемъ.

— Отлично. Старица она достойная и монахиня исправная. Да и любитъ тебя.

Монастырскіе дворы были теперь тихи и пустынны. „Матери“ и „сестры“ вернулись домой отъ ранней обѣдни и пили чай у себя. Изрѣдка на какомъ-нибудь крыльцѣ показывалась захлопотавшаяся бѣлица, схватывала кипѣвшій тамъ самоваръ и, шибко торопясь, вносила его въ широко отворенныя двери. Однѣ птицы возились и чиликали во всю. Цѣлыми стаями срывались онѣ съ колоколенъ и, облетѣвъ вокругъ обители, возвращались назадъ щебеча такъ, будто имъ удалось сдѣлать не-вѣсть какое великое открытіе. Высокія стѣны соборныя, расписанныя фресками, смотрѣли сегодня особенно ярко. Колокольня вся тонко выдѣлялась изъ синевы неба. Налѣво, пестро размалеванная, такъ и рѣзала глаза трапезная... Чуть колыхались своими густыми вершинами высокіе тополи, меланхолическій вѣтеръ тихо пробѣгалъ по вѣтвямъ старыхъ вязовъ и мимоходомъ шевелилъ былинки поднявшіяся изъ щелей и трещинъ, точно пробуя, крѣпко-ли онѣ держутся въ камнѣ своими незамѣтными корнями. Маленькій бѣлый голубокъ, любимецъ Вѣрочки, замѣтивъ ее, сорвался съ купола, на которомъ онъ было засѣлъ, трепеща крыльями и волнуясь подлетѣлъ къ ней, уцѣпился за ея плечо, сталъ клевать зерна, которыя она подала ему въ горсти.

— На, не жадничай... Знаешь вѣдь что свое всегда получишь... смѣялась она.

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

I.

Наступила глубокая осень 187* года. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, я успѣшно сдалъ кандидатскій экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, и въ пылу самыхъ радужныхъ надеждъ, безпечно шелъ навстрѣчу ярко обрисовывавшейся будущности, которая должна была, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ тогда казалось, вознаградить за всѣ лишенія и невзгоды первой поры жизни.

Судебная реформа только-что состоялась. Необъятное поле дѣятельности повидимому открывалось нашему поколѣнію. Стремленіе „стать новымъ проводникомъ великихъ освободительныхъ идей“, изгладить честнымъ, безпристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу печать отверженія тяготѣвшую на лицахъ причастныхъ прежнему судопроизводству, обуяло васъ, и я со страстной настойчивостію добивался мѣста въ одномъ изъ вновь открывшихся округовъ.

Желающихъ было много; протекціи-же — никакой. Не мало времени потратилъ я, проживая въ Петербургѣ послѣдніе свои гроши, уцѣлѣвшіе отъ былыхъ уроковъ, пока мнѣ наконецъ посчастливилось получить назначеніе при N-скомъ окружномъ судѣ.

Я чувствовалъ подъ собою почву, и какой-то туманъ отдѣлялъ уже меня отъ недавняго, нерадостнаго прошлаго.

Послѣдній потомокъ дворянскаго захудалаго рода, я лишился отца въ малолѣтствѣ. Мать рѣдко упоминала о немъ. Ея блѣдное, сосредоточенное лицо, вѣчно трудящіяся руки, неизгладимо сохранились въ моей памяти. Мы жили втроемъ. Она, я—рѣзвый, веселый мальчуганъ,—да старая, беззубая няня, вѣчно повязанная темнымъ платкомъ, постоянно брюзжащая, но преданная намъ инстинктивною, безграничною любовью, составлявшею отличительную черту людей прежняго закала. Какимъ чудомъ самоотверженія ей удавалось содержать и кормить насъ—составляетъ и донынѣ для меня такую необъяснимую задачу, которую не осилилъ-бы ни одинъ политико-экономъ.

Изъ ежедневныхъ причитаній и нѣкоторыхъ недомолвокъ старухи, уже впослѣдствіи, я пришелъ къ убѣжденію, что слабохарактерность и поведеніе отца довели насъ до крайнихъ предѣловъ разоренія; я не докучалъ разспросами матушкѣ, изъ опасенія огорчить ее.

Мое пребываніе въ губернской гимназіи влекло за собою тяжелыя безпрерывныя жертвы. Матушка еле-еле питалась, проводя половину ночей за иглой, нарядами уѣздныхъ щеголихъ прибавляя нѣсколько крохъ къ своему скудному бюджету.

Изъ послѣдняго класса гимназіи, мнѣ удалось найти кондицію на лѣто у зажиточнаго помѣщика, такимъ образомъ я заработалъ достаточно чтобы отправиться въ университетъ на собственныя средства.

Съ какою гордою самоувѣренностью переступилъ я порогъ нашего ветхаго, покосившагося домишки въ Л*, единственнаго уцѣлѣвшаго наслѣдія когда-то славившихся роскошью предковъ. Да уцѣлѣлъ-то онъ вѣроятнѣе всего потому, что никакому покупщику не могъ приглянуться.

Съ четырьмя двадцатипятирублевыми въ карманѣ, мнѣ казалось въ пору съ самимъ Крезомъ потягаться. Я выложилъ ихъ на темный, покоробившійся отъ времени и употребленія столикъ матушки, и тщетно умолялъ ее принять половину моего сокровища.

— Не надо, родной, со счастливой улыбкою отстраняя ихъ говорила она. — Тебѣ самому пригодятся! И много-ли мнѣ нужно чтобы дожить свой вѣкъ? Коптить небо не стану теперь, разъ что Богъ помогъ окончить свою задачу.

Не долго довелось мнѣ погостить у нея! Жизнь, борьба манила впередъ. Со стѣсненнымъ сердцемъ но бодрымъ духомъ обнялъ я это блѣдное, исхудалое милое существо, единственную привязанность въ жизни, и доселѣ раздается въ ушахъ ея твердый, задушевный голосъ:

— Прощай, Ваня, дорогой! Помни послѣдній завѣтъ матери: свято сохрани твое единственное достояніе: доброе имя. На честный только трудъ благословляю тебя.

Не суждено намъ было уже свидѣться.

II.

Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Т*, одинъ изъ самыхъ трущобныхъ городишекъ средней полосы Россіи, я получилъ предписаніе отправиться въ отдаленную волость уѣзда, для производства слѣдствія по довольно сложному уголовному дѣлу.

Это было первое возложенное на меня порученіе. Я жаждалъ его какъ манны небесной; мигомъ собрался, и усаживаясь въ старую, почтовую бричку, изведалъ нѣчто подобное тому что вѣроятно ощущаетъ полководецъ, занося ногу въ стремя своего боеваго коня.

Мнѣ предстояло сдѣлать безъ малаго сто верстъ по проселочной черноземной дорогѣ, вслѣдствіе осенняго ненастья предвратившейся въ липкую, непролазную грязь. Чуть свѣтъ я выѣхалъ изъ городской околицы, и съ наивностью человѣка еще не посвященнаго во всѣ прелести подобнаго путешествія—разсчитывалъ добраться къ вечеру до мѣста назначенія

Непрерывный дождь, падавшій какъ черезъ сито съ минутными порывами расходившагося вѣтра, не въ силахъ былъ охладить мое юношеское рвеніе. Быстро шагая по скрипящимъ половицамъ низкихъ, закоптѣлыхъ комнатъ на постоялыхъ дворахъ, чтобы кое-какъ отогрѣть окоченѣлые члены, я немилосердно торопилъ заспаннаго старосту, честью завѣрявшаго что лошадей нѣтъ, или что онѣ „сей минуту“ съ перегону и что слѣдуетъ

Вѣстники весны. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **Н. Каразина**, грав. М. Рашевскій.

маленечко пообождать. Но двугривенный устранялъ эти препятствія. И вотъ снова тянется передо мной все та же безотрадная картина: надъ головой сѣро, подъ ногами черно, кругомъ пусто или голо...

Продрогнувъ и промокши, не смотря на отличный кожанъ, я кое-какъ дотащился до послѣдней станціи. Мнѣ предстояло свернуть въ сторону отъ почтоваго тракта и проѣхать всего верстъ двадцать до мѣста — села Михайловки, въ домъ купца Мурашкина. Староста уговаривалъ меня заночевать.

— Иныя двадцать въ ночную пору горчѣе цѣлой сотни станутъ, глубокомысленно замѣтилъ онъ.—Дорога-то больно плоха, да и темь скоро васъ настигнетъ. Лошадей-то не погонишь, экъ наваливаетъ!

— Нечего пустословить. Ѣхать надо—и поѣду.

— Такъ-съ. Оно конечно, ваша воля, а право-слово, безобиднѣе было-бы пообождать маленько. А что коли, не приведи Богъ, заплутаетесь? Трактъ-то вѣдь не почтовый; кони не привычны.

— Да дорогу-то по крайней мѣрѣ знаете-ли? Вотъ главное.

— Вѣстимо знаемъ, село большое. Аѳонька лѣтось не разъ возилъ самого Трифонъ Потапыча. Онъ самый и есть купецъ Мурашкинъ что поминать изволили.

— Ну такъ подавай Аѳоньку, да и поскорѣе въ путь. Зря только время тратимъ.

Мигомъ перекинули мой легкій чемоданчикъ, настлали поверхъ свѣжей соломы, пока быстро впрягали лошадей, и доложивъ что все готово, староста самоотверженно погрузился въ грязь, чтобы только подсадить меня въ телѣжку, и тѣмъ нагляднѣе заявить свое усердіе.

При выѣздѣ изъ села, мы свернули на болѣе узкую дорогу, изрытую колесами. Съ приближеніемъ вечера, стало слегка морозить и крупныя капли дождя смѣнились густыми хлопьями мокраго снѣга. Лужи застывали; тонкая ледяная кора оковывала землю. Лошади скользили на каждомъ шагу. Телѣжку такъ немилосердно подбрасывало, что я крѣпко уцѣпился за бортъ. Къ довершенію всѣхъ напастей, мы не проѣхали пяти верстъ какъ очутились въ непроглядной темнотѣ.

Вѣтеръ, то съ неистовымъ завываніемъ, то съ громкимъ свистомъ, проносился надъ головой, еще усугубляя мрачное впечатлѣніе безотрадной ночи.

Продрогшій, утомленный и голодный, тащился я. Сонъ уже начиналъ клонить. На внезапномъ толчкѣ я вздрагивалъ, широко открывалъ глаза. Мнѣ вдругъ мерещилось что я мгновенно ослѣпъ, или погруженъ въ какую-то чудовищную, фантастическую чернильную бутыль, изъ которой, выбиваясь изъ силъ, тщетно хочу выбраться. Чувство смутнаго, необъяснимаго опасенія превозмогало дремоту. По временамъ я испытывалъ потребность разсѣять созрѣвавшее сознаніе что придется поплатиться за высказанную самонадѣянность, и освобождая голову изъ высоко приподнятаго воротника, спрашивалъ упорно молчавшаго Аѳоньку:

— Поглядывай-ка въ оба, братецъ! Ну какъ съ пути собьемся...

— Для-ча сбиться, баринъ? Будьте безъ сумлѣнія. Дѣло привычное, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ успокоивалъ тотъ.

Ободряемый его увѣренностью, я плотнѣе запахивалъ полы пальто, и скоро вновь погружался въ непреодолимую дремоту. Я не могъ-бы опредѣлить сколько прошло времени съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ послѣднюю станцію... Вдругъ я почувствовалъ словно электрическій толчокъ, потерялъ равновѣсіе, съ неимовѣрной быстротою два раза обернулся въ воздухѣ, и прежде чѣмъ успѣлъ опомниться, грузно упалъ на землю. Инстинктивно я выдвинулъ руки впередъ, но движеніе это было такъ неудачно, что лѣвая неловко подвернулась. Отъ неожиданной, острой боли, я невольно громко вскрикнулъ.

Непроницаемый мракъ и гробовое молчаніе окружали меня. Я съ замираніемъ сердца сталъ прислушиваться и въ недалекомъ разстояніи услышалъ тяжелое дыханіе измученныхъ лошадей.

— Аѳонька! эй, откликнись! Куда ты меня завезъ, какъ тебя угораздило вывалить меня?

— А бѣсъ его знаетъ. Зги не видно, поневолѣ на удачу держать станешь. Да и телѣжонка-то вонъ на боку. Допрежь всего приподнять-бы надо. Баринъ, подсобите маленько; одному не осилить.

Я попытался встать, но рука висѣла какъ плеть, и при первомъ усиліи, глухой стонъ вырвался изъ груди моей.

— Аль шибко убились? съ участіемъ спросилъ ямщикъ.

— Руку сильно расшибъ; повернуть не могу.

— Огоньку-бы добыть, все вольготнѣе было-бы.

Я тутъ вспомнилъ про спичечницу въ правомъ карманѣ; съ неимовѣрнымъ усиліемъ приподнялся на колѣни, и послѣ трудныхъ поисковъ, вызвавшихъ отъ боли холодный потъ на лбу, наконецъ досталъ ее. Повеселѣвшимъ голосомъ кликнулъ я Аѳоньку, приказывая ему чиркнуть. Онъ чуть не ощупью пошелъ на мой голосъ, но споткнулся и кубаремъ слетѣлъ мнѣ въ ноги.

— Знать мы теперь въ оврагѣ, надоумился онъ.—То-то диковинно было что голосъ словно изъ-подъ ногъ шелъ.

Онъ усердно принялся чиркать спички, но онѣ оказались отсырѣвшими.

— Неужели мы тутъ до разсвѣта промаемся? уже съ отчаяніемъ спросилъ я.

— А съ Божіей помощью може и выберемся. Лучше-бы было послушать Степанъ-то Михайловича да въ Грачевкѣ переночевать. То-ли дѣло таперича-бы на печкѣ погрѣться. Пообождите тутъ маненько. Я выберусь изъ оврага до лошадокъ, и поищу по сторонамъ нѣтъ-ли гдѣ жилья.

— Смотри, вернись только поскорѣе, Аѳонька! крикнулъ я ему во слѣдъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ дѣтскимъ страхомъ.

Прошло около получаса, который показался мнѣ вѣчностью, пока я явственно услышалъ конскій топотъ, и надъ моей головой снова раздался голосъ ямщика.

— Съ добрыми вѣстями, баринъ. Село тутъ не далечо—версты двѣ будетъ. Вотъ и милый человѣкъ фонарь далъ, да и проводить насъ берется. Знамо, ваша милость не обидитъ.

Я видѣлъ обрадованнымъ взоромъ какъ свѣтлая точка появилась и забѣгала по краю оврага, слышалъ, какъ они, кряхтя, суетились и подымали опрокинутую бричку. Наконецъ все было улажено; они вдвоемъ спустились въ ложбину, и то поддерживая, то подпихивая, осторожно дотащили меня доверху.

Я вздохнулъ полной грудью; мнѣ казалось что пора невзгодъ совсѣмъ миновала.

— Такъ ты берешься доставить насъ въ Михайловку? освѣдомился я у незнакомца.

— Какую такую Михайловку? удивленно вскинулъ онъ на меня глазами. — Мы туточные, съ Верховъ значитъ,—и онъ ткнулъ пальцемъ въ направленіи слабыхъ огоньковъ, мерцавшихъ на горизонтѣ.

— Гдѣ-же мы очутились и что это за Верхи? безпомощно обратился я къ своему ямщику.

Онъ видимо замялся и неистово зачесалъ затылокъ.

— Видно не въ шутку лѣшій насъ хороводилъ. Не въ ту сторону забрали. Верстъ тридцать пожалуй исколесили, а все-жъ таперече въ Грачевку свернуть оглобли надо. Зря плутали!

— А отъ Грачевки сколько-жъ мы отъѣхали? въ конецъ раздосадованный спросилъ я:

— А песъ его знаетъ! отвѣтилъ незнакомецъ,—баба мѣрила клюкой да махнула рукой. Мы въ сторонѣ; мужики баютъ верстъ двадцать, а може больше.

— Постоялый дворъ есть у васъ, что-ли? уныло спросилъ я, пока Аѳонька полегоньку трогалъ лошадей. Я сознавалъ что мнѣ не было другаго исхода какъ покориться своей злосчастной судьбѣ.

— Нѣтути. Но ты, баринъ, не тужи. Мы тебя прямехонько доставимъ на маіорскую усадьбу. Господа простые, обходительные, добрые! Обогрѣютъ, накормятъ лучше роднаго.

Перспектива нагрянуть внезапно къ незнакомымъ людямъ являлась далеко не привлекательною, но выбора не было, и въ душѣ негодуя на свою оплошность, я уже молча продолжалъ путь.

III.

Долго было бы описывать какъ мы дотащились до бѣдной деревушки, показавшейся мнѣ землею обѣтованной. Моя главная забота заключалась въ предохраненіи больной руки отъ постоянныхъ толчковъ: всякое движеніе усугубляло еще непрерывную, острую боль. Я не сомнѣвался что у меня окажется переломъ кости.

Миновавъ нѣсколько хижинъ, примѣтныхъ только по горѣвшимъ лучинамъ, мы въѣхали въ просторный дворъ. Сиплый лай двухъ цѣпныхъ собакъ встрѣтилъ насъ, и грозно метаясь вокругъ, онѣ проводили насъ къ навѣсу одноэтажнаго деревяннаго дома.

Пока я съ великимъ трудомъ высаживался, тяжелый затворъ щелкнулъ у входной двери, и на порогѣ появилась женская фигура, въ накинутомъ на голову платкѣ.

Она силилась разглядѣть меня, и съ боязливымъ недоумѣніемъ озирала съ ногъ до головы незнакомаго гостя. Не успѣлъ я и слова вымолвить, какъ мой провожатый уже рапортовалъ:

— Неча тутъ глазѣть, кума. Доложь господамъ, что баринъ проѣзжій, изъ судейскихъ бишь, плуталъ по дорогѣ да и угодилъ въ оврагъ. Расшибся больнехонько, еле-еле довезъ сюда.

Послѣднее замѣчаніе онъ счелъ нужнымъ прибавить для вящаго назиданія, такъ какъ, не смотря на боль, я бодро ступалъ по обледенѣвшимъ ступенямъ.

Кума со всѣхъ ногъ кинулась въ горницу, и я не успѣлъ еще переступить порога, какъ вѣсть о моемъ пріѣздѣ уже облетѣла весь домъ.

Первый выступилъ мнѣ на встрѣчу высокій, плотный старикъ, съ длинными сѣдыми усами и свѣтлымъ взглядомъ изъподъ нависшихъ, щетинообразныхъ бровей. Онъ былъ въ потертомъ армейскомъ сюртукѣ безъ погоновъ, и съ длиннымъ турецкимъ чубукомъ въ рукѣ, который служилъ какъ бы дополненіемъ всей его фигуры. Это былъ типъ стараго служаки, уже въ то время чаще встрѣчаемый на театральныхъ подмосткахъ чѣмъ въ дѣйствительной жизни.

За нимъ въ дверяхъ толпилась куча молоденькихъ, любопытныхъ головокъ.

— Добро пожаловать, нежданный, но желанный гость, привѣтствовалъ онъ меня, радушно протягивая руку.—Честь имѣю рекомендоваться: отставной маіоръ Андрей Васильевичъ Коринъ.

— Кандидатъ на судебную должность Иванъ Петровичъ Забѣльскій, отвѣчалъ я. — Вы не повѣрите до какой степени мнѣ тяжело вамъ навязывать свое присутствіе, вымогать ваше гостепріимство, хоть бы и на нѣсколько часовъ...

— Бросьте вы всѣ эти церемонные пріемы. Мы люди простые; пріютимъ, накормимъ чѣмъ Богъ послалъ, а главное высушимъ, добавилъ онъ съ усмѣшкой, — вода-то съ васъ какъ съ гуся течетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вокругъ меня отъ промокшаго платья, уже образовалась цѣлая лужа. Я только что хотѣлъ осторожно снять кожанъ, какъ откуда ни возьмись, отворившая намъ женщина юркнула мнѣ за спину и, съ услужливымъ рвеніемъ схвативъ лѣвый рукавъ, принялась его стягивать.

Отъ нестерпимой боли у меня позеленѣло въ глазахъ, я поблѣднѣлъ какъ полотно, пошатнулся, и чуть-ли не въ первый разъ въ жизни лишился сознанія.

— Катерина Александровна! Оленька! выручайте! Вотъ она молодежь-то теперешняя, обмороками пробавляется! раздался взволнованный голосъ маіора.

Я только и разслышалъ эти послѣднія слова.

Очнулся я уже лежа на высокой, мягкой постели, полураздѣтый, съ разрѣзаннымъ и отодвинутымъ рукавомъ рубашки. Сильная опухоль руки заставила прибѣгнуть къ этому способу. Около меня заботливо суетилась маленькая, кругленькая дама въ темномъ капотѣ съ черной кружевной косынкой, пришпиленной надъ жиденькой косицей. Она то поправляла мнѣ на лбу смоченный какимъ-то пахучимъ уксусомъ платокъ, то хваталась за склянку съ нашатырнымъ спиртомъ, которую поспѣшно подносила къ моимъ ноздрямъ. Она то и дѣло выкликала какое-нибудь женское имя, чтобы поспѣшно явившуюся на зовъ отправить на поиски за какимъ-нибудь снадобьемъ, шарила по карманамъ отыскивая ключи, и въ промежуткахъ обращала на меня пытливый взоръ, въ которомъ сквозь природную доброту свѣтилось самое горячее сочувствіе.

Маіоръ, со свѣчкой въ рукѣ, взамѣнъ неизбѣжной трубки, и съ круглыми очками въ тяжелой серебряной оправѣ, тщательно осматривалъ мою обнаженную руку. Замѣтивъ мой осмысленный взглядъ, онъ поспѣшилъ заявить:

— Сущіе пустяки, молодой человѣкъ. Перелома никакого, честью завѣряю васъ. А на меня положиться можно: на своемъ вѣку видывалъ много. Вывихъ есть, это несомнѣнно. Боль отъ него еще лютѣе бываетъ нежели когда кость пополамъ. Мы люди военные, мигомъ васъ вылѣчимъ. На селѣ у насъ такая костоправка, что любому лѣкарю носъ утретъ. Сейчасъ ее къ вамъ откомандируемъ.

— Какъ вы себя чувствуете? Полегчало-ли немного? Ужъ и испугали вы насъ, родной мой! подступила въ свою очередь кругленькая дама, — даже ноги подкосились, почудилось мнѣ что вы вотъ сейчасъ кончаетесь.

— Я не могу найти подходящихъ словъ, чтобы достаточно извиниться за все то безпокойство, которое я невольно причиняю вамъ, смущенно началъ я; но она живо перебила меня:

— И полноте, развѣ я къ тому?.. Надъ всякимъ бѣда стрястись можетъ, а безпокойство какое же тутъ для насъ. Я готова Бога благодарить, что онъ привелъ васъ подъ нашъ кровъ. Мѣсто тутъ глухое, пріютиться негдѣ. Мы всѣ къ вашимъ услугамъ; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Жаль что доктора нѣтъ по близости, но Андрей Васильевичъ правъ, Аксинья наша лицомъ въ грязь не ударитъ. Останетесь ею довольны. Запрошлымъ лѣтомъ она нашему Ѳеденькѣ ножку вправила. Вѣрите-ли, только вскрикнуть успѣлъ, а ужъ суставы сошлись, и не прошло трехъ дней какъ онъ на лужайкѣ съ сестрами рѣзвился. Да вотъ и намедни поповна разсказывала...

— Будетъ, будетъ, остановилъ старикъ,—заладитъ бабьи толки—и конца имъ нѣтъ.

— Я такъ только, къ слову пришлось, Андрей Васильевичъ, сконфуженно оправдывалась она,—а пока за ней ходятъ, вы бы, родимый мой,—не обезсудьте, имени и отчества не знаю,—чайку выпили бы.

— Иванъ Петровичъ, вставилъ маіоръ.

— Благодарю и принимаю съ радостью. За весь день я ни капли горячаго не имѣлъ во рту.

— Скажите на милость! Бѣдненькій! Я сама сейчасъ...

— Оставайся, скомандовалъ мужъ, — я самъ распоряжусь. Приведу сейчасъ знахарку, а тѣмъ временемъ Оля китайскаго зелья вамъ нацѣдитъ. Да романеи убухайте туда побольше,— пользительнѣйшее средство, доложу вамъ, добавилъ онъ выходя.

Не успѣлъ онъ удалиться, какъ словоохотливая супруга снова принялась за прерванный разсказъ поповны, вставляя разные вопросы и ободрительныя увѣренія что предстоящая операція обойдется благополучно, и что черезъ какую-нибудь недѣлю я буду въ состояніи продолжать свой путь.

— Какъ недѣлю? испуганно вскрикнулъ я, — да мнѣ завтра же необходимо быть на мѣстѣ, чтобы приняться за возложенное на меня слѣдствіе.

— Это быть-можетъ ваше дѣло, а наше—не выпустить васъ до полнаго выздоровленія. Я зорче всякаго тюремщика за вами смотрѣть буду, а коль моихъ старыхъ глазъ не хватитъ, такъ вотъ и молодые подспорье окажутъ.

При этихъ словахъ она оглянулась на скрипнувшую дверь, въ которой появилось, съ подносомъ въ рукахъ, самое восхитительное созданіе когда-либо мною видѣнное.

Это была дѣвушка, лѣтъ семнадцати на видъ, высокая, стройная, съ тонкими, точно изваянными чертами. Большіе, темно-синіе глаза казались почти черными изъ-подъ длинныхъ пушистыхъ рѣсницъ, составляя рѣзкій контрастъ съ чудными волнистыми волосами пепельнаго цвѣта, заплетенными на двѣ косы, достигавшія самыхъ колѣнъ. На ней было сѣрое шерстяное платье простаго покроя, но оно словно заимствовало ея обаятельной граціи. Врожденное изящество, въ этой незатѣйливой, деревенской средѣ, невольно поражало.

— Простите, что вамъ пришлось подождать немного, обратилась она ко мнѣ груднымъ мелодичнымъ голосомъ. — Замѣшкались тамъ съ самоваромъ.

При видѣ ея необычайной красоты, я до того растерялся, что не съумѣлъ даже и поблагодарить какъ слѣдуетъ.

— Все-ли я принесла, мамочка? освѣдомилась она у Екатерины Александровны.—Такъ и есть, главнаго не захватила,—папашинъ ромъ, а онъ еще такъ настаивалъ передъ уходомъ.

— Ради Бога, не трудитесь. Я его никогда не пью.

— Охотно вѣрю вамъ, но онъ вамъ предписанъ въ видѣ лѣкарства, должно покориться, засмѣялась она, и два ряда чудныхъ, ровныхъ зубовъ сверкнули ослѣпительной бѣлизною.— Къ тому же, у насъ военная дисциплина заведена; она ослушниковъ не терпитъ. Да, и въ самомъ дѣлѣ, вамъ слѣдуетъ подкрѣпиться; вы такъ блѣдны, что просто жаль на васъ смотрѣть,—и ея бархатный взоръ остановился на мнѣ съ выраженіемъ неподдѣльнаго участія.—Смотрите же, не смѣйте пить чай до моего возвращенія.

И она мигомъ скрылась за дверью.

— Экая красавица! невольно вырвалось у меня.

Но тутъ же сообразивъ всю неприличность этого восклицанія въ присутствіи ея матери, я неистово покраснѣлъ.

— Развѣ вы находите? недоумѣваючи спросила она.

— Истинный восторгъ вызвалъ во мнѣ неумѣстную откровенность, въ чемъ я и каюсь, но она тѣмъ извинительнѣе, что я первый разъ въ жизни вижу такое совершенство. Мнѣ все казалось что Мурильевская Мадонна сошла съ полотна и предо мной стоитъ. Все это, конечно, вамъ не впервые слышать...

— А отъ кого бы, позвольте спросить? Сосѣдей у насъ почти что нѣтъ, да и тѣ по домамъ предпочитаютъ сидѣть. Уѣздный городъ далекъ, сами знаете. Много раза два въ году за покупками навѣдаемся. Материнское же сердце не судья; свое дѣтище всегда пригожимъ кажется, а ими Богъ меня не обидѣлъ—цѣлыхъ девять вынянчила!

— Ваша дочь воспитывалась дома? полюбопытствовалъ я.

— Вотъ ужъ кстати сказать: вездѣ понемногу. Андрей Васильевичъ всего три года что въ отставку вышелъ, и такъ-то онъ пристрастился къ своей военной службѣ, что, кажись, вѣкъ не разстался бы, да такой казусъ вышелъ. Назначили намъ полковаго командира гвардейскаго, такого гордеца что и не приведи Богъ, не подступайся къ нему. Принялся онъ все ломать; требуетъ чтобы все на петербургскую ногу, а кто ему перечить отважится, тому и житья нѣтъ. А гдѣ ему въ резонъ взять, что куда нашимъ армейскимъ карманамъ за гусарскими тамъ или кавалергардскими тягаться. Мы, сравнительно, еще изъ достаточныхъ были, а и то не въ моготу. Вывелъ онъ „моего“ изъ терпѣнія и подмахни онъ прошеніе объ увольненіи, благо незадолго передъ тѣмъ бездѣтный дядя ему это имѣньице по себѣ оставилъ. А ужъ я-то возликовала! на старости лѣтъ хоть попробовать осѣдлой жизни, вѣдь это моя завѣтная мечта сбывалась. Исколесили же мы матушку Россію изъ конца въ конецъ! Только что пообзаведешься да обживешься на мѣстѣ—маршъ. До новой дислокаціи войскъ, сидя въ кабинетѣ, кто-нибудь да додумался, а мы отдувайся своими пожитками. Вѣдь не все же потащишь съ собой. И съ какимъ только людомъ не приходилось якшаться! Съ жидами въ Польшѣ, съ татарами на Югѣ, на мордву даже—и на ту наглядѣться успѣла, а дѣточки тѣмъ временемъ подростаютъ да прибываютъ. Ужъ на-что я выносливая да веселая родилась, а и то зачастую разведу руками да и всплакну съ горя да заботы. Андрей Васильевичъ расхаживаетъ по комнатѣ, трубкой затягивается да сердито ворчитъ: „Начальство лучше насъ съ тобой знаетъ; не нашего ума дѣло“. Ну такъ вотъ, коль судьба насъ ткнетъ въ городокъ изрядный, дѣтямъ-то и есть гдѣ учиться. Школа, напослѣдокъ гимназіи даже для дѣвочекъ заводиться стали; а коль закинетъ въ деревушку какую—шабашъ наука. Священническими, даже дьяконскими уроками пробавлялись бывало, или я сама улучу свободную минуту,—а гдѣ ихъ наклюнется, когда все мелюзга на рукахъ. Омыть, обшить, одѣть, голова-то и кругомъ пойдетъ. А не повѣрите какъ жаль, дѣтки-то смышленыя да и охоту къ занятіямъ имѣли. Старшій мой теперь въ Тверскомъ юнкерскомъ училищѣ курсъ кончаетъ, а Оленька, что сейчасъ видѣли—эта вторая. Одно только меня и страшило въ деревенской

Средневѣковыя майскія празднества во Флоренціи. Картина Ж. Вагреца, грав. Веберъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. „Живопись“.
Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“) грав. Флюгель.

жизни что образованію ея предѣлъ, а ей всего еще тринадцать лѣтъ минуло. Ну да Богъ помогъ. Сестра Андрея Васильевича замужемъ была въ Петербургѣ, за чиновнымъ лицомъ; бездѣтная и крестная ей притомъ. Она и вызвалась взять ее къ себѣ для окончанія воспитанія; иначе отецъ ни за что бы не отпустилъ; а вернулась она къ намъ раньше срока. Тетушка приказала долго жить прошлой зимой, а ей не статочное дѣло оставаться болѣе на чужихъ людяхъ. Да вотъ и она сама, довершила свой разсказъ болтливая Екатерина Александровна.

Вскорѣ появился самъ маіоръ въ сопровожденіи мѣстной знаменитости, которая, послѣ тщательнаго осмотра поврежденій, немедленно приступила къ дѣлу.

Ея загорѣлое, но сосредоточенное и умное лицо мгновенно разсѣяло гнѣздившееся во мнѣ недовѣріе, и не вдаваясь въ лишенныя всякаго интереса подробности, скажу только, что по опыту могу любому хирургу рекомендовать способъ ея лѣченія. Я одну секунду только почувствовалъ страшную боль, потомъ что-то хрустнуло и послѣдовало немедленное облегченіе.

Она вытерла потомъ всю руку маслянистою жидкостью, отдававшею крѣпкимъ и довольно непріятнымъ запахомъ, забинтовала длинной полотняной полосой, поданной тонкими пальцами Ольги Андреевны, подвязала ее платкомъ, и самодовольно оглядѣвъ законченную работу, выговорила съ достоинствомъ патентованнаго эскулапа:

— Не сумлѣвайся, родимый, завтра встанешь что встрепанный; но еще денекъ обождать слѣдъ. Потомъ въ путь дороженьку соберись съ Богомъ; ну, а теперь соснуть тебѣ пора.

И отвѣсивъ кругомъ низкій поклонъ, она вышла изъ комнаты въ сопровожденіи Ольги, таинственно ей что-то шептавшей.

(Продолженіе будетъ).

Лондонская желѣзнодорожная разсчетная контора (Railway clearing house).

Переводъ очерка **Отто Вальдау.**

Нашъ вѣкъ такъ избалованъ различнаго рода удобствами передвиженій, что намъ и въ голову не приходитъ думать о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено на практикѣ учрежденіе прямыхъ сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ, напримѣръ, выдавая билеты изъ Парижа или Лондона въ Константинополь, черезъ Вѣну и Софію, необходимо принимать въ разсчетъ плату различнымъ частнымъ обществамъ и государствамъ, по линіямъ которыхъ проѣзжаютъ пассажиры; приходится распредѣлять процентное участіе каждой дороги и сумму сбора, взимаемаго на станціяхъ, принадлежащихъ одновременно различнымъ линіямъ. Наконецъ произведенный разсчетъ долженъ пройти чрезъ многократный контроль, прежде чѣмъ получится конечный результатъ, а именно: что общество X имѣетъ получить извѣстную сумму съ правительственной дороги B, за которой въ свою очередь числится долгъ линіи A. Въ Германіи и Австріи разсчетъ сравнительно проще, потому что большинство дорогъ принадлежитъ государству или крупнымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ. Гораздо запутаннѣе отчетность британскихъ дорогъ, составляющихъ, всѣ безъ исключенія, собственность частныхъ предпринимателей (мелкихъ). Но англичане обладаютъ особымъ талантомъ къ упрощенію дѣловыхъ сношеній и распредѣленію труда,—талантомъ, которому они въ значительной степени обязаны своими успѣхами въ области торговли. Въ то время какъ другія государства производили торговые платежи звонкой монетой или банковыми билетами,—обычай, сохранившійся во многихъ странахъ и до сихъ поръ,—Англія создала систему чековъ, благодаря которой, съ одной стороны, устраняется кропотливый счетъ денегъ и связанный съ нимъ рискъ, съ другой — привлекаются къ обороту многомилліонные капиталы, которые иначе оставались бы безъ движенія. При дальнѣйшемъ развитіи ежедневныхъ торговыхъ сношеній между банками и крупными торговыми домами, оказались уже затруднительными и платежи чеками, почему, какъ извѣстно, была учреждена „Банкирская разсчетная контора“ (Banker's clearing house), ведущая въ настоящее время разсчетъ между банками всего Соединеннаго королевства. Дѣла этого учрежденія достигли съ теченіемъ времени громаднаго развитія, колеблясь ежегодно между 6.000.000.000 и 7.000.000.000 фунтовъ стерл. или ста двадцатью и ста сорока тысячами милліоновъ марокъ (отъ 60.000.000.000 до 70.000.000.000 рублей). Система разсчетовъ оказалась настолько удобна, что нашла примѣненіе и въ отчетности желѣзныхъ дорогъ, когда послѣднія получили бо̀льшее развитіе. Лондонская разсчетная желѣзнодорожная контора основана въ 1842 году при сравнительно скромныхъ условіяхъ и обнимала въ началѣ лишь девять компаній. Впрочемъ и тѣ вскорѣ прекратили свое существованіе и были поглощены болѣе крупными обществами. Но, съ постройкой новыхъ мѣстныхъ и параллельныхъ путей, веденіе разсчетовъ между компаніями до такой степени осложнилось, что упрощеніе счетоводства сдѣлалось настоятельною необходимостью, какъ въ интересахъ дорогъ, такъ и въ интересахъ населенія. Потребность эта чувствовалась уже во времена почтовыхъ сообщеній, такъ какъ почтовые экипажи также принадлежали отдѣльнымъ предпринимателямъ и поддерживали сообщенія на ограниченныхъ разстояніяхъ. На пути между Лондономъ и Эдинбургомъ, сборъ дѣлился между двѣнадцатью почто-содержателями, изъ которыхъ каждый имѣлъ долю не только въ перевозкѣ пассажировъ и товаровъ, но и въ платѣ отъ правительства за доставку почты. Какъ ничтожна была тогда корреспонденція можно судить по одному изъ произведеній Вальтеръ-Скотта, въ которомъ упоминается, что лондонская почта привозилась въ столицу Шотландіи въ маленькой тележкѣ и состояла нерѣдко изъ... одного письма. Тѣмъ не менѣе почто-содержатели имѣли свою разсчетную контору въ Лондонѣ, которая опредѣляла сумму сбора, причитающагося каждому изъ общей кассы. По примѣру этой конторы, а также прототипу ея — Banker's clearing house — основана была желѣзнодорожная разсчетная контора, которая черезъ три года послѣ своего основанія (1845 г.) насчитывала уже шестнадцать компаній, линіи коихъ имѣли однако протяженіе не свыше 656 англ. миль. Интересно прослѣдить, насколько тогдашнее движеніе отличалось отъ нынѣшняго. Въ 1845 г. по желѣзнымъ дорогамъ было перевезено круглымъ числомъ 517,888 пассажировъ, изъ коихъ 235,000 пользовались первымъ классомъ, 215,000 вторымъ, остальные третьимъ классомъ, т. е., изъ общаго числа только 13% ѣхало въ болѣе дешевомъ классѣ, тогда какъ теперь число пассажировъ третьяго класса достигаетъ 90%. Къ тому же, существовало обыкновеніе у богатыхъ людей, въ отличіе отъ массы путешествующихъ, возить съ собою экипажъ и лошадей, для того чтобы съ конечной станціи продолжать путь en grand seigneur. Это дорогое удовольствіе было повидимому довольно распространено, такъ какъ небольшое сравнительно количество желѣзныхъ дорогъ обладало почтенной цыфрой 7,573 конскихъ вагоновъ.

Разсчетная контора уже тогда зарекомендовала себя быстрымъ и справедливымъ распредѣленіемъ суммъ между компаніями. Тѣмъ не менѣе не было недостатка въ жалобахъ; бывали случаи, что одна дорога пользовалась, безъ предварительнаго заявленія, вагонами другой, а служащіе въ разсчетной конторѣ не замѣчали такого злоупотребленія. Съ теченіемъ времени контора побудила желѣзнодорожныя правленія ввести однообразную систему счетоводства, безъ чего контроль былъ немыслимъ. Для производства всей этой запутанной работы, контора раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, которыя въ свою очередь распадаются на нѣсколько подъ-отдѣленій, имѣющихъ каждое своего непосредственнаго начальника. Главные департаменты слѣдующіе: пассажирскаго движенія, товарнаго, департаментъ протяженій, посылокъ, утеряннаго багажа, пенсіонной кассы, призрѣнія служащихъ, департаментъ сбереженій и т. д. Весь персоналъ служащихъ достигаетъ 1,500 человѣкъ слишкомъ. По первому департаменту—*пассажирскаго движенія*, сравнительно легче производить контроль и распредѣлять полученные сборы между различными обществами, которыя ежемѣсячно доставляютъ конторѣ свѣдѣнія о проданныхъ билетахъ, по своимъ и чужимъ дорогамъ. Такъ какъ англійскія желѣзныя дороги имѣютъ болѣе 18,000 станцій и большинство изъ нихъ выдаетъ билеты прямаго сообщенія, то разсчетная контора вѣдаетъ лишь билеты продаваемые на конечныхъ станціяхъ, оставляя надзоръ за остальными дорожнымъ контролерамъ, которые доставляютъ свѣдѣнія *en bloc* центральному учрежденію. Ни въ одной странѣ путешествія не обставлены такими удобствами и не производятся въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Англіи, гдѣ дороги перевозятъ въ годъ до 750 милліоновъ лицъ, что составляетъ до двадцати поѣздовъ на человѣка. Такъ какъ огромное большинство пассажировъ проѣзжаетъ короткія разстоянія, то на каждаго приходится среднимъ числомъ не болѣе 70 пфенниговъ, что однако составляетъ общую почтенную сумму въ 500 милліоновъ марокъ. Обстоятельства упрощающія распредѣленіе огромной суммы сбора за проѣздъ пассажировъ заключаются въ томъ, что здѣсь платежъ производится наличными деньгами, между тѣмъ какъ при товарномъ движеніи неизбѣжно допустить нѣкоторый кредитъ. Подробное разсмотрѣніе сложныхъ отчетовъ, происходящихъ отъ того, что пассажиръ съ однимъ билетомъ ѣдетъ по нѣсколькимъ дорогамъ, завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ, чтобы иллюстрировать всю запутанность разсчетовъ. Дорога отъ Манчестера до Карлейля—587 миль—принадлежитъ одиннадцати компаніямъ, на долю каждой изъ коихъ приходится: 122, 102, 92, 76, 53, 50, 49, 24, 17, 1 и 1 миля. Разсчетъ, конечно, упрощается употребленіемъ вспомогательныхъ книгъ, составленныхъ исключительно для разсчетной конторы; но такъ какъ для окончательнаго утвержденія счетовъ требуется предварительный контроль, то необходимо содержать вдвое болѣе служащихъ, чѣмъ требовалось бы для первоначальнаго разсчета. Второй департаментъ—*товарнаго движенія*,

гораздо труднѣе было подчинить условіямъ центральнаго контрольнаго бюро. Пассажиръ, будь онъ тяжелѣе или легче, платитъ одну и ту же сумму за проѣздъ, и за исключеніемъ „увеселительныхъ поѣздокъ“ и сбора съ лицъ, служащихъ на желѣзной дорогѣ,—для которыхъ существуетъ особый тарифъ,—плата за пассажировъ разнится только по классамъ. При перевозкѣ же товаровъ, являются различные тарифы, смотря по роду товаровъ, по способу доставки (пассажирскимъ или товарнымъ поѣздомъ) и вѣсу товаровъ. Но самую трудную задачу представляютъ вагоны, которые съ одной системы дорогъ безпрепятственно переходятъ на другую и за пользованіе которыми каждое общество должно платить извѣстную сумму съ мили. Разсчетная контора нашла однако практическій путь контролированія вагоновъ и достигла такихъ результатовъ, что разсчеты ея никогда не подаютъ повода къ пререканіямъ. Контрольный чиновникъ, имѣющій вездѣ свободный доступъ, осматриваетъ каждый поѣздъ передъ выходомъ его со станціи отправленія; отмѣчаетъ №№ вагоновъ вмѣстѣ съ именемъ владѣльца, мѣсто назначенія и количество груза, и обозначивъ всѣ эти свѣдѣнія на каждомъ вагонѣ, ежедневно посылаетъ донесенія о нихъ въ главную контору. Въ виду того что товарные поѣзда останавливаются также на промежуточныхъ станціяхъ, гдѣ вагоны частью отцѣпляются, частью прицѣпляются новые, такія записи производятся на всѣхъ подобныхъ пунктахъ. Полученныя въ Лондонѣ донесенія сравниваются между собой и, если они согласуются—вносятся въ соотвѣтственныя книги. Контроль этотъ настолько удобенъ, что разсчетная контора можетъ всегда дать свѣдѣнія о томъ, напримѣръ, гдѣ находится въ данную минуту вагонъ № 0, принадлежащій X дорогѣ, или сколько миль и по какой дорогѣ прошелъ такой-то вагонъ наканунѣ и т. п. При разсчетѣ прибыли, причитающейся каждому обществу за перевозку товаровъ, являются еще и другія соображенія, а именно: той станціи, на которой производится нагрузка, причитается особое вознагражденіе, точно такъ же, какъ за временное храненіе товаровъ и, наконецъ, за убытки, вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, поврежденій и т. п. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ руководствуются числомъ миль, сдѣланныхъ по каждой дорогѣ. Разсчетная контора строго слѣдитъ за правильностью разсчетовъ между дорогами и составляетъ самую лучшую желѣзнодорожную полицію, не допускающую фальшиваго объявленія вѣса при перевозкѣ товаровъ.

Третій департаментъ вѣдаетъ *протяженія* пройденныя каждымъ локомотивомъ и вагономъ по той или другой дорогѣ. Въ 1887 г. (за 1888 г. еще не собраны статистическія свѣдѣнія) находились въ движеніи на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ: 13,000 локомотивовъ, 34,000 пассажирскихъ вагоновъ, 469,000 багажныхъ, 13,000 почтовыхъ и различныхъ наименованій вагоновъ, всего 529,000 вагоновъ, сдѣлавшихъ 277.000,000 миль. Разстояніе это такъ велико, что равняется 11,000 кругосвѣтныхъ путешествій или, иначе сказать, превышаетъ втрое удаленіе солнца отъ земли. Средняя дѣятельность каждаго локомотива выражалась въ передвиженіи 30 вагоновъ на 18,000 миль протяженія. Все это огромное движеніе регулируется при помощи 300 чиновниковъ занимающихся въ департаментѣ протяженій. Счетоводство, котораго требуетъ эта система, настолько сложно, что отдѣльныя статьи (суммы) платежей, заносимыхъ за пользованіе подвижными составами другихъ дорогъ, достигали въ отчетномъ году 24.000,000. Система нумераціи, слѣдящая за движеніемъ каждаго вагона, дѣйствуетъ съ точностью часоваго механизма. Контролеры, на обязанности которыхъ лежитъ провѣрять всѣ вагоны и дѣлать ежедневно массу записей, пользуются для сбереженія времени особаго рода стенографическими знаками, состоящими изъ точекъ и тире, различно располагаемыхъ, какъ напримѣръ: . :⋯ или ..√ ∖— и т. д.

Доставленіе посылокъ составляетъ также весьма существенный отдѣлъ желѣзнодорожнаго движенія, потому что англійскія почтовыя конторы принимаютъ только извѣстные предметы, и то съ ограниченіемъ до 11 фунтовъ вѣса и 3½ футовъ длины. Всѣ посылаемыя по желѣзнымъ дорогамъ посылки отправляются пассажирскими поѣздами, такъ что на долю послѣднихъ, кромѣ 750.000,000 пассажировъ и почты, приходятся еще всѣ посылки, лошади и экипажи. Сборъ за доставку посылокъ достигаетъ 65.000,000, а за почту 11.000,000 марокъ въ годъ. Хотя это правило кажется на первый взглядъ очень выгоднымъ для желѣзнодорожныхъ обществъ, однако надо принять въ соображеніе, что одна доставка 34.000,000 почтовыхъ отправленій по адресамъ обходится не дешево; кромѣ того, нѣкоторые предметы, какъ напримѣръ: рыба, овощи, фрукты, подъ страхомъ значительныхъ штрафовъ, должны быть доставляемы адресатамъ въ извѣстные часы, что на практикѣ неминуемо требуетъ особыхъ расходовъ. Разсчетная контора употребляетъ на веденіе этого отдѣла 200 чиновниковъ, достигшихъ въ своемъ дѣлѣ такого навыка, что ошибки или недосмотры составляютъ рѣдкія исключенія. Въ извѣстныя времена года, въ особенности передъ Рождественскими праздниками, посылки накопляются въ громадномъ количествѣ, и здѣсь ясно выказывается вся методичность дѣйствій конторы, которая умѣетъ выпутаться изъ хаоса предметовъ, наводняющихъ почтовыя конторы и желѣзнодорожныя станціи. Большинство крупныхъ торговыхъ домовъ, акціонерныхъ обществъ, общественныхъ учрежденій и т. д., имѣютъ текущіе счета съ разсчетной конторой, задача которой вслѣдствіе этого еще болѣе осложняется. Здѣсь продолжаетъ дѣйствовать кредитная система, потому что потеря времени, связанная съ пріемомъ денегъ отъ отправителей, была бы значительнѣе, чѣмъ трудъ и рискъ, связанные со счетоводствомъ. Департаментъ *утеряннаго пассажирскаго багажа* гораздо обширнѣе, чѣмъ могъ бы быть при большей осторожности со стороны самой путешествующей публики. А между тѣмъ парламентскій актъ, возлагающій отвѣтственность за собственность пассажировъ на желѣзнодорожныя правленія, настолько строгъ, что ведетъ къ различнымъ злоупотребленіямъ, а именно: нѣкоторыя лица дѣлаютъ себѣ профессію изъ того, что заявляютъ о потерѣ багажа и требуютъ вознагражденія за вещи, которыя никогда имъ не принадлежали. Хотя большинство подобныхъ попытокъ не ведетъ ни къ чему, но иногда онѣ и удаются, благодаря существующему въ Англіи обычаю не выдавать квитанцій на пассажирскій багажъ. Число найденныхъ и сданныхъ въ разсчетную контору пассажирскихъ вещей выражалось въ 1887 году цифрой 67,113; въ этомъ числѣ находились: 14,000 чемодановъ и сундуковъ, 5,304 дорожныхъ сумокъ, 9,000 кожаныхъ и холщевыхъ мѣшковъ, 13,500 зонтиковъ, 10,000 предметовъ верхней одежды, 3,500 бумажниковъ съ деньгами и векселями, золотыя вещи, кошельки и др. предметы. Лишь незначительная часть всего этого имущества требуется владѣльцами обратно; все остальное продается съ аукціона въ пользу обществъ.

Организаторскій талантъ разсчетной конторы перешелъ и къ ея служащимъ, что видно изъ значительныхъ суммъ, собранныхъ послѣдними на основаніе различныхъ кассъ: пенсіонной, больничной и призрѣнія. Контора покровительствуетъ такому стремленію своихъ чиновниковъ, жертвуя изъ собственныхъ фондовъ суммы, равныя взносамъ изъ средствъ служащихъ. Призрѣніе служащихъ организовано по образцу крупныхъ лондонскихъ кооперативныхъ ассоціацій и сохраняетъ персоналу много издержекъ, снабжая его напр. обѣдами за половинную цѣну, сравнительно съ ресторанами. Этотъ департаментъ представляетъ собою миніатюрное акціонерное общество, приносящее однако хорошій доходъ; изъ годоваго сбора въ 190,000 марокъ остается чистой прибыли 11,500 марокъ, изъ которыхъ выплачивается по 10% дивиденда. То же самое можно сказать и относительно литературнаго клуба, который принесъ значительную прибыль, хотя участники пользуются такими удобствами, какихъ они нигдѣ не могли бы имѣть. Изъ другихъ учрежденій, созданныхъ служащими для взаимнаго вспоможенія, занимаетъ выдающееся мѣсто сберегательная касса, приносящая своимъ сочленамъ 4% въ годъ. Изо всего вышесказаннаго явствуетъ, что „контора“ хорошо вознаграждаетъ своихъ служащихъ, для чего необходимъ конечно соотвѣтственный приходъ. Желѣзнодорожныя общества несутъ расходы соразмѣрно протяженію линій, а такъ какъ валовой сборъ достигаетъ 1.300.000,000 марокъ въ годъ, то содержаніе разсчетной конторы не составляетъ ощутительнаго бремени. Учрежденіе это является для дорогъ самымъ дешевымъ надежнымъ контролемъ и представляетъ ту выгоду, что всѣ члены подчиняются безпрекословно его распоряженіямъ. Также благодаря конторѣ, на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ могла быть введена однообразная система, безъ которой столько конкурирующихъ обществъ врядъ ли могли бы процвѣтать на ограниченномъ пространствѣ Соединеннаго королевства. Контора помѣщается близь самыхъ станцій Юстонъ и Кингсъ-Кроссъ и вблизи университета. Какъ въ большинствѣ англійскихъ общественныхъ зданій, внѣшній видъ конторы крайне непредставителенъ; но тѣмъ удобнѣе и цѣлесообразнѣе ея внутреннее устройство. Кромѣ обширныхъ помѣщеній для служащихъ, имѣется нѣсколько въ высшей степени элегантныхъ салоновъ для директоровъ желѣзнодорожныхъ правленій, которые ежедневно собираются здѣсь для рѣшенія тарифныхъ вопросовъ и обсужденія другихъ общихъ интересовъ. Охраняемая парламентскими постановленіями, контора съ теченіемъ времени пріобрѣла такой неограниченный авторитетъ, что ея рѣшенія признаются повсемѣстно за окончательныя и никогда еще не подавали повода къ судебнымъ разбирательствамъ. „Контора“ составляетъ государство въ государствѣ, имѣющее собственную администрацію и поддерживающее миръ между многочисленными желѣзнодорожными компаніями, между которыми иначе неминуемо являлись бы постоянныя пререканія. (с.)

Къ рисункамъ.

Чужой!.. (Рис. на стр. 525).

Премиленькій жанръ изъ жизни животныхъ. Въ отсутствіе хозяина квартиры, за дверью раздаются шаги и кто-то пытается повернуть ручку замка. Оба сторожа встревожены. Тонкимъ собачьимъ чутьемъ они безошибочно заслышали *чужаго*.

Но громадный водолазъ, увѣренный въ своей силѣ, лишь съ любопытствомъ воззрился въ дверь, спокойно ожидая послѣдствій, тогда какъ маленькій пинчеръ очевидно струсилъ до крайности: хвостъ у него поджатъ, уши насторожены и весь онъ дрожитъ отъ страху, припадая на лапки...

Череменецкій Іоанно-Богословскій монастырь.

(Рис. на стр. 528).

Въ 20 верстахъ отъ города Луги, среди прелестнаго озера, на прежнемъ островѣ, а теперь полу-островѣ, на холмѣ чрезвычайно живописно расположенъ Череменецкій монастырь, снимокъ съ котораго мы прилагаемъ.

Когда именно возникъ монастырь, точныхъ свѣдѣній не имѣется, но устное мѣстное преданіе гласитъ, что въ царствованіе Іоанна Васильевича III, въ 1478 г. на островѣ, на которомъ стоитъ теперь монастырь, въ деревнѣ Русына, крестьянину Мокію явилась икона Св. Апостола и Евангелиста Іоанна. Великій князь, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ основать монастырь во имя Святаго, а въ документахъ хранящихся въ монастырѣ, онъ не разъ названъ *изстари* существующимъ. Въ концѣ XVI вѣка монастырь подвергся нашествію литовцевъ и былъ сожженъ, монахи частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ; уцѣлѣли два старца и черный попъ; по всей вѣроятности уцѣлѣла и церковь, такъ какъ, по удаленіи непріятеля, богослуженіе было возстановлено.

Длина Череменецкаго озера 13 верстъ, глубина отъ 3 до 12 арш.; оно изобилуетъ рыбою. Видъ на монастырь, со всѣми его постройками, замѣчательно красивъ, хотя вслѣдствіе разныхъ пристроекъ и перестроекъ онъ совершенно утратилъ свою древнюю внѣшность. Вокругъ церквей на холмѣ расположены небольшое кладбище, нѣсколько построекъ и гостинница для пріѣзжающихъ. Кромѣ нѣсколькихъ интересныхъ иконъ въ соборѣ, въ монастырской библіотекѣ хранятся: библія Острожскаго изданія 1581 г. и древній синодикъ съ 33 гравюрами, сдѣланными довольно грубо, купленный, какъ гласитъ надпись, въ Москвѣ и пожертвованный монастырю „въ 1759 г. 1 іюля служителемъ господина Исаковича-Неплюева“.

Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (по поводу 100-й годовщины рожденія). Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Воскресенье въ деревнѣ. (Рис. на стр. 529).

Большой холстъ профессора Дмитріева-Оренбургскаго изображаетъ воскресный день въ богатомъ торговомъ селѣ на берегу судоходной рѣки. На выгонѣ передъ избами, крытыми тесомъ и обнесенными дощатымъ заборомъ, въ яркихъ лучахъ лѣтняго солнца, собралась празднично нарядная толпа разгуляться на праздникѣ. Въ тѣни березки, окруженный дѣвушками и молодухами, усѣлся парень съ гармоникой, подъ которую пляшетъ красивая пара въ центрѣ картины. Въ толпѣ окружившихъ ее зрителей, старый подвыпившій мужичонко не вытерпѣлъ подъ забористые звуки гармоники и тоже пускается въ плясъ, таща за собой и старуху-жену, которая съ негодованіемъ отсовываетъ его, къ общей потѣхѣ... На заднемъ планѣ, въ правомъ углу, пришедшій на побывку солдатикъ, молодецки покручивая усъ, пріударяетъ за мѣстными аристократками, по всему вѣроятію дочками старосты или писаря... Старый и малый — все высыпало на улицу...

Вѣстники весны. (Рис. на стр. 533).

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ растопляющимъ ледъ
Солнце теплое ходитъ высоко
И душистаго ландыша ждетъ...
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
„Весна идетъ, весна идетъ,
„Мы молодой весны гонцы,
„Она насъ выслала впередъ!“

Фетъ. Тютчевъ.

Средневѣковыя майскія торжества во Флоренціи.

(Рис. на стр. 536).

Между всѣми народцами Италіи, флорентинцы славились и донынѣ славятся особенною любовью къ празднествамъ. Празднованіе Мая въ Тосканѣ держалось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Молодые крестьяне сажали передъ домомъ своей возлюбленной майское дерево, увѣшанное вѣнками, апельсинами и конфетами, затѣвали вокругъ него танцы и пѣли майскія пѣсни, между тѣмъ какъ городская молодежь обоего пола выходила за городскія ворота въ торжественныхъ процессіяхъ, съ вѣнками на головахъ и цвѣтущими вѣтвями въ рукахъ, дабы отпраздновать возвращеніе весны всевозможными играми и увеселеніями.

Одна изъ такихъ игръ изображена на прилагаемомъ рисункѣ. Дѣйствіе происходитъ при дворѣ Любви. На старинной площади у воротъ alla Croce собралась молодежь въ праздничныхъ нарядахъ. Всюду гирлянды цвѣтовъ и пестрыя знамена. Красивый юноша на первомъ планѣ, принадлежащій къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ флорентійской знати, такъ какъ на рукавѣ его богатаго платья вышитъ гербъ Ручеллаи, подаетъ первой красавицѣ лилію, символъ красоты и чистоты, а также и города Флоренціи, такъ что этотъ призъ имѣетъ двойное значеніе. Улыбающіяся подруги повидимому безъ зависти одобряютъ выборъ, между тѣмъ какъ трубные звуки далеко разносятъ славу прекраснѣйшей лиліи въ долинѣ Арно.

На такомъ торжествѣ девятилѣтній Дантъ впервые увидѣлъ свою Беатриче.

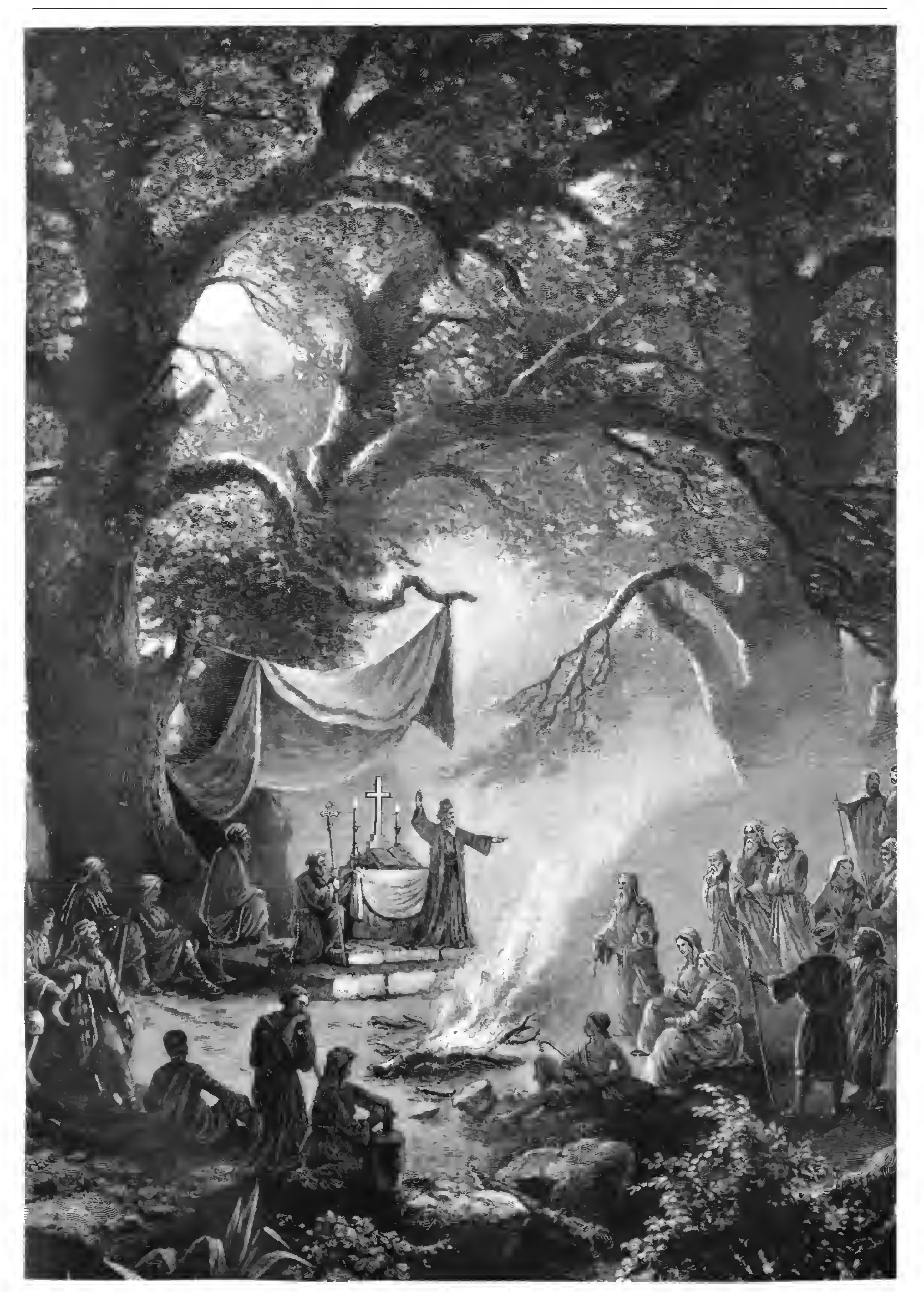
Панно проф. Маковскаго. „Живопись“.

(Рис. на стр. 537).

Европейская живопись, по преданіямъ, обязана своимъ возникновеніемъ дочери горшечника изъ Коринѳа, Дибутада. Замѣтивъ на освѣщенной солнцемъ стѣнѣ тѣнь своего возлюбленнаго, она обвела профиль его головы углемъ, и получился первый силуэтъ. Впослѣдствіи нерѣдко прибѣгали къ подобному пріему и, между прочимъ, Клеантъ, изъ того-же города Коринѳа, былъ извѣстенъ въ древности своимъ искусствомъ рисовать по тѣни. Панно профессора К. Е. Маковскаго изображаетъ сцену, какъ молодой пастухъ собирается увѣковѣчить на камнѣ черты своей подруги.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій. (Портр. на этой стр.).

Недавно исполнилась сотая годовщина рожденія Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго, извѣстнаго своими трудами по русской исторіи, знатока XVIII вѣка, и весьма дѣятельнаго администратора. Первый по времени біографъ „достопамятныхъ людей“ нашего отечества, онъ всю жизнь неутомимо собиралъ матеріалы для жизнеописаній и оставилъ намъ замѣчательные труды, которые и до сихъ поръ не устарѣли и служатъ, во многихъ отношеніяхъ, единственнымъ источникомъ при занятіяхъ русской исторіей и литературой. Его „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“, вышедшій въ восьми томахъ и заключающій въ себѣ болѣе шестисотъ біографій лицъ болѣе или менѣе прославившихся на разныхъ поприщахъ, — представляетъ поистинѣ капитальный трудъ для тогдашняго времени, исполненный однимъ человѣкомъ безъ вся-

Маронитская проповѣдь подъ кедрами Ливана. Съ картины А. Ригера, грав. Клоссъ.

кихъ сотрудниковъ и притомъ весьма обстоятельно,—трудъ, говорящій о глубокой любви его автора къ родинѣ и къ ея исторіи. Его заботливостью перейдутъ въ исторію многія имена и событія, которыя безъ его участія остались бы во мракѣ забвенія. Онъ съ честью послужилъ родинѣ не только какъ литературный труженикъ, но и какъ прекрасный, честный, просвѣщенный администраторъ. Такъ, напримѣръ, въ сравнительно короткое время управленія своего Тобольскою губерніей, онъ привелъ въ отличное состояніе Тобольскъ, его казармы, больницы, освѣщеніе, тюремный за̀мокъ, улучшилъ бытъ пересыльныхъ и ссыльныхъ, довершилъ устройство двухъ казацкихъ полковъ—русскаго и татарскаго, ввелъ во многихъ мѣстахъ разведеніе картофеля и выдѣлку холста изъ крапивы, значительно увеличилъ городскіе доходы, не обременяя жителей налогами, умѣлъ убѣдить дикое племя вогуловъ отмѣнить „калымъ" (т. е. обычай продавать дочерей, который ранѣе мѣшалъ неимущимъ вогуламъ вступать въ бракъ), лично умиротворялъ ссорившіяся кочующія племена остяковъ и самоѣдовъ. Въ сѣверномъ краѣ губерніи появилась еще въ 1816 г. особенная болѣзнь эпидемическаго характера, и неутомимый администраторъ сдѣлалъ все для ея пресѣченія. Во время управленія другою губерніей—Виленскою, онъ соорудилъ нѣсколько военныхъ госпиталей, осушилъ не мало болотистыхъ мѣстностей въ окрестностяхъ города и вообще самъ входилъ въ нужды городскихъ обывателей, будучи доступнымъ для всѣхъ и каждаго, безъ различія сословій и состояній. Дважды бывъ губернаторомъ, онъ не оставилъ своей многочисленной семьѣ ничего, кромѣ честнаго имени.

Старинная боярская фамилія Бантышъ-Каменскихъ происходитъ изъ Молдавіи. Представитель ея, Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій приходится внукомъ знаменитому русскому сатирику Антіоху Дмитріевичу князю Кантеміру и не менѣе извѣстному архіепископу Амвросію (Зертисъ-Каменскому), павшему отъ руки мятежниковъ во время чумы въ Москвѣ. Отецъ Дмитрія Николаевича также былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей русской старины и извѣстенъ архивными изысканіями и изданіемъ многихъ книгъ по языкознанію и богословію. Нашъ историко-біографъ родился въ Москвѣ, 5 ноября 1788 года, и по обычаю тогдашняго времени еще семилѣтнимъ ребенкомъ былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Отсюда онъ былъ исключенъ, въ числѣ прочихъ малолѣтокъ, императоромъ Павломъ Петровичемъ, и въ 1800 году зачисленъ въ архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ „юнкеромъ". Мать Бантышъ-Каменскаго рано оставила его сиротою и онъ былъ отданъ отцомъ на попеченіе сенатора Теплова, его друга, въ семействѣ котораго Бантышъ-Каменскій и получилъ первоначальное воспитаніе... Дальнѣйшимъ образованіемъ онъ обязанъ отцу. Около 1810 года онъ былъ командированъ въ Сербію, причемъ имѣлъ случай обозрѣть южную Россію и всѣ мѣста на пути своего слѣдованія, чѣмъ онъ послѣ воспользовался для своихъ работъ. Благодаря вліянію отца, Бантышъ-Каменскій на литературное поприще выступилъ еще юношей; ему было всего 16 лѣтъ, когда онъ издалъ свое первое сочиненіе „Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена", выдержавшее два изданія, а затѣмъ перевелъ сочиненіе г-жи Коттенъ: „Матильда или записки, взятыя изъ исторіи Крестовыхъ походовъ", изданное три раза. За годъ до смерти отца, онъ, въ 1813 году, сталъ посѣщать лекціи въ Московскомъ университетѣ и въ томъ-же году издалъ: описаніе жизни и гибели дѣда своего Амвросія, архіепископа Московскаго, „Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе Петра Великаго"—трудъ переведенный на французскій и англійскій языки.

По смерти отца, Бантышъ-Каменскій перевелся изъ Москвы въ петербургскую Коллегію иностранныхъ дѣлъ и вскорѣ получилъ командировку заграницу. Съ блестящимъ образованіемъ, великолѣпно владѣя языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и латинскимъ, Бантышъ-Каменскій готовился уже сдѣлать дипломатическую карьеру и получилъ назначеніе въ Неаполь, въ русскую миссію, когда сложившіяся иначе обстоятельства заставили его занять мѣсто правителя канцеляріи малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина. Пребываніе на этомъ посту дало возможность нашему молодому писателю заняться исторіей Малороссіи, которую онъ издалъ, въ четырехъ частяхъ, въ 1822 и, вторично, въ 1830 году. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто гражданскаго губернатора въ Тобольскѣ, которое съ честью занималъ, съ марта 1825 по августъ 1828 года; въ 1836—1837 гг. былъ губернаторомъ виленскимъ, затѣмъ причисленъ былъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при Блудовѣ присутствовалъ въ совѣтѣ министерства, состоялъ членомъ Департамента удѣловъ, и въ 1841 году получилъ чинъ тайнаго совѣтника. Бантышъ-Каменскій скончался 25 января 1850 г. Тѣло его погребено въ Москвѣ. Кромѣ знаменитаго своего труда: „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли", вышедшаго въ 1836 и 1847 гг., Бантышъ-Каменскій издалъ: „Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію" (1810), „Жизнь Н. Н. Бантышъ-Каменскаго" (1818), „Княжна Марія Меньшикова", романъ безъ имени автора (1833), „Біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ" (1840—41), „Жизнь Мазепы" (1834), „Источники малороссійской исторіи" и проч.

П. Быковъ.

Подъ ливанскими кедрами. (Рис. на стр. 541).

Ливанъ составляетъ самую высокую часть сирійскихъ мѣловыхъ горъ и тянется параллельно берегу верстъ на 160. Издали Ливанскія горы, вслѣдствіе своего строенія въ видѣ крутыхъ, скалистыхъ уступовъ, представляются сѣровато-бѣлою стѣною очень живописнаго вида, хотя нѣсколько однообразной окраски, кое-гдѣ оживленной полосками зелени. Но это впечатлѣніе измѣняется съ приближеніемъ къ горамъ, и бѣдный издалека растительностью Ливанъ при ближайшемъ наблюденіи поражаетъ разнообразіемъ и богатствомъ своей флоры. Особенно замѣчательнымъ для туристовъ представляется знаменитый кедровый лѣсъ, у подножія крутаго Даръ-ель-Кодиба на высотѣ почти 900 саженъ. Онъ является остаткомъ тѣхъ кедровыхъ лѣсовъ, которые когда-то доставляли іудейскому царю Соломону бревна на постройку храма. Въ этомъ лѣсу и происходитъ та сцена, которую изобразилъ на своей картинѣ Альбертъ Ригеръ.

Ночью, при яркомъ сіяніи луны, монахъ совершаетъ богослуженіе среди живописно расположившихся маронитовъ. Какъ извѣстно, этимъ именемъ называется христіанская секта въ Сиріи, ведущая свое начало отъ небольшаго числа монофелитовъ, поселившихся на Ливанѣ съ 680 года, и съумѣвшая сохранить свою независимость и религіозныя убѣжденія во всѣ времена господства ислама до нашихъ дней.

Памятникъ Жанъ-Жаку Руссо. (Рис. на стр. 544).

22 января настоящаго года на площади Пантеона въ Парижѣ воздвигнута статуя Жанъ-Жаку Руссо, изображеніе которой помѣщено на стр. 544 нашего журнала. Знаменитый писатель и мыслитель родился въ Женевѣ 16 іюня 1712 года. Его отецъ, простой часовщикъ, былъ французскаго происхожденія. Предки Руссо покинули отечество во время религіозныхъ смутъ во Франціи. При самомъ рожденіи Жанъ-Жака, онъ лишился матери; въ первые годы своей жизни онъ былъ на попеченіи тетки съ материнской стороны. Бѣгство старшаго брата сдѣлало его единственнымъ сыномъ въ семьѣ. Съ дѣтства чтеніе Плутарха и рыцарскихъ романовъ придало поэтическій оттѣнокъ его воображенію, и безъ того горячему. Но протекло не мало лѣтъ, пока созрѣлъ его талантъ. Первая половина его жизни прошла въ полной неизвѣстности. Едва началось его образованіе, какъ послѣдствія одной дуэли принудили его отца покинуть Женеву. Оставленный на попеченія дяди, онъ былъ отданъ въ ученіе къ граверу. Жизнь Жака у него была не легкою. Онъ бѣжалъ. Скитаясь нѣкоторое время вокругъ Женевы, онъ нашелъ убѣжище у баронессы Варенсъ (Warens), молодой и красивой женщины, только что обращенной въ католичество. Посланный ею въ Туринъ, онъ тамъ перешелъ въ католичество, и съ тѣхъ поръ началась его скитальческая жизнь. Онъ служилъ лакеемъ, былъ учителемъ музыки, домашнимъ учителемъ, секретаремъ, переписчикомъ нотъ, жилъ во Франціи, Швейцаріи, куда бѣжалъ изъ-за своего „Эмиля", въ Англіи, откуда въ 1767 году вернулся снова во Францію, гдѣ и умеръ въ 1778 году, оставивъ по себѣ память глубокаго мыслителя и творца „Новой Элоизы", „Эмиля", „Признаній" и другихъ замѣчательныхъ произведеній.

Башня Эйфеля. (Рис. на стр. 544).

Когда разсматриваешь издали эту башню въ 300 метровъ или болѣе 140 саженъ, то она представляется легкою, граціозною, воздушною; точно сплетенная изъ металлическихъ нитей, она высится къ небу. По мѣрѣ приближенія постройка становится все массивнѣе, монументальнѣе. У подножія невольно останавливаешься пораженный громадною массою металла, собранною съ математическою точностью и являющеюся можно-сказать самымъ смѣлымъ произведеніемъ, которое когда-либо предприниало инженерное искусство. Но удивленію нѣтъ конца, когда взбираешься по лѣстницамъ внутри башни, посреди цѣлаго лѣса металлическихъ жердей, бревенъ, устоевъ, крѣпленій, перепутанныхъ самымъ фантастическимъ образомъ.

Принцъ Зеллэ-Султанъ.

(Портретъ, лично врученный въ Испагаии Е. М. Бѣлозерскому. На стр. 545).

Подъ именемъ Зеллэ-Султана, т. е. „Тѣни Султана", въ Персіи извѣстенъ старшій сынъ шаха, „шахинша", царя царей; настоящее имя его Султанъ-Масудъ-Мирза. Онъ самый популярный изъ сыновей шаха и въ настоящее время составляетъ надежду и гордость Персіи. Принцу теперь около 40 лѣтъ. Какъ ни слабо еще развита общественная и политическая жизнь современной Персіи, но трудно себѣ представить чѣмъ она была 40 лѣтъ тому назадъ: печать настоящей азіатской косности и отсталости лежала тамъ на всемъ, конечно и на воспитаніи принца. Не смотря на такія неблагопріятныя условія его дѣтства, принцъ поражаетъ путешественника своимъ свѣтлымъ умомъ, знаніемъ исторіи и политическаго положенія европейскихъ государствъ.

Въ качествѣ политическаго дѣятеля страны, принцъ начинаетъ выдвигаться только съ 1874 года, когда въ Персіи, вслѣдствіе царившаго тамъ повсюду произвола и насилія, началось

сильное броженіе среди населенія, а въ Испагани, древней столицѣ Персіи, даже вспыхнуло открытое возмущеніе, принявшее огромные размѣры. Нужно было найти подходящаго человѣка для умиротворенія края. На комъ остановиться въ столь трудное время? Шахъ выбралъ Зеллэ-Султана, тогда еще очень молодаго человѣка, и послѣ никогда не имѣлъ причины раскаиваться въ своемъ выборѣ: принцъ сразу показалъ себя хорошимъ администраторомъ съ большими государственными способностями и заговорилъ съ народомъ такимъ языкомъ, какого давно ужь не слыхали. Возстаніе быстро прекратилось, спокойствіе было водворено, безопасность обезпечена.

Принцъ энергично принялся за водвореніе порядка и излѣченіе тѣхъ многихъ язвъ, которыя постоянно растравлялись его предшественниками. Въ цѣлой Персіи до сихъ поръ еще нѣтъ точнаго закона, поэтому произволъ и насиліе царятъ въ ней еще до настоящаго времени: при распущенности и необезпеченности чиновниковъ, взяточничество практикуется въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ.

Зеллэ-Султанъ прежде всего обратилъ вниманіе на судопроизводство, учредивъ существующій до сихъ поръ Диванъ-ханэ, такое судилище, въ которомъ судъ производится въ присутствіи выборныхъ гражданъ отъ города, шейха-уль-ислямъ отъ духовенства и личнаго секретаря его высочества.

Такъ какъ во время безпорядковъ персидскіе купцы выѣхали изъ столицы, то нужно было ихъ вернуть обратно въ Испагань для возстановленія прерванной торговли. Принцъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе и покровительство, и купцы вернулись въ свои прежнія лавки и безбоязненно принялись за торговлю.

Въ первое время управленія Зеллэ-Султана въ Испагани производились самыя нахальныя воровства, приводившія населеніе столицы въ отчаяніе. Тогда принцъ, подражая прежнимъ правителямъ, своимъ предшественникамъ, вошелъ въ стачку съ ворами, и познакомившись съ ними ближе, велѣлъ всѣхъ перехватать, а наворованное ими имущество возвратить по принадлежности. Затѣмъ въ Испагани стало тихо и спокойно.

Принцъ Зеллэ-Султанъ не забывалъ также сельскаго населенія и христіанъ; для перваго онъ нѣсколько уменьшилъ подати, оказывалъ нѣкоторыя пособія и субсидіи для орошенія полей, безъ котораго урожаи совершенно немыслимы въ Персіи; для христіанъ онъ сдѣлалъ также не мало: онъ даровалъ имъ льготы по торговлѣ наравнѣ съ персіянами, другими словами, призналъ ихъ равноправными.

Когда принцъ Зеллэ-Султанъ былъ назначенъ правителемъ всей южной Персіи, древняя персидская столица Испагань, нѣкогда гремѣвшая на Востокѣ своей ученостью, торговлей и богатствами, но въ нынѣшнемъ столѣтіи уже обратившаяся въ кучу развалинъ и мусора, опять сдѣлалась столицей южной Персіи и теперь, благодаря заботамъ о ней Зеллэ-Султана, считается вторымъ городомъ всего Персидскаго государства.

Пріѣхавъ въ свою резиденцію, его высочество прежде всего принялся за пути сообщенія, построилъ шоссе и мосты между Испаганью и Ширазомъ и даже одно время проектировалъ постройку желѣзной дороги отъ Шираза до Бушира, главнаго пункта персидской торговли на Персидскомъ заливѣ, но этотъ проектъ тогда еще не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Въ городѣ были реставрированы всѣ историческія, еще Шахомъ-Аббасомъ построенныя зданія, что придало Испагани совершенно новый видъ.

Пользуясь самымъ радушнымъ гостепріимствомъ его высочества, я неоднократно имѣлъ возможность видѣть нескрываемую принцемъ симпатію къ Россіи. Вотъ однажды, между прочимъ, что онъ сказалъ мнѣ на аудіенціи: „Зная силу Россіи, надо быть дуракомъ, чтобы искать союзовъ гдѣ-то внѣ, когда подъ бокомъ есть такая держава, которая своей человѣколюбивою политикой въ Азіи давно привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца, чего, къ сожалѣнію, о другихъ (читай: объ англичанахъ) нельзя сказать ни въ какомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, былъ-ли когда-нибудь примѣръ, чтобы русское правительство предательски и коварно поступало съ тѣми, которые отдавались подъ его покровительство? Еслибы даже и правда была, что Англія — мой другъ, а Россія — врагъ, то я все-же предпочту отдаться честному врагу, чѣмъ сомнительному другу. Поэтому, я открыто высказываю свои симпатіи къ Россіи.

Военное дѣло—душа Зеллэ-Султана, а войско — любимое дѣтище его, на которое онъ не жалѣетъ ни денегъ, ни заботъ и которое поражаетъ европейца своею выправкой и интеллигентнымъ видомъ среди азіатской дичи. Всего у него войска около 50,000 человѣкъ — сила очень внушительная въ Азіи и имѣющая значеніе для Зеллэ-Султана. Хотя принцъ Зеллэ-Султанъ и старшій сынъ шаха, но оффиціальнымъ наслѣдникомъ престола, валліатомъ, считается Музаффаръ-Эддинъ-Мирза, правитель Азербейджана, сынъ шаха и принцессы царской крови, тогда какъ Зеллэ-Султанъ—сынъ шаха и рабыни. Чтобы избѣжать обычныхъ усобицъ между многочисленными сыновьями шаха послѣ его смерти, въ царствованіе Фетхъ-Али-Шаха былъ установленъ новый порядокъ для престолонаслѣдія, по которому наслѣдникомъ престола можетъ быть только старшій сынъ шаха, родившійся отъ принцессы царской крови. Этимъ, конечно, и объясняется, почему Зеллэ-Султанъ не сдѣлался оффиціальнымъ наслѣдникомъ престола.

Зеллэ-Султану предстоитъ рѣшить еще много задачъ, чтобы дать персидской жизни настоящее серьезное теченіе.

Недюжинность выдающихся государственныхъ дѣятелей всѣхъ странъ узнается по тому, что они умѣютъ находить себѣ надежныхъ и умныхъ помощниковъ. Зеллэ-Султанъ только подтверждаетъ это почти правило исторіи: его приближенные весьма выдающіеся люди.

Е. Бѣлозерскій.

Политическое обозрѣніе.

Стачка углекоповъ въ Вестфаліи, а затѣмъ и въ Силезіи, куда она была занесена изъ прирейнскихъ округовъ, близка къ окончанію, благодаря личному вмѣшательству императора Вильгельма. Совѣты, которые далъ глава государства въ своей внушительной бесѣдѣ съ депутатами рабочихъ, произвели благотворное вліяніе. Но выслушавъ одну изъ заинтересованныхъ сторонъ, Германскій императоръ не отказалъ въ аудіенціи вестфальскимъ шахтовладѣльцамъ, которая произошла на третій день послѣ представленія императору депутаціи рабочихъ. Принимая хозяевъ копей, во главѣ которыхъ находился депутатъ рейхстага Гаммахеръ, императоръ сказалъ, что онъ доволенъ тѣмъ, что выслушалъ обѣ стороны. „Относительно причинъ стачки и средствъ къ прекращенію ея—говорилъ въ своей рѣчи Вильгельмъ—я жду подробныхъ донесеній отъ властей. Въ виду значительнаго вреда, которое терпитъ все населеніе (тѣмъ болѣе, что произошла стачка также въ Силезіи), теперь главное—покончить какъ можно скорѣе съ большою вестфальскою стачкой. Свою точку зрѣнія я изложилъ рабочимъ въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ. Это произвело на рабочихъ хорошее впечатлѣніе и они воздержались отъ всякихъ сношеній съ соціалъ-демократами. Телеграммы изъ Вестфаліи свидѣтельствуютъ, что на слова мои тамъ откликнулись. Я довѣряю здравому патріотическому смыслу делегатовъ рабочихъ и вѣрю, что они не безъ успѣха приложатъ свои старанія къ тому, чтобы побудить товарищей возобновить работы. Настоятельно совѣтую горнозаводскимъ обществамъ отнынѣ поддерживать возможно большее общеніе съ рабочими и желалъ-бы, чтобы они заботились о предоставленіи рабочимъ случаевъ заявлять свои желанія. Я особенно дорожу тѣмъ, чтобы достигнутый пока успѣхъ былъ благополучно доведенъ до конца и чтобы тѣ общества, которыя даютъ занятія многочисленнымъ рабочимъ, никогда не упускали изъ виду, что они имѣютъ передъ государствомъ обязанность заботиться какъ можно больше о благѣ рабочихъ и прежде всего избѣгать всего того, что можетъ ставить населеніе цѣлой провинціи въ подобное затруднительное положеніе“. Послѣ того пребывающіе въ Берлинѣ делегаты вестфальскихъ углекоповъ и членъ рейхстага Гаммахеръ, послѣдній въ качествѣ уполномоченнаго вестфальскихъ шахтовладѣльцевъ, условились относительно основныхъ принциповъ соглашенія, существенными пунктами которыхъ является восьмичасовая работа (не включая входа и выхода изъ шахтъ), отмѣна сверхкомплектной работы, допускаемой лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе какъ по предварительному соглашенію съ депутатами, избираемыми углекопами, наконецъ извѣстное увеличеніе заработной платы. И работы понемногу возобновляются.

Забота о благѣ рабочихъ въ Германіи не только составляетъ обязанность хозяевъ, какъ о томъ заявилъ императоръ Вильгельмъ въ своей бесѣдѣ съ шахтовладѣльцами, но и само государство принимаетъ посильныя мѣры. Такъ извѣстный законопроектъ относительно обезпеченія рабочихъ отъ послѣдствій старости и неспособности къ труду обсуждается нынѣ въ рейхстагѣ въ третьемъ чтеніи, причемъ имперскій канцлеръ заявилъ, что его вовсе не удивляетъ, что противъ законопроекта высказываются соціалъ-демократы, свободомыслящіе и поляки, но его удивляетъ оппозиція консервативовъ относительно вопроса, касающагося коренныхъ основъ всей имперіи. При этомъ канцлеръ выразилъ желаніе, чтобы законъ былъ вотированъ до будущихъ выборовъ, такъ какъ неизвѣстно, будетъ-ли въ слѣдующихъ годахъ столько досуга, какъ нынѣ, и также просилъ консервативовъ, имперскую партію и націоналъ-либераловъ порвать связь съ соціалъ-демократами, поляками, вельфами, французами и свободомыслящими.

Въ то время какъ рейхстагъ занятъ обсужденіемъ этого законопроекта, Берлинъ приготовился къ торжественной встрѣчѣ Итальянскаго короля. Берлинскій магистратъ предложилъ городскому совѣту ассигновать 150,000 марокъ на убранство улицъ по случаю прибытія въ Берлинъ Итальянскаго короля, которыя послѣ оживленныхъ преній были ассигнованы, и къ пріему короля Гумберта сдѣланы блестящія приготовленія. Въ нѣсколькихъ пунктахъ въѣздныхъ улицъ поставлены тріумфальныя арки, а дома великолѣпно убраны.

Король пріѣхалъ въ Берлинъ 9 мая, въ 10 час. 33 мин., и былъ встрѣченъ на вокзалѣ императоромъ, всѣми принцами, имперскимъ канцлеромъ, всѣми министрами и генералитетомъ. Встрѣча имѣла самый сердечный характеръ, императоръ и король неоднократно обнимались и лобзали другъ друга.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Именные Высочайшіе указы: 1) Государственному Совѣту. Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу быть Членомъ Государственнаго Совѣта. 2) Комитету Министровъ. Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу быть Членомъ Комитета Министровъ.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“.

Гатчина.
6-го мая 1889 г.

— 6 мая, въ высокоторжественный день Рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича кронштадтскими моряками былъ поднесенъ Его Императорскому Высочеству художественный альбомъ, исполненный въ продолженіе двухъ лѣтъ мичманомъ Дядинымъ и изображающій виды судовъ Балтійскаго флота.

— Е. И. В. Вел. Кн. Константину Константиновичу Всемилостивѣйше повелѣно быть Президентомъ Императорской Академіи Наукъ.

— 10 мая, по Варшавской желѣзной дорогѣ прибылъ въ Гатчину Его Высочество владѣтельный Князь Черногорскій Николай съ сыномъ, Наслѣднымъ Княземъ Даніиломъ. Ко времени прихода поѣзда, на платформѣ былъ выстроенъ въ парадной формѣ почетный караулъ, эскадронъ кирасирскаго Ея Величества полка, въ пѣшемъ строю, со штандартомъ и хоромъ трубачей. Изъ Царскаго Села прибылъ на экстренномъ поѣздѣ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и здоровался съ карауломъ. За 10 минутъ до прибытія поѣзда прієхалъ Его Величество Государь Императоръ и Его Имп. Выс. Вел. Кн. Георгій Александровичъ. Его Величество поздоровался съ карауломъ. Когда подошелъ поѣздъ, караулъ отдалъ честь. Изъ вагона вышелъ Князь Черногорскій съ Наслѣднымъ Княземъ. Ихъ Высочества были сердечнымъ образомъ привѣтствованы Его Величествомъ. Князь Черногорскій поѣхалъ во Дворецъ, гдѣ посѣтилъ Ихъ Величествъ и на экстренномъ поѣздѣ прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь на станціи Варшавской желѣзной дороги Его Высочество встрѣтили Ихъ Имп. Выс. Вел. Кн. Владиміръ, Алексѣй, Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ Константиновичъ, Михаилъ Николаевичъ съ Сыновьями, Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ сыномъ. Тутъ же было военное начальство. Послѣ встрѣчи, Князь отбылъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ для него отведены аппартаменты въ 4-й запасной половинѣ. Съ Княземъ Черногорскимъ прибыли: его министръ, воевода Божидаръ Петровичъ, адъютантъ Николаичъ и воспитатель Наслѣднаго Князя полковникъ Овсяный.

— 3 мая прибылъ въ Тифлисъ Шахъ Персидскій. На вокзалѣ, роскошно убранномъ, Шахъ былъ встрѣченъ главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, и многими начальствующими лицами и депутаціями. Когда Шахъ вышелъ черезъ царскіе покои на подъѣздъ вокзала, былъ произведенъ салютъ изъ орудій и заиграла туземная музыка. Шахъ вмѣстѣ съ главноначальствующимъ сѣлъ въ открытый экипажъ и прослѣдовалъ прямо во дворецъ по

Статуя Жанъ-Жака Руссо, открытая 3 февраля (22 января) 1889.
Работы Поля Берте. Грав. Барановскій.

Парижская всемірная выставка 1889 г. Видъ башни Эйфеля съ трехверстнаго разстоянія.

улицамъ, переполненнымъ народомъ, разставленными шпалерами войсками и воспитанниками учебныхъ заведеній. По всему пути Шахъ былъ привѣтствованъ громкимъ „ура". Вечеромъ была блестящая иллюминація, противъ дворца поставленъ былъ транспарантъ.

4 мая, Шахъ Персидскій, въ сопровожденіи Главноначальствующаго и блестящей свиты, посѣтилъ женское заведеніе Св. Нины, первую мужскую гимназію, кадетскій корпусъ и кавказскій музей. Въ 6 часовъ во дворцѣ былъ въ честь Шаха обѣдъ, на который приглашены начальствующія и другія высшихъ чиновъ лица.

Въ театрѣ, заново ремонтированномъ и роскошно убранномъ, была устроена для Шаха особая ложа изъ балкона. Въ ней съ Шахомъ помѣстились князь Дондуковъ-Корсаковъ и верховный визирь Шаха; во всѣхъ прочихъ ложахъ находились приглашенныя дамы, по четыре въ каждой. Партеръ былъ наполненъ приглашенными военными и гражданскими чинами. При появленіи Шаха въ ложѣ, всѣ присутствующіе встали и привѣтствовали гостя поклономъ, а театральный оркестръ исполнилъ національный персидскій маршъ. 5 мая Шахъ, въ сопровожденіи своей свиты, при звукахъ военныхъ хоровъ, салютѣ изъ орудій и громкомъ „ура" войскъ и публики, отбылъ въ 9 часовъ утра по военно-грузинской дорогѣ во Владикавказъ.

— 9 мая, въ $2^1/_2$ часа дня, съ экстреннымъ поѣздомъ, Шахъ прибылъ въ Москву. Шаха встрѣчали: генералъ-губернаторъ, командующій войсками, генералитетъ, представители города и сословій. По выходѣ Шаха изъ вагона музыка заиграла „встрѣчный маршъ", а когда Шахъ прошелъ по фронту, — исполнила персидскій гимнъ. Послѣ принятія Шахомъ ординарцевъ городской голова поднесъ ему хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ. Съ вокзала, въ открытомъ экипажѣ, вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, Шахъ прослѣдовалъ во Дворецъ. На подъѣздѣ Дворца Шаха встрѣтили графъ Орловъ-Давыдовъ и другія начальствующія лица дворцоваго вѣдомства. Шахъ обѣдалъ у генералъ-губернатора. Обѣдъ сервированъ на 112 персонъ; затѣмъ Шахъ присутствовалъ на парадномъ спектаклѣ въ Большомъ театрѣ.

— 11 мая, Шахъ прибылъ въ Петербургъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ. Повелителю сосѣдней Россіи страны была оказана торжественная встрѣча. Еще съ вечера наканунѣ городъ сталъ украшаться флагами, балконы и подъѣзды домовъ драпировались коврами и матеріями. Изъ Гатчины въ Петербургъ прибыли Ихъ Величества, изъ Царскаго Села — Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Къ 12 часамъ на станціи Николаевской желѣзной дороги былъ выстроенъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка, со знаменемъ и хоромъ трубачей. Въ три четверти втораго часа прибыли на вокзалъ Его Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Его Величество былъ въ общегенеральской формѣ съ Андреевской лентой и имѣлъ на груди портретъ Персидскаго Шаха. Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣлъ на груди такой же портретъ.

Въ 2 часа дня поѣздъ прибылъ въ Петербургъ. Когда поѣздъ подошелъ, войска взяли на-караулъ, знамя склонилось, музыка заиграла встрѣчу. Государь Императоръ радушно привѣтствовалъ Высокаго Гостя, который, обмѣнявшись привѣтствіями съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями, пошелъ по фронту караула, вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, причемъ музыка играла персидскій гимнъ.

Послѣ встрѣчи, Его Величество Государь Императоръ и Его Величество Шахъ Персидскій сѣли въ открытую коляску и направились въ Зимній Дворецъ.

По всему пути, начиная отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги и вплоть до подъѣзда Эрмитажа, гдѣ отведены аппартаменты для Его Величества Шаха Персидскаго, были разставлены войска въ парадной формѣ, въ мундирахъ, при одномъ холодномъ оружіи; кавалерія была въ пѣшемъ строю.

На всемъ пути стояли несмѣтныя толпы народа. Музыка во время проѣзда играла персидскій гимнъ.

Для Его Величества Шаха Персидскаго отведено помѣщеніе въ новыхъ комнатахъ Императорскаго Эрмитажа.

По прибытіи Высочайшихъ Особъ ко Дворцу, при встрѣчѣ Шаха въ комнатахъ Эрмитажа присутствовала Ея Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини, а также гофмейстерины и фрейлины.

Въ $6^1/_2$ часовъ вечера, въ Концертной залѣ Зимняго Дворца, состоялся парадный обѣдъ.

За столомъ, по правую сторону Ея Величества, занялъ мѣсто Шахъ Персидскій, по лѣвую—владѣтельный Князь Черногорскій. Государь Императоръ сидѣлъ противъ Государыни Императрицы; по правую сторону Его Величества сидѣла Великая Княгиня Марія Павловна, по лѣвую—Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна. Рядомъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ сидѣлъ Князь Даніилъ Черногорскій; рядомъ съ Шахомъ сидѣла Княжна Милица Черногорская. За Высочайшимъ-же столомъ, кромѣ Особъ Императорской Фамиліи, сидѣли супруги Министровъ и высокопоставленныхъ лицъ, фрейлины, великій визирь Шаха, черногорскій воевода Божидаръ Петровичъ и персидскій посланникъ.

За обѣдомъ Его Величество Государь Императоръ провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества Шаха Персидскаго, причемъ, по знаку коменданта, съ Петропавловской крѣпости раздался салютъ въ 21 выстрѣлъ. Затѣмъ Шахъ Персидскій провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. При каждомъ тостѣ музыка играла тушъ. Послѣ обѣда Шахъ возвратился въ парадномъ экипажѣ въ Эрмитажъ. Ихъ Величества отбыли въ Аничковъ Дворецъ.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; на Невскомъ проспектѣ горѣли газовыя звѣзды; густыя толпы народа гуляли по улицамъ.

Принцъ Зеллэ-Султанъ, старшій сынъ персидскаго шаха. Съ фот. грав. Нейманъ.

Смѣсь.

Первый заработокъ. Король Итальянскій, Викторъ Эммануилъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, разъ встрѣтилъ на охотѣ крестьянина. Король только что однимъ выстрѣломъ убилъ двухъ куропатокъ.

— Вы, нечего сказать, хорошо стрѣляете, замѣтилъ крестьянинъ.

— Не правда ли? возразилъ король.

— Вы, значитъ, могли бы избавить меня отъ лисицы, которая воруетъ у меня куръ?

— Почему же нѣтъ?

— Если вы это сдѣлаете, я вамъ заплачу два сольди.

— По рукамъ, отвѣчалъ король. —Завтра я явлюсь къ вамъ съ собаками и избавлю васъ отъ вора.

— Давайте вашу руку.

Король подалъ ему руку и на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ собаками, пришелъ въ назначенный часъ. Не замедлила явиться и лисица. Король убилъ ее и представилъ крестьянину.

— Пожалуйте два сольди, съ торжествомъ сказалъ онъ.

— Вотъ они—возьмите, отвѣчалъ крестьянинъ.

Король взялъ деньги,

— Клянусь Богомъ, воскликнулъ онъ, смотря на монеты:—**вотъ** первыя деньги, которыя я заработалъ!

На утро онъ прислалъ крестьянину платье, ожерелье и пару серегъ его женѣ—и тутъ только крестьянинъ узналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. (N.)

Весьма интересное открытіе сдѣлано недавно въ Акрополѣ, въ Аѳинахъ, а именно: вырыта надпись, на которой сохранился счетъ расходовъ по сооруженію статуи Аѳины-Паллады Фидія. Здѣсь имѣются расписки строителей въ полученіи 100 талантовъ серебра и перечень суммъ, издержанныхъ на покупку золота и слоновой кости. Цифры показываютъ, что отношеніе золота къ серебру, за 438 лѣтъ до Р. Хр., выражалось 14 съ небольшой дробью, т. е. было приблизительно то же что и лѣтъ тридцать тому назадъ. (с.)

Географія. Разсказываютъ, что одинъ изъ камергеровъ императрицы Екатерины II имѣлъ обыкновеніе, не задумываясь, сразу отвѣчать государынѣ на всѣ ея вопросы. Однажды онъ доложилъ императрицѣ о прибытіи посла изъ Вѣны, не освѣдомившись предварительно о подробностяхъ путешествія.

— Сколько дней находился курьеръ въ пути? спросила императрица.

— Восемь дней, ваше величество.

Пораженная такою невѣроятною, при тогдашнихъ условіяхъ путешествія, скоростью, Екатерина продолжала:

— Какою же дорогою онъ ѣхалъ?

— Чрезъ Франкфуртъ, Лейпцигъ, Гамбургъ и Амстердамъ, ваше величество.

Тогда императрица смѣясь сказала:

— Ой, ой! а куда же дѣвалась географія?

— Она осталась у него влѣво, ваше величество. (с.)

Анекдотъ изъ жизни Юрьева. Недавно умершій писатель С. А. Юрьевъ отличался необычайной разсѣянностью, вошедшей даже въ поговорку. Какъ-то Островскій позвалъ его къ себѣ на вечеръ. У Юрьева была срочная работа, и онъ написалъ записку: „прости, быть не могу", которую, однако, не послалъ по адресу, а спряталъ въ карманъ сюртука. Кончивъ работу, Юрьевъ вспомнилъ о приглашеніи Островскаго и поѣхалъ къ нему. „Что такъ поздно?" спросилъ драматургъ. „Некогда было, писалъ статью... Ахъ, да,—спохватился онъ, сунувъ зачѣмъ-то руку въ карманъ,—у меня къ тебѣ есть письмо, забылъ отдать." Островскій вскрылъ конвертъ и расхохотался. „Что такое?" спросили его.—„Да вотъ Сергѣй Андреевичъ отдалъ мнѣ сейчасъ письмо, въ которомъ увѣдомляетъ меня, что сегодня быть у меня не можетъ." (в.)

Гробница Чингисхана. Смертные останки Чингисъ-Богота (монгольское имя Чингисхана) покоятся въ мѣстечкѣ Кіа-и-сенъ. Они заключены въ серебряный гробъ, который монголы неохотно показываютъ чужимъ. Гробъ закрытъ драгоцѣнными тканями. Многочисленные пилигримы стекаются сюда, чтобы приложиться ко гробу съ тѣмъ-же благоговѣніемъ, какое подобаетъ находящемуся въ живыхъ властителю. Гробъ находится не въ храмѣ Ламы, а въ особой палаткѣ, охраняемой принцами крови. Говорятъ, что массивный серебряный гробъ Чингисхана, сохранившійся до сихъ поръ отъ нашествія хищниковъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Монголіи, наконецъ перевезенъ сюда и здѣсь оставленъ, такъ какъ эта мѣстность по своему положенію и бѣдности, болѣе гарантирована отъ хищническихъ набѣговъ. (с.)

Сколько лѣтъ городу Одессѣ. Одесскія газеты разсказываютъ, что теперь идутъ споры о томъ, когда слѣдуетъ праздновать столѣтній юбилей Одессы. Одни находятъ, что юбилей приходится на 14 сентября текущаго года, ибо 14 сентября 1789 года была завоевана крѣпость Хаджи-Бей, нынѣшняя Одесса. По мнѣнію другихъ, торжество слѣдуетъ справлять въ 1894 году, такъ какъ 27 мая 1794 года изданъ рескриптъ императрицы Екатерины II, въ которомъ упоминается объ устройствѣ у Хаджи-Бея „военной гавани, купно съ купеческою пристанью". Но уже въ то время тамъ было около 600 домовъ и до 3½ тысячъ жителей. Слѣдовательно, городъ уже существовалъ. (в.)

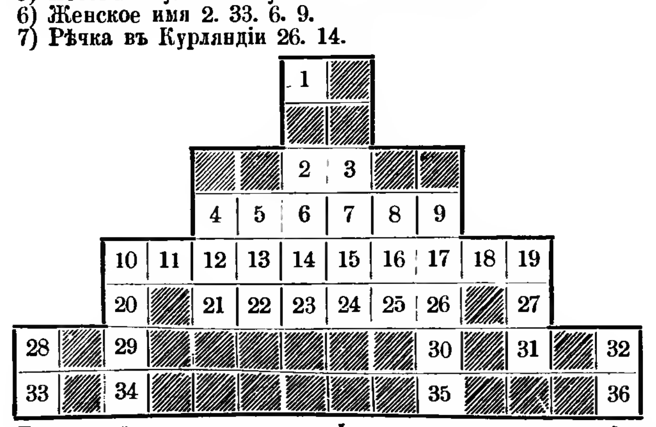
Въ Норвегіи предполагаютъ снарядить въ 1890 г. экспедицію къ сѣверному полюсу, поручивъ завѣдываніе ею д-ру Нанзену. Норвежцы утверждаютъ, что никакая другая страна не можетъ дать людей столь закаленныхъ и приспособленныхъ къ арктическимъ путешествіямъ, какъ Норвегія. Многолѣтнее пребываніе въ полярныхъ странахъ не можетъ принести норвежцу большаго вреда. На этотъ разъ будетъ сдѣланъ опытъ достигнуть сѣвернаго полюса чрезъ землю Франца-Іосифа. (с.)

Оригинальная лотерея. Недавно, по сообщенію мелкой прессы, одна изъ петербургскихъ дамъ любительницъ собакъ устроила лотерею, предметами розыгрыша въ которой послужили щенки чрезвычайно хорошей собачки кингсъ-чарльса. Не смотря на высокую пятирублевую цѣну билетовъ, они были расхвачены быстро другими такими же любительницами собакъ. Вырученную сумму въ нѣсколько сотъ рублей употребили на благотворительныя цѣли. Послѣ лотереи состоялся роскошный фестиваль, а живые выигрыши были вручены по принадлежности въ нарочно приготовленныхъ изящныхъ корзинахъ, подбитыхъ атласомъ со стегаными атласными ватными подстилками и пуховыми подушками. (в.)

Говорящіе локомотивы. Изъ Нью-Іорка пишутъ: Нимъ Криккль, знаменитый американскій юмористъ, высказалъ однажды мысль, что надо считать за счастье, если нашъ вѣкъ произвелъ только одного Эдиссона. Дюжина подобныхъ изобрѣтателей могла бы произвести величайшее смятеніе; каждое десятилѣтіе имѣло бы свой собственный отпечатокъ, и каждое новое изобрѣтеніе отходило бы въ область прошедшаго, и бывъ хорошенько разработано. Подобное соображеніе невольно приходитъ на умъ, при обнародованіи новаго открытія Эдиссона—*желѣзнодорожно-пароваго лингвографа*, которымъ дѣлается новый шагъ въ область невѣроятнаго, хотя вообще въ наше время трудно признать существованіе такой области. Эдиссонъ въ компаніи съ великимъ желѣзно-дорожникомъ Запада, Томасомъ Лаури, взялъ привилегію на аппаратъ, который самымъ оригинальнымъ образомъ долженъ замѣнить паровые свистки локомотива. Теперь паровикъ не будетъ больше свистѣть и неистово завывать, нѣтъ! къ радости всѣхъ нервныхъ людей,—онъ будетъ *говорить*, конечно громовымъ голосомъ, который нельзя сравнить ни съ чѣмъ инымъ какъ съ гнѣвной рѣчью Зевеса Кроніона. Лингвографъ—простой аппаратъ, состоящій изъ скромныхъ трубокъ, проволокъ клавіатуры, вдвигаемыхъ по желанію фонограммъ, и обращенной назадъ трубки,—произноситъ, напримѣръ, при входѣ въ туннель слово: "туннель", такимъ громовымъ голосомъ, что его слышатъ не только должностныя лица, но и пассажиры въ поѣздѣ. Короче сказать, всѣ сигнальные свистки, служившіе источникомъ безчисленныхъ ошибокъ со стороны малоопытныхъ служащихъ, будутъ теперь замѣнены словами. Имена станцій—если это изобрѣтеніе получитъ право гражданства—будутъ также выкрикиваться локомотивомъ во время хода поѣзда. Проекты, связанные съ новымъ открытіемъ доведеннымъ уже до взятія привилегіи, очень широки; такъ напримѣръ, предполагается что встрѣчные поѣзда будутъ имѣть возможность дѣлать одинъ другому вѣрныя сообщенія; пассажиры перестанутъ тревожиться непонятными сигналами и, съ приближеніемъ опасности, будутъ предупреждены заранѣе, лучше ли имъ оставаться на мѣстахъ или выскакивать изъ вагона. Первый „говорящій" локомотивъ составитъ новое чудо природы, которое однако по всей вѣроятности не замедлитъ уступить мѣсто новымъ изобрѣтеніямъ, о которыхъ намъ пока и не снится. (с.)

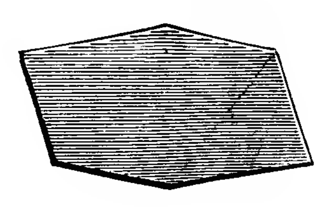
Задача буквъ № 36.
Н. С. Даржана.

Найти слѣдующія 7 словъ:
1) Русскій поэтъ 16. 24. 35. 30. 18. 8. 11. 32. 1. 34.
2) Одинъ изъ разорившейся семьи патриціевъ въ Римѣ 4. 36. 17. 22. 19. 29. 15. 20.
3) Жара 27. 31. 12. 28.
4) Садъ въ Едемѣ 23. 3. 13.
5) Потомки мулата и мулатки 25. 5. 10. 21. 7.
6) Женское имя 2. 33. 6. 9.
7) Рѣчка въ Курляндіи 26. 14.

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ предлагаемой фигурѣ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на 12 частей, которыя должны быть соединены въ одинъ квадратъ, но такъ, чтобы получилась фамилія извѣстнаго русскаго писателя и названія трехъ изъ его произведеній.

Геометрическая задача № 37.

Раздѣлить данный шестиугольникъ на четыре части такъ, чтобы сложивъ ихъ получился правильный шестиугольникъ.

Шутка-шарада. Задача № 38.

Есть древній городъ; съ давнихъ лѣтъ
Прославленъ онъ. Его названье
Давнымъ-давно ужъ знаетъ свѣтъ;
Но, господа, прошу вниманья:
Прочтемъ его наоборотъ:
По русски тишь онъ знаменуетъ,
А по туземному — что родъ
Весь человѣческій волнуетъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur,* **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (9).

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—12

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ GRATIS и FRANCO.

ШТУРМА УКСУСЪ
НАТУРАЛЬНЫЙ!!!
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
БЕЗВРЕДЕНЪ
ЧИСТАГО ВКУСА и ЗАПАХА.

УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ

В. О. 14 ЛИНІЯ 73. Б. МАЛАГО

Складъ: Невск. 96/1, по Надеждинск., маг. 26.

Имѣется всюду.

Вырабатываю только натуральный уксусъ окисленіемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ *Спирта, Солода и Виноградного вина.*

На головкѣ каждой бутылки заводскаго розлива находится печать Штурмъ, на ярлыкѣ обозначены сортъ и цѣна съ посудою.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3884 2—1

ЭФФЕКТНО для ЛѢТА:

ПАРИЖСКІЙ ДАМСКІЙ УБОРЪ!

Изъ натуральныхъ бразильскихъ жуковъ, въ красивѣйшихъ оправахъ

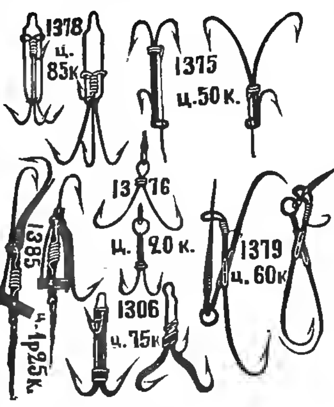
Браслеты съ 10, 3, 2, и 1 жук. 5.50, 2.50, 2 и 1.50.
Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2.50, 2 и 1.50.
Серги съ 1 жук. 1.25.
Шпильки черепаховыя съ 3 и 2 жук. 2 и 1.50.
„ **позолоченыя** съ 1 жук. 1 р.
Мужск. булавки 75 к.
Цѣлый уборъ (браслетъ, брошь, серги и шпильки) 50% дешевле.

Жуки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, а потому особенно красивы лѣтомъ. Высылка во всѣ города Россіи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.

С.-Пбургъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.

Разныхъ системъ и величинъ. За пересылку (кромѣ Азіатской Россіи) отъ 1-го до 12 прибавляется 40 коп.

Точные размѣры и цѣны помѣщены въ иллюстрированномъ каталогѣ, который магазинъ высылаетъ за 1 семикопѣечн. марку.

С.-Петербургъ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Каратаева. № 3886

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Поступила въ продажу большая гравюра:

ПОРТРЕТЫ
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ
СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) **Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.**
2) **Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.**
3) **Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.**
4) **Великій Князь Георгій Александровичъ.**
5) **Великій Князь Михаилъ Александровичъ.**
6) **Великая Княжна Ксенія Александровна.**
7) **Великая Княжна Ольга Александровна.**

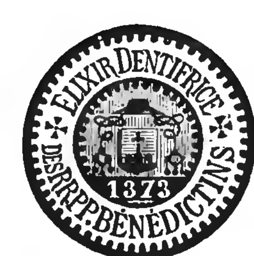
Гравюра артистически исполненная съ фотографіи **С. Л. Левицкаго и К°** и отпечатанная на отличной веленевой бумагѣ, размѣромъ 10½ вершк. выш. и 7½ вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. **Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р.,** съ пересылкой и укупоркой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ 13⅞ вершк. выш. и 9⅞ вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. **Въ изящн. рамкѣ съ коробкой подъ стекломъ 5 р.;** съ перес. и укупоркой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“. Невскій просп., № 6, СПБ.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣялки, жнейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3719 12—8

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Продолжается подписка, на 1889 г., на литературно-политическій журналъ:

ГОДЪ VIII. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ VIII.

СОДЕРЖАНІЕ **первыхъ 4-хъ книгъ** *(январь—апрѣль)*: 1) *Свѣтъ погасъ!* романъ **I. I. Ясинскаго** (оконч.); 2) *Свѣжія побѣги,* повѣсть въ 2-хъ частяхъ, **Ф. Д. Нефедова** (оконч.); 3) *Говорокъ,* очеркъ **Д. Сибиряка;** 4) *Ужасъ* (картинки домашней жизни) **Н. Ѳ. Бажина;** 5) *Папиросница* (изъ типовъ женскаго пролетаріата) **К. В. Назарьевой;** 6) *По наитію,* разсказъ **П. Лѣткева;** 7) *Бабушка,* разсказъ **Н. Д. Ахшарумова;** 8) *Виченца и Мантуа,* **Василія Ив. Немировича-Данченко;** 9) *Вѣкъ эпикурейства* (черты нравовъ въ Россіи XVIII в.), **В. О. Михневича;** 10) *Наше законодательство и земская иниціатива,* **Я. В. Абрамова;** 11) *Вопросы дня* (три статьи), **Вл. П. Безобразова;** 12) *Современныя женщины-писательницы* (критич. очеркъ), **В. В. Чуйко;** 13) *Русскій художникъ (Крамской) въ качествѣ критика.* **Его же;** 14) *Историческія основы воспитанія,* **А. С. Трачевскаго;** 15) *Кабала въ отхожемъ промыслѣ,* **Г. П. Сазонова;** 16) *О Парижской Ecole des chartes,* **И. Е. Андреевскаго;** 17) *На тронѣ* (истор. романъ изъ жизни Людвига Баварскаго) **Клярисы Лоде** (съ нѣмецкаго); 18) *Золотая радуга,* романъ **Давида Мюррея** (съ англ.); 19) *Исторія одной любви,* повѣсть **Цезаря Троилони** (съ итальянск.); 20) *Очерки иностранной литературы,* **В. Р. Зотова;** 21) *И смѣхъ, и горе* (фельетоны) **Ефима Простосердова** и др. № 3850 3—3

Для слѣдующихъ книгъ, въ распоряженіи редакціи находится уже значительное количество беллетристическихъ произведеній и научныхъ статей извѣстныхъ писателей.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15 числа, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ изданій, безъ предварительной цензуры. Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес.; за границу—16 р. За полгода 8 р. Иногородные подписчики, желающіе получить *второе* изданіе монографій **А. П. Пятковскаго:** *„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“,* высылаютъ, вмѣстѣ съ годов. платою за журналъ, **17** р. **50** к. (копѣйки—марками). Главная контора: СПБ., Владимірская, № 1—6. Здѣсь же принимается подписка на журналъ

НАРОДНАЯ ШКОЛА (г. XXI).

Одобренъ М—вомъ Народн. Просвѣщенія и др. вѣдомствами.

Годовая цѣна **4 р. 50 к.** съ перес. За гран.—**6 р.**

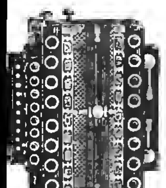
Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. КАРАЗИНА.

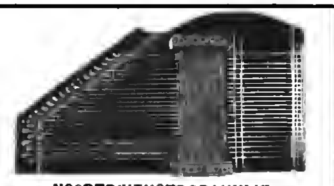
Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться **въ Контору журнала „Нива“,** а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ГАРМОНІИ

Однорядныя въ 2¾, 4½, 5½, 6, 8, 9, 10, 12, 16 и 24 р.
Двухрядныя въ 12, 14, 18, 20, 22, 25, 30 и 35 руб.
Трехрядныя въ 30, 50, 60 и 75 р.
Самоучитель Соколова по 1 руб.
Ноты его же по 75 коп. и 1 р. за тетрадь.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо №3890 **музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.**
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 недалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

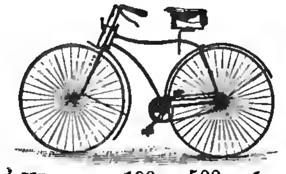
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (2) Ц. № 8864
Торговцамъ дѣлается скидка.

CORSETS 20–12
LEOTY
adoptés
par le
High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общепоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ. ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ**
и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

дополненный 32 мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ**, заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.**, съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ**, въ Контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, №. 21.
Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Глицериновое молоко 75 к.—**Ирисовое молоко** 1 р. 25 к.
МОЛОКО ДЕРМОФИЛЬ 2 руб. 25 коп.
ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.
О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4
(Экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по 90 коп.
Туалетная вода Шипръ по 1 руб.
Туалетный уксусъ по 60 коп.
Уксусъ Віолетъ де-Парижъ по 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
по 80 к. и 1 р. 60 к.

Инсора Бреони | Жоней Клубъ | Віолетъ де-Парижъ
Буке Императрисъ | Кодзура | Бѣлая Роза
Шампана | Опопонансъ

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Pt. 3883 2–1
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (66) № 2946

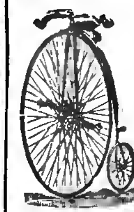
МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
Москва, Красносельск. улица
№ 3843 СТРОИТЪ: 6–5
плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнные пресса, кирпичн. пресса и пр.
КОНТОРЫ и СКЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.
Иллюстрированные каталоги безплатно

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
чистый
щелочнокислый источникъ
освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно вездѣ получить.
6.000000 (миллион) бутыл. годовой вывозъ.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНІЕ 7–4
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цененевскому или доктору С. И. Ходжашу.

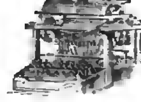
БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы во всѣ города.
Оплата купоновъ. №3716
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12–7

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкій мостъ. | **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

EAU DE SUEZ Депо въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузвиовъ, Гостиный Дворъ, № 40. Въ Москвѣ — А. Сіу и К°., Тверская, д. Варгина. **ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ**
Pt. № 8887 **Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.** 13–1

Дозвол. ценз., СПБ., 17 мая 1889 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX
№ 22 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 27 мая 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

XVII передвижная выставка. Скиѳъ. Группа Л. В. Позена, съ фот. грав. Флюгель.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (продолженіе).

VII.

Благодаря удачѣ Вѣрочки, ставшей совсѣмъ „большою художницей", мать Варлаама благословила открыть Серафимѣ съ нашею вострушкой рисовальную школу. Теперь здѣсь уже работало много бѣлицъ и дѣвушекъ „бѣдныхъ родственницъ", жившихъ у монахинь на ихъ иждивеніи. Когда, кончивъ съ матерью Капитолиной (не „бабушкой", потому что „злая бабушка Капитолина" давно уже покоилась на молчаливомъ кладбищѣ, рядомъ съ Секлетеей), Вѣрочка, обойдя монастырскія службы, хлѣбную и квасную, вошла въ эту школу,—тамъ уже работало нѣсколько ея подругъ. Это была большая комната съ высокими окнами. Очевидно здѣсь все было вновѣ. Стѣны, ничѣмъ не оклеенныя, пахли еще лѣсомъ. На сосновыхъ доскахъ даже проступалъ смоляной потъ; некрашеный полъ, ничѣмъ не прикрытый, представлялъ еще много скважинъ и щелей, наскоро задѣланныхъ мохомъ. У оконъ, въ разныхъ положеніяхъ, стояли треножники и мольберты, тоже своего ручнаго монастырскаго дѣла. Окна были отворены, и теплый воздухъ, вмѣстѣ съ запахомъ цвѣтовъ, вольно струился сюда, чуть шевеля волосы бѣлицъ и обливая ихъ разгорѣвшіяся на работѣ щеки.

— Ну что, Саша? подошла Вѣрочка къ одной изъ своихъ пріятельницъ. — Какъ у тебя работа идетъ?

— Да вотъ боюсь, не совладаю съ глазами.

— Ой-ой-ой, какъ ты ихъ раскосила своему ангелу! засмѣялась Вѣрочка.

— А ты, чѣмъ смѣяться, взяла бы да и поправила.

— Сейчасъ. Дай наглядѣться. Эко искусство какое дивное, ты бы ужь на лбу третій глазъ ему написала.

— Экая злая!

И вспыхнувшая Саша взяла да и мазнула пальцемъ по свѣжимъ краскамъ.

— Милая, прости, я только пошутить съ тобой хотѣла.

Но у Саши крупныя слезы сыпались на румяныя, здоровыя щеки.

— Не думаешь же, что я обидѣть тебя пожелала.

И совсѣмъ растерявшаяся дѣвушка взяла свою подругу за руку.

— Нѣтъ, я не то... А досадно что второй годъ учусь и ничего у меня не выходитъ. У Ижотовскихъ богомазовъ лучше. Должно быть ужь такая уродилась я неспособная.

— Захотѣла—два года, я семь лѣтъ училась здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, должно быть ужь у меня выйти не можетъ.

— А знаешь почему? Бабушка Серафима состарилась, у тебя и образцовъ хорошихъ нѣтъ. Коли бы у насъ было съ чего, такія-ли мы бы картины здѣсь писали. Помнишь, прошлый мѣсяцъ, для Спасо-Евфимьевской церкви, что мы дѣлали. Змія геенскаго писали и въ пасть ему какихъ-то сломанныхъ грѣшниковъ посадили. Одинъ у меня даже вышелъ такимъ точно онъ у него въ зубахъ завязъ... А что подѣлаешь—просятъ! Церковь сельская, бѣдная. Коли-бы мы ей не написали такого образа, пришлось бы заказывать имъ у богомазовъ... А еще раньше помнишь? Мать Варлаама просила тоже для знакомой церкви написать и такого же змія... А въ пасть къ нему желѣзнодорожный поѣздъ съ грѣшниками и кочегаромъ-чортомъ на локомотивѣ, на всѣхъ парахъ двигается. Далеко-ли уѣдешь съ такими работами?

Саша, забывъ свои слезы, улыбалась уже.

Въ сѣняхъ послышался старческій кашель. Кто-то тамъ тяжело шаркалъ калошами по полу.

— Мать-игуменья, мать-игуменья! всполошились бѣлицы и какъ распуганныя пташки разлетѣлись въ разныя стороны, каждая къ своему дѣлу.

Сырая, тяжелая и очевидно тоже начинавшая страдать водянкою, мать Варлаама, задыхаясь и кашляя, взошла въ мастерскую, помолилась истово на образа и по привычкѣ пытливо оглядѣла дѣвушекъ.

— Здравствуйте, дѣточки, здравствуйте. Спаси васъ Царица Небесная.

— Вашими молитвами святыми, матушка...

— Ну гдѣ моимъ грѣшнымъ молитвамъ до свѣтлаго престола Ея вознестись... Работаете, красавицы?

— Работаемъ, матушка-игуменья...

— Ну, труждайтесь, труждайтесь... Труждающійся да ястъ, сказано... Въ тунеядствѣ бо нѣсть спасенія... А Серафима не пришла еще?

— Нѣтъ...

— По слабости своей... Постояла старушка божья въ церкви, и устала... Ну, пусть ее отдохнетъ. А гдѣ Вѣрочка?

Дѣвушка подошла и поцѣловала ей руку.

— Ишь какая краса богоданная ростетъ! Не здѣсь бы тебѣ быть—въ большомъ городѣ, по твоему таланту, слѣдовало бы тебѣ учиться и стала бы ты тогда писать всѣмъ на удивленіе. А то, что у насъ: житіе скудное, примѣра чтобы настоящаго не видишь... Ну, да никто какъ Богъ! Коли даетъ онъ тебѣ силу такую, значитъ, и на дорогу настоящую, какъ Моисея древле, выведетъ. Ты только Его помни. Ну, что бабушка?

— Кланяться приказала.

— Когда она хлѣбы-то печь будетъ?.. Испекла бы мнѣ булокъ. Такихъ, какъ у нея, ни у кого нѣтъ... Ну, садитесь-садитесь и работайте, а я посмотрю, да порадуюсь на васъ...

И мать Варлаама сѣла въ углу въ большое кожаное кресло, и радуясь прохладѣ и молодымъ лицамъ кругомъ, только вздыхала да перебирала четками.

— Слѣдовало бы мнѣ поученіе вамъ сказать, какъ въ свѣтѣ и въ монастырѣ жить, себя соблюдать и Богу угождать, да ужь очень я немощна и трудно мнѣ балакать съ вами, молодыми. Смѣяться-то вы не станете, а про себя подумаете пожалуй: „и что эта старая разболталась..." Орина? Ты это что—Егорія пишешь?

— Да, матушка, благословите.

— Ладно. А змія чудоваго подъ нимъ кончила? Что-жь ты ему сизыя крылья сдѣлала! Надо ему сѣрыя, какъ у мыши летучей.

— Да краски такой не хватило.

— Охъ, недостатки наши! А жало ему на хвостѣ позабыла?

— Нѣтъ, у него во рту жало.

— А ты и на хвостъ посади. Все страшнѣй будетъ. Опять же лапы ему написала ты короткія. Вытяни—тебѣ ничего не стоитъ, а богомольцу все поученіе... Прежде лучше писали. Помню, я еще молодая была,—съ батюшкой въ монастырь одинъ ѣздила, такъ тамъ Егорій былъ настоящій—не на конѣ сидѣлъ, а на львѣ крылатомъ, а у чудовища изъ пасти-то вмѣсто зубовъ зміи огненные торчали... Ажно задрожала я, какъ увидѣла, и изъ ноздрей у него пламя исходило, а изъ глазъ—стрѣлы сыпались. Это внушительно было... Ну, вотъ и мать Серафима ползетъ. Здравствуй, здравствуй!..

— Удостоили посѣтить, мать Варлаама.

— Да вотъ влѣзть-то влѣзла, а вылѣзти и трудно. Толста и стара, и ноги не слушаются.

— А вы бы изъ бѣлицъ кого взяли... Все бы опа васъ подъ локотокъ.

— И впрямь!.. Орину, что-ли? Она сильнѣй другихъ-то... Не тяжело тебѣ будетъ?

— Помилуйте, матушка, я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ, съ радостью.

— Ну, пособи старухѣ.. Потомъ, какъ доживешь до моего—и тебѣ подсоблять будутъ. Да... Эко ветхость моя, да забывчивость!.. Вѣрно на покой пора... Изъ города благодѣтельница генеральша Ольга Васильевна, дай ей Господь многія лѣта, прислала вамъ красокъ разныхъ, кистей и картинъ. Смотрѣла я, спаси ее Богъ, можетъ быть по ея скусу и хорошія картинки, а по моему—никуда не годятся! Все деревья, да рѣки, да горы... А то еще и съ козлами есть, и съ еленями. Ну, да въ Священномъ Писаніи про еленей сказано: „Аки елень на источники водные". Значитъ и то во спасеніе. Я съ Ориною и пришлю вамъ...

И старушка удалилась, опираясь на плечо сильной молодой бѣлицы.

— Вѣрочка, зайди ко мнѣ, призвала ее Серафима.

У монахини и здѣсь была своя отдѣльная комната.

— Садись. Новость есть у меня... Вчера получила телеграмму. Знаешь кто у меня сегодня будетъ?

— Не знаю... Родные?

— Нѣтъ... То-есть родной. Еще бы!.. Чего роднѣе—братъ мой. Слыхала ты? А, впрочемъ, я тебѣ и не разсказывала никогда. Моя вѣдь фамилія въ міру Ряднова была. Вѣрно ты видѣла въ журналахъ, что мы выписываемъ, гравюры съ картинъ Ряднова.

— Да развѣ это братъ вашъ?..

И Вѣра даже загорѣлась вся отъ любопытства.

— Да, какже.

— Вѣдь онъ художникъ—чуть не первымъ его у насъ считаютъ. Да, читала. Хоть бы глазкомъ однимъ взглянуть на него.

— И обѣими посмотришь. Я познакомлю тебя съ нимъ.

— Вотъ счастіе-то! Вотъ радость!.. То-то я во снѣ сегодня видѣла, будто мать Варлаама благословила картину мою на колокольню повѣсить высоко-высоко... Только ужь и смѣяться онъ станетъ надъ нами.

— Почему?

— А потому, простыя мы здѣсь, неученыя. Онъ-то, поди, къ какимъ привыкъ. Опять-же, что̀ мы тутъ пишемъ? Ему вовсе пожалуй и не интересно будетъ все это.

— Ну ладно!.. Тамъ увидимъ. Я сама о немъ лѣтъ пятнадцать извѣстія не имѣла. Онъ не писалъ,—только что̀ въ газетахъ о немъ говорили читала. Я пойду домой—приму его тамъ, а ты приготовь здѣсь, чтобы товаръ лицомъ показать ему. Нечего-де передъ нами голову-то задирать, мы сами не простыя... смѣялась Серафима, уходя.— Да вотъ что̀, остановилась она въ дверяхъ.—О тебѣ-то я съ нимъ отдѣльно говорить буду. Потому онъ многое можетъ если захочетъ...

Когда ея покровительница ушла, дѣвушка сообщила вѣсть, казавшуюся ей такою счастливою, другимъ подругамъ своимъ; но тѣ, къ крайнему ея удивленію, не обратили на это никакого вниманія. Одна изъ нихъ, младшая Алена, какъ ее звали тутъ, даже недовольно проговорила:

— Мало-ли ихъ сюда шляются. На прошлой недѣлѣ этотъ лохматый изъ города пріѣзжалъ—тоже, говорятъ, картины пишетъ. Какъ мать Серафима отвернулась, онъ и взялъ, дуракъ этакой, меня за подбородокъ, да и шепчетъ: „какая вы милочка..." Ну, я его тутъ, правду сказать, кистью въ носъ и ткнула.

— Да вѣдь вы понимаете, это знаменитость! Его картины у самого царя есть.

— А намъ-то что̀, намъ онъ ихъ не подаритъ, а подарилъ-бы—куда ихъ дѣвать!

Вспомнила Вѣрочка, какъ она всегда мечтала повидать бы хоть одного заправскаго, настоящаго художника, показать ему, что̀ она пишетъ, и отъ него услышать правду: стоитъ она чего-нибудь или не дальше этихъ подругъ своихъ пошла—богомазка простая, только съ претензіями большими. И по ночамъ ей снилось, что видитъ она то одного, то другаго изъ живописцевъ, картины которыхъ попадались дѣвушкѣ въ журналахъ разныхъ. Дивилась она имъ, любовалась ими. А теперь вдругъ ей страшно стало. Въ самомъ дѣлѣ, семь лѣтъ училась она, только этимъ жила и дышала, и вдругъ окажется, что ни къ чему. Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ это все созданное до сихъ поръ ею? И она даже съ ненавистью посмотрѣла на свои полотна. Ей больно стало за нихъ. Она зажмурилась, представляя себѣ, какъ Рядновъ войдетъ, презрительно обѣжитъ ихъ взглядомъ и отвернется съ гримасой. А потомъ вопросъ бабушки Серафимы: „Ну, что братецъ, какъ?.." И слѣдующій затѣмъ отвѣтъ: „Да ничего... Ничего... Старайтесь, барышни, старайтесь. Можетъ быть что-нибудь у васъ и выйдетъ". Ей приливала кровь къ щекамъ отъ этого. Заранѣе дѣлалось стыдно. Вправду, ну что̀ она, куда она годится со своею мазнею?.. Да развѣ что-нибудь могло изъ нея выработаться здѣсь въ глуши?.. И чѣмъ больше шло время впередъ, тѣмъ ужаснѣе становилось ея состояніе. Если бы было возможно, она кажется сейчасъ бы взяла-бы да ножемъ, ножницами, чѣмъ попало, изодрала всѣ эти холсты, чтобъ отъ нихъ остались самые маленькіе лоскутья, и зашвырнула ихъ подальше, такъ чтобы и не отыскать никому. А то тоже выдумала—работать! Точно не одна у ней дорога. Пока при бабушкѣ, а потомъ въ монастырь. Здѣсь состариться, обратиться въ такую же бабушку и замереть совсѣмъ, переживая отъ заутрени до обѣдни, отъ обѣдни до вечерни, отъ вечерни опять до заутрени—и такъ каждый день, и каждый годъ, пока не снесутъ ее, старую, развалившуюся, отекшую, желтую, подъ тѣ вонъ высокіе вязы и не схоронятъ въ мать сыру землю.

— Что̀ это ты, Вѣра? спросила Саша.

— А?..

— Да такъ ходишь изъ угла въ уголъ, ажь половицы дрожатъ... И побѣлѣла вся. Неможется тебѣ?

Вѣрочка сѣла въ кресло и застыла тамъ. Она закрыла глаза—такъ бы просидѣть до вечера, а вечеромъ домой уйти. И не видать бы этого Ряднова. Еще смѣяться станетъ, пожалуй. Она вѣдь не знаетъ, какой онъ. А что̀ если сказаться теперь больной, да уйти. Одно—мать Серафима обидится пожалуй... Нечего дѣлать, надо ждать. И она сидѣла и ждала, между тѣмъ какъ сердце ея, словно маятникъ, отбивало все время; сидѣла, безсознательно глядя въ окно на голубое небо, на вершины какихъ-то деревьевъ, на птицъ, пролетавшихъ мимо, и что-то весело и счастливо чирикавшихъ ей на-лету. Она и сама не знала, сколько времени просидѣла тамъ.

Орина, провожавшая игуменью, влетѣла въ мастерскую какъ сумасшедшая.

— Идутъ, идутъ!.. кричала она изъ сѣней.

— Кто идетъ-то?

— Мать Серафима съ какимъ-то цивильнымъ... Сюда идетъ.

И шмыгъ за свой мольбертъ.

VIII.

Вѣрочка опять зажмурилась, и когда открыла глаза, въ мастерскую уже входила бабушка Серафима съ братомъ.

Ставъ въ уголъ, дѣвушка оттуда всматривалась въ знаменитаго, какимъ она его считала, художника. Онъ былъ высокъ ростомъ и нѣсколько сутуловатъ. Глаза, вдумчивые, во все всматривались по привычкѣ пристально, точно наблюдая и отмѣчая повсюду характерныя черты. На блѣдномъ лицѣ—будто чужими ка-

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. У знахарки.

Картина Н. П. Шаховскаго (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Флюгель.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Старуха съ книгой.

Картина проф. Н. А. Кошелева (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. Шюблеръ.

зались большія чувственныя губы и энергическій, прямой подбородокъ. Высокій лобъ его начиналъ уже лысѣть и въ рѣденькой бородкѣ серебрились раннія сѣдины.

— Вотъ, братъ, и мое царство! Не даромъ и я, Ряднова, въ молодости кое-чему училась; не совсѣмъ, какъ видишь, забыла.

— Да у тебя и талантъ былъ. Если бы ты не пошла въ монастырь...

— Оставь объ этомъ, строго оборвала его Серафима, и какая-то тѣнь промелькнула по ея лицу.

— Чтò хорошо здѣсь у васъ—это виды изъ оконъ.

И не обращая вниманія на сидѣвшихъ за мольбертами ученицъ, поджавшихъ губки, чтобы показаться совсѣмъ „по-монашенски“ скромными и смиренными, онъ подошелъ къ ближайшему окну, да и застылъ тамъ, не отрывая взгляда отъ картины, раскидывавшейся передъ нимъ. Дѣйствительно, было чѣмъ залюбоваться. Мастерская была построена на холмѣ, за нею внизъ шелъ довольно крутой откосъ, занятый монастырскими цвѣтниками и садомъ. Въ лощинѣ пониже, молодыя деревья охватило весеннею зеленою дымкой, легкою какъ пухъ и пышною какъ облако. Изъ этого чуднаго царства первой листвы, еще не огрубѣвшей и не утратившей нѣжнаго аромата, подымались колоколенки и купола, и то прятались, то снова выходили на свѣтъ бѣлыя зубчатыя стѣны съ большими угловатыми башнями. Еще дальше змѣилась рѣка и далеко-далеко раскидывалась лѣсная глушь... Облако изъ-за нея всползло на небо, круглое, могучее — все оно по краямъ точно затлѣло подъ солнечными лучами.

— Да... Есть много хорошихъ художниковъ, а лучше природы не найдется мастера, раздумчиво проговорилъ гость.

— Вы, мірскіе, говорите—природы, а мы Творцу, великому художнику, все приписываемъ, наставительно прибавила сестра.

— Все равно. Смыслъ одинъ.

Въ его голосѣ чувствовалась какая-то усталость, иногда онъ даже срывался, какъ у всѣхъ, кто много думаетъ и наблюдаетъ, но мало говоритъ.

— Однако картины этого Великаго Художника ты еще увидишь, а теперь не угодно-ли тебѣ моихъ ученицъ посмотрѣть... Вотъ рекомендую — бѣлица наша Стефанія.

— Это вы что-же рисуете? мягко спросилъ Рядновъ, съ трудомъ оторвавшись отъ окна. Замѣтивъ смущеніе страшно покраснѣвшей дѣвочки, онъ постарался заговорить съ ней еще ласковѣе.—Хорошо... Право, недурно... Только чтò это такое?

— Я... я не знаю... Совсѣмъ пылала та, отводя глаза въ сторону и опуская ихъ внизъ. Очевидно ей хотѣлось уйти въ землю отъ этихъ разспросовъ.

„Э! да онъ не страшный совсѣмъ“, думала про себя Вѣрочка.

— Какъ не знаете?.. Вѣдь сами вы этого не видѣли?

— Нѣтъ, видѣла.

— Гдѣ же это?.. Развѣ вы были въ Сиріи?..

— Какой Сиріи?

— Да вѣдь это сирійская женщина у колодца.

— Я не была въ Сиріи, широко раскрыла глаза дѣвушка.—Я это въ журналѣ видѣла.

— Ты, братъ, не смущай ихъ. Наша обитель, видишь-ли, совсѣмъ бѣдная. Такая бѣдная, что выписывать образцы и оригиналы намъ далеко не по карману. Слава Богу, когда гравюры хорошія попадаются, да и тѣхъ мало. Ну, вотъ мои ученицы берутъ иллюстрированные журналы и пишутъ съ нихъ. А раскрашиваютъ: или по моему указанію, или какъ Богъ на душу положитъ. Для образовъ и для картинъ изъ Священнаго Писанія это ничего. Мы потомъ даримъ ихъ нашимъ посѣтителямъ и богомольцамъ, посылаемъ въ скудные и убогіе приходы. Еще какъ благодарны бываютъ!

— Да я ничего... улыбнулся Рядновъ. — Хотите я пришлю вамъ оригиналовъ?

— Чего? подняла брови удивленная дѣвушка.

— Оригиналовъ пришлю.

— Это что-же такое? перевела она недоумѣвающій взглядъ на мать Серафиму.

— Картины, съ которыхъ вы писать будете.

— Не знаю, право... Какъ матушка-игуменья благословитъ.

— А сами вы не желаете?

— Я... право... мы не можемъ такъ... Какъ матушкѣ будетъ угодно...

Рядновъ перешелъ къ слѣдующему мольберту и едва-едва могъ подавить улыбку, такъ и просившуюся на его губы. Онъ долго смотрѣлъ на знаменитаго Георгія Побѣдоносца:

— Вы это съ чего-нибудь пишете?

— Нѣтъ, изъ головы! отвѣтила бойкая Ирина.

— Кто-жь это вамъ посовѣтовалъ снабдить чудовище двумя жалами?.. Впрочемъ, это у него на хвостѣ не жало, а копье... Должно быть мать-природа выростила его...

— Я сама видѣла, смѣялась Ирина.

— Во снѣ?

— Нѣтъ, въ нашей церкви—въ селѣ. Тамъ точно такой Егорій.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ дальше.

И мать Серафима, взявъ его подъ-руку, повела къ другимъ бѣлицамъ. Рядновъ подолгу останавливался передъ нѣкоторыми. Бѣдныя, всѣ писали почти, воспроизводя на полотнѣ гравюры, помѣщавшіяся въ иллюстрированныхъ журналахъ, доступныхъ по цѣнѣ обители. Далъ журналъ Рафаэлевскую Мадонну, и Мадонна эта списывалась пятью-шестью ученицами, причемъ краски клались ad libitum—кто какую хотѣлъ. Одна дѣлала Богородицу съ черными глазами, другая съ голубыми. Одѣяніе ея то являлось краснымъ, то желтымъ, то синимъ, то зеленымъ. Рядновъ покачивалъ головою и хвалилъ, стараясь быть ласковымъ, и это стараніе, несмотря на незнакомство съ жизнью и людьми, такъ и читала въ его тонѣ Вѣрочка. Въ ней ужь сказывалось чуткое самолюбіе талантливой натуры, такъ часто замѣняющее опытность. „Да, хорошо, очень хорошо... Поздравляю васъ... Большіе успѣхи,“ ронялъ онъ, напоминая крупнаго столичнаго артиста, ненарокомъ попавшаго зрителемъ въ плохой любительскій спектакль, гдѣ никто ничего не знаетъ, всѣ врутъ, но врутъ наивно, играютъ скверно и неловко. А онъ всѣхъ хвалитъ и на всѣ вопросы отвѣчаетъ однимъ: „великолѣпно“. Чтò дѣлать, положеніе обязываетъ быть любезнымъ. Такимъ образомъ, обходя работы бѣлицъ и дѣвушекъ, жившихъ въ монастырѣ, Рядновъ началъ уже утомляться и все чаще и дольше заглядывать въ окно, за которымъ изъ-за лѣса серебрилось круглое облако, поднимаясь все выше и выше на темно-голубое небо. „И это недурно... Я радъ, что случай позволилъ мнѣ познакомиться съ вами!“ лѣниво ободрялъ онъ краснѣвшихъ ученицъ, какъ вдругъ остановился, точно его ударило что-то, раскрылъ широко свои усталые глаза да такъ и впился въ одну картину.

— Ради Бога... это кто у васъ рисовалъ?.. Да нѣтъ, не у васъ это вовсе... это подарили вамъ?

Серафима торжествовала. Вѣрочка стояла вся бѣлая какъ мѣлъ... Вотъ-вотъ упадетъ въ обморокъ...

— Нѣтъ, это не можетъ быть, чтобы здѣсь писали...

— Я для тебя подъ конецъ берегла сюрпризъ. Душа моя, Вѣрочка, подойди...

Видя что та не двигается съ мѣста, она взяла ее за руку и притянула къ себѣ.

Вѣрочкѣ казалось, что полъ ходуномъ ходитъ подъ нею.

— Вотъ рекомендую тебѣ и художницу. Это наша общая внучка, а мы всѣ ея бабушки.

Но Рядновъ вовсе не слушалъ ее. Онъ самъ схватилъ Вѣрочку за другую свободную руку и грубо толкнулъ ее къ картинѣ.

— Это вы писали, вы? Да ну-же!

— Я! чуть слышно отвѣчала Вѣрочка.

Рядновъ смотрѣлъ и молчалъ.

— Нравится? спросила его Серафима.

— Сколько вамъ лѣтъ? рѣзко обернулся онъ къ Вѣрочкѣ.

— Восемнадцать.

Опять задумался.

— И это вы, вы писали?.. Вы однѣ, безъ посторонней помощи?

— Я.

— И оригинала не было? Сами видѣли и сами написали?

— Да...

— Ну, такъ я васъ отъ души поздравляю: у васъ великій, слышите-ли вы меня, великій талантъ.

Точно небо раскрылось передъ нею, даже закружило всю... Ей-ли это говорятъ?.. И кто же!..—Бѣгите отсюда и учитесь. Учитесь серьезно и много.

И онъ опять уставился своими пристальными глазами въ полотно, бывшее передъ нимъ.

Вѣрочка написала на немъ верхнюю амбразуру монастырской колокольни. За перилами стояла въ ней молодая монахиня, блѣдная, больная и одновременно кроткимъ и печальнымъ взглядомъ смотрѣла задумчиво внизъ... Куда? Глядя на нее видно было что разумѣется не на монастырь, а далеко-далеко за его стѣны. Цѣлая драма читалась въ этомъ молодомъ лицѣ, полномъ самопожертвованія, тоски объ утраченномъ счастіи, раскаянія о произнесенномъ обѣтѣ... Рядомъ на перилахъ помѣстился бѣлый голубокъ, точно собравшійся сорваться и улетѣть куда-то.

— Это зачѣмъ? этого не нужно, это слишкомъ слащаво. Дайте мнѣ кисть. Нѣтъ-ли ножика?

И онъ нервно, порывисто счистилъ голубя прочь...

— Вонъ, вонъ его... озабоченно повторилъ онъ. — Такія вещи, сантиментальными деталями, только портятся.

Потомъ сѣлъ, взялъ краски, замазалъ выскобленное мѣсто... Опять воззрился на лицо монахини, мазнулъ у нея подъ глазами разъ, другой. Они сдѣлались отъ этого еще глубже и выраженіе въ нихъ усилилось. Мимоходомъ поправилъ руку... Усѣлся поудобнѣе и совсѣмъ забывъ гдѣ онъ и что онъ, сталъ работать, кладя блики въ одномъ мѣстѣ, смягчая грубость мазка въ другомъ, здѣсь проводя морщину, тамъ слегка поправляя тонъ и все время онъ объяснялъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ... Рядновъ, заработавшись, не видѣлъ, что всѣ эти раскраснѣвшіяся, любопытныя личики бѣлицъ, обступившихъ его, изъ-за его плеча наклонялись, лихорадочно слѣдя за его работою и затаивая дыханіе... Окончивъ съ лицомъ монахини, онъ, чтобы лучше разсмотрѣть сдѣланныя имъ поправки, откинулся и нечаянно ударился затылкомъ о вздернутый носъ Алены. Та даже и не крикнула, а только присѣла отъ боли. Но художникъ даже не замѣтилъ этого...

— Дайте-ка мнѣ индиго! приказалъ онъ.

Кисть его опять заработала, привычно, властно, смѣло. И вдругъ небо въ амбразурѣ колокольни — этотъ фонъ, на которомъ красиво выдѣлялась головка монахини,—стало жаркимъ... Такъ и почувствовалось, что теперь полдень, что солнце палитъ во всю и что только здѣсь, на колокольнѣ, есть еще клочекъ тѣни и оживляющей прохлады...

— Фигура деревянная! вырвалось у него. — Мало жизни у нея въ корпусѣ... И все это оттого, что вы слишкомъ старательно выписали платье, старались чтобы оно на ней сидѣло хорошо. Это ложь передъ дѣйствительностью. То есть не ложь, а... Ну да все равно. Вотъ видите какъ надо...

И онъ мазнулъ нѣсколько черныхъ тѣней на монашеской мантіи, разбросалъ на ней складки и вдругъ тѣло стало живымъ. Всѣ увидѣли, что монахиня дѣйствительно опирается на перила, что и платье легло такъ, какъ лежитъ обыкновенно.... Кончивъ все это, Рядновъ всталъ и самъ изумился. Что это онъ въ самомъ дѣлѣ?

— Однако и захватили же вы меня всего... Большой, большой талантъ...

И ни съ того, ни съ сего онъ наклонился и, взявъ дѣвушку за голову, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Я вамъ въ отцы гожусь... Не смущайтесь... Говорю вамъ: много, много вамъ дано. А кому много дано, съ того много и спросится. Такъ вѣдь у васъ говорится?.. обернулся онъ къ матери Серафимѣ.

— А у васъ не такъ? съ упрекомъ переспросила она, глядя ему въ глаза.

Онъ засмѣялся.

— Ну объ этомъ послѣ потолкуемъ, сестра... Нѣтъ, какой алмазъ отыскался у тебя! Вотъ не ожидалъ! Да она и сама...

И только теперь Рядновъ обратилъ вниманіе на Вѣрочку; ужъ пришедшая въ себя, счастливая, съ ярко разгорѣвшимися голубыми глазами, съ живымъ и свѣжимъ румянцемъ, залившимъ ей щеки, она была въ полномъ смыслѣ слова обворожительна. Въ волненіи она не замѣтила, какъ платокъ черный и уродливый, которымъ она завязывала себѣ голову, сползъ у нея и открылъ массу бѣлокурыхъ, бѣлѣе ея уже загорѣвшаго лица, волосъ.

— Да вы, барышня, и сами картина... Какъ звать-то васъ?

— Вѣра.

— А по батюшкѣ?

— Николаевна.

— Ну, Вѣра Николаевна, мы еще съ вами повидаемся и другія картины ваши посмотримъ. Потолкуемъ обстоятельно, какъ слѣдуетъ. Человѣку, такому какъ вы, любезности нечего говорить, надо указать, чего ему недостаетъ...

— Развѣ ты остаешься здѣсь? радостно спросила Серафима.

— Да, я думаю даже поработать... Недѣли двѣ ассигную на это.

— Вотъ и отлично. Да гдѣ же ты помѣстишься?

— Я уже нашелъ себѣ комнатку, у монастыря у самаго.

— У кого?

— А ужь этого не знаю... Самъ не спросилъ, мнѣ не сказали... Ну теперь пойдемъ къ тебѣ, сестра. Намъ обо многомъ, многомъ надо еще перетолковать и вспомнить многое... Прощайте, красавицы-дѣвицы, не поминайте лихомъ...

И онъ, возбужденный, счастливый, вышелъ изъ мастерской уже безъ того выраженія усталости, которое сначало было замѣтно и въ лицѣ его, и въ голосѣ.

IX.

Счастливая, задыхавшаяся отъ радости, Вѣрочка бродила по монастырю.

Теперь, именно теперь, ей хотѣлось быть одною. Идти домой — тамъ начнутся разспросы бабушки; къ монахинямъ — онѣ тоже набросятся на нее, желая узнать что̀ сказалъ ей Рядновъ, что̀ она думаетъ дѣлать... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ она думаетъ дѣлать? Теперь самой ей являлась эта задача—и она тщетно ломала себѣ голову надъ нею. Прежде другіе занимались этимъ, другіе тревожились за нее и задумывались. Э!

да не все-ли равно, пока такъ хорошо живется, и день свѣтелъ, и небо тепло и сине, и птицы поютъ такъ громко, и вся душа ея свѣтла, какъ день, и безоблачно лазурна какъ небо, и поетъ какъ эти птицы. Дѣйствительно, все въ ней пѣло. Теперь ей хотѣлось только одного, чтобы никто не пришелъ и не подсмотрѣлъ, что съ нею дѣлается. Смѣяться станутъ! Потомъ, когда она освоится со всѣмъ, привыкнетъ къ этимъ радостнымъ ощущеніямъ, заберетъ себя въ руки, она сама пойдетъ на нихъ... Только не сейчасъ, не сейчасъ...

Самое лучшее уйти къ покойникамъ.

Тамъ тихо, зелено, прохладно. Тамъ только вѣтки колышутся надъ безмолвными могилами, ревниво защищая ихъ отъ солнечныхъ лучей, чтобы они не мѣшали спать, не будили мертвыхъ. И Вѣрочка засмѣялась. Прежде, когда она была маленькой, ей самой казалось это такъ. Она вѣрила, что покойники просыпаются и выходятъ изъ своихъ могилъ, что ихъ только не видятъ живые, а они ходятъ между ними, подсказываютъ имъ, Богъ вѣсть съ какой стати, ни съ того, ни съ сего, разныя мысли, слова, зовутъ васъ громко по имени когда вы бѣжите одинъ или одна по аллеѣ, а оглянетесь—никого, только что-то словно смѣется въ воздухѣ, да холодная дрожь бѣжитъ по остывающему тѣлу. Птицы — тѣ ихъ видятъ, оттого-то такъ громко и радостно онѣ поютъ надъ могилами. Особенно щеглы такъ и выкрикиваютъ свои: „здравствуй, здравствуй, здравствуй!“

И Вѣрочка пошла, какъ шутя говаривала она, въ гости къ злымъ бабушкамъ, ставшимъ потомъ такими добрыми.

Вотъ купы вязовъ. Какъ важно и медлительно колышутся ихъ зеленыя вершины. Тихо - тихо качаются опущенныя вѣтви, точно онѣ концами своими ласкаютъ кого-то, притаившагося въ травѣ, точно заигрываютъ съ кѣмъ-то, кто ловитъ ихъ оттуда невидимыми руками. Дерновая скамья надъ безымянною плитою бабушки Секлетеи. Сѣла Вѣрочка и смотритъ— въ ней самой расцвѣли что-ли, цвѣты эти, распустились пышно и жадно дыша теплымъ воздухомъ эти почки... Вонъ голубые глазки какіе-то словно мигаютъ ей изъ травы лукаво и наивно... „Насъ не видать,“ точно говорятъ они, „а мы всѣхъ видимъ—и тебя тоже, и знаемъ, что ты теперь счастлива и радостна, какъ счастливы и радостны мы.“ Вонъ розовыя губы шиповника раскрылись безстыдно и жадно пьютъ прохладу, словно задыхаясь ею. Темно-красныя гвоздики курятъ благоуханія, словно кадила разсыпанныя въ травѣ... Роятся надъ ними съ соннымъ звономъ своимъ золотыя пчелы, заползаютъ во влажныя чашечки цвѣтовъ, со дна самаго пьютъ капельки проступившаго на немъ меда и, тяжело подымаясь, летятъ на дальніе ульи, къ пчельницѣ Аграфенѣ, что весь монастырь въ постные дни снабжаетъ такимъ вкуснымъ и какъ слеза чистымъ медомъ... Желтый курослѣпъ нахально подымается уже—ишь траву перерастаетъ, гордый цвѣтокъ. Чудится ему что онъ удержалъ на лепесткахъ своихъ золотой солнечный лучъ и бахвалится, и не совьется никогда съ какимъ-нибудь другимъ цвѣткомъ... А птицы-то, птицы! такъ и заливаются щеглы. Одинъ уцѣпился за конецъ слабенькой вѣтки и старается во всю, точно горошина перекатывается по его горлу, и маленькіе булавочные глазки такъ и радуются, такъ и дразнятъ Вѣрочку. Чижи разодрались въ липѣ, только слышны ихъ крики и безпокойные голоса. И впрямь разодрались; желтый пухъ посыпался, должно быть досталось кому-нибудь. Меланхолически посвистываютъ дрозды.. И они прилетѣли... Прислушивается - прислушивается Вѣрочка къ ихъ гаммѣ и никакъ понять не можетъ, на что это они жалуются, на кого, на какую теперь обиду плачутся... Дрозды съ дѣтства съ самаго были ея любимцами. Затаясь въ травѣ или въ кустахъ, забывалась она, глядя какъ они комками швыркаются въ траву, у самаго ея носа, точно камни, пущенные чьею-нибудь сильною рукою...

Хорошо!.. Такъ хорошо, что такъ бы и крикнула на весь этотъ благоухающій, поющій и согрѣтый солнцемъ міръ.

Онъ сказалъ, что у нея талантъ, большой талантъ... *Онъ* до того забылся, что самъ засѣлъ за ея картину. О, она сохранитъ ее до конца жизни! Она по глазамъ его видѣла, что онъ не лгалъ. Такъ не лгутъ. Ишь какъ загорѣлся самъ! И вѣдь никто ему не указывалъ на ея картину, самъ отыскалъ ее и остановился... Теперь ей и работать будетъ легче, теперь она знаетъ, чего можетъ ожидать отъ себя... О, она не сложитъ рукъ, не уподобится рабу лѣнивому, зарывшему ввѣренное ему богатство въ землю! Она пріумножитъ его, чтобы всѣ ее любили и гордились ею, и настоящая ея бабушка, и тѣ другія, обительскія бабушки. И когда сдѣлается она знаменитою художницей, она пришлетъ имъ много - много своихъ картинъ, такъ много, что люди нарочно станутъ ѣздить въ этотъ захолустный монастырь, чтобы только полюбоваться ими... Жизнь теперь передъ нею ложится безбрежнымъ, широкимъ просторомъ. Алѣющая заря встаетъ, въ ея сіяніи тонутъ зловѣщія тучки, ни одной не видать... Неужели и всякій ожидающій ее день будетъ такъ же свѣтелъ и безмятеженъ?.. Какое это радостное чувство — увѣренность въ самой себѣ! Ничто не можетъ сравниться съ нимъ, ничто! Вчера еще могли быть колебанія, разочарованія, а сегодня легко и хорошо... И какими счастливыми она сдѣлаетъ ихъ всѣхъ, всѣхъ, кого привыкла любить съ дѣтства... Бѣдной больной старушкѣ Степанидѣ-подворотницѣ, отдѣльную, свѣтлую, сухую и здоровую келью выстроитъ, большую печь прикажетъ ей вывести, чтобы ветхой деньми бабушкѣ тепло и уютно тамъ было. Нарочно для нея напишетъ картину: темную арку воротъ, грозно стоящую подъ нею съ розгой въ рукахъ и добрымъ-добрымъ лицомъ Степаниду, такимъ добрымъ, что чѣмъ строже она хмурится, тѣмъ добрѣе глаза ея свѣтятся, а вдали—не рѣшающуюся переступить черезъ этотъ порогъ потеряннаго рая, смущенную, раскраснѣвшуюся виноватую дѣвочку съ опущенными глазками и невѣдомо зачѣмъ перебирающую свое платье тоненькими пальчиками еще только складывающихся рукъ... И опять нарисуетъ и старицѣ Ѳеодосіи, помнящей „ея шкоды“, подарить картину, изображающую ея пріятельницу, злую бабушку Секлетею, когда она, захвативъ за ухо маленькую шалунью, написавшую углемъ на стѣнѣ что-то обидное ей, обернулась и кричитъ на всю обитель и изо всѣхъ келлій выбѣгаютъ встревоженныя простоволосыя монахини... Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!.. Теперь довольно, не станетъ она писать ни змѣевъ крылатыхъ, ни чудовищъ огнедышащихъ, ни грѣшниковъ изъязвленныхъ, съ головками змѣй поселившихся въ ихъ тѣлѣ и съ надписью изъ пасти каждой змѣи, какой именно грѣхъ она представляетъ. Впрочемъ нѣтъ, еще одно исключеніе сдѣлаетъ она, такъ и быть, для матери Варлаамы. Самую страшную на ея вкусъ напишетъ ей картину, съ адомъ, съ исковерканными осужденными въ немъ — какъ закажетъ ей простодушная игуменья.

— Оставаться-ли мнѣ здѣсь?..

И она въ первый разъ равнодушными глазами оглядѣла обитель.

Точно что-то въ эти два-три часа сдѣлалось съ этими старыми стѣнами. Будто принизились онѣ и облупились еще болѣе, и колокольня словно въ землю вросла, и купола ихъ потускли... И самый соборъ отсюда сквозь деревья такимъ неуклюжимъ смотритъ, и слишкомъ суровы угодники, написанные на его стѣнахъ...

Кровавая годовщича во Франціи Шарлотта Корде на пути къ гильотичѣ Рис де-ла Шарлери грав. Гейне.

Кровавая годовщина во Франціи. Топленіе вандейцевъ въ Луарѣ. Рис. де-ла-Шарлери, грав. Гейне.

У входа, у самыхъ дверей въ соборъ спитъ монахиня на стулѣ... Мухи ее облѣпили всю... Сладко спитъ... И все кругомъ спитъ также... Да, теперь ее, еще вчера такую простую и наивную дѣвушку, міръ зоветъ и неудержимо влечетъ къ себѣ. Широкій и загадочный какъ море, столько лѣтъ тщетно бившійся своими неугомонными волнами въ эти старыя стѣны... Туда, туда, скорѣе — на удачу! Пусть вѣтеръ надуваетъ паруса, пусть непогода несетъ ея ладью... Навстрѣчу зарѣ, ярко свѣтящей ей, навстрѣчу тѣмъ невиданнымъ берегамъ, о которыхъ до сихъ поръ только читала она, но никогда ихъ не видѣла даже во снѣ!..

И вдругъ будто все перевернулось... Разомъ что-то оборвалось въ ея сердцѣ...

Надъ церковью Варвары великомученицы глухо ударилъ колоколъ... Другой отвѣтилъ ему съ главной колокольни и два этихъ полныхъ, густыхъ и тягучихъ звука, переплетаясь и волнуя застоявшійся воздухъ, понеслись въ высоту далеко-далеко... Вслѣдъ за ними мальчишески задорно, словно въ перебѣжку, зазвонили маленькіе колокола тоненькими и радостными голосами... Опять загудѣли большіе—и далеко-далеко ожило все спавшее, все замершее было въ полуденномъ зноѣ... Неужели тамъ, въ этомъ суетномъ морѣ „міра прелестнаго", она не услышитъ больше этихъ колоколовъ, подъ звонъ которыхъ она росла здѣсь и радовалась, и печалилась,—колоколовъ, встрѣчавшихъ ея утро и провожавшихъ ея вечеръ?.. Какъ часто они отгоняли отъ нея дурныя мысли, какъ благоговѣйна и свята казалась тишина, смѣнявшая ихъ торжественную и важную молвь!..

И Вѣрочка ни съ того, ни съ сего разрыдалась, да такъ, что все еще цѣплявшійся за вѣточку вяза щегленокъ сорвался прочь и камешкомъ ударился въ чащу липъ, гдѣ продолжали возиться неугомонные чижи...

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

IV.

Предвѣщанія ея сбылись. На слѣдующее утро я проснулся совершенно бодрымъ, боли почти не ощущалось, и при другой обстановкѣ, я не преминулъ бы пуститься немедленно на поиски заколдованной Михайловки; но маіоръ такъ добродушно кипятился, выказывая всю безразсудность подобнаго поступка, Катерина Александровна такъ убѣдительно просила подарить имъ хоть одинъ денекъ, а въ довершеніе, Ольга Андреевва такъ задушевно глянула на меня, что, нечего грѣха таить, служебное рвеніе тутъ же охладѣло, и я, съ помощью услужливой софистики, пришелъ къ убѣжденію, что существенный интересъ не пострадаетъ отъ суточной проволочки.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но неизгладимымъ рѣзцемъ запечатлѣлся въ моей памяти этотъ короткій день, проведенный въ простой радушной семьѣ, словно у тихой пристани. Какъ теперь вижу просторную комнату, съ дешевыми, свѣтлыми обоями, съ балкономъ, выдающимся на незатѣйливый и уже оголенный садъ. Она служила заразъ и гостиной, и столовой.

Въ углу, старомодный кожаный диванъ съ протертыми мѣстами, носившій слѣдъ многочисленныхъ странствованій, излюбленное мѣсто стараго маіора. Вблизи круглый столъ, покрытый бѣлою вязаною салфеткой, поднесенною одной изъ дѣвочекъ-подростковъ въ торжественный день; на немъ въ порядкѣ лежала цѣлая кипа „Русскаго Инвалида", единственной газеты, за которой маіоръ признавалъ право гражданства. Рядомъ помѣстительная корзинка съ рукодѣліемъ Ольги Андреевны, исполнявшей зачастую обязанность лектрисы, когда маіоръ утомлялся читать вслухъ приказы отдаваемые по русской арміи. На подоконникѣ красовались горшки съ пахучей геранью, а надъ ними высилась клѣтка съ канарейкой, щебетаніе которой покрывало даже по временамъ дѣтскіе возгласы.

Кругомъ стѣнъ чинно стояла разнокалиберная мебель, отнюдь не претендовавшая на изысканность современнаго комфорта, такъ какъ жесткія сидѣнья могли соперничать лишь съ деревянными неуклюжими спинками. Въ простѣночномъ зеркалѣ отражалась лубочнаго исполненія, но бьющая въ глаза рѣзкостью тоновъ, объемистая картина, изображающая какой-то эпизодъ Севастопольской обороны.

Въ глазахъ Андрея Васильевича она составляла достопримѣчательность его скромнаго дома, и онъ никогда не упускалъ случая торжественно подводить къ ней каждаго посѣтителя; тутъ-же слѣдовалъ разсказъ о продолжительномъ пребываніи въ одномъ изъ бастіоновъ, о полученныхъ тамъ двухъ ранахъ, и со вполнѣ законнымъ чувствомъ гордости, обращалось вниманіе на тутъ-же висѣвшій подъ стекломъ дипломъ на георгіевскій крестъ.

Въ установленные часы, уже знакомая мнѣ Матрена, въ сопровожденіи молодой дѣвки въ яркомъ сарафанѣ, накрывали столъ, вносили дымящійся супъ или шипящій самоваръ, и вся семья собиралась вокругъ. Меня сажали на почетное мѣсто, и съ чисто русскимъ хлѣбосольствомъ, всѣ наперерывъ старались отгадать мои вкусы или предупредить мои желанія.

Вглядываясь въ стройный обликъ Ольги, окруженной цѣлою группой бѣлокурыхъ и смуглыхъ дѣтей, которыхъ она степенно одѣляла толстыми ломтями ею нарѣзаннаго домашняго хлѣба, я невольно вспомнилъ о Гётевской Шарлоттѣ; но долженъ сознаться, что прежняя охота подтрунивать надъ сентиментально-влюбчивымъ Вертеромъ пропала у меня.

Впервые встрѣченная въ жизни необычайная красота и чарующее изящество внушали мнѣ непреодолимое желаніе заглянуть хоть поверхностно въ ея духовный міръ.

Весь день прошелъ въ общихъ разговорахъ, въ обоюдныхъ разспросахъ, и лишь вечеромъ, когда Андрей Васильевичъ пошелъ совѣщаться со своимъ кучеромъ, какъ бы доставить меня въ его тарантасѣ до пресловутой Михайловки, а Катерину Александровну вызвала Матрена для какого-то распоряженія, я остался наединѣ съ молодой дѣвушкой.

— Я полагаю, Ольга Андреевна, началъ я въ видѣ предисловія,—что послѣ петербургской жизни, деревенское одиночество тяжело на васъ отзывается?

— И вы жестоко ошибаетесь, отвѣтила она съ обворожительной улыбкой, не вмѣщавшей однако и тѣни кокетства.— Тамъ я была пересажена на чуждую почву, здѣсь — я дома, у своихъ.

— Чувство вполнѣ понятное. Однако-жь, въ ваши годы чувствуется потребность въ обществѣ, въ развлеченіяхъ...

— Вы это изъ собственнаго опыта выводите? перебила она.

— Нѣтъ, мнѣ они останутся долго, если не всегда, чуждыми. Послѣ юности, знавшей только одни лишенія, для меня настала трудовая жизнь; но для женщины, для молодой дѣвушки въ особенности, это статья иная.

— Нѣтъ, отчего же, но мнѣ довольно быть просто полезною всѣмъ окружающимъ насколько силъ хватитъ.

Она произнесла это безъ всякой рисовки, такъ естественно, какъ уже сложившееся въ ней непоколебимое убѣжденіе.

— И въ итогѣ будетъ одно лишь постоянное самоотверженіе?

— Ну, громкія слова подъ стать великимъ дѣяніямъ, а малому кораблю мелкое плаваніе. На то и многочисленныя семьи чтобы хлопотъ и занятій на всякаго взрослаго хватало. Отецъ и мать всѣ старанія приложили, зачастую подвергались лишеніямъ, чтобы дать мнѣ образованіе; теперь насталъ мой чередъ благодарить ихъ, помогая развитію подростающихъ братьевъ и сестеръ.

— Неужели этотъ мелкій, тяжелый кругъ педагогической дѣятельности можетъ удовлетворить васъ при вашей юности?

И у меня чуть было не сорвалось: „и красотѣ".

— Да я педагогикой со всѣми ея теоріями и воззрѣніями вовсе и не задаюсь, отвѣтила она съ очаровательною улыбкой.— Что впрочемъ не мѣшаетъ мнѣ—вѣрьте или нѣтъ, это ваша воля—справляться съ дѣломъ не хуже многихъ патентованныхъ воспитательницъ. Какъ вамъ это нагляднѣе истолковать? Онѣ добросовѣстно, методичнѣе чѣмъ я, можетъ статься, относятся къ задачѣ; запасъ знаній навѣрно гораздо обширнѣе будетъ, а перевѣсъ все-таки въ концѣ концовъ останется за мной. Я всю душу полагаю въ преподаваніе своимъ дорогимъ близкимъ, изощряясь выяснять смутное не книжными примѣрами, а упрощенными мыслями, сочувствую имъ во всѣхъ встрѣчаемыхъ трудностяхъ, а какъ искренно радуюсь малѣйшему успѣху! Это-то и устанавливаетъ между ними и мною ту духовную, свѣтлую связь, поддерживающую въ нихъ постоянно бодрость духа и удаляющую отъ свободно взятаго труда всю горечь и сухость, на которую такъ часто пеняютъ. Жаль что вы ужь завтра насъ покидаете, закончила она, — я заставила бы васъ присутствовать при моемъ классѣ, и вы сами бы увидѣли что въ моихъ сло-

вахъ нѣтъ ни тѣни хвастливости, а лишь убѣжденіе почерпнутое изъ опыта.

— Я и безъ всякаго экзамена готовъ вамъ повѣрить на слово и преклониться передъ вашимъ методомъ, но изложеніемъ его вы избѣгли прямаго отвѣта на мой вопросъ. А меня всецѣло занимаетъ мысль, какъ можно мириться съ жизнью однообразною, сѣрою какъ это широко раскинувшееся надъ нами небо, когда извѣдалъ за предѣломъ этого узкаго горизонта оживленіе, интересы, стремленія, постоянный водоворотъ столицы?

— Жаль и тутъ мнѣ нельзя не сказать: поживите —присмотритесь. Вотъ скоро годъ что я вернулась къ своимъ, и этотъ годъ промчался такъ быстро, что мнѣ иногда кажется будто всего двѣ-три недѣли какъ я каталась съ тетей по Невскому, или слушала, замирая отъ восторга—вы видите я этого не скрываю—Патти въ какой-нибудь модной оперѣ. Тамъ меня ласкали, баловали, старались развлекать и веселить, а часто, не смотря на всѣ заботы тети, мнѣ было душно, скучно, сердце рвалось сюда! Вы упомянули про интересы, оживленіе; пожалуй такъ, но сколько пустоты скрывается за ними! Каждый стремится безъ оглядки къ своей цѣли, выбивается изъ силъ для какого-нибудь мѣста, креста, чина, почести, а какъ вникнешь хорошенько,—какіе это все пустяки! Я такъ же какъ и всѣ, жила тамъ для себя, и этого сознанія было достаточно чтобы мысленно краснѣть, сравнивая это безполезно потерянное время съ трудовыми днями матушки. Съ возвращеніемъ въ этотъ забытый уголокъ, мой личный горизонтъ расширился, а душевный недугъ какъ рукой сняло. Теперь я уже пригдядѣлась къ домашнему хозяйству; мама можетъ по утру лишній часъ поспать, въ увѣренности что ничего отъ этого не пострадаетъ. Съ Божіею помощью нашъ Сережа выдержалъ вступительный экзаменъ однимъ изъ первыхъ. У отца зрѣніе стало слабѣть, въ особенности при свѣтѣ, слезы навертываются, словно туманъ застилаетъ глаза; каково ему было длинные, зимніе вечера одному коротать? Мама за день такъ устанетъ, что лишь только уложитъ дѣтей, ее неодолимо клонитъ ко сну; за то теперь, какъ все въ домѣ стихнетъ, я вступаю въ должность лектрисы. Чтеніе, по правдѣ сказать, довольно одностороннее бываетъ; главное чтобы про походы, сраженія и непремѣнно подвиги русской арміи. Мы всего Михайловскаго-Данилевскаго по этой части изучили. Переходъ Суворова черезъ Альпы изъ книги Милютина я хоть сейчасъ наизусть скажу, а вотъ „Войну и миръ" Толстаго такъ мнѣ пришлось одной дочитать. Взглядъ автора на ходъ военныхъ дѣйствій раздражалъ батюшку, а какъ мы дошли до пассивной, или вѣрнѣе, случайной роли всѣхъ вождей въ бранномъ дѣлѣ, такъ онъ просто вышелъ изъ себя, вырвалъ у меня книгу изъ рукъ, да приказалъ чтобъ она никогда ему на глаза не попадалась. Не мало труда мнѣ стоило успокоить его.

— И вы не дремлете за этимъ чтеніемъ? Честь и слава вамъ! По моему за одно это времяпровожденіе васъ можно было бы причесть къ сонму прославленныхъ героевъ.

— Не смѣйтесь, тихимъ, задушевнымъ голосомъ возразила она мнѣ.—Не можетъ быть чтобъ у васъ въ жизни не было сильной привязанности—къ отцу, матери, сестрѣ, чтобъ вы не испытали хоть разъ какъ хорошо на душѣ, когда вамъ удалось успокоить, утѣшить, обрадовать ихъ! Скажите, какое личное, даже возвышенное удовольствіе можетъ сравниться съ этимъ сознаніемъ. Если жъ, силой обстоятельствъ, оно осталось вамъ чуждо, мнѣ остается лишь одно — пожалѣть о васъ.

— Вы рѣдкая, чудная дѣвушка! невольно вырвалось у меня, и съ чувствомъ пылкаго восторга я схватилъ ея руку и крѣпко пожалъ ее.

Легкая краска пробѣжала по ея задумчивому челу. Она удивленно взглянула на меня, и такъ же просто отвѣтила:

— Въ чемъ же рѣдкость? Вамъ должно-быть не приходилось затрогивать эту тему съ другими женщинами, говорить съ ними откровенно по душѣ, если это васъ такъ поражаетъ! А ужь въ заслугу себѣ я и не помышляю этого ставить. Счастіе слагается по понятіямъ каждаго человѣка и слѣдовательно непремѣнно своеобразно. Что кажется мнѣ верхомъ блаженства — вызвало бы можетъ-быть улыбку состраданія на лицѣ свѣтской женщины. Да къ чему далеко искать, развѣ вы сами не начали съ того что чистосердечно меня пожалѣли, полагая что я въ этой глухой деревушкѣ томлюсь какъ вольная птица въ клѣткѣ? А я надѣюсь, что я достаточно убѣдила васъ какъ мнѣ дорогъ мой маленькій мірокъ, какъ онъ отвѣчаетъ всѣмъ моимъ потребностямъ...

— Ольга Андреевна, разрѣшите-ли вы мнѣ поставить еще одинъ вопросъ?

— Важнѣе или нескромнѣе предъидущихъ, должно быть, если требуется особое предисловіе? Отчего же нѣтъ.

— Вы только что упомянули про счастіе свойственное каждому человѣку отдѣльно. Я съ вами согласенъ, и оттого-то мнѣ дорого было бы знать, какъ именно вы понимаете его, приподнять хоть край завѣсы вашихъ завѣтныхъ думъ.

— А ну какъ вы прежде всего узнаете, что я считаю любопытство далеко не исключительно женскимъ порокомъ?

И слегка приподнятая верхняя губка придавала ей не то насмѣшливое, не то лукавое выраженіе.

— Вы не дипломатъ и не свѣтская дама, какъ, по крайней мѣрѣ, тотчасъ утверждали, чтобы прибѣгать къ уловкамъ; а я настойчивъ. Повторяю: чего вы ждете отъ жизни?

— Ничего не жду, еще меньше требую, а живу—и счастливо, отвѣтила она твердо и ясно.

На минуту, словно навѣянная дума заволокла ея оживленное выраженіе. Я молча любовался ею. Огонекъ вспыхнулъ снова въ ея глубокомъ взорѣ, когда она продолжала:

— Вы не подумайте, что кромѣ ежедневной, трудовой жизни, я никакихъ радостей не знаю... Вотъ, напримѣръ, лѣтомъ, когда старшіе найдутъ что мнѣ отдохнуть надо или просто такой стихъ на меня найдетъ, возьму я книгу, только не эпопею на этотъ разъ, и пойду въ рощу, тутъ недалеко, съ версту будетъ... Тамъ у меня излюбленное мѣсто есть. Дѣти его Ольгинымъ царствомъ прозвали. Высокій столѣтній дубъ съ широко раскинутыми вѣтвями, надъ холоднымъ, прозрачнымъ ручейкомъ. Въ самые знойные дни тамъ тѣнь и особая, убаюкивающая тишина. Сначала я примусь внимательно читать, а мало-по-малу, сама не берусь объяснить *какъ*, въ головѣ у меня, точно собственная книга слагается, и всѣ вопросы которые меня или тревожили или смущали, вдругъ снова возстаютъ, и для всѣхъ у меня мгновенно является разгадка, такая полная, простая. И мнѣ такъ легко становится на душѣ. Я такъ ясно чувствую, что все зло на землѣ происходитъ отъ недоразумѣній. Еслибы каждый человѣкъ могъ бы взойти въ себя, глазъ-на-глазъ съ природой, онъ уразумѣлъ бы цѣль жизни, устыдился бы своихъ дурныхъ помысловъ, отрекся бы отъ зависти, вражды и гнѣва и сердце его преисполнилось бы одной любовью ко всему и ко всѣмъ... Я по цѣлымъ часамъ способна лежать тамъ, на мягкой, душистой травѣ, съ яркими просвѣтами голубаго неба межъ тихо шелестящихъ листьевъ, прислушиваясь къ веселому треску кузнечиковъ, къ пѣнію птицъ, перекидывающихся своими трелями, пока наконецъ сгрустнутся обо мнѣ дома и придутъ звать меня къ ужину. И я всякій разъ съ новыми силами, точно возродившись, возвращаюсь домой, къ жизненной прозѣ.

Она вдругъ остановилась, пытливо взглянула на меня, и какъ будто отвѣчая собственной мысли:

— Да, я не ошиблась.

— Въ чемъ? въ свою очередь удивленно спросилъ я.

— Да просто въ томъ, что я такъ откровенно принялась выкладывать свою душу передъ вами. Вообще я привыкла таить въ себѣ свои впечатлѣнія. Подѣлиться не съ кѣмъ... Мамѣ недосугъ; помню, я какъ-то разъ попробовала—она только махнула рукой, прибавивъ, что и въ молодости-то она до фантазерства не охотницей была. Съ отцомъ мы душа въ душу живемъ. Я, можетъ статься, не напрасно его любимицей слыву въ семьѣ, но не съ его характеромъ вдаваться въ отвлеченности. Дѣти еще малы. Вы же мнѣ человѣкъ совершенно чужой, случай занесъ васъ къ намъ, завтра мы разстанемся, чтобы, вѣроятно, никогда болѣе не встрѣтиться; а съ вашихъ первыхъ словъ я почувствовала, что между наши характерами есть что-то общее, и что, во всякомъ случаѣ, вы не способны трунить надо мной.

— Для этого надо быть совсѣмъ дурнымъ или погибшимъ человѣкомъ, возразилъ я съ жаромъ; — съ моей стороны было-бы дерзкимъ самомнѣніемъ полагать, что я на самомъ дѣлѣ заслуживаю вашъ лестный отзывъ, но вы не ошиблись въ томъ, что я способенъ оцѣнить то, что мнѣ довелось услышать.

— То-то! шутливо погрозилась она.—Иначе васъ слѣдовало бы въ наказаніе продержать еще цѣлыя сутки у насъ въ плѣну.

— И какъ бы я благословилъ свою судьбу! невольно вздохнулъ я.

— Такъ за чѣмъ-же дѣло стало?

— А слѣдствіе? Полагаю, что меня въ Михайловкѣ ждутъ не дождутся. Несчастнаго Мурашкина третьи сутки не хоронятъ.

— Да, вы правы, мѣшкать грѣшно. И какъ это у людей руки подымаются на подобныя дѣла! съ глубокимъ вздохомъ замѣтила она.

— Онъ слылъ за богача по всему околотку. Цѣль бросается въ глаза. Деньгами разсчитывали поживиться.

— Деньги! все деньги!.. И въ нашемъ мирномъ уголкѣ рѣдкія бури ими только и нагоняются. Придетъ письмо отъ Коли, старшаго брата... Ну, конечно, онъ молодъ, жизнь въ Твери дороже, чѣмъ въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ... Наконецъ, товарищи, веселыя пирушки, искушенія на каждомъ шагу... Назначеннаго, по правдѣ сказать, скуднаго содержанія далеко не хватаетъ. Вотъ и разразится гроза. Отецъ топаетъ, бранится, достается всей молодежи огуломъ, клянется, что болѣе не станетъ потакать дурнымъ наклонностямъ; мама плачетъ, убивается, иногда даже въ постель сляжетъ; дѣти притихнутъ, а я лавирую между ними, стараясь примирить враждующія стороны.

— Въ концѣ-концовъ слабый полъ торжествуетъ и субсидія все-таки высылается, вставилъ я.

— Не даромъ же прикажете мнѣ тактику изучать; а вотъ,

Кровавая годовщина во Франціи. Шарлотта Корде. Рис. Ранберъ, грав. Паннемакеръ.

Кровавая годовщина во Франціи. Г-жа Роланъ. Рис. Ранберъ, грав. Паннемакеръ.

прибавила она со вздохомъ,—ни въ какой книгѣ не найдете средства разбогатѣть.

— Вотъ и довелось мнѣ, Ольга Андреевна, изловить васъ на противорѣчіи!

— Гдѣ-же вы взяли противорѣчіе? Развѣ мнѣ лично деньги нужны? — искра неподдѣльнаго негодованія блеснула въ ея взорѣ.—Домъ свой есть, одѣта, сыта, книгъ достаточно! Неужели я отважилась бы грѣшить противъ Бога, прося бо̀льшаго? Хотите знать, на что̀ они мнѣ нужны, эти миѳическія богатства? Такъ слушайте-же!—И пригибая свои тонкіе пальцы къ ладони, она стала высчитывать:—старика бы нашего я тотчасъ бы свезла на воды на Кавказъ. Какъ ненастье настанетъ, ревматизмы его такъ разойдутся, что до окоченѣлости членовъ доводятъ. Маму не допускала бы горевать очень часто, когда приходится счеты сводить. Колю-бы содержала такъ... ну, какъ у нихъ тамъ принято. Всѣмъ дѣтямъ полную обмундировку. Съ годами всѣхъ братьевъ на ноги бы поставила, сестеръ замужъ бы выдала, каждой бы приданое дала, и...

— И что? вставилъ я, любуясь ея оживленіемъ.

— Ахъ, да, позабыла... Вдовѣ пономаря непремѣнно бы корову купила, взамѣнъ ея рыжей, что третьяго дня пала.

— А что-же сами? полюбопытствовалъ я.

— Что сама? Не нарадовалась бы глядя на нихъ и зажила-бы себѣ припѣваючи.

— То-есть, нашли бы себѣ хорошаго мужа, хоть немного къ вамъ подходящаго, и полюбили-бы его всей душой?

И высказывая это предположеніе, я почувствовалъ что меня словно въ сердце кольнуло.

— Ну, *то-есть*-то ужь здѣсь не у мѣста. Признаться откровенно, я никогда не задавалась мыслію о замужествѣ. Поглядите сами, развѣ мнѣ мало чѣмъ наполнить сердце?

И она сіяющимъ нѣжнымъ взоромъ обвела группу свѣжихъ, веселыхъ дѣтей, шумно ворвавшихся въ двери.

— Оля! Оля! Что-же ужинъ? Мы всѣ проголодались! вопилъ бойкій мальчикъ, влѣзая ей на колѣни.

— Олинька! голубушка! приди, растолкуй мнѣ, полушепотомъ молила сестра-подростокъ, — какъ я ни трудилась, а не могу одна одолѣть эту противную задачу.

— Выручай, душечка Оля, живѣе! приставала, въ свою очередь, десятилѣтняя вострушка.—Я, ей Богу, не виновата. Надо же было этому глупому гвоздю разодрать мое платье. Гляди, дыра какая! Если мама замѣтитъ—быть грозѣ. А игру эту придумалъ все онъ!

И она толкнула въ спину младшаго брата, уставившаго въ полъ свои пристыженные глаза.

— Хорошо, хорошо, сейчасъ разберу, успокаивала она ихъ, — пойдемте вмѣстѣ. А заболталась я таки съ вами! Хоть сознаетесь-ли теперь, что жизнь моя достаточно полна, и что всякое сожалѣніе обо мнѣ было-бы совершенно излишнимъ?

Я подавилъ тяжелый вздохъ и молча кивнулъ головой.

(Продолженіе будетъ).

Кровавая годовщина во Франціи (1789—1889).

(Рис. на стр. 557, 560, 561, 564 и 568).

Французскіе республиканцы, въ связи съ текущею парижскою выставкой, празднуютъ столѣтнюю годовщину событія, которое нѣкогда, сравнительно еще недавно, считалось международною, всемірною эрой, въ родѣ паденія Западной Римской имперіи, бѣгства Магомета, Крестовыхъ походовъ, открытія Америки и т. п. Стоя у подножія башни—нельзя вѣрно опредѣлить ея высоту, которая кажется громадною; нужно было почти цѣлое столѣтіе для того чтобы отодвинуться отъ этого событія на приличное разстояніе, окинуть его безпристрастнымъ взглядомъ со всѣхъ сторонъ и опредѣлить его точные размѣры.

Кто на своемъ вѣку не читалъ громкихъ фразъ о „великой французской революціи“, о пресловутыхъ „принципахъ 1789 года“, о „правахъ человѣка“, о дѣятеляхъ „конвента“ и „комитета общественнаго спасенія“, этихъ якобы благодѣтеляхъ человѣчества, обновившихъ міръ крещеніемъ въ морѣ пролитой ими крови? Фразами этими недавно еще переполнены были чуть не всѣ книги, до учебниковъ исторіи включительно. Нужны были десятки лѣтъ кропотливаго труда и критики, изслѣдованія документовъ, мемуаровъ и др. памятниковъ, словомъ всесторонняго изученія эпохи для того чтобы люди и событія первой революціи предстали нашимъ глазамъ въ истинномъ ихъ видѣ и свѣтѣ; нужны были колоссальные труды Карлейля, Зибеля, Тэна и др., для того чтобы сорвать съ этихъ событій призрачный ореолъ, разобраться въ путаницѣ полу-искреннихъ увлеченій, пустозвонныхъ фразъ и всевозможной фальши, которыми сознательно или безсознательно окутывали ихъ историки и публицисты первой половины нашего вѣка, словно мумію въ безконечные свитки исписанные условными іероглифами. Такъназываемая „великая французская революція“ была именно священнымъ прахомъ, обвитымъ безконечными свитками панегириковъ: этихъ бинтовъ, послѣдовательно накрученныхъ одинъ на другой, оказалось такое множество, что мумія приняла колоссальные размѣры титана, невольно вселяя къ себѣ суевѣрное благоговѣніе—и долгое время считалось чуть не святотатствомъ прикоснуться къ ней скальпелемъ критики. Была пора когда писать противъ революціи—значило навлечь на себя обвиненіе въ мракобѣсіи и всеобщее гоненіе, полный остракизмъ, лишеніе воды и огня. Но вотъ, благодаря трудамъ помянутыхъ и многихъ другихъ ученыхъ, ссохшіеся бинты подрѣзаны и размотаны одинъ за другимъ—мумія обнажилась предъ нами въ настоящій ростъ и во всей своей неприглядной наготѣ.

Что же такое „великая“ французская революція?

Само собою разумѣется, что въ короткой журнальной статейкѣ нѣтъ возможности дать хотя бы краткій очеркъ этого многосложнаго событія, одно изложеніе коего занимаетъ нѣсколько томовъ; можно лишь намѣтить разницу между прежними поверхностными взглядами на нее и современными провѣренными научной критики.

„Революція—была возстаніемъ всего народа противъ угнетавшаго его меньшинства аристократіи“—вотъ избитая, устарѣлая фраза, которою такъ долго злоупотребляли.

„Революція была насиліемъ ничтожнаго меньшинства ея вожаковъ надъ громаднымъ большинствомъ людей благонамѣренныхъ, насиліемъ совершеннымъ при помощи *черни* (не крестьянъ, которые напр. въ Вандеѣ открыто стояли и сражались за короля, и не рабочаго простонародья, которое въ Ліонѣ и Тулонѣ боролось противъ республиканскихъ демагоговъ, пока не было запугано неслыханными ужасами,—а именно черни, т. е. подонковъ городскаго населенія, которые не способны быть гражданами никакого общества и только терпятся въ немъ, такъ какъ нельзя же ихъ истребить)“.

Вотъ что̀ говоритъ безпристрастный приговоръ новѣйшихъ историковъ.

Какимъ образомъ могло это ничтожное меньшинство восторжествовать надъ огромнымъ большинствомъ?

Общею (всегдашнею) причиною было постоянно упускаемое изъ вида обстоятельство, что огромное большинство людей благонамѣренныхъ—пассивно по самой своей природѣ; оно никогда не имѣетъ взаимной тѣсной связи, оно поглощено безконечно-разнообразными интересами текущей въ извѣстномъ порядкѣ государственной и общественной жизни, а потому всегда разрознено; заговорщики же, связанные единствомъ цѣли (состоящей въ разрушеніи этого порядка), всегда образуютъ тѣсно-сплоченную шайку, члены коей находятся въ постоянномъ общеніи и крѣпко стоятъ другъ за друга, такъ какъ это единственный ихъ шансъ на успѣхъ. Поэтому въ моментъ переворота, благонамѣренные люди застигаются имъ врасплохъ, начинаютъ всматриваться въ него, каждый толкуетъ его себѣ сообразно со своимъ образомъ мыслей, добросовѣстность заставляетъ ихъ колебаться относительно необходимыхъ мѣръ и часто вступать въ академическіе споры другъ съ другомъ,—между тѣмъ какъ у заговорщиковъ, людей которымъ нечего терять и нечѣмъ стѣсняться, все давно порѣшено и они дружно идутъ къ цѣли, нагло и безсовѣстно попирая всѣ права своихъ противниковъ. Таково именно и было отношеніе благонамѣреннаго большинства во французскомъ обществѣ временъ революціи: оно держало себя съ изумительною пассивностью, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, пока его не застращали терроромъ.

Второю причиною, частною въ данномъ событіи, было исключительно несчастливое стеченіе многихъ обстоятельствъ. Главнѣйшія изъ нихъ — слабость короля, дѣлавшаго уступки за уступками революціонному движенію, вмѣсто того чтобы энергически подавить его въ самомъ началѣ, и неспособность его правительства, которое не умѣло принять мѣръ къ дѣйствительному успокоенію недовольства въ странѣ, разоренной войнами Людовика XIV и безумными тратами двора Людовика XV. Отсюда возможность такихъ явленій, какъ напр. разграбленіе чернью Парижскаго арсенала и затѣмъ пресловутое взятіе Бастиліи, такъ недавно еще изображаемое въ видѣ геройской битвы, тогда какъ въ сущности это было варварское избіеніе нѣсколькихъ инвалидовъ многотысячною толпою наусканной черни, которую можно было разогнать нѣсколькими зарядами картечи.

Третьею причиной была шатость понятій въ самой благонамѣренной части общества и духъ поверхностнаго и легкомысленнаго отрицанія, посѣянный предшествовавшею литературой XVIII вѣка и въ особенности такъ-называемыми „энциклопедистами“, творенія которыхъ въ наше время серіозный человѣкъ не можетъ читать безъ улыбки. Что касается черни, то съ нею вожаки революціи совсѣмъ уже не церемонились, разсѣивая въ ней возмутительныя клеветы на иноземку-королеву Марію-Антуанету и возбуждая ненависть противъ лучшаго изъ королей.

Кто же были эти вожаки революціи и во имя чего они вели свою безсовѣстную пропаганду? Имѣютъ ли они хоть жалкое іезуитское оправданіе, что цѣль оправдываетъ средства?

Увы! исторія безпощадно низвела этихъ людей съ искус-

ственнаго пьедестала, поставила ихъ на надлежащія мѣста и разоблачила ихъ мотивы. Не имѣя возможности привести характеристику хотя-бы наиболѣе выдающихся дѣятелей революціи, которыхъ десятки, возьмемъ по крайней мѣрѣ двухъ наиболѣе прославленныхъ вожаковъ ея: Робеспьера и Марата (портр. на стр. 564).

Максимиліанъ Робеспьеръ, родившійся въ 1758 году, адвокатъ изъ Арраса, человѣкъ весьма ограниченнаго ума, тупой и близорукій доктринеръ, и какъ это всегда бываетъ у такихъ людей, непоколебимо увѣренный въ непогрѣшимости своихъ утопическихъ воззрѣній, тѣмъ самымъ и занялъ первое мѣсто въ рядахъ революціи. Мирабо, называвшій его за невзрачную фигуру и хриплый голосъ „кошкой хлебнувшею уксусу", прибавлялъ однако, что Робеспьеръ „вѣритъ всему что говоритъ и ни передъ чѣмъ не остановится". Онъ и не останавливался, затѣявъ ни больше, ни меньше какъ истребить всѣхъ несогласныхъ съ его образомъ мыслей. А образъ его мыслей состоялъ въ томъ, что всякій человѣкъ выдающійся чѣмъ либо изъ толпы, происхожденіемъ, богатствомъ, умомъ, талантомъ, есть аристократъ и долженъ быть стертъ съ лица земли. Величайшій мастеръ на клевету и лицемѣріе, онъ изводилъ своихъ соперниковъ прикрываясь возвышенными цѣлями; уже во время сентябрскихъ убійствъ, онъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы всѣ его личные враги были перебиты. Подозрительный до крайности, онъ былъ настоящимъ творцемъ террора и довелъ его до того, что для осужденія обвиняемыхъ не требовалось уже никакихъ свидѣтельствъ и уликъ—достаточно было „одной патріотической совѣсти присяжныхъ" набираемыхъ съ улицы изъ той-же черни. И кровь лилась, запружая всю Францію своими потоками, гильотины не доставало уже для исполненія всѣхъ казней, пришлось прибѣгнуть къ огульнымъ разстрѣливаніямъ и топленіямъ въ рѣкѣ... Богъ знаетъ чѣмъ-бы это кончилось, еслибъ самъ извергъ не былъ казненъ въ свою очередь.

Маратъ, родившійся въ 1744 г., въ юности учился медицинѣ, затѣмъ, скитаясь по Европѣ, добывалъ себѣ средства къ жизни писательствомъ и преподаваніемъ французскаго языка. Наконецъ, незадолго до революціи, ему удалось получить мѣсто врача при лейбъ-гвардіи брата короля, герцога Артуа. Въ самомъ началѣ революціи онъ выступилъ крайнимъ демагогомъ. Лишенный всякаго мужества, до такой степени, что прятался въ погребахъ клуба кордельеровъ во время опасностей, исполненный внѣшней и внутренней грубости и пошлости, безнравственный сластёна ведшій втайнѣ чувственную жизнь на дурно пріобрѣтенныя деньги, онъ славился необузданностью своихъ рѣчей и умѣньемъ наускивать ими толпу на убійства и насилія; его доносы сдѣлали его пугаломъ всѣхъ партій. Онъ былъ главнымъ подстрекателемъ сентябрскихъ убійствъ, во время которыхъ были варварски умерщвлены заключенные въ тюрьмахъ. Во время процесса Людовика XVI, онъ въ своемъ листкѣ требовалъ избіенія 200,000 приверженцевъ стараго порядка и сокращенія конвента до одной четверти. Робеспьеръ не успѣлъ казнить его только потому, что былъ предупрежденъ Шарлоттою Корде. Эта мужественная дѣвушка (портр. на стр. 560), считая Марата главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій страны, явилась къ нему якобы съ просьбой и заколола этого изверга, который принялъ ее сидя въ ваннѣ.

За этими двумя главными дѣятелями революціи слѣдуетъ цѣлая фаланга второстепенныхъ, также разоблаченныхъ исторіей. Одни изъ нихъ оказались безумно-дерзкими мечтателями или тупыми доктринерами, не знавшими ни своего народа, ни его потребностей, ни способа управленія имъ,—и это еще лучшіе изо всѣхъ, каковы, напр.: Сенъ-Жюстъ, Камиллъ-Демуленъ и нѣсколько др.; Мирабо, Дантонъ и множество другихъ заклеймлены уже неотразимымъ обвиненіемъ въ продажности и своекорыстности; затѣмъ идутъ подлые трусы въ родѣ Эбера, издававшаго грязный уличный листокъ Père-Duchesne, изверги-палачи въ родѣ Карье, топившаго въ Луарѣ сотнями осужденныхъ, связанныхъ попарно (рис. на стр. 557), предатели какъ Фукье-Тинвилль и ему подобные... Вотъ представители этой стоглавой гидры, которые, отдѣлавшись отъ короля и провозгласивъ республику, тотчасъ набросились другъ на друга и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пожирали партія партію со всѣми ея приверженцами въ населеніи, пока наконецъ „жизнь стала невозможна въ странѣ" и явился новый Геркулесъ въ лицѣ Бонапарта, задушившаго эту гидру.

Припомните легенду о простакѣ, который, подслушавъ заклинанія волшебника, вызывавшаго духовъ, подумалъ, что въ этомъ все и дѣло. Въ свою очередь вызвалъ онъ духовъ — и былъ растерзанъ ими, такъ какъ не зналъ заклинаній, которыми управляютъ ими.

Такъ и эти люди вызвали духъ революціи, не имѣя понятія объ управленіи стихійными силами даже въ мирное время, и началось взаимное и всеобщее истребленіе, которому не предвидѣлось конца, пока не явился волшебникъ знавшій „такое слово" заклинанія.

Въ годину тяжкихъ бѣдствій разореной страны, когда единственнымъ средствомъ помочь ей были-бы дружныя усилія соединенныхъ силъ правительства къ подъему экономическаго благосостоянія при строжайшемъ внутреннемъ порядкѣ,—эти люди не нашли ничего лучшаго какъ разрушить до основанія какой-бы то ни было порядокъ, опрокинувъ весь государственный строй и не замѣнивъ его ничѣмъ кромѣ анархіи уличной черни. Тотчасъ по всей Франціи начались поджоги замковъ и помѣщичьихъ усадьбъ, пріостановка работъ, голодъ, паденіе ассигнацій новаго правительства до того, что пара сапогъ стоила нѣсколько сотъ франковъ, и поголовное бѣгство эмигрантовъ.

Прежніе историки обвиняли именно эмиграцію во всѣхъ бѣдствіяхъ террора, утверждая будто-бы страхъ вызваннаго эмигрантами сочувствія при дворахъ остальной Европы и опасенія коалиціи противъ Франціи, заставили вожаковъ революціи прибѣгнуть и къ казни короля со всѣмъ семействомъ, и ко всѣмъ ужасамъ террора. Исторія разоблачила и эту фальшь, неоспоримо доказавъ, какъ разъ наоборотъ, что ни при одномъ дворѣ не было расположенія вести серіозную войну противъ революціи и, напротивъ, террористы воспользовались походомъ ничтожной арміи герцога Брауншвейгскаго какъ предлогомъ для начатія своихъ неистовствъ; разъ начавъ ихъ, они уже не въ силахъ были сдержать разнузданной черни и началась повсемѣстная бойня.

Если мы кинемъ бѣглый взглядъ на тѣ революціонныя учрежденія которыми террористы надѣялись замѣнить прежній государственный строй -- намъ представится зрѣлище достойное дома сумасшедшихъ: то праздникъ федераціи, на которомъ шествуетъ балаганно-маскарадная процессія народовъ всего міра, явившаяся благодарить революцію за дарованную имъ свободу; то упраздненіе религіи и взамѣнъ установленіе культа *богини-разума* (déesse raison), которую изображали уличныя дѣвки, носимыя въ торжественныхъ процессіяхъ по Парижу (рис. на стр. 568); то засѣданія національнаго собранія и конвента, въ которыя то и дѣло врывается толпа черни и рыночныхъ бабъ, несущихъ на пикахъ отрубленныя головы и сбрасывающихъ эти головы на столъ предсѣдателя... Потерявшія голову партіи съ поспѣшною алчностью звѣрей спѣшатъ истребить одна другую: жирондисты губятъ умѣренныхъ, Гора — жирондистовъ, члены конвента — другъ друга — до столповъ революціи: Робеспьеръ —Дантона, Таллiенъ—Робеспьера, Баррасъ съ директоріей—остатки конвента, до тѣхъ поръ пока наконецъ страна задыхается въ морѣ крови и зловонія и кидается въ желѣзныя объятія Наполеона.

Особенное, исключительно „великой" революціи свойственное звѣрство состояло въ томъ, что она не щадила и женщинъ, не только казня ихъ, но еще цинически издѣваясь надъ своими жертвами: во время топленій въ Луарѣ ихъ связывали попарно съ мужчинами, что называлось „республиканскою свадьбой". Безсмертныя слова одной изъ казненныхъ, г-жи Роланъ (портр. на стр. 561), жены президента жирондистскаго министерства, можно бы поставить эпиграфомъ къ исторіи революціи. Спокойно всходя на эшафотъ, она обратилась къ статуѣ свободы и воскликнула: „О, свобода, какихъ только преступленій не совершаютъ во имя твое!"

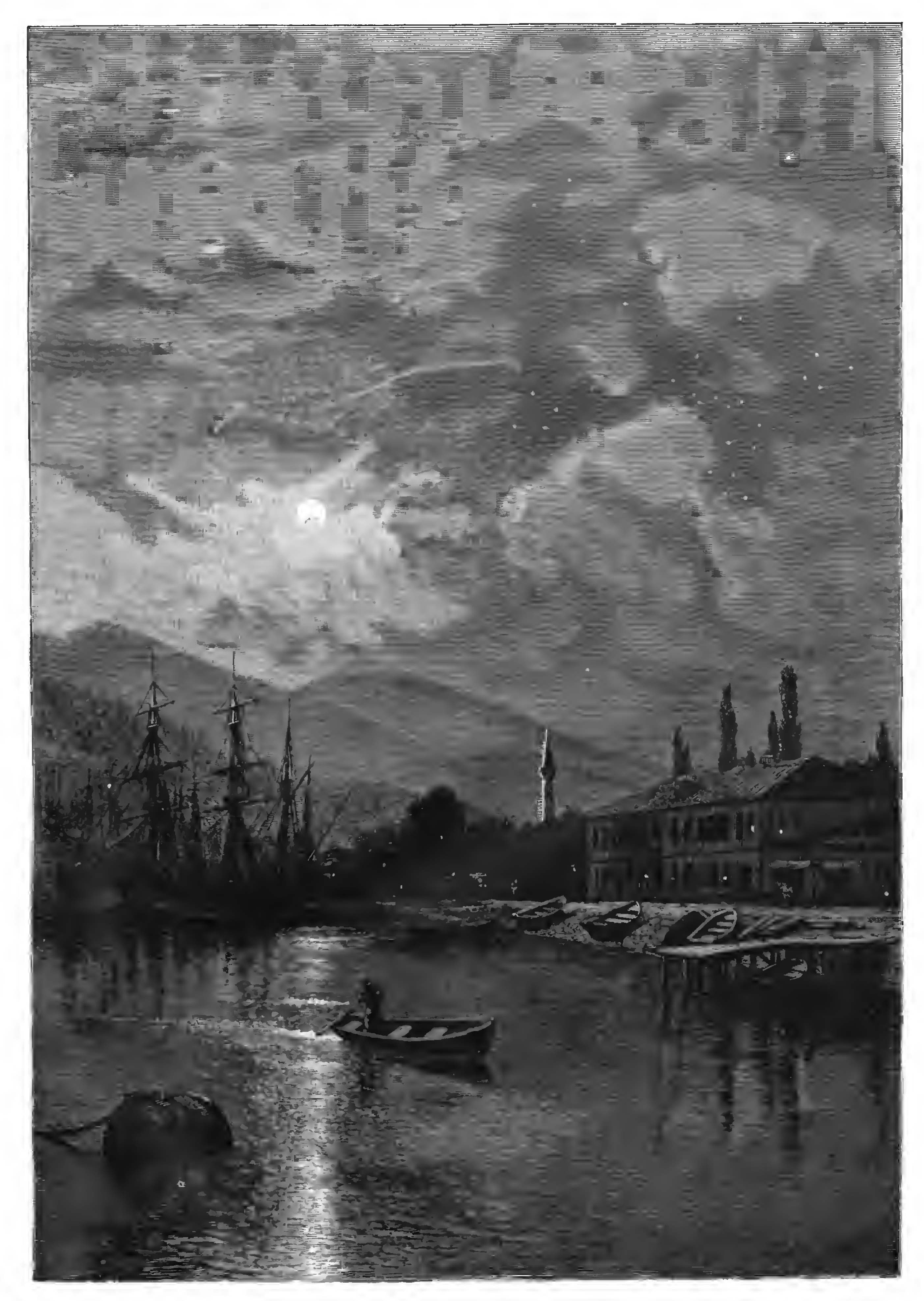
Исторія поучительна не столько положительными сколько отрицательными сторонами занесенныхъ въ лѣтописи ея событій. Французская революція — есть залитая кровью веха, поставленная въ назиданіе грядущему человѣчеству, для того чтобы оно знало куда не слѣдуетъ идти. Она— есть наглядное доказательство той непреложной истины, что нельзя насильственно ломать историческаго строя народной жизни въ угоду какимъ-бы то ни было доктринамъ (ученіямъ), нельзя по книгамъ перестраивать вѣками сложившуюся жизнь, хотя-бы эти книги были самою премудростью, а не только бреднями полу-образованныхъ энциклопедистовъ XVIII вѣка.

Прекрасно изложенъ общій взглядъ на французскую революцію въ слѣдующихъ строкахъ датской газеты *Dagens Nyheder*:

„Чѣмъ обязаны мы революціи? Великими идеями? Нѣтъ, ибо онѣ были извѣстны задолго до нея. Но мы обязаны ей распространеніемъ великихъ идей въ массѣ народа, которая лишена всякой возможности не только понять ихъ, но хотя бы установить между ними какую-бы то ни было связь; мы обязаны ей всѣми общественными волненіями и нервозностью нашего вѣка, стремленіемъ идти на пути развитія большими прыжками впередъ—и затѣмъ неизбѣжно отступать назадъ, тогда какъ вѣчный законъ самой природы постоянно ставитъ намъ на видъ спокойное и постепенное развитіе, въ которомъ каждый моментъ имѣетъ свое значеніе и гдѣ прежде всего требуется чтобы образованность предшествовала расширенію гражданскихъ правъ, а не наоборотъ; мы обязаны ей звонкими фразами и громкими словами, на приманку коихъ охотно идетъ толпа, недостаточно образованная для того чтобы понять всю пустоту ихъ; наконецъ ей же обязаны мы склонностью насильственно налагать руки на унаслѣдованныя воззрѣнія и на старинный бытъ, полагаясь на собственную мудрость и непогрѣшимость, что, нарушая историческую и правовую непрерывность, ведетъ попеременно отъ революціи къ реакціи и обратно и становится настоящимъ тормазомъ разумнаго и равномѣрнаго прогресса".

Кровавая годовщина во Франціи Максимиліанъ Робеспьеръ Рис. Віола грав Паннемакеръ

Кровавая годовщина во Франціи Маратъ Рис Віола, грав. Паннемакеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Батумъ.

Картина проф. Л. Ф. Лагоріо (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Убѣгающій скиѳъ. (Рис. на стр. 549).

Прекрасная группа нашего извѣстнаго и талантливаго скульптора Л. В. Позена представляетъ собою не только художественное воплощеніе фантазіи въ живомъ и рельефномъ образѣ; эта группа, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и плодъ глубокаго изученія скиѳскихъ древностей нашего драгоцѣннаго Эрмитажнаго музея. Изъ этого музея заимствованы художникомъ всѣ бытовыя подробности одежды, вооруженія самаго скиѳа и сбруи его коня. Типъ лица самаго скиѳа, точно такъ же, какъ и типъ его могучаго степнаго коня, цѣликомъ взяты съ изображеній скиѳовъ на фризѣ знаменитой Никопольской скиѳской вазы, отрытой въ Чертамлыцкомъ курганѣ. Чрезвычайно оригинальна и смѣла та поза, которая придана художникомъ всаднику-скиѳу, пускающему свою ядовитую стрѣлу въ нагоняющаго его непріятеля. Конь, скачущій черезъ степные кусты, преисполненъ пыла: онъ скачетъ во весь опоръ и скиѳъ-наѣздникъ сидитъ на немъ какъ пригвожденный къ сѣдлу, твердо вѣря своему коню, съ которымъ онъ сжился и свыкся съ дѣтства. Такъ скакать можетъ только настоящій степной конь; такъ усидѣть на немъ можетъ только степной наѣздникъ.

У знахарки. (Рис. на стр. 552).

Картина П. П. Шаховскаго представляетъ молодую боярыню, пришедшую къ знахаркѣ за извѣстнымъ „приворотнымъ зельемъ“, которое должно покорить ей сердце милаго. Сѣдая колдунья, чтобы придать пущую важность тому корешку, который она собирается продать щедрой и легковѣрной кліенткѣ, шепчетъ на воду посреди торжественной обстановки, прибирая безсвязныя изрѣченія въ родѣ: „шилды-будылды, чуръ меня чуръ“, и т. п.

Старуха съ книгой. (Рис. на стр. 553).

Эта типическая старушка была экспонирована проф. Кошелевымъ на недавно закрывшейся выставкѣ Имп. Академіи Художествъ. Въ старинныхъ дворянскихъ и купеческихъ домахъ до сихъ поръ еще попадаются такія няни, экономки и т. п., являющіяся добрымъ геніемъ всей семьи, близко принимающія къ сердцу всѣ ея невзгоды и радости и блюдущія привычнымъ хозяйственнымъ взглядомъ за всѣми ея интересами. Отъ зоркихъ глазъ такой старушки не скроется ни малѣйшій безпорядокъ или злоупотребленіе прочей прислуги, никакая проказа младшихъ членовъ семьи, которые впрочемъ у ней же найдутъ и защиту въ случаѣ слишкомъ суроваго отношенія старшихъ къ шалости. Къ сожалѣнію, типъ этотъ, съ развитіемъ „маргариновой цивилизаціи“ въ среднихъ и низшихъ слояхъ городскаго населенія, становится все рѣже и рѣже, вытѣсняемый модными представителями и представительницами нашей невозможной прислуги. Нѣтъ вѣрнѣе пословицы: tel maître, tel valet (каковъ господинъ, таковъ и слуга). Въ теченіе тридцати лѣтъ у насъ проповѣдывалось какое-то высшее призваніе женщины и пренебрежительное отношеніе къ истинному ея назначенію, какъ жены, матери и хозяйки дома; результатъ получился такой, что *высшихъ* женщинъ мы не нажили, а хозяекъ и воспитывавшуюся ими прислугу растеряли. Большинство современныхъ городскихъ дамъ понятія не имѣетъ о томъ, что дѣлается въ дѣтской, въ кухнѣ, въ прачешной и т. д. и совершенно безсильно противъ того сплетенія распущенности, лжи, обмана, невѣроятной небрежности, полнаго неумѣнья и хищническихъ инстинктовъ до открытаго воровства, которое составляетъ характеръ 99% нашей прислуги.

Батумъ. (Рис. на стр. 565).

Въ 1878 году, по берлинскому трактату Батумскій округъ, вмѣстѣ съ городомъ Батумомъ, перешелъ къ Россіи, присоединенъ къ намѣстничеству Кавказскому и составляетъ съ 1882 г. часть Кутаисской губерніи. Будучи прекрасною морскою гаванью, Батумъ, расположенный въ глубинѣ бухты, является лучшею якорною стоянкою на восточномъ побережьи Чернаго моря. Съ 6000 жителей въ годъ присоединенія къ Россіи, Батумъ насчитывалъ въ 1882 г. уже 8670 обитателей, и съ каждымъ годомъ ростъ населенія въ немъ увеличивается, вмѣстѣ съ торговымъ его значеніемъ, въ особенности со времени проведенія Батумской линіи, составляющей часть Поти-Тифлисской желѣзной дороги.

Этотъ интересный и живописный городъ Закавказья, въ лунную ночь, и воспроизведенъ мастерскою кистью профессора Лагорію на его картинѣ, украшавшей въ нынѣшнемъ году академическую выставку.

Эйфелева башня. (Рис. на стр. 569).

Башня, воздвигнутая по проекту и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ инженера Эйфеля, или, какъ ее теперь всѣ называютъ, Эйфелева башня,—является на Парижской выставкѣ сооруженіемъ самымъ замѣчательнымъ, грандіознымъ и выдающимся, въ прямомъ и переносномъ значеніи этого слова. По окончаніи выставки она будетъ оставлена на Марсовомъ полѣ какъ воспоминаніе о всемірной выставкѣ 1889 г. и памятникъ генія, энергіи и труда французовъ.

Въ 1886 году, во время подготовительныхъ работъ по сооруженію выставки, Локруа, въ то время министръ торговли и промышленности и генеральный коммисаръ выставки, задумалъ увѣковѣчить ее какимъ-нибудь замѣчательнымъ сооруженіемъ. Было представлено нѣсколько проектовъ французскими инженерами, изъ которыхъ болѣе всего понравился проектъ Эйфеля, воздвигнуть башню въ 300 метровъ, т. е., почти въ 143 сажени. Онъ былъ принятъ, хотя не мало было толковъ о возможности подобнаго сооруженія. 6 мая особая коммисія финансовъ и контроля утвердила принятіе проекта и ассигновала на выполненіе его изъ средствъ государства $1\frac{1}{2}$ милліона франковъ. Въ случаѣ стоимости дороже этой суммы, Эйфелю предоставлялось самому изыскать недостающія средства, и съ этою цѣлью ему, или вѣрнѣе компаніи, которая дала бы деньги, предоставлялось право эксплоатаціи башни въ теченіе 20 лѣтъ. Эйфель принялъ условія, подписалъ съ правительствомъ соглашеніе 27 декабря 1886 г. и черезъ 20 дней начались первыя работы.

Мысль о возможности соорудить постройку на много выше существующихъ, впервые появилась у Эйфеля еще въ 1885 г., когда онъ съ нѣсколькими инженерами изучалъ устройство металлическихъ мостовыхъ устоевъ. Первый проектъ желѣзной башни былъ разработанъ имъ въ сотрудничествѣ съ инженерами Нугье и Кехлиномъ и архитекторомъ Совестромъ. Высотою башня Эйфеля должна превосходить почти вдвое всѣ существующія сооруженія. Она должна подыматься на 143 сажени, тогда какъ высочайшее на свѣтѣ строеніе, Вашингтонова колонна, достигаетъ только 79 сажень. За нею по высотѣ слѣдуютъ: Кельнскій соборъ 73 саж., Руанскій соборъ почти 70 саж., шпицъ Страсбургскаго собора достигаетъ $65\frac{1}{2}$ сажень, пирамида Хеопса 64 саж., шпицъ Петропавловской крѣпости — 65 саж., Исаакіевскій соборъ около 59 сажень, куполъ церкви инвалидовъ въ Парижѣ 49 сажень, Пантеонъ — 37 сажень, а Александровская колонна въ Петербургѣ только 23 сажени.

Особенно важнымъ являлся вопросъ какова должна быть почва и фундаментъ, чтобы выдержать громадную тяжесть башни, одно желѣзо которой вѣситъ свыше 17 милліоновъ фунтовъ, съ платформами, ресторанами и др. почти 22 милліона фунтовъ. Изслѣдованіе почвы дало самые благопріятные результаты, и вслѣдствіе остроумнаго основанія въ видѣ 4 громадныхъ устоевъ, давленіе не слишкомъ превосходитъ $7\frac{1}{2}$ фунтовъ на квадратный сантиметръ. Эти 4 устоя или быка, до 400 кв. саж. каждый, представляютъ цѣлое зданіе. 2 изъ нихъ, обращенные къ Сенѣ, поставлены на кессонахъ (по 4 подъ каждымъ), а 2 другихъ покоятся на слоѣ гидравлическаго цемента, толщиною почти въ 3 аршина, подъ которымъ находится слой гравія и песку болѣе 8 аршинъ толщиною. Всѣ подземныя работы были окончены къ 30 іюня 1887 года и затѣмъ немедленно началась постройка самой башни. Первая часть башни достигаетъ 26 сажень. Здѣсь настланъ прочный полъ изъ желѣзныхъ бревенъ и пустотѣлаго, весьма легкаго кирпича; вторая часть башни, въ формѣ усѣченной пирамиды, на высотѣ 54 сажень оканчивается площадкой или террасой, почти въ 1,600 кв. саж. На ней, между прочимъ, въ числѣ 4 ресторановъ, находится и русскій, въ которомъ почти ничего нѣтъ русскаго; третья-же имѣетъ видъ стрѣлы, увеличивающейся на верхушкѣ шпицемъ, и въ этой части, на страшной высотѣ отъ земли, настлана внутри башни третья площадка, надъ нею башня поднимается уже въ видѣ колокольни, внутри которой вьется лѣстница на высоту 20 аршинъ; ведетъ она къ электрическому маяку въ 3 сажени высоты и въ 4 аршина по діаметру; съ этого послѣдняго ежедневно освѣщаютъ Парижъ и окрестности почти на 70 верстъ вдаль. Башня увѣнчивается громоотводомъ, служащимъ въ то-же время и шпицемъ, на которомъ развѣвается національный флагъ; размѣръ этого флага достигаетъ 7 аршинъ, снизу-же онъ едва виденъ. На башню поднимаются при посредствѣ подъемныхъ машинъ, которыя еще не вполнѣ готовы. Описаніе ихъ будетъ помѣщено въ одномъ изъ ближайшихъ №№.

Политическое обозрѣніе.

Одновременно съ посѣщеніемъ Итальянскимъ королемъ Берлина, сѣверная столица Россіи осчастливлена пребываніемъ въ ней двухъ вѣнценосныхъ гостей: шаха Персидскаго и князя Николая Черногорскаго. „Въѣздъ въ Петербургъ его величества шаха Персидскаго состоялся 11 мая при великолѣпной погодѣ, при чемъ, замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, ему оказана была радушная встрѣча какъ со стороны двора, такъ и несмѣтной толпы народа, наполнявшаго на пути слѣдованія великолѣпно декорированныя и убранныя флагами улицы и площади. Такимъ-же радушіемъ и такою-же предупредительностью отли-

чался, впрочемъ, пріемъ Насръ-Эддина съ того момента, какъ онъ переступилъ русскую границу, и его величество могъ, такимъ образомъ, убѣдиться, что доброжелательство и искренняя дружба, встрѣченныя имъ въ его предшествовавшихъ путешествіяхъ, въ 1873 и въ 1879 гг., остались безъ измѣненія. Теперь, какъ шестнадцать и десять лѣтъ тому назадъ, Россія сознаетъ заслуги этого просвѣщеннаго государя передъ его страной и попрежнему убѣждена въ твердомъ и чистосердечномъ его намѣреніи сблизить и упрочить добрыя сосѣдскія отношенія, долженствующія существовать между обоими правительствами и ихъ народами. Можно надѣяться, что новый визитъ его величества шаха Персидскаго усилитъ эти дружественныя отношенія".

Наканунѣ пріѣзда шаха Персидскаго прибылъ въ Петербургъ князь Николай Черногорскій, нашедшій, какъ и въ прежнія свои посѣщенія, самый радушный и сочувственный пріемъ среди русскихъ, что̀ и не могло быть иначе, такъ какъ князь Николай, исконный и искренній другъ Россіи, „не только государь доблестнаго народа, имѣющаго славную исторію и связаннаго съ русскимъ народомъ тѣсными узами вѣры и языка, говоритъ та-же газета, но и лично повсюду и всегда умѣлъ пріобрѣсти большое къ себѣ уваженіе".

Пріемъ оказанный Берлиномъ королю Итальянскому отличался замѣчательнымъ великолѣпіемъ. По словамъ берлинскихъ газетъ, король Гумбертъ и Криспи въ восторгѣ какъ отъ сердечнаго пріема берлинцевъ, такъ и отъ убранства города. Криспи сказалъ даже, что въ этомъ отношеніи Берлинъ перещеголялъ Римъ. Самымъ замѣчательнымъ событіемъ должно признать парадный обѣдъ, состоявшійся въ честь высокихъ гостей 9 мая, и произнесенные на немъ тосты. На обѣдѣ императоръ Вильгельмъ благодарилъ короля Гумберта за доказанную нынѣшнимъ его посѣщеніемъ дружбу. „Войска мои — присовокупилъ императоръ—тоже исполнены признательною гордостью. Пью за здоровье ихъ величествъ короля и королевы и доблестныхъ итальянскихъ войскъ, равно какъ за нашу непоколебимую дружбу". Король отвѣтилъ на итальянскомъ языкѣ: „Поѣздка моя является исполненіемъ высокаго и признательнаго долга. Германія и Италія, по достиженіи ими объединенія, служатъ залогомъ европейскаго мира. Наши арміи съумѣютъ выполнить возложенную на нихъ высокую задачу. Пью за здоровье императорской четы, императорской фамиліи, славной германской арміи и за преуспѣяніе Германіи". Государи произнесли тосты громко и торжественно, какъ присягу, причемъ все время рука одного изъ нихъ покоилась въ рукѣ другаго. Впечатлѣніе тостовъ было громадное и, по общему мнѣнію, рѣдко два монарха обмѣнивались публично столь задушевными словами.

Также не долженъ быть обойденъ молчаніемъ обѣдъ данный въ отелѣ „Kaiserhof" германскимъ парламентомъ въ честь г. Криспи 14 мая. Президентъ рейхстага Левецовъ, провозгласивъ тостъ за здравіе обоихъ государей, объявилъ, что нѣтъ на свѣтѣ народа, котораго нѣмцы любили-бы больше итальянскаго и съ которымъ они такъ были-бы готовы раздѣлять дальнѣйшую судьбу, причемъ выставилъ на видъ, что союзъ обоихъ государей гарантируетъ сохраненіе европейскаго мира. Вице-президентъ Бенда сказалъ на итальянскомъ языкѣ рѣчь, въ которой назвалъ Криспи „знаменитымъ" государственнымъ мужемъ и чествовалъ г. Криспи, какъ главную опору счастливаго союза. При этомъ г. Бенда вспомнилъ впервые во все время торжествъ о третьей союзницѣ, Австріи, которая уже не разъ до того заявляла на страницахъ своихъ газетъ, что она принимаетъ сердечное участіе въ чествованіяхъ короля Гумберта въ Берлинѣ. Г. Криспи произнесъ рѣчь, въ которой намекнулъ на то, что хотя союзники въ состояніи во всякое время вести войну, все-таки они желаютъ мира.

Въ тотъ же день король Гумбертъ съ сыномъ и свитою уѣхали изъ Берлина въ десятомъ часу вечера. Императоръ Вильгельмъ провожалъ своихъ гостей на вокзалъ. Прощаніе монарховъ было сердечное. Обратное путешествіе король Гумбертъ предпринялъ чрезъ Фрейбургъ и Люцернъ.

Въ Бѣлградѣ, 14 мая, состоялся съѣздъ напредняковъ подъ открытымъ небомъ въ скверѣ ресторана. Толпа любопытныхъ, окруживъ ограду, наблюдала за происходившимъ внутри сквера. Когда напредняки крикнули: „Живіо Гарашанинъ!" изъ толпы послышалось „pereat!" и напредняки бросились отгонять толпу отъ рѣшетки. Толпа состояла преимущественно изъ учениковъ разныхъ школъ, приказчиковъ, подмастерьевъ и уличныхъ мальчишекъ. Когда напредняки выходили изъ сквера, толпа встрѣтила ихъ криками и свистками. Несмотря на вмѣшательство полиціи, нѣсколько мальчишекъ успѣли бросить каменьями въ напредняковъ; тѣ, имѣя при себѣ оружіе, начали стрѣлять въ толпу, которая отвѣтила на выстрѣлы градомъ каменьевъ и бросилась на Гарашанина, шедшаго впереди другихъ. Гарашанинъ выстрѣлилъ въ упоръ въ одного гимназиста и смертельно ранилъ его. Это случилось передъ зданіемъ министерства, близъ дворца; Гарашанинъ скрылся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а толпа двинулась къ дому Гарашанина и перебила у него всѣ окна. Затѣмъ перебиты были окна и уничтожена вся мебель въ напреднякомъ клубѣ и въ редакціи „Видело". Едва къ вечеру взводу солдатъ и коннымъ жандармамъ удалось разсѣять толпу, чему отчасти помогъ начавшійся дождь. Ранено, преимущественно пулями изъ револьверовъ, человѣкъ десять.

15 мая, утромъ, безпорядки возобновились. Толпа разыскивала скрывшихся напредняковъ и нападала на нихъ, крича: „Вы убили!" Нѣсколько напредняковъ было избито, два были опасно ранены, одинъ убитъ. На помощь полиціи были вызваны конные жандармы, по главнымъ улицамъ разъѣзжали сильные патрули, магазины затворены. Молодежь приметъ участіе въ похоронахъ убитаго Гарашанинымъ гимназиста. Выясняется, что безпорядки преднамѣренно вызваны напредняками, которые съѣхались съ револьверами въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Проѣздъ былъ для нихъ безплатный.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 14 мая, Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ Собственномъ Его Величества Дворцѣ, изволилъ вручить его величеству Шаху Персидскому портретъ Свой, украшенный брилліантами, для ношенія на груди на Андреевской лентѣ. Послѣ завтрака въ Собственномъ Его Величества Дворцѣ, Шахъ Персидскій, въ 2 часа дня, отбылъ изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. Его величество Шаха провожали: Его Величество Государь Императоръ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великіе Князья. На станціи былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Въ 2 часа 40 минутъ по той же дорогѣ Ихъ Императорскія Величества отбыли въ Гатчину.

Правительственныя распоряженія.

— *Высочайшій рескриптъ Предсѣдателю Комитета Министровъ.* Божественный Промыслъ чудесно спасъ Меня, Императрицу и Дѣтей Нашихъ отъ неотвратимой гибели въ день крушенія поѣзда 17 октября 1888 года. Къ единодушному и глубокому чувству благодарности, соединившему всѣхъ русскихъ людей въ благоговѣйную молитву къ Богу, присоединилось горячее желаніе знать причины несчастія, одна мысль о коемъ возбуждала всеобщій ужасъ. Нынѣ предварительнымъ объ этомъ событіи слѣдствіемъ обнаружено, что онѣ коренятся въ нерадѣніи и неосторожности должностныхъ лицъ не только частной, но и государственной службы, и въ ослабленіи у послѣднихъ сознанія своего служебнаго долга, обязывающаго ихъ къ неуклонной бдительности при употребленіи ввѣренной имъ власти.

Въ общемъ порядкѣ теченія дѣлъ слѣдственное производство надлежало бы обратить къ разсмотрѣнію уголовнаго суда для преслѣдованія лицъ, подлежащихъ обвиненію. Но совершившееся надъ Нами дивное явленіе милости Божіей, посреди всеобщей неосторожности и въ отсутствіи человѣческаго предвидѣнія,—побуждаетъ Меня въ настоящемъ случаѣ усматривать грозное внушеніе свыше каждому изъ поставленныхъ на дѣло начальствъ вѣрно соблюдать долгъ своего званія. Посему, признавъ возможнымъ обратить Монаршее милосердіе на обвиняемыхъ по дѣлу о крушеніи, Я положилъ: 1) судебное производство по сему дѣлу прекратить. 2) Министру Путей Сообщенія войти въ разсмотрѣніе обнаруженныхъ слѣдствіемъ неправильныхъ дѣйствій и упущеній по службѣ должностныхъ лицъ, обвиняемыхъ по сему слѣдствію, для наложенія дисциплинарнымъ порядкомъ слѣдующихъ на нихъ взысканій и для устраненія на будущее время безпорядковъ въ отправленіи службы, на нихъ возложенной.

Произведеннымъ по сему дѣлу изслѣдованіемъ собраны многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о неудовлетворительномъ состояніи Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Всѣ эти свѣдѣнія не могутъ и не должны остаться въ забвеніи: въ нихъ главное начальство, вѣдающее пути сообщенія, найдетъ важныя указанія для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ устраненію не только на упомянутой, но и на другихъ желѣзно-дорожныхъ линіяхъ, безпорядковъ, неустройствъ и хозяйственныхъ упущеній, вредящихъ безопасности движенія и нарушающихъ правильный ходъ желѣзнодорожной службы. Для сего всѣ содержащіяся въ слѣдственномъ производствѣ указанія и свѣдѣнія, относящіяся къ сему предмету, должны быть сообщены министромъ Юстиціи министру Путей Сообщенія.

Поручаю вамъ вышеизложенное сообщить къ исполненію подлежащимъ Министрамъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

13 мая 1889 года.
С.-Петербургъ.

Военное и морское дѣло.

— 18 мая, въ Петергофѣ, на Дворцовой площадкѣ, передъ Большимъ Дворцомъ, въ Высочайшемъ присутствіи происходилъ церковный парадъ полкамъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскому и уланскому, по случаю ихъ полковыхъ праздниковъ. Послѣ парада, въ Большомъ Дворцѣ былъ завтракъ, къ которому были приглашены лица Свиты, командиры и офицеры лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго полковъ. За завтракомъ Государь Императоръ, поднявъ бокалъ, провозгласилъ тостъ въ честь Князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пью за здоровье Князя Черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи".

— 20 мая, въ 11 часовъ утра, состоялись

въ Высочайшемъ присутствіи: въ Новомъ Адмиралтействѣ закладка строющихся броненосца „Гангутъ“ и броненосной канонерской лодки „Грозящій“, а вслѣдъ затѣмъ, на Галерномъ островкѣ, спускъ на воду броненоснаго корабля „Императоръ Николай I-й“.

Броненосный корабль „Императоръ Николай I“, къ постройкѣ котораго было приступлено 8 марта 1886 года, приготовленъ къ спуску 20 сего мая.

Постройка корпуса корабля производилась, въ Петербургѣ, на Галерномъ островкѣ, Обществомъ франко-русскихъ заводовъ, его мастеровыми, изъ стали Александровскаго и частію Путиловскаго заводовъ. Корабль будетъ вооруженъ 14-ю нарѣзными дальнобойными орудіями, минными аппаратами и скорострѣльными пушками Гочкиса.

Изъ губерній и областей.

— Въ Варшаву, 15 мая, въ седьмомъ часу вечера прибылъ съ экстреннымъ поѣздомъ Шахъ Персидскій со свитой. На станціи привѣтствовали Шаха мѣстныя власти съ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Послѣ пріема генералъ-губернатора въ вагонѣ, Шахъ обошелъ почетный караулъ и сѣлъ съ генералъ-губернаторомъ въ коляску. На пути слѣдованія были выставлены отъ станціи къ Бельведеру шпалерами войска варшавскаго гарнизона. Съ цитадели былъ произведенъ 21 выстрѣлъ. Городъ убранъ флагами. Вечеромъ была иллюминація. 16 мая въ замкѣ былъ раутъ.

Шахъ посѣтилъ выставку издѣлій женскаго труда. Пребываніе Шаха въ Варшавѣ продолжено; онъ останется по крайней мѣрѣ до вторника (23 мая); 22 мая онъ отправится на охоту въ Спалу.

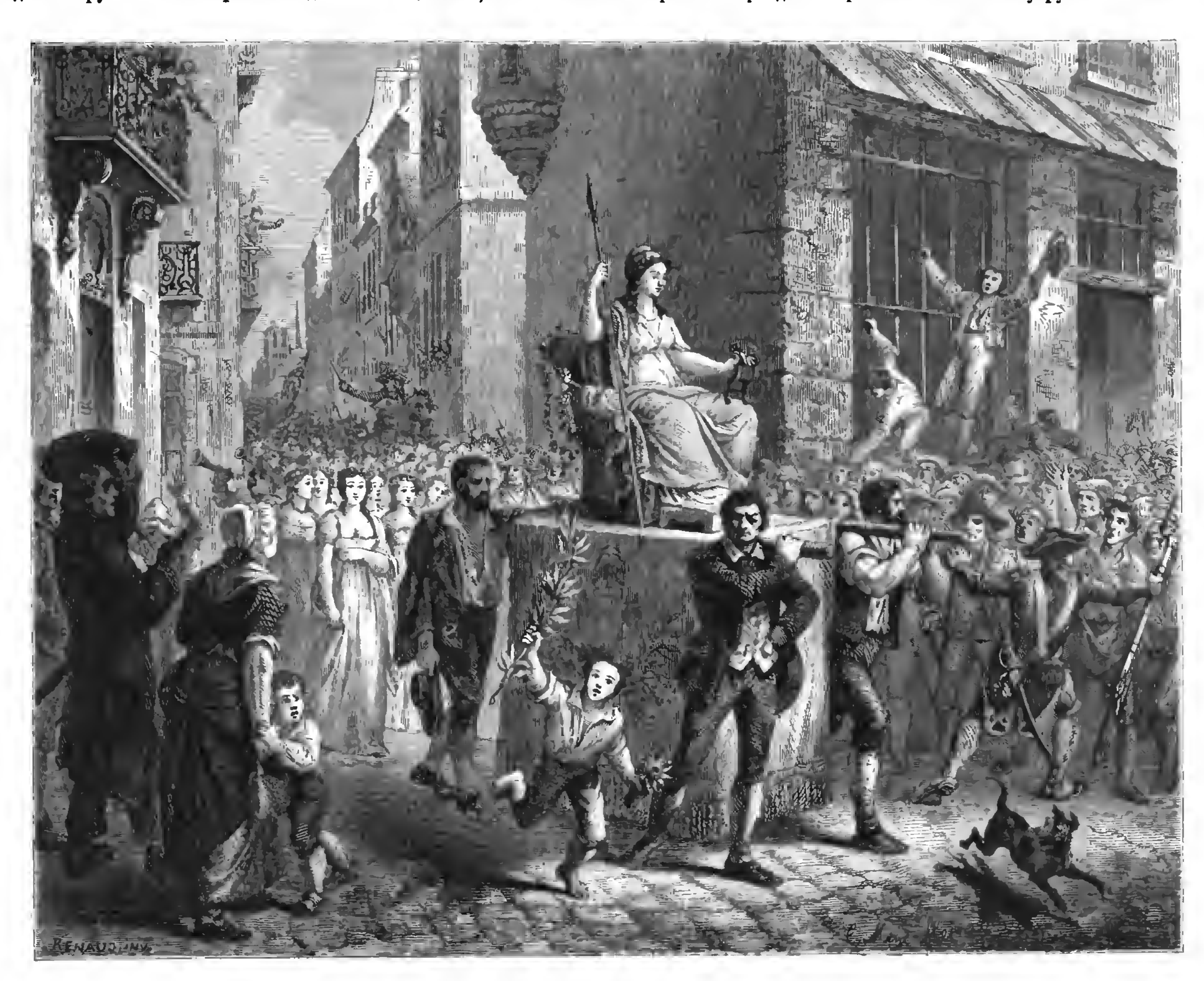
— Въ Москвѣ, 15 мая, происходило освященіе акушерской клиники университета, сооруженной на средства Е. В. Пасхаловой, и открытіе пожертвованнаго А. Алексѣевой дома для призрѣнія душевно-больныхъ.

— Въ Верхне-Сергинскомъ заводѣ сгорѣло 350 домовъ, причемъ погибло семь человѣкъ.

Некрологъ.

— Въ Ташкентѣ, 4 мая, въ 8 часовъ утра, состоялось перенесеніе праха покойнаго туркестанскаго генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана къ новопостроенному соборъ.

— 8 мая, въ крѣпости Ивангородѣ, Люблинской губерніи, состоялась церемонія отправленія въ городъ Гомель останковъ фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго и его супруги. Останкамъ покойнаго была отдана честь всѣми войсками ивангородскаго гарнизона, подъ командою коменданта крѣпости генералъ-лейтенанта Комарова.

Кровавая годовщина во Франціи. Кощунственная процессія такъ-называемой „богини разума“, въ Парижѣ. Рис. Рено, грав. Гейне.

Смѣсь.

Наши предки. Было сдѣлано вычисленіе, для опредѣленія количества предковъ, какое можетъ имѣть одинъ человѣкъ. На первомъ мѣстѣ отецъ и мать. Затѣмъ слѣдуютъ: два дѣда и двѣ бабушки, четыре прадѣда и четыре прабабушки и т. д. Продолжая прогрессивное исчисленіе, уже въ десятомъ колѣнѣ получается 2046 предковъ, а въ двадцать первомъ, то есть по истеченіи двадцати одного поколѣнія, у каждаго человѣка насчитывается 1.467,150 предковъ.

Изъ раскольничьихъ нравовъ. Псковскіе раскольники „Ѳедосѣевскаго толка“ практикуютъ въ послѣдніе годы довольно странный обычай—играть свадьбы, по мѣстному выраженію, „на мѣлокъ“, что находятъ и выгоднѣе, и свободнѣе. Порядокъ этихъ свадебъ такой. Пріѣзжаетъ невѣста къ жениху, который встрѣчаетъ ее, затѣмъ устраивается легкое пированіе или лучше сказать скромная попойка—и дѣлу конецъ. За вѣнчаніе не приходится платить, и въ случаѣ, если невѣста не понравилась, ее безъ церемоніи отправляютъ назадъ къ роднымъ. Не только мѣщане, но и купцы находятъ такіе браки выгодными. Однако, правительственныя и городскія управленія, конечно, признаютъ такіе браки незаконными, и купцы женатые „на мѣлокъ“ не считаются женатыми. (Б.)

Своеобразная профессія. Парижане—большіе любители ребусовъ, шарадъ, загадокъ и т. п. Какъ только въ кофейняхъ, ресторанахъ и читальняхъ появляются новые нумера журналовъ, содержащихъ ребусы, посѣтители приходятъ въ волненіе. Каждый пробуетъ свое остроуміе надъ разрѣшеніемъ данныхъ задачъ. О нихъ толкуютъ, горячатся, даже спорятъ, и наконецъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ мудрости хозяина, положеніе котораго зачастую было бы весьма затруднительно, если бы у него подъ

рукою не было своего рода фактотума, такъ-называемаго разгадчика. Это обыкновенно непризнанный талантъ, неудачникъ, который, вслѣдствіе частаго упражненія въ разгадываніи ребусовъ, достигъ въ этомъ дѣлѣ большаго искусства и съ помощью его добываетъ себѣ пропитаніе. Въ дни появленія означенныхъ журналовъ онъ обѣгаетъ всѣ мѣста, посѣщаемыя страстными разгадывателями загадокъ, и приноситъ хозяину въ закрытомъ конвертѣ рѣшенія, за что получаетъ по полфранку. Говорятъ, эта своеобразная профессія даетъ порядочный заработокъ. (с.)

По первой нѣмецкой, Нюрнберго-Фюртской желѣзной дорогѣ, движеніе, какъ извѣстно, было открыто 7 декабря 1835 г. Но надо знать сколько для этого пришлось преодолѣть предразсудковъ и препятствій, надъ которыми теперешнее поколѣніе можетъ только смѣяться. Баварское правительство сдѣлало между прочимъ запросъ высшей медицинской коллегіи о вредѣ или безвредности желѣзной дороги на здоровье. Коллегія отвѣтила приблизительно слѣдующее: „Ѣзда по желѣзной дорогѣ въ интересахъ общественнаго здравія должна быть воспрещена. Быстрое движеніе неминуемо производитъ у пассажировъ мозговую болѣзнь, представляющую особый видъ *delirium furiosum*. Если ѣдущіе хотятъ пренебречь этой опасностью, то правительство обязано по крайней мѣрѣ оградить посторонниxъ зрителей. Одинъ видъ быстро мчащагося поѣзда причиняетъ такую же мозговую болѣзнь, и поэтому желательно, чтобы каждый путь былъ съ обѣихъ сторонъ огороженъ деревяннымъ заборомъ, вышиною по крайней-мѣрѣ въ пять баварскихъ локтей“ и т. д. Это вовсе не вымышленный анекдотъ, говоритъ *Fränkische Kourier*, оффиціальный документъ и до сихъ поръ хранится въ архивѣ Нюрнберго-Фюртской желѣзной дороги; но правительство было настолько благоразумно, что не обнародовало его. (с.)

Парижская всемірная выставка. Башня Эйфеля и ея сравнительная высота.

1. Большая пирамида. 2. Вѣнскій соборъ. 3. Церковь Св. Евстаеія. 4. Статуя Свободы въ Нью-Іоркѣ. 5. Тріумфальная арка Звѣзды въ Парижѣ. 6. Ратуша въ Берлинѣ. 7. Церковь Св. Николая въ Гамбургѣ. 8. Соборъ Св. Петра въ Римѣ. 9. Кельнскій соборъ. 10. Пантеонъ въ Парижѣ. 11. Статуя Германіи въ Нидервальдѣ. 12. Колонна Побѣды въ Берлинѣ. 13. Обыкновенные четырехъ-этажные дома. 14. Соборъ Парижской Богоматери.

Курьезные нравы Авлабарцевъ. Этотъ народъ, какъ сообщаетъ *Тифлисскій Вѣстникъ*, отличается диковинными нравами. Одинъ изъ курьезовъ быта авлабарцевъ, это пріобрѣтеніе жениха, такъ сказать, съ аукціона. Одна дѣвица пылала страстью къ одному молодому человѣку, который отвѣчалъ ей тѣмъ-же. И вотъ состоялось обрученіе. По туземному обычаю, жениху вручили часть приданаго — 2000 рублей, а наканунѣ вѣнчанія послано было жениху и остальное приданое. Насталъ вечеръ вѣнчанія, ждутъ жениха... Уже полночь, а его все еще нѣтъ. Родители невѣсты посылаютъ его разыскивать. Но всѣ поиски тщетны. Лишь ночью одинъ изъ товарищей жениха привезъ назадъ приданое все сполна и объявилъ что женихъ вступаетъ въ бракъ съ другою дѣвушкою, потому что получаетъ за ней больше приданаго, изъ котораго родители новой невѣсты уже вручили ему 4000 рублей. (в.)

Женщина-герой. Касаясь въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ быта волжскихъ жителей второй половины прошлаго вѣка, гр. А. Д. Блудова разсказываетъ (въ *Русск. Архивѣ*) о замѣчательномъ геройствѣ бабки своей, Катерины Ермолаевны. „Бабушка была вдова и жила въ Танкѣевкѣ (Спасскаго уѣзда, Казанской губ.), гдѣ вела борьбу съ разной вольницей, свободно разгуливавшей по Волгѣ. Бывало она созоветъ всѣхъ дворовыхъ и другихъ молодыхъ крестьянъ, наберетъ отрядъ человѣкъ въ 300 или четыреста, раздастъ имъ охотничьи ружья, пистолеты, патроны, поставитъ двѣ маленькія пушки у воротъ усадьбы, и засядетъ въ импровизированной крѣпости, ожидая непріятеля. Канава вокругъ сада замѣняла крѣпостной ровъ. Мужики большей частью откупались отъ молодцовъ разъѣзжавшихъ по рѣкѣ, но бабушка имѣла свои понятія о

чести и достоинствахъ барыни-помѣщицы и не шла на сдѣлки съ непріятелемъ. И вотъ онъ однажды рѣшился наказать гордячку, предувѣдомивъ ее, однако, что идетъ на нее походомъ. Крикъ, плачъ и вой подняли въ деревнѣ. Однако бабушка не испугалась и велѣла палить изъ пушекъ въ добрыхъ молодцовъ, а сама послала вѣрнаго слугу къ ближайшему пикету за помощью. Посыльный долго не возвращался и военная команда не скоро пріѣхала на подводахъ, а бабушка Катерина Ермолаевна съ замѣчательнымъ присутствіемъ духа и распорядительностію выдержала нешуточное нападеніе разъяренныхъ разбойниковъ. Безъ пушченокъ ей-бы, вѣроятно, не сдобровать. Однако команда пришла во-время и усадьба и деревня уцѣлѣли. Вотъ какія въ старину были женщины!" (в.)

Библіографія.

Курсъ лѣсоводства для низшихъ лѣсныхъ школъ. Составилъ Э. Арнольдъ. СПБ. Изданіе Лѣснаго департамента. 1889.

Прекрасно составленное руководство, содержащее въ весьма сжатомъ изложеніи характеристику лѣсничествъ и дальнѣйшихъ подраздѣленій лѣсныхъ участковъ, ученіе о лѣсной почвѣ, описаніе русскихъ древесныхъ породъ, опасностей коимъ подвергается лѣсъ, главы о посѣвѣ лѣса, устройствѣ питомниковъ и школъ и др. пріемовъ лѣсоразведенія, системы и формы лѣснаго хозяйства и оборотъ его, лѣсную таксацію и лѣсоустройство,— все это съ вопросникомъ по главамъ, облегчающимъ изученіе.

Садовый словарь. Объясненіе словъ употребляемыхъ въ садоводствѣ и описаніе встрѣчаемыхъ въ садахъ растеній съ указаніемъ ухода за ними. Составилъ П. Е. Волкенштейнъ. 1889. Изд. К. Л. Риккера.

Эта первая въ Россіи попытка сгруппировать въ алфавитной послѣдовательности все интересующее садовода. Въ описаніи растеній соблюденъ слѣдующій порядокъ: послѣ названія рода (русскими и латинскими буквами) приведены: словопроизводство, семейство, число видовъ въ родѣ (въ скобкахъ), мѣсто нахожденія въ природѣ, естественное развитіе, условія ухода (составъ земли, способъ размноженія, и для болѣе нѣжныхъ растеній— температура зимой и лѣтомъ) Послѣ описанія рода перечислены наиболѣе замѣчательные въ садовомъ отношеніи виды съ переводомъ ихъ названій и съ указаніемъ: мѣста произрастанія въ природѣ, окраски цвѣтовъ, формы листьевъ, времени цвѣтенія, вышины въ футахъ и дюймахъ и нѣкоторыхъ свѣдѣній о долговѣчности, разновидностяхъ и синонимахъ. Кромѣ описанія родовъ и видовъ растеній, словарь содержитъ въ себѣ истолкованіе всѣхъ техническихъ пріемовъ, терминовъ, инструментовъ и т. п., употребляемыхъ въ садоводствѣ, а также и вообще ботаническихъ.

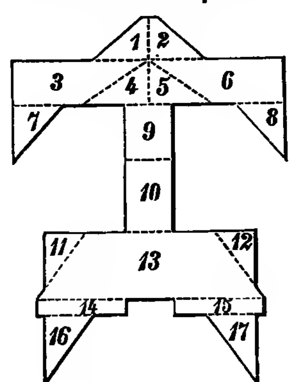
Русская дендрологія или перечисленіе и описаніе древесныхъ породъ и многолѣтнихъ вьющихся растеній, выносящихъ климатъ средней Россіи на открытомъ воздухѣ. Dr. Э. Регеля. Выпускъ II. СПБ. 1889. Изд. К. Л. Риккера.

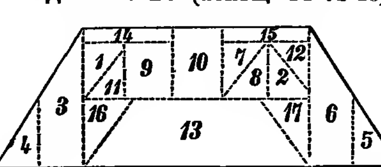
Популярное наставленіе къ русскому плодоводству или руководство къ уходу за яблонями, грушами, вишнями и сливами въ климатѣ сѣверной и средней Россіи. Dr. Э. Регеля Изд. II, исправленное и дополненное. СПБ. 1889. Изд. К. Л. Риккера.

Первая книга есть второй выпускъ новаго изданія *русской дендрологіи*, составленной съ обычною автору основательностью и добросовѣстностью, главными качествами его ученыхъ трудовъ. Въ предлагаемомъ выпускѣ содержится описаніе семействъ: восковниковъ, березовыхъ, плюсновыхъ, орѣховыхъ, ивовыхъ, вязовыхъ, коноплевыхъ, тутовыхъ, лоховыхъ, гречишныхъ, ягодковыхъ и кирказоновыхъ, со многими рисунками. Вторая брошюрка, появляющаяся также вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ, содержитъ необходимыя свѣдѣнія для всѣхъ занимающихся плодовыми садами.

Гигіена голоса. Для артистовъ, учителей, учениковъ и любителей пѣнія, ораторовъ и проповѣдниковъ. Составилъ М. Н. Глубоковскій, врачъ при Императорскихъ Московскихъ театрахъ. М. 1889 г. Ц. 1 руб. Назначеніе этой книги видно изъ ея заглавія. Добавимъ, что Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія она уже одобрена для „фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также для библіотекъ учительскихъ семинарій и институтовъ".

Рѣшеніе геометрической задачи № 28 (помѣщ. въ № 15).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— В. Янушкевича, **Б. Коровкино**— В. К. Терскаго, **Динабургъ**—Н. Загеръ, **Екатеринославъ**— Ф. Ильвшевича, А. Овчинникова, **Елисаветградъ** — А. Басистъ, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Лебедянь**—В. Н. Чурилина, **Токсово**—Д. Д. Ланинда.

Рѣшеніе ариѳметической задачи № 29 (помѣщ. въ № 15).

Число 2519 дѣлится на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9, причемъ остатокъ является единицею меньше дѣлителя.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— А. А. Поспѣева, Герасимова, Н. Я. Риттеръ, Н. В. Панкова, Нидермиллеръ, Ф. Михель, Н. Сапуненко, Ф. А. Боронина; **Москва** — И. Я. Романова, С. Панова, Н. Серебрянникова, О В Кашинцевой, **Б. Коровино** — В. К Терскаго, **Бузулукъ**— О. Кирштейнъ, **Варшава**— Б. С. Косой, К. Кондратьева, **Вильно**—Р. Брумбергъ, **Гомель**—М. С. Дунаевской, **Динабургъ**— Л. П. Кляцкина, **Екатеринославъ** — С. М. Анисимова, **Елань**— П. Г. Кулакова, **Изобильный** — В. Покровскаго, **Износково** — Дмитріевскаго, **Калуга**— В. Шмидтъ, **К. Подольскъ**—П. Ченѣги, **Кременчугъ** - С. Л. Доброванскаго, **Каменская** -В. Е. Севрюгова, **Колышки**—М. Дымшицъ, **Лебедянь**—В. И. Чурилина, **Мальковичи**—Цеханъ, **Миленки**—Н. П. Герасимова, **Никитовка**—А. Ѳеодосьевой, **Н. Тагильскъ**— Е. В. Смольникова, **Осовецъ** — Шереметевскаго, **Одесса**— Рейсевскаго, **Разградъ** — Ченгеліева, **Рѣжица** — Б. Татарскаго, **Смоленскъ** - Л. В. Сухинина, А. С. Добрынина, **Смѣла**—Д. Готшбейнъ, **Саратовъ**—Н. Каменова, **Севастополь** - В. Айвазъ, М. М. Ландшафтъ, **Тула**—В. Филатова, Н. Добрынина, **Тверь**—О. Федоровича, **Тотьма**—А. Горохова, **Успеновка**—П. Сраговича, **Хоробичи**—З. Дубравскаго, М. Самуйловича, **Херсонъ**—Д. И. Богославскаго, **Харьковъ**—С. Бизяева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 26 (помѣщенной въ № 15).

Бѣлыя.	Черныя.
1) c 1 — b 2	1) a 1 — e 1
2) b 8 — e 5	2) d 4 — f 6
3) h 6 — f 8	3) c 5 — g 1
4) f 8 — d 6	4) h 4 — f 2
5) f 4 — g 5	5) f 6 — h 4
6) d 6 — g 3	6) e 1 — куда угодно.
7) a 5 — e 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—С. А. Андреева, Н. В. Люхина, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, **Москва**—П. Верхоустинскаго, Н. И. Смирнова, **Днѣпр**— С. А. Дубнякова, **Елецъ**— М. М. Волуйскаго, **Кузнецы**—А. Перова, **Молога** — М. Н. Неустроева, **Островъ**— С. Судоплатова, **Пермь**—П. Ф. Матвѣева, **Токсово**—П. Баранова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 27 (помѣщенной въ № 15).

Бѣлые.	Черные.
1) Л a 4 — e 4	1) c 6 — c 5
2) C e 8 — a 4	2) c 5 — c 4
3) d 3 : c 4×	3) Кр. d 5 : e 4
4) C a 4 — c 2××	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—А. А. Поспѣева, Е. Будаговой; **Москва**—А. Эйхбаумъ, **Харьковъ**—В. Польнера.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА" проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ" 1889 г.**, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп.** почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Илюшниковъ.**

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.

Іог. Заксъ и Ко.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. №3734

Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

№3855 7—5

въ городѣ Евпаторіи

открывается съ 20 мая по 20 августа.

За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. И. Ходжашу.

Вновь получены вороненой стали часы отъ 12 р.; съ календаремъ по 23 р.; такіе же съ фазисами луны стальные и серебряные по 30 р. Никелевые отъ 6 р. Будильники американской системы отъ 4 р. 50. Принимаю поставку призовыхъ часовъ за стрѣльбу по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Гг. иногороднымъ карманные часы высылаю на свой счетъ. Главное депо часовъ Эд. Бурхарда, СПБ., Гороховая улица, у Краснаго моста, № 17. Отдѣл.: Вознесенск. пр. у Синяго м., № 68/3. Прейсъ-куранты высылаю безплатно.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3884 2—2

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 к. **Б. Гостонскій**, г. Кіевъ, Рейтарская, 17. №3874 4—2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3716

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

Розничный магазинъ, представляющій въ своемъ составѣ самый полный, богатѣйшій и изящнѣйшій выборъ товаровъ.

Шелковыя, Шерстяныя, Фантази и Бумажныя матеріи, Полотно, Гардины, Столовое бѣлье, Дамскіе и дѣтскіе костюмы, Верхнія дамскія вещи, Утреннія и домашнія платья, Готовыя юбки (Jupen drappées), Джерсей, Дамскія шляпы, Обувь, Резиновыя калоши, Дамское, мужское и дѣтское бѣлье, Мужскія, дамскія и дѣтскія сорочки, Трико-таліи для мальчиковъ и дѣвочекъ, Ковры, Клеенки, Драпировки, Мебельныя матеріи, Постельное бѣлье, Одѣяла и Пледы, Галантерейный, Парфюмерный, Бахромный и Игольный товаръ, Шерсть, Ленты, Кружева, Носовые платки, Перчатки, Чулочный товаръ, Зонтики и Антуки, Вѣеры, Кухонныя и хозяйственныя принадлежности, Писчебумажныя и канцелярскія принадлежности, Дѣтскія игрушки и проч. и проч.

Продавать всѣ товары вполнѣ добросовѣстно и по **крайне умѣреннымъ цѣнамъ** составляетъ основаніе фирмы **МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ**. Добросовѣстному слѣдованію этому принципу фирма обязана значительно быстрому возрастанію своей торговли.— Фирмою организовано:

Спеціальное отдѣленіе для исполненія иногороднихъ заказовъ.

Выписывая товаръ, заказчики могутъ разсчитывать на самое точное и скорое исполненіе. **Образцы** и иллюстрированные **прейсъ-куранты** высылаются по желанію **безплатно.** Задатокъ при выпискѣ товаровъ, имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается **почтой съ наложеннымъ платежомъ.** Упаковка на счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.

Магазинъ **МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ**, спеціально организованный **для удовлетворенія требованій касательно модъ, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей**, представляетъ значительный и превосходно устроенный складъ всего, что въ означенной отрасли предметовъ **опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ**. Въ составѣ своихъ 28 отдѣленій онъ можетъ быть отмѣченъ какъ **достопримѣчательность Москвы.** П. № 3894

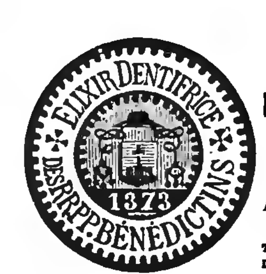
ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (67) № 2946

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА *ДЛЯ ЗУБОВЪ*

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА (изданіе Ф. Павленкова):

МЕТЕОРОЛОГІЯ и КЛИМАТОЛОГІЯ

Д. А. ЛАЧИНОВА,

Профес. Лѣсного Института. 332 стр., съ 122 рис. и 6 картами въ текстѣ. Ц. 2 руб.

Дозвол. ценз., СПБ., 24 мая 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

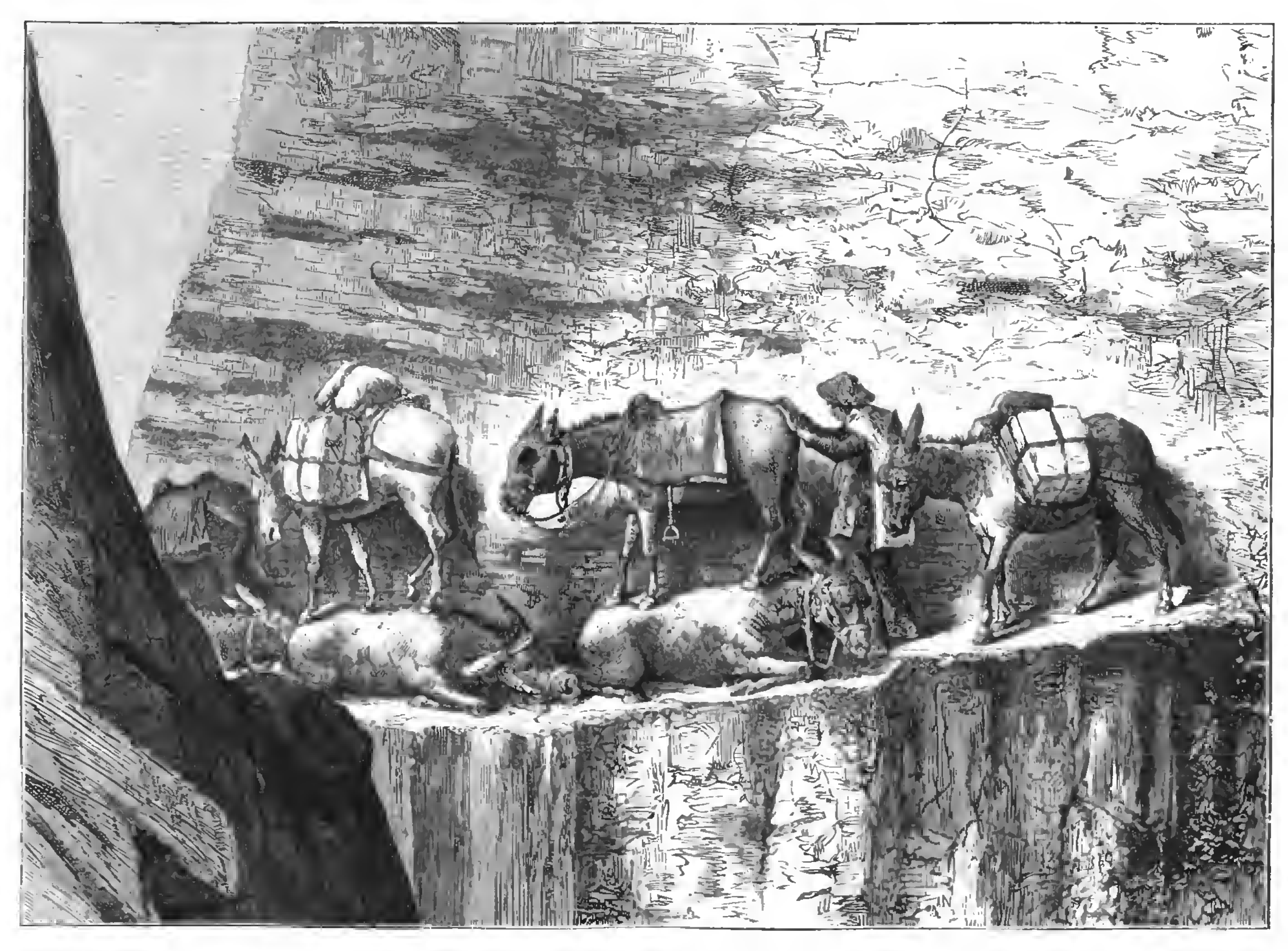

XX г. № 23 — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 3 іюня 1889 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮНЬ 1889 г., съ 35 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 15 рис. выпильныхъ работъ.

Встрѣча вьючныхъ муловъ въ Кордильерахъ. Рис. Ріу, грав. Гашевскій.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

X.

Мать Варлааму за послѣднее время начала одолѣвать тоска. Не душевная, происходящая отъ разочарованій, несбывшихся надеждъ,—нѣтъ. Въ этомъ отношеніи равновѣсіе игуменьи каждому могло бы показаться завиднымъ. Ни къ чему болѣе она не стремилась, къ смерти готовилась, ни въ чемъ не сомнѣвалась. Постигла ее тоска тѣлесная.

— Ногъ прежде не чувствовала, говаривала она, — а нынче чувствую, и не болятъ, а вотъ знаю что есть онѣ,—тянетъ ихъ какъ-то, ну и въ поясницѣ томленіе. Лягу — повернуться трудно, встать хочу — встать больно. Сказано: плоть немощна. Сидѣть тоже нудно, а ходить пойдешь, ноги подкашиваются. Сдѣлаешь шага два-три и ужь такъ бы и привалилась куда...

Выслушавъ подробный отчетъ о посѣщеніи Ряднобымъ ея рисовальной школы, довольная за нее и счастливая похвалой „сугубаго гостя" (ипостасный господинъ, сказываютъ въ самомъ Питерѣ его знаютъ и уважаютъ, какъ же! Знаменитый господинъ, не шалда какая праздношатающая!), немного разволновалась она, походила-походила по своей кельѣ и на воздухъ ее потянуло. За послѣднее время впрочемъ всѣ ея прогулки совершались въ заколдованномъ кругѣ монастырскаго кладбища. Все она выбирала себѣ могилу сама. („Ой, пора-пора! Кость мозжитъ, земля въ землю просится, и душенькѣ-то въ лохмотьяхъ этихъ", указывала она на свое отекшее, тучное тѣло,—„куда какъ трудно—на волю ей пора, ждетъ не дождется, скоро-ли призоветъ ее къ себѣ Царь Небесный"). Нравилось ей и мѣстечко у юродивой Ирины — липы цвѣли тамъ и пчелы роились, и кувшинчики голубѣли таково-ли привѣтливо да ласково; и около Капитолины тоже хорошо было, вязы тамъ къ самой землѣ опускали свои вѣтви и цѣлые дни по нимъ суетились и щебетали птицы... Такъ и сегодня позвала она свою бѣлицу, сильную простую дѣвушку Ѳеклисту, ушедшую въ обитель отъ отцовскихъ побоевъ.

— Ну-ко, блаженная, спаси тебя Богъ, подмоги-ка мнѣ старой да хворой.

Та взяла ее подъ локотокъ.

— Ну ужь а ногами-то я и сама перебирать еще въ силахъ... Эхъ, старость, старость!.. Пришла я сюда такая же какъ ты сильная да здоровая. Животрепящая была бабочка, что говорить... Ну а теперь пора, въ землю росту вишь... Какъ осень придетъ, такъ и я съ лѣтомъ уйду отъ васъ. Спасайтесь безъ меня, голубки...

Пришла она на кладбище и только что потянула носомъ „ѳиміамы цвѣточные" („цвѣты-то тоже Богу молятся, у нихъ свой языкъ, не словами, а ароматами," объясняла она Ѳеклистѣ, на что та только сопѣла да хмыкала), вдругъ видитъ, сидитъ и плачетъ на дерновой скамьѣ любимица ея, Вѣрочка.

— Что ты радость? Ишь!.. Обидѣлъ кто тебя? Подь ко мнѣ.

— Никто не обидѣлъ, это я такъ, отъ радости, бабушка...

— Отъ радости плакать не надо. А ты помолись — и пройдетъ... Слышала я, слышала какъ тебя питерскій-то богомазъ превознесъ. Сказываютъ, знаменитый онъ господинъ и отъ всѣхъ вельможъ ему идетъ сугубое вниманіе. Ну, дай Богъ, дай Богъ, вздохнула она,— дѣвица ты выросла у насъ умная, простая, хорошая... Нельзя про тебя ничего дурнаго сказать. Не даромъ мы на тебя сколько годовъ радовались. Говорила мнѣ Серафима, охъ искушеніе, что онъ тебя въ Питеръ зоветъ учиться... Ну что жь... И я давно твоей бабушкѣ говорила, не слѣдъ соколу-то ясному жить съ утицами сѣрыми... Да не слушала она меня. Ну, а теперь вотъ и ипостасная особа то же самое ей скажетъ...

— Ей нельзя ѣхать, бабушка. Куда ей старой и дряхлой...

— Отчего нельзя? Она старая? Какая она старая, коли ей... Поди и шестидесяти пяти лѣтъ нѣтъ.

— Шестьдесятъ семь.

— Ну вотъ... Я вотъ старая. На восьмой десятокъ склонило!.. Что же ты думаешь?

— А и сама не знаю. Коли одна поѣду — не перенесетъ она этого.

— Коли Господь ей твердости не далъ, не перенесетъ... Охъ, искушеніе... Иной разъ человѣцы и распустили бы хвосты павлиномъ, а Богъ-отъ тутъ: смирись, говоритъ, и не превозвышайся, да... Объ томъ ты и плачешь?..

— Нѣтъ... А такъ, и хорошо мнѣ, и смутно...

— Ну, это слезы легкія... если отъ хорошаго. Смотрю я, смотрю, дѣтко, вотъ въ уголокъ этотъ, что между Капитолиною-то и затворницей нашей Меланіей — святая была, должно теперь тамъ молится за насъ недостойныхъ—и очень мнѣ куточекъ этотъ по душѣ... Такъ бы и легла я тамъ. Ты какъ думаешь — красиво, а?..

— Очень, бабушка... А вамъ зачѣмъ?

— Да все же могилку-то себѣ еще въ живѣ приспособить хочу... Что же, благословить что-ли Акимку рыжаго, пущай его, спасенный, роетъ. Ѳеклиста, сбѣгала бы ты къ нему утречкомъ завтра... Исподволь-то, не торопясь и ему легко, и мнѣ любо станетъ. По крайности загодя увижу, какъ лежать буду.

— Рано вы, бабушка, сбираетесь.

— Молодому-то все рано. А Богъ знаетъ и спрашивать не станетъ, а какъ часъ придетъ и иди къ нему на судъ. Что ты, скажетъ, грѣшная раба... Охо-хо-хо! А и тотъ вонъ уголочекъ около юродивой нашей, около Ирины, тоже хорошъ,—тѣсно маленечко, ну да мы съ нею въ землѣ-то не поссоримся. Рукъ-то тамъ не раскинешь, лежи, какъ положатъ. Ужь подождать что-ли? Слышь, Ѳеклиста, завтра ты не замай Акимку, я еще подумаю. Ну, Господь тебя спаси!.. Возьми-ка меня, дѣвушка, подъ локотки, вотъ такъ... Недуги наши...

И поддерживаемая сопѣвшею Ѳеклистой, игуменья пошла домой...

И легко, и радостно, и смутно было на душѣ у Вѣрочки. Она не долго оставалась здѣсь и направилась опять къ себѣ въ мастерскую. Тамъ бѣлицы вѣрно про нее говорили—какъ вошла она такъ и смолкли. И заработали сильно.

— Чего вы? То какъ чечотки языками звоните, то словно воды въ ротъ набрали... весело замѣтила имъ Вѣрочка.

— А мы, дѣвушка, про тебя судачили, засмѣялась ей Алена.

— Ну что жь такое. И при мнѣ можно.

— Вотъ Маша-то ужь и замужъ тебя выдала.

— За кого это?

— А за адаманта этого брульянтоваго, за самого-то пресвѣтлаго Ряднова.

— Тоже нашли, покраснѣла Вѣрочка. — Да онъ на меня и не посмотритъ — что я передъ нимъ.

— Небось, еще какъ смотритъ. Въ глазахъ-то у него какіе хвостики виляютъ, сдѣлай милость.

— Ужь вѣрно давно и женатъ онъ.

— А гдѣ кольцо? Кабы женатъ былъ, кольцо бы носилъ... Я ужь и то на руки ему смотрѣла.

— Старъ онъ для Вѣрки-то... Полно вамъ, дѣвки, дурить. Эки несуразныя! То словно казанскія сироты сидятъ, то распустятъ, лукавки, языки и давай болтать ими, что овцы хвостомъ.

— Это Ирина, потому что ей самой королевичъ-то нашъ поправился, смѣялась Алена. — Такую она теперь напишетъ картину, что матушкинъ братецъ сейчасъ ей пословъ персицкихъ съ дарами пошлетъ и за себя ее возьметъ. И станетъ тогда Ирина-то наша, дѣвоньки, каждый день по зарямъ умыватися, шелковымъ платомъ утиратися, пряниками вяземскими закусывать.

Кругомъ всѣ захохотали.

— Онъ, сказываютъ, здѣсь гдѣ-то себѣ и горенку нанялъ. Рисовать будетъ у насъ. Обитель ему очень по душѣ пришлась.

— Чтожь, давай Богъ, и насъ прославитъ. Станутъ сюда люди ѣздить, намъ гостинцы возить.

— Стоеросовые, для тебя. А что, дѣвоньки, можно въ монастырѣ свадьбы вѣнчать?

— Еще чего. Ужь не ты-ли собираешься за Акимку рыжаго?

— Нѣтъ ее банный домовой облюбовалъ—какъ смеркнется, такъ онъ косматый и ходитъ кругъ ея кельи, ходитъ да урчитъ: у-у-у!

Все такая же смутная и радостная шла домой Вѣрочка... Она даже позабыла со Степанидой попрощаться, къ крайнему неудовольствію старушки.

— Ишь какая забвенная стала! Аль языкъ у тебя у вострухи отвалился? заворчала подворотница.

— Прости, бабушка... И въ самомъ дѣлѣ забыла.

— Богъ проститъ... Старому человѣку, сама знаешь, только и радости, что уважаютъ его да почитаютъ.

— Я не хотѣла тебя обидѣть.

— Знаю... ты меня прости... Сидишь здѣсь, сидишь... Рада бы перемолвиться — да вотъ только Жучка одна и есть собесѣдница.

Старая собака, тоже вся побѣлѣвшая, захлопала хвостомъ о землю, поднимая съ нея пыль.

— Ветхи мы съ тобою стали, ветхи... Анфисѣ Кирилловнѣ кланяйся отъ меня, воструха...

Вѣра побѣжала къ себѣ не по дорогѣ, а полемъ. Въ дверяхъ дома она замѣтила хлопотавшую о чемъ-то Устинью.

— Что ты это?

— Гости у насъ... Принесло чертей! отмахивалась она крайне недовольная.

— Какіе гости?

— Да бабушка жильца пустила мірскаго. Не было еще печали.

Вѣрочка вошла въ горницу и удивилась даже. За столомъ въ ожиданіи обѣда сидѣлъ вмѣстѣ съ бабушкой Серафимой и Рядновъ.

— Я и не зналъ, что у васъ нашелъ себѣ комнатку, радостно улыбнулся онъ ей. — Ну и слава Богу. Я-то очень радъ. Станемъ мы теперь рисовать съ вами. Я васъ поопытнѣе — чего еще не знаете покажу, анъ смотришь и самъ помолодѣю съ вами.

Бабушка—точно ее обнесло всю. Только моргала да крестилась.

— Что́ съ тобою? пристала къ ней внучка.

— Какъ ужь... что ужь... и въ толкъ не возьму... Не разберусь ужь. Такъ онъ про тебя наговорилъ мнѣ, что и ухамъ не вѣрю. Точно съ неба свербилось. Жили-жили тихо, скромно, благословенно—и вдругъ, невѣсть какимъ вѣтромъ навѣяло... И то и другое. И такая ты и сякая... Какъ ужь жить-то тутъ, я и ума не приложу.

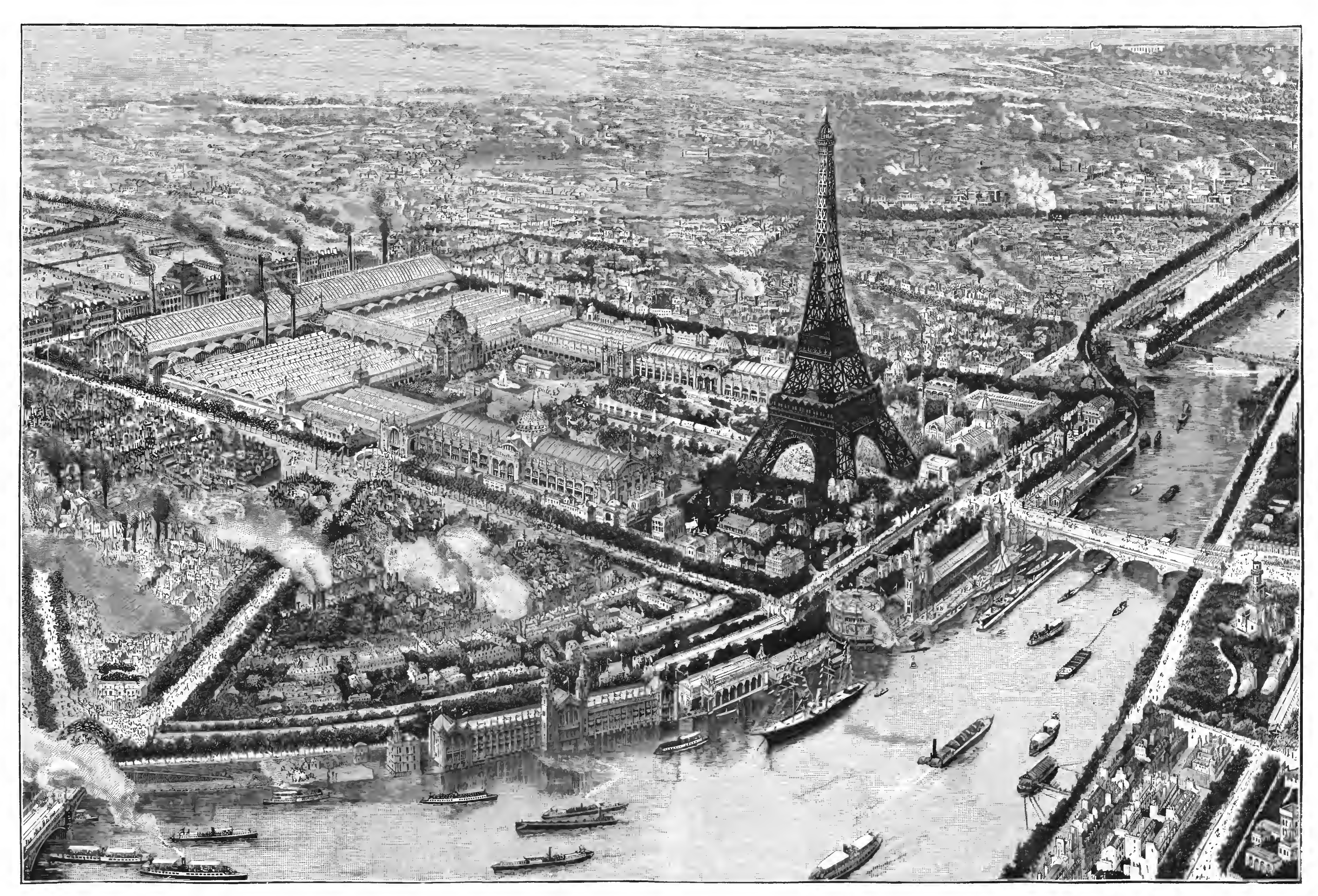
— Какъ жили, такъ и жить будемъ.

— Охъ... улетишь ты у меня, пташка. Не удержать тебя теперь въ клѣткѣ нашей убогой.

Вѣрочка только смѣялась, цѣлуя старушку.

Анфиса Кирилловна, заботясь о пріумноженіи внучкина капитала, сдавала, случалось, богомольцамъ нѣсколько комнатокъ со столомъ въ своемъ домѣ. Городской ямщикъ прямо къ ней привезъ Ряднова и тотъ нанялъ себѣ помѣщеніе именно здѣсь. Ему все нравилось тутъ: и чистота комнатъ, и идиллическій складъ жизни, и сама богобоязненная старушка, и ворчливая Устинья, и даже котенокъ, вылѣзшій изъ ваты ему на встрѣчу и сладко такъ и дремотно замурлыкавшій у него на колѣняхъ съ бѣлымъ пушкомъ на носу и наивными, глупыми, веселыми глазами. Когда же онъ пришелъ сюда вмѣстѣ съ сестрою и та сообщила ему, что это домъ Вѣрочки, Рядновъ обрадовался еще больше. До сихъ поръ въ немъ не угасло еще святое пламя любви ко всему прекрасному.

Не смотря на то, что позади за нимъ были долгіе годы изсушающей работы, что жизнь на первыхъ порахъ вовсе не щадила его, а обколачивала отовсюду,—художникъ сберегъ въ душѣ своей способность радоваться всякому таланту. Другіе въ его годы уже дѣлались ремесленниками, болѣе или менѣе совершенными, но повторяющимися, выработавшими себѣ тѣ или другіе шаблоны и думающими лишь объ одной наживѣ. Когда онъ вспоминалъ сверстниковъ, съ которыми вмѣстѣ когда-то учился въ академіи, потомъ ѣздилъ въ Римъ и горѣлъ пламенною любовью къ вѣчнымъ идеаламъ красоты и правды — ему за нихъ становилось и больно, и стыдно. Такими-ли они были тамъ подъ темно-голубыми небесами Италіи, до перваго, крупнаго успѣха. Его успѣхъ этотъ не испортилъ, не развратилъ, не загасилъ въ немъ души... Понятно съ какимъ радостнымъ изумленіемъ въ этой, ничего не обѣщавшей ему глуши, онъ, какъ библейскій елень, жаждавшій источниковъ водныхъ, наткнулся на родникъ чистаго и свѣжаго таланта, какимъ именно представлялась ему Вѣрочка. Да, сидя здѣсь за столомъ и отвѣчая на разспросы сестры, онъ въ то же время задумывался, какъ бы во что́ бы то ни стало вытащить отсюда эту дѣвушку на свѣтъ, на просторъ и поставить ее свѣжею и сильною на прямую дорогу искусства. Онъ былъ идеалистъ до сихъ поръ, можетъ-быть именно поэтому онъ не сдѣлалъ себѣ богатства, а пріобрѣлъ только крупное имя. Онъ работалъ не много, но всякое его произведеніе заставляло подниматься на ноги всѣхъ, кому дорога была художественная правда. Всѣ оттѣнки, всѣ живописные цехи, сектанты искусства сходились въ уваженіи къ нему. Критика находила для него столько восклицательныхъ знаковъ и прилагательныхъ, что въ ея распоряженіи для другихъ уже не оказывалось таковыхъ. Можетъ быть поэтому онъ и былъ чуждъ зависти, что его никогда не сравнивали съ другими, а ихъ именно примѣряли на него... Ему не больны были чужіе успѣхи, потому что его успѣхъ никогда не шелъ книзу. Можетъ-быть. Зависть является незамѣтно. Это микроорганизмъ, котораго зарожденіе не подмѣтить никакъ. Онъ сказывается впослѣдствіи, уже расплодившись въ душѣ и сердцѣ и заразивъ ихъ своимъ быстро развивающимся ядомъ. Онъ именно заговорилъ съ растерявшеюся бабушкою о томъ, что ей необходимо переѣхать будетъ въ Петербургъ или Москву, гдѣ ея внучка найдетъ настоящихъ профессоровъ и истинную школу. Анфиса Кирилловна сначала было не поняла его, а потомъ, когда въ ея памяти воскресли вывѣски и извозчики, извозчики и вывѣски, вывѣски вверху, вывѣски внизу, вывѣски по сторонамъ, вывѣски впереди и позади—ей страшно стало и закружило совсѣмъ старушку. Точно эти вывѣски уже замелькали въ явь передъ нею и извозчики, и кучера съ крикомъ и бранью загрохотали, обгоняли ее, пересѣкали ей путь, громыхая дребезжащими колесами по крупнымъ булыжникамъ мостовой...

Парижская всемірная выставка 1889. Общій видъ выставки съ птичьяго полета. По рис. Ш., грав. Шюблеръ.

— Что ужь... Какъ ужь!.. повторила она въ отвѣтъ.— Ужь и не знаю...

— Да и знать-то нечего, весело торопился что-то доказать ей новый жилецъ.—И знать нечего, а надо ѣхать!..

— Я ужь... Не знаю ужь... Помру скоро—тогда ужь!

— Ну вотъ, съ неудовольствіемъ протянулъ онъ,— помирать собирается. Вы сначала на свою внучку порадуйтесь. Вотъ приведу я васъ на выставку, да какъ увидите вы сплошную и восхищенную толпу передъ ея картинами и услышите крики восторга и шепотъ одобренія (Рядновъ любилъ выражаться преувеличенно, въ этомъ отношеніи камертонъ у него былъ высокъ и тонъ приподнятый), тогда...

Но что̀ такое тогда—старушка не соображала.

Слово „выставка“ опять напомнило ей вывѣски—онѣ казалось ужь и теперь снова мелькаютъ передъ нею. Она не нашла покоя даже и у себя, куда зашла отдохнуть и все сидѣла съ опущенными руками.

XI.

Вѣрочка не долго оставалась съ гостями. Она ушла къ себѣ въ комнату. Ей такъ хотѣлось одуматься, пережить все случившееся сегодня, все такимъ головокружительнымъ ураганомъ ворвавшееся въ миръ и покой ея существованія. Она сѣла на стулъ и засмотрѣлась въ раскрытое окно, за которымъ тяжело висѣли кисти сирени. Сытый, встопорщеный воробей суетливо прилетѣлъ, уцѣпился за подоконникъ, осмотрѣлъ всю комнату, уморительно наклоняя голову то вправо, то влѣво, потомъ взволнованно сталъ чистить носикъ, и громко чирикнувъ что-то, исчезъ за цвѣточною клумбой. Подъ нею была скамейка, куда дѣвушка уходила часто вязать и вышивать.

— Хорошо здѣсь у васъ! вдругъ послышалось оттуда.

Вѣрочка разслышала голосъ Ряднова.

— Да, благодать. Главное—тишина эта. Вашихъ суетныхъ бурь мы не знаемъ. Истинно мирная пристань.

— Погоди, сестра. Забудь пожалуйста, хоть на одну минуту, что ты монахиня.

— Какъ же это такъ! Не ожидала я отъ тебя.

— Ахъ, да я вовсе не хотѣлъ тебя обидѣть! нетерпѣливо перебилъ онъ ее.—Я, напротивъ, очень уважаю данный тобою обѣтъ, спасайся сколько и какъ можешь. Я о другомъ. У меня эта Вѣрочка изъ головы не выходитъ.

Вѣрочка только-что хотѣла показаться въ окнѣ, какъ услышала свое имя. Вовсе не желаніе узнать о чемъ они говорить будутъ, но какое-то смущеніе приковало ее къ мѣсту.

— Этакій талантъ, и гдѣ же развился—здѣсь. Въ глуши. Скажи пожалуйста—училась она чему-нибудь?

— Какже. Ты не смотри, что она такою простенькою выглядываетъ. Тутъ у насъ были образованныя монахини; теперь, правда, не стало ихъ: оскудѣла вѣра въ нашемъ сословіи, братецъ, охъ, оскудѣла! — онѣ-то и занимались съ нею. Я тоже учила ее. И начитана она весьма. Людей только не видѣла, потому и кажется такою. А что̀, неловка она, что-ли, какъ на твой взглядъ?

— Нѣтъ, не о томъ совсѣмъ я. Людей, ты говоришь, не видала. Этого вотъ именно жаль. Твоя вина— ты-бы могла ей свѣтъ показать и съ жизнью познакомить.

— Вотъ тебѣ и на!.. Грѣхъ съ тобою только. Вы, мірскіе, до всего доходите суетнымъ умомъ своимъ, и толкомъ разобрать ничего не можете, потому что не правдою Господнею живете, а своимъ свѣтскимъ мудрованіемъ.

— Ну, запѣла!

— Да гдѣ-жь бы я ей свѣтъ показала! Слава Богу— всѣ мы здѣсь надежно отъ свѣта-то укрылись. На колокольню что-ли ввести ее, да оттуда ей: смотри-де свѣтъ, какой онъ?

— Мнѣ тебя не понять совсѣмъ, сестра... Вѣдь городъ близко, что-же ты не могла завязать знакомства тамъ?

— Зачѣмъ это?

— Да хотя-бы для нея.

— Не надо. Потому и выросла она голубицей чистою, что свѣтъ въ это дѣло мѣшаться не могъ. Какъ цвѣточекъ раскрылся подъ монастырской стѣной...

— Для художника не то надо. Ему сильныя ощущенія, какъ весенняя гроза благодатны. Талантъ его будятъ, душу живую воскрешаютъ въ немъ. Что-же ты думаешь долго ее такъ при монастырѣ оставить? Ну, хорошо, положимъ, она здѣсь работаетъ, да вѣдь какъ? Подумай—полное отсутствіе техники. Изъ-подъ каждаго мазка у нея такъ и брызжетъ талантомъ, точно огонь изъ-подъ молота, а въ сущности, посмотри, какъ она рисуетъ. Все это ужасно наивно дѣтски. Вытяни руку ея монахини — больше самой будетъ. Ей надобна школа настоящая. Разумѣется, будь я женатъ, забралъ бы я ее отсюда, и поминайте какъ звали, не оставилъ бы вамъ такое сокровище.

— Да и мы не прочь отпустить ее. Только вотъ бабушка ея. Не выживетъ. А что касается города, то ты не бывалъ тамъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я тебѣ въ праздникъ... послѣ-завтра хоть, покажу ихъ — полюбуйся!.. Чему бы тамъ наша королевишна научилась? Нѣтъ, это ты оставь. Слава Богу, что мы выростили ее такою.

— У нея есть какія-нибудь средства?

— Да, какже! У бабушки—тысченокъ пятокъ, да отъ матери ея осталось ей столько же. Землица гдѣ-то, говорятъ рублей четыреста въ годъ доставляетъ.

— Отчего бабушка ея не постриглась?

— Она и безъ того, видишь ли, что твоя монахиня. Строгой жизни старуха. Пуще насъ еще всѣ обѣты исполняетъ. А только давно бы она постриженіе приняла и мы бы охотно полюбили ее вѣдь, но тутъ есть секретъ какой-то. Она его намъ не разсказывала, а мы не разспрашивали. Отецъ Симеонъ былъ и зналъ—да молчалъ. Ни слова никому не говорилъ...

Вѣрочка еще въ первый разъ слышала объ этомъ. Она всполошилась вся даже—какой это секретъ отъ всѣхъ могъ быть у бабушки?

— Что-нибудь изъ ея прежней жизни или касающееся Вѣрочки? спросилъ Рядновъ.

— Нѣтъ, видишь: когда была еще жива мать Капитолина, то она разсказывала будто...

Дѣвушка вся насторожилась, но ей не суждено было сегодня узнать даже уголка заповѣдной тайны. Дѣло въ томъ, что Маруська, потягиваясь и мурлыча, выбралась было на подоконникъ и лапки тамъ свѣсила. Жмурясь на солнце, она лѣниво помахивала пушистымъ хвостикомъ. Она уже засыпать стала, какъ вдругъ все тотъ же суетливый, злополучный воробей нахально помѣстился на вѣтку у самаго ея носа. Маруська обидѣлась, поднялась, и даже ротъ раскрыла. Задрожала вся, а наглецъ покачивался на стеблѣ сирени, какъ будто это вовсе до него не касается, зачиликалъ, да такъ задорно и громко, что котенокъ намѣтился, примѣрился, выбралъ моментъ, когда воробей зачесалъ у себя подъ крылышкомъ, да и перемахнулъ къ нему... Увы! Маруська и не сообразила, что вѣтка, достаточная для воробья, ее не сдержитъ, и оборвалась прямо на мать Серафиму. Та подняла крикъ. Вѣрочка тоже должна была выйти изъ своей засады и побѣжала къ старушкѣ со стаканомъ воды въ рукахъ.

Мать Серафима успокоилась, но уже не отпустила отъ себя Вѣрочку.

— Сиди здѣсь, съ нами. Или скучно тебѣ?

— Нѣтъ. Отчего-же?

При ней художникъ больше не разспрашивалъ сестру,

и бабушкина тайна такъ и осталась пока невѣдомою для внучки.

— Учиться, учиться вамъ еще надо—много учиться! обернулся къ ней Рядновъ.

— А вы долго учились? нерѣшительно спросила она его, и покраснѣла.

Обитель вовсе не научила ее непринужденно и беззастѣнчиво говорить съ посторонними.

— Я! усмѣхнулся онъ,—я и до сихъ поръ учусь.

— Вотъ!.. подняла она брови.

— Вы удивляетесь? Учиться всегда надо. Наблюдай, копи впечатлѣнія и трать изъ этого капитала только проценты. Все изучай, что подъ руку идетъ. Тѣнь вотъ отъ этого куста легла на зеленую травку. Смотри какъ травка кажется здѣсь и тамъ какъ... Человѣкъ попался—въ него всматривайся. Уродъ ли онъ, красавецъ ли—все равно. Даже дурную картину изучай, какъ бы у тебя ея недостатки не повторились. Смотришь и замѣчаешь, что въ ней только дальше проведено то, что̀ у тебя въ самомъ зародышѣ есть, ну, и всѣ несовершенства твои ясно тебѣ сказываются. Это большая наука, Вѣрочка, трудная, копотливая. И читать надо—много читать. Чтобы писать человѣка, надо изучить его и въ прошломъ, и въ настоящемъ, да и не одного его, а и обстановку, въ какой онъ живетъ — страну его, народъ... И все это надо. Все. Старые художники еще дальше шли. Слыхали-ли вы о Микель Анджело, Леонардо да-Винчи?

— Какъ-же, и видѣла гравюры съ ихъ картинъ.

— Да, ну такъ они прежде, чѣмъ кисть въ руки взять, анатомами были, изучали тѣло человѣческое. Оттого и рисунокъ у нихъ такъ силенъ и правиленъ. И фигуры ихъ всѣ такъ пропорціональны. Рядомъ съ художественной, идетъ у нихъ и техническая правда... А у насъ нынче начинаютъ иначе работать. Нутромъ все—есть талантъ и давай писать швабрами,— чѣмъ небрежнѣе, тѣмъ лучше... Впрочемъ, вотъ и сами увидите...

— Гдѣ?

— Не все же вы здѣсь сидѣть будете... Въ колодцѣ этомъ.

— Въ чемъ?

— Въ колодцѣ.

— Какой же это колодецъ? обидѣлась Вѣрочка и смѣло подняла на него глаза.—Здѣсь всѣ такіе хорошіе и добрые.

— Я не объ этомъ совсѣмъ. Я не противъ того, чтобы разбитые и измученные жизнью въ монастырь шли. Кому покой нуженъ, у кого и умъ и мускулы для борьбы и работы ослабли. Ну, а вамъ здѣсь стыдно.

— Поговори, поговори съ нимъ! недовольно отозвалась мать Серафима. — Онъ тебя научитъ... Іоаннъ Златоустъ какой выискался.—И монахиня тяжело поднялась, и переваливаясь пошла въ домъ.—Чайку прикажу собрать на воздухѣ.

Вѣрочка воспользовалась ея отсутствіемъ.

— Вотъ о чемъ я хотѣла спросить васъ. Что̀ по вашему должна я сдѣлать?

— Бѣжать отсюда. Живая къ живымъ.

— Живымъ... И здѣсь не мертвыя.

— Талантъ—это обязательство. По немъ уплата съ васъ потребуется—и людьми и Богомъ. Что-же вы станете себя морить здѣсь!

— Такъ все и бросить?

— Да! И жалѣть нечего. Не навсегда прощаетесь. Вздумали и вернулись посмотрѣть, все-ли здѣсь на своемъ мѣстѣ. Прямо, знаете, какъ хорошіе пловцы, трахъ въ воду съ головою! И чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше.

— Страшно.

— Чего страшно? Что жизнь помнетъ? Намъ, художникамъ, это на пользу бываетъ. Только объ одномъ надо заботиться—любовь къ человѣку сберечь у себя въ душѣ. Чтобы этотъ огонекъ не погасъ. Вотъ если его задуетъ—тогда плохо. Тогда отъ художника только мастеровой остается. Въ міръ, въ міръ, милая вы моя дѣвочка, и безъ оглядки! Обитель и безъ васъ стоитъ крѣпко. Вотъ мать Серафима, сестрица моя, увѣряетъ, что ее здѣсь легіоны ангеловъ сторожатъ. При чемъ же вы тутъ-то?

— А бабушка?

— Бабушка, бабушка... Что же ей вашу жизнь заѣдать! И курица не претендуетъ, когда ея цыплята выростутъ и...

— Что̀ вы говорите это! оборвала его негодующая дѣвушка.—Бросить тѣхъ, кто меня любитъ, кто жизнь свою на меня положилъ всю, кто только мной одной и дышетъ... А еще говорите, что надо любовь къ человѣку сберечь въ душѣ! Хороша любовь если такъ близкихъ-то бросать. Круть, верть—и кончено.

— Да... разумѣется вы правы. Впрочемъ, вѣдь и оттуда вы хоть каждый день писать можете.

— Нашли! Замѣнили чѣмъ... Нѣтъ ужь, знаете, лучше не смущайте меня—и безъ того отъ вашихъ словъ голова закружилась. Ходуномъ все кругомъ идетъ. Слушать-то васъ я думаю грѣшно даже.

А самоё такъ и тянетъ слушать.

— Вотъ такъ его, Вѣрочка, торжествовала стоявшая у окна мать Серафима. — Что, братъ, ты думаешь у васъ у однихъ у мірскихъ своя правда... Нѣтъ, у насъ тоже есть она и не вашей чета. Нашелъ къ кому приравнять, къ курицѣ...

— А развѣ Вѣрочка не мірская?..

— Вѣрочка?.. запнулась монахиня. — Что̀ жь что мірская, а все-таки она по Божьей правдѣ живетъ. Невѣры вы. Кабы вѣрили да слово Божье знали—и разсуждали бы иначе... Что сказано-то? поди и псалмовъ-то не знаешь, а весь свѣтъ произошелъ: Свѣтильникъ ногама моимъ и свѣтъ стезямъ моимъ... Ну ладно, иди-те чай пить... успокоилась она. — Всѣ вы мірскіе какъ тѣ, о которыхъ Соломонъ въ притчахъ своихъ говоритъ: „Возненавидѣша бо премудрость—словеса же Господня не пріяша...“

А между тѣмъ зерно, зароненное Рядновымъ въ чуткую душу Вѣрочки, быстро пускало ростки и подымалось въ ней цѣлымъ міромъ неопредѣленныхъ и непонятныхъ ей самой стремленій. Первую ночь — она не спала до утра и прометалась на своей постели, сбрасывая Маруську на полъ, пробуя молиться и ощущая, что нѣтъ въ душѣ ея прежняго жара и благоговѣнія. Она зажгла свѣчку и хотѣла читать, но строчки двоились и троились въ ея глазахъ, мелькали передъ ними непонятныя, ничего не говорившія ея смятенному уму. Міръ—тотъ, разстилавшійся за стѣнами обители, искрился и горѣлъ передъ нею радужными красками. Она видѣла себя уже тамъ, среди другихъ людей, среди обстановки незнакомой ей, жизни чуждой, но такой увлекательной и блестящей, такой заманчивой и красивой. „Въ колодцѣ“, повторяла она про себя... Хорошо ему говорить, свободному, ничѣмъ не связанному!.. „Въ колодцѣ“... И ей дѣйствительно дѣлалось и холодно, и душно. И тьма охватывала кругомъ, и точно въ самомъ дѣлѣ она опускалась все ниже и безвозвратнѣе на дно этого колодца... Заснула она только подъ утро и тяжелымъ мучительнымъ сномъ. Когда бабушка вошла къ ней, Вѣрочка металась и стонала.

— Что ты... что ты, ро̀дная?.. разбудила ее та.

— Это ты... Ну слава Богу. Мнѣ невѣсть что чудилось.

— Опять на колокольню что-ли вѣшали? Ужь вмѣсто картины не тебя-ли самую.

— Нѣтъ. Хуже. Привидѣлось мнѣ, бабушка, что подползъ ко мнѣ большой болотный змѣй, весь сѣрый въ черныхъ кольцахъ, и обвился онъ вокругъ меня и душить сталъ, а пастью прямо въ лицо мнѣ дышетъ и

жаломъ грозитъ. Хочу я крикнуть — не могу, отбиться — руки не шелохнутся...

— Господь съ тобой!.. Это все отъ крови... кровь въ тебѣ ходитъ...

— Какая кровь?..

Весь этотъ день и слѣдующіе за нимъ, дѣвушка избѣгала встрѣчъ съ Рядновымъ.

— Вы точно прячетесь отъ меня! замѣтилъ онъ ей какъ-то, наткнувшись на нее у входа въ обитель.

— Нѣтъ, что же... покраснѣла та.

— И хорошо дѣлаетъ... отвѣтила за нее бабушка Степанида. — Что̀ бы это за дѣвица была, коли бы она отъ мускова сословія не пряталась. И завсегда ее хвалить за это буду. Значитъ настоящаго природу. Не вѣтренница. И ты ее не упрекать за это долженъ, а напротивъ хвалить...

— Я ее и не упрекаю, смѣялся онъ.

— Нѣтъ, мы тоже сидимъ-сидимъ подъ воротами да кое-что видимъ. Глазокъ-то и у насъ за все про все запущенъ. Насъ не омманешь. А ты слушай меня старуху, я хоть тебя, благородный господинъ, и не знаю, а зла и тебѣ не пожелаю... Присядь ко мнѣ, Вѣрочка... Хорошо дѣлаешь, что отъ кавалеровъ обѣгаешь... Бѣгай, бѣгай отъ нихъ...

XII.

Вѣра далеко не была такъ наивна, какъ могло показаться съ перваго взгляда. Правда, она совсѣмъ не знала жизни, но не знала ее только по своему личному опыту. За то ей много разсказывали о ней монахини, рѣдкая изъ которыхъ не пережила болѣе или менѣе сильнаго потрясенія. Сверхъ того, дѣвушка много читала и, хотя безъ разбора, но вдумывалась въ прочитанное, ставила себя въ положеніе тѣхъ кого описывали ея книги, соображала какъ бы она поступила на ихъ мѣстѣ, и надо сказать правду, не всегда была согласна съ авторами, создававшими эти положенія и находившими исходы изъ нихъ. Такъ и теперь, промучившись и продумавъ цѣлый день, она вечеромъ пришла домой, веселая опять какъ пташка, обрадовавшаяся солнцу послѣ сѣраго дня и дождливой погоды. Она кинулась къ бабушкѣ, обвила ее руками, точно ее хотѣли отнять у нея, и не выпускала старуху.

— Постой, ну тебя, брось!.. Фу!.. Что ужь... Затормошила совсѣмъ... Съ чего это ты?

— Знаешь, милая, хорошая... Вѣдь мы не разстанемся, а? не разстанемся никогда?

Передъ Анфисой Кирилловной опять замелькали вывѣски, десятки, сотни, тысячи вывѣсокъ. Она отошла назадъ и руками замахала на внучку.

— Нѣтъ ужь... Если такъ... Что ужь! Поѣзжай ужь одна... Богъ съ тобой. Куда мнѣ — я на первой станціи развалюсь.

— Это куда же ты меня гонишь одну?

— А туда... гдѣ это учатся... Я ужь не знаю... ужь это ты ужь у другихъ спроси...

— Ну, бабушка, заужикала, теперь отъ тебя долго толку не добьешься!.. Слушай же лучше мое рѣшеніе. Садись вотъ такъ. Положи руки сюда. Отлично...—Она мимоходомъ поправила волоса, выбившіеся у старушки изъ-подъ чепчика. — Ну, слышишь... Я тебѣ буду теперь говорить: никуда, бабушка, я отсюда не тронусь, а буду, какъ и прежде, жить себѣ здѣсь да поживать.

— Какъ же это... Это ужь — я не знаю ужь.

— Не жужжи. Такъ этому быть и никто меня разговорить не можетъ.

— О чемъ вы это? вошелъ въ эту минуту Рядновъ, цѣлый день работавшій сегодня у монастыря.

Вѣрочка сначала смѣшалась и по старой дѣтской еще привычкѣ взялась за неповинное платье и давай его тормошить своими тонкими и красивыми пальцами. Но улыбка, пробѣжавшая по лицу Ряднова, вернула ей самообладаніе. Она смѣло подняла глаза на него...

— Такъ, я бабушкѣ это рѣшеніе свое объявляла.

— Смѣю спросить, по какому вопросу?

— А относительно своего отъѣзда въ Петербургъ, учиться.

— Ну значитъ поздравить васъ?

— Да. Я остаюсь здѣсь, дома!

— Вотъ тебѣ и разъ, опѣшилъ Рядновъ.—Какъ же это, барышня? А работать?

— Да вѣдь вы разсказывали, что начали двадцати двухъ лѣтъ. Да? Значитъ у меня много еще впереди остается. Будетъ время. Успѣю... И вся раскраснѣвшаяся она отправилась къ себѣ. — Бабушка! крикнула она старушкѣ изъ своей комнаты. — Вамъ ужь и одѣваться пора. Скоро зазвонятъ къ вечернѣ.

— Я сейчасъ-сейчасъ...

Старушка совсѣмъ развеселилась и глаза у ней заблестѣли, и заходила она проворно, и даже кота за ухо дернула.

— Зачѣмъ, дрянь этакая, на комодъ забираешься, вотъ тебѣ!

Короче, ее нельзя было узнать теперь — ожила.

— Вотъ, видишь, какой еще ты молодецъ, смѣялась ей Вѣрочка. — Да, ты молодецъ, а кошка дура, дура... Дура Маруська...

Какъ разъ въ эту минуту ударили въ колоколъ.

— Вотъ и опоздала, совсѣмъ безпричиннымъ смѣхомъ смѣялась Вѣрочка. — Вотъ и опоздала.

Но та только накинула на себя большой ковровый платокъ и пошла.

— Меня вѣдь, старуху, никто не осудитъ! оправдывалась она. — Мнѣ не передъ кѣмъ...

Служба сегодня шла у Варвары великомученицы. Маленькая церковь вся горѣла огнями, было душно. Сильно пахло воскомъ и ладономъ. Мать Варлаама распорядилась открыть окна, и пѣніе молодыхъ монахинь разносилось далеко посреди высокихъ стѣнъ монастыря. Рядновъ тоже пошелъ туда, но не выдержалъ жары и кое-какъ выбрался сначала на паперть, а потомъ сталъ у окна. Голубой вечеръ все густѣлъ незамѣтно подкрадывавшимся къ западу сумракомъ. Двѣ-три звѣздочки, вспыхнувъ въ глубинѣ надъ обителью, робко замигали, словно смаргивая слезы... Художникъ засмотрѣлся въ открытое окно церкви. Желтый свѣтъ струился оттуда въ окутывающую его синюю, смутную марь. Желтый свѣтъ, то застилавшійся клубами сизоватаго дыма, то разгоравшійся огнистыми языками свѣчей. Онъ различалъ отсюда и матовый блескъ окладовъ, и черные силуэты монахинь мирно опускавшихъ и подымавшихъ головы. Вонъ и русоволосая Вѣрочка стоитъ... Какъ ясно ея лицо, какимъ безмятежнымъ спокойствіемъ вѣютъ его черты!.. Хорошо-ли онъ дѣлалъ, что звалъ ее въ омутъ житейскаго моря, подъ бури и грозы его? Хватило-ли бы у нея силъ, у выросшей здѣсь, подъ звонъ этихъ колоколовъ, въ тѣни надежныхъ стѣнъ? Хватитъ-ли у нея энергіи тамъ?..

— Брось, оставь, не смущай! говорилъ ему какой то голосъ. — А лучше уходи прочь отсюда, не вноси раздвоенія и неразрѣшимыхъ сомнѣній въ эту свѣтлую душу...

А Вѣрочка, успокоенная и рѣшившаяся, молилась сегодня легко и хорошо. Ее ужь ничто не мучило. Туча стороной прошла, не задѣвъ ея хрустальной души, не затмивъ ея прозрачности—такъ только тѣнь пробѣжала по ней и то мимолетная... Здѣсь она знаетъ всѣхъ и всѣ ее знаютъ. Здѣсь ей привольно и легко... Чего же болѣе?.. Вонъ написанная ею Богоматерь — какъ хорошо смотритъ она въ перебѣгающемъ свѣтѣ лампадъ, колеблемыхъ вѣтеркомъ изъ окна, на всѣ эти блѣдныя, изможденныя, склоняющіяся передъ

Парижская всемірная выставка 1889. Центральный павильонъ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

нею лица... Можетъ быть Вѣрочка и неправильно ее написала — да вѣдь лучшихъ здѣсь не было еще... И она начинала гордиться своей работой...

Пусть будетъ пока все какъ было, а тамъ что́ загадывать! Что̀ Богъ ей укажетъ.

Прошла еще недѣля. Рядновъ смотрѣлъ ея картины, училъ ее, но ни однимъ словомъ не заикался о прежнихъ своихъ планахъ. И она совсѣмъ сжилась съ нимъ и помирилась. Да и прежде она не сердилась на его вмѣшательство въ ея судьбу... Разъ она сидѣла въ мастерской и работала, какъ художникъ озабоченно вошелъ къ ней.

— Здравствуйте и прощайте, Вѣрочка. Да благословитъ васъ Богъ!.. Такъ, кажется, по вашему?

— А по вашему развѣ иначе? съ тихимъ укоромъ паклонила она голову. — Куда это собрались вы?

— Вотъ сейчасъ получилъ телеграмму, надо ѣхать, очень важное дѣло. Гдѣ мнѣ сестру найти?

Что-то словно защемило въ сердцѣ у Вѣрочки. Ей разомъ стало больно. Она даже поблѣднѣла и кисть упала изъ рукъ ея, проведя безобразную черту по начатой картинѣ.

— Что вы, родная?..

— Такъ, ничего; не долго же вы погостили у насъ.

— Нельзя, слишкомъ важное и спѣшное дѣло.

Вѣрочка встала.

— Я сама проведу васъ... Мать Серафима вѣрно сидитъ подъ вязами...

Они вышли. Слезы наполнили глаза дѣвушки. Ей хотѣлось, чтобы онъ не замѣтилъ этого...

— Надолго вы уѣзжаете?

— Не знаю... Да вѣдь собственно дѣла у меня никакого нѣтъ здѣсь.

— Пожалуй навсегда оставляете насъ?

И голосъ ея дрогнулъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— А вамъ развѣ жаль меня будетъ? спросилъ онъ.

— Да, я привыкла. Вы такъ много сдѣлали теперь для меня. Мы вѣдь здѣсь привязчивыя...

— Вотъ что́, Вѣрочка,—мало-ли что случается,—возьмите мой петербургскій адресъ. Если вы когда-нибудь попадете въ положеніе, которое потребуетъ чьей-нибудь помощи или совѣта, не обращайтесь ни къ кому кромѣ меня. Слышите? Я сейчасъ же отзовусь, получивъ отъ васъ письмо или телеграмму...

— Благодарю васъ... только и проговорила она, пожимая протянутую ей руку.

Мать Серафима оказалась дѣйствительно подъ вязами. Она было встревожилась отъѣздомъ брата, но тотъ ее успокоилъ...

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко**.

(Продолженіе).

VI.

Цѣлый рой новыхъ мыслей, смутныхъ желаній, встрепенулся въ моей душѣ. Мнѣ неудержимо хотѣлось крикнуть ей, что она безсознательно себя обманываетъ, что грѣшно дробить юношескій пылъ на эти мелкія привязанности, хоронить эту рѣдкую красоту въ глухомъ захолустьѣ, когда за одинъ ея чудно-ласковый взоръ можно жизнь отдать.

Я зналъ, что свѣтлый обликъ Ольги, безъискусственная сердечность ея бесѣды, на-вѣкъ запечатлѣются во мнѣ, и въ эту минуту ясно сознавалъ, что способенъ влюбиться въ нее со всей страстностью юноши, никогда доселѣ не испытавшаго этого чувства. „Вотъ оно—счастіе, любовь, настоящая цѣль жизни", назойливо твердилъ мнѣ незнакомый, но опьяняющій голосъ. „Слѣдствіе, купецъ Мурашкинъ, поджогъ, трудовая карьера, невозможность связать себя, легкомысленность всякаго признанія", не умолкая протестовалъ разумъ, и я словно въ чаду принялся быстрыми неровными шагами ходить по комнатѣ. Въ борьбѣ со своими мыслями, я тупо смотрѣлъ, какъ Матрена накрыла ужинъ, какъ шумная ватага дѣтей ринулась къ своимъ мѣстамъ, какъ Ольга своей граціозною поступью подошла къ дымящейся похлебкѣ и принялась разливать ее, и только заботливый голосъ Екатерины Александровны прервалъ нить моихъ размышленій:

— Полно вамъ шаркать по комнатѣ, точно маятникъ. Завтрашнихъ заботъ это не поможетъ размыкать, а пора себя подкрѣпить на сонъ грядущій. Милости просимъ чѣмъ Богъ послалъ.

Я машинально провелъ рукой по лбу и направился къ указанному мѣсту. Она прищурила свои небольшіе но ласковые глаза, и взглянувъ на меня, всплеснула руками:

— Что̀ съ вами, родимый? Не хуже-ли опять къ вечеру стало? Щеки-то какъ макъ разгорѣлись, да и глаза какъ-то странно блестятъ! Ужь не лихорадка-ли пристала?

Какъ уличный школьникъ, я необдуманнымъ движеніемъ понурилъ голову, но сообразивъ всю нелѣпость своего положенія и невозможность для добродушной Екатерины Александровны мгновенно постигнуть мою душевную тревогу, осилилъ себя и отвѣтилъ развязно:

— О лихорадкѣ и помину нѣтъ; я васъ увѣряю что здоровъ вполнѣ. Но, признаться, предстоящая мнѣ на завтра процедура меня сильно волнуетъ. Мнѣ не посчастливилось для перваго опыта. Столько побочныхъ обстоятельствъ легко могутъ дѣло еще затемнить. А кромѣ того у васъ здѣсь очень душно стало.

— Что̀ съ вами, помилуйте, я и въ байковомъ платкѣ согрѣться не могу, возразила Екатерина Александровна.

— Это не удивительно, вставила Ольга, — сегодня не топили, а къ вечеру морозъ всѣ лужи сковалъ.

Я обернулся было къ ней чтобы возразить въ свою защиту и встрѣтилъ ея пытливо-устремленный взоръ. Словно молнія блеснула между нами. Угадала-ли она произведенное ею впечатлѣніе, только быстрымъ движеніемъ она отвернула голову. Мнѣ почудилось алое зарево залившее ея черты, и въ охватившемъ меня смущеніи, слова замерли на устахъ.

Появленіе Андрея Васильевича выручило меня.

— Я, кажись, замѣшкался, замѣтилъ онъ, потирая свои застывшія руки, но за то всѣмъ распорядился на славу.—Такую вамъ тройку саврасыхъ собралъ, что мигомъ доставятъ васъ въ злосчастную Михайловку. Ты, Оля, распорядись только, чтобы побольше подушекъ подъ больную руку положили. Какъ приметесь мерзлыя кобылдашины отсчитывать, такъ вы, батенька мой, чего добраго и караулъ закричите.

Я пытался отклонить эту излишнюю заботливость, но онъ и договорить мнѣ не далъ.

— Въ чужой командѣ пришлый не распоряжайся, отрѣзалъ онъ.—У меня изстари заведено правило: сказано—исполнено. Оттого и образцовый порядокъ въ домѣ видѣть могли.

И самодовольная улыбка блеснула подъ длинными, сѣдыми усами.

Ужинъ прошелъ оживленно. Дѣти безъ умолку болтали, но лишь только рѣзвость достигала извѣстныхъ границъ, какъ олимпійское движеніе насупленныхъ бровей стараго маіора тотчасъ водворяло порядокъ. Екатерина Александровна зорко слѣдила за моей тарелкой, и волею-неволею мнѣ покорно приходилось глотать накладываемые куски, чтобы снова не вызвать подозрѣній о моемъ здоровьи.

Изрѣдка, съ замираніемъ сердца, я взглядывалъ на молодую красавицу. Простота обращенія, отсутствіе всякаго кокетства, невозмутимая чистота лучистаго взора дѣйствовали отрезвляюще на меня.

Самообольщенію не было простора. „Сегодня ты здѣсь, завтра не будешь, а черезъ недѣлю едва-ли и вспомянешь!" твердилъ я себѣ мысленно, не безъ примѣси горечи.

Прямо изъ-за стола, дѣти подошли подъ родительское благословеніе и, сопровождаемыя старшей сестрой, разошлись по своимъ угламъ. Маіоръ съ видимымъ наслажденіемъ принялся раскуривать длинную трубку, съ вычурнымъ янтарнымъ чубукомъ, предварительно выставивъ мнѣ ее съ наивной гордостью:

— Полюбопытствуйте, батенька,—тоже трофей въ своемъ родѣ, скажу я вамъ. Еще покойный дѣдъ заслуженнымъ полковникомъ ее изъ Туретчины вывезъ. При взятіи Силистріи, на глазахъ самого Суворова отличился. „Помилуй Богъ хорошо, молодецъ Коринъ", и при всякой встрѣчѣ такъ вспоминалъ его подвигъ. Дѣдъ, въ главѣ своего полка, первымъ ворвался въ крѣпость, важнаго пашу собственноручно въ полонъ взялъ, да на память тогда эту самую трубку прихватилъ. У насъ въ роду всѣ падки на это зелье.

Рѣчь о прославленномъ дѣдѣ породила цѣлый рядъ воспоминаній изъ собственнаго боевого опыта. Екатерина Александровна пріютилась въ старомъ мягкомъ креслѣ и, не смотря на всѣ усилія, подвижные глаза все съуживались, голова тихонько раскачивалась подъ мѣрный тактъ мужниныхъ словъ, пока утомленная не склонилась на грудь, и ровное дыханіе обли-

чило торжество укоренившейся привычки. Въ самый разгаръ его повѣствованій о Севастополѣ, Ольга Андреевна неслышными шагами скользнула по комнатѣ, подошла къ матери, любовно посмотрѣла на нее, ловкимъ движеніемъ поправила чепецъ, наполовину сползшій на лобъ и придававшій комическій оттѣнокъ ея добродушному лицу, достала изъ корзинки пестрое дѣтское платьице и, присѣвъ къ столу, принялась за работу. Иголка такъ и блистала въ ея проворной рукѣ.

„Траншеи, окопы, правый флангъ, атака, тылъ непріятеля, картечь", звучало въ моихъ разсѣянныхъ ушахъ, а взоръ жадно ловилъ малѣйшій оттѣнокъ этого задумчиваго, прекраснаго лица, мягко озареннаго свѣтомъ лампы.

„Суждено-ли мнѣ увидать ее снова? Гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ произойдетъ эта желанная встрѣча? Ужели на-вѣкъ я ей останусь чуждымъ? Чѣмъ подаритъ ее жизнь въ награду за безпредѣльное довѣріе къ ней?" Эти вопросы, смѣняя другъ друга, возставали въ возбужденномъ умѣ, и сердце невольно томилось подъ гнетомъ непроницаемости грядущихъ дней.

— Однако, пора и по норамъ разойтись. Старуха моя ужь давно примѣръ подаетъ, заключилъ Андрей Васильевичъ, — да и вы сами точно готовитесь носомъ клюнуть.

Привычнымъ жестомъ онъ сдунулъ остывшій пепелъ, и мнѣ почудилось, что подобный удѣлъ постигнетъ и мои завѣтныя мечты.

— Что ты, Господь съ тобой, напраслину все на меня взводишь! недовольно откликнулась Екатерина Александровна, встрепенувшись подъ звукъ отодвинутаго кресла.—Я такъ... Что-жъ, Иванъ Петровичъ, обратилась она ко мнѣ, — отъѣздъ на завтра, безповоротно?

— Чуть только заря займется. Андрей Васильевичъ обнадежилъ меня, что лошади ужь будутъ готовы.

— Такъ стало-быть съ вечера проститься надо. Не взыщите съ меня, старухи, что не встану проводить васъ. Оно конечно-бы и слѣдовало, но ужь такъ она меня изнѣжила,—и при этомъ она ласково погладила своенравно вьющіеся волосы дочери,— что не приведи Богъ, какъ теперь тяжела на подъемъ стала.

— Помилуйте, Екатерина Александровна, этого-бы еще не доставало! Мнѣ и такъ стыдно вспомнить всѣ причиненныя вамъ хлопоты. Глубокую и теплую благодарность приношу вамъ за вашъ радушный, чисто родственный пріемъ, за ласковый уходъ, за все, за все... Вѣрьте мнѣ, что краткое пребываніе въ вашемъ домѣ на-вѣкъ отраднымъ воспоминаніемъ сохранится въ моей памяти. Мнѣ и теперь кажется...

Я разсчитывалъ краснорѣчиво описать хоть часть навѣянныхъ ощущеній, но голосъ невольно дрогнулъ; мысли спутались.

— Ахъ, родной мой! какое-же тутъ безпокойство! Мы сами душевно рады, что Богъ съ добрымъ человѣкомъ свелъ! И стоитъ-ли благодарить за такую обыкновенную услугу. Вотъ если въ самомъ дѣлѣ вамъ по сердцу пришлось наше гостепріимство, то заверните погостить къ намъ, какъ только свободное времячко выберется. Дождливой осенью никакая деревня въ авантажѣ не будетъ, за то ужь лѣтомъ—сущій рай.

— Но съ условіемъ, чтобы чуръ назадъ не торопиться, замѣтилъ маіоръ.—А коль доброй волей не останетесь, такъ я васъ и въ военно-плѣннаго обращу.

— Я высоко цѣню ваше приглашеніе, и конечно не упущу случая воспользоваться имъ, но врядъ-ли мнѣ это скоро удастся, отвѣтилъ я и горячо поцѣловалъ пухленькую руку Екатерины Александровны, протянутую мнѣ на прощаніе.

— Скоро-ли, нѣтъ-ли, знайте одно, что вы всегда желанный гость въ Верхахъ.—Ея губы коснулись моего склоненнаго лба, и голосъ прозвучалъ истиннымъ участіемъ, когда она добавила:—Теперь покойной ночи, а завтра въ добрый часъ. Да сохранитъ васъ Богъ и ниспошлетъ вамъ полный успѣхъ.

— Мнѣ раненько вставать не диковинка; еще завтра свидимся, замѣтилъ маіоръ, и па возраженіе, сорвавшееся у меня съ языка сурово произнесъ: „цыцъ", и круто повернулъ на каблукахъ.

Мнѣ предстояло теперь прощаніе съ ней.

Цѣлый рой мыслей тѣснился въ умѣ, а непривычная робость сковывала уста. Тихимъ движеніемъ, Ольга подала мнѣ свою красивую, слегка загорѣвшую руку:

— Будьте счастливы, не забывайте насъ совсѣмъ. Но если ваша хваленая жизнь съ тревогой и борьбой надломитъ васъ или хоть просто прискучитъ вамъ, вспомните что у тихой пристани бываетъ хорошо; загляните къ намъ.

Я впился въ ея черты, силясь разгадать въ ея взорѣ, не таится-ли подъ этими словами намека, обѣщанія, хоть блѣдной искры надежды. Нѣтъ, то была пустая мечта. Часъ не пробилъ. Я ясно видѣлъ, что въ сердцѣ ея пока не было мѣста для иной любви.

— И вы снова приподымите духовный покровъ? Введете за собой въ свое обѣтованное царство?

— Оно вѣдь красно бываетъ только въ лѣтніе знойные дни. Надо еще сперва себѣ усвоить мои мысли, чтобы вполнѣ быть способнымъ оцѣнить его.

И чѣмъ-то свѣтлымъ, безпредѣльно чистымъ обдало меня.

Я страстно желалъ припасть къ ея рукѣ, но непоборимое смущеніе овладѣло мною. Я только судорожно сжималъ эту руку въ моей, несвязно бормоча:

— Да, мы должны свидѣться, непремѣнно... я это чувствую... тогда, быть можетъ и вы, въ свою очередь... поймете то...

Какое-то сложное чувство, не то изумленіе, не то сострадательная нѣжность промелькнула въ ея взглядѣ.

— Иванъ Петровичъ, что вы тамъ запропастились! Пора на отдыхъ. Налѣво кругомъ—аршъ! И высокая фигура маіора съ зажженною свѣчой въ рукахъ появилась на порогѣ.

VII.

Тщетно пробовалъ я заснуть въ эту ночь. Картины убогаго прошлаго чередовались съ соблазнительнымъ навожденіемъ возможной будущности, и какъ неотвязный кошмаръ давило сознаніе предстоящей на утро обязанности. Полу-обугленный трупъ Мурашкина, грозное пожарище, понятые, опросъ свидѣтелей, вся эта мрачная сторона жизни казалась еще безотраднѣе въ сравненіи съ идеальными сферами къ которымъ душа моя стремилась вслѣдъ за синеокой обворожительницей.

Когда Андрей Васильевичъ, въ потертомъ халатѣ, съ неизмѣнной спутницей въ лѣвомъ углу рта, взошелъ въ отведенную мнѣ комнату, чувство одобряющаго удивленія сказалось въ его возгласѣ:

— Ага! батенька мой! въ полную дорожную форму ужь облекся! Вотъ люблю. Достоинъ быть военнымъ.

Высшей похвалы для него не могло быть.

Вслѣдъ за нимъ появилась Матрена, въ красномъ платкѣ, съ растрепанными прядями волосъ выбивавшихся изъ-подъ него, со стоптанными башмаками на босу-ногу, держа въ рукахъ подносъ съ дымящимся чаемъ, густыми сливками и цѣлою грудой лепешекъ домашняго издѣлія.

— Отвѣдайте, батюшка, потчивала она, съ широкой улыбкой на измятомъ отъ сна лицѣ. — Прямо съ пылу; кажись потрафила. Барышня приказала съ вами въ дорогу отпустить.

Наскоро напившись чаю и къ вящему удовольствію Матрены расхваливъ ея угощеніе, я всталъ прощаясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ.

— Постойте, остановилъ онъ, — не такъ, а какъ подобаетъ православнымъ. Ужели на то столкнуться съ милымъ человѣкомъ, чтобы никогда о немъ болѣе и помину не было?

Повелительнымъ жестомъ онъ указалъ мнѣ на стулъ. Суетившаяся около моихъ пожитковъ, Матрена мигомъ присѣла на чемоданъ.

Наступила минута молчанія.

Маіоръ всталъ, перекрестился и троекратно облобызался со мною.

— Ну, теперь съ Богомъ, въ путь, и я въ правѣ разсчитывать, что вы непремѣнно побываете въ нашихъ палестинахъ.

Я возразилъ, что отнынѣ это станетъ моимъ самымъ пылкимъ желаніемъ, и посреди изъявленій моей признательности, мы вмѣстѣ направились къ подъѣзду.

Кругомъ была мертвая тишина, и въ опустѣлой гостиной царилъ сѣровато-печальный полу-тонъ медленно вступавшаго въ свои права дневнаго свѣта.

Жаднымъ взоромъ я окинулъ все это мнѣ хорошо знакомое убранство, какъ-бы силясь урвать изъ него что-то и унести съ собою въ скитальческую жизнь.

Въ выходномъ коридорѣ, намъ на встрѣчу быстро мелькнула бѣлая тѣнь, стараясь скрыться въ смежную дверь.

— Стой, бѣглянка, откуда? скомандовалъ маіоръ.

— Ольга Андреевна! радостно воскликнулъ я.

— Я бѣгала къ тарантасу провѣрить все-ли тамъ хорошо уложено. Ты вчера еще самъ приказалъ про подушки. Помнишь?

— И похвалю. Хозяйскій глазъ всюду нуженъ. А вѣдь прерасторонная она у меня? обратился онъ ко мнѣ, и гордая улыбка освѣтила его суровое, обвѣтренное лицо.

— Я совершенно сконфуженъ такою заботливостью, а главное, вы могли простудиться: на зарѣ и въ такомъ легкомъ платьѣ.

— У меня платокъ есть, посмотрите, возразила она, кутаясь поверхъ пеньюара во фланелевую шаль.—Не безпокойтесь; меня простуда не беретъ. Правда, папочка, что я въ тебя уродилась?

И неподражаемо граціознымъ движеніемъ, она обвила своими гибкими руками жилистую шею старика, подобно цѣпкой ліанѣ вьющейся вокругъ величаваго дуба.

— Скажи на милость! Вотъ-такъ гренадеръ! промычалъ онъ.

— Теперь ужь все равно; коль я попалась Ивану Петровичу на глаза въ этомъ неглиже, пойдемъ, по крайней мѣрѣ, проводимъ его вмѣстѣ.

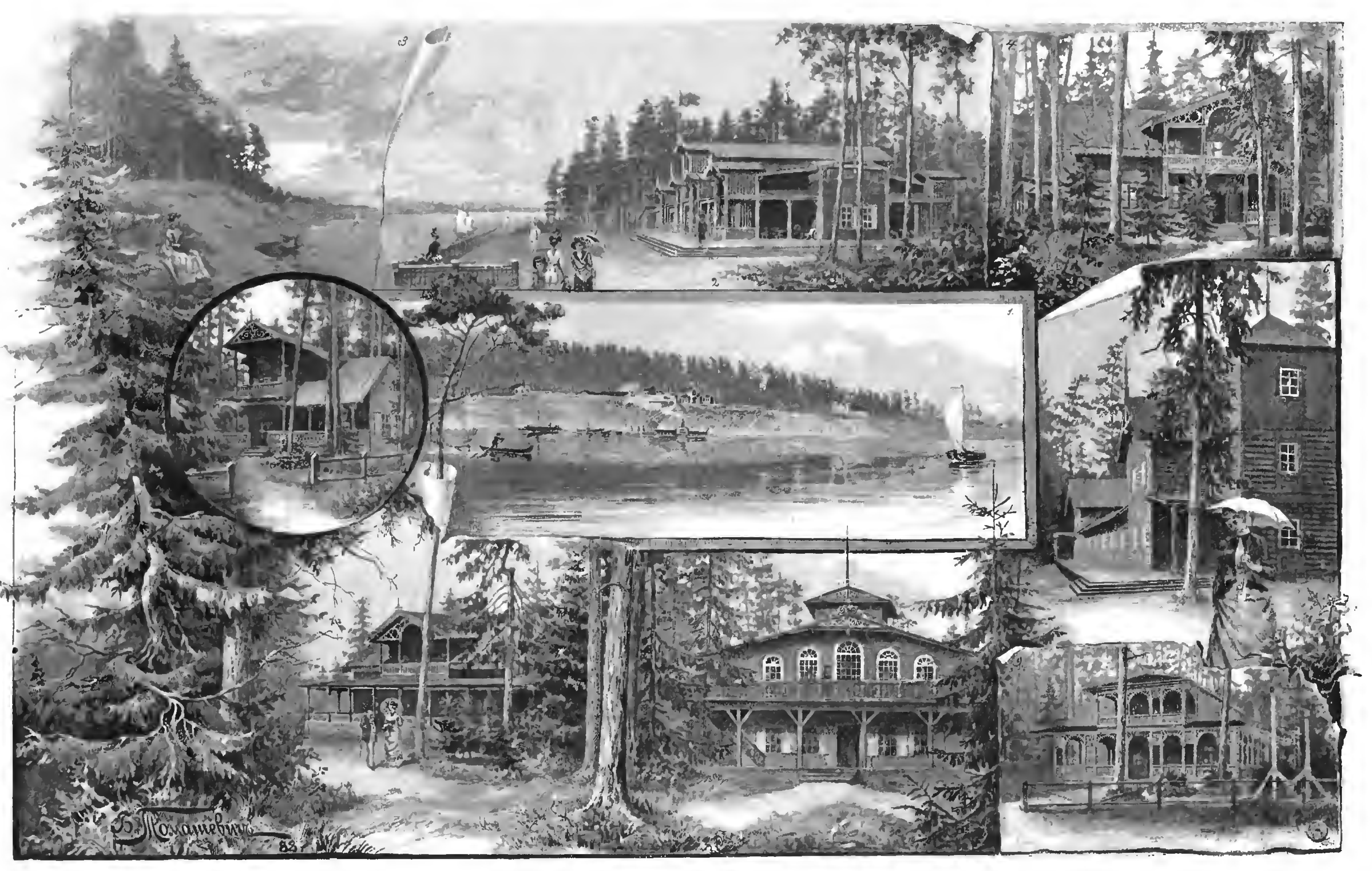
И не дожидаясь возраженій, она первая выступила подъ навѣсъ.

Тарантасъ стоялъ ужь у подъѣзда, запряженный тройкой коренастыхъ и сытыхъ рабочихъ лошадей. Кучеръ, прилаживаясь къ сидѣнью, то запахивалъ армякъ, то поправлялъ поясъ, то перебиралъ возжи, и на всѣ предписанія Андрея Васильевича, самоувѣренно отвѣчалъ:

— Будьте благонадежны, ваше высокородіе, въ цѣлости предоставлю.

Парижская всемірная выставка 1889. Отдѣлъ Военнаго министерства. Рис. Фишеръ, грав. Рашевскій.

Погулянка, кумысо- и водо-лечебное заведеніе близъ Динабурга.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Б. Томашевича, грав. Ангереръ.

1. Общій видъ. 2. Кургаузъ на берегу Западной Двины. 3. Берегъ Западной Двины. 4. Дача-пансіонатъ. 5, 7, 9. Типы дачъ. 6. Отдѣленіе водолечебнаго заведенія. 8. Кумысное заведеніе.

Матрена, раскраснѣвшись, вылѣзала изъ экипажа, доложивъ что все готово. Медлить болѣе было невозможно.

Я подошелъ къ Ольгѣ Андреевнѣ и на глазахъ ея отца у меня достало рѣшимости поднести почтительно ея свѣжую руку къ моимъ пылавшимъ губамъ. Волненіе душило меня; я через силу выговорилъ:

— Благодарю еще... прощайте... молю не забывать...

— Къ чему *прощайте*? Лучше *до свиданія*, выговорила она своимъ груднымъ мелодичнымъ голосомъ.

— Не поминайте лихомъ, да руку-то руку поберегите, осторожнѣе! крикнулъ мнѣ маіоръ во слѣдъ.—Добраго пути желаемъ, а ты, Кондратій, смотри, не зѣвай.

И когда я, усѣвшись, снялъ фуражку на прощаніе, онъ привычнымъ тономъ скомандовалъ: „трогай!"

Бубенчики дрогнули. Кондратій взмахнулъ кнутомъ, присвистывая. Я высунулся насколько могъ и приковалъ свой взоръ къ прелестному, дорогому силуэту.

Яркая полоса широко раскинувшейся зари подползла подъ край слегка покосившагося навѣса и служила пурпуровымъ фономъ стройному облику молодой дѣвушки. Утренній морозецъ алою краской игралъ на ея задумчивомъ лицѣ, а вѣтерокъ мѣрно колыхалъ, словно фантастическими крыльями, воздушныя складки ея бѣлой одежды. Длинныя косы падали до самыхъ колѣнъ, и кое-гдѣ, на вьющихся волоскахъ, дрожали наподобіе бриліантовъ заиндевѣвшія росинки.

Крутой поворотъ скрылъ наконецъ изъ глазъ моихъ долго бѣлѣвшее пятно, и мнѣ показалось будто что-то родное оторвалось отъ сердца. Тоска одиночества сѣдымъ туманомъ нахлынула и охватила меня...

(Продолженіе будетъ).

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Очеркъ **Н. П. Дружинина.**

11 февраля 1889 года исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти М. М. Сперанскаго. Память его должна быть дорога Россіи. Съ именемъ Сперанскаго неразрывно связано множество важнѣйшихъ предметовъ, до сихъ поръ не утратившихъ своего значенія и даже не имѣющихъ потерять его когда-либо. Дѣятельность его и способности были изумительны. Величайшею заслугою должно почитаться упроченіе въ странѣ закона и законности. Ибо на законѣ и законности держатся государства, закономъ и законностью измѣряется ихъ сила въ настоящемъ и полагается твердый залогъ будущаго. И эта заслуга принадлежитъ Сперанскому. Имъ выполненъ величайшій трудъ, недостижимый еще до сихъ поръ для многихъ и образованнѣйшихъ странъ: составлены для Россіи *полное собраніе и систематическій сводъ ея законовъ*. Сперанскій вообще „сынъ своихъ дѣлъ", какъ удачно выразился его біографъ, баронъ Корфъ („*Жизнь графа Сперанскаго*", СПб. 1861 г., напеч. по *Высочайшему повелѣнію*). А всѣ дѣла его были направлены къ пользѣ, славѣ и укрѣпленію отечества.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій родился 1 января 1771 г. въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи и уѣзда. Отецъ его былъ мѣстнымъ священникомъ. Окончивъ курсъ сначала во Владимірской, а потомъ въ только что основанной высшей Александро-Невской семинаріи въ Петербургѣ, онъ былъ оставленъ при послѣдней учителемъ. Ему предстояла блестящая карьера духовнаго дѣятеля. Тогдашній митрополитъ Гавріилъ выказывалъ къ нему самое лучшее расположеніе. При немъ Сперанскій не разъ произносилъ вдохновенныя проповѣди, сообщавшія слушателямъ увлеченіе самого молодаго проповѣдника. Но вскорѣ Сперанскій вошелъ въ соприкосновеніе со свѣтскою дѣятельностью и окончательно отдался ей, выйдя изъ духовнаго вѣдомства. Еще въ бытность свою учителемъ, онъ сдѣлался домашнимъ секретаремъ князя Куракина. Когда-же послѣдній занялъ, съ воцареніемъ императора Павла, высшій постъ генералъ-прокурора, Сперанскій оставилъ семинарію и 2 января 1797 г. вступилъ на службу по его канцеляріи. „Жажда ученія—говоритъ послѣ Сперанскій — побудила меня выйти изъ духовнаго званія. Я надѣялся ѣхать заграницу и усовершенствовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ, — но вмѣсто того завлекся службою..." И трудно представить себѣ болѣе блестящій ходъ службы. Дарованія его рѣшительно порабощали всѣхъ въ его пользу. Князя Куракина въ короткое время смѣнили еще три лица, и всѣ четыре начальника соперничали другъ съ другомъ въ возложеніи разныхъ отличій на подчиненнаго. Съ воцареніемъ Александра I, 19 марта 1801 г., Сперанскій, уже статскій совѣтникъ, былъ назначенъ со званіемъ статсъ-секретаря состоять при Д. П. Трощинскомъ. Затѣмъ, съ образованіемъ *постояннаго* совѣта при особѣ государя и назначеніемъ Трощинскаго управляющимъ канцеляріею совѣта, Сперанскій занялъ мѣсто начальника третьей ея экспедиціи — по части духовной и гражданской. Трощинскій имѣлъ громадное значеніе въ началѣ царствованія Александра I. Онъ былъ докладчикомъ и главнымъ редакторомъ государя, и пользовался трудами Сперанскаго во всѣхъ возлагавшихся на него порученіяхъ. Сперанскій, въ свою очередь, замѣчательно удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ. Съ блестящимъ даромъ слова соединялъ онъ столь-же блестящее перо. Съ необыкновенною воспріимчивостью онъ умѣлъ уловить всякую мысль и облекши ее въ прекрасную форму, дать ей еще дальнѣйшее развитіе. Сперанскій сочинялъ всѣ манифесты, указы и прочіе государственные акты, весьма многочисленные въ началѣ царствованія Александра I. Имя молодаго дѣятеля звучало очень громко. Имъ, какъ и прежде, дорожили и люди возвышавшіеся, и люди утратившіе значеніе. Графъ Кочубей такъ-сказать отспорилъ его передъ государемъ у начавшаго терять значеніе Трощинскаго, сдѣлавшись министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Вступивъ въ службу по названному министерству, Сперанскій близко сошелся съ близкимъ къ государю кружкомъ молодыхъ и горячихъ реформаторовъ — Кочубея, Новосильцова и Строганова. Тутъ-же онъ сдѣлался извѣстнымъ и лично государю. А когда кружокъ этотъ распался, Сперанскій остался въ особомъ приближеніи къ государю. Съ этого времени началась пора наибольшаго его значенія. Рѣдко кому приходилось въ такой мѣрѣ собственными силами добиваться довѣрія у государей, и еще рѣже—заслуживать его въ такой-же степени.

Александръ былъ полонъ мыслей о преобразованіяхъ, о совершенномъ обновленіи Россіи. Изъ ежедневныхъ почти бесѣдъ и занятій съ государемъ по этому предмету, среди множества текущихъ дѣлъ, Сперанскій составилъ *планъ всеобщаго государственнаго образованія*, которымъ имѣлось въ виду учрежденіе управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона. Работа эта вскорѣ была обдумана и разсмотрѣна вдвоемъ съ государемъ. Императоръ нашелъ только необходимымъ приводить въ дѣйствіе задуманныя преобразованія постепенно. И первымъ повымъ установленіемъ явился Государственный Совѣтъ, торжественно открытый 1 января 1810 г. Сперанскій назначался государственнымъ секретаремъ. За учрежденіемъ Совѣта послѣдовало новое учрежденіе министерствъ. Дальше утверждено было (не приведенное, впрочемъ, въ дѣйствіе) новое устройство Сената. Въ то-же время предпринимались обширныя финансовыя мѣры, направленныя къ упроченію денежной и кредитной системы, къ упорядоченію государственныхъ расходовъ и улучшенію доходовъ. Затѣмъ беззавѣтная дѣятельность Сперанскаго выразилась во многихъ другихъ отношеніяхъ. Чего онъ ни касался, — на всемъ оставался глубокій слѣдъ его ума, знаній, способностей и любви къ родинѣ. Сперанскій работалъ неутомимо и притомъ самъ, ни на кого не полагаясь. Трудно представить себѣ какъ доставало у него времени и силъ для выполненія тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ задачъ, которыя онъ принималъ на себя.

При такихъ условіяхъ вліяніе и значеніе его возросли въ высшей степени. А рядомъ и одновременно съ тѣмъ, росли зависть, недоброжелательство и интриги. Въ людяхъ-же стараго порядка, осторожныхъ, и тѣмъ болѣе въ тѣхъ, которые не знали Сперанскаго, возникали опасенія за будущность Россіи, увлекаемой на путь преобразованій. Произведенныя обновленія были уже весьма велики и смѣлы. Обѣщалось гораздо больше. Близость Сперанскаго къ государю страшила ихъ. Увеличивалось число друзей Сперанскаго и также увеличивалось число его враговъ. При большой численности врагами его явились къ тому-же люди весьма сильные. Ему была объявлена тайная, но непримиримая война. Интрига велась тонко, послѣдовательно и твердо. На Сперанскаго взводились самыя гнусныя обвиненія. Это была цѣлая сѣть обвиненій, въ которую онъ улавливался. Въ то-же время надвигалась грозная война съ Наполеономъ. Государь, народъ и общественное мнѣніе были настроены крайне тревожно. Два лица, также стоявшія близко къ государю, предложили Сперанскому войти съ ними въ союзъ, пріобщить ихъ къ своимъ видамъ и втроемъ править страною, ограничивъ власть императора... Съ негодованіемъ отвергнувъ предложеніе, Сперанскій не открылъ этого государю. Тогда подобное обвиненіе съ присоединеніемъ извѣта въ сношеніяхъ съ Наполеономъ—было взведено на него... При описанныхъ условіяхъ тревожнаго состоянія и при большомъ искусствѣ, съ которымъ все это было сдѣлано — гибель Сперанскаго оказалась устроенною... Въ ночь на 18 марта 1812 г. онъ былъ отвезенъ въ Нижній-Новгородъ... Это была ссылка... Черезъ полгода онъ былъ перевезенъ въ Пермь и здѣсь положеніе его стало еще тяжелѣе, благодаря угодливости мѣстнаго начальства... Но отсюда же ему удалось отправить длинное письмо къ государю. Въ немъ тономъ безупречнаго человѣка, вѣрнаго слуги, говорящаго со справедливымъ государемъ, Сперанскій описалъ все свое участіе въ начинаніяхъ Александра, оправдалъ принятыя мѣры и отвѣтилъ на всѣ обвиненія. Въ заключеніе онъ просилъ позволить ему жить въ своемъ имѣніи, въ Новгородской губерніи. Это письмо дошло по адресу. Государь вначалѣ возъимѣлъ было намѣреніе вновь призвать Сперанскаго въ Петербургъ. Но его отговорили отъ этого, и Сперанскому было разрѣшено лишь просимое. Въ 1814 г. онъ поселился въ своемъ имѣніи и сталъ жить здѣсь въ полномъ уединеніи и ученыхъ занятіяхъ. По онъ продолжалъ глубоко страдать. На немъ тяготѣли гнусныя

обвиненія, а претерпѣваемое изгнаніе дѣлало ихъ вѣроятными, не смотря на всю ихъ нелѣпость. Онъ былъ безсиленъ разсѣять ихъ, а враги его располагали всѣми средствами къ тому чтобы позорить его имя. Самая возможность когда либо уличить ихъ и возстановить себя — ослаблялась съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ забывались и исчезали доказательства и средства къ тому. Съ тѣмъ же полнымъ достоинствомъ и тономъ невиннаго и страдающаго человѣка, Сперанскій сталъ просить у государя или суда со своими обвинителями на какихъ бы то ни было условіяхъ, понимая всю невыгоду своего положенія, или рѣшить все самымъ простымъ, „хотя и несравненно менѣе удовлетворительнымъ образомъ“: доставить ему способъ „оправдать себя противъ словъ не словами, а дѣлами“, то есть, службою.

Послѣ этого письма послѣдовало назначеніе Сперанскаго въ 1816 году губернаторомъ въ Пензу. Отсюда же 19 марта 1819 года онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Назначеніе это сопровождалось двумя собственноручными письмами государя весьма милостиваго содержанія. Назначеніемъ Пензенскимъ губернаторомъ, объяснялъ ему Александръ, имѣлось въ виду „служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, *сколь враги ваши несправедливо васъ оклевстали*. Иначе призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія... Но желаніе мое,— продолжалъ государь — стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами вашими дать мнѣ *явную причину приблизить васъ къ себѣ*.“ Такое поприще Александръ усматривалъ пока въ устройствѣ сибирскихъ дѣлъ. А Сибирь обращала на себя въ то время особое вниманіе. На мѣстное начальство поступило множество жалобъ, указывавшихъ на вопіющія злоупотребленія. Генералъ-губернаторъ Пестель управлялъ ею 11 лѣтъ изъ Петербурга, занимаясь здѣсь преслѣдованіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ, лично ему не угодившихъ. Другія же угодныя ему лица дѣлали на мѣстѣ что̀ хотѣли... На Сперанскаго возлагалось—объѣхавъ Сибирь, обличивъ лицъ, предающихся злоупотребленіямъ, предавъ ихъ суду и исправивъ что возможно немедленно, главнымъ образомъ въ то же время составить *планъ будущаго управленія Сибирью*, и вернувшись въ Петербургъ, доложить обо всемъ лично государю. Затѣмъ ему обѣщалось въ столицѣ „другое занятіе, болѣе сходное тому *приближенію*, въ коемъ — писалъ государь — я привыкъ съ вами находиться“. (Для характеристики Сперанскаго слѣдуетъ замѣтить, что скромность не позволяла ему давать распространеніе этимъ письмамъ, снимавшимъ съ него всякія подозрѣнія. Но въ 1826 году, получивъ знакъ отличія безпорочной службы не за 30, а за 25 лѣтъ, вслѣдствіе вычета времени ссылки, Сперанскій принесъ на это жалобу государю. Въ подкрѣпленіе же жалобы, онъ приложилъ упомянутыя письма покойнаго Александра и тѣмъ съ этихъ поръ окончательно устранилъ всякое предубѣжденіе противъ себя со стороны Николая Павловича).

Сперанскій блестяще выполнилъ трудную задачу водворенія порядка въ Сибири. Тамъ совершались дѣйствительно возмутительныя явленія. При общемъ страхѣ, сдерживавшемъ подачу жалобъ, послѣднія получались Сперанскимъ во множествѣ по мѣрѣ движенія по Сибири. Генералъ-губернаторъ долженъ былъ непрерывно работать самъ и при этомъ совершать громадные переѣзды. Канцелярія его была малочисленна и притомъ состояла изъ случайныхъ лицъ. Сперанскій имѣлъ полномочіе устранять отъ должности всѣхъ служащихъ и даже губернаторовъ. Но встрѣчаясь со множествомъ поводовъ къ примѣненію этихъ полномочій, не имѣлъ людей, которыми можно было бы замѣнять удаляемыхъ служащихъ. Положиться было не на кого. Самъ онъ не былъ лично безопасенъ со своимъ дѣятельнымъ преслѣдованіемъ злоупотребленій. Минуя разныя строгія формальности и рѣшая многое собственною властью, Сперанскій все же подготовилъ 73 дѣла, слѣдовавшія къ высшему разсмотрѣнію, съ привлеченіемъ по нимъ 680 чел. обвиняемыхъ и предъявленіемъ взысканій въ пользу казны на 2.850,000 р. При всемъ томъ онъ занимался разными учеными изысканіями и составлялъ проекты будущихъ преобразованій въ краѣ. Вообще трудъ, выполненный имъ въ Сибири, былъ громаденъ.

Въ Петербургъ вернулся Сперанскія 22 марта 1821 г., — ровно черезъ 9 лѣтъ. Образованъ былъ комитетъ, получившій названіе Сибирскаго, для разсмотрѣнія всѣхъ возбужденныхъ имъ дѣлъ, принятыхъ мѣръ и составленныхъ предположеній. Все, что̀ предлагалось Сперанскимъ, было одобрено, принято и утверждено. Сибирь получила новое устройство. И въ послѣднемъ еще изданіи Свода Законовъ 1857 г., въ особенности, въ т. II, ч. 2., громаднѣйшее число статей относится къ 22 іюля 1822 г., то есть, ко дню утвержденія государемъ большей части проектовъ Сперанскаго относительно Сибири.

Поглощенный до конца царствованія Александра I сибирскими дѣлами, Сперанскій оказалъ странѣ величайшую обезсмертившую его услугу уже при императорѣ Николаѣ I.

Еще въ 1700 году Петръ Великій учредилъ коммисію для согласованія Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 г. съ законами, вышедшими послѣ того. За этою коммисіею послѣдовалъ непрерывный рядъ другихъ коммисій, на который почти всѣми послѣдующими государями и государынями возлагалось собраніе отечественныхъ законовъ или составленіе изъ нихъ систематическаго свода или, наконецъ, сочиненіе новыхъ уложеній. Коммисіи эти дѣйствовали, однако, съ малымъ успѣхомъ или и безъ всякаго успѣха. Ибо задача ихъ была наитруднѣйшая. Во всѣхъ государствахъ на первыхъ порахъ развитія она ставится, но весьма рѣдко, и лишь въ теченіе цѣлыхъ столѣтій оказывается достижимою и болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшаемою. Особенно настойчиво преслѣдовалась она у насъ. Ни одно царствующее лицо не упускало ее изъ вида. Ради осуществленія той же задачи, Екатерина II созвала даже большое число депутатовъ отъ всѣхъ сословій, составившихъ вмѣстѣ съ представителями присутственныхъ мѣстъ знаменитую Екатерининскую законодательную коммисію 1767 г. При императорѣ Александрѣ существовала уже десятая коммисія составленія законовъ. Всѣ эти коммисіи, обходя труднѣйшее *начало* — собираніе всѣхъ законовъ,—приступали къ *серединѣ* — составленію систематическаго свода — или къ *концу* — сочиненію новыхъ уложеній. Между тѣмъ, всѣ три задачи, каждая порознь и всѣ вмѣстѣ, съ каждымъ годомъ становились труднѣе и труднѣе.

Передъ всѣми громадными трудностями дѣла очутился императоръ Николай Павловичъ. Немедленно по вступленіи на престолъ, онъ взялъ его подъ свое особое покровительство. Коммисія составленія законовъ 31 января 1826 г. была преобразована во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Начальникомъ новаго учрежденія былъ назначенъ Балугъянскій. Но главнымъ дѣятелемъ, душою Отдѣленія—однако, скромно, безъ шума, безъ имени—сдѣлался Сперанскій. Императоръ пожелалъ, чтобы сначала были собраны всѣ законы, начиная съ Уложенія 1640 г., и затѣмъ, изъ законовъ, остававшихся въ силѣ, не отмѣненныхъ, безъ сочиненія новыхъ, былъ составленъ сводъ для руководства крайне нуждавшейся въ немъ практики. Такого рода путь указывался неудачнымъ опытомъ 126 лѣтъ. Самъ Сперанскій, и дотолѣ принимавшій участіе въ коммисіи составленія законовъ по части сочиненія новаго Гражданскаго Уложенія, стоялъ на той-же точкѣ зрѣнія. Въ теченіе 10 лѣтъ пребыванія внѣ Петербурга, во время своихъ продолжительныхъ странствованій по Россіи, онъ увидѣлъ, съ какими фактическими условіями примѣненія встрѣчаются произведенія теоретическаго законодательнаго творчества; убѣдился въ необходимости исходить изъ условій слишкомъ большаго разнообразія и различія состава и положенія отдѣльныхъ частей имперіи. Она нуждалась не столько въ новыхъ законахъ, сколько въ томъ, чтобы старые сдѣланы были болѣе доступными и извѣстными не однимъ спеціалистамъ. Сперанскій съ жаромъ принялся за эту работу. Самъ онъ писалъ планы, оглавленія, раздѣлилъ трудъ и за всѣмъ слѣдилъ непосредственно, съ помощію своего громаднаго организаторскаго таланта. Ничто не проходило безъ его просмотра или передѣлки, ничто не дѣлалось безъ его указаній и тонкихъ замѣчаній. И уже лѣтомъ 1827 г. въ распоряженіе государя были предоставлены *историческія обозрѣнія* всего движенія и всѣхъ переходовъ законодательства, начиная съ 1649 г. Обозрѣнія занимали *нѣсколько тысячъ листовъ*. „Это — монументальная работа“ сказалъ Государь, пожаловавъ при этомъ Сперанскаго бриллiантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго и ничего не жалѣя для награжденія прочихъ чиновниковъ во все время.

При II Отдѣленіи была заведена большая типографія. Составленіе полнаго Собранія Законовъ началось съ 1826 г. и окончилось уже 1 марта 1830 г. Печаталось оно съ 1 мая 1828 г. и окончено было печатаніемъ 1 апрѣля 1830 г. Оно заключало въ себѣ всѣ узаконенія, издававшіяся съ уложенія 1649 г. по 12 декабря 1825 г., день вступленія на престолъ императора Николая. Всѣхъ актовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, содержалось въ немъ 30,920 и оно состояло изъ 45 большихъ томовъ. Затѣмъ было отпечатано пять томовъ Втораго Полнаго Собранія Законовъ, начиная съ 12 декабря 1825 г., по тому за каждый годъ. Въ началѣ же 1832 г. начался и въ томъ же году окончился печатаніемъ Сводъ Законовъ, состоявшій изъ 15 томовъ и заключавшій въ себѣ 42,198 статей. Въ немъ содержались только законы *дѣйствующіе*, расположенные въ системѣ, отвѣчавшей всѣмъ тогдашнимъ научнымъ требованіямъ.

Всѣ эти труды были предложены экстренному засѣданію Государственнаго Совѣта 31 января 1833 г. Государь произнесъ при этомъ рѣчь съ мастерскимъ изображеніемъ значенія работы, подозвалъ къ себѣ Сперанскаго, обнялъ его и надѣлъ тутъ же снятую съ себя Андреевскую звѣзду. Сводъ воспринялъ свою силу съ 31 января 1835 г. Труды эти составляли замѣчательное явленіе, истинное величайшее благодѣяніе для страны, чрезвычайно содѣйствовавшее укрѣпленію законности въ управленіи, водворенію порядка и правды, дальнѣйшему развитію отечественнаго законодательства и науки права.

Послѣ того Сперанскій выпускалъ Продолженія къ Своду Законовъ и слѣдующіе тома Втораго Полнаго Собранія Законовъ. За общимъ же сводомъ послѣдовали 12 томовъ Свода Военныхъ Постановленій, напечатанные еще при Сперанскомъ,

но обнародованные уже послѣ его смерти. Онъ же успѣлъ сдѣлать весьма многое въ отношеніи Свода Узаконеній для губерній прибалтійскихъ, также обнародованнаго послѣ него. Совершенно былъ оконченъ при немъ Сводъ Законовъ для губерній западныхъ, вовсе не обнародованный, вслѣдствіе предположеній распространить на эти губерніи общія узаконенія. Большое движеніе было дано при немъ же собиранію законовъ финляндскихъ. Наконецъ, не оставлены были безъ вниманія мѣстные законы и обычаи Бессарабіи, Кавказа и Сибирскихъ инородцевъ. Для послѣднихъ — также уже послѣ него — въ 1841 году, напечатанъ былъ составленный при немъ Сводъ степныхъ законовъ. Весьма большое участіе принималъ Сперанскій, кромѣ того, въ работахъ комитета 6 декабря 1826 г., въ которомъ обсуждались предположенія, между прочимъ, объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Участіе его отражалось затѣмъ на многихъ другихъ законодательныхъ работахъ времени. Наконецъ, Сперанскій преподавалъ законовѣдѣніе нынѣ въ Бозѣ почивающему государю, тогда наслѣднику-цесаревичу, Александру Николаевичу. Результатомъ его лекцій явилось „Руководство къ познанію законовъ". Смерть помѣшала автору окончить послѣднее. Онъ скончался 11 февраля 1839 года, возведенный незадолго до того въ графское достоинство. Когда государю было донесено о его смерти, растроганный Николай Павловичъ выразился: „Михаила Михайловича не всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить. Сперва и я самъ въ этомъ болѣе всѣхъ, можетъ статься, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ... Клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14 декабря! Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ *наговоровъ*. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью, съ неуставшею никогда дѣятельностью. *Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны, и клеветники давно замолчали...*"

Къ рисункамъ.

Встрѣча вьючныхъ муловъ въ Кордильерахъ.

(Рис. на стр. 573).

Въ Андахъ или Кордильерахъ, какъ называется громадный хребетъ, проходящій вдоль всего материка Южной Америки, ближе къ западному ея берегу,—весьма нерѣдокъ случай изображенный на нашемъ рисункѣ. Дѣло въ томъ что торговый караванный путь пролегаетъ въ нихъ часто по узенькому карнизу на страшной высотѣ надъ бездной и при томъ заворачиваетъ за уголъ горы, такъ что одному каравану съ этого мѣста не видно другаго, встрѣчнаго каравана — и вотъ происходитъ встрѣча на самомъ опасномъ мѣстѣ; разойтись нѣтъ никакой возможности. Какъ же поступаютъ при этомъ погонщики? Они развьючиваютъ муловъ одного каравана; привычныя животныя покорно ложатся на землю, а мулы другаго каравана переходятъ по ихъ спинамъ, неся полный вьюкъ; затѣмъ, первый караванъ снова навьючивается и какъ ни въ чемъ не бывало — продолжаетъ путь. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ,—которые все-таки бываютъ при всей осторожности и привычкѣ муловъ,—принято съ приближеніемъ къ такому карнизу трубить въ рогъ или подавать сигналъ крикомъ чтобы задержать встрѣчный караванъ, если такой окажется по ту сторону заворота.

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій (по поводу 50-й годовщины смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Всемірная выставка въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 576, 577, 581 и 584).

24 апрѣля открылась всемірная выставка въ Парижѣ. Много говорилось и писалось чудесаго и необычайнаго о ней, но выставка, даже въ своемъ все еще неоконченномъ до сихъ поръ видѣ, превосходитъ всѣ ожиданія. Двухлѣтняя непреклонная работа и желѣзная энергія создали вѣчный памятникъ мысли и труду человѣка въ образѣ нынѣшней выставки, которая навсегда сохранится въ памяти у видѣвшихъ ее и на страницахъ исторіи для потомства.

Въ нѣсколькихъ строкахъ невозможно, хотя вкратцѣ, передать, чего только ни размѣстилось на Марсовомъ полѣ, въ Трокадеро, по Орсейской набережной и на Эспланадѣ Инвалидовъ.

Нашъ рисунокъ на стр. 576 и 577 живо передаетъ общій видъ выставочныхъ построекъ на Марсовомъ полѣ съ громадною Эйфелевой башней. Направляясь къ ней отъ Трокадеро по Іенскому мосту, который виденъ на нашей гравюрѣ справа, еще не вступая на набережную, у самаго берега рѣки замѣчаешь нѣсколько любопытныхъ построекъ. Такъ вправо и влѣво отъ моста замѣтны двѣ постройки „Международнаго петролея," далѣе влѣво тянется длинное зданіе съ башенками и за нимъ круглое помѣщеніе панорамы трансатлантической компаніи.

За этими постройками, во всю длину набережной помѣстился цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ небольшихъ построекъ, передающихъ наглядно исторію человѣческаго жилья. Здѣсь и обиталище троглодита въ пещерѣ, жилища каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, затѣмъ — постройки древне-египетскія, ассирійскія, индусскія, финикійскія, еврейскія, персидскія, античной Греціи, германскія, гальскія, романо-итальянскія и галло-романскія; далѣе посѣтитель попадаетъ въ жилища африканскихъ дикарей, краснокожихъ, инковъ и ацтековъ, еще нѣсколько шаговъ и онъ изъ Мексики попадаетъ въ Лапландію, а оттуда въ Аравію или Суданъ, и въ Китай и Японію. Тутъ-же среди построекъ въ стиляхъ романскомъ, средневѣковомъ и Возрожденія, пылкая фантазія даровитаго строителя французской оперы, архитектора Шарля Гарнье помѣстила постройку долженствующую изобразить что-то русское. И тутъже, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ничтожныхъ жилищъ до-историческаго человѣка, поднимается въ высь чудо строительнаго искусства нашего вѣка—башня Эйфеля. Вокругъ ея четырехъ громадныхъ устоевъ помѣстилось множество отдѣльныхъ зданій, изъ которыхъ каждое представляетъ маленькую выставку. Тутъ у праваго ея устоя возведена постройка Суэцкаго канала въ египетскомъ вкусѣ, за нею павильоны: аргентинскій, бразильскій, мексиканскій, венецуельскій, боливійскій и другіе. По эту сторону башни, ближе къ зрителю, среди зелени, пріютилась выставка государственныхъ мануфактуръ, Эйфелевъ павильонъ, павильонъ обществъ телефоновъ, финляндскій павильонъ, четыреугольное зданіе съ башенками; вправо отъ мостика, ведущаго отъ историческихъ жилищъ, шведскій и норвежскій домики, театръ „des Folies Parisiennes", за которымъ едва примѣтна среди деревьевъ русская изба, страннаго вида. Направляясь отъ Эйфелевой башни къ главному зданію выставки, посѣтитель проходитъ мимо обширныхъ водоемовъ съ фонтанами по прелестному саду. Направо отъ него находится дворецъ свободныхъ искусствъ съ театральнымъ отдѣломъ, въ центральной постройкѣ съ куполомъ. За дворцомъ находятся зданія республикъ Урагвая, Санъ-Доминго, Парагвая, Гватемалы, павильоны Гаити, индійскій; затѣмъ въ томъ-же ряду китайскій павильонъ, марокская и египетская выставки. Впереди этихъ построекъ, въ длинныхъ, параллельно лежащихъ помѣщеніяхъ, въ томъ же ряду съ дворцомъ свободныхъ искусствъ, помѣстились Японія, Сербія, Греція, Санъ-Марино, Норвегія, Румынія,

Петръ I въ Нѣмецкой слободѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Португалія, Испанія, Соединенные Штаты, занявшіе цѣлое длинное зданіе, Швейцарія и Италія. Напротивъ дворца свободныхъ искусствъ возвышается дворецъ „изящныхъ искусствъ", гдѣ красуются произведенія живописи, скульптуры и т. п., а налѣво, у проходнаго на выставку зданія—размѣстились Италія со своими колоніями, Данія, Бельгія и Голландія. Теперь, миновавъ большой фонтанъ и двѣ постройки города Парижа по сторонамъ его, посѣтитель находится у громаднаго центральнаго павильона съ куполомъ, изображеннаго на стр. 581. Въ залѣ его и происходило торжественное открытіе выставки. По обѣ стороны отъ него, въ глубь, идутъ главныя выставочныя помѣщенія. Въ первомъ ряду, направо отъ центральнаго павильона, за отдѣломъ чеканныхъ издѣлій и мозаики, находится Русскій отдѣлъ, а налѣво соотвѣтственное мѣсто заняла Австро-Венгрія.

Задняя сторона выставки занята колоссальнымъ машиннымъ отдѣломъ, который узнать не трудно по высокимъ трубамъ, изрыгающимъ цѣлыя тучи дыму. Кромѣ Марсова поля, не мало интереснаго помѣстилось по другую сторону Сены и вдоль набережныхъ ея. Такъ, на Эспланадѣ Инвалидовъ находится выставка французскихъ колоній: Алжира, Туниса, Аннама, Тонкина, Индо-Китая и т. д. Напротивъ колоній помѣстилась выставка военнаго министерства въ весьма живописномъ зданіи, изображенномъ на стр. 584.

Кумысное и водолечебное заведеніе Погулянка.

(Рис. на стр. 585).

На разстояніи 13 часовъ ѣзды отъ Петербурга и въ 7 верстахъ за Динабургомъ, на берегу Западной Двины, въ великолѣпномъ 200-лѣтнемъ громадномъ сосновомъ бору, устроено графомъ Платеромъ-Зибергомъ кумысное и водолечебное заведеніе подъ названіемъ „Погулянка", которое я имѣлъ случай навѣстить и гдѣ провелъ нѣсколько дней во время прошлогодняго лечебнаго сезона. Впечатлѣнія вынесенныя мною изъ этого юнаго лечебнаго заведенія самыя благопріятныя, и поэтому, какъ врачъ, считаю своимъ долгомъ сообщить о немъ нѣсколько словъ.

Нельзя было выбрать мѣста болѣе удобнаго въ сѣверной полосѣ Россіи для устройства лечебнаго заведенія какъ Погулянка, хотя эта послѣдняя и возникла не по иниціативѣ врача, а просто благодаря здравымъ понятіямъ самого владѣльца. Грунтъ земли здѣсь вездѣ песчаный; но такъ какъ все пространство занимаемое лечебными заведеніями и дачами покрыто мхомъ, то пыли здѣсь совершенно нѣтъ. Равно не ощущается и вѣтра, котораго шумъ иногда слышится въ вершинахъ гигантскихъ сосенъ, но внизу тихо какъ въ комнатѣ, да притомъ еще прокуренной бальзамическими испареніями хвойнаго лѣса. Прежде всего я долженъ сказать, что, не смотря на значительный капиталъ (300 тысячъ руб.) затраченный графомъ Платеромъ на устройство Погулянки, меня тамъ пріятно поразило отсутствіе всякой коммерческой спекуляціи, которая, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, всегда непріятно поражаетъ больныхъ, особенно незажиточныхъ; здѣсь же вездѣ проглядывалъ принципъ гуманности, и не смотря на весьма умѣренныя цѣны, какъ самъ владѣтель, такъ и супруга его, лечившаяся въ прошломъ году сама въ Погулянкѣ и жившая наравнѣ со всѣми другими больными въ пансіонѣ, съ постоянною готовностію исполняли не только всѣ справедливыя требованія, но по возможности и капризы больныхъ.

Посѣтивъ въ 1869 году Самарскія кумысныя заведенія и невольно сравнивая ихъ съ Погулянкою, я, признаюсь, не могу не дать во многихъ отношеніяхъ преимущество послѣдней надъ первыми. Во всякомъ случаѣ отсутствіе степныхъ жаровъ, пыли, вѣтровъ и сухаго степнаго воздуха въ Погулянкѣ можетъ вліять лишь благопріятно на всѣхъ истощенныхъ, нервныхъ и въ особенности страдающихъ грудными болѣзнями. Что же касается того общепринятаго мнѣнія будто степной кумысъ имѣетъ большія преимущества надъ приготовленнымъ изъ кобыльяго молока въ другихъ мѣстностяхъ, то это, по моему убѣжденію, скорѣе новѣріе, чѣмъ наукою и практикою доказанный фактъ.

Слѣдующій комплексъ строеній составляютъ Погулянку:

1) *Кумысное заведеніе*, большой 2-хъ-этажный домъ съ огромною въ 2 этажа залою и 50-ю отдѣльными нумерами по бокамъ для помѣщенія больныхъ. Всѣ здѣсь помѣщающіеся больные составляютъ одинъ пансіонъ, который разсчитанъ на болѣе скромныя требованія; обстановка нумеровъ простая, столъ простъ, но вполнѣ удовлетворительный. За то и суточная плата за квартиру съ полнымъ содержаніемъ весьма умѣренная, а именно, смотря по величинѣ нумера, 1 р. 25 к. или 1½ р., причемъ больные пользуются безплатно совѣтами врача при заведеніи.

2) Возлѣ кумыснаго заведенія небольшой домикъ, въ которомъ, подъ наблюденіемъ врача заведенія, опытнымъ татариномъ приготовляется изъ кобыльяго молока отличный кумысъ, который отпускается по 40 коп. бутылка, по 20 коп. полубутылка, причемъ въ абонементѣ дѣлается скидка 15%.

3) *Пансіонъ—второй*, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ кумыснаго заведенія, для больныхъ привыкшихъ во всѣхъ отношеніяхъ къ большему комфорту. Здѣсь комнаты снабжены отличными кроватями, мягкою мебелью и столъ превосходный. Плата въ сутки 3 руб.

4) *Около 50-ти дачъ* различной величины, разбросанныхъ по бору, въ недалекомъ разстояніи отъ обоихъ лечебныхъ заведеній и предназначенныхъ главнымъ образомъ для семейныхъ больныхъ.

5) *Водолечебное заведеніе*, снабженное всевозможными ваннами и душами, въ томъ числѣ и душами Charcot.

6) *Большой красивый ресторанъ* на самомъ берегу Двины, съ отличнымъ буфетомъ; отсюда прелестный видъ на рѣку и на лѣса, поля и луга на противуположномъ берегу.

7) *Пароходъ* принадлежащій заведенію совершаетъ нѣсколько разъ въ день рейсы между Динабургомъ и Погулянкою.

Въ 10-ти верстахъ отъ Погулянки большое имѣніе Ликсно, принадлежащее также графу Платеру, снабжаетъ оба пансіона ежедневно свѣжею провизіей.

Въ интересахъ больныхъ, не имѣющихъ возможность отправиться въ дальныя кумысныя заведенія, я считалъ своимъ долгомъ сдѣлать это краткое сообщеніе о юномъ лечебномъ заведеніи, которому, по моему убѣжденію, предстоитъ блистательная будущность. Лейбъ-хирургъ **Гиршъ**.

Петръ I въ Нѣмецкой слободѣ. (Рис. на стр. 589).

Нашъ незабвенный историкъ, С. М. Соловьевъ, слѣдующими словами рисуетъ влеченіе великаго преобразователя къ Нѣмецкой слободѣ, которую москвичи называли Кокуемъ, шутливо покрикивая на иностранцевъ: „Нѣмецъ, маршъ на Кокуй".

„Россія поворачивала къ Западу, и при этомъ поворотѣ встрѣтилась съ Западомъ у себя въ Нѣмецкой слободѣ. Молодой царь, сгорая неудовлетворенною жаждой знанія, уже начинаетъ создавать новое, и тутъ встрѣчается съ людьми, которые были именно призваны для того, чтобы выучить русскихъ необходимымъ вещамъ, завести то что сами Русскіе не могли у себя устроить. Понятно что царь долженъ былъ обратиться преимущественно къ этимъ людямъ. Но этого мало что одинъ изъ нихъ выучилъ его разнымъ частямъ математики, другой строилъ ему кораблики: между иностранцами онъ нашелъ человѣка, къ которому сильно привязался, съ которымъ сталъ неразлученъ. Этотъ человѣкъ и былъ Лефортъ."

Здѣсь же, въ Нѣмецкой слободѣ, юный царь впервые встрѣтилъ не теремныхъ женщинъ съ печатью мертвой обрядности и отчужденности отъ общества, а бойкихъ, живыхъ и веселыхъ собесѣдницъ изъ среды цивилизованнаго нѣмецкаго мѣщанства, во главѣ которыхъ стояла красавица Анна Монсъ, дочь иностраннаго золотыхъ дѣлъ мастера, прибывшаго въ Москву въ половинѣ XVII вѣка. Въ ихъ обществѣ быть-можетъ впервые зародилась у молодаго царя мысль объ ассамблеяхъ, которыя должны были вывести русскую женщину изъ ея затворничества.

Рисунокъ г. Земцова изображаетъ одно изъ частыхъ посѣщеній Петромъ Нѣмецкой слободы. Лефортъ показываетъ любознательному царю планъ какой-то крѣпости; подруга Анны наполняетъ его кубокъ прохладительнымъ напиткомъ. Сопутствующіе царю русскіе бояре стараго закала неодобрительно смотрятъ на близость царя къ иноземцамъ, не понимая истиннаго смысла этой близости, долженствовавшей впослѣдствіи принести такіе обильные плоды на славу обновленной Россіи.

Замокъ Иттеръ въ Тиролѣ. (Рис. на стр. 592).

На одной изъ вершинъ горной цѣпи Тироля, около тысячи метровъ надъ уровнемъ моря, находится прекрасный замокъ Иттеръ, пріобрѣвшій всеобщую извѣстность своимъ романтичнымъ живописнымъ мѣстоположеніемъ и окружающею его великолѣпною панорамою высокихъ горъ Тироля и чудесныхъ долинъ. Замокъ Иттеръ сооруженъ былъ въ XII столѣтіи и служилъ долгое время разбойническимъ гнѣздомъ, изъ котораго герои тогдашняго времени, такъ-называемые „рыцари-грабители" (Raubritter) совершали свои хищническіе набѣги на торговые караваны и мирные города. Въ XVI вѣкѣ императорскія войска взяли штурмомъ укрѣпленный замокъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи собственностью Зальцбургскаго архіепископа. Въ семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія Иттеръ былъ купленъ мюнхенскимъ промышленникомъ, поставившимъ себѣ задачею спасти историческое зданіе это отъ окончательнаго крушенія. Не лишая замка его средневѣковаго характера и стиля, былъ произведенъ значительный ремонтъ, дабы превратить разбойническое гнѣздо грабителей-рыцарей XII вѣка въ комфортабельное жилище для культурнаго поколѣнія XIX вѣка. Реставрація замка была полная, и ей была подвергнута также шести-этажная башня, съ высоты которой древніе рыцари наблюдали за приближающеюся добычею. Вполнѣ сохранена также капелла (домашняя церковь), освященная въ 1474 г.; алтарь, хоры, древняя живопись и скульптура, украшающія стѣны—все это прекрасно сохранилось. Но за то жилое помѣщеніе замка совершенно во вкусѣ новѣйшаго времени. Замокъ этотъ лѣтъ десять тому назадъ пріобрѣтенъ былъ нашею знаменитою піанисткой, бывшимъ профессоромъ Петербургской консерваторіи, г-жею Софіею Ментеръ. Здѣсь, въ этомъ романтическомъ древне-историческомъ замкѣ, въ одной изъ наиболѣе красивыхъ горныхъ мѣстностей столь щедро надѣленнаго природою Тироля, симпатичная артистка проводитъ съ тѣхъ поръ лѣтнее время и до глубокой осени. Здѣсь и въ продолженіе многихъ лѣтъ, во время лѣтняго сезона, гостилъ у ней Францъ Листъ, называвшій г-жу Ментеръ „meine Tochter im Geiste" (дочерью по духу). Во время пре-

быванія Листа замокъ Иттеръ сдѣлался для меломановъ-поклонниковъ величайшаго изъ венгерскихъ композиторовъ и геніальнѣйшаго піаниста всего міра, чѣмъ-то въ родѣ Мекки для правовѣрныхъ мусульманъ. Туда стекались всѣ знаменитости музыкальнаго міра, и замокъ Иттеръ, благодаря своей очаровательной хозяйкѣ и ея знаменитому гостю (нерѣдко восхищавшему многочисленныхъ визитеровъ своею чудною игрою), сдѣлался оживленнымъ музыкальнымъ центромъ. Фортепіано, на которомъ игралъ Листъ, хранится теперь еще въ одной изъ залъ замка.

Дѣвочка-великанъ. (Рис. на стр. 593).

Въ Русскомъ отдѣлѣ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ показывается, недавно пріѣхавшая туда, замѣчательная великанша. Она еще ребенокъ. Ей всего одиннадцать лѣтъ, вѣситъ-же она восемь пудовъ, ростомъ около трехъ аршинъ (193½ центиметра). Имя ея Лиза Лыска. Родители ея, крестьяне Харьковской губерніи, изъ мѣстечка Краснокутскъ, переселились въ Донскую область. Здѣсь 16 сентября 1877 года въ мѣстечкѣ Веселомъ и родилась Лиза, и въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ жизни ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ дѣтей. Только по четвертому году сталъ замѣтенъ ея необычайный ростъ, который особенно быстро пошелъ на девятомъ и десятомъ годахъ. Лиза Лыска вполнѣ здоровая дѣвочка; образъ ея жизни, наклонности и проч. совершенно соотвѣтствуютъ ея возрасту. Она охотно играетъ съ другими дѣтьми, а въ часы досуга забавляется преимущественно куклой или мячикомъ, что со стороны представляетъ довольно оригинальное зрѣлище. Такъ какъ для ея роста нигдѣ не могутъ найти подходящей кровати, то за нею постоянно возятъ ея собственную складную желѣзную кровать, длиною почти полторы сажени (около десяти футовъ). При довольно пріятномъ лицѣ, эта „дѣвочка-великанъ“ обладаетъ грубымъ, сухимъ, даже непріятнымъ и твердымъ голосомъ. Замѣчательно, что во всей семьѣ она одна только громаднаго роста; ея родители, а также братья и сестры — все люди даже ниже средняго роста.

Спускъ броненосца „Императоръ Николай I“.

(Впечатлѣнія очевидца).

(Рис. на стр. 592).

Я сидѣлъ преспокойно въ своемъ кабинетѣ, за обычнымъ дѣломъ, заваленный книгами и бумагами, когда явился ко мнѣ (рано утромъ, 20 мая) одинъ изъ молодыхъ моихъ пріятелей и привезъ мнѣ билетъ „для входа на Галерный островокъ въ день спуска на воду броненосца *Императоръ Николай I*“. Я никогда не бывалъ на спускахъ большихъ кораблей и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ зрѣлищѣ; впечатлѣніе вынесенное мною было поразительное, и я вѣроятно не забуду его во всю жизнь.

Подъѣхавъ къ деревянному мостику противъ Коломенской части, у Калинкина моста, я прошелъ черезъ обширные дворы Адмиралтейства, мимо сараевъ съ миноносками и всякимъ строительнымъ матеріаломъ, къ тому эллингу, на которомъ стоялъ колоссальный новый броненосецъ, выставлявшій со стороны двора свой красиво обрисованный носъ, съ прекрасною вызолоченною фигурою императора Николая. Я не успѣлъ разсмотрѣть эту часть судна, потому что масса народа спѣшила мимо эллинга на лѣвую дамбу, на которой предстояло занять мѣсто и мнѣ. Опасаясь, что мнѣ придется стать въ заднихъ рядахъ, вмѣстѣ съ другими поспѣшилъ и я на дамбу.

Опасенія мои оказались однако же совершенно излишними. Я выбралъ себѣ отличное мѣсто, почти у самой рѣшетки, ограждавшей дамбу, и какъ разъ противъ Царской бесѣдки, выстроенной на лѣвой дамбѣ. Въ этой бесѣдкѣ, украшенной коврами и убранной растеніями, уже толпился генералитетъ и кое-кто изъ посольскихъ миссій; а весь навѣсъ, устроенный на правой дамбѣ между бесѣдкой и эллингомъ, былъ уже биткомъ набитъ публикой, преимущественно дамами, блиставшими свѣжестью и нѣжными оттѣнками своихъ легкихъ лѣтнихъ нарядовъ. Около меня мало-по-малу собралась также порядочная масса народа, въ которой преобладали флотскіе офицеры и ихъ семьи, старые опытные моряки и иностранцы. Особенно много было англичанъ и нѣмцевъ; нѣмецкій и англійскій языки слышались всюду кругомъ. Между этими обѣими дамбами, изъ-подъ широкой арки эллинга видна была чудовищная корма „Николая I“, округленная, вылощенная, выглаженная до поразительнаго щегольства, съ тремя изящнѣйшими, легкими прорѣзными балкончиками, на которые вели ловко-маскированныя двери. Надъ этими балкончиками видны были два круглыя отверстія — словно ноздри огромнаго морскаго чудовища *); значительно ниже ихъ впередъ выставлялся громадный руль, накрѣпко забитый толстыми брусьями на винтахъ и приведенный въ состояніе полной неподвижности **); а по сторонамъ руля торчали два громадные винта, — будущіе двигатели гиганта.

Налѣво отъ эллинга и его обѣихъ дамбъ открывалась чудная картина Невскаго устья, принявшаго вполнѣ праздничный видъ по поводу морскаго торжества. Вся середина рѣки, почти до Николаевскаго моста, была заставлена военными судами и крейсерами, которые были расцвѣчены массою сигнальныхъ флаговъ. Между этими судами взадъ и впередъ сновала цѣлая флотилія паровыхъ, большихъ и малыхъ катеровъ, гребныхъ судовъ и лодокъ. Вотъ на судахъ пробили стклянки: половина двѣнадцатаго. На правой дамбѣ ужь и яблоку негдѣ упасть:— глазамъ больно отъ блеска звѣздъ, мундировъ и блестящаго шитья... Генералы, адмиралы, министры, посольства всѣхъ націй—тѣсною массою толпятся на площадкѣ, между Царскою бесѣдкою и пристанью, на концѣ дамбы. Вниманіе публики обращаютъ на себя китайскій посланникъ, въ своей курьезной тюбетейкѣ съ зеленымъ шарикомъ, какой-то молодой турокъ въ высокой фескѣ, и японецъ— въ треуголкѣ и европейскомъ придворномъ мундирѣ.

Но вотъ, вдали, гдѣ-то по судамъ раздалось *ура*! Въ одинъ мигъ команды всѣхъ судовъ взлѣзаютъ на реи. Всѣ лѣстницы, ведущія къ реямъ, словно оживаютъ— покрываются сплошною массою движущихся бѣлыхъ пятенъ, которыя быстро ползутъ вверхъ—и вотъ уже выстроились стройными рядами на громадной высотѣ надъ палубами; и ужъ громкое, дружное *ура* оглашаетъ оттуда воздухъ, по мѣрѣ того какъ паровой катеръ, везущій Государя Императора и Августѣйшее Семейство, проходитъ мимо судовъ и заворачиваетъ къ пристани правой дамбы. Едва успѣлъ этотъ катеръ причалить и Августѣйшее Семейство поднялось по лѣстницѣ къ бесѣдкѣ, вмѣстѣ съ Княземъ Николаемъ Черногорскимъ и его дочерьми, какъ раздалась музыка „встрѣчи“ и „гимнъ“, и катеръ за катеромъ стали подходить къ пристани, высаживая все новыхъ и новыхъ высокихъ гостей. Затѣмъ начался осмотръ броненосца, который длился недолго... Музыка гремѣла и позади эллинга, и на самомъ броненосцѣ. До публики долетѣло съ палубы броненосца громкое и дружное „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“ Вскорѣ послѣ того Государь Императоръ и всѣ Члены Августѣйшаго Семейства появились въ Царской бесѣдкѣ. Рядомъ съ Государемъ мы видѣли Морскаго министра и г. Дюбюи, директора Франко-Русскаго завода, на которомъ производилась постройка броненосца. Наступала торжественная минута...

Со стороны эллинга раздалась какая-то команда; потомъ какіе-то люди закопошились, какъ муравьи, около винтовъ и подъ самымъ килемъ морскаго чудовища. Раздалось постукиванье молотковъ о какія-то металлическія части—и продолжалось довольно долго, мѣняя тоны, то приближаясь, то удаляясь. Потомъ началась какая-то другая работа:—стучали топоры, падали съ трескомъ какія-то тяжелыя доски... Стукъ то усиливался, то ослабѣвалъ, то опять начинался съ новою силою. Кругомъ жужжали голоса:

„Подпорки выбиваютъ“. „Подрубаютъ что-то...“ „А на чемъ же онъ теперь держится?..“ „Онъ теперь повисъ на канатахъ...“ „Салазки подъ него подведены,—а эти салазки на канатахъ...“

— Былъ у насъ, въ Англіи, недавно, такой случай, утѣшаетъ сзади какой-то англичанинъ, — что спускали большой корабль на Темзѣ, да машина на немъ была невѣрно установлена. Какъ спустили, такъ онъ на серединѣ рѣки и перевернулся... 250 человѣкъ команды погибло!

И разсказывалъ объ этомъ съ истинно-британскимъ хладнокровіемъ.

А постукиванье все продолжается—все стучатъ и падаютъ какія-то доски... И вдругъ смолкло. И жужжанье публики тоже разомъ прекратилось, какъ по командѣ наступила мертвая тишина. Всѣ замерли въ ожиданіи и притаили дыханіе... Среди этой тишины раздались два глухіе удара, словно по чему-то мягкому—и затѣмъ гдѣ-то наверху, едва слышное: *ура!*

Если бы не этотъ возгласъ, то никто бы не замѣтилъ перваго движенія новорожденнаго колосса—такъ оно было тихо и постепенно... А между тѣмъ, онъ уже двигался... Но крики наверху раздались громче, смѣлѣе: колоссъ плавно сползалъ съ наклонной плоскости эллинга и уже погружался въ воду рулемъ и винтами. Тутъ ужъ общій восторгъ охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ: общее и громкое *ура! браво!* огласило обѣ дамбы и перекатилось дальше, на суда и въ толпы народа, покрывавшія берегъ Невы. А чудовище, среди привѣтственныхъ и радостныхъ криковъ, уже ползло къ концамъ обѣихъ дамбъ. Самъ Русскій Царь привѣтствовалъ поклономъ новорожденное могучее дѣтище Русскаго флота... Вотъ оно, все быстрѣе и быстрѣе двигаясь впередъ, пошло мимо насъ, заграждая отъ насъ правую дамбу... Но это движеніе все-же было настолько плавно и равномѣрно, что я успѣлъ совершенно ясно разсмотрѣть фигуру какого-то матроса въ одномъ изъ круглыхъ оконъ броненосца, и въ другомъ—широко-улыбающуюся физіономію рабочаго, который, снимая фуражку, раскланивался съ публикой. Вотъ наконецъ и носъ сползъ въ воду—большая сильная волна

*) Эти отверстія служатъ люками для минныхъ пушекъ.

**) Отмѣчаю эту подробность, потому что она имѣетъ важное значеніе при спускѣ судовъ: малѣйшее движеніе руля при сползаніи судна со штапелей, м повести къ величайшимъ несчастіямъ.

Спускъ броненоснаго корабля „Императоръ Николай I“, 20 мая 1889 г., въ С.-Петербургѣ, съ Франко-Русской верфи.
Съ фот. инженеръ-полковника Н. А. Козлова, грав. М. Рашевскій.

Замокъ Иттеръ близь Гопфгартена въ Тиролѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

хлынула въ стороны, ударилась о дамбы и цѣлымъ дождемъ брызговъ окатила передніе ряды публики.

— Самъ крестится и насъ водой кропитъ! замѣтилъ смѣясь какой-то старый морякъ, среди криковъ, которые все еще не смолкали.

— All right! замѣтилъ тотъ же англичанинъ, который такъ спокойно разсказывалъ о крушеніи на Темзѣ.

А между тѣмъ, „Николай I“ былъ уже далеко. Онъ уже выдвинулся на средину Невы, бросилъ якорь и сталъ по теченію, среди привѣтственныхъ салютовъ всѣхъ своихъ товарищей. На его палубѣ уже весело развѣвались по вѣтру поднятые флаги...

Когда салюты окончились, отъ пристани правой дамбы отчалилъ паровой катеръ—на немъ Государь Императоръ со своимъ Августѣйшимъ Семействомъ поѣхалъ въ объѣздъ молодаго колосса. Черезъ нѣсколько минутъ до насъ донеслись радостные клики команды „*Николая I*“, привѣтствовавшей своего Монарха...

П. Полевой.

Политическое обозрѣніе.

Сербія продолжаетъ быть предметомъ всеобщаго интереса. Сходкѣ напредняковъ и послѣдовавшимъ затѣмъ безпорядкамъ придается важное общественное и политическое значеніе. Исчезнувшая, было, съ политической арены партія Гарашанина появилась внезапно на собраніи въ такомъ значительномъ числѣ, и для сербовъ стало несомнѣннымъ, что это дѣло рукъ тѣхъ, кому нынѣшній государственный порядокъ вещей въ Бѣлградѣ не особенно по вкусу. Отреченіе короля Милана отъ престола, переходъ власти къ патріотамъ, затѣмъ предстоящее коронованіе юнаго короля, въ то время когда въ Сербію уже вернется изъ Россіи митрополитъ Михаилъ, 500-лѣтній юбилей Косовской битвы, предстоящіе выборы въ скупщину, все это безъ сомнѣнія смущало Австрію, считавшуюся недавно столь сильною своимъ вліяніемъ въ Сербіи, и вотъ въ Бѣлградѣ дѣлается вдругъ извѣстнымъ, что напредняки, о которыхъ было совсѣмъ позабыли, собираются въ Бѣлградѣ 14 мая. Вначалѣ этому событію не придавали никакого значенія, но значительныя старанія сдѣлать съѣздъ партіи возможно замѣтнѣе обратили на себя вниманіе, чему способствовали толки о томъ что съѣздъ этотъ вызывается и устраивается искусственно, притомъ не безъ содѣйствія и помощи Австріи, которой въ настоящее время весьма кстати было показать, что въ Сербіи не мало недовольныхъ современнымъ строемъ въ государствѣ. Собралось отъ 600 до 1500 человѣкъ напредняковъ, которые, можно думать, теперь горько раскаиваются въ своемъ усердіи къ Австріи. Сходка окончилась, какъ уже извѣстно изъ предъидущаго обозрѣнія, крупными безпорядками. Побоища, разгромъ нѣсколькихъ напредняцкихъ домовъ и убійства были печальнымъ финаломъ ея. Винятъ, однако, въ безпорядкахъ напредняковъ, первыхъ полѣзшихъ въ драку, а въ особенности главаря ихъ, Гарашанина, застрѣлившаго реалиста Мишковича. Торжественныя похороны его подтвердили далѣе, что дѣло напредняковъ надо считать проиграннымъ. Самъ Гарашанинъ формально арестованъ въ крѣпости вслѣдствіе жалобы отца погибшаго гимназиста Мишковича и по постановленію синода.

Дѣвочка-великанъ Лиза Лыска (11-ти лѣтъ). Грав. Шюблеръ.

Само собою разумѣется, вся австрійская печать сильно занимается этими событіями, виня въ нихъ, конечно, не напредняковъ, и отзывается съ неодобреніемъ объ арестованіи Гарашанина, замѣчая, что противъ него несомнѣнно начатъ будетъ тенденціозный процессъ. Вообще въ Вѣнѣ держится мнѣніе, что Миланъ долженъ вернуться къ диктатурѣ (!).

Вслѣдъ за этими событіями сербское національное самосознаніе вновь проявилось въ горячей встрѣчѣ, устроенной возвратившемуся въ Бѣлградъ митрополиту Михаилу. Онъ вернулся наконецъ на родину, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ изгнаніи, на которое былъ обреченъ австрофильскимъ режимомъ прежняго царствованія въ Сербіи. Въ Бѣлградъ митрополитъ Михаилъ прибылъ совсѣмъ неожиданно 18 мая, тѣмъ не менѣе вѣсть о пріѣздѣ горячо любимаго и уважаемаго архипастыря быстро облетѣла городъ, берегъ покрылся массами народа, впереди стояло духовенство и коммисія, назначенная изъ обѣихъ народныхъ партій для поздравленія отъ столицы и синода. Прибылъ также русскій посланникъ, г. Персіани. Съ приближеніемъ парохода публика зажгла факелы и раздались крики „живіо“. Послѣ привѣтствія митрополитъ сѣлъ въ карету. Населеніе, окруживъ карету, внезапно устроило факельное шествіе. На другой день митрополитъ Михаилъ сдѣлалъ визиты представителю Россіи, регентамъ и министрамъ; всѣ они тотчасъ же заплатили визиты. Оба дня митрополитъ принималъ множество разныхъ лицъ и корпорацій. 21 мая митрополитъ Михаилъ былъ принятъ въ аудіенціи королемъ.

Возвращеніе митрополита Михаила на родину также раздражаетъ австрійскихъ политикановъ. „По истинѣ отрадное для насъ зрѣлище—восклицаетъ *Neue Freie Presse* — являетъ сцена, на которой должна быть доиграна до конца драма Восточнаго вопроса. Гарашанинъ въ тюрьмѣ, фанатическій руссофилъ Михаилъ снова въ Бѣлградѣ, а дочь Черногорскаго князя помолвлена съ однимъ изъ Русскихъ великихъ князей. Эти немногія обстоятельства обрисовываютъ положеніе, надъ которымъ не могутъ не призадуматься австрійскіе государственные люди“.

Но „австрійскіе государственные люди“ могутъ призадуматься также и надъ другимъ. Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Италію короля Гумберта, въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ *Diritto*, появились замѣтки, гдѣ заявляется, что отнынѣ тройственный австро-германо-итальянскій союзъ слѣдуетъ считать окончательно утратившимъ свое значеніе. Замѣтки эти Австріи не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія, въ особенности въ виду частныхъ сообщеній, полученныхъ въ Парижѣ изъ Рима и подтверждающихъ извѣстіе о томъ, что между Италіей и Германіей подписана военная конвенція. Конвенція эта ставитъ итальянскую армію въ условія подобныя тѣмъ въ какихъ находится армія баварская. Въ Римѣ будетъ находиться германская военная делегація, а итальянская военная делегація, въ меньшемъ противъ германской составѣ, будетъ находиться въ Берлинѣ; цѣлью ихъ обѣихъ будетъ объединеніе итальянской и германской армій и приведеніе ихъ къ одному типу подъ командованіемъ германскаго генерала. Конвенція эта заключена безъ участія Австріи. Впрочемъ, все это пока телеграфныя извѣстія, за точность которыхъ нельзя ручаться.

Смѣсь.

Изъ жизни Булгакова. Про извѣстнаго повѣсу тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Булгакова, человѣка даровитаго, имѣвшаго большія связи и вращавшагося въ высшемъ кругу, г-жа Головачева разсказываетъ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*. Вотъ одинъ изъ нихъ. Булгаковъ въ мартовскій день явился какъ-то на Невскомъ безъ шинели и обращалъ вни-

маніе всѣхъ гуляющихъ своимъ сюртукомъ (военнымъ) ярко-зеленаго цвѣта, съ длинными полами. Дѣло въ томъ, что вышелъ приказъ замѣнить черное сукно на военныхъ сюртукахъ зеленоватымъ и полы сдѣлать нѣсколько подлиннѣе. Булгаковъ первый сдѣлалъ себѣ новую форму, но преднамѣренно утрировалъ ее. Великій князь Михаилъ Павловичъ, проѣзжая по Невскому, замѣтилъ Булгакова, подозвалъ его къ себѣ и грозно велѣлъ сѣсть въ сани, сказавъ:

— Я тебя отвезу къ государю.

Булгаковъ, садясь въ сани, сдѣлалъ видъ что зацѣпился и уткнулся носомъ въ полость, проговоривъ:

— Вотъ что́ значитъ садиться не въ свои сани!

Великій князь разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Такъ пошелъ садись въ свои сани и прямо поѣзжай на гауптвахту, на Сѣнную...

Булгакову могли-бы грозить переводъ въ армію и другія серьезныя наказанія за его разныя повѣсничества, но онъ всегда умѣлъ каламбуромъ или чѣмъ-либо другимъ разсмѣшить великаго князя, и повѣсѣ все съ рукъ сходило. Однако, если Булгакова не было утромъ видно на Невскомъ проспектѣ, а вечеромъ въ балетѣ, то всѣ знали, что онъ посаженъ на гауптвахту великимъ княземъ. (Б.)

Вагонъ-школа. На Закавказской желѣзной дорогѣ появляется новинка—вагонъ-школа. Устройство этого вагона довольно замысловато. Въ немъ находится нѣсколько отдѣленій — для жилища учителя, для помѣщенія самой школы и проч. Мѣстопребываніе вагона неопредѣлено. Одинъ мѣсяцъ онъ будетъ стоять на запасномъ пути одной станціи, два мѣсяца около другой, опять одинъ или два мѣсяца близъ третьей и т. д. Словомъ, въ теченіе круглаго года онъ будетъ находиться около тѣхъ станцій, гдѣ это окажется необходимымъ и гдѣ дѣти желѣзнодорожныхъ служащихъ терпятъ неудобство отъ неимѣнія школъ вблизи станцій. Большинство станцій Закавказской желѣзной дороги находится въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ. Для такихъ-то станцій школа-вагонъ — это изобрѣтеніе въ американскомъ духѣ—пожалуй, сослужитъ хорошую службу. (Б.)

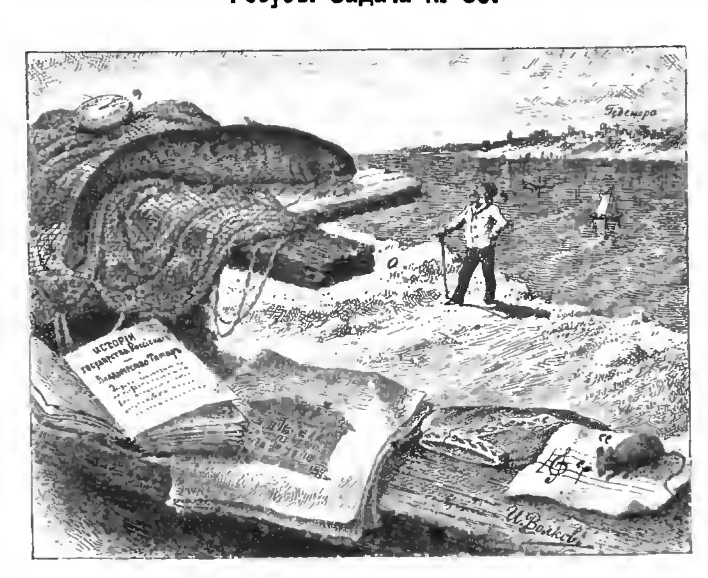
Францъ Ксаверій Габельсбергеръ. Наше время, страдающее отъ недостатка времени, придумало и средство для сбереженія времени. Путешествія, на которыя отцы наши употребляли цѣлые дни, мы, при помощи локомотива, совершаемъ въ нѣсколько часовъ; съ быстротою молніи по электрической проволокѣ передаемъ слова съ одного конца земли на другой, и даже избѣгаемъ и той небольшой траты времени, которая сопряжена съ писаніемъ, подачей, передачей и доставкой телеграммъ, и переговариваемся другъ съ другомъ по телефону. И какъ несносно и сколько времени тратится когда пишешь письмо или отчетъ общеупотребительнымъ способомъ! Мы дѣлаемъ это скорѣе, мы стенографируемъ! Стенографія есть настоящее дѣтище нашего времени, порожденное потребностями новой системы, постепенно вводившейся, съ начала XIX-го столѣтія, въ европейскихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Поддерживаемая духомъ торопливости, стремленіемъ къ наивозможному сбереженію времени и мѣста, духовной и тѣлесной силы, стенографія является однимъ изъ замѣчательныхъ явленій нашего вѣка. Не умаляя заслугъ болѣе раннихъ скорописцевъ, начиная съ древняго Тирона, писавшаго цицероновскую *Quousque tandem* нѣсколькими крючками,—мы можемъ считать изобрѣтателемъ стенографіи Франца Ксаверія Габельсбергера, родившагося въ Мюнхенѣ ровно сто лѣтъ тому назадъ, 9 февраля 1789 г.

Это было въ 1817 году. Нѣсколько болѣзненный баварскій канцеляристъ, сидя въ свободные часы при свѣтѣ лампы, обдумывалъ удобную и скорую систему письменныхъ знаковъ, чтобы во время засѣданій баварскаго министерства имѣть возможность лучше записывать рѣчи ораторовъ.

Открытіе баварскаго сейма доставило ему первый случай публично испытать свое изобрѣтеніе. Какой рядъ тріумфовъ съ того времени и до сихъ поръ, когда въ 50 нѣмецкихъ и другихъ парламентахъ рѣчи народныхъ представителей начертываются по его системѣ, когда насчитывается болѣе 500 габельсберговскихъ стенографическихъ обществъ съ 15,000 сочленовъ, и сотни тысячъ людей кромѣ нихъ пользуются его письменными знаками, когда даже настоящая академія—Королевскій саксонскій стенографическій институтъ въ Дрезденѣ — занимается разработкой стенографіи Габельсбергера! Можно жаловаться на духъ вѣка, внѣшнимъ выраженіемъ котораго служитъ стенографія, можно грустить о прекрасномъ времени когда люди жили и писали медленнѣе, осмотрительнѣе и спокойнѣе—и тѣмъ не менѣе нельзя отказаться отъ чествованія памяти геніальнаго изобрѣтателя Габельсбергеровской стенографіи въ столѣтнюю годовщину его рожденія. (с.)

Д-ръ Дабсонъ рекомендуетъ противъ остраго насморка новое средство, дѣйствительность котораго подтверждается и швейцарскою врачебною газетою. Оно состоитъ изъ вдыханій камфоры, которыя должны производиться слѣдующимъ образомъ: Полную чайную ложку камфорнаго порошка насыпаютъ въ высокій сосудъ и, наполнивъ его до половины кипяткомъ, прикрываютъ отверстіе свернутой изъ бумаги воронкой, верхушку которой открываютъ настолько, чтобы въ нее вошелъ весь носъ. Затѣмъ вдыхаютъ теплые водяные пары, насыщенные камфорой, въ теченіе 10—15 минутъ, повторяя эту процедуру чрезъ четыре или пять часовъ. Самый упорный катарръ послѣ троекратныхъ вдыханій исчезаетъ, а въ большинствѣ случаевъ вовсе не потребуется повторенія, если энергично взяться за дѣло сразу. (с.)

Ребусъ. Задача № 39.

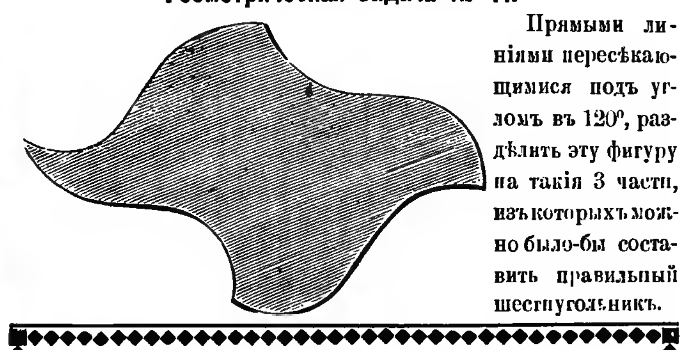
Задача буквъ № 40.

(1)	(2)	(3)	(4)
12	19	25	13
21	26	5	6
11	32	27	8
9	4	3	31
30	24	16	1
28	2	17	29
18	20	10	22
7	15	14	23

Найти 8 словъ. Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ чиселъ четырехъ данныхъ прямоугольниковъ. Сложить затѣмъ эти прямоугольники такъ, чтобы изъ нихъ составился одинъ прямоугольникъ, въ которомъ можно бы было прочитать пословицу.

1) Вьючное животное 1. 2. 3. 4.
2) Насѣкомое 5. 6. 7.
3) Приданое 8. 9. 10. 11.
4) Мѣра вѣса 12. 13. 14. 15.
5) Колѣно рѣки между двухъ изгибовъ 16. 17. 18. 19 20.
6) Небольшое судно 21. 22. 23. 24.
7) Рыболовный снарядъ 25. 26. 27. 28.
8) Часть лица 29. 30. 31. 32.

Геометрическая задача № 41.

Прямыми линіями пересѣкающимися подъ угломъ въ 120°, раздѣлить эту фигуру на такія 3 части, изъ которыхъ можно было-бы составить правильный шестиугольникъ.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

РУКОВОДСТВО
къ
ОБУЧЕНІЮ ЦЕРКОВНОМУ ПѢНІЮ
СЪ ПРАВИЛАМИ И УКАЗАНІЯМИ.

1) Какъ самому научиться играть па скрипкѣ по нотамъ. 2) Какъ преподавать нотную азбуку къ пѣнію въ школѣ. 3) Какъ обучать дѣтей церковному пѣнію по слуху и по нотамъ. 4) Какъ изъ учениковъ школы организовать для церкви хоръ въ 3 голоса: басъ и альтъ съ дискантомъ. 5) Какъ давать голосомъ тонъ хору съ помощію камертона, при хоровомъ стройномъ исполненіи словъ и напѣва пѣснопѣній изъ службъ Православной Россійской церкви. Составлена по опыту учителемъ пѣнія Кіевскихъ городскихъ приходскихъ училищъ Николаемъ Даниловичемъ Абламскимъ. Цѣна 1 руб 75 к. (для подписчиковъ 1 р. 35 к.) съ пересылкой. № 3907

КРАСКИ
1. Для малярныхъ работъ въ густо-разведенномъ видѣ.
2. Для любителей вполнѣ готовыя къ употребленію по 20 к. за фунтъ. Mt. № 3901
3. Краски фирмы
К. АНДЕРССОНЪ и Ко.
высыхающія черезъ 2 часа.
4. Производство малярныхъ работъ и окраска цементн. и асфальтовыхъ половъ. Прейсъ-куранты безплатно. Контора и складъ: Толмазовъ пер., д. № 3, кв. 7.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ
РЕЗИНОВОЕ БѢЛЬЕ

вполнѣ замѣняющее полотняное, отличается своею прочностью и простотою чистки: только нѣсколько разъ потереть щеткой съ мыломъ и опять получается прежняя бѣлизна.

Воротникъ стоячій	— р. 40 к.
„ отложной	— „ 60 „
Манжеты	1 „ — „
Манишка	1 „ — „
Галстукъ	— „ 40 „
Кусокъ мыла	— „ 15 „
Запонка для воротничка	— „ 10 „
„ „ манжетъ	— „ 15 „

Иногороднихъ покупателей просимъ при заказахъ прилагать одну треть стоимости въ задатокъ, остальныя деньги могутъ быть переведены наложеннымъ платежемъ.

Главные склады резиновыхъ издѣлій
ПИХЛАУ и БРАНТЪ
въ Москвѣ, Петровка, д. Соколова.
Оптовый складъ
Ильинка, противъ Стараго Гостинаго двора, д. Общества Теплыхъ рядовъ.
Оптовымъ покупателямъ дѣлается значительная уступка.
3—1 П. № 3903

7 р. НОВОСТЬ!! 7 р.

Секретная камера въ видѣ **маленькаго альбома**, который, безъ предварит. умѣнія, фотографируетъ незамѣтно.

Рекомендую всѣ виды фотограф. аппаратовъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5—1

Новый прейсъ-курантъ безплатно.

ФИСГАРМОНІЯ
Прекрасный инструментъ для духовной и свѣтской музыки.

Американскія фисгармоніи, незамѣнимо пріятные, благородные звуки которыхъ очаровываютъ каждаго слушателя, изящная отдѣлка которыхъ украшаютъ каждую залу, стоятъ только 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

Французскія фисгармоніи: 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.

Играть на фисгармоніи можно легко выучиться; кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда. Школы и ноты для фисгармоніи въ большомъ выборѣ.

Иллюстрированный прейсъ курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—**безплатно.**

(Америк. фисгармонія въ 300 р.)

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ**
и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ**, заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.**, съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ**, въ Контору журнала „**Нива**“ (Невскій, 6).

Іодисто-разсольныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи.
Самое сильное содержаніе Іодистаго разсола въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д.
Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ.
Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ
Дирекція водъ въ BAD-HALL. R. № 3747 4—3

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ
(въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принимаются безъ экзамена окончившіе курсъ въ трехъ и четырехъ классныхъ городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соотвѣтствующему испытанію. Курсъ ученія 4 года, пріемные экзамены 11, 12 и 14 августа. Плата за полнаго пансіонера 180 руб. въ годъ, за приходящаго 30 рублей. Для пріема въ 1 классъ требуется возрастъ не моложе 14 и не старше 17 лѣтъ.

Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбываніи воинской повинности.

За подробными свѣдѣніями желающіе благоволятъ обращаться въ канцелярію училища лично и письменно. Директоръ училища Ф. **Хвастуновъ.** № 3865 3—2

Цѣлебный источникъ ФРИДРИХА
въ Гнезенѣ, провинц. Познань.

По анализу Dr. Езериха въ Берлинѣ, относительно минеральныхъ составныхъ частей весьма схожій съ источниками Карлсбада и Франценсбада, съ успѣхомъ употребляемый и рекомендуемый медицинскими авторитетами противъ желудочныхъ и кишечныхъ страданій, заваловъ печени, геморроя, страданій мочеваго пузыря, золотухи, катарровъ носовой полости, глотки, горла, дыхательнаго горла, легкихъ, мочеваго пузыря, кромѣ того, при астмѣ, далѣе какъ diureticum при почечныхъ и желчныхъ камняхъ, и вообще въ тѣхъ болѣзняхъ, которыя лѣчатся карлсбадскими и франценсбадскими водами. R. № 3900

Лѣченіе водами и ваннами - купальни и садъ отвѣчаютъ всѣмъ современнымъ требованіямъ отъ заведеній этого рода. Большой выборъ квартиръ и отелей, прачей и аптекъ.

Воды высылаются бутылками въ 3/4 литра по 40 пфениговъ.

Подробнѣйшія свѣдѣнія отъ владѣльца источника **П. Флатова въ Гнезенѣ.**

МОЛЬДАКОТЪ
Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина **СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.**

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „**Мольдакотъ**“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **неразпарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „**Мольдакотъ**“ **съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ и **холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ**, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. **Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к.** Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт.

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ „**Полиграфъ**“, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 2914

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 3855 ЗАВЕДЕНІЕ 7—6
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.

За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. И. Цеценевскому или доктору С. И. Ходжашу.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.

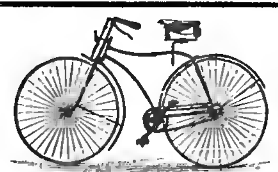
„**Аргусъ**“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поля, охоты, моря и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названія „**универсальнаго бинокля**“.

Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.
Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дороже.
Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже.
2—1 № 3909

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Е. КРАУСЪ и Ко.
въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ курантъ высыл. безплатно.

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Ципнетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

EAU DE SUEZ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
Депо въ С.-Петербургѣ — **А. М. Рузиновъ**, Гостиный Дворъ, № 40.
Въ Москвѣ — **А. Сіу и Ко.**, Тверская, д. Варгина.
Pt. № 3887 **Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованію вышеозначенными депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.** 13—3

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Чайнаго Магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 31 мая 1889 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. | г. XX
№ 24 | 1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 10 іюня 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Весенняя выставка Имп. Акад. Худ. Окрестности Железа въ Пиринеяхъ. Съ карт. **С. И. Васильковскаго.** грав. Шлиперъ

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XIII.

Прошелъ мѣсяцъ. Іюнь стоялъ въ этомъ году жаркій, сухой. Ни капли дождя не упало на жаждавшую влаги землю. Трава горѣла; рѣчка, протекавшая за монастыремъ, едва сочилась. Въ обители готовились къ празднику, мастерская была пока закрыта и Вѣрочка почти все время проводила съ бабушкой.

— Не узнаю я тебя, говорила она старушкѣ.—Ты точно скрываешь что̀ отъ меня.

Дѣйствительно, Анфиса Кирилловна спа̀ла съ лица совсѣмъ и точно потерянная ходила цѣлые дни.

— Такъ я это, успокаивала она дѣвушку. — Сама знаешь, какіе мои года.

— Что̀ года! И то бабушка Варлаама говоритъ, что ты у меня совсѣмъ молодая старушка. Нѣтъ, ты что-то будто-бы прячешь отъ меня.

И въ памяти Вѣрочки мелькнулъ намекъ матери Серафимы на какую-то бабушкину тайну, подслушанную ею въ окнѣ у себя въ комнатѣ.

— Глупости... Снится мнѣ все это время несуразное... Смерть моя близка, вотъ что̀, вырвалось у той.

— Что-же снится?

— Не къ добру.—И бабушка сѣла въ кресло. — Не къ добру, дитятко... Ужь и ума не приложу, а не къ добру. Къ смерти моей должно быть.—Видимо, ей самой хотѣлось высказаться. Чувствовала, что легче будетъ.— Видишь-ли ты, каждую ночь ко мнѣ дѣдушка твой приходитъ. Какъ засну—онъ и стоитъ надо-мной, страшный, страшный...

— Ну, вотъ видишь... Отслужи панихиду—и перестанетъ приходить.

— Нельзя, нельзя по немъ панихиду-то служить.

— Отчего нельзя? изумилась Вѣрочка.

— Потому что... нельзя. Что ужь... Какія панихиды еще!

Вѣрочка ничего не понимала, пошла было къ себѣ, да уже въ дверяхъ разслышала, какъ бабушка сама съ собою заговорила:

— Какъ это о живыхъ панихиды служить?.. Почемъ я знаю,—коли бы умеръ, другое дѣло.

И дѣвушка призадумалась.

Она была круглою сиротою. Когда-то пріютила ее бабушка, которую и она и всѣ считали вдовой. Что̀ бы значила нечаянно услышанная ею фраза: „какъ это о живыхъ панихиды служить!..“ Вернувшись она попробовала было приласкаться къ бабушкѣ — прежде это приводило старушку въ хорошее расположеніе духа, но теперь не подѣйствовало. До того растерялась Анфиса Кирилловна, что когда Устинья разбила ея любимую фарфоровую чашку, подарокъ и память покойной матери Секлетеи, такъ старушка только головой покачала:

— Все къ одному, все къ одному! проговорила она.— Все къ тому же. За мной это—по мою душу.

— Чашка-то по душу? старалась сама разсмѣяться и ее разсмѣшить Вѣрочка.

— Да вѣдь прежде не билась же?.. Теперь какъ разъ. Все къ одному, все къ одному, милая.

А тутъ еще и Маруська прибавила. Схвативъ за хвостъ невѣдомо гдѣ отысканнаго ею мертваго вороненка, она задомъ едва-едва вползла въ комнаты и пятясь притащила его на самую середину комнаты, а притащивъ, сѣла надъ нимъ и давай умываться, точно и въ самомъ дѣлѣ совершила что-то путное.

— Ну, вотъ видишь?..

Окончательно обезкураженная старушка пошла подъ ворота къ Степанидѣ и все разсказала ей.

— Къ смерти это?

— Не къ смерти, а не хорошо, глубокомысленно соображала та.—Не хорошо. Сказываешь, Секлетеина чашка-то?

— Секлетеина. Невдолгѣ передъ самою смертью-то и подарила мнѣ она.

— Ну, вотъ, поди ты, мать, и отслужи панафиду по ней-то, по Секлетеѣ... Душевная старица была—и тебя любила. Это не кто, какъ она.

И панихиду отслужила, и повидимому успокоилась Анфиса Кирилловна, а внучка ея все на нее посматривала съ опаской.

— Не больна ты, бабушка?

— Нѣтъ.

— А ты бы къ доктору въ городъ послала.

— Ну, куда медику земному съ скорбью моею совладать. Одинъ у меня медикъ, то—Царица Небесная, коли Она не поможетъ, что̀ земные сдѣлать могутъ! Господь съ ними. Пущай другихъ ужь надуваютъ средствіями своими неподобными.

Пришелъ и праздникъ.

Богомольцевъ сошлось въ монастырь видимо-невидимо. Таборами стали кругомъ. Слава Богу еще если у нихъ телѣга была, — подъ телѣгою жили, а то такъ жгло солнце, что монахини, утѣшая ихъ, говорили:

— А вы думали какъ, легокъ, други, путь ко спасенію? Нѣтъ, братцы,—труденъ, охъ труденъ! Это еще что́, когда солнце жжетъ—горше тому, кого совѣсть-то жечь станетъ... Охъ, какъ тяжко тому, кто совѣсть ощутитъ!..

Особенно трудно пришлось женщинамъ и дѣтямъ. Въ обители отвели имъ и квасную, и хлѣбную,—а все мѣста не хватало. Пустили на кладбище бабъ—подъ вязы и липы—все тѣни больше, хоть какая ни на есть, а прохлада,—и цѣлые дни проводили тамъ бабы, красныя-красныя, распаренныя, — а за стѣнами обители оставалось еще больше. И такіе жары стали, что даже урядникъ обезпокоился и донесеніе послалъ становому: „какъ бы не случилось чего съ народомъ отъ знойнаго расположенія“. Еще лучше другихъ пришлось нищимъ. Тѣ, какъ заняли мѣста по обѣ стороны монастырскихъ воротъ, такъ и не уходили оттуда. У нихъ днемъ и вечеромъ тѣнь была—полуднями жгло малость, да всеже сравнительно это еще благодатью оказывалось. Теперь Вѣрочка каждый разъ приходила въ обитель съ мѣдяками въ карманѣ. Не могла она равнодушно миновать всѣхъ этихъ хромыхъ, слѣпыхъ, всю эту искалѣченную братію, назойливо пѣвшую, глаголавшую и вопіявшую о хлѣбѣ насущномъ. И бабушка тоже одѣляла ихъ. Ближе другихъ ко вратамъ въ обитель отвоевалъ себѣ мѣсто такой здоровенный старикъ, что ему мѣсто было бы совсѣмъ не здѣсь, а гдѣ нибудь на большой дорогѣ. Рожа красная, точно обожжѐнная, сѣдая борода всклокоченная, волоса тоже сѣрой шапкой торчатъ, воротъ лохмотной рубахи разстегнутъ и оттуда потная красная грудь видна. Онъ зорко всматривался въ Вѣрочку и пробовалъ даже заговаривать съ ней, благодаря ее за милостыньку. Та поневолѣ отвѣчала ему. Не отвѣтить, по ея понятіямъ, значило бы оскорбить его и сдѣлать ему еще горше и безъ того горькую милостыню.

— Эй, умница... остановилъ онъ ее разъ. — Какъ звать-то тебя, благодѣтельница? За кого молиться мнѣ?

— Вѣрой звать, улыбнулась она.

— Ну, Господь съ тобой, пошли Онъ тебѣ царствіе небесное.—А изъ-подъ встопорщенныхъ бровей зорко и хитро смотрѣли его острые глаза. — Должно быть недалеко живешь ты тутъ, что все съ матерью ходишь?

— Недалеко, недалеко, старикъ...

И она бѣжала скорѣй прочь.

— Эхе-хе-хе... еще зорче присматривался онъ къ ней.

Но когда она проходила съ бабушкой, нищій не отводилъ совсѣмъ глазъ отъ нихъ обоихъ.

Разъ Вѣрочка шла мимо, онъ ее клюкой поманилъ къ себѣ. Та подошла.

— Ну, прости, всю мѣдь раздала, ничего не осталось.

— Господь съ тобою!.. Развѣ только это и надобно странному человѣку? Ты меня словомъ своимъ подари. Старушка эта матерью тебѣ приходится?

— Нѣтъ, бабушкой...

— И давно вы тутъ живете, милая?

— Давно, какъ себя помню.

— А гдѣ?

Но она посмотрѣла ему въ глаза и чего-то страшно ей стало, слишкомъ ужь жадно глядѣлъ онъ на нее, слишкомъ остеръ и лукавъ былъ его взглядъ.

— Не видать отсюда!.. кинула она ему и прочь пошла.

— Не видать, ну что-жь, и на томъ спасибо. Спаси тебя Господь Всемилостивый!

До того непріятенъ сдѣлался Вѣрочкѣ этотъ нищій, что она стала ходить въ обитель другими воротами.

Старикъ не успокоился. Онъ съумѣлъ подобраться къ Степанидѣ.

— Охъ, ужь и обитель у васъ, матушка, не знаю какъ ваше имя святое...

— Степанида.

— То-то. Видалъ я много обителей, что каменіи самоцвѣтные какъ жаръ горятъ,—ну, а такой не случалось еще. Ахъ, не случалось! Адамантъ настоящій... И добродѣтели въ вашихъ старицахъ, матушка. Истинно умиляешься, какъ Господь васъ превознесъ и прославилъ... Ты думаешь, что сидимъ мы у воротъ, — а мы все видимъ и все слышимъ.

— А ты въ какихъ монастыряхъ-то еще бывалъ?

— Бывалъ я, сударыня моя, матушка богоданная, на Соловецкіихъ островахъ, что посередь моря студенаго стоятъ, обитель великая, и честь ей межъ другими не малая. Бывалъ я и на Валаамѣ, сподобилъ меня Господь Герману угоднику Своему поклониться, и у Троицы-Сергія благолѣпіемъ чина небеснаго и красотою храмовъ подлинно ослѣпленъ былъ... И на Аѳонъ ходилъ въ турецкую сторону... А все лучше вашей обители нѣтъ.

— Сказываютъ хороша, коли не лукавятъ.

— Чего лукавить—первая... Вижу я, матушка, бѣгаетъ въ монастырь къ вамъ, ежеденно почитай, дѣвица одна хорошая и милостыни творитъ, и сама какъ голубица кроткая. Кто она будетъ?

— Сирота одна... Съ бабушкой своей живетъ здѣсь.

— Видѣлъ, видѣлъ старушку съ ней. Почтенная старушка. Анфисой Кирилловной кажись зовутъ еще ее?

— Да, какже. Давно тутъ живетъ!..

— А по фамиліи ее Рѣпьевой величаютъ? Такъ... Мы за тѣхъ вѣдь, кто подаетъ намъ, особливо молимся. За всѣхъ вопче, а за благодѣтелей—въ отличку.

— Видалъ гдѣ ее?.. удивилась его любопытству привратница.—Раньше видалъ, что-ли?

— Нѣтъ, такъ народъ говорилъ. Хорошая старушка, благослови ее Богъ. Что же она замужемъ что-ли?

— Вдовствуетъ.

— Ну и Богъ съ нею... Вдовствуетъ... И домокъ у нея здѣсь свой?

— Какъ же. Зайди за ворота, да посмотри—крыша тесовая, а надъ ней клены, вонъ у стѣны недалечко.

— Ну, спасибо, спасибо тебѣ, мать Степанидушка. Будешь молиться, не забудь помянуть меня грѣшнаго.

— А поминать-то какъ?

— А просто, матушка, старца недостойнаго... Господь съ нимъ, съ именемъ. Это у дворяновъ, которые, имена есть, а намъ сирымъ, да гладнымъ, да хладнымъ и такъ отлично. И безъ имени живется... Какъ помремъ—Богъ-то и безъ имени разберетъ, кого куда... Прости мать!..

— Господь проститъ.

Сѣлъ на свое мѣсто старикъ-нищій и задумался. Крѣпко задумался. Даже богомольцевъ сталъ пропускать. Взглянетъ на домикъ Анфисы Кирилловны, вздохнетъ и опять задумается... Разъ только у него вырвалось:

— И при капиталѣ должно-быть.

— Кто? переспросилъ у него сосѣдъ-калѣка.

— Такъ я... вопче... Грѣхи наши. Охо-хо-хо, паритъ-то какъ. А завтра я, слышь, Тимоѳей, не приду.

— Чего такъ?

— Довольно мнѣ возжаться съ вами. Можетъ мы и сами изъ дворяновъ, ты какъ думаешь?.. На лошадяхъ отсюда поѣду... Вотъ что̀... Довольно!

— Кажись водки тутъ не продаютъ, гдѣ это ты зѣнки-то свои налилъ?

— Молчи, дуракъ. А то такъ я клюкой тебя огрѣю. Не знаешь, съ кѣмъ говоришь, мужичище...

Тотъ только ротъ разинулъ на расходившагося нищаго.

XIV.

На другой день бабушка съ внучкой только что садились обѣдать, какъ въ прихожей раздался шумъ и послышался чей-то грубый голосъ; повидимому кто-то спорилъ съ Устиньей.

— Ступай, ступай! куда идешь, пьяная твоя харя! кричала та.—Иди подъ окно, къ кухнѣ, оттуда подамъ.

— Молчи, дура... Я не за милостыней!..

— Чего прешь! Здѣсь старая барыня!

— Ее-то мнѣ и надо.

Устинья было стала въ дверяхъ, но чья-то сильная рука оттолкнула ее прочь. Вѣрочка вскочила изъ-за стола, бабушка встала тоже. Двери распахнулись и на порогѣ показалась громадная фигура стараго нищаго. Онъ опирался на клюку, весь въ лохмотьяхъ, рубаха его плохо защищала тѣло, да онъ, впрочемъ, и не нуждался въ этой защитѣ; сумка за плечами... Онъ тяжело перешагнулъ обутою въ лапти ногой черезъ порогъ.

— Здравствуйте! угрюмо проговорилъ онъ, отъискалъ глазами образъ, снялъ шапку съ расклеившимся козыремъ и перекрестился.

— Миръ дому сему...

— Чего вамъ? обратилась къ нему Вѣрочка. — Ступайте на кухню, тамъ васъ накормятъ...

Онъ даже не взглянулъ на нее. Глаза его были упорно прикованы къ бабушкѣ. Та, стоя у стѣны, тоже не отводила отъ него своихъ глазъ, все болѣе и болѣе округлявшихся подъ впечатлѣніемъ невыразимаго ужаса...

— Что-же... Аль гнать будете, какъ гнала хамка ваша... Въ кухню—либо подъ окно...

Та молчала.

Изъ передней смотрѣла сюда испуганная Устинья, подмигивая Вѣрочкѣ на окно. Въ случаѣ-де чего — крикну...

— Не узнаете, Анфиса Кирилловна?.. А вы посмотрите... Положимъ двадцать три года время-то длинное... Кого не измѣнитъ, а вотъ я васъ узналъ.. Сейчасъ узналъ... Слѣдовало-бы встрѣтить, какъ слѣдуетъ. И блудному сыну возвращающемуся съ раскаяніемъ радуются, не токмо что... А хозяину и подавно...

И онъ пошелъ къ ней, все такъ же грузно и тяжело ступая лаптями.

Анфиса Кирилловна, не отводя отъ него глазъ, безсознательно, словно защищаясь, протянула руки впередъ и задрожала вся, такъ что голова ея вся заходила...

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. „Счастливая Аркадія".

Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ"), грав. Шюблеръ.

— Бабушка, бабушка, кто это?

— Скажи ей что-ли... Скажи... А то хошь я скажу? Мнѣ все равно—я дома вѣдь...

Онъ вздохнулъ, снялъ съ себя суму, оглядѣлся куда-бы положить ее, но очевидно сообразилъ, что здѣсь ей не мѣсто.

— Эй, халда! обернулся онъ въ переднюю.—Возьми-ка, сунь куда...

Устинья опѣшила и, растерянная, подхватила суму и понесла ее.

— И клюку въ уголъ поставь... Понадобится учить тебя.

Она приняла и клюку.

— Нельзя сказать, чтобы ласково встрѣчали опосля разлуки. Ну да ужъ Богъ съ вами. Лишь-бы сладко да сытно покормили... Садись, Анфиса, что-ли... Да что ты на меня словно на звѣря лютаго смотришь?

— Бабушка, бабушка, да кто-же это?

— Сонъ-то... сонъ-то... Вотъ онъ тутъ и есть, бормотала та.

— Поди панихиды по мнѣ служили, анъ я и не померъ. Еще жить собираюсь. Изъ безвѣстнаго отсутствія-то и вернулся... А вы, супруга моя любезная, вдовствовали все. Ишь отъ сладкой-то жизни какъ разнесло васъ! Ну да что-же—Господь съ вами. А только кинули вы меня тогда, какъ бѣшеную псу подъ заборомъ—да и ушли спасаться. Вы-то спаслись — а мнѣ каково эти двадцать три года было? Искалъ я, искалъ я васъ—десять лѣтъ. Все вотъ на этихъ ногахъ. Ну а теперь пора отдохнуть. Поговоримъ потомъ, какъ дѣла наши обладить—а теперь обѣдать давайте... Садись что-ли... сурово обернулся онъ къ Вѣрочкѣ.—Отъ дочки, отъ Саши—родилась? отрывисто спросилъ онъ у Анфисы Кирилловны.—Что ты въ молчальницы пошла что-ли?.. Да оно и спрашивать нечего—вся въ нее, въ покойницу... Безъ меня и родилась. Ну иди къ дѣду-то—цѣлуй ему руку...

Вѣрочка двинулась было къ нему... Но тутъ Анфиса Кирилловна внезапно обрѣла даръ слова.

— Постой, постой... Поди, Вѣрочка, къ матери Варлаамѣ—тамъ и пообѣдай, а мы тутъ поговоримъ, безъ тебя.

— Что она дѣда не хочетъ уважить?

— Не дѣдъ ты ей, а ворогъ лютый, злодѣй... Считала я тебя мертвымъ и радовалась, анъ за грѣхи-то меня Господь и покаралъ.

— Это ты правильно. Господь за грѣхи завсегда караетъ.

— Зачѣмъ съ того свѣта проявился?.. Ступай, ступай прочь. Какъ оставилъ, такъ и иди. Нѣтъ тутъ твоего ничего...

— Анфиса! Аль забыла? приподнялся онъ.

— Бабушка! бросилась къ ней дѣвушка, вся блѣдная.

— Не бойся, милая... Молодую меня онъ тиранилъ, точно, а теперь и у меня на него управа найдется... Устинья, урядникъ-то здѣсь вѣдь на площади?

— На площади, матушка, на площади.

— Ну такъ помни, Алексѣй. Вѣдь я вѣдаю, куда тебя убрали тогда. Чуть ты что — сейчасъ тебя сдамъ. И будь покоенъ, никакой у меня къ тебѣ жалости нѣтъ. Вся какая и была—выболѣла... И не боюсь я теперь даже нисколечко...

— Ишь какая безстрашная стала! ворчалъ старикъ-нищій, почесываясь подъ пазухой.—Тебѣ ничего въ хороминахъ этихъ — а меня всякая тля поѣдомъ ѣстъ, живаго мѣста нѣтъ...

— Вѣра, ступай къ матери Варлаамѣ! уже строго обратилась къ ней бабушка.

— Какъ-же я тебя одну оставлю?

— За меня не бойся.

Она не узнавала своей старушки. Теперь все лицо ея горѣло негодованіемъ, и добрые глаза грозно смотрѣли на нищаго. „За меня не бойся, повторила она,— не мнѣ его бояться. Вечеромъ приходи.“

— Что-жь дѣда и привѣтить нельзя?

— Какой ты ей дѣдъ! Скажите, какой родной выискался. Ты, по острогамъ шляючись, вспомнилъ-ли когда объ насъ? Дѣдъ!.. Иди, иди, дѣточка, иди.

Анфиса Кирилловна благословила ее и вывела за двери. Посмотрѣла ей въ слѣдъ и, убѣдясь, что та уже около воротъ обители—вернулась назадъ, гдѣ, сидя за столомъ, мужъ ея, такъ нежданно вернувшійся, тяжело сопѣлъ, оглядывая все по сторонамъ.

— Ну, зачѣмъ пожаловалъ?

— Извѣстно, домой пришелъ.

— Домой!.. А гдѣ у тебя домъ-то?

— Здѣсь. Гдѣ жена—тамъ и домъ.

— Поздно вспомнилъ...

— Поѣсть-то вы дадите странному человѣку? стукнулъ онъ тяжелымъ кулакомъ о столъ.—Дьяволы! Поѣсть-то будетъ чего?

— Ладно... не шуми. Не кабакъ тебѣ здѣсь... Не острогъ.

При словѣ острогъ—нищій опять присмирѣлъ.

— Хорошо это тоже острогомъ корить... Господь грѣшника прощаетъ, а ты строже Бога хочешь быть?

— Прощаетъ точно и радуется ему... только кающемуся.

— А можетъ я и каялся.

— Кабы каялся, такъ-бы ты сюда силкомъ не лѣзъ— звѣрь звѣремъ. Покаяніе тоже... Устинья, давай тамъ что̀ есть у тебя.

А сама Анфиса Кирилловна отошла въ уголъ, сѣла тамъ въ кресло и стала смотрѣть на него.

— А ты ѣсть не будешь?

— Нѣтъ.

— Со мной брезгуешь? усмѣхнулся онъ. — Ну что-же, мнѣ больше останется. Водки!

— Нѣтъ тебѣ водки. Тутъ честный домъ—водки не держутъ.

— Спосылай.

— Некого.

— А Устинья на что̀?

— Что-же мнѣ съ тобой одной остаться? Не знаю какъ ты за горло умѣешь хватать?

— Не забыла? усмѣхнулся нищій.

— Какъ забыть—помню. Много благодарна.

— То-то... А то я бы напомнилъ. И сладкой водки нѣтъ?

— Сказано тебѣ—не кабакъ здѣсь.

— Старухи сладкую водку завсегда пьютъ. Я бы и сладкой выпилъ.

— Обойдешься.

— Ироды!.. И старикъ съ жадностью навалился на щи. Онъ съ какой-то собачьею жадностью и быстротой глоталъ ихъ, обливался ими и уже не глядѣлъ на Анфису Кирилловну. Противно было слушать, какъ онъ чавкалъ и сопѣлъ при этомъ, точно у него каждое мгновеніе хотѣли отнять лакомое блюдо.

Старуха смотрѣла-смотрѣла на него и мало-по-малу въ сердце ея закрадывалась жалость. Она даже слезинку сморгнула. Такой-ли онъ былъ прежде! Она помнила его красивымъ и ловкимъ офицеромъ. Давно это было—такъ давно, словно когда-то во снѣ она видѣла, а не на яву съ нимъ бѣжала изъ родительскаго дома. Нѣсколько дней счастья—а тамъ пошли кутежи, побои, игра... Она медленно качала головой... А потомъ что̀ было—страшно вспомнить... Суды да тюрьмы... Вспомнила она какъ водили его въ арестантскомъ халатѣ подъ ея окнами... Отсидѣлъ — выпустили; пожалѣла — приняла. А онъ еще и того хуже... И пошла опять мука мученская... пока не услали. А тамъ и она уѣхала и въ первый разъ во все время замужества покой и тихое счастье узнала... А все жаль и какъ жаль-то!..

Сердце щемитъ. И вѣдь есть еще въ чертахъ что-то прежнее... Покажется и опять спрячется. Какая-то мысль мелькнула у нея въ головѣ. Она встала и пошла къ себѣ въ комнату. Порылась въ комодѣ и вынула въ бархатномъ футлярѣ старый дагеротипъ. Фотографій тогда еще не существовало — въ тѣ далекія времена. Скорбная и смягчившаяся, она вернулась опять и сѣла въ кресло... Мужъ ея немного насытился... И сталъ ѣсть медленнѣе.

— Что еще? грубо спросилъ онъ, поднимая на нее воспаленный взглядъ. Это потное, жадное лицо было въ полномъ смыслѣ слова ужасно.

— Узнаешь?.. И она показала портретъ издали.

— Чего такого? недоумѣвалъ нищій. — Давай-кось сюда. Небось, не возьму. Мнѣ эта штука не къ чему.

— Устинья, подай ему.

— Сама гнушаешься? Ну, гнушайся... Что-же, обижай: коли Богъ обидѣлъ, такъ люди и подавно должны.

— Посмотри хорошенько.

Старикъ-нищій взглянулъ, но солнечные лучи такъ падали на дагеротипъ, что онъ ничего не видѣлъ. Онъ повернулся иначе.

— Ну, узналъ что-ли?..

Бродягу точно ударило что-то. Онъ зажмурился даже въ первую минуту и опять открылъ глаза... Всмотрѣлся пристально, впился своимъ острымъ взглядомъ въ молодаго и красиваго офицера, такъ и рисовавшагося ему въ потускнѣвшихъ тонахъ и тѣняхъ портрета. Что-то пробѣжало по лицу его. Заслонился дагеротипомъ отъ хозяйки, чтобы та его не видѣла. А рука дрожитъ такъ и ходитъ ходуномъ, и видитъ это Анфиса Кирилловна—и сладко и больно дѣлается на душѣ. Повернулся старикъ къ зеркалу что висѣло на стѣнѣ, посмотрѣлъ на себя; еще разъ воззрился на портретъ и вдругъ портретъ покатился на полъ, а самъ онъ опрокинулся на столъ и, схвативъ грубыми, черствыми цѣпкими пальцами свои всклоченныя сѣдины, зарыдалъ, весь вздрагивая и шатая стулъ, на которомъ сидѣлъ, столъ и тарелки.

Анфиса Кирилловна, вся просвѣтленная, встала, подошла къ образу, перекрестилась и безмолвно положила передъ Спасителемъ земной поклонъ.

XV.

Вѣрочка вернулась уже съ вечерни. Сердце ея билось до боли, когда она переступала порогъ ихъ еще сегодня утромъ такого мирнаго домика: „что-то теперь тамъ?“

— Ну что? устало спросила ее бабушка.

— Отецъ Симеонъ боленъ. За него служилъ Захарія. Очень ужь скоро онъ гонитъ. Бабушки недовольны.

И она вопросительно посмотрѣла на старушку. Та поняла и показала наверхъ.

— Тамъ?..

— Да.

— Спитъ?

И она разслышала храпѣніе надъ собою.

— Я его пока въ мезонинъ помѣстила. А потомъ не знаю... Что Богъ дастъ—то и будетъ.

— Останется онъ съ нами?

Анфиса Кирилловна промолчала, задумалась.

— Плакалъ сегодня... Не знаю, что потомъ, а пока ничего... Плакалъ, каялся...

— Прости его, бабушка.

— Эхъ, Вѣрочка, не знаешь ты... Вотъ погоди сама увидишь можетъ быть... Что ужь... Всего не разскажешь. Да и говорить грѣхъ. Точно я тебѣ на него жаловаться стану.

— Матушка, взошла Устинья, — какъ съ нимъ-то быть мнѣ—на ночь?

— А что?

— Опасно. Не случилось-бы бѣды. Я его снаружи запру, а къ намъ позову спать Акимку-могильщика. Чего-чего, онъ совладаетъ, онъ сильный.

— Не надо! всполошилась Вѣрочка.

— Постой, строго остановила ее бабушка.—Ты вѣдь его не знаешь, какой онъ. Дѣйствительно слезы его смутили меня. Не бывало этого съ нимъ прежде. Ну а вдругъ... За себя-то я не боюсь. Мнѣ скоро и безъ этого придется предстать передъ Нимъ, подняла она глаза на икону.—А тебѣ вѣдь жить еще... Въ самомъ дѣлѣ, Устинья, это ты хорошо надумала, позови Акима, пусть ляжетъ наверху въ передней комнаткѣ. А въ той дверь замкни въ самомъ дѣлѣ. Если постучится, пусть отомкнетъ Акимъ. Поставь ему туда воды, мяса, хлѣба, коли ѣсть захочетъ—пусть ѣстъ. Спички...

— Охъ, матушка, спички—что вы! Спалитъ онъ насъ.

— Не спалитъ. Съ чего ему палить-то...

Всю ночь надъ собою слушала Вѣрочка, не смыкавшая глазъ, сначала храпъ старика-дѣда, потомъ тяжелые шаги его, подъ нимъ гнулись половицы. Наконецъ подъ утро старикъ успокоился и дѣвочка заснула. Когда она встала—было уже поздно. Окно ея оказалось отворено, солнце свѣтило въ комнату, пѣли громко птицы въ кустѣ сирени и Маруська возилась на полу съ катушкой отъ нитокъ. Вѣрочка встала, одѣлась и вышла. Бабушку она застала серьезною, сидѣвшею задумчиво въ креслѣ.

— Ну что, бабушка?

— Все слава Богу.

— А онъ? (Она еще не хотѣла называть его дѣдомъ. Это слово не повертывалось ей на языкъ).

— Въ городъ я его съ Акимкой услала.

— Совсѣмъ?

— Нѣтъ. Пусть одѣнется. Купитъ себѣ платья какого да бѣлья и въ банѣ вымоется. И такъ всю постель выколотить пришлось. Грязи на немъ за двадцать лѣтъ-то сколько накопилось. Ты меня прости, дитятко.

— За что это?

— А ужь такъ. Что потомъ будетъ—не знаю. А пока должна я его здѣсь пріютить.

— Напротивъ, я рада, бабушка.

Вечеромъ пріѣхалъ изъ города дѣдъ. Онъ былъ одѣтъ въ широкомъ и мѣшкомъ сидѣвшемъ на немъ сюртукѣ и въ чистомъ бѣльѣ. Вымытое лицо лоснилось. Глаза старались глядѣть ласково, но не долго выдерживали и загорались недобрымъ, грознымъ огонькомъ.

— Здравствуй! неловко проговорилъ онъ, обращаясь къ Вѣрочкѣ.

Дѣвушка серьезно подошла къ нему, взяла его за руку, потянулась къ нему на носкахъ и поцѣловала въ щеку. Старикъ сначала отвернулся, а потомъ положилъ ей руку на голову.

— Добрая... И та... Старуха-то моя добрая... Обѣ добрыя.

А Анфиса Кирилловна въ это время, отведя въ сторону Акима, исповѣдывала его.

— Ну что, какъ, Акимушка?

— Ничего, все слава Богу.

— Не бѣдовалъ онъ?.. Нѣтъ? И хорошо, а вотъ что: водки не просилъ? Мой-то—водки, а? Только ты правду.

— Просилъ только малость: пришли мы къ Епифанову въ кабакъ, они спросили себѣ сначала одинъ, а потомъ другой стаканчикъ. Я тоже значитъ. А потомъ они сказали: „буде, довольно“ и пошли благородно какъ слѣдуетъ быть. Нищаго нашего одного встрѣтили, Трифона. Приказали ему полтину дать, я далъ. А то ничего, все въ порядкѣ. Полиція тутъ ко мнѣ пристала. „Какого ты это, спрашиваетъ, старичка ведешь?“ Я имъ и говорю: „божьяго“. Нашъ, говорю, „монастырскій старичекъ“, ну отплыли...

Такимъ образомъ дѣдушка поселился въ домикѣ у Анфисы Кирилловны. Онъ былъ все время угрюмъ и

молчаливъ. Зорко смотрѣла за нимъ бабушка—и какъ ни старалась Вѣрочка быть попрежнему веселою, но чувствовала, что это ей не удается, что какая-то туча нашла на все и заслонила надолго ихъ беззаботное, тихое счастье.

Дѣдушка сверху сходилъ только обѣдать и ужинать, сидѣлъ молча и тяжело вздыхалъ. Когда Анфиса Кирилловна пробовала съ нимъ заговаривать—онъ или ничего не отвѣчалъ ей или, пристально глядя на нее, неизмѣнно спрашивалъ старушку:

— Вѣдь все равно, милости отъ тебя не будетъ. Чего-же нужно-то?

— Что ужь... терялась старушка.—Я ужь и не понимаю.

— А и понять не трудно. Сосетъ!

— Водки и не проси! вооружалась всею своею твердостію Анфиса Кирилловна.—У насъ ея, проклятой, и въ заводѣ нѣтъ. И не томи ты меня.

— Слѣдовательно, и сама молчи.

Ходили къ нему наверхъ только Устинья и Акимъ. Съ ними онъ разговаривалъ подолгу, случалось.

— Ну что, дѣдушка? спросила какъ-то разъ у первой Вѣрочка.

— Жалятся, ахъ, какъ жалятся! подперла она щеку ладонью и завздыхала.—Такъ жалятся, такъ жалятся, просто самую слезой прошибаетъ.

— У нихъ,—и она таинственно наклонилась къ дѣвушкѣ,—у нихъ въ этомъ вотъ самомъ мѣстѣ, милая ты моя, показала она подъ ложечкой, — такой піаный червь сидитъ, и сидитъ онъ, красавица ты моя, ужь не мало, охъ, ужь не мало годовъ. И какъ только утро, онъ и начинаетъ его, старика-то вашего, сосать. Сосетъ, сосетъ, ни ему вздоху вольнаго, ни веселья настоящаго. Залей, требоваетъ, залей... Чумѣетъ старичекъ-то отъ бабушкиной строгости. Чумѣетъ. „Устиньюшка, говоритъ, сколько я годовъ на свѣтѣ прожилъ, въ сколькихъ можетъ странахъ, народахъ и острогахъ побывалъ, а никто покуда надо мною такого тиранства не дѣлалъ. Охъ, никто, милая ты моя“. Ужь я плакала, плакала слушаючи его. „Купи ты мнѣ, говоритъ, родная, водочки, вотъ эстолько... Спаси душу мою.“

— Что-же, купила?

— Что ты, что ты! замахала на нее руками Устинья.—Стану я такими дѣлами заниматься. Я не потатчица, слава Господу... Поплакала я съ нимъ точно, а водки ему не покупала, ну онъ и озлился. „И ты, говоритъ, такая-же тигра лютая какъ и госпожа твоя, всѣ вы здѣсь въ образѣ звѣриномъ ходите, только, говоритъ, однихъ роговъ вамъ не дадено, а то совсѣмъ вы черти треклятые...“

Какъ-то сидѣла у себя подъ окномъ дѣвушка, читала что-то, видитъ, шмыгъ мимо хромой нищій. Увидалъ ее, почесался.

— Иди на кухню, тамъ подаютъ.

— Я не затѣмъ, родная... Пріятель у меня тутъ...

— Какой пріятель?

— Закадыка... Вмѣстѣ мы съ нимъ дѣла-то дѣлали. Сказываютъ: заточили вы его... Повидать-бы...

Окно дѣдушки изъ мезонина выходило какъ разъ надъ окномъ Вѣрочки. Блуждавшій изъ угла въ уголъ, старикъ какъ разъ подошелъ въ это время къ нему и былъ тотчасъ-же замѣченъ нищимъ.

— Алеша, ахъ волкъ те заклюй, ты!

Старикъ отошелъ было отъ окна, потомъ вернулся.

— Чего тебѣ, Тимошка?

— Ахъ ты, ежова голова... А сказывали въ тиранствѣ ты, пропадомъ пропадаешь. Ишь у тебя кафтанъ-то какой! Ступай внизъ скорѣича...

И Тимошка показалъ ему посудину съ водкой.

Вверху и потомъ на лѣстницѣ послышались торопливые шаги и скоро въ садикѣ появился дѣдушка, опасливо поглядывая на окна. Не замѣтили-бы!..

— Отыскалъ-таки меня... ласково говорилъ дѣдушка старику-нищему.

— Во! мы не отъищемъ? мы пріятеля завсегда могёмъ на днѣ найти... Отъ насъ, братъ, и въ омутѣ не спрячешься, нѣтъ. Мы для пріятеля въ ниточку.

— А ты ужь пьянъ, Тимошка? съ завистью проговорилъ тотъ.

— Живъ Богъ, жива душа моя... А я пьянъ точно... Сказывали мнѣ, заключенъ ты, а вижу что врали.

— Точно что я нынѣ на благородномъ положеніи. Давай скорѣе, поднеси что-ли...

Тимошка изъ-подъ полы подалъ ему посудину. Вѣрочка слышала какъ забулькала водка.

— Ну!.. Первый ты благодѣтель таперича, Тимоша. Оживилъ ты меня—надо правду сказать, я ужь помирать собирался. Ну, теперь нѣтъ, теперь поборемся. Теперь мы посмотримъ... И онъ злобно оглянулся на домикъ.—Ахъ, вы—тигры!..

— Кого ты это... Старушку свою?.. Блаженную?..

— Блаженную... Вѣдьма она—вотъ что!

— Алексѣй! съ укоризною остановилъ его Тимошка.—Смотри-ко какой она тебѣ кафтанъ отъ щедротъ своихъ возвела. Примѣчательный весьма кафтанчикъ-то! Поди на постелѣ настоящей спишь? Ахъ ты капидонъ немилостивый! И онъ его ткнулъ локтемъ въ бокъ.

— Пойми ты... Вторую недѣлю ни вотъ эстолько.

— Точно что... удивлялся Тимошка.—Притѣсненіе.

— Билъ я ее прежде, смертнымъ боемъ, понимаешь, ну а теперь чинно, благообразно, пальцемъ не ткнулъ. Вчера, прошу—хамка тутъ въ услуженіи—ты незамѣтно, говорю, въ родѣ какъ для образа масло, въ лампадочку накапай мнѣ. Зашипѣла и прочь пошла... Давай-ко еще... Плесни-ко... На каменку.

— На каменку... Ха! Съ водки-то веселъ ты, Алексѣй!.. Теперь, ваше благородіе, ты вотъ какой. А мы хоша и мужики, а водкой благородныхъ поимъ, допущаемъ тоись благороднаго къ водкѣ... Намъ что, другъ, намъ все одно, потому тоже и у благороднаго душа.

— Ужь такъ ты меня этимъ ободрилъ. Теперь я опять человѣкъ, духъ въ себѣ чувствую... Ужели вся? удивился онъ.

— Вся, друже По пути-то сюда я, признательно сказать, самъ раза три глотнулъ. Слабость моя, невозможно. Но только я Бога помню!

— Вотъ что, купи еще, старичекъ. Поди купи.

— Давай, принесу. Я Бога, братъ, забыть никогда не согласенъ. Вотъ онъ-ты, сидимъ мы съ тобой подъ кусточкомъ, а Онъ видитъ. Вотъ Онъ вишь... Видитъ сидятъ православные и благообразно вкушаютъ... А Онъ на насъ радуется, потому мы безъ грѣха значитъ, безъ бунту, а какъ-бы съ молитвой даже... Кому мы вредъ приносимъ?

— Денегъ у меня нѣтъ. А я сейчасъ...

Дѣдушка вихремъ сорвался, сбилъ съ ногъ Устинью, хлопотавшую у крыльца, вбѣжалъ въ гостиную замѣнявшую въ то-же время и столовую, загремѣлъ тамъ въ буфетѣ и такъ же выскочилъ вонъ.

— Бери... Скорѣича. Да смотри, дьяволъ! Чего кажешь-то, спрячь! Живо у меня чтобы водки!

— Ужели серебряныя?

— Серебро... У насъ серебро, братъ, будь спокоенъ. На всѣ, слышишь. На всѣ, сколько дадутъ подъ залогъ... Чтобы и въ запасѣ осталось. Но только, Тимошка, ты у меня смотри. Ежели сбѣжишь—не жить тебѣ.

— Алексѣй!.. Капидонъ! Ужли-же да мы... слезливо запѣлъ тотъ.—Кажется доказали сколько мы тебя любимъ... Ахъ, родители вы наши... Безпремѣнно жди.

— На эфтомъ самомъ мѣстѣ.

(Продолженіе будетъ).

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Академіи Наукъ

Съ фотогр. Левицкаго, грав. Геданъ.

2

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

VIII.

Вернувшись въ Т* по благополучномъ окончаніи слѣдствія, я всѣми силами принялся разогрѣвать въ себѣ чуть было не остывшій служебный пылъ. Я хорошо сознавалъ, что усидчивый трудъ единственное вѣрное средство въ борьбѣ съ черезчуръ сильнымъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на меня бѣлокурой красавицей, впечатлѣніемъ породившимъ цѣлую вереницу несбыточныхъ грёзъ.

До сихъ поръ я чуждался чопорнаго губернскаго общества, но въ погонѣ за развлеченіями сталъ посѣщать клубъ, и оттуда естественно попадалъ на кой-какія дворянскія вечеринки. Но сравненіе провинціальныхъ львицъ, въ дорогихъ выписныхъ туалетахъ, вѣчно жеманныхъ, исключительно занятыхъ стараніемъ изображать что-то возвышенное и не ронять своего достоинства, съ обворожительной простотой Ольги Андреевны еще яснѣе подчеркивало ея превосходство и возводило ее на недосягаемый пьедесталъ.

Я пытался было разспрашивать нѣкоторыхъ старожиловъ о семьѣ Кориныхъ; но, что рѣдко бываетъ въ провинціальномъ мірѣ, гдѣ каждый знаетъ вашъ доходъ, высчитываетъ долги, считаетъ священнымъ долгомъ вторгнуться въ вашъ домашній бытъ, изучить слабости, вкусы, отношенія и стремленія, всѣ единогласно отзывались незнаніемъ.

Одинъ неутомимый земецъ какъ-то вскользь упомянулъ о Коринѣ, и на мои разспросы повѣдалъ, что познакомился съ нимъ на дворянскихъ выборахъ, что это какой-то антикъ, упорно отказывающійся примкнуть къ какой-либо партіи, и что его крутой несговорчивый нравъ чуть было всѣмъ не насолилъ. Разсерженный, въ свою очередь, онъ ретировался до окончанія собранія, и съ тѣхъ поръ о немъ въ городѣ и слуху не было.

Чтобы успѣшнѣе побороть въ себѣ поползновеніе воспользоваться гостепріимнымъ предложеніемъ маіора, я далъ себѣ зарокъ цѣлые полгода не возвращаться въ Верхи. Первое время, въ особенности, не мало силы воли потребовалось чтобы устоять противъ искушенія. Но съ теченіемъ дней, готовая было вспыхнуть страсть улеглась. Я сталъ рѣже думать объ Ольгѣ, и хотя она продолжала являться мнѣ въ лучезарномъ обликѣ рѣдкой красоты, но я уже относился къ ней спокойнѣе.

Когда быстро наступившее жаркое лѣто сплошными облаками удушливой пыли сказалось въ городѣ, я уже чувствовалъ себя настолько закаленнымъ, что смѣло готовился предпринять отложенную поѣздку, но тутъ на зло подоспѣла новая командировка.

Меня отправили въ смежную губернію замѣстить судебнаго слѣдователя, разстроенное здоровье котораго безотлагательно требовало продолжительнаго отпуска.

Почти цѣлый годъ пришлось исполнять его должность, пока наконецъ къ веснѣ судьба мнѣ улыбнулась, и состоялось мое назначеніе на открывшуюся вакансію въ Т*.

Высоко цѣня пріобрѣтенную независимость, я съ гордымъ сознаніемъ осязалъ подъ собою твердую почву, и покончивъ съ разнородными хлопотами по водворенію на новомъ мѣстѣ, улучилъ свободное время, чтобы взять двухъ-недѣльный отпускъ.

Меня тяготила мысль, что послѣ задушевнаго прощанія съ Кориными, мое, безъ малаго двухлѣтнее исчезновеніе, должно имъ было показаться и страннымъ, и неблагодарнымъ. Я жаждалъ обѣлить себя въ ихъ мнѣніи, и напередъ зналъ, что они не только простятъ мнѣ, но и искренно порадуются о выпавшемъ мнѣ на долю прочномъ положеніи.

Въ самомъ радужномъ состояніи духа, и на этотъ разъ въ собственномъ, изящномъ тарантасикѣ, катилъ я по знакомой дорогѣ.

Солнце медленно сходило съ небосклона, оставляя по себѣ огненный слѣдъ на лазурномъ, безоблачномъ небѣ; легкій вѣтерокъ, пропитанный медовымъ запахомъ цвѣтущей ржи, мѣрно колыхалъ широкія поля тучныхъ колосьевъ, раскинутыя по обѣ стороны проселочной дороги; невидимый перепелъ неутомимо повторялъ свой однообразный припѣвъ, взвившаяся ласточка быстрыми кругами мчалась къ поднебесью, все въ природѣ обличало безмятежный просторъ, обдавало благоухающею тишиною.

Я полной грудью вдыхалъ вечернюю прохладу и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, радостныя картины все явственнѣе возставали въ моемъ возбужденномъ воображеніи.

Удивленіе и переполохъ въ семьѣ, при звукѣ колокольчика, оповѣщающаго о неожиданномъ гостѣ, шумная, радушная встрѣча, упреки старика, возгласы хозяйки, невольное смущеніе этихъ бархатныхъ, вдумчивыхъ глазъ, снова бесѣды съ ней, прогулки вмѣстѣ, туда въ завѣтную рощу, ощущеніе близость, признаніе, быть-можетъ согласіе и участь на вѣкъ рѣшенная...

И въ самый разгаръ этихъ грезъ, вдругъ раздался сиплый голосъ моего ямщика. Онъ кнутомъ тыкалъ въ пространство по направленію къ деревушкѣ, живописно раскинутой по зеленѣющему холму:

— Вона, Верхи-тѣ самые будутъ. Куда сворачивать-то слѣдъ?

— Въ усадьбу Кориныхъ.

Онъ быстро обернулся, недоумѣваючи вскинулъ глазами и тутъ-же переспросилъ:

— Къ маіорскимъ что-ли? Да для-че тебѣ, баринъ?

Краска кинулась мнѣ въ лицо отъ этого, какъ мнѣ показалось, неумѣстнаго вопроса, и я съ невольнымъ раздраженіемъ крикнулъ:

— Отчета тебѣ что-ли надо, дуракъ? Сворачивай, знай!

Возница мой только потрясъ головой и натянулъ возжи; привычные кони дружно взяли въ гору, свернули вправо, промчались мимо перваго порядка и вынесли на небольшую лужайку, прилегавшую къ самой маіорской усадьбѣ.

Громкій возгласъ тяжелаго разочарованія вырвался изъ моей груди.

Тутъ только я понялъ роковое значеніе озадачившаго меня вопроса. Такъ памятный мнѣ сѣренькій одно-этажный домикъ, съ двумя бѣлыми колонками, поддерживающими красную, отъ времени побурѣвшую крышу, стоялъ передо мною съ на-глухо заколоченными окнами и входною дверью.

Свѣжая, изумрудная трава кой-гдѣ пробивалась между расшатанными ступенями крыльца; навѣсъ еще замѣтнѣе покачнулся въ сторону, тщедушныя куры вяло бродили подъ нимъ, отыскивая себѣ кормъ. Отъ тщательно раскинутаго передъ домомъ цвѣтника и слѣда не осталось.

Всюду чуялось мрачное запустѣніе покинутаго гнѣзда.

— Что случилось? гдѣ-же маіоръ? тревожно спросилъ я ямщика дрогнувшимъ голосомъ.

— То-то на мой ладъ и вышло, зря только проѣхали! отвѣтилъ онъ, останавливая тройку у самаго подъѣзда.—А мнѣ почемъ знать? Мы не тутошные.

Онъ снялъ шапку, и почесывая затылокъ добавилъ:

— Самъ-отъ хозяинъ, маіоромъ всѣ величали, еще лѣтошній годъ Богу душу отдалъ.

— А вдова, дочь, дѣти, вѣдь не сквозь землю же провалились! Гдѣ они? и сердце все судорожнѣе сжималось.

— Опослѣ баяли у насъ, прохожая вишь баба сказывала, что смилостивился Господь надъ сиротской долей. Старшую-то дочь просватали за питерскаго богача, и что всей семьѣ за нимъ, какъ за каменной стѣной, надежно. А почемъ доподлинно знать. Може она и сбрехнула, ишь таперича народецъ какой! философически заключилъ онъ.

— Когда-же все это могло случиться? нетерпѣливо настаивалъ я.

— Не могимъ знать; а кажись что еще до зимняго Миколы всѣмъ домомъ отселева выбрались.

— Господи! хоть кого-бы нибудь изъ здѣшнихъ толкомъ разспросить! тоскливо воскликнулъ я.

Словно въ отвѣтъ на мой призывъ, группа деревенскихъ ребятишекъ, собравшихся на непривычный звукъ колокольчика, вынырнула изъ мѣстами разобраннаго плетня, и дико озираясь, окружила мой тарантасъ.

— Нѣтъ-ли здѣсь кого изъ господскихъ? обратился я къ нимъ.

Вмѣсто отвѣта, они стали другъ съ другомъ переглядываться, выставляя на показъ свои крѣпкіе, бѣлые зубы, рѣзко выдающіеся на загорѣлыхъ, испачканныхъ лицахъ.

— Эй вы, дурни, чего молчите? Баринъ честью спрашиваетъ! вмѣшался ямщикъ.

— Мнѣ потолковать надо. Кликните кого постарше, живѣе! торопилъ я.

Ни одинъ не двинулся; всѣ продолжали такъ-же безсмысленно ухмыляться.

Досада все сильнѣе разбирала меня.

— Не всѣ же тутъ повымерли. Матрена гдѣ? Подавайте мнѣ Матрену сюда! вспомнилъ я наконецъ.

— Тётка Матрена? Нешто ты ее знаешь? спросила, выступая впередъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, съ черными быстрыми глазами, свѣтившимися сквозь нависшія пряди всклокоченныхъ волосъ.

— Какъ не знать! только кликни скорѣй и на орѣхи получишь, обрадовался я.

— Да она далече, баринъ. Еще зимой съ барыней укатила.

— Да у кого-нибудь ключи отъ дома-то хранятся? Вѣдь присматриваютъ же за нимъ, настаивалъ я.

— Присматриваютъ? да что съ нимъ дѣется, разсмѣялась она, — а ключи вѣстимо остались. У костоправки, може слыхалъ, и по сю пору висятъ.

— Аксинья? хоть она, слава Богу, жива и здѣсь осталась!

И при воспоминаніи объ ея удачномъ лѣченіи, у меня гора съ плечъ свалилась. Зная ее за смышленую бабу, я уже ощущалъ въ рукахъ интересовавшую меня нить.

— Послушай, голубушка, предложилъ я, — полѣзай-ка сюда, ко мнѣ, да укажи дорогу къ Аксиньиной избѣ.

Минутное колебаніе выразилось на ея пугливомъ личикѣ, но желаніе прокатиться побороло страхъ къ чужому человѣку, и храбро вспорхнувъ на подножку, она худою черною рученкою, указала ямщику требуемое направленіе. Не прошло и трехъ минутъ какъ я уже переступалъ порогъ Аксиньиной свѣтлой, обширной хаты.

(Продолженіе будетъ).

Іосифъ Сѣмашко, митрополитъ Литовскій, и его историческое значеніе.

(Портр. на стр. 613).

Имя покойнаго митрополита Литовскаго Іосифа Сѣмашко неразрывно связано съ великимъ актомъ возвращенія уніатовъ въ лоно нашей православной Церкви, — съ актомъ первой государственной важности. Этому акту уже минуло пятьдесятъ лѣтъ. Въ началѣ 1839 года, уніатскіе епископы и знатнѣйшее духовенство западной и юго-западной Руси, собравшись въ Полоцкѣ, постановили просить государя императора Николая Павловича о дозволеніи уніатамъ „присоединиться къ прародительской православной Всероссійской Церкви“. По опредѣленію св. Синода и по волѣ императора Николая, ходатайство уніатскихъ епископовъ было разрѣшено въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, и дозволено: „по правиламъ Св. Отецъ, принять епископовъ, священниковъ и всю паству греко-уніатской Церкви въ полное и совершенное общеніе св. православно-каѳолической восточной Церкви и въ нераздѣльный составъ Церкви Всероссійской“. Этотъ актъ изданъ былъ въ свѣтъ 25 марта 1839 года, а въ началѣ іюня того-же года около 2.000,000 русскихъ подданныхъ, населявшихъ западныя и юго-западныя губерніи Россіи, получили возможность вновь соединиться съ тою Церковью, отъ которой они были насильственно отторгнуты 250 лѣтъ тому назадъ; а что̀ всего важнѣе—получили возможность въ своемъ духовно-нравственномъ развитіи не зависѣть отъ гибельнаго польско-католическаго вліянія.

Значеніе этого важнаго историческаго событія не можетъ быть вполнѣ понятно для тѣхъ, кто не знакомъ хотя сколько-нибудь съ исторіею Уніи въ русскихъ областяхъ бывшаго польско-литовскаго государства. Съ другой стороны, только тотъ, кто хоть немного знакомъ съ исторіею Уніи и мученическою дѣятельностью ея духовныхъ подвижниковъ, спасшихъ русскую паству отъ полнаго поглощенія ея католичествомъ—только тотъ въ состояніи оцѣнить историческое значеніе такого дѣятеля, какъ Іосифъ Сѣмашко, благодаря которому, собственно говоря, и совершилось возсоединеніе уніатовъ съ православною Церковью. Поэтому мы, прежде чѣмъ ознакомить нашихъ читателей съ біографіею этого замѣчательнаго человѣка, предпошлемъ ей въ сжатыхъ и общихъ чертахъ исторію Уніи, отъ самаго введенія ея (въ 1596 г.) и до эпохи возсоединенія, въ 1839 г.

Собственно, слово *„унія“*, по значенію своему, ничего иного не означаетъ какъ *единеніе*. Это слово въ исторіи нашихъ западныхъ окраинъ является, впрочемъ, въ двоякомъ значеніи:—общественно-политическомъ и религіозномъ или церковномъ. Въ смыслѣ общественно-политическомъ *Уніей* былъ названъ изданный въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ *актъ единенія* Польши съ Литвою, по которому Польша окончательно соединилась съ Литвою, сначала въ качествѣ равноправной союзницы и содержавицы, а затѣмъ—совершенно поработила Литву и уничтожила всякую тѣнь ея былой политической самостоятельности, навязавъ ей и свои законы, и свои обычаи, и свою религію, при помощи рьяныхъ миссіонеровъ-іезуитовъ.

Но миссіонеры-іезуиты наткнулись въ Литвѣ на русско-литовскія области, въ которыхъ населеніе оказалось очень упорнымъ и неподатливымъ, въ смыслѣ преданности своей вѣрѣ—вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ, искони принадлежавшихъ къ православной восточной Церкви. Русскіе подданные литовскихъ великихъ князей, завоеваніемъ отторгнутые отъ древней Руси въ періодъ Монгольскаго ига, никакъ не хотѣли порвать религіозно-нравственную связь съ родной своей страной—не хотѣли отказаться ни отъ русскаго языка, ни отъ православной вѣры. Іезуиты, какъ опытные дѣльцы, не затруднялись въ средствахъ для распространенія католицизма: соблазны и приманки всякаго рода были пущены въ ходъ для того, чтобы поколебать твердость русскаго, православнаго населенія. Но только высшіе слои его оказались падкими и податливыми на приманки, въ видѣ привилегій, въ видѣ всякихъ льготъ, почестей, чиновъ, богатствъ и связей;—народъ, въ огромномъ, сплошномъ большинствѣ, стоялъ стѣною и слышать не хотѣлъ о католичествѣ.

Тогда іезуиты, всемогущественные королями-фанатиками и панами-изувѣрами, рѣшились не бороться противъ этого упорнаго и неколебимаго пристрастія народа къ православію,—они рѣшились ловко обойти неодолимое препятствіе и пойти на сдѣлку. Съ этою цѣлью они склонили на свою сторону нѣкоторыхъ православныхъ епископовъ, подкупили ихъ обѣщаніями всякихъ личныхъ выгодъ, а главное: посулили имъ, что высшіе представители православнаго духовенства будутъ уравнены въ правахъ съ католическими епископами и прелатами, и слѣдовательно получатъ очень важное политическое значеніе въ Польшѣ, гдѣ эти „духовные князья“ пользовались на сеймахъ большимъ вліяніемъ. Этимъ-то, болѣе сговорчивымъ и покладливымъ православнымъ епископамъ іезуиты предложили приступить къ религіозной и церковной *Уніи* съ западною Церковью, къ той Уніи, которая была провозглашена еще гораздо ранѣе, на Флорентійскомъ соборѣ, и съ негодованіемъ отвергнута Московскими великими князьями и всѣмъ русскимъ народомъ и духовенствомъ. Въ сущности, іезуиты съумѣли представить довѣрчивымъ простакамъ-епископамъ эту Унію въ очень скромномъ видѣ: они могли остаться вполнѣ православными, признавши *только* надъ собою главенство папы и измѣнивъ въ своемъ вѣроученіи *одинъ* догматъ о происхожденіи Св. Духа, т. е. прибавивъ въ осьмомъ членѣ Сѵмвола Вѣры *только два слова: „и Сына“* (filioque). „Только одинъ догматъ!“ убѣждали краснорѣчивые іезуиты—„и стоитъ-ли изъ-за этого бороться, ссориться, враждовать другъ съ другомъ!“ И вотъ, двое епископовъ, луцкій, Кириллъ Терлецкій, и брестскій, Поцѣй, привлекли на свою сторону слабохарактернаго Кіевскаго митрополита Михаила Рагозу и составили грамоту, въ которой заявляли, отъ лица всего западно-русскаго духовенства, о желаніи принять Унію, т. е. признать состоявшимся соединеніе Церкви восточной съ церковью западной на вышеприведенныхъ условіяхъ. Эту грамоту, составленную тайно, Поцѣй и Терлецкій повезли въ Римъ къ папѣ, были удостоены всякихъ почестей, и, вернувшись на родину, стали переманивать на свою сторону православное духовенство. При помощи обмановъ и подкуповъ удалось собрать въ Люблинѣ въ 1596 г. соборъ изъ представителей православнаго духовенства, увлеченныхъ Терлецкимъ и Поцѣемъ, и объявить дѣло Уніи оконченнымъ рѣшеннымъ.

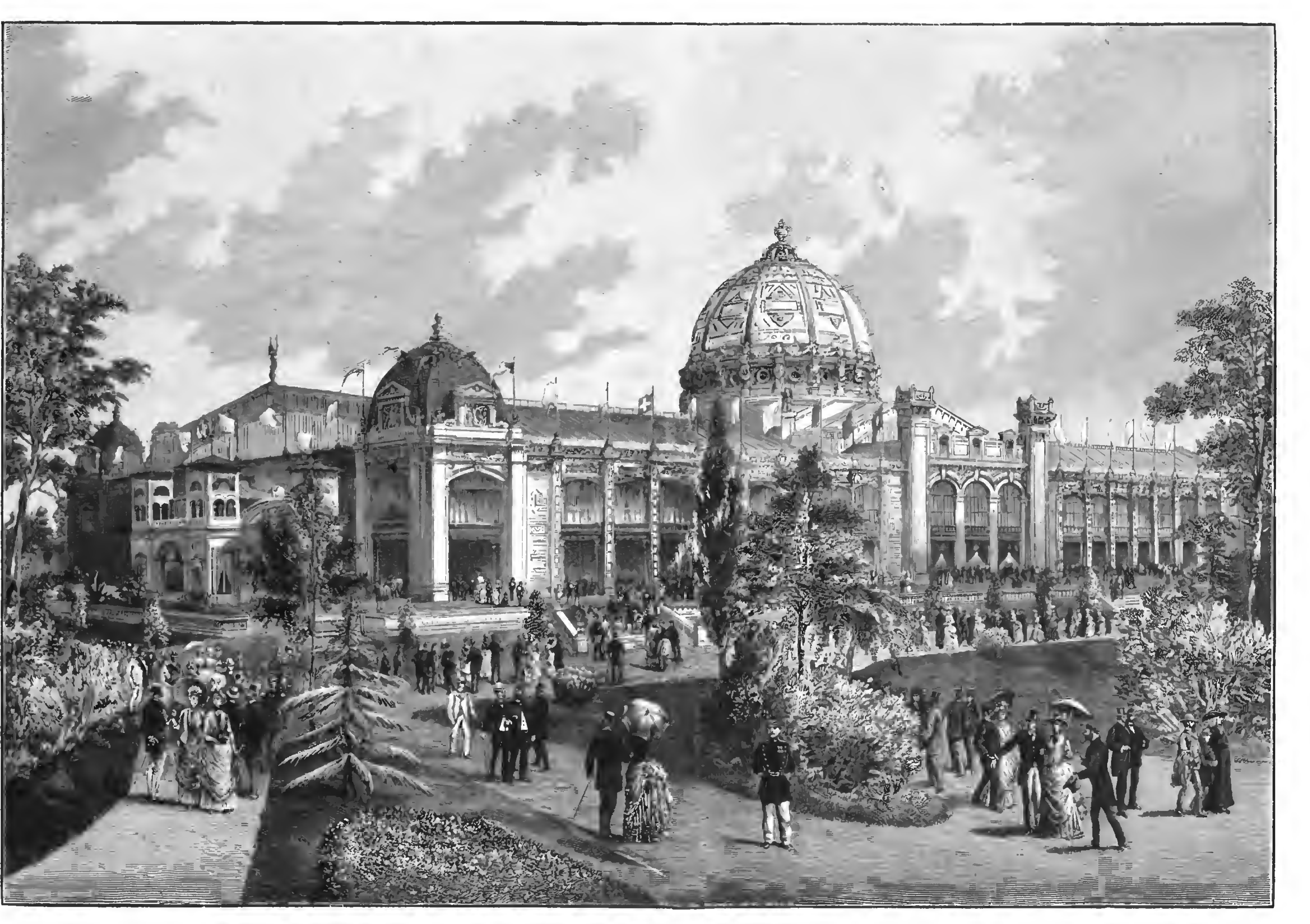
Трудно передать тотъ страшный взрывъ негодованія, который вдругъ охватилъ все русское населеніе польско-литовскихъ областей, когда православные узнали о томъ, что ихъ, даже безъ ихъ спроса и вѣдома, прямо принуждаютъ признать себя уніатами. Православные вступили въ борьбу съ іезуитами и съ уніатами, сплотились въ кружки и братства, отстаивали вѣру свою всѣми усиліями ума и воли, всѣми орудіями богословской и ученой премудрости—но борьба оказалась имъ не по силамъ... Противъ нихъ шло тѣсно-сплоченное іезуитство, подкрѣпленное сильнымъ и богатымъ католическимъ польскимъ дворянствомъ и знатью, поддерживаемое прочно-организованнымъ польскимъ государствомъ. Іезуиты, въ теченіе какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ, путемъ разныхъ, безчисленныхъ происковъ и подвоховъ, съумѣли привлечь на свою сторону и окатоличить православное дворянство западныхъ и юго-западныхъ русскихъ областей; съумѣли отнять у народа и у горожанъ главное орудіе защиты—средства къ образованію. Русское населеніе этихъ областей, придерживавшееся православія, оказывалось совершенно безсильнымъ и безпомощнымъ; ему оставлено было только одно право: умирать за вѣру отцовъ и дѣдовъ—и оно страшно воспользовалось этимъ правомъ.

Страшныя преслѣдованія религіозныя, къ которымъ польское шляхетство и духовенство прибѣгали для обращенія православныхъ въ уніатство или въ католичество—вынуждали православныхъ толпами убѣгать изъ польско-литовскихъ областей, на окраины заселенныя сброднымъ казацкимъ населеніемъ. Мало-по-малу вольнолюбивыя стремленія казаковъ, добивавшихся упроченія своей независимости и пріобрѣтенія правъ гражданства въ предѣлахъ Польши, смѣшались и тѣсно слились съ общимъ стремленіемъ всего русскаго населенія—сбросить съ себя религіозный гнетъ католической и уніатской пропаганды. Начался рядъ страшныхъ, кровопролитныхъ, неслыханныхъ по своей жестокости казацкихъ войнъ, въ которыхъ религіозное движеніе играло чрезвычайно важную роль.

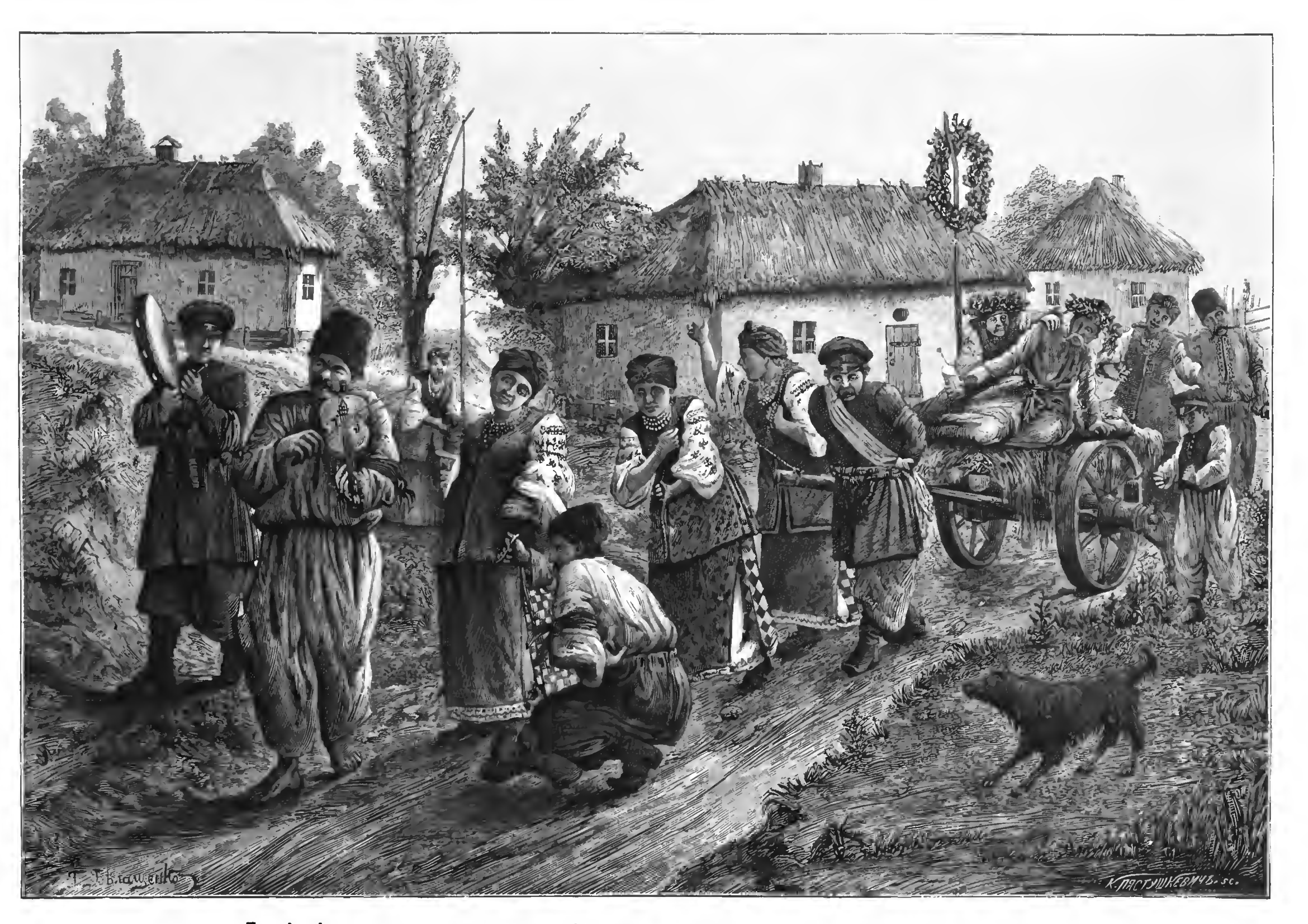
Эти войны, съ одной стороны, ослабили и привели Польшу къ паденію; съ другой—указали русскому населенію польско-литовскихъ областей единственный путь къ спасенію отъ окончательной гибели въ соединеніи съ остальною Русью.

Мы знаемъ, какъ это соединеніе произошло, при посредствѣ Богдана Хмѣльницкаго, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича; знаемъ, какъ, въ послѣдующія царствованія, связь между присоединившеюся къ намъ Малороссіею и собственно Русью окрѣпла и стала неразрывною, несмотря на всѣ интриги и усилія Польши. Но присоединеніе Малороссіи не закончило собою исторію Уніи. Подъ властью Польши оставались еще громадныя области, населенныя русскимъ православнымъ населеніемъ, надъ которымъ католическіе и уніатскіе миссіонеры продолжали производить свои страшные, безжалостные опыты.

Едва-ли, однако-же, многимъ извѣстно, что именно XVIII столѣтіе (и не только въ первой, а и во второй половинѣ) представляетъ собою самыя страшныя, самыя кровавыя страницы въ мученической лѣтописи православнаго и уніатскаго населенія русскихъ областей Польши, гдѣ, какъ извѣстно, свобода воли и свобода совѣсти существовали только для шляхетства, а не для народной массы (хлоповъ). Огражденная съ юга отъ Крыма и Турціи новыми русскими владѣніями, Польша пользовалась въ теченіе XVIII вѣка почти полною безопас-

Всемірная Парижская выставка 1889. Отдѣлъ изящныхъ искусствъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Послѣдній день малорусской свадьбы. Ориг. рис. (собств. „Нивы") г. Бѣлащенка, грав. Пястушкевичъ.

ностью отъ внѣшнихъ враговъ и свободно могла заниматься своими внутренними дѣлами и внутренними вопросами. Этимъ мирнымъ временемъ польское шляхетство и польское духовенство воспользовались для того, чтобы объявить войну на смерть русскому православному населенію польскихъ областей. Положено было во что бы то ни стало: уніатовъ—окатоличить по возможности; православныхъ—обратить въ уніатство, не взирая ни на какія препятствія и сопротивленіе. На помощь рьянымъ миссіонерамъ католицизма и уніатства явилась огромная масса крупнаго и мелкаго польскаго дворянства, съ его неограниченными правами на жизнь и имущество хлоповъ. Немалымъ подспорьемъ пропагандѣ служило и то своевольное безправіе, которое царило во всей Польшѣ и на которое почти невозможно было найти ни суда, ни расправы человѣку бѣдному и неродовитому.

Кстати, необходимо замѣтить, что Унія въ началѣ XVIII столѣтія, въ томъ видѣ, въ которомъ ее вводили польскіе миссіонеры въ Бѣлоруссіи и въ юго-западной Руси, уже вовсе не походила на ту Унію, которая нѣкогда была признана и принята первыми отступниками отъ православія — Рагозою, Терлецкимъ и Поцѣемъ. При введеніи Уніи теперь уже уничтожалось и православное устройство церквей, и православное богослуженіе, и православная одежда священниковъ. Церковная служба сокращалась и измѣнялась, въ нее вводились латинскія молитвы, латинскіе обряды, органная музыка замѣняла пѣніе хора, для удобства молящихся вносились въ церковь скамьи, уничтожались иконостасы, и самые алтари (по образцу католическихъ) дѣлались открытыми. Отступленія отъ обрядовъ восточной Церкви были въ это время весьма значительны и ополячившаяся уніатская іерархія вздумала даже закрѣпить ихъ особымъ актомъ на соборѣ въ Замостьѣ (1720 г.). Дѣйствія этого собора были въ такой степени неправильными, что самъ папа долго не утверждалъ ихъ; а когда утвердилъ, то сдѣлалъ оговорку, что эти постановленія ни для кого не обязательны и не должны нарушать „всецѣлаго соблюденія въ Уніи обрядовъ восточной Церкви“.

Благодаря дѣятельной пропагандѣ и страшному произволу, противъ котораго нельзя было найти средствъ спасенія, уніатство въ новомъ его видѣ быстро охватило всю Бѣлоруссію, съ ея рѣдкимъ, бѣднымъ и забитымъ населеніемъ. Но, когда то же самое уніатство стало вводиться въ юго-западномъ краѣ (въ Подоліи и на Волыни), тутъ опять поднялась страшная религіозная распря. Вопли измученнаго народа достигли наконецъ до императрицы Елисаветы Петровны, которая рѣшилась вступиться за единоплеменное и единовѣрное населеніе Польши и ходатайствовать объ улучшеніи его участи передъ польскимъ правительствомъ. Гораздо болѣе дѣятельною защитницею православія выступила Екатерина II, полная вѣротерпимости и гуманныхъ стремленій своего вѣка. Екатерина сильно была озабочена религіозными нуждами русскаго населенія Польши и старалась воздѣйствовать въ пользу его черезъ посаженнаго ею на польскій престолъ короля Станислава Понятовскаго. При немъ, знаменитый епископъ Бѣлорусскій, Георгій Конисскій, рѣшился сказать въ Варшавѣ, на сеймѣ 1765 г., свою замѣчательную рѣчь о страданіяхъ русскаго народа въ Польшѣ, а затѣмъ подкрѣпилъ эту рѣчь своимъ объемистымъ меморіаломъ, въ которомъ изложенъ былъ фактическій мартирологъ всѣхъ истязаній, притѣсненій и мукъ, при помощи которыхъ вводилось уніатство. Дѣятельными помощниками Георгія Конисскаго и заступниками за русское населеніе явились также — Переяславскій епископъ Гервасій и игуменъ Мотринецкаго монастыря (около Чигирина на р. Днѣпрѣ), Мельхиседекъ Яворскій. Но усилія этихъ трехъ благородныхъ дѣятелей не могли привести къ перемѣнѣ всего общественнаго строя въ Польшѣ; а этотъ порядокъ способствовалъ необычайнымъ явленіямъ жизни, о которыхъ мы теперь можемъ сказать только: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...“

Протестъ Конисскаго и его сотоварищей, поддержанный Русскою императрицею, только еще болѣе озлобилъ фанатическихъ проповѣдниковъ уніатства и вынудилъ ихъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Въ польскую Украйну вступило польское войско и, при его содѣйствіи, уніатскій оффиціалъ, нѣкто Мокрыцкій, сталъ по своему вводить Унію: пытки, темницы, истязанія розгами и плетьми, конфискація имуществъ и неистовства всякаго рода обращались на тѣхъ священниковъ, которые отказывались отъ принятія Уніи. Еще хуже поступалъ Мокрыцкій съ ихъ паствою, которой онъ напомнилъ всѣ ужасы инквизиціи. Цѣлыя деревни и даже мѣстечки осуждались на казнь и разбѣгались по лѣсамъ, а нѣкоторые изъ противниковъ Уніи, подъ ничтожными предлогами, осуждались на мучительное сожиганіе заживо, въ присутствіи толпы народа, которую заставляли смотрѣть на это зрѣлище, въ устрашеніе и назиданіе ея. Неслыханныя мученія эти прекратились только тогда, когда Екатерина, властною рукою, положила конецъ самостоятельному существованію Польши, и, по тремъ раздѣламъ, присоединила вновь къ Россіи исконныя русскія области.

Первымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ трехъ раздѣловъ Польши было изумительно-быстрое обращеніе громадной массы населенія въ Бѣлоруссіи и Украйнѣ изъ уніатства въ православіе. Безъ малѣйшаго понужденія съ чьей бы то ни было стороны, 2.000,000 уніатовъ разомъ вернулись въ нѣдра православной Церкви... Все русское населеніе ожило, видя торжество русскихъ началъ въ Польшѣ, введеніе русскаго государственнаго устройства, русскихъ законовъ и обычаевъ. Но оживленіе это было непродолжительно... За царствованіемъ Екатерины послѣдовало царствованіе Павла, которое, къ сожалѣнію, было прямою реакціею весьма многимъ благимъ начинаніямъ великой государыни. Извѣстно, какъ съумѣли Поляки воспользоваться этою реакціею для возстановленія большей части утраченныхъ ими правъ, а также и для уничтоженія или обращенія въ свою пользу внесенныхъ въ Польшу русскихъ началъ жизни. Извѣстно также, какъ съумѣлъ Чарторыйскій воспользоваться расположеніемъ къ нему и довѣріемъ императора Александра Благословеннаго, чтобы принять всѣ мѣры къ обезличенію русскаго населенія русской Польши, очутившагося подъ властью поляковъ-помѣщиковъ, присвоившихъ себѣ всѣ права кореннаго русскаго дворянства. Не повторяя всѣмъ извѣстнаго, мы скажемъ только, что къ 20-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія польское духовенство, при помощи поляковъ-помѣщиковъ, опять принялось за дѣло обращенія русскихъ людей въ уніатство и католичество, и снова пустило противъ нихъ въ ходъ всяческія насилія, прикрываясь уже законнымъ предлогомъ передъ русскими властями: усмиреніемъ мнимыхъ крестьянскихъ бунтовъ.

По счастью для русскаго населенія Бѣлоруссіи и Юго-Западнаго края, въ это время явился сильный и энергичный дѣятель, который съумѣлъ спасти и отстоять навсегда религіозную свободу русскаго населенія исконныхъ русскихъ областей. Этотъ дѣятель былъ не кто иной, какъ Іосифъ Сѣмашко, впослѣдствіи митрополитъ Литовскій.

Іосифъ Сѣмашко родился въ 1798 году, въ с. Павловкѣ, Кіевской губ., Липовецкаго уѣзда. Отецъ его былъ уніатскимъ священникомъ с. Павловки, а впослѣдствіи православнымъ протоіереемъ въ епархіи сына, въ с. Дзѣкушки (Виленской губ., Лидскаго у.). По народности, Іосифъ происходилъ изъ малороссійскаго племени, запечатлѣвшаго своею кровью борьбу православія противъ католицизма. Замѣчательно, что Іосифъ воспитался для своей дѣятельности при такихъ именно условіяхъ, которыя должны были окончательно искоренить и извратить въ немъ всѣ живыя русскія начала его природы. Дѣйствительно, онъ воспитывался сперва, до 1816 г., въ Немировской гимназіи, подъ руководствомъ злѣйшаго польскаго патріота, Чацкаго; а потомъ, до 1820 г.—въ главной семинаріи, т. е. духовной академіи, учрежденной при Виленскомъ университетѣ, въ которомъ преподавателями и воспитателями юношества являлись лучшіе люди изъ партіи Чарторыйскаго. Эти искусные педагоги умѣли превосходно воспитывать дѣятелей враждебныхъ Россіи, превосходно ополячивать коренныхъ русскихъ. Въ ихъ школѣ и подъ ихъ руководствомъ воспитались всѣ главные заправилы польскаго возстанія 1830 года. Но Іосифъ Сѣмашко вышелъ изъ этой опасной школы цѣлымъ и невредимымъ, не поддался ея соблазнамъ и даже—болѣе того: борьбѣ съ ними рѣшился посвятить всю жизнь свою.

По окончаніи курса въ главной семинаріи, Іосифъ, въ томъ же году, назначенъ былъ каѳедральнымъ Луцкимъ проповѣдникомъ, членомъ Луцкой греко-уніатской консисторіи и профессоромъ богословія въ епархіальной семинаріи. Обрекая себя на служеніе народу, страдавшему отъ католической пропаганды, Іосифъ принялъ священство, и хотя принялъ его не женатымъ, но и не монахомъ. Это дало ему потомъ возможность вести дѣятельную борьбу противъ монашескаго ордена базиліанъ, тогда сильно распространеннаго въ Польшѣ и успѣшно замѣнявшаго изгнанныхъ изъ Польши іезуитовъ.

Въ 1822 г. Іосифъ Сѣмашко, какъ человѣкъ, обращавшій на себя невольно вниманіе своимъ обширнымъ умомъ и блестящими способностями, былъ избранъ отъ Луцкой епархіи членомъ въ Петербургскую римско-католическую коллегію по ея уніатскому отдѣленію. Здѣсь-то, послѣ долгой и упорной борьбы съ остальными членами коллегіи, римско-католическаго вѣроисповѣданія, Іосифъ Сѣмашко рѣшился наконецъ въ 1827 г. написать свою знаменитую Записку, въ которой изложилъ современное положеніе Уніи и доказалъ съ полною ясностью и чрезвычайною, по тому времени, смѣлостью, что невниманіе правительства къ нуждамъ уніатовъ грозитъ полною гибелью и нравственнымъ порабощеніемъ полутора милліона русскаго народа. Эта записка Іосифа была передана государю, который совершенно согласился въ главныхъ основахъ со взглядомъ Іосифа Сѣмашки и понялъ всю важность поднятаго имъ вопроса.

Послѣдствіемъ такого воззрѣнія императора Николая были немедленно принятыя мѣры къ огражденію уніатовъ отъ обращенія въ католичество и затѣмъ знаменитый указъ 22 апрѣля 1828 г., по которому управленіе уніатами поручалось особой Уніатской коллегіи, подъ предсѣдательствомъ уніатскаго митрополита; сверхъ того, образовывались двѣ уніатскія епархіи — Полоцкая и Литовская; базиліанскіе монастыри подчинялись мѣстнымъ архіереямъ и воспитаніе уніатовъ совершенно ограждалось отъ всякаго католическаго вліянія.

Къ великому счастію Іосифа, все дѣло объ уніатахъ и ихъ освобожденіи отъ гнета польскаго католицизма было поручено

государемъ графу Д. И. Блудову, который съумѣлъ его доблестно вынести на своихъ плечахъ. Мѣры, принятыя правительствомъ, конечно подняли противъ него всю католическую Польшу и даже римскую Курію. Папа затѣялъ обширную полемику съ Русскимъ правительствомъ по поводу огражденія уніатовъ и дарованныхъ имъ новыхъ правъ. Польская аристократія, пользуясь своими обширными связями въ Петербургѣ, и въ обществѣ, и при дворѣ — пустила въ ходъ всевозможныя интриги и даже анонимныя письма въ защиту существующаго въ Польшѣ порядка вообще и ордена базиліанъ въ частности. Но тутъ-то и выказалась неутомимая энергія и замѣчательный умъ Іосифа.

Іосифу было поручено написать отвѣтъ на папскія ноты—и этотъ отвѣтъ, заключавшій въ себѣ превосходно-изложенную исторію отношеній между уніатами и католиками, былъ такого свойства, что возраженія на него оказались невозможными; а между тѣмъ онъ еще болѣе открылъ глаза Русскому правительству на бездну неправдъ и страданій, испытываемыхъ въ Западной Россіи массою русскаго населенія.

4 августа 1829 года Іосифъ былъ уже назначенъ викарнымъ Бѣлорусскаго епископа, оставаясь членомъ коллегіи, и вполнѣ предался, прежде всего, заботамъ о русскомъ воспитаніи бѣлаго уніатскаго духовенства и народа. Польское возстаніе на нѣкоторое время пріостановило его труды; но не надолго. Въ 1832 году онъ опять уже объѣзжалъ свою епархію, устраивалъ Жировицкую семинарію, собирая около себя священниковъ, училъ ихъ обрядамъ восточной Церкви и всѣхъ увлекалъ за собою по новому пути. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и польское возстаніе еще болѣе расположило Русское правительство твердо идти по этому пути преобразованій, указанному Іосифомъ Сѣмашкой. Мало того, Іосифу пришлось даже нѣсколько сдерживать излишній пылъ ревнителей православія, которые слишкомъ скоро хотѣли управиться съ уніатствомъ и спѣшили достигнуть полнаго возсоединенія ихъ съ православною Церковью. Іосифъ, превосходно знакомый съ мѣстными условіями народной жизни, совѣтовалъ не спѣшить, „знать предѣлы возможнаго, не желать передѣлать вдругъ то, что поляки дѣлали въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ...“ „Лучше не отвращать напрасно умовъ излишнею поспѣшностью въ измѣненіи наружной оболочки греко-уніатской церкви“, — говорилъ Іосифъ; „но присоединить оную въ существенномъ отношеніи къ греко-россійской Церкви“.

Такимъ образомъ, въ планѣ дѣйствій, между Іосифомъ Сѣмашкой и партіею ревнителей православія произошла нѣкоторая рознь, которая нѣсколько охладила даже расположеніе императора Николая къ Іосифу и грозила затормозить дѣло. Этому временному затрудненію помогъ митрополитъ Московскій Филаретъ, который предложилъ: „составить изъ православныхъ и уніатовъ, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, особый комитетъ для уніатскихъ дѣлъ. Цѣлью этого комитета должно было быть: согласованіе взаимныхъ отношеній греко-россійской и греко-уніатской Церкви, а также пріуготовленіе мѣръ, которыя нужно принять впослѣдствіи для успѣшнаго хода уніатскаго дѣла“. Около этого времени, въ концѣ 1834 года, и самъ Іосифъ Сѣмашко тайно принялъ православіе и вступилъ въ этотъ комитетъ уже какъ православный членъ его. Дѣятельность этого комитета много способствовала тому, чтобы полное возсоединеніе уніатовъ съ православною Церковью было приведено въ исполненіе, какъ мы уже видѣли въ началѣ нашей статьи, въ 1839 г., а всѣ дѣла по уніатскому вопросу въ 1842 году были преданы въ вѣдѣніе Св. Сѵнода.

При возсоединеніи уніатовъ съ православною Церковью Іосифъ Сѣмашко былъ возведенъ въ санъ митрополита Литовскаго, и съ той поры до самой своей смерти (23 ноября 1869 г.) не переставалъ усиленно трудиться на благо и просвѣщеніе своей паствы и на пользу Россіи.

Въ память совершившагося возсоединенія уніатовъ съ православною греко-россійскою Церковью была выбита, по желанію императора Николая I, серебряная медаль. На лицевой ея сторонѣ изображенъ въ сіяніи лучей осьмиконечный крестъ; надъ нимъ вверху надпись: „Торжество Православія“; а внизу: „25 марта 1839 года“. На оборотѣ медали помѣщено обронное изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Надъ этимъ изображеніемъ, наверху, надпись: „Такова имамы первосвященника“. Евр. VIII, 1; внизу: „Отторгнутые насиліемъ (1596) возсоединены любовію (1839)“. (См. рис.). **П. Полевой.**

Къ рисункамъ.

Желосъ. (Рис. на стр. 597).

Желосъ—наибольшее мѣстечко во французскомъ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ принадлежитъ къ округу города По, отличающемуся необыкновенною живописностью съ великолѣпнымъ видомъ на всю панораму Пиринейскихъ горъ. Зимній пейзажъ изъ окрестностей Желоса, принадлежащій кисти нашего художника, С. И. Васильковскаго, составлялъ одно изъ лучшихъ украшеній истекшей выставки въ Академіи Художествъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго. „Счастливая Аркадія“. (Рис. на стр. 600 и 601).

Продолжая серію панно К. Е. Маковскаго, помѣщаемъ снимокъ съ большаго холста, изображающаго буколическую (пастушескую) идиллію въ счастливой Аркадіи, миѳическомъ царствѣ любви и безмятежныхъ радостей на лонѣ роскошной природы. Три молодыя пастушки пляшутъ подъ звуки волынки пастуха и свирѣли юнаго подпаска, окруженныхъ купидонами. На правой сторонѣ рисунка виденъ амуръ на паптерѣ, который онъ обуздалъ розовой ленточкой,—символъ укрощенныхъ страстей.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Президентъ Академіи Наукъ. (Портр. на стр. 605).

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату Великій Князь Константинъ Константиновичъ назначенъ президентомъ Императорской Академіи Наукъ. Его Императорскимъ Высочествомъ для вступленія въ Академію Наукъ въ званіи президента, былъ избранъ день 13 мая, на который приходилось обычное майское (послѣднее передъ лѣтними въ Академіи вакаціями) засѣданіе общаго собранія всѣхъ трехъ отдѣленій. По прибытіи Августѣйшаго президента въ Академію, въ 2 часа, Его Императорскому Высочеству были представлены вице-президентомъ академикомъ В. Я. Буняковскимъ всѣ служащіе по хозяйственной и административной частямъ Академіи, а непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ—служащіе по ученымъ учрежденіямъ: ученые хранители музеевъ, библіотекари, лаборанты разныхъ лабораторій и пр.— По вступленіи затѣмъ Его Императорскаго Высочества въ малую конференцъ-залу, засѣданіе въ ней общаго собранія открылось чтеніемъ Именнаго Высочайшаго указа, уже извѣстнаго читателямъ *Нивы*.

Чтеніе этого указа, по словамъ *Правительственнаго Вѣстника*, Августѣйшій президентъ и всѣ присутствовавшіе академики выслушали стоя.

Затѣмъ Его Императорское Высочество обратился къ собранію съ слѣдующими словами: „Проникнутый благоговѣніемъ и исполненный безграничной признательности къ волѣ моего Государя, удостоившаго поставить меня во главѣ первенствующаго въ Россіи ученаго сословія, я съ волненіемъ и невольнымъ трепетомъ приступаю къ этой должности, пламенно желая, при вашемъ содѣйствіи, хотя со временемъ когда-нибудь оправдать Всемилостивѣйше оказанное мнѣ довѣріе. Выпавшее на мою долю призваніе представляется мнѣ обязанностью столько-же отрадною и завидною, сколько трудною и отвѣтственною. Академія насчитываетъ въ своемъ знаменитомъ прошломъ не одного президента, съумѣвшаго доблестно вести ее къ высокой цѣли. Не легко занять мѣсто такихъ дѣятелей, какими были графъ Разумовскій, графъ Орловъ, княгиня Дашкова, графъ Блудовъ, графъ Литке и ближайшій мой предшественникъ, недавно скончавшійся графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Но я твердо намѣренъ, съ Божьей помощью и по мѣрѣ силъ, всегда быть вѣрнымъ своему долгу и убѣжденъ, что Императорская Академія Наукъ и впредь, какъ въ прошедшіе сто шестьдесятъ четыре года, будетъ неизмѣнно стремиться по начертанному ей нашими великими Государями пути къ пользѣ, чести и безсмертной славѣ дорогаго нашего Отечества“.

Эти слова произвели живѣйшее впечатлѣніе на присутствовавшихъ, которые выразили свое имъ сочувствіе вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

Затѣмъ непремѣнный секретарь, ординарный академикъ, д. т. с. К. С. Веселовскій, поднявшись со своего мѣста, привѣтствовалъ Августѣйшаго президента отъ имени всей Академіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваше Императорское Высочество!

„Императорская Академія Наукъ съ благоговѣйною признательностью приняла извѣстіе о Всемилостивѣйшемъ назначеніи Вашего Высочества президентомъ. Она позволяетъ себѣ видѣть въ этомъ назначеніи знакъ особаго благоволенія къ ней ея Августѣйшаго Покровителя.

„Когда императоръ Петръ Великій, рядомъ безсмертныхъ своихъ преобразованій,

„придалъ мощно бѣгъ державный
„Кормѣ роднаго корабля“,

„тогда вѣнцомъ своихъ трудовъ на пользу Россіи онъ призналъ за благо учредить эту Академію Наукъ, давая тѣмъ знать, что наука, которая есть не что иное, какъ знаніе, приведенное въ систему и долженствующее руководить человѣка на какомъ бы онъ поприщѣ ни дѣйствовалъ, достойна быть предметомъ и государственныхъ попеченій. Такой взглядъ на науку, завѣщанный Петромъ, свято съ тѣхъ поръ сохранялся, чему краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служитъ болѣе чѣмъ полутора-вѣковая лѣтопись нашей Академіи, испещренная непрестанными знаками милостей и покровительства, изливавшихся

съ высоты Престола на старѣйшее первенствующее учрежденіе Имперіи. Но еще никогда, въ теченіе полутора-вѣка, Монаршее благоволеніе не выражалось столь явственно, какъ возложеніемъ нынѣ заботъ о преуспѣяніи Академіи на столь близкаго сердцу Царскому Члена Августѣйшей Семьи.

„Возведеніе Вашего Императорскаго Высочества въ званіе президента возвышаетъ всѣхъ насъ и вноситъ въ нашу среду такое же оживленіе, какое распространяется отъ Царскаго слова повсюду, куда бы оно ни доносилось на всемъ пространствѣ Русской земли".

Вслѣдъ за симъ предсѣдающій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ т. с. Я. К. Гротъ обратился къ Его Императорскому Высочеству, отъ имени этого отдѣленія, съ слѣдующею рѣчью:

„Ваше Императорское Высочество!

„Сознавая въ полной мѣрѣ великую милость, оказанную Государемъ Императоромъ Академіи Наукъ дарованіемъ ей въ президенты Вашего Высочества, Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣетъ еще и особенную причину радостно привѣтствовать въ лицѣ вашемъ главу нашего учрежденія. Кому не извѣстно, что русская литература, составляющая предметъ занятій втораго отдѣленія, дорога вамъ не какъ любителю ея только, но какъ одному изъ ея дѣятелей, какъ автору произведеній, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено было съ живымъ сочувствіемъ всею грамотною Россіей?

„Отдѣленію отрадна увѣренность, что Ваше Императорское Высочество примете къ сердцу интересы его наравнѣ съ пользами прочихъ частей Академіи, въ составѣ которыхъ оно хотъ и является младшимъ членомъ, но всегда стремилось достойно занимать свое мѣсто, къ чести созданнаго Петромъ Великимъ знаменитаго учрежденія, къ преуспѣянію и славѣ русской науки.

„Желая и впредь дѣйствовать въ томъ же духѣ, мы твердо надѣемся на просвѣщенную поддержку вашу и не сомнѣваемся, что Ваше Императорское Высочество, съ любовію посвящая силы свои возложеннымъ на васъ Монаршею волею новымъ заботамъ, съ блескомъ впишете имя свое въ лѣтописи русской Академіи Наукъ, во главѣ цѣлаго періода ея исторіи, на продолжительность котораго мы имѣемъ основаніе разсчитывать".

Затѣмъ собраніе перешло къ слушанію текущихъ дѣлъ, относящихся до разныхъ вопросовъ внутренняго порядка.

Ольга Николаевна, королева Виртембергская.

Карлъ I, король Виртембергскій.

(По поводу 25-й годовщины вступленія на престолъ). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Отдѣлъ искусствъ на Парижской выставкѣ.

(Рис. на стр. 608).

Такъ-называемый „Дворецъ искусствъ" помѣщается на Марсовомъ полѣ, налѣво отъ Эйфелевой башни, если стать лицомъ къ центральному павильону выставки. Прекрасное зданіе вмѣщаетъ въ себѣ массу произведеній искусства современныхъ мастеровъ. Нижній этажъ зданія раздѣленъ на двѣ половины, одна изъ которыхъ отведена французскимъ художникамъ, а другая иностраннымъ. Первая часть, въ свою очередь, распадается на 12 салоновъ, раздѣленныхъ на большія галереи, предназначенныя для картинъ большихъ размѣровъ. Въ залахъ перваго этажа, нѣсколько меньшихъ по размѣрамъ, будутъ помѣщены небольшія произведенія. Всѣ выставляемые предметы размѣщены чрезвычайно удобно для обозрѣвателя, такъ что, несмотря на кратковременность работъ по установкѣ, получается поразительное внечатлѣніе, чѣмъ обязаны рвенію, искусству, знанію и вкусу Анри Гавара.

Послѣдній день малороссійской свадьбы.

(Рис. на стр. 609).

Обычай, изображенный на рисункѣ г. Бѣлащенка, заключается въ слѣдующемъ. Когда родители новобрачной, послѣ двухъ- или трехдневнаго угощенія всѣхъ родственниковъ, поѣзжанъ и приглашенныхъ на свадьбу, находятъ что уже достаточно попито и погуляно, — старый батько (отецъ невѣсты) объявляетъ, что у него нѣтъ больше ни горилки (вина),

ни грошей (денегъ) купować его.—„Ну, что-жъ дѣлать“, заявляютъ гости, обращаясь къ новобрачнымъ, „везите батька до шинка (кабака), продадимъ стараго и купимъ горилки“. И вотъ престарѣлыхъ родителей усаживаютъ на возъ, новобрачные впрягаются, дружки идутъ впереди съ плясомъ и музыкой, гости по сторонамъ телѣги, и вся процессія направляется къ ближайшему шинку. Здѣсь старый батько въ послѣднюю минуту конечно откупается, т. е. выставляетъ гостямъ еще нѣкоторое количество вина и тѣмъ дѣло кончается. Всего интереснѣе въ этой процессіи тотъ серіозный комизмъ, съ которымъ она выполняется и на который такіе мастера малороссы.

Карлъ I, король Виртембергскій, и королева Ольга Николаевна, его супруга.

(Портр. на стр. 612).

Въ іюнѣ текущаго года жители Штутгарта, главнаго города Виртембергскаго королевства, будутъ торжественно праздновать двадцатипятилѣтіе со дня вступленія на престолъ его величества короля Виртембергскаго Карла I, супруга ея королевскаго величества Ольги Николаевны, русской Великой Княгини. Сынъ короля Вильгельма I, Карлъ I (Фридрихъ - Александръ) родился 6 марта 1823 года и вступилъ на престолъ 25 іюня 1864 года. Въ 1870 году, король, заключившій оборонительный и наступательный союзъ съ Пруссіей, принималъ участіе во франко-прусской войнѣ. Въ октябрѣ того же года собраніе знатнѣйшихъ членовъ въ Канштадтѣ, городѣ округа Неккаръ, высказались за присоединеніе королевства Виртембергъ къ Германскому союзу, которое и состоялось 25 ноября 1870 г. Карлъ I пользуется любовью и уваженіемъ населенія; онъ всегда покровительствовалъ людямъ науки и искусства. Немало содѣйствовала королю въ пріобрѣтеніи симпатій виртембергскаго народа, его Августѣйшая супруга Ольга Николаевна, обладающая высокими качествами ума и души. Дочь въ Бозѣ почившихъ императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны, Августѣйшая тетка нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, Великая Княгиня Ольга Николаевна родилась 30 августа 1822 г. Ея воспитательницею была камеръ-фрейлина дѣвица Анна Алексѣевна Окулова, изъ почтеннаго семейства Окуловыхъ, бывшихъ друзей поэта князя Вяземскаго и сосѣдей по Остафьеву, имя которыхъ принадлежитъ исторіи отечественнаго просвѣщенія. Въ числѣ наставниковъ Великой Княгини были, между прочимъ, извѣстный знатокъ литературы, писатель П. А. Плетневъ, протоіерей Г. П. Павскій, прославившійся своими филологическими изысканіями и библейскими переводами, и знаменитый нашъ поэтъ В. А. Жуковскій, внушившій Великой Княжнѣ особенную любовь къ русской литературѣ и пользовавшійся до самой кончины большою благосклонностью своей ученицы. Когда Великая Княжна сочеталась бракомъ, 1 іюля 1846 года, съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ Карломъ - Фридрихомъ-Александромъ, она вскорѣ написала, исполненное трогательныхъ выраженій, письмо къ Жуковскому. Въ этомъ письмѣ она дѣлилась съ поэтомъ своимъ счастіемъ, выражала уваженіе къ своему бывшему наставнику, съ которымъ не разъ имѣла письменныя сношенія. Если Жуковскій успѣлъ вдохнуть своей Августѣйшей ученицѣ любовь къ литературѣ и ко всему изящному, то другой почтенный наставникъ Великой Княжны Ольги Николаевны, протоіерей Павскій, тоже умѣлъ бросить сѣмена добрыя въ воспріимчивую душу ея, умѣлъ развить въ ней высокую религіозность и ревность къ православію. Великая Княгиня всегда живо интересовалась религіозными вопросами и когда вышло извѣстное сочиненіе А. С. Хомякова „Quelques mots par un chrétien-orthodoxe“, Великая Княгиня повелѣла пастору въ Штутгартѣ перевести это сочиненіе на нѣмецкій языкъ. Въ настоящее время Великая Княгиня достигла преклонныхъ лѣтъ, но не взирая на свой шестидесятилѣтній возрастъ, сохранила большую бодрость тѣла и духа и, окруженная любовью и симпатіями

Императоръ Николай I. Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Іосифъ (Сѣмашко) митрополитъ Литовскій (по поводу 50-й годовщины возсоединенія уніатовъ). Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

своихъ подданныхъ, продолжаетъ относиться съ прежнимъ интересомъ къ литературнымъ явленіямъ вообще и къ литературнымъ произведеніямъ родины своей въ особенности. Русскіе, живущіе въ Штутгартѣ, желая ознаменовать, по случаю двадцатипятилѣтняго царствованія ея супруга, свою преданность и признательность королевѣ Виртембергской, рѣшили учредить постоянную кровать въ мѣстной Ольгинской больницѣ (Olga Heilanstalt), состоящей подъ покровительствомъ ея королевскаго величества. П. Б.

Императоръ Николай I. (Рис. на стр. 613).

Твердый волею и глубоко преданный всему, что могло быть полезно для блага, чести и процвѣтанія Россіи, императоръ Николай, уже съ самаго начала царствованія, обратилъ вниманіе на бѣдственное положеніе уніатовъ въ губерніяхъ Западнаго и Юго-Западнаго края — и уже задумывался неоднократно надъ рѣшеніемъ труднаго уніатскаго вопроса, когда ему передана была смѣлая, горячая записка Іосифа Сѣмашко, въ которой онъ такъ правдиво и такъ мрачно описывалъ положеніе несчастныхъ уніатовъ, поглощаемыхъ католичествомъ. По словамъ графа Д. Н. Блудова, императоръ Николай „глубоко чувствовалъ ту великую историческую неправду“, на основаніи которой горсть пришельцевъ, паповъ и ксендзовъ, имѣла право угнетать русскій народъ и удалять его отъ Россіи. Извѣстно, какъ быстро и энергично принялъ императоръ Николай первыя, необходимыя мѣры для исправленія „исторической неправды“ (указъ 9 окт. 1827 г.). Разъ приступивъ къ этому дѣлу, императоръ Николай уже не отступалъ отъ него ни на шагъ и смѣло пошелъ къ достиженію великой цѣли возсоединенія уніатовъ съ православною Церковью, выказавъ при этомъ ту непоколебимую твердость, которая въ такой степени была ему свойственна и выказалась во многихъ его государственныхъ дѣяніяхъ. Смѣло можно сказать, что это „возсоединеніе“ почти 2.000,000 русскихъ подданныхъ по духу и вѣрѣ съ остальнымъ русскимъ народомъ, принадлежитъ къ величайшимъ историческимъ заслугамъ императора Николая и стоитъ многихъ громкихъ побѣдъ и завоеваній.

Архіепископъ Антоній Зубко. (Портр. на стр. 616).

По благословенію Св. Сѵнода 7 и 8 іюня повсемѣстно будутъ происходить торжественныя празднованія 50-лѣтія возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Въ епархіяхъ Минской, Могилевской, Кіевской, Подольской, Волынской, Литовской и Полоцкой, въ началѣ празднествъ, по окончаніи литургіи отслужены будутъ панихиды объ упокоеніи важнѣйшихъ дѣятелей принимавшихъ участіе въ великомъ историческомъ событіи, а именно: въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича, митрополита Іосифа Сѣмашко, архіепископовъ: Василія Оршанскаго, Антонія Зубко, Михаила Брестскаго, и епископовъ: Игнатія Полоцкаго и Филарета Могилевскаго, „а равно и всѣхъ подвизавшихся въ этомъ дѣлѣ“.

Въ числѣ „подвизавшихся“ одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ архіепископу Антонію Зубко, котораго портретъ мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Архіепископъ Антоній родился въ 1797 году, воспитаніе получилъ въ Полоцкой семинаріи, а затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, поступивъ на богословскій факультетъ, сошелся съ Іосифомъ Сѣмашкой — подружился съ нимъ на всю жизнь, сроднился съ его любимыми идеями и воззрѣніями на Унію. Впослѣдствіи, избранный уніатскимъ депутатомъ въ С.-Петербургскую римско-католическую коллегію, онъ и здѣсь дѣйствовалъ за одно съ Сѣмашкой, какъ вѣрный другъ и товарищъ, а впослѣдствіи, когда началось дѣло возсоединенія, былъ ближайшимъ и лучшимъ помощникомъ Сѣмашки, который опредѣлилъ его ректоромъ въ Жировицкую уніатскую семинарію. Смѣлый и рѣшительный по характеру, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, что могло способствовать успѣху святаго дѣла возсоединенія. Такъ онъ, первый изъ уніатскихъ іереевъ надѣлъ священническую ризу великороссійскаго покроя, и одинъ изъ первыхъ (вмѣстѣ съ Сѣмашкой) присоединился къ православію въ 1834 г., уже будучи Брестскимъ уніатскимъ епископомъ. Впослѣдствіи Антоній, много потрудившись для дѣла возсоединенія, епископствовалъ въ Минскѣ и удалился на покой. Уже будучи на покоѣ, онъ издалъ весьма важную и любопытную книгу „О греко-уніатской церкви въ Россіи“ (1864). Послѣдніе годы преосвященный провелъ въ глубокомъ уединеніи, въ Пожайскомъ монастырѣ близъ Ковны, и скончался 15 февраля 1884 г. на 87-мъ году отъ рожденія.

Виды города Вильны. (Рис. на стр. 616).

Городъ Вильна — нѣкогда столица могущественнаго Литовскаго княжества—лежитъ на излучистой рѣчкѣ Виліи, въ замѣчательно красивой, разнообразной и живописной мѣстности. Со времени окончательнаго присоединенія Литвы къ Польшѣ, г. Вильна потерялъ всякое политическое и даже всякое административное значеніе. Но за то этотъ удобный, красивый и богатый городъ сдѣлался средоточіемъ мѣстной іезуитской пропаганды католицизма, который отсюда, сильными лучами, черезъ Витебскъ и Полоцкъ, расходился во всѣ стороны, обезличивая коренное русское православное населеніе исконныхъ русскихъ земель. Въ самой Вильнѣ, нѣкогда (при Литовскихъ князьяхъ) процвѣтавшей православными храмами, въ началѣ нынѣшняго столѣтія учрежденъ былъ поляками знаменитый Виленскій университетъ—главный центръ католической и уніатской пропаганды въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Всѣ православные Виленскіе храмы обращены въ костелы или въ жилыя помѣщенія, до такой степени обезображенные и перестроенные, что въ нихъ невозможно было узнать прежнихъ храмовъ. Только уже съ 1863 года, когда, послѣ польскаго возстанія, здѣсь вновь повѣяло русскимъ духомъ, эти храмы были вновь возстановлены изъ развалинъ (въ томъ числѣ и Никольскій соборъ), благолѣпно украшены и устроены по образцу православныхъ храмовъ и возвращены православной паствѣ. Въ періодъ наибольшихъ утѣсненій православія, Вильна была центромъ дѣятельности уніатскаго монашескаго ордена базиліанъ, которые успѣшно замѣнили іезуитовъ въ дѣлѣ изувѣрства и утонченной религіозной нетерпимости.

Икона поднесенная Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ варшавскими дамами. (Рис. на стр. 617).

12 января, Государынѣ Императрицѣ имѣли счастіе поднести супруга командующаго войсками графиня Мусина-Пушкина, супруга камергера княгиня Радзивиллъ и супруга варшавскаго губернатора баронесса Медемъ сооруженную обитательницами города Варшавы, въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ 17 октября минувшаго года, икону Покрова Пресвятой Богородицы и адресъ съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Ея Императорскому Величеству, по принятіи иконы, благоугодно было поручить имѣвшимъ счастіе поднести ее, передать сердечную Ея Императорскаго Величества благодарность супругѣ г. главнаго начальника края и всѣмъ участвовавшимъ въ сооруженіи иконы.

Икона сооружена на подобіе древняго складня.

Въ верхней части его изображено явленіе Покрова Пресвятой Богородицы, а непосредственно подъ нимъ, въ средней части складня, соборнѣ изображены святые, имена коихъ носятъ члены Царской Семьи; на боковыхъ створахъ помѣщены: справа—прп. Андрей Критскій, слѣва пророкъ Іосія—святые, память коихъ празднуется въ приснопамятный отнынѣ день 17 октября; надъ ними же, въ верхней части створъ—два колѣнопреклоненные ангела.

По всему верхнему краю иконы тянется надпись: „Радуйся Покрове, заступленіе и спасеніе, радуйся, Радосте наша, покрывшая насъ отъ страшнаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ“.

На каймахъ средней части складня находятся стихи изъ псалмовъ, на верхней: „Велій еси, Господи, и чудны дѣла Твоя“; на нижней: „Велія слава Его спасеніемъ Твоимъ“.

Въ закрытомъ видѣ складень изображаетъ церковныя двери, на створахъ коихъ помѣщена выпись изъ псалма 90-го: „Ангеламъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранити Тя во всѣхъ путехъ твоихъ“.

На оборотной сторонѣ иконы начертано: „Пріими, Богомъ хранимая Царица, благоговѣйное приношеніе молящихся о Тебѣ. Обитательницы гор. Варшавы. 1888 г.“.

Складень исполненъ въ мастерскихъ придворнаго фабриканта Хлѣбникова въ Москвѣ; величина его въ открытомъ видѣ 8 вершковъ ширины и 7 вышины. Онъ весь сдѣланъ изъ золота съ чеканными украшеніями, а надписи изъ бриліантовъ. Особенно же художественно исполнена живопись иконъ фряжскаго письма.

Нашъ граверъ, г. Волковъ, приложилъ особенное стараніе при ксилографическомъ воспроизведеніи свѣтописнаго снимка съ этой иконы, выработавъ мельчайшія подробности чеканной работы.

Политическое обозрѣніе.

19 мая, въ Петергофѣ, послѣ парада, во время Высочайшаго завтрака, по словамъ *Правительственнаго Вѣстника*, Его Императорское Величество, поднявъ бокалъ, провозгласилъ тостъ въ честь князя Черногорскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „*Пью за здоровье князя Черногорскаго, единственнаго искренняго и вѣрнаго друга Россіи*“. Эти слова, которыми почтилъ Русскій Царь славянскаго князя, быстро облетѣли всю Европу и произвели повсюду сильное впечатлѣніе. Прежде другихъ отозвались о немъ австрійскія газеты, на которыя петергофскій тостъ повліялъ удручающимъ образомъ. Называя его „знаменательнымъ событіемъ“, онѣ, подъ давленіемъ неудачъ, понесенныхъ австро-венгерскою политикою за послѣднее время, видятъ въ немъ усиленіе „панславизма“ (?). *Neue Freie Presse* замѣчаетъ, что якобы въ Петербургѣ теперь господствуетъ не славянскій,

а панславистскій духъ, такъ что Россія, не заботясь нисколько объ остальной Европѣ, желаетъ только удовлетворять желанія славянскаго міра. Германскія газеты попробовали было воспользоваться петергофскимъ тостомъ довольно лукаво, но ошиблись въ своихъ разсчетахъ. „Бѣдная Франція, уповающая на помощь Россіи", восклицали эти газеты. „Ее не только не считаютъ подходящею союзницею, но прямо отталкиваютъ!" Подобнаго рода выходки не остались безъ возраженія со стороны французской прессы. Въ *Temps* появилась замѣтка, гдѣ говорилось, что „общественное мнѣніе Германіи, одобряющее любезности расточаемыя королю Гумберту въ Берлинѣ, не имѣетъ права сѣтовать на то, что въ Петербургѣ объясняются въ дружбѣ съ княземъ Черногорскимъ". Затѣмъ *Paris* уже прямо отвѣчала на неприличныя инсинуаціи нѣмецкихъ газетъ: „Положимъ, что петергофскій тостъ означаетъ," говорилось въ ней, „что Россія не желаетъ такого союза, гдѣ-бы ей пришлось выступить на защиту не русскихъ интересовъ. Русскіе хотятъ быть только русскими. Исключеніе она дѣлаетъ по отношенію къ Черногоріи, связанной съ Россіей вѣковыми узами. Это ея право и ея долгъ. Но во Франціи, какъ и въ Россіи, знаютъ, что въ настоящее время интересы обоихъ государствъ отождествляются и что нравственный союзъ, не связывающій ни одного изъ обоихъ народовъ, на дѣлѣ соединяетъ ихъ надолго". Въ орлеанистскомъ *Soleil* говорится, что „сказанныя Русскимъ Царемъ въ Петергофѣ слова не относятся до Франціи, а обращены по адресу ложныхъ друзей Россіи. Политика есть дѣло интересовъ, а не чувствъ, а при нынѣшнемъ положеніи Европы, у Франціи и Россіи имѣются общіе интересы. Въ интересахъ Франціи, чтобы Россія была вліятельною въ Европѣ, а Россія заинтересована въ томъ, чтобы Франція была могущественною державою".

Но нѣкоторыя германскія газеты, какъ напримѣръ *Kreuzzeitung*, видятъ по отношенію къ Германіи въ петергофскомъ тостѣ оскорбленіе Германскому народу и императору Вильгельму. Впрочемъ, и среди нѣмецкой печати нашлись благоразумные люди. *Boersen Courrier* удивляется, что *Крестовая Газета* не понимаетъ различія между политическою дружбою и личною дружбою, какая существуетъ между императоромъ Вильгельмомъ II и Русскимъ Царемъ. *Курьеръ* полагаетъ, что ради этой послѣдней дружбы Германскій императоръ не сдѣлаетъ ничего въ политическомъ отношеніи, что нарушало бы интересы Германіи въ интересахъ Россіи; поэтому никоимъ образомъ, говорится въ *Boersen Courrier*'ѣ, нельзя считать петергофскій тостъ оскорбительнымъ для Германскаго императора и народа, и послѣ него личныя дружескія отношенія обоихъ монарховъ не измѣнятся. Что же касается смысла тоста, по словамъ этой газеты, то онъ означаетъ, что свою политику Россія намѣрена вести совершенно самостоятельно, не обращая вниманія на другія государства и не нуждаясь въ союзахъ.

Другія газеты, не рѣшаясь нападать на Россію, обрушиваются со всею ненавистью на Черногорію и ея князя Николая. Такъ *Pesther Lloyd* въ своей безсильной злобѣ печатаетъ безконечную статью по поводу дружбы между Россіей и Черногоріей. Вся эта невѣроятно длинная статья полна угрозами князю Николаю Черногорскому. „Князь Николай Черногорскій," говоритъ *Pesther Lloyd*, „единственный вѣрный другъ Россіи; пусть такъ! Онъ можетъ считать это полезнымъ для себя, но для насъ онъ становится уже по одному этому подозрительнымъ. Другъ Австро-Венгріи не долженъ быть непремѣнно врагомъ Россіи, потому что Австро-Венгрія не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній для того чтобы стать противникомъ Россіи, но совершенно наоборотъ, вѣрный другъ Россіи, въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ не быть самымъ рѣшительнымъ врагомъ Австро-Венгріи. Поэтому-то мы и считаемъ не лишнимъ напомнить князю Черногорскому, что вернувшись въ свое отечество онъ будетъ находиться довольно далеко отъ своихъ русскихъ покровителей, но за то непосредственно близко отъ австро-венгерской границы."

Совершенно иное впечатлѣніе произвелъ въ славянскихъ земляхъ тостъ Государя Императора. Чешскія газеты высказываютъ искреннюю радость. Черногорія, говорятъ онѣ, гордость славянства, Россія ея надежда. Въ Сербіи, не смотря на то, что вниманіе общества поглощено крупными внутренними событіями, петергофскій тостъ произвелъ весьма глубокое впечатлѣніе. Печать единодушно толкуетъ Царское слово, какъ знаменательное для славянства событіе. *Народный Дневникъ* высказываетъ мнѣніе, что если дѣло дойдетъ до борьбы, то факты покажутъ, что есть еще другіе друзья, готовые участвовать въ войнѣ за святое славянское дѣло. *Дневный Листъ* говоритъ, что петергофскій тостъ нагналъ на европейскую лигу мира, и въ особенности на миролюбивую Австро-Венгрію, такой страхъ, какъ будто русскія войска выступили уже въ походъ. *Сербская Независимость* находитъ, что звучащія въ петергофскомъ тостѣ самосознаніе и довѣріе Россіи къ собственной мощи распространили паническій страхъ на ея враговъ, особенно на вѣнскую и пештскую печать, тогда какъ съ другой стороны къ Россіи довѣрчиво обратились взоры тѣхъ, которые видятъ въ словахъ Царя предзнаменованіе скораго осуществленія надеждъ, возлагаемыхъ ими на священную миссію Россіи.

Въ заключеніе надо отмѣтить по поводу тоста Государя Императора слова брюссельской газеты *Nord*:

„Требуется-ли, въ самомъ дѣлѣ, возвращаться еще къ тосту Русскаго Императора въ честь князя Черногорскаго, тосту который былъ предметомъ столь оживленныхъ комментаріевъ и особенно эксплоатаціи европейской печати? Называя князя Николая *единственнымъ искреннимъ другомъ Россіи*, Императоръ Александръ III на самомъ дѣлѣ только констатировалъ фактъ, историческій фактъ. Превратности международной политики не дѣлали развѣ въ данный моментъ изъ каждой европейской державы противника или врага Россіи? Развѣ со стороны многихъ народовъ Россія не встрѣтила неблагодарности вмѣсто признательности, на которую она, повидимому, имѣла право разсчитывать? Одно только маленькое, но геройское княжество Черногорское проявляло къ Россіи непоколебимую и преданную любовь. Развѣ не было кстати напомнить объ этомъ единственномъ случаѣ—благодаря которому князь Николай и его народъ занимаютъ привиллегированное мѣсто въ сердцѣ каждаго русскаго—въ тотъ самый день, когда тотъ-же князь, помимо политическаго союза, вступилъ и въ родственный союзъ съ Императоромъ Александромъ? Имѣется-ли дѣйствительная надобность искать въ изліяніи Высочайшихъ чувствъ рикошетный ударъ, направленный въ другія государства, и можно-ли благоразумно подозрѣвать желчную заднюю мысль въ тостѣ, провозглашенномъ посреди ликованія въ семейномъ кругу и по случаю обручальнаго пира?"

Въ Сербіи за послѣдніе дни совершилось высокорадостное для Сербскаго народа возстановленіе на митрополичій постъ Михаила.

26 мая телеграфъ сообщилъ, что лже-митрополитъ Ѳеодосій Мраовичъ и епископы удаляются на покой добровольно. Они явились на поклонъ къ митрополиту Михаилу и заявили, что оставляютъ каѳедры для законныхъ іерарховъ. На другой день подписанъ былъ регентствомъ указъ объ увольненіи по прошенію Мраовича и двухъ другихъ епископовъ, вмѣсто коихъ воспоставляются митрополитъ Михаилъ и епископъ Іеронимъ, а въ день Св. Троицы, утромъ, обнародованъ указъ о возстановленіи митрополита Михаила и епископа Іеронима. Въ прошеніи объ отставкѣ Мраовичъ и епископы говорятъ, что удаляются въ интересахъ государства, ради достоинства и мира церкви, и оставляютъ каѳедры заслуженнымъ и достойнѣйшимъ іерархамъ. Литургія въ этотъ день продолжалась около четырехъ часовъ; церковь не могла вмѣстить молящихся, масса народа покрывала соборную площадь. Присутствовали король, русскій представитель, регенты и министры.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Е. И. В. Вел. Кн. Петръ Николаевичъ, 23 мая, отправился изъ С.-Петербурга съ курьерскимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги въ городъ Кіевъ, сопровождая его высочество князя Черногорскаго и свою высоконареченную невѣсту княжну Милицу Николаевну. Поѣздъ тронулся при кликахъ „ура" и „живіо". Высоконареченные женихъ и невѣста отправились въ Кіевъ за благословеніемъ къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Петровнѣ. Князь Николай съ княжною Милицею прослѣдуетъ изъ Кіева за границу.

— 27 мая, въ 3 часа дня, прибыли изъ-за границы въ Петергофъ ихъ величества король и королева Эллинскіе, съ королевскимъ семействомъ: наслѣдникомъ герцогомъ Спартанскимъ Константиномъ, королевичами: Николаемъ, Андреемъ и Христофоромъ, королевнами Александрою и Маріею. Е. И. В. Вел. Кн. Павелъ Александровичъ встрѣчалъ ихъ величествъ на границѣ. И. И. В. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ съ супругою Вел. Княг. Александрою Іосифовною и сыновьями Константиномъ и Дмитріемъ Константиновичами выѣхали на экстренномъ поѣздѣ изъ Петербурга и встрѣтили королевскую семью въ Красномъ Селѣ и оттуда вмѣстѣ послѣдовали въ Петергофъ. На станцію въ Новый Петергофъ, въ 2 часа 45 мин. прибыли Ихъ Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ и другія особы Императорской Фамиліи. Его Императорское Величество былъ въ обще-генеральской формѣ съ греческою лентою Спасителя. Когда подошелъ поѣздъ съ греческою королевскою фамиліей, музыка почетнаго караула заиграла греческій гимнъ. Ихъ Императорскія Величества родственно привѣтствовали ихъ величествъ короля, королеву и королевскую семью.

Въ 7 часовъ, въ Петергофѣ, въ Большомъ Петровскомъ дворцѣ, въ Петровской залѣ, состоялся фамильный обѣдъ на 37 особъ, къ которому были приглашены, кромѣ особъ Императорской Фамиліи, ближайшія лица свиты Ихъ Величествъ. За обѣдомъ игралъ придворный музыкантскій хоръ.

Дѣла церкви.

— 29 мая, въ Петербургѣ съ большою торжественностію происходила закладка храма во имя Милующей Божіей Матери и въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15 мая 1883 года, со-

оружаемаго въ Галерной гавани. Послѣ молебствія была совершена и самая закладка храма. Въ основаніе была положена мѣдная доска съ соотвѣтствующею надписью. Первый камень на доску положилъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ.

— Въ Ригѣ, 22 мая, на площади передъ вокзаломъ Рижско-Динабургской желѣзной дороги состоялась закладка часовни въ память чудеснаго избавленія Ихъ Величествъ отъ грозившей 17 октября опасности. Торжество происходило въ присутствіи властей и массы народа.

— Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 10—12 мая 1889 года, постановилъ существующую въ городѣ Бугульмѣ, Самарской епархіи, женскую общину возвести въ общежительный женскій монастырь, съ училищемъ при немъ для дѣвочекъ, съ наименованіемъ сего монастыря Казанско-Богородицкимъ женскимъ общежительнымъ монастыремъ.

Архіепископъ Антоній Зубко. (По поводу 50-лѣтія возсоединенія Уніатовъ).

Морское дѣло.

— 23 мая, возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія корветъ „Витязь“. Корветъ началъ кампанію 24 мая 1886 года. Кругосвѣтное плаваніе продолжалось 387 дней, причемъ сдѣлано всего $35,369\frac{3}{4}$ мили; изъ нихъ подъ парами — $14,513\frac{1}{4}$ мили и подъ парусами — $20,854\frac{1}{2}$ мили. Во все время плаванія корветъ „Витязь“ выдержалъ стойко и благополучно четыре шторма: въ Бискайской бухтѣ—3 и 4 октября 1886 года; въ Японскомъ морѣ—18 ноября 1887 года; тамъ же—31 августа 1888 года и въ Охотскомъ морѣ—10 сентября 1888 года.

— Какъ видно изъ отчета о дѣйствіяхъ Главнаго гидрографическаго управленія Морскаго министерства за 1886 годъ, русскими судами въ этомъ году производились разныя гидрографическія работы въ Восточномъ океанѣ, въ Балтійскомъ морѣ и его заливахъ, въ Бѣломъ, Каспійскомъ, Черномъ и Азовскомъ моряхъ, а также въ озерахъ Онежскомъ, Руотсалайненъ и Сувасвесе. Между прочимъ, крейсировавшимъ въ Беринговомъ морѣ, во вторую половину отчетнаго года, клиперомъ „Крейсеръ“ впервые былъ осмотрѣнъ берегъ на разстояніи 35 миль отъ м. Гнитера до мыса Ѳаддея, на южномъ берегу лимана рѣки Анадырь. При этомъ была открыта и описана значительная бухта, съ глубиною отъ 5 до 15 саженъ и песчанымъ грунтомъ, названная бухтою Угольною, вслѣдствіе найденныхъ въ ея береговыхъ обнаженіяхъ пластовъ каменнаго угля.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ оффиціальной вѣдомости о ввозѣ керосина за первую четверть текущаго года

Замковая гора въ Вильнѣ.

Никольскій соборъ въ Вильнѣ.

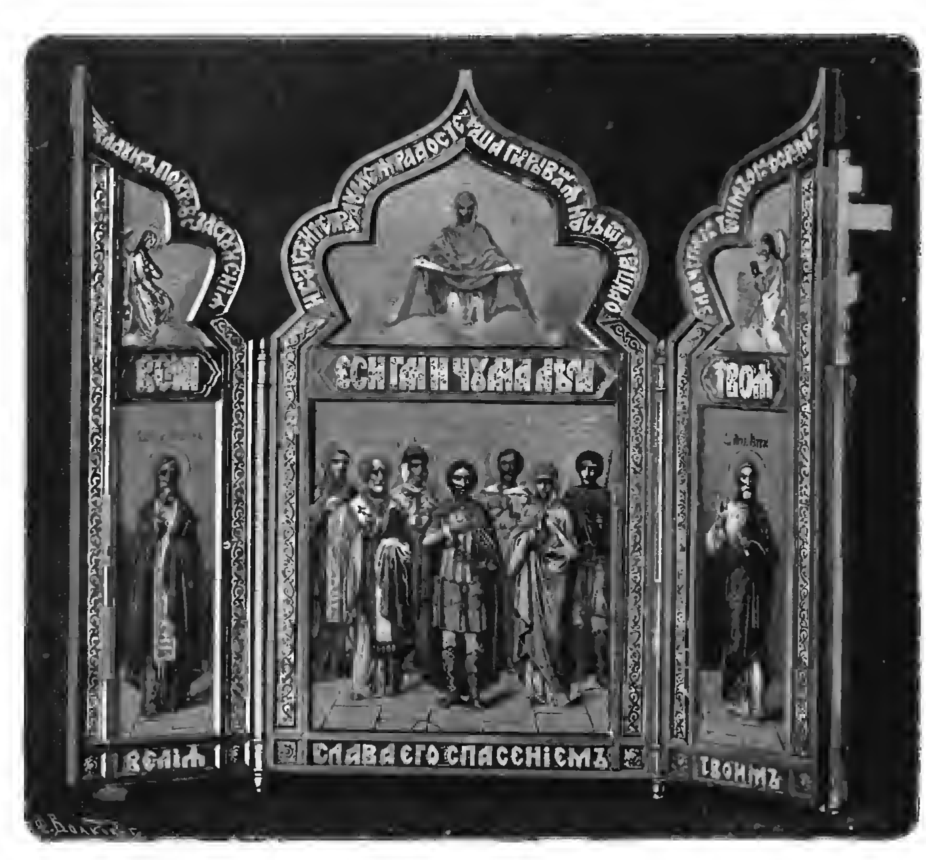
Общій видъ города Вильны.

въ Англію, представляющую собой, какъ извѣстно, одного изъ крупныхъ потребителей на европейскомъ нефтяномъ рынкѣ, видно, что въ 1889 году ввозъ изъ Россіи увеличился почти втрое сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, между тѣмъ какъ ввозъ американскаго продукта уменьшился на 6,5 процентовъ.

Медаль въ память возсоединенія уніатовъ съ православною Церковью.

— Вслѣдствіе заморозковъ 6, 8 и 10 мая, во многихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, а затѣмъ жаркой и сухой погоды въ серединѣ мая, простоявшей почти повсемѣстно до 20-хъ чиселъ этого мѣсяца: развитіе растительности во многихъ мѣстностяхъ пріостановилось, коегдѣ на югѣ Россіи хлѣба (особенно— яровые) начали блекнуть, на сѣверѣ же поздніе яровые почти не показывались изъ земли. Озими въ настоящее время, въ общемъ, обѣщаютъ урожай лишь средній или близкій къ среднему, а озимая пшеница — ниже средняго. Главный поясъ неудовлетворительнаго состоянія озимыхъ хлѣбовъ обнимаетъ губерніи южныя степныя: Кубанс. область и Ставропольс. губ., распространяясь на большую часть губерній Подольс., Кіевс., Полтавс., Харьк., Курс. и Черниговс., а также на южную половину Самарс., западную — Саратовс., Симбирс., Нижегородс., и на нѣкоторые уѣзды Казанс. и Пензенс. губ. Кромѣ того, озими не вполнѣ удовлетворительны во многихъ мѣстностяхъ западныхъ губерній и кое-гдѣ въ губерніяхъ Ярославс., Тверс. и Костромс. На остальномъ пространствѣ Европейской Россіи озими находились въ удовлетворительномъ состояніи и обѣщали урожай выше средняго, а мѣстами даже и хорошій. Яровые хлѣба, въ общемъ, были повсемѣстно болѣе или менѣе удовлетворительны, хотя холода въ началѣ мая, а затѣмъ засуха, сильно задерживали ихъ ростъ; тѣмъ не менѣе, надежды на удовлетворительный урожай яровыхъ нигдѣ еще не были потеряны, а во многихъ мѣстностяхъ, особенно на югѣ и на востокѣ Россіи, они находились къ 20 мая въ очень хорошемъ состояніи.

Икона поднесенная Государынѣ Императрицѣ дамами города Варшавы 12 янв. 1889 г.
Съ фот. грав. Волковъ.

Торговля.

— Петербургскіе купцы и торговцы, въ числѣ свыше 1,500 лицъ, въ поданномъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода прошеніи заявили объ ихъ единодушномъ желаніи, для увѣковѣченія памяти чудеснаго спасенія Государя Императора и Августѣйшаго Семейства отъ опасности при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда 17 октября 1888 года, прекратить торговлю и освободить прикащиковъ и сидѣльцевъ отъ занятій въ воскресные дни и двунадесятые праздники. Его Императорскому Величеству, 20 сего мая, благоугодно было Собственноручно начертать: „Это весьма утѣшительно и похвально. Искренно благодаримъ ихъ за это доброе начало“.

Некрологъ.

— 3 апрѣля скончался въ гор. Казани директоръ мѣстнаго реальнаго училища, д. ст. с. А. П. Орловъ, извѣстный своими трудами по сейсмологіи (ученіе о землетрясеніяхъ) Россіи, бывшій почти единственнымъ представителемъ въ Россіи этой интересной отрасли знанія.

— Въ Кіевѣ 20 мая скончался предсѣдатель кіевской археографической коммисіи М. В. Юзефовичъ.

— Въ Минскѣ, 21 мая скончался епископъ Минскій Варлаамъ.

Смѣсь.

Легенда о Петрѣ Великомъ. Въ *Черниговск. губ. вѣдомостяхъ* напечатана крайне интересная легенда, записанная въ с. Ковчинѣ, Черниговскаго уѣзда. Языкъ легенды представляетъ смѣсь великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій. „Сувъ царь Петро. Були таки волшебницы Лютра и Утерянка. Петро, выпросивъ земли на шкуру у Утерянки, порѣзавъ шкуру на дробненьки ременцы, посшивавъ ихъ, отъ Двины до Дви-

ны обовьевъ землю и построивъ крѣпость. Воевавъ вонъ изъ Утерянкою и изъ Лютрою. Лютру убивъ одинъ казакъ, а зъ Утерянкою царь Петро воевавъ еще много лѣтъ. Дочка ни полюбыла Петра, ходила по саду зъ имъ и вонъ спрашуе ни, чи возьму я твою матку, чи нѣ. Хоть семь годъ стой, дакъ не возмешь. Есть у тебѣ солдатъ Иванъ, дакъ его смерть у моей матки, а матчина у его. Ну якъ же его узнаты? питае Петро. Ты зроби пиръ, на пиру якъ упьюцця, поляжуть спать; вонъ засне пидъ деревомъ, дерево усхне, бо вь его сыла изъ рота иде, якъ дымъ. Тогда Петро зробивъ пиръ, узнавъ его. Посли пиру Петро найшовъ его на ученіи и давай спрашувать, чтожъ ты можешъ узять ни. Приставъ до его. Вонъ тадѣ и каже: „позвольте пугвицю зорваты". Той каже: „хочъ усн зрывай". Москаль зорвавъ пугвицю, выстрѣлывъ пугвицею и убивъ Утерянку: якъ его въ карету укинулся, сычай и умеръ. Царь, сѣвъ на лошадя, перескочивъ черезъ Двину, тольки задни капыты конь умочивъ, городомъ, якъ побѣгъ, дакъ пудкова одарвалась, ударилась нъ стѣну и теперь выситъ. Царь Петро ходивъ у заработки, въ чужой земли зробивъ корабель, адъ его й сталы у насъ кораблн". Въ этой легендѣ, какъ видно, элементы миѳическіе смѣшаны съ историческими. Волшебницы Лютра и Утерянка—олицетвореніе злаго начала, Петръ—добраго. Съ этою древнею миѳическою основою (борьба свѣта и тьмы) смѣшано и историческое преданіе о борьбѣ Петра со шведами. Лютра и Утерянка, вѣроятно, есть не что иное, какъ лютеране. Любовныя отношенія Петра Великаго къ волшебницамъ указываютъ на бракъ царя съ Екатериною I, происходившею изъ лютеранской семьи. Въ легендѣ интересна, въ научномъ отношеніи, и добавка о томъ, какъ Петръ выманилъ у волшебницы мѣсто подъ крѣпость, окруживъ его сѣтью изъ воловьей шкуры. Она сходна съ преданіемъ объ основаніи Карѳагена Дидоною (в.)

Странные браки. Много страннаго уже извѣстно объ Индіи, но новыя чудеса все еще не переводятся въ этой загадочной странѣ. Къ числу послѣднихъ относится обычай индусовъ бракосочетать между собой неодушевленные предметы. Ни одинъ индусъ, владѣтель сада или огорода, не станетъ вкушать плодовъ его, пока не сочетаетъ бракомъ различныхъ деревъ въ немъ—преимущественно мангуса съ тамариндовымъ деревомъ или жасминовымъ кустомъ. Церемонія эта обставлена очень торжественно, совершается всегда въ присутствіи браминовъ и потому связана съ большими издержками.

Хозяинъ вновь выкопаннаго бассейна ни за что не станетъ черпать изъ него воды, пока не сочетаетъ его бракомъ съ бананомъ, который съ этой цѣлью всегда садятъ на краю его.

Самый странный бракъ тотъ, который одинъ изъ мѣстныхъ раджей ежегодно совершаетъ на свой счетъ между салиграмомъ и тульзи. Салиграмы—это закругленные камешки, теченіемъ рѣкъ отторгаемые отъ известковыхъ скалъ. Они очень многочисленны и выдолбленныя на нихъ водою различныя фигуры слывутъ между индусами за письмена Вишну. Разбившій такой камешекъ неизбѣжно подвергся бы народному мщенію, изъ опасенія божественнаго гнѣва. Тульзи—это небольшой священный кустарникъ. Камень ежегодно сочетается бракомъ съ кустомъ. При этомъ устраиваются пышныя процессіи, съ участіемъ богато разукрашенныхъ слоновъ, верблюдовъ, лошадей. На переднемъ, самомъ нарядномъ слонѣ возлежитъ крошечный салиграмъ, который отправляется съ визитомъ къ обрученному съ нимъ тульзи. Затѣмъ совершаются церемоніи, обычныя при всѣхъ бракосочетаніяхъ, и молодые до слѣдующаго года оставляются въ одномъ изъ храмовъ. Тысячи зрителей обыкновенно присутствуютъ при этомъ ежегодномъ торжествѣ и всѣ угощаются на счетъ раджи. (N.)

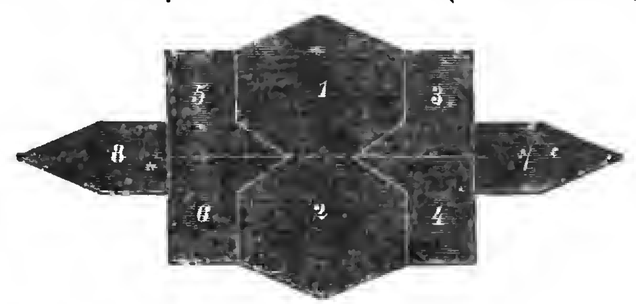
Въ настоящее время, при помощи фонографовъ Эдиссона, сдѣлалась возможною *пересылка по почтѣ образцовъ голоса.* Недавно былъ такой случай: Обладательница извѣстнаго въ Нью Іоркѣ сопрано довѣрила фонографу образецъ своего пѣнія съ акомпаниментомъ фортепіано; затѣмъ инструментъ былъ отправленъ въ Чикаго. Тамъ, какъ сообщаютъ газеты,—фонографъ воспроизвелъ ввѣренный ему образчикъ голоса вполнѣ живо, за исключеніемъ немногихъ оттѣнковъ въ пѣніи. Еще раньше Эдиссонъ обѣщалъ посредствомъ фонографа, сохранить для послѣдующихъ поколѣній голоса нашего времени, какъ бы закупоривъ ихъ въ бутылки,—теперь же имъ достигнуто то, что пѣвцы и пѣвицы могутъ пересылать по почтѣ импрессаріо и театральнымъ агентамъ образцы своихъ голосовъ. (с.)

Невольное пророчество. Въ 1855 году марта 27,—какъ разсказываетъ въ *Р. Архивѣ* отецъ Архангельскій,—Филаретъ, знаменитый митрополитъ, прибылъ въ Успенскій соборъ (въ Москвѣ) служить пасхальную утреню. Діаконъ Дмитрій Семеновъ подноситъ ему митру. „Это что?" спрашиваетъ Филаретъ.— „Митра".— „Для чего такая?" Діаконъ тутъ только замѣтилъ, что митра траурная. „Ты смерть, что-ли, мнѣ пророчишь? Самъ умрешь!" Діаконъ умеръ въ томъ-же году, 9 декабря. (в.)

Рѣшеніе ребуса № 30 (помѣщеннаго въ № 17).

„По Сенькѣ и шапка".

Рѣшеніе геометрической задачи № 31 (помѣщ. въ № 17).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—С. И. Зимнина-Ханкина, А. А. Коломенскаго, В. П. Софійскаго, А. Р. Устрицева, Герасимова, Л. Эристова. И. Е. Иванова-Кузнецова, П. Александрова, И. Столярова, В. Кругдоеа, А. В. Евтихіева, Ф. Михель, В. Кузнецова. **Мосная**—В. В. Щербова, А. И. Кудрявцева, Н. Халоева, Шкробовыхъ, М. Уткина, Н. Лапшина, А. А. Шемшурина, С. Н. Калабашкина, Н. К. Двинянинова, М. И. Преображенскаго, **Аленсандрополь**—М. Бѣлобородова. **Б Коровиго**—В. К. Терскаго, **Барвенноао**—Д. Гвгилева, **Буй**—М. Левашевой, **Ворочежъ**—И. Климентова, **Выборгъ**—А. Полякова, **Диябургъ**—О. Гинцбургъ, **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Екатер нослаъ**—А. Авчинникова. Ф. Ельяшевича, **Зимарово**—А. Н. Аблова, **Кременчугъ**—М. Б. Клермана, С. Л. Добровенскаго, Е. Е Добровицкаго, **Кіевъ**—А. П. Шульженко, А. Бабкина, С. Д. Адлеръ, **Кузнецы**—Ф. И. Перова, **Казань**—Тер-на, **Клопица**—И. Я Александрова, **Лебедянь**—В И. Чурилина, **Льговъ**—М. М. Кусакова, **Ливны**—М. К Боголюбова, **Мальновичи**—Цехань, Севрунъ, **Макарьевъ**—М. Лафнив, **Мотовилиха**—А. И. Рылова, **Минснъ**—В. Ярмоловича, **Мценснъ**—Б. Г. Максимова, **Одесса**—М. Я. Брейтивпъ, **Пенза**—Н. Е. Шум—ва, **Петроковъ**—М. Цунге, **Подольснъ**—М. Зарѣцкаго, **Рыпинъ**—Ермолаова, **Судогда**—В. И. Голубева, **Саратов**—С. Я. Сидорова, **Толсоао**—Д. Д. Лапина, **Тифлисъ**—К. Кариб ва, **Тамбовъ**—И. Ананьева, **Холмъ**—К. А. Котелевскаго. **Царицынъ**—Н. А. Скороходова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Рѣшеніе задачи буквъ (ходъ коня) № 32

(помѣщенной въ № 17).

(2)			(5)			(1)		
5 а	8 и	3 й	16 а	13 н	10 ъ	23 В	28 ъ	25 ч
2 о	15 К	6 и	9 р	20 и	29 с	26 е	11 А	22 а
7 м	4 н	1 В	14 а	17 р	12 н	21 н	24 ъ	27 м
		(3)	19 н	30 ч	35 е			
			34 ь	45 ы	18 е			
			31 а	36 В	33 т			
		(4)	44 м	39 с	42 т			
			41 ь	32 с	37 л			
			38 а	43 ь	40 т			

1) **„Война и миръ".**
2) **„Анна Каренина".**
3) **„Въ чемъ счастье".**
4) **„Власть тьмы".**

Л. Н. Толстой.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—П. В. Папкова, Володи, Ф. Михель, Н. Н. Добужинскаго, В. Васильева, В. А. Василевскаго, Ф. А. Боронина, А. Берпандеръ, **Моснва**—В. Иванова, Н. К. Двинянинова, И. Я. Романова, **Барвенково**—Д. Г. гилева, **Б. Короаино**—В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ**—Ф. З. Мазуръ, **Варшава**—Н. В. Зеленскаго, **Витебснъ**—С. Пнчета, **Диска**—С. А. Дубнякова, **Елисаветградъ**—И. В. Ларіонова-Иванова, **Лебедянь**—В. И. Чурилина, **Нинолаевъ**—Фолькертъ, **Ставрополь**—П. Фридерихсъ, **Шацкъ**—А. А. Тюменева, **Юрьеазцъ**—А. А. Павловскаго.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

НОВЫЕ ДУХИ

Всемiрной Парижской Выставки въ 1889 году

„БУКЕТЪ ГВОЗДЬ"
(BOUQUET-CLOU)

СОСТАВЛЕННЫЕ **С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРIЕЮ**

(Измайловскiй проспектъ, 21).

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскiй проспектъ, № 32, д. Католической церкви.

2) Невскiй проспектъ, № 66, у Аничкина моста.

3) Вознесенскiй проспектъ, уголъ Казанской улицы, 18 — 54, д. Шредера

(Оптовая и розничная продажа).

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковыхъ. Pt. № 3921 2—1

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ СПЕЦIАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

А. Я. ПАНАФИДИНА,

С.-Петербургъ, Б. Итальянская, д. № 8,

поступили въ продажу слѣдующiя книги:

Руководство къ собиранiю, храненiю и наблюд. надъ насѣкомыми и друг. низш. животными и **Скелетированiе**. Юл. Симашко. Съ 81 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Гербаризацiя. Соч. Ю. Симашко. Съ 6 рисунк. Ц. 40 к.

Лѣтнiя занятiя въ полѣ съ перомъ и карандашемъ. Съ 82 фиг. Ц. 1 р. 50 к.

Обиходная книжка, содержащая: Папочныя и переплетныя работы. Формовку изъ гипса. Гальванопластику. Токарныя и плотничьи работы. Выпиливанiе изъ дерева и цинка. Токарное искусство. Рѣзная работа по дереву. Приготовленiе физич. приборовъ и моделей. Съ 238 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р.

Гофманъ. Современная магiя. Практическiй руководитель къ изученiю фокуснаго искусства. Съ 318 рис. въ текстѣ. Перев. съ англ. Ц. 3 р. 50 к.

Космосъ для юношества. По Керберу. Ц. 2 р. 50 к.

Погода, руководство къ ея изученiю и предсказанiю. Сост. П. А. Литвинскiй. Съ 43 рис. Ц. 85 к.

Наставленiе къ ловлѣ рыбъ и раковъ въ нашихъ прѣсныхъ водахъ. Сост. М. Виноградовъ. Съ 56 рис. Ц. 1 р.

Начатки ботаники. I. Д. Гукера. Переводъ съ англiйскаго; съ измѣненiями и дополненiями А. Ѳ. Баталина. Съ 67 рис. Ц. 50 к.

Кронебергъ, А. Элемент. начала геометр. анализа, или такъ назыв. Новой Геометрiи. Съ атласомъ. Черт. на 19 табл. Ц. 3 р.

Бэнъ. А, профессоръ. Наука воспитанiя. Полный переводъ съ англiйскаго. Ц. 2 р. 50 к.

Билибинъ, Н. И. О тригонометрическихъ функцiяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Ловля, содержанiе, строенiе и жизнь комнатныхъ и пѣвчихъ птицъ. Сост. Ѳ. Булгаковъ. Съ 27 рис. Ц. 1 р.

Небо для невооруженнаго глаза. Пособiе при лѣтнихъ занятiяхъ. Сост. П. Литвинскiй. Съ 25 рис. Ц. 1 руб.

Важнѣйшие годы всемiрной исторiи. Пособiе при повторенiи курса всеобщей и русской исторiи. Сост. Новопашенный. Ц. 20 к.

Выписывающiе отъ А. Я. Панафидина за пересылку не платятъ. № 3922

Изданiе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРIЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружiе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенiя и пр. и пр.

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

въ популярномъ изложенiи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копiями съ произведенiй искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованiями обращаться въ Контору журнала „Нива", Невскiй пр., № 6.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА:

ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ. 2) Государыня Императрица Марiя Ѳеодоровна. 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. 4) Великiй Князь Георгiй Александровичъ. 5) Великiй Князь Михаилъ Александровичъ. 6) Великая Княжна Ксенiя Александровна. 7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографiи **С. Л. Левицкаго и К°** и отпечатанная на отличной веленевой бумагѣ, размѣромъ $10^1/_2$ вершк. выш. и $7^1/_2$ вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. **Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р.,** съ пересылкой и укупоркой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ $13^7/_8$ вершк. выш. и $9^7/_8$ вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. **Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.;** съ перес. и укупоркой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованiями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива". Невскiй просп., № 6, СПБ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленiя и низложенiя Царевны Софiи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ФОТОГРАФИЧЕСКIЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка)

Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.

Iог. Заксъ и К°.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германiи. R. № 3734

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА (изданiе Ф. Павленкова):

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНIЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГIИ

Mt. **В. И. СЕЛЕЗНЕВА.** Съ 70 рисунками въ текстѣ. **Цѣна 1 р. 50 к.** № 3919

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Францiи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спецiальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (12).

Вышло НОВОЕ изданiе **Ф. Павленкова:**

КОТОРЫЙ ЧАСЪ?

Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства всевозможн. солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Составилъ **И. Вавиловъ.** Академiя Наукъ признала эту книжку полезн. пособiемъ для учебн. цѣлей.

Mt. **Цѣна 30 коп.** № 3918

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданiе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БАНКИРСКIЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскiй, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.

Ссуды подъ всѣ % бумаги.

Страхованiе выигрышныхъ займовъ.

Переводы на всѣ города.

Оплата купоновъ. № 3716

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенiя адресовать по вышеозначенному адресу.

ЭФФЕКТНО для ЛѢТА:

ПАРИЖСКIЙ ДАМСКIЙ УБОРЪ!

Изъ натуральныхъ бразильскихъ жуковъ, въ красивѣйшихъ оправахъ

Браслеты съ 10, 3, 2, и 1 жук. 5.50, 2.50, 2 и 1.50.

Брошки съ 4, 3 и 2 жук. 2.50, 2 и 1.50.

Серги съ 1 жук. 1.25.

Шпильки черепаховыя съ 3 и 2 жук. 2 и 1.50.

„ **позолоченыя** съ 1 жук. 1 р.

Мужск. булавки 75 к. № 3920

Цѣлый уборъ (браслетъ, брошь, серги и шпилька) 50% дешевле.

Жуки эти замѣчательно эффектно отражаются на солнцѣ, а потому особенно красивы лѣтомъ. Высылка во всѣ города Россiи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.

С.-Пбургъ, Садовая, 12, кв. 22, во 2-мъ дворѣ.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.
СКРИПКИ въ 2½, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.
СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.
ФУТЛЯРЫ въ 3½, 5, 7, 12, 18 и 30 р.
СКРИПКИ ¾, ½ и ¼ величины **для дѣтей.**
Школа Бвганца ч. I—1 р., ч. II и III по 1 р. 50 к.
АЛЬТЫ и ВIОЛОНЧЕЛИ.
Гитары въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1½, 3 и 4½ р.
Ноты въ дешевыхъ изданiяхъ.
Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрировани прейсъ-курантъ—**безплатно.**

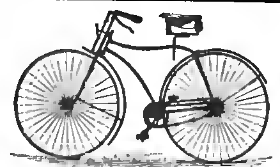
Юлiй Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 3915
С. Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва. Кузнецкiй мостъ, д. Захарьина.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
чистый щелочнокислый источникъ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ
можно вездѣ получить.
6000000 (миллiон) бутылъ годовой вывозъ.

ЛЕННИГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Существующая нынѣ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоящая въ вѣдѣнiи Нижегородскаго Отдѣленiя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Постоянная выставка кустарныхъ произведенiй Нижегородской губернiи **принимаетъ заказы** на нижеслѣдующiе предметы: судовыя цѣпи, желѣзныя и мѣдныя полотна для ситъ и другихъ надобностей, топоры, долота, лопаты, вилы, сошники, подпильвики, на ножевой товаръ, ножницы, желѣзные сундуки, замки, металлическiя части для казачьихъ пикъ, пряжки на пояса нижнихъ воинскихъ чиновъ, малыя пряжки для аммуницiи, крючки и петли, рыболовные крючки, металлическiя игрушки, мозаичныя работы изъ дерева, мебель крашеную въ русскомъ стилѣ, деревянную посуду, Балахнинскiя кружева, вышиванiя гладью и въ выдержку и проч. Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор. Нижнiй-Новгородъ, въ Нижегородское Отдѣленiе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества или въ гор. Нижнiй-Новгородъ, Завѣдующему Постоянной выставкой кустарныхъ произведенiй Нижегородской губернiи. № 3917 5—1

Поставщики велосипедовъ Русской Армiи.
Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкiй Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ единственный Складъ для всей Россiи Велосипедовъ: Свифтъ, Виккетъ, Русскiй Клубъ, Молнiя (New Rapid), Имперiаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Армiи.
ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНIЕМЪ** и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНIЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),
дополненный **32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками,** алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ,** заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданiй альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданiе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразiемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношенiи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненiя, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.,** съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованiями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала „Нива" (Невскiй, 6).

А. РАЛЛЕ и Кº въ МОСКВѢ.
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ.

	Мыло зорное.
Пудра глицериновая цв.	Кольдкремъ вiолетъ.
Вода флоридъ.	Молоко глицериновое.
Мыло земляничное.	Мыло лимонное.
Глицеринъ велюръ.	Мыло велютинъ.

П. № 3821 6—5

Оптовая продажа: Богоявленскiй пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнецкiй мостъ, д. Солодовникова.

ELIXIR DENTIFRICE DES RR. PP. BÉNÉDICTINS 1373
ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Францiя.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинцiи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманiе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (69) № 2946

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ" имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поля, охоты, моря и театра, а потому вполнѣ заслуживаетъ названiя **„универсальнаго бинокля".**
Спецiальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.
Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дороже.
Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р, 2 2 и дороже. № 3909
СПЕЦIАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Е. КРАУСЪ и Кº.
въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССIИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ курантъ высыл. безплатно.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ GRATIS и FRANCO.
ШТУРМА УКСУСЪ
НАТУРАЛЬНЫЙ!!
ВЫСШАГО КАЧЕСТВА
БЕЗВРЕДЕНЪ
ЧИСТАГО ВКУСА и ЗАПАХА.
УКСУСНЫЙ ЗАВОДЪ Г. Ф. ШТУРМЪ
Складъ: Невск. 6/1, по Надеждинск., маг. 26.
Имѣется всюду.
Вырабатываю только натуральный уксусъ окисленiемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ *Спирта, Солода и Виноградного вина*

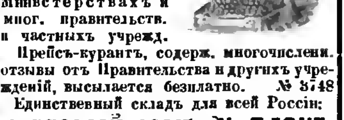
7 р. НОВОСТЬ!! 7 р.

Секретная камера въ видѣ **маленькаго альбома,** который, безъ предварит. умѣнiя, фотографируетъ незамѣтно.

Рекомендую всѣ виды фотограф. аппаратовъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5-2
Новый прейсъ-курантъ безплатно.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочислен. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденiй, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россiи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкiй мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

EAU DE SUEZ ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
Депо въ С.-Петербургѣ — А. И. Рузановъ, Гостиный Дворъ, № 40.
Въ Москвѣ — А. Сlу и Кº., Тверская, д. Варгина.
Pt. № 3887 Объяснительная брошюра высылается безплатно по требованiю вышеозначенныхъ депо и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ. 13—4

Дозвол. цензур., СПБ., 7 iюня 1889 г. Изданiе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскiй, 6. Т... ч., д. 1.

ЛИТЕРАТУРЫ

XX г. — г. XX

№ 25 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рвзн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 17 іюня 1889 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

И. Н. Дурново.

Высочайшимъ рескриптомъ отъ 6 мая 1889 года, назначенный по смерти графа Д. А. Толстаго временно управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Дурново призванъ на высокій постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ сказано, что графъ Толстой скончался, не успѣвъ еще окончить вполнѣ дѣло ему ввѣренное и совершить всѣ предначертанія Государя, и что Дурново избранъ Монархомъ, какъ ближайшій сотрудникъ покойнаго графа въ первое время его управленія, близко знакомый съ его правилами и намѣреніями. Такимъ образомъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново выбранъ въ качествѣ настоящаго *преемника* графа Толстаго и въ оффиціальномъ и въ фактическомъ смыслѣ. Безъ малаго три года онъ состоялъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ и, какъ старѣйшій и ближайшій сотрудникъ графа Толстаго, не разъ вполнѣ самостоятельно управляя министерствомъ во время отсутствія и болѣзни графа ясно показалъ свою полную солидарность съ политическою программой великаго государственнаго дѣятеля, обнаруживъ и твердость и энергію въ преслѣдованіи правительственныхъ цѣлей. Когда въ Прибалтійскихъ губерніяхъ произошли прискорбныя событія, коренившіяся въ стараніи коноводовъ анти-русской политики обойти законъ при помощи всевозможныхъ хитростей, И. Н. Дурново „сорвалъ личину съ этихъ коноводовъ“, удаливъ городскихъ головъ Ревеля и Риги, Грейфенгагена и Бюнгнера, которые отказывались исполнять указы Правительствующаго Сената. Въ это время онъ замѣщалъ больнаго графа Толстаго, и внутренніе враги Россіи увидѣли, что И. Н. Дурново столь-же настойчиво относится къ дѣлу проведенія истинно русской политики въ краѣ. Всѣ знающіе новаго министра какъ человѣка, его бывшіе подчиненные, его сослуживцы отзываются о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, съ удовольствіемъ вспоминаютъ о его добромъ, прекрасномъ характерѣ,

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново.
Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

о его общительности и чрезвычайной доступности. Эти отличительныя качества И. Н. Дурново вполнѣ обнаружилъ и тогда, когда онъ нѣсколько лѣтъ къ ряду былъ предводителемъ дворянства Черниговской губерніи и позже, когда занималъ постъ Екатеринославскаго губернатора. На этомъ посту онъ заслужилъ общую любовь и благодарность жителей. Несмотря на сильно обострившіяся отношенія между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ Екатеринославской губерніи, при этомъ начальникѣ не было рѣшительно никакихъ столкновеній между враждующими сторонами, не было тѣхъ ужасныхъ еврейскихъ погромовъ, окончившихся столькими жертвами изъ русскаго населенія, которые имѣли мѣсто позднѣе. При немъ не было и вопіющихъ безобразій въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи, безобразій впослѣдствіи доведшихъ городскіе финансы до полнѣйшаго разстройства. И. Н. Дурново умѣетъ вносить съ собою всюду какое-то умиротвореніе, но ни эта черта, ни его добродушіе нисколько не мѣшаютъ ему проявлять твердость, силу воли въ государственномъ управленіи вмѣстѣ съ живою, энергичною дѣятельностью. Онъ отличается большою независимостью, что̀ такъ важно на столь высокомъ посту, на которомъ трудно избѣжать столкновенія съ разнородными вліяніями, порою довольно сильными.

Иванъ Николаевичъ Дурново происходитъ изъ дворянъ Черниговской губерніи; онъ владѣлецъ имѣнія Черниговскаго уѣзда, села Жукотокъ, въ которомъ и родился въ 1830 году. Недолго прослуживъ въ военной службѣ, которую онъ началъ съ іюля 1848 г., И. Н. Дурново былъ предводителемъ дворянства Черниговской губерніи, сперва уѣзднымъ, а затѣмъ губернскимъ, въ должности котораго состоялъ до 1865 г. Екатеринославскимъ губернаторомъ И. Н. Дурново былъ назначенъ въ 1871 г. и занималъ этотъ постъ до 1882 года, когда, по назначеніи графа Толстаго министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ былъ призванъ занять высшую должность въ государственномъ управленіи—товарища министра. Въ 1885 году И. Н. Дурново назначенъ статсъ-секретаремъ. Въ 1886 г. И. Н. Дурново повелѣно быть главноуправляющимъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, почетнымъ опекуномъ и членомъ Государственнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ онъ назначенъ сенаторомъ. Чинъ дѣйств. статск. совѣтника онъ получилъ въ 1869 г., чинъ тайнаго совѣтника—въ 1882 году. Въ маѣ 1883 года ему пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла и въ этомъ-же году онъ назначенъ сенаторомъ. Кромѣ русскихъ орденовъ, онъ имѣетъ еще иностранные: Льва и Солнца 1 степени и Папскій орденъ Пія IX большаго креста.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Дѣдушка прошелся по саду, увидѣлъ Вѣрочку въ окнѣ и насупился.

— Ты чего — слѣдишь? Слѣди, слѣди. Жалуйся, поди, на дѣдушку-то, жалуйся. Ну да будетъ, будетъ меня тиранить, пойди скажи ей—пусть она сунется, я ее, вѣдьму, увстрѣчу.—И онъ сжалъ свой громадный кулакъ. — Я ей докажу свою правду... Всѣ вы тутъ съ ума сбились. Я васъ выучу, выучу. Ха, вы думали ослабѣлъ старикъ? Я вамъ покажу, въ струну у меня тянись, слышишь.

Вѣрочка широко открытыми глазами смотрѣла на него ничего не понимая.

— Чего пучишься? Прежде ее полѣномъ билъ, а теперь вотъ хоть скамьей этой.

И схвативъ скамью, онъ съ страшной силой выворотилъ ее изъ земли и швырнулъ прочь. Дѣвушка съ крикомъ отскочила отъ окна.

— Что̀, тигры, чувствуете теперича, кто здѣсь хозяинъ надъ вами будетъ... Я вамъ...

И глаза у него обезумѣли и остеклѣли. и лицо побагровѣло.

Поздно вернулась домой Анфиса Кирилловна. Устинья встрѣтила ее на крыльцѣ.

— Ахъ, матушка, бѣда у насъ въ домѣ.

У той и колѣни подкосило. Сѣла она на ступеньку и часто часто задышала. „Воды, воды дай“. Подала ей Устинья напиться.

— Ну, говори теперь. Чего еще Господь послалъ, какое горе?

— Ложки столовыя три изъ буфета пропали.

— Фу ты!.. Я думала нивѣсть что̀... Окаянная ты, такъ сказала словно съ Вѣрочкой что́ случилось.

— Нѣтъ, Вѣрочка у себя замкнувшись.

— Какъ замкнувшись, съ чего это?

— Да дѣдушка бунтуютъ, пьяные они. Я уже и за Акимкой послала, у меня въ куфнѣ Акимка сидитъ...

— Господи!.. гдѣ-же онъ водки-то досталъ? Самъ бѣгалъ съ ложками-то?

— Нѣтъ, нищій тутъ у нихъ былъ одинъ, изъ ихнихъ пріятелей...

Качая головою, Анфиса Кирилловна вышла въ горницы... На диванѣ развалясь сидѣлъ ея мужъ, разутый и страшный какъ никогда. Посмотрѣла она на него и руками всплеснула.

— Не ндравится вамъ? Вы дамы—вамъ и не ндравится. Ну, ничего, привыкнете.

На столѣ былъ графинъ съ водкой и стаканъ.

— Видишь, мы тоже по благородному изъ графина пьемъ... А вы такъ, мадамъ, полагали что совсѣмъ старика покорили? Нѣтъ.—И онъ ударилъ по столу.— На песьемъ положеніи, въ мезонинѣ! Ты вѣдь жена мнѣ, подлая душа твоя, понимаешь ты это? Жена да боится мужа, и Богъ велѣлъ. Ну да теперь у меня съ тобой, съ ехидой, другой разговоръ будетъ. Зови внучку-то. Пусть она посмотритъ какъ я величаться надъ тобой стану.

— Ты у меня Вѣру не тронь.

— Слышь, зови!—И у него глаза налились кровью.— Разорву...

— Ну, ну... Молчи... Поди къ себѣ наверхъ.

— Наверхъ?.. Врешь... Сама ступай наверхъ. Тамъ у меня теперь Тимошка живетъ. А я здѣсь. Я тебѣ дамъ наверхъ!

И вдругъ поднявшись, онъ сгребъ было ее лапищей за чепчикъ и за волосы. Анфиса Кирилловна взвизгнула и покатилась, да къ счастію Акимка оказался у нея за спиной.

— Баринъ, оставь!

— Вотъ и тебѣ!

И старикъ закатилъ ему здоровую пощечину.

— А, ты вотъ какъ! удивился Акимка и бросился на него.

Оба свалились на полъ.

— Ты вотъ какъ!

— Душатъ, убиваютъ, карраулъ! кричалъ дѣдушка.

— Кто тебя убивать станетъ! Устинья, веревокъ...

Акимъ съ своей воловьей силой живо подмялъ подъ себя старика и крѣпко-накрѣпко связалъ его.

Вѣрочка, ни жива, ни мертва, сидѣла у себя въ комнаткѣ. Съ минуту продолжалось молчаніе. Видимо пьяный старикъ оглушенъ былъ всѣмъ этимъ. Потомъ очнулся и сталъ орать.

— Карaулъ, бьютъ, рѣжутъ, карраулъ!.. Тимошка!..

Суматоха поднялась повсюду... Изъ монастыря, куда донеслись эти крики, выбѣжали монахини, простоволосыя, испуганныя и блѣдныя. Вѣрочка въ окно выскочила, бабушка дрожала на крыльцѣ. Наконецъ вдали показалась мать Варлаама, вся помертвѣвшая отъ ужаса. Ее вели подъ руки. Голова игуменьи болталась во всѣ стороны. Видимо потрясло совсѣмъ бѣдную.

— Что тутъ, что тутъ?..

— Караулъ!.. Убиваютъ... Караулъ! неслось въ открытыя окна домика. — Караулъ, ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ...

— Горе-то мое, плакала Анфиса Кирилловна.—Злодѣй мой напился. Такой же нищій ему водки принесъ... Вотъ и вышло все.

— Вотъ что̀, матушка — пожалуйте съ внучкой къ намъ въ обитель, а до утра съ нимъ Акимка останется здѣсь, пригласила ее Серафима.

Такъ и рѣшили они.

На другой день старикъ сидѣлъ на диванѣ развязанный и угрюмый. Тимошка былъ запертъ наверху... Акимка не далъ имъ опохмѣлиться; посему чувствовали они себя слабыми и разбитыми. Суровая вошла Анфиса Кирилловна. Старикъ вскинулъ на нее глаза и опустилъ ихъ.

— Н-ну, какое теперь твое рѣшеніе будетъ?

— Видно повадился кувшинъ по воду ходить... Что̀ ты вчера надѣлалъ? Всю обитель Божью обезпокоилъ. Да еще пріятеля привелъ къ себѣ такого же какъ и самъ.

— У меня свои — у тебя свои... бормоталъ старикъ.

— Что же мнѣ теперь съ тобою, опять запереть наверхъ и Акимку къ тебѣ приставить? Такъ еще не острогъ у меня, да и обители святой въ поношеніе это! Ты къ острогамъ привыкъ, не удержалась она.— Къ замкамъ да къ рѣшеткамъ...

— Вѣдьма!.. сорвалось у него.

Анфиса Кирилловна встала и низко ему поклонилась.

— Это тебѣ спасибо, что другаго и имени для меня нетверезый не нашелъ за все что̀ я терпѣла. Ну да теперь все равно. Вотъ тебѣ рѣшеніе мое. Вчера мать Варлаама совѣтовала мнѣ послать за урядникомъ и сдать тебя. Пущай власти дѣлаютъ съ тобой что̀ слѣдуетъ по закону. Вѣдь я знаю, бѣглый ты,—ну да не мнѣ судить тебя и не мнѣ выдавать. А вотъ тебѣ — дамъ я денегъ на дорогу и ступай на всѣ четыре стороны. Свѣтъ великъ, разойтись можно. И забудь ты про меня, какъ я про тебя забыла. Забудь, слышишь, совсѣмъ забудь — и никогда у тебя жены не было! Прошу у тебя такой милости, низко прошу!

И вставъ она поклонилась ему въ ноги.

— Ну тебя... Не уйду я...

— Не уйдешь... Ну, тогда по благословенію игуменіи я значитъ отправлю тебя куда слѣдуетъ. Пущай же тебя по закону судятъ.

— Сколько денегъ-то дашь мнѣ?

— Сколько дамъ — столько и дамъ.

— Знаю я щедрость твою, какже!.. мнѣ бы на годъ хватило — я бы оправился... ста три дашь?..

Она качала головой глядя на него. По лицу ея текли крупныя слезы.

— Куда же ты пойдешь?

— Не твоего это ума дѣло. Можетъ я самъ въ дальній монастырь какой въ работники... гдѣ пить нельзя... Въ Соловки что-ли или на Валаамъ. Думаешь, легко мнѣ — я пожалуй самому себѣ противенъ какъ, а не могу. Слабость моя гнететъ меня. Будь онъ проклятъ тотъ кто и водку эту выдумалъ.

Когда вернулась Вѣрочка, дѣдушки ужь не было.

Наверху Устинья мыла мезонинъ.

— Грязи-то, грязи, шипѣла она.

— Куда онъ ушелъ? спрашивала дѣвушка.

— Съ пріятелемъ своимъ съ Тимошкой нищимъ туда вонъ! показала она на дорогу къ городу. — Денегъ ему бабушка дала, много дала. Потомъ они оба стали, подъ образомъ помолились и распрощались. Тимошка-то потомъ догналъ его... Охъ, не къ добру!.. Тимошка-то слышалъ что деньги у него есть.

Тишина опять кругомъ. Вѣрочка прошла въ спальню къ Анфисѣ Кирилловнѣ. Та лежала.

— Что̀ съ тобой, бабушка?

— Сонъ-то, сонъ-то какой... Смерть это. Скоро-скоро распрощаемся мы съ тобой, Вѣрочка... чувствую я, не подняться мнѣ.

XVI.

И дѣйствительно, не къ добру вышло...

Дня черезъ два послѣ того шла Вѣрочка изъ монастыря. Мать Серафима только что получила письмо отъ брата, въ которомъ онъ еще разъ просилъ ее подтвердить молодой художницѣ что если вздумаетъ она ѣхать въ Петербургъ учиться, пусть напишетъ ему. Онъ встрѣтитъ ее и устроитъ на новомъ мѣстѣ. „А то ваша бѣлокурая дикарка окажется здѣсь какъ въ лѣсу.“ Въ воротахъ, только что заговорила она со Степанидой, какъ издали увидѣла на всѣхъ парахъ несущуюся къ ней Устинью.

— Ахти, дѣвушка, сказывала я тогда... Ой, матушка, страховитое-то время какое, не ждамши, не гадамши...

— Что̀ случилось? такъ и всполохнулась Вѣра.

— Бабушка сейчасъ поѣхала... Туда, у рѣчки, гдѣ въ логу орѣшникъ еще... Дѣдушку тамъ нашли. Акимушка повезъ ее туда.

Вѣрочка, не прощаясь съ изумленной и испуганной бабушкой Степанидой, побѣжала къ указанному мѣсту.

Дорога огибала монастырскую стѣну. Снизу—башни обители казались еще громаднѣе. Вотъ окна мастерской; Алена и Ирина замѣтили дѣвушку и машутъ ей платочками. Не знаютъ, что тутъ горе случилось великое. Мать Серафима изъ-за нихъ смотритъ,—недоумѣваетъ вѣрно, куда это такъ стремительно, чуть дыша, несется ея любимица. Наткнулась на камешекъ, чуть сама не покатилась внизъ по крутому скату, хорошо что еще старая ольха удержала... Расшиблась о нее немного. Устинья уже впереди далеко, только между деревьями красное платье ея полошится и раздувается какъ парусъ подъ вѣтромъ. „Сонъ въ руку“, и Вѣра на бѣгу чуть живая мимоходомъ вспоминаетъ, какою больною, измученною все это время казалась ей бабушка. Какъ это еще на нее подѣйствуетъ? И что̀ случилось такое? Больнаго дѣдушку нашли, ограбленнаго?.. Или его уже и въ живыхъ нѣтъ...

— Сказывала я про Тимошку, про нищаго! кричитъ ей тоже на бѣгу оборачиваясь Устинья. — Его это дѣло, кому другому...

Должно быть что-нибудь страшное, безвозвратное. Только бы бабушку въ конецъ не подкосило это!.. Вонъ между деревьями и рѣчка блеснула... Точно темная сталь въ тѣни. Блеснула и опять спряталась. Омутистая рѣчка, холодная, то какъ ниточка сочится, а то вспыжится и грудою яро бѣжитъ по лугамъ да низинамъ. Опять плесо замерещилось, тамъ и орѣшникъ. Оттуда сюда и гулъ доносится... Поневолѣ остановилась дѣвушка. Голову кружило, грудь такъ подымало отъ натуги, что казалось вотъ-вотъ треснутъ ребра и покажутся сквозь разорванное ими тѣло. Она схватилась руками за сердце. Захолонуло даже. Земля качается подъ ногами. Незамѣтно опустилась въ траву... Минуту - другую отсидѣлась и встала. Чей-то плачъ внизу, да какъ отчаянно. Неужели это бабушка, что̀ съ ней такое? Плачъ прерывается криками... Смолкнетъ все и опять, точно вѣтромъ наноситъ.

— Вѣрочка, дѣтка моя! завидѣла ее старушка издали. — Одна ты у меня...

Замерла у нея на шеѣ. Толпа кругомъ разступилась. Двѣ бѣлицы изъ монастыря, Акимка, мужики какіе-то... Что̀ это тамъ лежитъ за ними такое?

— Что они, бабушка, зачѣмъ?

— Караулимъ, голубка, пока что... Староста насъ приставилъ къ яму.

— Къ чему? Къ кому приставилъ?

— Къ тѣлу примѣрно... къ скоропостижному тѣлу, чтобы значитъ все спокойно было... становаго ждемъ такъ для порядка...

Вѣрочка подвинулась и крикнула тоже. На полянкѣ отмели, съ широко открытыми глазами лежалъ дѣдушка. Страшный такой и бѣлый. Никогда онъ бѣлымъ такимъ не былъ. Борода торчитъ, еще ужаснѣе лицо его отъ этого: волосы на лобъ сбились, одинъ

Музыка и вино. Съ картины Ф Винеа, грав. Манкастроппа.

открытый глазъ покрыли, по другому муха ползетъ... На самый зрачекъ сѣла, рѣсницы и не дрогнутъ... Дальше поползла, а мертвецъ все такъ же пристально смотритъ въ синее-синее сегодня небо... Плечо голое какъ-то вывернуто, рука подъ спину попала, оно и выдалось, торчитъ угломъ.. Отъ него черезъ всю грудь шрамъ, красный, вспухшій. Подъ щекой громадный подтекъ... И крови-крови подъ шеей!.. Ужасъ!.. прососалась въ песокъ, а все еще свертками сгустилась наверху.

Страшно Вѣрочкѣ, а не можетъ глазъ отвести отъ убитаго... Должно быть голаго нашли его крестьяне, собрали вѣтокъ и листьевъ, прикрыли. Изъ-подъ нихъ впереди босыя ноги торчатъ, на одной пальцы загнулись да такъ и закостенѣли. Около, лохмотья чьи-то собраны, сума старая, рваная, клюка...

— Мухъ-то, мухъ-то сгоните, заботливо хлопочетъ Устинья.

Мужики съ недоумѣніемъ смотрятъ на нее.

— Мухи... По глазу...

— Ему, милая, теперь все одно... Онъ не чувствуетъ... Что муха, что другое... Ползи... Ему топерчи слободно.

Согнанная съ глаза муха перелетѣла на шею... Только теперь замѣтила Вѣрочка рану тамъ, запеклась, посинѣла и вздулась. Густо-густо обсѣли ее мухи.

— Ну вы, подлыя! смахнулъ ихъ мужикъ.

Снялись темнымъ роемъ и опять опустились.

— Не сгонишь ихъ... Кровь чувствуютъ.

— Милый ты мой!.. плакала бабушка.—И христіанской кончины не сподобилъ тебя Господь...

— Пойдемъ, пойдемъ, бабушка... умоляла ее Вѣра.

— Вправду, увели бы старушку, убивается попусту, нудитъ только...

— Эй, Акимка, подавай телѣжку... Вотъ что, матушка, какъ становой пріѣдетъ, сейчасъ и сдадимъ тебѣ тѣло, тогда и хорони, а теперь что же... Ѣхала бы домой право... Что хорошаго...

— Сказываютъ, и Тимошку пымали въ городу, слышалось около.

— Н-ну! любопытствовала Устинья.

— Въ кабакѣ... онъ съ яво снялъ значитъ платье, ну всѣмъ и удивительно стало,—видятъ сукно хорошее, чистое на Тимошкѣ-то... откуда ему Богъ послалъ, а онъ вдругъ какъ вынетъ сотельную бумажку да и оретъ: „Вотъ мы какъ. Пей въ мою голову, православные! За все плачу“. Его сейчасъ Митричъ, нашъ онъ, за шиворотъ и сгребъ. Да о-земь. Ну Тимошка видитъ пропало его дѣло и повинился. „Берите, братцы, говоритъ, деньги, а меня къ угодникамъ пустите, грѣхъ мой замолить великій. А не пустите, вамъ же хуже, грѣхъ-то на васъ будетъ.“ Ну они его не послухали и руки ему назадъ. Сидитъ тапериче.

— Какъ онъ старичка-то вашего!

— Еще вчера ихъ здѣсь обѣхъ видѣли. Старичекъ тутъ на вольномъ воздухѣ пилъ водку. И Тимошка съ нимъ былъ.

Увозя домой старушку, Вѣра никакъ не могла понять чего та убивается.

— Вѣдь истиранилъ онъ васъ, бабушка.

— Ахъ, истиранилъ... Да вѣдь и то надо вспомнить, какой на первыхъ порахъ онъ былъ-то... Пока пить да играть не сталъ... Душа въ душу жили мы съ нимъ тогда... И какъ увидѣла я его сегодня, такъ только эти первые сладкіе годы и помню я, а все что потомъ было, словно туманомъ заволокло—и не вижу, и не знаю... Господи, прости Ты ему прегрѣшенія его, ради кончины его мученической! молилась она, вся обливаясь слезами. — Не вспомни Ты ему на страшномъ судѣ Твоемъ злобы да одури его! Не самъ собой онъ это... Прости и Ты, какъ я ему простила!..

XVII.

Похоронили дѣдушку. Вѣра ждала, что бабушка теперь начнетъ оправляться. И въ обители думали — разъ Господь Своимъ промысломъ удалилъ съ ея дороги эту „препону великую“, она пострижется и пріиметъ чинъ ангельскій.

— Хотя и до сихъ поръ ты была монахиней въ сердцѣ своемъ, ну а теперь пора и вовсе къ намъ пріобщиться, ласково убѣждала ее мать Варлаама.

Анфиса Кирилловна сама подумывала о тишинѣ и спокойствіи монастырской кельи. Вѣрочка, пока что, могла бы жить съ нею.

— Не долго, безъ грусти повторяла старушка.—Не долго земля меня къ себѣ тянетъ. Точно кто-то снизу оттуда стучитъ ко мнѣ и шепчетъ: „ну же скорѣй, пора тебѣ.“

Дѣвушка озабоченно всматривалась въ бабушку и, увы! вмѣсто признаковъ улучшенія, находила въ ней странное равнодушіе ко всему. Несчастіе со своимъ старикомъ она пережила спокойно, но послѣ бывало сядетъ въ кресло, забудутъ ее, она и просидитъ нѣсколько часовъ безучастно глядя передъ собою въ уголъ. Забываться стала—по нѣскольку разъ одинъ и тотъ же вопросъ предлагала Устиньѣ или внучкѣ; разъ ушла и пропала, только вечеромъ нашли ее на монастырскомъ кладбищѣ, покойно спящею сидя на скамьѣ.

— Что ты, бабушка? спросила ее Вѣра. — Развѣ не могла дома отдохнуть?

— Нѣтъ, надо привыкать къ этому мѣсту-то. Сладко здѣсь...

— Чѣмъ, бабушка, сладко?

— Ты не знаешь, ты молодая еще была, не тѣмъ занималась, а я со всѣми этими,—махнула она рукой на зеленые холмики,—дружна была! И плакали мы, и радовались вмѣстѣ. Пора и мнѣ къ нимъ.

Мать Варлаама тоже замѣтила что дѣло не ладно.

— Плоха бабушка твоя! сказала она Вѣрочкѣ. — Пошлю вотъ за докторомъ въ городъ.

Пріѣхалъ и этотъ. Прежде всего потребовалъ мадеры, достали ему. Выпилъ...

— Я иначе не могу, объяснилъ онъ. — Наука-то тоже жертвъ возліятельныхъ требуетъ.

Потомъ въ монастырь пошелъ прохладиться, къ молодой монахинѣ Устиньѣ присталъ:

— Нутренняя болѣзнь у тебя, полѣчить бы надо.

Та прогнала его.

Порадовалъ мать Варлааму вѣсточкой:

— Скоро всѣ монастыри запрутъ, а монаховъ съ монахинями на Сахалинъ.

— Зачѣмъ это?

— А чтобы завѣтъ Господень исполняли, населяли землю.

— Дуракъ ты, дуракъ и есть, вспылила спокойная и невозмутимая мать Варлаама. — Читалъ-ли ты когда Дмитрія Ростовскаго-то?

— Нѣтъ — не удостоился. Я такихъ книгъ не читаю...

— Жаль, все бы мозгу-то больше прибавилось. И у него нашелъ бы ты, зачѣмъ монахи нужны. Кажутся они тебѣ, малоумному, негодными, апъ у Бога-то имъ особый счетъ ведется. Сухіе колья, кажется выбросить ихъ въ огонь,—а вставь ты ихъ въ землю, по нимъ виноградъ вьется, а безъ нихъ онъ бы погибъ и у земли весь изнылъ. Такъ и монахи... А ты невѣгласъ несмысленный! закончила она и велѣла ему идти вонъ изъ монастыря.

Докторъ смѣялся, и придя къ бабушкѣ, приказалъ ей языкъ высунуть. Посмотрѣлъ, сдѣлалъ глаза страшные и головой покачалъ, пульсъ въ руки взялъ, считать началъ.

— Ого-го-го! Однако.

— Что однако? нетерпѣливо спросила его Вѣрочка.

— Ну, говоритъ,—старушка, скоро ваше дѣло и того, бай-бай въ деревянномъ маленькомъ домикѣ пора, совѣтую готовиться.

Вѣрочка разсердилась:

— Мы васъ не для того пригласили!

— А для чего, молодая особа?—если для сладкихъ разговоровъ. такъ я не кондитеръ вамъ, а сказалъ по чистой совѣсти: будьте готовы, бабушкѣ вашей не долго осталось скрипѣть на семъ свѣтѣ.

Сунула ему скорѣе дѣвушка денегъ и вонъ выпроводила.

— Ты, бабушка, на него, на глупаго, не обращай вниманія. Его и мать Варлаама изъ обители выгнала и невѣгласомъ назвала.

— Мнѣ-то онъ правильно сказалъ, улыбнулась она.— Что-же, я не боюсь...

— Полно, полно, поживешь еще.

— Нѣтъ, дѣточка моя. Сюда, показала она на сердце,—точно чья-то рука холодная проникаетъ и жметъ, и жметъ—и дышать-то нечѣмъ бываетъ. Ну, да что̀, слава Богу, что сама знаю. Приготовиться могу.

Приказала она себѣ сшить рубаху чистую, платье черное—люстриновое, башмаки нарочно купила новые. Выбрала себѣ даже мѣсто на кладбищѣ, въ самомъ далекомъ уголкѣ, гдѣ шиповникъ такъ сгустился, что въ стороны ему уже и дороги не было, все вверхъ рвался, и черезъ изгородь длинными, колючими, щедро осыпанными краснымъ цвѣтомъ, вѣтвями перекидывался.

— Тутъ будетъ хорошо лежать, покойно. Тутъ и шума никакого, и никто не зайдетъ сюда.

Окончивъ съ этимъ, сдѣлала она за себя вкладъ въ монастырь какъ за мертвую, на „вѣчную свѣчку“, на „вѣчныя панихиды“, свела счеты всѣ и указала Вѣрочкѣ, гдѣ ея деньги находятся. И когда всѣ ожидали съ болью и печалью, какъ бы и вправду не умерла „бабушка“,—она ожила и окрѣпла разомъ, какъ вялый цвѣтъ въ засуху нежданно напоенный влагою.

— Ну, вотъ видишь, бабушка, какимъ ты молодцомъ нынче! радовалась Вѣрочка.

— Да, да... Точно десятка два годовъ съ костей скинула. Такъ бы я теперь все ходила, да ходила...

И стала въ саду копаться сама — чего прежде не дѣлала, въ кельи въ гости ходить, то къ одной старушкѣ, то къ другой; а до сихъ поръ только въ церкви, да на монастырскомъ дворѣ съ ними встрѣчалась. Разъ даже въ городъ съѣздила съ Вѣрочкой, ее въ соборѣ оставила у обѣдни, а сама зачѣмъ-то къ нотаріусу сходила напротивъ,—какъ послѣ оказалось, завѣщаніе просила его написать. На поблекшемъ совсѣмъ лицѣ румянецъ явился, глаза загорѣлись ярче въ цѣломъ сіяніи мелкихъ морщинокъ, голосъ сталъ громче, и улыбка, давнымъ-давно не появлявшаяся, заиграла на устахъ ея. Вѣрочка всѣ свои опасенія забыла.

— Пора, бабушка, на зиму и варенье варить и соленье всякое заготовлять.

— Пора, пора, вотъ погоди, скоро! засмѣялась она.— Мы эту зиму не здѣсь жить будемъ.

— А гдѣ-же?

— Ты гдѣ-нибудь въ городу большомъ учиться станешь. А я... я тоже.

— Что тоже?

— Не здѣсь... Ну, чего пристала-то?.. Ишь любопытчица какая.

Теперь, когда Вѣрочка уходила въ монастырь, ей бабушка говорила:

— Вернись скорѣе, мнѣ безъ тебя скучно.

— Ладно.

Бывало если засидится въ школѣ, либо у матери Серафимы—смотритъ и старушка за нею.

— Не помѣшаю я вамъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, съ чего.

— Ну, такъ ужь и я посижу... Погляжу ужь на васъ-то...

И худѣть стала. Всѣ платья широки ей оказались. Лицо тоже опало.

— Это къ здоровью, говорила мать Варлаама Вѣрочкѣ.—Ты думаешь легко это чрево свое таскать. Тоже ноша, да какая! Иной разъ хребетъ-отъ жалится, жалится, ноетъ на чрево... ну, а кто ежели худой — тому лучше, легче. И живетъ худой дольше. И сильнѣе онъ. Ногамъ-то, какъ тебѣ кажется, легко-ли?..

Одно только замѣчала странное Вѣрочка. Идетъ-идетъ ея бабушка, да вдругъ и оглянется вопросительно, а позади никого нѣтъ. Или, сидя въ комнатѣ и задумавшись, вдругъ подыметъ голову и спрашиваетъ: „что?“ Да не у Вѣрочки, а такъ. Шла она разъ подъ воротами и оглянулась такъ. Воззрѣлась на нее Степанида и головой покачала.

— Кличутъ тебя? спросила она.

— Да, разсѣянно отвѣчала бабушка,—кличутъ.

— Ну, вотъ... Я знаю. Сколько разъ примѣчала-то...

А сама потомъ матери-игуменіи и говоритъ:

— Плохо ея дѣло. Вѣдь это вонъ оттуда кличутъ, указала она на глубь зеленой аллеи, за которой виднѣлась ограда монастырскаго кладбища.

— Чего еще выдумаешь? строго застучала на нее посохомъ мать-игуменья.

— Не стучи!.. Я знаю... сколькихъ нашихъ старицъ проводила, и всѣ онѣ передъ концомъ-то самое это чувствовали и звали ихъ туда гласы разные. Помнишь— Секлетею-то?.. такъ ее не токмо звали, а за подолъ мантіи тянуло что-то! Все, говоритъ, тянетъ да тянетъ меня туда. Вотъ оно какое откровеніе-то бываетъ, и это ты, помяни мое слово, скоро, охъ! скоро хоронить намъ Анфису-то придется.

— Не слышишь-ли ты гласовъ? смѣясь спросила ее Варлаама.

— Нѣтъ. Ужь будь спокойна. Услышу—сейчасъ схиму приму и изъ-подъ воротъ въ келью матери Меланіи уйду...

XVIII.

Анфиса Кирилловна становилась все бодрѣе и бодрѣе, но худѣла не по днямъ, а по часамъ. Цѣлые дни она возилась прибирая свои комоды, сундуки и ящики. Въ ея комнатѣ на полу уже возвышались груды всякаго тряпья. Изъ старыхъ связанныхъ узлами чулковъ вытаскивала она Богъ знаетъ когда припрятанныя деньги и укладывала ихъ въ шкатулку. Подъ спудомъ, подъ цѣлыми горами всевозможныхъ лоскутковъ оказывались у нея золотыя вещи, кольца, серьги—все это поступало туда же. Наконецъ, черезъ недѣлю разобравшись, она позвала въ свою комнату Устинью.

— Бери это, голубушка, приказала она.—Свяжи-ко въ узелъ.

— Куда, нести что-ль?

— Къ себѣ неси ужь.

— Зачѣмъ ко мнѣ?

— А это я тебѣ за вѣрную службу.... Чего ужь кажется...

Устинья попятилась и въ глаза ей воззрилась даже—не съ ума-ли сошла старушка, нѣтъ, смотритъ на нее ласково и смѣется.

— Что-й-то я не пойму, мнѣ это?

— Тебѣ, тебѣ!.. и она шутя толкнула ее въ спину.

— Мать Пресвятая Богородица Черниговская!.. Да тутъ, что добра-то, платьевъ, пальтовъ—и все мнѣ. Во всю жизнь не сносить мнѣ.

— Ну, убирай, убирай!.. Мнѣ мѣсто нужно. Что ужь...

Узлы были вынесены. Анфиса Кирилловна стала вынимать изъ другихъ ящиковъ куски старыхъ матерій, плотныхъ какъ кожа. И складывала ихъ въ комодъ. „Эти-то въ наше время были—теперь такихъ не дѣ-

лаютъ“, соображала она. „Это Вѣрочка, выйдетъ замужъ, носить будетъ. А эта черная, это матери Варлаамѣ“, и она надписала на бумажкѣ „матери-игуменіи отъ упокойницы рабы Анфисы“, положила въ другое отдѣленіе комода, нашла другой кусокъ — такая-же надпись, но уже „матери Серафимѣ за Вѣрушкино неоставленьице“. Одѣяло изъ бѣличьяго мѣха большое—встряхнула его—отлично сохранилось отъ моли, ни одной пушинки не упало. Сложила и опять бумажку: „Старицѣ Степанидѣ, что подъ вратами—для тепла и успокоенія тѣлеснаго“.

„Ей надо“, соображала она про себя, „по зимамъ-то мерзнетъ—все за меня молитву прочтетъ“.

Акимку позвала—нашла гдѣ-то въ кладовой шубу енотовую, сѣрымъ сукномъ крытую. Выцвѣло сукно—ну, да онъ сноситъ.

— Вотъ что, Акимушка, золотой ты мой... Возьми-ко, носи на здоровье.

— Ну, вотъ, съ недоумѣніемъ отозвался онъ,—сама сносишь.

— Это муской мѣхъ, не дамскій. Носи, носи—мнѣ скоро деревянный мѣхъ понадобится. Я тебя не забуду, Акимушка, умру—получишь, я уже и записала тебѣ за труды твои. Только вотъ,—и она пахмурилась и въ дѣловой тонъ перешла,—знаешь въ уголку то мѣсто, гдѣ шиповникъ разросся?

— Это гдѣ въ опрошломъ году мать Епифанію схоронили?

— Нѣтъ, въ правомъ углу, голубчикъ. Такъ ты шиповникъ не тронь, не замай его сердешнаго. Тамъ, я видѣла, птица живетъ внизу-то, гнѣздо вить начинаетъ. Что ее Божью тревожить, а отступя еще поправѣй есть плѣшечка такая. Совсѣмъ голая лысинка—ея какъ разъ для меня довольно. Такъ вотъ, милый, вырой ты мнѣ тамъ ямку!.. Какъ услышишь, что померла я—такъ на томъ самомъ мѣстѣ. Да рой съ молитвой, не чертыхайся, не кляни никого. Трудно будетъ—помни, что я о тебѣ вспомнила на этомъ свѣтѣ, и на томъ молиться буду. Помни это. Съ хорошими мыслями рой, устанешь—отдохни, не сразу... А то, какъ чертыхаться да клясть будешь, тяжко и мнѣ въ такой могилѣ лежать приведется,—охъ, какъ тяжко! И еще къ тебѣ просьбица моя—глубже рой, а чтобы вода сверху не сочилась, припаси глинки и округъ ямы-то сложи, какъ опустятъ меня въ могилку — первымъ дѣломъ глиной забросай, а потомъ землю ужь. Понялъ ты меня?

— Понялъ, матушка, Анфиса Кирилловна.

Она говорила съ нимъ такимъ дѣловымъ тономъ, что онъ и разжалобиться не могъ; по крайней мѣрѣ, ему и въ голову не пришло.

„Заботливая старуха“, мелькало у него въ мысляхъ, „все обдумала“.

— Понялъ, матушка, все сдѣлаю, какъ сказали...

— И вотъ еще... Вишь у меня бутылочка здѣсь стоитъ. Изъ Ерусалима мнѣ богобоязненная инокиня одна привезла, такъ—какъ выроешь ты ямку—сейчасъ и полей ее маслицемъ этимъ. Вотъ оно, тутъ стоять будетъ. Вспомни, не забудь.

Затѣмъ, успокоившись и кончивъ со всѣми заботами, старуха на часъ, на два въ день, въ хорошее время стала ходить на свою будущую могилу. Устинья носила за ней стулъ туда и оставляла ее одну. Старуха гнала ее прочь отъ себя.

— Нечего тебѣ здѣсь прохлаждаться... Ступай, ступай!..

Когда вдали затихалъ шумъ ея шаговъ и скрипъ затворившейся за нею калитки, Анфиса Кирилловна, полузакрывъ глаза, представляла себѣ, какъ она будетъ лежать здѣсь „тихо, мирно и благообразно“. Какъ крѣпко надъ нею наслоится земля и станетъ вся эта зелень отрадная пробиваться къ ея „деревянной кельѣ“ своими незамѣтными корнями. И такъ же, какъ теперь, распоются птицы вверху, гомоня и возясь въ листвѣ, пожалуй посѣютъ кусты какіе, здѣсь подымутся они, и станутъ въ нихъ вить гнѣзда свои дрозды. Дроздъ птица умная и поетъ когда — словно Богу молится. И солнышко обласкаетъ могилу ея своимъ тепломъ и свѣтомъ... Вѣрочка пріѣдетъ сюда когда-нибудь, можетъ замужемъ будетъ—кудрявыя головки дѣтей наклонятся надъ этимъ мѣстомъ и стануть спрашивать: „Здѣсь что-ли бабка лежитъ?..“ И удивятся, зачѣмъ это ее зарыли въ землю. И сладкая грусть охватывала старушку.

— Что все сказываютъ, помирать собираешься? приходила къ ней сюда Варлаама.

— Да. Надо, матушка-игуменья.

— Здѣсь что-ли мѣсто себѣ выбрала?.. Ничего, куточекъ хорошій. А я тамъ вонъ.

И они переходили туда и спокойно разсуждали, чей уголокъ лучше.

— Правда, здѣсь „веселѣе“ лежать около своихъ, соображала Анфиса Кирилловна,—справа одна инокиня, слѣва другая.

Но она не завидовала Варлаамѣ. Игуменья всю свою жизнь тормошилась и возилась съ инокинями. И по смерти выбрала себѣ между ними могилу. Ея, Анфисы Кирилловны, мѣсто лучше. Деревьевъ нѣтъ, правда. За-то солнцу доступа больше. Опять-же тишина. Сюда часто монахини заходятъ, а туда, въ тотъ уголокъ, рѣдкая забредетъ...

— Тишина! еще разъ повторяла она, всю свою жизнь любившая тишину, — опять-же и то — тутъ, гдѣ мать Варлаама хочетъ—гробъ у гроба стоитъ почитай. Тѣсно. А ей—просторно будетъ. Тихо около. Пріятельницы ея все-таки шагахъ въ шести-семи.

Потолковавъ съ Варлаамой, обѣ онѣ подымались и шли вонъ отсюда, вздыхая и совершенно спокойно думая о переселеніи въ землю, точно изъ одной кельи въ другую.

— Рано только ты собралась, мать! укоряла ее Варлаама.

Старушка молча улыбалась — она знала, и это ей было довольно.

— Вотъ что́, пришла она разъ къ матери Серафимѣ.—Вы ужь не оставьте мою Вѣрочку. Въ случаѣ...

— Ну, еще подождемъ этого случая. Ишь какая вы бодрая стали.

— Господь мнѣ посылаетъ. Потому надо... И свѣчка какъ погасаетъ, такъ вспыхиваетъ...

— Ну, ну! А за Вѣрочку вы не безпокойтесь. Я уже все обдумала. Ей, мать моя, безъ насъ-то еще и лучше будетъ. Что ужь тутъ! Мы вѣдь, старухи, только на дорогѣ стоимъ у нихъ. Живому—живое, и молодому—не то нужно...

— Такъ, такъ, что ужь... я ужь...

— Ну да, *ужь*... засмѣялась мать Серафима.—На ноги мы Вѣрочку поставили, а тамъ *ужь* ея будетъ дѣло.

— Вотъ, вотъ я и говорю ужь.

Въ церкви Анфиса Кирилловна служила все панихиды по покойномъ мужѣ и на колѣняхъ горячо молилась, чтобы вмѣнилъ ему Господь мученическую кончину его во искупленіе. Милостыню раздавала она отъ имени его и вклады дѣлала.

Затѣмъ еще черезъ нѣсколько дней внезапно простилась съ Вѣрочкой и уѣхала.

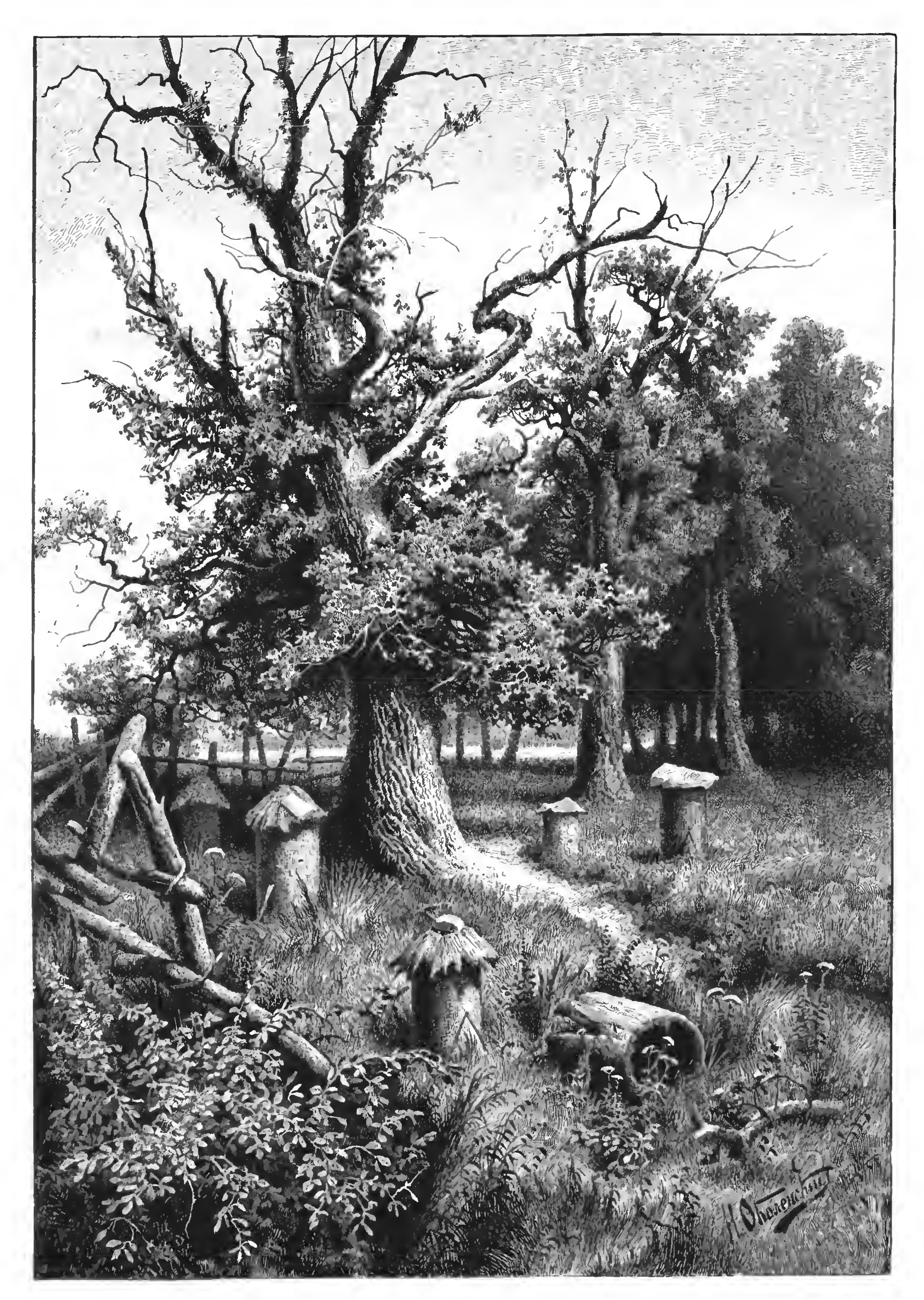
— Куда? спрашивали ее.

— Такъ, надо. Дѣло одно.

Вернулась черезъ недѣлю просвѣтленная совсѣмъ.

— Ну, теперь все покончила! радовалась она.—Теперь ужь никакихъ дѣловъ такихъ за мною... Была на могилѣ дочери, поправить велѣла,—крестъ-то покосился. Опять-же панихиду отслужила и поплакала. Теперь ужь хоть завтра въ дорогу.

(Продолженіе будетъ).

Пчельникъ. Ориг. рис (собств. „Нивы") Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

IX.

Она съ перваго взгляда признала меня.

— Добро пожаловать, соколикъ мой ясный! Вотъ уже не чаяла видѣть. Какими судьбами нечаянно-негаданно занесъ тебя Господь въ наши края?

— Да вотъ собрался Кориныхъ навѣстить, за старинную хлѣбъ-соль поблагодарить, а взамѣнъ радушной встрѣчи нашелъ одинъ пустой, заколоченный домъ.

И грустная нота, вопреки самообладанію, звучала въ моемъ голосѣ.

— О! о! охъ! вздохнула Аксинья, — грѣхи наши тяжкіе, и на все-то Его Господня воля! Не долго послѣ твоего посѣщенія, пришлось ему голубчику, Андрей-то Васильевичу, своимъ земнымъ странствіемъ порадовать семейку. Турецкія да французскія вражьи пули много разъ щадили его разудалую головушку, а довелось ему смерть принять отъ самой этой ретиматизики, что по зимамъ да въ ненастье его одолѣвала. Въ самыя святки она пуще всего и разыгрался! Сколько я въ ту пору барышнѣ ни подсобляла его сердечнаго разными спиртами да снадобьями растирать—все проку не было. За дохтуромъ послали, а онъ только на себя форсу напускаетъ; прости Господи, не болѣ насъ грѣшныхъ смыслитъ. Все-то онъ ихъ успокаиваетъ; кручиниться не велитъ, не опасно молъ, терпѣть надо. Погода установится — полегчаетъ. А не успѣлъ онъ отъѣхать, совсѣмъ плохо стало. На что выносливъ старикъ, а ужъ тутъ невмоготу знать. Хватаетъ все за лѣвый бокъ, да жалобно стонетъ. Дотронуться до себя не даетъ. Гонца погнали, дохтура воротилъ. Какъ вошелъ да поглядѣлъ, только руками развелъ. Сталъ это онъ по своему, по ученому, толковать, что гнѣздо вишь она себѣ, ретиматизика-то анаѳемская, у него въ тѣлѣ свила, ну а теперь къ самому сердцу и подступила, а супротивъ нея вся его хваленая ученость—шабашъ. Послали за попомъ, сподобилъ его Господь сообщиться пречистыхъ Таинъ, а затѣмъ и приказалъ долго жить. Барышня отъ него все время не отходила, руку его изъ своей не выпускала, и послѣдній наказъ ей такъ и отдалъ. „Береги“, говоритъ, „Олинька, мать свою. На тебя я ихъ всѣхъ оставляю.“

При этихъ словахъ растроганная воспоминаніемъ Аксинья стала громко всхлипывать, и конечно не обошлось безъ надлежащихъ причитаній. Я покорился этой необходимой дани деревенскимъ приличіямъ, и терпѣливо выдержалъ первый натискъ, но когда она должна была остановиться, чтобы перевести духъ, я поспѣшно спросилъ:

— Но что же дальше? Что вызвало ихъ отъѣздъ? Правда-ли, что Ольга Андреевна замужемъ?

— Правда, истинная правда, вдругъ оживилась она. — Чудныя дѣла на свѣтѣ бываютъ. Голенькій—*охъ*, а за голенькимъ Богъ. Дай только срокъ, все по порядку разскажу. Да я словно угорѣлая аль басурманка какая, ничѣмъ не попотчивала тебя, родимый! Не собрать-ли чайку, съ дороги-то небось проголодался?

Не мало труда стоило мнѣ убѣдить ее, что я ничего не желаю, кромѣ занимавшаго меня разсказа. Она приняла наконецъ традиціонную позу русской бабы, т. е. склонила правый високъ на широкую ладонь, локоть которой поддерживался лѣвой, и продолжала свое повѣствованіе.

Ея простая рѣчь такъ глубоко врѣзалась въ моей памяти, что я предпочитаю привести ее здѣсь почти достословно.

— Ужь и убивались они, горемычныя, сложивъ отца-батюшку въ сыру-землю. На саму барыню словно столбнякъ какой нашелъ. Слезинки не проронитъ, и день-деньской сидитъ, глаза выпялимши; ни дать, ни взять истуканъ безчувственный. Барышнѣ, самъ знаешь, уму разуму не занимать. Какъ у ней подъ сердцемъ ни точитъ, а видитъ, совладать надо, не то все прахомъ пойдетъ. Имѣньишко-то не Богъ вѣсть какое досталось, десятинъ двѣсти еле насчитаешь, а ихъ самъ-девять на лицо. Весна приспѣла и она всюду поспѣла. И въ поле съѣздитъ, и въ луга заглянетъ, и со стариками покалякаетъ. Гдѣ сподручнѣе исполу отдастъ, гдѣ нужно за покосъ или жнитво напередъ договорится. Всѣ только дивуются; съ непривычки, а все въ толкъ беретъ. Дѣло у нея въ рукахъ спорится, и ее жалѣючи, никто и въ мысляхъ не держитъ сироту объегорить. Даромъ что въ домѣ и по хозяйству атаманомъ объявилась, а за матерью, что за сырымъ яйцомъ ходитъ. Кручина-то ихъ злая помаленечку утихать стала. Видитъ вдова безпомощная что еще жить можно; на свою дочку не нарадуется, а барышня такъ привѣтливо смотритъ. На душѣ знать у ней свѣтло, что отцовскій зарокъ хранитъ свято. Урожаемъ Богъ благословилъ. Тутъ бы слѣдъ радоваться, а примѣчаю я, подъ самое Успеніе, что она, сердечная, бродитъ дня осенняго сумрачнѣе. Я къ Матренѣ толкнулась, она мнѣ своячениицей приходится, та мнѣ тайну ея и повѣдай. Братишка старшій, что въ военное обученіе сданъ, письмо прислалъ, кается ей что бумагу, лексель что-ли у нихъ прозывается, подмахнулъ; значитъ съ него уплату по немъ требуютъ, а коль онъ недоимку учинитъ, то его въ офицеры начальство не доведетъ. Читамши письмо, она побѣлѣла, что покойница, руки затряслись, а матери все жъ не сказалась. Сама управиться наровитъ. Что было деньжонокъ въ домѣ сколотила, сама къ Архипу Ѳеодотовичу сходила (что ни на есть зажиточный мужикъ на селѣ) и подъ рожь остальныя у него заняла. Все выслала въ срокъ. А сама, опосля, голубушка, убивается, какъ ей зиму долгую да голодную съ семьей промыкаться. Дома виду не покажетъ, а бывало, какъ улучитъ времячко, на могилку батюшкину убѣжитъ, припадетъ ко кресту деревянному, да горючими, сиротскими слезами такъ и обливается. Вѣришь-ли, сердце надрывается на нее глядючи. Вотъ только подъ Воздвиженіе, вечерѣло ужь, слышимъ мы вдругъ на селѣ трубы затрубили, и изъ-подъ горы охотники выѣзжаютъ. Все попарно, со сворами. Собаки-то, потомъ сказывали, все сотенныя. Позади цѣлый обозъ идетъ. Вѣстимо дѣло диковинное; разспрашивать стали: „чьи будете да откуда?“ — „Графскіе, говорятъ, издалеча; въ отъѣзжее поле собрались. Травлю покончили. Здѣсь привалъ назначенъ. Самъ баринъ слѣдомъ ѣдетъ.“

Надо же было такъ случиться что о ту пору барышня съ малыми дѣтками въ рощѣ была. Пора настала домой идти, анъ черная, грозовая туча надъ ними и повисни. Только выбрались на дорогу, а ливень и хлестать началъ. Графъ проѣзжій тутъ и подвернись. Ослобонилъ ей мѣсто рядомъ съ собой, предлагаетъ ее съ дѣточками до двора подвезти. Какъ не принять услугу! а и невдомекъ ей, голубицѣ кроткой, что суженый ейный онъ самый и есть. Катерина Александровна по дому мечется, словно кура кудахтаетъ, грозы-то самой сильно испужалась, а сердце и не чуетъ, что счастіе къ ней на тысячной тройкѣ подкатываетъ. Принялась она гостя незванаго за услугу благодарить, потчивать, и узнавши про охотничьи затѣи, уговорила на ночлегъ у нихъ въ домѣ остаться. Онъ для виду спервоначала отказывался, а Матрена опосля сказывала все на нашу писаную красавицу заглядывался. Такъ цѣлыхъ два денька и прогостилъ. Охотники его по селу разсыпались, и озорничаютъ, не приведи Господи! Съ молодыми парнями пьютъ залихватски, краснымъ дѣвкамъ спокоя не даютъ. Пиръ горой на селѣ, степенные люди только перекрестились имъ во слѣдъ, когда проводили. Глянь-ко, прошла недѣля-другая; они снова нагрянули. Графъ ужь прямо въ усадьбу. И пошло люлюканіе по полямъ да лѣсамъ. День-деньской прорыскаютъ, а вернутся съ пустыми руками. „Мѣстность барину больно приглядѣлась, кабы вотъ только не протравить зайца“, промежь себя охотники толкуютъ да зубы скалятъ. А вечера самъ-отъ всѣ у господъ проводитъ. Дѣтямъ гостинцевъ цѣлую кучу навезъ, барынѣ угодить наровитъ, а ужь передъ барышней мелкимъ бѣсомъ разсыпается. Матрена что?—а и ту не обидѣлъ; какъ собирался уѣзжать въ первый разъ, четвертную подарилъ. Ошалѣла баба, отродясь такихъ деньжищъ не было. Радовались ужь мы съ нею! Прочили нашей барышнѣ богатаго женишка, какъ вдругъ (и посейчасъ въ толкъ не возьму) промежь нихъ контра вышла. На что смиренница была, а тутъ, сказываютъ, изъ лица измѣнилась, глаза что молнія блестятъ, бросилась въ свою свѣтелку да и заперлась на ключъ. Онъ, угрюмый да гнѣвливый, зашагалъ по горницѣ, пока въ темну ночь ему коней впрягали, и съ хозяевами не простившись, былъ таковъ.

— Такъ за кого же она вышла? перебилъ я нетерпѣливо.

— Дай срокъ, развязка не далече. Объ графскихъ болѣ ни слуху, ни духу. „Отсталъ значитъ,“ думаемъ про себя. О самомъ зимнемъ Миколѣ, въ темноту, слышимъ серебряные бубенцы такъ и заливаются. Сани прямо на дворъ. Сбросилъ онъ шубу на руки оторопѣлой Матренѣ, да маршъ прямо къ самой барынѣ. „Такъ и такъ молъ, приглянулась мнѣ больно ваша дочка, благословите.“ А она, сердечная, отъ радости просто обезумѣла. Слова выговорить не можетъ. Глазами только водитъ вокругъ. Индо креститься зачала, не дьявольское-ли наважденіе къ ней подступаетъ. А барышня сама тутъ чуднѣе всѣхъ показалась. Встала тихо, плавно вымолвила: „Погодите, маменька“, да нареченнаго жениха за собой и увела. Побесѣдовали они не долго съ глазу-на-глазъ. Вышли. Онъ, что солнце сіяетъ; она, ни кровинки въ лицѣ, глаза влажные, мягкій лучъ въ нихъ свѣтится. „Порѣшили судьбу,“ говоритъ, и какъ сжатый снопъ, матушкѣ родной въ ноги упала. Ну, а затѣмъ все какъ слѣдъ. Образомъ благословили, и поднялась же сумятица въ домѣ. Женихъ торопитъ сборами. Всю семью увезъ въ свою усадьбу, далѣ чѣмъ за сто верстъ будетъ. Отъ царскихъ своихъ хоромъ маіорскій-то кровъ ему за старо лукошко казался. Тамъ и повѣнчали ихъ послѣ нова года.

— Что же у него они всѣ теперь тамъ живутъ? спросилъ я.

— Нѣтути, золотой мой. Опослѣ свадьбы Матрена еще разъ тутъ побывала. Мы всѣ даже уши развѣсили слушамши какихъ диковинъ да какого богатства она тамъ насмотрѣлась. Ужь подлинно того и въ книгахъ не прописать. Вѣришь, нѣтъ, а и голы стѣны даже въ шелковый штофъ...

Но описаніе графской роскоши, меня ничуть не занимало, и я нетерпѣливо повторилъ свой вопросъ.

— А я и запамятовала: ты про молодыхъ? Послѣ свадьбы они не долго побыли; укатили въ заморскіе края, а вернулись-ли, про то не вѣдаю. Тошнехонько было Ольгѣ Андреевнѣ со своими разставаться, но онъ самъ настоялъ, а супротивъ мужа развѣ можно идти? Старая барыня вслѣдъ за ними въ Москву собралась. У ней тамъ свойственники есть, да и парнишекъ въ гимназію—полно такъ-ли? замысловато больно—опредѣлили. Зятекъ объ ней позаботился. Содержаніе, вишь, не хуже губернаторскаго отсыпалъ.

— А изъ себя каковъ онъ? полюбопытствовалъ я.

— Вѣстимо какъ важный баринъ. Рослый, осанистый, съ лица пригожъ, только гордыни непомѣрной, всѣ сказываютъ.

— Это ей не подъ-стать. Но въ такомъ случаѣ, какъ онъ рѣшился на подобный выборъ? Коринымъ далеко до знати, съ невольной желчью возразилъ я.

— То-то онъ не сразу, родимый. Самъ отстать хотѣлъ, да ужъ на что крѣпко приворожила она его. На то и зазнобушка чтобъ не устоять.

И воспоминаніе прошлаго освѣтило ея старческое лицо не то радостною, не то плутоватою улыбкой.

— А что она, бабушка, спросилъ я послѣ минутнаго колебанія, — любитъ-ли мужа?

Аксинья удивленно расширила глаза:

— Что ты? что ты, Господь съ тобою! Нешто она негодная тварь какая! Самъ видѣлъ какъ ласкова да любовна со всѣми, а тутъ, подумай, мужъ, да еще какой! Кормилецъ и благодѣтель. Какого еще ей, на твой взглядъ, рожна нужно? Слыхалъ небось: „Мужъ любитъ жену здоровую, жена—мужа богатаго"?

Лишнее было бы допытываться болѣе.

— Спасибо тебѣ, бабушка, теперь все развѣдалъ про Кориныхъ, кромѣ одного и самаго существеннаго. Какъ теперешняя фамилія Ольгѣ Андреевнѣ?

— Фамилія? переспросила она недоумѣвающимъ тономъ.

Я тутъ только понялъ свою оплошность и спѣшилъ пояснить:

— Да, ты мнѣ до сей поры не сказала какъ ея мужъ прозывается. Графъ да графъ; развѣ ихъ мало на Руси!

— Ну, родимый, не взыщи съ меня, старухи. Со всѣмъ моимъ удовольствіемъ услужила бы да память на старости лѣтъ отшибло. А и то правду сказать, прозвище-то охъ! какое мудреное. Натощакъ не выговоришь, право слово. Когда барышню просватали, тутъ впервые мы прослышали, да гдѣ запомнишь! И посейчасъ по всему селу про нихъ молва идетъ: графъ да графскіе; съ насъ достаточно. Чтó тутъ подѣлаешь?

И въ заключеніе она только развела руками.

Это послѣднее обстоятельство меня сильно раздосадовало; но хорошо знакомый съ сельскимъ бытомъ, я зналъ нанередъ что всякая дальнѣйшая попытка обречена на безуспѣшность.

Пока ямщикъ выкармливалъ усталыхъ лошадей, а словоохотливая Аксинья суетилась около самовара, я добылъ у нея ключи и отправился къ покинутой усадьбѣ.

Пробравшись черезъ черное крыльцо, я вошелъ въ столь памятную для меня гостиную. Спертымъ и затхлымъ воздухомъ обдало меня. Неуклюжая мебель стояла разбросанною, храня еще отпечатокъ суетливаго безпорядка, нераздѣльнаго съ минутой отъѣзда. Густой слой пыли покрывалъ скринѣвшія подъ ногами половицы, на которыхъ безмятежно почивали клочки сухаго сѣна и мелко рваныя бумажки. На окнахъ все еще стояли горшки цвѣтовъ, но отъ когда-то любимыхъ питомцевъ Ольги виднѣлись лишь жалкіе, безобразные остовы. Простѣночное зеркало съ продольной трещиной словно подернулось туманомъ, и севастопольская картина перестала уже отражаться въ немъ. Я тщетно искалъ подъ ней георгіевскаго диплома, заслуженной награды стараго служаки; онъ исчезъ, но за то въ отдаленномъ углу, на покосившемся и окончательно продавленномъ диванѣ, я узналъ, между цѣлымъ ворохомъ негодной рухляди, плетеную корзинку. На днѣ ея валялся еще недошитый дѣтскій рукавчикъ.

Точно свѣтлый лучъ прошлаго ворвался вдругъ въ это мертвое запустѣніе. Я ринулся къ ней, необдуманнымъ движеніемъ схватилъ этотъ забытый признакъ дорогаго присутствія, на половину уже его запряталъ въ карманъ... и остановился.

— Не все-ли кончено безповоротно и на вѣкъ? процѣдилъ я сквозь зубы, и въ безсильномъ гнѣвѣ швырнулъ его отъ себя.

Мнѣ душно стало въ этой убогой обстановкѣ, еще такъ недавно дышавшей жизнью и радушнымъ привѣтомъ, и подъ гнетомъ невеселыхъ думъ, я вернулся къ Аксиньѣ. Молча напился чаю, и на этотъ разъ уже разсѣянно внималъ ея безконечнымъ розсказнямъ, соображая на чтó мнѣ употребить столь долго желанный отпускъ.

Мнѣ казалось что мое внезапное возвращеніе въ Т* должно неминуемо посвятить всѣхъ и каждаго въ постигшее меня разочарованіе, даромъ что я ни съ кѣмъ не обмолвился о моей завѣтной мечтѣ, и во избѣжаніе толковъ и пересудовъ, я порѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ чтобы побывать на родномъ пепелищѣ.

Какъ только подали лошадей, я распрощался съ хозяйкой, и перемѣнивъ направленіе, помчался къ самой близлежащей отъ этого захолустья, желѣзнодорожной станціи.

X.

Лѣтъ шесть спустя, мнѣ пришлось прожить недѣли двѣ въ Петербургѣ.

Наканунѣ отъѣзда, мы обѣдали вдвоемъ съ университетскимъ товарищемъ у „Медвѣдя". Адвокатъ по профессіи, но истый музыкантъ по призванію, Шмелевъ, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣдилъ меня провести съ нимъ вечеръ въ италіянской оперѣ.

Первый актъ *Фауста* былъ въ самомъ разгарѣ, когда намъ удалось, шагая черезъ изрядное число ногъ, съ трудомъ добраться до своихъ мѣстъ.

Съ тревогой завзятаго театрала, Шмелевъ быстро окинулъ сцену, и вздохнувъ облегченнымъ сердцемъ, шепнулъ мнѣ на ухо:

— Слава Богу! не опоздали!

И затѣмъ, представивъ меня своимъ собственнымъ наблюденіямъ, онъ тотчасъ погрузился въ привычный музыкальный экстазъ.

То притаивая дыханіе, онъ ждалъ хорошо знакомой трудной или высокой ноты, то вдругъ закрывалъ глаза какъ-бы сосредоточивая въ себѣ звуки ласкавшей его мелодіи, или едва примѣтно отбивалъ темпъ по колѣну такъ же вѣрно какъ палочка дирижёра носилась въ воздухѣ надъ внимательнымъ оркестромъ.

Но вскорѣ я пересталъ, внутренно подтрунивая, наблюдать за нимъ. Вліяніе истинно-художественной музыки при рѣдкостномъ исполненіи, давало себя чувствовать. Скептицизмъ мой мигомъ слетѣлъ, и я уже чувствовалъ заразительность восторженнаго одушевленія, царившаго вокругъ меня.

Въ началѣ втораго акта, легкій шорохъ заставилъ меня машинально поднять глаза.

Въ доселѣ пустую ложу входили двѣ дамы, въ сопровожденіи высокаго статскаго. На короткое мгновеніе, пока онѣ усаживались, лицо одной изъ нихъ рельефно освѣтилось яркимъ лучемъ газовой люстры.

Я почувствовалъ что весь холодѣю.

Боже мой, какія воспоминанія поднялись во мнѣ роемъ!

„Ужели она?" промелькнуло у меня въ умѣ, и сердце замерло въ трепетномъ ожиданіи.

Нечего и говорить что съ этой поры весь интересъ представленія былъ для меня потерянъ.

Я не отрывалъ упорнаго взора, напрягая всѣ старанія чтобы разглядѣть и изучить такъ поразившую меня женщину.

Она сидѣла въ полъ-оборота, такъ что на темномъ фонѣ я могъ лишь уловить тонкій, замѣчательно красивый профиль. Густая коса пепельнаго цвѣта обрамляла тяжелою діадемою едва склоненную головку. Свободно вьющіеся локоны спускались отъ нея, какъ у древнихъ статуй, открывая артистическую линію затылка и плечъ; небрежно воткнутая бриліантовая стрѣла сдерживала ихъ своенравные порывы. Бѣлое атласное платье съ вырѣзанною грудью и нитка крупнаго жемчуга обвивавшаго шею довершали ея нарядъ. Благодаря темнымъ бровямъ, еще разительнѣе казался матовый цвѣтъ ея прозрачной кожи. Она равнодушнымъ взоромъ обвела всю залу. Я такъ и впился въ ея лицо.

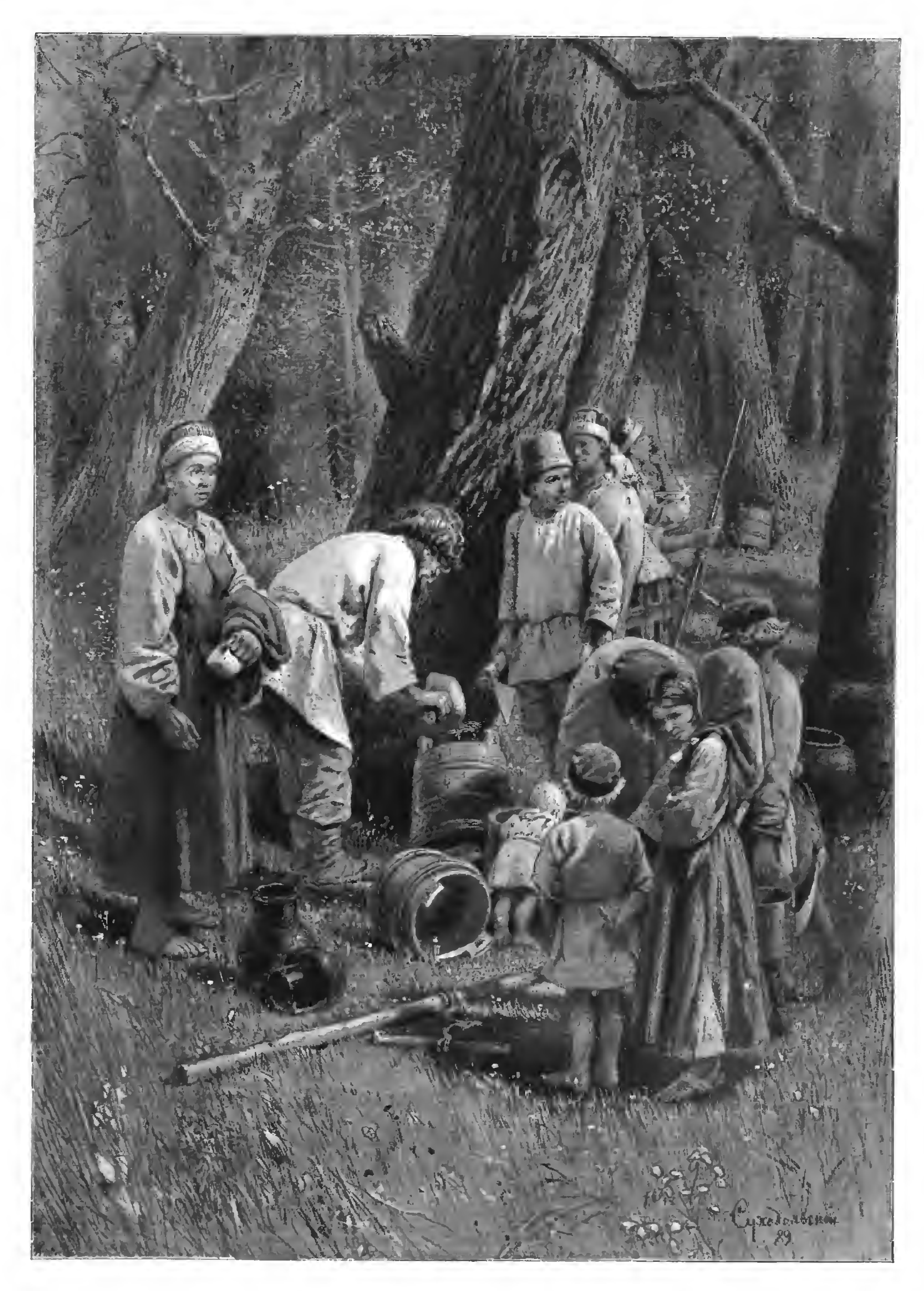
Мнѣ сдавалось что выраженіе Ольги Кориной такъ запечатлѣлось въ моей памяти, что одного взгляда достаточно чтобы подтвердить догадку или разсѣять предположеніе. Но тутъ случилось со мною то, чтó вѣроятно всякій не разъ испытывалъ во снѣ. Стремишься къ цѣли—вотъ-вотъ рукой подать, но въ рѣшительный моментъ какая-то невѣдомая сила отстраняетъ ее все дальше и дальше.

Да, формой глазъ, незнакомка какъ будто напоминала мягкій обликъ Ольги Андреевны, но они казались темнѣе, какой-то грустный, непроницаемый туманъ окутывалъ ихъ. На этихъ строгихъ, сухихъ губахъ я тщетно сталъ-бы доискиваться свѣжей довѣрчивой улыбки, такъ безпечно шедшей на встрѣчу жизненной борьбѣ.

Когда незнакомка встала въ антрактѣ, она мнѣ показалась выше Ольги; въ гибкости тонкаго стана не было слѣдовъ той крѣпкой жизненной силы, которая довершала въ Ольгѣ Андреевнѣ мощный образъ русской красавицы.

Такой быстрой, а главное, разительной перемѣны не могло быть, продолжалъ думать я, чувствуя, что колебаніе мое только усугубляется. Изъ живой, энергичной Ольги ни подъ какимъ давленіемъ не выработалась-бы эта равнодушно застывшая grande-dame. Ужь не маска-ли это? или на самомъ дѣлѣ она мнитъ себя такъ высоко, что простыхъ смертныхъ не удостоиваетъ даже небрежнымъ вниманіемъ? Нѣтъ, я вижу ясно въ ея недоступной красотѣ тепличное растеніе, расцвѣтшее подъ блѣдными лучами особеннаго, условнаго солнца. Далеко Ольгѣ Кориной до этой мраморной красавицы. Чтобы положить конецъ этому навожденію, я машинально перевелъ лорнетъ на ея сосѣдку.

Трудно было вообразить болѣе рѣзкій контрастъ. День и ночь—это сравненіе такъ и просилось на языкъ. Смуглый, чисто южный цвѣтъ лица, большіе, блестящіе черные глаза, тонкій орлиный носъ съ розовыми подвижными ноздрями какъ у арабской чистокровной лошади, свѣжія алыя губы, по временамъ блѣднѣвшія отъ нервнаго закусыванія крѣпкими бѣлыми зубами, привлекали вниманіе своей оригинальной прелестью. Курчавые

Сборъ древеснаго сока. Ориг. рис. академика Суходольскаго. грав. Ангереръ.

Верхняя часть лѣстницы въ Импер. Академіи Художествъ. Ориг. рис. О. Венига, грав. Флюгель.

волосы, воронова крыла, подстриженные по новой модѣ, спускались на крутой, энергичный лобъ. Черное шелковое платье плотно облегало ея роскошныя формы. Изъ-подъ кружевнаго рукава мелькала стройная рука, каждое движеніе которой обнаруживало сочетаніе граціи со скрытой силой. Ярко-красная живая камелія, воткнутая съ боку въ волосы, и длинная золотая змѣя, обвивавшая руку пониже локтя, были единственными свѣтлыми точками ея строгаго, изящнаго наряда.

Насколько трудно было безошибочно опредѣлить ея года, настолько легко, съ перваго взгляда, прійти къ выводу, что все существо ея дышало могучими страстями и недюжинною энергіей.

Не успѣла ея блѣдная сосѣдка встать со стула, какъ она съ видимымъ, мнѣ даже показалось—подчеркиваемымъ, уваженіемъ, послѣдовала ея примѣру. Сопровождавшій ихъ господинъ воспользовался этимъ передвиженіемъ, чтобы, быстро нагнувшись, сказать ей почти на ухо нѣсколько словъ. Ему было на видъ лѣтъ за сорокъ.

На его поблекшихъ, или точнѣе сказать, измятыхъ чертахъ лежалъ отпечатокъ величавой скуки. Все въ его сдержанной особѣ, отъ формы бѣлокурыхъ, тщательно расчесанныхъ бакенбардъ до покроя фрака и узенькаго, чуть замѣтнаго бѣлаго гастуха, изобличало англоманію, въѣвшуюся въ плоть и кровь. Однакоже за этой личиной небрежнаго равнодушія я успѣлъ подмѣтить подозрительную искорку, вспыхнувшую въ его сѣрыхъ металлическихъ глазахъ во время краткаго сообщенія.

Молодая женщина чуть-чуть повела плечомъ; не то горькая, не то непреклонная складка мгновенно скривила углы рта, зловѣщая молнія блеснула въ темномъ взорѣ и ненавистью дышащій взглядъ полетѣлъ во слѣдъ удалявшейся дамы.

„Что это—моя фантазія? или впрямь на глазахъ тысячи зрителей мрачная драма завязывается?“ мысленно спросилъ я себя, но голосъ моего пріятеля не замедлилъ прервать нить моихъ размышленій.

— Забѣльскій, да встанешь-ли ты наконецъ? Точно окаменѣлъ на креслѣ! Теперь, братъ, больше не выйдетъ. Отхлопалъ я ладони, не жалѣлъ перчатокъ, да ужъ и заслужила она! L'air des bijoux, вѣдь это пробный камень для артистки, а какъ она съ нимъ совладала!.. Но какова жара въ залѣ! прохладиться необходимо.

И сунувъ мнѣ руку подъ локоть, онъ направился къ выходу. Я воспользовался давкой, чтобы, указавъ на интересовавшую меня ложу, спросить у Шмелева не знаетъ-ли онъ кто эти элегантныя дамы.

Онъ окинулъ обѣихъ пытливымъ окомъ цѣнителя женской красоты.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—какъ это ни странно. Такихъ красавицъ нельзя проглядѣть. Какое удачное сочетаніе контрастовъ! Современный Парисъ былъ-бы въ сильномъ затрудненіи которой изъ двухъ поднести пресловутое яблоко. На мой вкусъ черная лучше, но для любителей эстетики и поэзіи блондинка совершеннѣйшій идеалъ. Это, навѣрное, иностранки. Одного кавалера, длиннаго, бѣлокураго, я не знаю,—онъ дипломатомъ такъ и смотритъ; но за то другой, только что вошедшій, это графъ Orgoni, италіанскаго посольства, одинъ изъ самыхъ соблазнительныхъ представителей золотой молодежи. Однако поздравляю, ты не совсѣмъ утратилъ вкусъ въ скитаніи по захолустьямъ. А тебѣ которая больше приглянулась?

— Право, не рѣшилъ, пытался я отвѣтить небрежнымъ тономъ;—такъ, заинтересовали обѣ. Ты мнѣ столько натрещалъ сегодня про петербургскую знать, что я имѣлъ полный поводъ предполагать, что эти выдающіяся ея представительницы тебѣ, хоть по имени, знакомы.

— Да вѣдь, повторяю тебѣ, что онѣ не абонированы, а случайныя посѣтительницы. Тѣхъ я на перечетъ знаю. А все не мѣшаетъ освѣдомиться про незнакомокъ, заключилъ онъ.

Но лишь только онъ завидѣлъ маленькій кружокъ горячо спорившихъ меломановъ, какъ дилеттантизмъ одержалъ верхъ надъ любопытствомъ. Когда онъ вернулся къ своему креслу, на мой нетерпѣливый вопросъ, онъ досадливо хлопнулъ себя по лбу, чистосердечно признаваясь:

— Виноватъ, голубчикъ! Ей-ей изъ головы вышло! Но ты не безпокойся; въ слѣдующемъ антрактѣ спеціально справками займусь.

Подъ предлогомъ не стѣснять его свободы дѣйствій, а въ сущности чтобы безпрепятственнѣе продолжать свои наблюденія, я отказался покинуть залу, и съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ-бы подчиняясь магнетической силѣ, снова сталъ слѣдить за бѣлокурой красавицей. На этотъ разъ, дама въ черномъ первою удалилась въ глубину ложи, а *она* сидѣла неподвижно, машинально перебирая складки дорогаго вѣера. Изъ-за плеча ея виднѣлось оживленное лицо красиваго иностранца. Онъ съ неподдѣльнымъ жаромъ объяснялъ ей что-то.

Вдругъ слабая краска заиграла на ея мраморномъ челѣ; она испуганно подняла густую завѣсу своихъ темныхъ рѣсницъ, и въ устремленномъ на него взорѣ многое сказалось. Нѣмой укоръ и грустное сostраданіе, а яснѣе всего прочелъ я въ это мгновеніе тяжелую, гнетущую скорбь.

Завѣса спала съ глазъ моихъ. Застывшая жизнь забилась подъ холодной маской. Что-то больно кольнуло сердце. Теперь я такъ-же хорошо зналъ, что у меня передъ глазами Ольга Корина, какъ ясно сознавалъ что надъ нею свершилось что-то недоброе.

Тотъ долженъ быть мужъ ея. Онъ всему виной. Съ мгновенно зародившимся недоброжелательствомъ, я сталъ его отыскивать глазами. Въ ложѣ его не было, и я уловилъ только странное выраженіе на лицѣ незнакомой брюнетки.

Погруженная на видъ въ чтеніе афиши, она лишь исподлобья взглядывала въ сторону Ольги. Какая-то зловѣщая черта искажала ея жгучую, безспорную красоту. Мнѣ невольно припомнилась притаившаяся змѣя, готовящаяся броситься на довѣрчивую жертву.

Кто она? Какую роль суждено ей играть въ судьбѣ Ольги Андреевны?

Но не успѣлъ я мысленно оформить эти вопросы, какъ самый обыкновенный случай позаботился дать мнѣ желанный отвѣтъ.

XI.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить человѣка счастливѣе этого графа! явственно долетѣло до моего слуха.

Я быстро оглянулся. Въ самомъ проходѣ, шагахъ въ трехъ передо мной, одинъ молодой человѣкъ, очевидно принадлежащій къ высшимъ слоямъ общества, бесѣдовалъ со стройнымъ кавалергардомъ.

— Только не для тѣхъ кто по лицу станетъ судить. Можно подумать, что онъ только что длинной англійской проповѣди, пожалуй еще натощакъ, подвергся. Отъ всей его персоны такъ и вѣетъ сплиномъ, а кажись, чѣмъ жизнь не угодила! Состояніе громадное, и къ тому-же совсѣмъ не по модѣ, въ блистательномъ порядкѣ. Служба улыбалась, да еще какъ, пока самъ изъ каприза не бросилъ. Il s'est enfin passé le luxe d'un mariage d'amour [1]), и тутъ даже счастливо попалъ. Кто-бы осмѣлился въ этой обворожительной графинѣ заподозрить какую-то бѣдную, никому не извѣстную провинціалку!

— О! я не о томъ, возразилъ первый съ усмѣшкой. — Мнѣ просто пришло на умъ, что его на показъ выставляемая respectability [2]) ничуть не мѣшаетъ отлично обставить семейную жизнь. En voilà un qui varie à sa convenance le culte de la blonde à la brune, passant de la plus adorable des femmes à la plus piquante des maîtresses [3]).

— Что ты! неужели? спросилъ оживленно офицеръ.

— Помилуй, кто-же этого не знаетъ!

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю графиню. Что ей за охота публично съ ней показываться?

— Въ томъ-то и заключается ловкость обстановки, что счастливая соперница самымъ приближеннымъ лицомъ у ней состоитъ.

— Въ качествѣ чего?

— Въ домъ ее ввели подъ фирмой воспитательницы маленькаго сына, но по этой части она кажется слаба. Мало-помалу она стала изображать изъ себя dame de compagnie [4]), и теперь ты рѣдко гдѣ встрѣтишь графиню безъ этого неизбѣжнаго сателлита. Для вящей благовидности, pour sauver la situation [5]), однимъ словомъ, графъ со сдержаннымъ вздохомъ поясняетъ своей важной роднѣ и друзьямъ, что иностранные языки страдали при незатѣйливомъ воспитаніи его жены. Онъ де слишкомъ хорошо зналъ непреклонность свѣтскихъ условій, чтобы рискнуть подвергнуть ее строгому суду безъ предварительной подготовки.

— Однакоже она экзаменъ выдержала такъ блистательно, что въ былое время намъ съ тобой и позавидовать-бы можно?

— Какъ тебѣ сказать: и да и нѣтъ. Она держится безукоризненно. Un diamant sans paille [6]), и ты въ правѣ былъ утверждать, что для какой нибудь Косиной или Вориной (что-то въ этомъ родѣ, хорошо не припомню), это въ своемъ родѣ подвигъ и не малый. Но если глубже вникнуть, въ ней много странностей; въ особенности въ складѣ ума, si toutefois elle en a [7]), такъ какъ всѣ наши дамы это единогласно отрицаютъ.

— Еще-бы! это въ порядкѣ вещей. Подобную красоту кто-же ей проститъ!

— Я не прочь съ этимъ согласиться, хотя обыкновенно, чѣмъ яростнѣе нападаетъ женскій персоналъ, тѣмъ многочисленнѣе и воодушевленнѣе являются защитники изъ нашей среды. Графиня-же не сумѣла сойтись съ женщинами, а мужчинъ оттолкнула отъ себя.

— Однако, Orgoni. Посмотри какъ южные глаза мечутъ искры. Il n'a pas l'air d'y aller de main morte [8]).

— Ничего ровно не доказываетъ. Его соціальное положеніе ухаживать за всѣми хорошенькими женщинами. Попытаетъ счастіе какъ ты, какъ я и цѣлая сотня другихъ, и убѣдившись въ безплодности любовной стратегіи, преспокойно отстанетъ.

[1]) Онъ себѣ дозволилъ роскошь жениться по любви.
[2]) Чопорность.
[3]) Вотъ человѣкъ поклоняющійся по усмотрѣнію и бѣлокурой и брюнеткѣ, такъ какъ восхитительнѣйшая изъ женъ чередуется съ самой задорной фавориткой.
[4]) Компаніонку.
[5]) Чтобы скрыть положеніе.
[6]) Бриліантъ безъ изъяна.
[7]) Если таковой имѣется.
[8]) Онъ кажется не зѣваетъ.

Il faut dire qu'elle est vertueuse comme on ne l'est plus; encore une originalité à son avoir [1]) и въ концѣ концовъ она обрѣтется въ положеніи Робинсона Крузе, а когда петербургскіе салоны изображаютъ островъ, такъ оно не завидно бываетъ. У графа бѣшеное самолюбіе. Онъ разсчитывалъ преобразить ее въ свѣтило первой величины; осѣкся, вотъ его зло и беретъ.

— До сихъ поръ я не слыхалъ чтобы они дурно жили.

— Такъ-же какъ и не подозрѣвалъ существованія M-lle Laure въ роли утѣшительницы отъ семейныхъ недочетовъ.

— Она француженка?

— По отцу, съ претензіей на particule [2]), за основаніе которой я понятно не ручаюсь, M-elle d'Erlong; но мать у нея испанка, что вполнѣ согласно съ унаслѣдованнымъ типомъ.

— Откуда и давно-ли онъ ее добылъ?

— Первый вопросъ затруднительнѣе самой ехидной геометрической задачи. Ее послушать—цѣлая романическая эпопея несчастій, обрушившихся на бѣдную но благородную семью, съ неизмѣнною при томъ ma pauvre sainte mère [3]), оставившею ее круглой сиротой. Графиню я, понятно, не посмѣлъ разспрашивать о ней, но за то мнѣ какъ-то довелось выслушать отъ мужа весьма трогательное повѣствованіе. Начиналось оно съ банкротства, разорившаго въ конецъ ея отца, затѣмъ поступленіе ея въ американскую семью, внезапный отъѣздъ которой повергъ ее въ отчаяніе и породилъ въ ней рѣшимость покончить всѣ разсчеты съ жизнью. Въ самую эту минуту счастливая случайность, il a bon dos le hasard! [4]) навязала графу благодарную роль Deus ex machina, и ввѣрила ему упроченіе дальнѣйшей судьбы безпомощной сиротки. Теперь конечно не обходится безъ злыхъ языковъ, которые утверждаютъ, что они уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣчали ее въ щегольской викторіи, dans l'allée des Acacias [5]), на авансценѣ бульварныхъ театровъ Парижа—коротко, въ томъ рѣзко очертанномъ кругу гдѣ вращается le monde où l'on s'amuse [6]). Я со своей стороны этимъ сплетнямъ вѣры не придаю. Она держится съ изумительнымъ тактомъ, да наконецъ разительное сходство не разъ вводило въ заблужденіе.

— Тѣмъ не менѣе, если въ твоихъ розсказняхъ хоть доля правды есть, возразилъ съ жаромъ кавалергардъ,— а не даромъ мы еще съ молоду тебя присяжнымъ репортеромъ величали, мнѣ искренно жаль бѣдную женщину, а поведеніе мужа въ отношеніи къ ней неизвинительно.

— Та-та-та! Съ удовольствіемъ замѣчаю, что рыцарскій пылъ еще не остылъ въ тебѣ съ корпусной скамьи. Я самъ графа недолюбливаю, какъ и весьма многіе, впрочемъ. Одного его холодно презрительнаго отношенія къ людямъ да пожалуй и ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ достаточно чтобы вселить непоборимую антипатію, но чтобы судить безпристрастно въ подобномъ дѣлѣ, необходимо стать на его точку зрѣнія. Говорятъ, что ему сначала и на умъ не приходила чудовищная, по его понятіямъ, mésalliance [1]).

— Изъ мѣщанъ какихъ-нибудь?

— Ничуть. Она безспорно даже изъ стариннаго дворянскаго рода, но вѣдь захудалыхъ теперь не оберешься. Отецъ какой-то темный армеецъ, des gens d'un autre bord, en un mot [2]). Онъ разсчитывалъ обойтись съ простой, наивной дѣвочкой по традиціямъ Richelieu, но оказалось что нашла коса на камень. Elle a eu le bon esprit de lui tenir la dragée haute [3]). Онъ только что заперся тогда въ деревнѣ послѣ сумасбродной служебной выходки. Непривычное одиночество, неожиданное препятствіе раздули минутное увлеченіе въ необузданную страсть. Женитьба повлекла за собою неизбѣжное разочарованіе. Достигнувъ цѣли, онъ считаетъ себя съ ней вполнѣ квитъ. И если хочешь, многіе согласятся что громкое имя и богатство—щедрая плата за ловко подведенную интригу. Потому онъ и считаетъ за собою полное право искать на сторонѣ то, что уже ему прискучило въ ней. Однако пора по мѣстамъ... Сейчасъ начинаютъ.

Я ни слова не проронилъ изъ суетной болтовни, открывавшей мнѣ новый взглядъ на судьбу молодой женщины.

(Продолженіе будетъ).

О числахъ.

Германа Гатіена.

Если мы представимъ себѣ безконечно малую величину или, напротивъ, безконечно большую, то у насъ останется сознаніе, что мы не достигли еще предѣла математическихъ счисленій, такъ какъ послѣднія не имѣютъ границъ. Числа, употребляемыя въ повседневной жизни, слишкомъ доступны нашему представленію и настолько знакомы каждому изъ насъ, что на нихъ мы не будемъ останавливаться; разсмотримъ только тѣ, съ которыми рѣже приходится имѣть дѣло.

Наименованіе болѣе крупныхъ чиселъ, переходящихъ за милліонъ, подавало поводъ ко многимъ спорамъ. Наименованіе это бываетъ различно не только у различныхъ народностей, но и въ средѣ одного и того-же народа.

Въ 1871 году французы узнали отъ своего временнаго правительства, что они должны выплатить Германіи 5 билліоновъ франковъ военной контрибуціи, а такъ какъ эту сумму имъ удалось внести раньше чѣмъ было опредѣлено мирнымъ договоромъ, то они стали называть число 5 билліоновъ ничтожнымъ. Сравнительно говоря, сумма военной контрибуціи дѣйствительно была ничтожна, такъ какъ равнялась только одной тысячной части 5 билліоновъ, а именно 5,000 милліонамъ. Французы называютъ билліономъ уже 1,000 милліоновъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что названіе билліонъ должно относиться къ милліону милліоновъ, точно такъ же какъ милліономъ называется тысяча тысячъ.

Но и нѣмцы часто ошибочно называютъ милліонъ билліоновъ (1 и 18 нулей) трилліономъ, а потому и обозначеніе послѣдующихъ чиселъ у нихъ ошибочно. Трилліономъ, по принятому принципу долженъ, очевидно, называться билліонъ билліоновъ; всякое другое наименованіе было-бы не вѣрно.

Нижеслѣдующая небольшая таблица цифръ доказываетъ, что приведенный выше принципъ имѣетъ свои основанія и можетъ быть признанъ вполнѣ цѣлесообразнымъ:

1.000,000 милліонъ.
1.000.000,000 тысяча милліоновъ.
1.000.000.000,000 билліонъ.
1 и 18 нулей—милліонъ билліоновъ.
1 и 24 нуля—трилліонъ.

Если мы 24 нуля замѣнимъ цифрой 9, то получаемое число выразится слѣдующимъ образомъ:

Трилліонъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять милліоновъ девятьсотъ девяносто девять тысячъ билліоновъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять милліоновъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ, девятьсотъ девяносто девять.

Теперь попробуемъ дать каждой цифрѣ этого числа соотвѣтственное наименованіе, чтобы получить еще болѣе ясное изображеніе:

1 999 999 999 999 999 999 999 999
. ...девять.
. ... .девяносто.
. ... девятьсотъ.
. ...девять тысячъ.
. ... .девяносто тысячъ.
. ... девятьсотъ тысячъ.
. ...девять милліоновъ.
. ... .девяносто милліоновъ.
. ... девятьсотъ милліоновъ.
. ...девять тысячъ милліоновъ.
. ... .девяносто тысячъ милліоновъ.
. ... девятьсотъ тысячъ милліоновъ.
. ...девять билліоновъ.
. ... .девяносто билліоновъ.
. ... девятьсотъ билліоновъ.
. ...девять тысячъ билліоновъ.
. ... .девяносто тысячъ билліоновъ.
. ... девятьсотъ тысячъ билліоновъ.
. ... ..девять милліоновъ билліоновъ.
. ... .девяносто милліоновъ билліоновъ.
. ... девятьсотъ милліоновъ билліоновъ.
. ..девять тысячъ милліоновъ билліоновъ.
. .девяносто тысячъ милліоновъ билліоновъ.
. девятьсотъ тысячъ милліоновъ билліоновъ.
трилліонъ.

Далѣе:
1 и 30 нулей—милліонъ трилліоновъ.
1 и 36 нулей—билліонъ трилліоновъ.
1 и 42 нуля—милліонъ билліоновъ трилліоновъ.
1 и 48 нулей—квадрилліонъ.

Если мы эти 48 нулей замѣнимъ цифрой девять, то полученное число выразится такъ:

Квадрилліонъ; девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять милліоновъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять билліоновъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ, девятьсотъ девяносто девять милліоновъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ, девятьсотъ девяносто девять трилліоновъ; девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять милліоновъ, девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять билліоновъ; девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять милліоновъ; девятьсотъ девяносто девять тысячъ девятьсотъ девяносто девять.

---

[1]) Надо сказать, что она добродѣтельна какъ ужь не бываютъ. Это новая оригинальность на приходъ.
[2]) Т. е. d' означающій дворянское происхожденіе.
[3]) Моя бѣдная святая мать.
[4]) Благо на случай все можно валить.
[5]) Аллея Акацій, излюбленное мѣсто въ Булонскомъ лѣсу.
[6]) Свѣтъ гдѣ веселятся.

[1]) Неровный бракъ.
[2]) Люди иного берега, однимъ словомъ.
[3]) Она была настолько умна, что не сдалась ему.

Далѣе:
1 и 72 нуля: трилліонъ квадрилліоновъ.
1 и 78 нулей: милліонъ трилліоновъ квадрилліоновъ.
1 и 84 нуля: билліонъ трилліоновъ квадрилліоновъ.
1 и 90 нулей: милліонъ билліоновъ трилліоновъ квадрилліоновъ.
1 и 96 нулей: квинтилліонъ.
1 и 192 нуля: секстилліонъ.
1 и 384 нуля: септилліонъ.
1 и 768 нулей: октилліонъ.
1 и 1536 нулей: нонилліонъ.
1 и 3072 нуля: децилліонъ.

Само собой разумѣется, что нельзя составить себѣ даже приблизительнаго представленія объ этихъ колоссальныхъ цифрахъ. Если предположить, что всѣ тѣла планетной системы, включая солнце, состоятъ изъ отдѣльныхъ песчинокъ, то общее число ихъ далеко не составило-бы децилліона. Чувствуя себя безсильными объять необъятное, мы складываемъ оружіе и не идемъ дальше по этому пути. (С).

Воспоминанія Блондена.

Въ *Lippincotts Magazine* помѣщена статья знаменитаго акробата І. Ф. Блондена, заключающая въ себѣ нѣкоторыя замѣтки относительно его профессіи. Между прочимъ Блонденъ говоритъ слѣдующее:

Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, что я хожу по канату и продѣлываю на немъ разныя штуки. Существуетъ нѣсколько родовъ акробатскаго искусства; мы, знатоки дѣла, признаемъ заслуживающими вниманія только три формы, изъ которыхъ, впрочемъ, одна въ настоящее время почти совершенно вышла изъ употребленія. По степени трудности первое мѣсто занимаетъ „высокій канатъ", натягиваемый настолько высоко, насколько позволяютъ смѣлость акробата и предписанія закона; второе мѣсто принадлежитъ „низкому канату", на которомъ обыкновенно упражняются болѣе молодыя силы и который возвышается надъ землей только отъ семи до восьми футовъ; и наконецъ идетъ древне-франкскій, совершенно устарѣвшій „косой канатъ". Нечего и говорить, что при этой формѣ трудность исполненія наименьшая.

Хожденіе по проволочному канату считается также отраслью нашего искусства, но спеціалисты не признаютъ ее за таковую. Какъ это ни кажется страннымъ, но ходить по проволокѣ гораздо легче, чѣмъ по обыкновенному пеньковому канату, и при небольшомъ терпѣніи и природной способности можно въ теченіе трехъ-четырехъ недѣль усвоить элементарное искусство хожденія по проволочному канату. Одинъ изъ моихъ помощниковъ, во всю свою жизнь никогда не ставившій ноги на канатъ, разставшись со мной, въ непродолжительномъ времени сдѣлался весьма извѣстнымъ проволочнымъ акробатомъ и выручалъ большія деньги.

Канатный акробатъ, подобно поэту, родится таковымъ, его нельзя воспитать искусственно. Мнѣ самому было не болѣе четырехъ лѣтъ, когда я уже прыгалъ по канату, а восьми лѣтъ въ Туринѣ далъ, въ присутствіи короля, представленіе на высокомъ канатѣ. Почти всѣ безъ исключенія молодые ученики въ циркѣ, обучаются кромѣ другихъ вещей и пляскѣ по канату, и между тѣмъ только очень немногіе идутъ далѣе первоначальныхъ правилъ искусства. Обычный способъ обученія состоитъ въ томъ, что учениковъ заставляютъ ходить по узкой доскѣ, ширина которой ежедневно убавляется, пока она не достигнетъ ширины обыкновеннаго каната.

Канатъ, употребляемый первоклассными акробатами, въ глазахъ публики кажется очень простымъ, а между тѣмъ устройство его и постановка требуютъ чрезвычайной тщательности. Канатъ, который я чаще всего употребляю, состоитъ изъ гибкой стальной проволоки, обтянутой самой лучшей пенькой; поперечникъ его имѣетъ около $1^3/_4$ дюйма, длина достигаетъ нѣсколькихъ сотъ локтей, а стоимость доходитъ приблизительно до 500 долларовъ. Замѣчу мимоходомъ, что доспѣхи, въ которыхъ я первый появляюсь, очень тяжелы и превосходной работы. Перчатки къ нимъ когда-то принадлежали знаменитому тенору Маріо. Вообще же костюмы мои обыкновенно насколько возможно легки, а на ногахъ я ношу обыкновенные тонкіе кожаные башмаки съ мягкою подошвою.

Къ полному вооруженію принадлежитъ конечно и балансирный шестъ. Употребляемый мною сдѣланъ изъ ясеневаго дерева, имѣетъ длины 26 футовъ и вѣситъ отъ сорока до пятидесяти фунтовъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей, такъ что легко разбирается и въ дорогѣ занимаетъ не много мѣста.

Мнѣ часто задаютъ вопросъ, какъ я себя чувствую, разгуливая по канату. Если хотятъ собственно знать, не испытываю-ли я чувства страха или нервнаго безпокойства, то я долженъ отвѣтить рѣшительнымъ „нѣтъ". Идя по канату, я смотрю вверхъ на 18—20 футовъ и, смотря по расположенію духа, тихо насвистываю или напѣваю про себя какую нибудь мелодію. Кромѣ того, я всегда придерживаюсь такта играющей внизу музыки, такъ какъ нахожу, что это мнѣ значительно облегчаетъ сохраненіе равновѣсія.

Ежедневныхъ упражненій я нынѣ вовсе не дѣлаю, и даже самыя трудныя штуки, какъ напр. прыжокъ черезъ стулъ на серединѣ каната, причемъ я перекувыркиваюсь въ воздухѣ и встаю на ноги по другую сторону стула, я продѣлываю обыкновенно безъ всякихъ приготовленій, какъ мнѣ на умъ взбредетъ. Поэтому я при каждомъ представленіи могу разнообразить свою программу, отчего она мнѣ и не надоѣдаетъ. Я могъ бы въ теченіе очень долгаго времени не дотрогиваться ногой до каната и затѣмъ съ такой же увѣренностью опять по немъ двигаться, какъ будто бы никогда и не прекращалъ упражненій. Въ доказательство того, какъ мало значитъ для меня упражненіе при какомъ-нибудь новомъ кунштюкѣ, я разскажу о своей поѣздкѣ на двухколесномъ велосипедѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда этотъ инструментъ былъ еще новинкою, мнѣ пришло въ голову воспользоваться имъ для моихъ представленій. Я заказалъ для себя велосипедъ съ желобкомъ въ колесахъ, чтобы его можно было установить на канатѣ, а во всемъ остальномъ онъ не отличался отъ другихъ. Его должны были мнѣ доставить нѣсколько ранѣе представленія, чтобы я могъ его испробовать, а между тѣмъ онъ прибылъ какъ разъ въ то время, когда я готовился къ выходу. Я обрадовался ему какъ ребенокъ новой игрушкѣ; тотчасъ же усѣлся на него и съ полнымъ успѣхомъ проѣхалъ на немъ предъ огромной толпой зрителей, воображавшихъ, конечно, что я упражнялся нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя я самъ никогда не испытываю безпокойства, я, къ сожалѣнію, долженъ признать, что, за исключеніемъ моихъ помощниковъ, всѣ тѣ, которыхъ я носилъ по канату на своей спинѣ, ощущали всегда сердцебіеніе. А между тѣмъ имъ нѣтъ ни малѣйшей причины страшиться. Все что отъ нихъ требуется, это сидѣть совершенно спокойно, стараться не обхватывать меня слишкомъ крѣпко за шею и все остальное предоставить мнѣ. Когда я переношу кого-нибудь въ первый разъ, я болтаю о совершенно постороннихъ вещахъ, чтобы ослабить въ немъ чувство страха, и настоятельно всегда требую, чтобы, находясь между небомъ и землею, онъ не смотрѣлъ внизъ. Однако, субъекты переносимые мною, повидимому, никогда не чувствуютъ себя вполнѣ хорошо и я всегда слышу вздохъ облегченія, когда мы достигаемъ конца каната и платформы. Не одинъ разъ жертва громко, съ глубокимъ убѣжденіемъ, восклицала: „Нѣтъ, больше никогда!"

О своемъ переходѣ чрезъ Ніагарскій водопадъ Блонденъ разсказываетъ слѣдующее: Я находился надъ водопадомъ на высотѣ почти въ 150 футовъ и долженъ былъ пройти разстояніе около 1200 футовъ. При первомъ представленіи возбужденіе было не малое. Всѣ желѣзныя дороги отправляли особые поѣзда. По обоимъ берегамъ были устроены подмостки, занимавшія приблизительно половину англійской мили въ длину; на нихъ тѣснилась толпа. Я продолжалъ свои представленія до 1860 г., когда я прошелся по канату на костыляхъ въ присутствіи принца Уэльскаго, совершавшаго тогда свое путешествіе по Соединеннымъ Штатамъ и по Канадѣ. Затѣмъ я ходилъ по канату въ холщевомъ мѣшкѣ, возилъ тачку, кувыркался, стрялялъ и таскалъ на спинѣ человѣка. Однако, хотя я вовсе не чувствую приближенія старости, во всякомъ случаѣ врядъ-ли мнѣ долго еще придется выступать публично: но когда настанетъ день, въ который канатъ мой будетъ снятъ въ послѣдній разъ, и я сложу свой балансирный шестъ, чтобы болѣе не дотрогиваться до него, мнѣ будетъ очень тяжело на сердцѣ. (С.)

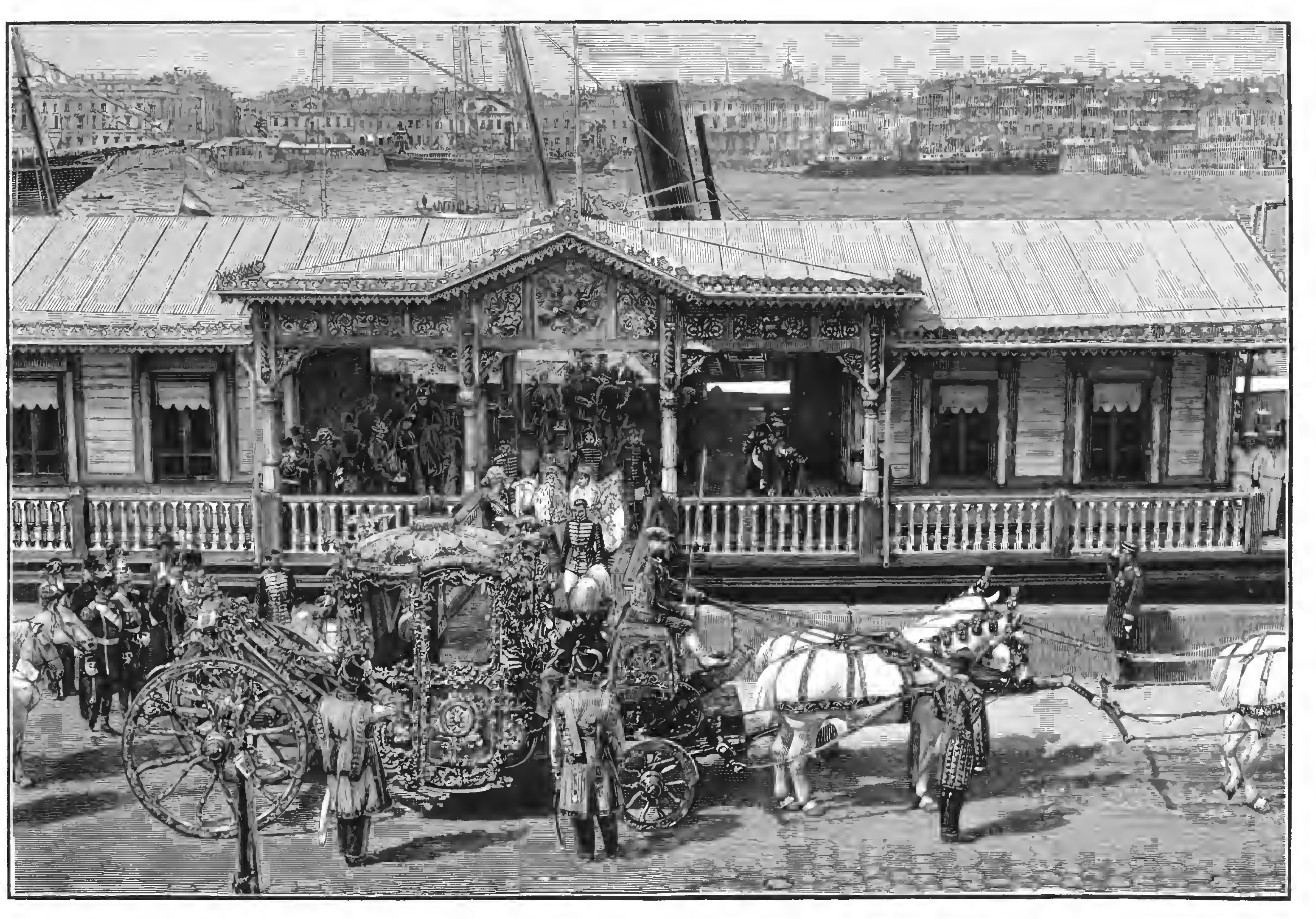
Къ рисункамъ.

Музыка и вино. (Рис. на стр. 624 и 625).

Франческо Винеа, одинъ изъ болѣе молодыхъ итальянскихъ живописцевъ, живущій во Флоренціи, особенно охотно занимается воспроизведеніемъ бытовыхъ сценъ съ фигурами XVI и XVII вѣка. Всѣ его картины написаны всегда очень нѣжно и тонко, съ сильными красочными эффектами, что можно видѣть и въ рисункѣ „Музыка и вино", помѣщенномъ на стр. 624 и 625. Молодой красавецъ, въ богатомъ костюмѣ, весело напѣваетъ миловидной простолюдинкѣ какую-нибудь мелодичную пѣсенку, которыхъ такъ много у итальянцевъ, а его слушательница, по виду служанка въ остеріи, держитъ пузатую и тонкогорлую бутылку съ искрометнымъ итальянскимъ виномъ. Оно, вмѣстѣ съ очаровательной улыбкой, будетъ наградой щеголеватому пѣвцу.

Пчельникъ. (Рис. на стр. 629).

Лѣтній полдень. Раскаленный воздухъ напоенъ ароматами цвѣтовъ. Все живое попряталось отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Ни звука, все тихо. Только изрѣдка трудолюбивая пчел-

Торжественный въѣздъ Греческой королевны Александры Георгіевны въ СПБ. Прибытіе Высоконареченной невѣсты на царскую пристань.

Съ фотогр. генерала Несвѣтевича, грав. Флюгель.

ка, прогудѣвъ въ воздухѣ, подлетитъ къ улью, вся пожелтѣвшая отъ цвѣточной пыли, торопливо вбѣжитъ въ него, чтобы сложить въ соты свою медовую ношу, и снова вылетитъ.

Сборъ древеснаго сока. (Рис. на стр. 632).

Собираніе сока растеній, для прохладительнаго питья, распространено по всему земному шару. На островѣ Явѣ, нѣкоторые ліановидные, растущіе въ сырыхъ лѣсахъ виды Cissus служатъ какъ бы растительными источниками. Изъ надрѣза виноградной лозы вытекаетъ такое количество водянистаго сока, что въ короткое время можно наполнить стаканъ и получить вкусный, прохладительный напитокъ. Многіе виды семейства араліевыхъ также доставляютъ вкусное питье, почему напр. въ Индіи даже называются растительными ключами—фитокренами. Если перерѣзать молодую цвѣточную ножку *американской агавы*, растенія извѣстнаго въ европейскихъ садахъ подъ названіемъ *столѣтняго алоэ*, то въ теченіе сутокъ вытекаетъ около 365 граммовъ, въ недѣлю 2½ килограмма сока; истеченіе его продолжается 4—5 мѣсяцевъ, причемъ хорошая агава даетъ за это время до 50 килограммовъ сока, который, благодаря содержанію сахара и бѣлковинныхъ веществъ, приходитъ въ броженіе и доставляетъ мексиканцамъ опьяняющій напитокъ, извѣстный подъ названіемъ *пулька*.

Наши клены и березы доставляютъ также значительное количество сока, если надрѣзать или просверлить стволъ аршина на полтора отъ земли. Сокъ кленовыхъ содержитъ въ себѣ кристаллическій сахаръ и у нѣкоторыхъ американскихъ видовъ въ такомъ количествѣ, что въ прежнее время его добывали для выдѣлки сахара. Березовый сокъ или березовка, вытекающій изъ надрѣзовъ дѣлаемыхъ весною, составляетъ также сладкое питье, изъ котораго съ помощью броженія и примѣсей можно приготовить березовое вино.

Лѣстница въ Имп. Академіи Художествъ.

(Рис. на стр. 633).

Величественное зданіе Академіи Художествъ въ СПБ., какъ извѣстно, строилось по проекту перваго директора ея, знаменитаго Кокоринова, но докончено не имъ, а Юріемъ Фельтеномъ, нѣмецкимъ архитекторомъ, поселившимся въ Петербургѣ около 1770 года, бывшимъ также директоромъ Академіи и умершимъ въ 1801 году. Фельтенъ, впрочемъ, ни въ чемъ не отступалъ отъ плана Кокоринова, за исключеніемъ лѣстницы, которая и была построена имъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Колоннаду же на ней съ хорами или обходомъ по верхнему этажу прибавилъ президентъ Оленинъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Фельтенъ же достроилъ и плоскій куполъ надъ среднюю главнаго фасада, закончивъ его статуей *Минервы*, изваянною профессоромъ Прокофьевымъ изъ дерева. Кромѣ того, Фельтенъ оставилъ въ Петербургѣ: зданія стараго ломбарда, лютеранскія церкви Св. Анны и Св. Екатерины и Армянскую (на Невскомъ).

Бракосочетаніе Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича съ королевною Греческою Александрой Георгіевной.

Торжественный въѣздъ Высоконареченной Невѣсты въ Петербургъ.

(Рис. на стр. 637, 640, 641, 644 и 645).

По Высочайше установленному церемоніалу, по прибытіи Августѣйшихъ Жениха и Невѣсты, особъ Императорской Фамиліи и Высокихъ гостей въ Петербургъ моремъ изъ Петергофа, торжественная процессія должна была слѣдовать отъ Царской пристани на Англійской набережной Невы вдоль набережной и затѣмъ, мимо Сената, Синода, Конногвардейскаго манежа и Исаакіевскаго сквера, по Большой Морской и Невскому до Казанскаго собора и обратно въ арку Главнаго штаба къ Зимнему дворцу. Еще накапунѣ всѣ эти улицы и площади, равно какъ и большая часть прилежащихъ и набережной Васильевскаго острова, а въ меньшей степени и вся столица украсились греческими и русскими флагами, декоративными драпировками, балдахинами, растеніями, гирляндами зелени, горностаевыми мантіями и проч. Въ день въѣзда, 3 іюня, самая Нева приняла праздничный видъ,—благодаря собраннымъ у Николаевскаго моста военнымъ судамъ: *Держава, Царевна, Рында, Витязь, Азія* и *Забіяка*, которыя съ утра расцвѣтились флагами по линіямъ главныхъ снастей, и множеству пароходовъ, сновавшихъ по всѣмъ направленіямъ вдоль и поперекъ рѣки. Съ 11½ часовъ утра по набережнымъ, площадямъ и улицамъ на пути процессіи стали шпалерами войска всѣхъ родовъ оружія, а за ними на панели многотысячныя толпы народа. Николаевскій мостъ представлялъ сплошную мозаику человѣческихъ головъ. Казалось, весь городъ высыпалъ на улицу, да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ немногихъ, оставшихся по домамъ въ качествѣ сторожей. Въ полдень, на Англійской набережной, отъ Царской пристани, начали устанавливаться золоченыя кареты, фаэтоны и коляски для Высочайшихъ особъ, придворныхъ дамъ и чиновъ, и верховыя лошади для Высочайшихъ особъ и свиты. Въ первомъ часу начался съѣздъ лицъ участвовавшихъ въ процессіи, и скоро эта часть набережной стала представлять блестящую толпу военныхъ и придворныхъ мундировъ и роскошныхъ русскихъ платьевъ придворныхъ дамъ. Ровно въ часъ на военныхъ судахъ засвистали всѣхъ наверхъ, реи покрылись шеренгами матросовъ, загрохотали пушечные выстрѣлы салюта, отдававшіеся безконечными раскатами по Невѣ и островамъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ невскихъ устьевъ эхо особенно сильно. Изъ Петергофа прибыла эскадра Императорскаго кортежа. Какъ только Императорская яхта „Александрія“ вошла въ устье рѣки, матросы на военныхъ судахъ пошли по марсамъ и стали на реяхъ, оглашая воздухъ кликами „ура“. Когда Государыня Императрица съ Высоконареченною Невѣстою сошла съ яхты на берегъ, почетный караулъ отдалъ честь, музыка заиграла греческій гимнъ. (Этотъ моментъ изображенъ на нашей гравюрѣ, стр. 637, воспроизведенной съ фотографіи генерала Несвѣтевича, снятой имъ для *Нивы*). Ихъ Величества Государь Императоръ и Король Греческій прошли по фронту караула и поздоровались съ нимъ. Государь Императоръ былъ въ общегенеральской формѣ и лентѣ ордена Спасителя, Греческій Король—въ русской формѣ и Андреевской лентѣ. Въ это время подъѣхала золотая карета, въ которую сѣла Ея Императорское Величество вмѣстѣ съ королевною Александрой Георгіевной. Карета эта замѣчательна по своей красотѣ; она вся сплошь золотая и разрисована знаменитыми художниками. Ее подарилъ въ 1746 году Фридрихъ Великій императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Слѣдующая карета была сдѣлана при Екатеринѣ Великой въ 1769 году; на ней живопись работы знаменитаго Ватто, она тоже вся золоченая. Какъ только тронулась золотая карета, въ которой заняла мѣсто Государыня Императрица, имѣя по лѣвую сторону отъ себя Высоконареченную Невѣсту, Королевну Александру Георгіевну, раздались звуки гимна и крики „ура“, единодушно и восторженно подхваченнаго массами народа. Государь Императоръ сѣлъ на бѣлаго коня. Шествіе открылось въ 1 часъ 25 минутъ пополудни, согласно церемоніалу. Солнце съ яснаго неба ярко озаряло блестящую роскошную картину (набросанную тутъ-же нашимъ сотрудникомъ, г. Алексѣевымъ, въ общемъ видѣ съ Николаевскаго моста, рис. на стр. 640, и фотографированную г. Диго съ балкона „Русскаго Ллойда“, рис. на стр. 641).

Шествіе согласно церемоніалу открылъ полиціймейстеръ съ 12 жандармами. Затѣмъ слѣдовалъ эскадронъ Собственнаго Его Величества конвоя, имѣя въ рукахъ ружья наклоненными впередъ. Далѣе, за придворными лакеями, арабами въ восточныхъ костюмахъ съ шалями черезъ плечо, скороходами съ булавами, слѣдовали чины Императорской охоты и ея начальникъ, свѣтлѣйшій князь Голицынъ, верхомъ; за нимъ ѣхалъ первый золотой фаэтонъ съ церемоніймейстерами гг. Ржевскимъ и барономъ Штемпелемъ, имѣвшими въ рукахъ жезлы; за ними ѣхалъ съ высокимъ жезломъ исправляющій должность церемоніймейстера, князь Долгорукій, также въ золоченомъ фаэтонѣ, церемоніймейстеръ князь Васильчиковъ, камеръ-юнкеры и камергеры — верхомъ, и вторые чины Двора. Далѣе ѣхали въ золоченыхъ каретахъ: греческій посланникъ князь Маврокордато, управляющій дворомъ Греческаго Короля, гофмейстеры и др. чины Двора. Въ должности гофмаршала князь Оболенскій съ высокимъ жезломъ сидѣлъ въ открытомъ фаэтонѣ; за нимъ слѣдовала карета въ шесть лошадей цугомъ съ первыми чинами Двора. Оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой слѣдовалъ съ жезломъ въ открытой коляскѣ.

За эскадрономъ гусаръ въ ихъ красивой формѣ, слѣдовала Ея Величество Государыня Императрица, въ каретѣ, запряженной восемью бѣлыми лошадьми, съ султанами, съ богатой упряжью, вышитой золотомъ по красному фону и украшенной блестящими стразами. У дверецъ кареты ѣхалъ шталмейстеръ Княжевичъ и командующій Собственнымъ Его Величества конвоемъ, флигель-адъютантъ Шереметевъ. За каретою Государыни Императрицы слѣдовали ихъ Величества Государь Императоръ и Король Греческій, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Наслѣдникъ Греческій, Великіе Князья и блестящая свита. Нѣкоторые Великіе Князья находились въ строю при своихъ частяхъ. За первою каретою слѣдовала вторая, въ которой ѣхали ея Величество Королева Эллиновъ и Е. И. В. герцогиня Эдинбургская Марія Александровна. По сторонамъ кареты ѣхали шталмейстеры князь Мещерскій и Новосильцовъ. Затѣмъ слѣдовали въ золотыхъ каретахъ Великія Княгини Марія Павловна и Елисавета Ѳеодоровна, Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, Великая Княжна Ксенія Александровна, Королевна Марія Греческая и герцогиня Елена Георгіевна Мекленбургъ-Стрелицкая.

Эскадронъ кирасиръ Его Величества замыкалъ поѣздъ Высочайшихъ Особъ.

За кирасирами ѣхала золотая карета съ оберъ-гофмейстери-

нею и таковая же карета съ статсъ-дамами. Далѣе слѣдовала золотая карета съ сопровождающею Е. И. В. Герцогиню Эдинбургскую г-жею Фицъ-Вильямсъ и княгинями Голицыной и Гагариной. Въ послѣдней золотой каретѣ ѣхали фрейлины. У дверецъ всѣхъ экипажей шли придворные служители, а у экипажей Высочайшихъ Особъ ѣхали шталмейстеры.

Когда поѣздъ приблизился къ Казанскому собору и Ихъ Величества вышли изъ экипажей, на паперть вышелъ высокопреосвященный Исидоръ митрополитъ С.-Петербургскій съ Крестомъ и Св. водою, въ сопровожденіи соборнаго духовенства и хора казанскихъ пѣвчихъ. При пѣніи тропаря „Заступнице усердная", вступила Царская Семья въ соборъ, гдѣ Ихъ Величества и всѣ Высочайшія Особы прикладывались къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери. Въ соборѣ было совершено краткое молитвословіе съ многолѣтіемъ. Митрополитъ Исидоръ благословилъ Высоконареченныхъ Жениха и Невѣсту иконою Казанской Божіей Матери, поднесенною причтомъ собора, и сказалъ Невѣстѣ-Королевнѣ краткое слово.

Изъ собора процессія направилась обратно по Невскому къ Зимнему Дворцу (фотографія Бруно-Зенгера на стр. 644).

Когда торжественный кортежъ приблизился къ Зимнему Дворцу, съ Петропавловской крѣпости загремѣлъ салютъ въ 101 выстрѣлъ. Парадные экипажи въѣхали во дворъ, гдѣ главный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка отдалъ честь. (Художникъ *Нивы* г. Алексѣевъ поспѣлъ на Александровскую площадь къ прибытію процессіи и набросалъ рис. на стр. 645).

Все шествіе отъ Царской пристани до Казанскаго собора и оттуда до Зимняго Дворца продолжалось полтора часа. Сплошная масса народа, размѣстившагося вдоль всего пути, восторженными привѣтствіями выражала свое искреннее сочувствіе къ радости Царской Семьи. Въ 2 ч. 40 м. раздался салютъ въ 101 выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости и началось шествіе чрезъ аванзалу, Фельдмаршальскій, Петровскій, Гербовый залы, Пикетную комнату въ соборъ. Впереди шли церемоніймейстеры, камеръ-юнкеры, камергеры и прочіе придворные чины, младшіе впереди по два въ рядъ, замыкаясь оберъ-гофмаршаломъ княземъ Трубецкимъ. Затѣмъ шествовали Высочайшія Особы. Вслѣдъ за Высочайшими Особами шествовали статсъ-дамы и фрейлины въ роскошныхъ русскихъ платьяхъ. Процессія эта представляла необычайно эффектное и рѣдкое по торжественности своей зрѣлище.

Въ соборѣ Зимняго дворца всѣ Высочайшія Особы были встрѣчены придворнымъ духовенствомъ съ духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеромъ Янышевымъ во главѣ. По совершеніи краткой молитвы, шествіе направилось обратно въ томъ же порядкѣ во внутренніе покои.

Въ началѣ четвертаго часа начался разъѣздъ, а въ 3 час. 30 м. Ихъ Императорскія Величества, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ уѣхали въ Аничковъ дворецъ.

Вечеромъ въ городѣ зажглась иллюминація и до поздней ночи по Невскому и по прилегающимъ улицамъ толпились гулявшія массы народа.

Новый, цѣнный вкладъ въ изученіе климата Россіи.

(Нѣкоторые способы предвидѣть погоду).

В. В. Иванова.

(Окончаніе).

Вотъ таблица г. Исни, составленная на основаніи наблюденій въ Бельгіи:

Напряженность дождевой линіи.	Температура воздуха.	Предсказаніе.
Меньше *i* (линія между *E* и *F*)	ниже 5°	возможенъ снѣгъ.
	выше 5°	не будетъ дождя.
Равна *i*	ниже 5°	дождь.
	между 5° и 7,5°	дождь вѣроятенъ.
	между 7,5 и 10°	дождь невѣроятенъ.
	выше 10°	не будетъ дождя.
Больше *i*, но меньше *F* и въ то же время линіи въ зеленой части явственны	ниже 7,5°	дождь невѣроятенъ.
	выше 7,5°	не будетъ дождя.
Больше *i*, но меньше *F* и линіи въ зеленой части неявственны.	ниже 10°	дождь вѣроятенъ.
	выше 10°	дождь невѣроятенъ.
Равно *F*.	при всякихъ температурахъ.	дождь.
Больше *F*		большой дождь.

Если полоса уменьшается медленно, по мѣрѣ поднятія спектроскопа къ зениту, то это служитъ признакомъ, что въ верхнихъ слояхъ воздуха находится избытокъ водяныхъ паровъ; если-же полоса постепенно усиливается, то это—признакъ приближающихся осадковъ.

Для наблюденій можно употреблять небольшіе спектроскопы, спеціально изготовляемые Броунингомъ въ Лондонѣ.

Погоду можно предвидѣть и по мерцанію звѣздъ. Кто не знаетъ, что блескъ звѣзды и ея цвѣтъ постоянно мѣняются? Каждый разъ, при наступленіи дождя, а также при увеличеніи количества паровъ въ воздухѣ, мерцаніе звѣздъ увеличивается; зимою оно вообще сильнѣе. Мерцаніе увеличивается даже за день или за два до наступленія дождя, и прекращается съ его прекращеніемъ. При приближеніи циклона, мерцаніе звѣздъ становится наибольшимъ. При преобладаніи голубаго цвѣта неба особенно можно ожидать дождя, и дождь бываетъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ рѣзче этотъ голубой цвѣтъ. Если атмосфера спокойна, то слѣдъ, описываемый звѣздою, вполнѣ рѣзокъ и правиленъ; если предстоитъ дождь, то слѣдъ дѣлается размытымъ; если воздухъ сильно взволнованъ, то слѣдъ зубчатый и напоминаетъ бахрому. При приближеніи циклона, слѣдъ получаетъ видъ какъ бы распадающагося на отдѣльныя зерна; онъ становится четкообразнымъ.

Дождя можно ожидать: 1) если солнце садится за толстую тучу, и восточный горизонтъ окрашенъ пурпуровымъ или мѣдно-краснымъ цвѣтомъ; 2) если солнце садится съ сильно окрашенными красными лучами; 3) если солнце восходитъ окруженное краснымъ кругомъ и лучи его какъ бы укорочены; 4) если при восходѣ солнца образуются облака красныя и черныя.

Золотистый цвѣтъ вечерней зари служитъ признакомъ хорошей погоды.

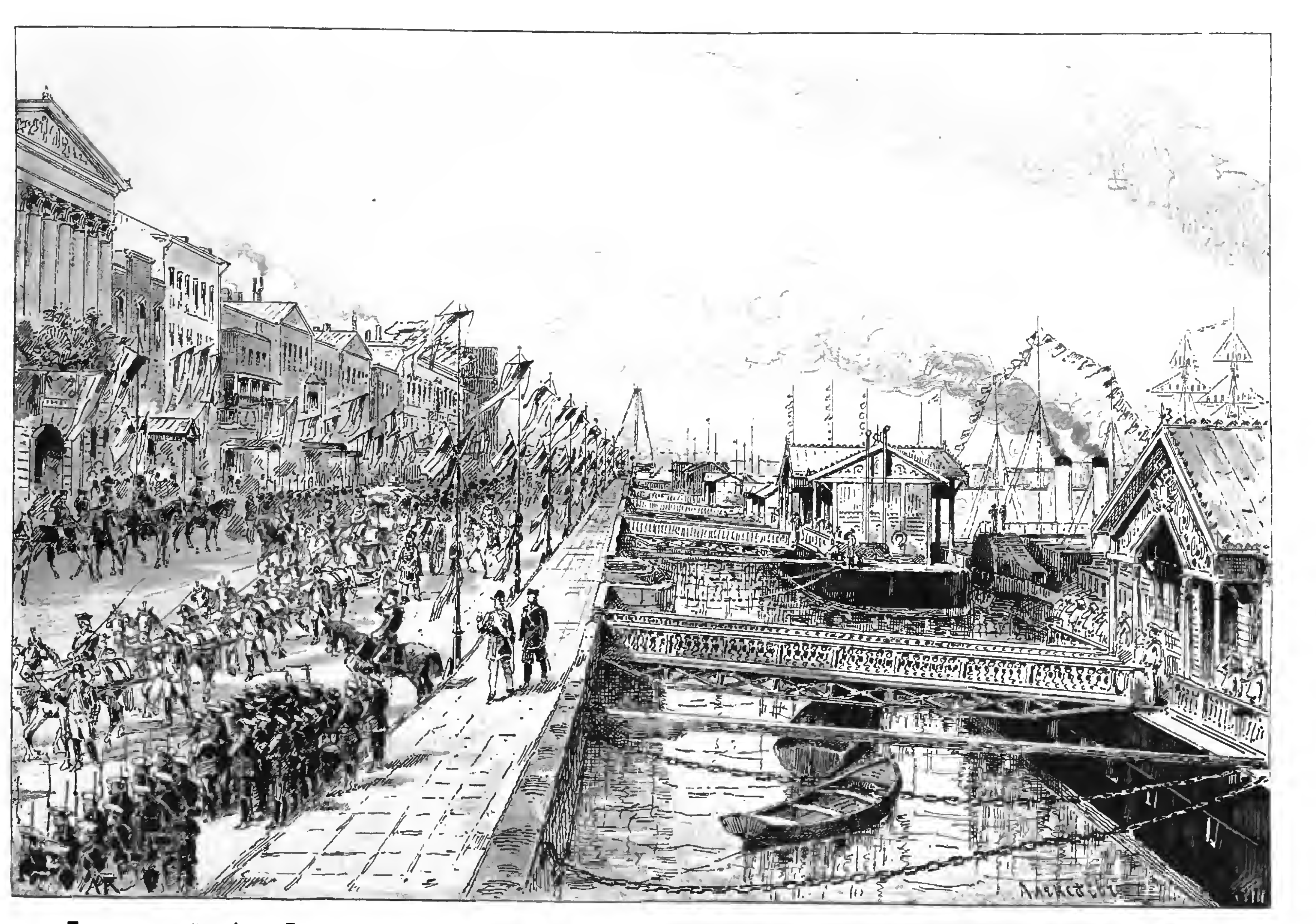
Предвидѣть дождь можно также и изъ наблюденія надъ различными степенями прозрачности воздуха: чѣмъ менѣе прозраченъ воздухъ, тѣмъ вѣроятнѣе дождь, и тѣмъ большаго его количества можно ожидать.

Наконецъ и самыя верхнія, тонкія, такъ-называемыя, по ихъ виду, *перистыя* облака указываютъ предстоящую погоду. Они чаще всего движутся отъ юго-запада, запада и сѣверо-запада. Изо *ста* случаевъ ихъ появленія, въ 74 случаяхъ можно ожидать осадковъ, а если они движутся отъ сѣверо-запада, запада и юго-запада, то вѣроятность дождя увеличивается до 80 случаевъ изъ ста. Въ среднемъ выводѣ осадки бываютъ чрезъ 18—19 часовъ послѣ появленія перистыхъ облаковъ. Если, при появленіи перистыхъ облаковъ отъ юго-запада, замѣчается и пониженіе ртутнаго столбца въ барометрѣ, то вѣроятность дождя увеличивается, и притомъ эта вѣроятность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше направленіе перистыхъ облаковъ будетъ отклоняться отъ направленія вѣтра.

IV отдѣлъ брошюры г. Клоссовскаго посвященъ грозамъ, которыя всегда сопутствуютъ циклонамъ. Грозы зарождаются главнымъ образомъ на окраинахъ большихъ циклоновъ, въ юго-восточной части послѣднихъ. Съ прекращеніемъ вихревой дѣятельности воздуха и наступленіемъ затишья, выражающагося высокимъ стояніемъ барометра, прекращается и грозовая дѣятельность. Наибольшій процентъ грозъ, а въ особенности грозъ съ градомъ, приходитъ отъ точекъ горизонта, лежащихъ между юго-востокомъ и юго-западомъ, особенно весною и осенью; лѣтомъ-же грозы болѣе равномѣрно распредѣляются по всему горизонту.

Въ заключеніе я приведу изъ брошюры г. Клоссовскаго описаніе слѣдующаго интереснаго наблюденія доктора Буйвида, завѣдывающаго бактеріологическою станціею въ Варшавѣ. 4 мая 1887 года въ Варшавѣ выпалъ градъ необычайныхъ размѣровъ. Г. Буйвидъ взялъ 1 куб. сантиметръ жидкости градины, расплавленной и очищенной отъ внѣшнихъ примѣсей, бросилъ въ стерилизованный желатинъ и потомъ вылилъ смѣсь на стеклянную пластинку; когда жидкость застыла, онъ помѣстилъ ее между двумя плоскими стеклянными колоколами. По прошествіи трехъ дней вся пластинка покрылась мелкими колоніями бактерій. Приблизительный разсчетъ показалъ, что въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ взятой воды, полученной отъ таянія градины, находилось 21,000 бактерій, изъ которыхъ каждая разрослась въ колонію. Этотъ неожиданный результатъ служитъ доказательствомъ, что бактеріи не происходятъ изъ воздуха, такъ какъ въ литрѣ воздуха Буйвидъ никогда не находилъ болѣе ста бактерій. Результаты культуры обнаружили, что бактеріи эти принадлежали стоячей водѣ.

Въ послѣдней V главѣ г. Клоссовскій разсматриваетъ два случая ливней, 28 сентября и 9 октября 1887 года, и бури и заносы 17 декабря того-же года. Я приведу здѣсь изъ этой главы описаніе бѣдствій, причиненныхъ циклономъ 17 декабря. О послѣдствіяхъ бури можно судить по слѣдующему письму землевладѣльца Скадовскаго: „Уровень воды въ Днѣпрѣ поднялся больше чѣмъ на сажень. Вода залила всѣ хаты рыбаковъ (на островахъ Днѣпра), разрушила во многихъ изъ нихъ стѣны и заставила искать спасенія на чердакахъ и скирдахъ. Запасы сѣна и камыша, сложенные въ небольшихъ стожкахъ, рыболовныя снасти и домашняя утварь у многихъ снесены въ воду. Печальная участь постигла рогатый скотъ этихъ рыболовъ. Онъ уцѣлѣлъ только у тѣхъ стариковъ, которые, благодаря своей опытности и находчивости, приняли во-время особыя мѣры; у остальныхъ онъ погибъ, частію отъ холода въ

Торжественный въѣздъ Греческой королевны Александры Георгіевны въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Алексѣева, фотохемиграфія Гоппе.

Торжественный въѣздъ Греческой королевны Александры Георгіевны въ СПБ. Шествіе процессіи по Англійской набережной.

Съ фотогр. Диго, грав. Штюблеръ.

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось провести ночь выше брюха въ водѣ, въ большинствѣ-же случаевъ волны заносили его въ Днѣпръ. Количество скота, погибшаго въ Днѣпровскихъ гирлахъ, громадно сравнительно съ количествомъ поселенцевъ гирлъ и ихъ состоятельностью. Особенно сильно проявилось дѣйствіе воды въ д. Козій Мысъ, гдѣ берегъ лимана, отстоящій обыкновенно на 40 и болѣе саженъ отъ высокой глиняной скалы, приблизился къ самой скалѣ и поднялся на высоту почти сажени, при чемъ волны размыли и разрушили материковую скалу на разстояніи 5 саж. въ глубь берега. Въ м. Станиславъ, вѣтеръ разрушилъ мельницу. Въ Херсонѣ разбило множество плотовъ, на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей“.

Это напоминаетъ мнѣ сдѣланное мною нѣсколько лѣтъ назадъ предложеніе предупреждать, посредствомъ самыхъ простыхъ семафоровъ (мачта съ подвижнымъ крыломъ наверху, ночью — фонарь), поставленныхъ по берегамъ рѣки, жителей этихъ береговъ, какъ о предстоящихъ разливахъ рѣкъ, вслѣдствіе бурь, такъ и о весеннихъ и осеннихъ половодьяхъ.

Дѣти полей.

Стихотвореніе **П. В. Быкова.**

Всѣ цвѣты и травы эти,
Что съ весною зацвѣли,—
Это все родныя дѣти
Кроткой матери-земли.
Горячо она ихъ любитъ;
Ихъ ростя изъ года въ годъ,
Грѣетъ, нѣжитъ и голубитъ
Въ пору зимнихъ непогодъ.

Чуть въ лазури засверкаетъ
Вешній лучъ, и стужи нѣтъ —
Ужь малютокъ выпускаетъ
Мать-земля на Божій свѣтъ,
Чтобъ весна изъ нихъ соткала
Для луговъ живой коверъ,
Чтобы ихъ краса ласкала
И дѣтей, и старца взоръ;

Чтобъ искалъ въ нихъ сходства съ милой
Томный юноша-поэтъ;
Чтобъ цвѣли и надъ могилой
Тѣхъ, кто палъ подъ ношей бѣдъ;
Чтобы вмѣстѣ съ лентой яркой
Въ косы ихъ вплетать могла
Чернобровая дикарка
Южно-русскаго села...

Политическое обозрѣніе.

На политическомъ горизонтѣ пронеслось было облачко, смутившее многихъ. Появились вдругъ слухи довольно безпокойнаго свойства о военныхъ приготовленіяхъ Россіи, но тотчасъ-же исчезли, какъ только стало извѣстнымъ откуда и для чего они. И нынѣ, даже въ вѣнскихъ газетахъ пишутъ: „Биржа убѣдилась теперь, что недавняя политическая тревога не имѣла никакого основанія.“ Причемъ *Politik* говоритъ, что берлинскимъ и пештскимъ распространителямъ ложныхъ слуховъ о войнѣ не везетъ и что всѣ ихъ разглагольствованія повсюду встрѣчаютъ недовѣріе и категорическія опроверженія. Тѣмъ не менѣе, они отразились неблагопріятно на биржѣ, и не только для Россіи, но и для самихъ инсинуаторовъ. Нынѣ, впрочемъ, призраки всего тревожнаго исчезли и нашъ курсъ снова поправился. Но изреченіе, что желая мира, надо готовиться къ войнѣ, у многихъ не выходитъ изъ головы, и прежде всего у Криспи. Такъ, 5 іюня, въ засѣданіи палаты депутатовъ, при обсужденіи бюджета военнаго министерства, правительство потребовало 11 милліоновъ на расходы по управленію африканскими владѣніями. Баккарини предложилъ вотировать декларацію, что ассигнованные раньше на этотъ предметъ 8 милліоновъ признаются достаточными. Криспи поставилъ вопросъ о довѣріи. Предложеніе Баккарини было отвергнуто большинствомъ 185 голосовъ противъ 66, послѣ чего палата значительнымъ большинствомъ голосовъ вотировала мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выражающій довѣріе министерству. Эта побѣда правительственной партіи, на довольно рискованной почвѣ довѣрія къ ея дѣйствіямъ, какъ-бы служитъ подтвержденіемъ того, что дружба съ Германіей обойдется Италіи не дешево.

Впрочемъ, забота объ усиленіи своихъ военныхъ средствъ проявляется не въ одной только Италіи. Во Франціи, въ самый разгаръ выставки, свидѣтельствующей о трудѣ и энергіи французовъ на почвѣ мирнаго процвѣтанія промышленности, въ то самое время, когда министръ-президентъ Тираръ просилъ представителей иностранныхъ державъ подтвердить своимъ соотечественникамъ, что „правительство французской республики, не жертвуя своимъ достоинствомъ и честью, искренно желаетъ жить въ добромъ согласіи со всѣмъ свѣтомъ“, морской министръ, адмиралъ Кранцъ, во время преній о бюджетѣ морского министерства, заявилъ что „вскорѣ потребуется сдѣлать большое усиліе въ дѣлѣ морскихъ сооруженій. Мы потребуемъ на это кредитъ въ пятьдесятъ или шестьдесятъ милліоновъ“. Но это дѣло будущаго, и нынѣ французское правительство занято своимъ исконнымъ врагомъ Буланже и его сторонниками. Послѣдніе, радѣя не въ мѣру о своемъ главарѣ, своими неосторожными поступками и рѣчами вредя себѣ и генералу, только помогаютъ его противникамъ, которые, быть можетъ, и не такъ бы усердствовали, еслибъ имъ не напоминали бы о „національной партіи“.

Неосторожное и безразсудное поведеніе Деруледа, Лагерра и другихъ буланжистовъ въ Ангулемѣ имѣло послѣдствіемъ арестованіе ихъ самихъ. Это случилось какъ разъ въ то время, когда слѣдственная коммисія открыла якобы злоупотребленія, сдѣланныя Буланже въ бытность его министромъ, по подрядамъ военному вѣдомству. Правда, генералъ Буланже поторопился дать по этому поводу объясненія корреспонденту *Figaro*, который передаетъ, что подряды эти заключены помимо обычныхъ правилъ счетоводства во время дѣла Шнебеля, и Буланже заявилъ что онъ хотѣлъ тайно и быстро экипировать 900,000 человѣкъ, а потому и далъ президенту Греви подписать декретъ, которымъ ему было разрѣшено входить въ полюбовныя соглашенія съ промышленниками. Этимъ путемъ онъ, Буланже, въ нѣсколько дней успѣлъ достигнуть того, что численность французской арміи значительно превысила германскую. *Temps*, говоря о разговорѣ Буланже съ корреспондентомъ *Figaro*, считаетъ возможнымъ утверждать, что указанные Буланже факты не составляютъ на основаніи общаго права тѣхъ пунктовъ обвиненія, которые обнаружены были дознаніемъ. Нынѣ слѣдственная коммисія верховнаго суда приступила къ препровожденію протоколовъ засѣданій къ генеральному прокурору, такъ какъ разсмотрѣнные документы и показанія свидѣтелей уже представляютъ достаточно данныхъ для того, чтобы дать ходъ дѣлу противъ Буланже. Коммисія однако продолжаетъ разсмотрѣніе секвестрованныхъ бумагъ, найденныхъ у нѣкоей мадамъ Бутонъ, на площади Маделенъ № 19, адресованныхъ отъ Буланже комитету національной партіи.

Пограничныя столкновенія въ Германіи за послѣдніе годы стали повторяться довольно часто. У всѣхъ еще въ памяти имена Шнебеля, Кауфмана и другихъ, но столкновенія изъ-за нихъ проходили довольно скоро и благополучно. Совсѣмъ иной оборотъ принимаетъ дѣло изъ-за нѣкоего Вольгемута, полицейскаго коммисара въ Мюльгаузенѣ. Онъ пріѣзжалъ въ Швейцарію для того, чтобы слѣдить за преступною дѣятельностью германскихъ соціалистовъ,—по словамъ же швейцарскихъ газетъ, якобы для побужденія ихъ къ совершенію политическихъ преступленій, почему этотъ черезчуръ усердный агентъ былъ де арестованъ, а затѣмъ и выпровоженъ изъ Швейцаріи. Но Германія не одобрила дѣйствій швейцарскихъ властей и обвиняетъ въ потворствѣ Швейцаріи соціалистамъ и анархистамъ. Такъ въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* напечатано: „1 (13) іюня представитель Германіи предъявилъ начальнику швейцарскаго департамента иностранныхъ дѣлъ жалобу на то, что Швейцарія злоупотребляетъ предоставленнымъ ей правомъ на нейтралитетъ, и что швейцарскія власти не исполняютъ сопряженныхъ съ этимъ правомъ обязанностей“. На это Союзный Совѣтъ заявилъ въ нотѣ адресованной германскому правительству, что взводимыя на швейцарскія союзныя власти обвиненія въ сообщничествѣ съ соціалистскими элементами несправедливы и неосновательны. Швейцарскія власти всегда исполняли по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ свой долгъ и свои обязательства, касающіяся нейтралитета Швейцаріи, принципъ котораго отрицается Германіей. Нейтралитетъ Швейцаріи считается однимъ изъ принциповъ международнаго права Европы и никѣмъ, и меньше всего самою Швейцаріею, не оспаривается. Швейцарія будетъ попрежнему добросовѣстно соблюдать этотъ нейтралитетъ.

Библіографія.

Flora von Deutschland. Herausgegeben von den Professoren Dr. Schlechtendal, Dr. Langethal u Dr. Ernst Schenk. V Auflage, revidirt von Dr. Ernst Hallier Professor der Botanik an der Universität Jena. Gera-Untermhaus 1888. Verlag von. E. Köhler. Band 1—30 nebst Register.

(Флора Германіи, изданная профессорами Dr. Шлехтендалемъ, Dr. Лангеталемъ и Dr. Эрнстомъ Шенкомъ. V изданіе, пересмотрѣнное и дополненное Dr. Эрнстомъ Галліеромъ, профессоромъ ботаники въ Іенскомъ университетѣ. Гера-Унтермгаусъ. 1888. Изданіе Э. Кёлера. 30 томовъ и указатель).

Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго этому изданію, заключающему въ себѣ описаніе (550 печатныхъ листовъ текста) и

изображеніе (3283 раскрашенныхъ таблицъ) всѣхъ растеній, свойственныхъ Германіи. А такъ какъ флора обѣихъ странъ болѣе чѣмъ наполовину одинакова, то сочиненіе это можно считать полезнымъ пріобрѣтеніемъ для библіотекъ и русскихъ учебныхъ заведеній. Каждое растеніе изображено на особой таблицѣ съ такимъ совершенствомъ исполненія, что рисунки трудно отличить отъ ручной акварельной работы; притомъ, средину рисунка занимаетъ общій видъ (habitus) растенія, а кругомъ изображены отдѣльныя его части въ увеличенныхъ размѣрахъ, какъ-то: листья, цвѣты, плоды и проч.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 4-й день сего іюня, въ соборной церкви Зимняго Дворца, въ Нашемъ присутствіи, торжественно совершено бракосочетаніе Любезнѣйшаго Брата Нашего Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича съ Дочерью Его Величества Короля Эллиновъ Королевною Александрою Георгіевною.

Возвѣщая о семъ радостномъ для сердца Нашего событіи и повелѣвая Супругу Великаго Князя Павла Александровича Александру Георгіевну именовать Великою Княгинею, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполнѣ убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединятъ теплыя мольбы ихъ съ Нашими ко Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постояннаго, незыблемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 4-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ девятое, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

— Въ воскресенье, 4 іюня, во второмъ часу дня, совершилось, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу, бракосочетаніе Великаго Князя Павла Александровича съ Ея Королев. Высоч. королевною Александрою Георгіевною. На Невѣ, противъ Зимняго Дворца, вытянулась флотилія Императорскихъ яхтъ. Высоконареченную Невѣсту одѣвали къ вѣнцу статсъ-дамы: княгиня Барятинская и баронесса Будбергъ, и греческая гофмейстерина г-жа Сапунцаки. Въ 1 часъ 15 минутъ началось шествіе въ церковь. Въ предшествіи придворныхъ чиновъ, Государь Императоръ шествовалъ подъ руку съ ея величествомъ королевою Эллиновъ, Государыня Императрица съ его величествомъ королемъ. Высоконареченные Женихъ и Невѣста шествовали рядомъ. Въ церкви Высочайшихъ Особъ встрѣтилъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ. Вѣнчаніе совершалъ протопресвитеръ Янышевъ. Вѣнцы держали: надъ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, Ихъ Императ. Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Вел. Кн. Алексѣй Александровичъ и Вел. Кн. Дмитрій Константиновичъ, надъ Невѣстою королевною — ея братья королевичи Наслѣдникъ Константинъ и Николай и Вел. Кн. Александръ Михаиловичъ. Послѣ вѣнчанія чинами Святѣйшаго Синода было совершено благодарственное молебствіе, сопровождавшееся установленнымъ салютомъ. Въ 5 часовъ въ Николаевской залѣ былъ обѣденный столъ, на 600 человѣкъ, для высшихъ чиновъ Двора и особъ первыхъ трехъ классовъ. Положенные по церемоніалу тосты сопровождались салютомъ съ Петропавловской крѣпости и стоявшихъ на Невѣ, противъ Дворца, судовъ.

Въ 9 часовъ въ Гербовой залѣ состоялся балъ, послѣ котораго, въ 10 час. вечера, послѣдовалъ церемоніальный отъѣздъ Высоконовобрачныхъ во Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича, на Англійской набережной, противъ Морскаго училища.

— Въ понедѣльникъ, 5 іюня, въ 9 час. вечера, въ Маріинскомъ театрѣ былъ парадный спектакль. Императорскій подъѣздъ былъ убранъ растеніями. Фойе театра, въ которомъ была устроена Императорская гостиная, превратилось въ зимній садъ, съ пальмами, латаніями и массою цвѣтовъ, совершенно скрывавшихъ перила у входовъ въ фойе. Роскошно сервированный чайный буфетъ находился въ фойе, чайные же буфеты съ прохладительными, фруктами и шампанскимъ были устроены еще въ первомъ и третьемъ ярусахъ, а также въ 4 ярусѣ, гдѣ были воспитанники военноучебныхъ заведеній и фельдфебеля гвардейскихъ полковъ.

При входѣ Ихъ Величествъ въ ложу, оркестръ исполнилъ греческій гимнъ, а затѣмъ „Боже Царя храни“. При концѣ русскаго гимна зала огласилась кликами „ура“.

Спектакль состоялъ изъ 3-го акта оперы Сѣрова „Юдиѳь“ и одно-актнаго балета „Капризы бабочки“, соч. Петипа. Легкая, веселая музыка, написанная г. Кротковымъ, вполнѣ гармонировала съ содержаніемъ балета, заимствованнымъ изъ извѣстной поэмы Я. П. Полонскаго: „Кузнечикъ-музыкантъ“. Роль бабочки исполняла балерина г-жа Никитина.

Дѣла церкви.

— Въ Вильну, 6 іюня, по случаю празднованія 50-й годовщины возсоединенія уніатовъ, прибыли епископы Арсеній Рижскій и Никаноръ Одесскій. Наканунѣ прибыли профессоры Кояловичъ и Малышевскій. Празднованіе началось 6 іюня всенощнымъ бдѣніемъ, совершеннымъ преосвященными Алексіемъ, Никаноромъ и Арсеніемъ въ Свято-Духовомъ монастырѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ начальствующихъ лицъ и пріѣзжихъ почетныхъ гостей. 7-го, въ томъ же храмѣ совершена заупокойная литургія съ панихидою по почившимъ дѣятелямъ по возсоединенію уніи. Въ часъ дня состоялось въ актовой залѣ 1-й гимназіи общее собраніе Свято-Духовскаго братства въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ членовъ-братчиковъ и почетныхъ гостей. Хоръ былъ составленъ воспитанниками духовной семинаріи и другихъ учебныхъ заведеній. Собраніе открылъ протоіерей Гомолицкій; рѣчи произнесли: преосвященный Никаноръ, проф. Кояловичъ, протоіерей Левицкій и преподаватель семинаріи Киприяновичъ. Въ заключеніе крестьянинъ Минской губ., Новогрудскаго уѣзда, произнесъ стихи своего сочиненія, вызвавшіе одобреніе всего собранія. Собраніе закончилось въ 4 часа пѣніемъ „со святыми упокой“ въ память почившихъ дѣятелей возсоединенія уніи.

8 іюня архіепископъ Алексій съ городскимъ духовенствомъ совершилъ крестный ходъ и отслужилъ молебствіе на Соборной площади. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

— Въ Полоцкѣ, 6 іюня, епископомъ Полоцкимъ и Витебскимъ Антониномъ отслужена въ Софійскомъ соборѣ всенощная, по окончаніи которой епископъ роздалъ народу крестики и брошюры въ память возсоединенія уніатовъ. 7-го, утромъ, совершенъ крестный ходъ изъ всѣхъ полоцкихъ церквей въ Софійскій соборъ, гдѣ преосвященнымъ, въ сослуженіи мѣстнаго архимандрита, ректора витебской семинаріи, и всего полоцкаго духовенства, отслужена панихида по почившимъ дѣятелямъ возсоединенія, литургія и молебенъ. На литургіи законоучителемъ кадетскаго корпуса произнесено соотвѣтствующее случаю слово. Въ юбилейномъ торжествѣ принимали участіе всѣ учебныя заведенія. На богослуженіяхъ пѣлъ соединенный хоръ воспитанниковъ учительской семинаріи и духовнаго училища. Городъ былъ украшенъ зеленью, флагами и цвѣтами.

8 іюня, совершены, при громадномъ стеченіи народа, литургія и крестный ходъ на воду. Вечеромъ въ залахъ корпуса состоялось народное чтеніе. Раздавались брошюры.

— Въ Минскѣ, 8 іюня, въ соборѣ, женскомъ монастырѣ и екатерининской церкви отслужены молебны.

— Въ Варшавѣ, 7 іюня, архіепископъ Леонтій совершилъ въ каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи архимандрита и 5 протоіереевъ, панихиду по императорѣ Николаѣ, почившимъ дѣятелямъ возсоединенія уніатовъ съ православной церковью, архіепископамъ Антонію, Василію и Михаилѣ, епископамъ Филаретѣ, Игнатіи и всѣмъ пастырямъ и мірянамъ, содѣйствовавшимъ возсоединенію. На панихидѣ присутствовали гражданскіе и военные чины, попечитель учебнаго округа, учители и ученики духовнаго училища.

— 29 минувшаго мая, происходила въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры хиротонія настоятеля Владиміро-Волынскаго первоклассчаго монастыря, архимандрита Александра въ санъ епископа Сухумскаго.

Правительственныя распоряженія.

— Въ особо уважительныхъ случаяхъ министру Финансовъ, по соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предоставляется разрѣшать отсрочку и разсрочку недоимокъ окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, числящихся на сельскихъ обывателяхъ всѣхъ наименованій, безъ ограниченія суммы, съ тѣмъ, чтобы продолжительность отсрочки не превышала пяти лѣтъ, общая же продолжительность той и другой льготы — десяти лѣтъ. При возбужденіи ходатайствъ о дарованіи сельскимъ обывателямъ льготъ по взносу окладныхъ сборовъ и выкупныхъ платежей, губернскія начальства дѣлаютъ распоряженіе о пріостановленіи, впредь до разрѣшенія сихъ ходатайствъ, взысканія недоимокъ посредствомъ отдачи недоимщиковъ въ заработки и продажи принадлежащаго имъ имущества.

— Постановлено, что „мѣщанскіе старосты и ихъ помощники, а равно члены мѣщанскихъ управъ, гдѣ сіи послѣднія учреждены по приговорамъ мѣщанскихъ обществъ, избираются срокомъ на три года.“

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на производство пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ 1 классъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ одновременно какъ ученикамъ приготовительныхъ классовъ, такъ и поступающимъ со стороны, именно въ маѣ мѣсяцѣ.

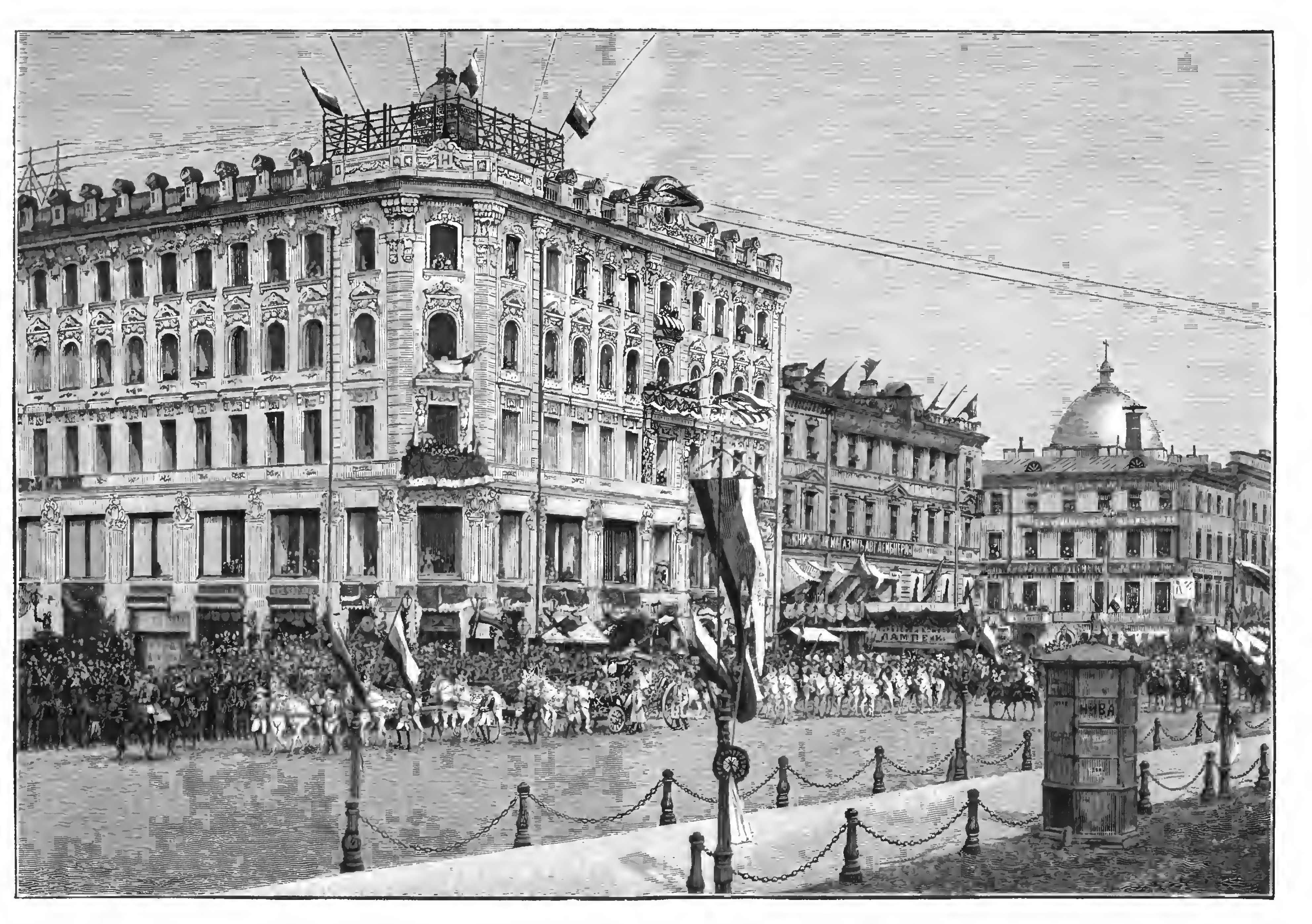
— Высочайше повелѣно: допустить избраніе маклеровъ при Николаевской биржѣ изъ нехристіанъ, но въ количествѣ 1/3 всего наличнаго состава биржевыхъ маклеровъ и съ тѣмъ, чтобы старшій маклеръ былъ обязательно изъ христіанъ, и, сообразно съ симъ, дополнить § 51 Высочайше утвержденнаго 13 декабря 1885 года устава Николаевской биржи слѣдующимъ примѣчаніемъ: „число маклеровъ изъ нехристіанъ не должно превышать 1/3 наличнаго состава биржевыхъ маклеровъ. Старшій маклеръ долженъ быть изъ христіанъ.“

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ г. Гжатскѣ, Смоленской губерніи, при мѣстной тюрьмѣ устраивается школа садоводства и огородничества.

Некрологъ.

— 1 іюня, скончался въ Петербургѣ бывшій профессоръ с.-петербургскаго университета Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ.

Торжественный въѣздъ Греческой королевны Александры Георгіевны въ СПБ. Процессія на обратномъ пути отъ Казанскаго собора.

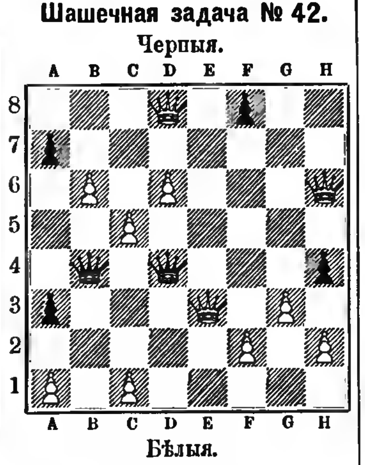
Съ фотогр. Бруно-Зенгера, грав. Рашевскій.

Торжественный въѣздъ Греческой королевны Александры Георгіевны въ СПБ. Прибытіе процессіи къ Зимнему дворцу.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Алексѣева, грав. Ольшевскій.

Шашечная задача № 42.

Черныя.

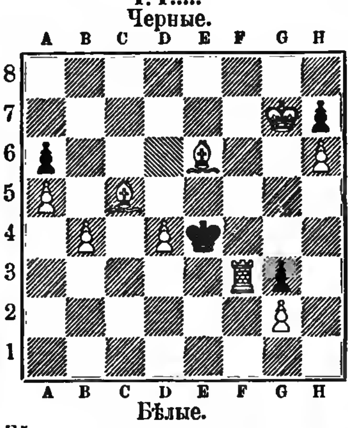
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ.

Шахматная задача № 43.

Г. Г.....

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Алгебраическая задача № 44.

Одна русская пословица состоитъ изъ 12 буквъ; если эти буквы замѣнить числами соотвѣтствующими мѣстамъ алфавита русской азбуки, то между ними получимъ слѣдующія соотношенія:

1) Разность перваго и четвертаго относится къ третьему, какъ восьмое къ десятому числу.

2) Двѣнадцатое относится къ суммѣ втораго и пятаго, какъ третье къ десятому числу.

3) Четвертое относится къ одиннадцатому, какъ разность шестаго и седьмаго къ разности девятаго и втораго.

4) Разность двѣнадцатаго и втораго относится къ пятому, какъ разность перваго и девятаго къ суммѣ четвертаго и одиннадцатаго безъ седьмаго числа.

5) Первое относится къ суммѣ третьяго и одиннадцатаго, какъ сумма восьмаго и четвертаго къ суммѣ девятаго и пятаго.

6) Третье относится къ двѣнадцатому, какъ десятое къ восьмому числу.

7) Десятое относится къ четвертому, какъ восьмое къ одиннадцатому числу.

8) Корень квадратный изъ суммы шестаго и девятаго равенъ седьмому числу.

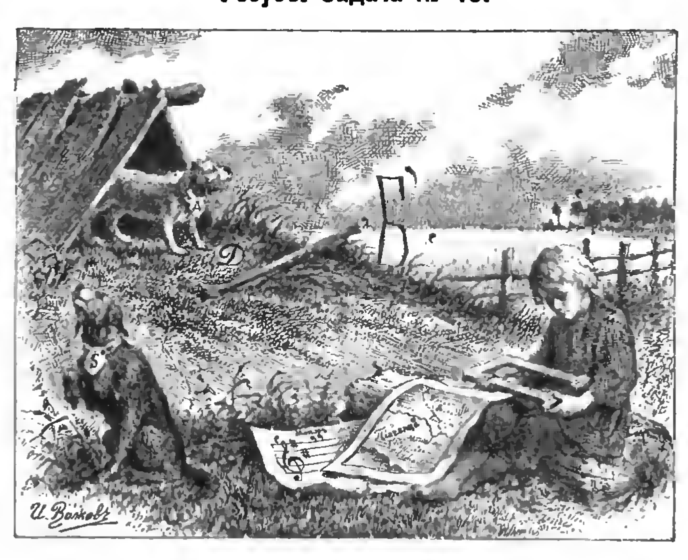
9) Корень кубичный изъ суммы девятаго и удвоеннаго седьмаго равенъ четвертому числу.

10) Удвоенное шестое число равно разности девятаго и пятаго числа.

11) Разность шестаго и седьмаго равна одиннадцатому числу.

12) Сумма восьмаго и двѣнадцатаго равна суммѣ третьяго, втораго и пятаго числа.

Ребусъ. Задача № 45.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ**
и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ,** заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.,** съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

Дозвол. цензур., СПБ., 14 іюня 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX
№ 26 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 24 іюня 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Графъ Д. Н. Блудовъ.

Незадолго передъ своею смертью знаменитый исторіографъ Карамзинъ указалъ императору Николаю Павловичу на человѣка достойнаго занять отвѣтственный постъ въ государственной высшей администраціи. Этотъ человѣкъ былъ Блудовъ, родственникъ Державина и Озерова, другъ Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Уварова, Дашкова, тотъ самый Блудовъ, чье имя тѣсно связано съ происхожденіемъ извѣстнаго Арзамасскаго общества, съ великой реформой освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ подготовительными работами ко введенію судебной реформы въ нашемъ отечествѣ. Постоянно находясь подъ благотворнымъ вліяніемъ Карамзинскаго кружка, замѣчательно способный, превосходно воспитанный, съ огромнымъ запасомъ знаній, человѣкъ рѣдкой души, онъ блистательнымъ образомъ оправдалъ рекомендацію Карамзина и своею многотрудною служебной дѣятельностью снискалъ себѣ всеобщее уваженіе, благодарность потомства и оставилъ по себѣ дорогую, незабвенную память. Графъ Блудовъ займетъ въ исторіи Россіи одну изъ блестящихъ страницъ, ибо, кромѣ заслугъ своихъ въ качествѣ неутомимаго, въ высшей степени полезнаго администратора, онъ имѣетъ большое значеніе въ умственномъ движеніи русскаго общества, какъ поборникъ науки, какъ двигатель отечественнаго образованія. Дѣятельность гр. Блудова была чрезвычайно обширна, отличалась многосторонностью. Онъ принималъ участіе въ изданіи дополненій къ Своду Законовъ, въ разработкѣ преобразовательныхъ проектовъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія вообще и по разнаго рода законодательнымъ вопросамъ въ частности. Самымъ сложнымъ трудомъ гр. Блудова была его работа по изготовленію изданнаго въ 1845 году „Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, при которой просмотрѣны и приняты въ соображеніе всѣ лучшіе своды европейскихъ

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ (по поводу 25-й годовщины его смерти). Съ соврем. портр. грав. Шюблеръ.

законодательствъ. На эту работу онъ употребилъ много времени и самаго кропотливаго труда, выказавъ бездну терпѣнія, сообразительности и обширныхъ историко-юридическихъ свѣдѣній. Немало поработалъ онъ и надъ крестьянскою реформой, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе, глубоко сочувствуя самой идеѣ освобожденія крестьянъ, и на его долю выпала за то высокая честь скрѣпить своею подписью, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, актъ освобожденія крестьянъ внутри Имперіи. Участіе графа Блудова въ дѣлѣ этого освобожденія касалось не только коренныхъ русскихъ, но и крестьянъ Царства Польскаго, на необходимости серьезной и полной крестьянской реформы въ которомъ онъ настаивалъ еще въ 1856 году, будучи вице-предсѣдателемъ польскаго департамента Государственнаго Совѣта. Онъ обращался къ тогдашнему намѣстнику Царства Польскаго, князю Горчакову, съ отношеніемъ, въ которомъ говорилъ о необходимости ограничить власть гминныхъ войтовъ, устранить общественныя управленія городскія и сельскія и преобразовать бытъ крестьянъ на основаніяхъ, постановленныхъ указомъ 1846 года. Тогда мысль эта была замята и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ получила осуществленіе.

Заботился гр. Блудовъ и о судебныхъ реформахъ въ нашемъ отечествѣ; біографы его утверждаютъ, что этотъ замѣчательный государственный человѣкъ и въ домашней бесѣдѣ, и при отправленіи служебныхъ обязанностей, всегда высказывалъ задушевную мечту свою о преобразованіи или совершенномъ измѣненіи существовавшаго у насъ порядка судопроизводства и судоустройства. Совершеніе основы труда по разработкѣ всѣхъ относящихся до преобразованія судебной части проектовъ принадлежитъ всецѣло гр. Блудову. Онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на разрѣшеніи такой важной задачи и въ качествѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Канцеляріи Его Величества составилъ и внесъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта цѣлый рядъ проектовъ, служившихъ тогда основаніемъ предположеній о преобразованіи судебной части. Не смотря на преклонныя лѣта свои, на болѣзненное состояніе, графъ Блудовъ принималъ самое дѣятельное, самое горячее участіе въ послѣдующихъ работахъ по этому многосложному государственному предпріятію. Кромѣ служебныхъ занятій, гр. Блудовъ заботился объ изданіи письменныхъ памятниковъ отечественной древности, стараясь сдѣлать ихъ доступными каждому. При немъ напечатано нѣсколько томовъ дворцовыхъ разрядовъ, копіи съ 20 записныхъ книгъ московскаго Разряднаго архива и обнародовано много актовъ, касающихся сношеній древней Руси съ иностранными державами. Состоя президентомъ Императорской Академіи Наукъ, онъ заботился о составленіи проекта новаго устава Академіи, а въ качествѣ члена Русскаго археологическаго общества и Общества исторіи и древностей россійскихъ, онъ дѣлалъ все что было въ силахъ, относясь необыкновенно тепло и участливо къ каждому полезному предпріятію ученому и литературному. По словамъ академика Грота, графъ Блудовъ, находясь „на высотѣ гражданскихъ почестей, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ наукѣ и ея представителямъ, являлъ себя не начальникомъ и не вельможею, а человѣкомъ, въ достойнѣйшемъ значеніи этого слова“. Нѣкогда онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ литературнаго движенія „блистательной и кипѣвшей новою жизнію“ Карамзинской эпохи. Въ первыя два десятилѣтія нынѣшняго вѣка онъ находился въ рядахъ той фаланги молодыхъ писателей, которая ратовала, подъ знаменемъ Карамзина, оружіемъ ироніи противъ крайностей школы Шишкова. Позднѣе онъ редижировалъ послѣдній томъ исторіи Карамзина и напечаталъ брошюру „Послѣдніе дни и кончина императора Николая I-го“, переведенную на языки польскій, французскій, англійскій и нѣмецкій. Истинный другъ просвѣщенія, гр. Блудовъ спасъ въ 1848 году наши университеты отъ закрытія, а въ послѣдніе дни жизни не переставалъ заботиться о судьбѣ нашихъ училищъ.

Таковы черты плодотворной дѣятельности этого блестящаго русскаго сановника, на котораго сыпались награды и который, имѣя всего 43 года, былъ уже въ чинѣ тайнаго совѣтника. Родъ Блудовыхъ весьма древній и происходитъ отъ воеводы Ивещея Блуда, во св. крещеніи Іоны, извѣстнаго въ концѣ X вѣка и павшаго въ борьбѣ съ поляками на Бугѣ въ 1018 году. Родоначальникъ Дмитрія Николаевича Блудова, Борисъ Семеновичъ ѣздилъ въ 1528 году посломъ Василія Іоанновича къ хану крымскому Сайдатъ-Гирею. Отъ сына этого посла, Ѳедора, родился Семенъ Ѳедоровичъ, участвовавшій въ возведеніи Бориса Годунова на царство и бывшій потомъ воеводою въ Алатырѣ. Назарій Васильевичъ Блудовъ, по прозвищу Беркутъ, находился въ числѣ воеводъ-сподвижниковъ Пожарскаго и Минина во святомъ дѣлѣ спасенія отечества; отъ седьмаго колѣна этого Беркута и произошелъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Онъ родился въ селѣ Романовѣ, Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, 5 апрѣля 1785 года, въ небогатой дворянской семьѣ. Рано потерявъ отца, онъ выросъ подъ надзоромъ матери, Екатерины Ермолаевны, рожденной Тишиной, женщины необыкновенно красивой, умной и высоконравственной. Не смотря на свою молодость, она отказалась отъ втораго брака и посвятила себя сыну, стараясь дать ему наилучшее воспитаніе. Переѣхавъ съ нимъ въ Москву, Екатерина Ермолаевна, кромѣ гувернеровъ, приглашала давать уроки сыну лучшихъ учителей, профессоровъ университета и университетскаго пансіона. Дмитрій Николаевичъ обнаружилъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ прекрасныя способности и удивлялъ всѣхъ, и наставниковъ, и постороннихъ, своею богатою памятью, которую сохранилъ до послѣднихъ дней. Къ занятіямъ наукою онъ чувствовалъ влеченіе, но еще болѣе любилъ чтеніе и въ особенности историческое, отъ котораго его было трудно оторвать. Языки французскій, нѣмецкій и итальянскій онъ зналъ прекрасно еще въ юности, а англійскій изучилъ въ Лондонѣ, въ бытность совѣтникомъ посольства. Онъ также занимался усердно и классическими древними языками, которыхъ не забылъ даже и въ старости. По обычаю того времени, онъ едва-ли не съ пеленокъ былъ занесенъ въ списки Измайловскаго гвардейскаго полка, но мать исходатайствовала сыну увольненіе изъ военной службы, и въ 1800 году, пятнадцатилѣтнимъ отрокомъ онъ поступилъ въ московскій Архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, юнкеромъ. За свои выдающіяся способности и знаніе языковъ онъ скоро произведенъ былъ въ переводчики, а затѣмъ и въ чинъ коллежскаго ассесора. Въ архивѣ онъ особенно подружился съ Андреемъ и Александромъ Тургеневыми и съ Дашковымъ; послѣдній познакомилъ его съ Жуковскимъ. Любовь къ литературѣ, театру и сходство вкусовъ быстро сблизили Блудова съ Жуковскимъ, который вмѣстѣ съ Дашковымъ и поэтомъ Карамзинымъ имѣлъ огромное вліяніе на образованіе характера Блудова. Въ 1807 году Блудовъ былъ посланъ въ Голландію, а въ 1810 получилъ мѣсто правителя дипломатической канцеляріи графа Каменскаго, который находился въ Молдавіи и посылалъ его съ важными порученіями въ Петербургъ. Изъ пребыванія своего въ Молдавіи, молодой Блудовъ вынесъ сочувствіе къ славянамъ и съ той поры гдѣ могъ отстаивалъ интересы этого племени. Въ 1813—1817 годахъ онъ состоялъ повѣреннымъ въ дѣлахъ сперва при Шведскомъ дворѣ, а потомъ при Лондонскомъ. Съ 1822 года онъ былъ откомандированъ въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ и уже болѣе не возвращался на дипломатическое поприще. Когда произошли прискорбныя событія на Сенатской площади въ декабрѣ 1825 года, Блудовъ получилъ важное порученіе присутствовать въ коммисіи по разслѣдованію бунта и за исполненіе Высочайшаго порученія былъ пожалованъ въ статсъ-секретари, назначенъ тогда-же товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и главноуправляющимъ иностранныхъ исповѣданій. За устройство греко-уніатскихъ церквей онъ получилъ въ 1828 г. высочайшую благодарность и чинъ тайнаго совѣтника. Въ 1830—1840 годахъ онъ управлялъ министерствомъ Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, снова министерствомъ Юстиціи и, наконецъ, былъ назначенъ (1839 г.) управляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ департамента Законовъ, съ пожалованіемъ тогда-же чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а съ 1840 года присутствовалъ въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго. Независимо отъ этого онъ принималъ участіе во многихъ комитетахъ: по разграниченію губерній, по устройству Закавказскаго края и проч. За многолѣтніе служебные труды свои въ 1842 году Блудовъ возведенъ въ потомственное графское достоинство. Съ воцареніемъ императора Александра II, графъ Блудовъ былъ назначенъ (1855 г.) президентомъ Академіи Наукъ, въ слѣдующемъ году предсѣдателемъ еврейскаго комитета, а потомъ (1857 г.) комитета дѣтскихъ пріютовъ, а 1 января 1862 г.—предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Д. Н. Блудовъ скончался 19 февраля 1864 г., въ тотъ самый день, когда Государь подписалъ указы объ окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ въ Польшѣ. Тѣло графа погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Графъ Блудовъ, какъ прекрасно характеризуетъ его академикъ Гротъ — принадлежа къ высшему обществу по рожденію и по обстоятельствамъ, среди почестей сохранилъ простоту нравовъ, среди обаянія власти выше всего ставилъ законность, среди легкости къ обогащенію не измѣнилъ безкорыстію и умѣренности.

П. Быковъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XIX.

Ночь была ясная, лунная. На монастырской колокольнѣ било два часа.

Анфиса Кирилловна лежала въ спальнѣ. Сегодня ей не спалось, но безсонница была легкая, безъ жару, безъ истомы, безъ тщетныхъ и мучительныхъ усилій

забыться и задремать; старушка два раза уже вставала и ходила въ комнату къ Вѣрочкѣ. Крестила внучку, при чемъ котенокъ, спавшій на подушкѣ у дѣвушки, просыпался, томно мурлыкая и раскидываясь еще вольготнѣе, упирался розовыми лапками въ разгорѣвшуюся щеку дѣвушки. Теперь старушка успокоилась, и слыша черезъ стѣну ровное дыханіе ея, широко открытыми глазами смотрѣла въ сумракъ, въ которомъ кроткій свѣтъ лампады, ровно горѣвшей за краснымъ стекломъ, боролся съ серебристымъ сіяніемъ мѣсяца, полосою ложившимся на полъ черезъ большое, ничѣмъ не завѣшенное окно. На полу рѣзко обрисовывались отраженныя вѣтви какого-то куста, порою онѣ колыхались и Анфиса Кирилловна соображало: „должно быть вѣтеръ подымается“. Разъ по полу пробѣжало черное пятно и тотчасъ бабушка вспомнила, что какая-то птица повадилась по ночамъ летать мимо, большая-большая. Какъ-то даже за окномъ ея сѣла и вся на лунномъ свѣту рѣзко обрисовалась.

И какъ тихо!.. Такъ тихо, что въ возбужденномъ слухѣ само собою рождаются загадочные звуки, плывутъ-плывутъ, свиваются и словно падаютъ въ какую-то бездну, не оставляя ничего послѣ себя. Что-то словно шуршитъ за окномъ, должно быть вѣтеръ сильнѣе... Еще и еще... Заколыхало вѣтви такъ, что онѣ въ стѣну дома застучали, точно за нею стоитъ кто-то... А свѣтъ лампады ровно льется, и отрадно Анфисѣ Кирилловнѣ смотрѣть какъ выступаетъ въ свѣтломъ кругѣ этого огонька потускнѣвшій образъ Черниговской Божіей Матери... „Ахти мнѣ“, думается старушкѣ, „обо всемъ земномъ позаботилась, а главнаго-то не сдѣлала. Ризъ на иконахъ не вычистила. Потемнѣли даже и сіяніе лампады не играетъ на нихъ, только корона свѣтится самоцвѣтными каменьями...“ Всматривается старушка въ ликъ Богородицы, благостно обращенный къ ясному лицу Младенца, сидящаго у Нея на колѣнахъ со свиткомъ въ одной рукѣ и съ другою, протянутой и сложенной словно для благословенія. И чудится Анфисѣ Кирилловнѣ, что эта рука къ ней движется, что сама Пречистая смотритъ уже не на Сына Своего, а на нее—и хорошо и легко на душѣ, и чувствуетъ она: „Умирать не страшно, хоть сейчасъ... Готова!..“

Невольно вспоминается ей какъ эта-же икона висѣла у ея матушки и такъ-же какъ у нея, т. е. съ подушекъ, обѣ онѣ видѣли ее передъ собою. Вотъ этотъ вѣнчикъ у короны сдѣлала ея мать, корону убрала рубинами и изумрудами она уже... И такъ всю жизнь со всѣми своими великими горестями и печалями провела она подъ этимъ сіяніемъ кроткимъ, и если жаловалась кому, такъ только Ей, Предстательницѣ; если и просила помощи, такъ у Нея лишь одной. И вспоминалось Анфисѣ Кирилловнѣ, какъ, избитая, вся въ синякахъ, съ болью во всемъ тѣлѣ, съ горькимъ сознаніемъ обиды въ смущенной душѣ, она лежала послѣ безобразныхъ сценъ съ мужемъ, слушая изъ другой комнаты его пьяный и дикій бредъ, и какъ подъ сіяніе этой лампады, подъ взглядомъ Пречистой Дѣвы въ ней смирялась тревога, разсѣевалось озлобленіе, упрекъ замиралъ на устахъ—и слезы кротости и любви выступали на глазахъ ея... А потомъ, словно кошмаръ, гибель всего во что она вѣрила: взяли ея мужа—и ни въ сердцѣ своемъ, ни во взорахъ близкихъ людей, невольно опускавшихся, она не находила ему оправданія. Слава Богу, прошло то время, совсѣмъ прошло. Она увезла сиротку-внучку и скрылась здѣсь въ тишинѣ и забвеніи, въ тѣни этой обители... И дни шли за днями, годы за годами—незамѣтно, одинъ похожій на другой, подъ звонъ все тѣхъ-же колоколовъ, все съ тѣми-же старицами, маленькія слабости которыхъ и огорченія не вносили особенно густыхъ тѣней въ ея счастливое существованіе... И выростила она свою дѣвочку, и чувствуетъ, что если на Страшномъ Судѣ Господнемъ спросятъ у нея, „что ты сдѣлала съ ней и чему научила ее“, она смѣло подыметъ свои очи и отвѣтитъ: „добро сдѣлала и добру научила“. И благодарное чувство наполняло сердце ея, когда она вспомнила какою любовью заплатила ей внучка, какъ она заботилась о своей старушкѣ, какъ онѣ обѣ сжились съ нею... „Призри ее, Богородица, не оставь когда меня не будетъ!“ беззвучно шепчетъ бабушка, и чудится ей во взглядѣ благостнаго лика внятное: „Призрю и не оставлю...“

„Не сдѣлала-ли я зла кому?“ роется Анфиса Кирилловна въ памяти, „можетъ по невѣдѣнію и незнаемое?“ Только въ своей душѣ она не находитъ ни раздраженія, ни чувства обиды... Она всѣмъ простила, значитъ и всѣ ее простятъ также... Одно только темнымъ облакомъ заволокло ея послѣдніе дни: смерть ея мужа... Что-то защемило сердце Анфисы Кирилловны. Она поднялась на подушкѣ. Такъ и видится ей зеленый берегъ рѣки, песчаная отмель и это прикрытое вѣтвями могучее тѣло ея безпутнаго старика, съ широкою раною на шеѣ, съ багровыми и синими подтеками на лицѣ, съ мухою такъ спокойно чистившею себѣ головку на его остеклѣвшемъ глазу, и съ другими плотною черною каймою осѣвшими на самой ранѣ... Чу, что это прожужжало въ воздухѣ? Не та-ли эта муха? Вьется... Подлетѣла къ лампадѣ, сѣла на нее, и какою-то свѣтлою искоркою упала внизъ... Да... Это одно стоитъ передъ нею—и не знаетъ она сама въ который уже разъ допрашиваетъ старушка у своей совѣсти, у иконы, которой вѣритъ, у огонька этой лампады, у тишины ночной, у полосы луннаго свѣта: могла-ли она поступить иначе?.. Вѣдь онъ самъ-бы ушелъ, только сначала измучивъ Вѣрочку, оскорбивъ въ ней все, что съ такимъ тщаніемъ было взрощено въ ея дѣтской, чистой и незлобивой душѣ. Онъ самъ-бы ушелъ, когда гармонія этой кроткой жизни была-бы нарушена... Она отпустила его съ миромъ, она снабдила его всѣмъ для новаго существованія. Онъ самъ нашелъ недостойныхъ товарищей своихъ... И опять ея уста шепчутъ молитву за него... И ужь не только ради мученической кончины его молитъ она прощенія ему,—а ради слезъ нежданно тогда пролитыхъ имъ, ради всей ея чистой жизни, ради искупленія, которое она несла за него и ради „Твоей собственной благости, Господи!“ заканчиваетъ она эту молитву. И чудится ей, что въ тишину ея комнаты вселилось что-то, что чей-то духъ стоитъ между нею и этою лампадой, но не злой, не мстительный, а очищенный скорбью и покаяніемъ. Чувствуетъ она, что не одна здѣсь, что вмѣстѣ съ нею присутствуетъ кто-то чье дуновеніе едва-едва замѣтно проносится по ея лицу — волосамъ... Даже огонекъ въ лампадѣ если и не заколебался, то все-же въ немъ замѣтно какое-то движеніе. Онъ вытянулся ярче, освѣтилъ низенькую комнату и опять упалъ за края краснаго стекла и мирно свѣтитъ оттуда на лежащую... Не забыла-ли она еще чего?.. Нѣтъ, кажется все... Да... Кому она отдастъ иконы свои? Она обѣщала Сергія Радонежскаго (слова Богу, ризу ей хорошо обновилъ мастеръ въ городѣ)—въ монастырь. Была и прежде на немъ риза, но тонкая и не искуснаго чекана. Теперь не стыдно сдѣлать это пожертвованіе, по крайности будутъ молиться и ее вспомнятъ, скажутъ: „помяни ее Господи во царствіи Твоемъ...“ Она смѣется вспоминая удивленіе мастера, которому на ризу эту она отдала старинные Екатерининскіе рублевики. Двѣсти штукъ ихъ было, отъ бабки еще достались ей они вмѣстѣ съ многими другими. Эти послѣдніе—ею и были назначены на ризу. Вонъ другія иконы — тѣ тоже въ церковь Варвары Великомученицы, а эту въ соборъ—не иначе. Черниговскую Божію Матерь—надо отдать Вѣрочкѣ. Она—фамильная. Она отъ матери къ старшей дочери спокон вѣку шла, съ тѣхъ поръ какъ еще

Степной воръ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Флюгель.

Знаменщикъ текинской конной милиціи. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **В. Радомскаго,** грав. Шлиперъ.

при Екатеринѣ I домъ сгорѣлъ и все бывшее въ немъ погибло, а на другой день среди головней, золы и угля нашли этотъ образъ уцѣлѣвшимъ и чудесно сохранившимся. Анфиса Кирилловна вѣрила, что всякая злая мысль у ея внучки испарится какъ роса подъ солнцемъ безо всякаго слѣда при одномъ взглядѣ на этотъ образъ.

И когда зазвонили утренніе колокола къ ранней обѣднѣ, когда въ кухнѣ послышался шумъ, Устинья встала, попробовала было подняться и Анфиса Кирилловна — но уже не могла. Шевельнулась и руку переложила и головой повернулась, но встать у нея не было силъ, точно ее подрѣзало что-то, ни малѣйшей боли нигдѣ, а чувствуетъ, что придется ей теперь уже лежать—пока не придетъ ея часъ... Что-же, она только улыбнулась, счастливая и тихая... А колокола звонили все громче и громче, будя окрестность и наполняя всю ея маленькую комнату своимъ торжественнымъ благовѣстомъ. Онъ еще казался торжественнѣе въ окружавшей ее мистической тишинѣ... И отзвонили... И опять безмолвіе обступило ее воспоминаніями.

Устинья вошла къ ней.

— Позови Вѣрочку.

— Встанете чай пить?

— Нѣтъ, не встану! Позови Вѣру—разбуди.

Вѣра прибѣжала встревоженная, но успокоилась увидя улыбающееся лицо бабушки.

— Что ты, милая?

— Я не встану больше, Вѣрочка.—Она положила ей руку на голову. — Помни, не разлучайся никогда съ этою иконою... указала Анфиса Кирилловна.—А остальныя въ обитель, какъ скажу я тебѣ. Вотъ что̀ еще: сегодня ты ужъ не ходи въ монастырь, а побудь со мною... Можетъ быть вечеромъ...

Но замѣтивъ что на глазахъ дѣвушки выступили слезы, она улыбнулась ей еще разъ.

— Будетъ тебѣ, глупая... Видишь я не страдаю, совсѣмъ... Что ужъ! прибавила она по своей привычкѣ.

XX.

Маленькій домикъ Рѣпьевой весь наполнился монахинями. Черные силуэты ихъ мелькали въ комнатахъ и рѣзко выдѣлялись на зеленомъ фонѣ небольшаго свѣжаго и сплошь осыпаннаго сегодня алмазною росою садика. Даже мать Степанида бросила врата обители и посадила туда на свое мѣсто молоденькую бѣлицу. Варлаама, Серафима и другія монахини безмолвно сидѣли въ гостиной, — онѣ еще не могли войти въ спальню къ Анфисѣ Кирилловнѣ. Та передъ соборованіемъ исповѣдывалась и пріобщалась. Вѣрочка, блѣдная, растерянная, показывалась то у себя гдѣ сидѣли ея товарки по школѣ рисованья, то среди важныхъ и молчаливыхъ старухъ, то въ саду. Не зная что̀ ей дѣлать, въ ожиданіи близкой бѣды и перелома всей ея жизни, она то припадала къ матери Серафимѣ, то садилась рядомъ съ Варлаамой. Бабушки все такъ же безмолвно гладили ее по головкѣ, ласкали и, точно отвѣчая ея глазамъ полнымъ слезъ, покачивали головою, словно говоря: „довольно, грѣшно роптать.“ Наконецъ и отецъ Симеонъ вышелъ и позвалъ Вѣрочку. Она бросилась къ умирающей; обняла ее и прижалась къ ея разомъ исхудавшему лицу... Какіе большіе глаза стали у бабушки, какъ обострился носъ! Губы бѣлыя-бѣлыя совсѣмъ.

— Послѣ, послѣ простимся... съ усиліемъ шепчетъ старушка.—Въ правомъ верхнемъ комодѣ пакетъ.

Вѣрочка пошла, отперла комодъ. Тамъ лежало нѣсколько конвертовъ. Дѣвушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на бабушку.

— Который отцу Симеону... за исповѣдь... Поди отдай. Этотъ-ли? Покажи. Другой за похороны, тотъ потомъ... Ихъ позови.

Вѣрочка, глотая слезы, вышла къ священнику. Тотъ взялъ конвертъ съ деньгами и изумился.

— Распорядительная старушка, похвалилъ онъ.— Обо всемъ озаботилась заранѣе, чтобы не застало ее яко тать въ нощи. Ну, что-же, дай Богъ каждому. Истинно во блаженномъ успеніи!..

Вмѣстѣ съ монахинями вошла и дѣвочка въ спальню къ бабушкѣ.

— Умру... заговорила она, — умру, такъ въ лѣвомъ верхнемъ комодѣ тутъ. Простите, Вѣрочка раздастъ.

— О насъ заботится, недовольно заговорила мать Варлаама. — И что это еще *умру* да *умру*. Вонъ я сколько разъ умирала и исповѣдывалась—и все жива, на дыбахъ-то брожу пока Господь грѣхамъ терпитъ, и ты вотъ...

Но тутъ Анфиса Кирилловна строго посмотрѣла на нее, такъ что у Варлаамы точно языкъ обрѣзало.

— А и ежели... смущенно заговорила она,—что-же, надо надѣяться...

— Я и надѣюсь на милосердіе Его! обратила старушка взглядъ на иконы.—Вижу... Но уже плохо. Словно пятно какое между мною и ими дрожитъ... Почитайте, почитайте-ко... И взглядомъ показала она на Евангеліе. Славянскаго она не понимала и держала у себя русское.

— Которую главу?

— А на удачу—раскройте...

Мать Варлаама сѣла. Кругомъ столпились монахини. Благоговѣйная тишина нарушалась только ихъ дыханіемъ, да шелестомъ платья... Игуменья раскрыла книгу и начала:

„И вотъ пришелъ человѣкъ, именемъ Іаиръ, который былъ начальникомъ синагоги. И падши къ ногамъ Іисуса, просилъ Его войти къ нему въ домъ.

„Потому, что у него была одна дочь, лѣтъ двѣнадцати и та была при смерти. Когда-же Онъ шелъ, народъ тѣснилъ Его“.

Вѣрочка, сидя въ ногахъ у бабушки, безмолвно плакала... Смутно вспоминала она потомъ, какъ совершалось соборованіе, какъ снова началось прерванное чтеніе, какъ дребезжащій, проникнутый внутреннимъ волненіемъ голосъ Варлаамы читалъ (урывками укладывалось все это въ памяти дѣвушки:

„Но Іисусъ, услышавъ это, сказалъ ему: не бойся, только вѣруй и спасена будетъ“.

И потомъ:

„Всѣ плакали и рыдали о ней, но Онъ сказалъ: не плачьте—она не умерла, но спитъ...“

Потомъ сталъ въ головахъ ея отецъ Симеонъ и читалъ что-то... Вѣрочка помнитъ какъ бабушка подняла было руку, чтобы перекреститься, но не осилила,—и Серафима взяла ея руку въ свою и въ то время какъ читалъ отецъ Симеонъ, дѣлала крестное знаменіе, и благодарный взглядъ старушки скользилъ по всѣмъ окружавшимъ ее лицамъ. Вдругъ она очнулась, точно какая-то забота пробѣжала по ея лицу.

— Что̀ тебѣ? наклонилась къ ней Серафима.

— Вѣрочка гдѣ?.. гдѣ?

Очевидно глаза уже плохо служили ей.

— Здѣсь я, бабушка.

Вѣра взяла ея руку и приложила къ губамъ своимъ.

— Вотъ... забыла... Акимкѣ напомни... Устиньѣ отдай за годъ впередъ... Плиту не надо, слышишь?.. Какъ у мамы у твоей, крестъ деревянный поставь...

Еще смутнѣе, будто въ туманѣ, помнила Вѣрочка, точно все это застили ей слезы, какъ бабушка благословила ее, какъ потомъ она сама безъ посторонней помощи вдругъ подняла руку и стала словно снимать съ лица и заострившагося носа паутину, и глаза у нея все шире и шире раскрывались и радостное изумленіе было въ нихъ, и свѣтлая улыбка ложилась на безкровныя губы...

— Бабушка, бабушка! звала ее Вѣрочка.

— Что ужъ... какъ ужъ... шептала та.

— Не желаешь-ли чего? наклонилась къ ней мать Варлаама.

Послѣдній проблескъ жизни озарилъ умирающую, свѣтильня вспыхнула еще разъ чтобы погаснуть совсѣмъ...

— Да, желаю...

— Чего?

Она приподнялась и опять упала.

— Желаю, скорѣе угадали чѣмъ слышали посторонніе, — разрѣшитися и со Христомъ быти!

— Аминь! послышалось тихое и торжественное отца Симеона, и онъ началъ отходную...

Розовые лучи заката широко лились въ комнату... Съ послѣднимъ изъ нихъ отошла въ царство свѣта и тихая, кроткая и робкая душа старушки... Вѣрочку увели пока въ монастырь. Мать Степанида пришла обмывать бабушку. Варлаама и Серафима остались тоже въ домикѣ...

Словно какой-то сонъ, помнится Вѣрочкѣ ночь за окномъ — темная, сырая. Небо заволокли тучи, въ стекла стучались неугомонныя капли дождя, будто допрашиваясь: надъ кѣмъ это горятъ тутъ восковыя свѣчи. Изрѣдка въ застоявшемся воздухѣ проносилось чье-то дуновеніе и пламя свѣчей колебалось, и странныя тѣни бѣжали по неподвижному лицу съ опущенными сѣдыми рѣсницами, по рукамъ сложеннымъ на груди и потускнѣвшему золоту покрова... Монотонное чтеніе. Мать Степанида вызвалась и, перевертывая листы, она ласково и важно смотритъ на Вѣрочку.

— Шла бы спать, шепчетъ она ей.—Чего ты... Завтра помолишься...

И пришло это *завтра*. Тучи не сошли съ неба, вся зелень на садикѣ повисла, обмокшая, словно заплаканная. Слезы падали съ нея на землю, слезы струились по стекламъ оконъ и по стѣнамъ домика, ровно капали съ кровли въ образовавшіяся за ночь лужи... Вѣтеръ блуждалъ тоскливо вокругъ, въ трубахъ стоналъ, и когда бабушку понесли въ открытомъ гробѣ (заранѣе заказала—какъ умерла сейчасъ же и доставили изъ города), онъ забирался подъ покровъ, словно искалъ тамъ чего-то, шевелилъ ея сѣдые волосы... Странно было совсѣмъ обмиравшей дѣвушкѣ видѣть какъ на подушкѣ лежитъ сжавшееся въ кулачекъ лицо ея бабушки, какія синія пятна выступили на немъ. Гробъ несли на рукахъ, и голова Анфисы Кирилловны, въ тактъ мѣрному шагу монахинь, качалась вправо и влѣво на тонкой шеѣ. Отпустъ въ рукахъ вздрагивалъ и шевелился, точно дрожали державшія его и закостенѣвшія уже руки... Кто-то плакалъ позади, у Вѣрочки уже слезъ не было вовсе... Въ церкви во время панихиды она видѣла только восковыя руки изъ гроба, восковыя, желтыя, тонкія. Лицо бабушки заслоняла фигура одной изъ монахинь. Поздно вечеромъ вошла Вѣрочка въ церковь, бабушка такъ же покойно спала послѣднимъ сномъ, только вѣки ея словно слиплись. Огоньки лампадъ робко вздрагивали за своими стеклами, колыхалось пламя свѣчей, загадочныя тѣни бѣжали по темнымъ расписаннымъ стѣнамъ, на которыхъ то выступали, то вновь пропадали во мракѣ золотые вѣнцы полустертыхъ ликовъ. Тускло свѣтились ризы и таинственно звучалъ голосъ монахини произносившей въ этой тишинѣ священныя слова. Вѣрочкѣ казалось, что и лики иконъ, и ветхія изображенія святыхъ по стѣнамъ, и самыя колонны и огоньки свѣчей и лампадъ прислушиваются къ этимъ словамъ, и черная ночь, столпясь тысячами тѣней за окнами, тоже боится проронить хоть одинъ звукъ... Зашипѣла и погасла догоравшая свѣча... остатокъ фитиля смежилъ умирающій огонекъ свой въ растопившемся воскѣ, пустилъ вверхъ, словно послѣднее дыханіе, струйку дыма... Тихо-тихо подымается она и тонетъ въ сумракѣ подъ тяжелыми сводами... Гдѣ-то теперь утонула душа ея старушки?.. И Вѣрочка въ первый разъ сегодня находитъ у себя живоносные источники слезъ, и легко ей на душѣ становится, такъ легко что немного спустя она засыпаетъ на скамейкѣ у стѣны и открываетъ глаза только тогда, когда солнце уже смотритъ въ церковь и пламя свѣчей незамѣтно колышется въ яркомъ свѣтѣ дня... Все просвѣтлѣло кругомъ, тучъ какъ не бывало. Синее небо видно въ окна... И только лицо усопшей кажется еще меньше, словно оно истаяло въ эту ночь въ молчаніи и тишинѣ храма.

Акимка не забылъ приказаній отданныхъ ему старушкой... Все было исполнено какъ она хотѣла. И шиповникъ съ гнѣздами не тронули — онъ обступилъ съ одной стороны могилу, и когда въ нее, подъ молитвенный напѣвъ опускали гробъ, стоявшія около монахини нечаянно толкнули длинныя вѣтки и пышные розовые лепестки полетѣли внизъ на черную съ серебряными крестами крышку... Вслѣдъ за ними посыпались комья земли, послышались всхлипыванія... Вѣрочка чувствуетъ что кто-то беретъ ее за руки и ведетъ за собой; она безсознательно повинуется. Она лишена теперь всего. Ей все равно, — кругомъ пустота... Такая пустота, что ей страшно шевелиться, думать, говорить и плакать въ ней.

Только колокола, такъ печально звонившіе когда отпѣвали бабушку, напутственно провожавшіе ее въ могилу, и теперь наполняютъ эту страшную пустоту. Она прислушивается къ нимъ, чутко прислушивается, и ей кажется что она начинаетъ понимать ихъ языкъ, разбирать сочетанія всю жизнь проносившіяся надъ нею, встрѣчавшія ея пробужденіе и благословлявшія ее на сонъ грядущій... Колокола всякій выдающійся день ея простой и тихой жизни осѣнявшіе своимъ звучнымъ и торжественнымъ привѣтомъ... И теперь она, приподнявшись на своей постели, слушаетъ ихъ, съ болью слѣдитъ за послѣднимъ ударомъ... Вотъ-вотъ замираетъ онъ... замеръ... Только въ воздухѣ что-то дрожитъ послѣ него, будто медленно уносящаяся куда-то душа потонувшаго звука... Услышитъ-ли она ихъ потомъ, въ той пустынѣ невидимой и страшной, которая открываетъ ей свою неоглядную даль—тамъ, за стѣнами этого тихаго и мирнаго монастыря?..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Подъ грохотъ почтоваго поѣзда, чуждая всему ее окружавшему, Вѣрочка поневолѣ уходила въ самое себя и съ грустнымъ удовольствіемъ припоминала знакомыя лица и мѣста, всю эту вчерашнюю быль, такъ не похожую на сегодняшнюю сказку, на эту дѣйствительность, кажущуюся ей фантастическимъ сномъ. Занявшійся травою холмикъ надъ гробомъ бабушки, бѣлый крестъ, пахнувшій еще сосною, живо принимавшіеся кругомъ и торопливо убиравшіеся бѣлыми цвѣтами кусты около, скамья куда приходила бесѣдовать съ нею бабушка Варлаама, возня чижей и щегловъ въ густолиствѣ вязовъ и липъ и эта гулкая, торжественная молвь монастырскихъ колоколовъ, этотъ священный говоръ мѣдныхъ языковъ о чемъ-то не здѣшнемъ, великомъ, таинственномъ, рождавшійся и замиравшій въ высотѣ... И теперь, въ шумѣ желѣзной дороги порою чудились ей знакомые удары, именно такіе какіе напутствовали ее, когда она отъѣзжала отъ тихой и мирной пристани, такъ безмятежно и безболѣзненно пріютившей ея счастливое, безоблачное дѣтство. Она хотѣла себя увѣрить, что стоитъ ей только открыть глаза, и передъ нею въ-явь забѣлѣютъ облитыя солнечнымъ свѣтомъ стѣны монастыря съ кудрявыми березами око-

ло, голубыми звѣздными куполами за ними и громадною сквозною колокольней, словно попавшею въ тучу всякой крикливой, кругомъ нея роившейся птицы... Но, увы! открывая глаза она только и видѣла какое-то сладкое и глупое лицо сидѣвшаго напротивъ молодаго человѣка, еще болѣе сладкое и глупое отъ его усилій быть любезнымъ съ молодою „монахиней", каковою онъ считалъ Вѣрочку. У нея не было другихъ костюмовъ, и она выѣхала въ своемъ обычномъ. Черное люстриновое платье, черный платочекъ на головѣ... И платье съуживалось въ рукавахъ у самыхъ кистей рукъ — совсѣмъ „по иночески", какъ былъ убѣжденъ ея случайный спутникъ. Она и спящею притворилась, чтобы онъ не слишкомъ приставалъ къ ней со своими разспросами. Такъ ей было лучше. Такъ ее еще окружалъ ея міръ. Она видѣла всѣхъ этихъ печальныхъ и смятенныхъ монахинь, выбѣжавшихъ ее проводить за ворота обители, слышала напутственный говоръ благословеній... Что̀-то теперь дѣлается въ ея домикѣ? Мать Варлаама поселила тамъ на время одну старую и вѣрную женщину.

— Когда-нибудь, измученная и усталая, захочешь отдохнуть—анъ келійка-то твоя мирная и будетъ тутъ готова. Пріѣдешь — точно вчера ее оставила.

И трогать ничего не велѣла игуменья, пусть хоть черезъ десять лѣтъ будетъ все какъ было вчера, когда разстроенная дѣвушка ходила по милымъ комнатамъ прощаясь съ ними надолго, надолго. Да, еще мѣсяцъ тому назадъ, когда онѣ всѣ ждали отвѣта Рянова на письмо его сестры Серафимы, Вѣрочку такъ тянуло въ этотъ міръ, такъ хотѣлось испробовать свои молодыя силы, помѣряться съ его шумными волнами и побѣдить ихъ... Въ такихъ яркихъ краскахъ рисовалась и слава, и счастье, призрачное, словно сонъ, издали манившее ее къ себѣ... А когда пришло это письмо: милое, доброе, полное ласки и участія — ей вдругъ стало страшно. Ей такъ захотѣлось навсегда остаться посреди этихъ ставшихъ ей родными и близкими старухъ, позабыть даже, совсѣмъ позабыть о томъ мірѣ, который въ неизвѣданныя дали раскидывался за ихъ гостепріимными стѣнами, когда она подумала что ей одной придется столкнуться съ этимъ чуждымъ міромъ лицомъ къ лицу!.. И теперь, когда все уже совершилось, Вѣрочкѣ хотѣлось бы еще вѣрить что сегодняшней дѣйствительности нѣтъ кругомъ, что это сонъ, и только сонъ, что вчерашняя быль въ краскахъ и звукахъ незыблемо стоитъ еще кругомъ. А какъ провожали ее колокола!.. Даже самый большой ударилъ — вѣроятно бабушка, по обительскому повѣрію, услышавъ его, молилась за свою внучку въ тѣсномъ и темномъ гробѣ...

Да, вотъ это письмо. Она чувствуетъ его въ своемъ карманѣ. Оно одно еще дѣлаетъ ей менѣе страшнымъ чуждый и, какъ ей казалось вчера вечеромъ и сегодня утромъ, враждебный ей міръ... Она вынула этотъ лоскутокъ почтовой бумаги и стала пробѣгать ровныя, твердымъ почеркомъ написанныя строки:

„Милая и дорогая сестра", писалъ Рядновъ. „Очень тебѣ благодаренъ за то что ты ни минуты не сомнѣвалась въ моей готовности сдѣлать все что̀ могу для *нашей* Вѣрочки. Ты видишь — я ее считаю своею тоже, какъ будто бы она всю жизнь прожила на моихъ глазахъ. Правду говоря, оставивъ васъ, я не разъ вспоминалъ эту голубоглазую дикарку, представляя ее себѣ тоненькою и граціозною въ ея темномъ платьѣ. сидящею за мольбертомъ, улыбающеюся и счастливою, какою ее оставилъ въ вашемъ мирномъ уголкѣ. Я даже порывался писать ей, вызвать ее сюда, сказать ей что она не въ правѣ зарывать своего таланта въ землю. что по этому обязательству и Богъ, и люди потребуютъ отъ нея большой уплаты впослѣдствіи, но всякій разъ меня невольно останавливалъ страхъ разшевелить этотъ такъ плотно, прочно и стройно сложившійся вокругъ нея строй вашей строгой и, если хочешь, полной жизни. Но разъ ея бабушки нѣтъ, разъ эта связь ея молодости съ вашимъ отрицаніемъ „вдѣ пребывающаго града" (такъ кажется?) разорвана—ничего лучшаго ты не могла и придумать, какъ написать ко мнѣ. „Уложи ее", запакуй, свяжи и отправь на желѣзную дорогу. Пусть, когда въ Москвѣ она пріѣдетъ въ вокзалъ, телеграфируетъ мнѣ немедленно, я ее встрѣчу въ Петербургѣ. Иначе она растеряется совсѣмъ. Увѣрь ее, чтобъ она ничего не боялась и ничему не удивлялась. Я постараюсь облегчить ей первые моменты знакомства съ новымъ міромъ и новыми людьми, пристрою ее, найду ей все что̀ надо и впредь буду ей полезенъ. Въ средствахъ она не нуждается. Годъ поработаетъ здѣсь, а тамъ поѣдетъ въ Италію. Впрочемъ, что̀ загадывать: будь что̀ будетъ, а будетъ что̀ Богъ велитъ, слѣдовательно и толковать нечего..."

— Это у васъ отъ кого? послышалось Вѣрочкѣ.

Она съ удивленіемъ подняла глаза.

— Что̀ вамъ угодно?

Глупое и сладкое лицо юноши смотрѣло на нее съ ревнивымъ любопытствомъ.

— Письмо?

— Да, письмо... Развѣ вы не видите?

— А вамъ разрѣшается... письма-то?

— Кому намъ?

— Монахинямъ.

— Да я не монахиня совсѣмъ, улыбнулась она, довѣрчиво глядя своими большими голубыми глазами на терявшагося юнца. Она еще не выучилась осторожности въ сношеніяхъ съ людьми.

— Какъ не монахиня, а ваше платье?

— Не монашеское... Я выросла только въ монастырѣ.

— А я думалъ такая молодая... хоро...—онъ запнулся, — и уже... Даже странно дѣлалось... У васъ есть знакомые въ Петербургѣ? окончилъ онъ, совсѣмъ замирая.

— Есть, спокойно отвѣчала она.

„Какой странный!" думалось дѣвушкѣ.

— Кто такіе?

— Рядновъ.

— Это не художникъ-ли знаменитый?

— Да, онъ самый.

— Вотъ какъ!.. А то я... вотъ моя карточка... если что̀ — все-съ... я съ удовольствіемъ.

Вѣрочка взяла, повертѣла карточку, съ недоумѣніемъ глядя на собесѣдника.

— Зачѣмъ мнѣ?

— Ну тамъ, знаете, можетъ-быть понадобится... Вы однѣ въ цѣломъ городѣ...

— Благодарю васъ! просто замѣтила она и, не желая обижать юношу, спрятала его карточку. Тотъ разомъ ободрился.

— Потому, знаете, Петербургъ это лѣсъ вѣдь. Туда страшно. Смотря на кого еще нападешь... Другой бы на моемъ мѣстѣ... а я съ полной деликатностію... Помилуйте. Теперь вотъ вы, напримѣръ, по добротѣ, а есть такіе, которые вообразятъ что...

И юноша совсѣмъ запутался и захлопалъ глазами.

— Что̀ вообразятъ?

— Ну тамъ, знаете... разное... И въ газетахъ даже сколько разъ приходилось читать... Оно тоже вѣдь... какъ на кого наткнешься... Сколько вамъ лѣтъ?

— Девятнадцать...

— Вы совсѣмъ въ Петербургъ?

— Да, по крайней мѣрѣ надолго.

— Будемъ знакомы! У меня папаша съ мамашей домъ свой имѣютъ на Гороховой... Вы что-же жить будете въ Петербургѣ? То есть... не то... учиться что-ли или такъ?

— Да, учиться живописи.

На морскомъ берегу. Рис. Коркосъ, грав. Лёдерсъ.

— У Ряднова?

— У него.

— Экій счастливецъ этотъ Ряднов!.. хорошо право ему.

— Да, онъ знаменитый...

— Нѣтъ, не потому... а вотъ вы...

— Я васъ не понимаю.

— Помилуйте, чего тутъ непонятнаго,—и юноша покраснѣлъ, — ему-то, Ряднову, отлично. Такая ученица хорошенькая!

Вспыхнула Вѣрочка, но тотчасъ засмѣялась.

— Ну, знаете, онъ не изъ такихъ, онъ серьезный.

— Знаемъ мы этихъ художниковъ... всѣ они серьезные... Нѣтъ, право, я вамъ визитъ сдѣлаю.

— Зачѣмъ это? нахмурилась Вѣрочка.

— Я безъ дурной цѣли, заторопился онъ, — я если хотите даже съ мамашей. Она все сдѣлаетъ о чемъ я попрошу.

На станціяхъ Вѣрочку оглядывали любопытные, заговаривали съ нею, но совсѣмъ не такъ застѣнчиво, какъ этотъ юнецъ. Какой-то тонкій, какъ спаржа, и зеленый совсѣмъ, со стеклышкомъ въ глазу, пассажиръ подсѣлъ было къ ней, потянулъ носомъ и прищурившись замѣтилъ:

— Какъ вы не боитесь?

— Чего?

— Ѣхать одной. Помилуйте, мало-ли нахаловъ!

Вѣрочка замолчала.

— Какая вы кокетка! Какъ хорошо разсчитанъ этотъ черный платокъ на вашихъ волосахъ... Вы Золя читали?

— Чт̀о такое? не поняла она.

— *Нану* Золя читали? Прекрасная книга и даже нравственная... Римскій папа на чт̀о ужъ—и тотъ одобрилъ... Хотите я вамъ дамъ?.. Или, если вы желаете, пожалуйте ко мнѣ въ купе, я вамъ вслухъ самъ читать буду. И вамъ удобнѣе чѣмъ во второмъ классѣ сидѣть. У меня — въ первомъ.

— Благодарю васъ, мнѣ не надо... Я привыкла одна и читаю всегда сама. Со мною есть книги...

Едва-едва удалось развязаться ей съ этимъ господиномъ. Она больше уже и не выходила изъ своего уголка, радуясь, что судьба послала ей другаго спутника, все краснѣвшаго, конфузившагося и путавшагося. Этотъ по крайней мѣрѣ не былъ страшенъ... Она пошла было въ дамское купе, но тамъ оказались дѣти. Окна были затворены и Вѣрочка чуть не задохнулась. Поневолѣ вернулась назадъ. Подъ самымъ Петербургомъ, лицо юноши изъ сладкаго и глупаго сдѣлалось глупымъ и печальнымъ...

— Вотъ мы сейчасъ простимся и можетъ быть больше не увидимся!

— Ну такъ чт̀о-же?

— Вамъ-то легко... вамъ все равно...

— А вамъ?

— Ну, не скажите... Знаете... знаете... достаточно разъ увидѣть... а впрочемъ...

И онъ покраснѣвъ уткнулся въ окно.

На первыхъ порахъ міръ не показался ей такъ ужасенъ, какъ она себѣ воображала иногда. Чуждо, но ничего чт̀о бы ее пугало въ немъ пока не было. На станціяхъ суетились люди, стоялъ безпорядочный говоръ, одинъ бѣжалъ въ одну, другой въ другую сторону, какія-то растерянныя женщины съ узлами тормошились и суетились пока кондукторъ не вталкивалъ ихъ куда слѣдуетъ. но ничего поражающаго во всемъ этомъ не было. У нея, привыкшей къ спокойному обиходу обители, только голова немного кружилась отъ всей этой кутерьмы кругомъ, тѣмъ не менѣе она съ любопытствомъ всматривалась, часто вовсе не понимая о чемъ хлопочутъ и куда стремятся.

Но когда вдали блеснулъ куполъ Исаакія и показался Петербургъ — дѣвушка растерялась. Ей казалось что на нее надвигается оттуда что-то страшное, громадное, непонятное, которое, какъ разъ захватитъ, такъ ужь не отпуститъ больше. Ей сдѣлалось жутко, такъ жутко что она каялась зачѣмъ поѣхала, зачѣмъ не осталась среди родной ей тишины и покоя... Кругомъ заторопились и засуетились. Юноша завязывалъ свой узелъ, другіе перетягивали чемоданы, лихорадочное ожиданіе чего-то росло и сообщалось ей...

— Газеты, сегодняшнія газеты! кричалъ ей въ ухо разносчикъ, пробравшійся въ вагонъ. — Любопытное убійство въ Щербаковомъ переулкѣ. Очень интересно...

— Вашъ билетъ! остановился передъ нею кондукторъ. — Господа, ваши билеты!..

— Не нуженъ-ли вамъ носильщикъ? У васъ есть багажъ? подслуживался юноша.

Но она рѣшительно ничего не могла сообразить. Подала билетъ, отказалась отъ носильщика, не понимая чт̀о она дѣлаетъ и говоритъ... „Это вашъ саквояжъ?“ спрашивали ее,—она отвѣчала *нѣтъ*, хотя саквояжъ былъ ея. Потомъ поѣздъ медленно вползъ въ сумракъ какого-то громаднаго, казавшагося ей безконечнымъ сооруженія; она растерялась еще больше. Направо, на панеляхъ стояла толпа людей,—она и не видала такихъ. Ей казалось что тутъ тысячи лицъ. И всѣ эти лица будто смотрятъ на нее и ей дѣлается и больно, и стыдно чего-то... Всѣ повскакали съ мѣстъ и двинулись къ выходу... Она сидѣла... Сердце билось съ невыносимой натугой. Вагонъ опустѣлъ... Толпа какъ будто клубится и спутывается и одной волной смѣшавшись катится тамъ за окномъ... Гулъ все ростетъ и ростетъ... Свѣтъ какой-то... Грохотъ, что-то громадное двигается въ сторонѣ должно быть.

— Наконецъ-то я васъ отъискалъ! Чт̀о это вы забились сюда и не выходите?

Она подымаетъ глаза и видитъ вдали радостно улыбающагося ей Ряднова.

— Я ждалъ васъ, ждалъ... Ну, добро пожаловать...

И волосатая съ просѣдью голова наклоняется къ ней... Вѣрочка встала... Художникъ взялъ ее за руки и крѣпко пожалъ ихъ.

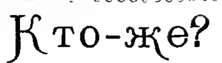
— Ну, ужь я знаете по родственному!—и онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.—Вотъ такъ, ну отлично что надумались. Добро пожаловать, добро пожаловать. Вы устали вѣрно?

— Нѣтъ, растерялась! признается она.

— Еще-бы не растеряться. Изъ монастыря да сюда прямо... Это ваши вещи?.. Носильщикъ!.. Гдѣ ваши квитанціи отъ багажа?.. Дайте ихъ сюда...

Какъ въ туманѣ Вѣрочка исполняетъ все чт̀о отъ нея требуетъ Ряднов и выходитъ вмѣстѣ съ нимъ вонъ...

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

Мнѣ довелось, въ былое время, слишкомъ глубоко заглянуть въ ея чистую душу чтобы не постичь мгновенно все то чт̀о она выстрадала при сознаніи что ея лучшія стремленія осмѣяны и обречены погибели подъ безпощаднымъ жерновомъ сухаго бездушія и презрительной гордости. Борьба была неравна между этой возвышенною, жаждущею самоотверженія натурой и двумя существами, закаленными въ порокѣ. Она была обречена погибели, и при одной этой мысли безсильная ненависть закипала у меня въ груди, охватывая и негодяя-мужа, и дерзкую авантюристку. Я не сводилъ съ нея глазъ, теперь уже бѣгло читая по закрытой книгѣ снова застывшаго лица, и корилъ себя безумцемъ что такъ долго могъ сомнѣваться въ ея тождественности.

— Полно, Забѣльскій, ей-ей это неприлично, ткнулъ меня

локтемъ Шмелевъ, незамѣтно усѣвшійся рядомъ со мной. — Могутъ замѣтить наконецъ. А вѣдь мои догадки вполнѣ оправдались. Одинъ всевѣдущій хроникеръ мнѣ сейчасъ подтвердилъ что бѣлокурая lady (фамилію онъ запамятовалъ) замужемъ за совѣтникомъ англійскаго посольства, тѣмъ самымъ что сидитъ за обворожительной брюнеткой, vicomtesse de Liencourt, супругой французскаго секретаря. Твое лорнированіе имъ по меньшей мѣрѣ можетъ назойливымъ показаться.

Но въ эту минуту мнѣ было не до увѣщаній Шмелева съ его лживыми свѣдѣніями, не до Маргариты въ рубищѣ, съ раздирательнымъ трагизмомъ боровшейся между раемъ и Фаустомъ, влекшимъ ее изъ тюрьмы; я видѣлъ что опера клонилась къ концу, а съ ней должно было неизбѣжно прекратиться мое случайное свиданіе.

„Не воспользоваться-ли разъѣздомъ чтобы подойти къ ней и возобновить давнишнее знакомство?“ мелькнуло у меня въ умѣ. Но я тутъ же порѣшилъ, что этотъ сумасбродный порывъ не выдерживалъ критики. Я не имѣлъ малѣйшаго основанія полагать что мое краткое посѣщеніе оставило какой-либо слѣдъ въ ея памяти, и легко могъ очутиться въ неловкомъ положеніи человѣка вынужденнаго назвать свое имя, приплетая къ тому еще обстоятельства нашей случайной встрѣчи. И это могло бы произойти подъ насмѣшливо-гордсливымъ взоромъ ея величаваго супруга. Наконецъ, кто могъ мнѣ поручиться что такъ внезапно вызванное воспоминаніе убогаго прошлаго не отзовется болѣзненно на ея самолюбіи? И подобно скупцу, ревниво оберегающему свое таинственное сокровище, я содрогался при одной мысли что мелочностью тщеславнаго свѣтскаго чувства она могла бы на вѣкъ затемнить совершенство—лишь на короткій мигъ улыбнувшагося мнѣ идеала. На слѣдующій день я долженъ былъ вернуться въ провинцію на неопредѣленное время, и не всего-ли вѣроятнѣе что судьба, забросившая ее въ столь замкнутую, чуждую мнѣ сферу, никогда насъ болѣе не сведетъ на жизненномъ пути?

Но на этотъ разъ я хотѣлъ по крайней мѣрѣ добиться ея новаго имени. Неизвѣстность тяготила меня. Если когда-то дорогой образъ опять такъ насильственно вторгся въ мою скромную, безмятежную жизнь, пусть будетъ въ моей волѣ хоть издали слѣдить за яркой звѣздою, прислушиваясь изрѣдка къ далекому эхо великосвѣтскаго міра.

Безплодность Шмелевскихъ стараній была на-лицо. Оставалось дѣйствовать самому.

Послѣдній актъ былъ въ самомъ разгарѣ, когда по знаку мужа, графиня тихо встала, собираясь уѣхать.

Я вскочилъ такъ стремительно, что озадаченный другъ еле успѣлъ пробормотать мнѣ во слѣдъ нѣсколько словъ, пропавшихъ втунѣ. Но страсть къ музыкѣ поглощала все; онъ не послѣдовалъ за мной.

Какъ проворно я ни перепрыгивалъ по вытянутымъ ногамъ, навлекая на себя нелестныя замѣчанія, какъ я съ лихорадочной тревогой ни шарилъ по вѣшалкѣ, отыскивая шубу, плохо знакомый съ расположеніемъ театра я поспѣлъ къ выходу въ ту самую минуту какъ рослый выѣздной, въ щегольской англійской ливреѣ, широко распахнувъ дверь, почтительно докладывалъ:

— Пожалуйте, ваше сіятельство.

Я остановился какъ вкопаный; ожиданія мои разлетѣлись въ прахъ. Весь мой разсчетъ сводился къ заведенному обычаю выкрикиванія фамилій при всякомъ разъѣздѣ.

Она стояла нѣсколькими ступенями выше меня, въ собольей шубѣ крытой свѣтлымъ бархатомъ, съ кружевной накидкой на пышныхъ волосахъ. Orgoni находился рядомъ, держа бережно въ рукахъ признанный мною вѣеръ и дорогую бонбоньерку. Его большіе глаза теперь уже не жгли, а тихо млѣли, словно храня отпечатокъ томнаго разочарованія.

Я успѣлъ лишь бѣглымъ взглядомъ окинуть обоихъ.

Графиня быстро спускалась. Стоя на мѣстѣ, я безсознательно загораживалъ ей путь. Она была такъ близко, что меня вдругъ обдало мягкимъ запахомъ фіалки.

— Pardon, выговорила она, машинально вскинувъ на меня глазами.

Наши взоры столкнулись. Мгновенное недоумѣніе сказалось на лицѣ. Она пріостановилась. Нѣтъ, я поклянусь что это не было плодъ разыгравшагося воображенія: радостная тѣнь легла на строгія черты; лучистый блескъ брызнулъ изъ застывшихъ глазъ, слово привѣта готово было сорваться изъ полуоткрывшихся губъ... но черствымъ, безпощаднымъ звукомъ рѣзнуло мнѣ ухо:

— Passerez-vous enfin, ma chère? [1]) И лучезарнымъ видѣніемъ мелькнула она передо мною.

Француженка, поровнявшись со мною, окинула всю мою фигуру любопытно задорнымъ взглядомъ, ничуть не стѣсняясь, сдѣлала своему кавалеру какое-то замѣчаніе на мой счетъ и залилась звонкимъ, холоднымъ смѣхомъ.

Да, я могъ и долженъ былъ казаться ей смѣшнымъ, подъ натискомъ внезапно пробужденныхъ ощущеній, въ своей еноткѣ незамѣтно спустившейся съ плеча, съ кашне неуклюже болтающимся вокругъ шеи, и шапкой нервно сжатой въ кулакѣ.

[1]) Пройдете-ли вы наконецъ, моя милая?

Когда, совладавъ съ собою, я выбѣжалъ на улицу, и морознымъ воздухомъ мнѣ освѣжило пылавшее лицо, до меня долетѣлъ только звукъ захлопнувшейся дверки, и при яркомъ освѣщеніи газоваго рожка я разглядѣлъ лишь графскую корону надъ замысловатымъ гербомъ.

На другой день, не простившись со Шмелевымъ во избѣжаніе всякихъ стѣснявшихъ меня объясненій, покоряясь обстоятельствамъ, я покинулъ Петербургъ.

XII.

Въ дождливый октябрскій вечеръ, довольно многочисленное общество собралось у К—го предводителя дворянства. Послѣ вышеприведенной встрѣчи, я не болѣе года оставался въ Т. По служебнымъ соображеніямъ меня перевели на Югъ, и въ теченіе трехъ лѣтъ, я успѣлъ вполнѣ свыкнуться съ чуждымъ мнѣ краемъ, сойтись съ новыми людьми.

Молодежь танцовала подъ звуки фортепіано; люди степенные, къ которымъ я въ полномъ правѣ былъ себя причислить, засѣли въ винтъ, съ тѣмъ неутомимымъ азартомъ, который служитъ одной изъ отличительныхъ чертъ провинціальныхъ нравовъ. Въ самый разгаръ игры, офиціантъ подошелъ ко мнѣ, сообщая вполголоса, что становой приставъ дожидается меня въ передней по очень важному сообщенію.

Я, извинившись передъ партнерами, поспѣшилъ выйти къ нему.

Всю личность Беневоленскаго, изъ неудачниковъ-семинаристовъ, можно было обрисовать тремя штрихами: заносчивостью со всѣми кого онъ считалъ ниже себя, подобострастнымъ трепетомъ предъ тѣмъ что имѣетъ образъ начальства, и тайнымъ культомъ Бахуса. Никому не доводилось его видѣть пьянымъ, но темно-багровый носъ обличалъ, а людская молва приписывала ему вахмистерскую замашку, состоящую, какъ извѣстно, въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ на сонъ грядущій.

На этотъ разъ, не смотря на торчащіе гривой всклокоченные волоса, на криво застегнутый сюртукъ (явный признакъ сильнаго волненія), я съ перваго взгляда убѣдился, что хмѣля у него ни въ одномъ глазу не было.

— Извините, что обезпокоилъ, ваше благородіе, оправдывался онъ, вытягиваясь въ струнку передо мною,—но смѣю завѣрить васъ, что отлагательства не терпитъ. Дѣло необычайное; слѣдствіе нужно немедленно произвести. Я опрометью прискакалъ въ городъ, господинъ исправникъ въ свою очередь полетѣлъ къ начальнику губерніи самолично доложить, а меня къ вамъ послали, чтобы промедленія не вышло.

— Убійство вѣрно? На горячій слѣдъ поспѣть надо?

— Нѣтъ, не то-съ. Намъ только предстоитъ одна формальная сторона дѣла: удостовѣреніе факта смерти; но особы, можно сказать. Въ домѣ сановнаго лица-съ. Они конечно тяготятся соблюденіемъ строгихъ предписаній закона; такъ и наказывали поспѣшить непремѣнно. Самоубійство сіятельной особы, легко сказать; за всю мою долголѣтнюю службу, въ первый разъ встрѣчается, не безъ торжественности заключилъ онъ.

— Кто и гдѣ? уже равнодушнымъ тономъ спросилъ я. За частой практикой я успѣлъ освоиться съ подобными явленіями.

— Графиня Клемецкая въ своемъ помѣстьѣ Элворазъ, II стана, отъ города верстахъ въ восьмидесяти будетъ.

— Какъ, женщина? Еще молодая?

— Лѣтъ десять какъ въ замужествѣ состояла, а вѣнчалась совсѣмъ молоденькою, и изъ себя красавица писанная.

— Клемецкая! повторялъ я,—странно что мнѣ впервые приходится эту фамилію слышать.

— Помилуйте-съ, ваше благородіе. Да они по всей губерніи первѣйшими богачами слывутъ. Въ одной межѣ пятнадцать тысячъ десятинъ, а усадьба—что и говорить. Любаго дворца стоитъ-съ. И подумаешь только, отъ коликихъ благъ самовольно лишить себя жизни! Чудныя дѣла на свѣтѣ творятся!

И онъ философически вздохнулъ.

— Какимъ-же образомъ, въ такомъ незначительномъ разстояніи, ихъ никогда въ городѣ не было видно? мало того, объ нихъ никто никогда не говорилъ.

— Въ былые годы-съ, они здѣсь по лѣтамъ живали, но мало съ кѣмъ изъ помѣщиковъ якшались. Свое достоинство выдерживали. Опослѣ слышно было что изъ Петербурга они-съ въ теплые края выселились, а теперь только съ половины августа пожаловали къ намъ, словно на грѣхъ, Господь предопредѣлилъ.

— Когда это случилось?

— Сего числа, надо полагать. Когда камеръюнгфера графини взошла утромъ, по обыкновенію, въ спальню, то сію минуту такъ неистово взвизгнула, что вся дворня сбѣжалась. Ея сіятельство, безъ всякихъ признаковъ жизни, лежали-съ въ постели съ простреленной грудью и пистолетомъ въ похолодѣвшей рукѣ.

— Найдено-ли письмо или записка съ изъясненіемъ побудившей причины?

— Не могу знать, ваше благородіе. Объ этомъ никто не упоминалъ.

— Такъ что-же побуждаетъ васъ такъ достовѣрно относить эту смерть къ самоубійству?

Беневоленскій, озадаченный вопросомъ, только выпучилъ глаза на меня:

— Да вѣдь мнѣ все передали со словъ самого графа-съ.

Воскресный день въ Малороссіи. Игра въ матку (родъ лапты). Ориг. рис. (собств. „Нивы") Козачинскаго, грав. Ольшевскій.

Съ государевымъ словомъ (царская невѣста). Ориг. рис. (собств. „Нивы") М. Нестерова, грав. Шюблеръ.

Кому же знать коль не имъ? Развѣ мыслимо убійство въ вельможномъ домѣ, при подобной обстановкѣ?

— О подобномъ фактѣ можно судить лишь на мѣстѣ, предварительно ознакомившись съ причинами способными его вызвать. Время нечего терять зря. Распорядитесь лошадьми, пока я вернусь въ гостиную объяснить мое внезапное исчезновеніе, да за разъ предупрежу и доктора, который намъ необходимъ.

И отпустивъ его, я вернулся къ своимъ нетерпѣливымъ и уже негодующимъ партнерамъ.

Не успѣлъ я заикнуться о прискорбномъ случаѣ вызывавшемъ мой немедленный отъѣздъ, какъ извѣстіе о самоубійствѣ петербургской графини электрической искрой уже обѣжало всѣ гостиныя. Танцы мгновенно прекратились, и толпа молоденькихъ головокъ толпилась въ дверяхъ, съ испуганно любопытнымъ выраженіемъ на возбужденныхъ лицахъ ловя малѣйшее слово изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя я счелъ возможнымъ сообщить обступившему меня обществу.

— Графиня Клемецкая! возможно-ли! когда же она пріѣхала? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Погибнуть въ цвѣтѣ лѣтъ такою ужасающею смертью! Dieu! que c'est émouvant! [1]) щебетала хорошенькая вице-губернаторша, сентиментально закатывая глазки.

— Жили не по-людски, вотъ и пришлось умереть по-собачьему, желчно вставила старая дѣва, въ должности бича К—скаго общества.

— Не тѣмъ будь помянута покойница, а въ этомъ приговорѣ есть малая толика правды, замѣтилъ одинъ изъ старожиловъ.— Если люди по рожденію и состоянію призваны принимать у себя хорошее общество, обязаны такъ-сказать примкнуть къ нему, а вмѣсто того, всѣхъ чуждаются, предпочитаютъ жить затворниками,—вѣрная примѣта: къ добру не приведетъ.

Мнѣ претили всѣ эти пересуды, и торопя доктора, сводившаго нашъ мирный счетъ, я сталъ прощаться съ хозяйкой.

— Не слушайте вы ихъ болтовни, напутственно сказала она мнѣ вполголоса:—Не даромъ же я вправь на свѣтѣ столько лѣтъ прожила; поневолѣ пріучишься разгадывать людей. Свѣтлую душу легче порочной загубить! Мнѣ сдается, Иванъ Петровичъ, что за ея тяжкій грѣхъ другіе у Небеснаго Судьи въ отвѣтѣ будутъ.

Я уже переступалъ въ переднюю, а серебристый голосъ вице-губернаторши явственно долеталъ мнѣ въ слѣдъ:

— Mr. Забѣльскій, прошу васъ, со слѣдствія прямо ко мнѣ. Смотрите, не забудьте. Я хочу все знать до малѣйшихъ подробностей. Le suicide d'une femme jeune et belle c'est souvent l'épilogue du roman le plus palpitant! [1])

(Продолженіе будетъ).

[1]) Боже! какъ это потрясаетъ!

[1]) Самоубійство молодой и красивой женщины, это чаще всего эпилогъ самаго захватывающаго романа.

Домашняя бесѣда.

Общедоступныя занятія и развлеченія.

I.

Выпиливаніе и ажурныя работы по дереву.

Выпиливаніе по дереву въ настоящее время можно считать однимъ изъ самыхъ распространенныхъ развлеченій среди молодыхъ людей. Но несмотря на это, и теперь, преимущественно въ провинціи, и особенно среди начинающихъ, приходится слышать жалобы на почти полное отсутствіе практическихъ указаній и совѣтовъ по этому поводу. Выписывая изданный *Нивой* „альбомъ“ рисунковъ для выпиливанія по дереву, наши читатели, а также и другія лица неоднократно обращались къ намъ съ просьбой помочь имъ въ этомъ отношеніи. Имѣя въ виду помѣщать время отъ времени отдѣльныя статьи о различныхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ, представляющихъ съ одной стороны пріятное и полезное времяпровожденіе, особенно въ лѣтнее, вакаціонное время, а съ другой стороны не требующихъ ни особенныхъ денежныхъ затратъ, ни спеціальныхъ приспособленій, редакція исполняетъ желаніе своихъ корреспондентовъ и посвящаетъ свою первую бесѣду *выпиливанію по дереву*.

Для того чтобы выпиливать изъ дерева прежде всего нужно конечно самое дерево. Въ настоящее время употребляется съ этою цѣлью очень много сортовъ. Наиболѣе употребительно *орѣховое*. Оно продается фанерами толщиною въ $^1/_8$, $^3/_{16}$ и $^1/_4$ дюйма; болѣе толстыя фанеры (Fournier, т. е. тонкія доски) пріобрѣтаются на заказъ. Вообще чѣмъ дерево толще, тѣмъ конечно труднѣе и медленнѣе оно пилится, но очень тонкія фанерки неудобны тѣмъ, что скоро ломаются. Нужно при этомъ очень тщательно и осторожно выпиливать мелкія вещи, иначе вырѣзки тотчасъ ломаются и хотя въ общемъ ихъ не трудно склеивать, но все-таки работа уже много теряетъ въ чистотѣ. Цвѣтъ орѣховаго дерева всѣмъ извѣстенъ, хотя есть различные оттѣнки. Чѣмъ гуще, чѣмъ интензивнѣе цвѣтъ какого-нибудь дерева, тѣмъ оно считается красивѣе и дороже. Вообще орѣховое дерево самое удобное для выпиливанія: оно не очень твердо и не очень слоисто. Кромѣ толщины фанеры, на легкость выпиливанія очень много вліяетъ крѣпость дерева; иные сорта, напр. амарантовое, розовое, до того крѣпки, что пила почти совсѣмъ ихъ не беретъ, зубцы поминутно тупятся, пила очень разгорячается и легко рвется.

Всякое дерево легче и лучше пилится противъ волоконъ, а не вдоль; вдоль волоконъ пила идетъ неровно, особенно въ слоистыхъ сортахъ, и легко вязнетъ. Покупая дерево, нужно очень внимательно наблюдать, чтобы въ немъ не было трещинъ. Иногда трещины очень грубы и велики, но съ этимъ поневолѣ приходится мириться, оттого что иначе трудно достать фанеру; но въ простыхъ сортахъ нужно по возможности избѣгать трещинъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ при выпиливаніи будутъ выпадать кусочки. Всякое дерево продается или цѣлыми фанерами, при чемъ плата уже устанавливается по соглашенію, или же квадратными футами. Плата за футъ приблизительно отъ 30 до 70 к., 1 р. и выше. Кромѣ того, особенно цѣнные сорта, и преимущественно въ болѣе толстыхъ кускахъ (служащихъ между прочимъ и для вытачиванія колонокъ, ножекъ, кружковъ, балясинъ и пр.) продаются на фунты, причемъ тоже доходятъ до 1 р. за фунтъ. Выбирая дерево, нужно смотрѣть достаточно ли оно высушено; сырое дерево трудно просушивать и его легко можетъ покоробить. Кромѣ того, мы совѣтуемъ покупать фанеру уже отчасти приготовленную для выпиливанія, т. е. сострогаяную до гладкости съ одной стороны. Къ шероховатому, не вполнѣ очищенному дереву плохо пристаетъ бумага (рисунокъ) и потомъ теряется много лишняго времени на шлифовку. Покупая дерево разныхъ сортовъ или нѣсколько фанерокъ одного и того же сорта, нужно выбирать ихъ одной толщины (самый употребительный размѣръ для выпиливанія $^1/_8$ и $^3/_{16}$ дюйма), чтобы, въ случаѣ составленія узора изъ разныхъ кусковъ или сортовъ, они ровно приходились бы другъ къ другу.

Начинающимъ или вообще пилящимъ мы совѣтуемъ употреблять преимущественно орѣховое дерево; оно не дорого, не трудно въ работѣ и красиво. Кромѣ того большое удобство составляетъ то, что его можно получать почти въ какомъ угодно размѣрѣ, до 4 аршинъ въ длину и болѣе аршина въ ширину, такъ что можно не стѣсняться при выборѣ рисунка. Большинство же цѣнныхъ и рѣдкихъ деревьевъ продаются въ очень узкихъ фанеркахъ и для большихъ вещей не годятся. Лицамъ берущимъ лобзикъ въ первый разъ въ руки мы совѣтуемъ покупать *липу*. Она мягче всѣхъ другихъ сортовъ и очень дешева. Хороша также и *ольха*. Изъ другихъ сортовъ для любителя укажемъ слѣдующіе: *красное дерево*, прекраснаго цвѣта, не дорого (почти въ одной цѣнѣ съ орѣхомъ), пріятно въ работѣ и тоже можетъ быть пріобрѣтаемо въ очень большихъ фанерахъ. *Пѣвга*, съ ароматическимъ запахомъ (изъ него дѣлаютъ карандаши), чрезвычайно удобно въ работѣ, такъ какъ совершенно не слоисто и одинаково хорошо пилится какъ вдоль, такъ и поперекъ. Изъ него можно выпиливать самые тонкіе рисунки. Въ очень большихъ размѣрахъ не встрѣчается. *Американскій каштанъ*, дерево не всегда встрѣчающееся въ продажѣ; довольно крѣпко, чрезвычайно бѣлаго цвѣта и по бѣлизнѣ можетъ замѣнить слоновую кость. *Розовое дерево*, встрѣчаются сорта прелестныхъ темныхъ оттѣнковъ, но оно очень дорого, очень крѣпко, слоисто и продается узкими дощечками. *Амарантъ*, густаго темнофіолетоваго цвѣта, еще крѣпче (самое крѣпкое дерево изо всѣхъ существующихъ въ продажѣ), тоже дорого. *Лимонное дерево*, блестяще золотистаго цвѣта, мягче предъидущихъ и удобно въ работѣ; къ сожалѣнію, не широко. *Черное дерево*, совершенно чернаго цвѣта, тяжело, крѣпко и съ трудомъ поддается пилѣ. Затѣмъ *чинаръ*, *кипарисъ*, *пальма*, *корельская береза*, *букъ*, *кленъ* и др.

Изъ этого перечня видно, что сортовъ дерева очень много, но, повторяемъ, для любителя достаточно ограничиться орѣховымъ, краснымъ деревомъ, пѣвгой и бѣлымъ букомъ. Ихъ надо имѣть въ запасѣ по нѣскольку фанерокъ, остальные же сорта можно употреблять для мелкихъ украшеній, для вставокъ, мозаики, наклейки на другія, простыя породы и т. д. Объ этомъ ниже.

Кромѣ того въ продажѣ существуютъ еще другія, очень тонкія (до $^1/_{30}$ дюйма), такъ-называемыя облеечныя фанеры (обыкновенныя фанеры, которыми обклеивается мебель). Изъ нихъ тоже можно выпиливать, но съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій, о которыхъ тоже послѣ.

Изъ нихъ преимущественно продаются орѣхъ, красное, груша; нѣкоторые сорта окрашиваются въ разные яркіе цвѣта, какъ говорятъ, *морятся*. Такъ напр. есть мореный *агартъ* очень красивыхъ цвѣтовъ, зеленоватаго, голубоватаго, фіолетоваго. Часто выпиливаемыя вещи составляются изъ нѣсколькихъ сортовъ дерева, изъ двухъ, трехъ, четырехъ и болѣе; такъ дѣлаются различныя сложныя рамки, въ видѣ домиковъ, подчасники, кронштейны, шкапики и пр. Тутъ съ умѣньемъ расположить сорта и подогнать ихъ соотвѣтствующихъ цвѣтовъ,—дѣло вкуса.

Кромѣ дерева, любители выпиливаютъ еще изъ нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ: слоновой кости, перламутра, черепахи,

серебра и пр. Это уже предполагаетъ значительную опытность. Кромѣ того перечисленные предметы очень дорого стоятъ. Мы можемъ только посовѣтовать дѣлать иногда мелкія вставки изъ упомянутыхъ матеріаловъ; напр. на шкатулкѣ изъ розоваго дерева очень эффектно выйдетъ вставка въ видѣ медальона изъ слоновой кости или серебра, или доска для альбома, выпиленная изъ чернаго дерева, съ инкрустаціями изъ перламутра и т. д.

Мы потому такъ долго остановились на деревѣ, что матеріалъ для выпиливанія — самое важное при этомъ занятіи. Обладая хорошими сортами дерева, невольно начинаешь больше стараться, и наоборотъ изъ дурнаго матеріала не создать ничего хорошаго, и при плохомъ выборѣ и однообразіи фанеръ, невольно теряешь любовь къ этому дѣлу. При этомъ мы настоятельно совѣтуемъ только одно: непремѣнно доводите до конца начатую вещь, а не бросайте на полдорогѣ. Распущенность вообще нигдѣ не хороша, а при подобныхъ занятіяхъ тѣмъ болѣе; терпѣніе и выдержка необходимы. Часто вещь не будетъ удаваться сначала; придется не разъ передѣлать ее, исправить. Ничего не значитъ: тѣмъ пріятнѣе будетъ добиться цѣли. Поспѣшностью можно только испортить и изломать уже выпиленныя части. Затѣмъ, никогда не отдавайте вещи мастерамъ склеивать или пригонять,—„все сами!“ пусть будетъ вашимъ девизомъ. Пусть вся вещь, съ начала до конца, будетъ обязана своимъ существованіемъ только вамъ однимъ.

Выбирая рисунокъ, кромѣ самаго узора, который дѣло вкуса каждаго, нужно смотрѣть, чтобы контуры его были ясно видны, въ противномъ случаѣ нельзя вѣрно и точно выпиливать. Начинающему мы не совѣтовали-бы брать очень мелкіе узоры. Въ двухъ альбомахъ рисунковъ, изданныхъ *Нивою*, желающіе найдутъ самые разнообразные мотивы, начиная отъ простыхъ и кончая болѣе сложными. Кромѣ того мы совѣтуемъ составлять наиболѣе простые рисунки самимъ. Удовольствіе самой работы возростаетъ когда рисунокъ скомпанованъ самимъ авторомъ, не говоря уже о пользѣ, которую пріобрѣтаешь вслѣдствіе развитія руки и глаза. Сначала можно брать различныя части изъ готовыхъ уже рисунковъ и составлять изъ нихъ одно цѣлое. Позднѣе можно начать рисовать самимъ; есть вещи въ которыхъ повторяется одинъ и тотъ же узоръ нѣсколько разъ. Напр. достаточно нарисовать одну пластинку вѣера и потомъ перевести ее нужное количество разъ. Рамки по большей части состоятъ изъ двухъ или четырехъ симметрическихъ частей. Довольно нарисовать одну и потомъ копировать ее. Также составляются шкатулки и проч.

Рисунки всего лучше приклеиваются къ дереву простымъ крахмаломъ. Нужно только слѣдить, чтобы крахмалъ былъ тщательно размѣшанъ и чтобы не было кусковъ. Нужно хорошенько разгладить рисунокъ, чтобы клей присталъ равномѣрно ко всему рисунку, въ противномъ случаѣ неприклеенныя мѣста будутъ задираться пилой при выпиливаніи и портить рисунокъ, такъ что приходится пилить уже наугадъ. Послѣ наклейки фанеру нужно положить на нѣсколько часовъ подъ прессъ, или просто наложить на нее что-нибудь тяжелое, нѣсколько книгъ, кирпичей, положить ее подъ ножку стола, рояля и пр. Это дѣлается для того чтобы дерево не покоробилось. Если же это забыли сдѣлать или вообще если дерево скоробилось, нужно образовавшуюся на другой сторонѣ выпуклость поливать осторожно горячей водой и держать передъ огнемъ. Но нужно это дѣлать осторожно, чтобы дерево не согнулось въ противоположную сторону. Если рисунокъ не хотятъ портить, а желаютъ его сберечь до другаго раза, тогда его не наклеиваютъ, а переводятъ, *калькируютъ* его на дерево. Для этого служитъ особымъ образомъ приготовленная бумага краснаго, синяго или чернаго цвѣта. Ее кладутъ на фанеру, покрываютъ рисункомъ, прикрѣпляютъ то и другое къ дереву по угламъ гвоздиками, булавками или кнопочками и слегка обводятъ контуры рисунка спичкой, шпилькой или вязальной иглой. На деревѣ получается ясный отпечатокъ узора и одинъ рисунокъ можетъ служить такимъ образомъ много разъ. Нужно только изъ предосторожности покрыть узоръ полученный на деревѣ легкимъ растворомъ простаго вишневаго клея съ помощью кисточки, для того чтобы во время продолжительной работы не стерлись нѣкоторыя очертанія.

Инструменты употребляемые для выпиливанія слѣдующіе: на первомъ планѣ стоитъ каждому извѣстный *лобзикъ* (Laubsäge), стальной или деревянный — это все равно. Стальной болѣе упругъ, но деревянный легче. Лучше если есть по крайней мѣрѣ два лобзика: маленькій и большой. Чѣмъ длиннѣе лобзикъ, тѣмъ больше можетъ быть діаметръ выпиливаемой вещи; но если работа очень ужь велика, то можно, наклеивши рисунокъ и приготовивши все какъ слѣдуетъ, прямо перепилить фанеру на нѣсколько частей по желанію и соображаясь съ величиною лобзика, по прямымъ или ломанымъ линіямъ, нужно только стараться, чтобы распилъ проходилъ больше по пустымъ, чистымъ промежуткамъ, а не по узору. Потомъ, по окончаніи работы, эти мѣста прикладываются и приклеиваются другъ къ другу, такъ что не видно почти мѣста склейки. Покупая лобзикъ нужно тоже обратить вниманіе на то, чтобы верхніе и нижніе зажимы, въ которые вставляется пила, были хорошо надрѣзаны и крѣпко держали пилу.

Пилы продаются дюжинами и бываютъ различныхъ нумеровъ: наиболѣе употребительные № 1 и № 0, по есть №№ крупнѣе № 2 и № 3, которые употребляются для предварительной и болѣе быстрой распилки фанеръ по прямой линіи, и есть болѣе мелкіе № 00 и № 000 для тонкихъ рисунковъ. № 000 такъ тонки, что очень легко рвутся, особенно если туго натянуты. Поэтому лучше спрашивать въ магазинѣ другой сортъ этого же №, употребляемый для выпилки металловъ; онъ острѣе и лучше закаленъ, хотя немного и дороже.

Станкомъ, на которомъ производится выпиливаніе, служитъ маленькій верстачекъ (струбцинка) привинчивающійся къ столу винтомъ. Дырочки въ узорѣ фанеры просверливаются или простымъ маленькимъ шильцемъ или особымъ инструментомъ, который называется *дрэль*, въ родѣ маленькаго коловорота. Онъ болѣе удобенъ, оттого что при работѣ имъ меньше устаетъ рука, особенно при просверливаніи твердаго дерева, и во-вторыхъ потому, что онъ вообще можетъ быть полезенъ въ хозяйствѣ, особенно если вы пріобрѣтете достаточное количество разнаго размѣра *пёрочекъ*, которыми можно просверливать также и металлы.

Когда все готово, вставляютъ пилу въ нижнюю цамифу лобзика, зажимаютъ ее, продѣваютъ сквозь одно изъ отверстій въ фанерѣ и зажимаютъ вверху. Кладутъ фанеру въ прорѣзъ верхней доски струбцинки и начинаютъ пилить. Водить лобзикомъ нужно совершенно свободно, только слегка надавливая пилой на дерево. Лобзикъ конечно держатъ въ правой рукѣ, а лѣвой подвигаютъ и поворачиваютъ фанерку. Образующіеся опилки нужно постоянно сдувать ртомъ, иначе они покрываютъ собой и мѣшаютъ видѣть рисунокъ. Руку съ лобзикомъ держатъ прижатой къ локтю, причемъ непремѣнно нужно стараться, чтобы лобзикъ шелъ совершенно перпендикулярно къ плоскости фанеры и не уклонялся бы ни вправо, ни влѣво. Въ противномъ случаѣ прорѣзанные кусочки не будутъ выпадать изъ фанеры и самый видъ узора будетъ различенъ на верхней и нижней сторонѣ фанеры, что въ тонкой работѣ можетъ испортить всю вещь. Закруглять нужно медленно, плавными движеніями руки, избѣгая крутыхъ поворотовъ, иначе линіи будутъ неправильны. Можно пилить какъ угодно, но лучше, если контуры рисунка остаются съ лѣвой стороны; во всякомъ случаѣ лучше не допилить, чѣмъ перепилить и уйти за контуры, оттого что въ первомъ случаѣ погрѣшность легко исправляется подпилкомъ, а во второмъ ничего сдѣлать нельзя и узоръ получается некрасивый. Пилы часто бываютъ нарѣзаны криво, и при всемъ стараніи не идутъ по указанному направленію. Лучше ихъ всегда предварительно попробовать на простомъ кускѣ фанеры и если онѣ, при прямомъ направленіи лобзика и правильномъ положеніи руки, пилятъ вкось, то нужно, не вынимая ихъ изъ лобзика, легко и быстро пройти по зубцамъ подпилкомъ съ той стороны, въ которую уклоняется пила, тогда зубцы выпрямляются. Часто во всей дюжинѣ наберется не болѣе двухъ или трехъ хорошихъ пилъ. Иногда пила очень хороша или остается послѣдняя извѣстнаго № и къ ней привыкнешь, тогда если она оборвется, можно не бросать ее, а отпустить винты вверху и внизу лобзика, которые держатъ зажимы; они сближаются между собою и тогда можно вставить даже маленькій обрывокъ пилы.

Чѣмъ толще пила, тѣмъ выпиливаніе идетъ быстрѣе, но чѣмъ она тоньше, тѣмъ работа чище. Углы, особенно острые, надо опиливать съ большою осторожностью. Дойдя до угла, пилу совсѣмъ перестаютъ надавливать впередъ и продвигаютъ нѣсколько разъ вверхъ и внизъ на одномъ мѣстѣ совершенно свободно. Въ это время лѣвою рукою осторожно поворачиваютъ фанеру, остерегаясь производить это быстро, чтобы не ущемить пилу. По умѣнью хорошо обходить углы и по длиннымъ прямымъ линіямъ узнается искусство мастера въ выпиловкѣ.

Окончивъ какой-нибудь отдѣльный кусокъ, берутъ *циклю*, стальную пластинку съ ровно обрѣзанными краями и ею начинаютъ сдирать уцѣлѣвшую бумагу съ узора. Впрочемъ еще лучше дѣлается это такъ-называемой *стеклянной* бумагой, которой бываетъ нѣсколько №№, отъ самой мелкой до крупной. Техника самая простая. Отрываютъ лоскутокъ и трутъ имъ выпиленную фанеру, сначала крупной бумагой, а потомъ мелкой. Полировать выпиливаемыя вещи никогда не слѣдуетъ. Это нейдетъ. Самое большее что можно сдѣлать, это пройтись послѣ бумаги большимъ кускомъ прессованной пемзы и потомъ слегка покрыть воскомъ, и то преимущественно темные сорта дерева.

Отшлифовывая стеклянной шкуркой, нужно стараться, чтобы не обломать острые уголки, вѣточки, арабески и выдающіяся части узора, что вообще случается не особенно рѣдко. Если выпиленная вещь имѣетъ снаружи очень сложныя и запутанныя очертанія, то когда ее опилятъ кругомъ (наружный контуръ рисунка выпиливается всегда послѣ всего) ее не вынимаютъ, а оставляютъ въ выпиленномъ кускѣ какъ въ футлярѣ и начинаютъ шлифовать шкуркой. При такихъ условіяхъ это можно сдѣлать безопасно, не боясь обломать рисунка. Различныя погрѣшности въ выпиливаніи сглаживаются подпилочками, которыхъ необходимо имѣть цѣлый ассортиментъ: плоскій, круглый, полукруглый и треугольный.

Отшлифованныя и исправленныя вещи пригоняются одна къ другой и приклеиваются. Собственно говоря, эта часть работы требуетъ особенной аккуратности и вниманія. Многіе обыкновенно отдаютъ готовыя вещи для склейки мастерамъ, но мы рѣшительно не совѣтуемъ этого дѣлать. Всегда старайтесь чтобы вещь вся была сдѣлана вами. Тѣмъ болѣе что пригонка вовсе не трудна, если не спѣшить. Прямые бочки обыкновенно выстругиваются маленькими желѣзными рубаночками, которыми очень ловко дѣйствовать. Поэтому прямыя линіи никогда не опиливаются прямо по рисунку, а всегда оставляется мѣсто или поля для работы рубанкомъ. Для скашиванія угловъ въ рамкахъ существуетъ даже особенный инструментъ, безъ котораго впрочемъ легко обойтись и можно удовольствоваться циркулемъ и прямоугольникомъ. Приклеивать отдѣльныя части одна къ другой всего лучше простымъ столярнымъ клеемъ, наблюдая только чтобы онъ былъ горячъ и не очень густъ, въ противномъ случаѣ получается нечистая работа. До склеиванія вещь должна быть окончательно отдѣлана, отшлифована, подогнана, гдѣ нужно, должны быть придѣланы петельки, личинки и пр., и ни въ какомъ случаѣ не нужно производить этихъ манипуляцій во время склейки или послѣ нея. Этимъ вы рискуете только попусту загрязнить или поломать вещь. Оставшимся кускамъ клея даютъ засохнуть и потомъ счищаютъ ихъ осторожно острой стамесочкой или просто перочиннымъ ножомъ. Теперь впрочемъ все больше и больше входитъ въ обычай избѣгать по возможности склеиванія и всю работу производить на винтахъ. Выходитъ лучше, чище и даже крѣпче. Винтики продаются *гроссами* (12 дюжинъ) и бываютъ разной величины, отъ $^1/_4$ дюйма длины. Всего лучше употреблять № 3 въ $^1/_2$ дюйма, ими очень удобно свинчивать двѣ фанерки; острый же кончикъ, прошедшій насквозь, легко отпиливается той-же пилкой или подпилкомъ. Работа на винтахъ имѣетъ еще то преимущество, что ее всегда можно всю разобрать, что очень важно въ дорогѣ или перевозкѣ, а также въ случаѣ передѣлки вещи. Мы вообще совѣтуемъ начинающимъ свинчивать вещи гдѣ это можно, избѣгая по возможности клея. Только для винтика всегда нужно раньше шильцемъ приготовить отверстіе въ фанеркѣ, оттого что какъ винтикъ ни тонокъ, но можетъ расколоть дерево.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о мозаикѣ. Мозаикой въ выпиливаніи называютъ вставки въ выпиливаемую вещь узоровъ и инкрустацій изъ другихъ сортовъ дерева. Это дѣло требуетъ большой опытности и умѣнья, для этого существуютъ особые ножные станки, стоющіе довольно дорого. Но небольшія вставки можно безъ особеннаго труда дѣлать каждому. Берутъ два куска дерева, положимъ, каштановое и орѣховое. На одну фанеру приклеиваютъ плотно крахмаломъ листъ бумаги и на этотъ послѣдній съ другой стороны наклеиваютъ другую фанерку. Такимъ образомъ оба куска дерева соединены бумагой. Тогда на одну изъ фанерокъ наклеиваютъ рисунокъ и начинаютъ выпиливать, какъ обыкновенно, но выпиленные и выпадающіе кусочки не бросаютъ, а собираютъ въ отдѣльную коробочку.

По окончаніи работы прямо стамеской или ножемъ разъединяютъ обѣ фанерки или опускаютъ ихъ на минуту въ теплую воду и тогда бумага отстаетъ легко. Затѣмъ выпиленные кусочки изъ орѣховаго дерева вставляютъ въ каштановое и наоборотъ. Получаются двѣ фанерки съ мозаиковыми инкрустаціями. Главное условіе при мозаикѣ—это пилить совершенно перпендикулярно, ничуть не уклоняясь въ ту или другую сторону. Тогда и отрѣзки получаются правильные и легко вставляются въ соотвѣтствующіе вырѣзы. Если же пилили хоть немного подъ угломъ, то одинъ изъ кусочковъ получается больше другаго и не вставляется потомъ въ фанеру. Такъ какъ здѣсь выпиленные отрѣзочки не бросаются и вставляются послѣ назадъ, то отверстія дѣлаютъ въ нихъ шильцемъ для выпиливанія не произвольно, гдѣ придется, а въ какомъ-нибудь углу, вообще на границѣ контура. Это дѣлается для того, чтобы потомъ, по вставкѣ кусочковъ на надлежащее мѣсто, не было бы по возможности замѣтно дырочекъ. Мозаиковыя вставки бываютъ иногда очень эффектны, если цвѣта дерева подобраны со вкусомъ; только нужно выбирать попроще узоры, гдѣ меньше бы было острыхъ угловъ, а преобладали бы плавныя кривыя, а то въ углахъ часто выкрашиваются и ломаются вставочки.

Каждую выпиленную вещь можно отдѣлать различными украшеніями. Для этого теперь въ магазинахъ продается масса бронзовыхъ и всякихъ другихъ штучекъ: бронзовыя ножки драконами для шкатулокъ, бронзовыя колечки для выдвиганія ящичковъ, крючечки для подчасниковъ, ажурныя петельки, гвоздики съ разноцвѣтными стеклянными головками, ручки для ящичковъ, угольнички, бронзовые багетики и карнизики, прибивающіеся бронзовыми гвоздиками по краямъ для того, чтобы скрыть погрѣшности склейки. Всякія украшенія—дѣло вкуса, но мы не совѣтовали бы очень пестрить ими работу, такъ какъ въ ажурныхъ вещахъ простота составляетъ особенную прелесть. Шкатулочки обиваются внутри матеріей, собранной мелкими пуфами, въ крышку можно вставить зеркало, въ рамки вставляются бронзовые ободки съ прошлифованными стеклами и пр.

Выборъ вещей для выпиливанія очень разнообразенъ: кромѣ обыкновенныхъ мелкихъ кабинетныхъ вещицъ, можно выпиливать и очень крупныя вещи. Мы знали двухъ любителей, которые сдѣлали себѣ изъ темнаго орѣха ажурные обои на всю комнату. Получилось въ высшей степени эффектное впечатлѣніе. Можно выпиливать кіоты, туалеты. Можно обклеивать вырѣзными фанерами уже готовую мебель; комодики, сундуки и пр. Дѣлаютъ круглыя доски для столиковъ, простыя или мозаиковыя, отдѣлываютъ садовыя бесѣдки ажурными украшеніями въ русскомъ вкусѣ и пр.

При желаніи можно найти и другія приложенія выпиливанія. Берутъ напр. двѣ картины и наклеиваютъ на фанеру съ обѣихъ сторонъ, потомъ распиливаютъ ее по возможности неправильно, замысловатыми линіями на множество кусочковъ. Эти кусочки можно складывать такъ, что получаются двѣ складныя картины. Такимъ же образомъ распиливаютъ географическія карты, по губерніямъ, по государствамъ, по направленію рѣкъ и горныхъ хребтовъ, такъ что здѣсь удовольствіе уже прямо соединено съ пользой.

Другъ.

Къ рисункамъ.

Степной воръ. (Рис. на стр. 652).

Осторожно пробирается туркменъ съ награбленной добычей въ высокихъ камышахъ закаспійскихъ степей. Осторожно ступаетъ по густой травѣ небольшая но выносливая степная лошадка, къ пристанищу своего хозяина, который, зорко оглядываясь по сторонамъ узкими глазами, держитъ на всякій случай на-готовѣ свое гибкое копье. Этотъ интересный типъ одного изъ многочисленныхъ племенъ населяющихъ наши окраины живо переданъ въ акварели извѣстнаго нашего художника Н. Н. Каразина, воспроизведенной въ гравюрѣ на стр. 652).

Знаменщикъ текинской милиціи. (Рис. на стр. 653).

Чрезвычайно плодородной и прекрасно орошенный оазисъ Ахалъ-Теке населенъ однимъ изъ многочисленныхъ туркменскихъ племенъ, коего численность достигала до 4000 кибитокъ. Съиздавна они были извѣстны въ средней Азіи, какъ отъявленные грабители и разбойники, наводившіе ужасъ на окрестныя мѣстности. Въ одиночку, какъ это можно видѣть на помянутомъ рисункѣ Н. Н. Каразина, помѣщенномъ въ настоящемъ нумерѣ, или цѣлыми партіями совершали они свои набѣги, даже на пограничныя русскія области. Чтобы положить конецъ ихъ хищничествамъ, русское правительство неоднократно снаряжало экспедиціи для покоренія оазиса. Послѣ безплодныхъ походовъ 1874, 1876, 1878 и 1879 г., оазисъ наконецъ былъ покоренъ въ 1881 г. генераломъ Скобелевымъ, а съ 1883 г. составляетъ часть закаспійскихъ русскихъ владѣній. Съ тѣхъ поръ хищничества прекратились и дикихъ, необузданныхъ текинцевъ теперь трудно узнать въ дисциплинированномъ земскомъ войскѣ—милиціи. Одинъ изъ представителей его, знаменщикъ текинской конной милиціи воспроизведенъ на стр. 653, гравюрѣ съ рисунка карандашемъ В. Радомскаго.

На берегу моря. (Рис. на стр. 657).

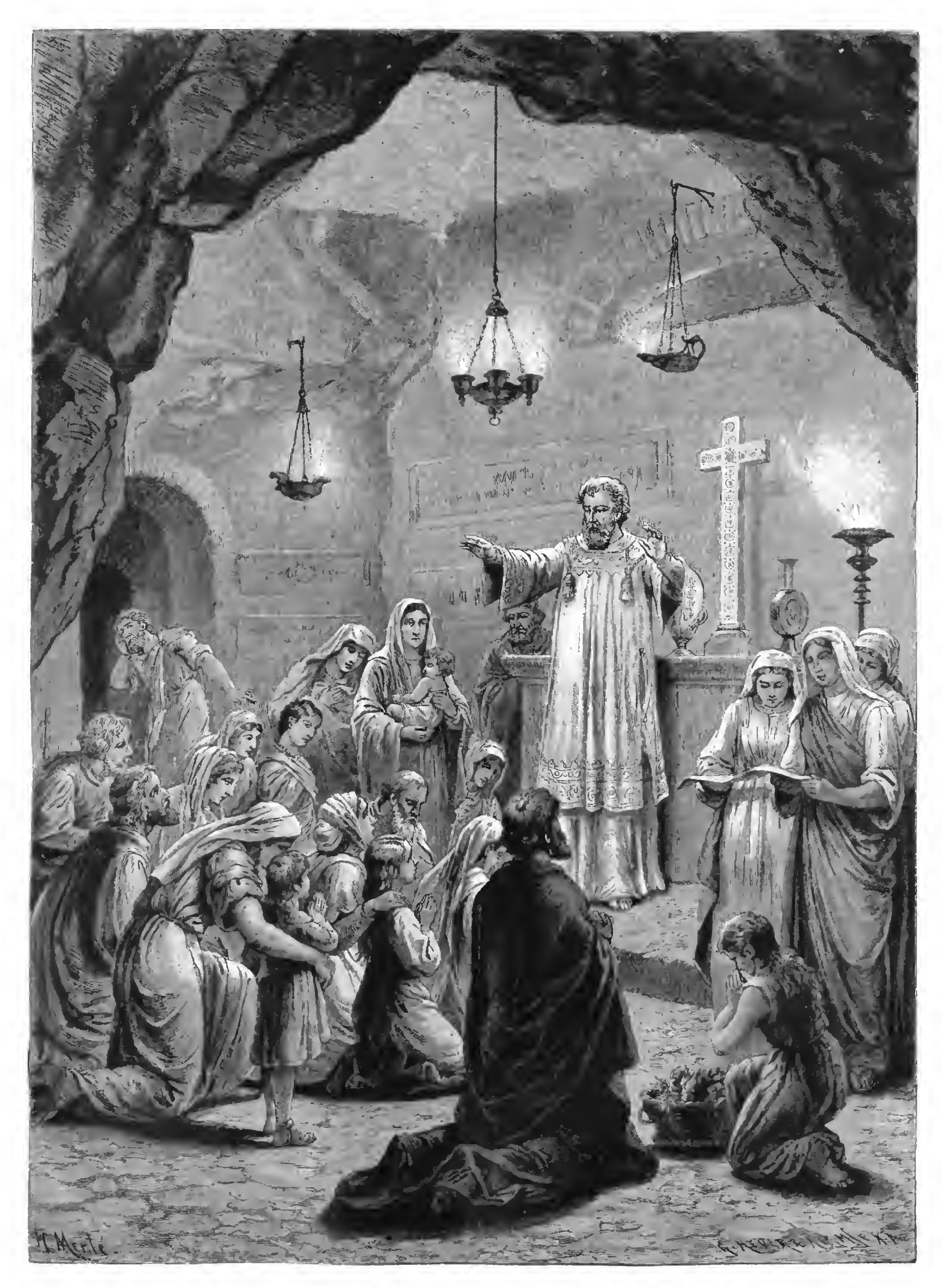
За высокой каменной верандой далеко-далеко тянется море. Съ шипѣньемъ нагоняетъ оно волну за волной на пологій песчаный берегъ, на которомъ высится вѣха, предостерегающая проходящія мимо суда. Два-три изъ нихъ вырисовываются силуэтомъ вдалекѣ, да изъ-за горизонта тянется полоска дыма отъ удаляющагося парохода. Но море, то тихое, то бурное, столь заманчивое для увидѣвшаго его впервые, кажется мало занимаетъ обѣихъ дѣвушекъ, сидящихъ на первомъ планѣ картины.

Воскресный день въ Малороссіи. (Рис. на стр. 660).

Досуги праздниковъ нашъ народъ часто посвящаетъ какому-нибудь физическому развлеченію или забавѣ. Въ играхъ, хороводахъ, пляскахъ, утомленное за недѣлю тяжелой работой тѣло находитъ, въ легкомъ движеніи, пріятный отдыхъ. Игры въ свайку, городки, бабки не разъ, можно думать, наблюдалъ читатель гдѣ-нибудь въ деревнѣ или пригородѣ. На стр. 660 помѣщено изображеніе любопытной игры въ матку, встрѣчаемой въ Малороссіи. Это родъ лапты, гдѣ попеременно одинъ изъ играющихъ поддаетъ мячъ палкою или лаптой другому.

„Съ Государевымъ словомъ". (Рис. на стр. 661).

Художникъ изобразилъ очень живо тотъ торжественный моментъ въ древне-русской жизни, когда послы государевы, разъѣзжая по Руси съ его полномочною грамотою, пріѣзжаютъ къ одному изъ скромныхъ и небогатыхъ захолустныхъ дворянъ и другихъ служилыхъ людей, и объявляютъ о томъ, чтобы „часа не

Ночное богослуженіе первыхъ христіанъ въ Римскихъ катакомбахъ. Рис. Мерте, грав. Гейеръ.

мѣшкая" всѣ свозили своихъ дочерей-дѣвицъ для досмотра въ опредѣленные, указанные въ грамотѣ, города, для „смотринъ" его бояръ и окольничихъ, посланныхъ съ этой цѣлью по всей Россіи. „А который изъ васъ дочь у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ не повезетъ, и тому быть отъ царя въ великой опалѣ и въ казни"—такъ заключалось грозное „царское слово".

И слушаетъ то слово, стоя на колѣнахъ, отецъ, слушаютъ его всѣ домашніе — жена, мама (т. е. нянька) дочери, сѣнныя дѣвушки и подруги. Слушаетъ съ замираніемъ сердца и сама дѣвица, которой ближе всего касается „государево слово"—и дрожитъ въ рукахъ ея тотъ подносъ съ сулеёю и со стаканомъ, который она еле держитъ въ рукахъ. Ей мерещатся въ близкомъ будущемъ и страхи, и ужасы, и тревоги, и волненія, и—возможность быть царицей, возможность стать „первою изъ первыхъ" женщинъ на все Русское царство... Возможность вывести въ люди весь захудалый, бѣдный родъ свой, начиная отъ отца и матери, до братьевъ и дальнихъ родичей. Но сколько ей нужно пройти испытаній, сколько одолѣть козней, сколько вынести всякихъ униженій, прижимокъ, разсчитанныхъ оскорбленій, сколько наслушаться клеветъ, навѣтовъ, осужденій!.. Но блескъ вѣнца туманитъ ей голову и она обо всемъ забываетъ въ виду того отдаленнаго счастія, которое можетъ ей выпасть на долю. Не такъ думаетъ ея отецъ: онъ предвидитъ нескончаемые хлопоты, расходы, убытки, неудачи, возможность опалы и строгихъ взысканій, въ случаѣ если бы дочь не съумѣла угодить ближайшимъ царскимъ вельможамъ и роднѣ, которая, конечно, встрѣтитъ ее враждебно... И старый, опытный человѣкъ грустно клонитъ голову, слушая „государево слово", и въ душѣ молитъ Бога, чтобы мимо его „шла чаша сія..."

Ночное богослуженіе первыхъ христіанъ въ римскихъ катакомбахъ. (Рис. на стр. 665).

Во время преслѣдованія христіанъ, въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ христіанской церкви въ Римскомъ государствѣ, послѣдователи новаго ученія видѣли себя почти всюду вынужденными скрываться отъ постоянно возраставшихъ притѣсненій императорскихъ чиновниковъ и отъ преслѣдованія черни—въ пустыняхъ и ущельяхъ, гдѣ они собирались и исполняли свое богослуженіе. Въ самомъ Римѣ христіане искали убѣжища преимущественно въ тѣхъ обширныхъ и запутанныхъ подземельяхъ, которыя еще и донынѣ составляютъ подъ названіемъ катакомбъ одну изъ достопримѣчательностей семихолмнаго города. Эти, высѣченныя въ мягкомъ туфѣ, ходы находятся повсюду въ окрестностяхъ Рима и составляютъ въ общей сложности пространство длиною верстъ съ тысячу. Вначалѣ катакомбы служили мѣстомъ погребенія умершихъ, могилы которыхъ, одна надъ и возлѣ другой, тѣсно были выбиты горизонтально въ стѣнахъ галерей и задѣлывались каменною доскою, носившею соотвѣтственную надпись. Позже подземныя пространства служили мѣстомъ собранія для христіанскихъ общинъ и доставляли угнетаемымъ, какъ это извѣстно, хотя временное убѣжище и пріютъ во времена жесточайшихъ преслѣдованій въ III и IV вѣкахъ. Первое время катакомбы были одноэтажными и являлись скорѣе широкими, чѣмъ высокими ходами; позже начали встрѣчаться галереи одна надъ другою, въ три, четыре и даже пять ярусовъ, съ узкими и высокими проходами, которые развѣтвлялись въ стороны, съ значительными помѣщеніями для богослуженія. Исторія катакомбъ начинается съ конца перваго вѣка христіанства. Во многихъ изъ нихъ найдена живопись, относящаяся, какъ это можно сказать почти съ увѣренностью, до этой ранней эпохи. Самая древняя надпись заключаетъ указаніе на консульство въ 107 году, а другая 110 года. Находящіяся въ катакомбахъ церкви или капеллы имѣютъ своеобразную форму и устройство: онѣ бываютъ четырехугольныя, восьмиугольныя и крестообразныя. Въ нихъ-то и совершали первые христіане свое богослуженіе во времена преслѣдованій, какъ это видно на нашемъ рисункѣ на стр. 665. Въ небольшомъ помѣщеніи, освѣщенномъ многочисленными лампадами, возвышается въ глубинѣ алтарь съ крестомъ и передъ нимъ священнослужитель въ облаченіи. Онъ простеръ впередъ руки, чтобы дать общинѣ благословеніе. Слѣва, у дверей стоитъ сторожъ и прислушивается. Такіе сторожа были разставлены на далекое пространство, чтобы предупреждать вѣрующихъ отъ грозящей имъ опасности быть накрытыми фанатическими преслѣдователями ученія Христова. Несмотря на эти мѣры предосторожности, императорскимъ солдатамъ нерѣдко удавалось проникать въ эти тихія убѣжища и захватывать христіанъ на мѣстѣ „преступленія". Тогда ихъ влекли въ судъ, тамъ исповѣдники новой вѣры, безъ дальнихъ околичностей, приговаривались къ смерти на аренѣ цирка, гдѣ они должны были подвергаться травлѣ дикими звѣрьми. Но это-то безропотное мученичество и влекло тысячи новыхъ прозелитовъ къ христіанству.

Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича въ СПБ. (Рис. на стр. 668).

Въ дополненіе къ рисункамъ изображающимъ торжественный въѣздъ Греческой королевны Александры Георгіевны въ СПБ., помѣщеннымъ въ № 25 *Нивы*, прилагаемъ въ гравюрѣ фотографическій снимокъ съ дворца ея Августѣйшаго супруга, Великаго Князя Павла Александровича. Это красивое зданіе расположено на Англійской набережной Невы, неподалеку отъ Царской пристани, главнымъ фасадомъ къ рѣкѣ.

Памятникъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому въ СПБ. (Рис. на стр. 669).

Въ понедѣльникъ, 5 іюня, въ три часа дня, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялось торжественное открытіе памятника въ Бозѣ почивающему принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, поставленнаго на Литейномъ проспектѣ, противъ Маріинской больницы. Это мѣсто, гдѣ красуется теперь памятникъ, находилось въ палисадникѣ вышеназванной больницы.

Принцъ Петръ Георгіевичъ, сынъ принца Петра-Фридриха-Георга Ольденбургскаго (р. 1784, † 1812) и принцессы Екатерины Павловны (р. 1788, † 1819), дочери императора Павла Петровича, родился 14 (26) августа 1812 года въ Петербургѣ, съ молодыхъ лѣтъ пользовался большимъ довѣріемъ своего Августѣйшаго дяди, императора Николая I, въ 1832 году получилъ чинъ генералъ-майора, въ 1834 генералъ-лейтенанта и въ 1841 генерала-отъ-инфантеріи. Еще ранѣе получивъ юридическое образованіе со степенью доктора правъ, принцъ вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу и былъ главноуправляющимъ IV отдѣленія Собственной Е. И. В. канцеляріи, сенаторомъ и предсѣдателемъ Департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ концѣ 1880 года праздновался 50-лѣтній юбилей его многополезной службы, которой онъ не покидалъ до самой кончины, послѣдовавшей 2 (14) мая 1881 года. На памятникѣ принцъ изображенъ стоящимъ и опирающимся лѣвою рукою на два тома законовъ. На лицевой сторонѣ памятника находится слѣдующая надпись: „Просвѣщенному Благотворителю, Принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому 1812—1881". Три прочія стороны пьедестала украшены барельефами. На правой сторонѣ принцъ изображенъ бесѣдующимъ съ воспитанниками Училища Правовѣдѣнія; тутъ же присутствуетъ директоръ училища Пошманъ. На лѣвой сторонѣ принцъ бесѣдуетъ съ воспитанницами. На той сторонѣ пьедестала, которая выходитъ къ Маріинской больницѣ, принцъ изображенъ у одра больнаго.

Политическое обозрѣніе.

Въ воскресенье, 11 іюня, императоръ Францъ-Іосифъ принималъ членовъ австро-венгерскихъ делегацій и прочелъ рѣчь, содержащую какъ бы указанія на предстоящій политическій характеръ начавшейся сессіи делегацій. Въ своей тронной рѣчи императоръ прежде всего подтвердилъ, что полученныя имъ искреннія изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ народностей Австро-Венгріи утѣшили его въ глубокомъ горѣ. Затѣмъ, коснувшись отношеній имперіи къ иностраннымъ державамъ, императоръ заявилъ, что эти отношенія, равно какъ и общее направленіе внѣшней политики, нисколько не измѣнились. „Въ полномъ согласіи съ нашими союзниками мое правительство стоитъ за направленіе къ продолжительному умиротворенію настоящаго непрочнаго положенія Европы и не теряло надежды на сохраненіе мира, не взирая на продолжающееся повсюду увеличеніе военныхъ силъ, которое и насъ заставляетъ продолжать усовершенствованіе нашей боевой способности. Вслѣдствіе достойнаго сожалѣнія рѣшенія короля Милана отречься отъ престола и по несовершеннолѣтію короля Александра, Сербскому правительству было дано регентство, которое меня увѣрило самымъ формальнымъ образомъ, что оно сохранитъ теперешнія дружественныя отношенія къ имперіи. Исполненный расположенія къ сосѣднему Сербскому королевству, и я съ своей стороны желаю того же и надѣюсь, что благоразуміе и патріотизмъ сербовъ предохранитъ страну отъ серьезныхъ опасностей." Затѣмъ въ рѣчи относительно Болгаріи говорится, что въ ней господствуютъ спокойствіе и порядокъ (!) и что пріятно констатировать постоянное преуспѣяніе этой страны, не смотря на трудное ея положеніе. Далѣе въ ней упоминается о преуспѣяніи и развитіи Босніи и Герцеговины. Въ заключеніе императоръ заявилъ, что правительство, принимая въ соображеніе финансовое положеніе монархіи, стремилось къ тому, чтобы требованія военнаго бюджета были доведены до минимума. Вслѣдствіе чрезвычайныхъ надобностей пока неизбѣжно продолжать тѣ мѣры предосторожности, на которыя въ прошломъ году былъ потребованъ чрезвычайный кредитъ, и еще предпринять такія срочныя распоряженія, которыя необходимы для усиленія боевой способности. Въ концѣ рѣчи высказывается надежда, что делегаціи, патріотизмъ которыхъ испытанъ на дѣлѣ, не откажутъ правительству въ своемъ содѣйствіи. Рѣчь эта вызвала разнорѣчивыя толкованія. Вѣнскія газеты, обсуждая тронную рѣчь, находятъ, что рѣзкое указаніе ея на непрочность положенія дѣлъ замѣтно ослабляетъ ея общій

мирный тонъ. То мѣсто рѣчи, которое касается Сербіи, истолковывается газетами въ смыслѣ предостереженія регентству на счетъ того, чтобы оно непремѣнно сдержало данныя имъ обѣщанія. Мѣсто, касающееся Болгаріи — говорятъ газеты — озадачило делегаціи. Притомъ де *Neue Freie Presse* говоритъ въ передовой статьѣ, что упоминаніе о Болгаріи въ тронной рѣчи сдѣлано умышленно, съ политическою цѣлью. Но подобный умыселъ безцѣленъ и врядъ-ли можетъ произвести въ Петербургѣ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ на Болгарію перестали де обращать всякое вниманіе. Также де напрасны строчки той же газеты, по поводу избранія въ президенты делегацій князя Альфреда Виндишгреца и графа Зичи, гдѣ говорится: „Графъ Зичи и князь Виндишгрецъ напоминаютъ собою то время, когда Россія не питала еще ни малѣйшей ненависти къ Австріи. Дѣдъ князя призывалъ русскихъ въ Венгрію, а графъ Зичи, бывшій посолъ въ Константинополѣ и другъ графа Игнатьева, никогда не былъ непріятелемъ Россіи. Стремленія Австро-венгерской монархіи миролюбивы, въ ней не существуетъ ни одной воинственной личности въ родѣ графа Вальдерзе. Къ сожалѣнію, Россія непримирима". Но непримиримостью скорѣе отличается сама Австро-Венгрія; но крайней мѣрѣ многія не австрійскія газеты истолковывали тронную рѣчь какъ воинственную угрозу, въ чемъ старается ихъ разувѣрить *Presse*. Да и самъ составитель рѣчи, можно думать, не ожидалъ того впечатлѣнія, какое произвела тронная рѣчь. Графъ Кальноки уже во вторникъ представилъ бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи краткій очеркъ настоящаго политическаго положенія, въ которомъ онъ какъ бы разъясняетъ тронную рѣчь. „Моя задача—говорилъ Кальноки—заключается въ томъ, чтобы выяснить, а также и успокоить общее настроеніе, которое въ настоящее время находится подъ пессимистическими вліяніями. Общее положеніе остается безъ перемѣнъ; мы рѣшительно не видимъ нынѣ опасности для мира, хотя положеніе дѣлъ и неустойчиво. Перемѣнамъ на Юго-Востокѣ, вызваннымъ внутренними причинами, придано было преувеличенное толкованіе. Говорятъ, будто Румынія враждебна намъ теперь; это невѣрно. Я питаю полное довѣріе къ тому, что Румынія слишкомъ гордится своею національностью и новопріобрѣтенною, взятою путемъ борьбы независимостью, чтобы легко и безъ достаточныхъ основаній отказаться отъ нихъ." Относительно Сербіи, графъ Кальноки сказалъ, что регентство дало положительное увѣреніе сохранить дружественныя отношенія къ сосѣдней державѣ и что нѣтъ причинъ предполагать, чтобы регентство измѣнило своимъ обѣщаніямъ. Сохраненіе дружескихъ отношеній мирнаго сосѣдства соотвѣтствуетъ интересамъ Сербіи. „Мирныя намѣренія всѣхъ монарховъ и твердая воля ихъ сохранить миръ,—заявилъ въ концѣ своего очерка графъ Кальноки,—не подлежатъ никакому сомнѣнію; къ тому же стремятся и правительства; никто не хочетъ брать на себя отвѣтственности за нарушеніе мира и за послѣдствія такого нарушенія. Австрія не имѣетъ воинственныхъ намѣреній, она довольна нынѣшнимъ правовымъ положеніемъ и не питаетъ замысловъ относительно расширенія своихъ предѣловъ. Наша мирная политика опирается на вѣрныхъ союзницъ — Германію и Италію; кромѣ того, наша восточная политика такъ безукоризненна и безкорыстна, что въ ней мы не останемся безъ поддержки со стороны державъ слѣдующихъ одинаковымъ съ нами воззрѣніямъ. Наконецъ, нѣтъ ни одного государства, съ которымъ мы не находились бы въ совершенно нормальныхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ мы состоимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ также и съ Россіей".

Во Франціи правительственная партія за послѣднее время терпитъ неудачи, въ то время какъ ея главнѣйшіе противники торжествуютъ. Процессъ, возбужденный въ Ангулемѣ противъ Деруледа, Лагерра и Лезапа, если и окончился не вполнѣ благопріятно для всѣхъ обвиняемыхъ, то во всякомъ случаѣ рѣшеніе ангулемскаго суда, приговорившаго Деруледа къ обыкновенному штрафу въ 100 фр. и оправдавшаго Лезапа, газеты считаютъ равносильнымъ оправданію подсудимыхъ. Рядомъ съ этимъ министерство Тирара уже дважды не имѣло на своей сторонѣ большинства депутатовъ въ палатѣ, еще не такъ давно сильно поддерживавшей правительство.

Въ Штутгартѣ, какъ уже извѣстно читателямъ *Нивы*, нынѣ происходятъ торжества по случаю 25-лѣтняго благополучнаго царствованія короля Карла. На нихъ, въ числѣ прочихъ высокихъ гостей, присутствуетъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, прибывшій въ Штутгартъ 12 іюня. На вокзалѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ встрѣченъ былъ, по порученію короля, принцемъ Вильгельмомъ. При встрѣчѣ присутствовали также всѣ принцы королевскаго дома, генералитетъ и русская колонія. Въ вокзалѣ была выставлена почетная рота со знаменемъ и хоромъ музыки. Публика привѣтствовала Наслѣдника Цесаревича самымъ сочувственнымъ образомъ. Во дворцѣ Его Императорское Высочество былъ чрезвычайно сердечно привѣтствованъ королемъ и королевою. По поводу юбилея, 10 (22) іюня, въ *Staatsanzeiger* опубликованъ королевскій манифестъ, начинающійся словами: „Моему народу!" Въ немъ король выражаетъ удовольствіе, что онъ былъ призванъ выполнить долгъ правителя въ тревожное время великихъ событій и благодаритъ народъ за многочисленныя доказательства вѣрности и преданности, которыя онъ не преминулъ выказать ему и при нынѣшнемъ торжествѣ. Благоденствіе Виртемберга будетъ и впредь составлять цѣль его стремленій. Высшую награду своихъ заботъ король видитъ въ чувствахъ признательности и вѣрности своего народа. „Да ниспошлетъ Богъ — говоритъ въ заключеніе король — свое благословеніе на меня, на мою супругу, на домъ мой и на всю Виртембергскую страну".

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Признавъ за благо возстановить дѣйствіе статьи 142 свода основныхъ государственныхъ законовъ, изданія 1857 года, повелѣваемъ: согласно съ первоначальнымъ начертаніемъ основныхъ постановленій о бракѣ Членовъ Августѣйшаго Дома Нашего, статью 60 учрежденія о Императорской Фамиліи (свода законовъ томъ I, часть 1, раздѣлъ второй, изданія 1886 года) изложить въ слѣдующемъ видѣ: „Бракъ мужескаго лица Императорскаго Дома, могущаго имѣть право на наслѣдованіе престола, съ особою другой вѣры, совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею православнаго исповѣданія (ст. 40 основныхъ государственныхъ законовъ)".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ.
6 іюня 1889 года.

Финансы.

— Государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи 1889 года поступило съ 1 января по 1 апрѣля сего года 201,795 милл. руб., въ томъ числѣ обыкновенныхъ и оборотныхъ 196,135 милл. руб. и чрезвычайныхъ 5,660 милл. руб.; вмѣстѣ же съ поступленіями въ счетъ смѣтъ другихъ лѣтъ (10,880 милл. руб.), общая сумма доходовъ равняется 212,675 милл. руб. По сравненію съ поступленіями въ первые три мѣсяца 1888 года, доходовъ въ 1889 году оказывается больше: въ счетъ росписи текущаго года на 25,189 милл. руб., а въ общемъ итогѣ на 20,248 милл. руб.

— По 1 іюня 1889 года въ совѣтъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка представлено отдѣленіями банка 7,899 дѣлъ о ссудахъ. Разсмотрѣно совѣтомъ 7,758 дѣлъ. Изъ сего числа разрѣшено 7,322 дѣла о ссудахъ на сумму 206.277,000 рублей.

Морское дѣло.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Военнаго Министра, 23 минувшаго мая, Высочайше соизволилъ на возстановленіе въ зданіи № 5—224, занимаемомъ штабомъ 49-го пѣхотнаго Брестскаго полка, въ гор. Севастополѣ, комнаты, въ коей скончался отъ ранъ генералъ-адъютантъ Корниловъ, съ сосредоточеніемъ въ этой комнатѣ всѣхъ предметовъ, относящихся къ памяти покойнаго адмирала.

Наука.

— По почину Туркестанскаго генералъ-губернатора и начальника Закаспійской области, въ настоящее время обращено вниманіе на метеорологическія наблюденія какъ въ Средней Азіи, такъ и въ Закаспійской области. Такъ, недавно, открыта метеорологическая станція въ Каркахъ, назначеніе которой, между прочимъ, должно будетъ состоять въ наблюденіи надъ колебаніемъ уровня воды въ Аму-Дарьѣ, какъ извѣстно, въ особенности пріобрѣвшей значеніе съ появленіемъ на ней вновь созданной аму-дарьинской флотиліи и будущаго вольнаго пароходства. Затѣмъ, въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ устройство такой же станціи въ Асхабадѣ.

Открытія.

— Извѣстно, что мѣсторожденіе сапфира находится на островѣ Цейлонѣ, откуда до сихъ поръ и вывозятъ въ Европу этотъ драгоцѣнный камень. Но въ настоящее время обнаружено, что сапфиръ попадается и на Уралѣ. Одинъ торговецъ каменными издѣліями въ гор. Екатеринбургѣ владѣетъ сапфиромъ, добытымъ, по его словамъ, въ Уралѣ. Тѣмъ-же лицомъ недавно пріобрѣтенъ отъ одного золотопромышленника найденный въ Троицкомъ уѣздѣ, въ золото-содержащихъ пескахъ, очень цѣнный и рѣдкій камень—евклазъ.

Изъ губерній и областей.

— 4 іюня, въ гор. Острогѣ, Волынской губерніи, произошелъ страшный пожаръ, начавшійся въ 11 час. утра и продолжавшійся весь день и слѣдующую ночь. Сгорѣло до тысячи строеній; наиболѣе пострадали базарная площадь, на которой сгорѣли всѣ лавки, и прилегающія улицы; сгорѣло болѣе половины Дубенской и Бѣльмашской ул. и Красная гора. Изъ общественныхъ зданій сгорѣли: православная церковь, католическій костелъ, тюремный замокъ и прогимназія. Ночью пріѣхали вольныя пожарныя команды изъ Ровно и Дубно, но въ это время пожаръ уже былъ локализованъ. Пожаръ распространился столь быстро, что не удалось спасти ни имущества жителей, ни товаровъ въ лавкахъ. 5 іюня, прибылъ въ Острогъ волынскій губернаторъ. О выдающихся несчастныхъ случаяхъ съ людьми свѣдѣній не имѣется. Убытки также пока неизвѣстны, но ихъ опредѣляютъ лица, знающія Острогъ, свыше милліона. Говорятъ, что бо̀льшая часть домовъ и лавокъ не была застрахована.

Новыя книги.

Всѣ виноваты. (Die Mitschuldigen). Комедія въ 3-хъ дѣйств. (въ стихахъ) Гёте. Переводъ Э. Репмана. Москва. 1889 г. 100 стр.

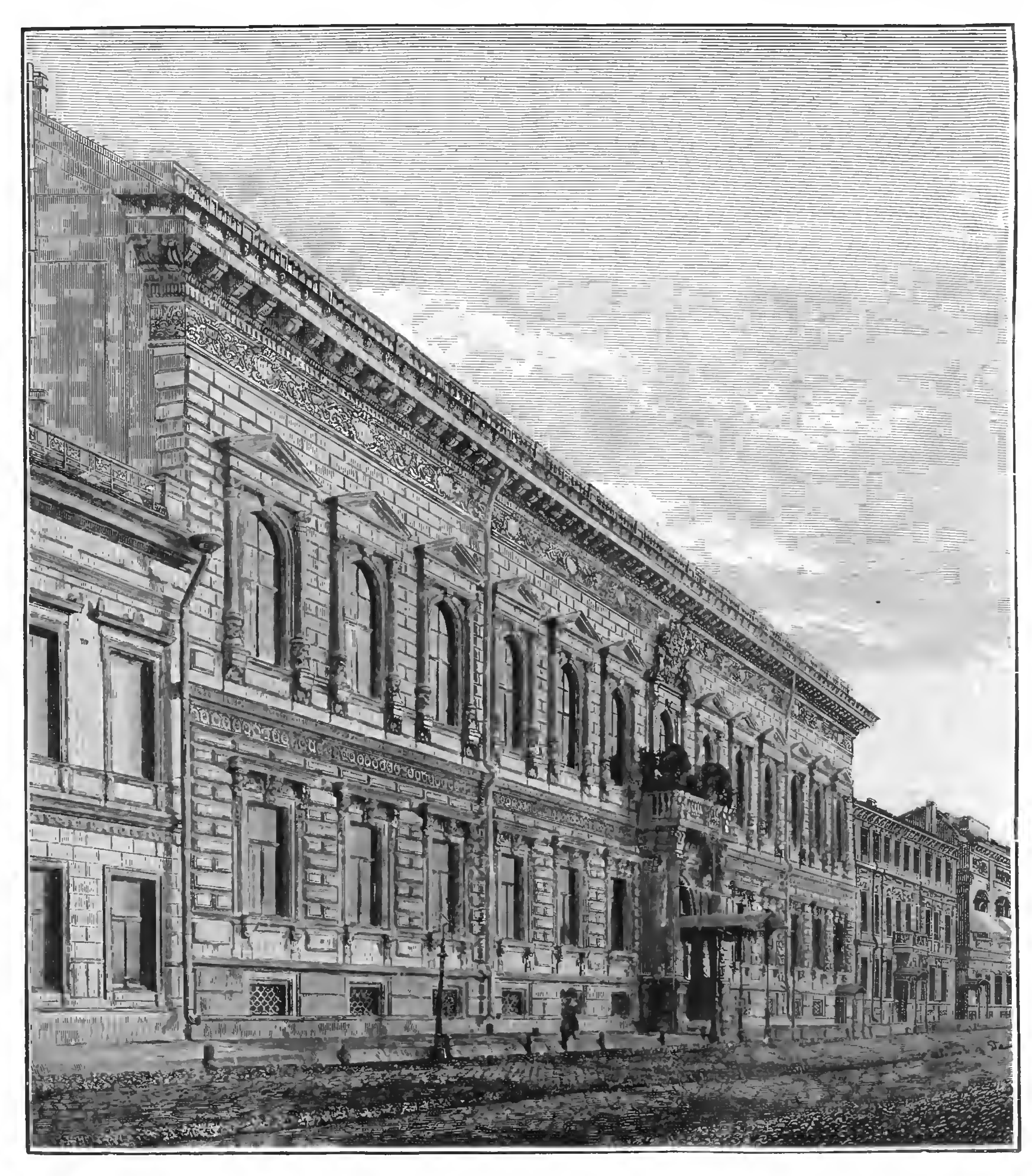
Который часъ? И. Вавилова. Общедоступ-

ное руководство къ построенію всевозможныхъ солнечныхъ часовъ и повѣркѣ обыкновенныхъ часовъ по солнцу безъ помощи часовника. Съ 13 рис. Изд. Ѳ. Павленкова. СПБ. 1889 г. 43 стр.

англійскаго Е. А. Сысоевой. СПБ. 1889 г. 227 стр.

Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ ред. В. Ѳ. Корша, продолжается подъ ред. проф. А. Кирпичникова. Вып. XXII. Изд. К. Риккера. СПБ. 1889 г. 160 стр.

Парижъ и его окрестности. Полный русскій путеводитель для ѣдущихъ на Всемірную Выставку въ Парижъ, съ приложеніемъ русско-французскихъ діалоговъ, записной книжки и плана гор. Парижа. Москва. 1889 г. 222 стр.

Дворецъ Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича, на Англійской набережной Невы въ СПБ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Гербертъ Спенсеръ. Воспитаніе, умственное, нравственное и физическое. Перев. съ

Смѣсь.

Камни падающіе съ неба составляютъ явленія въ Россіи почти ежегодныя; они сначала хранятся какъ предметы любопытства, а затѣмъ теряются и пропадаютъ безполезно какъ для ихъ владѣльцевъ, такъ и для науки. Занимаясь издавна изученіемъ этихъ камней, покорнѣйше прошу лицъ имѣющихъ метеориты, аэролиты, воздушные или упавшіе съ неба камни, а также самородное желѣзо, или знающихъ у кого таковые находятся, войти со мною въ соглашеніе о передачѣ ихъ мнѣ для описанія, или о полной уступкѣ ихъ, за извѣстное вознагражденіе, для моей коллекціи. Для достовѣрности неземнаго происхожденія камня или желѣза, прошу высылать мнѣ предварительно небольшіе образцы съ указаніемъ времени (годъ, мѣсяцъ и число) и мѣстонахожденія (уѣздъ, волость, деревня) камня, а равно и вѣса или величины цѣлаго, по слѣдующему адресу:

С.-Петербургъ. Вас. Остр., 13 линія, д. 2. **Юл. Симашко.**

Такъ-называемое женское движеніе въ Даніи сдѣлало значительные успѣхи: „Датская женская корпорація“ распространилась по всей странѣ и руководство ею находится въ очень дѣятельныхъ рукахъ. При открытіи парламентской сессіи, министру внутреннихъ дѣлъ и председателямъ обоихъ собраній имперскаго сейма былъ поданъ депутаціей названнаго общества адресъ съ 20,000 подписей, въ которомъ испрашивалось для женщинъ право выборовъ. Просьба подписана четырнадцатью тысячами замужнихъ и шестью тысячами незамужнихъ женщинъ; наибольшее число подписей поступило изъ провинцій. „Если можно было добиться такого большаго сочувствія къ праву общинныхъ выборовъ“, пишетъ въ *Morgenbladet* одна изъ руководительницъ „женскаго общества прогресса“ въ Копенгагенѣ, г-жа Іоганна Мейерь, „представляющему выгоды для однѣхъ незамужнихъ женщинъ и связанному лишь съ вопросомъ о податныхъ сборахъ, то можно себѣ представить какъ велико будетъ участіе, когда дѣло коснется политическаго права подачи голосовъ и избираемости какъ замужнихъ, такъ и незамужнихъ женщинъ.“ Впрочемъ, „женское общество прогресса“ не ограничивается одною агитаціею; оно стремится также къ тому, чтобы сдѣлать женщину способною получить права избранія и пользоваться ими. Съ этою цѣлью въ Копенгагенѣ открыта недавно школа соціально-политическихъ наукъ для женщинъ. Попечитель высшихъ учебныхъ заведеній Фалькенштеринъ преподаетъ въ ней внутреннюю политическую исторію Даніи съ 1848 г.; гг. О. Г. А. Андрупъ, кандидатъ Оскаръ Гансенъ и Н. И. Нёрлундъ читаютъ законовѣдѣніе, этику и психологію. (с.)

Въ Вашингтонѣ, по слухамъ, будетъ изданъ законъ, воспрещающій ввозъ книгъ изъ Англіи. Американскіе сборщики охранительныхъ пошлинъ желаютъ избавиться не отъ англійскихъ писателей, а отъ издателей. Каждый англійскій писатель можетъ и впредь, по дорогой цѣнѣ, занимать и поучать читателей-американцевъ, но онъ долженъ отдать свое сочиненіе въ рукописи американскому издателю, который съ своей стороны доставитъ заработокъ американскимъ печатникамъ и книгопродавцамъ. Такъ какъ лондонскіе издатели знаютъ по опыту, что сбытъ книги въ Англіи относится къ таковому въ Америкѣ какъ одинъ къ четыремъ, а для романовъ—благодаря англійской системѣ библіотекъ для чтенія—какъ одинъ къ двѣнадцати, то понятно, что англійскіе писатели повергнуты въ немалое смятеніе. (с.)

Памятникъ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому въ СПБ.
Съ фотогр. генерала Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

Г. Исаакъ Робертсъ довелъ до свѣдѣнія Королевскаго астрономическаго общества въ Лондонѣ объ одномъ астрономическомъ событіи огромной важности. Исаакъ Робертсъ въ послѣднее время занимается фотографированіемъ туманныхъ пятенъ, надѣясь, съ помощью подробнаго изученія получающихся изображеній, приподнять хотя часть завѣсы съ космической загадки. Наши читатели вѣроятно знакомы съ созвѣздіемъ Андромеды и съ находящеюся въ ней туманностью. До сихъ поръ существовали только рисунки этой туманности, видимой и простымъ глазомъ. Исаакъ Робертсъ сдѣлалъ съ нея фотографическій снимокъ и имѣетъ полное право сказать, „что теперь впервые появилось ясное изображеніе этой туманности“. Особенно цѣнное значеніе фотографіи Робертса заключается въ томъ, что она показываетъ туманность въ стадіи развитія, вполнѣ соотвѣтствующей гипотезѣ Канта-Лапласа о происхожденіи солнечной системы. Насколько мы можемъ довѣрять своимъ глазамъ, туманность эта сгущается въ солнечную систему. Посрединѣ туманообразнаго вещества, которое со временемъ должно или поглотиться, или распасться на кольца, мы видимъ центральное тѣло. На наружной границѣ туманнаго пятна образованіе колецъ уже началось, такъ что въ этой области туманность походитъ на кольцо Сатурна. Система колецъ расположена симметрически къ вышеупомянутому центральному ядру. Если эта туманность почти съ достовѣрностью подтверждаетъ теорію Лапласа, то такое впечатлѣніе еще болѣе усиливается при разсмотрѣніи двухъ другихъ фотографическихъ снимковъ съ туманныхъ пятенъ. Эти изображенія показываютъ намъ пятна дальнѣйшей стадіи развитія, представляющей почти планетный типъ. Хотя холодная наука, не увлекаясь такимъ подтвержденіемъ теоріи Лапласа на самомъ небѣ, должна доискиваться дальнѣйшихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе весьма утѣшительно знать, что изслѣдованіями Робертса сдѣланъ уже значительный шагъ къ достиженію этой цѣли. (с.)

Нищіе въ старой Руси. Православная церковь искони была попечительницей и кормилицей нищихъ, убогихъ и калѣкъ, которыхъ она, какъ видно изъ церковныхъ судовъ великаго князя

Владиміра, причисляла къ церковнымъ людямъ; ея священные притворы и паперти служили для нищихъ надежнымъ пристанищемъ и убѣжищемъ; къ оградѣ церковной примыкали ихъ скудныя избушки, клѣти и кельи. Въ XVII вѣкѣ нищіе въ Москвѣ дѣлились на соборныхъ, монастырскихъ, патріаршихъ, гулящихъ и богадѣльныхъ. Послѣдніе жили при устроенныхъ при церквахъ богадѣльняхъ; первый устроитель такихъ общежитій былъ патріархъ Іоакимъ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ особенно умножилъ такіе благотворительные дома, велѣлъ нищихъ кормить и содержать на иждивеніе патріаршаго дома и на этотъ предметъ общественнаго призрѣнія указано было собирать въ патріаршій домъ по три алтына съ церквей митропольихъ, архіепископскихъ и епископскихъ. Такія пошлины сбирали чиновники святительскаго двора: десятинники, недѣльщики и намѣстники. Петръ Великій въ 1701 году учредилъ тоже до шестидесяти нищенскихъ богадѣленъ при московскихъ церквахъ, для помѣщенія въ нихъ самыхъ старыхъ, дряхлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; здѣсь же назначено было воспитывать и малолѣтнихъ до десяти лѣтъ. До половины XVIII столѣтія нищіе жили при церквахъ, большею частію „подъ кровомъ бревенымъ“, т. е. въ скудныхъ избушкахъ. Императрица Елисавета, въ 1748 году, указала строить при церквахъ вмѣсто деревянныхъ богадѣленъ каменныя, съ крѣпкими каменными сводами. Первымъ примѣромъ въ дѣлахъ милосердія были нищелюбивые цари и пастыри. Отправляясь на богомолье или въ путь, цари и патріархи во всю дорогу раздавали ручную милостыню нищей братіи, которая ожидала ихъ на всѣхъ перекресткахъ, мостахъ, у городскихъ воротъ, на крыльцахъ у церквей и монастырей. Въ старой Москвѣ сборныя мѣста нищихъ находились въ Кремлѣ, и у другихъ большихъ церквей, особенно на Варваринскомъ крестцѣ, въ Китай-городѣ и на прочихъ крестцахъ. Тутъ сходились удрученные бѣдностью, старостью или неудачами, пѣвцы воспѣвавшіе исторію богатаго и убогаго Лазаря и Алексѣя человѣка Божія, большею частію слѣпые, жалобными, заунывными голосами испрашивая себѣ подаяніе у прохожихъ и проѣзжихъ. Тутъ же выставлялись гробы и даже тѣла убогихъ для сбора на ихъ погребеніе, а „божедомы“ вывозили изъ убогаго дома подкидышей, въ телѣжкѣ. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ между нищими на Флоровскомъ мосту нерѣдко являлся и лѣтомъ, и зимой, одинъ блаженный „нагоходецъ“, нищій духомъ, отъ нищихъ охотнѣе принимавшій подаяніе, чѣмъ отъ богатыхъ. Это былъ Василій Блаженный, въ память котораго назвается, весьма важный въ историческомъ отношеніи, соборъ Покровскій, оригинальнѣйшій по архитектурѣ храмъ въ цѣломъ свѣтѣ. Заботы о нищихъ на Руси подмѣчены даже и иностранцами. Бывшіе въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ чужеземцы говорили про русскихъ, что „москвитяне весьма пекутся о нищихъ, которымъ всякій подаетъ по своему достатку, одѣваетъ, кормитъ и вводитъ къ себѣ въ домъ.“ (б.)

Анекдотъ о графѣ Соллогубѣ. Въ одномъ изъ историческихъ нашихъ изданій разсказанъ любопытный анекдотъ объ извѣстномъ авторѣ „Тарантаса“. Гр. Соллогубъ, почему-то слывшій за человѣка неспособнаго ни къ какому дѣлу, заиялся въ Москвѣ устройствомъ образцовой тюрьмы. Въ это самое время вся Москва твердила извѣстные куплеты его кончавшіеся припѣвомъ: „благодарю, не ожидалъ!“ Объ этихъ куплетахъ зналъ императоръ Александръ Николаевичъ, который, при осмотрѣ московской тюрьмы, всѣмъ чрезвычайно интересовался и разспрашивалъ обо всемъ подробно у Соллогуба, шедшаго впереди государя въ гофмейстерскомъ мундирѣ. Осмотръ продолжался почти цѣлый часъ; гр. Соллогубъ все показывалъ, все объяснялъ. Вернувшись послѣ осмотра въ пріемную залу, государь спросилъ у одного изъ придворныхъ: „А Соллогубъ тутъ зачѣмъ-же?“—„Да онъ то, ваше величество, и устраивалъ всю тюрьму“. „Какъ, это ты устроилъ?“ спросилъ шутливо государь у Соллогуба. „Точно такъ, ваше величество“.—„Благодарю, не ожидалъ“, сказалъ онъ, смѣясь, подъ тонъ куплетамъ графа, сдѣлалъ общій всѣмъ поклонъ и пошелъ садиться въ коляску. „Посудите сами, какъ мнѣ было все это горько“, разсказывалъ Соллогубъ автору этого анекдота. „Мнѣніе о моей полной неспособности къ чему либо серьезному до того уже крѣпко установилось, что сдѣлай я что нибудь дѣйствительно серьезное—все обращается въ шутку“. Соллогубъ говорилъ это со слезами на глазахъ; но не смотря на весь драматизмъ его положенія, собесѣднику ужасно хотѣлось смѣяться. Впрочемъ, когда черезъ годъ тотъ же собесѣдникъ встрѣтился съ гр. Соллогубомъ въ Петербургѣ и спросилъ у него о тюрьмѣ, графъ уже не печалился, а весело отвѣтилъ: „все вышло прекрасно,—государь пожаловалъ мнѣ звѣзду“. (б.)

Древняя церковь. Близъ Большой улицы въ городѣ Вильнѣ, на искусственно сдѣланной насыпи, стоитъ очень скромная, и по архитектурѣ, и по размѣрамъ, русская церковь, обнесенная тоже весьма скромною деревянною оградой. Церковь эта посѣщается далеко не многими, а межъ тѣмъ по воспоминаніямъ она должна быть дорога каждому русскому. Вотъ что значится на трехъ большихъ чугунныхъ, въ ростъ человѣка, доскахъ, находящихся внутри ограды одной изъ стѣнъ, обращенной къ Большой улицѣ. На первой доскѣ: „Православная церковь сія есть первая каменная христіанская святыня въ Вильнѣ. Она сооружена на мѣстѣ языческаго капища идола Рагутиса, въ 1345 году, супругою великаго князя литовско-русскаго Ольгерда—Маріею Ярославною, княжною Витебскою, и посвящена Св. великомученицѣ Параскевѣ, нареченной Пятницѣ“. На второй доскѣ надпись: „Церковь сія, Божіею Милостію, возстановлена изъ развалинъ и возобновлена въ настоящемъ видѣ въ 1865 г., въ царствованіе императора Александра II, Самодержца Всероссійскаго, по благословенію высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита Литовскаго и Виленскаго, тщаніемъ бывшаго главнаго начальника сѣверо-западнаго края, графа М. Н. Муравьева, при преемникѣ его, генералъ-адъютантѣ К. П. фонъ-Кауфманѣ и виленскомъ губернаторѣ С. Ѳ. Панютинѣ“. А на третьей доскѣ написано: „Въ сей церкви императоръ Петръ Великій, въ 1705 году, слушалъ благодарственное молебствіе за одержанную побѣду надъ войсками Карла XII-го, подарилъ ей знамя, отнятое въ той побѣдѣ у шведовъ, и крестилъ въ ней африканца Ганнибала, дѣда знаменитаго поэта нашего А. С. Пушкина“. Надписи сдѣланы бронзовыми литыми буквами. Къ сожалѣнію, внутри ограды этой русской церкви расположились торговцы, изъ которыхъ одинъ продаетъ различныя фигуры излюбленныхъ поляками людей: Наполеона I, Мицкевича, Крашевскаго и друг. (в.)

Въ Гамбургскомъ зубоврачебномъ журналѣ за послѣднюю четверть года помѣщено интересное сообщеніе, заслуживающее возможно широкаго распространенія, такъ какъ случаи проглатыванія зубовъ, къ сожалѣнію, далеко не рѣдки. Къ одному франкфуртскому дантисту явился какой-то господинъ и заявилъ, что ночью, во время сна, онъ проглотилъ свои искусственные зубы, сдѣланные ему въ Кёльнѣ слишкомъ 7 лѣтъ тому назадъ. Такъ какъ зубы были изготовлены по старинной методѣ, съ открытыми проволочными зацѣпками, то положеніе паціента представляло серьезную опасность: зубы, своими двумя проволочными зацѣпками, составлявшими вмѣстѣ четыре крючка, могли зацѣпиться за стѣнки желудка или кишокъ. Дантистъ, прежде всего убѣдился что проглоченное тѣло уже достигло желудка, что видно было изъ того, что паціентъ могъ свободно и безболѣзненно вдыхать воздухъ и глотать, а также, что поданный ему кусокъ сладкаго пирога легко прошелъ въ желудокъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы заставить постороннее тѣло пройти чрезъ желудокъ и кишки, не повредивъ ихъ. Для этой цѣли зубной врачъ заставилъ паціента съѣсть свареный на молокѣ кисель смѣшанный съ горстью бумажныхъ нитокъ, нарѣзанныхъ кусками въ палецъ длины. Кисель походилъ на густой молочный супъ съ лапшой. Паціентъ долженъ былъ три раза поѣсть этого киселя изъ нитокъ и кромѣ того принять въ полдень 15 граммъ касторогаго масла. Не смотря на эти мѣры, проглоченный предметъ оставался въ желудкѣ. На второй день паціентъ получилъ сначала 100 грам. краснаго вина и затѣмъ опять порцію киселя изъ нитокъ (на этотъ разъ свареннаго безъ молока, только на водѣ) съ прибавленіемъ краснаго вина. Утромъ на третій день—то же лѣченіе, что и на второй. На третій день послѣ полудня, искусственные зубы вышли безъ всякаго затрудненія, совершенно обмотанные въ съѣденныя нитки (чѣмъ была устранена возможность пораненія острыми крючками). Если-бы паціентъ принялъ на пустой желудокъ одного касторогаго масла (безъ киселя съ нитками), то, по всей вѣроятности, зубы зацѣпились бы въ желудкѣ или въ кишкахъ. (с.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 33 (помѣщенной въ № 19).

Бѣлыя.	Черныя.
1) c 5 — e 7	1) f 8 : d 6
2) b 4 — c 5	2) d 6 : b 4
3) a 5 : c 3	3) a 1 : d 4
4) g 1 — h 2	4) d 4 : g 1
5) h 2 — g 3	5) f 4 : h 2
6) b 8 : f 4	6) g 5 : e 3
7) e 1 — f 2	7) h 8 — g 7
8) h 6 : f 8	8) e 3 — d 2
9) c 1 : e 3	дамка и шашка заперты.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Н. Можаева, А. Матвѣева, А. Савельева, С. Т. Грибова, Н. В. Панкова, А. А. Поснѣева, **Москва** — Н. Н. Смирнова, **Брянскъ**—Д. Потапова, Е. Смирнова. **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Н. Новгородъ**—І. Гредингеръ, **Островъ**—С. Судоплатова, **Пермь** — Н. Ф. Матвѣева, **Самара**—И. М. Старостина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 34 (помѣщенной въ № 19).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф h 3 — h 6	К b 2 — d 3
2) Кр. e 6 — f 5+	Кр. c 4 — b 5, d 4
3) c 2—c 4, c 2—c 3++	
1)	Кр. c 4 — b 5
2) Кр. e 6 — d 7	Куда угодно.
3) Ф h 6 — c 6++	
1)	Куда угодно.
2) Кр. e 6 — d 7+	
3) Ф h 6—f 4, c 6++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Ѳ. С. Бортникова, В. Н. Ханамъ, А. Соболева, В. П. Шошина, А. А. Поснѣева, **Москва**—А. Эйхбаумъ, Ф. Кокушкина, И. Верхоустинскаго, **Вознесенскъ**—П. Н. Самаржи, **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Елецъ** — Х. Розенфельдъ, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Люботинъ** — Д. Черишенко, **Оренбургъ**—В. И Казанцева, **Саратовъ**—Н. В. Бѣлопольскаго.

Рѣшеніе ребуса № 35 (помѣщеннаго въ № 19).

„Смѣлость города беретъ“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ**
и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ,** заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.,** съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала „**Нива**" (Невскій, 6).

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Специальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (14).

---

2 рубля на $6\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, съ 15-го іюня по 1-е января 1890 г. принимается подписка на

«Русскій Справочный Листокъ»,

газету биржевую и торгово-промышленную, съ **расширенной программой,** въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи: Петровка, д. Кабанова. Цѣна съ пересылкой. № 3936 4—1

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ ГРАВЮРА:

ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ

СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ. 2) Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. 3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. 4) Великій Князь Георгій Александровичъ. 5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ. 6) Великая Княжна Ксенія Александровна. 7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи **С. Л. Левицкаго и К°** и отпечатанная на отличной веленевой бумагѣ, размѣромъ $10\frac{1}{2}$ вершк. выш. и $7\frac{1}{2}$ вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к. **Въ рамкѣ подъ стекломъ 2 р.,** съ пересылкой и укупоркой до 1000 верстъ 3 р. 50 к., а до 2000 верстъ 4 р. 50 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ $13\frac{7}{8}$ вершк. выш. и $9\frac{7}{8}$ вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к. **Въ изящн. рамкѣ съ короной подъ стекломъ 5 р.;** съ перес. и укупоркой до 1000 верстъ 7 р. 50 к., а до 2000 верстъ 9 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просв., № 6. СПБ.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (71) № 2946

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ

грязе-лечебное заведеніе товарищества врачей **въ Крыму, въ г. Керчи.** Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. **въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.**

ЛЕППИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „**Нива**". № 2405

ПРОБОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ
Петра Тимофѣевича Фирсова,

Москва, Москворѣцкая улица.

Имѣетъ громадный выборъ разныхъ всевозможныхъ сортовъ пробокъ рижскихъ и заграничныхъ фабрикъ и собственной выработки, а также имѣются въ большомъ количествѣ: капсули, смолка и проч. товары, требующіеся для укупорки посуды. Адресъ телеграммъ: Москва, Фирсову.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.

Іог. Заксъ и К°.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

С. № 3892 3—3

---

7 р. НОВОСТЬ!! 7 р.

Секретная камера въ видѣ **маленькаго альбома,** который, безъ предварит. умѣнія, фотографируетъ незамѣтно.

Рекомендую всѣ виды фотограф. аппаратовъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5—4

Новый прейсъ-курантъ безплатно.

Продолжается подписка на политическую, общественную и литературную газету:

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

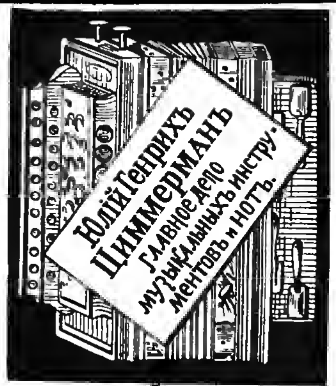
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ пересылкой: на годъ (съ января) 4 руб., на 9 мѣс. (съ января и апрѣля) 3 руб., на 6 мѣс. (съ января, апрѣля и іюля) 2 руб., на 3 мѣс. (съ января, апрѣля, іюля и октября) 1 руб. За границу на годъ—6 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ по 10 к. за строку петита (35 буквъ).

АДРЕСЪ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

Редакторъ *И. В. Скворцовъ*.
Издатель *А. А. Греве*.

№ 3927 2—2

ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ-БЕЗПЛАТНО

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

НАСТОЯЩІЯ

ЕГИПЕТСКІЯ папиросы

СЪ ФАБРИКЪ

„G. A. Caravopoulo и Georgis D. Macra“

№ 3930 ВЪ КАИРО 2—2

необыкновенно ароматичныя и замѣчательно пріятнаго вкуса. Въ жестяныхъ коробкахъ каирской упаковки по 100 папиросъ, цѣною въ 3¼, 3½, 3¾, 4¼, 4¾, 5, 6¼ 6½, 6¾, 8¼ р. смотря по качеству и величинѣ папиросъ.

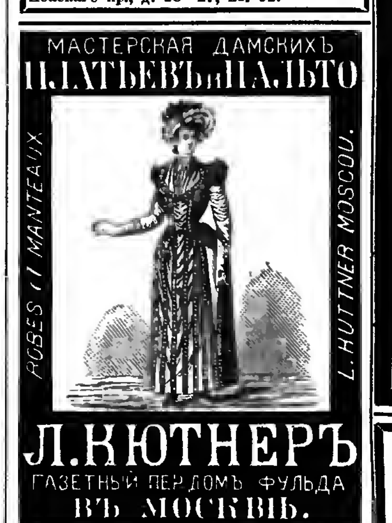
Единственное депо для Россіи у

БРУНО ВАЛЕНТИНИ.

С.-Петербургъ, уг. Казанскаго моста и Невскаго пр., д. 18—27, кв. 92.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ

ПЛАТЬЕВЪ и ПАЛЬТО

Л. КЮТНЕРЪ

ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА

ВЪ МОСКВѢ.

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 к. Б. Гостонскій, г. Кіевъ, Рейтарская, 17. № 3874 4—3

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

[illegible] №2

= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

А. РАЛЛЕ и К° ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ ВЪ МОСКВѢ.

Пудра глицериков. цв.
Вода флоридъ.
Мыло земляничное.
Глицеринъ велюръ.

Мыло зорное.
Кольд'кремъ віолетъ.
Молоко глицериновое.
Мыло лимонное.
Мыло велютинъ.

П. № 3821 6—6

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

НОВЫЕ ДУХИ

Всемірной Парижской Выставки въ 1889 году

„БУКЕТЪ ГВОЗДЬ“

(BOUQUET-CLOU)

СОСТАВЛЕННЫЕ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРІЕЮ

(Измайловскій проспектъ, 21).

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Парижская Выставка 1889

1) Невскій проспектъ, № 32, д. Католической церкви.

2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкина моста.

3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, 18 — 54, д. Шредера

(Оптовая и розничная продажа).

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковыхъ. Рt. № 3921 2—2

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3847 6—2

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано **20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.**

Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и въ агентствахъ Общества **въ городахъ Имперіи.**

Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, безплатно.

№ 4711.

Изготовляемые подъ этою фабричною маркою

О-ДЕ-КОЛОНЪ,
ДУХИ,
Туалетныя мыла высокаго достоинства,
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,
Препараты для нѣжности кожи,
ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА,
ПУДРЫ,
МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,
Туалетная вода и т. п.

пріобрѣли благодаря ихъ высокимъ качествамъ и ихъ дешевизнѣ извѣстность во всемъ мірѣ.

Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженныя настоящей фабричной маркой

Ц. № 3937 5—1

№ 4711.

которыя продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное Депо у **Александра Тиса и К°**, Пушкинская, № 4, въ СПБ.

Существующая нынѣ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоящая въ вѣдѣніи Нижегородскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Постоянная выставка кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи **принимаетъ заказы** на нижеслѣдующіе предметы: судовыя цѣпи, желѣзныя и мѣдныя полотна для ситъ и другихъ надобностей, топоры, долота, лопаты, вилы, сошники, подпильники, на ножевой товаръ, ножницы, желѣзные сундуки, замки, металлическія части для казачьихъ пикъ, пряжки на пояса нижнихъ воинскихъ чиновъ, малыя пряжки для аммуниціи, крючки и петли, рыболовные крючки, металлическія игрушки, мозаичныя работы изъ дерева, мебель крашеную въ русскомъ стилѣ, деревянную посуду, Балахнинскія кружева, вышиванія гладью и въ выдержку и проч. Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор. Нижній-Новгородъ, въ Нижегородское Отдѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества или въ гор. Нижній-Новгородъ, Завѣдующему Постоянной выставкой кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи. № 3917 5—3

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925 3—2

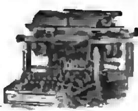
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. ценз., СПБ., 21 іюня 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 27 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 іюля 1889 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются безплатныя приложенія: „Важнѣйшія русскія деревья“, печатанныя 12 красками, и „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1889 г., съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 29 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Мѣстечко Анануръ на Военно-Грузинской дорогѣ (Кавказъ). Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

II.

Бѣдную закружило даже, когда она со станціи вышла на Знаменскую площадь.

На первыхъ порахъ она не замѣтила ничего: ни Невскаго, пропадавшаго въ золотистомъ туманѣ солнечнаго освѣщенія, изъ котораго выдавалась въ самой глубинѣ картины только игла Адмиралтейства, ни людей, ни шумной площади, заставленной конками, гремящей колесами безчисленныхъ экипажей, съ свѣтлыми куполами церкви и громадными домами, какихъ еще никогда въ жизни ей не приходилось видѣть. Ей казалось, что откуда-то на нее налетѣла колоссальная волна, подхватила и несетъ далеко-далеко, заглушая ея голосъ, заставляя ее обмирать отъ новыхъ захватывавшихъ ей дыханіе, не дававшихъ минуты очнуться ощущеній. Она не обратила вниманія на поданную Ряднову коляску и когда онъ подсадилъ ее, она не замѣтила какъ носильщики снесли и уложили туда багажъ. Лица, дома, фонарные столбы, экипажи, омнибусы, все это мелькало передъ ней сливаясь во что-то общее, дикое ей, чего она пожалуй-бы испугалась еслибъ могла разобраться со своими ощущеніями. Она точно во снѣ вспомнила бабушку и ея разсказъ о вывѣскахъ. Вывѣски дѣйствительно направо и налѣво, спереди и позади шли какою-то одной непрекращавшеюся и все заслонившею полосою. Съ громкимъ звономъ налетали на нее и казалось хотѣли раздавить дѣвушку конки и уносились мимо, все такъ-же оглушительно звоня; толпа народу сновала во всѣ стороны, и Вѣрочка не соображала: какъ это *они* не сталкиваются и не разбиваются одни о другихъ, какъ враждебныя волны при встрѣчѣ взбрасывающіяся вверхъ бѣлыми взмывами разгнѣванной пѣны. Черезъ улицу показалась сѣрая однообразная масса солдатъ. Вѣрочка никогда не видѣла столько ихъ вмѣстѣ. Ряды за рядами шли. Впереди гремѣли барабаны и какъ-то чудно̀ свистали флейты... На штыкахъ искрилось солнце... Солдаты остались позади и опять остановился экипажъ Ряднова. Наперерѣзъ шли похороны... Тихо колыхались страусовыя перья наверху, медленно переступали лошади подъ черными траурными попонами, среди бѣлаго дня желтыми пятнами казались огни факельщиковъ. Серебряная парча гроба ярко горѣла, на ней рѣзко выдѣлялись длинные зеленые листья вѣнковъ... Позади—кареты... Смутно мелькнули заплаканныя и равнодушныя лица. Почему-то Вѣрочка вспомнила, какъ качалась со стороны въ сторону голова ея бабушки, когда въ открытомъ гробѣ переносили ее изъ домика въ монастырскую церковь, и какъ шаталась шедшая за нею мать Варлаама, которую вели подъ руки двѣ бѣлицы.... Коляска повернула налѣво по Морской... Какая-то улица наперерѣзъ протянулась вправо и влѣво въ той-же веселой золотистой дымкѣ, потомъ опять просторъ площади уставленной дворцами, бронзовый всадникъ взвившійся вверхъ на могучей темной лошади, чахлая зелень небольшаго сквера; громадная, подавляющая масса Исаакія, и пестрый швейцаръ выскочившій изъ подъѣзда, и словно откуда-то съ высоты упавшее „пріѣхали“ Ряднова.

— Я вамъ нашелъ помѣщеніе по той-же лѣстницѣ, гдѣ живу самъ...

Она слушаетъ его, благодаритъ, но ничего не понимаетъ... Она не замѣчаетъ съ какимъ изумленіемъ швейцаръ осматриваетъ ея костюмъ... Лѣстница крытая пестрою „дорожкой“ кажется ей великолѣпною, дверь передъ которой они останавливаются—слишкомъ большою, коридоръ куда входятъ—ужасно темнымъ, а комнатка гдѣ наконецъ она садится въ кресло—такою высокою, такой высокою, что она сама, Вѣрочка, точно разомъ уменьшилась на половину и опять стала крошечною дѣвочкой... Ей чудится что весь домикъ покойной бабушки умѣстился-бы здѣсь...

— Ну, Марья Францовна подастъ вамъ самоваръ, хлѣба, сливокъ и чаю, а я васъ оставлю пока разобраться и придти въ себя, смѣется Рядновъ. — Когда разберетесь со всѣмъ, и съ вещами и съ впечатлѣніями, успокоитесь и отдохнете хорошенько, тогда я приду къ вамъ и мы потолкуемъ. А обѣдаемъ, разумѣется, у меня...

Вѣрочкѣ кажется, что она должна-бы проводить его до дверей, но она совсѣмъ не можетъ встать съ кресла, точно отяжелѣла. Ей лѣнь двинуться, лѣнь подумать. Мысль словно свинцомъ налилась... Она долго осматриваетъ обои, свѣтлые съ какими-то золотистыми разводами. На окнахъ сквозятъ занавѣси бѣлыя. Все чисто, очевидно для нея вымыто. Шторы полуспущены. Въ окно видна зелень сквера и за ней величавая темная масса собора... Посреди ея комнаты—большой мольбертъ. Неужели это Рядновъ позаботился о ней? Рядомъ столикъ, на которомъ палитра, кисти, ящикъ съ красками. Табуретъ около. У стѣны столъ покрытый чистою скатертью. У другой — письменный. Какія-то книги на немъ... Кто-то стучится къ ней въ комнату.

— Аминь! отвѣчаетъ она по привычкѣ и спохватывается, видя улыбающееся лицо какой-то дамы.

— Вѣра Васильевна? спрашиваетъ та ее.

Дѣвушка наконецъ соображаетъ, что ей надо встать.

— Да... это я.

— Ну, познакомимтесь. Я хозяйка этой квартиры. Вамъ господинъ Рядновъ не говорилъ развѣ? Марія Францовна...

„Что-то нужно сказать ей?“ думаетъ Вѣрочка и вопросительно смотритъ на даму.

— Вы вѣрно очень устали съ дороги? снисходительно улыбается та.—Отдохните, отдохните... Рядновъ такъ заботится о васъ. Говоритъ, что вы ему сестрой поручены. О дочери нельзя такъ думать!.. Вотъ и книги вчера привезли для васъ. Лермонтова, Пушкина, Майкова, Фета купилъ... Шекспира полное собраніе, Байрона... Свои картины повѣсилъ на стѣны для васъ...

Вѣрочка смотритъ: дѣйствительно—въ золотыхъ рамахъ висятъ большія картины, но ей не до нихъ; она съ усиліемъ прислушивается къ болтовнѣ хозяйки.

— А спать вы будете вонъ въ той комнатѣ... Я какъ могла все вамъ устроила... Вотъ посмотрите.

Дѣвушка только теперь видитъ двери, растворенныя въ слѣдующую комнату.

— Пожалуйте сюда...

Она идетъ... Небольшая спальня. Окно завѣшано шторою. Обои темные. Простенькая кровать, столикъ около. Мраморный умывальникъ дальше. Такихъ не видывала еще Вѣрочка.

— Есть-ли вода? заботливо спрашиваетъ Марія Францовна, жметъ ногой какую-то пружину, и къ удивленію дѣвушки, сильная струя бьетъ изъ крана вверхъ. Она смотритъ гдѣ образъ—его нѣтъ. Ей странно и чудно. Въ той комнатѣ тоже нѣтъ образовъ.

— Надо образа повѣсить.

— А у васъ есть съ вами?

— Да.

— Ну потомъ, мы это сдѣлаемъ все...

Въ комнатѣ рядомъ, двери въ которую были замаскированы гардинами, слышатся звуки рояля.

— Это у васъ сосѣдка... Консерваторка одна...

— Чтò такое консерваторка?

Марія Францовна съ удивленіемъ смотритъ на нее. Откуда такая дикая выискалась? Объясняетъ, но какъ Вѣрочка ни напрягаетъ слуха, ни усиливается сообразить — ничего понять не можетъ... Когда хозяйка наконецъ ушла оставивъ ее одну—дѣвушка вдругъ расплакалась сама не зная чего.

Такъ ее застала и горничная съ самоваромъ.

— Устали вѣрно? сочувственно говоритъ ей та,—съ дороги...

Потомъ, замѣчая костюмъ дѣвушки, недоумѣло качаетъ головой.

„Не изъ монастыря-ли сбѣжала-то?" думаетъ. „Отъ чувствъ это бываетъ... Отъ чувствъ бываетъ все... Какой-нибудь покрутился около, ну она и ушла рѣшимши... Дѣла!"

Когда часа черезъ два Рядновъ вошелъ сюда — Вѣрочка одѣтая крѣпко спала въ креслѣ передъ чаемъ, котораго она не пила, и самоваромъ выкипѣвшимъ и меланхолически замолчавшимъ наконецъ...

III.

Черезъ нѣсколько дней, освоившись со всѣмъ ее окружавшимъ, Вѣрочка только улыбалась вспоминая свое тогдашнее положеніе. Что-то близкое къ чувству умиленія вызывалъ въ ней Рядновъ, съ такою тонкою деликатностію заботившійся о ней, предупреждавшій всякое ея еще смутное желаніе и подсказывавшій ей то чтò она должна была дѣлать. Ни однимъ словомъ не намекнулъ ей художникъ на ея странный для Петербурга костюмъ, но когда она вышла съ нимъ вдвоемъ гулять — насмѣшливые или удивленные взгляды встрѣчавшихся сами открыли ей, насколько она смѣшна была полумонахинею, среди этой разряженной и пестрой толпы... Марія Францовна оказалась тоже доброю женщиною. Она нѣсколько дней возилась съ Вѣрой Васильевной, открывая ей разныя таинства женскаго туалета, доселѣ неизвѣстныя дѣвушкѣ. Съ однимъ корсетомъ сколько было возни, пока она выучилась носить его. Платья заказанныя у портнихи должны были явиться только черезъ недѣлю—и всю эту недѣлю Вѣрочка предпочла просидѣть дома и не выходить никуда, послѣ первой неудачной прогулки съ художникомъ. Вечерами онъ приходилъ къ ней или она подымалась въ его квартиру—веселая, цвѣтущая, свѣжая, какъ только что раскрывшаяся почка, жадная къ теплу и свѣту, и такъ же наполнявшая казалось всю его мастерскую своимъ нѣжнымъ ароматомъ. Первый разъ когда она вошла сюда, ее ослѣпила невиданная роскошь обстановки. Въ безпорядкѣ окружавшемъ ее, въ этомъ миражѣ ковровъ, картинъ, статуй, парчи, какихъ-то шлемовъ, кольчугъ и щитовъ, оружія, книгъ, букетовъ, вазъ,—безпорядкѣ требовавшемъ гораздо болѣе вкуса и обдуманности чѣмъ самый строгій порядокъ,—было столько увлекающей красоты и изящества, что ея комната, на первыхъ порахъ казавшаяся ей такою роскошною, теперь являлась жалкою, голою, казарменною. Цѣлые часы она проводила въ глубокихъ креслахъ или на тахтѣ, крытой кавказскими коврами, прислушиваясь ко всему, чтó говорилъ ей Рядновъ объ искусствѣ, художникахъ, къ его воспоминаніямъ объ академіи и нѣсколькихъ поѣздкахъ за-границу. Отъ этого голоса, проникнутаго подкупающею искренностію, ее казалось охватывала какая-то истома. Она готова была цѣлые дни сидѣть и слушать, иногда полузакрывъ глаза и представляя себѣ въ-явь картины чужой природы, типы далекихъ людей, дивные остатки античнаго зодчества, о которыхъ онъ передавалъ ей такъ живо и ярко. Тишина стояла кругомъ. Сквозь плотно затворенныя и по вечерамъ тяжелыми темными гардинами закрытыя окна шумъ съ улицы не проникалъ сюда. Свѣтъ лампъ мягко отражался на рамахъ, большихъ и малыхъ, покрывавшихъ почти всѣ стѣны. Въ ихъ золотѣ плохо различала она записанныя полотна, только изрѣдка какое-нибудь точно удивленное лицо выдѣлялось со стѣны и будто наклоняясь смотрѣло на нее, полоса золотистаго блеска ложилась на парчѣ скомканной въ углу, на щитахъ и кольчугахъ, сталь которыхъ казалась еще мрачнѣе среди всей этой окружавшей ихъ роскоши. За то тѣмъ ярче со столовъ свѣтились старинные кубки, венеціанское стекло, мозаика, инкрустаціи зеркалъ, Богъ вѣсть гдѣ отъисканные Рядновымъ въ его бродяжествѣ по всему бѣлу-свѣту. По мрамору камина шла арабская вязь, которая казалось то выступала, то пропадала въ сумракѣ. На софахъ и тахтахъ валялись пестрыя подушки; большіе альбомы, папки съ фотографіями и рисунками лежали тутъ же, и бѣдной Вѣрочкѣ, до сихъ поръ не видѣвшей ничего подобнаго, казалось что во всемъ мірѣ Божіемъ нигдѣ нѣтъ такой роскоши и блеску... Днемъ она цѣлыми часами неподвижно высиживала здѣсь же, Рядновъ писалъ съ нея „монахиню-бѣлицу" и она охотно служила для него натурой... Остальную часть времени, пока было свѣтло, она работала у себя за мольбертомъ, копируя картины доставлявшіяся ей учителемъ, внимательно прислушиваясь къ его указаніямъ, торопливо и лихорадочно спѣша перенести ихъ скорѣе на полотно, точно для того чтобы не забыть ихъ... Цѣлый новый міръ открывался передъ нею, міръ полный дивнаго блеска и несказанной прелести. Точно въ церкви голосъ священника—звучали ей слова Ряднова, когда онъ разсказывалъ ей о великихъ художникахъ, жившихъ давно и оставившихъ свои имена какъ завѣщанія потомству. Дивный міръ, за одинъ уголокъ котораго она бы отдала теперь все свое прежнее существованіе!.. Неужели она могла жить такъ какъ жила, ничего не зная, ничего не понимая, среди тѣхъ простыхъ сердцемъ, безхитростныхъ монахинь, умѣвшихъ только любить и баловать ее?.. Мало-по-малу она узнавала какую страшную борьбу выноситъ талантъ прежде чѣмъ завоевываетъ свое положеніе, какія драмы бѣшенымъ ураганомъ врываются въ казавшуюся ей издали столь спокойною жизнь художника... И эта толпа, это общество, представлявшееся ей такимъ умнымъ, добрымъ, чуткимъ къ красотѣ и правдѣ, въ разсказахъ Ряднова являлось и злымъ, и своекорыстнымъ, и презрительнымъ, готовымъ унижать художника за каждую минуту, когда онъ подчиняетъ себѣ толпу силою своего генія... Да, не такъ легка казалась ей теперь ея задача, но за то и побѣда будетъ радостнѣй и ея будущее свѣтлѣе. Рядновъ умѣлъ передать ей огонекъ своего вдохновенія, вызвать въ ея душѣ тѣ же боевые инстинкты, благодаря которымъ ему удалось завоевать эту толпу, покорить ее себѣ. Самая красота и правда, которымъ собиралась служить она, оказывались совсѣмъ иными чѣмъ она предполагала. Путь художника чудился ей тоже своего рода „послушаніемъ", подвижничествомъ, но несравненно болѣе труднымъ и интереснымъ. Часто Рядновъ являлся къ ней недовольный, раздражительный...

— Чтò это съ вами? спрашивала она.

— Посмотрите на меня своими ясными глазками... Авось отойду.

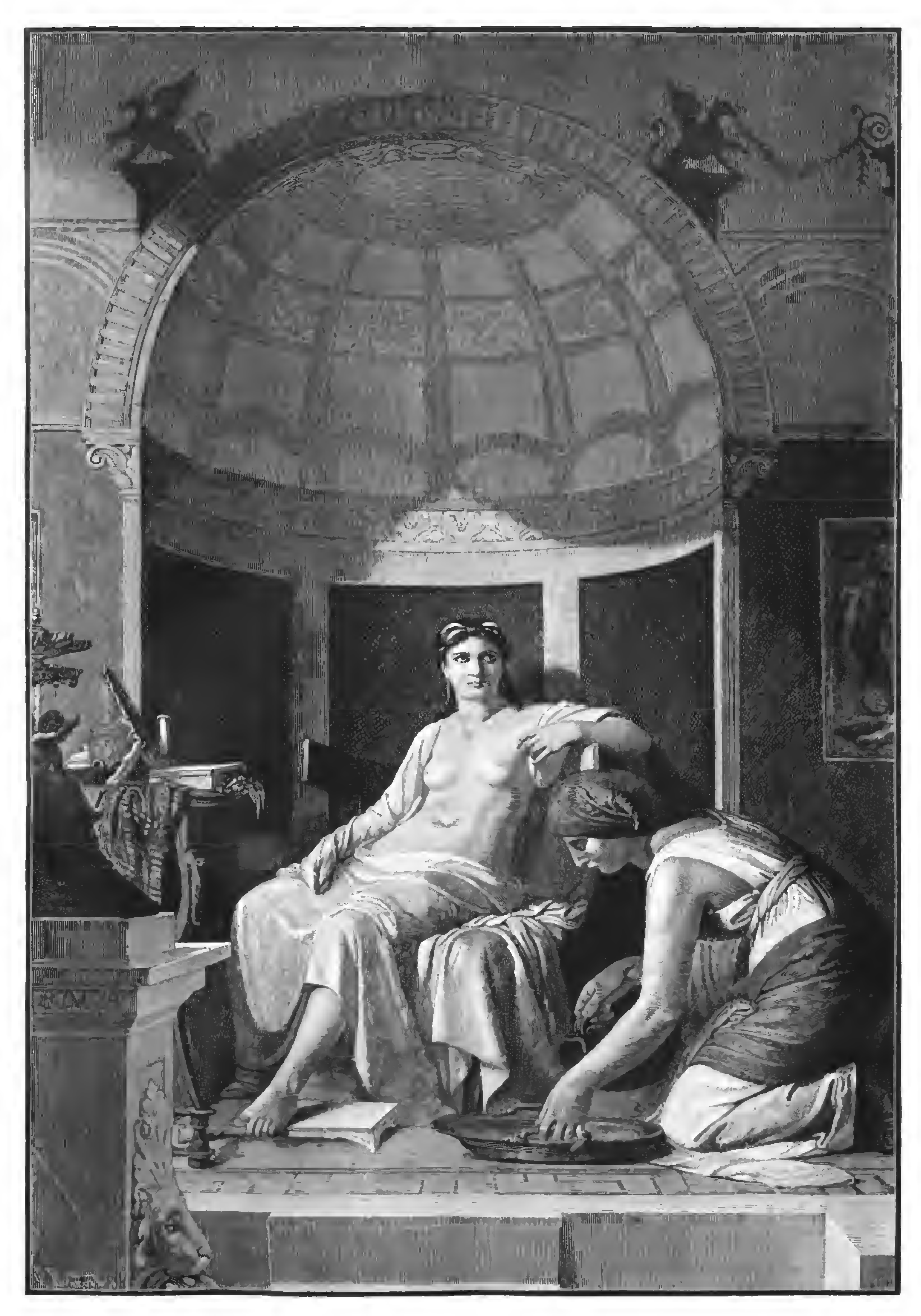
— Случилось что-нибудь? заботливо спрашивала она, глядя въ его блѣдное лицо и лихорадочно загоравшіеся глаза.

— Новую картину задумываю... Вы не безпокойтесь. Это всегда такъ...

И она наблюдала за этими родовыми болями творчества, предшествовавшими каждой работѣ. Она и сама, мало-по-малу уходя въ свое дѣло, начинала чувствовать то же самое... Все окружающее не удовлетворяло ее, ни яркое солнце, ни голубое небо... Ни тепло лѣтняго дня, ни прелесть сѣверной ночи... Въ умѣ и въ

Лѣтній день. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Писемскаго, грав. Флюгель.

Римская матрона въ термахъ. Картина академика Бонча-Томашевскаго, грав. Волковъ.

сердцѣ копошилась зарождавшаяся идея—и всякій звукъ, образъ, всякое ощущеніе, казалось, служили ея воплощеніемъ, казалось лишь оттѣняли то одну, то другую ея сторону. Она переставала удивляться когда посреди живаго и увлекательнаго разсказа Рядновъ срывался съ мѣста, подходилъ къ столу и набрасывалъ что-то на память. Она сама пріучилась ловить и удерживать мимолетныя, казалось случайно въ ея воображеніи проносившіеся образы, сочетанія, штрихи... Эти души будущихъ картинъ, эти ихъ сѣмена обѣщавшія потомъ такую пышную жатву!.. Въ первый же день какъ было готово ея платье, Рядновъ повелъ дѣвушку въ Эрмитажъ... Она не могла осилить новыхъ впечатлѣній... Осмотрѣвъ одну только залу, она поблѣднѣла и зашаталась. Рядновъ подхватилъ ее и усадилъ...

— Что съ вами?

— Слишкомъ сильно... О, какой это міръ, какъ хорошо все!.. И какъ себѣ самой жалка я со своими надеждами и попытками! Развѣ можно дойти до этого?

— Слава Богу, что у васъ проявилось это недовѣріе къ себѣ... Лучшее доказательство молодаго таланта! Увѣренность придетъ потомъ: работайте, учитесь, думайте...

Но думать она не могла. Она смотрѣла, вся уходя въ эти полотна, раскрывавшія ей необъятный міръ наслажденія. Ей казалось что она слѣдитъ за ихъ созданіемъ, за каждымъ ударомъ геніальной кисти, за каждымъ мазкомъ этихъ потускнѣвшихъ для толпы, но Вѣрочкѣ выступавшихъ во всей своей первоначальной прелести красокъ...

— Какъ это хорошо! какъ хорошо! только и повторяла она. — Какъ они были счастливы, эти великіе мастера, оставившіе по себѣ такое наслѣдіе! какъ они были счастливы!..

Слезы навертывались на ея глаза, слезы радостнаго восторга, слезы вѣрующей, увидѣвшей святыню...

Рядновъ только жалъ ея руку и улыбался.

— Да, вы—настоящая!.. У васъ есть то, что теперь такъ рѣдко и у талантливыхъ людей. У васъ есть энтузіазмъ и сила... Вы еще плачете передъ картинами... Богъ знаетъ чего бы я не далъ за то, чтобы умѣть чувствовать такъ какъ чувствуете вы!

Она забывалась и уходила въ свой восторгъ такъ, что когда наступалъ часъ оставлять залы сказочнаго міра, она точно просыпалась и съ удивленіемъ оглядывалась кругомъ...

— Уже? Пора? говорила она съ сожалѣніемъ и, уходя, казалось еще ласкала взглядомъ всѣ эти дивныя дива...

IV.

„Письма оттуда! Письма изъ дому!“ Вѣдь монастырь былъ для нея домомъ. Вѣрочка съ жадностью бросалась къ нимъ, запирала двери — и когда Рядновъ стучался къ ней, она не пускала его къ себѣ.

— Вѣрно вѣсти отъ бабушекъ? смѣялся онъ ей.

— Да... Сейчасъ, только прочту!..

И она читала ихъ и перечитывала, потомъ, бродя изъ угла въ уголъ, представляла всѣхъ ихъ себѣ, думала какъ часто онѣ вспоминаютъ о ней, говорятъ о „вѣтеркѣ“, котораго изъ ихъ тихой и мирной пристани занесло Богъ знаетъ въ какую даль... Вотъ кривыя строки матери Варлаамы, одна на другую лѣзетъ, буквы сливаются — дрожитъ рука у старушки. Крупный почеркъ матери Серафимы, круглыя, сильныя буквы какъ и она сама. Даже Степанида изъ-подъ воротъ—и та нацарапала ей что-то, что Вѣрочка разбираетъ скорѣе сердцемъ чѣмъ глазами. Всѣ ее помнятъ, молятся за нее, желаютъ ей всѣхъ благъ, изобилія плодовъ земныхъ и благорастворенія воздуха. И когда начинаютъ звонить соборные колокола, дѣвушкѣ кажется что это на зло разстоянію за тысячи верстъ долетаетъ къ ней звучное „здравствуй, родная“ тѣхъ другихъ — изъ ея дорогой обители... Потомъ она долго чувствуетъ себя радостною и возбужденною...

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда она „отперлась“, къ ней вошелъ Рядновъ.

— Ну что, Вѣрочка (онъ ее звалъ по старому), какъ вы думаете провести сегодня?

— Нынче я не работаю, дала себѣ отдыхъ.

— Отлично, я тоже. Знаете, отправимся обѣдать куда нибудь „dahin, dahin wo die Citronen blüh'n“.

— Это еще что?

— Я вамъ по-русски: туда гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ, гдѣ въ яркихъ листахъ померанецъ какъ золото рдѣетъ.

— Развѣ это въ Петербургѣ? наивно спросила дѣвушка.

— Хотя и не совсѣмъ, но есть такіе уголки. Мы скромно. Сядемъ на пароходъ у Лѣтняго сада—и двинемся на острова. Я знаю тамъ ресторанчикъ... Для приличія пожалуй возьмемъ съ собой Марью Францовну.

— Для какого приличія?

И она широко раскрыла глаза.

— А чтобы не сказали чего нибудь про насъ.

— Кто-же сказать можетъ? Кому же какое дѣло? Поѣдемъ лучше вдвоемъ—право, веселѣе.

— Ну, такъ и быть по сему!

День былъ тихій и теплый. Небо голубое, хоть-бы и не въ Петербургѣ. Нева какъ будто стояла. Дымъ отъ фабрикъ уносился въ высоту столбами, порою мимо плыли пароходы оставлявшіе позади серебряную полосу. Жалкая и чахлая зелень сегодня смотрѣла празднично и ярко, праздничны и веселы были и лица ѣхавшихъ съ Вѣрочкой пассажировъ. Теперь-бы ее не „узнали“ старушки-бабушки —черное кашемировое платье плотно обтягивало ея станъ, простенькая шляпка очень шла къ ея наивному, радостному личику. Она уронила платокъ и не замѣтила. Сидѣвшій напротивъ старичекъ поднялъ и передалъ его Ряднову.

— Ваша дочь потеряла...

— Какая дочь?

И Рядновъ вспыхнулъ. Вспыхнулъ и потомъ засмѣялся. Засмѣялась и Вѣрочка, и чего-то ей стало стыдно и жутко... Она взглянула на Ряднова, тотъ сидитъ нахмурясь. Странное дѣло, ему было непріятно, что его считаютъ такимъ старымъ, а его ученицу такою молодою. На душѣ тучкой пробѣжало сожалѣніе объ утраченной молодости; онъ съ болѣзненнымъ чувствомъ подумалъ, какъ-бы хорошо было еслибъ ему не стукнуло уже сорока пяти лѣтъ, а ей не было только девятнадцать... Отбавить-бы отъ него и прибавить ей... Онъ задумался смотря изподтишка на свѣжее личико Вѣрочки. Яркій и густой румянецъ свободно ложился по его нѣжной бѣлизнѣ. Длинныя рѣсницы придавали необыкновенную прелесть ея большимъ голубымъ глазамъ. Что-то не прежнее свѣтилось въ нихъ. Не было того наивнаго удивленія, съ какимъ еще недавно они открывались на весь Божій міръ. Теперь они смотрѣли вдумчиво — по „его Рядновскому рецепту“ наблюдали за всѣмъ что творилось кругомъ, ловили трудно замѣчаемыя черточки красоты, и когда она опускала внизъ рѣсницы — Рядновъ догадывался, что она переживаетъ въ самой себѣ, занотовываетъ въ памяти свои наблюденія... Двѣ толстыя косы позади, длинныя, того золотаго цвѣта, на который, какъ нѣсколько разъ замѣчалъ онъ, съ такою завистью посматривали проходившія мимо дамы...

— Ну, дочка! принудилъ онъ себя пошутить, хотя правду сказать съ очень кислымъ выраженіемъ лица.— Ну, дочка, пріѣхали... Выходите...

Они вышли въ Новой деревнѣ и сейчасъ-же сѣли въ лодку, которая доставила ихъ на другой берегъ рѣки въ небольшой ресторанчикъ, стоявшій тамъ у самой воды.

Тутъ на воздухѣ были раскинуты столики. Пока никого не было, Ряндовъ съ дѣвушкой заняли одинъ изъ такихъ и ждали обѣда, любуясь игрою солнца въ водѣ, отраженіемъ въ ней противоположнаго берега и слѣдами долго остававшимися на поверхности рѣки послѣ пароходовъ, подымавшихся вверхъ по рѣкѣ и спускавшихся внизъ мимо.

— Хорошо!

— Жалка эта природа! съ нѣкоторымъ уныніемъ проговорилъ Ряндовъ. — Меня никогда такъ не тянуло въ Италію какъ теперь... Только васъ не хочется бросить здѣсь.

— Зачѣмъ-же бросать? наивно раскрыла свои глаза дѣвушка.

— То есть какъ это зачѣмъ?

— Я съ вами поѣду... Вѣдь у меня хватитъ средствъ на это?

— Вотъ тебѣ и на!.. А что̀ скажутъ?

— Кто?

— Ну да всѣ знающіе меня, тѣ которыхъ я познакомилъ съ вами.

— А пусть себѣ говорятъ что̀ хотятъ.

— Какъ такъ?

— Развѣ мнѣ не все равно? Ну, засмѣялась она, — станутъ думать, что вы повезли дочку.

Его опять передернуло. Она замѣтила и удивилась.

— Что... вы не хорошо себя чувствуете?

— Нѣтъ, такъ... Глупости это все.

— А-а-а! Александръ Петровичъ! послышалось въ дверяхъ ресторана.—И Вѣра Васильевна здѣсь! Отлично... Вы меня не прогоните?

Ряндовъ обрадовался даже. Ему въ эти именно минуты почему-то хотѣлось присутствія третьяго между ними... Вѣра Васильевна тоже привѣтливо улыбнулась пришедшему.

— Ну что, шутилъ тотъ,—не скоро еще собираетесь наши грѣхи замаливать—подъ черную шапку?

— Это въ монастырь? А вотъ сначала вы схимникомъ сдѣлайтесь.

— Долго-же вамъ ждать придется.

Новый ея знакомый и прежде былъ ей извѣстенъ по имени. Молодой писатель, Сергѣй Никаноровичъ Дороцкій часто посѣщалъ мастерскую Ряднова, гдѣ его представилъ художникъ своей ученицѣ. Она произвела впрочемъ такое сильное впечатлѣніе на его сердце, что онъ готовъ былъ уже теперь записать ее въ великіе геніи. Сначала Александръ Петровичъ думалъ, что Дороцкій затронетъ сердце дѣвушки, но она оставалась совершенно равнодушною къ красивому и талантливому поэту, страстно читавшему ей свои стихотворенія и увы! совершенно напрасно.

— Вамъ нравится Дороцкій? спросилъ ее разъ Ряндовъ.

— Да... съ недоумѣніемъ отвѣтила она, словно давая себѣ отчетъ, нравится онъ ей или нѣтъ.

— Правда, онъ очень симпатиченъ?..

— Чѣмъ это?.. То есть—если хотите... Я не думала еще объ этомъ.

— Эге! весело рѣшилъ Ряндовъ, — да я вижу что моя ученица совсѣмъ мраморная. Только для одного искусства раскрывается и бьется ея маленькое сердчишко... Оно такъ и слѣдуетъ. Сначала дѣло, а потомъ личное счастье.

— Какое личное счастье?

— Ну, любовь что-ли.

— Ахъ, это что въ романахъ? такъ простодушно проговорила дѣвушка, что Ряндовъ готовъ былъ расцѣловать ее въ эту минуту. — Я объ этомъ еще не думала. Да и Дороцкій какой-то странный вѣдь.

— Чѣмъ это?.. все больше и больше радовался ея учитель.

— Точно онъ не настоящій.

— Ну теперь ужъ и я васъ не понимаю.

— Не настоящій, не всамомдѣлишній. Я право не умѣю разсказать. Такъ онъ и говоритъ не по настоящему... Стихи часто декламируетъ... Потомъ все о себѣ да о себѣ разсказываетъ... Не такой онъ какъ вы.

— Вы это что-же всѣхъ хотите на меня примѣрять? Этакъ нельзя. Характеры и типы разнообразны.

А на самомъ дѣлѣ онъ былъ очень радъ этому.

— Ну, что, все работаете? обратился на этотъ разъ Ряндовъ къ Дороцкому.

— Да... Строчками вѣдь живемъ... Ну и надо...

— Что-же вы нынче дѣлаете, чѣмъ собираетесь насъ подарить?

— Такъ, пустяки.—И Дороцкій эффектно взбилъ себѣ волосы.—Романъ одинъ—и знаю достанется мнѣ за него жестоко... Ну да объ этомъ что!.. А вотъ я все на Вѣру Васильевну любуюсь... Первую героиню свою съ васъ спишу. Жаль только...

И онъ запнулся.

— Что жаль? спросилъ его художникъ, любуясь нѣсколько смутившеюся дѣвушкой.

— Нѣтъ еще Пигмаліона, который-бы вдохнулъ душу живую въ нашу Галатею.

— Вотъ тебѣ и на! Да развѣ я не живая?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Какъ-же?

— Еще-бы!.. Развѣ это значитъ жить?.. Для женщинъ *жить*—синонимъ глагола *любить*... А вы любили кого?

— Я всѣхъ люблю, совершенно искренно отвѣтила та.

— Ну вотъ это-то и скверно, что всѣхъ. Нужно одного полюбить да во всю, такъ чтобы чувство это весь свѣтъ-бы заслонило, чтобы не видѣть ничего.—Дороцкій приводилъ себя все въ большее и большее возбужденіе.—Знаете-ли что̀ значитъ любить? скажи мнѣ любимая женщина: „Дороцкій, спрыгни съ четвертаго этажа“—и я спрыгну.

— Зачѣмъ это? И какая глупая можетъ сказать это?.. И этажи здѣсь при чемъ-же?

— Доказательство, Вѣра Васильевна. Надо всѣми порами организма любить, вездѣ и во всемъ только и видѣть любимое существо, дышать тѣмъ воздухомъ какимъ она дышетъ... Да... люди способные любить такъ—родятся, какъ родятся поэтами. Да что̀ впрочемъ... Это у меня выражено въ одномъ моемъ стихотвореніи.

И не ожидая приглашенія, онъ началъ декламировать съ такимъ дѣланнымъ пафосомъ, что Вѣрѣ Васильевнѣ почему-то стало совѣстно—и она, скользнувъ взглядомъ по лицу Ряднова, потупилась.

А Дороцкій уже заливался:

Но ты мнѣ встрѣтилась и людямъ сталъ я братомъ!
Еще ребенкомъ ты пахнула на меня
Весеннихъ ландышей манящимъ ароматомъ.
Я сталъ передъ тобой, колѣна преклоня.
Сложилъ тебѣ алтарь и на него взошла ты;
Какъ жрецъ передъ тобой молитвы я читалъ.
Заржавѣлъ мечъ бойца... Въ пыли забыты латы —
Я жилъ одной тобой... Одной тобой дышалъ...
Дышалъ тѣмъ воздухомъ, которымъ ты дышала;
Стремился разгадать случайный каждый взглядъ;
Готовъ былъ цѣловать тотъ прахъ, гдѣ ты ступала;
Создалъ себѣ кумиръ, изъ жизни сдѣлалъ адъ.
Но этотъ адъ любви мнѣ былъ дороже рая!..

И такъ далѣе знаете...

— Развѣ вы носили когда-нибудь латы? съ недоумѣніемъ подняла на него глаза свои дѣвушка.

Ряндовъ расхохотался.

— Я развѣ какую нибудь глупость сказала?

— О, нѣтъ... нѣтъ...

Снисходительно улыбался и поэтъ.

— Нѣтъ, разумѣется. Вы еще не привыкли. Мы, поэты, выражаемъ наши чувства образомъ. Но какъ вамъ нравятся эти стихи?.. Только правду...

— Я всегда говорю правду.

— Такъ какже?

— Вы говорите о кумирѣ, о томъ что вы ее на алтарь поставили... А развѣ забыли что̀ сказано: не сотвори себѣ кумира?..

Рядновъ развеселился окончательно. Дороцкій пожалъ плечами и съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Вѣрочку.

— Экъ въ васъ закваска сидитъ эта, монастырская! Что-же вы сказали-бы вотъ про это стихотвореніе?

Александръ Петровичъ пришелъ было въ ужасъ...

— Стаканъ вина, Сергѣй Никаноровичъ... хотѣлъ было онъ отвести отъ себя ливень стиховъ, но, увы! поэтъ уже сѣлъ на своего пегаса, далъ ему шпоры и страстно глядя на дѣвушку началъ:

Твоя любовь—въ порывахъ страсти,
Ея волненья—безъ конца.
Она заманчивѣе власти
И ярче царскаго вѣнца.
Когда-бъ сокровища вселенной
Мнѣ были посланы судьбой,
Я здѣсь остался-бъ неизмѣнный,
Пошелъ-бы нищимъ—за тобой!..
И сбросивъ царскую порфиру,
Челомъ, украшеннымъ вѣнцомъ,
Склонился-бъ я на диво міру
Передъ тобой простымъ рабомъ...
Когда-бъ на небѣ былъ я Богомъ
Оставивъ ангеловъ своихъ,
Сошелъ-бы я къ земнымъ тревогамъ
Найти свой рай—у ногъ твоихъ.

И какъ будто не совладѣвъ съ внезапно охватившимъ его порывомъ, Сергѣй Никаноровичъ наклонился, схватилъ руку Вѣрочки и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

— Что вы?.. что вы?.. растерялась та.—Сергѣй Никаноровичъ, съ чего вы это, за что̀?

Рядновъ тоже нахмурился.

— Простите, мы, поэты, ничего не умѣемъ дѣлать вполовину—намъ извинительно многое, что̀ для другихъ...

— Ну, довольно! морщился художникъ. — Вы напрасно только смущаете Вѣрочку... Она не привыкла...

— О, вы должны, напротивъ, быть предметомъ общаго поклоненія...

Не извѣстно до чего-бы дошло это. На глазахъ у дѣвушки стояли уже слезы, да къ счастію одно изъ оконъ ресторана отворилось и въ немъ показалось раскраснѣвшееся лицо молодаго офицера.

— Э! Дороцкій!.. Шутъ гороховый!.. Ты здѣсь?.. Ступай сюда... Скорѣе... Тебя только недостаетъ...

— Князь Ахалъ-Текинцевъ! шепотомъ сообщилъ поэтъ Ряднову и Вѣрочкѣ, и точно успокоивая ихъ: — я сейчасъ-сейчасъ... ушелъ въ ресторанъ.

— Ну что̀ вы скажете, Вѣра Васильевна?.. спросилъ ее Рядновъ.

— Не знаю, право... У бабушки у моей, у настоящей, пояснила она,—пѣтухъ такой былъ одинъ. Мы его всѣ звали почему-то „Киръ-царь-Персидскій". Онъ никогда не опускалъ перьевъ, а цѣлые дни ходилъ встопорщенный и хвостъ вѣеромъ держалъ и поминутно взлеталъ на заборъ — орать оттуда другимъ пѣтухамъ что-то особенное. Мнѣ... вы знаете, осуждать вѣдь грѣшно... но, право, мнѣ Сергѣй Никаноровичъ этого пѣтуха напоминаетъ.

— Вотъ за это сравненіе дома и я вамъ ручки расцѣлую.

— Зачѣмъ?

— Ужь очень я доволенъ вами. Какъ вы въ простотѣ своей душевной опредѣлили нашего пріятеля! Такъ я его теперь и буду звать „Киръ-царь-Персидскій".

Они не дождались впрочемъ возвращенія „Кира-царя-Персидскаго", а сѣвъ въ лодку отправились на противоположный берегъ рѣки, къ пароходной пристани.

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

XIII.

Не смотря на поспѣшность сборовъ и все приложенное стараніе, тяжелая дорога, при ночной ѣздѣ, взяла таки свое: блѣдный осенній день совсѣмъ ужь занялся, когда наши измученныя клячи остановились передохнуть у подножія горы, на вершинѣ которой величественныя строенія Элвораза медленно выплывали изъ серебристаго тумана.

Прямая аллея стройныхъ тополей вела прямо къ оградѣ широко раскинутаго замка въ готическомъ стилѣ съ легко и причудливо разбросанными башнями. Кирпичный цвѣтъ фасада, съ широкими выступающими бѣлыми колоннами, съ такимъ же фундаментомъ и откосами у разноцвѣтныхъ оконъ, отчетливо выдѣлялся на уже рѣдѣвшемъ фонѣ столѣтняго, тщательно содержимаго англійскаго парка. Просторная, краснымъ пескомъ утрамбованная дорога, огибала передъ домомъ, вопреки знойному лѣту, безукоризненно сохранившійся газонъ. Посреди его высокій фонтанъ мѣрно билъ изъ пасти мраморнаго дельфина. Пестрые, запоздалые цвѣты обрамляли его пахучимъ кольцомъ.

Глазъ невольно робѣлъ передъ этой строгою пышностью, свято хранившею отпечатокъ минувшихъ временъ, и чѣмъ-то подавляющимъ вѣяло отъ этого величаваго памятника старины.

— Вотъ такъ палаты! воскликнулъ докторъ, протирая заспанные глаза.— И отъ столь утонченнаго комфорта, своевольно совершить переселеніе ad patres! Ну-ка, батенька, раскусите эту штуку!

Отвѣтъ остался за мной, такъ какъ въ эту самую минуту тарантасъ остановился у подъѣзда.

Въ свѣтлыхъ просторныхъ сѣняхъ, съ поломъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, расположеннаго шашками, Беневоленскій уже суетился въ кругу нѣсколькихъ лакеевъ, въ темныхъ ливреяхъ съ испуганно-растерянными выраженіемъ на лицѣ.

— Сюда, сюда пожалуйте! Его сіятельство теперь нельзя видѣть. Они опочиваютъ-съ. Во всю ночь глаза не могли сомкнуть. Но къ вашему пріему всѣ распоряженія заблаговременно сдѣланы. Цѣлый аппартаментъ, можно сказать, отвели-съ. Господинъ исправникъ тамъ теперь кофе кушаютъ, васъ поджидаючи-съ.

— Нѣтъ, я лучше потомъ какъ-нибудь; а первымъ дѣломъ я желаю видѣть покойницу и обозрѣть мѣсто происшествія.

— Иванъ Петровичъ, а послѣ дороги не худо бы обогрѣться? недоумѣваючи предложилъ докторъ.

— Ваша воля, Василій Яковлевичъ, я вамъ не мѣшаю, отвѣтилъ я пожимая плечами, и бѣгло окинувъ толпившуюся прислугу, обратился къ одному парню, на видъ посмышленѣе остальныхъ:—Пожалуйста проводите меня, а вы, Беневоленскій, доложите исправнику что я въ свою очередь буду ждать его для составленія протокола.

Не успѣлъ я пройти въ слѣдующую комнату, какъ крупные шаги доктора Журина раздались у меня за спиною.

Мы прошли большую залу въ два свѣта, съ художественно исполненными фресками. Цѣлая вереница легкокрылыхъ амуровъ неслась по стѣнамъ, справляя какой-то веселый пиръ. Въ рѣзныхъ, золоченыхъ креслахъ, обитыхъ стариннымъ штофомъ, сказывался тотъ-же вычурный стиль. Затѣмъ мы вступили въ парадную гостиную, съ стѣнами обтянутыми дорогою, хотя и поблекшею, китайскою матеріей, очевидно той же эпохи.

Сквозь спущенныя тюлевыя занавѣси едва пробивался тусклый денной свѣтъ, кое-гдѣ бросая свѣтлый бликъ на тяжеловѣсныя золотыя рамы семейныхъ портретовъ, симетрично развѣшенныхъ по стѣнамъ. Напудренные вельможи во французскихъ кафтанахъ, красавицы въ роброндахъ съ надменными лицами отражались въ широкихъ простѣночныхъ зеркалахъ. Невольно жутко становилось на сердцѣ въ этихъ обширныхъ, опустѣвшихъ покояхъ. Чѣмъ-то давно минувшимъ, загробнымъ вѣяло отъ этой мрачной пышности.

Рядомъ, небольшая, круглая комната являлась живымъ и благотворнымъ контрастомъ. Большая стеклянная дверь, въ итальянскомъ вкусѣ, вела на широкую террасу, откуда открывался рѣдкостный видъ на изящно разбросанный цвѣтникъ, на живописные пригорки, на быструю, прозрачную рѣчку, серебристой лентой изгибавшуюся среди густой растительности, обязанной своимъ причудливымъ колоритомъ ранней осени.

Смущенный глазъ пріятно̀ отдыхалъ на веселыхъ, кретоновыхъ обояхъ (полевые цвѣты на свѣтленькомъ фонѣ), на мягкой мебели уютно гнѣздившейся подъ сѣнью тропическихъ растеній.

Небольшой шкапъ, со стеклянною дверкой, изъ-за которой виднѣлись сочиненія Лермонтова, Пушкина, Тургенева, Тол-

Веселый мальчуга. Рис. Дворака, грав. Брендамуръ.

стаго; низкія пяльцы съ недошитою, затѣйливою работою, дорогое піанино съ раскрытою тетрадью, письменный столикъ, съ разставленными фотографіями и всѣми принадлежностями; въ довершеніе, объемистая золоченая клѣтка, со множествомъ мелкихъ птицъ разныхъ породъ, въ запуски щебетавшихъ,—все изобличало вкусы, наклонности, занятія обитательницы этого уютнаго уголка.

Оно казалось еще дышало ея присутствіемъ.

Изъ-за опущенной шелковой драпировки, по временамъ доносился робкій, сдержанный шепотъ. Рука нашего проводника чуть замѣтно дрогнула, когда онъ благоговѣйно приподнялъ драпировку.

Глазамъ нашимъ представилась духъ захватывающая картина.

Прямо противъ входа, на темномъ фонѣ малиновыхъ обоевъ, мрачно выступала старинная широкая кровать, съ бронзовыми насѣчками на красномъ деревѣ и угловатостью линій, принадлежащей къ модѣ наполеоновскихъ временъ. Въ когтяхъ вычурнаго золотаго голубка сосредоточивались складки мягкой алой матеріи, ниспадавшей пологомъ по обѣ стороны ея. На высокихъ бѣлоснѣжныхъ подушкахъ, обшитыхъ тонкимъ кружевомъ, чуть свѣсившись, безмятежно покоилась исхудалая, но все еще сохранившая свою идеальную прелесть, молодая головка. Густыя бѣлокурыя косы, мѣстами забрызганныя зловѣщими, бурыми пятнами, ниспадали до самаго ковра. Подъ кружевною сорочкой просвѣчивала тонкая шея и нѣжный контуръ мраморной груди. Ниже, лѣвѣе—широкое, алое пятно указывало мѣсто смертельной раны.

Пальцы правой руки, неестественно откинутой, судорожно сжимали пистолетъ, тогда какъ лѣвая ладонь на половину исчезала въ складкахъ голубаго атласнаго одѣяла. Все это мелькнуло предо мной во мгновеніе ока и я замеръ на порогѣ.

Въ безжизненномъ тѣлѣ графини Клемецкой я призналъ заразъ и неприступную красавицу италіанской оперы, и беззавѣтно довѣрчивую Ольгу Корину.

У меня помутилось въ глазахъ, языкъ прилипъ къ гортани, колѣни задрожали и я инстинктивно прислонился къ стѣнѣ. Не съумѣю опредѣлить какъ долго продолжалось это мучительное оцѣпенѣніе. Дрогнувшій голосъ доктора прервалъ торжественность тяжелой минуты:

— Жаль бѣдную! Какъ хороша!

Это восклицаніе мгновенно вернуло мнѣ сознаніе жизни и предстоящей неотвратимой обязанности.

Я мѣрными, автоматическими шагами, чтобы вѣрнѣе скрыть охватившій меня ужасъ, приблизился къ постели, и въ порывѣ страстнаго желанія отдать послѣдній долгъ измученной страдалицѣ, преклонилъ колѣна передъ ней.

Но молитва оставалась чужда моей смущенной душѣ. Жадно всматриваясь въ ея холодныя черты, я напрягалъ всѣ силы ума и воли чтобы вырвать у смерти грозную тайну, ревниво оберегаемую. Графиня казалась спящею, и лишь густая фіолетовая тѣнь на спущенныхъ вѣкахъ и слегка посинѣвшія губы обличали что этотъ сонъ уже переступилъ вѣчность. Безмятежный миръ точно просвѣтилъ ея застывшее чело, и я, наученный опытомъ, тщетно искалъ на немъ той глубокой скорбной черты, которая изобличаетъ послѣднюю борьбу человѣка самовольно избравшаго стезю гибели.

Чѣмъ долѣе я вглядывался, тѣмъ яснѣе разросталось во мнѣ сознаніе, что коварное предательство подстерегло ея довѣрчивый покой. Въ эту минуту мнѣ не надо было уликъ чтобы знать, что не усталая, дерзновенная рука положила предѣлъ своему земному жребію; я умственно осязалъ хитро сплетенную паутину, разставленную ради безнаказаннаго торжества людской злобы.

Благоговѣйно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, я припалъ воспаленными губами къ недвижной рукѣ на вѣкъ умолкнувшей жертвы. Мнѣ вспомнился тотъ далекій, прощальный поцѣлуй, та чудная дѣвушка такъ жаждавшая семейнаго, мирнаго поприща... Быть можетъ, если-бъ я дерзнулъ тогда, она не лежала бы теперь окровавленною на этомъ пышномъ ложѣ, какъ жалкій обломокъ выброшенный приливомъ житейскихъ бурь.

Ѣдкое сожалѣніе, озлобленное горе закипало у меня въ груди. Я мысленно принесъ ей клятву, ничего не щадя возстановить истину вокругъ ея загадочной смерти, и сорвавъ личину съ ея тайныхъ враговъ, отдать ихъ въ руки правосудія. Мнѣ явственно сказывался перстъ Божій въ сцѣпленіи этихъ нежданныхъ встрѣчъ. Не онъ-ли забросилъ меня случайно въ Верхи, чтобы теперь я сталъ грознымъ обличителемъ темнаго, кроваваго дѣла? Мысль о возможности мщенія бурнымъ потокомъ пронеслась во мнѣ; я чувствовалъ за собою непоколебимую энергію.

Когда я, приподнявшись, сталъ у изголовья покойной, ни чей опытный глазъ не уловилъ бы во мнѣ слѣда пережитаго волненія. Рѣшительнымъ жестомъ, я приказалъ удалить изъ комнаты притаившихся въ углу женщинъ и всѣхъ непричастныхъ къ слѣдствію лицъ.

— Что-жъ, господа, приступимте! обратился я холодно-дѣловымъ тономъ къ стоящему, рядомъ съ докторомъ, исправнику.

— Конечно, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Такъ внезапно и сильно потрясенному графу весьма тягостно соблюденіе законныхъ формальностей, и намъ остается лишь одно: поскорѣе предоставить въ его распоряженіе тѣло супруги для совершенія надъ нимъ христіанскихъ обрядовъ. Это предписываетъ намъ долгъ самаго простаго состраданія.

— Но не въ ущербъ не менѣе священнаго долга служенія истинѣ, я полагаю? довольно рѣзко возразилъ я.

— Кто же это въ умѣ станетъ держать? Мы съ вами, Иванъ Петровичъ, не впервые орудуемъ на этомъ тяжеломъ поприщѣ, и вы всегда находили во мнѣ ревностнаго оберегателя законности; но сегодня намъ приходится считаться съ исключительнымъ событіемъ.

— Тѣмъ развѣ что обстановка иная? Взамѣнъ темной лачуги стѣны штофомъ обитыя? Для предстоящихъ мнѣ обязанностей это безразлично.

— Развѣ я къ тому рѣчь клоню? Выслушайте меня до конца. Помимо всѣхъ медицинскихъ удостовѣреній, достаточно взглянуть и тронуть чтобы убѣдиться что смерть вступила въ свои права. Не такъ-ли?

Я утвердительно кивнулъ.

— Затѣмъ приступимъ къ признанію самоубійства. Очевидность его также неоспорима...

— Въ имѣете въ рукахъ документъ: собственноручное сознаніе покойной? живо перебилъ я.

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ пока еще ничего не найдено.

— Такъ позвольте спросить, на какомъ основаніи вы строите свое предположеніе?

— Перестаньте шутить. Всякій ребенокъ былъ бы въ состояніи отвѣтить за меня.

— Тѣмъ болѣе я настаиваю и жду разъясненій.

— Во-первыхъ: орудіе смерти еще хранящееся въ ея рукѣ... И онъ загнулъ палецъ къ ладони.

— Надо еще освидѣтельствовать, не могло ли оно быть вложено по совершеніи преступленія.

— Во-вторыхъ: порядокъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, такъ же наглядно доказывающій отсутствіе посторонняго лица, какъ и борьбы или сопротивленія.

— Вамъ никогда не приходилось слышать, что самый вѣрный способъ тайнаго убійства—это нападеніе на спящаго врага? иронически освѣдомился я.

— Да, но въ данномъ случаѣ, необходимо допустить существованіе врага, а всѣ окружающіе графиню боготворили ее. Вамъ легко будетъ удостовѣриться въ этомъ изъ краткаго разспроса. Отчаяніе на всѣхъ здѣшнихъ лицахъ. Если мы допустимъ убійство съ корыстной цѣлью, то какимъ же образомъ преступникъ не воспользовался шкатулкой съ деньгами и, вонъ тамъ въ углу, драгоцѣнностями, лежащими подъ стекломъ? Ихъ, говорятъ, на изрядную сумму, а по словамъ довѣренной горничной—все на мѣстѣ, ни малѣйшей бездѣлушки не пропало. Наконецъ, заключилъ онъ съ торжествующей улыбкой,—самъ графъ, а ему, признайтесь, ближе всѣхъ слѣдуетъ принять это дѣло къ сердцу, ни на минуту не усомнился признать самоубійство въ этомъ скорбномъ случаѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Нигдѣ и никогда судебная хроника не заносила въ свои столбцы устраненія мужемъ постылой или почему-либо мѣшавшей ему жены? Равнымъ образомъ искусный преступникъ никогда не изощрялся придать содѣянному убійству оттѣнокъ долженствовавшій упрочить за нимъ полнѣйшую безнаказанность?

— Иванъ Петровичъ, неужели можно подозрѣвать такое ужасное злодѣяніе?

Краска мгновенно сошла съ его полнаго, румянаго лица, и онъ всплеснулъ дрогнувшими руками.

— Я ничего и никого не подозрѣваю, пока дознаніе не обнаружитъ настоящихъ причинъ, доведшихъ женщину во цвѣтѣ лѣтъ и, какъ по всему кажется, въ исключительно счастливой обстановкѣ, до крайнихъ предѣловъ отчаянія. Я единственно хотѣлъ предостеречь васъ насчетъ возможности и видимой опасности преждевременныхъ заключеній.

— Ну то-то же, обрадовался онъ, обтирая платкомъ свой влажный лобъ. — А вѣдь ей-ей вы меня напугали.

— Вы первый на очереди, обратился я къ Журину съ напускнымъ равнодушіемъ; но когда подъ его проворными пальцами затрещалъ батистъ сорочки, обнажая зіяющую рану, я невольно закрылъ глаза.

— Да, бишь, я чуть было не забылъ, дернулъ меня за рукавъ слегка смущенный исправникъ. — До вашего пріѣзда выходила ко мнѣ иностранка, самая близкая, неразлучная подруга покойницы, по словамъ всей прислуги. Ужь какимъ ломанымъ языкомъ она со мной объяснялась!.. но суть дѣла не трудно было понять. Она передала мнѣ, по порученію графа, его сильное желаніе и настоятельную просьбу чтобы мы избѣгли вскрытія тѣла, если это мало-мальски возможно.

— Я не могу принять на себя отвѣтственности за подобное уклоненіе отъ предписаній закона. Пусть рѣшаетъ докторъ: это къ его обязанности болѣе относится.

Мнѣ не мало мужества потребовалось на этотъ отвѣтъ. Отъ одной мысли видѣть на своихъ глазахъ распластаннымъ, подвергнутымъ отвратительно-грубой процедурѣ нѣкогда живое существо сохранившее въ моей памяти всю свою обаятельную

прелесть, сердце мое болѣзненно щемило, холодный потъ выступалъ на лбу, и я съ нѣмымъ трепетомъ ждалъ приговора Журина.

— А мнѣ на что? Смерть мгновенная: безъ конвульсій и агоніи. Причина явная: огнестрѣльная рана въ самую полость сердца. Вѣрно намѣчено; рука не дрогнула.

Онъ вытащилъ изъ карманнаго прибора зондъ и острый ножъ, засучилъ рукавъ, и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ выпустилъ изъ пальцевъ что-то круглое, буроватаго цвѣта, быстро покатившееся на гладкой поверхности стола.

— А вотъ вамъ и пуля въ коллекцію вещественныхъ доказательствъ. Моя обязанность кончена. Можете успокоить его сіятельство.

— Нѣтъ, Журинъ, это не достаточно. Осмотрите правую руку и опредѣлите могъ-ли послѣдовать такой удачный выстрѣлъ при лежачемъ положеніи субъекта? Въ предсмертной судорогѣ не естественно-ли было бы выпустить пистолетъ? Наконецъ, вполнѣ-ли нормально положеніе застывшей руки?

— Ну, педантъ же вы, какъ я погляжу! пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ, но тѣмъ не менѣе тщательно выполнилъ мое требованіе.

Я самъ не сводилъ глазъ съ тѣла, мысленно стараясь воспроизвести драматическую сцену.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Журинъ провелъ рукою по набѣжавшимъ морщинамъ и мѣрнымъ голосомъ сообщилъ:

— Выстрѣлъ долженъ былъ произойти почти въ упоръ, хотя слѣдовъ обжога на бѣльѣ не видать. На практикѣ такъ же часто встрѣчается выпаденіе оружія изъ руки, какъ и окоченѣлость пальцевъ, происшедшая здѣсь. Я не скрою, что безымянный палецъ и мизинецъ какъ-то странно загнуты, но не надо упускать изъ виду что передъ нами женщина, чуждая, вѣроятно, правильныхъ пріемовъ стрѣльбы. По всему этому, я прихожу къ заключенію, что изъ положенія трупа не вытекаетъ ни малѣйшаго довода въ подкрѣпленіе подозрѣнія, высказаннаго Забѣльскимъ.

— Я не возражаю. Порядокъ соблюденъ.

— Протоколъ уже у меня составленъ въ надлежащемъ смыслѣ, подхватилъ исправникъ, и не упустилъ случая кинуть въ мою сторону иронически-торжествующій взглядъ.

По исполненіи чисто полицейскихъ формальностей, товарищи стали настаивать чтобы я вмѣстѣ съ ними пошелъ закусить.

Жажда добиться истины (слова доктора никакъ не могли разсѣять моихъ подозрѣній) терзала меня. Я только залпомъ выпилъ стаканъ холодной воды и тутъ же принялся чинить дознаніе.

(Продолженіе будетъ).

Важнѣйшія русскія древесныя породы.

(Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12-ю красками).

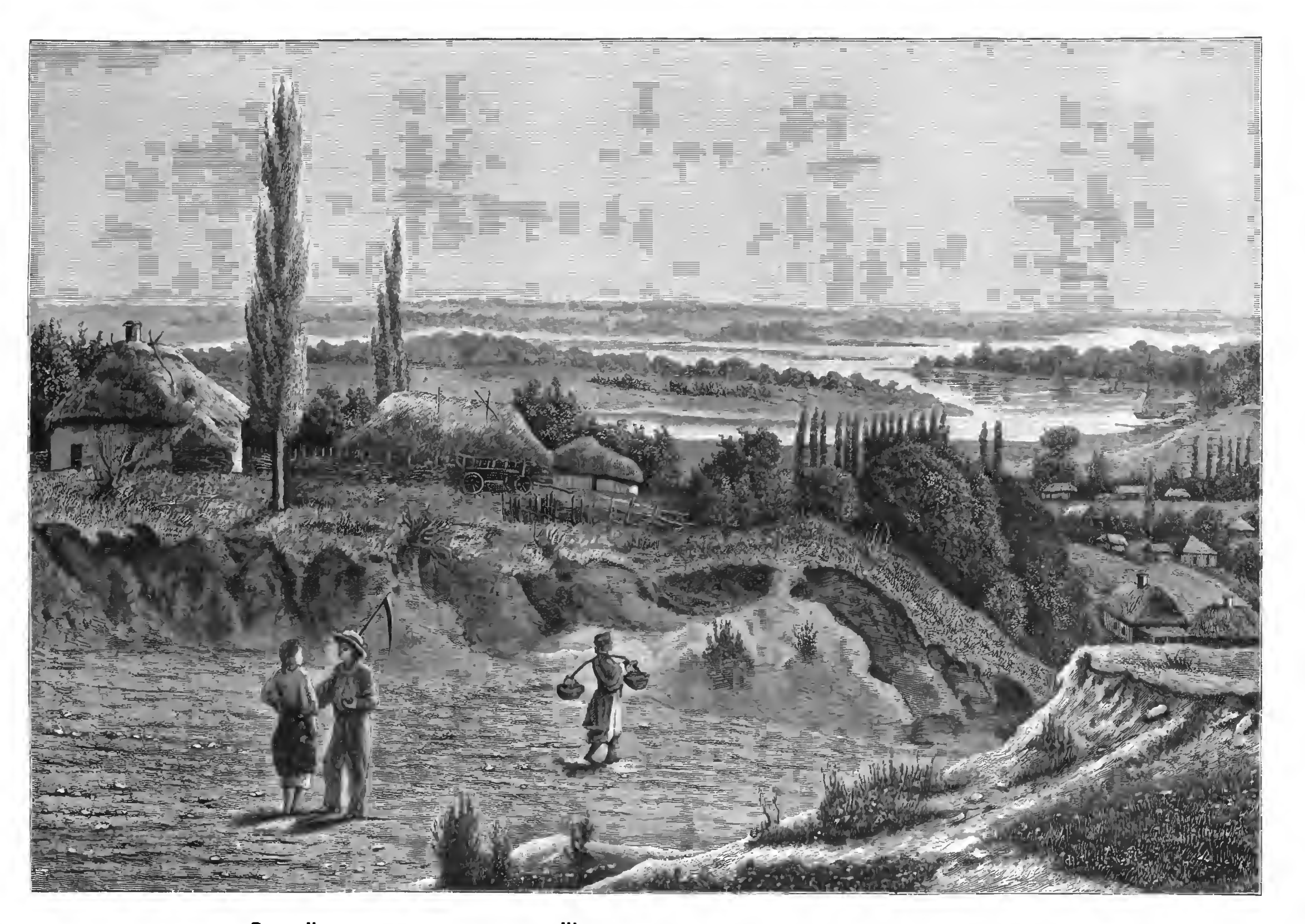
Прилагая при настоящемъ № *Нивы* изображенія нашихъ древесныхъ породъ, мы надѣемся заинтересовать большинство нашихъ подписчиковъ. Не только учащіеся найдутъ для себя интереснымъ и полезнымъ познакомиться болѣе подробно и вѣрно съ окружающею ихъ древесною растительностью, такъ рѣзко отличающеюся уже и по наружному виду отъ всей остальной флоры, но и люди зрѣлаго возраста изъ городскихъ жителей получатъ возможность безъ дорогихъ атласовъ и руководствъ разобраться въ главнѣйшихъ представителяхъ нашего роднаго лѣса. Для большей наглядности, кромѣ общаго вида каждаго дерева, имѣются еще изображенія отдѣльныхъ частей его, какъ - то: листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ и пр. Къ тому же, изъ этихъ детальныхъ рисунковъ всякій легко увидитъ, какое разнообразіе растительности находится въ нашемъ отечествѣ, что по большей части совершенно ускользаетъ отъ нашего вниманія, такъ какъ глазъ нашъ съ дѣтства свыкся съ ихъ видомъ и уже необходимо нѣкоторое напряженіе воли, чтобы сосредоточить на этомъ свое вниманіе. Благодаря такимъ условіямъ, не часто попадается человѣкъ умѣющій отличить осокорь отъ клена, не говоря уже о различіяхъ между разными видами послѣдняго; многіе даже затрудняются распознавать молодую ель отъ сосенки. Всякій рисунокъ помогаетъ сосредоточить наше вниманіе на предметѣ, а потому, еслибы даже не явилось охоты заняться опредѣленіемъ и различеніемъ деревьевъ, все таки наши рисунки принесутъ нѣкоторую пользу, невольно обращая вниманіе на то, что иначе легко могло бы пройти незамѣченнымъ.

Первый рисунокъ изображаетъ выросшую въ сухомъ сосновомъ лѣсу (бору) сосну, *красную сосенку,* какъ называетъ ее народъ. При сравненіи старой сосны съ елью легко замѣтить, что у первой вся нижняя часть ствола, такъ-называемая комлевая, лишена сучьевъ. Уже издали краснѣетъ сосновый лѣсъ, высоко поднимаются стволы сосенъ, покрытые цѣликомъ (а у болѣе старыхъ, преимущественно лишь въ верхней своей части) мѣднокрасною корою. Если прибавить, что игольчатые, или пожалуй шиловидные листья, такъназываемыя хвои, сидятъ всегда попарно, — далѣе, что у старыхъ сосенъ всѣ сучья собраны на верху въ видѣ раскидистаго, болѣе или менѣе округленнаго шатра, то описаніе этой породы будетъ закончено. Да впрочемъ, кто не знаетъ и помимо этого нашу сосенку, которая, не вполнѣ доходя до крайнихъ предѣловъ древесной растительности на сѣверѣ, распространена по всей Россіи до Малороссіи, чтобы затѣмъ снова появиться въ Крыму и на Кавказѣ; слѣдуетъ впрочемъ указать на то, что раньше, до истребленія лѣсовъ въ средней и южной Россіи, сосна росла у насъ почти повсемѣстно. Такое широкое распространеніе этого дерева объясняется его крайнею неприхотливостью къ питательности почвы и даже къ климату. „Гдѣ сосна взросла, тамъ она и красна“, говоритъ народъ. Хотя сосна принадлежитъ къ породамъ, у которыхъ главный корень глубоко уходитъ въ землю, тѣмъ не менѣе это нисколько не мѣшаетъ ей произрастать какъ на глубокихъ пескахъ, или на жидкой болотной грязи, такъ и на мелкомъ слоѣ почвы въ горахъ; даже болѣе: можно сказать, что нѣтъ почти почвы, на которой сосна не могла бы рости, что зависитъ отъ ея замѣчательной способности приспособленія развѣтвленности корней къ почвеннымъ условіямъ. Въ горахъ главный корень, такъ - называемая „рѣдька“, просто не развивается, взамѣнъ чего расползаются длиннѣйшіе корни близь, а отчасти даже и на поверхности земли. Конечно, вслѣдствіе различія условій мѣстонахожденія, ростъ и свойства древесины далеко не будутъ одинаковы: полнодревесная, здоровая сосна можетъ выристи лишь тамъ, гдѣ стержневой корень не встрѣчаетъ трудно пробиваемаго слоя или подпочвенной воды, или же слишкомъ тощей— подзольной земли, когда дереву приходится голодать, или же когда знойность и суровость климата не переходитъ извѣстнаго предѣла,—при наличности же этихъ неблагопріятныхъ условій сосна бываетъ корявая и многосучковая. Различаютъ поэтому *кондовую сосну* (кондовье), выросшую на сѣверѣ на возвышенностяхъ въ свѣжей суглинисто-песчаной (боровой) почвѣ, и *мяндовую* (мяндакъ), встрѣчающуюся на тощемъ и сухомъ пескѣ, а нѣкоторые еще и *вѣтренницу,* сосну торфяныхъ болотъ.

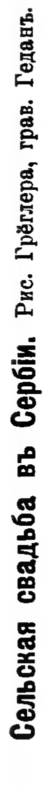
Не такова молодая сосна; вѣтви ея расположены правильными мутовками почти до самаго низа, причемъ ежегодно образуется только одна мутовка и посреди послѣдней, какъ удлиненіе ствола, одинъ верхушечный побѣгъ. Благодаря этому, легко опредѣлить возрастъ сосны приблизительно до сороковаго года; для этого стоитъ лишь сосчитать число мутовокъ, да прибавить къ нему единицу, для перваго года, когда мутовки не образуется. Но смотря по густотѣ бора, у сосны уже съ пятнадцатаго лѣта, если не раньше, самыя старыя, т. е. нижнія, мутовки постепенно засыхаютъ и начинаютъ опадать, вслѣдствіе чего самое густое сосновое насажденіе все болѣе рѣдѣетъ. Происходитъ это отъ естественной потребности сосны пользоваться со всѣхъ сторонъ освѣщеніемъ,—понятно, что чѣмъ болѣе разростается дерево въ вышину и ширину, тѣмъ менѣе свѣта получаетъ нижняя его часть; при отсутствіи же свѣта, столь необходимаго для растеній, затѣненныя мутовки постепенно хирѣютъ, наконецъ отмираютъ и отламываются. Долго еще по кое-гдѣ торчащимъ сучьямъ можно возстановить число мутовокъ, но постепенно ежегоднымъ наростаніемъ новаго годичнаго слоя древесины, эти комельки все болѣе уходятъ въ дерево и наконецъ вполнѣ заростаютъ— вотъ причина, почему только до 40 лѣтъ опредѣлимъ возрастъ сосны по мутовкамъ. Послѣ сказаннаго не требуетъ разъясненія, почему сильно затѣненныя сосенки угнетаются и пропадаютъ: сосна—свѣтолюбивая порода.

Какъ и другія хвойныя породы, она также относится къ голосѣмяннымъ: пестикъ имѣетъ видъ отверстой чешуи, не замыкающей сѣмяпочку (яичко); сверхъ того цвѣты однополы, образуютъ тычиночныя мужскія и женскія соцвѣтія въ видѣ небольшихъ шишекъ на концахъ прошлогоднихъ побѣговъ. У сосны стержень мужскаго соцвѣтія развѣтвленъ и тычинки не сидятъ, какъ у еловыхъ, по одиночкѣ на этихъ коротенькихъ вѣтвяхъ, а собраны вкупѣ колосьями. Женскія шишки крупнѣе, онѣ составлены изъ широкихъ слегка мясистыхъ грязновато-вишневаго цвѣта чешуекъ, несущихъ снизу со внѣшней стороны по маленькому прицвѣтному листочку, а со внутренней, на самомъ основаніи,—два яичка. По опыленіи каждый отверстый плодолистикъ—пестикъ разростается, твердѣетъ, сперва зеленѣетъ, а затѣмъ бурѣетъ—образуетъ чешую шишки, которая прикрываетъ два, лежащія подъ каждой и разросшіяся въ крылатыя сѣмена, яичка. Должно пройти 18 мѣсяцевъ, чтобы сѣмена созрѣли, и только на третью весну разверзаются шишки.

Кромѣ обыкновенной сосны, у насъ имѣется на югѣ еще крымская (Pinus Laricio Pallasiana Endlicher), которая имѣетъ весьма большую будущность: по южнымъ, сыпучимъ пескамъ идетъ она гораздо успѣшнѣе обыкновенной, да притомъ, повидимому, ея смола содержитъ много скипидару тѣхъ же качествъ какъ французскій, добываемый изъ приморской сосны.

Видъ Китаева, въ окрестностяхъ Кіева. Ориг. рис. (собств. „Нивы") П. Васильченка, грав. Рашевскій.

Сельская свадьба въ Сербіи. Рис. Грёглера, грав. Геданъ.

Сибирскій кедръ напоминаетъ сосну, лишь иглы длиннѣе и сидятъ всегда пучками по пяти; онъ и принадлежитъ къ семейству сосновыхъ, тогда какъ ель, пихта и лиственница—къ еловымъ. Безкрылыя, съѣдобныя сѣмена, созрѣвающія также по истеченіи 18 мѣсяцевъ, всѣмъ извѣстны подъ названіемъ кедровыхъ орѣховъ. Какъ показываетъ уже наименованіе этого кедра, родиной его должна считаться Сибирь, гдѣ эта порода дѣйствительно является очень распространенною, образуя подчасъ цѣлые лѣса, такъ-называемые „кедровники"; въ Европейскую же Россію отъ Урала кедръ заходитъ недалеко.

Кедровая древесина очень прочна и тонкослойна, но притомъ весьма мягка и обладаетъ весьма пріятно-пахучимъ кипариснымъ запахомъ, вслѣдствіе чего идетъ на разные благовонные ящики и проч., а въ Тиролѣ и Швейцаріи употребляется на самыя тонкія и дорогія рѣзныя работы и выточку молочной посуды—увѣряютъ, что молоко, кромѣ пріятнаго вкуса, дольше сохраняется въ кедровыхъ сосудахъ.

Съ нашимъ кедромъ не слѣдуетъ смѣшивать ливанскій или настоящій кедръ (Cedrus Libani), кое-гдѣ разводимый у насъ на южномъ берегу Крыма.

Ель отличается отъ сосны болѣе конусовиднымъ, пирамидальнымъ обликомъ; стволъ ея весьма рѣдко развѣтвляется на крупные сучья и сверху обыкновенно заостряется. Сучья, расположенные болѣе или менѣе кольцеобразно, у выросшихъ на просторѣ деревьевъ покрываютъ стройный, сѣроватый стволъ его донизу, а въ лѣсу—только въ верхней его части, становясь постепенно, по мѣрѣ приближенія къ низу, все длиннѣе. Хвои—четырехгранны, со всѣхъ сторонъ одноцвѣтны и направлены по одиночкѣ во всѣ стороны. Шишки съ болѣе тонкими чешуйками и созрѣваютъ въ одинъ годъ. Народная примѣта гласитъ, что изобиліе еловыхъ шишекъ къ урожаю яроваго, а сосновыхъ — къ урожаю ячменя. Ель также скорѣе — дерево сѣвера, заходитъ даже дальше сосны на сѣверъ и встрѣчается еще тамъ, гдѣ растительность борется съ ледяною смертью; на югъ же ель спускается не такъ далеко, какъ сосна; границы южнаго ея распространенія приблизительно можно установить, проведя линію отъ Житоміра на Черниговъ, Тулу, Рязань, Казань, Уфу до Камчатки.

Ель сравнительно съ сосною требовательнѣе къ почвѣ, причемъ сухость грунта является главнымъ препятствіемъ для ея произбанія. Она растетъ лучше всего на плодородныхъ, глинистыхъ, т. е. свѣжихъ, даже сырыхъ почвахъ, рѣдко на болотѣ, гдѣ попадается изрѣдка захирѣвшимъ кустикомъ, а на пескѣ или въ сильно песчаныхъ мѣстностяхъ ель совсѣмъ не идетъ. Но такъ какъ корни ея не углубляются въ почву, то достаточно весьма неглубокаго слоя, почему она выростаетъ также роскошнымъ деревомъ на мелкомъ покровѣ горныхъ скалъ. Понятно, что по этой причинѣ ель весьма неустойчива противъ вѣтровъ, но за то представляетъ тѣневыносливую породу, образующую у насъ на сѣверѣ большіе дремучіе, темные лѣса. Въ первые годы еловый всходъ растетъ весьма медленно, затѣмъ быстрѣе, но позже (къ 20—30-лѣтнему возрасту) ель догоняетъ сосну, отъ которой затѣмъ снова отстаетъ, достигая предѣльнаго возраста къ 250—300 году, тогда какъ 400—600-лѣтнія здоровыя сосны не рѣдкость.

Слѣдуетъ упомянуть, что такъ-называемые листья хвойныхъ (хвои) совсѣмъ не основательно уподобляютъ листьямъ лиственныхъ породъ. Истыми листьями здѣсь являются тѣ бурыя пленочки, въ ножнахъ которыхъ сидятъ иглы, послѣднія же не что иное, какъ недоразвитыя, укороченныя вѣточки, исполняющія обязанность (функцію) истыхъ листьевъ,—разрѣжьте продольно пару сосновыхъ иголъ, отдѣленную осторожно съ пленками отъ вѣточки, и вы увидите при основаніи между обѣими хвоями маленькій бугорокъ — верхушку побѣга, который лишь весьма рѣдко развивается.

Въ сѣверовосточной Россіи, примѣрно по линіи отъ Архангельска къ мѣсту сліянія Камы и Вятки и оттуда къ Уралу нѣсколько южнѣе Уфы, и по всей Сибири растетъ вмѣстѣ съ обыкновенной елью—сибирская (Picea obovata Ledebur), считаемая многими за разновидность обыкновенной. На Кавказѣ большія пространства покрыты другимъ видомъ ели—восточнымъ (Picea orientalis Carrier, Pinus orientalis Linn.). Въ лѣсоводственномъ отношеніи всѣ виды ели сходны.

Сосна и ель имѣютъ широкое употребленіе, какъ строевой и пильный лѣсъ, хотя еловый и уступаетъ сосновому въ прочности, но за то ель имѣетъ одно преимущество, подчасъ весьма важное,—легкость древесины. Подсочка ели (сдирка коры) мѣстами для полученія смолы менѣе распространена, чѣмъ у сосны, что зависитъ отъ того, что еловая „живица" или „сѣра" содержитъ менѣе скипидара и болѣе канифоли (твердѣющая часть смолы); равно и добываніе смолы выкуркой или выгонкой (нагрѣваніе древесины въ закрытыхъ ямахъ, печахъ и сосудахъ, причемъ она обугливается и выдѣляетъ смолу, „смольнякъ" или „осмоло"). Смола накопляется въ корѣ въ особыхъ желвакахъ, изъ которыхъ живица извлекается проколомъ. Эта жидкость весьма цѣнится и продается дорого фунтами. „Еловый листъ", видъ листоваго лишая, растущій на старыхъ деревьяхъ въ сѣверныхъ сырыхъ равнинахъ, по мнѣнію народа, особенно цѣлебенъ и отваръ изъ него на далекомъ сѣверѣ употребляется отъ разныхъ простудныхъ невзгодъ.

Пихту, весьма вообще сходную съ елью, легко отличить по хвоѣ: иглы также сидятъ по одиночкѣ, но расположены гребнемъ по двумъ сторонамъ вѣтвей; онѣ плоски, сверху темнозелены, а съ изнанки изборождены двумя продольными серебристыми полосками. Затѣмъ шишки, созрѣвающія также какъ у ели въ одинъ годъ, въ противоположность послѣднимъ, не свѣшиваются внизъ и по мѣрѣ созрѣванія разсыпаются, такъ что на деревѣ сохраняется только отвѣсно стоящій стержень шишки; — подобно тому, какъ на елку насаживаютъ къ Рождеству Христову свѣчи, такъ и природа украшаетъ дерево, но только весною, когда красное солнышко воскрешаетъ міръ къ новой жизни. Пихта произрастаетъ у насъ почти исключительно въ привислинскихъ губерніяхъ, въ Сибири и на Кавказѣ встрѣчаются цѣлыми лѣсами два другіе вида. Почти совмѣстно съ сибирскою елью, начиная съ сѣверо-востока Россіи, и по всей Сибири распространяется сибирская пихта (Abies sibirica Ledebur), а на Кавказѣ преимущественно въ западной — величественная кавказская (Abies Nordmanniana Steven). Виды пихты за исключеніемъ сибирской глубоко укореняются, взыскательность къ почвѣ у нихъ не больше чѣмъ у ели, но за то они еще болѣе тѣневыносливы, почему и въ старости пихтовыя насажденія держатся сомкнуто. Продолжительность жизни пихты очень велика, европейская достигаетъ 400 и болѣе лѣтъ. Древесина пихты у насъ очень мало употребляется, а въ Сибири преимущественно на выжиганіе угля и рудныя крѣпи (лѣсъ для упоринъ при проведеніи шахтъ).

Лиственница имѣетъ наиболѣе неправильный видъ, вслѣдствіе того что она даетъ много промежуточныхъ вѣтвей между старыми, такъ что мутовчатое расположеніе, свойственное и ей, какъ настоящему хвойному дереву, вполнѣ теряется; притомъ верхушечный побѣгъ обыкновенно длиненъ и слабъ и поэтому свѣшивается нѣсколько внизъ; наконецъ сучья отходятъ отъ ствола довольно горизонтально, затѣмъ свѣшиваются, а верхушки сучьевъ дугою изгибаются снова вверхъ. Хвои мягкія и опадающія, между тѣмъ какъ у всѣхъ другихъ хвойныхъ онѣ жесткія и сидятъ по нѣскольку лѣтъ сряду, до семи. Зимою—вѣтви бородавчатыя; каждая бородавка развиваетъ весною или пучекъ иголъ или вытягивается въ длинную вѣтвь, несущую хвои по одиночкѣ, еще нѣкоторыя развертываются въ соцвѣтія. Шишки—мелкія, созрѣваютъ въ одинъ годъ и не распадаются. Въ настоящее время лиственница встрѣчается въ Россіи лишь въ Литвѣ (если не считать искусственныхъ насажденій). Начиная съ Ветлуги по правой сторонѣ Волги и по всей Сибири растетъ сибирская (Larix sibirica Ledebur). Древесина лиственницы еще прочнѣе сосновой, хорошо идетъ на подводныя постройки. Расположеніе корней тоже что у сосны. Долговѣчность лиственницы простирается болѣе чѣмъ на 500 лѣтъ. Древесина по прочности мало уступаетъ дубу, превосходя послѣдній еще въ томъ отношеніи, что вслѣдствіе особенности пропитывающей ее смолы, ее не точитъ червь.

Кипарисъ напоминаетъ обликомъ пирамидальный тополь, только вся увѣя болѣе скучена и сомкнута, такъ что уже издали онъ выдѣляется своею стройностью. Но это не туземное растеніе, хотя теперь онъ очень распространенъ у насъ въ Крыму. Къ кипарисовымъ принадлежатъ можжевельники и негнойдерево или ягодный тисъ (Taxus baccata Linne). Слѣдуетъ еще упомянуть, что это двудомныя растенія: женскія особи приносятъ ягоды, мужскія—шишки.

Ильмовыхъ, къ которымъ принадлежитъ изображенный видъ **вяза, берестъ**, легко отличить отъ другихъ лиственныхъ породъ: пластинка листа, листовой отгибъ, спускается вдоль черешка съ одной стороны ниже, чѣмъ съ другой, благодаря чему листъ пріобрѣтаетъ разнобокую форму. Но за то довольно трудно различить отдѣльные виды илимовъ; всѣ илимы какъ по наружному виду, такъ и въ сельскохозяйственномъ, а также и въ употребленіи очень сходны и отличимы только по нѣкоторымъ ботаническимъ признакамъ,—такъ у изображеннаго вида цвѣты и рѣснитчатые плоды длинночерешковые, почему называютъ его также вислоплоднымъ илимомъ. Трудно поэтому дать картину распространенія разныхъ илимовъ; встрѣтите его и въ Финляндіи, и на самомъ югѣ, и хотя они выростаютъ значительнымъ деревомъ, но чистыхъ насажденій почти нельзя встрѣтить—наиболѣе къ сѣверу распространенъ вѣроятно вязъ. Стволъ рѣдко правильный, обыкновенно болѣе или менѣе изогнутъ и развѣтвленъ уже довольно низко. Длинные побѣги вслѣдствіе безпрерывнаго появленія все новыхъ и болѣе крупныхъ листьевъ свѣшиваются внизъ,—чѣмъ отдѣльно стоящія дерева илимовъ, въ остальномъ похожія на дубъ, легко отличить отъ послѣдняго. Корни частью глубоко вонзаются въ землю, частью располагаются поверхностно. Древесина очень хорошо противостоитъ удару и давленію, и при отдѣлкѣ очень красива. Илимы, какъ почти всѣ остальныя лиственныя породы, не только цвѣтутъ, но и приносятъ зрѣлые плоды, собранные зелеными пучками, до распусканія листвы, такъ что кажется, будто эта порода дважды зеленѣетъ. Подчасъ на стволѣ образуются пробковые наросты (что однако не представляетъ отличительнаго признака для особаго вида), чаще всего подобныя въ разрѣзѣ звѣздчатыя образованія встрѣчаются у полеваго илима (Ulmus campestris Smith). Въ на-

родѣ полевой илимъ на югѣ обыкновенно называется берестомъ, хотя впрочемъ даютъ это названіе иногда и вязу; нерѣдко илимы называются также карагачами.

Изъ многочисленныхъ видовъ **ивовыхъ** изображена **ива** или **ветла**, *ивушка зеленая*. Невозможно здѣсь вдаваться въ подробности, даже одно перечисленіе всѣхъ народныхъ названій заняло бы слишкомъ много мѣста. Ивовыя чаще кустарники, рѣдко древовидны; мужскіе и женскіе цвѣты собраны простыми сережками, завязь содержитъ много яичекъ, а плодъ—раскрывающаяся двустворчатая коробочка, выпускающая мелкія пушистыя сѣмена. „Когда съ ивы пухъ летитъ, сѣй поздній овесъ“, совѣтуетъ народная мудрость. Листья всегда цѣльные и расположены по одиночкѣ. Одни виды цвѣтутъ до распусканія листвы, другіе въ облиственѣломъ состояніи; пятимужая даже лишь въ августѣ. Древесина ихъ мягкая, малоцѣнная, но кора большинства ихъ содержитъ много дубильныхъ веществъ, а гибкія вѣтви незамѣнимы для плетенія корзинъ. Отъ сѣмянъ иву разводить трудно, но воткнутый въ землю черенокъ, даже колъ, легко укореняется и подобно пню быстро покрывается густою порослью. Ивы хотя и попадаются повсюду, но любятъ селиться преимущественно около береговъ и на сырыхъ мѣстахъ. „Гдѣ вода, тамъ верба; гдѣ верба, тамъ и вода“, ходитъ поговорка.

Изъ **тополей** изображены четыре вида; самый распространенный—**осина**, округлые, зубчатые, длинно-черешковые листья которой трепещутъ при дуновеніи малѣйшаго вѣтерка („осина проклятое дерево—на немъ Іуда удавился, и съ тѣхъ поръ на немъ листъ дрожитъ; осина и безъ вѣтру шумитъ“), притомъ она отличается еще стройностью высокаго безсучковаго ствола. У **осокоря** листья треугольные, лопасти вытянуты почти въ прямую линію, между тѣмъ какъ у **бѣлаго тополя** изрѣдка образуютъ яйцевидный треугольникъ, т. е. лопасти округлены; чаще-же у послѣдняго листья трехъ- или пятилопастные, да кромѣ того на изнанкѣ пушистые. Наконецъ у **раины** или **пирамидальнаго тополя** вѣтви всѣ прижаты къ стволу. Строеніе цвѣтовъ сходно съ тѣмъ, какое у ивъ, только тычинки многочисленнѣе и сидятъ подобно пестикамъ въ женскихъ цвѣтахъ на желѣзистомъ кружкѣ. **Осина**, *горькая осинушка*, или какъ ее нѣмцы называютъ „дрожащій тополь“, повсемѣстно распространена и подчасъ образуетъ цѣлые лѣса, хотя между другими деревьями не особенно пріятно ее имѣть, ибо, благодаря обильному образованію прикорневой поросли, она сильно засоряетъ мѣстность и даже вытѣсняетъ другія породы. На осинѣ почки больщія—къ урожаю ячменя; осина въ сережкахъ — урожай на овесъ. **Осокорь** — величественное дерево водопоемныхъ луговъ; по всѣмъ берегамъ и островкамъ „плавнямъ“ южныхъ рѣкъ или поймамъ Волги красуются его толстые стволы съ широкой, плоско-выпуклой увѣей. Вслѣдствіе темнаго, буроватаго ядра древесины этотъ видъ тополей вѣроятно и получилъ наименованіе чернаго тополя. Осокорь легко разводится по сыпучимъ южнымъ пескамъ и черезъ 15 лѣтъ даетъ хорошій дровяной и баклушный лѣсъ, который безъ вреда можетъ быть вырубаемъ, такъ какъ вскорѣ образуется отъ пня обильная поросль, если только на вырубленныя мѣста не пускать скотъ.

Раина у насъ на югѣ—любимое декоративное растеніе; впрочемъ, оно иноземное и пока разводится черенками.

Наконецъ дошли до **березы**, *кудрявой березки*, которая владычество надъ русскими лѣсами раздѣляетъ только съ сосною. Подобно послѣдней, она мало притязательна къ почвѣ, притомъ, не имѣя рѣдьки, а развѣтвляясь лишь нетолстыми, расходящимися въ сторону на незначительную глубину, корнями, береза отнюдь не нуждается въ глубокой почвѣ. Ее легко отличить и зимою по бѣлой корѣ; къ тому-же и стволъ ея болѣе ровный и высокій, сравнительно съ большинствомъ другихъ лиственныхъ. Увѣя весьма раскидистая, что даетъ старой березѣ кудрявый видъ, тогда какъ въ молодости верхушка заострена, а тонкія вѣтви прижаты къ стволу. Соцвѣтія раннею весною являются уже готовыми, распускаясь прежде листьевъ на верхушкахъ прошлогоднихъ вѣтвей. Мужескіе цвѣты собраны вальковатыми сережками въ кисть, составляющую продолженіе побѣга, тогда какъ женскіе — въ видѣ маленькихъ яйцевидныхъ сережекъ, собранныхъ также въ кисть, — выходятъ тутъ-же при основаніи мужеской кисти изъ угловой почки. Мужескіе цвѣточки собраны группами по три, тогда какъ женскіе сидятъ попарно за своими чешуйками. Береза очень свѣтолюбива, а поэтому опережаетъ всѣ вмѣстѣ съ нею растущія дерева, выбиваясь вверхъ; равно и въ чистомъ насажденіи она рано изрѣживается и, какъ въ бору, въ старомъ березовомъ лѣсу деревья всегда стоятъ просторно и слабо отѣняютъ землю. Тѣмъ не менѣе къ старости верхушка округляется и выросшія на просторѣ деревья вслѣдствіе свѣшиванія длинныхъ гибкихъ вѣтвей принимаютъ видъ, какъ будто у нихъ руки-вѣтви опущены внизъ наподобіе человѣка убитаго горемъ; эти особи представляютъ собою слѣдовательно не особый видъ; часто такія березы называютъ „плакучими“. У нѣкоторыхъ березъ молодыя вѣтви бываютъ обвльно усѣяны бородавками, у другихъ-же вмѣсто бородавокъ вѣтви покрыты мягкимъ пушкомъ. Многіе ботаники поэтому различаютъ бородавчатую березу (Betula verrucosa Ehrhard) отъ пушистой (B. pubescens Ehrhard); послѣдняя особенно распространена на самомъ сѣверѣ. Вѣкъ березы незначителенъ: отъ 120 до 140 лѣтъ, хотя единичныя деревья доживаютъ и долѣе.

Употребленіе древесины березы чрезвычайно разнообразно, а въ крестьянскомъ быту она является одною изъ самыхъ важныхъ породъ: лучину еще долго не вытѣснитъ керосинъ, равно какъ настой спиртовой и отваръ молодыхъ почекъ не выйдетъ изъ употребленія; а березовые вѣники, а уголь, а березовый деготь, употребляемый при изготовленіи черной юфтяной кожи, а наконецъ желтая краска изъ коры и березовый сокъ, добываемый подсочкою березъ (сверлятъ отверстіе въ которое вставляютъ деревянную втулку; по послѣдней высачивающійся сокъ течетъ въ подставленный сосудъ; на зиму отверстіе забивается деревянною пробкою, шпонтомъ) весною; этотъ любимый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ напитокъ также и цѣлебенъ. Добываніе сока конечно губитъ деревья: „березовицы на грошъ, а лѣсу на рубль изведешь“, говорятъ крестьяне. Зато „кабы не лыко, да не береста, такъ бы мужичокъ разсыпался“; верхній слой березовой коры, кромѣ высидки дегтя, идетъ и на подстилку подъ тесовыя кровли, и на подѣлку бураковъ, черпаковъ, берестовыхъ лаптей и проч. На Семикъ дѣвки лентами завиваютъ березку, идутъ въ лѣсъ, кумятся, крестятъ кукушку и ходятъ хороводомъ по деревнѣ.

Хотя береза и значительно распространена, тѣмъ не менѣе, какъ господствующая древесная порода, она достигаетъ своихъ предѣловъ по линіи проведенной отъ Кіева чрезъ Полтаву, средину Харьковской губерніи прямо на Волжскъ по Волгѣ, а оттуда къ Оренбургу; отдѣльными-же деревьями попадается и южнѣе, напр. въ Таврической губерніи, а на Кавказѣ на высотахъ не менѣе 5,000 ф.—даже снова лѣсками.

Ольха и береза составляютъ семейство березовыхъ. Изображенная **черная ольха** выростаетъ роскошнымъ деревомъ; въ то-же время на топкой, болотной зыбинѣ цѣлыя заросли кустарной черной ольхи образуютъ извѣстныя ольховыя трясины, по которымъ лишь съ большимъ трудомъ можно перебраться, перепрыгивая съ кочки на кочку.

Такимъ образомъ, смотря по почвеннымъ условіямъ, преимущественно-же въ зависимости отъ влажности грунта, она вытягивается въ высокое безсучковое почти до верхушки дерево, вышиною до 100 ф., при толщинѣ у комля до аршина и болѣе, или-же прозябаетъ многосучковымъ кустарникомъ. Сходнымъ образомъ относятся и корни—отвѣсные образуются лишь въ глубокой, рыхлой почвѣ, причемъ свѣжесть грунта—непремѣнное условіе. Отъ черной легко отличить бѣлую ольху (Alnus incana De Candolle) по листьямъ: у первой листъ голый, въ молодости клейкій и почти круглый, или часто на концѣ съ выемкой, у бѣлой, напротивъ—листъ заостренный и сѣроватый отъ волосковъ. Серебристо-сѣрый цвѣтъ гладкой коры и особливо нижней стороны листа далъ ей названіе „бѣлой“, у черной — кора темная, а къ старости почти черная. Издали ольху пожалуй можно принять за илимъ, однако по листу и трехрядному расположенію ихъ легко отличить отъ послѣдняго. Черная ольха болѣе распространена въ странахъ съ умѣреннымъ и теплымъ климатомъ, бѣлая напротивъ преобладаетъ на сѣверѣ. По цвѣтамъ ольха отличается отъ березы тѣмъ, что женскія сережки по созрѣваніи не распадаются, а превращаются въ маленькую одеревенѣвшую шишку, похожую на хвойную; по послѣднимъ даже зимою легко отличить ольху. На ольхѣ много сережки—къ урожаю овса, а много шишекъ—къ урожаю ячменя. Древесина не особенно прочна на воздухѣ, но зато подъ водою и въ постоянно сырой землѣ другими нашими породами незамѣнима. „Исподволь и ольху согнешь, а вкрутѣ и вязъ переломишь“, говорятъ крестьяне.

Букъ—высокоствольное дерево съ замѣчательно высоко очищеннымъ, гладкимъ даже въ старости, свѣтло-серебристымъ стволомъ, издали какъ-бы напоминаетъ сытаго, растолстѣвшаго человѣка. Увѣя стараго бука сводообразно округлена и богато снабжена цѣльными, продолговато-яйцевидными, продольно и очередно расположенными, сочно-темнозелеными листьями. Съ молодости онъ переноситъ сильное затѣненіе, почему даже въ старости остается сильно густымъ. Мужескія отвислыя цвѣточныя головки появляются вмѣстѣ со стоячими женскими на одномъ и томъ-же деревѣ. Послѣднія состоятъ изъ двухъ цвѣтковъ, охваченныхъ общимъ четырехраздѣльнымъ покровомъ (плюскою); при созрѣваніи плюска лопается крестообразно, причемъ два трехгранныхъ съѣдобныхъ орѣшка выпадаютъ. Древесина особенно цѣнится за его красоту и легкую обдѣлку при значительной прочности; размягченная водянымъ паромъ, она легко гнется, почему и получила широкое примѣненіе въ издѣліи, какъ гнутая, такъ-называемая вѣнская, мебель. Распространенъ у насъ букъ только въ Крыму, на Кавказѣ, въ Бессарабіи и юго-западныхъ привислинскихъ губерніяхъ.

Дубъ по справедливости называется царемъ чернолѣсья. Смотря по грунту (дубъ любитъ глубокую, не тощую и свѣжую почву, въ которую корни уходятъ далеко) и по густотѣ окружающаго лѣса (это свѣтолюбивая порода), онъ выростаетъ стройнымъ деревомъ или захирѣвшимъ деревцомъ, даже кустикомъ. Дубъ высоко очищается отъ сучьевъ лишь въ лѣсу; на просторѣ онъ рѣдко достигаетъ болѣе 3-хъ саженей вышины и сильно разростается въ сучья, образуя шатеръ, затѣняющій до 15 саж. въ діаметрѣ; но что сберегается древесиною въ вы-

шину, то съ излишкомъ расходуется, можно сказать, въ ширинѣ ствола и толщинѣ сучьевъ — нѣсколько человѣкъ подчасъ не обхватятъ стволъ подобнаго дуба. Красота этого дерева заключается въ неправильномъ, какъ-бы капризномъ, червеобразномъ изгибѣ его сучьевъ, въ причудливости его облика, увеличивающейся еще сѣтчато-растрескавшимся видомъ темносѣрой или бурой коры; притомъ благодаря глубокому укорененію онъ сильно противостоитъ бурямъ, такъ что дубъ справедливо олицетворяютъ могучей силѣ и стойкости. „Держись за дубокъ, дубокъ въ землю глубокъ“, ходитъ поговорка.

Развѣсистый шатеръ и сучья покрыты листвою общеизвѣстной формы: вытянутый кверху, расширенный и тупо-округлый листъ, въ верхней половинѣ лопастный, а въ нижней извилистый. „Когда листъ съ дуба и березы опалъ чисто, будетъ легкій годъ для людей и скота; когда листъ на дубу развернулся въ заячье ухо, сѣй овесъ. Не сѣй пшеницы прежде дубоваго листа“. Мужскія свѣшивающіяся сережки, сидящія при основаніи молодыхъ побѣговъ, отличаются рѣдкоцвѣтностью; женскія — собраны на вершинѣ побѣга и состоятъ изъ трехчленнаго, трехгнѣздаго и краснорыльцеваго пестика, каждый имѣетъ при основаніи маленькое блюдце, состоящее изъ сросшихся прицвѣтниковъ и охватывающее цвѣтокъ снизу. При созрѣваніи плода блюдце сильно разростается (у бука вполнѣ одѣваетъ сѣмя), а изъ гнѣздъ завязи только одно превращается въ крупное сѣмя, всѣмъ извѣстный желудь съ его блюдцемъ. Наиболѣе у насъ распространенъ лѣтній дубъ и всѣ сохранившіеся еще въ средней Россіи лѣса составлены изъ него, женскіе цвѣты и желуди котораго черенковые. Въ юго-западной Россіи попадается зимній дубъ съ сидячими желудями (Quercus sessiliflore Sm.), а на югѣ еще нѣсколько, между которыми замѣчателенъ въ Крыму — пушистый (Q. pubescens Willdenow) съ пушистыми листьями и вѣтвями, а для Кавказа — кавказскій (Q. macranthera Fischer et Meyer). Древесина дуба славится своею прочностью, чѣмъ объясняется то, что вполнѣ дупловатые, вмѣщающіе въ себѣ подчасъ до 15 человѣкъ, стволы еще долго зеленѣютъ, доживаютъ иногда до 1000 лѣтъ, пока буря ихъ не свалитъ. Кора идетъ на дубленіе кожъ, а желуди поджариваютъ и мелятъ на кофе. Такъ-называемые чернильные орѣшки, идущіе на изготовленіе черныхъ „галловыхъ“ чернилъ, происходятъ отъ уколовъ черной орѣхотворки, живущей на особомъ, азіатскомъ видѣ дуба (Q. infectoria); сходные желвачки развиваются и на разныхъ другихъ видахъ дуба.

Грабъ — на югѣ вѣрный спутникъ бука, но его стволъ никогда не бываетъ такъ правиленъ и обыкновенно вскорѣ раздваивается на большое число тонкихъ, удлиненныхъ и тѣсно прижатыхъ другъ къ другу сучьевъ, благодаря чему безлиственная верхушка напоминаетъ собою громадную метлу. Притомъ его стволъ, хотя схожъ съ буковымъ, рѣдко бываетъ правильно округленъ, а большею частью изборожденъ, почему на торцѣ рѣдко имѣетъ правильный видъ. Рѣдка образуется только на глубокой почвѣ. Грабъ почти неистребимъ, такъ какъ даже подъ мордою животныхъ снова отростаетъ на пенькахъ густая поросль, и лишь впослѣдствіи получаетъ онъ притомъ видъ приземистаго конуса, усѣяннаго мельчайшими листьями. Листъ сходенъ съ ильмовымъ, но правильный, по краямъ остро-двупильчатый. Плодъ — орѣшекъ, охваченный большимъ, трехлопастнымъ крыломъ. Кромѣ Крыма и Кавказа, на востокѣ грабъ заходитъ къ намъ съ запада и распространяется до линіи, проведенной отъ Курляндіи черезъ Витебскую губернію на Полтавскую. Древесина бѣлаго и однообразнаго сложенія, хорошо сопротивляется удару и тренію, но коробится, почему мало употребляется столярами, но незамѣнима для кулаковъ — зубьевъ къ зубчатымъ колесамъ, колотушекъ и проч. У древодѣловъ извѣстна подъ именемъ бѣлаго бука древесина граба, привезенная къ намъ изъ-за границы.

Кленовыя наши за исключеніемъ татарскаго клена (Acer tartaricum L.) весьма легко отличимы отъ другихъ породъ формою листа, а также между собою — нѣкоторыми особенностями въ формѣ пластинки. Листья пальчато-лопастные, только у татарскаго цѣльные, яйцевидные, почему народъ мѣтко называетъ его неклёномъ. Это наименованіе уже показываетъ, что у кленовыхъ есть еще болѣе характерный признакъ — это именно двукрылый плодъ, причемъ послѣднія у разныхъ видовъ направлены различно. У татарскаго они отвѣсныя и красныя; водится этотъ видъ въ восточной Россіи. Наиболѣе распространенъ остролистный кленъ (Acer platanoides L.): каждая изъ пяти лопастей пальчатаго листа длинно заострена, да кромѣ того края лопастей имѣютъ еще по нѣскольку крупныхъ, длинно заостренныхъ зубцовъ — отсюда и названіе. Крылья направлены вверхъ и вкось.

У явора лопасти тупы и вслѣдствіе небольшой величины крайнихъ листъ издали кажется трехлопастнымъ; крылья сходятся подъ значительно болѣе острымъ угломъ, нежели у остролистнаго. Яворъ или бѣлый кленъ (Acer pseudo-platanus L.) дѣйствительно является однимъ изъ самыхъ высокихъ деревъ, свойственныхъ средней Россіи. Наконецъ у чернаго клена, который часто также называется **пакленомъ** (Acer. campestre L.), листья мельче чѣмъ у остролистнаго и края лопастей не имѣютъ тѣхъ зубцовъ; крылья направлены горизонтально. Этотъ видъ скорѣе древовидный кустарникъ и изрѣдка бываетъ деревомъ средней величины. Преимущественно ютится онъ по лѣснымъ опушкамъ и по полямъ, почему и названъ полевымъ. Заходитъ онъ сѣвернѣе явора и попадается въ Московской губерніи. На Кавказѣ имѣется еще нѣсколько видовъ. Желтовато-зеленые цвѣты разносоставные, снаружи внутрь по порядку слѣдуютъ: чашечка, вѣнчикъ, оба пятичленные; наконецъ въ однихъ изъ нихъ погруженныхъ въ мясистое широкое донце 5—10 тычинокъ, въ другихъ двустолбчатый пестикъ, окруженный часто зачаточными тычинками, но изрѣдка послѣднія бываютъ вполнѣ развиты, такъ что подобные цвѣты обоеполы. Древесина по свойствамъ подходитъ къ липовой. Къ кленовымъ относится также **конскій каштанъ**, названный такъ благодаря сходству иглистаго плода съ плодомъ съѣдобнаго каштана; во всемъ остальномъ онъ рѣзко отличается отъ послѣдняго. Это дерево перенесено къ намъ изъ Азіи, но выдерживаетъ зиму на защищенныхъ мѣстахъ даже въ Петербургѣ и выростаетъ большимъ деревомъ. Его листья пальчато-разсѣченные, сидящіе какъ у кленовъ, парами; соцвѣтіе въ видѣ свѣчей красиво убираетъ это дерево весною; цвѣты крупные, бѣлые; плодъ — деревянистая коробочка, покрытая мягковатыми шипами. Древесина мягкая, сѣмена идутъ въ кормъ скоту.

Изъ **липъ** главнымъ образомъ распространена **мелколистная** (Tilia parvifolia Ehrh.), листъ которой снизу гораздо свѣтлѣе и въ углахъ главныхъ жилокъ усаженъ пучечками бурыхъ волосковъ. У крупно-листной, встрѣчающейся дико рѣдко даже на Кавказѣ и почти исключительно въ садахъ, листъ съ обѣихъ сторонъ одинаково свѣтлозеленаго цвѣта, а волоски бѣлые, притомъ листъ гораздо крупнѣе и нѣжнѣе на ощупь. Липу легко отличить и зимою: сучья отходятъ подъ довольно острымъ угломъ, ихъ концы же тонки и гибки и свѣшиваются внизъ. Очень старыя, выросшія на просторѣ, липы широко раскидываютъ свои сучья, такъ что ихъ можно принять за дубы, но по изогнутости концовъ (хотя это признакъ здѣсь и не такъ явственный) все-таки можно не ошибиться. Липа еще болѣе дуба расположена къ дупловатости, даже у молодыхъ является сердцевинная гниль, что уже указываетъ на непрочность ея древесины, и дѣйствительно она очень мягка и непрочна, но въ то же время легка, а поэтому хороша для внутреннихъ частей столярныхъ издѣлій, на легкіе ящики, деревянную посуду, ложки, кузовки экипажей и пр. Какъ топливо и какъ строевой лѣсъ, это малоцѣнная порода, впрочемъ крестьяне вслѣдствіе пахучести древесины ея охотно строятъ свои бани. Цѣнное примѣненіе липы — ея лубъ или лыко, употребляющееся въ громадныхъ количествахъ на мочальныя издѣлія: рогожи, цыновки, плетеніе лаптей („сосна кормитъ, липа обуваетъ“) и снастей, а липовые лубки идутъ на покрышку товаровъ. Относительно свѣта и почвы липа не особенно взыскательна; корни могутъ глубоко внѣдряться въ почву. Замѣчательна еще ея обильная побѣгопроизводительная способность: нерѣдко случается замѣтить, что у комля престарыхъ (она живетъ нѣсколько сотнями лѣтъ) липъ еще выступаютъ новые побѣги. Въ цвѣткѣ всѣ части по пяти, только тычинки имѣются въ большемъ числѣ; цвѣты по нѣскольку сидятъ на длинной ножкѣ, снабженной блѣднымъ листочкомъ въ видѣ язычка, до половины къ ней приросшимъ. Плодъ вслѣдствіе незарастанія одногнѣздый и обыкновенно односѣмянный орѣшекъ. Цвѣты даютъ извѣстный потогонный чай, а липовый медъ славится своимъ ароматомъ. Листья распускаются на этой породѣ позже другихъ, равно какъ и цвѣты (обыкновенно въ іюлѣ, отчего и мѣсяцъ этотъ встарину назывался: *липецъ*).

Ясень легко узнать по непарно-перистымъ супротивнымъ листьямъ, а зимою по сѣрымъ, какъ будто тупо обрубленнымъ, вѣтвямъ и матово-черно опушеннымъ почкамъ. Цвѣты, собранные въ вѣтвистые пучки, крошечные и представляютъ обѣдненный типъ сирени; состоятъ они изъ одного пестика съ сердцевидно сдавленною завязью и раздвоеннымъ рыльцемъ, а съ обѣихъ сторонъ пестика торчатъ двѣ тычинки. Впрочемъ, обыкновенно цвѣты разносоставные и на нѣкоторыхъ особяхъ появляются лишь мужескіе, на другихъ — женскіе; наконецъ встрѣчаются съ двуполыми и однополыми цвѣтами вмѣстѣ. Пыльники до лопанія темно-фіолетоваго цвѣта, вслѣдствіе чего еще не раздвинутые мужскіе цвѣты нѣсколько сходны съ ягодками ежевики; тогда мужскіе недѣлимые кажутся усѣянными ягодками, не имѣя еще листьевъ, которые распускаются только послѣ цвѣтенія. Плодъ — крылатка; удлиненное плоское сѣмя, начиная съ основанія, заключено въ длинно вытянутое въ противоположную сторону крыло. Ясень на хорошей, плодородной, глубокой и свѣжей почвѣ (корни вонзаются глубоко) выростаетъ въ стройное многосаженное дерево съ широко раскинутымъ шатромъ. Концы вѣтвей, особливо у деревъ средняго возраста, загибаются дугой не внизъ, а вверхъ, толстые же сучья отстоятъ взаимно довольно далеко. Это дерево доходитъ даже до Петербурга; на югѣ въ горахъ смѣняется остроплоднымъ (Fraxinus oxyphylla Marschall Bieberstein). Древесина его крѣпка, упруга, вязка и очень сухая (содержитъ не болѣе 35% воды), почему изъ свѣже-срубленныхъ вѣтвей легко разводить огонь; особенно много разрабатывается ясеневая древесина столярами; дрова ясеневыя сухи, и даютъ много жару. Кора идетъ на дубленіе и употребляется вмѣсто хины.

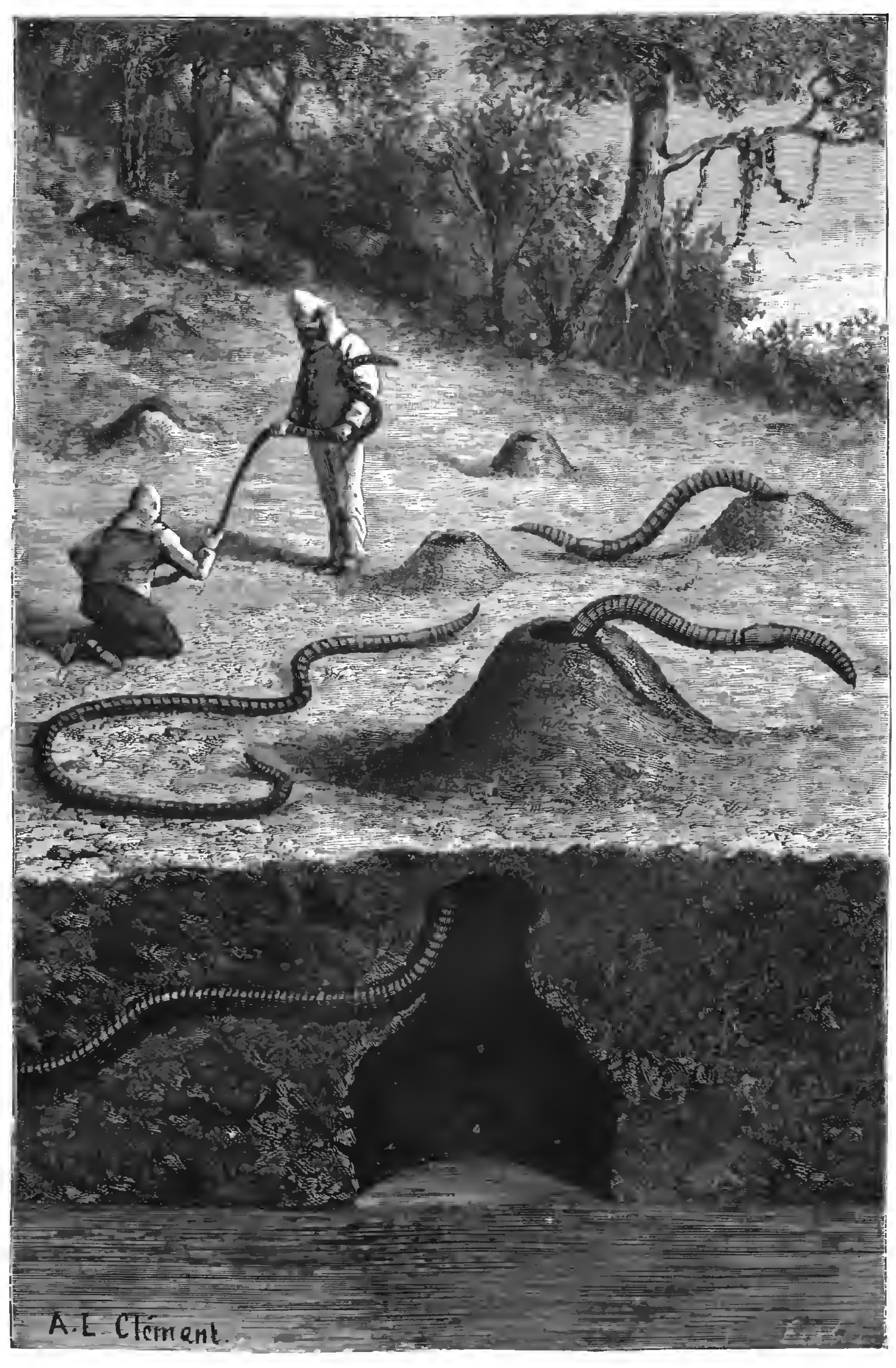
В. Грубе.

Къ рисункамъ.

Военно-Грузинская дорога. Анануръ.

(Рис. на стр. 673).

Въ 1784 году, непосредственно за ратификаціей трактата между Екатериной II и Грузинскимъ царемъ Иракліемъ, командующій войсками на Кавказской линіи, графъ П. С. Потемкинъ, послалъ поручика Пшичевича черезъ горы въ Тифлисъ, съ извѣщеніемъ царя Ираклія о скоромъ своемъ къ нему прибытіи. Пшичевичъ былъ первый русскій офицеръ, оставившій намъ чрезвычайно интересное описаніе, недавно напечатанное въ Запискахъ Историческаго Общества, о тогдашней поѣздкѣ по этому трудно доступному пути. Отъ Владикавказа до Ананура прошелъ онъ рядъ страшныхъ ужасовъ: дорога шла во многихъ мѣстахъ по карнизамъ скалъ, терялась въ лѣсныхъ дебряхъ, находилась подъ грозою снѣжныхъ обваловъ и была такъ опасна, отъ безпрестанныхъ нападеній лезгинъ, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ терялъ надежду увидѣть Тифлисъ. Наконецъ, на шестой день подобныхъ мученій, подвезли его къ монастырю, расположенному на той сторонѣ перевала, въ мѣстности чрезвычайно живописной и по своей

Австралійскій земляной червь (Megascolides australis). Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

растительности говорящей уже о южномъ климатѣ. Монастырь этотъ назывался Анануромъ. Къ удовольствію своему нашелъ онъ тутъ часть русскихъ егерей изъ отряда Бурнашева, которые успѣли уже устроиться по-русски, а рядомъ съ ихъ жильемъ начинало зарождаться и мѣстечко. Отъ Ананура онъ доѣхалъ уже безпрепятственно до Тифлиса. Съ того времени и началъ этотъ этапъ Военно-грузинскаго пути имѣть свое значеніе, тутъ построился рядъ духановъ и домиковъ, а когда князь Барятинскій проложилъ превосходное шоссе отъ Тифлиса до Владикавказа, то одною изъ станцій на немъ сдѣлался Анануръ. Туристы, восхищающіеся замѣчательною живописностью нашей Военно-грузинской дороги, ѣздятъ по ней не спѣша и въ особенности любятъ Млеты, Пассанауръ и Анануръ — три станціи, на которыхъ они чаще всего останавливаются.

Лѣтній день. (Рис. на стр. 676).

„Не бойся!“ услыхалъ я въ шепотѣ листовъ:
„Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!
„Русалка никогда подъ купою березъ
„Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ косъ,
„И никогда въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ
„Не встрѣтишь ты лѣсныхъ, уродливыхъ духовъ.
„Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепну!
„Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну,
„Одну красавицу изъ ближняго села...
„Она свѣжа какъ май, какъ юноша смѣла...
„Она садится здѣсь на край гнилаго пня,
„Къ ладони жаркую головку приклоня;
„Она садится здѣсь печальна и одна,
„Въ неодолимыя мечты погружена,
„И долго слушаетъ какъ соловей гремитъ—
„И не по твоему желаетъ и груститъ.
„Но не спѣши бѣжать навстрѣчу къ ней!..
„Всѣхъ сказочныхъ чудесъ—повѣрь!—она страшнѣй;
„И можетъ-быть, увы!“ шепталъ мнѣ лѣсъ густой,
„Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
„И для души твоей придетъ пора чудесъ,
„Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ.“

Я. Полонскій.

Римская матрона въ термахъ. (Рис. на стр. 677).

У римлянъ термами назывались обширныя публичныя бани. Въ нихъ, на ряду съ разными приспособленіями для купанья, устраивали помѣщенія для тѣлесныхъ упражненій, для бесѣдъ, для прогулокъ и научныхъ лекцій. При термахъ были библіотеки и собранія произведеній искусствъ; въ нихъ сходились чтобы провести время праздные римляне и римлянки. Онѣ отстраивались съ замѣчательною роскошью и развалины ихъ до сихъ поръ вызываютъ удивленіе туристовъ. Первыя роскошныя термы были предоставлены на всеобщее пользованіе въ Римѣ при Августѣ на Марсовомъ полѣ. Тамъ-же были построены термы Нерономъ, возобновленныя Александромъ Северомъ. Самыя роскошныя термы были воздвигнуты Каракаллой къ юго-востоку отъ Авентинскаго холма и Діоклеціаномъ въ восточной части Квиринала. Развалины ихъ представляютъ до сихъ поръ величественное зрѣлище.

Веселый мальчуга. (Рис. на стр. 681).

Художники Дворакъ, Стукъ и Край, извѣстны какъ талантливые рисовальщики дѣтей, съ ихъ горемъ и радостями, во всевозможныхъ проявленіяхъ изобрѣтательности дѣтскаго ума, при самой простой, нехитрой обстановкѣ. Какъ образецъ подобныхъ произведеній, мы помѣщаемъ на стр. 681 рисунокъ перваго изъ помянутыхъ живописцевъ. На немъ изображенъ шалунъ-мальчикъ, который надѣлъ на себя чью-то чужую, слишкомъ большую шляпу и, весело улыбаясь, очень доволенъ своей выдумкой.

Видъ Китаева. (Рис. на стр. 684).

Окрестности поселья Китаева и Китаевской пустыни, находящейся въ десяти верстахъ отъ Кіева, принадлежатъ къ числу живописнѣйшихъ въ Россіи. Дорога къ нимъ идетъ съ горъ Кіевскихъ, на берегъ Днѣпра, ниже монастыря Выдубицкаго, на устьѣ Лыбеди, а оттуда вдоль самой рѣки подъ навѣсомъ утесовъ. Преданіе гласитъ, что окрестность пустыни Китаевской была любимымъ мѣстомъ отдохновенія князя Андрея Боголюбскаго; здѣсь будто-бы находился загородный домъ его, называвшійся въ простонародіи Китаемъ, отъ чего и пустынь получила де свое наименованіе. Съ вершины горы, на которой доселѣ еще показываютъ мѣсто дворца великокняжескаго, сквозь чащу лѣса прорывается очаровательный видъ на синюю струю Днѣпровскую и необъятный горизонтъ черниговской дебри, изображенный нашимъ художникомъ.

Разоренная татарами, обитель Китаевская обновлена въ началѣ XVIII в. кіевскимъ намѣстникомъ, кн. Голицынымъ, во имя Преподобнаго Сергія.

Крестьянская свадьба въ Сербіи. (Рис. на стр. 685).

У сербскихъ простолюдиновъ браки совершаются не столько по сердечному влеченію, сколько изъ матеріальныхъ разсчетовъ семействъ жениха и невѣсты. Когда сватовство слажено сватами, назначается для бракосочетанія одинъ изъ праздниковъ или воскресныхъ дней. Невѣста, въ сопровожденіи дружекъ, родственниковъ и другихъ близкихъ лицъ, отправляется на лошади торжественнымъ поѣздомъ съ музыкантами или даже съ однимъ волынщикомъ къ дому жениха. Братья невѣсты въ привѣтливыхъ выраженіяхъ передаютъ невѣсту жениху. Послѣ того отправляются въ церковь. Тамъ, во время бракосочетанія, священникъ соединяетъ бѣлымъ платкомъ руки невѣсты и жениха, послѣ чего шафера покрываютъ головы вѣнчающихся тяжелою тканью, предназначенною невѣстѣ въ подарокъ, а сверху надѣваютъ вѣнцы; священникъ надѣваетъ на указательные пальцы лѣвой руки обручальныя кольца. Окончаніе вѣнчальнаго обряда возвѣщается населенію музыкою и пистолетными выстрѣлами. На обратномъ пути изъ церкви всѣ предаются необузданному веселью и свадебный поѣздъ участниковъ, въ живописныхъ и своеобразныхъ нарядахъ, представляетъ красивую картину, какъ это можно видѣть на стр. 685. Въ домѣ невѣсты ея мать встрѣчаетъ молодыхъ, предлагая имъ съ благословеніями хлѣбъ и вино, послѣ чего всѣ присутствующіе садится за столъ. При разставаніи молодая цѣлуетъ всѣхъ гостей въ лѣвую щеку, за что тѣ одариваютъ ее деньгами.

Австралійскій червь (Megascolides australis).
(Рис. на стр. 689).

Въ южной Африкѣ и Австраліи водятся дождевые черви огромной величины. О самомъ большомъ изъ видовъ, встрѣчающихся въ Гипсландѣ (въ Австраліи), сдѣлано недавно сообщеніе профессоромъ зоологіи Мельбурнскаго университета Балдвиномъ Спенсеромъ. Червякъ этотъ (Megascolides Australis) достигаетъ длины шести англійскихъ футовъ; его находятъ на обрывистыхъ берегахъ рѣчонокъ и подъ срубленными стволами деревьевъ, а иногда вырываютъ плугомъ изъ земли. Вѣрнѣйшимъ признакомъ присутствія червя подъ землей служитъ ясно слышимое клохтанье, производимое пресмыкающимся, когда наступятъ на землю ногой. Червякъ живетъ чаще всего въ мѣстахъ, гдѣ земля изрыта кротовыми норами. Кротъ вырываетъ узкій земляной ходъ, ведущій въ болѣе широкое помѣщеніе, пересѣченное во всѣхъ направленіяхъ ходами червя. При входѣ въ нору, находится почти всегда большая конусообразная куча помета, принадлежащая однако не червю, а кроту; что касается перваго, то, по сдѣланнымъ наблюденіямъ,— въ противоположность нашему дождевому червю,—онъ никогда не оставляетъ своего помета на поверхности почвы. Куда дѣвается то огромное количество земли, которое онъ, при поступательномъ движеніи впередъ, пропускаетъ сквозь свое тѣло,— пока еще не изслѣдовано. Между тѣмъ какъ наши дождевые черви перетаскиваютъ въ свои норы листья и другія части растеній, въ австралійскомъ червѣ не наблюдалось ничего подобнаго. Вытащить его изъ норы цѣликомъ чрезвычайно трудно. Если разрыть ходъ, червякъ съ величайшей быстротой уходитъ въ землю, издавая вышеупомянутое своеобразное клохтанье. Если его схватить посрединѣ тѣла, то онъ прицѣпится обоими концами къ стѣнкамъ норы съ такой силой, что его легче перервать пополамъ, чѣмъ оторвать отъ земли. Ходы, имѣющіе ¾ д. въ діаметрѣ, внутри смазаны слизистою жидкостью, выступающей изъ спинныхъ поръ червя и облегчающей ему движеніе впередъ. Движеніе это происходитъ такимъ образомъ, что червь поднимаетъ сначала одинъ конецъ тѣла и, держась въ такомъ положеніи, съ силой притягиваетъ остальную часть корпуса; при слѣдующемъ движеніи другой конецъ подымается и служитъ точкой опоры, остальная часть корпуса вытягивается впередъ. Эта смѣна движенія происходитъ такъ быстро, какъ будто червякъ равномѣрно переступаетъ ногами. Внѣ норы, когда тѣло его не находится на всемъ своемъ протяженіи въ соприкосновеніи съ землей, червякъ не дѣлаетъ попытокъ къ движенію и лежитъ въ бездѣйствіи. Запахъ его напоминаетъ креозотъ, а когда червь разлагается, то образуетъ маслянистую жидкость, которою туземцы пользуются какъ средствомъ противъ ревматизма. Домашнія птицы не употребляютъ въ пищу этого вида червей ни живыми, ни мертвыми. (с.)

Подъемныя средства на башню Эйфеля.
(Рис. на стр. 692 и 693).

Подъемныя средства на Эйфелеву башню весьма разнообразны; на вкусъ каждаго найдется особый способъ. Прежде всего—знаменитыя лѣстницы перваго этажа, которыя, благодаря низкимъ ступенямъ, частымъ площадкамъ и постоянно смѣняющейся панорамѣ вокругъ, не вызываютъ никакого утомленія. Всѣ, поднимавшіеся по нимъ, единогласно утверждаютъ, что достичь этого этажа гораздо легче, чѣмъ подняться на пятый этажъ многихъ парижскихъ домовъ. Такихъ лѣстницъ четыре; онѣ расположены между четырьмя столбами. Другія четыре лѣстницы ведутъ изъ перваго этажа во второй; эти послѣднія витыя и менѣе отлоги. Отъ втораго этажа до верху имѣется еще 160 метровъ винтовой лѣстницы, но она предназначается исключительно для служебныхъ цѣлей. Посѣтители же, для того чтобы подняться въ третій этажъ, въ знаменитую залу съ зеркальными стѣнами, имѣющую болѣе 25

аршинъ длины и ширины, должны прибѣгать къ помощи подъемныхъ машинъ. На первый и второй этажъ можно также, помимо лѣстницъ, подниматься на такихъ же машинахъ. Способъ этотъ предпочитается многими, ради сбереженія времени и усилій, а также ради ознакомленія съ новымъ ощущеніемъ — подниматься въ пространство безъ сотрясенія, толчковъ и всего того, чтò могло бы нарушить иллюзію какъ бы убѣгающаго отъ насъ міра... Ощущеніе это можетъ сравниться съ путешествіемъ на воздушномъ шарѣ, въ саняхъ или на пароходѣ, по совершенно гладкой поверхности воды и при полномъ отсутствіи вѣтра. Между этажами башни находится въ дѣйствіи три системы подъемныхъ машинъ. Двѣ изъ нихъ, системы Ру-Комбалюзье и Лепана, поддерживаютъ сообщеніе только съ первымъ этажемъ. Двѣ другихъ, американской системы Отиса, по желанію поднимаютъ пассажировъ почти моментально въ первый и второй этажъ. Отъ втораго этажа къ вершинѣ башни ведетъ одна только машина, системы Эду, которая съ послѣдней выставки не переставала работать въ Трокадеро и пользовалась большимъ успѣхомъ.

Двигателемъ всей системы машинъ является давленіе воды, которая дѣйствуетъ изъ резервуаровъ, находящихся во второмъ этажѣ и даже наверху башни. Верхняя цистерна можетъ вмѣщать не менѣе 20,000 литровъ воды. Локомобиль, помѣщающійся у подошвы башни, безостановочно поднимаетъ воду въ названные бассейны, такъ сказать, силохранилища, изъ которыхъ она будетъ расходоваться по мѣрѣ надобности.

Большинство подъемныхъ системъ, дѣйствующихъ вертикально, неудобопримѣнимы для нижнихъ этажей башни. Ходы оставленные для подъемовъ въ столбахъ, не только наклонны, но, между первымъ и вторымъ этажемъ, имѣютъ даже значительный изгибъ. Верхній подъемъ, хотя и вертикаленъ, но встрѣчаетъ также не совсѣмъ обыкновенныя условія. Чтобы справиться со всѣми этими затрудненіями, пришлось придумать новыя комбинаціи.

Общество Ру-Комбалюзье и Лепанъ установило, какъ мы уже говорили, двѣ машины идущія только до перваго этажа. Каждый изъ этихъ подъемовъ имѣетъ по двѣ безконечныя цѣпи, состоящія изъ толстыхъ желѣзныхъ звеньевъ около метра длины. Обѣ цѣпи идутъ параллельно и дѣйствуютъ совершенно одинаково. По мѣрѣ того какъ звено одной цѣпи подвигается впередъ, подвигается и соотвѣтственное звено другой цѣпи.

Каждая цѣпь помѣщена между двухъ рельсовъ (катковъ), которые не позволяютъ ей скатиться внизъ. Звено цѣпи попадаетъ въ колесико съ углубленіемъ, подобно тому какъ при четырехугольныхъ колесахъ, вокругъ которыхъ вращается такъ-называемая дреговая цѣпь.

Самымъ интереснымъ въ этой системѣ является тотъ способъ, которымъ дѣйствуютъ колеса; а именно: они не перетаскиваютъ цѣпь черезъ верхній валекъ, а подталкиваютъ отдѣльныя звенья цѣпи снизу вверхъ. Такимъ образомъ цѣпь, или лучше сказать обѣ цѣпи, могли бы, хотя это совершенно невѣроятно, порваться, безъ всякаго вреда для пассажировъ. Камера продолжала бы двигаться вверхъ подталкиваемая обрывками цѣпи, оставшимися между рельсами. Быстрота подъема при этой системѣ достигаетъ одного метра въ секунду, слѣдовательно, весь путь продолжается одну минуту. Двухъэтажная камера подымаетъ 200 персонъ сразу.

Кому угодно во второй этажъ! Здѣсь уже все чисто по американски: всѣ торопятся, спѣшатъ. Во второй этажъ машина подымается во столько же времени, сколько требуется для подъема въ первый этажъ. Камера, по системѣ Отиса, поднимается по наклонному и дугообразному пути посредствомъ весьма простаго механизма. А именно: кабель, дойдя до находящейся во второмъ этажѣ катушки, снова опускается къ землѣ и здѣсь наматывается на исполинскій блокъ, каждая отдѣльная часть котораго или каждая катушка, если можно такъ назвать ее, состоитъ изъ 6 колесъ въ 14 метровъ діаметромъ. Сильные автоматическіе тормазы служатъ предупрежденіемъ всякой опасности; къ тому же система Отиса не нова и давно уже испробована.

То же самое можно сказать и о третьей машинѣ, системы Эду, которою надо пользоваться для подъема на третій этажъ, въ знаменитую стеклянную залу, изъ которой зритель, защищенный отъ вѣтра, можетъ наслаждаться несравненною панорамой, разстилающейся на 100 километровъ вокругъ. Машина Эду, дѣйствующая въ значительномъ числѣ парижскихъ домовъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ металлическаго столба, на верхнемъ концѣ котораго утверждена камера; другой конецъ его движется въ пустомъ цилиндрѣ, который помѣщается подъ землей, на подобіе колодца. Вода, нагнетаемая въ цилиндръ, поднимаетъ кверху, подобно поршню, металлическій стержень, а слѣдовательно и самую камеру съ ея грузомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что для машины Эду требуется глубина ниже исходной точки, равная той высотѣ, на которую онъ долженъ подняться. Геніальная идея, положенная въ основаніе устройства 3-го подъема, состоитъ именно въ томъ, что эту исходную точку нашли возможнымъ принять на половинѣ всего пробѣгаемаго пути. Разсматривая внимательно башню, можно замѣтить внутри, около восьмаго колѣна верхней части, небольшую террасу; отсюда и начинается подъемъ машины Эду. Ниже террасы, подобно колодцу, помѣщается пустой цилиндръ съ металлическимъ стержнемъ, поднимающимъ камеру до стеклянной залы. Укрѣпленная на металлическомъ поршнѣ камера соединена съ кабелемъ, перекинутымъ черезъ катушку на вершинѣ башни. Къ другому концу этого кабеля прикрѣплена другая камера, которая, по мѣрѣ поднятія первой, опускается, и наоборотъ. Длина кабеля между прочимъ такъ разсчитана, что въ тотъ моментъ когда металлическій поршень весь войдетъ въ цилиндръ, или, другими словами, когда машина находится на нижнемъ концѣ своего пути, обѣ камеры останавливаются въ среднемъ этажѣ одна возлѣ другой. Но вотъ машина приводится въ дѣйствіе; первая камера поднимается, вторая, вслѣдствіе того, опускается и, такъ какъ терраса находится какъ разъ по серединѣ пробѣгаемаго пути, то первая камера достигаетъ стеклянной залы въ тотъ моментъ, когда вторая опустится во второй этажъ. Здѣсь она принимаетъ пассажировъ, между тѣмъ какъ первая всегда возвращается порожнемъ. Обѣ камеры останавливаются въ среднемъ этажѣ; пассажиры второй пересаживаются въ первую и поднимаются на вершину, пройдя путь въ 160 метровъ въ два этапа. Эти камеры не имѣютъ ничего общаго съ тѣми коробками, въ которыя сажаютъ пассажировъ при обыкновенныхъ подъемныхъ машинахъ. Онѣ поднимаютъ по 63 человѣка заразъ, и все путешествіе взадъ и впередъ продолжается не болѣе 5 минутъ. Переходъ изъ одной камеры въ другую, въ видахъ порядка и сбереженія времени, устроенъ такъ, что пассажиры входятъ съ одной стороны, а выходятъ съ другой.

Система сильныхъ тормазовъ и здѣсь, какъ и при другихъ подъемахъ, предупреждаетъ всякую опасность. Самое непріятное, что можетъ постигнуть пассажировъ, это — остановка на полъ-пути въ ожиданіи помощи съ внутренней лѣстницы. И такъ резюмируемъ: башня Эйфеля, кромѣ лѣстницъ, имѣетъ пять подъемныхъ машинъ. Онѣ такъ разсчитаны, чтобы доставлять въ часъ 2,350 персонъ въ первый и второй этажи и 750 на вершину башни.

По лѣстницамъ и по машинамъ могутъ одновременно подниматься на башню до 5,000 человѣкъ въ часъ, и при помощи обоихъ подъемовъ Отиса и Эду, достигнуть вершины башни можно въ 5 минутъ. Для производства всей работы, т. е. подъема должнаго количества воды въ верхніе резервуары, требуется 400 лошадиныхъ силъ. Подъемы эти будутъ, по всей вѣроятности, играть не послѣднюю роль въ ряду тѣхъ чудесъ механики, которыя предстоитъ увидѣть тѣмъ кто побываетъ лѣтомъ текущаго года на Марсовомъ полѣ.

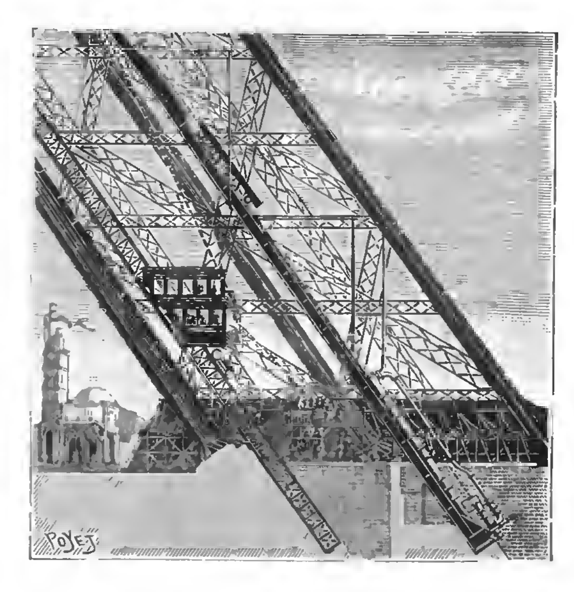
Политическое обозрѣніе.

Тревожное и не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе, произведенное тронною рѣчью императора Франца-Іосифа при пріемѣ австро-венгерскихъ делегацій, совершенно исчезло, отчасти благодаря личнымъ объясненіямъ Австро-Венгерскаго императора, которыя онъ сообщилъ депутату Демелю, въ бесѣдѣ съ нимъ, отчасти сообщеніямъ графа Кальноки передъ делегаціями, а главнымъ образомъ—настоящему положенію дѣлъ. Только на болгарское правительство австрійская тронная рѣчь произвела пріятное впечатлѣніе, о чемъ спѣшитъ сообщить австровенгерская печать. Пештская оффиціозная *Nemzet* присовокупляетъ, что Стамбуловъ поспѣшилъ выразить Вѣнскому двору признательность принца Фердинанда и свою собственную за милостивое отношеніе императора къ Болгаріи. Рядомъ съ этимъ нельзя обойти молчаніемъ, что при объясненіяхъ графа Кальноки предъ делегаціями Венгерскаго сейма, многіе изъ особенно ретивыхъ депутатовъ не могли удержаться отъ оживленныхъ и воинственныхъ рѣчей, не вполнѣ гармонировавшихъ съ примирительнымъ тономъ сообщенія Кальноки. *Journal de S.-Pétersbourg* говоритъ по этому поводу: „Послѣ делегаціи австрійской гр. Кальноки долженъ былъ поддерживать свою политику передъ делегаціею венгерскою. Парламентскія пренія въ этомъ собраніи отмѣчены, по обыкновенію, большимъ оживленіемъ, чѣмъ въ собраніи делегатовъ другой половины монархіи, причемъ и въ фантазіи тоже въ нихъ недостатка не бываетъ. Одинъ изъ наиболѣе блестящихъ ораторовъ оппозиціи, графъ Альбертъ Аппоньи, отдавая справедливость заслугамъ графа Кальноки, заявилъ о желаніи видѣть политику болѣе рѣшительною и болѣе увѣренною въ самой себѣ: онъ желалъ бы именно, чтобы Австрія поддержала короля Милана. Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ эта поддержка могла бы осуществиться и какимъ образомъ иностранная держава могла бы помѣшать главѣ независимаго государства отказаться отъ короны, если имъ это признано необходимымъ: собственные интересы этого главы государства, разумѣется, ему самому не менѣе дороги, чѣмъ кому бы то ни было другому... Другой ораторъ, г. Ашботъ, повидимому, совсѣмъ забылъ, что Сербія и Румынія государства не-

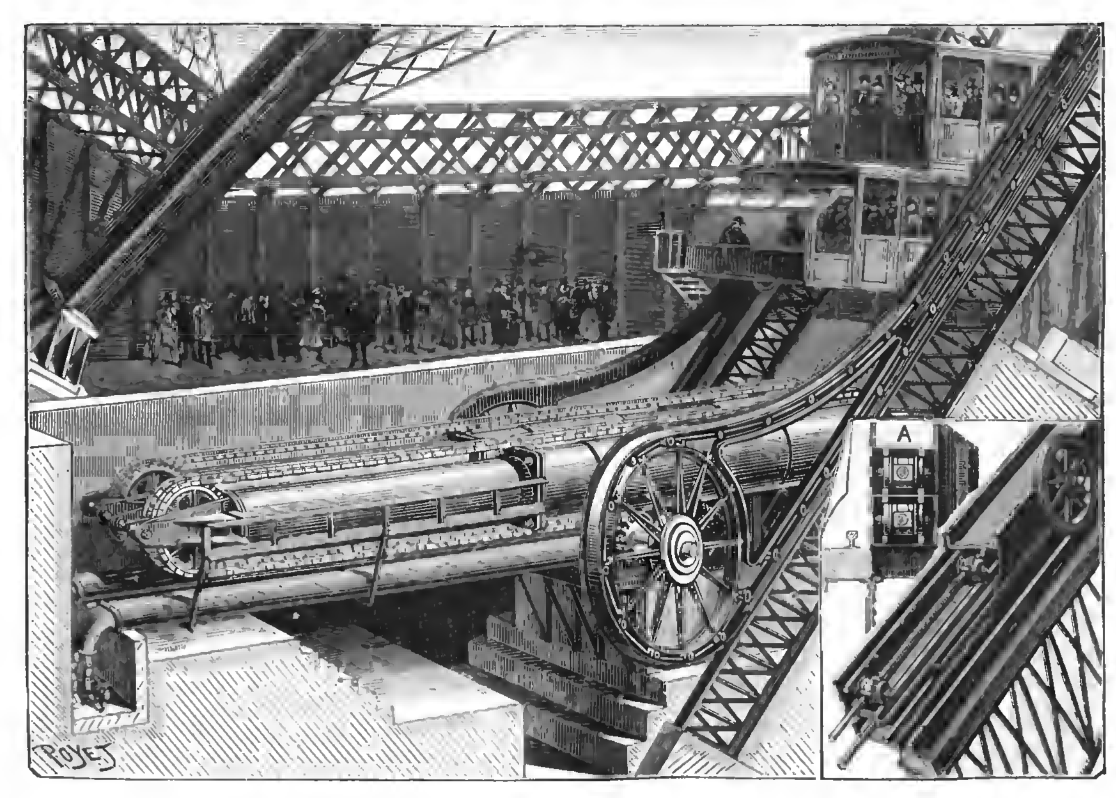
зависимыя и имѣютъ прежде всего обязательства передъ самими собой. Онъ распредѣлилъ по своему тѣ 200 тысячъ человѣкъ, которые составляютъ арміи этихъ двухъ странъ, и желалъ бы дать имъ назначеніе, для котораго отнюдь, какъ кажется, не созданы эти арміи. И сербы и румыны вѣдь, безъ всякаго сомнѣнія, содержатъ свои арміи для защиты только своихъ собственныхъ интересовъ. Гр. Кальноки возобновилъ свои предшествовавшія объясненія и, отвѣчая одному делегату, поднявшему болгарскій вопросъ, просилъ, чтобы этотъ вопросъ оставленъ былъ въ сторонѣ, напомнивъ при этомъ, что требуется признаніе всѣхъ державъ для того, чтобы придать легальный характеръ нынѣшнему болгарскому режиму. Скажемъ со своей стороны, что въ томъ, что касается этой несчастной страны, точка зрѣнія Россіи, основанная на правѣ и уваженіи къ трактатамъ, хорошо извѣстна всѣмъ: намъ не зачѣмъ къ ней возвращаться". Обсужденія иностранныхъ дѣлъ въ венгерской делегаціи окончились утопическимъ пожеланіемъ депутата Чернатони организовать европейскій конгрессъ для разрѣшенія спорныхъ между великими державами вопросовъ.

Вслѣдъ за этими событіями, маленькая Сербія, сильно обезпокоивающая въ настоящее время свою сосѣдку Австрію, отпраздновала 500-лѣтнюю годовщину Коссовской битвы и торжественно мѵропомазала своего юнаго короля Александра. Пять столѣтій тому назадъ на Коссовскомъ полѣ, у самой границы Сербіи съ Босніей, 15 іюня произошла знаменитая битва между турками, подъ водительствомъ Мурада I, и сербами,

Всемірная Парижская выставка 1889. Разрѣзъ подъемной машины Отиса на башнѣ Эйфеля. Грав. Пойэ.

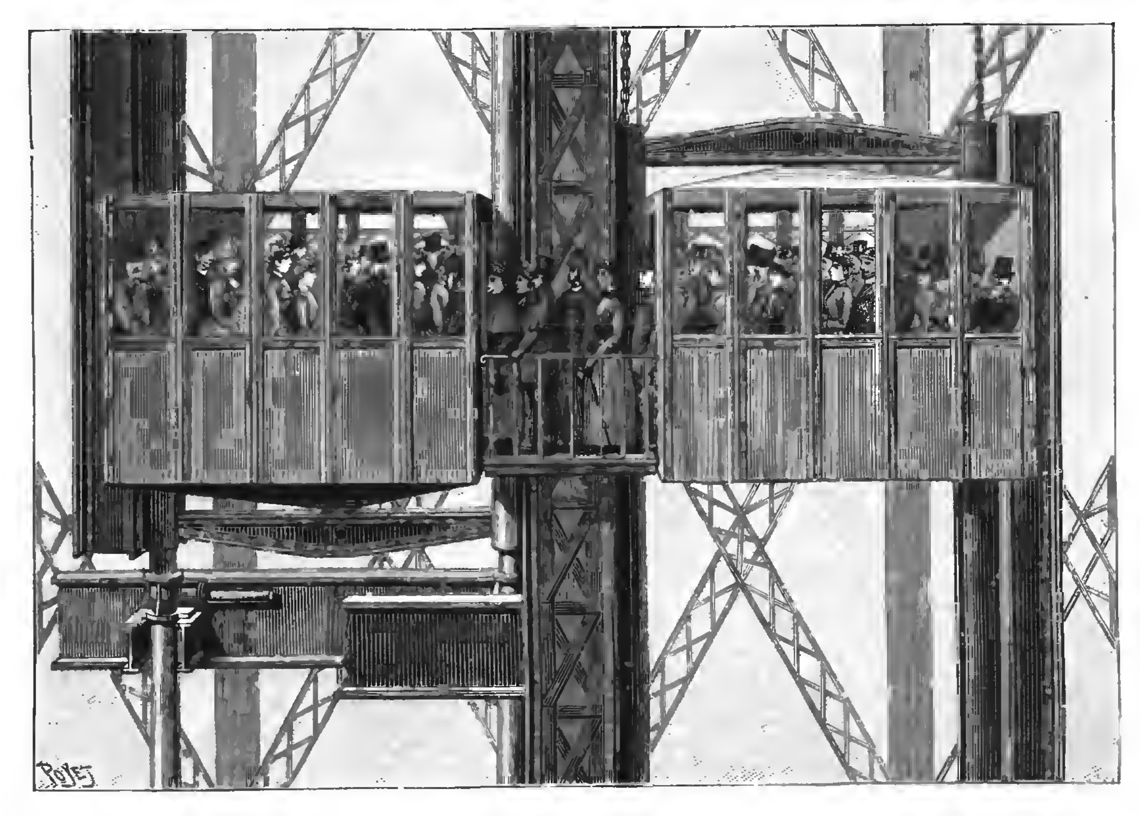

Всемірная Парижская выставка 1889. Нижній механизмъ подъемной машины Отиса. Грав. Пойэ.

Всемірная Парижская выставка 1889. Механизмъ подъемной машины Ру-Комбалюзье и Лепапа на первомъ этажѣ башни. Грав. Пойэ.

во главѣ которыхъ былъ царь Лазарь. Въ битвѣ пали оба предводителя и съ того времени начался упадокъ могущества Сербскаго королевства. Торжественное воспоминаніе этого событія, являющагося какъ бы послѣднимъ проявленіемъ нѣкогда сильнаго королевства, состоялось въ Крушевцѣ, старинномъ и прежде славномъ городѣ. Нынѣ Крушевацъ небольшой провинціальный городокъ, въ которомъ не насчитываютъ и 5,000 жителей, но въ день торжества населеніе его удвоилось, а праздникъ если и не отличался особенною пышностью, то во всякомъ случаѣ надолго останется у многихъ въ памяти по своей задушевности и патріархальности. Въ Крушевцѣ короля встрѣтили восторженно. На тріумфальной аркѣ написаны были названія всѣхъ земель стараго Сербскаго царства. Королю бросали подъ ноги цвѣты и вѣнки. Въ церкви царя Лазаря короля встрѣтилъ митрополитъ Михаилъ съ епископомъ Іеронимомъ и духовенствомъ, съѣхавшимся изъ всѣхъ церквей и монастырей временъ царя Лазаря. Коссовское торжество началось всенощнымъ бдѣніемъ. Городъ покрылся траурными флагами. Стеченіе народа было громадное. 16 іюня городъ украсился, вмѣсто траурныхъ, національными флагами. До полудня состоялась закладка пороховаго завода. Первый камень положилъ король. Послѣ полудня былъ концертъ всѣхъ хоровъ для сбора на Коссовскій памятникъ. Въ 7 часовъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ король, высшее духовенство, сановники и иностранные гости. Первый тостъ былъ провозглашенъ въ честь короля головою древней Сербской столицы, который выразилъ желаніе, чтобы при королѣ Александрѣ возобновилась славная эпоха стараго Сербскаго царства. По повелѣнію короля, отвѣчалъ генералъ Груичъ. Онъ сказалъ, что завѣтное желаніе Сербскаго народа можетъ осуществиться только при безграничной преданности трону, согласіи въ народѣ и его единодушіи. Отъ имени иностранныхъ гостей провозгласилъ тостъ корреспондентъ *Times*, а отъ русскихъ гостей говорилъ профессоръ Кулаковскій, пожелавшій сербскому народу единенія и процвѣтанія, а королю могущества и славы. Тостъ этотъ былъ принятъ восторженно; по требованію присутствовавшихъ, оркестръ исполнилъ русскій гимнъ, прослушанный гостями стоя, послѣ чего раздалось „живіо". Въ 10 часовъ было факельное шествіе ко дворцу. Въ другихъ мѣстахъ королевства сербы также отпраздновали этотъ день; только ихъ соплеменники, живущіе въ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи, были лишены возможности справить свой національный праздникъ. Во избѣжаніе якобы демонстрацій въ велико-сербскомъ духѣ, были приняты полицейскія мѣры, не разрѣшавшія сербамъ Хорватіи, Венгріи, Босніи и Герцеговины отпраздновать этотъ великій для нихъ день. Въ печати и въ населеніи высказывается сильное негодованіе противъ Австріи по поводу принятыхъ ею самыхъ крутыхъ мѣръ, съ цѣлью пресѣчь всякое участіе мѣстныхъ сербовъ въ народномъ праздникѣ Сербіи. Въ Панчовѣ православное населеніе, собиравшееся на панихиду по коссовскимъ героямъ, было разогнано полиціей при участіи войскъ. Вѣсть объ этомъ происшествіи произвела здѣсь потрясающее впечатлѣніе. Затѣмъ, во вторникъ, 20 іюня, состоялся обрядъ мѵропомазанія Сербскаго короля Александра I въ Кралевѣ. Туда прибылъ русскій посланникъ для присутствованія при мѵропомазаніи короля. Посланника встрѣтили за городомъ власти и адъютантъ короля. По прибытіи посланника въ отведенное ему помѣщеніе пѣвческое общество пропѣло русскій гимнъ, народъ кричалъ „ура". Затѣмъ король принялъ посланника въ аудіенціи. При проѣздѣ и отъѣздѣ посланника оркестръ исполнилъ русскій гимнъ, сопровождавшійся народнымъ „ура". *Journal de S.-Pétersbourg* привѣтствуетъ вѣнчаніе на царство короля Сербіи Александра слѣдующими строками: „Россія принимаетъ слишкомъ горячее участіе во всемъ, что касается судебъ Сербскаго народа, почему и искренно желаетъ счастья и благоденствія царствованію юнаго государя, присоединяясь къ чувствамъ, кои преисполнятъ сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ короля Александра".

Всемірная Парижская выставка 1889. Подъемная машина Эду со втораго на третій этажъ башни. Грав. Пойе.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 17 іюня, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ изволилъ прибыть въ Петергофъ изъ Штутгарта.

— 18 іюня, въ 11 часовъ 30 минутъ утра, Ихъ Императорскія Величества, вмѣстѣ съ Королевою Греческою, Вел. Кн. Михаиломъ Александровичемъ, Вел. Княжною Ксеніею Александровною, Е. И. В. Герцогинею Эдинбургскою, королевичемъ и королевной Греческими и принцемъ Ольденбургскимъ, изволили отбыть изъ Петергофа на Императорской яхтѣ въ финляндскія шхеры.

— Торжественный въѣздъ высоконареченной невѣсты Великаго Князя Петра Николаевича княжны Милицы Николаевны Черногорской въ Петербургъ состоится въ іюлѣ мѣсяцѣ съ Николаевскаго вокзала.

Правительственныя распоряженія.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлано распоряженіе о доставленіи губернскими административными властями свѣдѣній: а) о размѣрѣ принадлежащихъ отдѣльнымъ сельскимъ и волостнымъ обществамъ мірскихъ капиталовъ; б) объ источникахъ, изъ которыхъ образовались мірскіе капиталы, и в) о порядкѣ храненія и расходованія мірскихъ капиталовъ и о томъ назначеніи, какое даютъ имъ волостные и сельскіе сходы.

— Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предписало административнымъ властямъ губерній немедленно озаботиться о своевременномъ пополненіи хлѣбозапасныхъ магазиновъ.

— Въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ разрабатывается вопросъ о реформѣ нынѣшнихъ дворянскихъ депутатскихъ собраній въ Западномъ краѣ.

Дѣла церкви.

— Въ Харьковѣ, 19 іюня, на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, состоялась закладка деревяннаго храма, сооруженнаго при возникающемъ тамъ Спасовомъ скитѣ. Храмъ будетъ готовъ въ августѣ. Монастырскія кельи и гостиница строятся. Невдалекѣ отъ Спасова скита будутъ расположены молитвенныя и благотворительныя учрежденія.

— На мѣсто скончавшагося 22 мая преосвященнаго Варлаама, епископа Минскаго, назначается епископъ Орловскій Симеонъ, а на Орловскую каѳедру переводится епископъ Дмитровскій Мисаилъ, первый викарій Московской епархіи.

— 14 минувшаго мая, въ Малодорогостайскомъ приходѣ, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, приняли православіе 11 чеховъ поселка Подгаецъ. 29 мая, въ томъ же приходѣ приняли православіе 13 чеховъ. Можно разсчитывать, что скоро здѣсь закончится дѣло возсоединенія чеховъ.

— Училищный совѣтъ при Св. Синодѣ, чтобы привлечь кандидатовъ священства къ болѣе охотному служенію народному образованію, вырабатываетъ проектъ о зачисленіи школьной службы учителей церковно-приходскихъ школъ изъ воспитанниковъ семинарій въ срокъ службы церковной.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Муганской степи производились опыты разведенія американскаго хлопка. Нынѣшнею весною посѣвы расширены.

— Нынѣшнимъ лѣтомъ, спросъ на русскіе крахмальные продукты заграницу значительно увеличился. Они требуются преимущественно въ Англію.

Искусства изобразительныя.

— Московское общество любителей искусства открыло въ нынѣшнемъ году конкурсъ на слѣдующія премiи: за жанровую живопись—въ 400, 250 и 150 руб.; за пейзажную—въ 250, 150 и 100 руб.; за портретную—въ 150 руб. Участвовать въ конкурсѣ могутъ только русскіе художники, учившіеся живописи въ своемъ отечествѣ. Послѣднимъ срокомъ доставленія конкурсныхъ произведеній въ общество назначено 5 декабря сего года, причемъ ихъ авторы должны скрывать свои фамиліи подъ девизами, въ запечатанныхъ конвертахъ, приложенныхъ къ картинамъ.

— Академисты декораціоннаго класса Имп. академіи художествъ гг. Рейнбергъ, Васильевъ, Венигъ и Овсянниковъ получили порученіе написать декораціи для постановки будущею зимою, на домашней сценѣ графа А. Д. Шереметева, трагедіи Пушкина: „Борисъ Годуновъ“. Эти декораціи, надъ которыми названные молодые художники начали уже работать подъ руководствомъ своего профессора М. А. Шишкова, будутъ, по опредѣленію академическаго совѣта, сочтены за конкурсныя задачи, исполненіе которыхъ требуется отъ оканчивающихъ курсъ академіи.

— Кружокъ чешскихъ художниковъ намѣренъ устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и нѣкоторыхъ большихъ провинціальныхъ городахъ временныя выставки картинъ чешскихъ художниковъ, съ которыми наша публика, вообще, очень мало знакома. Выставки эти предполагается устроить осенью.

Литература и наука.

— Къ пятисотлѣтію дня кончины героя Куликовской битвы, великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго (19 мая 1389 года) усердіемъ стараго сотрудника *Московскихъ Вѣдомостей* К. Н. Цвѣткова изящно издана книжка „Великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской и преподобный Сергій Радонежскій“.

— Въ виду совпаденія столѣтней годовщины смерти Джона Говарда, скончавшагося въ Херсонѣ, въ 1790 г., со временемъ созванія въ Петербургѣ IV международнаго конгресса, русское правительство, желая почтить память знаменитаго филантропа, учреждаетъ международный конкурсъ на сочиненіе „О значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы“.

— Я. А. Макеровъ, производившій изслѣдованія на Амурѣ и за Байкаломъ, собралъ обширную геологическую коллекцію для восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго общества.

— Предстоящій восьмой съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей состоится 28 декабря 1889 года и продолжится до 7 января 1890 года.

Медицина.

— Въ Парижѣ, лѣтомъ нынѣшняго года, имѣютъ быть международные конгрессы: съ 29 іюля н. ст., въ теченіе трехъ дней, по вопросамъ объ алкоголизмѣ, и съ 4 по 11 августа—гигіеническій.

Археологія и древности.

— Въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи поступилъ отъ преосвященнаго Іеронима восьмиконечный крестъ, на которомъ начертана слѣдующая надпись: „Симъ крестомъ благословилъ преподобный игуменъ Сергій князя Дмитрія на погана царя Мамая и рекъ: симъ побѣждая врага. Влѣто 1380 августа 27 дня“.

— Съ октября 1889 года до конца января 1890 г. въ Московскомъ историческомъ музеѣ будетъ устроена Археологическимъ обществомъ выставка древностей, къ участію въ которой приглашаются всѣ владѣльцы древнихъ коллекцій, причемъ общество беретъ на себя расходы по пересылкѣ сюда и обратно. Присылка коллекцій уже началась.

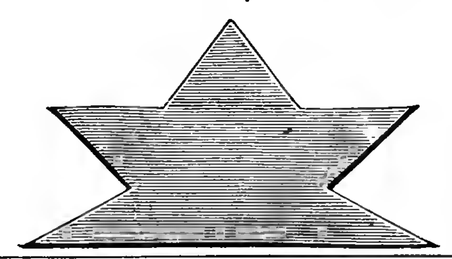
Задача буквъ № 46.

	1	2									3	4	
5	6	7	8	9					10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20			21	22	23	24	25	26
	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	
	39	40	41	42	43			44	45	46	47	48	
		49	50	51					52	53	54		
			55							56			
		57	58	59					60	61	62		
	63	64	65	66	67			68	69	70	71	72	
	73	74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	
85	86	87	88	89	90			91	92	93	94	95	96
97	98	99	100	101					102	103	104	105	106
	107	108									109	110	

Найти 23 слова. Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, затѣмъ данную фигуру разрѣзать на 4 равныя части и составить такъ, чтобы получилось стихотвореніе извѣстнаго русскаго поэта.

1. Фамилія поэта, произведеніе котораго составляетъ тему задачи 86, 1, 7, 32, 45, 44, 39, 48, 58, 67.
2. Складная перегородка 69, 70, 25, 83, 72.
3. Женское имя 63, 77, 71, 57.
4. Плодъ 96, 105, 76, 65.
5. Рыболовный снарядъ 106, 98, 17, 20.
6. Фамилія изв. русскаго писателя 38, 85, 110, 102, 103, 82.
7. Франтъ слѣдующій модѣ 5, 23, 4, 24, 12.
8. Плечевые знаки 2, 8, 9, 26, 22, 62.
9. Затопляемые во время разливовъ луга 90, 108, 15, 30, 29.
10. Родъ листьевъ на деревьяхъ 93, 79, 47, 3.
11. Часть ведра 28, 73, 80.
12. Дерево 66, 55, 64, 74, 107, 54.
13. Свойство характера 109, 59, 11, 16, 61, 42, 41, 19, 94, 95.
14. Буква русской азбуки 56.
15. Рѣка въ Европѣ 60, 100, 101, 104, 18.
16. Рѣка въ Сибири 87, 68, 81, 89, 53, 14.
17. Злакъ 99, 92, 13, 6.
18. Выжатый хлѣбъ 33, 43, 37, 36, 51.
19. Церковно-слав. буква 97, 84, 40, 49.
20. Мѣстоименіе 34, 35.
21. Напитокъ 75, 21, 78.
22. Музыкальныя сочиненія 88, 27, 91, 10.
23. Знаменитый нѣмецкій поэтъ 46, 31, 50, 52,

Геометрическая задача № 47.

Данную фигуру раздѣлить на шесть частей, по сложеніи которыхъ получится квадратъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,
НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ
молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Тріумфъ, локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣнныхъ прессовъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, катковъ для бѣлья и пр.
№ 3942 6—1

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. безплатно.

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Вслѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.
Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.
Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.
Просимъ не смѣшивать съ рекламир. крайне дешев. аппаратами.
Е. КРАУСЪ и Комп.
Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 3914 2—1

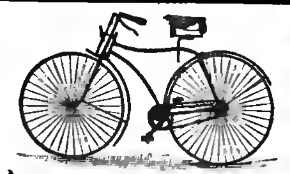

Новый иллюстрированный прейсъ-курантъ англійскихъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 7 коп. марку.
П. Ф. КАРАТАЕВЪ.
С.-Петербургъ, Милютинъ рядъ, № 18.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
КОРОБЧЕВСКІЙ
Приготовленіе искусств. зубовъ на каучукѣ (безъ крючковъ) и металлѣ; пломбированіе и леченіе. Пріемъ отъ 10 до 4 ч. кромѣ воскресныхъ дней.
№ 3945 2—1
Офицерская ул., д. 18, кв. 2.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Планетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =
Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Только что вышелъ **ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ**
и поступилъ въ продажу
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)
дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ**, заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большого **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.**, съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ**, въ Контору журнала **„Нива"** (Невскій, 6).

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНІАДИ-ЯНОСЪ"
По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:
Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе, мягкій вкусъ, МАЛАЯ ДОЗА.
Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
П. 3934 10—2

2 рубля на $6^1/_2$ мѣсяцевъ, съ 15-го іюня по 1-е января 1890 г. принимается подписка на
«Русскій Справочный Листокъ»,
газету биржевую и торгово-промышленную, **съ расширенной программой**, въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи: Петровка, д. Кабанова. Цѣна съ пересылкой. № 3936 4—2

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ
Предлагаетъ: сѣялки, жнейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3719 12—11

ВЪ КУНГУРСКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ, ГУБКИНА, УЧИЛИЩЕ
(въ городѣ Кунгурѣ, Пермской губерніи), состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, принимаются безъ экзамена окончившіе курсъ въ трехъ и четырехъ-классныхъ городскихъ, по положенію 31 мая 1872 года, училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; остальные же по соотвѣтствующему испытанію. Курсъ ученія 4 года, пріемные экзамены 11, 12 и 14 августа. Плата за полнаго пансіонера 180 руб. въ годъ, за приходящаго 30 рублей. Для пріема въ 1 классъ требуется возрастъ не моложе 14 и не старше 17 лѣтъ.

Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, пользуются льготою 2 разряда при отбываніи воинской повинности.

За подробными свѣдѣніями желающіе благоволятъ обращаться въ канцелярію училища лично и письменно. Директоръ училища **А. Хвастуновъ.** № 3865 3—3

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНЪ**
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна Флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго Флакона,—пров. Кинуненъ. (72) № 2946

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и рознич. продажа. Спеціалистъ хронометровъ.
Рекомендую золот. глухіе мужскіе часы полухронометръ въ **120** р., которые не уступаютъ вѣрности хода хронометра въ 350 р.
Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10—1

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ
грязе-лечебное заведеніе товарищества врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.

7 р. НОВОСТЬ!! 7 р.

Секретная камера въ видѣ **маленькаго альбома**, который, безъ предварит. умѣнія, фотографируетъ незамѣтно.
Рекомендую всѣ виды фотограф. аппаратовъ отъ 10 р. до самыхъ изящныхъ, также объективы и пластинки всѣхъ фабрикъ и всѣ принадлежности. В. № 3905 5—5
Новый прейсъ-курантъ безплатно.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ
РЕЗИНОВОЕ БѢЛЬЕ

вполнѣ замѣняющее полотняное, отличается своею прочностью и простотою чистки: только нѣсколько разъ потереть щеткой съ мыломъ и опять получается прежняя бѣлизна.

Воротникъ стоячій	—	р.	40	к.
„ отложной	—	„	60	„
Манжеты	1	„	—	„
Манишка	1	„	—	„
Галстукъ	—	„	40	„
Кусокъ мыла	—	„	15	„
Запонка для воротничка	—	„	10	„
„ „ манжетъ	—	„	15	„

Иногороднихъ покупателей просимъ при заказахъ прилагать одну треть стоимости въ задатокъ, остальныя деньги могутъ быть переведены наложеннымъ платежемъ.
Главные склады резиновыхъ издѣлій
ПИХЛАУ и БРАНТЪ
въ Москвѣ, Петровка, д. Соколова.
Оптовый складъ
Ильинка, противъ Стараго Гостинаго двора, д. Общества Теплыхъ рядовъ.
Оптовымъ покупателямъ дѣлается значительная уступка. П. № 3903
3—3

Существующая нынѣ въ г. Нижнемъ-Новгородѣ и состоящая въ вѣдѣніи Нижегородскаго Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Постоянная выставка кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи **принимаетъ заказы** на нижеслѣдующіе предметы: судовыя цѣпи, желѣзныя и мѣдныя полотна для ситъ и другихъ надобностей, топоры, долота, лопаты, вилы, сошники, подпилки, на ножевой товаръ, ножницы, желѣзные сундуки, замки, металлическія части для казачьихъ пикъ, пряжки на пояса нижнихъ воинскихъ чиновъ, малыя пряжки для аммуниціи, крючки и петли, рыболовные крючки, металлическія игрушки, мозаичныя работы изъ дерева, мебель крашеную въ русскомъ стилѣ, деревянную посуду, Балахнинскія кружева, вышиванія гладью и въ выдержку и проч. Заказы слѣдуетъ адресовать или въ гор. Нижній-Новгородъ, въ Нижегородское Отдѣленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества или въ гор. Нижній-Новгородъ, Завѣдующему Постоянной выставкой кустарныхъ произведеній Нижегородской губерніи. № 3917 5—4

Дозвол. ценсур., СПБ., 28 іюня 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. … Маркса, … д. 1.

XX г. № 28 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 іюля 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Затравили. Картина Бидермана-Арендса, грав. Клезингъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

V.

— Что-же, ко мнѣ чай пить? нерѣшительно спросилъ ее Рядновъ.

Не понимая самъ почему—теперь онъ стѣснялся съ нею гораздо болѣе чѣмъ прежде. Точно между ними прошло что-то такое, отнявшее отеческую искренность у одного и безтревожную привязанность у другой. Прежде-бы онъ не задалъ даже такого вопроса, а просто, поднимаясь къ себѣ, крикнулъ-бы ей прямо: „Вѣрочка, жду васъ—чай пить. Не задержите, а то мой Семенъ браниться будетъ. Вы знаете, онъ вѣдь строгій. Смотрите!“ А теперь „Вѣрочка“ все чаще и чаще смѣнялась „Вѣрой Васильевной“, и она уже не такъ рѣшительно какъ во время оно шла къ нему наверхъ и звонила у его дверей, чего-то краснѣя, когда дѣйствительно суровый нелюдимъ Семенъ, большой знатокъ „прологовъ“ и всякихъ „житій“, отворялъ ей съ своимъ отрывистымъ, точно чего-то не одобряющимъ: „пожалуйте...“

— Что-же, ко мнѣ чай пить?

— Да, я сейчасъ. Только не надоѣмъ-ли вамъ слишкомъ?

Тогда, прежде, она-бы не спросила объ этомъ.

— Нѣтъ, разумѣется... „Семенъ чаю“, слышала она вверху въ дверяхъ ея квартиры.

Придя къ себѣ и не снимая накидки, она подошла къ окну и прижалась горячимъ лбомъ къ его холоднымъ стекламъ. За ними въ скверѣ—толпился народъ, играли дѣти, сидѣли на скамьяхъ подобно каменнымъ изваяніямъ неподвижныя няньки. Налѣво темнокрасныя колонны Исаакія, вся его мрачная и величавая масса съ черными ангелами вверху раскинувшими свои черныя крылья, съ золотымъ громаднымъ куполомъ, такъ красиво рисовавшимся на голубомъ и безоблачномъ сегодня небѣ... Но она не видѣла ничего этого. Она только смотрѣла внутрь, въ свою душу, сама не понимая что съ нею дѣлается, но уже не ощущая въ себѣ ни прежней тишины, ни прежняго равновѣсія... То ей было чего-то стыдно, то тянуло къ чему-то, къ чему—она сама не могла-бы сказать.

„Жить, жить и любить надо!“ вспомнилась ей высокопарная фраза Кира-царя-Персидскаго... И она засмѣялась даже: такъ уморительна показалась ей въ эту именно минуту взъерошенная фигура поэта, читающаго стихи о томъ, что онъ желалъ-бы быть на небесахъ Богомъ только для того, чтобы сейчасъ-же опять спуститься на землю и склониться къ ея ногамъ... И вдругъ въ ея головѣ пронеслось: „а вѣдь Александръ Петровичъ обрадовался, когда я засмѣялась надъ Дороцкимъ... И вѣдь какъ обрадовался — точно я его избавила отъ какихъ-бы сомнѣній. Значитъ онъ смотрѣлъ на него серьезнѣе, если думалъ, что я могу обратить болѣе вниманія на этого пѣтуха...“

И она, сама не зная почему, покраснѣла.

Въ дверь къ ней постучали. Вошла Марья Францовна, какъ всегда веселая, улыбающаяся, болтливая.

— Здравствуйте, здравствуйте, отшельница, а я къ вамъ съ тонкимъ порученіемъ... Вы знаете, у меня угловое отдѣленіе занялъ этотъ пріѣзжій кіевскій помѣщикъ... Красинскій. Молодъ, богачъ... Ну такъ онъ видѣлъ васъ—и въ восторгѣ... Спрашиваетъ: не продаете-ли вы своихъ картинъ... Разумѣется, ему хочется только познакомиться съ вами... „Если, говоритъ, нѣтъ у нея ничего готоваго—я-бы хотѣлъ заказать ей копію съ Мадонны Мурильевской, что въ Эрмитажѣ“... Вотъ-бы вамъ—женихъ. Образованный, все время за границей жилъ, и такъ понимаетъ, такъ понимаетъ искусство!.. У меня ужь тутъ въ прошломъ году двѣ свадьбы было. Могу сказать — я ихъ и устроила. Что дѣлать! Надо признаться, страсть моя — выдавать замужъ. Мнѣ-бы, знаете, не комнаты держать, а свахой быть, право... Одного подтолкнешь, другую ободришь—смотришь: и готово дѣло. А этотъ Красинскій про васъ-то говоритъ: „она сама картинка. Такую я-бы съ удовольствіемъ помѣстилъ у себя...“ Что-же, пойдете замужъ?

— Благодарю васъ, сухо обрѣзала Вѣрочка,—я не собираюсь...

— Это въ васъ все еще монашеское сидитъ, монастырское! не обращала вниманія словоохотливая хозяйка. — Вы только познакомьтесь съ нимъ...

— И знакомиться не хочу... Зачѣмъ?

— Ни малѣйшаго желанія? обращала по своему обыкновенію все въ шутку Марія Францовна.

— Да.

— Ну, такъ я знаю почему это.

Вѣрочка не отвѣтила ей ни слова.

— Знаю, знаю... и вы знаете...

— Что еще?..

— А то, что скоро свадьба будетъ... Разумѣется, не Красинскаго...

Марья Францовна подошла къ ней близко-близко и прямо къ лицу ея наклонилась смѣющаяся, съ тѣмъ задорнымъ выраженіемъ, которое всегда поневолѣ заставляло улыбаться и Вѣрочку.

— Выдумали опять что-нибудь?

— Нѣтъ, не выдумала. Съ какой стати мнѣ выдумывать? Глаза есть—и слава Богу! Вижу...

— Что вы видите?

— Правда, онъ старъ для васъ... Ну, да со старичками-то покойнѣе... Опять же—учитель. Чувство признательности. Ну что-же, я все таки рада... рада.

— Да о чемъ вы это? вся покраснѣла и вздрогнула Вѣра.

— Чего вы притворяетесь?.. Или еще ни до чего не договорились? Не дѣлайте большіе глаза — они у васъ и безъ того велики... Я вамъ предсказываю (перехожу для васъ только на амплуа гадалокъ), что скоро вы будете называться М-me Ряднова.

Дѣвушка вскочила съ мѣста и лихорадочно прошлась по комнатѣ.

— Какія глупости!

— Хотите пари?..

— Говорю вамъ, глупости...

— Ну, Богъ съ вами... Прощайте, пойду утѣшать бѣднягу Красинскаго.

Что съ нею дѣлалось въ эти минуты—Вѣра едва ли могла дать себѣ отчетъ. Ей отчего-то было и смѣшно, и жутко, и что-то новое, незнакомое, бурнымъ приливомъ поднималось въ ея душѣ. Она вспомнила совѣтъ матери Варлаамы, благо ея портретъ попался ей въ эту минуту: „найдетъ на тебя смятеніе духа—стань на колѣна и помолись... Богъ всему научитъ! Лучшаго совѣтника не найдешь“... Она дѣйствительно склонилась у окна. Въ этомъ положеніи ей былъ виденъ крестъ собора... Хотѣла молиться, но слова молитвы были только на устахъ, ничѣмъ не отзываясь въ ея взволнованной душѣ... Въ головѣ тоже словно шумѣло что-то, кружило ее. Она оставалась такъ, положивъ голову на подоконникъ, какъ вдругъ кто-то стукнулъ въ ея двери. Она только что успѣла вскочить съ мѣста...

— А я ждалъ-ждалъ васъ, да и зашелъ за вами...

— Я сейчасъ, сейчасъ. — Почему-то она не могла смотрѣть теперь прямо въ глаза Ряднову. — Я, Александръ Петровичъ, сейчасъ.

— Да вы не торопитесь, усмѣхнулся онъ.—Или вы моего Семена боитесь?..

Она пошла къ себѣ въ спальню, пригладила волосы, на одну секунду замерла думая о чемъ-то; потомъ, встряхнувъ головой, точно отгоняя отъ себя безотвязную мысль, вернулась назадъ.

— Ну, я теперь готова... пойдемте...

„Правда, онъ старъ для васъ“, пронеслись въ ея памяти слова хозяйки... Она искоса посмотрѣла на Ряднова. „Въ чемъ это она замѣтила его старость? правда, сѣдина въ волосахъ и бородѣ... Но это не портитъ его нисколько. Напротивъ“... Поймала себя на этой мысли, и вся застыдившаяся и еще болѣе смущенная, опустила голову внизъ, поднимаясь по лѣстницѣ. Войдя къ нему, Вѣра вся точно застыла, свернувшись въ уголку тахты, своемъ любимомъ мѣстечкѣ. Почему-то у ней промелькнула мысль: что если бы она увидѣла здѣсь—на этомъ самомъ мѣстѣ—другую женщину? И болѣзненное чувство закралось въ ея душу.

— Чего это вы запоздали? машинально спросилъ ее Рядновъ, чтобы говорить и не продолжать далѣе это неловкое молчаніе.—Засталъ я васъ какою-то странною...

— Такъ, Марья Францовна задержала.

— Хорошая она!

— Да. — И вдругъ точно что-то осѣнило Вѣру.— Хорошая, только у нея несчастная страсть всѣхъ сватать.

Рядновъ выпрямился точно на пружинѣ.

— И васъ также?

И онъ принужденно засмѣялся.

— Да... И меня.

— За кого же это? Позвольте васъ спросить, если вы не сочтете это за нескромность.

— Вы какъ будто на меня сердитесь?

— Нѣтъ, помилуйте, на что же... Развѣ я имѣю право сердиться... Вы вольны поступать какъ вамъ угодно.

Раздраженіе его все росло и росло. Онъ самъ чувствовалъ, что дѣлается нелогиченъ, и чѣмъ больше понималъ свою неправоту, тѣмъ больше злился на нее, на эту дѣвушку, такъ покойно и красиво усѣвшуюся въ уголкѣ и такъ пытливо глядящую на него въ эту минуту.

— Мнѣ только хотѣлось бы знать... Это такъ понятно... Я вѣдь, принудилъ онъ себя улыбнуться, но улыбка его вышла совсѣмъ не искренняя, — я вѣдь считаю себя вашимъ хорошимъ знакомымъ.

Странное дѣло, чѣмъ тяжелѣе и больнѣе было ему, тѣмъ спокойнѣе становилась дѣвушка. И откуда она, только что выскочившая изъ обители, могла научиться этому знанію сердца, этому умѣнью владѣть собою? Не входятъ-ли они въ общую сумму того, что мы называемъ женскимъ инстинктомъ?

— Еще бы... Развѣ я стала бы скрывать отъ васъ... Тамъ у нея завелся какой-то молодой и богатый кіевскій помѣщикъ... Красинскій...

— Какже, угрюмо проговорилъ Рядновъ, — какже, знаю... Былъ у меня, купилъ вотъ эту мазню.

И онъ злобно толкнулъ мольбертъ со стоявшею на немъ и почти оконченною картиной. Толкнулъ ногой грубо и несдержанно, такъ что треножникъ вмѣстѣ съ работой рухнулъ на полъ.

— Ну и что же вы отвѣтили Маріи Францовнѣ?

— Ничего.

— То есть какъ же это ничего? Вѣдь нужно же было что-нибудь сказать ей.

— Зачѣмъ же... Что же я могу ей сказать... Вѣдь я вовсе не собираюсь замужъ. Не засмѣяться же мнѣ ей въ лицо, какъ она того стоила. Обидѣлась бы.

Но за то онъ засмѣялся—и засмѣялся искренно, весело, на этотъ разъ даже самъ не замѣчая крайней непослѣдовательности переходовъ отъ одного ощущенія къ другому.

— Ну, она вообразитъ, что вы подаете ей надежду.

— Нѣтъ, не вообразитъ.

— Почему вы думаете?

— Потому... потому что она тотчасъ же сдѣлала другое предположеніе.

— Не будетъ нескромностію спросить: какое?

Вѣрочка, не смотря на все свое самообладаніе, вспыхнула и затруднялась что ей отвѣтить. Она не научилась еще въ мірѣ скрывать что-нибудь.

— Ну же, Вѣра Васильевна...

Она опять молчала. Только задышала сильнѣе и отвела свои искренніе и довѣрчивые глаза отъ его вопросительнаго взгляда въ упоръ.

— Этого... этого я вамъ сказать не могу...

Рядновъ вдругъ развеселился и зашагалъ по комнатѣ.

— Она въ сущности очень хорошая, хотя и нѣмка, эта Марья Францовна... Или полька?.. Да, бишь, о чемъ это я... Киръ-царь-Персидскій!.. и онъ уже совсѣмъ не кстати засмѣялся еще разъ. — Иначе: шутъ гороховый... Такъ что же она вамъ выпалила еще? А...

— Я ужь вамъ сказала, что нельзя...

— Жаль... Эхъ, свахи-свахи!.. Коли бы не старость моя... Не уступилъ бы я васъ никому!..

Сказалъ и самъ испугался. Незамѣтно посмотрѣлъ на нее. Вѣрочка молчала, перебирая кисть подушки и глядя внизъ, точно ее заинтересовалъ вдругъ затѣйливый узоръ восточнаго ковра, покрывавшаго тахту... Онъ замѣтилъ только что она точно вдругъ поблѣднѣла и тотчасъ же опять румянецъ залилъ ея лицо.

— Да... Лѣтъ бы десять-пятнадцать долой... другое бы я запѣлъ.—И вдругъ онъ осмѣлился сразу, какъ въ воду кидаются, внизъ головой.—Ужь не на мой-ли счетъ она прохаживалась?..

Вѣрочка молчитъ, только часто-часто дышетъ.

— Да?.. на мой?.. онъ чувствовалъ будто ужасно глупѣетъ въ эту минуту. — Ну что же, и на этотъ разъ ошиблась... Развѣ она не понимаетъ, что въ этихъ лѣтахъ я только и могу ждать отъ васъ одного чувства, чувства уваженія и дружбы... Не такъ-ли?.. Въ самомъ дѣлѣ, ну представьте если бы я вдругъ подошелъ къ вамъ и сказалъ... Онъ слышалъ какъ голосъ его перервался въ горлѣ, — подошелъ и сказалъ (онъ усмѣхнулся и опять дѣланно): Вѣрочка, будьте моей женой... Воображаю, какъ бы вы удивились!..

Но она не удивилась...

Нѣтъ, вдругъ уронила свою голову на подушку и заплакала.

— О чемъ, о чемъ вы? растерялся Рядновъ. — Что съ вами?

Онъ подошелъ, взялъ ее за руку, но она вдругъ притянула его руку къ своему лицу и поцѣловала ее...

VI.

Бабушка Серафима благословила заочно, Варлаама— тоже. Въ обители даже отслужили молебны. Монахини писали Вѣрочкѣ, что ждутъ ее съ мужемъ къ нимъ на побывку и просятъ только дать знать ранѣе: надо привести де въ порядокъ ихъ домикъ и снабдить его всѣмъ чѣмъ слѣдуетъ. Улыбающаяся и счастливая Вѣрочка читала эти письма своему жениху и только краснѣла когда Марья Францовна говорила торжествующимъ тономъ:

— А что, я предсказывала, вы не вѣрили тогда,—вышло по моему все-таки.

Дѣвушка расцвѣла такъ, что „Киръ-царь-Персидскій“ во-первыхъ вообразилъ себя влюбленнымъ, во-вторыхъ почему-то ему представилось, что онъ неоднократно уже объяснялся Вѣрочкѣ, но та не вѣрила его пламеннымъ клятвамъ, въ-третьихъ что онъ ужасно несчастный человѣкъ и ему только и остается умереть. Встрѣтясь съ дѣвушкой у Ряднова, Киръ-царь-Персидскій вытаращилъ глаза, взбилъ шевелюру, нахмурился,

Панно профессора К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. „Музыка“.

Съ фот. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“) грав. Флюгель.

Рыбачьи тони на низовомъ Бѣломорскомъ берегу. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Рашевскій.

сдѣлалъ отчаянное лицо и когда къ нему обратились съ просьбой прочесть что-нибудь, онъ не заставилъ долго себя просить объ этомъ. Напротивъ, сначала принялъ „меланхолическій видъ“, потомъ точно небрежно уронилъ:

— Я вамъ прочту свое послѣднее стихотвореніе... Оно соотвѣтствуетъ вполнѣ моему нравственному состоянію...

И не успѣла еще Вѣрочка опомниться какъ онъ выпалилъ съ трескомъ: *Ей.*

— Кому ей? спросила она.

— Не узнавайте лучше... Это моя тайна... Тайна бѣднаго, разбитаго сердца! Нѣтъ, не узнавайте и будьте счастливы.

И онъ опять повторилъ: *Ей.*

Затѣмъ перевелъ свой взглядъ на Вѣру и, усиливаясь сдѣлать свои бараньи глаза печальными, началъ читать съ паѳосомъ и что называется трескомъ:

Ты не вѣрила мнѣ — не хотѣла понять
Какъ любилъ я тебя, какъ умѣлъ я молчать,
Когда въ сердце тоска заползала змѣей,
Когда смѣхъ твой звучалъ безпощадный и злой...
Долго маску носилъ я, съ тобой говоря,
Хоть горѣла въ душѣ золотая заря,
Хоть свѣтилась она въ каждомъ взглядѣ моемъ,
Самому мнѣ на зло,—непокорнымъ огнемъ.
Въ каждомъ словѣ моемъ отражалась она,
Какъ въ холодной росѣ — золотая луна;
Въ каждомъ звукѣ, когда говорилъ я съ тобой,
Бились пульсы любви, беззавѣтной, святой...

Тутъ онъ страшно заворочалъ глазами, ступилъ шагъ впередъ по направленію къ Вѣрочкѣ, еще отчаяннѣе взъерошилъ свою шевелюру и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, горько продолжалъ:

Я готовъ былъ пойти за единый твой взглядъ
Хоть на лютую казнь, на мученія—въ адъ.
Ничего я не ждалъ, ничего не хотѣлъ...
Такъ любилъ я тебя, такъ молчать я умѣлъ...
И когда я сгоралъ весь въ безумномъ огнѣ —
Ты, мой свѣтъ, ты, мой Богъ — ты не вѣрила мнѣ.

Окончивъ, Киръ-царь-Персидскій почувствовалъ что у него слезы на глазахъ, разомъ понялъ, что все въ этомъ мірѣ для него кончено, что онъ несчастнѣйшій изъ смертныхъ и, окинувъ мысленно всю бездну своего горя, не простясь выскочилъ вонъ на улицу.

Онъ шелъ по ней съ видомъ человѣка собирающагося утопиться по меньшей мѣрѣ; но добравшись до Лейнера, вспомнилъ что еще не обѣдалъ сегодня и, взбѣжавъ къ нему, гробовымъ голосомъ заказалъ себѣ порцію бифстека, съѣлъ его съ аппетитомъ, выпилъ пива и опять углубился въ созерцаніе собственнаго несчастія... Вѣрочка, впрочемъ, могла не особенно волноваться за это бѣдное, разбитое ею сердце... Киръ-царь-Персидскій закончилъ вечеръ въ Аркадіи, увѣряя всѣхъ будто только что онъ пережилъ ударъ, отъ котораго постарѣлъ разомъ и утратилъ послѣднюю вѣру въ жизнь и въ людей. Потомъ онъ съ увлеченіемъ апплодировалъ каскадной примадоннѣ и, убѣдивъ маленькую хористку что для него въ будущемъ осталось только одно горе, повезъ ее ужинать къ Пивато...

Вѣрочка съ Рядновымъ рѣшили, что тотчасъ же послѣ свадьбы они уѣдутъ за-границу, въ Италію.

Она всѣ эти нѣсколько мѣсяцевъ упорно и долго работала со своимъ учителемъ и привязалась къ нему до такой степени, что ни его сѣдины, ни его года не пугали ея, полнаго любви и признательности, сердца. Она сдѣлала громадные успѣхи, и послѣ того какъ ея будущее опредѣлилось, до наступленія этого счастливаго дня, продолжала работать то у жениха, то у себя. Въ свободные часы она убѣгала въ Эрмитажъ и попрежнему вся уходила тамъ въ созерцаніе чудесъ искусства, старалась разгадать по нимъ тайны творчества, представляя себѣ потускнѣвшія краски яркими, сливавшіеся контуры—опредѣленными...

— Еще два года такой работы,—и твои картины могутъ появиться на выставкѣ.

Она только жмурилась. Ей было и страшно, и хорошо въ одно и то же время.

— Я боюсь этого, сказала она ему разъ.

— Чего?

— А вотъ этого момента когда картина выставлена и чужіе подошли къ ней...

— Я прежде боялся тоже, пока новичкомъ былъ.

— Нѣтъ, знаешь... она еще краснѣла говоря ему *ты.* — Знаешь, это все равно мнѣ кажется, что повиснуть высоко-высоко въ воздухѣ на чемъ-нибудь легко обрывающемся. Всякое мгновеніе кажется послѣднимъ. Ждешь — вотъ-вотъ сорвешься и полетишь внизъ.

— Или вверхъ? засмѣялся онъ.

— А если будетъ плохо?

— Я первый не пущу такую картину — если она не будетъ chef-d'oeuvre'омъ. Въ этомъ отношеніи будь спокойна.

И она лихорадочно работала, дѣлала эскизы, дописывала начатыя картины и цѣлыми часами просиживала надъ одной, давно задуманной ею. Она ее назначила для роднаго ей монастыря, и дѣвушкѣ хотѣлось всю силу любви своей къ нему, этому взростившему ее тихому уголку, всю сердечность и теплоту своихъ воспоминаній о немъ передать своей кисти, сообщить краскамъ, выразить на этомъ полотнѣ. Ей казалось что ничего не выходитъ, она становилась нервною, нетерпѣливою, и только когда Рядновъ, внимательно осмотрѣвъ работу, улыбался ей и говорилъ:

— Молодцомъ Вѣрочка... Это настоящее, я могу кажется поздравить тебя — удается.

Она опять лихорадочно схватывалась за кисть и продолжала работу, счастливая, увѣренная, до первыхъ сомнѣній и колебаній.

Идея картины была необычна... Чтобы осуществить ее нужна была вся глубина ея дѣтской вѣры, ея искренняго обожанія, воспитаннаго въ ея душѣ монастыремъ и ранними восторгами ея молитвъ въ таинственномъ сумракѣ того далекаго храма, колокола котораго казалось благословляли каждый день ея однообразнаго существованія... Это была картина, гдѣ каждый мазокъ кисти являлся молитвой. Она не старалась ни о чемъ другомъ думать, гнала прочь мечты о счастіи, оставаясь наединѣ со своимъ полотномъ... Подъ конецъ она начала даже запираться отъ Ряднова. Даже онъ помѣшалъ бы ей, нарушилъ бы благоговѣйную тишину царившую вокругъ ея мольберта... Ей хорошо удалось лицо умиравшей монахини — жизнь съ ея недугами и заботами почти сбѣжала съ ея землистаго, измученнаго, истощеннаго лица, ввалились щеки, глубже стали глаза съ безконечной радостью обращенные къ дивному видѣнію, представшему ей въ послѣднее мгновеніе ея жизни и освѣтившему ее ослѣпительнымъ блескомъ восторга... Умирающая не видитъ ни убогаго угла кельи, ни наклонившагося къ ней духовника... Все отошло въ сторону; стѣны тамъ, куда она смотритъ, раздвинулись и точно рухнули въ какія-то бездны... Ихъ нѣтъ, все безконечное пространство открывшееся за ними тонетъ въ мягкомъ полусвѣтѣ, въ томъ полусвѣтѣ, тайну котораго Вѣрочка такъ страстно хотѣла угадать у Мурильо... Куда-то въ недосягаемую даль уходитъ послѣдній взглядъ монахини и тамъ рисуется ему кроткое, обращенное къ ней лицо, явленное лицо Богоматери протягивающей смиренной инокинѣ своего божественнаго Младенца... Казалось, инокиня хочетъ подняться, протянуть руки и взять эту святую ношу...

Когда Вѣрочка дописывала Пречистую Дѣву, всю смутными тонами, чуть-чуть намѣчивающуюся вдали, она сама испугалась окончивъ съ ея глазами. Ей показалось что эти живые глаза взглянули на нее съ полотна, она

уронила кисть и блѣдная отошла было прочь... Потомъ начала смягчать рѣзкіе контуры, слишкомъ опредѣленныя черты... Видѣніе дѣйствительно явилось видѣніемъ, казалось — зажмуришься и откроешь глаза—и его уже не будетъ на этомъ мѣстѣ... Мягкій полусвѣтъ сольется и заслонитъ его, и этотъ благостный ликъ словно растаетъ въ полуосвѣщеніи удавшагося художницѣ воздуха... Тишина, кротость, спокойствіе вселились вмѣстѣ съ этой картиной въ мастерскую дѣвушки. Послѣдніе дни, оканчивая свою работу, она уже не показывалась совсѣмъ никому. Когда Ряднов стучался къ ней, она кидала ему:

— Не могу, прости... На-дняхъ... Теперь работаю.

И онъ уходилъ, понимая ея смущеніе, сознавая, что въ такія святыя минуты самый близкій человѣкъ является трудно выносимымъ бременемъ.

Когда она кончила и вышла къ Ряднову, тотъ даже вскрикнулъ. Такъ она осунулась, такимъ серьезнымъ и благоговѣйнымъ восторгомъ, такимъ святымъ вдохновеніемъ сіяли ея точно разомъ измѣнившіеся глаза... Она уже не сомнѣвалась. Подведя его къ своей картинѣ, она только и проговорила:

— Смотри теперь.

И отошла прочь.

Все время пока онъ смотрѣлъ, она сидѣла въ креслѣ, безсильно уронивъ утомленныя руки и казалось возвращаясь мысленно съ своихъ небесъ на землю... Прошло нѣсколько минутъ — онъ не говорилъ ни слова... Еще... все такъ же молча стоитъ онъ передъ картиной... Она не видитъ его лица,—онъ обернулся къ ней затылкомъ... Вотъ онъ повернулъ картину нѣсколько къ окну. Солнце заходило, розовый свѣтъ направлялся на полотно сливаясь съ свѣтомъ дивнаго видѣнія...

— Невѣроятно!.. послышалось ей наконецъ.

— Что?.. точно вернулась она совсѣмъ къ землѣ и міру.

— Это воплощеніе молитвы... Это все что̀ ты хочешь... Я не могу даже хвалить... Ты дала душу всему этому.—Онъ посмотрѣлъ на нее съ завистью. — Зачѣмъ ты показала мнѣ ее?

— Я не понимаю тебя.

— Мнѣ больно, откровенно признался онъ. — Тутъ масса техническихъ промаховъ... Есть большіе и, для настоящаго крупнаго художника, уже сложившагося, непростительные недостатки, но если бы я могъ написать это, я былъ бы безконечно счастливъ. Я завидую тебѣ, Вѣрочка...

. . . .

Вернувшись изъ церкви домой послѣ свадьбы, только для того чтобы переодѣться въ дорогу, Вѣрочка нашла у себя на столѣ письмо матери Серафимы.

Въ ея обители уже получили картину.

„Что̀ сказать тебѣ“, писала ей бабушка, „мы смотримъ и плачемъ... Плачемъ и смотримъ. Ты этою картиной сторицей заплатила намъ за тѣ хлопоты наши о тебѣ, о которыхъ упоминаешь въ своемъ письмѣ...“

И Вѣрочка знала что въ эти дни вся обитель молится о ней и ея счастьѣ.

VII.

Рядновы, мужъ и жена, уже годъ какъ заграницею. Любимымъ чтеніемъ Вѣрочки въ монастырѣ были путешествія. Теперь она жадно пользовалась всѣмъ что̀ ей являлось на пути. Проживъ день въ Берлинѣ, она съ мужемъ остановилась на двѣ недѣли въ Дрезденѣ, и всѣ эти двѣ недѣли провела въ Королевской галереѣ въ безмолвномъ восхищеніи передъ Мадонною Рафаэля, уходя въ отель только по звонку сторожа. Когда ее спрашивалъ Александръ Петровичъ, она только и могла объясняться междометіями.

— Смотри, весь запасъ восклицательныхъ знаковъ израсходуешь, ничего для Италіи не останется, смѣялся онъ...

Но у нея и для Италіи хватило восторга и увлеченія.

Всю зиму здѣсь проработала Вѣра... Студія ихъ выходила на Тибръ, и желтыя воды его катились внизу, подъ тяжелыми арками стараго моста. По ту сторону, прямо изъ рѣки подымались такія же желтыя облупившіяся стѣны домовъ... Вдали чуть рисовались едва намѣченныя на голубыхъ небесахъ горы Лаціума, налѣво точно все давилъ своей могучей массой царственный куполъ Ватикана... Рядновъ забылъ свои работы. Онъ весь отдался расцвѣту ея таланта, и слѣдилъ съ ревнивою любовію за каждымъ ударомъ *ея* кисти... Онъ въ теплые дни уходилъ съ нею въ величавыя руины Колизея, въ арки котораго смотрѣло на нихъ темное, синее небо... Они писали тамъ. Эскизы росли, и Вѣрочка стала замѣчать теперь какъ наивно работала она прежде. Подъ этимъ солнцемъ, среди этого художественнаго міра, великая тайна искусства наконецъ давалась ей... Рука усвоивала себѣ смѣлость, мысль—дерзость необходимую большому таланту.

VIII.

Да, тайна искусства уже давалась ей.

Иногда Вѣрочкѣ казалось что она взошла на какую-то страшную высоту... Голова ея кружится, внизу бездонная пасть черной пропасти, но впереди столько огня, красокъ и свѣта, яркаго, все затопившаго свѣта... Голова ея кружится, но только по старой привычкѣ. Она уже чувствуетъ за плечами сильныя крылья. Она знаетъ, что можетъ смѣло ринуться въ этотъ просторъ и утонуть въ немъ. Посѣщая галерею и подолгу останавливаясь у картинъ старыхъ и новыхъ мастеровъ, она съ удивленіемъ замѣчала, что въ ея душѣ уже нѣтъ прежняго смятенія и тѣхъ взрывовъ восторга, въ одно и то же время благоговѣйнаго, умиляющаго и созерцательнаго, который охватывалъ ее еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Дрезденѣ... Теперь она наслаждалась меньше, думала и разбирала больше. Въ ней мощно развертывался профессіональный критическій умъ. Она уже всматривалась, что̀ можетъ занять изъ этого неисчерпаемаго источника и чего ей не надо. Приходя домой, она заносила въ свои эскизы подмѣченныя ею черточки, какъ писатель записываетъ въ свою памятную книжку подслушанное слово, характерную особенность интересующаго его типа, трудно уловимую и случайно давшуюся ему поэтическую искорку удачнаго сравненія... Въ садахъ виллъ окружающихъ вѣчный городъ, гуляя подолгу съ мужемъ, Вѣрочка забывалась и часто не отвѣчала ему на слова. Она вся была въ своемъ мірѣ... А кругомъ лились нѣжныя благоуханія, сквозь черный агатъ сплошной дубовой аллеи, кое-гдѣ прерываясь, сыпалось расплавленное золото солнечнаго свѣта и катилось впередъ по темнымъ дорожкамъ... Среди этихъ работъ самоуглубленія и созерцанія, вдругъ словно нежданный диссонансъ ворвалось несчастіе или по крайней мѣрѣ такимъ оно показалось молодой художницѣ.

Разъ Рядновъ вернулся весь похолодѣвшій...

Его насквозь пронизало дождемъ. Въ комнатахъ, какъ вездѣ въ Римѣ, было холодно и сыро... На другой день, мужъ Вѣрочки жаловался на страшную головную боль, на третій—къ ней присоединился ознобъ. Къ счастію, подъ руками оказался русскій врачъ.

— Что это? вся похолодѣвъ, спрашивала его Вѣра Васильевна.

— Обычная вещь у насъ... Маларія... Я вамъ его въ двѣ недѣли поставлю на ноги.. Весна теперь, Кампанья дышетъ на Римъ убійственными парами... Какъ только онъ оправится, везите его въ Неаполь отогрѣться. Слышите.

Вѣрочка не отходила отъ постели больнаго мужа... Онъ глоталъ хининъ неимовѣрными дозами и дѣйстви-

тельно, не прошло и двухъ недѣль, какъ сталъ на ноги...

— Ну, теперь въ Неаполь, въ Неаполь! съ суевѣрною точностію выполняла жена его совѣтъ врача.

— Подожди... ты еще не кончила своихъ работъ.

— Есть о чемъ разсуждать... Я и тамъ могу...

И въ первое ясное, счастливое, улыбающееся утро, когда Римская Кампанья не дышетъ, за то солнце всю ее грѣетъ своимъ тепломъ и обливаетъ свѣтомъ, Вѣрочка выѣхала съ Ряднoвымъ изъ города императоровъ, папъ и королей. По дорогѣ, на темной синевѣ неба рисовались имъ то круглый храмъ, то полуобвалившіеся зубцы какой-нибудь башни. Изъ густой травы подымались громадные рога воловъ... Кое-гдѣ вилла дразнила мраморомъ своихъ колоннъ, спрятавшихся за ревнивую чащу платановъ, или ажурнымъ балкономъ повисшимъ среди черныхъ молитвенныхъ кипарисовъ.

— Туманъ опять! досадливо заговорила Вѣрочка, боявшаяся за мужа.

— Гдѣ?

— Да вонъ, видишь.

Рядновъ засмѣялся.

— Это не туманъ... Это горы сдвигаются къ намъ. Вотъ погоди еще минуту, двѣ-три...

И дѣйствительно, въ голубомъ освѣщеніи подошли къ дорогѣ горы...

На одной изъ станцій вошелъ въ купе какой-то старый патеръ. Поклонился, услышалъ говоръ Вѣрочки и Ряднова и изумился.

— На какомъ изъ азіатскихъ языковъ говорите вы, синьора? вѣжливо спросилъ онъ у нея.

— Это не азіатскій языкъ, а русскій.

— Руссія... знаю... Un grande impero [1]... Помолчалъ-помолчалъ:—Freddo immenso [2]?.. Еще помолчалъ и закончилъ со вздохомъ: — Poveri polacchi [3]!..

Рядновъ такъ уже привыкъ къ этому опредѣленію Россіи, что не улыбнулся даже.

— Это — Сибирь, куда былъ сосланъ Овидій и гдѣ вино рѣжутъ кусками.

— Сибирь не вся Россія, смѣялась Вѣра.

— О, синьора!.. Я знаю это... Разумѣется, сибирскій холодъ не мѣшаетъ у васъ цвѣсти такимъ розамъ,—и галантный падре граціозно наклонился въ ея сторону,— но что́ я знаю, то знаю. Сибирь—это Россія и только край ея прилегающій къ Европѣ называется Россіей отъ слова rosso — красное.

— Почему это?

— Потому, увѣренно поучалъ онъ, — что по русски красное значитъ самое лучшее и самое красивое.

На станціяхъ вертлявые какъ обезьяны, черномазые веселые люди — смѣхъ, писки, крики... Что-то словно вихремъ захватываетъ нашихъ путниковъ. Они сами начинаютъ смѣяться и кричать. Глазастая мелюзга кишмя-кишитъ по пути, горы то сдвигаются, то расходятся... Какой-то свѣтлый хаосъ, даль не пугающая, а манящая и зовущая въ свои поэтическія захолустья... Вдругъ горы принизились и вдали разомъ выдвинулся двуглавый великанъ — Везувій.

— Ну, здѣсь ты будешь здоровъ, другъ мой!.. въ какомъ-то безсознательномъ порывѣ счастья шепчетъ она.

И онъ улыбается ей, счастливый хлынувшими на него отовсюду воспоминаніями его юности и гордый ею—любимою женщиной, такъ довѣрчиво глядящею на него...

И опять веселая, поющая толпа, воздушное море, какіе-то корабли, пестро расцвѣченные флагами словно въ паутинѣ ихъ снастей запутались яркія бабочки... Залитыя солнцемъ улицы, залитые солнцемъ дома, залитые солнцемъ люди, залитыя солнцемъ души.

[1] Огромная имперія.
[2] Страшные холода?
[3] Бѣдные поляки!

IX.

Они не долго оставались въ Неаполѣ.

Островъ Тиверія, лазурный Капри дразнилъ Вѣрочку. Послѣ маларіи Рядновъ сталъ страдать глазами. Это бываетъ часто на благословенномъ Югѣ. Пыль и грязь большаго да еще итальянскаго города были ему вредны. Онъ все жаловался, что нѣтъ-нѣтъ да на него и надвинется какое-то облако и заститъ ему видѣть. Даже и въ спокойномъ состояніи передъ его глазами постоянно мелькали такъ-называемыя mouches-volantes. Какъ изъ Рима въ Неаполь, такъ и изъ Неаполя вонъ скорѣе—погнали его врачи.

— Вы знаете, теперь весна: у насъ, случается, слѣпнутъ въ это время и привычные люди! объясняли они.

Рано утромъ, когда голубое небо влюбленно смотрѣлось въ голубой заливъ, а на востокѣ еще клубился золотисто-розовый паръ, въ которомъ точно плавалъ синій Капри, Рядновъ съ женою сѣли на бортъ небольшаго парохода, уже занятаго дюжиною англійскихъ миссъ съ клыками на выносъ и такими рыжими огненными волосами, что объ нихъ хотѣлось закуривать папиросы. Съ ними ѣхали мамаши и священникъ. Когда послѣ невообразимой суетни (неаполитанцы суетятся даже въ церкви) наконецъ отвалили отъ берега и чудный миражъ города съ Чертозою, Санъ-Мартиною и грозными стѣнами С.-Эльмо наверху сталъ отходить, на палубу явились неизбѣжные пѣвцы съ неизбѣжными канцонами, между коими ни съ того, ни съ сего вдругъ послышалась и русская „народная" пѣсня: „Тигренокъ". „Это настоящи русскы", убѣждали Ряднова пѣвцы, получая отъ него франкъ. Вѣрочка дорого бы дала чтобы не было ни этихъ пѣсенъ, ни этихъ стрекотавшихъ какъ дрозды по вечерамъ англичанокъ. Такъ волшебно прекрасенъ былъ заливъ, такъ красиво лежалъ сегодня на краю его двуглавый Везувій, въ такой дивный туманъ уходили берега Позилиппо направо и Кастеламара съ Сорренто налѣво. А Капри все росъ и росъ и когда черезъ нѣсколько часовъ пароходъ присталъ наконецъ къ очарованному острову, Вѣрочка и Рядновъ почувствовали себя опять счастливыми и вся жизнь показалась имъ радостно улыбающимся утромъ. Дорога шла вверхъ. Громадные кактусы подымались по сторонамъ, подставляя солнцу свои толстыя и большія ладони съ желтыми и красными цвѣтами по краямъ, высоко торчали словно гигантскія свѣчи стволы алоя, нѣсколько пальмъ чуть колыхали свои вѣнцы, словно говоря нашимъ путникамъ: „добро пожаловать". За низенькими стѣнками домиковъ алѣли, золотились, голубились тысячи невиданныхъ цвѣтовъ, запустившихъ глубоко свои корни въ скалы лазурнаго острова. Въ темной зелени апельсинныхъ деревъ, горячимъ золотомъ горѣли плоды и еще ярче казалось сіяли очи женщинъ и дѣтей попадавшихся имъ навстрѣчу...

Вѣра здѣсь опять принялась за работу.

Солнце-ли это, прозрачный-ли воздухъ, тишина-ли острова, но она точно почувствовала приливъ какихъ-то небывалыхъ еще силъ. Утромъ мужъ ея еще спалъ, а она въ другой комнатѣ уже усаживалась къ мольберту и лихорадочно быстро писала задуманное еще въ Римѣ и словно расцвѣтшее на Неаполитанскомъ югѣ. Когда Александръ Петровичъ вставалъ, онъ неизмѣнно пробовалъ сердиться...

— Ты ужь опять за дѣломъ. Послушай, ты себя уходишь!

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Ну, брось, отдохни...

Она покорно оставляла кисти, чутко понимая что ему досадно сознавать пока полную невозможность работать самому; ему, творцу и художнику, больно видѣть другихъ, исполненныхъ бодрости и силы... Кромѣ того, она и не могла поступать иначе. Днемъ они

Любимицы. Картина Роберта Бейшлага, грав. Бонгъ.

гуляли, читали вдвоемъ. Только утро и часа три передъ обѣдомъ она могла урвать для работы... Рядновъ и самъ было принялся за дѣло, но долженъ былъ тотчасъ же бросить... Понятно, это не увеличивало хорошаго расположенія его духа. Глаза опять разболѣлись послѣ первыхъ попытокъ.

— Что съ тобою?

— Какъ ты не понимаешь! раздражался онъ.—Образы, сочетанія красокъ, идеи такъ и бродятъ въ головѣ. Я вижу какъ ошибался въ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ работахъ и какъ хороши были бы новыя... какъ бы жизненны и свѣжи вышли онѣ, и долженъ бродить сложа руки, переживая въ самомъ себѣ творческіе процессы и не давая имъ возможности вырваться на свободу, выразиться, воплотиться.

Что она могла сказать ему?

Подожди, скоро выздоровѣешь?

А развѣ она не понимала что это настроеніе быть-можетъ не вернется, что такъ ярко развивавшееся сегодня въ замыслѣ, завтра потускнетъ какъ крылья попавшей подъ дождь бабочки, что не будетъ той страстной жажды передать все это на полотно которая сегодня такъ палитъ возмущенную душу. Точно каждый день приходитъ это вдохновеніе! Завтра — останется привычный выработанный пріемъ — но не будетъ души, отлетѣвшей далеко-далеко... Вѣра молчала и сама старалась работать больше и больше.

— Странное дѣло со мною, раздумчиво проговорилъ ея мужъ.—Чего я никогда не ждалъ... Я всегда радовался чужимъ работамъ, теперь, повѣришь-ли, меня злятъ твои... Когда подумаю, что ты можешь въ сутки сорокъ восемь часовъ, усмѣхнулся онъ,—просидѣть за мольбертомъ, а я долженъ бродить безцѣльно, только любуясь твоей работой, мнѣ становится такъ больно, такъ скверно... Неужели это зависть?.. Нѣтъ не думаю. Какъ могу я завидовать тебѣ!..

— Хочешь я брошу работу?

— Ну вотъ, возмущался онъ,—только этого еще не доставало! Работай, работай и не обращай вниманія на стараго брюзгу.

Онъ опять старался совладать съ собою. Садился у ея картинъ, всматривался, отмѣчалъ ея ошибки и промахи — но это продолжалось минуты, часъ, не болѣе. Въ концѣ — опять смутное облако становилось между его глазами и картиною, облако за которымъ тускли краски и какъ-то сливались контуры.

— Знаешь? обратился разъ онъ къ Вѣрочкѣ. — Ты начинаешь небрежно вырисовывать контуры.

— Какъ это? удивилась она.

— Разумѣется я не требую чтобы ты подчеркивала ихъ, какъ это дѣлалъ Тьеполо, но нельзя впадать и въ расплывчатость.

— Гдѣ ты видишь расплывчатость?

— Да вотъ хотя-бы здѣсь.

Вѣрочка посмотрѣла, съ изумленіемъ перевела взглядъ на Ряднова и только теперь замѣтила, что съ его глазами творится что-то странное. Онъ усиливался фиксировать взглядъ—вслѣдствіе этого и выраженіе ихъ получало какое-то неопредѣленное, странное, напряженное, какъ у гипнотизуемаго.

— Что ты на меня такъ смотришь?

Ее что-то ударило въ сердце... Первый разъ еще она поняла серьезность того положенія, въ которомъ онъ находился.

— Да, правда, согласилась она, хотя именно на этой картинѣ контуры фигуръ были вырисованы пожалуй слишкомъ рѣзко.—Да, правда, спасибо что ты замѣтилъ.

— Вѣрно значитъ? обрадовался онъ.—Вѣрно? Я думалъ сначала, что мнѣ это кажется, что глаза шалятъ. А значитъ дѣйствительно? Справедливо, да?..

И онъ расцвѣлъ весь... А ей хотѣлось плакать надъ нимъ въ эти минуты.

Теперь она работала уже по утрамъ, вставала для этого съ солнцемъ. Онъ спалъ въ своей комнатѣ, завѣшанной плотно голубыми гардинами. Когда онъ выходилъ, картины Вѣры Васильевны были уже повернуты къ стѣнѣ и не бросались ему въ глаза. „Пойдемъ, я хочу гулять“. И она торопливо уводила его въ садъ, окружавшій эту виллу, гдѣ среди ослѣпительнаго блеска итальянскаго дня стояла густая темень пышныхъ аллей и прохлада, такъ хорошо дѣйствовавшая на Ряднова.

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

XIV.

На выраженное мною желаніе допросить сначала самого графа, какъ ближе всѣхъ стоявшаго къ покойной, изящный камердинеръ просилъ повременить немного.

Сраженный неожиданностью этого удара, графъ Клемецкій весь предъидущій день провелъ безъ маковой росинки во рту и возбужденно шагалъ всю ночь по освѣщенному кабинету. Рядомъ, въ его спальню, немедленно перенесли кровать единственнаго сына, и только на самой зарѣ, незадолго до нашего пріѣзда, графу удалось заснуть тяжелымъ сномъ.

Я сдался на основательность этой причины, и просилъ только о немедленномъ увѣдомленіи, когда онъ окажется въ состояніи дать мнѣ необходимое показаніе.

Прежде чѣмъ добраться до иностранки, упомянутой исправникомъ и столь памятной мнѣ лично, я счелъ полезнѣе выслушать разсказъ горничной, какъ перваго лица узнавшаго грозную вѣсть. Я разсчитывалъ вѣрнѣе почерпнуть изъ этого скромнаго источника свѣдѣнія проливавшія истинный свѣтъ на семейныя отношенія графской четы,—отношенія, на мой взглядъ, приведшія къ этой ужасающей развязкѣ.

Считая утомительнымъ стенографически заносить допросы на эти столбцы, я ограничусь только группированіемъ добытыхъ подробностей въ то оформленное цѣлое, которое мало-помалу слагалось въ моемъ напряженномъ умѣ.

Камеръюнгфера графини (какъ ее именовали въ домѣ), представшая передо мною, была женщина сорока трехъ лѣтъ, высокая, худая, со сдержанно-суровымъ выраженіемъ въ сѣрыхъ проницательныхъ глазахъ и слѣдами безспорной красоты на поблекшемъ лицѣ. Все, начиная съ мягкой, неслышной поступи, до полнаго отсутствія жестовъ, до самой манеры говорить, обличало ту выдержку, мало свойственную русскимъ женщинамъ изъ простаго званія, которая пріобрѣтается ими только постояннымъ вращеніемъ въ барскихъ хоромахъ.

Варвара Миронова, уроженка Элвораза, изъ дворовыхъ, была на десятомъ году взята въ дѣвичью покойной графини, матери теперешняго владѣльца, послѣ ея смерти постоянно оставалась при домѣ, и тотчасъ послѣ замужества Ольги Андреевны была опредѣлена къ ней.

Одного взгляда было мнѣ достаточно чтобы понять что Варвара могла бы многое уяснить еслибъ захотѣла; но въ этомъ-то условіи и заключалась вся задача.

Я инстинктивно угадывалъ въ ней слѣпую, фанатическую преданность людей стараго закала ко всему роду Клемецкихъ. Если кроткому нраву погибшей и удалось завоевать ея расположеніе, то при любой возникавшей стычкѣ, она ревниво должна была оберегать интересы своего повелителя противъ пришлаго, чуждаго элемента, чуть-ли не причисляя простое состраданіе къ разряду измѣнъ.

Во все время допроса, Варвара стояла передо мною смиренно скрестивъ руки на груди, съ опущенными глазами. На все отвѣчала безъ запинки, толково и крайне сжато.

Изъ ея показанія выяснилось что графиня жила совершенно одна въ лѣвой сторонѣ дома. Аппартаменты мужа находились по ту сторону парадныхъ гостиныхъ. Наверху помѣщеніе графчика съ дядькой, рядомъ — англичанки Miss Maxwell. На противоположной сторонѣ помѣщалась Лаура Викторовна, приближенное лицо, въ должности компаніонки,“ пояснила Варвара. Изъ спальни было всего двѣ двери. Одна, боковая, въ туалетную графини, выходящую въ длинный коридоръ, гдѣ находились дѣвичья и комната самой Варвары; другая—въ описанный уже будуаръ. Изъ него была пробита потайная дверь въ обширную галерею, превращенную въ зимній садъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ради преобладавшей страсти молодой женщины къ цвѣтамъ; во-вторыхъ, для удобства сообщенія со столовой и рядомъ нарочно устроенной витой лѣстницей, ведущей въ аппартаменты сына.

На мое замѣчаніе: что побуждало ее держать въ такомъ отдаленіи своего единственнаго ребенка,—Варвара, по неожиданности вопроса, слегка смутилась. Это не ускользнуло отъ меня.

Я настойчиво сталъ преслѣдовать эту мысль, и изъ менѣе осторожныхъ и двусмысленныхъ отвѣтовъ остальной прислуги, не трудно было прійти къ заключенію, что ребенка систематически удаляли отъ матери.

Я предугадывалъ конечно чье нравственное давленіе должно было тяготѣть надъ жизнью покойной, но цѣль преслѣдуемая этимъ насильственнымъ отчужденіемъ до времени оставалась сокрытою.

По Варвариному объясненію выходило, что графъ пытался этимъ избѣгнуть чрезмѣрнаго баловства, которому мальчикъ подвергался съ самой колыбели, по милости не знавшей предѣловъ материнской любви. Въ послѣдніе же годы онъ сталъ опасаться какъ бы постоянная и все возраставшая меланхолія графини не повліяла на его впечатлительную натуру.

Первое время своего замужества, графиня не то чтобы пристрастилась къ свѣтской жизни, но выѣзжала всюду и охотно. Затѣмъ, два года спустя, пока они продолжали жить заграницей, ея мать умерла въ Москвѣ. Она тосковала, порывалась на родину, тревожилась о своихъ. Графъ не переставалъ заботиться объ нихъ издали, но отказался вернуться на зиму изъ опасенія за здоровье годовалаго сына. Спустя нѣкоторое время они поселились въ Петербургѣ. Три года съ небольшимъ прошли самымъ обыкновеннымъ, мирнымъ теченіемъ. Двухъ старшихъ сестеръ она взяла къ себѣ въ домъ; младшія воспитывались въ институтѣ, по настоянію графа. Вдругъ, по какой-то никому не понятной, странной причудѣ, графиня, по собственному почину и вопреки не разъ высказанному желанію мужа, полюбившаго ихъ веселое общество, удалила ихъ отъ себя, отдавъ на попеченіе бездѣтному дядѣ. Даже рѣдко къ себѣ въ домъ пускать стала, до выхода замужъ старшей, Марьи Андреевны, за какого-то Винева, незначущаго столоначальника въ вѣдомствѣ дяди. Графъ отнесся къ этому браку несочувственно. Сама Варвара отзывалась о немъ свысока, давая почувствовать что со связями Клемецкихъ и съ приданымъ, которое онъ навѣрное далъ бы при болѣе подходящей партіи, можно было бы куда лучше упрочить участь сестры. Въ словахъ ея звучалъ укоръ Ольгѣ Андреевнѣ за настойчивость проявленную въ этомъ дѣлѣ.

Одновременно съ этими событіями, характеръ ея видимо измѣнился. Оживленіе исчезло, выѣзды и пріемы стали въ тягость. Она избѣгала даже общества мужа; улыбка появлялась на лицѣ только въ играхъ да бесѣдахъ съ подроставшимъ сыномъ. По совѣту докторовъ, приписавшихъ эту постоянную, подтачивающую грусть какой-то мудреной, нервной болѣзни, вся семья уѣхала заграницу, гдѣ снова пробыли годъ.

Къ этому путешествію относится появленіе француженки въ домѣ. Въ слѣдующую весну (по сдѣланному мною исчисленію, нѣсколько мѣсяцевъ спустя нашей встрѣчи), графиню постигъ внезапный ударъ: самоубійство старшаго, любимаго брата. Николай Коринъ былъ уже давно гвардейскимъ офицеромъ, и изъ намековъ Варвары я узналъ, что она много горя отъ него вытерпѣла. Пораженный этимъ страннымъ совпаденіемъ, я тутъ же сталъ доискиваться причины и безъ всякаго труда узналъ, что наканунѣ смерти онъ проигралъ въ карты значительный кушъ.

Всѣ карманныя деньги графини, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пособій бѣднымъ, переходили въ его руки, такъ что простота и однообразіе ея туалетовъ не разъ гнѣвили мужа, находившаго что она омрачаетъ блескъ своего положенія и имени.

Истощены ли были всѣ ея средства въ этотъ моментъ, тяготилась ли она обратиться за помощью къ мужу, или можетъ быть рѣшилась проучить брата, полагая предѣлъ его возрастающей расточительности?—этого, понятно, никто изъ прислуги не могъ знать; достовѣрно только то, что послѣ бурной сцены, братъ вышелъ отъ нея блѣдный, съ искривленнымъ лицомъ и сверкающими глазами; а она не появлялась къ обѣду и запершись въ своей комнатѣ проплакала всю ночь. На утро, посланный изъ гостиницы принесъ оставленное письмо на ея имя и роковую вѣсть, что Коринъ выстрѣломъ изъ револьвера размозжилъ себѣ голову.

Эта развязка чуть было самой графинѣ не стоила жизни. Какъ скошенная трава упала она и цѣлыми днями потомъ лежала неподвижно съ расширенными зрачками, уставленными въ одну точку, а блѣдныя губы безсмысленно лепетали: „Жертва... вотъ и жертва... на что?.. кому?..“

Всѣ кругомъ стали опасаться проявленій сумасшествія. Но мало-по-малу острый кризисъ отчаянія улегся. Она жадно стала собирать и окружать себя предметами напоминавшими погибшаго брата. Такъ, напримѣръ, всѣ единогласно указали на то, что гдѣ бы она ни находилась, рядомъ съ божницей всегда висѣлъ поясной портретъ покойника, а подъ нимъ, на гвоздѣ—револьверъ съ сохранившимися слѣдами его запекшейся крови. Всѣмъ былъ данъ строжайшей запретъ прикасаться къ этому оружію.

Въ самый день происшествія, Варвара хорошо помнила, что, раздѣвъ графиню и кое-что прибравъ на-ночь, она вышла, оставивъ ее колѣнопреклоненно совершать вечернюю, весьма продолжительную, молитву. Взглядъ ея разсѣянно упалъ на зловѣщее оружіе, висѣвшее на обычномъ мѣстѣ, и невольно поддавшись суевѣрному страху, она еще мысленно подивилась мужеству Ольги Андреевны, такъ хладнокровно относившейся къ тайнамъ и ужасамъ загробной жизни. Не чаяла она такъ наглядно признать дѣйствіе нечистой силы, узрѣвъ на другой день этотъ самый пистолетъ въ остывшей рукѣ, вторично загубившимъ человѣческую жизнь.

Капли холоднаго пота выступили у меня при этомъ сообщеніи. Неужели роковое предопредѣленіе сказывало свою власть въ этой таинственной нити, приведшей два близкія существа, полныя жизни и силы, къ преждевременной кончинѣ.

Я инстинктивно чуялъ въ этомъ самомъ револьверѣ какъ бы узелъ предугаданной мною драмы—и вдругъ безспорная принадлежность его молодой женщинѣ подтвердилась цѣлой толпой непричастныхъ свидѣтелей!

Сопоставляя признаки гнетущей меланхоліи, вытекавшіе изъ мелкихъ фактовъ собранныхъ дознаніемъ, я близокъ былъ къ мысли отречься отъ запавшаго въ сердце подозрѣнія, и допуская минуту душевнаго аффекта, порожденнаго чуждою и холодною атмосферою, сознаніемъ безплодно потраченныхъ силъ и наступившей безпомощности, хотѣлъ уже признать неоспоримость докторскаго заключенія. Но смутное предчувствіе тѣмъ не менѣе упорно боролось съ логическими аргументами разума и очевидностью явленій, поощряя меня слѣдовать по разъ намѣченному пути.

Впрочемъ, за послѣдніе полтора года жизнь молодой женщины казалось улеглась въ обычную колею. Религіозное настроеніе сильно развилось въ ней. Она часто посѣщала церковь, постоянно молилась за упокой брата, и слѣды благотворнаго умиротворенія освѣтили ея блѣдныя, измученныя черты. Любимымъ ея времяпровожденіемъ была личная помощь неимущимъ. Съ пріѣздомъ въ Элворазъ ея благотворительность обрѣла широкое поле. Графъ, въ своемъ олимпійскомъ величіи, не допускалъ къ усадьбѣ чернаго, рабочаго люда; зато она, съ утра, успѣвала обойти бѣднѣйшія хаты, оставляя повсюду вещественные слѣды своего сочувствія.

Остальное время дня она проводила въ своемъ кабинетѣ, гдѣ на всѣхъ предметахъ еще лежалъ отпечатокъ ея обычныхъ занятій. Общеніе съ мужемъ ограничивалось совмѣстнымъ присутствіемъ въ столовой два раза въ день, такъ какъ утренній и вечерній чай подавался всѣмъ отдѣльно. Ей оставили право разъ въ день заходить къ сыну, и она обыкновенно молча присутствовала и слѣдила за его уроками. На сонъ грядущій его приводили къ ней, и это обязательное посѣщеніе продолжалось отъ пяти минутъ до получаса, смотря потому кто сопровождалъ ребенка, M-lle Laure или Miss Maxwell. Не трудно было понять что присутствіе первой сокращало и эту малую утѣху.

Никто изъ тщательно опрошенной прислуги не могъ припомнить не то что бурной сцены, но даже явнаго недоразумѣнія между супругами. Духовный разрывъ, тяготѣвшій надъ всѣмъ домомъ, произошелъ такъ же незамѣтно, какъ и давно. Слова жалобы или сѣтованія на судьбу никогда не сорвалось изъ устъ покойной. Можетъ-быть посреди этой темной толпы наболѣвшее сердце не чуяло ни единаго искренно преданнаго существа, способнаго чистосердечно отозваться. Систематически подстроенное одиночество служило затаеннымъ цѣлямъ недремлющаго врага. Холодная небрежность мужа проглядывала во всемъ его поведеніи; онъ предоставлялъ ей полную свободу дѣйствій, за исключеніемъ единственнаго предмета имѣвшаго цѣну въ ея глазахъ, а именно—воспитанія сына. Отказа она ни въ чемъ другомъ не испытывала. Правда, поясняли нѣкоторые, что за послѣднія пять лѣтъ, замкнувшись въ себя, она видимо тяготилась всякимъ одолженіемъ мужу.

Положеніе Laure Derlong въ качествѣ признанной фаворитки и всевластной повелительницы въ домѣ, настолько ясно вытекало изъ вынужденныхъ отвѣтовъ, что даже сама Варвара не сочла возможнымъ отрицать его. На мой вопросъ: не оскорбленное-ли супружеское достоинство и попранное самолюбіе довели графиню до роковаго намѣренія,—она многозначительно повела плечами и промолвила съ авторитетомъ бывалыхъ людей:

— Съ чего же тутъ? десять лѣтъ какъ замужемъ была, а больше половины какъ совсѣмъ чужіе прожили. Эта не первая, да и врядъ-ли послѣдняя. Въ господскомъ быту такими пустяками не сокрушаются.

И въ этихъ словахъ: „господскій бытъ“ заключался какой-то таинственный лозунгъ, удовлетворительно объяснявшій всей дворнѣ всю тяжесть ненормальныхъ отношеній Клемецкой четы.

Я чувствовалъ что выжалъ изъ Варвары все что было въ моихъ силахъ. Существенность остальныхъ многочисленныхъ показаній была набросана на бумагу, и я со смутнымъ волненіемъ готовился ко встрѣчѣ съ француженкой, собираясь помѣряться силами съ искуснымъ противникомъ, какъ меня поспѣшили увѣдомить что графъ Клемецкій ожидаетъ меня. Я, ни минуты не теряя, послѣдовалъ за посланнымъ.

XV.

Вправо отъ танцовальной залы находилась бильярдная, далѣе просторная библіотека. Въ старинныхъ рѣзныхъ шкапахъ,

Общій видъ Праги. Рис. Хитусси, грав. Кнезингъ.

По деревнямъ съ краснымъ товаромъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **В. Величанова**, грав. Пуцъ.

высившихся до самаго потолка, виднѣлись дорогія, рѣдкостныя изданія, отъ одного вида которыхъ сердце ученаго или археолога радостно бы замерло, но очевидно обреченныя тутъ на безплодный покой. Массивная дубовая дверь беззвучно распахнулась передо мною, и спутникъ мой моментально исчезъ.

Я очутился на порогѣ мужскаго кабинета, совмѣщавшаго тяжелую роскошь дѣдовскихъ временъ со всею утонченностью современнаго комфорта. Густые, ярко-пестрые персидскіе ковры заглушали шорохъ шаговъ; высокія окна съ расписными стеклами въ готическомъ стилѣ, пропускали мягкій свѣтъ, фантастическими переливами игравшій на драгоцѣнномъ оружіи, рукой умѣлаго артиста разбросанномъ то на аломъ фонѣ бархата, то на распростертой шкурѣ дикаго звѣря. Разные поставцы съ серебряною, старинною утварью отдѣляли по стѣнамъ разнородныя группы. Въ простѣнкахъ грузныя фигуры рыцарей въ средневѣковыхъ латахъ рѣзко подчеркивали всю изысканную нѣгу низкихъ, мягкихъ креселъ, причудливой кушетки съ кружевной подушкой, надъ которою широколиственная пальма, пересаженная въ дорогую японскую вазу, распространяла поэтическую тѣнь. Самые достопримѣчательные предметы искусства мелькали въ глазахъ; но взглядъ мой, бѣгло окинувъ всю комнату, остановился на серединѣ ея.

У чернаго мраморнаго камина, устало склонивъ голову на облокотившуюся руку, стояла высокая, сухощавая фигура графа Клемецкаго. Я имѣлъ полную возможность разглядѣть досыта его черты, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ мое присутствіе.

За эти четыре года онъ видимо постарѣлъ. Никакая уловка прически не могла уже скрыть безпощадную лысину; въ тусклом сѣромъ взорѣ величавая скука смѣнилась притупленною апатіей. Въ мелкой сѣткѣ морщинъ испещрявшихъ виски, въ болѣзненно-сѣромъ цвѣтѣ лица краснорѣчиво сказывались слѣды жизненнаго пресыщенія. Въ сгорбленныхъ колѣняхъ можно было уловить слабое трясеніе.

Я слегка кашлянулъ, чтобы привлечь его вниманіе. Онъ мгновенно встрепенулся. Черты его уже приняли величаво-грустное выраженіе, когда онъ медленно подался мнѣ на встрѣчу.

— Судебный слѣдователь Забѣльскій, счелъ я нужнымъ сообщить.

Онъ протянулъ мнѣ костлявые пальцы холодной руки тѣмъ снисходительнымъ жестомъ, который невольно подчеркиваетъ различіе соціальныхъ положеній между людьми, случайно сведенными судьбою.

— Я крайне сожалѣю, началъ онъ беззвучнымъ голосомъ,— что нервное потрясеніе, испытанное мною, не дозволило мнѣ лично слѣдить за исполненіемъ тяжелой процедуры, выпавшей вамъ на долю въ моемъ домѣ; но лишь только мнѣ доложили о вашемъ желаніи освѣдомиться лично у меня о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого неожиданнаго и ужасающаго происшествія, я собрался съ силами, и какъ вы теперь видите, вполнѣ къ вашимъ услугамъ.

Онъ грузно опустился въ бархатное кресло, указывая мнѣ рукою послѣдовать его примѣру.

— Экспертиза доктора Журина привела къ признанію факта самоубійства, началъ я,—вполнѣ-ли вы раздѣляете это мнѣніе?

И я не сводилъ съ него взора, напрягая всю прозорливость и силу воли, чтобы заглянуть въ тайникъ его души.

Онъ удивленно приподнялъ отяжелѣвшія вѣки. Мы помѣрялись глазами, но я не могъ уловить въ немъ и тѣни смущенія.

— Если-бы я не причислилъ вашъ вопросъ къ соблюденію формальностей, то онъ показался бы настолько же наивнымъ, насколько излишнимъ.

— Въ такомъ случаѣ, мой служебный долгъ предписываетъ мнѣ добраться до причины столь прискорбнаго факта. Я, кажется, въ правѣ полагать, что моя цѣль должна идти навстрѣчу вашему желанію?

Онъ кивнулъ головой въ знакъ молчаливаго одобренія.

— Всякій на моемъ мѣстѣ пришелъ бы въ недоумѣніе при видѣ молодой женщины-красавицы, въ самыхъ исключительно-счастливыхъ условіяхъ жизни, какъ мнѣ довелось судить, рѣшающейся на роковой, безвозвратный шагъ—обыкновенно или послѣдствіе непосильной борьбы, или исходъ безпредѣльнаго отчаянія.

— Кто вызовется истолковать сердце женщины вообще, а моей несчастной жены въ особенности? отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго раздумья съ подавленнымъ вздохомъ.

— Тѣмъ не менѣе, я считаю себя въ правѣ настаивать, такъ какъ мнѣніе лица, ближе всѣхъ стоявшаго къ покойной графинѣ, неминуемо должно пролить свѣтъ на обстоятельства породившія самый фактъ.

— Вотъ цѣлыя сутки—и одинъ Богъ свидѣтель, какъ онѣ мнѣ томительно длинны показались! — я стою лицомъ къ лицу съ этой таинственной загадкой и сознаюсь откровенно: она мнѣ не по силамъ.

Голосъ его чуть замѣтно дрогнулъ.

Я, въ свою очередь, поглядѣлъ на него съ изумленіемъ. Комедіи такъ не разыграть. Онъ былъ безспорно искрененъ въ эту минуту.

— Я, по мѣрѣ силъ, тщательно выслѣдилъ всю жизнь покойницы, напирая особенно на послѣдніе мѣсяцы и дни. Изъ показаній вашей многочисленной прислуги, ничто не указываетъ на внезапный мотивъ, могшій повлечь къ подобному рѣшенію, но, понятно, бываютъ тайны, способныя породить неожиданныя, тяжелыя или обидныя для женскаго достоинства столкновенія, а это легко могло сокрыться отъ ихъ назойливаго любопытства.

— Я понимаю всю прозрачность вашего намека.—Ироническая улыбка скривила тонкія губы графа.—Ваши обязанности вовлекли васъ въ невольное вторженіе въ мою семейную жизнь. Вамъ, вѣроятно, истолковали ее превратно. Я не хочу, чтобы вы считали себя въ правѣ упрекнуть меня, я не знаю, какъ это выразить: въ manque de bonne volonté [1]), вы понимаете меня?

Я молча кивнулъ головою.

(Продолженіе будетъ).

Пища и напитки на Востокѣ.

Въ большихъ восточныхъ городахъ, гдѣ образъ жизни „франковъ" (такъ называютъ здѣсь всѣхъ вообще европейцевъ) достаточно привился, какъ Смирна, Бейрутъ, Іерусалимъ, Александрія, Каиръ, въ настоящее время къ услугамъ путешественника находятся вполнѣ комфортабельныя гостиницы, въ которыхъ проѣзжій англичанинъ найдетъ свой бифстекъ и пуддингъ, французъ—любимое рагу и салатъ, итальянецъ—родныя макароны, а нѣмецъ — шнельклопсъ и пиво. Но если случится отправиться глубже въ страну, то уже придется захватить провизію съ собою, чтобы наравнѣ съ восточными купцами имѣть возможность останавливаться въ караванъ-сараяхъ или ханахъ, гдѣ кромѣ безплатнаго пристанища ничего нельзя получить и проѣзжимъ предоставляется самимъ заботиться о своемъ столѣ.

Такъ какъ при подобномъ путешествіи приходится иногда имѣть дѣло съ мѣстными кушаньями, то небезинтересно съ ними познакомиться. Дальнѣйшая наша рѣчь будетъ посвящена этому вопросу.

На всемъ Востокѣ пилавъ издавна составляетъ національное кушанье, ибо уже за триста лѣтъ до Р. Х. онъ подавался къ столу персидскихъ царей. Смотря по приготовленію, различаютъ простой, золотой и персидскій пилавъ. Первый состоитъ просто изъ отвареннаго въ водѣ риса, облитаго жиромъ; лучше приготовляютъ его изъ отвареннаго риса, перемѣшаннаго съ кусочками баранины или курицы, а въ Средней Азіи сюда прибавляютъ еще моркови и чернослива. Какъ при пилавѣ, такъ и въ другихъ мясныхъ блюдахъ, употребляютъ преимущественно баранину, благодаря чему, ко времени праздника Байрама, барановъ колютъ тысячами. Впрочемъ, послѣдніе, а также и ягнята, здѣсь очень вкусны вслѣдствіе того, что кормомъ имъ служитъ сочная, душистая трава, произрастающая на горахъ и горныхъ долинахъ, извѣстныхъ здѣсь подъ названіемъ „вади",—вотъ почему всѣ почти мясныя блюда приготовляются почти исключительно изъ мяса этихъ животныхъ. Изъ такихъ кушаній особеннымъ предпочтеніемъ пользуется „кебабъ" или „шишъ-кебабъ", какъ здѣсь называютъ маленькіе кусочки мяса, поджаренные на вертелѣ; далѣе изъ рубленнаго мяса приготовляютъ „кіима", а вареная баранина съ обильной подливкой носитъ названіе „яна". Въ Персіи особенно любятъ „луле-кебабъ", приготовляемый изъ жирнаго рубленаго мяса, которое нанизываютъ на тоненькій прутикъ и такимъ образомъ подрумянивают.

Насколько восточные народы любятъ свою баранину, настолько же они къ говядинѣ чувствуютъ отвращеніе; это укоренилось у нихъ вѣками, благодаря тому, что она по ихъ понятіямъ вредна. Поэтому коровъ и телятъ рѣжутъ здѣсь исключительно только для христіанъ и евреевъ; туземецъ же ни за что не станетъ ѣсть мясо этихъ животныхъ. Если нубійскій крестьянинъ и вырѣжетъ изъ ляжки своего рабочаго вола кусокъ мяса на бифстекъ проѣзжему англичанину, то преспокойно будетъ ждать заживленія раны, не убивая животнаго.

Очень вкуснымъ блюдомъ считается еще такъ-называемая „долма", которыхъ мѣстные гастрономы насчитываютъ до пятнадцати сортовъ. Это названіе означаетъ вообще все, что чѣмъ нибудь фаршировано; такъ, великолѣпный султанскій дворецъ на берегу Босфора—Долма-Бахче, означаетъ собственно „фаршированный садъ", т. е. почва котораго искусственно удобрена. Потомъ оно означаетъ еще начинку, и вотъ отсюда названіе любимаго кушанья. Приготовляются онѣ изъ сильно приправленнаго мяса птицъ или рыбъ съ рисомъ или овощами, затѣмъ все это завертывается въ листья винограда или тыквенныхъ растеній въ видѣ колбасы. Особая долма, болѣе всего любимая турками, представляетъ начинку приготовленную съ масломъ и употребляемую въ пищу въ холодномъ видѣ, вслѣдствіе чего она постоянно сопровождаетъ путешествующихъ какъ по морю, такъ и на сушѣ, а также и отправляющихся гулять на кладбище.

Птицы находятъ себѣ на восточной кухнѣ многоразличное примѣненіе. Поэтому вблизи базара всегда можно встрѣтить крестьянокъ съ большими корзинами куръ и голубей на головѣ; па самомъ же рынкѣ можно найти „ката" (родъ куропатки), перепелокъ, дрохвъ, болотную и водяную дичь, наловленную по большей части при помощи силковъ, а въ странахъ около рѣки

[1]) Въ недостаткѣ доброй воли.

Евфрата, для ловли ихъ пользуются охотничьимъ соколомъ. Изъ четвероногой дичи наибольшему преслѣдованію подвергается быстроногая газель; около Мертваго моря бедуинъ выслѣживаетъ каменнаго барана Іудейской пустыни. Горная Аравія изобилуетъ красною дичью, также нерѣдки зайцы, которыхъ, впрочемъ, магометане-шіиты не ѣдятъ, считая ихъ за нечистыхъ животныхъ, запрещенныхъ къ употребленію въ пищу. На Востокѣ также встрѣчаются огромными стаями дикіе кабаны, которые здѣсь свободно размножаются, не подвергаясь преслѣдованію со стороны мѣстныхъ охотниковъ.

Что касается рыбы, то на рынкахъ приморскихъ и приръчныхъ городовъ ее можно найти въ большомъ выборѣ. Константинопольскій рыбный рынокъ славится лучшими макрелями и тунцами или скумбрами (Scomber thynnus), а въ каирскомъ „муски" въ большомъ изобиліи находятся какъ свѣжія морскія рыбы изъ Александріи, такъ и жареныя нильскія.

Изъ кухонныхъ растеній первое мѣсто занимаютъ тыквенныя (дыня, арбузъ, огурцы), чеснокъ и лукъ. Дыня въ здѣшнемъ жаркомъ климатѣ является драгоцѣннымъ фруктомъ, восхитительный ароматъ котораго распространяется по всему базару, причемъ, благодаря тому что за нѣсколько мелкихъ мѣдныхъ монетъ всякій можетъ на рынкѣ купить себѣ ломтикъ, не только богатый, но и послѣдній бѣднякъ имѣетъ возможность насладиться имъ. Лучшія дыни растутъ въ Хивѣ и Персіи, вообще же онѣ распространены въ странахъ прилегающихъ къ Кавказу, во всей передней Азіи и Египтѣ, вплоть до Венгріи и нижняго теченія Дуная. Мѣстная дыня, вслѣдствіе своего пряннаго аромата и нѣжнаго вкуса, можетъ стать на ряду съ лучшими фруктами; она до того сочна, что такъ и таетъ во рту, а при разрѣзываніи сокъ ея падаетъ густыми, тяжелыми каплями. Куски арбуза, очень здѣсь ароматнаго и сладкаго, съ хлѣбомъ составляютъ въ высшей степени освѣжающее лакомство, которымъ наслаждается все населеніе. Такимъ образомъ дыни и арбузы являются очень важными фруктами и привозятся ко времени ихъ спѣлости цѣлыми возами на базаръ съ полей, гдѣ ихъ разводятъ. Затѣмъ, широкораспространенными въ народѣ овощами являются огурцы. Мѣстный огурецъ имѣетъ твердое, сладковатое мясо. Крестьяне Виѳлеема и Виѳаніи приносятъ по утрамъ большое количество огурцовъ на рынокъ Іерусалима, гдѣ любимую пищу народа составляютъ преимущественно длинные сорта ихъ. У восточныхъ народовъ очень важную роль въ приготовленіи кушанья играютъ чеснокъ и лукъ. Благодаря тому, что эти растенія пользуются такимъ предпочтеніемъ семитическихъ народовъ, ихъ разводятъ повсюду, причемъ, благодаря культурѣ, имѣется горькій и сладкій лукъ, отличающіеся другъ отъ друга тѣмъ, что послѣдній не обладаетъ такимъ сильнымъ запахомъ и болѣе нѣжнаго вкуса, чѣмъ обыкновенный; также и чеснокъ здѣсь имѣется такой, который въ значительной мѣрѣ утратилъ свой характерный, противный запахъ.

Больше всего почитаютъ на Востокѣ конфеты и всѣ вообще сласти. Безъ сладкаго не кончается ни одинъ обѣдъ, а въ Персіи даже мясо обсыпаютъ сахаромъ и корицею. Кромѣ конфетъ, называемыхъ въ Турціи „татлиликъ", въ Персіи „ширини", въ Аравіи „шекерлама", очень любятъ халву, продаваемую халваджами, которые приготовляютъ ее изъ рисовой муки съ сахаромъ или медомъ и кунжутнымъ масломъ; затѣмъ идетъ „баклава"—жирное тѣсто, густо обсыпанное сахаромъ; далѣе „буреки"—пирожки со сладкими овощами, преимущественно же „рахатъ-лукумъ", т. е. удовольствіе или успокоеніе горла. Лучшіе кондитеры Востока—персіяне. Въ болѣе тонкомъ поварскомъ искусствѣ, въ которомъ арабы ихъ превосходятъ, тогда какъ турки въ этомъ стоятъ значительно ниже, вездѣ видно вліяніе персіянъ. Въ Турціи, Аравіи и Персіи всегда увидишь кондитера этой національности, съ его очень красивыми пирожными на деревянныхъ тарелкахъ, носящихъ названіе „гонджа". Въ торжественные дни сласти играютъ громадную роль, такъ во время свадебной процессіи везутъ цѣлыя корзины ихъ, а во время праздника по случаю обрѣзанія, равно какъ и при похоронахъ знатныхъ лицъ, слуги съ нагруженныхъ верблюдовъ пригоршнями кидаютъ народу различныя лакомства.

Фруктовый сокъ также находитъ себѣ примѣненіе; виноградный и арбузный сокъ, а также и сокъ константинопольскихъ рожковъ или стручьевъ сгущаютъ до консистенціи сиропа, причемъ арбузный сокъ вездѣ на Востокѣ употребляется вмѣсто сахара. Очень вкусны варенье и засахаренные фрукты, особенно же экстрактъ изъ розъ, фіалокъ или ванили, приготовленіемъ которыхъ Востокъ уже издавна славится. Какъ въ Каирѣ и Александріи, такъ равно въ Дамаскѣ и Стамбулѣ можно освѣжиться мороженымъ („дондурмакъ"), причемъ два послѣдніе города пользуются для этой цѣли льдомъ Олимпа въ Виѳиніи и Гермона.

Изъ фруктовыхъ деревьевъ въ Аравіи, Египтѣ и другихъ странахъ Африки первое мѣсто занимаетъ финиковая пальма; въ Аравіи финики, кромѣ того что представляютъ главный предметъ торговли, служатъ почти ежедневною пищею народу. Также и апельсинное дерево распространилось изъ своей родины—Индіи, во всѣхъ этихъ странахъ, причемъ въ Палестинѣ лучшими апельсинами считаются справедливо яффскіе, которые поэтому можно встрѣтить на всѣхъ рынкахъ Сиріи. Гранатное дерево, пользуясь особенною любовью арабовъ, вездѣ сопровождаетъ ихъ, такъ что, какъ извѣстно, и городъ Гренада получилъ свое названіе благодаря этому обстоятельству. Изъ другихъ фруктовъ Востока справедливо славятся дамасскіе и алеппскіе абрикосы и сливы, смоквы изъ Смирны, виноградъ изъ Шираза и Таифа, груши изъ Натенца, персики съ Родоса и египетскіе бананы; къ нимъ слѣдуетъ еще прибавить миндаль и орѣхи передней Азіи, фисташки изъ Алеппо и кокосовые орѣхи верхняго Египта.

Во всей пустынѣ главная пища—масло, въ которомъ бедуины положительно купаются, затѣмъ хлѣбъ, размазня и степной сморчокъ. Барана здѣсь закалываютъ только въ томъ случаѣ, когда у шейха гости, или же въ праздникъ.

Какіе напитки въ употребленіи на Востокѣ? Нужно замѣтить, что въ этихъ жаркихъ странахъ воду цѣнятъ гораздо выше чѣмъ на сѣверѣ Европы, и свѣжая вода является здѣсь очень дорогимъ питьемъ. Мѣстные поэты воспѣли въ своихъ пѣсняхъ источники, вытекающіе изъ подножія пальмъ среди песковъ или голаго камня, и вмѣстѣ съ ними „тѣхъ князей, которые ихъ выкопали". Народъ благословляетъ устраивающихъ колодцы, изъ-за обладанія которыми часто происходятъ кровавыя распри. Многіе, даже большіе города, имѣютъ всего одинъ колодецъ, а иногда даже и того нѣтъ, такъ что жители собираютъ себѣ въ цистерны дождевую воду, выпадающую во время зимы. На улицахъ всякаго восточнаго города можно увидѣть носильщика воды, который часто совершаетъ далекія прогулки, чтобы снова наполнить свой заплатанный козій мѣхъ водою.

Изъ составныхъ напитковъ восточные люди больше всего любятъ „шербетъ" (фруктовый сокъ съ водою). Потребленіе его въ этихъ жаркихъ странахъ громадное, причемъ сокъ лимоновъ, персиковъ, гранатъ и другихъ фруктовъ, пріятно охлажденный снѣгомъ или искусственнымъ льдомъ, доставляетъ восточному лакомкѣ большое наслажденіе. Къ числу лучшихъ шербетовъ принадлежитъ занесенный изъ Греціи „розатонъ" (засахаренные лепестки розъ), который до сихъ поръ въ Дамаскѣ и другихъ мѣстахъ остается любимымъ напиткомъ. Арабы называютъ этотъ шербетъ „фокка", также „кошабъ", т. е. пріятная вода; впрочемъ, это названіе они даютъ и другимъ фруктовымъ шербетамъ.

Необходимымъ напиткомъ восточнаго человѣка является чашка кофе, которою и купецъ считаетъ долгомъ угостить своего покупателя. Въ арабскихъ кофейняхъ, лишенныхъ по большей части почти всякаго комфорта, этотъ ароматный и вкусный напитокъ можно получить за нѣсколько „пара" (около ¼ коп.). Во всякомъ арабскомъ домѣ имѣется „кхавахъ"—кофейная комната, которая служитъ для варки кофе и вмѣстѣ съ тѣмъ сборнымъ пунктомъ мужчинъ. Въ Персіи пьютъ также много чаю, иногда ради разнообразія выпьетъ его и важный турокъ, но преимущество все-таки остается за кофе, который является здѣсь вполнѣ мѣстнымъ напиткомъ. Лица, которымъ приходится побывать въ нѣсколькихъ домахъ, выпиваютъ его до десяти, пятнадцати чашекъ въ день. Когда въ „кхавахѣ" находится гость, то первую чашку выпиваетъ всегда тотъ, кто его варитъ, чтобы показать, что „нѣтъ смерти въ его горшкѣ".

Пророкъ запретилъ мусульманамъ пить вино, ибо какъ до Магомета, такъ и въ его время пьянство было народнымъ несчастіемъ. Греческіе христіане разсказываютъ преданіе, будто Магометъ, выпивъ вина, убилъ своего учителя, монаха Сергія, о которомъ онъ такъ сожалѣлъ, придя въ нормальное состояніе, что запретилъ и своимъ послѣдователямъ употребленіе этого напитка. Говорятъ также, будто онъ лишилъ своихъ послѣдователей вина изъ ненависти къ христіанамъ, у которыхъ оно употребляется въ таинствѣ Причащенія. Вѣроятнѣе же объясненіе этого запрещенія заключается въ томъ, что онъ уже у нѣкоторыхъ іудейскихъ сектъ видѣлъ воздержаніе въ этомъ отношеніи и передалъ своимъ послѣдователямъ это аскетическое правило, какъ и многія другія; въ Коранѣ онъ называетъ вино „нечистымъ, отвращеніемъ и произведеніемъ сатаны". Однако въ настоящее время, особенно въ высшихъ, не столь религіозныхъ слояхъ общества, это далеко не исполняется такъ строго. При дипломатическихъ обѣдахъ въ Константинополѣ и Каирѣ шампанское льется рѣкою, впрочемъ подъ названіемъ „шипучаго лимонада". При вечернихъ собраніяхъ у эфенди въ виллахъ, лежащихъ у Босфора, напиваются водкою или „раки", употребленіе которой не запрещено Кораномъ, впрочемъ единственно потому, что при Пророкѣ этотъ напитокъ еще не былъ извѣстенъ; а въ Персіи жены шаха устраиваютъ цѣлыя попойки. Вообще однако слѣдуетъ сказать что отъ пьянства страдаетъ на Востокѣ лишь высшій классъ, тогда какъ народъ отличается большею трезвостью сравнительно съ европейцами.

Теперь представимъ себѣ, что мы присутствуемъ на восточномъ обѣдѣ. Каждый арабскій обѣдъ начинается общимъ восклицаніемъ „бисмиллахъ" (именемъ Божьимъ). Предъ трапезой всѣ умываютъ себѣ сначала руки, затѣмъ садятся всѣ на корточки вокругъ стола, вмѣсто котораго у бедуинскаго шейха служитъ деревянная доска, обитая мѣдью, обыкновенно же кусокъ кожи, который послѣ обѣда стягивается на подобіе мошны и служитъ для сохраненія остатковъ обѣда. Ѣдятъ безъ ножа и вилки, пользуясь единственно пальцами; впрочемъ, мясо такъ разварено, что разваливается отъ одного прикоснове-

нія. Хозяинъ радушно угощаетъ сидящаго отъ него по лѣвую руку (на почетномъ мѣстѣ) гостя, а въ нѣкоторыхъ странахъ послѣднему выпадаетъ такая высокая честь, что хозяинъ собственноручно кладетъ ему въ ротъ кусокъ рису въ формѣ колбасы. При этомъ ѣдятъ поспѣшно, запивая только водою, и все время молчатъ или же разговариваютъ очень мало. Умывъ руки, всѣ встаютъ изъ-за стола съ восклицаніемъ „эль хамдулъ иллахъ“ (благодаримъ Тебя, Господи!). Въ центральной Аравіи существуетъ обычай окуриваться послѣ обѣда, для чего пользуются жаровнею съ кусочками ароматнаго дерева, которая подносится къ подбородку, ушамъ, бородѣ и груди.

На торжественныхъ обѣдахъ въ Константинополѣ—по большей части около одиннадцати часовъ утра — по старому восточному обычаю присутствуетъ цѣлая толпа прислуги, большая часть толкаясь безъ дѣла. Армянинъ приноситъ кушанье на большомъ деревянномъ блюдѣ въ первый этажъ, куда затѣмъ собираются мужчины, заслышавъ призывъ „іемекъ чикти“ (кушанье подано). Прежняя низкая доска, замѣнявшая обѣденный столъ, теперь понемногу приняла форму стола на одной ножкѣ, на который кладется „сини“, круглая мѣдная пластинка, съ блюдами, нѣсколькими ложками и оладьями, замѣняющими хлѣбъ. Все общество усаживается со скрещенными ногами (по-турецки) вокругъ стола безъ всякаго порядка, только гости помѣщаются всегда вблизи отъ хозяина. Подаютъ на обѣдъ отъ шести до пятнадцати блюдъ. Турокъ ѣстъ очень быстро и такъ много, что послѣ обѣда совершенно неспособенъ ни къ какой работѣ. По знаку хозяина, хлопающаго въ ладони (какъ вообще на Востокѣ принято звать прислугу), прислуга быстро приноситъ новую перемѣну кушаній, причемъ одно и то же блюдо служитъ для различныхъ яствъ. Здѣсь подаются кислыя и сладкія кушанья, иныя обильно посыпанныя перцемъ, различные пилавы, курица, жаркое, цикорный, обыкновенный и крессъ-салатъ, маслины, каперцы и т. д. Вообще же, какъ еще и во время процвѣтанія халифатовъ, сначала подаются кислыя кушанья, затѣмъ уже сладкія; конфеты и пирожное никогда не появляются за обѣденнымъ столомъ, а служатъ забавою въ другое время.

Веселая бесѣда рѣдко сопровождаетъ обѣдъ, такъ какъ гдѣ-же взять остроумія и шутокъ, когда нѣтъ хозяйки дома, воодушевляющей своимъ присутствіемъ мужское общество? Обыкновенно обѣдъ оканчивается въ полчаса. Затѣмъ облизываютъ запачканные пищею пальцы, послѣ чего слуга подаетъ воду для того чтобы умыть руки, хозяинъ вытираетъ ихъ тонкою съ золотыми вышивками салфеткою, причемъ самъ иногда полощетъ водою ротъ, и всѣ подымаются изъ-за стола. Послѣ обѣда, всѣ отправляются на террасу, чтобы подъ сладкое журчаніе фонтана предаться пріятному кейфу, потягивая дымъ изъ кальяна и любуясь окружающею природою.

Въ Персіи объ опрятности хлопочутъ гораздо меньше. Для вытиранія рукъ тамъ служитъ длинная, изъ бумажной матеріи, ширинка, которая разстилается на колѣни всѣхъ участвующихъ въ обѣдѣ, а послѣ обѣда она служитъ мѣстомъ храненія остатковъ его до другаго дня. Здѣсь обѣдаютъ, не поджавъ ноги по-турецки, а сидя на корточкахъ. Кушанья подаются всѣ заразъ на кусочкахъ войлока и каждый выбираетъ себѣ любое, по вкусу, причемъ пользуется лишь правою рукою, лѣвая же остается все время спрятанною въ рукавъ верхней одежды. Главная забота за обѣдомъ состоитъ въ томъ чтобы не запачкать кушаньями бороды, которая считается, какъ извѣстно, на Востокѣ священною и правовѣрные даже клянутся бородою Пророка. Омовеніе рукъ совершается больше изъ нежеланія нарушать установленный обычай, чѣмъ въ видахъ опрятности.

Вообще пища со временемъ измѣнилась на Востокѣ значительно. Прежде арабы питались лишь хлѣбомъ и масломъ, прибавляя къ этому, по праздникамъ, верблюжье мясо; теперь же столъ отличается большею роскошью, особенно у болѣе знатныхъ; впрочемъ, простой народъ и до сихъ поръ живетъ сравнительно съ европейцемъ очень просто.

Къ рисункамъ.

Затравили. (Рис. на стр. 697).

Не все то золото что блеститъ, и не всякаго зайца можно травить, какъ бы онъ ни былъ пушистъ и долгоухъ. Эта истина еще незнакома молодымъ таксамъ, въ которыхъ однако уже заговорила охотничья страсть,—и вотъ щенки, захвативъ дѣтскую игрушку, тормошатъ ее съ усердіемъ не по разуму.

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для г. фонъ-Дервиза. „Музыка“. (Рис. на стр. 700).

Продолжая серію извѣстныхъ читателямъ *Нивы* панно, помѣщаемъ изображающее музыку въ видѣ красивой молодой женщины, акомпанирующей на арфѣ хору амуровъ, которые поютъ по нотамъ. Изящество компановки говоритъ само за себя. Возносящее душу дѣйствіе музыки выражено тѣмъ, что нога играющей едва касается земли, а вся фигура и легкокрылый хоръ уже тонутъ въ облакахъ.

Рыбачьи тони на Бѣломъ морѣ. (Рис. на стр. 701).

Тони Бѣлаго моря очень похожи на наши столичныя: тотъ же помостъ на сваяхъ, тотъ же кабестанъ для вытаскиванія невода, тѣ же рыбачьи лодки, причаленныя у помоста, и надо всѣмъ этимъ сѣверное небо съ блѣдными, какъ бы льдистыми звѣздами, а понизу въ водѣ золотистый столбъ луннаго отраженія.

Любимцы. (Рис. на стр. 705).

Извѣстный нѣмецкій живописецъ Юлій Робертъ Бейшлагъ родился въ Нердлингенѣ, въ Баваріи, 19 іюня 1838 года. Поступивъ въ Мюнхенскую академію, онъ занимался подъ руководствомъ Филиппа Фольца. Впослѣдствіи онъ усовершенствовался въ своемъ искусствѣ въ Парижѣ и Италіи. Среди многочисленныхъ его произведеній, изображающихъ простыя бытовыя сцены, причемъ видное мѣсто въ нихъ всегда играютъ дѣти и молодыя женщины, чрезвычайно изящно имъ изображаемыя, не послѣднее мѣсто занимаетъ его картинка „Любимцы“, помѣщенная на стр. 705.

Прага. (Рис. на стр. 708).

Столица королевства Чешскаго, Прага, третій по величинѣ и населенности городъ Австро-Венгерской монархіи, расположенъ на обоихъ берегахъ Молдавы. Посреди окружающихъ городъ возвышенностей, съ шумною рѣкою, на которой разбросано нѣсколько островковъ, со своими мостами, многочисленными церквами, башнями и средневѣковыми постройками, Прага представляетъ своеобразно красивую картину.

Городъ состоитъ изъ семи частей; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: Старый городъ, на правомъ берегу Молдавы, расположенный совсѣмъ вниву долины, съ узкими и кривыми улицами, и Новый городъ, охватывающій съ юга до востока полукругомъ Старый городъ. Самый городъ до сего времени частью окруженъ крѣпостными стѣнами, построенными во второй половинѣ XVII столѣтія; но такъ какъ Прага давно потеряла значеніе укрѣпленнаго города, то съ 1875 года стѣны постепенно разбираются. Изъ достопримѣчательностей города должны быть упомянуты его мосты, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимаетъ Карловъ мостъ, отстроенный въ теченіе почти полуторастолѣтія съ 1357 года по 1503 годъ. Почти въ полверсты длиною, съ 16 пролетами, онъ оканчивается двумя башнями, изъ которыхъ въ архитектурномъ отношеніи замѣчательна башня построенная со стороны Стараго города въ готическомъ стилѣ, въ 1452 году. Кромѣ того, во всю длину моста обращаютъ на себя вниманіе стоящія по обѣимъ сторонамъ его статуи. Изъ нихъ особенно почитается бронзовая статуя Іоанна Непомука. Церквей съ монастырями особенно много въ Прагѣ. Однихъ католическихъ насчитываютъ 47, съ 23 капеллами, 3 евангелическихъ, 1 православная и 22 монастыря. Кромѣ того въ городѣ 10 синагогъ. Изъ зданій особенно замѣчателенъ университетъ. Основанный въ 1348 году Карломъ IV по образцу Парижскаго, онъ одно время былъ единственнымъ высшимъ образовательнымъ заведеніемъ въ Германіи и въ началѣ XV вѣка въ немъ было свыше 10,000 учащихся. Раздѣленный въ 1882 году на два университета, чешскій и нѣмецкій, онъ насчитывалъ въ 1886 году до 258 учащихъ и 3674 учащихся.

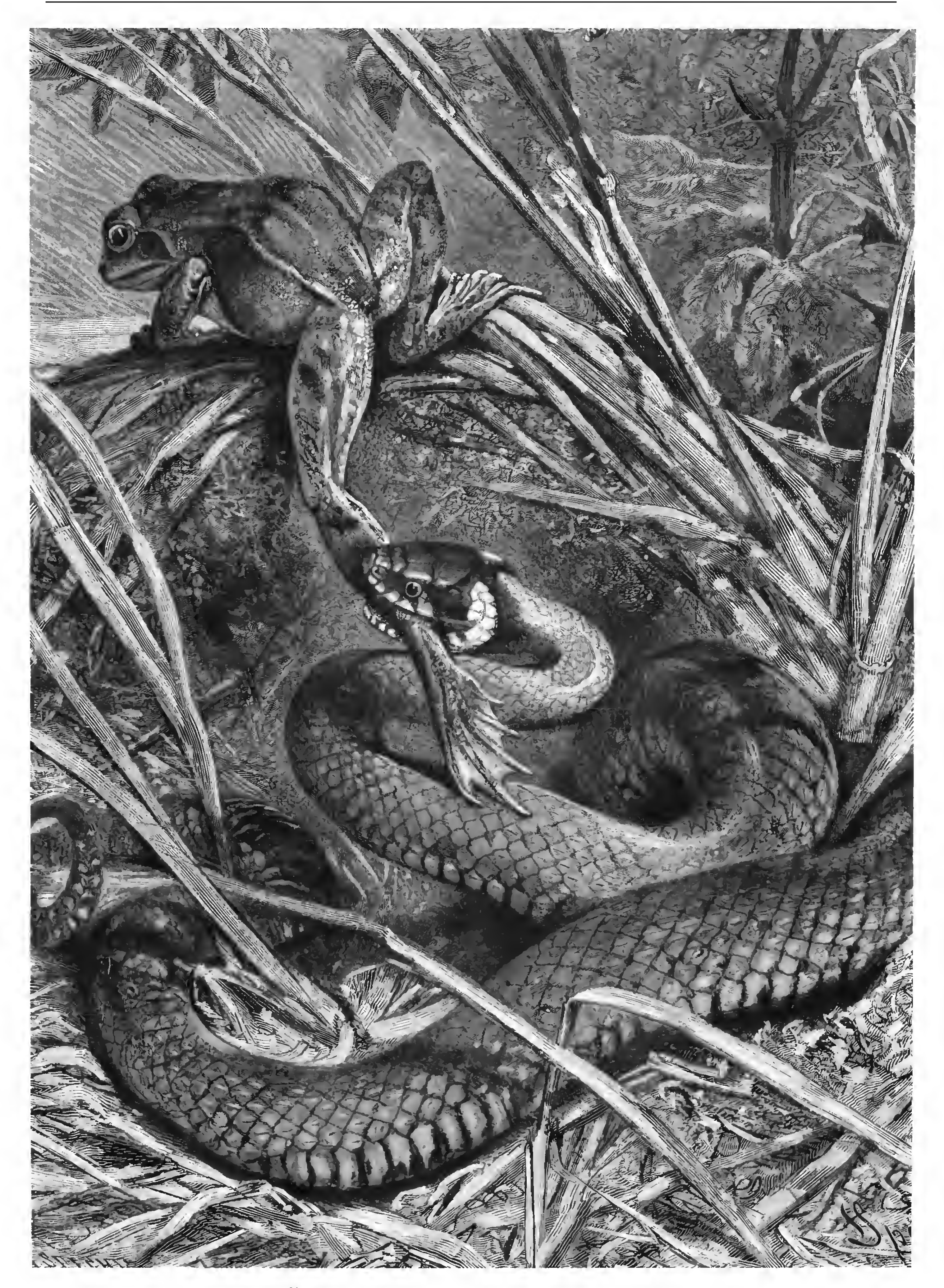
Основанная, по преданію, Любушей въ 722 году, Прага была уже весьма значительнымъ городомъ въ XIII вѣкѣ. Нынѣ она имѣетъ населенія болѣе 170,000, считая въ томъ числѣ до 6,505 человѣкъ гарнизона.

По деревнямъ съ краснымъ товаромъ.

(Рис. на стр. 709).

„Эй, Ѳедорушки! Варварушки!
„Отпирайте сундуки!
„Выходите къ намъ, сударушки,
„Выносите пятаки!“
Жены мужнія — молодушки
Къ коробейникамъ идутъ,
Красны дѣвицы-лебедушки
Новины свои несутъ.
И старушки важеватыя,
Глядь туда же приплелись.
„Ситцы есть у насъ богатые,
„Есть миткаль, кумачъ и плисъ.
„Есть у насъ мыла пахучія—
„По двѣ гривны за кусокъ,
„Есть румяна нелинючія—
„Молодись за пятачокъ!
„Видишь, камни самоцвѣтные
„Въ перстенькѣ какъ жаръ горятъ.
„Есть и любчики завѣтные—
„Хоть кого приворожатъ!“

Н. Некрасовъ.

Ужъ и травяная лягушка. Рис. и грав. Шпехтъ.

Ужъ и травяная лягушка. (Рис. на стр. 713).

Лягушки составляютъ главную добычу ужей. По словамъ извѣстнаго естествоиспытателя Линка, лягушка во-время угадываетъ намѣреніе приближающагося ужа, въ которомъ инстинктъ и воспоминаніе когда-то счастливо миновавшей опасности заставляютъ ее узнать злѣйшаго врага; она тотчасъ старается убѣжать, какъ всякое животное за которымъ охотятся. Но страхъ отнимаетъ у нея присутствіе духа, такъ что она скачетъ рѣдко и небольшими прыжками, а между тѣмъ только крупные прыжки и могли бы спасти ее. Чрезвычайно странно звучитъ полный отчаянія крикъ испуганной лягушки, вовсе не похожій на ея обыкновенное кваканье; онъ похожъ на блеяніе овцы, но протяжнѣе и дѣйствительно вызываетъ состраданіе. Преслѣдованіе длится не долго, чрезъ минуту змѣя уже хватаетъ и проглатываетъ добычу. Змѣѣ стóитъ не малаго труда справиться съ подвижною добычей, но послѣдней тѣмъ не менѣе рѣдко удается освободиться отъ неумолимаго врага. Маленькихъ лягушекъ ужу легче глотать, чѣмъ большихъ, надъ которыми онъ возится иногда по нѣскольку часовъ и очень устаетъ; маленькихъ же лягушекъ голодный ужъ можетъ проглотить до дюжины одну за другой. При сильномъ голодѣ онъ можетъ съѣсть до 100 головастиковъ и до 50 лягушекъ только что окончившихъ свое превращеніе изъ головастиковъ.

Н. Д. Заіончковская (В. Крестовскій).

(Портр. и рис. на стр. 716).

Невдалекѣ отъ столицы, въ Старомъ Петергофѣ тихо скончалась, въ очень бѣдной обстановкѣ, Надежда Дмитріевна Заіончковская, одна изъ талантливѣйшихъ нашихъ писательницъ, пользовавшаяся въ публикѣ большою извѣстностью не подъ своей настоящей фамиліей, которую знали весьма немногіе, а подъ своимъ псевдонимомъ *В. Крестовскій*. Обнаруживъ съ перваго своего произведенія недюжинный талантъ и, проработавъ слишкомъ сорокъ лѣтъ, она до конца дней сохранила свое дарованіе. Дѣвичья фамилія писательницы была — Хвощинская; подъ этой фамиліей она и дебютировала въ литературѣ рядомъ стихотвореній, появившихся въ *Литературной Газетѣ* и *Иллюстраціи* 1847 года и полныхъ мысли, чувства, гармоніи. Стихотворенія были присланы изъ Рязани, гдѣ писательница прожила бо́льшую часть жизни почти безвыѣздно и гдѣ она родилась 15 мая 1825 года въ дворянскомъ семействѣ, очень небогатомъ, глава котораго, Дмитрій Андреевичъ Хвощинскій служилъ окружнымъ начальникомъ, а потомъ по интендантству, былъ женатъ на дѣвушкѣ польскаго происхожденія, свѣтски образованной, и имѣлъ большую семью, состоявшую изъ нѣсколькихъ дочерей, сдѣлавшихся впослѣдствіи писательницами. Изъ нихъ Надежда Дмитріевна была старшая и рано стала настоящею опорой семьи, которую почти до конца жизни поддерживала своимъ литературнымъ заработкомъ. По недостатку средствъ, образованіе она получила домашнее и своимъ развитіемъ, своими знаніями обязана самой себѣ. Стихи г-жи Хвощинской обратили на себя вниманіе редактора *Литер. Газеты*, В. Р. Зотова, который сталъ вести съ молодой поэтессой переписку, давалъ ей совѣты, указанія и, сколько извѣстно, подалъ ей мысль попробовать свои силы въ повѣствовательномъ родѣ. Результатомъ этого явилась повѣсть „Анна Михайловна“ — во многомъ несовершенная, но не лишенная живаго вдохновенія, извѣстной глубины мысли и нѣкоторой художественности. На эту повѣсть критика обратила вниманіе, и Хвощинская, ободренная успѣхомъ, пріѣхала послѣ этого въ Петербургъ „увидѣть свѣта“, гдѣ была весьма радушно принята въ писательскихъ кружкахъ и лично познакомилась съ г. Зотовымъ, ставшимъ съ этихъ поръ руководителемъ ея въ литературныхъ работахъ. Повѣсть „Анна Михайловна“ была напечатана въ *Отеч. Запискахъ* 1850 года, и въ этомъ же изданіи, да еще въ *Пантеонѣ* (при редакціи В. Р. Зотова) появились и другія произведенія г-жи Хвощинской: „Приходскій учитель“, „Искушеніе“, „Кто-жь остался доволенъ?“, „Испытаніе“, „Фразы“, „Баритонъ“, „Доброе дѣло“, „Старое горе“, „Братецъ“, нѣсколько сценъ и проч. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ дарованіе писательницы весьма замѣтно росло и крѣпло, художественность все болѣе и болѣе выступала на первый планъ, характеры обозначались рѣзко, типы являлись живыми, языкъ становился весьма характеристичнымъ, и въ особенности писательница трудилась надъ анализомъ сердца.

Въ этихъ повѣстяхъ и разсказахъ г-жи Хвощинской, взятыхъ изъ провинціальнаго быта со всѣми его странными условіями, своеобразными личностями, мелкими интересами и мелкими характерами, не было ничего утрированнаго, ничего похожаго на предвзятую идею, ничего аффектированнаго. Тонъ спокойный, ровный, безпристрастіе и многосторонность взглядовъ на жизнь, какой-то всепримиряющій и всепрощающій духъ — составляли отличительныя качества этихъ произведеній писательницы. А между тѣмъ она, большею частью, изображала отрицательныя стороны жизни. Большой художественный тактъ и благородство души спасали писательницу отъ крайностей, отъ увлеченія и сдѣлали то, что, при видѣ крайне непригладной картины провинціальной жизни, рисуемой даровитой писательницей, читатель не испытываетъ тяжелаго, отталкивающаго чувства — и если не мирится со многими безобразными фактами и дурными личностями, то какъ-то невольно извиняетъ многіе факты и многое прощаетъ этимъ жалкимъ, въ сущности, людямъ, „не вѣдающимъ, что́ творятъ“. Произведенія г-жи Хвощинской были оцѣнены сразу людьми тонко чувствующими и проницательными, и одинъ изъ такихъ людей, чуткій критикъ Аполлонъ Григорьевъ, привѣтствуя новый, свѣжій талантъ, по его мнѣнію, „ярко обозначившійся въ литературѣ“ пятидесятыхъ годовъ, говоритъ что повѣсти Крестовскаго „представляютъ собою нѣчто цѣлое, связанное одною мыслію, чрезвычайно благородною и внушающею полную симпатію“.

Живя долго въ провинціи, г-жа Хвощинская изучила ее превосходно, и оттого-то она такъ вѣрно и обстоятельно рисуетъ эту жизнь, портреты и типы провинціи, съ тѣми мелкими, но характерными чертами семейнаго быта, которые могли быть подмѣчены только наблюдательнымъ умомъ женщины, да еще такой талантливой. Картинъ природы въ произведеніяхъ г-жи Хвощинской чрезвычайно мало; она любитъ природу несравненно менѣе, чѣмъ людей, и ими она преимущественно занята, ихъ психическій міръ изображаетъ она съ такою тщательностью и любовью. Она тонкій знатокъ человѣческаго и въ особенности женскаго сердца, въ которомъ умѣетъ подмѣтить самыя неуловимыя движенія и переливы чувства, и, рисуя характеры, удивительно правильно и послѣдовательно переходитъ отъ одного фазиса чувства къ другому, улавливаетъ нерѣдко малѣйшіе изгибы сердца. Въ знаніи жизни, сердца людскаго, въ знаніи свѣта она почти не имѣетъ соперницъ между русскими писательницами и иногда не уступаетъ во многомъ и мужчинамъ-писателямъ Тургеневской школы. Объ этомъ упоминаетъ тотъ же Аполлонъ Григорьевъ, находя, что г-жа Хвощинская, въ отношеніи знанія свѣта и свѣтскихъ женщинъ и умѣнья говорить ихъ языкомъ, описывать рельефно ихъ обстановку — стоитъ выше многихъ писателей. Какъ ни мелка жизнь, изображаемая г-жей Хвощинской, какъ ни низка сфера, которую писательница избрала для художественнаго возсозданія, она умѣетъ поддерживать въ читателѣ неослабѣвающій интересъ къ этой жизни, мелкой и пустой, къ этому муравейнику, въ которомъ, силой своего таланта, она находитъ содержаніе для тяжелыхъ драмъ, умѣетъ вызвать глубокое сочувствіе къ непримѣтнымъ страданіямъ и мелкимъ чувствамъ непримѣтныхъ и мелкихъ героевъ. Изъ типовъ и характеровъ писательницѣ наиболѣе всего удаются женскіе и притомъ характеры по преимуществу отрицательные. Она любитъ сводить женщинъ съ романическихъ ходуль — и мнимыхъ страдалицъ, гордящихся своими муками, умѣетъ низвести до уровня самыхъ обыкновенныхъ женщинъ, не знающихъ чѣмъ наполнить свою душевную пустоту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея найдется не мало личностей и идеальныхъ, которыхъ она не трогаетъ своей сатирой. Есть у нея недурно обрисованные и мужскіе характеры и портреты, но они, такъ же какъ и нѣкоторыя ея женскія лица, „интересны не столько отдѣльно, сколько въ группѣ, какъ обстановка сценъ семейнаго и общественнаго быта, прекрасно рисуемыхъ авторомъ.“

Все сказанное относится главнымъ образомъ къ характеру перваго періода литературной дѣятельности г-жи Хвощинской. Вторая половина ея литературнаго поприща носитъ нѣсколько иной характеръ. Писательница, увлекшись вѣяніями шестидесятыхъ годовъ, стала затрогивать въ своихъ произведеніяхъ разные серьезные общественные вопросы и такіе мотивы, которые часто шли въ разрѣзъ съ требованіями чистаго искусства; она нерѣдко рѣшала ихъ крайне односторонне и старалась выдвигать впередъ тенденцію, порою хотя и модную, но узкую, фальшивую. Несмотря, однако, на эти недостатки, писательница оставалась такою же талантливой, что́ было замѣчено критиками различныхъ лагерей, между прочимъ и критикомъ *Русскаго Вѣстника*, разбиравшимъ весьма подробно ея огромный романъ „Большая Медвѣдица“, возбудившій много толковъ. Но есть еще другое произведеніе ея, въ которомъ писательница хотя и не задается такъ широко, какъ въ „Большой Медвѣдицѣ“, за то даетъ больше вполнѣ живыхъ, мастерски очерченныхъ характеровъ и которое вообще доставляетъ несравненно болѣе эстетическаго наслажденія. Это — романъ „Въ ожиданіи лучшаго“, помѣщенный въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. и названный однимъ изъ критиковъ „мертвыми душами большаго свѣта“. По мнѣнію безпристрастныхъ цѣнителей, этотъ романъ — лучшее произведеніе г-жи Хвощинской. Въ 1865 г. Хвощинская вышла, уже не молодою, замужъ за врача Заіончковскаго, вскорѣ однако умершаго. Надежда Дмитріевна скончалась 64-хъ лѣтъ, 8 іюня.

П. Б—овъ.

Амфитрита. (Рис. на стр. 717).

Подъ названіемъ „Амфитриты“ съ недавняго времени дается интересное представленіе. Передъ зрителемъ въ театрѣ небольшая сцена, на которой въ кругломъ отверстіи виднѣется за прозрачною кисеею декорація, изображающая море съ восходящимъ изъ-за горизонта солнцемъ и тучками на небѣ. Подъ звуки музыки изъ морской поверхности появляется Амфитрита,

въ костюмѣ театральной нимфы. Она то плаваетъ въ волнахъ, то подымается изъ нихъ и иногда, описавъ въ воздухѣ полукругъ, снова опускается въ волны театральнаго моря. Наглядное объясненіе этого непонятнаго на первый взглядъ явленія можно найти во второмъ рисункѣ на стр. 717. За кисеею, предохраняющею отъ брошенныхъ на сцену предметовъ, помѣщено стекло ММ, подъ угломъ въ 45°, за которымъ находится декорація ТТ. Въ этомъ стеклѣ отражается Амфитрита, лежащая на вращающейся вокругъ оси А подставкѣ РР, окрашенной въ черную краску. Сама супруга Посейдона одѣта по возможности въ яркій и свѣтлый костюмъ. Выдвигая подставку или убирая ее, и вызываютъ появленіе и исчезновеніе богини моря. Она лежа производитъ всѣ тѣ движенія, которыя видитъ передъ собою зритель на сценѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— По словамъ финляндскихъ газетъ, императорская эскадра прибыла въ Або 24 іюня, въ 1 час. 30 мин. дня. Въ тотъ же день Государыня Императрица, въ сопровожденіи другихъ Высокихъ Путешественниковъ, изволила посѣтить городъ и предмѣстье Рунсаль.

— 22 іюня, въ 6 часовъ утра, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ выступилъ въ рядахъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка изъ города Царскаго-Села въ лагерь подъ Красное-Село.

— По Высочайшему повелѣнію, Е. И. В. Вел. Кн. Петръ Николаевичъ, 27 іюня, отбылъ изъ Петербурга, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ городъ Цетинью, для посѣщенія родителей своей высоконареченной невѣсты княжны Милицы Николаевны Черногорской.

Дѣла церкви.

— Въ Калугѣ, 24 іюня, преосвященнымъ Аѳанасіемъ съ большою торжественностью совершена закладка храма, сооружаемая гражданами Терентинымъ и Горбуновымъ въ память чудеснаго событія 17 октября.

— Въ Москвѣ, по дѣлу о завѣщаніи Медынцевой, отдавшей свое милліонное состояніе на церкви и монастыри, 27 іюня постановленъ окончательный приговоръ, по которому завѣщаніе признано дѣйствительнымъ.

Правительственныя распоряженія.

— Со введеніемъ въ дѣйствіе закона о земскихъ начальникахъ, губернскія и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и непремѣнные ихъ члены будутъ упразднены. Взамѣнъ губернскихъ присутствій будутъ учреждены губернскія по сельскимъ дѣламъ присутствія, а вмѣсто уѣздныхъ присутствій особыя коллегіальныя учрежденія съ административными и судебными функціями. Должность земскаго начальника, замѣщаемая министромъ Внутреннихъ Дѣлъ по представленію губернатора, основанному на соглашеніи съ уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, изъ числа помѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, положена въ VI классѣ, съ содержаніемъ въ 2500 р., въ томъ числѣ 650 р. на разъѣзды и канцелярскіе расходы.

— Возбужденъ вопросъ объ улучшеніи порядка общественнаго призрѣнія въ селеніяхъ.

— Министерство Финансовъ, озабоченное содѣйствіемъ болѣе успѣшному развитію коммерческаго плаванія, приступило къ пересмотру правилъ взиманія сборовъ за приходъ и отходъ судовъ въ россійскіе порты съ цѣлью сокращенія тяжести сборовъ какъ городскихъ, такъ и казенныхъ съ приходящихъ судовъ.

— Государственные кредитные рубли 3-хъ-рублеваго достоинства будутъ въ недалекомъ будущемъ замѣнены новыми.

Военное и морское дѣло.

— Въ Тулѣ, на тульскомъ заводѣ выработанъ великолѣпный образецъ ружья-магазинки, которое оставляетъ за собою все существующее до сихъ поръ въ этомъ родѣ.

— Пароходовладѣльцы содержащіе сообщеніе по Дунаю выше Турнъ-Северина до Вѣны и Буда-Пешта—предлагаютъ Обществу Черноморско-Дунайскаго пароходства открыть прямое сообщеніе по Дунаю между Одессой и названными городами.

— Русская трехмачтовая бригантина „Алексѣй" кемскаго купца г. Савина, съ грузомъ соленой рыбы, потерпѣла крушеніе у Мурманскаго берега, близъ Гавриловскихъ острововъ.

— Возвратившійся на-дняхъ изъ кругосвѣтнаго плаванія клиперъ „Наѣздникъ", ушелъ изъ Кронштадта 30 сентября 1886 г. и прошелъ всего 55,521 милю; изъ нихъ 23,518 миль подъ парами и 32,003 мили подъ парусами. Въ теченіе всего времени плаванія онъ выдержалъ нѣсколько жестокихъ штормовъ, причемъ выказалъ превосходныя морскія качества.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Промыселъ рыбы на Мурманскомъ берегу съ 12 по 28 минувшаго мая былъ весьма ограниченный и во всѣхъ становищахъ оставалось не болѣе 40 шнякъ промышленниковъ. Въ губѣ Печеньгѣ появилась въ большомъ количествѣ сельдь, но ея ловъ былъ незначителенъ вслѣдствіе неимѣнія спеціальныхъ сѣтей для этого промысла. Китовъ первымъ китобойнымъ обществомъ было убито восемь.

— Обильные дожди исправили посѣвы ржи почти во всемъ Юго-Западномъ краѣ. Сборъ яровыхъ хлѣбовъ будетъ ниже средняго, жатва начнется недѣлей раньше обыкновеннаго.

Торговля.

— Недавно въ петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло, возбужденное торговою полиціею о невѣрности вѣсовъ въ мясной лавкѣ купца Д., въ Апраксиномъ переулкѣ. Дѣло это интересно по той строгости наказанія, которое наложено на виновника преступленія. Судъ приговорилъ купца Д. одновременно къ тремъ наказаніямъ: денежному штрафу въ 50 рублей, заключенію въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ и воспрещенію торговли навсегда.

Народное просвѣщеніе.

— На-дняхъ утвержденъ давно ожидавшійся законъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. По новому закону, всѣ содержатели частныхъ учебныхъ заведеній обязаны приступить немедленно къ постепенному введенію въ своихъ училищахъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

— Въ министерствѣ Государственныхъ Имуществъ разработанъ проектъ открытія въ черноземной полосѣ Россіи нѣсколькихъ низшихъ земледѣльческихъ и среднихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, съ преобразованіемъ существующихъ въ высшія.

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія выработаны новыя правила для содержанія частныхъ пансіоновъ и приготовительныхъ училищъ.

Изобрѣтенія.

— Техникомъ Агатовымъ изобрѣтенъ электрическій укротитель звѣрей и животныхъ, состоящій изъ длинной палки съ шаромъ вмѣсто рукоятки, въ которой и помѣщается батарея.

— Технику Д. Л. Полевому удалось изобрѣсти сплавъ для изготовленія рельсовъ, отличающійся чрезвычайною прочностью.

Изъ губерній и областей.

— 25 іюня, въ Москвѣ происходило открытіе сооруженнаго, съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, московскою нѣмецкою колоніей, въ саду Нѣмецкаго собранія и пріюта имени Фридриха-Вильгельма-Викторіи, на Божедомкѣ, памятника покойному императору Германскому Вильгельму I. Памятникъ поставленъ невдалекѣ отъ входа въ садъ, на первой отъ него площадкѣ.

— На Владикавказской желѣзной дорогѣ необычайнымъ ливнемъ, продолжавшимся съ полудня 23 іюня до 4 часовъ утра, была затоплена станція Тихорѣцкая и размыты насыпи на 168, 173 и 174 верстахъ; задержанное движеніе поѣздовъ возстановлено 24 числа, въ 12 часовъ дня.

— Изъ Одессы, 25 іюня, выѣхала на Кавказъ экспедиція изъ семи англичанъ, направляющаяся на Араратъ для розысковъ погибшей тамъ въ прошломъ году экспедиціи.

Политическое обозрѣніе.

Времена перемѣнчивы, и одно событіе слѣдуетъ за другимъ, доказывая, что среди Славянства все болѣе и болѣе распространяются политическія идеи восторжествовавшія въ недавнее время въ Сербіи. Вмѣстѣ съ ними исчезаетъ нерасположеніе къ Россіи, всегда горячо отстаивавшей своихъ меньшихъ братьевъ, а чувство благодарности и дружбы къ нашей родинѣ высказывается нынѣ искренно и открыто. Въ Кралевѣ, какъ уже извѣстно, происходило мѵропомазаніе короля Сербскаго при громѣ орудій и восторженныхъ кликахъ, въ присутствіи представителя Государя Императора и высшихъ сановниковъ. Вечеромъ, 20 іюня, Сербскій король давалъ обѣдъ въ честь русскаго представителя. На обѣдъ приглашены были представители городовъ и округовъ. На немъ король провозгласилъ тостъ за Государя Императора, оказавшаго ему, по словамъ юнаго вѣнценосца, особую честь назначеніемъ въ качествѣ своего представителя при мѵропомазаніи, своего посланника, г. Персіани. Русскій посланникъ благодарилъ, представивъ Сербскому королю увѣренія въ милостивѣйшихъ и самыхъ дружественныхъ чувствахъ Государя Императора, и предложилъ тостъ за короля, съ пожеланіемъ ему славнаго царствованія. Оркестръ исполнилъ русскій и сербскій гимны. Присутствіе только русскаго представителя при священномъ мѵропомазаніи Сербскаго короля Александра является новымъ доказательствомъ сердечнаго участія, съ которымъ Россія относится къ Сербскому королевству, равно какъ къ его царствующему дому, и, конечно, не осталось незамѣченнымъ заграничною печатью.

Neue Freie Presse, отмѣчая, что поѣздка г. Персіани на мѵропомазаніе короля Александра походила на тріумфальное шествіе, очень недовольна тѣмъ, что г. Персіани присутствовалъ при этомъ торжествѣ и говоритъ, что это присутствіе является „поддержкою великосербскихъ стремленій, направленныхъ прямо противъ Австріи".

Другое заявленіе благорасположенія къ Россіи происходило въ Черногоріи. Изъ Цетиньи сообщаютъ объ обширныхъ празднествахъ, происходившихъ по случаю совершеннолѣтія князя Данила. Принимая присягу, юный князь торжественно обѣщалъ всегда оставаться преданнымъ отцу, родинѣ, православной церкви и Императору Александру III.

Новыя политическія вѣянія стали замѣтны также въ славянскихъ земляхъ Австріи. Состоявшіеся въ сельскихъ общинахъ Чехіи выборы въ Чешскій сеймъ завершились блестящею побѣдой младочеховъ. Въ Галиціи на выборахъ въ сельскихъ общинахъ пріобрѣли нѣсколько мѣстъ русскіе; до сихъ поръ русскихъ выбрано 16. На городскихъ выборахъ въ Крайнѣ избраны все словенцы, за исключеніемъ одного только нѣмца.

Католическая газета *Vaterland* считаетъ побѣду младочеховъ пораженіемъ католицизма въ борьбѣ съ русскимъ „византійствомъ.“ *Fremdenblatt* называетъ ее натискомъ гусситовъ и панславистскихъ агитаторовъ, а *Neue Freie Presse*, говоря о побѣдѣ младочеховъ въ земскихъ выборахъ и вступленіи русскихъ и польскихъ крестьянъ въ Галицкій сеймъ, увѣряетъ, что господствующія въ Австріи партіи идутъ къ своей погибели. Въ вѣнскихъ политическихъ кругахъ выборы въ Чешскій сеймъ считаются серьезнымъ событіемъ, могущимъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ служить поворотнымъ пунктомъ во внутренней политикѣ.

Не сопоставляя слѣдующее событіе съ совершающимися выборами, нельзя не указать, что въ то-же время министръ народнаго просвѣщенія издалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ Пражскомъ университетѣ студентамъ юридическаго факультета было предоставлено сдавать первый государственный экзаменъ по всѣмъ предметамъ на чешскомъ языкѣ.

Занятые славянами, австрійцы оставили въ покоѣ и не обращаютъ вниманія на венгровъ, отправившихся въ Парижъ на выставку и по дорогѣ завернувшихъ въ Миланъ къ Кошуту. Престарѣлый бывшій диктаторъ Венгріи, Кошутъ далъ обѣдъ въ честь своихъ соотечественниковъ. Въ произнесенной при этомъ рѣчи Кошутъ, между прочимъ, сказалъ, что посѣщеніе парижской выставки венграми является не только выраженіемъ сочувствія къ Франціи, которая послѣ ужасныхъ испытаній вновь пріобрѣтаетъ почетное мѣсто между народами, но и протестомъ противъ незаслуженнаго оскорбленія, нанесеннаго въ свое время венгерскимъ министромъ-президентомъ Тисой національной чести Франціи.

Порицаніе несочувствія къ Франціи, почти въ то же время, раздалось и со стороны другой союзницы Германіи,— Италіи. Въ газетѣ *Secolo* напечатано письмо одного изъ депутатовъ итальянской палаты, въ которомъ итальянское правительство порицается за непріязненное отношеніе къ парижской выставкѣ и за образъ дѣйствій противорѣчащій интересамъ итальянцевъ. Въ письмѣ сказано, что Италія, какъ готовы заявить истинные патріоты всѣхъ партій, должна заниматься своими дѣлами, чтобы жить въ мирѣ со всѣми. По словамъ автора, патріоты осуждаютъ колоніальную политику Италіи и особенно политику союзовъ, оскорбительныхъ для народнаго чувства и постоянно угрожающихъ миру, котораго желаетъ страна и который Криспи все болѣе компрометируетъ. Въ заключеніе, авторъ говоритъ, что только нейтралитетъ могъ бы отвратить отъ Италіи ужасы несправедливой войны, что Италія должна жить въ мирѣ со всѣмъ свѣтомъ. Но не такъ смотритъ на вещи г. Криспи и въ этомъ отношеніи онъ совершенно другаго мнѣнія съ Деліанисомъ, который при пріемѣ въ Парижѣ депутаціи отъ студентовъ, на вопросъ: возможно-ли присоединеніе Греціи къ тройственному союзу? отвѣчалъ, что Греческій народъ очень нерасположенъ къ подобной политикѣ; „а вы знаете — прибавилъ онъ—что въ конституціонной странѣ правительство всегда должно подчиняться волѣ народа“. Итальянское правительство, напротивъ, связало себя тройственнымъ союзомъ вопреки желанію страны, и связало настолько, что, по словамъ *Diritto*, Италія обязалась предоставить въ распоряженіе Австріи два корпуса для дѣйствій, въ случаѣ войны, противъ Россіи. Перспектива возможности того, что итальянцы будутъ драться подъ австрійскимъ знаменемъ, вызываетъ сильное раздраженіе среди итальянскихъ патріотовъ.

Н. Д. Заіончковская (рожд. Хвощинская)—В. Крестовскій (псевдонимъ). † 8 Іюня 1889.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Факсимиле рисунка и автографъ Н. Д. Заіончковской (рожденной Хвощинской).

Въ Англіи въ настоящее время гоститъ шахъ Персидскій, которому оказывается повсюду самый блестящій пріемъ. Въ отвѣтъ на это, Насръ-Эддинъ заявляетъ, что онъ высоко цѣнитъ дружбу, могущество и промышленность Англіи и надѣется, что его нынѣшнее посѣщеніе послужитъ началомъ новой эры въ отношеніяхъ между Англіею и Персіей. Желаніе „варвара кофейнаго цвѣта“, какъ успѣли прозвать властителя Персіи нѣкоторыя англійскія газеты,— желаніе установить самый тѣсный союзъ, раздѣляется и англійскимъ правительствомъ, которое устами лорда Солсбери разъяснило, какого рода дружбы хочетъ Англія отъ Персіи. „Никакихъ исключительныхъ привилегій—говорилъ на завтракѣ въ Гильдголлѣ англійскій премьеръ— мы не хотимъ, мы желаемъ только свободы торговли для себя и для другихъ народовъ. Мы не навязываемъ Персіи дружбы, которая могла бы привести къ войнѣ, а желаемъ такой съ нею дружбы, которая ведетъ къ завоеваніямъ торговли и промышленности всего міра“.

Впрочемъ, на Востокѣ не особенно обезпокоиваются появляющимися за послѣднее время тревожными извѣстіями и понимаютъ, что они безпричинны или преслѣдуютъ своекорыстныя цѣли, не вы-

текающія изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. По этому поводу *Journal de S.-Pétersbourg* пишетъ: „Отзывы печати Востока объ общемъ политическомъ положеніи Европы всегда запаздываютъ, что̀ объясняется разстояніемъ. Вотъ почему мы можемъ только сегодня констатировать, что алармистскіе толки, господствовавшіе нѣсколько времени тому назадъ въ западной прессѣ, нашли отголосокъ на берегахъ Босфора. Но тамъ поняли, сколько весь этотъ пессимизмъ малоразсудителенъ. Подтвержденіе тому мы находимъ въ газетѣ *Turquie*, которая возстаетъ противъ воинственныхъ тенденцій извѣстныхъ газетъ и констатируетъ, что такой взглядъ на вещи лишенъ всякаго основанія. Излагая причины, недопускающія нарушенія мира и которыя кроются въ сознаніи великими державами собственныхъ интересовъ, турецкая газета въ заключеніе говоритъ: „„Нельзя по истинѣ не удивляться тому, что и „соображеніе это, ясно вытекающее изъ обсужденія вопроса, не „достаточно для того, чтобы предостеречь публику противъ пес- „симистическихъ извѣстій, которыя ей сообщаютъ ради своеко- „рыстныхъ цѣлей““. Вотъ несомнѣнно благоразумная рѣчь. Что касается Россіи, то мы были твердо убѣждены въ томъ, что въ Константинополѣ извѣстенъ истинный характеръ намѣреній этой державы“.

Смѣсь.

Къ характеристикѣ императора Николая I. Въ „Дневникѣ“ извѣстнаго А. В. Никитенки, помѣщенномъ въ *Русской Старинѣ*, разсказывается любопытный анекдотъ. Онъ относится къ двадцатымъ годамъ и записанъ Никитенкой въ эпоху нашей войны въ 1829 году. Государь, разсуждая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ объ осадѣ Шумлы, спросилъ у него:

— Можно ли взять сію крѣпость, которая считается неприступною?

— Да, ваше величество, только это можетъ стоить намъ пятидесяти тысячъ храбрыхъ солдатъ.

— Такъ я лучше буду стоять подъ ней, доколѣ она не сдастся сама, хотя бы мнѣ это стоило пятидесяти лѣтъ жизни! воскликнулъ императоръ. (в.)

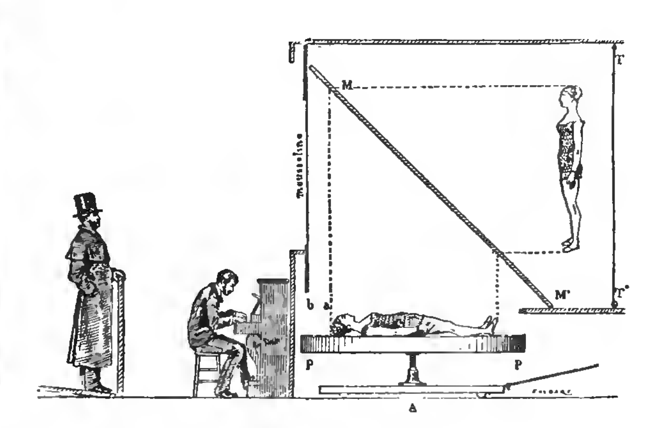
Первые мѣнялы въ Москвѣ. Въ любопытныхъ очеркахъ Старой Москвы, авторъ ихъ, г. Пыляевъ, вотъ что̀ разсказываетъ о возникновеніи мѣнялъ. Въ старину трудно было себѣ представить хоть одну улицу въ Бѣлокаменной, которая не изобиловала бы нищими, ходившими по ней сотнями. А о церквахъ и рядахъ и говорить нечего: здѣсь отъ нищихъ и прохода не было. Между ними попадалось не мало и такихъ, которые просили по привычкѣ, дѣлая изъ этого ремесло, и отъ подаянія только богатѣли. По стариннымъ разсказамъ, тогдашніе ростовщики всѣ прежде были нищими; они вначалѣ собирали себѣ съ міру по ниткѣ, да шили себѣ рубашки, но послѣ тотъ же міръ не расплачивался съ ними и кафтанами. Эти же нищіе держали у себя размѣнъ мелкой монеты и получали почти всегда за промѣнъ значительную прибыль на вынесенный суточный капиталъ. Вотъ откуда берутъ начало наши мѣняльныя лавки. (в).

Сѣрный дождь. Недавно надъ Кіевомъ около полудня надвинулась съ сѣвера темная туча и пролилась дождемъ. Когда онъ пересталъ, на поверхности лужъ, и въ особенности большихъ, легко было замѣтить тонкую пленку ярко-желтой пыли, цвѣтомъ напоминавшей сѣру, отчего народъ и называетъ подобный дождь „сѣрнымъ“. Вслѣдствіе своей легкости, эта пыль только плаваетъ на поверхности, не смѣшиваясь съ водою, а по мѣрѣ высыханія лужи откладывается по ея краямъ въ видѣ желтыхъ полосъ. Эта пыль— какъ оказывается подъ микроскопомъ—есть не что̀ иное, какъ скопленіе маленькихъ зеренъ, овальной формы, длиной около 0,08 миллиметра. Среди овала перехватъ, представляющій зернистое строеніе и имѣющій цвѣтъ болѣе свѣтлый, чѣмъ концы овала. Цвѣтъ зеренъ ярко-желтый. Такой видъ пыли показываетъ, что это растительный порошокъ, именно цвѣточная пыль нѣкоторыхъ видовъ сосны—pinus sylvestris. Сосна эта цвѣтетъ обыкновенно въ началѣ мая; порывами вѣтра цвѣточная пыль сосны уносится часто на значительныя разстоянія и нерѣдко осѣдаетъ не только съ дождемъ, но и просто въ видѣ тонкаго слоя пыли. Кіевъ снабжается ею изъ сосновыхъ лѣсовъ, расположенныхъ за Днѣпромъ, въ Черниговской губерніи. Въ прошломъ году въ маѣ наблюдался такой-же „сѣрный“ дождь. (в.)

Вызовъ на дуэль за стихи. Безъ сомнѣнія всѣмъ извѣстно стихотвореніе Некрасова „Княгиня“, но вѣроятно никто и не подозрѣвалъ сколько хлопотъ доставило оно его автору. Въ „Воспоминаніяхъ“ г-жи Панаевой-Головачевой разсказывается, что Некрасовъ написалъ это стихотвореніе какъ разъ въ то время, когда весь Петербургъ говорилъ о смерти одной русской графини. Уже на сорокалѣтнемъ возрастѣ, она вторично вышла замужъ въ Парижѣ за доктора-француза и умерла, одинокая, въ нищетѣ, въ какой-то парижской больницѣ. Ходили слухи, будто мужъ-докторъ тиранилъ ее и отравилъ медленнымъ ядомъ съ цѣлью воспользоваться ея деньгами и драгоцѣнностями. Надо замѣтить, что эта графиня играла нѣкогда большую роль въ свѣтѣ и была такъ хороша собой, что Лермонтовъ написалъ стихотвореніе къ ея портрету. Однажды, когда, черезъ годъ послѣ появленія въ печати „Княгини“, Некрасовъ и Панаевъ жили на дачѣ, къ нимъ явились два француза, изъ которыхъ одинъ оказался докторомъ, мужемъ умершей графини и объявилъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ спеціально для объясненія съ авторомъ стихотворенія „Княгиня“, чтобы вызвать Некрасова на дуэль. Послѣдній принялъ вызовъ; но затѣмъ французъ обратилъ свой вызовъ къ Панаеву, послѣ того какъ ему объяснили, что въ виду болѣзненности Некрасова шансы при дуэли будутъ неравны. Дуэль, однако, все-таки не состоялась, ибо французъ удовольствовался тѣмъ, что лицо, которое вело переговоры о дуэли, отправилось вмѣстѣ съ Панаевымъ къ мнимо-обиженному доктору и разъяснило ему, что стихи Некрасова написаны не на умершую жену этого доктора. Тѣмъ дѣло и кончилось. Осенью, послѣ этого, Панаевъ узналъ случайно отъ родственника умершей графини, что „докторъ-спекуляторъ“ пріѣзжалъ въ Петербургъ не ради дуэли, а за полученіемъ имущества, оставшагося послѣ умершей, котораго, однако, не получилъ. Но съ какой цѣлью и по чьему наущенію былъ сдѣланъ вызовъ Некрасову—это такъ и осталось загадкой. (в.)

Новый желѣзнодорожный сигналъ. Обществомъ желѣзной дороги „Парижъ-Ліонъ-Средиземное море“ производятся опыты надъ сигналомъ новаго устройства для безопасности путешественниковъ. Онъ изобрѣтенъ инженеромъ названнаго общества и считается дѣйствительнѣе и цѣлесообразнѣе всѣхъ употреблявшихся до сихъ поръ. Для поданія сигнала, вмѣсто электричества, употребляется въ дѣло сгущенный воздухъ тормазовъ. При натягиваніи шнура, проведеннаго чрезъ каждое отдѣленіе вагона, раздаются два свистка, изъ которыхъ одинъ находится на вагонной крышѣ,

Увеселительная физика. Амфитрита.

Увеселительная физика. Объясненіе опыта Амфитриты.

другой вблизи управляющаго локомотивомъ. Вслѣдствіе дѣйствія тормазовъ поѣздъ долженъ остановиться на протяженіи 50 метровъ. Свистъ раздается до тѣхъ поръ пока его не прекратитъ кто-либо изъ служащихъ, такъ какъ для пассажировъ механизмъ недоступенъ. Сигналъ не дѣйствуетъ лишь въ томъ случаѣ, если въ трубѣ образуется трещина; но тогда поѣздъ остановится самъ собою. (с.)

Балъ въ честь Гаррисона, при его вступленіи въ должность президента, по словамъ американскихъ газетъ, былъ обставленъ весьма роскошно. На одни цвѣты ассигновано было 5000 долларовъ (10,000 р.); на украшеніе потолка употреблено было нѣсколько тысячъ футовъ цвѣточной гирлянды. Когда президентъ и его свита вступили въ залъ, надъ нимъ разверзся цвѣточный шаръ и осыпалъ его цвѣтами; дойдя до противоположнаго конца зала, президентъ снова былъ осыпанъ цвѣточнымъ дождемъ. Шары кромѣ того заключали въ себѣ множество канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ. На потолкѣ висѣлъ цвѣточный корабль въ 30 футовъ длины. Газовые рожки и колонны, поддерживающія галереи, были обвиты лавровыми вѣтвями. Семь цвѣтниковъ, установленныхъ на галереяхъ, изображали собою различныя министерства. Надъ фонтаномъ по срединѣ зала возвышалась двухэтажная японская пагода, въ которой помѣщались музыканты. Все это скорѣе напоминаетъ описаніе празднества въ честь какого-либо восточнаго повелителя; для президента Соединенныхъ Штатовъ подобныя излишества кажутся нѣсколько странными. (с.)

1-й заемъ 1864 года. 49-й тиражъ 1-го іюля 1889 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

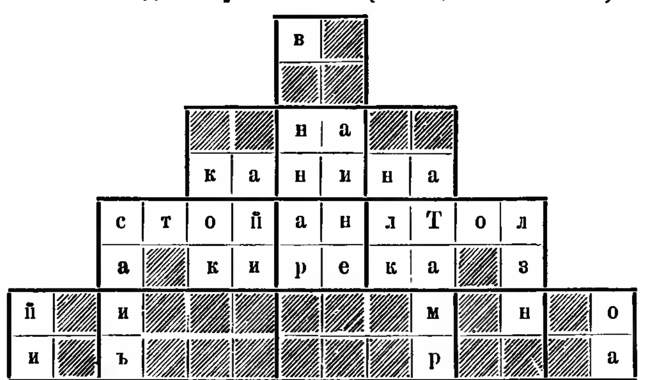
№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
44	10	1000	2899	48	500	5082	42	500	7430	34	5000
152	16	500	2924	48	500	5089	43	500	7516	35	40000
203	8	500	2926	8	500	5201	19	500	7533	26	500
253	7	500	2949	48	500	5364	42	500	7554	8	500
256	19	500	2977	23	500	5544	19	500	7574	23	500
372	49	1000	2997	32	500	5630	48	500	7589	26	500
538	18	500	3052	22	500	5701	7	500	7610	39	500
549	49	500	3065	2	500	5707	5	500	7944	17	1000
702	4	500	3172	27	500	5716	10	1000	7958	9	500
732	7	1000	3212	15	500	5878	41	500	8019	35	500
743	20	500	3257	28	500	5948	29	500	8230	8	500
843	43	500	3270	12	1000	6107	49	500	8263	32	500
921	41	500	3313	39	500	6120	14	500	8410	19	1000
1038	34	500	3366	32	5000	6125	6	500	8421	24	500
1063	41	500	3368	19	500	6146	16	500	8430	26	500
1211	14	500	3418	16	500	6146	45	500	8494	24	500
1260	21	500	3459	29	500	6187	33	500	8600	21	500
1351	4	500	3648	45	500	6225	44	500	8656	35	500
1397	22	500	3654	39	500	6404	6	500	88·8	8	500
1410	29	500	3691	16	1000	6460	25	500	8·56	21	500
1517	18	500	3739	26	500	6469	27	500	9153	31	500
1592	49	500	3890	48	500	6555	47	500	9155	23	500
1601	19	8000	3938	26	500	6593	16	500	9168	27	500
1611	50	500	3980	44	500	6666	35	500	9170	36	500
1618	28	500	4084	31	500	6675	26	500	9199	15	500
1636	39	1000	4346	5	8000	6678	4	500	9420	37	500
1680	10	1000	4372	17	500	6774	32	500	9552	18	500
1792	38	500	4405	39	500	6809	29	8000	9637	13	1000
1923	3	500	4419	47	500	6820	28	500	9659	13	500
1931	22	500	4478	45	500	6906	9	500	9704	33	1000
2017	47	500	4542	36	500	6945	44	500	9715	2	500
2415	12	25000	4732	37	500	6965	1	500	9797	26	500
2449	21	500	4749	46	500	6989	6	500	9887	6	500
2475	11	500	4789	26	500	7062	16	1000	9948	18	500
2746	32	500	4838	45	500	7168	24	500	10087	7	500
2868	2	500	4862	45	500	7293	30	500	10145	8	5000
2886	35	500	4908	29	1000	7402	44	1000	10177	27	500
2894	16	500	4937	49	500	7430	4	5000	10250	24	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10254	15	500	12752	22	500	14822	24	500	17388	38	10000
10409	22	200000	12813	30	500	15100	1	500	17418	14	8000
10496	44	500	12822	9	500	15105	23	5000	17422	25	500
10534	28	500	12890	40	500	15148	3	500	17500	33	500
10560	40	500	12923	10	5000	15167	7	500	17522	50	500
10568	37	500	12949	6	500	15197	40	500	17871	24	500
10645	11	1000	12991	50	500	15381	50	500	17890	4	500
10682	9	75000	13017	49	500	15389	18	500	17970	17	1000
10830	35	500	13039	9	500	15457	46	500	18173	29	500
10904	12	500	13043	39	500	15190	34	500	18174	11	500
11039	46	500	13084	47	500	15526	29	500	18310	50	500
11054	45	500	13179	29	500	15622	47	500	18329	40	500
11073	30	500	13268	30	500	15630	9	500	18467	5	500
11363	23	8000	13275	16	500	15639	11	500	18486	19	500
11394	27	500	13350	10	500	15747	14	500	18505	21	500
11480	13	500	13367	8	500	15758	23	500	18519	1	500
11627	23	500	13372	46	500	15765	14	500	18521	14	500
11641	32	500	13404	44	500	15810	14	500	18562	16	500
11769	31	500	13420	9	500	15865	14	500	18597	32	500
11919	15	500	13461	47	500	15879	20	500	18674	7	5000
11924	50	500	13653	8	500	15987	44	500	18689	39	500
11948	17	500	13680	36	500	16071	10	500	18812	39	500
11948	24	500	13752	32	500	16223	39	500	19048	3	500
11969	10	500	13818	28	500	16232	26	500	19132	16	500
11996	4	500	13827	12	500	16257	42	500	19266	9	500
12141	29	500	13906	50	500	16311	43	500	19285	29	500
12147	27	500	13910	1	500	16347	2	500	19447	33	500
12210	38	1000	13916	40	500	16364	5	500	19491	48	500
12212	27	500	14034	19	500	16553	22	500	19548	11	500
12392	41	500	14059	6	500	16583	9	500	19564	35	500
12414	9	500	14118	17	10000	16604	9	500	19587	45	500
12465	11	1000	14146	21	1000	16647	47	500	19638	8	500
12476	23	500	14166	10	500	16940	49	500	19776	25	500
12536	21	500	14180	19	500	17095	33	500	19807	12	500
12557	6	5000	14321	37	500	17148	19	500	19821	46	500
12560	16	500	14721	38	500	17208	47	10000	19864	31	500
12657	33	500	14759	9	500	17299	36	500	19943	26	500

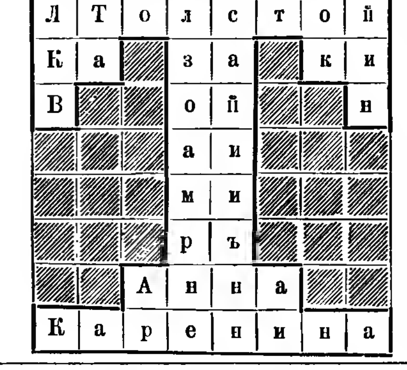
№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

30, 210, 580, 1333, 2097, 2316, 2326, 2334, 2444, 2629, 2632, 2734, 3379, 3458, 3703, 3871, 3914, 4488, 4652, 4907, 5051, 5538, 5835, 5965, 6151, 6221, 6227, 6493, 6640, 6651, 6653, 6719, 7217, 7614, 7987, 7988, 8022, 8104, 8160, 8233, 8281, 8315, 8377, 8619, 8772, 9044, 9329, 9337, 9409, 9512, 9530, 9605, 9640, 9714, 9852, 9868, 9945, 10066, 10241, 10326, 10833, 10841, 11188, 11638, 12117, 12152, 12190, 12715, 12857, 13058, 13222, 13906, 13999, 14235, 14566, 15009, 15124, 15261, 15465, 15719, 15916, 16437, 17599, 17732, 17791, 17899, 18354, 18667, 18735, 19061, 19312, 19833.

Рѣшеніе задачи буквъ № 36 (помѣщенной въ № 21).

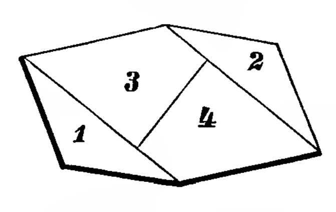
1) Лермонтовъ.
2) Катилина.
3) Зной.
4) Рай.
5) Каски.
6) Нина.
7) Аа.

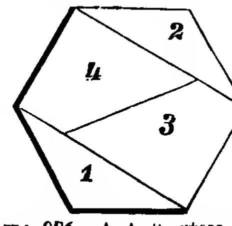

Л. Толстой.
Казаки.
Война и миръ.
Анна Каренина.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Н. В. Панкова и Ф. Боро нна въ **СПБ.**, и В. К. Терскаго въ **Б. Коровино.**

Рѣшеніе геометрической задачи № 37 (помѣщ. въ № 21).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. А. Носнѣева, Н. В. Панкова, В. О. Пикель, А. А. Ильина, Н. Т. Ипполитова, И. Е. Иванова-Кузнецова, А. А. Коломенскаго, Ф. А. Боронина, **Москза** — А. Хаустова, В. В. Щербова, А. Шерь, В. Журкова, **Архангельскъ** — А. Мелешкевичъ, **Алексинъ** — П. Губина, **Буй** — М. Никифорова, **Вязьма** — Л. Уварова, П. Ф. Романенкова, **Владикавказъ** — Р. Звменко, **Вез нбергъ** — Ф. Эброкъ, **Диска** — С. А. Дубнякова, **Екатеринославъ** — С. Гловацкаго, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, С. Д. Адлеръ, **Кременчугъ** — Е. Е. Добровицкаго, М. Б. Клермана, **Калуга** — С. В. Маторина, **Клинъ** — А. Королева, **Кишиневъ** — В. Г. Комарницкаго, **Лебедянь** — В. П. Чурилина, **Макарьевъ** — М. Лафина, **Н. Новгородъ** — С. Бончъ, **Нарва** — Т. А. Плавской, **Николаевъ** — Е. Ивлева, Э. Фолькертъ, **Осинова** — Ѳ. Листопадова, **Одесса** — В. К. Гуммель, **Плоцкъ** — Баера, **Перковъ** — Ф. Михель, **Сергіево пос.** — И. А. Стромынцева, **Рязань** — П. Постникова, **Смоленскъ** — К. П. Олицкаго, **Самара** — М. А. Смирнова, **Тифлисъ** — Г. Г. Карибова, **Терки** — В. И. Матвѣева, **Токсово** — Д. Д. Лапина, **Устюжка** — А. Мясникова, **Узикская** — С. Касатина, **Харьковъ** — С. Бизяева, **Харцисиъ** — Ф. Е. Іевлева.

Рѣшеніе шутки-шарады № 38 (помѣщенной въ № 21).

Римъ — миръ. Roma — amor (любовь).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. В. Евтихіева, Н. В. Панкова, В. И. Шошина, Л. П. Григорьева, П. Александрова, О. К Комаровой, П. П. Ро-лова, В. О. Пикель, Е. Балакиной, **Москва** — А. Иванова, М. Цвѣткова, Садовнина, Смирнова, А. Комовскаго, Шурды-Мурды, Н. Корнѣева, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Богородицкъ** — В. Поспѣлова, **Бобруйскъ** — Е. Мольской, **Баталпашинскъ** — А. Кирѣева, **Вильна** — Р. Брумбергъ, М. Сегалъ, **Дисна** — К. И. Жемчужина, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, К. Кѣтли скаго, **Кузнецы** — Ф. П. Перова, **Кострома** — П. Колодкина, **Каменецъ-Подольскъ** — К. Доброволзскаго, **Лебедянь** — В. П. Чурилина, **Минскъ** — А. Пикотина, **Мелитополь** — Хабабамова, **Лоевъ** — Я. Мартьянова, **Немировъ** — Р Шлелейнъ, **Невель** — И. Кошко. **Новогеоргіевскъ** — М. Гуровича, **Одесса** — Рейжевскаго, **Петровское** — М. Г—на, **Ростовъ н/Д.** — П. Лебедева, **Судогда** — В. И. Голубева, **Сокирянцы** — Стржемецкаго, **Семеновка** — Д. Герценвицъ, **Тула** — А. Дынина, Люси, **Тверь** — З. М. Назаровой, **Уфа** — М. Сущенко, А. Корнилова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Утвержденная Министерств. Внутр. Дѣлъ съ полнымъ курсомъ Консерваторіи, основанная въ 1872 году

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА Ѳ. И. РУССО

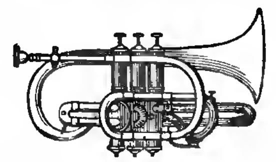
СПБ. Б. Садовая, д. 12, прот. Гостинаго Двора. Пріемъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Составъ преподавателей: Профессора и преподаватели СПБ. Консерваторіи, классные художники, солисты Императорской русской оперной сцены, солисты б. итальянской оперы, солисты оркестровъ Императорской русской оперы и балета, камерсолисты и прочіе артисты-педагоги.

Плата за преподаваніе: фортепіано отъ 20 до 60 р. за учебное полугодіе; пѣніе отъ 35 до 60 р. за учебное полугодіе; скрипка, альтъ, віолончель и контрабасъ—отъ 20 до 40 р. за учебное полугодіе. **Дополнительные предметы безплатно.**

Лица окончившія полный курсъ ученія въ школѣ Ѳ. И. Руссо получаютъ дипломъ. Во всѣ музыкальные классы могутъ поступить лица каждаго возраста, а въ элементарный и младшіе курсы даже безъ всякой музыкальной подготовки. Въ научные классы принимаются не старше 12 лѣтъ. На полный пансіонъ директриса школы принимаетъ исключительно дѣвицъ, съ платою 320 р. въ годъ, кромѣ платы за преподаваніе. Учебный годъ начинается 1 сентября и продолжается до 15-го мая. Подробныя программы выдаются и высылаются безплатно. № 3962

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

по 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Школа Баганца для самоученія ч. I и II по 1½ руб. за каждую.
Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы и пр.

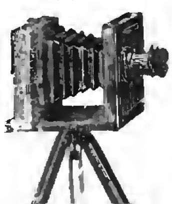
ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 120 и 160 руб.
Школа Келера для самоученія ч. I и II по 1½ руб. за каждую.
Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 80 р.
Школа Китцера для самоученія, ч. I и II по 3 руб. за каждую.
Гобои, фаготы, флажолеты, чаканы, мюзеты; барабаны, литавры, тарелки и пр.
Иллюстрир. прейскурантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо №3958
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 к. **Б. Гостонскій,** г. Кіевъ, Рейтарская, 17. №3874 4—4

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Вслѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографироа. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.
Цѣна полн. прибора 18, 24, 35, 50 руб. и дороже.
Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.
Просимъ не смѣшивать съ рекламир. крайне дешев. аппаратами.

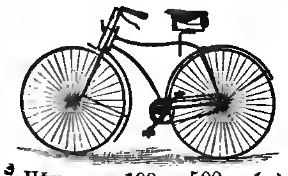
Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 3944 2—2

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Императоръ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ — ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ,** заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.,** съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

НОВОЕ, **ПЯТОЕ** ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ,** съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

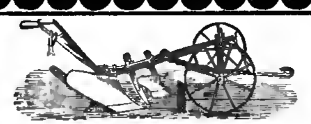
☞ **Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.**

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.,** съ перес. **6 р. 75 к.;** въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями—**8 руб.,** съ пересылкою **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. **6 р. 25 к.;** въ переплетѣ **7 р.,** съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращатся въ **СПБургъ,** въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези“ и сноповязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.**

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (1)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, быв. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

Покровская Община сестеръ милосердія симъ объявляетъ лицамъ, желающимъ помѣстить своихъ дочерей, родственницъ или опекаемыхъ ими въ число пансіонерокъ Покровской женской гимназіи (Министерства Народнаго Просвѣщенія) съ 8 педагогическимъ классомъ, что плата за полную пансіонерку 220 р. въ годъ и 30 р. единовременно на экипировку, плата за обученіе музыкѣ отдѣльно по 50 р. въ годъ. Французскій языкъ обязателенъ для всѣхъ учащихся. Преподаваніе латинскаго языка входитъ въ программу безплатно. Приходящія платятъ 60 р. въ годъ. № 3948 3—2

Дочери священно и церковно-служителей пользуются обученіемъ музыкѣ безплатно.

Прошенія принимаются въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны (Васильевскій Островъ, 4 линія, д. № 21) ежедневно кромѣ праздниковъ.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ

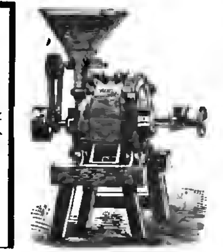
грязе-лечебное заведеніе товарищества врачей **въ Крыму, въ г. Керчи.** Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. **въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.**

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева. Ц.** 2 р., съ пер 2 р. 50 к.

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ.

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, д. № 2.
Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова.

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на **мукомольныя мельницы „ТРІУМФЪ“** съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строимъ 3 размѣр.

ЛОКОМОБИЛИ
3, 4 и 6 силъ (спеціальность).
Большой выборъ ручныхъ и конныхъ
МОЛОТИЛОКЪ,
ВѢЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ,
НАСОСОВЪ,
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.
Иллюстрир. каталоги по востребованію.

Изготовляемые подъ этою фабричною маркою

О-ДЕ-КОЛОНЪ,
ДУХИ,
Туалетныя мыла высокаго достоинства,
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,
Препараты для нѣжности кожи,
ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА,
ПУДРЫ,
МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,
Туалетная вода и т. п.

пріобрѣли благодаря ихъ высокимъ качествамъ и ихъ дешевизнѣ извѣстность во всемъ мірѣ.

Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженныя настоящей фабричной маркой
Ц. № 3937 5—2

которыя продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное Депо у **Александра Тисъ и Ко,** Пушкинская, № 4, въ СПБ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

КОРОБЧЕВСКІЙ

Приготовленіе искусств. зубовъ на каучукѣ (безъ крючковъ) и металлѣ; пломбированіе и леченіе. Пріемъ отъ 10 до 4 ч. кромѣ воскресныхъ дней. № 3945 2—2
Офицерская ул., д. 18, кв. 2.

ВѢЧНОЕ ПЕРО

новѣйшей конструкціи съ самодѣйствующимъ чернильнымъ приборомъ — вмѣсто стальнаго пера съ золотымъ штифтикомъ, практично для каждаго — цѣна за экз. 4 р. съ футляромъ. Подробное объясненіе безплатно, складъ:

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,
Садовая, 12, второй дворъ, кв. № 22.

При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подписчин. (за исключен. московск.) объявл. отъ книжн. магаз. С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 5 іюля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XX
№ 29 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 15 іюля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

П. И. Кеппенъ.

Когда тридцать лѣтъ тому назадъ торжественно праздновалось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности извѣстнаго академика Кеппена, юбиляръ, въ отвѣтѣ своемъ на поздравленія, между прочимъ, сказалъ: „Вся моя жизнь была посвящена Россіи“. Этими немногими словами онъ совершенно вѣрно охарактеризовалъ общее направленіе своей разнообразной и незабвенной дѣятельности. Этотъ замѣчательный труженикъ науки, дѣйствительно, оказалъ огромныя услуги нашему отечеству, и теперь будетъ весьма кстати почтить память Кеппена, въ виду исполнившагося въ маѣ нынѣшняго года двадцатипятилѣтія со дня его смерти. Весьма немногимъ изъ публики извѣстно имя Кеппена, его многочисленныя работы, его неутомимые труды на пользу отечественнаго просвѣщенія; за то всѣ занимающіеся у насъ статистикой, изученіемъ древностей, исторіи, этнографіи, филологіи, палеографіи, прекрасно знаютъ это почтенное имя. Труды Кеппена были главнымъ образомъ посвящены статистикѣ Россіи, и важнѣйшіе изъ нихъ—о числительномъ составѣ народонаселенія отечества, объ этнографическомъ его распредѣленіи, исчисленіе по картѣ пространства губерній и уѣздовъ имперіи, самое полное и подробное тогда, списки населенныхъ мѣстъ страны,—по своей основательности и точности служили правительству надежною опорою въ его соображеніяхъ. Кеппену приходилось при этомъ пролагать новые пути въ области малоизвѣданной, почти нетронутой другими. Его извѣстная „Этнографическая карта Европейской Россіи“, выдержавшая нѣсколько изданій, работы по составленію „Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи“, указатель инородческихъ поселеній въ Крыму, списокъ городовъ и селеній Тульской губерніи—считаются, по справедливости, трудами въ высшей степени добросовѣстными, образцовыми. Въ области археологіи и филологіи Кеппенъ

П. И. Кеппенъ (по поводу 25-й годовщины смерти). Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

также оказалъ немаловажныя услуги, занимаясь этими науками въ годы молодости, „когда Карамзинъ, Румянцевъ, Востоковъ, митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) едва начинали свое великое дѣло". Издавъ еще въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ сборникъ снимковъ и описаній памятниковъ русской древности, чѣмъ онъ указалъ на возможность существованія русской археологіи, Кеппенъ впослѣдствіи еще болѣе расширилъ свой взглядъ, обративъ вниманіе и на камни съ надписями, и на каменныя бабы, курганы, городища и т. д. Погодинъ назвалъ драгоцѣннымъ, классическимъ изданіемъ книгу Кеппена „Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи". Кеппенъ считается однимъ изъ самыхъ внимательнѣйшихъ русскихъ палеографовъ; онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ у насъ вниманіе на древности классическія и первый же коснулся вопроса объ изученіи всѣхъ славянскихъ нарѣчій безъ исключенія, а также болѣе важныхъ, ближайшихъ языковъ — венгерскаго и литовскаго; еще юношей началъ онъ собирать матеріалы для русскаго словаря, общаго и областнаго. Такимъ образомъ, занимаясь вопросами филологіи и литературы, Кеппенъ и въ этихъ занятіяхъ, по свидѣтельству Срезневскаго, явился однимъ изъ вожатаевъ науки. Ему принадлежитъ мысль о филологическихъ путешествіяхъ по славянскимъ землямъ, и какъ широкъ былъ у него взглядъ, можно судить по его „Библіографическимъ Листамъ", служащимъ и понынѣ необходимымъ матеріаломъ для спеціалистовъ. Драгоцѣнные по точности, по научному интересу, матеріалы заключаются и въ многотомномъ изданіи Кеппена, посвященномъ исторіи просвѣщенія въ Россіи и прочихъ славянскихъ земляхъ. Въ этихъ матеріалахъ необыкновенно трудолюбивый ученый обратилъ вниманіе и на старину книгопечатанія, и на школы и учебники, и на учителей и ученыхъ, и на нужды въ будущемъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить, для полноты представленія о трудахъ Кеппена, еще одну сторону крайне плодотворной его дѣятельности, выразившуюся въ его трудахъ по разработкѣ вопросовъ практически полезныхъ для сельскаго хозяйства и, такъ-сказать, государственнаго хозяйничанья въ Россіи. Въ этой области особеннаго вниманія заслуживаютъ его учено-практическія изысканія: о винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи и въ особенности на южномъ берегу Крыма, о потребленіи хлѣба, о торговлѣ у насъ скотомъ, укрѣпленіи летучихъ песковъ, шелководствѣ на Кавказѣ, о запасахъ водъ и лѣсовъ въ верховьяхъ Волги, о мочальномъ промыслѣ и лѣсномъ и проч. Такова необыкновенно разносторонняя дѣятельность этого чрезвычайно трудолюбиваго ученаго, которому многіе изъ позднѣйшихъ жрецовъ науки обязаны и указаніями, и отличнымъ вліяніемъ на юныя поколѣнія, видѣвшія въ Кеппенѣ примѣръ терпѣнія и того какъ надо умѣть работать.

Начавъ трудиться съ юныхъ лѣтъ, Кеппенъ неутомимо работалъ и въ преклонныхъ лѣтахъ, почти до самой кончины, причемъ нельзя не воздать ему хвалы за то, что будучи происхожденія не русскаго, онъ всѣ свои силы и способности посвятилъ странѣ, гостепріимно пріютившей его семью. Фамилія Петра Ивановича Кеппена происходитъ изъ бранденбургскаго города Шведта (при Одерѣ), гдѣ дѣдъ нашего ученаго былъ городовымъ физикомъ, т. е. собственно врачемъ. Иванъ Кеппенъ (Johann Koeppen), отецъ Петра Ивановича, докторъ Марбургскаго университета, состоя лейбъ-хирургомъ при Гессенъ-Кассельскомъ Дворѣ, въ 1786 году былъ вызванъ въ Россію императрицей Екатериною II, которая поручила ему медицинскую часть въ Харьковской губерніи, гдѣ онъ завѣдывалъ разными больницами. Петръ Ивановичъ Кеппенъ родился въ самомъ Харьковѣ 19 февраля 1793 года. Послѣ домашняго обученія, онъ на 14-мъ году опредѣлился въ губернскую чертежную, занимаясь межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ, подъ руководствомъ землемѣровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщая приготовительный для студентовъ классъ при Харьковскомъ университетѣ. Получивъ первый офицерскій чинъ, онъ въ 1809 г. поступилъ въ университетъ и въ 1814 г. былъ удостоенъ степени магистра правовѣдѣнія. Въ томъ же году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій почтовый департаментъ. Въ Петербургѣ его обласкало семейство бывшаго харьковскаго профессора Якоба, черезъ котораго Кеппенъ познакомился съ домомъ извѣстнаго Ѳ. П. Аделунга, видѣлъ здѣсь много знаменитостей, особенно иностранныхъ путешественниковъ и дипломатовъ, и въ 1830 году женился на дочери хозяина этого дома. Затѣмъ Кеппенъ участвовалъ въ учрежденіи Вольнаго общества любителей Россійской словесности, въ 1816 году, а въ слѣдующемъ, при образованіи комитета по ученой части Императорскаго человѣколюбиваго общества, поступилъ въ комитетъ членомъ-секретаремъ. Вскорѣ изслѣдованіе его о Югорской землѣ и прочіе первые литературные труды обратили на него вниманіе государственнаго канцлера Н. П. Румянцева и благодаря ему онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ О. П. Козадавлевѣ и должность втораго редактора, основанной министромъ, первой въ Россіи оффиціальной газеты *Сѣверной Почты*. Порученіе обревизовать почтовыя станціи по тракту бѣлорусскому до Крыма и Кавказа, дало Кеппену возможность ближе ознакомиться съ Россіей, изучать которую у него явилось желаніе еще на студенческой скамьѣ, для чего еще въ 1810 г. онъ началъ объѣзжать Россію. Но тутъ, по словамъ автобіографической записки Кеппена, онъ оставилъ службу и отправился путешествовать по Европѣ, съ благословенія митрополита Евгенія, друга своего. Побывавъ въ Вѣнѣ, Прагѣ и другихъ городахъ, Кеппенъ познакомился почти со всѣми находившимися тогда въ живыхъ славистами, и во время поѣздки по Славоніи и Сиріи, по Венгріи и Трансильваніи, а затѣмъ по Германіи, производилъ научныя изысканія, занимаясь древними рукописями, памятниками и прочими остатками старины, списывая, между прочимъ, древнѣйшіе памятники словенской письменности, которые потомъ издавалъ, входя въ сношенія съ первостепенными учеными и представителями литературы, критики, поэтами, а также музыкантами. Въ 1824 г. Кеппенъ возвратился въ Россію и поступилъ на службу въ департаментъ Народнаго Просвѣщенія, въ 1826 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, а въ слѣдующемъ перешелъ на службу въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ цѣлью получить въ Крыму мѣсто помощника главнаго инспектора шелководства. Въ Крыму, нерѣдко объѣзжая его съ учеными цѣлями, онъ служилъ съ 1829 г. по 1834 г., когда, по приглашенію президента Академіи Наукъ, гр. С. С. Уварова, возвратился въ Петербургъ, для редижированія „СПБургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей". Въ январѣ 1837 г. Кеппенъ былъ избранъ въ адъюнкты Академіи Наукъ по части статистики, исполнялъ разныя порученія, числясь академикомъ и служа по министерству Государственныхъ Имуществъ, участвуя, въ 1847 г., въ учрежденіи Имп. Русск. Геогр. Общества, издавая свои ученые труды. Въ декабрѣ 1859 г. П. И. Кеппенъ праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей, а черезъ пять лѣтъ скончался въ Крыму, въ своемъ имѣніи Карабагѣ, 23 мая 1864 г. Послѣ Кеппена осталось до ста тридцати сочиненій по географіи, статистикѣ, этнографіи, археологіи, библіографіи, политической экономіи и проч.

П. Быковъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

X.

Когда Ряднов бросилъ работу совсѣмъ и Вѣра перестала показывать ему свои — художнику нѣсколько полегчало.

Онъ носилъ теперь большіе синіе очки и зеленый козырекъ надъ глазами, что Капріотскимъ мальчишкамъ подало поводъ тотчасъ-же прозвать его carozza (фаэтонъ).

— За что̀ это ты называешь меня кароццой? смѣялся онъ, останавливая одного мальчугана съ громадными глазами, горѣвшими совсѣмъ не подѣтски.

— А зачѣмъ-же вы поднимаете верхъ! съ хохотомъ показалъ тотъ на зеленый козырь и убѣжалъ прочь поскорѣе.

Александръ Петровичъ теперь становился все спокойнѣе. Скоро, облако застилавшее передъ нимъ предметы исчезло и только изрѣдка скользили въ глазахъ mouches-volantes, да и то все рѣже и рѣже. Къ лѣту онъ былъ уже почти здоровъ, но доктора запрещали ему приниматься за работу. Онъ выдержалъ двѣ недѣли, да разъ какъ-то, когда Вѣрочка пошла брать ванну, забрался въ ея комнату, откинулъ завѣсу золотистаго шелка надъ окномъ — и сталъ разсматривать ея картины. Первая вызвала въ немъ чувство гордости и восторга. Онъ сознавалъ что самъ не мало потрудился надъ созданіемъ этого большаго таланта. Вторая шевельнула въ немъ какое-то странное, ему самому непріятное чувство.

О! она не теряла времени... Нѣтъ, не теряла... Слишкомъ даже много работала.

„А что̀ я сдѣлалъ въ это время?" гвоздемъ входило въ его мозгъ. „Ничего... Къ выставкѣ у меня нечего будетъ показать".

Когда онъ перешелъ къ двумъ послѣднимъ карти-

пимъ, его раздраженіе перешло прямо па Вѣру. Онъ пристально, внимательно приглядывался къ нимъ, къ каждому мазку—отходилъ и подходилъ ближе. Найди онъ въ нихъ недостатокъ, ему было-бы легче, но увы! все то, что онъ такъ часто и много говорилъ своей женѣ и ученицѣ, было принято ею въ разсчетъ, усвоено... Эти работы оказывались уже чужды ея прежнимъ недостаткамъ. Нѣтъ-ли прежней слащавости лицъ, создававшихся ею?.. Нѣтъ. Они совсѣмъ реальны, сама жизнь въ полнотѣ своихъ красокъ и блеска смотрѣла на него съ этихъ полотенъ. Не слишкомъ-ли она подчеркнула реализмъ? еще разъ сталъ онъ доискиваться. Нѣтъ... Всюду жизнь облагорожена вложенною въ нее искрой поэтическаго вдохновенія. Грязь и ея несовершенства не выдвинуты впередъ... Нѣтъ-ли небрежности?.. „Нынче вѣдь все пишутъ швабрами, наскоро!“ вспомнилъ онъ свое любимое выраженіе. Только и можно смотрѣть сегодняшнихъ геніевъ что на почтительномъ разстояніи,—онъ сталъ тщательно допытываться у картинъ этой манеры, не проскользнула-ли она. Подошелъ ближе и окончательно ему стало почему-то жутко.

„Ахъ, если-бы я могъ работать“! думалось ему. „Я бы сдѣлалъ лучше“.

И опять цѣлымъ вихремъ вырвались и закрутились идеи, безплотные еще образы, эти души картинъ, ожидавшія тѣла... Дерзкія сочетанія красокъ... Розовыя деревья въ цвѣту, безлистныя, на темносинемъ небѣ, пестрота Юга безсознательно умѣющаго соединить колера считавшіеся несоединимыми...

— Только-бы два мѣсяца мнѣ...

Въ эту минуту какъ разъ вошла Вѣра, вся свѣжая и бодрая, еще болѣе дразнившая его своею силой и здоровьемъ.

— А, ты здѣсь? Смотришь ужь мои работы. Ну что?

Она такъ и впилась въ него вопрошающимъ взглядомъ.

— Прекрасно. Отлично.—Онъ только почему-то отводилъ свои глаза отъ нея.—Я искалъ прежнихъ недостатковъ работы и не нашелъ ихъ. Выписано хорошо... Реально и благородно въ то-же время. У насъ такъ теперь не умѣютъ. Я вообще не безъ гордости...

И вдругъ что-то словно подступило ему къ горлу... Онъ поперхнулся и замолчалъ на минуту.

— Что̀ не безъ гордости?

— Вижу твои успѣхи, торопливо закончилъ онъ и перешелъ къ главному, что̀ только сейчасъ навернулось ему на мысль и за что̀ онъ схватился съ лихорадочною поспѣшностью. И отъ этого ему разомъ стало легче.— Да это еще не все, а вотъ скажи мнѣ: что̀ ты это дѣлаешь?

— Что?

— Ремесло это для тебя, какъ сапоги для сапожника, или искусство? Сапоги для сапожника—чѣмъ ихъ больше сшито тѣмъ лучше, тѣмъ онъ больше напьется въ воскресенье и станетъ лучше опохмѣляться въ понедѣльникъ. Пара—плохо, двѣ—недурно, три—еще лучше, а четыре—такъ и совсѣмъ превосходно.

— Насчетъ чего ты? стояла она изумленная.

Онъ въ волненіи, не давая еще себѣ отчета, куда идетъ, прошелся по комнатѣ.

— Ты что̀-же воображаешь... Верещагинскую манеру себѣ усвоила? Коли выставить такъ не одну—а двадцать картинъ? Вали въ кучу побольше, тамъ разберутъ потомъ? Что̀ это за неуваженіе къ искусству! Что̀ за ремесленная поспѣшность, „за вкусъ не берусь, а горячо будетъ!“ Это что-ли? Ты знаешь какъ писали когда-то — годами одну картину создавали. Вспомни Иванова... и да будетъ тебѣ стыдно. А то тяпъ да ляпъ и вышелъ карапъ...

— Неужели-же такъ плохо это?.. Неужели видна во всемъ написанномъ мною спѣшность?

— Нѣтъ, я уже тебѣ сказалъ... Но если-бы, вмѣсто этихъ, за восемь мѣсяцевъ ты написала одну, такъ она бы на вѣки вѣковъ осталась чуднымъ вкладомъ въ искусствѣ. А это что̀?.. такъ себѣ... хорошо... Но я знаю, я убѣжденъ, ты лучше можешь... А то, слава Тебѣ Господи, пользуется тѣмъ, что здорова, глаза не болятъ, рука не утомляется и цѣлые дни знай себѣ сидитъ да малюетъ. Ты не на каторжной работѣ и мы съ голода не умремъ если будемъ поменьше сидѣть за мольбертомъ. Поняла ты меня?

„Поняла, слишкомъ хорошо поняла!“ И чѣмъ больше онъ раздражался и злился, тѣмъ больше ей становилось его жалко. Какъ онъ долженъ былъ страдать въ эти минуты!.. Она не знала что̀ сказать чтобы успокоить его.

— Развѣ я, напримѣръ, такъ работалъ?.. Я обдумывалъ, выносилъ въ себѣ образы... И никогда не разрѣшался двойнями или тройнями... А ты взяла да и обрадовалась!..

Увидѣвъ ея поблѣднѣвшее лицо, онъ почувствовалъ разомъ, какъ былъ несправедливъ къ ней.

— Я не хотѣлъ тебя обидѣть, угрюмо заговорилъ онъ.—Съ этою болѣзнью проклятой я можетъ быть говорю желчно... Но въ сути самой я правъ, разумѣется правъ (точно онъ самого себя хотѣлъ убѣдить въ этомъ). Еще-бы не правъ! Я въ твоихъ-же интересахъ... Мнѣ дорогъ твой талантъ, я смотрю на него какъ на частицу самого себя. Я не мало поработалъ надъ нимъ. Ты пойми, что дарованіе это капиталъ — его нельзя полными горстями швырять направо и налѣво. Разоришься—новаго не наживешь, живи процентами съ него. Повторяться развѣ—такъ вѣдь это скоро и раскусятъ. Мало-ли у насъ такихъ! Всѣмъ нашимъ золотымъ тельцамъ стѣны ихъ завѣшали своей мазней. Одинъ все сосну подъ вечерней зарей рисуетъ, другой—лужокъ съ коровой задравшей хвостъ, третій на Филемонахъ въ вицъ-мундирахъ и Бавкидахъ въ чепцахъ выѣзжаетъ, четвертый — на счетъ синей и розовой краски съ палевымъ славу свою сдѣлалъ и держится на ней, точно онъ воробей и кромѣ своего *чивъ-чивъ* ничего другаго не знаетъ. Этакъ вѣдь и попугаи говорятъ...

Она сѣла и уронила руки.

Она сознавала какъ неправъ онъ былъ къ ней. Ей хотѣлось-бы плакать.

„Какъ онъ долженъ былъ страдать!“ думала она. „Какъ ему самому больно въ эту минуту! И какъ ему будетъ тяжело, когда онъ сознаетъ свою несправедливость“!

XI.

Александръ Петровичъ то чувствовалъ себя лучше и и какъ жаждущій елень на источники водные кидался на работу, то утомленный опять начиналъ жаловаться на глаза и цѣлые дни злился... Вѣра совсѣмъ забросила свои картины. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже вполнѣ закончены, другимъ недоставало только нѣсколькихъ „ударовъ“ кисти, какъ выражался Рядновъ. Главное было сдѣлано, мелочи она могла выполнить потомъ. Погода стояла дивная и голубой Капри подъ строгимъ темносинимъ небомъ, среди влюбленнаго лазурнаго моря, казался уголкомъ рая со своими нагрѣтыми утесами, причудливыми кактусами и граціозными пальмами. Вѣра—чтобы не напоминать мужу объ искусствѣ, о работѣ — бросила свою, дождалась, чтобы картины высохли, свернула ихъ и спрятала.

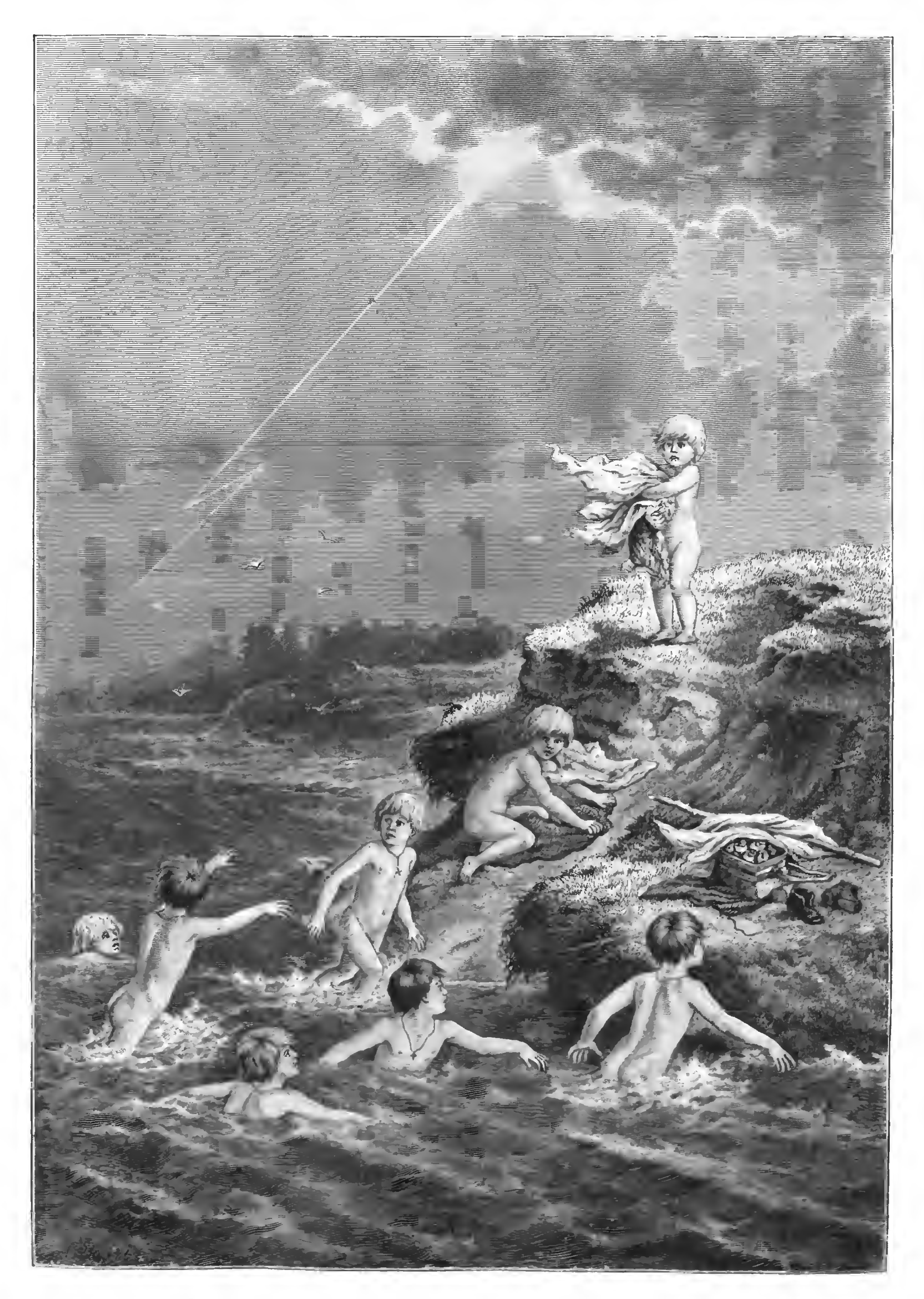
— Ты что̀-же это больше ничего не дѣлаешь? удивленно спрашивалъ ее Рядновъ.

— Довольно... Я кончила... Я рѣшила по твоему совѣту сначала обдумать и выносить въ душѣ кое-что, а потомъ уже взяться за кисть... Правда, вѣдь такъ? ласкалась она къ нему.

— Ну, разумѣется. Хотя и времени терять тебѣ не-

Лѣсная дорога. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ф. Гумберга, грав. Рашевскій.

Застигнутые грозой. Ориг. рис. (собств. „Нивы") И. Волкова, грав. Флюгель.

зачѣмъ... сдавался онъ.—Да это ты не изъ-за меня-ли вдругъ? оглядывался онъ на нее подозрительно.

— Ну, вотъ еще чего!.. Надо и очнуться, и отдохнуть. Я давно не читала, не ходила.

— То-то... Я, знаешь, терпѣть не могу всякихъ этихъ самопожертвованій...

Она видѣла что онъ становится и несправедливъ, и золъ, но все это приписывала его несчастной болѣзни. Изъ итальянскихъ газетъ они узнали что извѣстный русскій докторъ пріѣхалъ и остановился въ Соррento. Вѣра воспользовалась этимъ и разбудила мужа рано утромъ, когда солнце еще только позолотило вершины утесовъ и только у виллы Тиверія сіяло уже разливомъ розоваго свѣта по открытымъ ему скатамъ и отвѣсамъ. Скоро лучи добрались до плоскокровельныхъ домовъ, на громадныхъ круглыхъ аркахъ, разогнали тьму густѣвшую подъ этими арками, засвѣтились въ ущельяхъ и живо разсѣяли спрятавшіеся туда за ночь туманы.

— Рано еще! отбивался Рядновъ.

— Опоздаемъ на пароходъ... Смотри какъ быстро подымается солнце.

Она распахнула окно... Морская свѣжесть и прохлада точно ждали этого и живительною, ласкающею волной вплыли въ комнату. Далеко-далеко, сквознымъ, призрачнымъ, текучимъ фарфоромъ голубѣло море. Точно ползли по немъ суда, паруса которыхъ казались розовыми крылами невѣдомыхъ птицъ. Внизу зеленѣли вершины деревьевъ; какъ громадный факелъ, у самаго окна недвижно темнѣло алоэ. Вѣтка акаціи вмѣстѣ съ легкимъ вѣтеркомъ послала въ комнату, словно утренній привѣтъ, нѣсколько желтоватыхъ лепестковъ, запутавшихся въ золотистыхъ волосахъ Вѣры.

— Что съ тобой дѣлать, лѣниво потягивался ея мужъ.

— Скорѣе, скорѣе... торопила она его.

Она, подъ вліяніемъ какого-то радостнаго порыва, не помнила дороги внизъ среди скалъ и кактусовъ, осликовъ которыхъ перегоняли лошадки, быстро уносившія къ берегу небольшой экипажъ съ нашими путниками, черноглазыхъ дѣвочекъ весело кричавшихъ ей свое buon-giorno, кидавшихъ ей съ звонкимъ хохотомъ цвѣты на платье и бѣжавшихъ потомъ за парой сольди, вровень съ дверцами коляски, статныхъ женщинъ съ корзинами на головахъ, медленно двигавшихся внизъ по пути, наконецъ деревни внизу и бѣлыхъ кружевъ прибоя, разбивавшагося по песчанымъ отмелямъ... Пароходъ уже ждалъ—еще нѣсколько минутъ и они-бы опоздали. Тѣ-же пѣвцы — на палубѣ привѣтствовали ихъ какъ знакомыхъ банальною но сладкою какъ это утро „мандолинатой“, потомъ наивными, словно цвѣтки выросшіе на утесахъ Капри—пѣсенками Косты. Она не помнила потомъ и Синей Искіи съ топувшей въ золотистой дымкѣ Прочидой... Все это были отдѣльные аккорды, нотки всецѣло входившія въ общую канцону этого дня, рождавшагося такимъ яснымъ и счастливымъ. И самъ Александръ Петровичъ сегодня видѣлъ лучше чѣмъ прежде и радовался этому.

— Сегодня мнѣ ничего не заститъ, торжествовалъ онъ и тутъ-же прибавилъ:—Если и завтра будетъ такъ— то послѣ-завтра принимаюсь за настоящую работу.

Тихо-тихо выступили надъ своими мраморными террасами дворцы-отели Сорренто, этого города солнца, еще издали привѣтствовавшаго путниковъ чуднымъ дыханіемъ апельсинныхъ цвѣтовъ.

— Пристаемъ! съ какимъ-то сожалѣніемъ проговорила Вѣра.

— Ужe!..

Они пошли вверхъ къ отелю *Витторія*, гдѣ остановилась петербургская знаменитость. Ящерицы, сверкая изумрудными глазенками, скользили по скаламъ; кружа голову, душно и сладко пахли цвѣты, запустившіе въ горячій камень свои цѣпкіе корни; словно желая добраться до ея ногъ, долго гнались за Вѣрой голубыя волны прибоя; съ палубы парохода — пѣвцы и мандолины за одно съ ними точно умоляли послѣдними долетавшими до нея отзвучіями: „dimmi, dimmi d'amor“... Потомъ сумракъ и прохлада, сырая прохлада подземной жилы, которая вела вверхъ, съ золотыми снопами солнечныхъ лучей въ отверстіяхъ, пробитыхъ въ ней только недавно, апельсинный садъ отеля—и вѣжливо:

— Signor principe russo fa colazione (русскій князь завтракаетъ теперь).

— Какой князь? спросила Вѣрочка.

— Какъ какой князь? Занялъ онъ номеръ дороже пяти франковъ—значитъ князь!

— Принимаетъ-ли онъ больныхъ?

Лакей обидѣлся за князя.

— Никого! Станетъ такой богачъ съ больными возиться, какъ же!.. Развѣ онъ Везувій чтобы постоянно работать? Только Везувій работаетъ вѣчно!

— Что же князь дѣлаетъ теперь?

— Э! что дѣлаютъ всѣ великіе люди—fa niente (ничего не дѣлаетъ).

Тѣмъ не менѣе Рядновъ передалъ лакею свою карточку и былъ принятъ тотчасъ же.

— Не нашего-ли знаменитаго... началъ по опредѣленной формулѣ питерскій эскулапъ, сидѣвшій дѣйствительно за завтракомъ, и узнавъ, что „это тотъ самый, который“... сдѣлалъ строгіе глаза и увѣрилъ что считаетъ за честь быть полезнымъ, умоляя только дать ему полчаса дозавтракать.

Рядновъ вспомнилъ, что они спѣша съ Капри не напились кофе, и приказалъ себѣ подать его. Въ громадной столовой было мало народу. Нѣсколько англичанъ, съ надутыми какъ парусъ вѣтромъ физіономіями, дѣловитые нѣмцы и какая-то эксцентричная американка вся въ брилліантахъ, не смотря на утро и почти дачную обстановку. На столѣ стояли громадные букеты; только что срѣзанныя розы, пышныя, страстныя, всею полнотой жизни дышавшія, сливали свой ароматъ съ еще болѣе пышными магноліями... Въ ихъ запахѣ тонуло нѣжное благоуханіе апельсинныхъ цвѣтовъ, какъ тихіе и робкіе звуки флейты гаснутъ въ трескѣ и гамѣ духовыхъ инструментовъ.

— Хорошо здѣсь! усмѣхнулся новый знакомецъ, по докторской привычкѣ слѣдя за „паціентомъ“ пытливымъ и точно недовольнымъ взглядомъ.

— Да...

Странно. Рядновъ „тотъ самый, который...“ чувствовалъ какую-то робость, знакомую тѣмъ кто часто возился съ докторами.

— Много здѣсь работаете?..

— Нѣтъ, почти ничего...

— Какъ же это, помилуйте? Подъ этимъ солнцемъ и небомъ...

И распоэзитировавшійся докторъ широко развелъ рукою, державшей на концѣ вилки баранью котлетку.

— Потому и къ вамъ пріѣхалъ что не могу работать, попробовалъ было усмѣхнуться Рядновъ, но усмѣшка вышла грустная и неудачная.

— Глаза? коротко спросилъ докторъ и сдѣлалъ лицо еще строже, точно сидѣвшій передъ нимъ паціентъ былъ ужасно виноватъ въ чемъ-то передъ нимъ.

— Да! Попортились.

— Гм!.. мало-обѣщающимъ тономъ пустилъ эскулапъ и задумался.—Отъ утомленія? вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, послѣ маляріи.

Лицо петербургской знаменитости стало совсѣмъ зловѣщимъ.

— Послѣ маляріи... знаю... Жаль, очень жаль... душевно жаль... ронялъ онъ такимъ тономъ, какимъ величественный министръ отказываетъ рѣшительно жалкому и трепетно взирающему на него снизу, изъ какой-то темной глубины, просителю. — Послѣ маляріи...

скверно, очень скверно.—И посмаковывая кончикомъ языка мадеру, онъ вдругъ дѣловымъ тономъ спросилъ Ряднова: — Ну, а „Отрокъ Христосъ во храмѣ“ у васъ еще, не продали его?

Рядновъ растерялся было.

— Это вы насчетъ...

— На послѣдней выставкѣ замѣтилъ, хотѣлъ прiобрѣсти да уѣхалъ. Телеграммой вызвали. У васъ?

— Да, въ Петербургѣ остался.

— То бишь, сколько вы за него назначили, забылъ...

— Семь тысячъ.

Докторъ одобрительно мотнулъ головой, ткнулъ вилкой въ картофелину и, засмотрѣвшись на нее, точно желая самъ себя загипнотизовать, помолчалъ-помолчалъ.

— А сколько менѣе?..

— Вамъ уступлю...

— Примѣрно?..

— Пять катенекъ долой сброшу... Шесть съ половиной...

Знаменитость перенесла картофелину отъ глазъ ко рту... пожевала-пожевала...

— Ладно, беру... Кстати мнѣ бы и головку ту... Помните, справа была?..

— Цыганка?

— Ну, вотъ... Какъ, гуртомъ дешевле, а?

— Что съ вами торговаться. Берите ее на придачу.

— Рука руку моетъ. Вы ее на придачу, а я своею спецiальностью всегда къ вашимъ услугамъ. А шесть съ половиной за мной. Какъ прiѣду въ Питеръ, посылайте картину... Да... малярiя... скверно, скверно, малярiя... У меня былъ одинъ пацiентъ, тоже знаете...

— Умеръ?

— Нѣтъ, женился на моей племянницѣ, ну такъ онъ купилъ у *** картину за три тысячи, а потомъ ее англичанину одному дурашному за десять смаклевалъ! Вотъ оно!.. Да... малярiя... Въ Римѣ должно?

— Въ Римѣ.

— Подлецъ-городъ, что говорить! Я радъ... очень радъ... Малярiя!..

И поднеся кофе ко рту, онъ вдругъ сдѣлалъ самые строгiе глаза, обвелъ ими всю фигуру Ряднова и сухо спросилъ:

— Вина не пьете?

— Нѣтъ.

— Горячительныя — горчицы, сои... возбудительныхъ чего-нибудь?..

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Н-да!.. полѣчимъ-полѣчимъ...—И вдругъ переходя въ добродушный тонъ:—Никто какъ Богъ, никто какъ Богъ...—и забарабанилъ пальцами по столу.—Не пьете... Хорошо... Хотя знаете, „Капри“ здѣсь красное... Опять же Vino di Ravello...

И онъ даже отъ полноты чувствъ причмокнулъ языкомъ.

Докторъ пригласилъ ихъ къ себѣ... Рядновъ все больше и больше чувствовалъ самое дѣтское смущенiе. Точно онъ въ чемъ-то жесточайше проштрафился и что-то съ нимъ сiю минуту сдѣлаютъ. Можетъ-быть въ карцеръ потащутъ, а то и высѣкутъ... У эскулапа глаза стали совсѣмъ совиными. Вѣроятно, у совъ такiе когда онѣ уже держутъ въ когтяхъ крошечную птичку съ безсильно разинутымъ клювомъ, свѣсившимися крылышками, трепетно бьющимся сердчишкомъ и взглядомъ уже заволакиваемымъ сизоватою пленкой...

— Ну-ко пожалуйте, пожалуйте вотъ сюда, сюда, сюда! указывалъ онъ съ любезностью и грацiей палача на эшафотѣ. — Изслѣдуемъ, изслѣдуемъ... У меня все съ собой.

Вѣрочка слѣдила пристально за эволюцiями доктора. Лицо его дѣлалось все страшнѣе и страшнѣе, онъ пыхтѣлъ, хмурился, потомъ таращился и опять хмурился, опускалъ голову и задумывался сопя, вскидывался вновь на Ряднова, тормошилъ его всячески и наконецъ глубокомысленно изрекъ:

— Вотъ оно что!..

Рядновъ привскочилъ даже.

— Вы вѣдь не маленькiй, знаете. Съ вами откровенно надо... Не пужливы?

— Нѣтъ, нѣтъ...

А у Вѣры такъ и заколотилось въ груди.

— Ну-съ... Вы отъ этой подлой малашки, я знаете малярiю такъ называю, схватили большущую пакость... Это у васъ самое зловредное...—И онъ съ удовольствiемъ выпалилъ въ пацiента какимъ-то латинскимъ названiемъ. — Да-съ, штучка, скажу я вамъ... Не дай Богъ никому.

— Ослѣпну? скорѣе простоналъ Рядновъ чѣмъ проговорилъ.

— Не сейчасъ еще, успокоилъ его докторъ. — Не сейчасъ же... Но знаете... я вамъ прямо скажу. Хотите спасти этотъ глазъ, лѣвый? онъ у васъ здоровъ.

— Хочу... разумѣется... Оба даже.

— Оба нельзя. На правый плюньте, онъ у васъ безнадеженъ. Хотите спасти лѣвый—можно. Надо правый вонъ.

— Какъ вонъ? подскочилъ больной.

— Вонъ его, шельму, совсѣмъ чтобы и не пахло имъ. Вонъ его!

И онъ толстымъ, корявымъ пальцемъ ткнулъ по направленiю къ виновному глазу.

— Не понимаю.

— Мы его вамъ вынемъ. А то черезъ него заразится лѣвый и тогда пиши пропало, тогда я *пассъ*... А вы *безъ двухъ*! — И онъ самъ засмѣялся своей остротѣ. — Въ винтъ играете?

— Нѣтъ, позвольте, докторъ... вы меня совсѣмъ... Вѣдь я художникъ—для меня глаза...

— И съ однимъ можно отлично. Онъ двѣ службы отслужитъ. Еще лучше работать станете. Такой законъ въ экономiи природы... А безъ этого и лѣчить нечего, не стóитъ. Этотъ глазъ заразитъ тотъ.

— Вы можетъ-быть ошибаетесь, докторъ? умоляюще посмотрѣла на него Вѣрочка.

— И радъ бы для васъ не только что ошибиться, но даже ушибиться,—и самъ засмѣялся плохой остротѣ,—но не могу. Такого рода болѣзнь легка для опредѣленiя. Любой здѣшнiй врачъ вамъ такой же дiагнозъ сдѣлаетъ и скажетъ что у господина Ряднова. Да вы не безпокойтесь, мы его шельму такъ съ васъ снимемъ, что кромѣ удовольствiя ничего не получите. Тихо, смирно, благородно выйдетъ.

Александръ Петровичъ съ Вѣрочкой вышелъ вонъ совсѣмъ очумѣлый.

Они пошли между двумя стѣнами, за которыми круглились вершины пышныхъ садовъ. Зеленѣли вершины С.-Анджело... Толстый добродушный падре шелъ имъ навстрѣчу, блаженно потирая животъ.

Вдругъ Рядновъ захохоталъ, да такъ что падре даже сконфузился, снялъ шапку и низко ему поклонился, а когда художникъ прошелъ дальше, священникъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, покачивая головой.

— Что ты? удивилась Вѣрочка.

— Дуракъ этотъ докторъ. Вынь одинъ глазъ, чтобы спасти другой!

— И мнѣ показалось страннымъ.

— Не даромъ онъ все мадеру посасывалъ за завтракомъ, ну и насосался..

Рядновъ мало-по-малу успокоился. Вернулись назадъ къ берегу... А тамъ уже торчитъ неугомонный докторъ, играетъ съ мальчуганами и издали еще кричитъ:

— А я съ паршивцами этими для моцiону... Да кстати, остановился онъ, задыхаясь, — вотъ еще: убирайтесь-ко вы скорѣе „отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ“.

— Куда?

— Въ Россію. Это солнце знаете для васъ теперь все одно, что въ огонь масло... и краска здѣшняя, колоритъ то-есть... И чѣмъ скорѣе вы уберетесь, тѣмъ лучше... Я ѣду на слѣдующей недѣлѣ, и успѣю во-время вынуть вамъ мерзавца... Ничего, успокаивалъ онъ, — и одноглазому отлично жить... Особенно когда у васъ дочь такая.

И онъ галантно расшаркался передъ Вѣрочкой.

— Не дочь, а жена! разозлился еще пуще Ряндовъ.

Но доктора мудрено было сбить съ толку.

Онъ добродушно расхохотался, ткнулъ Ряднова кулакомъ въ животъ, лукаво подмигнулъ Вѣрочкѣ и пробасилъ:

— Ну, а за женой-то вы и однимъ глазомъ усмотрите... И одного глазенапа съ васъ предовольно для этого.

И сталъ опять бѣгать и баловаться съ мальчишками.

XII.

Розовая вѣтка какихъ-то цвѣтовъ, тонкое благоуханіе которыхъ давно уже наполняло воздухъ кругомъ, нѣсколько разъ подъ тихимъ вѣтеркомъ, дувшимъ съ моря, колеблясь и нѣжно шелестя, касалась лица Вѣрочки, сидѣвшей внизу. Золотыя капли солнечнаго свѣта, пронизывавшаго густую листву дерева, падали на землю и словно ртуть разбѣгались по ней. Дроздъ, забравшись около въ самую чащу, давно уже насвистывалъ что-то меланхолическое, красивое, просившееся въ душу къ человѣку, точно допрашивался, о чемъ это она тоскуетъ... Порою издали слышался глухой шумъ прибоя набѣгавшаго на песчаныя отмели и шорохъ камешковъ сдвигаемыхъ неугомонными волнами... Но Вѣрочка не чувствовала ласковаго привѣта исходившихъ своимъ ароматомъ цвѣтовъ, не слышала пѣсни дрозда, шепота вѣтвей и важнаго, торжественнаго, какъ молвь столѣтней дубравы, говора моря... Ея любимица, крошка Анунціата, съ глазами больше ея самой, робко подошла къ ней и положила ей на колѣни лилію, на бѣлыхъ и пышныхъ лепесткахъ которой еще дрожала бриллiантовая роса. Она машинально погладила головку дѣвочки и забыла о ней. Неужели правда то что сказалъ ей докторъ?.. Мужъ ея смѣется надъ нимъ, но сегодня итальянскій врачъ, съ которымъ она совѣтовалась, подтвердилъ ей то же самое... Она осторожно заговорила съ Александромъ Петровичемъ, сообщила ему объ этомъ; тотъ только прикрикнулъ на нее, да такъ какъ еще никогда, въ самыхъ сильныхъ пароксизмахъ раздраженія, не позволялъ себѣ онъ.

— Убирайся ты съ этими дураками! Этакъ отъ насморка они начнутъ носы ампутировать, а отъ ревматизма — ноги... Въ ухѣ у тебя станетъ стрѣлять, ты дашь себѣ ухо отхватить!

Потомъ помолчалъ немного.

— И отъ души прошу тебя, не зли меня и не напоминай обо всѣхъ этихъ глупостяхъ. Вообще мнѣ всѣ эти медицинскіе разговоры до такой степени надоѣли что я больше слышать о нихъ не желаю. Ни о болѣзняхъ, ни о докторахъ, ни о ихъ остроумныхъ совѣтахъ! Иначе, право, я съ тобой серіозно ссориться буду...

Она видѣла какъ подъ вліяніемъ этой болѣзни и раздраженія, вызываемаго ею, тучи мало-по-малу заволакивали ихъ маленькое счастіе. Она видѣла это, молчала и прощала все.

— Единственно резонный совѣтъ, какой я слышалъ до сихъ поръ отъ нихъ, это ѣхать домой скорѣе. Просто у меня глаза болятъ отъ этого преувеличеннаго солнца, отъ этого свѣта и яркости красокъ... Дома оправлюсь сразу. Даже, если хочешь, для твоего успокоенія къ самому Добровольскому обращусь или Магавли. Эти-то навѣрное не станутъ мнѣ совѣтовать вынуть глазъ. Точно зубъ вырвать!..

— Тогда ѣдемъ завтра...

— Не сейчасъ-ли еще?.. Погоди.

Недѣли шли за недѣлей, наконецъ ей удалось черезъ полтора мѣсяца убѣдить его ѣхать. Да и то потому что ему стало хуже опять.

— Заститъ, чувствую что заститъ что-то мнѣ. Вижу все словно черезъ кисею какъ-то, или будто черезъ запотѣлыя стекла... Завтра поѣдемъ пожалуй; у тебя все уложено?..

Она пришла послѣ этого сюда въ свой любимый уголокъ, проститься съ поэтическимъ Капри.

На другой день они дѣйствительно уѣхали.

Яркій миражъ Неаполя остался позади, шумная Казерта, дремлющая Капуя, Фоджія вся точно горящая въ золотомъ пламени заката, серебряная Анкона облитая солнечнымъ свѣтомъ надъ тихою Адріатикою, Верона до сихъ поръ еще не забывшая времена Скалигеровъ и грезящая о Данте, точно вчера читавшемъ на ея площади свои терцины, Верона по тихимъ и средневѣковымъ улицамъ которой бродитъ свѣтлый призракъ Джульеты, наконецъ умирающая, но не сдающаяся красавица-царица Венеція, развѣнчанная повелительница Востока и Запада—однѣ за другими смѣнялись передъ жадными взглядами Вѣрочки, и черезъ три дня послѣ того, за Варшавой, посыпался мелкій дождь сразу заставившій расплакаться стекла вагоновъ, все небо заполонили грузныя безпривѣтныя тучи... Вечеръ отгоралъ въ ихъ сѣромъ маревѣ и день родился въ немъ же...

— Съ отечествомъ поздравляю!.. кисло улыбался Александръ Петровичъ. — А глазамъ-то здѣсь все-таки легче... И смотрится лучше, и боли нѣтъ.

Легче, но какою холодною, ужасною и тусклою показалась имъ ихъ петербургская квартира послѣ солнечной Италіи! Вѣра думала, что самыя краски ея картинъ поблекли, она на время даже опустила руки. Не лучше чувствовалъ себя и ея мужъ. Глазамъ было легче, но онъ не поберегся, вышелъ въ сырую погоду, петербургскій дождь захватилъ его на улицѣ и пробилъ своими холодными струями до костей—къ вечеру онъ слегъ. Повторилось что-то въ родѣ маларіи. Какъ всѣ долго здоровые люди, не привыкшіе болѣть, онъ сдѣлался до такой степени капризенъ и раздражителенъ, что жена его потеряла голову. Она попробовала заговорить съ нимъ о картинахъ, онъ досадливо обрывалъ ее:

— Тебѣ только и дорого что твоя мазня, чортъ бы ее взялъ совсѣмъ.—Потомъ вдругъ помолчавъ:—Вообразятъ люди что у нихъ талантъ и давай все въ мірѣ приносить въ жертву этому Ваалу, а въ сущности вмѣсто таланта такъ какое-то дарованьице въ грошъ цѣною!

Стала было она предлагать ему читать вслухъ.

— Что ты, зачитать меня хочешь? слава Богу, я еще не нуждаюсь въ читальницахъ.

Пробовала говорить и получала въ отвѣтъ:

— Пожалуйста не старайся ты развлекать меня. Можетъ быть это по вашему монастырскому—доброе дѣло, а по нашему это называется свинствомъ.

Передъ ней былъ совсѣмъ другой человѣкъ, не тотъ котораго она знала въ далекой обители, не тотъ что возился съ нею въ Петербургѣ, не тотъ что такъ внимательно относился къ ней въ первый годъ ихъ совмѣстной жизни... „Ну что жь“, утѣшала она себя. „Жизнь, какъ и картины, состоитъ не изъ однихъ свѣтлыхъ тоновъ; и тамъ, и здѣсь нужны тѣни. Я попала въ такую полосу—и слава Богу! Надо молиться...“ И она молилась горячо и страстно... Ходила въ Казанскій соборъ, припадала тамъ къ образу Богоматери и со слезами на глазахъ умоляла Ее послать миръ душевный... Разъ, когда она стояла такъ на колѣняхъ, вся ушедшая въ свое маленькое горе, рядомъ съ нею толкнулось

Амазонка конца прошлаго вѣка. Картина Р. Бейшлага, грав. А. Веберъ.

что-то. Она подняла глаза—оказалось: монахиня, которую она часто видѣла у паперти, собирающею на книжку... Вѣра всмотрѣлась въ ея лицо, старое, на первый взглядъ грубое, сморщенное, обвѣтренное, и вдругъ ее поразили кроткіе, добрые глаза этой инокини. Кроткіе и добрые и такъ же мигавшіе, какъ у „бабушекъ“.

— А ты не плачь!.. точно ждала этого старуха. — Молиться молись, а не плачь... Плачъ—грѣхъ, ибо имя ему есть отчаяніе... Что такое наше горе? — вчерашній вѣтеръ. Гдѣ онъ?—ищи его, слѣда ему нѣтъ... Далъ тебѣ Господь бремя—значитъ любитъ Онъ тебя и любя испытуетъ, и неси ты это бремя съ радостью... Дамаскина канонъ знаешь? Поди нѣтъ. Куда вамъ, мірскимъ! Вы больше романцы любите...

— Знаю, матушка.

— Ну, если знаешь, удивилась та, — слѣдовательно и это тебѣ памятно: „Безвременно мечтателенъ трудъ житія земнаго“ и потомъ: „Вся привременная жизнь—адъ и погибель, тѣнь непостоянная, сѣнь заблужденій“, такъ-то! А мы думаемъ: рай здѣсь—и радуемся. Нѣтъ, потерпи сначала, да пострадай, помни: „воистину все суета и тлѣніе, житіе же сонъ и тѣнь... И о напрасномъ смущаетъ себя земнородный“.

— Гдѣ же счастье?

— Въ насъ самихъ счастье... Истерзаютъ тебя—радуйся о Господѣ и вотъ счастье; оскорбятъ и оклевещутъ — пой „слава Тебѣ“... Изгонятъ со стыдомъ — благослови изгоняющихъ,—вотъ счастье.

Домой Вѣрочка пришла совсѣмъ точно просвѣтлѣвшая. Даже Рядновъ замѣтилъ.

— Что это ты? Точно Римскую премію получила.

„Больше“, подумала Вѣрочка, — „счастье обрѣла.“

И по старой обительской привычкѣ загадывать на Евангеліе, подошла и раскрывъ его прочла:

„Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть...“

(Продолженіе будетъ).

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

— Можетъ-быть, продолжалъ Клемецкій,—мнѣ самому легче станетъ, если вамъ удастся разобраться въ этомъ хаосѣ воспоминаній, гдѣ все само по себѣ такъ мелко-мелко, а неожиданно для всѣхъ сложилось и разрослось до такого колоссальнаго результата. Укажите мнѣ сами явную причину ея смерти, и я сознаюсь съ благодарностью, что никакой человѣкъ въ мірѣ никогда не оказалъ мнѣ подобной услуги. Вотъ основная мысль побуждающая меня исповѣдать передъ вами мою жизнь, или по крайней мѣрѣ тотъ періодъ ея, который для вашихъ изслѣдованій особенно интересенъ. Я женился на Ольгѣ Кориной десять лѣтъ тому назадъ. Въ глазахъ родственниковъ и всѣхъ друзей моихъ, это показалось величайшей глупостью, un coup de tête, какъ необдуманныя рѣшенія справедливо именуются. Впрочемъ, въ необдуманности меня упрекнуть здѣсь нельзя. Я цѣлыхъ три мѣсяца упорно боролся съ увлеченіемъ, разросшимся, благодаря непредвидѣннымъ препятствіямъ, въ обликъ настоящей, сильной страсти. Я ни на минуту не упускалъ изъ виду бездну раздѣлявшую ту скромную, вульгарную обстановку, въ которой она родилась и воспитывалась, отъ блестящей, широкой сферы, въ которую она должна будетъ вступить во слѣдъ за мною. Все мое извиненіе — въ ея рѣдкой красотѣ. Теперь вы не можете судить о ней, вы уловили лишь слабый слѣдъ былаго. Завлекся-ли я помимо хитро веденной интриги, какъ утверждали многіе? Можетъ статься, такъ какъ въ то самое время, какъ любая изъ аристократическихъ дѣвушекъ всего Петербурга съ восторгомъ привѣтствовала бы возможность сдѣлаться графиней Клемецкой, она, Ольга Корина, заброшенная судьбою въ какую-то невозможную трущобу, безприданная дочь темнаго армейца, вздумала мнѣ диктовать условія. Я долженъ былъ, видите-ли, неустанно заботиться о всей этой оравѣ, а главное, никогда не разлучать ея съ ними! Epouser la famille entière, en un mot [1]). Понятно, человѣкъ влюбленный до безумія ни передъ чѣмъ не остановится; и я мысленно только усмѣхнулся этому ребяческому требованію. Тотчасъ послѣ свадьбы, я принялся за осуществленіе задуманнаго плана. Прежде всего надо было оторвать Ольгу отъ этой вредной почвы; но не такъ легко было справиться съ неопытною, кроткою дѣвочкой, какъ я это предполагалъ. Вмѣсто мягкаго воска, у меня очутилась въ рукахъ упругая сталь... Я назначилъ всей семьѣ Кориныхъ ежегодное содержаніе въ восемь тысячъ, и только благодаря увѣщаніямъ старухи, доброй женщины à tout prendre, mais impossible de tenue [2]) (я сгорѣлъ бы со стыда, если кому бы довелось застать ее въ моей гостиной), я могъ увезти жену за-границу. Два года мы прожили въ постоянныхъ путешествіяхъ, и не безъ труда! Она упорно напоминала поставленное и принятое условіе, требуя его исполненія. Даже рожденіе сына не способно было заглушить этихъ интенсивныхъ привязанностей. Про себя я долженъ сознаться, какъ это ни прискорбно моему самолюбію, что Ольга никогда не любила меня той любовью, которую я до сей поры привыкъ внушать женщинамъ. Она не сочла даже нужнымъ притвориться въ этомъ чувствѣ. Ея постоянное тяготѣніе къ своей семьѣ, мое непреклонное намѣреніе избѣгать всякой короткости,—вотъ первое сѣмя раздоровъ, возникшихъ между нами. По смерти ея матери, которую я считалъ главнымъ камнемъ преткновенія, я сдался на ея просьбы. Мы вернулись въ Петербургъ. Я открылъ свой домъ и блескомъ пріемовъ думалъ облегчить графинѣ доступъ въ самыя разборчивыя гостиныя. Но тутъ на каждомъ шагу испытывалъ я горькое разочарованіе, мелкіе но раздражающіе уколы, ежедневно сознавая, что за подобную mésalliance, рано или поздно, расплата неизбѣжна. Красота Ольги за это время дошла до апогея; благодаря моимъ стараніямъ, изящность ея маперъ обезоружила-бы строжайшаго критика, но, къ несчастію, за ея поведеніе мнѣ не разъ приходилось краснѣть...

— Не можетъ быть! перебилъ я горячо, и краска негодованія бросилась мнѣ въ лицо.

— Успокойтесь, М-г Забѣльскій. Мнѣ не пристало, и я къ тому-же далекъ отъ мысли бросать какую-либо тѣнь на покойную жену. Нравственность ея была „без-упре-чна“ (онъ съ ироніей напиралъ на каждомъ слогѣ). Она ею какъ-то придавливала обыкновенныхъ смертныхъ. Впрочемъ, врядъ-ли это можно причесть къ личной заслугѣ. Женщины, которыя своей экзалтированной любовью обнимаютъ весь міръ, не способны отдаться беззавѣтно одному человѣку. Гдѣ имъ составить счастіе одного, когда онѣ мечтаютъ облагодѣтельствовать вселенную! Но это замѣчаніе не къ дѣлу. Возвращаюсь къ поведенію графини. Она отъ своего первобытнаго воспитанія сохранила нелѣпыя воззрѣнія и необузданную рѣзкость сужденій, отъ которыхъ считала постыднымъ отступать. Напрасно умолялъ я ее хоть для виду подчиниться жизненному строю, вѣками освященному, не оскорблять своими сумасбродными выходками les traditions de notre monde [1]). На всѣ мои предостереженія, увѣщанія que cela ne se fait pas [2]), она съ безтолковостью ребенка приставала *отчего* и *почему*, какъ будто въ этой фразѣ не заключался уже самый существенный доводъ. Женщины, сраженныя ея ослѣпительною красотой, предугадывали близость реванша и злорадно усмѣхались за спиной. Я все это зналъ, видѣлъ, страдалъ, а совладать съ ней не могъ. Какъ далеко ускользалъ изъ ея рукъ тотъ завидный свѣтскій скиптръ, который, въ первое время моей женитьбы, я стремился вложить ей въ руки чтобы хоть этимъ оправдать въ строгихъ глазахъ общества мой легкомысленный выборъ! Вдаваться въ подробности я не стану. Каждый день вливалъ новую каплю желчи въ мою чашу, добавлялъ новый камень къ невидимой, но нравственно осязаемой стѣнѣ разъединяющей насъ.

Остатки прежней любви быстро таяли въ постоянно возобновляющихся недоразумѣніяхъ. Она стала чуждаться меня. Я считалъ ее нравственно отвѣтственною въ постигшей меня неудачѣ. За это время, двѣ ея сестры окончили свое воспитаніе въ институтѣ, и по моему настоянію продолжали жить въ Москвѣ при родственницѣ или пріятельницѣ, я тамъ хорошо не знаю, ихъ умершей матери. Разумѣется, ихъ содержаніе широко оплачивалось мною. Такой порядокъ вещей шелъ въ разрѣзъ желаніямъ графини; но, сознайтесь сами, это постоянное напоминаніе ея происхожденія, этотъ Коринскій элементъ вторгающійся въ мой домъ на равноправной ногѣ, могъ быть помѣхой моей цѣли, и пока горестный опытъ не вынудилъ меня на все махнуть рукою, я остался непоколебимъ. Рѣдкую настойчивость проявила она въ ту пору и наконецъ-то ей удалось водворить сестеръ въ моемъ домѣ.

Теперь, для полной откровенности, я вынужденъ коснуться довольно щекотливаго эпизода. Мое правило въ жизни: урвать у ней какъ можно болѣе наслажденій; слѣдовательно, мнѣ изрѣдка приходилось отстранять отъ себя стѣснительный ригоризмъ. Мы провели лѣто всѣ вмѣстѣ здѣсь. Кромѣ охоты, до которой я былъ прежде страстный любитель, развлеченій никакихъ. Отъ скуки и нечего дѣлать я обратилъ вниманіе на

[1]) Жениться на всей семьѣ, однимъ словомъ.
[2]) ...впрочемъ, но невозможной въ обращеніи.

[1]) Традиціи нашего свѣта.
[2]) Что это не дѣлается.

старшую изъ дѣвочекъ. Un piquant minois de brune [1]), и нравственно тотъ-же рѣзкій контрастъ съ моею женою. Она стремилась къ радостямъ съ азартомъ бабочки летящей на свѣтъ. Наши отношенія, я спѣшу заявить, не заходили далѣе весьма безгрѣшной болтовни, но Ольга Андреевна не хотѣла слушать никакихъ объясненій, и это неожиданное столкновеніе вызвало между нами единственную бурную сцену которую я припомню за все время нашего супружества. На другое утро, мнѣ на зло, она отвезла обѣихъ дѣвочекъ къ вдовому дядѣ, изъ чиновниковъ. Выборъ былъ удаченъ. Онъ ненавидѣлъ меня, за то, что, при рѣдкихъ встрѣчахъ, я обращался съ нимъ свысока и никогда не отдавалъ ему его докучливыхъ визитовъ. Теперь, въ свою очередь, онъ съ наслажденіемъ не пускалъ меня къ себѣ, и устроилъ вокругъ нея такой бдительный караулъ, что мои попытки увидѣться съ этой бѣдной, насильственно секвестрированной дѣвушкою, не увѣнчались успѣхомъ. Но имъ этого было мало! Чтобы меня въ концѣ раздражить, они уговорили ее выйти замужъ за un Dieu sait qui [2]), какого-то мелкаго чиновника, изъ дядюшкинаго вѣдомства.

— На графинѣ лежала святая обязанность заботиться о счастіи оставленныхъ на ее попеченіе сиротъ, вырвалось у меня съ невольной рѣзкостью.

— Счастіе—такое условное понятіе! Развѣ участь выпавшая на долю Ольги Кориной не казалась всѣмъ и каждому апогеемъ его? А вы однакожъ видите къ чему она ее привела! Въ порывѣ гнѣва она тутъ-же, во время этого достопамятнаго объясненія, категорически заявила, что подавленная моимъ нравственнымъ уродствомъ (мнѣ это выраженіе глубоко врѣзалось въ память), убѣжденная въ невозможности того чисто буржуазнаго счастія, о которомъ она мечтала, она считаетъ себя въ правѣ порвать со мною, ограничиваясь однимъ общимъ кровомъ, ради подростающаго сына. Ревность была тутъ не при чемъ, но вѣрная своей узкой морали, она съ той поры ни на одну черту не уклонилась отъ принятаго рѣшенія. Такъ какъ у меня ничего общаго не было съ натурою анахорета и дѣвственныхъ обѣтовъ не въ правѣ была отъ меня требовать, то впослѣдствіи появленіе въ домѣ (онъ слегка запнулся) той... извѣстной особы, не могло уязвить ее. Это логичное послѣдствіе согласно ея воли установившагося modus vivendi. Согласитесь сами, что положеніе съ которымъ человѣкъ освоивается въ теченіе пяти лѣтъ, не способно вдругъ вложить ему въ руку револьверъ.

— Нѣтъ, я не согласенъ, въ особенности въ томъ случаѣ когда борьба ведется между двумя женщинами. Та, на сторонѣ которой, силою обстоятельствъ, окажется перевѣсъ, будетъ безпощадна къ приниженной сопернице.

— Да, но вы ведете рѣчь о борьбѣ, а ея быть не могло. Нѣтъ посягательства тамъ гдѣ послѣдовало добровольное отреченіе отъ правъ своихъ.

— И до дѣтской привязанности включительно? не безъ ироніи освѣдомился я.

Черная тѣнь пробѣжала по оживавшему лицу графа.

— Ага! я вижу что до васъ уже дошли эти нелѣпыя сплетни. Но если я высказалъ твердость въ этомъ отношеніи, то совѣсть меня ни въ чемъ упрекнуть не можетъ. У меня одинъ сынъ. Онъ долженъ быть достойнымъ представителемъ своего рода, а подъ безконтрольнымъ вліяніемъ матери изъ него выработался-бы, со временемъ, вредный, для себя и для другихъ, мечтатель, и во всякомъ случаѣ un gars de mauvaise compagnie [3]). Впрочемъ, спросите кого угодно, доступъ къ нему ей всегда оставался свободнымъ.

— Для материнской любви оскорбителенъ постоянный надзоръ.

— По вашему мнѣнію, я долженъ былъ предоставить ей возможность возстановлять противъ меня сына?

— Привязанность покойной графини къ ея роднымъ—лучшая порука за ея трезвое пониманіе семейныхъ обязанностей.

— Мнѣ, кажется, самому приличнѣе о томъ судить, сухо отрѣзалъ онъ.

Наступило довольно тягостное молчаніе. Я мысленно перебиралъ слабые пункты дознанія.

— Развѣ исключительно эгоистическій доводъ руководилъ мною? продолжалъ онъ уже въ смягченномъ тонѣ.—Всякій, на моемъ мѣстѣ, призадумался-бы оставить впечатлительнаго мальчика на рукахъ женщины до того странной, что она единственный исходъ гнетущей тоски обрѣтала въ какомъ-то суровомъ мистицизмѣ. Одно время, въ Петербургѣ, всѣ знаменитые доктора, не безъ основанія, опасались помѣшательства.

— Я объ этомъ слыхалъ. Это душевное состояніе не послѣдовало-ли тотчасъ послѣ роковой смерти брата?

— Именно. Цѣлою нитью софизмовъ Ольгѣ удалось убѣдить себя въ своей причастности къ ней. Николай Коринъ не въ семью уродился. Онъ прожигалъ жизнь не хуже любаго великосвѣтскаго кутилы. Въ бракѣ сестры онъ видѣлъ неисчерпаемый источникъ доходовъ и слѣдовательно наслажденій. Она не скупилась, при каждомъ удобномъ случаѣ, на слащаво поучительную мораль, ни дать ни взять тирады изъ Berquin, который мнѣ въ дѣтствѣ оскомину набилъ. Онъ, понятно, клалъ пособія въ карманъ, а слова пропускалъ мимо ушей. Я иногда и самъ подзадоривалъ его, открывая кредитъ, отнюдь не изъ расположенія къ повѣсѣ, а изъ понятнаго желанія ей насолить, не сестрою, такъ братомъ. Надо вамъ сказать, что свыше условленной ежегодной суммы на семью она ни за какія-бы блага въ мірѣ не попросила-бы лишней копѣйки; такимъ-же образомъ поступала она относительно себя самой. Часто потѣшался я надъ этимъ Коринскимъ point d'honneur [1]). Странна, въ самомъ дѣлѣ, гордость въ людяхъ, которымъ и гордиться-то нечѣмъ! Вскорѣ мой ученикъ превзошелъ всякія ожиданія. Ольгины рессурсы далеко не покрывали его требованій. Всякій разъ что она колебалась или пробовала пугнуть его отказомъ, онъ грозилъ обратиться ко мнѣ, а мучительнѣе этой перспективы ничего не могло быть для нея. Она и не подозрѣвала, что онъ не разъ, подъ строжайшею тайной, прибѣгалъ къ моей помощи. Въ послѣднемъ бурномъ объясненіи все произошло по обыкновенной программѣ, съ той только разницею, что у ней ни гроша не оставалось, и даже всѣ драгоцѣнности, которыми она считала себя въ правѣ располагать, были втайнѣ заложены. Угроза даже потеряла свое дѣйствіе. Ольга молчала съ тупою покорностью. Но Коринъ стѣснялся прибѣгнуть ко мнѣ, не далѣе какъ за десять дней получивъ крупную субсидію. Онъ, скрывая это обстоятельство, попрежнему сталъ умолять ее спасти ему честь, выпросивъ у меня нужную сумму. Она упорствовала. Тогда, раздражаясь все болѣе и болѣе, онъ сталъ упрекать ее въ безсердечности, въ холодномъ эгоизмѣ, въ полномъ и предвзятомъ нерадѣніи о нуждахъ ея семьи. Тутъ она не выдержала, и въ порывѣ негодованія излила ему всю душу, посвятивъ его въ разрывъ происшедшій между нами, и заодно открывъ ему настоящую причину удаленія сестеръ изъ дому,—удаленіе къ которому онъ отнесся со свойственнымъ ему легкомысліемъ, на слово повѣривъ придуманному объясненію. Вѣроятно и въ немъ еще таилась искорка ихъ пресловутой семейной гордости. Выйдя отъ сестры, онъ предпочелъ смерть сознательному униженію передо мною, и въ тотъ-же вечеръ, по своему, расквитался съ долгомъ.

Онъ такъ часто стращалъ графиню этимъ роковымъ исходомъ, что она извѣрилась въ него, и вслѣдствіе этого неожиданность удара окончательно сразила ее. Ни днемъ, ни ночью, она не знала покою. Мысли ея путались, но въ этомъ хаосѣ ощущеній медленно созрѣвало сознаніе, что она и ея непомѣрная гордость довели его до погибели. Цѣлые два года она не снимала траура и бродила по дому мрачною, молчаливою тѣнью. Этимъ продолжительнымъ періодомъ апатіи, мы... т. е. я (быстро поправился онъ) воспользовался, чтобы мало-по-малу отдалить отъ нея сына. Ея слабоуміе могло-бы легко отразиться на немъ. Впрочемъ, послѣднее пребываніе за границей, а главное — время благотворно подѣйствовали на нее. Безъ странностей конечно не обходилось. Обыкновенные люди старательно избѣгаютъ тяжелыхъ воспоминаній, а она точно ими только и питалась. Вамъ, вѣроятно, извѣстны подробности касающіяся пистолета, выбраннаго ею?

— Онѣ не могли не поразить меня.

— И, навѣрное, удивили-бы васъ еще сильнѣе, ежели-бы вы, какъ я, знали складъ ея ума. Знаете-ли вы, что болѣе всего терзало ее при мысли о кончинѣ брата? Не разлука съ любимымъ существомъ, не понятный ужасъ смерти, даже не взлелѣянное ею угрызеніе совѣсти, а главное—суровый, безпощадный взглядъ церкви на самоубійство. „Я отвѣчу за него тамъ, я загубила его душу на-вѣки“, твердила она въ то время, часами, ломая себѣ руки въ неописанномъ отчаяніи. Впослѣдствіи, религія утолила, какъ я вамъ уже передалъ, эти страстные порывы. Она возвращалась изъ церкви спокойною, и не пропускала ни одного нищаго безъ милостыни, прося у него молитвы за упокой раба Божьяго Николая. Всѣ жители Элвораза хорошо знаютъ это имя.

— Съ такими воззрѣніями дойти до діаметрально-противоположнаго результата, это невозможно! почти вскрикнулъ я.

— Вотъ теперь и сами сознаетесь, что разгадка не по плечу, отвѣтилъ онъ, нервно проводя рукой по лбу. — Ахъ, зачѣмъ тутъ нѣтъ психіатра, и какъ добыть его въ этой глуши! Одна наука можетъ доискаться до настоящаго смысла этой темной страницы.

— Позвольте, мы еще не кончили. Какое впечатлѣніе производило на васъ душевное настроеніе графини по пріѣздѣ вашемъ въ деревню?

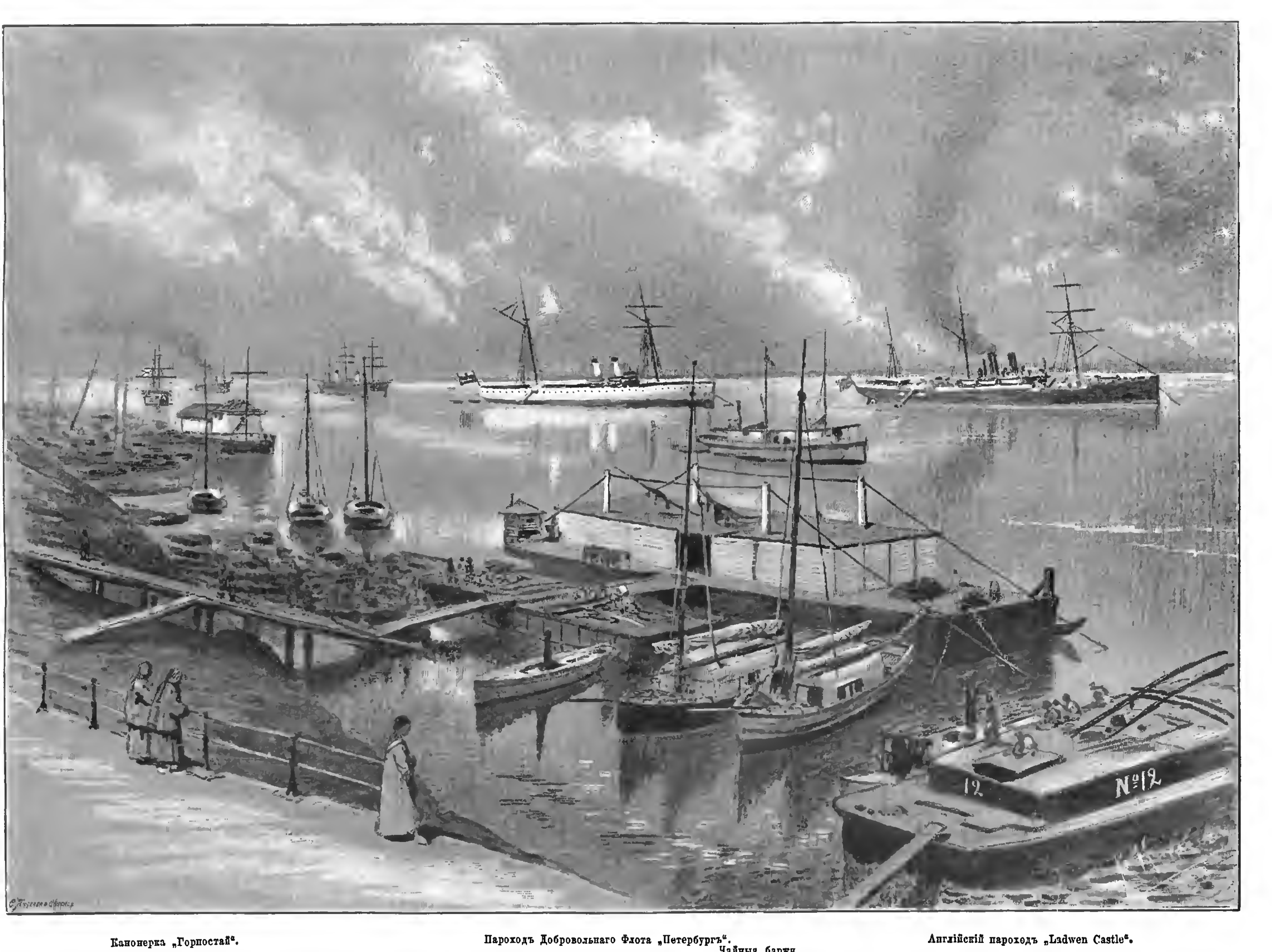
— Мы, какъ вамъ извѣстно, сообщались мало. Однакоже отъ меня не скрылось, что ея расшатанное здоровье видимо поправлялось. Счастливой или веселой я Ольгу себѣ представить не могу. Она принадлежала къ тѣмъ natures exceptionelles [2]), у которыхъ потребность за кого или за что нибудь страдать и печалиться, а этого добра на свѣтѣ не переводится. Тѣмъ не менѣе, я съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ замѣчать, что ея постоянная меланхолія уступила мѣсто какому-то тихому, даже свѣтлому умиротворенію.

— Но всѣ эти данныя лишь еще болѣе затемняютъ разгадку!

— Тутъ я неповиненъ. Я по совѣсти отвѣчаю на предло-

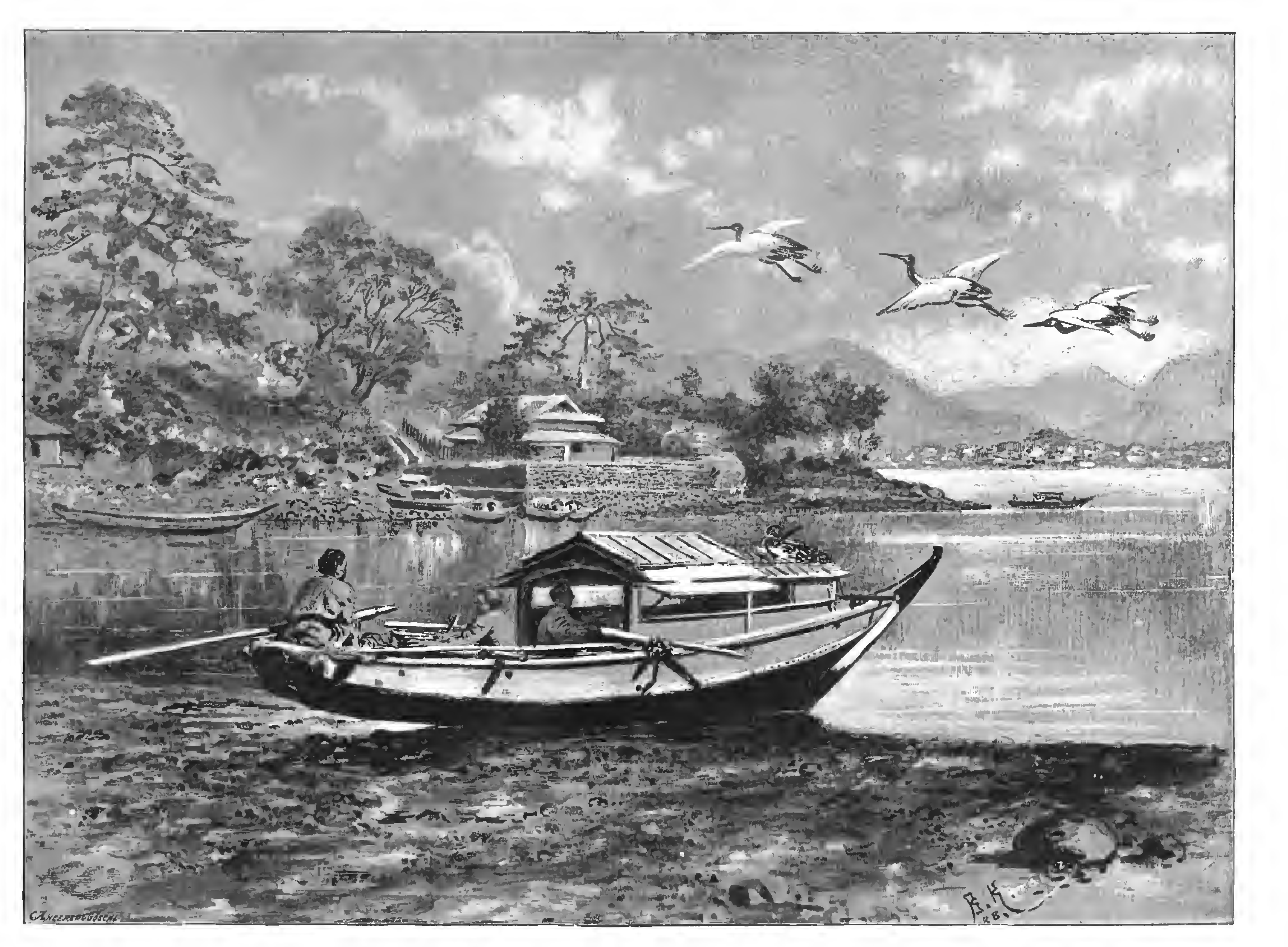
[1]) Пикантное личико смуглянки.
[2]) Богъ знаетъ кто.
[3]) Парень дурнаго общества.

[1]) Вопросъ чести.
[2]) Исключительнымъ натурамъ.

Канонерка „Горностай“. Пароходъ Добровольнаго Флота „Петербургъ“. Чайныя баржи. Английскій пароходъ „Ladwen Castle“.

Видъ гавани въ Ханькоу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Китавва, грав. Ангереръ.

Русскій кварталъ въ Ханькоу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **В. Китаева**, грав. Ангереръ.

женные вопросы, и даю вамъ слово, что ничего существеннаго не утаилъ отъ васъ.

— Можете-ли вы мнѣ поручиться что за эти дни никакой обидной или крупной сцены не произошло между графиней и M-elle Derlong? Не забылась-ли она? Не нанесла-ли она графинѣ оскорбленіе, которое женщина, даже столь возвышенная натура, не способна ни перенести, ни позабыть?

— Сценъ въ моемъ домѣ никогда не было и не могло быть, отчеканилъ онъ и высокомѣрное выраженіе снова появилось на его осунувшемся лицѣ. — Можете провѣрить. Что-же касается M-elle Derlong, то она слишкомъ умна и свѣтски образована, чтобы когда-либо упустить изъ виду уваженіе, которое она обязана питать къ графинѣ Клемецкой; а въ случаѣ надобности, я и самъ привелъ-бы ей это на память.

— Наша продолжительная бесѣда все-таки не открыла мнѣ вашего личнаго взгляда на печальное происшествіе, и я повторяю, что я именно имъ особенно дорожу.

Морщины какъ-то еще глубже врѣзались въ его желтую кожу, когда послѣ кратковременнаго молчанія онъ, съ разстановкой, тихимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Полное отсутствіе причинъ, логически оправдывающихъ подобный поступокъ, въ связи съ давнишними признаками, указывающими на несомнѣнность душевной болѣзни, даютъ мнѣ поводъ думать, что подъ обманчивымъ улучшеніемъ медленно готовился неистовый взрывъ этого грознаго бича человѣчества, противъ котораго сама наука безсильна. Жена моя лишила себя жизни въ припадкѣ сумасшествія.

— Пожалуй, это будетъ самое удобное объясненіе для непостижимаго, замѣтилъ я съ прорывающейся горечью.

Клемецкій счелъ лишнимъ возражать, и медленнымъ движеніемъ вставая съ кресла, далъ мнѣ почувствовать, что считаетъ свой допросъ оконченнымъ.

— Я не стану васъ долѣе задерживать, но мнѣ интересно знать, какимъ образомъ вы объясняете то обстоятельство, что покойная не оставила ни одной строки ни вамъ, ни для передачи сыну впослѣдствіи... Какъ она не позаботилась указать на принятое намѣреніе, хоть бы для того чтобъ не навлечь на кого-нибудь напраснаго подозрѣнія въ убійствѣ?

— Она хорошо понимала, что подобное подозрѣніе невозможно, немыслимо. Cela tombe sous le coup [1].—Глаза его на мгновеніе загорѣлись, подбородокъ замѣтно дрожалъ.

— Неужели! А представьте себѣ, оно у меня съ первой минуты зародилось, и, къ сожалѣнію, собранныя у васъ свѣдѣнія далеко не разсѣяли его...

— Довольно! замолчите!—и онъ судорожно схватилъ и сжалъ мнѣ руку.—Понимаете-ли вы весь ужасъ вашихъ словъ? Задумались-ли вы хоть на минуту, dans votre chasse au crime [2], о позорной тѣни, которую вы способны вызвать и бросить на незапятнанное имя? Да наконецъ, кому-же могла помѣшать ея ничтожная, прозябающая жизнь?

— Во французскомъ судопроизводствѣ давно сложился афоризмъ: первымъ дѣломъ доискаться до того, кому явная выгода отъ происшедшей смерти, громко и твердо произнесъ я.

— У ней никогда собственнаго гроша не было и нѣтъ. Это достовѣрно всѣмъ извѣстно.

Клемецкій выпрямился во весь ростъ; безпощадно рѣзко звучалъ его негодующій голосъ.

Я всталъ въ свою очередь, нагнулся къ нему такъ близко, что мое взволнованное дыханіе обдало его, и глядя въ упоръ, тихо проронилъ:

— Да, но за то оказалось имя и положеніе достаточно завидныя, чтобы породить и осуществить тщеславныя мечты.

Онъ понялъ сразу. Можетъ быть мой зловѣщій голосъ лишь мгновенно разодралъ то таинственное покрывало, за которымъ онъ смутно чуялъ истину, съ дѣтской пугливостью отвращая отъ него глаза.

Смертельная блѣдность покрыла его черты; необъятный ужасъ, при видѣ внезапно открывшейся бездны, сказался въ его застывшемъ взорѣ. Онъ безпомощно опустился въ покинутое кресло. Съ видимымъ усиліемъ, превозмогая себя, онъ еле-еле выговорилъ:

— Улики есть?.. нашли?.. у васъ въ рукахъ?..

— Нѣтъ.. откровенно сознался я,—но теперь я чувствую, я знаю, что добуду ихъ.

Слабый вздохъ сорвался съ его трясущихся губъ.

— Мой домъ предоставленъ вашей власти. Распоряжайтесь, ищите. Но пока... доказательствъ нѣтъ, я въ правѣ требовать... я прошу васъ (и голосъ его принялъ непривычную, мягкую интонацію): соблюдайте тайну. Никому ни намека.

— Я даю вамъ слово молчать, если вы въ свою очередь поклянетесь, что все это умретъ между нами. Помните, графъ, малѣйшая опрометчивость съ заинтересованнымъ лицомъ—развяжетъ мнѣ руки. Я скандала не убоюсь.

— Клянусь сыномъ, честью имени,—дороже у меня ничего нѣтъ,—соблюдать ваше условіе.—И прозрѣвъ черту сомнѣнія, невольно просвѣчивавшую въ моемъ озабоченномъ взорѣ, онъ поспѣшно добавилъ:—Скажите тамъ... всѣмъ, что я изнемогаю подъ бременемъ горя. Никого видѣть не могу, не хочу. Мой камердинеръ одинъ сохраняетъ доступъ ко мнѣ. Ему я самъ подтвержу, что исключеній нѣтъ; ну, а онъ умѣетъ слушать.

Я молча поклонился и вышелъ.

Теперь мнѣ ясно стало, что этотъ равнодушно-безсознательный палачъ Ольгиной жизни не былъ, по крайней мѣрѣ, прямымъ участникомъ ея кровавой развязки.

XVI.

Наступила очередь француженки. Мнѣ хотѣлось застигнуть ее врасплохъ. Узнавъ, что она находится въ верхнихъ аппартаментахъ, я приказалъ немедленно провести себя къ ней. Комнаты ея оказались пустыми. Приставленная къ ней быстроглазая дѣвушка сообщила, что она рядомъ, у графчика, и проворно кинулась къ сосѣдней двери.

Я повелительнымъ жестомъ отстранилъ ея посредничество. Изощряясь скрыть звукъ моихъ шаговъ, я почти прокрался и кинулъ жадный, вполнѣ инквизиторскій взглядъ въ полуотворенную дверь.

Посреди обширной комнаты, заваленной разнородными игрушками и кое-какими учебными приспособленіями, на низкой оттоманкѣ, я засталъ молодую женщину въ полу-лежачей позѣ. Въ ея ногахъ, на табуретѣ, блѣдный, худенькій мальчикъ, въ черномъ бархатномъ костюмѣ, съ вьющимися бѣлокурыми локонами по плечамъ, вяло перелистывалъ какой-то англійскій альбомъ.

— Дуняшь, ти? разсѣянно спросила она, услыша шорохъ.

— Господинъ слѣдователь, доложилъ шедшій за мною лакей.

Она вскочила точно подъ вліяніемъ электрическаго тока. Мнѣ почудилось, будто внезапное облако заволокло ея жгучій, оживленный взоръ, учащенное дыханіе заколыхало черный кашемиръ, обтягивающій ея высокую грудь; но мгновеніе спустя, она такъ свободно стояла передо мною, такъ естественно оправляла мягкія складки своего длиннаго, траурнаго платья, такъ довѣрчиво встрѣчала мой устремленный взоръ, что я невольно усомнился въ первомъ впечатлѣніи, готовый приписать его предвзятой мысли.

Ребенокъ, вспугнутою пташкой, инстинктивно прижался къ ней. Въ рученкѣ, нѣжно охватившей ея роскошный станъ, сказывалась вся сила любви, безжалостно уворованной у обездоленной матери.

Эти четыре года ничѣмъ не отозвались на ея внѣшности. Ни строгость одѣянія, ни сосредоточенная печаль ея выразительныхъ глазъ не ослабляли впечатлѣнія ея оригинальной, вполнѣ чувственной красоты.

— M-lle Derlong, если я не ошибаюсь? освѣдомился я въ отвѣтъ на ея поклонъ.

— Oui, monsieur le substitut, c'est bien cela n 'est ce pas? Entendez-vous le français [1]? живо спросила она.

Я молча кивнулъ головой.

— Voilà qui est parfait, nous nous passerons d'interprête. Je comprends le russe à merveille, mais je l'écorche sans pitié [2].

— Прежде всего, я желаю васъ допросить наединѣ, приступилъ я въ оффиціальномъ тонѣ. — Присутствіе этого несчастнаго ребенка будетъ стѣснительно.

И я съ душевнымъ состраданіемъ вглядывался въ него, напрасно доискиваясь свѣтлаго образа матери. Онъ сквозилъ въ правильности линій, въ очертаніи глазъ, но уже лишенный ея былой лучистой теплоты—отблескъ сухой гордости Клемецкихъ восторжествовалъ надъ нею.

— Ваше замѣчаніе справедливо, согласилась она и, обратившись къ долговязой, молчаливой англичанкѣ, которую я тутъ только и примѣтилъ, прилежно работавшей надъ какой-то тряпочкой, приказала ей увести ребенка. Затѣмъ все еще по-англійски она сказала ему нѣсколько ободряющихъ или ласкательныхъ словъ, и припала долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ къ его блѣдному лицу.

Эта, не лишенная театральной аффектаціи, сцена разыгрывалась конечно для меня, но вызвала во мнѣ лишь худо скрываемое омерзеніе при видѣ торжествующей наглости.

Можетъ-быть, съ прозорливостью женщины, она съ перваго слова угадала во мнѣ безпощаднаго врага, но ничто, ни въ плавности движеній, ни въ ровномъ звукѣ голоса, не выдало малѣйшаго признака тревоги или смущенія.

Я началъ съ обычныхъ вопросовъ относящихся до ея личности. Бойкій разсказъ о прошломъ оказался во всѣхъ существенныхъ пунктахъ схожимъ, хотя и клонящимся въ ея пользу, варіантомъ того что мнѣ довелось подслушать въ театрѣ. Переживъ цѣлую эпопею злосчастныхъ приключеній, гдѣ всякая другая, менѣе закаленная добродѣтель не преминула бы погибнуть, она мечтала отдохнуть въ этой далекой Россіи на лонѣ тихой семейной жизни, могущей замѣнить ей оторванныя привязанности; но не то опредѣлилъ ей злой, безпощадный рокъ. Съ самаго вступленія своего въ домъ Клемецкихъ она не изведала ни минуты покоя.

— Но что-же было тому причиною? освѣдомился я.

— Мужскому уму никогда не измѣрить всѣ незримыя и убійственныя нити, опутывающія дѣвушку обреченную на под-

[1] Это не выдерживаетъ здраваго размышленія.
[2] Въ погонѣ за преступленіемъ.

[1] Да, господинъ слѣдователь... такъ-ли я васъ называю? Вы понимаете по-французски?
[2] Вотъ и прекрасно, мы обойдемся безъ переводчика. Я по-русски понимаю отлично, но коверкаю слова немилосердно.

властное существованіе. Въ особенности, если силой обстоятельствъ, ей вѣчно суждено быть между молотомъ и наковальней.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Супружескія отношенія между графомъ и графиней не могли укрыться отъ вашего зоркаго вниманія. Разрывъ уже вполнѣ состоялся до моего пріѣзда къ нимъ и естественно создавалъ для меня фальшивое, почти невозможное положеніе.

— Съ которымъ вы однако преспокойно сжились въ теченіе многихъ лѣтъ. Я полагаю, была бы только охота, а затрудненія большаго нѣтъ найти себѣ другое мѣсто, въ другой семьѣ, при болѣе нормальныхъ отношеніяхъ.

— Вы, пожалуй, правы, если бы въ одинокой, надломленной жизни такъ легко было бы заглушить зародившуюся привязанность.

— Можно полюбопытствовать, на чью сторону она клонилась?

Бѣлые, острые зубы, по непреодолимой привычкѣ, впились въ нижнюю губу, но спокойствіе не измѣнило ей.

— Графиня была, въ ту пору, сильно потрясенная, любящая душа; во-время протянутой рукой она спасла меня отъ бездны, довѣрчиво поручила единственнаго сына; она страдала, наконецъ. Изъ чувства женской солидарности, изъ врожденнаго влеченія къ справедливости, моя симпатія всегда принадлежала ей, ей одной!

— Неужели и тогда, когда подъ ея кровлей, у ней на глазахъ, вы стали признанною фавориткой ея мужа? съ презрительной ироніей возразилъ я.

— Кто осмѣлился вамъ это сказать?

Она вскочила съ яростью подстрѣленной пантеры; широко раскрытые зрачки метали молніи, судорожнымъ движеніемъ она всплеснула руками. Никакому ваятелю не придумать болѣе удачной позы, болѣе страстнаго выраженія оскорбленной гордости и негодованія.

— Настоящее положеніе ваше въ домѣ, повелительницы de facto, краснорѣчивѣе всѣхъ словъ, но хотя я не обязанъ вамъ отвѣтомъ, я пойду далѣе. Въ виду несомнѣнной важности этихъ тяжелыхъ минутъ, самъ графъ явился откровеннѣе васъ. Онъ не счелъ возможнымъ отрицать этого.

Въ мгновеніе ока картина измѣнилась. Покорно склонивъ голову подъ неожиданностью удара, она какъ-то всѣмъ тѣломъ опустилась на покинутое мѣсто, преобразившись въ женщину убитую сознаніемъ своего преступнаго ничтожества. Сквозь бѣлые, тонкіе пальцы, закрывавшіе ея пылавшее лицо, слезы по одиночкѣ медленно, беззвучно падали на колѣни.

— Позоръ! вѣчный позоръ! лепетала она надтреснутымъ голосомъ.—Всякій считаетъ своимъ правомъ безнаказанно оскорблять погибшее... нѣтъ, это не правда, я клевещу на себя,—увлекшееся созданіе! Онъ, онъ самъ, главный, единственный виновникъ, ни во что не ставитъ честь мою! Такъ легкомысленно бросить на терзаніе, на издѣвательство эту тайну сокрушающую всю мою жизнь. Нѣтъ, видно никакому раскаянію не стереть съ приниженнаго чела печать отверженія, никакимъ кровавымъ слезамъ не смыть это постыдное пятно!

Все ея существо дышало такимъ художественно-потрясающимъ отчаяніемъ, что на всякаго, менѣе предубѣжденнаго зрителя должно было неминуемо оказать разсчитанное дѣйствіе. Я сосредоточенно слѣдилъ за ней, изучая этотъ изумительный даръ, не дозволявшій даже равнодушному оку вѣрно разграничить искренность отъ притворства, и мысленно взвѣшивалъ всю трудность борьбы со столь искуснымъ противникомъ.

Должно быть, въ разсчетѣ не утомлять моего терпѣнія, острый кризисъ продолжался не долго.

Она внезапно подняла голову, откинула нависшую прядь волосъ и съ грустною рѣшимостью, еще влажными, чарующими глазами, взглянула на меня. Она обладала рѣдкой способностью плакать безъ явныхъ и столь некрасивыхъ слѣдовъ печали. Слезы прозрачною росою стекали по неизмѣнявшимся чертамъ.

„Да,“ подумалъ я, „сердце тутъ не причемъ!“

— Вы заставили меня много выстрадать, приступила она тихимъ, ласкающимъ голосомъ,—но я васъ не виню. Обстоятельства слагаются противъ меня, вы должны судить по нимъ, до той поры, пока вы не заглянете въ самую суть. Сама графиня, я скажу это смѣло, толкнула меня на этотъ скользкій путь.

— Это голословная выдумка, перебилъ я живо, — тѣмъ болѣе удобная, что она съ того свѣта не явится опровергнуть ее.

— Вамъ легко провѣрить здѣсь у прислуги, невозмутимо продолжала она,—или хоть въ петербургскомъ свѣтѣ, а въ пристрастіи ко мнѣ ихъ всѣхъ заподозрить трудно, что первый годъ графиня всячески приближала меня къ себѣ. Мы были неразлучны. Затѣмъ послѣдовало самоубійство ея брата, такой страшный слѣдъ оставившее на всемъ ея организмѣ. Вамъ, конечно, не безъизвѣстенъ удостовѣренный наукой фактъ, что люди подверженные даже временному сумасшествію—прежде всего мѣняются къ окружающимъ ихъ. Всякая привязанность, за рѣдкими исключеніями, смѣняется враждой. Присутствіе сына ей стало въ тягость; моего—она просто не выносила. Всякій разъ, когда возбужденный пароксизмъ смѣнялъ апатію, она пріискивала злорадно случай оскорбить, унизить меня. Это была не жизнь, а каторга.

— Зачѣмъ же вы добровольно подвергались ей?

— Потому что я считала преступленіемъ бросить на произволъ судьбы ребенка, который всѣмъ сердцемъ привязался ко мнѣ. Въ эту годину испытанія, я болѣе чѣмъ когда должна была ему замѣнить невмѣняемую мать. Я сознательно принесла себя въ жертву ему, трезво взвѣшивая будущность, напередъ зная, что иду навстрѣчу общему удѣлу, т. е. неблагодарности; но теперь, какъ и тогда, я сочла бы малодушіемъ покинуть свой тяжелый постъ изъ эгоистическаго разсчета.

— Я не возражаю противъ похвальнаго побужденія; но кто мнѣ порукою, что въ свое оправданіе, вы не перетасовали датъ? Упомянутая перемѣна въ обращеніи съ вами покойной графини, весьма вѣроятно, произошла вслѣдствіе вашего проступка передъ ней, а вовсе не породила его, какъ вамъ угодно было заявить.

— Другаго поручителя у меня нѣтъ, кромѣ голоса истины, который звучитъ въ моихъ показаніяхъ. Я не скрываю, что вскорѣ послѣ моего вступленія въ домъ, графъ обратилъ на меня вниманіе. Я была тогда моложе и уже знала по первому опыту, что могу нравиться мужчинамъ. Красота, этотъ высшій даръ неба для остальныхъ женщинъ, обращается для насъ, несчастныхъ труженицъ, въ источникъ всякихъ бѣдъ и уничиженій. Клянусь вамъ всѣми святыми, я избѣгала, по мѣрѣ силъ, присутствія его, изощряясь предотвращать самую возможность разговоровъ наединѣ. Но увы, бурный потокъ страсти одолѣваетъ всѣ преграды. Пока дружба жены служила мнѣ вѣрнымъ щитомъ, я не допускала даже мысли о проступкѣ. Могла-ли я предчувствовать, что гроза уже собиралась надъ домомъ, что судьба такъ безжалостно меня обезоружитъ! Теперь передъ вами одинъ лишь голый фактъ, а предположеніямъ предоставляется такое широкое поле! Почемъ знать, ужь не я-ли опять своими безсердечными кознями довела неповинную страдалицу до смертнаго грѣха? Но надъ вами есть еще вѣчный, нелицепріятный Судья! Онъ одинъ видѣлъ мое сопротивленіе, исчислилъ терновый путь отчаянной борьбы. Невинно отвергнувъ меня, графиня покачнула во мнѣ вѣру въ правду и справедливость, безпомощность моего положенія довершила остальное.

Тонкій, раздушенный платокъ скрылъ на секунду ея взволнованныя черты.

(Продолженіе будетъ).

Рейдъ города Ханькоу и чайные пароходы.

(Рис. на стр. 732 и 733).

Ханькоу, городъ въ китайской провинціи Хупе, на рѣкѣ Янтце- или Янцикіангѣ, средоточіе иностранной торговли съ западными и центральными провинціями Китая, открытъ для европейцевъ съ 1858 года. Главный предметъ вывоза чай, изъ коего 1/6 кирпичный; главныя статьи ввоза хлопчатобумажныя ткани и русское сукно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ханькоу служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ русско-китайской торговли; товары отсюда идутъ водою въ Тянь-Цзинъ, а оттуда въ Калганъ, затѣмъ напереръзъ чрезъ Монголію въ Сибирь (Кяхту). Кромѣ чая изъ вывозныхъ товаровъ для Европы имѣютъ значеніе: кожи, мускусъ, чернильные орѣшки и ревень.

Рисунокъ на стр. 732 представляетъ часть рѣки Янци-Кіангъ у города Ханькоу въ томъ мѣстѣ, гдѣ сосредоточиваются ежегодно чайныя операціи. Каждый годъ, въ эту рѣку, за чаемъ легко входятъ, среднимъ числомъ, 20 — 30 большихъ океанскихъ пароходовъ, длиною до 400 футъ и глубиною 24 фута.

Всѣ прибывающіе пароходы становятся въ строй у лѣваго берега Янци по порядку прибытія и затѣмъ приступаютъ къ нагрузкѣ чайныхъ ящиковъ.

Нижняя часть рисунка изображаетъ пристань и закрывающіяся герметически баржи для перевозки чая съ берега на пароходы.

Городъ Ханькоу, не вошедшій въ рисунокъ, состоитъ изъ трехъ частей: одна лежитъ на правомъ берегу Янци, другая на лѣвомъ и часть его находится на островѣ посрединѣ рѣки. Численность его населенія доходитъ до милліона душъ, но въ лѣтнее время еще значительно возрастаетъ. Самая красивая часть города: European Settlement—европейскій кварталъ наполненъ консульскими и торговыми домами; каждый изъ нихъ тонетъ въ зелени и цвѣтахъ. Каменная набережная съ паркомъ служитъ дополнительнымъ украшеніемъ этого квартала. Зданія европейцевъ отдѣлены отъ китайскихъ высокою каменною стѣною.

Во дни монгольскихъ празднествъ и особенно въ праздникъ „Дракона“, консулы обязательно предупреждаютъ евро-

пейцевъ не выходить въ городъ за китайскую стѣну, чтобы не быть побитыми черпью каменьями. Внутренность города безобразно грязна и надо удивляться, какъ живутъ въ немъ китайцы, за отсутствіемъ воздуха годнаго для дыханія, и какъ не передушитъ ихъ эпидемія въ сезоны сильныхъ жаровъ, которые здѣсь достигаютъ наибольшаго предѣла съ начала іюля.

Вода Янцы глинистая, желтая, густа и оставляетъ сильные красноватые осадки. Отъ устья его миль на сто въ открытомъ морѣ замѣчаются струи этого „Сына Океана", смѣшивающіяся съ зеленоватою морскою водою.

По всей рѣкѣ, подчасъ стѣсненной обрывами берега, масса большихъ и малыхъ водоворотовъ, носящихъ характерное названіе: „чоу-чоу вотеръ"—„пожирающая вода". Множество рыбачьихъ шлюпокъ дѣлались и дѣлаются жертвою такихъ мѣстъ. Между прочимъ, у китайцевъ существуетъ престранный предразсудокъ: если человѣкъ тонетъ, то, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ его спасать, такъ какъ судьба, значитъ, заранѣе предначертала ему погибнуть. Англійскій вице-консулъ въ Шанхаѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сдѣлался жертвою такого предразсудка. Подъѣзжая на шампункѣ (лодкѣ) къ берегу, онъ поскользнулся и упалъ въ воду. Теченіемъ его понесло внизъ по рѣкѣ и, обезсиленный въ борьбѣ, онъ потонулъ. Толпа монгольскихъ лодочниковъ хладнокровно созерцала это несчастіе. Суточная перемѣна уровня воды въ Янцы (правда, въ рѣдкихъ случаяхъ) доходитъ до 51 фута и самый городъ не разъ страдалъ отъ наводненій. Это бываетъ въ сезонъ тропическихъ дождей и тогда можно видѣть на поверхности рѣки плывущіе клубки мелкихъ змѣй, вѣроятно смытыхъ потоками съ берега.

Островъ Ханькоу, раздѣляя рѣку, дѣлитъ ея теченіе на два русла. Эти два потока бываютъ очень стремительны: если пароходъ стоитъ близко отъ сліянія этихъ теченій, то его какъ игрушку вертитъ водоворотомъ, а потому суда становятся подаль отъ острова и города, какъ показано на рисункѣ.

Случается, что бурныя воды обрываютъ цѣпи у одного изъ стоящихъ кораблей и наносятъ его на ближайшаго изъ сосѣдей; разумѣется, пароходы получаютъ при этомъ взаимныя поломки.

Весь юморъ этого явленія только тогда ясенъ, когда является сознаніе, что это мѣсто находится въ глубинѣ страны и отстоитъ отъ устья на разстояніи тысячи ста верстъ.

Стоянка здѣсь требуетъ необыкновеннаго вниманія къ кораблю, чтобы не быть оборваннымъ съ якоря, или, что еще хуже, не остаться совсѣмъ на сухомъ пути.

Вверхъ по рѣкѣ пароходы, подъ проводкою лоцмана, поднимаются около четырехъ съ небольшимъ дней, а спускаются внизъ къ устью въ двое сутокъ по теченію. Лоцмана за проводку по Янцы вверхъ и внизъ получаютъ около 800 таэлей—2,400 рублей съ каждаго корабля.

Берега Янцы, почти на двѣ трети длины рѣки, низки, однообразны, поросли тростникомъ или нажитями риса; къ верховью же попадаются горы и стѣсняютъ его своими крутыми обрывами.

Одно изъ такихъ мѣстъ носитъ на скалѣ надпись, сдѣланную китайскимъ печатнымъ шрифтомъ; должно предполагать въ ней какое-нибудь легендарное значеніе. Здѣсь свистокъ парохода, данный одинъ разъ, повторяется сотнями эхо. Это мѣсто въ то-же время представляетъ „Ключъ Янцы", т. е. его природную защиту, и здѣсь въ послѣднюю войну китайцевъ съ французами возведены грозныя батареи при посредствѣ германскихъ инженеровъ.

Попадаются скалы въ рѣкѣ въ видѣ поставленнаго конуса; небольшой лѣсокъ покрываетъ вершину и въ немъ виднѣется пагода (храмъ), почти единственное живописное мѣсто на Янцы.

Иногда пароходу приходится миновать различныя опасности и онѣ становятся грознѣе, когда пароходъ идетъ по теченію и дѣлается вслѣдствіе этого менѣе послушнымъ рулю. Напримѣръ, проходитъ межъ двухъ потонувшихъ въ рѣкѣ пароходовъ, совершенно скрытыхъ водою. Каждый разъ лоцманъ, минуя это мѣсто, приходитъ въ нервное состояніе: „see, all time she mooves, she mooves" (смотрите, все время пароходъ уклоняется отъ пути) досадливо пристаетъ лоцманъ къ рулевому и облегченно сплевываетъ, когда мѣсто пройдено.

Масса дровяныхъ плотовъ несется по рѣкѣ къ низовью, и если ихъ наноситъ на цѣпь стоящаго на рѣкѣ парохода, то много шансовъ послѣднему значительно пострадать. Китайцы же, плывущіе съ дровами, приходятъ отъ такого пассажа въ отчаяніе и бросаютъ все на произволъ судьбы, обращаются въ испугѣ лишь къ молитвѣ, зажигая свои трескучія ракетки и стараясь этимъ умилостивить рокъ.

Пароходной прислугѣ приходится собственными силами освобождаться отъ непрошенныхъ и опасныхъ гостей.

Внизъ по теченію пароходъ несется лихо; города и деревни такъ и мелькаютъ.

Русскихъ чайныхъ фирмъ въ городѣ Ханькоу четыре, англійскихъ же около двадцати.

Всего отправляется нашими фирмами по разнымъ путямъ до пятидесяти милліоновъ фунтовъ чая; треть этого количества идетъ моремъ.

Чаи при покупкѣ пробуются и сортируются особыми пробщиками—„титестерами", получающими свое образованіе въ школѣ въ Англіи. Пріѣзжаютъ они сюда на чайный сезонъ и получаютъ за два мѣсяца 12,000 руб. за работу; но за то съ утра и до позднихъ часовъ послѣ полудня, титестеръ пробуетъ чай, смакуя его изъ чашекъ и выплевывая, не принимая при этомъ никакой пищи, чтобы не испортить вкуса.

Большая часть изъ нихъ отъ такой работы страдаетъ нервнымъ разстройствомъ.

Цѣны чаевъ опредѣляются ими съ точностью до 5-ти копѣекъ за фунтъ. Лучшій черный чай здѣсь обходится 57 центовъ (1 р. 14 коп.) фунтъ.

По Янцы поднимаются лишь за первосборнымъ чаемъ и обязательно поспѣвать къ первымъ числамъ мая; въ половинѣ іюля мѣсяца рѣки сильно понижаются въ уровнѣ и операціи остальныхъ сборовъ переносятся въ Шанхай, Гон-Конгъ и Тяньцзинъ. Англичане хлопочутъ о конкуренціи съ Китаемъ, разводя чайныя плантаціи на островѣ Цейлонѣ и въ дальней Индіи.

Англійскія торговыя компаніи строятъ съ каждымъ годомъ все лучшія и лучшія суда для перевозки чая, какъ самаго дорогаго груза.

Изъ большихъ компаній выдаются пароходы Gleen-line и Castle-line.

Послѣдняя компанія пріобрѣла въ 1885 году пароходъ Sterling-Castle, который, принявши въ Ханькоу 55,000 ящиковъ чая, сдѣлалъ переходъ отъ Янцы въ Лондонъ, около 12,000 морскихъ миль [1]), въ 27 дней. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ переходовъ когда-либо совершенныхъ пароходами дальняго разстоянія.

Sterling-Castle сдѣлалъ лишь одинъ рейсъ и уже проданъ итальянцамъ на Бразильскую линію за невыгодностью для пути въ Китай.

Компаніи, конкурируя между собою доставкою чаевъ, даютъ командиру перваго прибывшаго въ Европу съ чаемъ парохода 1,000 фунтовъ стерлинговъ въ премію. Это побуждаетъ чайные корабли къ гонкѣ между собою по морямъ и Индійскому океану.

Грузоотправители, судохозяева держатъ пари на большія куши, каждый за свои пароходы.

Мѣстныя индійскія и китайскія газеты и телеграфъ зорко слѣдятъ за прибытіемъ пароходовъ въ Сингапуръ, Аденъ и Суэзъ. Судя по времени прибытія въ эти порты, разсчитывается, кто подойдетъ первымъ въ Европу.

Наибольшую интензивность гонка принимаетъ въ Китайскомъ и Красномъ моряхъ, гдѣ пути кораблей сосредоточиваются почти въ одномъ горизонтѣ; въ необъятныхъ же пространствахъ Индійскаго океана корабли идутъ разбросанно, выбирая каждый сообразно сезону и погодѣ свои пути.

Изъ русскихъ пароходовъ, сдѣлавшихъ блистательные переходы: пароходъ „Петербургъ" Добровольнаго флота, совершившій обратный рейсъ изъ Китая въ 35 дней, прибылъ одинъ разъ вторымъ въ Европу.

Ежегодно для обезпеченія торговыхъ интересовъ подходятъ къ Ханькоу вмѣстѣ съ коммерческими пароходами и военныя канонерскія лодки, одна русская и одна англійская, и остаются во все время чайныхъ операцій. На рисункѣ—послѣдній корабль слѣва.

Томи.

Къ рисункамъ.

Лѣсная дорога. (Рис. на стр. 724).

Въ красностволномъ сосновомъ бору пролегаетъ и вьется дорожка, изрѣзанная глубокими колеями телѣгъ... Безлюдно и тихо кругомъ, только поскрипываютъ мачтовыя деревья, да изрѣдка залягаетъ колесо по сухой почвѣ рытвинъ... Выбѣжитъ на дорогу заяцъ, поднимется на заднія лапки, поводитъ ушами, послушаетъ и опять скроется въ чащѣ... Это впечатлѣніе тишины, уединенія и величавой поэзіи бора прекрасно передано молодымъ художникомъ.

Застигнутые грозой. (Рис. на стр. 725).

Только что собрались ребятишки покупаться въ жаркій, томительно-знойный день—вдругъ откуда ни возьмись туча—и яркая молнія, прорѣзавъ тяжелый воздухъ зигзагомъ отразилась въ водѣ со страшнымъ грохотомъ и перекатами отголосковъ за ближнимъ лѣскомъ... Переполохъ такой какъ послѣ выстрѣла дробью въ кучѣ воробьевъ!

Амазонка прошлаго вѣка. (Рис. на стр. 729).

Изящная фигурка конца прошлаго столѣтія, напоминающая поэтическій образъ Эдмеи Мопра въ извѣстномъ романѣ Жоржъ-Занда. Какая бездна вкуса въ этомъ костюмѣ сравнительно съ нашими обтяжными и внизу словно обрубленными амазонками, казенными и однообразными какъ мужскіе фраки!

[1]) Морская миля=1¾ версты.

Лѣтніе типы. Торговка ягодами. Ориг. рис. (собст. „**Нивы**") **А. Піотровскаго**, грав. Ангереръ.

Лѣтніе типы. Утро деньщика въ лагерѣ. Ориг. рис. (собст. „**Нивы**") **Н. Оболенскаго**, грав. Ангереръ.

Утро деньщика. (Рис. на стр. 737).

Раннее утро въ лагерѣ. „Баринъ" деньщика еще изволитъ почивать, но время близится къ пробужденію. Объ этомъ легко догадаться по той торопливости, съ которой деньщикъ ставитъ самоваръ. А самоваръ, какъ на зло, не кипитъ. Не долго думая, изворотливый служивый стащилъ съ ноги сапогъ и ну раздувать имъ, вмѣсто мѣховъ, отсырѣвшіе на утреннемъ холодкѣ уголья.

Торговка ягодами. (Рис. на стр. 737).

На стр. 737, рядомъ съ деньщикомъ, помѣщенъ другой типъ, встрѣчающійся въ лѣтнее время какъ въ городѣ, такъ и въ дачныхъ мѣстностяхъ. Старуха-торговка, примостясь у какого-нибудь забора, день-деньской сидитъ, поджидая неприхотливыхъ покупателей ея невзрачнаго товара.

Мельхіоръ де-Вогюэ. (Портр. на стр. 740).

„Безсмертные" Французской Академіи недавно избрали въ свою среду не безъизвѣстнаго въ Россіи Мельхіора де-Вогюэ. Избраніемъ своимъ въ число членовъ этого учрежденія онъ обязанъ своимъ замѣчательнымъ трудамъ, число которыхъ, а также и значеніе ихъ гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагаютъ многіе. Чрезвычайно разнообразные, они касаются археологіи, исторіи, этнографіи, литературы и эстетики. Съ особенною любовью и замѣчательною пытливостью онъ изучаетъ избранный для наблюденія предметъ, преимущественно останавливаясь тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ или мало замѣтно вліяніе дряхлѣющей западно-европейской цивилизаціи. Особенно заслуживаютъ вниманія его труды по изученію Россіи. „Открывая нашему уму, говоритъ *l'Illustration*, почти совсѣмъ неизвѣстныя богатства русской литературы, онъ насъ заставилъ полюбить и понять нѣкоторые изъ ея образцовъ, и можетъ справедливо гордиться пріобщивъ тѣмъ не мало сокровищъ къ нашимъ національнымъ богатствамъ. Имъ создано въ концѣ настоящаго столѣтія то-же, что сдѣлали около 1800 года тѣ первые писатели, которые, открывъ готическую и средневѣковую Германію, дали рождавшемуся романтизму главную составную часть и сильный толчокъ его расцвѣту. Какія послѣдствія вызоветъ сдѣланное М. Вогюэ начало изученія иностранныхъ литературъ, покажетъ будущее. Но Французская Академія поступила благоразумно не выжидая законной награды потомства трудамъ де-Вогюэ и избравъ его нынѣ въ свою среду.".

Новый академикъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ члена посольства подъ руководствомъ своего дяди, извѣстнаго археолога, въ то время посланника въ Константинополѣ. Шесть лѣтъ спустя, онъ былъ назначенъ секретаремъ въ Петербургъ и занималъ эту должность цѣлыя шесть лѣтъ при генералахъ Лефло и Шанзи. Въ это время онъ женился на сестрѣ генерала Анненкова, извѣстнаго строителя Закаспійской дороги.

Въ теченіе 12 лѣтъ, проведенныхъ М. Вогюэ на Востокѣ, онъ много занимался изученіемъ русской литературы. Въ настоящее время г. де-Вогюэ оставилъ дипломатическую карьеру, всецѣло посвятивъ себя литературѣ. Изъ его работъ наиболѣе извѣстны книга путешествій: „Сирія, Палестина и Аѳонъ", вышедшая въ 1876 году, „Восточные разсказы" 1880 года, изъ жизни древняго Египта, „Зимніе разсказы" 1885 года и въ особенности его главный трудъ 1886 года „Русскій романъ".

Кромѣ того имъ написано очень много статей въ *Journal des Débats* и въ *Revue des Deux-Mondes*, гдѣ онъ постоянно сотрудничаетъ.

Прогулка верхомъ изъ-подъ Полтавы на Парижскую выставку. (Рис. на стр. 741).

Цѣлые столбцы заграничныхъ газетъ и журналовъ наполнены описаніями неслыханной доселѣ кавалерійской проѣздки М. В. Асѣева черезъ всю Европу и его портретами. Заимствуемъ нѣсколько выдержекъ изъ интересной корреспонденціи г. Яковлева въ газетѣ *Новое Время:*

„Во время царскихъ маневровъ прошлой осенью на югѣ Россіи, офицерская молодежь, собравшись однажды за ужиномъ, толковала о качествахъ русской фронтовой и офицерской лошади. Всѣ были согласны относительно ея силы и выносливости, осаживая только товарища, когда онъ, по ихъ мнѣнію, уже чересчуръ заносился въ своемъ патріотическомъ пылѣ. Отъ лошади къ всаднику — одинъ шагъ, и по этому поводу каждый изъ офицеровъ счелъ нужнымъ сообщить извѣстные или слышанные имъ подвиги верховой ѣзды. Между прочимъ упомянули о гонведѣ гр. Зубовичѣ, который пятнадцать лѣтъ назадъ совершилъ верхомъ путешествіе изъ Вѣны въ Парижъ. Фактъ этотъ считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ мірѣ спорта.

— Да я больше сдѣлаю, я проѣду изъ Лубенъ въ Парижъ верхомъ, спокойно замѣтилъ молодой корнетъ 26-го драгунскаго полка М. В. Асѣевъ.

„Всѣ расхохотались.

— На какой-же лошади?

— Да на какой угодно фронтовой лошади.

„Это утвержденіе показалось до такой степени фантастическимъ, до такой степени дикимъ, что офицеры съ удивленіемъ посмотрѣли на товарища".

Таково начало этого по истинѣ изумительнаго предпріятія.

„При выборѣ маршрута г. Асѣевъ остановился на системѣ императора Николая Павловича, рѣшивъ, что самый прямой путь—самый короткій. Укрѣпивъ на картѣ Европы шелковинку на Кіевѣ, онъ протянулъ ее до Парижа, и этотъ путь былъ тотъ, по которому онъ проѣхалъ. Въ Россіи, по которой Асѣевъ ѣхалъ 15 дней, этотъ путь не представлялъ особенныхъ затрудненій — дорога шла гладкая. Но, начиная отъ Богеміи, въ Баваріи, Гессенъ-Дармштадтѣ, Люксенбургѣ почти все время приходилось то подниматься въ гору, то спускаться съ горы. Ночью, при незнаніи мѣстности, неустрашимый корнетъ не разъ рисковалъ свернуть себѣ шею. Ѣхалъ Асѣевъ безостановочно, среднимъ числомъ по 11 часовъ въ сутки. А ночью, пріѣхавъ на ночлегъ, нечего было и думать о немедленномъ отдыхѣ. Нужно было помѣстить лошадей, напоить ихъ и накормить. Все это онъ дѣлалъ самъ, изъ боязни, чтобы лошадей не испортили. На это уходило часа два. Затѣмъ за обѣдомъ нужно было удовлетворять любопытство публики, которая сбѣгалась, чтобы получить подробности относительно таинственнаго наѣздника...

„А когда все это кончалось, Асѣевъ уходилъ спать на конюшню, вмѣстѣ съ лошадьми. Двѣ мысли клиномъ сидѣли въ его головѣ во время этого долгаго, 30-дневнаго путешествія: чтобы лошадей не украли, и чтобы онѣ не заболѣли. Два раза ему приходилось перековывать лошадей заграницей, и до сихъ поръ онъ не можетъ вспомнить объ этомъ безъ волненія. Закуютъ лошадь, тогда все пропало: предпріятіе столь интересное теперь, когда оно удалось, показалось бы смѣшнымъ донъкихотствомъ въ случаѣ неудачи, хотя бы неудача произошла только оттого, что лошадь была дурно подкована или зашибла ногу...

„Лошади Асѣева не были, какъ говорится на языкѣ спорта, *тренированы*. Привыкнувъ къ отличной пищѣ и сравнительно ничтожному движенію, онѣ не могли бы освоиться съ внезапнымъ переходомъ къ усиленной работѣ. Асѣевъ имѣлъ это въ виду, какъ опытный наѣздникъ, и задался цѣлью пріучить организмъ своихъ кобылицъ мало-по-малу къ такой непомѣрной работѣ спеціальнымъ режимомъ. Лошади его получали сначала только отруби и сѣно, потомъ овесъ пополамъ съ отрубями и наконецъ овесъ безъ примѣси, изрѣдка съ солью. Въ среднемъ обѣ лошади съѣдали по пуду (17 килограммовъ) овса и ¼ пуда сѣна (4 кил.). Судя по аппетиту лошадей, опредѣлялось и количество работы, которое можно было отъ нихъ требовать. Въ первое время приходилось не больше 48 километровъ въ сутки. Это пространство постепенно увеличивалось, такъ что въ послѣдніе дни достигло до 115. Себя самого Асѣевъ не подвергалъ никакому спеціальному режиму. Въ теченіе всей своей поѣздки онъ спалъ не больше 5—6 час. въ сутки, вставалъ рано утромъ и отправлялся въ путь. Усталость онъ чувствовалъ только первую недѣлю. Затѣмъ, откатавъ 115 кил., послѣ 11 часовой ѣзды, онъ слѣзалъ съ лошади такой же бодрый, какъ садился. Онъ пришелъ къ заключенію, что чѣмъ меньше лошадь подъ сѣдломъ, тѣмъ для нея лучше. Поэтому онъ ѣхалъ такъ: первые три дня шагомъ, потомъ пять минутъ рысью каждые полчаса, далѣе 5 минутъ рысью въ каждые ¼ часа и наконецъ шагъ и рысь поровну — 10 минутъ рысью и 10 минутъ шагомъ. Скорость при этомъ получалась въ 11 кил. въ часъ. Обѣ лошади Асѣева — кобылицы. Одна — „Влага", 7 лѣтъ, новороссійской породы, простая фронтовая лошадь. Другая — „Діана", англо-донской породы, ¾ крови, 5 лѣтъ. Обѣ лошади, по туркменскому способу, работали попеременно. Первыя 45—50 верстъ — „Діана", остальныя 40 верстъ, послѣ привала, „Влага". Когда работала „Діана", „Влага" пользовалась полнѣйшей свободой, въ виду своего замѣчательнаго ума, и бѣжала зачастую въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ позади. Она ѣла траву по дорогѣ и пила воду, гдѣ бы ее ни встрѣчала, въ ручьяхъ-ли, бассейнахъ, фонтанахъ или ведрахъ мимопроходящей служанки. Если же теряла изъ виду „Діану", то громко и безпокойно ржала и въ карьеръ догоняла своихъ компаньоновъ...

„Наконецъ, на 30-й день, вдали, прорѣзывая синеватый туманъ, показалась цѣль путешествія русскаго офицера — верхушка Эйфелевой башни. Асѣевъ радостно вздохнулъ и, пришпоривъ лошадь, скоро затѣмъ въѣхалъ въ Парижъ. Онъ оставилъ за собою 2,457 верстъ (2,633 кил.), послѣ 339¾ часовъ сидѣнія въ сѣдлѣ, и былъ бодрый и веселый, точно послѣ обыкновенной прогулки. Въ физическомъ отношеніи результатомъ этого путешествія было только то, что онъ потерялъ 4 кило (10 фунтовъ) въ вѣсѣ. Никакихъ приключеній съ нимъ въ дорогѣ не было, кромѣ того, что вездѣ къ нему относились съ подозрительностью, принимая въ Россіи за гонведа (причемъ онъ потерялъ 2 дня, задержанный въ Новградъ-Волынскѣ), въ Силезіи — за поляка, въ Богеміи — за мадьяра, въ Баваріи — за француза, во Франціи—то за прусскаго дезертира, то за англичанина".

Слухъ о замѣчательномъ подвигѣ Асѣева облетѣлъ весь Парижъ, всю Францію, и онъ сдѣлался героемъ дня. На докладѣ объ этомъ военнаго министра Государь Императоръ, по сообщенію *Южнаго Края*, собственноручно изволилъ начертать: „Молодецъ! Весьма оригинальная поѣздка." Генералъ-адъю-

тантъ Радецкій, объявляя объ этомъ въ приказѣ по Харьковскому военному округу, выразилъ удовольствіе, что офицеръ изъ состава ввѣренныхъ ему войскъ удостоился столь лестной Высочайшей похвалы.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, Государыня Императрица, Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ, Вел. Кн. Ксенія Александровна и Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, 5 іюля, въ 7 час. пополудни, изволили прослѣдовать съ яхты „Царевна" на катерѣ „Петергофъ" въ Александрію.

Вмѣстѣ съ Ихъ Императорскими Величествами прибыли также въ Александрію Королева Эллиновъ, Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская, принцъ Николай и принцесса Марія Греческіе.

Дѣла церкви.

— Надняхъ исполнилось сорокъ лѣтъ со времени окончанія высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, въ 1849 году академическаго курса. Высокопреосвященный Іоанникій уже 28 лѣтъ состоитъ въ епископскомъ санѣ и изъ нихъ 25 лѣтъ самостоятельнымъ архіепископомъ, считая съ его назначенія въ 1864 году въ Саратовскую епархію. Ему въ настоящее время 62 года отъ роду.

Правительственныя распоряженія.

— Льготы по возврату владѣльцамъ русскихъ паровыхъ судовъ пошлинъ, уплаченныхъ за проходъ черезъ Суэзскій каналъ, продлены до 1 января 1900 года.

— Усилены наказанія военнослужащихъ за похищеніе и растрату казеннаго оружія, патроновъ и пороха въ приморскихъ мѣстностяхъ Кавказа и Приамурскаго края.

Искусства изобразительныя.

— 17 іюня, въ селеніи Скржинско, Опоченскаго уѣзда, Радомской губерніи, состоялось освященіе памятника, сооруженнаго на добровольныя пожертвованія жителей сего селенія въ память въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II. Памятникъ сооруженъ самоучкою мѣщаниномъ Сасомъ изъ мѣстнаго камня, съ желѣзною рѣшеткою вокругъ.

— Окончательное сооруженіе въ гор. Пятигорскѣ памятника поэту Лермонтову, за устройствомъ уже вполнѣ сквера на планированой мѣстности, въ которомъ предположено поставить памятникъ, зависитъ отъ возведенія на готовомъ уже фундаментѣ гранитной скалы и доставленія въ Пятигорскъ колоссальной бронзовой статуи Лермонтова. Массивныя гранитныя глыбы, числомъ восемь и вѣсомъ свыше 2,000 пуд., уже доставлены и скала будетъ окончательно изготовлена мраморщикомъ Тонети и поставлена на предназначенномъ ей мѣстѣ не позже перваго іюля. Колоссальная же статуя поэта, художественно вылѣпленная изъ глины академикомъ А. М. Опекушинымъ, сдана въ гипсѣ въ началѣ мая на бронзовую фабрику Моранъ и К°, для отливки таковой изъ бронзы, и будетъ отправлена изъ Петербурга въ Пятигорскъ между 15 и 20 числами іюля.

— Генералъ-маіоръ А. А. Насвѣтевичъ, чрезъ посредство германскаго посла, поднесъ Германскому императору альбомъ снятыхъ имъ моментальныхъ фотографій во время пребыванія императора Вильгельма II, въ 1888 году, въ Петергофѣ, за что удостоился получить драгоцѣнный, украшенный бриллiантами и рубинами, перстень, съ вензелевымъ изображеніемъ имени его величества.

Изъ губерній и областей.

— 30 іюня, въ 12 час. 50 мин. утра, въ Ташкентѣ чувствовалось продолжительное землетрясеніе. Получено извѣстіе, что этимъ землетрясеніемъ наполовину разрушенъ городъ Джаркентъ.

— Въ Вѣрномъ, 30 іюня, въ 3 часа 15 м. утра, было сильное землетрясеніе, продолжавшееся около 13 минутъ безпрерывно. Поврежденія въ строеніяхъ ничтожны, о несчастіяхъ съ людьми не слышно. Землетрясеніе было колебательное, а не ударное, какъ въ 1887 году. Въ 7 часовъ опять былъ чувствительный толчокъ. По донесеніямъ изъ уѣздовъ оказывается, что многія селенія сильно пострадали отъ землетрясенія; глиняныя зданія разрушились; насчитываютъ до 20 убитыхъ. Пржевальскъ пострадалъ незначительно; лагерь на берегу озера потерпѣлъ сильнѣе. Прибывшіе изъ восточныхъ селеній очевидцы землетрясенія говорятъ, что въ деревянномъ выселкѣ Иссыкъ одинъ домъ, поставленный высоко на цоколѣ, сдвинуло съ мѣста, въ нѣкоторыхъ глиняныхъ селеніяхъ дома истрескались, въ иныхъ распались, люди успѣли убѣжать, землетрясеніе продолжалось цѣлый часъ. Таранчи изъ Курама вознамѣрились бѣжать въ Кульджу, полагая, что тамъ не было землетрясенія, но оказалось, что въ Суйдунѣ и ближайшихъ мѣстахъ оно тоже было. Таранчей остановили въ китайскихъ селеніяхъ. 4 іюля въ Вѣрномъ было чувствительное дрожаніе земли.

Изъ Омска, отъ 4 іюля, сообщаютъ, что землетрясеніемъ разрушено много зданій въ селеніяхъ Михайловскомъ и Зайцевскомъ, Вѣрненскаго уѣзда, а с. Малоюдное разрушено все. Въ Талгарской лѣсной дачѣ убиты упавшими камнями двое. Частныя зданія по берегу озера Иссыкъ-Куля разрушены, берегъ мѣстами осѣлъ, земля дала трещины, въ лагеряхъ люди не могли стоять на ногахъ. Почтовое сообщеніе прервано; мосты разрушены. 2 іюля въ Джаркентѣ были довольно сильные толчки и колебанія, отъ которыхъ совершенно отошла одна стѣна въ джаркентской тюрьмѣ.

— 23 іюня, по приказанію генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова, начальникомъ Терской области объявлено собравшимся въ Нальчикѣ уполномоченнымъ Большой и Малой Кабарды и горскихъ обществъ Высочайшее соизволеніе объ оставленіи за населеніемъ въ постоянномъ его пользованіи 315,383 десятинъ пастбищныхъ земель. Вслѣдъ за объявленіемъ совершено было по мусульманскому обряду торжественное молебствіе о здравіи и долгоденствіи Всемилостивѣйшаго Монарха и всего Царскаго Дома. Уполномоченные обратились затѣмъ къ начальнику области съ ходатайствомъ просить князя Дондукова-Корсакова повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства ихъ безпредѣльной преданности за высоко милостивое вниманіе къ ихъ народнымъ нуждамъ. Тѣ-же уполномоченные, желая увѣковѣчить день столь благопріятно разрѣшившагося для нихъ поземельнаго вопроса, заявили, что они опредѣлили: ежегодно 21 мая, въ день состоявшагося Высочайшаго соизволенія, совершать торжественныя молебствія во всѣхъ аульныхъ мечетяхъ о здравіи и долгоденствіи Ихъ Величествъ, съ напоминаніемъ народу о неизреченной милости къ нему Государя Императора; въ этотъ-же знаменательный для Кабарды день учредить въ Нальчикѣ народную скачку, съ ассигнованіемъ 400 рублей на призы для лучшихъ лошадей; установить ежегодно особый сборъ 6,100 р., которые, съ присоединеніемъ къ нынѣ отпускаемымъ обществеными суммамъ—4,900 р., должны быть средствами для преобразованія настоящей городской школы въ учебное заведеніе, наиболѣе соотвѣтствующее пользамъ населенія, при этомъ ходатайствовать о присвоеніи преобразованному учебному заведенію наименованія училища Императора Александра III, и на ежегодный сборъ, въ размѣрѣ 1,200 руб., учредить въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ двѣ стипендіи Имени Государыни Императрицы.

— Въ окрестностяхъ Казалинска появились густыя массы пѣшей саранчи.

Некрологъ.

— 29 іюня, внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный профессоръ университета Св. Владиміра, докторъ философіи и древней филологіи, д. с. с. Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій.

— 5 іюля, въ Москвѣ скончалась старѣйшая артистка Малаго театра С. П. Акимова.

Политическое обозрѣніе.

Политическое положеніе европейскихъ дѣлъ, не вызывая въ сущности серьезныхъ опасеній, какъ это думаютъ пессимистически настроенные люди, на самомъ дѣлѣ является довольно смутнымъ и у многихъ возбуждаетъ чувство недовольства. Одни недовольны общимъ европейскимъ настроеніемъ, другіе отдѣльными событіями, происшедшими за послѣднее время.

Въ Австріи руководящія правительственныя партіи недовольны послѣдними успѣхами младочеховъ. Незадолго до закрытія сессіи делегацій, прошедшей на этотъ разъ съ небывалою поспѣшностью и необычнымъ спокойствіемъ, самъ императоръ Францъ-Іосифъ, на послѣднемъ обѣдѣ въ честь делегацій, бесѣдуя съ моравскимъ делегатомъ Фандерликомъ о выборахъ въ Чешскій сеймъ, сказалъ: „Исходъ выборовъ въ сельскихъ общинахъ удивилъ меня: онъ составляетъ свидѣтельство недомыслія для интелигенціи сельскаго населенія, которое дало увлечь себя пустыми фразами въ такую крайность. Необходимо энергическое вмѣшательство". Фандерликъ заявилъ, что правительство недостаточно поддерживало старочеховъ, на что императоръ сказалъ: „Да, очень много было недосмотровъ". Закрывшаяся уже сессія делегацій, несмотря на свою кратковременность, явственно обнаружила, по словамъ *Neue Freie Presse*, антагонизмъ между Россіей и Австро-Венгріей, или, правильнѣе было бы сказать, непріязнь нашей сосѣдки къ Россіи.

Во Франціи, подъ шумъ всеобщаго довольства выставкой, буланжисты едва-ли могутъ быть довольны послѣдними событіями. *Journal des Débats* сообщилъ, что 28 іюня обвинительная камера постановила резолюцію, по которой Буланже, Дильонъ и Рошфоръ предаются верховному суду. Повѣстки о явкѣ въ верховный судъ уже разосланы 4 іюля въ мѣста жительства Буланже, Дильона и Рошфора, и верховный судъ соберется, вѣроятно, 29 іюля. По свѣдѣніямъ *Temps*, на Буланже взводится тройное обвиненіе, а именно въ покушеніи на безопасность государства, въ устройствѣ заговора и въ растратѣ казенныхъ денегъ. Шифрованныя депеши, ключъ къ которымъ былъ недавно обнаруженъ, доказываютъ фактъ покушенія. Организовано было движеніе на Елисейскій дворецъ и Буланже ожидалъ результатовъ движенія; нѣсколько высшихъ офицеровъ обѣщали Буланже свое содѣйствіе. Факты растраты касаются торговъ относительно поставокъ въ казну, между прочимъ поставокъ кофе для войскъ и военныхъ кроватей. *Temps* сообщаетъ, сверхъ того, объ употребленіи министерскихъ суммъ на личныя нужды Буланже. Сторонники генерала Буланже пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы поразить своихъ про-

тивниковъ, но счастіе, улыбавшееся до того, кажется, ихъ покинуло, и они, если не перестаютъ интересовать многихъ, то все-таки значительно утратили симпатіи своимъ усердіемъ не въ мѣру. Газетныя разоблаченія о неблаговидныхъ поступкахъ министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ, скандалы съ палатѣ и на улицахъ, драки и дуэли не привели ни къ чему, и палата, а за нею и сенатъ, вотировали передъ своимъ закрытіемъ законъ, запрещающій многократныя кандидатуры. Законъ этотъ сильно помѣшаетъ популярности генерала Буланже, который уже и въ самомъ Парижѣ не вызываетъ прежнихъ бѣшеныхъ восторговъ. По крайней мѣрѣ, въ день національнаго праздника, 2 іюля, въ окнахъ помѣщенія „Лиги патріотовъ“, на Биржевой площади, были поставлены транспаранты, изображающіе генерала Буланже верхомъ на лошади, въ черномъ фракѣ и съ лентою Почетнаго Легіона. Толпа, среди которой слышны были только рѣдкіе свистки, останавливалась передъ транспарантами и только забавлялась ими.

Довольною можетъ быть только Германія по поводу развязки небезъизвѣстнаго читателямъ *Нивы* инцидента съ Вольгемутомъ. Швейцарскій союзный совѣтъ въ длинной нотѣ отъ 10 іюля къ германскому правительству констатируетъ, что Вольгемутъ былъ арестованъ и затѣмъ высланъ швейцарскими властями потому, что онъ вызывалъ смуту. Союзный совѣтъ рѣшилъ прекратить въ Швейцаріи всякую агитацію; онъ отвергаетъ упрекъ въ нарушеніи договора и высказываетъ надежду, что представленными объясненіями ему удалось успокоить императорское правительство и убѣдить его въ томъ, что нѣтъ причины принимать невыгодныя для обоихъ государствъ мѣры. Союзный совѣтъ исполненъ твердой воли въ точности соблюдать международныя обязательства, особенно касательно Германіи, съ которой онъ всегда старался поддерживать наилучшія отношенія.

Мельхіоръ де-Вогюэ. Съ фотогр. грав. Тиріа.

Съ острова Крита получаются все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. Недовольство критянъ существующимъ положеніемъ дѣлъ все увеличивается, а Турція, якобы, отказалась даровать, по словамъ телеграммы „Агентства Рейтера“ изъ Сиры, требуемыя реформы, вслѣдствіе чего партія недовольныхъ рѣшила прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. „Мы надѣемся еще“, говоритъ по этому поводу *Journal de S.-Pétersbourg*, „что это сообщеніе преувеличено, и во всякомъ случаѣ ждемъ болѣе точныхъ извѣстій. Можно пожелать только, чтобы на Критѣ положеніе окончилось рѣшеніемъ принятымъ въ умѣренномъ и миролюбивомъ направленіи. Несомнѣнно въ интересахъ Порты, чтобы умиротвореніе послѣдовало за состояніемъ нынѣшняго кризиса и, кажется, именно къ этой цѣли направлены въ настоящее время всѣ усилія Порты“.

Смѣсь.

Персидскій шахъ отличается большимъ остроуміемъ, доказательствомъ чего можетъ отчасти служить слѣдующій разсказъ самого шаха. Въ послѣднее время онъ страдалъ зубною болью. Когда онъ въ первый разъ былъ въ Парижѣ, эта боль у него не была въ такой сильной степени, тѣмъ не менѣе ему пришлось обратиться къ извѣстному дантисту Эвансу. „Тотъ посмотрѣлъ больной зубъ“, разсказываетъ шахъ, „и просилъ у меня позволенія вырвать зубъ, съ тѣмъ, чтобы оставить его потомъ у себя, на память. Но я предпочелъ ему дать на память орденъ Льва и Солнца, а зубы оставить у себя тоже на память во рту“. (в.)

Интересныя раскопки. Недавно, по сообщенію одесскихъ газетъ, профессоръ Эварницкій раскапывалъ курганъ въ деревнѣ Богарѣ, Екатеринославской губ., Александровскаго уѣзда. Въ первомъ слоѣ ничего не найдено, во второмъ открытъ скелетъ человѣка, положенный лицомъ вверхъ, головою на востокъ, съ руками, сложенными на крестъ на лобковой кости; ни гроба, ни другихъ вещей не было. Въ третьемъ слоѣ опять ничего не было, а въ четвертомъ и пятомъ найдены: двѣ лошадиныя головы, положенныя на кости собственныхъ ногъ, и взнузданныя желѣзными удилами, довольно примитивнаго устройства, а близь нихъ скелетъ собаки, три желѣзныхъ метательныхъ копьеца и три костяныхъ иголки, толщиною немного болѣе карандаша; потомъ, подъ головами три скелета: женщины, мужчины и взрослаго мальчика. Скелетъ женщины при этомъ покрытъ плечевыми лопатками лошади, какъ бы замѣнявшими гробъ; скелетъ мальчика былъ покрытъ толстой кожей и имѣлъ близь правой руки желѣзный съ деревянной рукояткой ножъ; скелетъ мужчины огражденъ съ правой стороны доской и раздѣленъ на нѣсколько частей: въ одномъ мѣстѣ руки, въ другомъ—ноги, и, наконецъ, голова, близь которой найденъ глиняный горшечекъ на половину бѣлаго, на половину землистаго цвѣта, съ орнаментикой по вѣнчикамъ, сдѣланной, очевидно, частію ногтемъ въ видѣ крестика, частію тупой палочкой въ формѣ точекъ. Около каждаго скелета находились костяныя иглы и желѣзные дротики. Судя по черепамъ всѣхъ найденныхъ скелетовъ, въ курганѣ были зарыты люди, если не славянскаго, то видимо арійскаго происхожденія. (в.)

Гнусъ. Описывая въ *Историческомъ Вѣстникѣ* первый Амурскій походъ и всѣ бѣдствія, которыя претерпѣвали люди изъ отряда подпоручика Глена, г. Даниловъ упоминаетъ, что особенно отрядъ терпѣлъ отъ „гнуса“. Гнусомъ въ Сибири называютъ комаровъ, мошекъ, оводовъ, даже пауковъ и тому подобныхъ животныхъ. Ихъ водится въ глухихъ, неоттоптанныхъ уголкахъ Сибири такая масса, что ходить тамъ иначе невозможно, какъ съ волосяною сѣткою на лицѣ. Гнусъ—это бичъ сибирской тайги, онъ мучаетъ днемъ, не даетъ сомкнуть глазъ и ночью и особенно сильно кусаетъ въ сѣрые, туманные и дождливые дни. Даже „дымокуръ“, т. е. костры изъ гнилаго дерева и сырыхъ листьевъ, разводимые для выкуриванія назойливыхъ насѣкомыхъ, мало помогаютъ. Бывали случаи, что „гнусъ“ на смерть заѣдалъ домашнихъ животныхъ. Тучи этихъ кровопійцъ такъ облѣпятъ несчастное животное, что оно, наконецъ, выбившись изъ силъ, падаетъ на землю и околѣваетъ. Случаи такіе бываютъ не только въ самой тайгѣ, куда иногда, отбившись отъ стада, попадетъ скотина, а даже въ отдаленныхъ, болѣе глухихъ улицахъ сибирскихъ городовъ, какъ, напримѣръ, это было лѣтъ шесть семь назадъ въ городѣ Хабаровкѣ. (в.)

Послѣдній изъ пугачевцевъ. Въ настоящее время въ Самарѣ проживаетъ дряхлый *ста сорокалѣтній* старецъ, Даніилъ Самойловъ, прибывшій не такъ давно въ родную сторону изъ Сибири къ своей внучкѣ, тоже старой старухѣ. Даніилъ Самойловъ—послѣдній изъ пугачевцевъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ адъютанта у Чики,

„фельдмаршала“ Пугачева. Будучи волжскимъ казакомъ и жителемъ Самары, Самойловъ присталъ къ шайкамъ Пугачева, участвовалъ въ штурмѣ Казани, огнемъ и мечемъ прошелъ все нагорное Поволжье, бралъ приступомъ Симбирскъ, участвовалъ при канонадѣ Самары, когда ядрами изъ 24 пушекъ Пугачевъ разгоналъ толпы вѣрныхъ самарцевъ, выгонялъ Бошняка изъ Саратова. Этотъ человѣкъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ, доставленъ въ Симбирскъ и, по приговору слѣдственной коммисіи, получилъ 180 плетей и отправленъ въ каторгу безъ срока, гдѣ прибылъ 38 лѣтъ. Теперь Самойловъ купецъ, имѣетъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ. Старецъ видѣлъ Екатерину II, лично давалъ показанія графу Панину и жилъ въ одной избѣ съ Суворовымъ, караулившимъ Пугачева въ Симбирскѣ. Разсказы Самойлова полны историческаго интереса. (в).

Аудифонъ. Студентъ физико-математическаго факультета Харьковскаго университета, Левъ Шкляръ, изобрѣлъ приборъ, посредствомъ котораго глухой и даже глухонѣмой можетъ ясно слышать разговоръ, музыку, словомъ разные звуки. Одинъ глухонѣмой, который былъ снабженъ этимъ, вновь изобрѣтеннымъ „аудифономъ“, прекрасно различалъ всѣ музыкальные звуки и сказанныя ему шепотомъ слова. Приборъ этотъ состоитъ изъ пояса, представляющаго собою электрическій элементъ, изъ пряжки пояса, представляющей собою микрофонъ, который служитъ воспринимателемъ звуковъ извнѣ, и изъ двухъ миніатюрныхъ микрофоновъ, вкладывающихся въ наружный слуховой проходъ и ушную раковину. Эти миніатюрные микрофоны передаютъ звуки слуховому нерву. Приборъ этотъ весьма удобенъ для употребленія, его можно носить подъ сюртукомъ. (в.)

Подсолнечникъ, какъ лѣкарство. Въ одной изъ медицинскихъ газетъ разсказанъ случай съ больною, которая въ продолженіе четырехъ лѣтъ страдала лихорадкой, рѣшительно не поддававшейся никакому лѣченію. Больная принимала въ огромныхъ дозахъ хину, іодъ и проч. безъ всякой пользы, и вдругъ, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ настойки подсолнечника, въ теченіе трехъ дней, совершенно излѣчилась отъ лихорадки. Д-ръ Казачковъ, авторъ замѣтки, приводитъ и еще нѣсколько наблюденій, когда самыя упорныя лихорадки, мѣсяцами не уступавшія хинину, мышьяку и прочимъ лѣкарствамъ, прекращались въ теченіе трехъ-семи дней послѣ пріемовъ крѣпкой настойки подсолнечника. Жители Кавказа и Поволжья пользуются этимъ средствомъ противъ лихорадки уже давно и тамъ оно весьма распространено. Приготовленіе и употребленіе этого лѣкарства слѣдующее. Въ бутылку, наполненную цвѣтами и стружками ствола подсолнечника, наливаютъ водку, и закупоривъ, настаиваютъ два-три дня на солнцѣ или въ тепломъ мѣстѣ. Черезъ дня три и немного ранѣе получается настойка средней крѣпости чая изъ сухихъ стволовъ и зеленаго цвѣта изъ свѣжихъ, съ запахомъ и вкусомъ подсолнечника. Настойку можно дѣлать изъ цвѣтовъ, изъ свѣжаго или изъ сухаго ствола растенія,—дѣйствіе такой настойки одинаковое. Взрослымъ даютъ по маленькой рюмкѣ три раза въ день; пріемы приходится продолжать не больше одной недѣли. (в.)

Православные японцы. Близко знакомое съ православными японцами лицо разсказываетъ интересныя о нихъ подробности въ *Московск. Вѣдомостяхъ*. Этому лицу, между прочимъ, пришлось присутствовать на японскомъ православномъ богослуженіи. Благоустройство и выдержка были поразительныя. Пѣвчіе размѣщались по обѣ стороны, въ церкви, правильными рядами. Богомольцы тихо и спокойно входили въ храмъ, а когда стали прикладываться ко кресту, никто не спѣшилъ, не старался протиснуться впередъ раньше другихъ, хотя ни одинъ человѣкъ не удалялся изъ храма не приложившись. Передъ причастіемъ, Семенъ Міи, кончившій курсъ кандидатомъ Кіевской духовной академіи, сказалъ, за отсутствіемъ преосвященнаго, проповѣдь и притомъ очень умѣло. Вся служба исполнялась на японскомъ языкѣ. Передъ проповѣдью всѣ прихожане сѣли на полъ по японскому обычаю. Многіе изъ стариковъ и старушекъ все богослуженіе оставались на полу и часто на колѣняхъ горячо молились и клали земные поклоны. Японцевъ упрекаютъ въ матеріализмѣ, говоритъ авторъ замѣтки, но преосвященный Николай разсказывалъ ему нѣсколько примѣровъ подвижничества и самоотверженія. Ему приходилось не разъ удерживать православныхъ японцевъ отъ ревностнаго желанія поститься и подвергать себя разнымъ лишеніямъ, что было имъ совсѣмъ не по силамъ. Къ числу такихъ ревнителей принадлежалъ священникъ Іоаннъ Сакай, котораго преосвященный Николай долго удерживалъ при себѣ, съ цѣлью наблюдать за нимъ, а потомъ, наконецъ, уступая его просьбамъ, далъ ему отдѣльный приходъ, гдѣ онъ ревностно проповѣдывалъ православіе. Онъ питался лишь нѣсколькими щепотками риса и водой въ теченіе цѣлаго дня и умеръ отъ истощенія силъ послѣ сорокадневнаго поста, наложеннаго имъ на себя добровольно. Кромѣ отца Іоанна, бывали еще и другіе примѣры удивительнаго подвижничества. (в.)

Запись зарытаго многомилліоннаго клада. Послѣ удаленія, въ 1775 году, запорожцевъ изъ предѣловъ Россіи въ Турцію, на Дунай, очень много стали говорить о скрытыхъ ими кладахъ, которые запорожцы, поспѣшно уходя изъ своихъ земель, будто-бы за-

Прогулка верхомъ изъ-подъ Полтавы на Парижскую выставку. М. В. Асѣевъ и его кони. Съ фот. грав. Шюблеръ.

рыли въ разныхъ мѣстахъ. Чтобы не забыть мѣстъ зарытыхъ сокровищъ, они ставили записи, съ точнымъ обозначенiемъ мѣстъ, количества и качества кладовъ. Рядомъ съ такими подлинными записями по рукамъ стали ходить и подложныя. Одною изъ подобныхъ записей, истинною или подложною, неизвѣстно, владѣетъ сельскiй учитель Чайкинъ, въ селѣ Покровскомъ, Екатеринославской губ., Александровскаго уѣзда. Подлинникъ писанъ на скверной, сѣрой бумагѣ, довольно безграмотно. При записи приложенъ подробный планъ къ отысканiю клада, въ концѣ стоитъ помѣтка: 1764 годъ. Вотъ текстъ записи съ исправленною орѳографiею: „1764 г., iюля, 12-го дня. Милостiю и счастiемъ Божiимъ, мы желаемъ, чтобы наши грѣшныя души были помянуты, и молили о нашихъ душахъ истиннаго, вѣчнаго и всемогущаго Бога, вообще за сорокъ братьевъ, которые лишены вѣчно страны Россiйской. Отъ города Херсона, въ восьмидесяти верстахъ, на дачѣ Дюфимской, деревни Одаренкова, въ двухъ верстахъ отъ одной деревни есть трактиръ, а отъ трактира въ одной верстѣ есть кошара, а отъ кошары есть дикiй камень пять сажень длины, на немъ надпись; на томъ мѣстѣ погребены сорокъ казаковъ запорожскихъ, отъ того камня есть плита около трехъ аршинъ, а другая плита въ полтора аршина отнесена на 12 сажень. Еще 12 арш. плита ребромъ вкопана, еще въ 12 арш. камень, стоя, вкопанъ; еще отъ того камня 12 шаговъ камень круглый, а отъ того камня круглаго отмѣряй 12 саж. вдоль балки; какъ кончишь 12 саж., то въ сторону круто поверни прямо направо, тоже 12 саж.—будетъ небольшой бугоръ, заваленный соромъ и землею. Всѣ сiи примѣты вдоль балки, а по сторонамъ небольшiе пригорки, а по срединѣ тропочка пѣшему ходить“. Затѣмъ слѣдуетъ завѣтъ—клятвенно, въ точности исполнить желанiе владѣльцевъ клада: раздать по миллiону на церковь, на бѣдныхъ, на обанкрутившихся, на построенiе домовъ для бѣдныхъ. Въ заключенiе упоминается, что „всей суммы двадцать семь миллiоновъ, золотомъ и серебромъ полтора миллiона, да разныхъ вещей на пять миллiоновъ“ и затѣмъ слѣдуетъ просьба „выполнить все въ точности подъ великимъ заклятiемъ“ кладовладѣльцевъ. „А если вы не выполните,—говорятъ они,—то вѣчная вамъ будетъ погибель“. (в.)

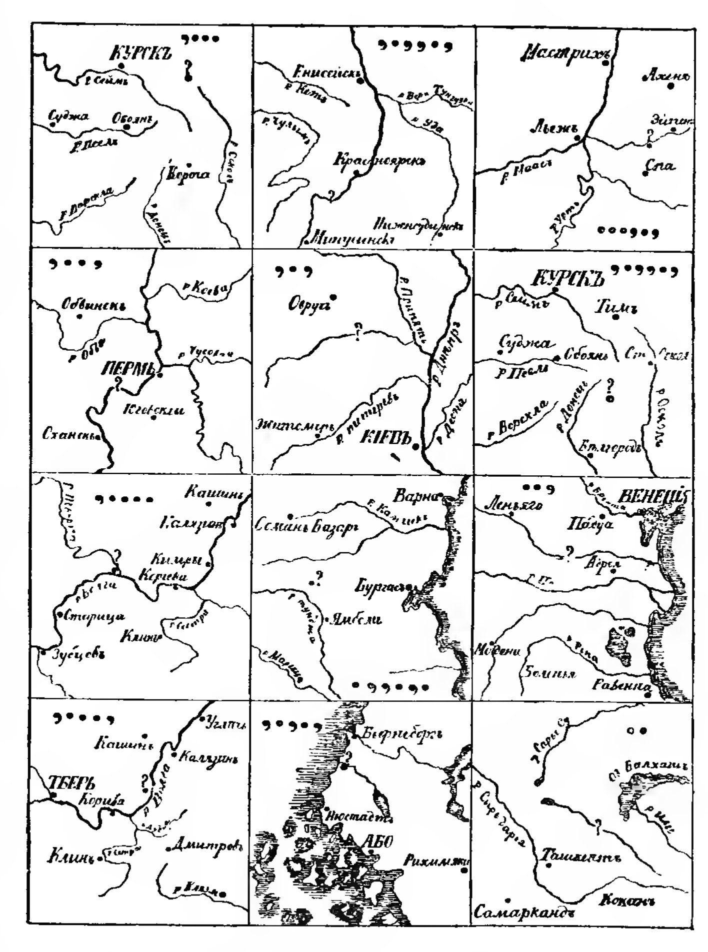
Изъ нравовъ старины стародавней. Какъ въ старину землевладѣльцы другъ у друга оттягивали земли, объ этомъ разсказываетъ *Кiевская Старина*. Земельные споры были всегда въ большомъ ходу въ Малороссiи: если крупному пану не удавалось отнять или захватить себѣ въ собственность земли своихъ сосѣдей, онъ придирался къ нимъ—подавалъ въ судъ позовъ, доказывая, что тѣ захватили его дѣдовщину, и требовалъ выѣзда суда на мѣсто для изслѣдованiя его правъ собственности на эту землю посредствомъ присяжнаго разслѣдованiя,—свидѣтели, конечно, представлялись имъ заранѣе. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ оттягалъ немало земель у своихъ сосѣдей казаковъ, причемъ, разсказываютъ мѣстные старожилы, нерѣдко случались такого рода казусы. „Якъ мы будемо присягать, що стоимъ на вашей землѣ, якъ то земля зъ давныхъ давенъ казацька,“ говорятъ свидѣтели.—Панъ, нисколько не смущаясь возраженiемъ, въ свою очередь, озадачиваетъ совѣстливаго свидѣтеля вопросомъ: „А теперь на чьей землѣ ты стоишь?“—„Теперичка? Та на вашей, добродiю, бо стою я на вашемъ дворi.“—„Ну, такъ снимай сапоги, сынъ въ нихъ мою землю, надѣнь ихъ снова, и гдѣ бы ты ни былъ, ты всетаки будешь на моей землѣ стоять!“—Свидѣтель продѣлываетъ въ точности панскiй приказъ и, не смущаясь, присягаетъ передъ судомъ, что земля на которой онъ стоитъ, съ дѣда, прадѣда, была панская, и что онъ не знаетъ, какъ она сдѣлалась казацкою. (в.)

О лѣченiи головныхъ болей, мигрени и невралгiи лица антипириномъ, парижскiй врачъ проф. Жерменъ Сэ сообщаетъ слѣдующее: Наиболѣе удачно излѣчивались тѣ головныя боли, которымъ бываютъ подвергнуты дѣти, занимающiяся въ школахъ. Причину этихъ головныхъ болей,—которыя очень сильны и упорны, ощущаются обыкновенно во лбу и отличаются тѣмъ, что появляются даже при незначительномъ умственномъ напряженiи,—профессоръ Сэ усматриваетъ въ ненормально медленномъ ростѣ сердца по отношенiю къ величинѣ тѣла. Благодаря ежедневнымъ прiемамъ 3 граммовъ антипирина, головныя боли чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени устранялись, а при правильныхъ занятiяхъ съ ребенкомъ не возобновлялись болѣе. Не менѣе вѣрнымъ средствомъ оказался антипиринъ и противъ мигрени, отличающейся отъ вышеупомянутыхъ головныхъ болей тѣмъ, что она появляется въ одной половинѣ головы и легко узнается по выраженiю лица больнаго. Если пацiентъ при пробужденiи чувствовалъ начало мигрени, ему тотчасъ-же давали 1 граммъ антипирина и черезъ часъ такую же дозу, распущенную въ полъ-стаканѣ воды; чрезъ 20—30 минутъ исчезали всякiе признаки возобновленiя припадка. Противъ невралгiи лица употребленiе антипирина оказывало замѣчательное дѣйствiе даже въ самыхъ упорныхъ и признанныхъ неизлѣчимыми формахъ. Въ послѣднемъ случаѣ проф. Сэ даетъ его не только внутрь, но и впрыскиваетъ подъ кожу. (с.)

Маленькiй кантонъ Базель устыдилъ принятыми имъ мѣрами по народному образованiю всѣ большiя государства Европы. Въ крошечной странѣ обученiе какъ въ народныхъ и низшихъ школахъ, такъ и въ гимназiяхъ и реальныхъ училищахъ, даровое, причемъ выдаются также безвозмездно книги и всѣ школьныя принадлежности. Такимъ образомъ до университета на школу не тратится ни гроша, ни на обученiе, ни на книги, тетради и другiя учебныя пособiя. Кромѣ того, въ смертныхъ случаяхъ, погребенiе совершается на счетъ государства. Въ память сильнаго землетрясенiя 1356 года основано учрежденiе для раздачи ученикамъ сукна. Въ истекшемъ 1888 г. учрежденiе это роздало 11,000 метровъ сукна 1675 мальчикамъ и 1287 дѣвочкамъ. Принимая далѣе въ разсчетъ даровую раздачу платья, обуви и пищи и заботливое попеченiе о всѣхъ больныхъ вообще, нельзя отказать старинному прирейнскому городу Базелю въ глубокомъ уваженiи за его человѣколюбивыя стремленiя. (с.)

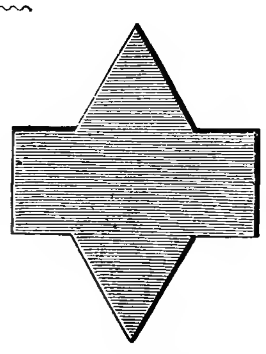
Въ англiйскихъ газетахъ сообщаютъ, что греческое правительство предлагаетъ уступить Дельфы, древнее мѣстопребыванiе дельфiйскаго оракула и совѣта амфиктiоновъ, Соединеннымъ Штатамъ за 80,000 долларовъ, для производства тамъ раскопокъ. Придется скупить и перенести деревню Кастри, расположенную на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли Дельфы. Профессоръ Нортонъ изъ Гарвардскаго университета прiѣхалъ съ этимъ предложенiемъ въ Нью-Iоркъ и хлопочетъ о полученiи необходимой суммы. (с.)

Географическая задача № 48.

Найти по атласу городъ или рѣку не подписанные въ клѣткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣстѣ занятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

Геометрическая задача № 49.

Данную фигуру раздѣлить на 5 частей, изъ которыхъ требуется составить правильный шестиугольникъ.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозвол. цензур., СПБ., 12 іюля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. [illegible] Маркса, [illegible]ч., д. 1.

XX г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XX

№ 30 | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 22 іюля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Крѣпость Керки (Бухара). Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Она потомъ часто встрѣчалась съ монахиней и подолгу бесѣдовала съ нею. Мать Парѳенія была поистинѣ незлобивою женщиной. Что̀ она только терпѣла—и ни разу не жаловалась, развѣ съ добродушной улыбкой повторяла: „не вѣдятъ бо что̀ творятъ“.

— Меня разъ даже, чадо, въ участокъ забрали! улыбалась она, точно ей этимъ самымъ хотѣли сдѣлать бо̀льшое удовольствіе.

— За что̀ это?..

— А я по евангельской притчѣ „толцыте и отверзется вамъ“, толкнулась къ енаральшѣ одной... Ну, дама, надо сказать правду, во всѣхъ фасонахъ, великатная, нѣжная, мягкая, бѣлая!.. Сейчасъ она позвала своего хамка... „Проводить“, говоритъ. Хамокъ меня, оглашенную, за это мѣсто: „пожалуйте,“ говоритъ, „матушка, тѣмъ же трактомъ“, да съ лѣстницы меня какъ толкнетъ, я, мать, и покатилась... Точно-что ушиблась и возроптала: подымаюсь и говорю ему: „Богу за сіе отвѣтишь“... Но Богъ-то по Своей правдѣ не его за дерзновеніе, а меня за ропотъ наказалъ. И въ самомъ дѣлѣ— послалъ старицѣ испытаніе легкое, а она, замѣсто того чтобы радоваться, какъ собака зубы оскалила... И взяли меня рабу швейцаръ (мордастый такой) съ дворникомъ и повлекли къ офицеру, а офицеръ въ кварталѣ „посадить“, говоритъ, „ее, бродягу, для личнаго удостовѣренія“ — и посадили... И сколь я потомъ этому радовалась—и сказать нельзя. Богъ зналъ гдѣ счастье послать... Сижу я, мать, этакъ день, а вечеромъ слышу щелкъ-щелкъ замочекъ, и „іерихонъ-немилостивый“, стража моего такъ я прозвала потому что онъ мнѣ водицы испить не далъ, кричитъ: „вотъ тебѣ, говоритъ, бродяга—товарка“... Смотрю — пьяная, мать ты моя, пьяная, ругается, о стѣну колотится, такія словеса говоритъ что я и отъ купцовъ не слыхала. Потомъ накинулась на меня да хлясть объ это мѣсто! Я ей кротко: „спасибо!“ Она еще. Я еще кротче: „Христосъ тебя благослови“. Опомнилась: „ты что,“ говоритъ, „смѣешься надо мной?“ —„Нѣтъ, благодарю, потому Господь черезъ тебя кротости меня учитъ...“ Посидѣла она посидѣла, да какъ побѣлѣетъ, да какъ ударится о-земь и давай плакать. Ну, тутъ стали мы плакать вмѣстѣ и такъ душерадостно, истинно въ сердцѣ обрѣли обильнѣйшіе источники слезъ, омывающихъ въ жизнь вѣчную... „Я потерянная“, кричитъ она и головой о камень.— „Что же,“ говорю, „ты—*потерялась*, анъ глядишь Богъ-то тебя и обрѣтетъ.“ — „Я недостойная“... — „Для людей,“ говорю, „можетъ и недостойная, а у Господа Своя мѣрка на все... Коли бы недостойная была, не послалъ бы Онъ тебѣ и плача покаяннаго...“ Притихла... Стали мы съ ней молиться — ну совсѣмъ какъ въ кельѣ точно, мирно и богобоязненно. А утромъ за ней ея хозяйка пришла и тоже добрая оказалась, на монастырь пожертвовала и квартальнаго офицера увспросила отпустить меня. Онъ тоже добрый вышелъ: „что̀,“ говоритъ, „съ нея взять, гоните ее старую дуру въ три шеи отсюда.“ И выгнали. Такъ вотъ, мать, въ какихъ видахъ иной разъ правда-то себя оказываетъ.

— Вы всегда здѣсь у Казанскаго собора?

— Всегда, мать, всегда. Послушаніе мое такое чтобы стоять здѣсь.

— Зашли бы когда чайку попить ко мнѣ.

— Вечеромъ развѣ... Только зачѣмъ утруждаться тебѣ, голубка, сёмъ-лучше такъ когда побалакаемъ.

— Нѣтъ, приходите. Я сама въ монастырѣ выросла. Мнѣ пріятно...

— Ну, коли не гнушаешься, Христосъ тебя спаси... Я приду.

И дѣйствительно, какъ отошли вечерни — пришла... Помолилась, оглядѣлась и обмерла.

— Это образа-то все... недоумѣвала она,—торгуешь ими что-ли?..

— Нѣтъ, я сама пишу.

— Сама. Ишь какъ Господь-то тебя умудрилъ, хорошо! Только, вижу я, не духовнаго, а свѣтскаго писанія. Это что̀ же за мытарь такой? ткнулась она на неаполитанскаго pifferaro.—Гусляръ, по нашему... Тоже, мать, и у нихъ жизнь, будемъ правду говорить, горькая... А это?.. Небо-то ужь больно синее, должно краски не жалѣла, во всю пустила; ну да коли деньги есть, чего жь ее жалѣть... Пущай играетъ краска-то... А мужъ-то твой?..

— Спитъ онъ тамъ. Боленъ. Да сегодня ему лучше. Вотъ встанетъ, познакомлю.

— Хорошій онъ у тебя?

— Да. Только недужится ему, глаза у него.

— Недужится, авторитетно перебила монахиня, — это отъ Бога, и глаза отъ Бога. Онъ, братъ, милостивый по Своему учитъ. Ты думаешь вонъ куда вознестись, хвостъ-отъ трубой пустила, а Онъ тебѣ: на семъ самомъ мѣстѣ стой, опамятуйся... За Нимъ не послѣдишь, какъ Онъ Себя, Господь-то объявитъ...

— Ты что жь это, на продажу, что-ли? тянулась она опять къ интересовавшимъ ее картинамъ.

— Пока нѣтъ еще... улыбалась Вѣрочка.

— А ты попробуй, къ маклакамъ-то толкнись, одинъ у меня на рынкѣ есть знакомый. Сестра его у насъ въ обители. Онъ, если я ему поговорю, пожалуй купитъ. Ему тоже надо... При мнѣ малявки эти носили ему образа свѣтскаго писанія. Ну, онъ которымъ по пятишницѣ, а овымъ и по красненькой платилъ. Онъ щедёръ... Тоже у меня и купчиха есть, нашему монастырю благодѣтельница, ну та насчетъ котовъ больше. Коли малявка кота ей напишетъ, сейчасъ ему деньги рука въ руку, а кота на стѣну. У ей честь котамъ-то... Что жь и по Писанію такъ, сказано: „блаженъ иже и скоты милуетъ“, а вотъ что, мать,—и на лицѣ у простодушной инокини появилось хитрое, дѣловое выраженіе, — ты и иконы можешь?

— Могу.

— Ну вотъ, благодарю! Какъ тебя Господь-то умудрилъ!..—и она замотала головой и губы сжала.— И настоящія можешь, какъ слѣдуетъ—въ храмахъ Божіихъ.

— Какъ же... Отчего же, я много такихъ писала.

— Что̀-бы тебѣ насъ, скудныхъ и убогихъ, облагодѣтельствовать?.. а? Что̀-бы въ самомъ дѣлѣ!

И вдругъ мать Парѳенія поднялась и положила передъ смущенною Вѣрочкой земной поклонъ.

— Что вы, что вы, матушка...

— Это я тебѣ не отъ себя, недостойная, а ото всей обители значитъ вкупѣ. Вишь ты горе какое—занадобился намъ запрестольный образъ. И желаемъ мы Христа возносящагося во всей славѣ Его... Ну, по письму матушки-игуменьи розыскала я тутъ одного малявку, сказываютъ—надежный онъ. Генералы и тѣ его уважаютъ. Пришла. Сначала думалъ онъ—я за подаяніемъ, гнать было хотѣлъ. Ну, я объяснила что̀ и какъ, смиловался. Ласковымъ сталъ. Ипостасный господинъ, гордый, ну вотъ какъ въ Писаніи, Сарданапалъ совсѣмъ. Что жь бы ты думала, выслушалъ онъ меня до конца, потомъ сталъ этакъ головой мотать. „А что,“ говоритъ, „вашъ монастырь богатъ?“—„Нѣтъ“, я то ему, „не для денегъ, а для Бога старайся.“—„Ладно,“ говоритъ, „мать, я и безъ тебя-то Бога самъ чудесно помню,

а только Богъ Богомъ, а деньги деньгами.“ Ну я прихилилась, извѣстно свой антирецъ держу; вижу, мужчина—жамокъ, все твое сокровенное прозираетъ и своего профиту не упуститъ. Прихилилась я, прихилилась и всплакнула даже, для Бога-то не грѣшно, знаешь. „Бѣдная,“ говорю, „господинъ ты нашъ милостивый, наша обитель, ой какая бѣдная! Когда разрѣшеніе вина и елея — у насъ ни вина, ни елея, все на сухоядѣніи сидятъ-то.“ Что жь бы ты думала: и нисколько онъ сими моими словесами не тронулся, а засмѣялся и точно изъ ружья въ меня: „три тыщи, а менѣе ни копѣйки“. Сижу я, мать, глазами хлопаю, а душенька-то во мнѣ такъ и торпыхаетъ. Ну вотъ все едино что овечій хвостъ. Хочу сказать—уста безмолвствуютъ. Точно что зеленое передо мной ходитъ, зеленое и съ искрой... Ну только во благовременіи опамятовалась, спрашиваю: „Въ умѣ-ли ты, господинъ, экое ты слово сказалъ! Я двадцать семой годъ съ книжкой у папертей стою, собираю, во хладѣ и гладѣ и наподобіе былія стихіями застигнутаго, а и то еще трехъ тыщь не собрала на обитель нашу, благослови тебя Христосъ!“— „Это,“ говоритъ, „какъ вамъ угодно... А я дешевле не беру.“—„И для Бога?“ спрашиваю. „И для Бога“, отвѣтствуетъ... Ну увидѣла я тутъ жестоковыйство его и прочь пошла... Въ дверяхъ оглядываюсь. „Что жь,“ говорю: „ужли краска такъ дорога?“—„Да, и краска не дешевая.“ А у меня москательщикъ тутъ знакомый, тоже благодѣтель нашъ. Сёмъ, я думаю, краску-то ему пообѣщаю даромъ. „Ну, а коли,“ спрашиваю, „краска моя пойдетъ?“ Засмѣялся онъ: „Идите, идите,“ говоритъ, „матушка, что тутъ пустое съ вами растабарывать... Сказана вамъ моя цѣна и знайте...“ Пообѣщала я ему вѣчное поминовеніе, сорокоусты — и слушать не желаетъ. Самъ и дверь за мной заперъ... Что̀ бы вы вотъ, мать, для нашей обители потрудились, а?.. И намъ бы хорошо, и вамъ для души?—И она, зорко воззрясь на Вѣру, еще разъ отдала ей земной поклонъ.—Ты вотъ что̀, благодѣтельница наша. Дай обѣтъ теперь Богу, если Онъ по нашимъ молитвамъ исцѣлитъ мужа-то твоего, такъ запрестольный образъ намъ безо всякаго значитъ антирецу, а я завтра отпишу матери Антонидѣ, чтобы начали за него молебны служить. Какъ зовутъ-то?.. Александромъ... Ну вотъ, будь спокойна. Такъ по рукамъ значитъ?

— По рукамъ... улыбалась Вѣрочка.

— И слава Господу! Мать Антонида-то обрадуется. Подумай какая польза обители! перешла она въ добродушный и откровенный тонъ. — Послѣ я совѣтовалась съ разными господами. Ну всѣ въ одинъ голосъ: „меньше полуторыхъ тыщь не получишь, мать, образа-то“. А я даромъ съ тобою-то обладила; ты *по усердію* своему, а обитель приметъ *по убожеству* во спасеніе... И ахъ какъ хорошо теперь вышло-то...

И мать Пареенія съ удвоеннымъ апетитомъ принялась за чай.

Александръ Петровичъ весь этотъ день чувствовалъ себя особенно скверно. Заснулъ и проснулся со всѣми своими недугами, съ головною болью сверхъ того... Онъ долго лежалъ не шевелясь, въ головѣ стучало, какое-то отчаяніе охватывало душу. Сталъ думать о своихъ начатыхъ работахъ — еще хуже. Да полно, кончить-ли еще онъ ихъ когда-нибудь?.. Тьма кругомъ давила его. Точно какая туча обнесла, въ которой онъ задыхался. Воздуху не хватало. Душно, скверно...

— Вѣра! раздражительно крикнулъ онъ.

Изъ той комнаты, гдѣ была его жена, доносился до него шумъ голосовъ.

— Что у тебя за сборище такое? недовольно проговорилъ онъ. — Сама знаешь, я боленъ, а ты Богъ знаетъ какой народъ принимаешь.

— У меня монахиня, мать Пареенія...

— Изъ твоей обители?..

— Нѣтъ...

— Гдѣ жь ты съ ней познакомилась?

— Въ Казанскомъ соборѣ...

— Не на паперти-ли? Этого еще недоставало. Что ты купчиха что-ли? Заведи еще странницъ да странниковъ и сиди съ ними цѣлые дни. Совсѣмъ невозможно... Пожалуйста прогони ее вонъ. Что̀ это, покоя дома нѣтъ. Моя квартира не страннопріимница какая-нибудь... Всякую шваль...

— Опомнись, Саша...

— Чего мнѣ опомниться!..

И онъ разомъ взбѣсился и голова заболѣла хуже, и глаза словно жгло что-то.

— Чего мнѣ опоминаться! Опомнись ты, я у себя хозяинъ кажется и могу жить какъ я хочу, по моему собственному вкусу. Это чортъ знаетъ что̀ такое. Силъ никакихъ нѣтъ. Я на тебѣ, а не на всѣхъ женскихъ монастыряхъ Россійской Имперіи женился...

Онъ накинулъ на себя платье и вышелъ.

Мать Пареенія встала и низко ему поклонилась.

— Здравствуйте... Отпили чай?

— Отпила, господинъ милостивый, отпила...

— Ну и прощайте... Семенъ!.. Покажи дорогу... И запахъ чортъ знаетъ какой... Отвори пожалуйста форточку.

Мать Пареенія схватилась, заторопилась, выронила книжку свою...

Вѣрочка бросилась къ ней.

— Простите, матушка.

— Богъ проститъ... Богъ проститъ... суетилась та.— Богъ проститъ...

А сама во всѣ ноги торопится на лѣстницу.

— Простите пожалуйста, чуть не плакала Вѣрочка, хватая ее за руку и цѣлуя.

— Что ты, мать, что ты... нешто я что̀? Господи всеблагій!.. Да я...

— Видите сами, больной онъ... Злой поэтому, а то онъ у меня добрый. Теперь на себя не похожъ.

— Ну, вотъ... и добродушное лицо матери Пареенія опять расцвѣло.—Да ты не сокрушайся, я ужь пріобыкла къ этому. Купцы меня и не такъ еще травили; у нихъ для этого особыя такія собачки заведены. Вѣрныя собачки, своимъ господамъ нелицемѣрные слуги. Ну такъ они меня самыми этими собачками... А это что̀... Не желаетъ и только — благородно, по деликатному. А ты на него смотри не ропщи. Это тебя Господь испытуетъ. Слава Ему! Вернешься, какъ будто и не случилось ничего. Подойди, приласкай его. Ну у него сердце-то и отойдетъ. И тебѣ хорошо, и дьяволу что смущаетъ его—непріятность...

— Такъ вы не сердитесь?

— Чего же сердиться. Мнѣ обида-то во спасеніе... А только ты насчетъ запрестольнаго образа помни — обѣтъ дала. Я сегодня отпишу.

— Хорошо... Считайте что онъ уже у васъ.

— Ну, спаси тебя Богородица!..

И она снизу перекрестила Вѣрочку...

XIII.

Ряднову не долго удалось сохранить свое возвращеніе въ тайнѣ.

Какой-то знакомый увидѣлъ его на улицѣ и проговорился объ этомъ репортеру. Репортеръ, немного отощавшій послѣ закрытія Аркадіи и Ливадіи, обрадовался и полетѣлъ въ редакцію, при чемъ сообщилъ не только о возвращеніи „нашего извѣстнаго, геніальнаго“, но и описалъ при этомъ цвѣтъ и покрой платья, въ которомъ тотъ вернулся, количество багажа бывшаго съ нимъ и, главное, число новыхъ картинъ „его божественной кисти“. Распалившаяся фантазія скромнаго служителя прессы, дойдя до „божественной кисти“, понеслась впередъ закусивъ удила безъ удержу.

Чтеніе завѣщанія. Картина О. Эрдмана, грав. Бонгъ.

— Позволите описать и картины г. Ряднова? обратился онъ къ редактору.

— А вы ихъ видѣли? сомнительно протянулъ тотъ.

— Видѣлъ!.. не сморгнулъ даже репортеръ.

— Врете вѣрно все... Ну да ничего, валяйте. Только смотрите въ общихъ чертахъ, а то пожалуй влетитъ. Еще опроверженіе вызоветъ.

У репортера даже подъ ложечкой заныло. Онъ описалъ самыя картины, мѣста гдѣ „нашъ несравненный“ создавалъ ихъ. Кстати развернулъ „Русскій энциклопедическій словарь“ и столбца на полтора прибавилъ „Рима“ и „Неаполя“, подъ конецъ ввернулъ легенду о томъ какъ Рибейра грабилъ въ послѣднемъ итальянскихъ мастеровъ. И „преподнесъ.“ Редакторъ сосалъ сигару и читалъ съ одобреніемъ. На другой день замѣтка появилась на видномъ мѣстѣ, и Александръ Петровичъ, чувствовавшій себя сегодня нѣсколько лучше, не успѣлъ еще окончить завтрака, какъ къ нему влетѣлъ запыхавшійся и лучезарный „Киръ-царь-Персидскій“.

— А, обрадовался ему Рядновъ, — вы это какъ узнали?

— Сегодня въ газетахъ о васъ.

— Ну? заинтересовался художникъ. — Что̀ же тамъ? Надѣюсь, не бранятъ?

— Понятно — всѣ прилагательныя на лицо: и божественный, и геніальный, и проч., и проч., и проч.

— Я, знаете, не обращаю вниманія на это, величественно по привычкѣ уронилъ Рядновъ. — Пусть пишутъ.

— Да, да. А гдѣ жена ваша?

— Вѣра! позвалъ ее Рядновъ, чувствовавшій себя виноватымъ послѣ вчерашней сцены съ монахиней, виноватымъ тѣмъ болѣе, что жена ни однимъ словомъ не дала ему понять этого. Такъ же ровна и ласкова была. — Вѣра, „Киръ-царь-Персидскій“ пришелъ.

— Это вы меня? напыжился Дороцкій.

— Да.

Вѣра радушно съ нимъ поздоровалась, при чемъ онъ сдѣлалъ меланхолическіе глаза, вздохнувъ, подержалъ ея руку въ своей на секунду дольше чѣмъ слѣдовало бы, потомъ, словно отрывая что-то отъ сердца, опустилъ ее и взбилъ свою шевелюру.

— Ну, что̀ вы писали за это время? весело спросила она у него.

— Я... ничего... Страдалъ молча.

— Боленъ былъ? обратился къ нему Александръ Петровичъ.

— Да, обрадовался тотъ случаю. — Тутъ, знаете, въ сердцѣ... У меня вѣдь аневризмъ... Я умру разомъ... Отличная смерть, все неудобство не для меня, а для окружающихъ. Бацъ и готовъ!

Онъ зажмурился. Представилъ себя умирающимъ и самъ расчувствовался. Когда онъ открылъ глаза, на нихъ были слезы.

— Что̀ съ вами? участливо заговорила Вѣра. — Вы въ самомъ дѣлѣ не хороши.

— Я знаю и не боюсь...

И потомъ точно въ раздумьи продекламировалъ, по обыкновенію совравъ:

И только гробъ его увидя —
Какъ сильно чувствовалъ поймутъ
И какъ любилъ онъ, ненавидя!...

— Да, братъ, ты и на видъ плохъ! покачалъ головой Рядновъ, хорошо понимавшій Кира.

Тотъ бросился къ зеркалу и струсилъ, самъ себѣ показавшись блѣднымъ. Даже языкъ высунулъ. Его привелъ въ себя только смѣхъ Александра Петровича.

— Ну, у васъ, у художниковъ, всегда глупыя шутки.

Потомъ съ разсѣяннымъ видомъ подошелъ къ картинамъ разставленнымъ на мольбертахъ.

— Эге-ге-ге... да это все новенькое... Великолѣпно, удивительно!.. Восторгъ... Это просто,—и онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, — ну, Александръ Петровичъ, да вы давно такими образцовыми произведеніями не дарили насъ. За послѣднія десять лѣтъ я ничего у васъ не помню подобнаго этому...

Еслибъ онъ обернулся къ Ряднову, его болтливый языкъ навѣрное прилипъ бы къ гортани. До того тотъ сдѣлался мраченъ.

— Да, да... разливался Киръ-царь-Персидскій. — Поздравляю, отъ души поздравляю... Ну куда имъ, молодымъ, сравниться съ этимъ... И не сравниться даже, а только подойти... Никогда. Ничего подобнаго. Знаете это мнѣ напоминаетъ первую вашу выставку, когда вы сразу сдѣлали себѣ такое колоссальное имя. Потомъ вы, злодѣй этакій, хуже стали работать. И это замѣтили, но теперь, теперь всѣ признаютъ что вы до подобной высоты и не доходили еще... Удивительно!

Вѣра въ это время выходила изъ комнаты. Она вернулась, чтобы услышать недовольный и мрачный голосъ своего мужа.

— Чего вы раскудахтались!.. Это вовсе не мое. Я ничего кромѣ тѣхъ первыхъ эскизовъ не сдѣлалъ. Это все работы моей жены.

„Киръ“ растерялся; онъ потоптался на мѣстѣ, безпомощно посмотрѣлъ по сторонамъ и опять принялъ глубокомысленный видъ.

— Ну, это понятно, ваша школа на всемъ видна. Великолѣпно... Какая манера!—вы передали ей вашъ священный огонь... О, вы должны гордиться! Очень гордиться...

— Что объ насъ толковать, желая отвести его въ сторону сказала Вѣра, — вы бы прочли свое что-нибудь. Мы такъ давно не слыхали хорошихъ стиховъ.

— Да у меня право ничего нѣтъ... слабо отбивался онъ, оглядываясь на Ряднова, не попроситъ-ли и тотъ его.

Но Рядновъ хмуро молчалъ.

— Пожалуйста, умоляла его Вѣра. — И Александру Петровичу интересно будетъ...

— Ну, если Александру Петровичу... то... пожалуй... Это, знаете, рисуетъ состояніе души моей...

Волосамъ досталось опять; взлохмативъ ихъ достаточно для того чтобы казаться вдохновеннымъ, онъ вышелъ на середину комнаты и началъ:

Нѣтъ — я извѣрился! Надеждою безплодной
Душа не тѣшится... Поблекнули мечты.
Такъ поздней осенью туманной и холодной
Съ вѣтвей увядшіе уносятся листы...
Идетъ зима опять... Опять завоетъ вьюга,
И будетъ жизнь моя беззвучна и тёмна.
Вы рано сорваны, живыя розы Юга,
Ты рано отошла, души моей весна!..
Я вѣрилъ...

Тутъ онъ обернулся къ Вѣрѣ Васильевнѣ и повторилъ:

Я вѣрилъ, что меня она полюбитъ страстно,
Что чувство жаркое въ ея душѣ живой
Могучимъ полымемъ раскинется и властно
Охватитъ жизнь ея... Что объ руку со мной
Она пойдетъ туда, гдѣ солнцемъ незакатнымъ
Насъ слава вѣчная таинственно манитъ,
Въ тотъ міръ великихъ дѣлъ, гдѣ вихремъ благодатнымъ
Борьба все спящее и мертвое живитъ.

Лицо поэта сдѣлалось мрачнымъ, онъ приподнялся наноскахъ и простеръ руку впередъ.

Одинъ, всегда одинъ, не тратя даромъ силы,
Не вѣря никому, я росъ какъ великанъ,
Хотѣлъ заставить жить безмолвныя могилы,
У ногъ своихъ (перстъ внизъ)—смирить могучій океанъ,
Изъ камня выдавить души горячей слезы,
Въ позорной слабости титановъ воскрешать,
Не вѣря небесамъ — заставить даже грозы
Передъ людской грозой покорно замирать...
Была рука крѣпка и сердце было твердо...
Обманутый — въ себя я вѣры не терялъ...
Осмѣянный людьми — презрительно и гордо
Упорно шелъ впередъ и выи не склонялъ.

Бросалъ я вызовы—въ отвѣтъ на оскорбленья,
Молчалъ на клевету и не искалъ друзей,
И одинаково я полонъ былъ презрѣнья
Къ безсилію рабовъ и къ злобѣ палачей...

Ряднов не слушалъ его. Онъ посмотрѣлъ какъ-то на Вѣру, и его поразилъ страдальческій видъ жены. Онъ вспомнилъ все послѣднее время, вчерашній день, подумалъ какъ она должна была мучиться, и вмѣстѣ съ сознаніемъ своей неправоты, что-то грустное прокралось въ его ожесточившуюся душу. Пока Киръ-царь-Персидскій декламировалъ, вращая глазами и пучась, Александръ Петровичъ мысленно клялъ себя и невольно умилялся передъ долготерпѣніемъ своей жены. Такая молодая, талантливая, красивая... такъ любитъ его... а онъ?.. И художникъ поймалъ руку жены и тихо пожалъ ее. Вѣра вздрогнула, посмотрѣла на него благодарно и чуть-чуть прижалась къ его плечу своимъ.

— Ну, а дальше? вдругъ развеселился Рядновъ.

— Какъ вы находите это? мрачно спрашивалъ поэтъ.

— Великолѣпно! поддержала его Вѣрочка.

— Великолѣпно, да? И это говорите вы... вы, которая... Развѣ вы можете понять что каждый звукъ этихъ стиховъ, капля за каплей точился кровью изъ моего сердца!.. И вы... вы...

Онъ отчаянно помоталъ головой, отмахнулся рукой, подошелъ къ окну и прижался къ его стеклу какъ будто пылающей головой.

— Вы насморка не боитесь? спросилъ его Рядновъ.

— А что? отскочилъ Киръ.

— Такъ... Именно такимъ образомъ простуживаются.

Киръ-царь-Персидскій потрогалъ себя за носъ, точно желалъ убѣдиться: на мѣстѣ-ли онъ.

— Ну, а дальше? приставала къ нему Вѣра.

— Дальше?.. Зачѣмъ смущать вашъ покой! Дальше разсказывается трогательная, но къ сожалѣнію обычная исторія, какъ поэтъ полюбилъ... Какъ его избранница вышла за другаго и уѣхала, а онъ остался одинъ, одинъ съ своей тоской... Да, одиночество — удѣлъ великихъ... Тотъ кто хочетъ оставить свой слѣдъ въ исторіи человѣчества, долженъ выстрадать сначала и быть одинъ, одинъ, одинъ...

И онъ вдругъ всталъ въ третью позицію. Носки врозь и локти фертомъ — вотъ-вотъ сейчасъ пустится выдѣлывать четвертую фигуру кадриля.

И вотъ разбито все любимою рукою,
Надъ нами въ небесахъ не грянула гроза...
А твой алтарь въ пыли... Нѣтъ Бога надо мною,
Не свѣтятъ мнѣ твои прелестные глаза.
Опять я одинокъ. Уже не тотъ могучій
Ростетъ во мнѣ боецъ, что смѣло шелъ на бой—
Кругомъ зловѣщія все заслонили тучи,
Нѣтъ цѣли, нѣтъ пути, и тьма передо мной!..
А звѣздочка моя...

И онъ опять устремилъ меланхолическій взглядъ на Вѣру.

что ярко такъ свѣтила,
Невѣдомо куда, загадочно ушла...
За то кругомъ, грозя, ростетъ иная сила,
Бушуетъ океанъ ликующаго зла...

Вѣра посмотрѣла на мужа и чуть не фыркнула, до того смѣшливо смотрѣлъ онъ на Кира.

— Ну что, какъ?.. спросилъ тотъ у Ряднова.

— Отлично, шалопай вы этакій!.. Очень хорошо... чего лучше...

— А вы какъ находите?.. Вы, подчеркнулъ онъ, — вы, Вѣра Васильевна?

Онъ постарался придать своему голосу и лицу нѣчто внушительное.

— Да... очень... Кофе хотите?

— Кофе!—поэтъ казалось слетѣлъ съ небесъ на землю. — Кофе... Что жь, давайте пожалуй.

Онъ сказалъ это такъ трагично, точно готовился принять синильной кислоты, — рѣшительнымъ и глухимъ голосомъ.

Вѣра едва удерживалась отъ хохота.

— Со сливками или съ ромомъ?

— И со сливками и съ ромомъ...

Пропадай де все на свѣтѣ — умирать такъ умирать съ трескомъ.

XIV.

Не прошло и дня какъ сказалось посѣщеніе Дороцкаго, совершенно неожиданно для Вѣры.

Все это время Рядновъ былъ съ нею удивительно внимателенъ и добръ. Она уже думала что вернулись счастливыя времена ея пріѣзда сюда изъ монастыря и первой половины ихъ заграничнаго скитальчества. Онъ казалось забылъ самого себя, заставлялъ ее работать и готовиться къ выставкѣ. Она не хотѣла было посылать на нее своей „мазни“, какъ сама шутя говорила.

— Ну, ну! хмурился онъ. — Ты вѣдь моя ученица, слѣдовательно нечего разговаривать, дѣлай что̀ тебѣ велятъ.

— Да примутъ-ли?

— Передвижная-то?.. Нашла о чемъ спрашивать!.. Ты, кажется, о себѣ слишкомъ скромнаго мнѣнія. Я бы тебѣ не совѣтовалъ этого. У насъ надо держать носъ выше и прежде всего знать себѣ цѣну.

— Почему это?

— А потому что иначе затрутъ. А вы какъ полагали?

— Ты что̀ выставишь свое?

— Ну, нашла о комъ говорить—моя пѣсенка спѣта. Я теперь буду твоими интересами заниматься. Выставлю только послѣднія двѣ картины и баста.

Утромъ принесли газеты и положили ихъ на столикъ къ Ряднову. Вѣрочка попрежнему вставала рано и работала пока ея мужъ еще спалъ. Она дорожила солнцемъ и особенно утреннимъ. Оно будило въ ней какую-то невыразимую бодрость души. Да и шума на улицахъ еще не было, оказывалось возможнымъ писать не закрывая оконъ и любуясь въ минуты устали царственнымъ силуэтомъ Исаакія, такъ величаво выдѣлявшимся на блѣдномъ фонѣ сѣвернаго неба, и чахлою зеленью Сѣвера, хотя и не напоминавшею садовъ Капри и Сорренто, но все-таки составлявшею веселое пятно среди каменнаго великолѣпія окружавшихъ ее громадъ. Такъ и сегодня она сѣла дописывать небольшую картину, начатую еще въ Италіи. Она, какъ и во многихъ другихъ своихъ произведеніяхъ, черпала содержаніе изъ своего прошлаго. Заслушавшейся дѣвочкѣ съ разинутымъ ртомъ и жадно раскрытыми глазенками, больная и пожелтѣвшая монахиня разсказываетъ что-то... Это Вѣрѣ удавалось. Самъ Рядновъ находилъ эту картину лучшимъ изо всего что̀ она написала.

— Ты работаешь, Вѣра? послышалось изъ той комнаты.

— Да...

— Поди-ко сюда, почитай что этотъ шалопай Дороцкій наболталъ.

— О комъ?

— О тебѣ! Хвалитъ такъ что въ слѣдующій разъ ты должна будешь по крайней мѣрѣ заплакать отъ его стиховъ и тѣмъ утѣшить бѣдное, разбитое сердце.

Вѣра вошла къ нему и пытливо посмотрѣла въ глаза мужу.

Нѣтъ и тѣни прежняго раздраженія, смотритъ спокойно, только ироническая улыбка на губахъ.

— Читай-читай.

„Нашъ извѣстный и высокоталантливый художникъ А. П. Рядновъ на-дняхъ пригласилъ насъ въ свою студію...“

— И что̀ онъ вретъ, никто не приглашалъ его, самъ навязался.

„Признаюсь, какъ и всегда, мы ожидали встрѣтить тамъ истинныя сокровища искусства, которыми такъ

часто дарилъ насъ авторъ „Ярославны на башнѣ терема“, „Петра и фрейлины Гамильтонъ“, дивныхъ этюдовъ вывезенныхъ имъ изъ Греціи и Палестины, и многихъ другихъ картинъ, которыми, какъ своимъ неоспоримымъ національнымъ богатствомъ, въ правѣ гордиться Россія. Но оказалось что великій художникъ на сей разъ пожелалъ явить и великую душу. Въ самомъ дѣлѣ, онъ точно улитка спрятался пока въ раковину и, отговариваясь болѣзнью. далъ полный просторъ своей женѣ и ученицѣ В. В. Рядновой, замѣчательный талантъ которой подъ руководствомъ мужа развернулся съ невиданною пышностью. Правду говоря, мы сильно подозрѣваемъ, что лучшими свойствами сего послѣдняго, молодая артистка обязана тѣмъ, что взяла за идеалъ своего мужа. Она старается приблизиться къ нему и надо ей отдать справедливость, это удалось ей свыше всякой мѣры. Между ея вещицами...“

— Какъ это глупо, прервалъ Ряднов,ъ — „вещица“! Серьезная работа у нихъ называется вещицами.

„Между ея вещицами есть нѣсколько напоминающихъ произведенія Ряднова въ лучшую пору полнаго расцвѣта его генія. Я думаю, онъ самъ не отказался бы подписать подъ ними свое имя Я не говорю о жизненности этихъ картинъ и глубокой наблюдательности обнаруженной въ нихъ молодою „maestra“; надо видѣть какъ онѣ написаны!.. Такъ у насъ давно не пишутъ,—тщательно, внимательно, съ полнымъ уваженіемъ къ своему дѣлу... Мы смѣло можемъ говорить и теперь уже, что какъ колористка г-жа Ряднова можетъ занять мѣсто наряду съ лучшими нашими художниками; что же касается до таланта, то она выше ихъ всѣхъ головою... Особенно хороши ея эскизы далекаго Юга, откуда она только что вернулась. Но въ этомъ отношеніи посовѣтуемъ ей не злоупотреблять пестротой красокъ умѣстныхъ тамъ и яркостью письма не соотвѣтствующаго сѣренькой нашей дѣйствительности. Закончимъ нашъ совѣтъ ей словами поэта:

Но не мѣняй на солнце Юга
Художникъ родину свою,
Есть красота въ твоемъ краю...
Улыбка робкая недуга,
Свѣтъ умирающаго дня
Равно прекрасны для меня,
Какъ пышный блескъ красы здоровой...
Останься здѣсь въ странѣ суровой,
Душою вмѣстѣ съ ней болѣй,
Не зная свѣта и свободы,
О горѣ родины твоей!..“

— Это, видишь-ли, у нихъ называется рецензія. Наставилъ восклицательныхъ знаковъ, раскудахтался, захлебнулся прилагательными—и готово. Ни недостатковъ не указано, ни достоинства твои не выдвинуты какъ слѣдуетъ. Ты кажется не особенно радуешься?

— Я нахожу это пока незаслуженнымъ.

— Ну, привыкай. Одни такъ со слѣпу и скороговоркой хвалятъ, а другіе съ пѣной на губахъ накинутся и изорвутъ въ клочки. Все, другъ мой, будетъ, все!..

Но на другой же день послѣдовала полная перемѣна декорацій.

У Ряднова были друзья и много, а также не мало значилось и враговъ, когда-то оскорбленныхъ его высокомѣріемъ или просто не выносившихъ угловатостей, присущихъ каждому большому таланту. Эти господа разумѣется воспользовались случаемъ напомнить художнику о своей враждѣ. Замѣтка Дороцкаго дала имъ для этого основательный поводъ.

Утромъ Вѣра не узнала своего мужа.

Онъ вошелъ въ мастерскую мрачный и озлобленный и, швырнувъ ей какую-то скомканную газету, только и могъ проговорить:

— Прочти.

Она сначала взглянула на него. Онъ былъ желтъ и казался измученнымъ, по лицу бѣжали нервныя судороги.

— Что случилось?

— Прочти, говорятъ тебѣ!

— Гдѣ, что̀?

— Да вотъ здѣсь, въ „Новостяхъ печати“... Отдѣлъ у нихъ такой!

Она отыскала. „Невѣдомый зоилъ“, взявъ изъ вчерашняго сообщенія Кира-царя-Персидскаго нѣсколько строкъ, сдѣлалъ къ нимъ громадное примѣчаніе „отъ себя“.

„Поняли-ли вы читатели что-нибудь въ этой обычной белибердѣ нашего прихлебателя всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ мастеровъ, которыхъ мы по свойственному намъ добродушію называемъ художниками? „„Истинныя сокровища искусства““ въ мастерской г. Ряднова. Признаемся, это сильно сказано! Очень сильно! Лиліи и розы—въ хлѣву. Можетъ быть и бываютъ, да мы-то ничего подобнаго не видывали. Г Рядновъ, сія наскоро испеченная, горячо поданная и разомъ всѣмъ пріѣвшаяся всероссійская знаменитость, созданная рекламой и для рекламы — оказывается *гордостью Россіи!* Можетъ быть это гордость г. Дороцкаго отожествляющаго себя съ Россіей. Вѣдь для поэтовъ и... законъ не писанъ. Изболтался, исписался вѣчно повторявшійся г. Рядновъ, самому ему опостылѣли его произведенія, дошелъ онъ до полной прострации — и вотъ у услужливаго диѳирамбиста является готовое оправданіе: г. Рядновъ показываетъ свою *великую душу* и прячется въ раковину. Заболѣй завтра г. Рядновъ разстройствомъ желудка — вѣроятно и въ этомъ г. Дороцкій отыщетъ нѣчто изумительное, одно изъ проявленій титанической натуры *гордости Россіи.* Попалась г. Ряднову въ руки талантливая ученица дѣйствительно, научилъ онъ ее держать кисть, а дальше, если у нея есть искра Божья, разумѣется она пошла сама — и вотъ оказывается, что сей заурядный художникъ передалъ ей тайну искусства. Изволите видѣть — она безъ него пропала бы, бѣдная. Намъ искренно жаль начинающую г-жу Ряднову. Если она даровита, то подъ такимъ руководствомъ живо утратитъ все что̀ въ нее вложено природой, а взамѣнъ пріобрѣтетъ мертвящую правильность академическаго рисунка и станетъ зализывать свои картины, какъ зализываетъ свое „божественное“ письмо г. Рядновъ, или начнетъ тщательно выдѣлывать комаринымъ носомъ миніатюры, относящіяся скорѣе къ ювелирному дѣлу, чѣмъ къ искусству. Уже и теперь, насколько мы могли сообразить изъ стихотвореній въ прозѣ неудобопонятнаго г. Дороцкаго, г-жа Ряднова грѣшитъ пестротой красокъ и яркостью, т. е. приближается къ банальному и суздальскому творчеству своего бездарнаго, не въ мѣру захваленнаго и нынѣ почти забытаго мужа. О глупыхъ стихахъ, приведенныхъ въ заключеніе своей замѣтки г. Дороцкимъ, мы не говоримъ. Онъ въ этомъ отношеніи неисправимъ и съ нимъ мы давно покончили свои разсчеты...“

— Нѣтъ, каково! точно сорвался съ мѣста Рядновъ.

— Подло, ничего больше.

— Какъ ты это спокойно...

— Да развѣ можно раздражаться этою мерзостью! Вѣдь тутъ все отъ первой до послѣдней строки грязь, личность, клевета и ложь. Кто это писалъ?

— Тоже художникъ, только изъ непризнанныхъ. Пробовалъ онъ выставлять свои картины...

— И не продолжай пожалуйста! вспыхнула Вѣра.— Я — дѣвчонка въ сравненіи съ тобой, да и то очень мало трогаюсь этими глупостями.

— Еще бы! Тебя онъ не задѣлъ...

— Полно, Александръ Петровичъ...

— Нѣтъ, знаешь, мнѣ это надоѣло наконецъ... Выбери себѣ какой-нибудь псевдонимъ и не выходи въ публику подъ моимъ знаменіемъ. Это, знаешь, и для тебя, и для меня одинаково невыгодно. Тебя будутъ

Въ кружалѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кошелева, грав. Шюблеръ.

ругать за меня, а меня, желая уязвить, постоянно будутъ укорять тобою...

— Какъ хочешь, покорно вздохнула она.

— Да чортъ возьми, не вздыхай ты пожалуйста, не играй роль жертвы... Что касается меня, то теперь докторовъ къ чорту! До выставки остается два мѣсяца съ половиной и даже всѣ три. Я успѣю кончить начатыя картины. Посмотримъ, кто кого... Меня, видите-ли, *забыли*! Я „бывшій“ художникъ, ну такъ я имъ напомню о себѣ. Съ сегодняшняго же дня за работу!..

— Послушай, побереги себя... свои глаза.

— Вотъ-вотъ... предоставь право тебѣ одной блистать... Г-жа Ряднова—затмившая своего мужа, г-жа Ряднова — ученица перещеголявшая своего учителя.

— Какъ тебѣ не стыдно!..

— Какъ *вамъ* не стыдно, Вѣра Васильевна! Вы всѣмъ обязаны мнѣ, да, всѣмъ. Если бы не я — вы бы до сихъ поръ кисли у себя въ монастырѣ, въ прекрасномъ обществѣ моей сестрицы, приснобдаженной матери Серафимы и старыхъ дуръ, выжившихъ изъ ума. И вы еще смѣете меня укорять, указывать, что́ я долженъ дѣлать! Нѣтъ, довольно. Слишкомъ много я забывалъ себя для васъ, показывая свою великую душу, по выраженію Дороцкаго. Теперь attendez. Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ. И вотъ что́—эта мастерская съ нынѣшняго дня нужна мнѣ. Вы для работы наймите старую вашу комнату у Марьи Францовны внизу. Такъ мы другъ другу мѣшать не будемъ. А впрочемъ, если вамъ это неудобно, то я возьму, и буду ходить туда писать... Я, видите-ли, только привыкъ къ *моей* мастерской. Что́ дѣлать, у насъ, у старыхъ, у забытыхъ художниковъ свои капризы!

— Хорошо, Саша, я сейчасъ пойду и распоряжусь.

— Отлично! Свои картины перенесешь туда. И тебѣ, и мнѣ удобнѣе будетъ такъ.

Глотая слезы, Вѣра вышла вонъ и войдя въ спальню опустилась на колѣна передъ образомъ Черниговской Богоматери, которымъ ее благословили въ монастырѣ.

— За что̀, за что̀!.. только и могла проговорить она глухо рыдая и стараясь чтобы *тамъ* не услышали ее.— За что̀!..

И ей вспомнился миръ и покой обители; торжественный и важный говоръ колоколовъ, тѣнь отъ монастырскихъ стѣнъ, подъ защитой которыхъ стоитъ ея домикъ; тишина и мистическая тайна стараго храма, черные силуэты добрыхъ бабушекъ,—какъ далеко теперь все это, какъ далеко!..

— Что это?.. вошелъ ея мужъ.—Драматическое представленіе съ колѣнопреклоненіемъ?.. Вы знаете, я боленъ — если возможно, избавьте меня отъ этого...

Вѣра поднялась и вышла вонъ, не отвѣтивъ ему ни слова.

На этотъ разъ она была оскорблена. Она молилась о немъ когда онъ вошелъ къ ней.

Марья Францовна внизу обрадовалась.

— Я знала!.. Мастерская вашего мужа слишкомъ мала для обоихъ. Вы мнѣ позволите вынести отсюда лишнюю мебель... Вамъ для работы она не нужна. Свѣта вамъ будетъ здѣсь вдоволь.

И къ вечеру Вѣра устроилась.

(Продолженіе будетъ).

Стихотворенія

Кн. Д. Н. Цертелева.

I.

Бывало, вечеромъ въѣзжаю одиноко,
Зимой, въ глухой, уѣздный городокъ;
Соборъ, ряды, правленье видны издалека,
Потомъ управа и острогъ.

Безлюдно все кругомъ—ни говора, ни шума;
Не слышно въ голыхъ ветлахъ и грачей,
И окна черныя всѣ смотрятъ такъ угрюмо
На снѣгъ пустынныхъ площадей;

Но вдругъ и площади, и улицу, и зданья
Огонь волшебный разомъ озаритъ,
И городъ вспыхнетъ весь отъ яркаго сіянья,
И каждое окно горитъ...

А за лѣсомъ заря, блѣднѣя, догораетъ,
Все ѹже, ѹже алая черта,
И вмѣстѣ съ ней бѣжитъ, скользитъ и угасаетъ,
Заемной жизни блескъ и красота.

II.

Смеркается; знакомыми полями
Подходитъ поѣздъ къ станціи; лѣсокъ
И мельница за прудомъ и кустами...
Еще минута—и звонокъ!

А тройка ждетъ уже — тревоги, горе,
Забыто все, и хочется скорѣй
Уйти и потонуть въ нѣмомъ просторѣ
И тихомъ сумракѣ полей.

III.

Да, пламя жгучее въ груди не угасаетъ...
Его минутный яркій блескъ исчезъ,
Пылающимъ костромъ оно не озаряетъ
Кровавымъ заревомъ луга и лѣсъ,

Ночь надвигается все ближе и чернѣе,
И въ искрахъ дождь не брызжетъ золотой;
Но угли жаркіе лежатъ на сердцѣ тлѣя,
Пока не станутъ пепломъ и золой.

IV.

Когда поднимается туча средь блеска дневнаго
И вдругъ надвигаются холодъ и тѣнь,
Не бойся—гроза пронесется безслѣдно и снова
Заблещетъ весенній сверкающій день.

Пускай безпощадно тебя увлекаетъ и тянетъ
Бездонная пропасть промчавшихся лѣтъ,
Пусть ночь непробудная грозно въ лицо тебѣ глянетъ —
Не бойся, и *тамъ* загорится разсвѣтъ.

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Продолженіе).

— Изъ вашей рѣчи вытекаетъ, что ваши отношенія къ покойной графинѣ были настолько же тяжелы, какъ и дурны, сказалъ я, — впрочемъ, оно и не могло быть иначе.

— Не перетолковывайте того, что́ я говорю, твердо возразила она.—Я постараюсь ихъ характеризовать краткими словами. Во время ея, пожалуй хоть нервной, болѣзни, графиня возненавидѣла меня безъ причинъ. Впослѣдствіи, когда горе стихло, она продолжала относиться ко мнѣ враждебно, горько попрекая меня тѣмъ, что, въ ущербъ ея правамъ, я завладѣла исключительною любовью ея сына.

— Конечно и это также было напрасно?

— Съ ея точки зрѣнія—нѣтъ. Но сердце не машина, имъ управлять нельзя. Странная, молчаливая, вѣчно-тоскующая мать, помимо своей воли, порой отталкивала беззаботнаго, умнаго, живаго мальчика.

— И при взаимодѣйствіи враждебныхъ вліяній, полное отчужденіе легко достигалось?

Она съ невыразимою грустью покачала головой.

— Право, несправедливо на меня одну взваливать всѣ тяжелыя явленія въ этомъ домѣ! Georgy не далеко; въ вашей волѣ

опросить и его. Подучить я не успѣла. Истина неподкупна въ устахъ младенца. Онъ одинъ въ состояніи разсѣять ваше предубѣжденіе.

Изъ самоувѣренности ея тона я заключилъ, что мальчикъ не иначе смотритъ на все, какъ ея глазами, и что всякая очная ставка лишь укрѣпила бы за ней очевидное преимущество.

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ высказаться вполнѣ насчетъ вашихъ отношеній къ покойной?

— Столкновеній или стычекъ, даже самыхъ мелкихъ, между нами никогда не было. Я сошлюсь на Miss Maxwell и всѣхъ остальныхъ домашнихъ. Но тѣмъ не менѣе, она, безпредѣльно добрая ко всѣмъ, ко мнѣ одной относилась свысока, избѣгая подарить меня простымъ словомъ. Я все сносила покорно, какъ заслуженную кару сознаваемаго преступленія, а между тѣмъ хорошо знала, что не ревность и не оскорбленное самолюбіе руководили ею. Она вышла замужъ не любя графа, изъ-за какихъ-то восторженныхъ бредней, измышленнаго самоотверженія ради семьи, и скоро худо-скрываемая холодность уступила мѣсто раздражительному пренебреженію. Впрочемъ, для этой сложной натуры человѣческія увлеченія навѣкъ остались мертвою буквой. Она сердце свое дробила всѣмъ страждущимъ, щедротами такъ и сыпала вокругъ себя, а всѣ близкіе: мужъ, сынъ, братъ, даже сестры, неоспоримо, въ извѣстной степени, пострадали отъ нея. Она стремилась къ ихъ благу по своей мѣркѣ, а не въ силахъ была совладать ни съ жизнью, ни съ волною страстей. Конечно, не мнѣ судить о ней, смиренно заключила она, опуская глаза долу.—Теперь, въ лучшемъ мірѣ, она ясно можетъ читать въ моихъ помыслахъ и убѣдиться, что постоянно проявляемое мною уваженіе было не лицемѣрною маской, а молчаливою данью хотя и грѣшнаго, но сокрушеннаго сердца!

Эти слова звучали такимъ искреннимъ порывомъ, что я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Она уловила этотъ взглядъ.

— Да, эта аномалія васъ поражаетъ. Вы не можете такъ быстро отречься отъ надежды отыскать во мнѣ одну изъ нравственныхъ причинъ ея смерти, а никто сильнѣе меня не потрясенъ этимъ ужаснымъ эпилогомъ; никто, навѣрное, искреннѣе меня не оплакиваетъ ея безвременную кончину. Какъ въ былое время я не задумалась бы бѣжать на край свѣта, еслибы мое исчезновеніе могло водворить согласіе у разбитаго домашняго очага, такъ точно и нынѣ я съ восторгомъ отдала бы свою бурную жизнь, чтобы предохранить ея мирные дни, въ сознаніи что на вѣсахъ Всепрощающаго Судіи эта жертва послужила бы мнѣ искупленіемъ!

Несмотря на мистическое возбужденіе, преобразившее ея страстный взоръ, эта выходка положила конецъ минутному колебанію. Она хватила черезъ край, и достаточно было припомнить нѣмую сцену нашей случайной встрѣчи, чтобы оцѣнить по достоинству ея дешевое краснорѣчіе.

Соображая, какъ перевести допросъ на другую почву, я разсѣянно спросилъ:

— За это послѣднее время не послѣдовало-ли ухудшенія въ вашихъ отношеніяхъ къ графинѣ? Случай или обстоятельства не сводили-ли васъ ближе?

— Напротивъ, живо возразила она.—До васъ вѣроятно дошло извѣстіе о благотворной перемѣнѣ совпадающей съ нашимъ пріѣздомъ въ Элворазъ. Она даже и на мнѣ отразилась. Обращеніе графини со мною стало мягче. Я до того дорожила этимъ снисхожденіемъ, что всячески старалась стушевываться передъ нею. Miss Maxwell сопровождала Georgy при ежедневныхъ вечернихъ посѣщеніяхъ. Вотъ уже три недѣли, что моя нога не переступала порогъ ея покоевъ. Это всѣ знаютъ, всякій подтвердитъ.

Она привела эту ничего не значущую подробность съ такою горячностью, невольно напирая на нее, что мнѣ взбрела на умъ чуткость подсудимаго, предугадывающаго опасность и старающагося заблаговременно выгородить свою личность.

— Мнѣ любопытно было-бы узнать, чему вы, по собственному наблюденію и выводу, приписываете самоубійство графини Клемецкой?

— Какъ чему? Вѣдь это яснѣе дня—внезапной вспышкѣ стараго недуга. И къ тому-же—примѣръ Корина. Покончить съ жизнью изъ-за какихъ-то двухъ тысячъ рублей, когда графъ ежегодно тратилъ въ четыре раза больше на ихъ содержаніе, и ужь конечно его злѣйшіе враги не попытаются упрекнуть его въ разсчетливости. Тогда, въ Петербургѣ, всѣ доктора единогласно предписывали слѣдить за нею. Оказывается, что это не первый случай былъ въ семьѣ. Гнетущая, безпричинная меланхолія несомнѣнно можетъ довести до мономаніи самоубійства даже и помимо наслѣдственности. Какъ иначе объяснить суевѣрный страхъ, внушаемый братнинымъ пистолетомъ, и непреодолимую потребность держать его всегда передъ глазами? Ничья рука не смѣла до него прикасаться. Мнѣ во всей этой драмѣ сказывается грозное предопредѣленіе, которое болѣзненно тяготѣло надъ графиней. Она словно предвидѣла, что рано или поздно прибѣгнетъ къ нему.

— А можете себѣ представить, я съ перваго впечатлѣнія усомнился въ самоубійствѣ, да и теперь, признаться, плохо въ него вѣрю.

Я глядѣлъ на нее въ упоръ. Она выдержала приступъ. Слабое содроганіе въ разрѣзѣ рта едва намекнуло на душевную тревогу.

— Что-же, по вашему, ее убили?

Голосъ не выдалъ фальшивой ноты.

— Какъ-же иначе?

— Никто посторонній не могъ проникнуть въ ея спальню. И къ тому-же Варвара удостовѣряетъ, что всѣ драгоцѣнности цѣлы.

— Развѣ только на брилліанты да на деньги польстится можно?

— На что-же другое? Я, право, не понимаю, съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣтила она.

Тяжелое молчаніе длилось нѣсколько секундъ.

Отступать было поздно.

— Упроченное, блестящее положеніе, графская корона, сознайтесь, никогда вамъ не снились?

И я нарочно отчеканивалъ слова.

— Мнѣ? Мнѣ!? воскликнула она съ расширенными зрачками.—Боже Праведный! да вѣдь онъ меня подозрѣваетъ!

Негодованіе, стыдъ и мука выразились за-одно въ ея бархатномъ взорѣ. Она не опускала его, какъ-бы подчеркивая, что страхъ ей остается чуждымъ.

— Теперь вамъ всѣ шансы открыты заступить ея мѣсто; вашу энергическую натуру борьба не устрашитъ. Свѣтскія условія сломили ее, а вамъ сущая бездѣлица покорить предразсудки. Что-же вы теперь молчите? Отчего не пытаетесь опровергнуть мои подозрѣнія?

— Оттого, что я не желаю унизить себя до подобнаго объясненія. А подозрѣваете-ли вы, въ свою очередь, что меня всего болѣе занимаетъ въ настоящую минуту?

Я озадаченно поглядѣлъ на нее.

— Твердая увѣренность что я впервые въ жизни встрѣчаюсь съ вами и ясное сознаніе что вы уже предвзятымъ врагомъ переступили этотъ порогъ. Чѣмъ могла я передъ вами провиниться? Развѣ вы знали... можетъ быть любили ее?

И она повелительно-проницательнымъ взглядомъ прожигала меня.

— Я вчера вечеромъ въ первый разъ узналъ о существованіи графини Клемецкой, невозмутимо отвѣтилъ я, прибѣгая къ іезуитской лазейкѣ.

— Странно. Я было догадалась... но не объ этомъ рѣчь. Теперь я вижу ясно, что моя чистосердечность пропала даромъ. Предубѣжденіемъ начали—довершили оскорбленіемъ. Что-жь, вольному воля. Изощряйтесь въ проницательности, проявляйте настойчивость, и вамъ, можетъ статься, посчастливится обратить меня изъ свидѣтеля въ подсудимую.

Она скрестила руки на груди, и слегка приподнявъ голову, съ насмѣшливымъ, дерзкимъ выраженіемъ въ сверкавшихъ глазахъ, бросила мнѣ вызовъ.

Трогательное воплощеніе страждущей, приниженной, но любящей женщины не отуманило меня; все стараніе пропало даромъ. Она своенравно, быстро возвратилась къ своей настоящей, змѣиной натурѣ.

Къ чему долѣе лицемѣрить? Она знала, что опирается на тщательно подготовленную безнаказанность, и заранѣе предвкушала свое торжество надъ моимъ напраснымъ стараніемъ.

— Я здѣсь въ интересахъ правосудія, и совѣсть не дозволяетъ мнѣ уклониться на іоту отъ возложенной обязанности.

— Правосудіе... совѣсть... пустыя слова! возразила она запальчиво.—Имъ въ угоду безнаказанно можно оскорблять беззащитную женщину, иностранку, не задумываясь надъ отсутствіемъ малѣйшей улики.

— Вашимъ показаніемъ завершается слѣдствіе. Но я лично не буду имѣть покоя до той минуты, пока не докопаюсь до таинственнаго побужденія къ самоубійству графини. Если вы невинны, вы отъ всего сердца должны мнѣ пожелать успѣха. Это вѣрнѣйшее средство обѣлить васъ на-вѣки.

— А если виновна? вы это докажете?

— Съ Божіей помощью, спокойно отвѣтилъ я, отвѣшивая глубокій поклонъ.

Она долгимъ, недобрымъ взглядомъ проводила меня до самаго порога.

„Да“, заключилъ я мысленно, „эта женщина умѣетъ ненавидѣть“.

XVII.

Въ уединенной тиши отведенной мнѣ комнаты, я долго трудился надъ приведеніемъ въ ясность добытыхъ мною свѣдѣній, и группируя факты, медленно возсоздавалъ картину тяжелой жизни, выпавшей на долю бѣдной Ольги, такъ довѣрчиво улыбавшейся грядущему.

Упорно взводимое на нее обвиненіе въ ненормальности умственныхъ способностей казалось мнѣ болѣе чѣмъ когда-либо хитро придуманною оговоркой недремлющей злобы. Виновность Derlong ярко очерчивалась передо мною, но я сознавалъ всю необходимость подкрѣпить нравственное убѣжденіе вѣскими данными, чтобы не нарушить слова, вытребованнаго Клемецкимъ, и имѣть какой-нибудь поводъ возбудить столь важное уголовное дѣло, вопреки ясно выраженному заключенію представителей полиціи и медицины.

Длинный, суетливо тревожный день истекъ, ничѣмъ не вознаградивъ моихъ страстныхъ поисковъ. Поздно вечеромъ, въ об-

Даръ Божій. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ѳ. Казачинскаго, грав. Флюгель.

Гнѣвъ Божій. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ө. Казачинскаго, грав. Флюгель.

ширной залѣ съ завѣшанными зеркалами, надъ тѣломъ графини, совершена была первая панихида.

Графъ сталъ у изголовья, съ блѣднымъ, угрюмымъ лицомъ, тщательно исполняя все предписываемое обрядомъ. Немного поодаль, скрестивъ обѣ руки на стоящій передъ нею стулъ, и съ неподражаемою граціей склоняя изнемогающую голову, француженка привлекала общее вниманіе своею подавляющею скорбью и порывами страстной молитвы. Маленькій Юрій, прижавшись къ ней, съ боязливымъ любопытствомъ оглядывалъ эту мрачную обстановку смерти, машинально творя за отцомъ крестное знаменіе.

Въ отдаленномъ углу, гдѣ толпился темный людъ, раздавалось тихое всхлипываніе и сдержанное причитаніе.

По окончаніи службы, графъ тяжело опустился на колѣни; видимо превозмогая себя, заглянулъ съ затаеннымъ страхомъ въ лицо покойной, и поспѣшно прикоснулся къ ея холодной рукѣ. Затѣмъ онъ подозвалъ сына, приподнялъ его, и мальчикъ послѣдовалъ данному примѣру. Обводя присутствующихъ тусклымъ взглядомъ, графъ сдѣлалъ общій поклонъ, и не проронивъ ни единаго слова, направился къ себѣ.

M-elle Derlong пыталась было послѣдовать за нимъ объ руку съ ребенкомъ, но онъ однимъ взглядомъ остановилъ ее. Тогда она круто повернулась, и не смотря на то, что подобно Miss Maxwell могла уклониться отъ тяжелаго, чужеземнаго обряда, она твердыми, мѣрными шагами подошла къ покойницѣ.

Съ минуту она лежала простертою долу... Затѣмъ всѣ могли разглядѣть, при слабомъ мерцаніи высокихъ свѣчей, ея долгій, скорбный взоръ, застывшій на мраморномъ челѣ. Послушныя слезы мѣрно капали на бѣлое погребальное одѣяніе, и вдругъ, въ сильномъ порывѣ, она припала долгимъ, страстнымъ поцѣлуемъ къ рукамъ покойницы.

Сердце невольно содрогнулось во мнѣ при видѣ этой кощунственной игры. Когда она выпрямилась, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ, только тихій вздохъ вырвался изъ стѣсненной груди. Затуманенные глаза окинули присутствующихъ и остановились на мнѣ.

Ожидала-ли она награды за совершенный подвигъ? „Что жь, нервы крѣпки, коль такъ владѣешь ими“, думалось мнѣ, и я зналъ что она прочла мою мысль.

Но остальные, навѣрно, оказались менѣе прозорливы чѣмъ я. Для нихъ-то, она изогнулась, судорожно схватила мальчика, отчаянно прижала его къ своей груди и, какъ бы изнемогая подъ наплывомъ ощущеній, шатаясь вышла изъ комнаты.

Я подошелъ къ старичку-священнику, молча разоблачавшемуся въ углу. Не прольетъ-ли онъ лучъ свѣта на терзающую меня загадку?

— Какое неожиданное и ужасное происшествіе стряслось надъ домомъ, батюшка! сказалъ я вполголоса.

— Вы судебный слѣдователь будете? спросилъ онъ, мгновенно оживляясь.

— Точно такъ.

— Неужели фактъ самоубійства законно подтвердился?

— Да, отвѣтилъ я. — Графиня наложила на себя руки въ припадкѣ умопомѣшательства. Васъ это удивляетъ?

— Помилуйте, да развѣ это возможно! Въ самый этотъ день, Ольга Андреевна выслушала обѣдню, и какъ молилась! такъ одни ангелы на небѣ молятся. Зашла ко мнѣ чайку выпить, все совѣтовалась со мною о своей завѣтной мечтѣ, какъ бы лѣчебницу устроить у насъ на селѣ. Вѣдь она и съ жизнію-то примирилась лишь сознавая могучія средства для вспомоществованія ближнему, ниспосланныя ей Самимъ Господомъ. Не то что успокоенною, а можно сказать радостною вышла она отъ меня, распорядившись на завтра своимъ днемъ, и вдругъ, въ эту самую ночь... Нѣтъ, воля ваша, а я этому никогда не повѣрю.

— Вы часто видали графиню?

— За этотъ послѣдній пріѣздъ нѣсколько разъ на недѣлѣ. Она разрѣшила мнѣ свободный доступъ по поводу всякой бѣды,— а въ крестьянскомъ быту развѣ ихъ мало встрѣчается. Да и сама частенько жаловала, о комъ-либо справиться или о чемъ посовѣтоваться. Она одно утѣшеніе признавала собственному горю—это облегченіе чужихъ печалей. Невозвратимая потеря всему околотку! Видно свѣтлая душа Богу понадобилась, что онъ отнялъ ее у насъ, грѣшныхъ.

— Вотъ, батюшка, вы же сами тотчасъ упомянули о ея горѣ (я нарочно прибѣгалъ къ противорѣчію въ разсчетѣ заставить его опредѣленнѣе высказаться); что же мудренаго если женщина нервная, болѣзненная, какъ многіе мнѣ ее описали, въ минуту возбужденія не совладала съ собою, не осилила тоски?

— Нѣтъ, сударь мой, я вамъ порукою что она не изъ такихъ была. Съ евангельскимъ смиреніемъ несла она свой крестъ. Не вольнодумствовала, не мудрствовала лукаво, а свято хранила завѣты Православной Церкви. И до болѣзненности-то что же и довело ее какъ не душевное страданіе, какъ не тяжелый страхъ за братнинъ грѣхъ? Всю свою жизнь она вымаливала его. Если бы вамъ хоть единый разъ довелось послушать какъ она скорбѣла о немощи человѣческой, доводящей до отчаянія, какъ она трезво, по-христіански измѣряла глубину этого страшнаго преступленія, посягающаго на милосердіе Божіе,—вѣрьте мнѣ, вопреки всѣмъ доводамъ, вашъ умъ ни на минуту не примирился бы съ подобнымъ заключеніемъ!

— Изъ вашихъ словъ, батюшка, я долженъ понять что вы подозрѣваете здѣсь темное дѣло. Но указаній на преступленіе нѣтъ, а слѣдовъ убійства еще менѣе. Можете-ли вы мнѣ указать виновнаго, или хоть намекомъ облегчить задачу?

Онъ испуганно вскинулъ на меня свои кроткіе, старческіе глаза.

— Тайна сія превышаетъ мой умъ. Не мнѣ, смиренному служителю алтаря, изрекать необдуманно обличеніе своему ближнему. Вы молоды, энергичны, вамъ власть предоставлена, твердо держитесь великаго слова: „ищите и обрящете!“ Я близко зналъ душу покойной и благоговѣлъ передъ нею. Меня смущаетъ печать строптивости и отверженія, которою стремятся на вѣкъ заклеймить ея свѣтлый образъ. Церковь запрещаетъ молиться о заблудшихъ чадахъ своихъ, своевольно положившихъ предѣлъ своему бытію; ужели я такъ спокойно, съ такимъ твердымъ упованіемъ могъ бы взывать ко Господу о ново-преставленной страдалицѣ, если бы тѣнь сомнѣнія прокралась мнѣ въ душу?

И двѣ слезинки заблистали на его сѣдыхъ рѣсницахъ.

Тщетно послѣдовалъ я за нимъ; ничего болѣе существеннаго я отъ него добиться не могъ. На предлагаемые вопросы онъ отвѣчалъ односложно, видимо находясь подъ вліяніемъ двухъ преобладающихъ чувствъ: непоколебимой увѣренности въ невозможности самоубійства и тревожнаго опасенія напрасно обвинить ближняго въ злодѣяніи.

Всѣ до единаго были переспрошены мною въ этомъ многолюдномъ домѣ, а мракъ попрежнему оставался непропицаемъ.

XVIII.

Послѣ плотнаго ужина, товарищи мои по слѣдствію исправно завалились спать. Журинъ совѣтовалъ мнѣ послѣдовать ихъ примѣру, присовокупляя что на другое утро чѣмъ скорѣе можно будетъ убраться въ городъ, тѣмъ лучше для всѣхъ. Я отмолчался.

Не смотря на проведенную ночь въ тарантасѣ и на неожиданный ударъ сразившій меня въ Элворазѣ, необходимость отдыха не давала себя чувствовать. Лихорадочное волненіе удвоивало только мои физическія силы.

Въ эту ночь все должно было рѣшиться. Послѣ отъѣзда доктора и исправника мнѣ не было никакого благовиднаго предлога оставаться подъ этою кровлею. Неутомимо шагая по комнатѣ, я подвергался еще неизвѣданной мукѣ. Мнѣніе священника только сильнѣе укоренило созрѣвшее подозрѣніе. Убійство несчастной Ольги принимало въ моемъ воображеніи какъ бы осязательныя формы. Я слѣдилъ за нравственнымъ процессомъ, доведшимъ за эти четыре года убійцу до кроваваго преступленія. Она разсчитывала сперва душевными страданіями извести свою жертву, но вопреки коварно придуманному плану, всѣ единогласно признали въ графинѣ замѣтное возстановленіе силъ. Надежда измѣняла, терпѣніе истощалось. Долой преграду!

Я, казалось, видѣлъ ее, крадущуюся въ ночной тиши, своею змѣиною поступью, по безмолвнымъ покоямъ. Вотъ ужъ она приближается къ безмятежно спящей соперницѣ. Все тихо. Выстрѣлъ въ упоръ. Свершилось. Въ невольномъ страхѣ она дико озирается. Учащенное біеніе преступнаго сердца одно лишь нарушаетъ безмолвіе кровавой ночи. Но задача не вся исполнена. Обманувшая всѣхъ обстановка—плодъ задолго и хладнокровно намѣченнаго плана. Присутствіе духа не измѣнило ей—и въ упоеніи добытой безнаказанности, она беззвучнымъ видѣніемъ скользитъ и свершаетъ свой обратный путь.

Мнѣ чувствовался яркій лучъ истины въ возсозданной мною картинѣ, но нить, долженствовавшая предать въ мои руки торжествующаго врага, исчезала въ какомъ-то заколдованномъ кругу, и я въ изнеможеніи хватался съ отчаяніемъ за пылавшую голову.

Вдругъ, по какому-то наитію, во мнѣ пробудилось непоборимое желаніе посѣтить еще разъ комнату графини. Могъ-ли я надѣяться что укрывшееся при дневномъ свѣтѣ отъ тщательнаго розыска привычныхъ глазъ, попадется мнѣ внезапно при обманчивомъ колебаніи принесенной свѣчи? Я сознавалъ ясно всю безразсудность подобной попытки, и тѣмъ не менѣе не въ силахъ былъ противустоять пробудившемуся инстинкту, гнавшему меня впередъ.

Съ осторожностью вора, отправляющагося на опасный промыселъ, я пробрался мимо Журина и исправника, спавшихъ въ смежной комнатѣ, чтобы избѣгнуть докучливыхъ замѣчаній или насмѣшекъ.

Я хорошо запомнилъ топографическое распредѣленіе комнатъ, и безъ всякаго затрудненія дошелъ до столовой. Тутъ мнѣ представлялось два пути. Одинъ — черезъ залу, откуда долеталъ сдержанный голосъ дьячка, читавшаго монотонно Псалтирь надъ усопшею; другой — черезъ зимній садъ и уже описанный будуаръ.

Не желая несвоевременнымъ появленіемъ обратить на себя вниманіе и возбудить коментаріи чередующейся у гроба прислуги, я понятно избралъ послѣдній.

Жутко было мнѣ войти въ комнату гдѣ все, за исключеніемъ опустѣлой кровати, сохраняло неприкосновенно слѣды неразгаданной драмы.

Массивная серебряная лампада теплилась передъ кіотомъ, проливая слабый свѣтъ на темные лики Святыхъ и затрогивая косымъ лучемъ висячій портретъ молодаго, красиваго Корина. Рядомъ съ постелью стояло кресло, на которомъ еще лежало снятое ею платье; изъ-подъ отброшеннаго одѣяла выглядывалъ кончикъ бронзовой туфли, и съ неотразимой силою магнита приковывало глазъ широкое, бурое пятно на нѣжномъ фонѣ мягкаго ковра.

Я безсознательно вздрагивалъ, когда медленно выплывая изъ полутьмы, какой либо предметъ поражалъ меня своимъ фантастическимъ очертаніемъ, но съ неутомимою энергіею оглядывалъ по нѣскольку разъ злосчастное ложе, трогалъ всякую вещь, ползалъ по полу, все отыскивая предательскій слѣдъ.

Напрасно усомнился я въ тщательности предшедшихъ поисковъ.

Такъ провелъ я томительнѣйшій часъ въ моей жизни, и понуря голову, проклиная свое безсиліе, собирался уйти съ пустыми руками. Погруженный въ безотрадныя мысли, я мимоходомъ наткнулся на уголъ письменнаго стола. Мы напрасно перешарили въ ящикахъ, осматривая его со всѣхъ сторонъ. Кой-какія завалявшіяся письма отъ сестеръ и братьевъ, отдѣльные списки мужскихъ и женскихъ именъ или прозвищъ и рядомъ помѣченныхъ вспомоществованій вещами или натурой, бѣглыя замѣтки о предполагаемой лѣчебницѣ—вотъ единственная доставшаяся мнѣ добыча, ничѣмъ къ дѣлу не причастная.

Я для вящаго очищенія совѣсти вздумалъ было снова приняться за просмотрѣнныя бумаги, и порывистымъ жестомъ, ставя свѣчу на столъ, нечаянно столкнулъ кожаный, складной портфель. Онъ раскрылся при паденіи.

Я нагнулся чтобы поднять его, и со внезапнымъ замираніемъ сердца увидалъ мелко-исписанный листъ тонкой бумаги. Благодаря свѣжести чернилъ онъ крѣпко присталъ къ облегавшему его папье-бювару, чѣмъ я только и объяснилъ себѣ что онъ могъ укрыться отъ нашихъ поисковъ.

Уже изслѣдованный мною почеркъ Ольги Андреевны мнѣ такъ и бросился въ глаза.

(Оконч. въ слѣд. №).

Взрывныя силы природы.

Природа проявляетъ иногда присутствіе разнообразныхъ взрывныхъ матеріаловъ въ такихъ тѣлахъ, въ которыхъ никто не предполагаетъ ничего подобнаго. Напр. случай въ 1886 г., съ однимъ изъ ассистентовъ музея Пибоди въ Іелѣ (Yale), въ Коннектикутѣ, хотѣвшимъ просверлить яйцо страуса, чтобы препарировать его для коллекціи. Во время опыта яйцо взорвало съ такой силою, что ассистентъ упалъ и его пришлось вынести безъ чувствъ. Дѣло въ томъ, что яйцо сгнило и наполнилось спертыми гнилостными газами; но замѣчательнѣе всего, что скорлупа могла выдержать напоръ скопившихся газовъ. Вѣроятно до этого случая ни одинъ зоологъ не заподозрилъ бы въ ней такого свойства, такъ какъ вообще яичная скорлупа, по своей пористости, легко пропускаетъ газы. Весьма возможно, что передъ перевозкою яйцо было покрыто лакомъ. Какъ бы то ни было, случай, происшедшій въ августѣ 1886 г., подтвержденъ вполнѣ серьезными научными журналами, такъ что въ достовѣрности его нѣтъ никакого сомнѣнія.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что нѣкоторые виды животныхъ и растеній одарены способностью метать твердыя, жидкія или газообразныя вещества.

Животнымъ эта способность служитъ средствомъ самозащиты—и въ этомъ случаѣ трудно провести точную границу между простымъ и взрывнымъ выбрасываніемъ. Такъ напр. когда разсерженная лама оплевываетъ врага своею ѣдкою жвачкой прямо изъ желудка, дѣйствіе это можетъ быть приравнено ко взрыву или выстрѣлу въ широкомъ значеніи слова; точно также и способъ самозащиты хорька, когда онъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ обдаетъ запахомъ особыхъ желѣзъ и приводитъ своего преслѣдователя въ такое состояніе, что онъ становится противнымъ и людямъ, и самому себѣ. Про дикобраза разсказывали, будто онъ можетъ метать свои иглы, что невѣрно; разсказы эти могли возникнуть вслѣдствіе того, что животное, окруженное преслѣдователями, старается неожиданными боковыми прыжками ранить или испугать противниковъ, причемъ случайно на нихъ остаются его иглы; на нашихъ глазахъ однажды имѣлъ мѣсто подобный случай, причемъ грызунъ запустилъ въ ногу человѣка одну изъ своихъ иглъ. Морскія птицы часто бываютъ одарены способностью въ родѣ той, какой отличается лама: онѣ обрызгиваютъ непріятеля, тревожащаго ихъ гнѣздо, зарядомъ жира, но большею частью только пока онѣ молоды; но достиженіи же ими того возраста, когда онѣ могутъ летать и нырять, жировой аппаратъ становится излишнимъ и исчезаетъ.

О томъ какъ жаба „выпустила весь свой ядъ на свѣтящагося жучка“, мы всѣ знаемъ съ юныхъ лѣтъ изъ трогательной басни; въ дѣйствительности же способность опрыскиванія у жабы не велика и она рѣдко ею пользуется, даже въ случаѣ испуга. Но въ родственномъ ей классѣ рыбъ имѣется китайскій сонунъ, обладающій способностью пускать изъ заостренной мордочки струю воды въ нѣсколько капель, которою онъ, какъ говорятъ, сбиваетъ на лету жучка на разстояніи отъ ½ до ¾ метра. Между личинками насѣкомыхъ встрѣчаются такія, которыя могутъ испускать ѣдкую жидкость на довольно далекое разстояніе. Такова толстая, съ темно-коричневой спинкой, гусеница крушина-древоточца; въ затруднительномъ положеніи она выпускаетъ изъ рыльца зеленоватый сокъ на разстояніе около двухъ футовъ; онъ очень ѣдокъ и имѣетъ такой острый запахъ, что привычное обоняніе распознаетъ присутствіе насѣкомаго за нѣсколько метровъ, если даже оно спокойно точитъ дерево. Муравьи не только кусаютъ и жалятъ, они кромѣ того выпускаютъ на непріятеля на удачу особаго рода кислоту. Если вскопнуть кучу обыкновенныхъ темно-коричневыхъ лѣсныхъ муравьевъ, раза два прихлопнуть ее рукой и затѣмъ держать руку на высотѣ ½ фута, то можно замѣтить, какъ убѣгающія насѣкомыя пріостанавливаются и загибаютъ заднюю часть тѣльца кверху. Если смотрѣть на все это съ боку, на свѣтъ, надъ кучею можно увидѣть сотни тонкихъ струекъ жидкости, поднимающихся на высоту до двухъ дециметровъ; такова самозащита муравьевъ.

У вполнѣ развившихся насѣкомыхъ, однако, это средство защиты при помощи непріятныхъ жидкостей, большею частью значительно ослабѣваетъ; только извѣстная хлопучая жужелица, имѣющая не болѣе сантиметра величины, въ случаѣ преслѣдованія, пускаетъ съ легкимъ трескомъ тонкое паровое облачко. Она прибѣгаетъ къ этому средству и въ ту минуту, когда собиратель насаживаетъ ее на булавку; а при обыкновенныхъ условіяхъ, пользуется своимъ зарядомъ для отпугиванія жуковъ-хищниковъ, которые ее преслѣдуютъ. Полагаютъ, что пары, испускаемые жужелицей, содержатъ въ себѣ самовозгорающійся фосфорно-водородный газъ и горятъ въ воздухѣ въ теченіе одной секунды; впрочемъ относительно вѣрности этого мнѣнія въ послѣднее время возникли сомнѣнія, и мы не имѣемъ возможности ни подтвердить, ни опровергнуть его.

Многія морскія животныя, какъ напр. голотуріи (родственныя морскимъ звѣздамъ и морскимъ ежамъ, но имѣющія огурцеобразную форму), пускаютъ на врага, вытаскивающаго ихъ изъ моря, сильную струю воды. Въ этомъ случаѣ, точно такъ-же какъ и въ другихъ, выкидываемая жидкость не причиняетъ вреда, но неожиданность выстрѣла достаточна, чтобы испугать робкаго непріятеля, и такимъ образомъ цѣль достигается. Даже человѣкъ, не приготовленный къ этому, бываетъ вынужденъ выпустить добычу изъ рукъ.

Очень можетъ быть, что многія изъ мелкихъ животныхъ, образъ жизни которыхъ намъ мало извѣстенъ, имѣютъ подобное же устройство, но мы объ немъ ничего не знаемъ. Въ растительномъ царствѣ метательные снаряды тоже очень распространены и здѣсь они еще поразительнѣе, чѣмъ въ царствѣ животныхъ. Животное для выкидыванія заряда употребляетъ мускулы, правильно развитые органы движенія; растенія же не имѣютъ мускуловъ, вслѣдствіе чего ихъ метательные органы должны имѣть особое устройство. Послѣдніе служатъ всегда одной главной цѣли и имѣютъ одно общее основаніе: во время роста, въ нѣкоторыхъ плодовыхъ частяхъ, образуется эластическая напряженность, приводящая къ растрескиваніямъ.

Уже у очень низко-стоящихъ растеній, какъ грибы и лишаи, во вмѣстилищахъ зародышей находятся особые выбрасывающіе органы, большею частью въ формѣ спиралей изъ очень упругаго фибрина. Ко времени зрѣлости спирали эти напрягаются, подобно эластическимъ, стиснутымъ пружинамъ; наступаетъ минута, когда прилегающая ткань не въ состояніи болѣе сдерживать ее, пружина отскакиваетъ, съ силою выпрямляется, вылетаетъ изъ плодовмѣстилища, увлекаетъ за собою сосѣднія сѣмена и разбрасываетъ ихъ вокругъ главнаго растенія.

Многія изъ высшихъ цвѣтущихъ растеній снабжены сѣмянными коробочками, которыя ко времени зрѣлости достигаютъ большаго напряженія, затѣмъ растрескиваются и разбрасываютъ сѣмена кругомъ. Если въ теплый лѣтній день сѣсть на краю пашни, то при нѣкоторомъ вниманіи можно услышать тонкій трескъ; это сѣмянныя коробочки сорныхъ травъ лопаются отъ солнечной жары и раскидываютъ по землѣ свое содержимое.

Въ одномъ изъ весьма извѣстныхъ растеній способность выбрасыванія достигла замѣчательнаго совершенства; мы говоримъ о травкѣ „не тронь меня“, дикомъ бальзаминѣ съ желтыми цвѣтами, очень распространенномъ во влажныхъ мѣстностяхъ Германіи. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ растеніямъ, которыя впервые заставили человѣка обратить вниманіе на чудеса ботаники, такъ какъ по всей вѣроятности уже въ теченіе многихъ тысячелѣтій половина всѣхъ играющихъ дѣтей забавлялась стрѣльбою плодовъ бальзамина. Плоды его состоятъ изъ пяти долевыхъ, сросшихся полосокъ; каждая отдѣльная полоска имѣетъ еще внутреннюю скрѣпляющую нить; ко времени зрѣлости онѣ находятся въ сильно напряженномъ состояніи и имѣютъ стремленіе раскрыться. Пока растеніе находится въ покоѣ, напряженіе можетъ достигать довольно высокой сте-

пени и плодъ не лопается; но при малѣйшемъ давленіи, ослабляющемъ какъ-нибудь связь волоконъ, эластическія силы берутъ перевѣсъ, весь плодъ растрескивается по длинѣ, полоски съ неимовѣрною быстротою развертываются по направленію къ маковкѣ и сѣмена съ силою выбрасываются; они иногда отскакиваютъ на 2 метра.

Въ растеніи, носящемъ названіе ослинаго огурца, это напряженіе достигается нѣсколько иначе. У насъ это растеніе разводится иногда въ садахъ для забавы, на югѣ-же Европы оно струю длиною въ 3—4 метра; часто вслѣдствіе сотрясенія лопается и верхній, противоположный стеблю, конецъ огурца и тогда изліяніе происходитъ съ двухъ сторонъ. Изливающаяся при этомъ жидкость переполнена сѣмянами и имѣетъ горькій вкусъ. Даже животныя остерегаются быть облитыми ею; замѣчаютъ, что греческія и итальянскія козы, несмотря на свою прожорливость, тщательно избѣгаютъ ослинаго огурца. Такимъ образомъ вышеупомянутое свойство растенія выполняетъ двоякую обязанность: оно не только обезпечиваетъ распространеніе сѣмянъ, но и отпугиваетъ непрошеныхъ гостей.

Милица Николаевна, княжна Черногорская. **Е. И. В. Великій Князь Петръ Николаевичъ.**
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

растетъ въ дикомъ состояніи по морскимъ берегамъ и очень распространено, такъ какъ скотъ его не трогаетъ, слѣдовательно на невоздѣланныхъ склонахъ его ничто не безпокоитъ. Листья его похожи на листья обыкновеннаго огурца, а плодъ совершенно такой же формы, какъ маленькій (въ 8 сантиметр. длины) огурецъ, только покрытъ ворсинками. Пока плодъ незрѣлъ, въ немъ не замѣчается ничего особеннаго, но ко времени зрѣлости сокъ скопляется въ такомъ изобиліи, что околоплодникъ раздувается въ родѣ наполненнаго воздухомъ воздушнаго шара. Если оторвать его отъ стебля (что сдѣлать очень нетрудно, если плодъ дѣйствительно вполнѣ созрѣлъ), то чрезъ образовавшееся отверстіе сокъ находитъ себѣ выходъ и съ силою выбрасывается вонъ.

Во вполнѣ зрѣлыхъ южныхъ экземплярахъ онъ образуетъ

Взрывная сила нѣкоторыхъ внѣ-европейскихъ растеній гораздо значительнѣе, чѣмъ у ихъ европейскихъ родичей. Особенно славится одно южно-американское дерево, называемое *Hura crepitans* (crepitans—значитъ трескучій), потому что плоды его послѣ отпаденія, высыхая, разрываются съ громкимъ трескомъ.

Въ прошломъ году, разсказываетъ одинъ англійскій ученый, онъ привезъ съ собою въ Англію экземпляръ этого плода и сохранялъ его въ шкатулкѣ. Въ одинъ прекрасный день плодъ разорвало съ трескомъ, похожимъ на пистолетный выстрѣлъ, и въ комнатѣ нашли разбросанными не только куски плода, но и обломки шкатулки. (С).

Къ рисункамъ.

Крѣпость Керки. (Рис. на стр. 745).

Бухарское селеніе (кишлакъ) или пожалуй городъ Керки, такъ какъ это резиденція Керкинскаго бека (нѣчто въ родѣ уѣздной власти, болѣе смахивающей впрочемъ на должность исправника), лежитъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, немного южнѣе 38° сѣв. широты и почти на пересѣченіи 35° долготы. Въ этомъ мѣстѣ Аму-Дарья прорвала известково-мѣловые отроги Гисарскихъ горъ, образовавъ ворота съ отвѣсными стѣнками, впрочемъ не достигающими ста футовъ. По разсказамъ, крѣпость была прежде на правомъ берегу, и дѣйствительно, очертанія этой высоты даютъ возможность сдѣлать это предположеніе; теперь же—эта высота необитаема [1]) и вблизи нея устроены печи для выжиганія отличнаго алебастра, тутъ-же въ изобиліи выламываемаго.

[1]) Находятся лишь кости разныхъ животныхъ и человѣческія, въ поразительномъ количествѣ.

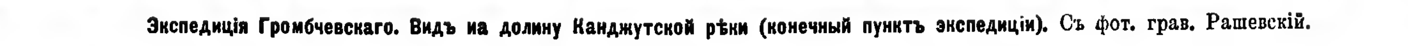

Экспедиція Громбчевскаго. Залежи нефрита на рѣкѣ Раскемъ-Дарья, близъ урочища Ташъ-хана̀, противъ ущелья Пиль. Съ фот. грав. Рашевскій

Б. Л. Громбчевскій. Съ фот. Мечковскаго, грав. Шюблеръ.

Экспедиція Громбчевскаго. Крѣпость Альтитъ (Кала̀-и-Альтитъ), вторая столица Канджутскаго ханства. Съ фот. грав. Рашевскій.

Экспедиція Громбчевскаго. Видъ на долину Канджутской рѣки (конечный пунктъ экспедиціи). Съ фот. грав. Рашевскій.

До прихода сюда Русскихъ, Керки считался мѣстомъ ссылки и назывался „бухарской Сибирью“. Дѣйствительно, по разсказамъ, кажется нѣтъ ни одного здѣшняго жителя, который бы не былъ сюда сосланъ эмиромъ за какую-нибудь провинность. Во всякомъ случаѣ, Керки, съ крѣпостью перенесенною на лѣвый берегъ, на высоту, гдѣ теперь и помѣщается бекъ, представлялъ весьма важный торговый пунктъ, такъ какъ при-амусьскіе туркмены (эрсари, кара-туркмены и др. роды) хотя номинально и считались бухарскими подданными, но это выражалось лишь въ уплатѣ подати. Туркменскіе старшины (сердари) дѣлали раскладку и сборъ ея безъ участія бухарскихъ сборщиковъ (зекетчи) и, конечно, уплата ея бухарскому правительству дѣлалась не всегда исправно; къ тому же, туркменамъ было безразлично грабить какъ афганскіе, такъ равно бухарскіе кишлаки, а зачастую они не церемонились обирать и свою братію.

Съ цѣлью обузданія туркменъ и упорядоченія сборовъ, была заложена крѣпость Керки, съ крѣпкою, по тогдашнему, цитаделью. Беками сюда назначались всегда энергическіе люди, какъ напр. при покойномъ эмирѣ—бекъ Пиръ-Назаръ-Парманачи, который считался грозой туркменъ и безцеремонно отправлялъ захваченныхъ на аламанѣ (грабежѣ) къ праотцамъ. Беку было разрѣшено имѣть своихъ сарбазовъ (солдатъ) и нукеровъ (милицію). И до сихъ поръ подъ воротами, у входа въ цитадель, стоитъ одиноко, на сгнившемъ лафетѣ, мѣдная старинная пушка и висятъ по стѣнамъ какіе-то допотопные пищали и самопалы, свидѣтели грознаго вооруженія этихъ сарбазовъ. И теперь изъ Бухары высылается въ Керки на 4 мѣсяца или ½ года рота въ 200 человѣкъ; но такъ какъ съ приходомъ сюда Русскихъ мѣры предосторожности со стороны бухарцевъ не нужны, аламаны прекратились, то эта рота скорѣе составляетъ почетный караулъ бека, чѣмъ отрядъ дѣйствующей арміи. Высылаемые сюда преступники содержатся въ небольшой каморкѣ, подъ воротами бековской цитадели.

Чтеніе духовнаго завѣщанія. (Рис. на стр. 748 и 749).

Кому не случалось слышать, что люди иногда изъ бѣдняковъ становятся богачами вслѣдствіе неожиданнаго полученія наслѣдства; но рядомъ съ этимъ бываютъ нерѣдко случаи, что богатые наслѣдники ошибаются въ своихъ ожиданіяхъ и наслѣдство ускользаетъ отъ нихъ, какъ миражъ. Поэтому вскрытіе духовнаго завѣщанія можетъ произвести самыя неожиданныя впечатлѣнія. Изобразить ихъ — трудная и заманчивая задача для художника, которую разрѣшить не легко. О. Эрдманъ, художникъ бытовыхъ сценъ изъ времени рококо, справился съ этою задачею очень удовлетворительно. На лицѣ каждаго изъ присутствующихъ, при чтеніи нотаріусомъ духовнаго завѣщанія, на его картинѣ можно прочесть, какъ распорядился умершій со своимъ имуществомъ.

Въ кружалѣ. (Рис. на стр. 753).

Оригинальный рисунокъ г. Кошелева очень характерно передаетъ выраженіемъ лица и всею позою ратника, сидящаго за столомъ съ кружкою въ рукѣ—веселое и даже нѣсколько игривое настроеніе человѣка, который улучилъ часокъ отъ тяжелой воинской службы и забѣжалъ въ „царское кружало“ или во „царевъ кабакъ“, какъ поется въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ и разсказывается въ народныхъ сказаніяхъ. Этотъ государевъ служилый человѣкъ, вѣроятно только-что сошедшій со стѣны городскаго кремля или спѣшившійся съ коня,—и шелома съ себя не снялъ, и доспѣховъ не разстегнулъ у опояски, и оружія изъ рукъ не выпустилъ; но все-же спѣшитъ насладиться вполнѣ минутою и крѣпко сжимая въ рукѣ оловянную кружку съ хмѣльной брагой, оживляетъ душу веселымъ смѣхомъ и бойкимъ словцомъ... Кстати замѣтимъ, что „царское кружало“, въ которомъ въ былыя времена продавали не вино и не водку, а только меды, хмѣльную брагу и пиво различныхъ сортовъ, вовсе не носило на себѣ того характера, которымъ отличаются современныя намъ питейныя заведенія нашихъ городовъ и селъ. Иностранцы съ похвалою отзываются о трезвости русскаго народа и даже поляки, жившіе въ Москвѣ въ XVII в., отмѣчаютъ эту черту русскаго народнаго характера съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ-путешественниковъ утверждаютъ даже, что вино было воспрещено продавать простонародью въ „кружалахъ“ и „кабакахъ“ XVII в.

Даръ Божій. (Рис. на стр. 756).

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что̀ послалъ Господь
За труды людимъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается... (Кольцовъ).

Гнѣвъ Божій. (Рис. на стр. 757).

Печальныя, убогія равнины!
Недавнія и страшныя картины,
Стѣсняя грудь, проходятъ предо мной.
Ужели Богъ не сжалится надъ нами,
Сожженныхъ нивъ дождемъ не оживитъ,
И мельница съ недвижными крылами,
И этотъ годъ безъ дѣла простоитъ! (Некрасовъ).

Но еще ужаснѣе засухи, совсѣмъ уже непоправимое бѣдствіе градобитія, изображенное на второмъ рисункѣ Ѳ. Казачинскаго. Это по истинѣ гнѣвъ Божій, уничтожающій въ нѣсколько минутъ надежды и плоды трудовъ цѣлаго года.

Его Императорское Высочество Великій Князь Петръ Николаевичъ и Ея Высочество, Высоконареченная невѣста его, княжна Милица Николаевна Черногорская. (Портр. на стр. 760).

Въ виду ожидаемаго прибытія Высоконареченной невѣсты въ Петербургъ, на Варшаву, 16 іюля, отправленъ особый поѣздъ съ придворною прислугою. На этомъ поѣздѣ прибудутъ въ Петербургъ ихъ высочества князь и княгиня Черногорскіе съ Ея Высочествомъ Высоконареченной невѣстою Великаго Князя Петра Николаевича. Августѣйшій женихъ, 13 іюля, въ 4½ ч. дня, возвратился въ С.-Петербургъ изъ своей поѣздки въ Черногорію.

Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго. (Портр. и рис. на стр. 761).

Нашъ извѣстный путешественникъ, капитанъ Брониславъ Лудвиговичъ Громбчевскій, портретъ котораго помѣщаемъ на стр. 761 этого нумера, 6 апрѣля нынѣшняго года выѣхалъ изъ Петербурга въ Фергану для сформированія и снаряженія новой экспедиціи, во главѣ которой онъ предполагаетъ посѣтить и обслѣдовать нѣкоторыя горныя долины Гималайскихъ горъ и другихъ мѣстностей высокой Азіи.

Мы имѣемъ свѣдѣнія отъ 5 іюля, изъ гор. Ново-Маргелана, что экспедиція эта перешла уже Алайскія горы и слѣдовательно теперь находится въ глубинѣ Памировъ.

Снаряженная главнымъ образомъ на средства дарованныя Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, а также и на средства ассигнованныя Императорскимъ Географическимъ Обществомъ—экспедиція эта разсчитана на срокъ отъ 1 до 1½ лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, и въ матеріальномъ отношеніи обставлена гораздо лучше, чѣмъ предшедшія экспедиціи Громбчевскаго. Въ составъ ея, кромѣ главы экспедиціи, входятъ: препараторъ, 7 конвойныхъ казаковъ и нѣсколько человѣкъ прислуги изъ туземцевъ.

Б. Л. Громбчевскій, стяжавшій извѣстность на поприщѣ изслѣдованій Центральной Азіи, составившихъ ему репутацію неустрашимаго, находчиваго, энергичнаго путешественника и серьезнаго изслѣдователя, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, родился въ 1855 г., въ дворянской семьѣ, получилъ прекрасное воспитаніе и образованіе. Поступивъ въ военную службу офицеромъ въ 3-ю гвардейскую дивизію, онъ затѣмъ хотѣлъ было уѣхать на дальній Востокъ, но Кокандскій походъ 1875 г. увлекъ его въ Центральную Азію, съ которой онъ до сихъ поръ и не разстается.

Принимая дѣятельное участіе въ Кокандскомъ походѣ, а затѣмъ и въ горныхъ Алайскихъ экспедиціяхъ, онъ на первыхъ же порахъ хорошо ознакомился съ Ферганскою долиной и съ сосѣдними горными странами. По замиреніи края, онъ, къ счастью, перешелъ на службу по военно-народному управленію, которая тамъ сопряжена съ постоянными, иной разъ очень трудными и продолжительными разъѣздами по странѣ, постоянными сношеніями съ туземцами и пришельцами изъ сосѣднихъ странъ. Это дало Громбчевскому возможность изучить главные употребительные въ Центральной Азіи языки: узбекскій и таджикскій.

Въ 1885 г., когда онъ состоялъ уже въ должности старшаго чиновника особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Ферганской области, ему пришлось по дѣламъ службы побывать въ Кашгарѣ, и оттуда, совмѣстно съ уполномоченными отъ китайскаго правительства коммисарами, обойти и провѣрить на мѣстѣ пограничную линію между Ферганой и Кашгаріей. Успѣшно выполнивъ это отвѣтственное порученіе, онъ, взявъ отпускъ, снова поѣхалъ въ Кашгаръ, а оттуда совершилъ весьма рискованную экспедицію на югъ до гор. Хотана.

Произведенными во время этой экскурсіи съемками онъ связалъ предшествовавшія тамъ топографическія работы генераловъ Н. М. Пржевальскаго и А. Н. Куропаткина, а прекрасный отчетъ о поѣздкѣ по Кашгаріи, о современномъ состояніи этой китайской провинціи и о положеніи въ ней китайцевъ—сразу поставилъ Громбчевскаго въ число немногихъ опытныхъ и серьезныхъ изслѣдователей Центральной Азіи. Императорское Географическое Общество наградило его за этотъ отчетъ серебряною медалью. Такое прекрасное начало на новомъ поприщѣ не осталось безъ продолженія. Въ 1886 г. мы видимъ Громбчевскаго въ глубинѣ Тянь-Шаня, на верховьяхъ рѣкъ Нарына и Сусамыра; а въ прошломъ году, на средства Императорскаго Географическаго Общества, имъ совершено чрезвычайно трудное и опасное путешествіе къ верховьямъ рѣки Инда, въ горное, полудикое ханство Канджутъ, на южномъ склонѣ Гималайскихъ горъ.

Чтобы достигнуть цѣли путешествія—города Бальтита (столица Канджутскаго ханства), Громбчевскому съ его спутниками надо было перечь Памиры съ сѣвера на югъ, не-

ревалить нѣсколько горныхъ хребтовъ, гдѣ и перевалы лежатъ выше линіи вѣчныхъ снѣговъ; ежеминутно на пути находиться въ опасности нападенія полудикихъ жителей этихъ горныхъ трущобъ или отъ преслѣдованій со стороны чиновниковъ и военныхъ пограничныхъ отрядовъ китайскихъ и афганскихъ,—а не доходя цѣли своего путешествія, ханства Канджутъ, пути къ которому чрезвычайно трудно доступны, пришлось оставить свой обозъ и слѣдовать черезъ ледники и по горнымъ карнизамъ пѣшкомъ, переходя горные потоки въ бродъ или по висячимъ веревочнымъ мостамъ и неся свой багажъ на себѣ, не зная, какъ примутъ незваныхъ гостей власти и жители этого суроваго уголка. Только громадная энергія, опытность въ путешествіяхъ и находчивость Громбчевскаго довели экспедицію до благополучнаго окончанія, а результаты ея повидимому весьма значительны, такъ какъ Императорское Географическое Общество за нихъ уже наградило его золотою медалью. Подробный отчетъ объ этомъ путешествіи появится вѣроятно скоро, а сообщеніе о немъ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ состоялось 1 февраля сего года. Привезенныя изъ этого путешествія коллекціи этнографическія, зоологическія, ботаническія, геологическія и фотографическія, затѣмъ маршрутная съемка почти всего пройденнаго пространства, на протяженіи болѣе 2,000 верстъ, астрономическія работы и метеорологическія наблюденія—представляютъ громадный интересъ и большой вкладъ въ географическую науку. Поистинѣ удивительно, что при такой исключительно-трудной обстановкѣ, при постоянной борьбѣ съ природой и людьми и при ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ, молодой ученый сдѣлалъ такъ много.

На обратномъ пути изъ Канджута Громбчевскій сдѣлалъ боковую экскурсію на верховья рѣки Раскемъ-Дарьи, истока Яркендъ-Дарьи (главная рѣка Кашгаріи) и, между прочимъ, нашелъ и обслѣдовалъ залежи нефрита, о которыхъ мы до сихъ поръ знали только изъ указаній Марко Поло. Далѣе онъ направился прямымъ путемъ на Кашгаръ, гдѣ, радушно принятый членами нашего консульства, отдохнулъ отъ чрезмѣрнаго утомленія и затѣмъ чрезъ Фергану и Ташкентъ прибылъ въ Петербургъ для разработки добытыхъ матеріаловъ и для представленія отчетовъ. Помѣщаемъ фотографированные имъ виды долины рѣки Канджутъ, крѣпости Альтитъ и берега Раскемъ-Дарьи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся упомянутыя залежи нефрита. **Г.**

М. Н. Загоскинъ. (Портр. на стр. 764).

„Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку *Юрія Милославскаго*—лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи..." Такъ писалъ, въ январѣ 1830 г., Пушкинъ Загоскину, привѣтствуя появленіе его знаменитаго романа „Юрій Милославскій", который прочла вся грамотная Россія и благодаря которому имя Загоскина прославилось не только въ отечествѣ, но и за предѣлами его. Слава его была такъ велика, что онъ переводился на всѣ главные европейскіе языки, и нѣкоторые иностранные критики говорили, что Загоскина можно смѣло поставить рядомъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, а въ одномъ отношеніи даже выше его, такъ какъ авторъ „Юрія Милославскаго" не страдаетъ утомительною остановкой на подробностяхъ. Изображеніе русскихъ нравовъ критики признавали мастерскимъ, обрисовку характеровъ — художественною. И дѣйствительно, Загоскинъ далъ первый въ своихъ произведеніяхъ живыя картины простонароднаго быта, прекрасное изображеніе жизни нашихъ предковъ, отличавшееся необыкновенной увлекательностью разсказа, согрѣтое теплымъ, задушевнымъ чувствомъ. Кромѣ того, его произведенія, проникнутыя высокимъ патріотизмомъ, свѣжія, оригинальныя по замыслу, являлись совершенной новостью въ русской литературѣ: у Загоскина, на томъ новомъ поприщѣ въ литературѣ, которое онъ избралъ, не было „ни образца, ни предшественника" и тѣмъ не менѣе онъ выступилъ съ историческимъ романомъ, который, такимъ образомъ, былъ у насъ первою попыткою въ этомъ родѣ. Попытка имѣла неслыханный успѣхъ, объяснявшійся, помимо таланта автора, тѣмъ, что первый историческій отечественный романъ явился какъ разъ во время, когда всѣ были исполнены пламенныхъ патріотическихъ чувствъ и требовали только русскаго и русскаго. Когда наша литература и общественный вкусъ значительно подвинулись впередъ, произведенія Загоскина стали быстро утрачивать свое обаяніе и мало-по-малу отошли въ область историко-литературныхъ явленій. Уже Бѣлинскій, отдавая должное таланту Загоскина, его льющемуся, легкому, увлекательному разсказу, его удивительной теплотѣ и добродушію, его великому мастерству завязать и развязать узелъ романа, замѣтилъ, что въ историческихъ романахъ Загоскина историческаго собственно очень мало, что въ „Юріи Милославскомъ" русскіе люди первой половины XVII вѣка у него очень похожи на мужичковъ и бородатыхъ торговцевъ нашего времени. Позднѣйшіе критики нашли, что Загоскинъ, плохо понявъ народность, которой онъ хотѣлъ служить, наговорилъ много дѣтски-наивныхъ вещей—что его герои, большей частью, безцвѣтны и ходульны, а содержаніе романовъ носитъ характеръ чего-то слишкомъ приторнаго. Такъ, между прочимъ, взглянулъ на автора „Юрія Милославскаго" и Аполлонъ Григорьевъ, въ замѣчательной статьѣ своей о развитіи идеи народности въ нашей литературѣ. По его мнѣнію, Загоскинъ, какъ человѣкъ—одно изъ отраднѣйшихъ явленій нашего стараго быта, натура въ высшей степени нѣжная и добродушная, хотя и ограниченная,—пользовался какъ романистъ успѣхомъ совершенно невѣроятнымъ и необъяснимымъ въ наше время и съ нашей точки зрѣнія... Какъ-бы то ни было, но Загоскинъ сказалъ *свое слово* въ литературѣ и какъ талантливый писатель, какъ первый русскій историческій романистъ, остается жить навсегда въ исторіи отечественной словесности.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ, потомокъ именитаго рода, вышедшаго изъ Золотой Орды и обрусѣвшаго въ Великомъ Новгородѣ, родился ровно сто лѣтъ тому назадъ, 14 іюля 1789 года, въ селѣ Рамзаѣ, Пензенской губерніи, въ имѣніи отца. Образованіе получилъ онъ дома, самоучкой пріобрѣтя познанія въ наукахъ, безъ всякихъ руководителей. Проблески творчества вмѣстѣ со страстью къ чтенію обнаружились въ немъ очень рано: на одиннадцатомъ году онъ уже сочинилъ трагедію „Леонъ и Зыдея" и повѣсть „Пустынникъ", возбуждавшія общее удивленіе. Имѣя не полныхъ 14 лѣтъ, онъ поступилъ на гражданскую службу въ С.-Петербургѣ, въ канцелярію государственнаго казначея, и продолжалъ ее въ Горномъ департаментѣ, Государственномъ банкѣ и въ Департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Прослуживъ десять лѣтъ, въ народную войну Двѣнадцатаго Года онъ поступилъ въ ополченіе и участвовалъ въ бою 7 октября подъ Полоцкомъ, гдѣ получилъ рану въ ногу. По выздоровленіи находился при графѣ Левизѣ адъютантомъ, занимая эту должность вплоть до сдачи Данцига. Когда ополченіе было распущено, Загоскинъ вернулся въ свое пензенское помѣстье, написалъ здѣсь комедію „Проказникъ" и въ 1815 г. отправился съ нею въ Петербургъ, гдѣ снова поступилъ въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Комедія „Проказникъ" была передана на судъ кн. А. А. Шаховскаго, очень ему понравилась и шла на сценѣ съ успѣхомъ. Вслѣдъ за ней на сцену поставлены новыя пьесы Загоскина: „Комедія противъ комедіи, или урокъ волокитамъ", „Богатоновъ", „Вечеринка ученыхъ", „Макарьевская ярмарка" и „Лебедянская ярмарка"; всѣ онѣ имѣли успѣхъ и положили основаніе извѣстности ихъ автора. Въ 1817 г. Загоскинъ опредѣленъ на службу въ дирекцію театровъ, а также назначенъ почетнымъ библіотекаремъ Императорской Публичной Библіотеки. Служба не помѣшала ему работать для театра и участвовать въ литературѣ; онъ поставилъ на сцену комедіи „Романъ на большой дорогѣ", „Добрый малый", „Урокъ холостымъ", „Деревенскій философъ" и „Благородный театръ", имѣвшую тогда успѣхъ неслыханный; кромѣ того, писалъ стихи, редижировалъ вмѣстѣ съ П. А. Корсаковымъ журналъ послѣдняго „Сѣверный Наблюдатель". Въ 1820 г. Загоскинъ переѣхалъ въ Москву, поступилъ здѣсь черезъ два года чиновникомъ особыхъ порученій къ генералъ-губернатору, съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію, а въ слѣдующемъ году назначенъ членомъ конторы театра по хозяйственной части. Загоскинъ, помимо службы, давно занимался собираніемъ матеріаловъ для задуманнаго имъ историческаго романа и въ 1829 г. выступилъ со своимъ „Юріемъ Милославскимъ". „Появленіе этого романа, говоритъ С. Т. Аксаковъ, составило эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы", выражая ему лично и письменно восторженныя похвалы и знаки уваженія. Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Дмитріевъ, Гнѣдичъ, князь Шаховской, Оленинъ и друг. привѣтствовали въ Загоскинѣ новый могучій талантъ; его поздравляли и иностранные писатели: Вальтеръ-Скоттъ, Проснеръ Мериме, фонъ-Ольбергъ. „Юрій Милославскій" выдержалъ девять изданій и былъ по нѣскольку разъ переведенъ на разные европейскіе языки. Утвержденный въ 1830 г. управляющимъ конторою московскихъ театровъ, а затѣмъ произведенный въ дѣйствительные камергеры, въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и получившій должность директора московскихъ театровъ, Загоскинъ выпустилъ свой второй историческій романъ „Рославлевъ или русскіе въ 1812 году", встрѣченный публикою также радушно. За нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ повѣстей и романовъ: „Аскольдова могила" и „Тоска по родинѣ", передѣланныя въ оперу, „Вечеръ на Хопрѣ", „Три жениха", „Кузьма Рощинъ", „Искуситель", „Кузьма Петровичъ Мирошевъ", „Москва и москвичи", „Брынскій лѣсъ", „Русскіе въ началѣ XVIII ст.". „Оффиціальный обѣдъ" и проч. Послѣднимъ произведеніемъ его была комедія „Женатый женихъ", написанная въ 1851 г. Въ слѣдующемъ году, 23 іюня, Загоскинъ скончался въ должности директора Московской Оружейной Палаты, которую занималъ съ февраля 1842 года. Загоскинъ погребенъ въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ; онъ оставилъ послѣ себя дѣтей отъ брака съ дѣвицей Новосильцевой. С. Т. Аксаковъ въ своей блестящей характеристикѣ Загоскина говоритъ о его основныхъ качествахъ: честности, веселости, неограниченномъ добродушіи и довѣрчивости,—о томъ, что онъ дѣлалъ много добра, не помня о немъ, и что при всемъ добродушіи онъ не выносилъ, если задѣвали Россію или русскаго человѣка. **П. Быковъ.**

Политическое обозрѣніе.

12 іюля въ Бѣлградъ прибылъ бывшій король Миланъ. На границѣ его встрѣтили Белимарковичъ и Груичъ, а на вокзалѣ король Александръ, митрополитъ Михаилъ, регентъ Протичъ, министры, посланники турецкій, румынскій и германскій. Миланъ обратился къ митрополиту съ рѣчью, въ которой горячо благодарилъ его за то, что онъ встрѣчаетъ отца короля, въ чемъ онъ, Миланъ, видитъ новый знакъ преданности митрополита династіи Обреновичей и царствующему королю. „О происходившемъ между нами—прибавилъ Миланъ—здѣсь говорить не мѣсто, но я не могу не выразить благодарности и глубокаго уваженія главѣ сербской національной церкви.“ Миланъ благодарилъ регентовъ и министровъ за преданность королю-отроку, забота о воспитаніи котораго привела его сюда. Но не одною этою заботою стараются объяснить пріѣздъ Милана въ Сербію. Въ *Times* телеграфируютъ изъ Софіи: „По слухамъ, бывшій король Миланъ высказался въ томъ смыслѣ, что по совѣту Австріи и Германіи онъ попытается вновь взять въ свои руки власть въ Сербіи, чтобы предотвратить угрожающую этой странѣ опасность“. Подобный слухъ гораздо ранѣе *Times*'а напечатала *Neue Freie Presse*, но съ оговоркою, что осуществленіе намѣренія Милана объявить свое отреченіе отъ престола недѣйствительнымъ едва-ли возможно. Миланъ теперь можетъ давать только совѣты, но отнюдь не приказы по управленію Сербіею. Относительно телеграммы *Times*, та же газета вновь замѣчаетъ, что такихъ совѣтовъ Германія и Австрія никакъ не могли давать, потому что непремѣннымъ послѣдствіемъ этого были-бы международная война и анархія. Вторичное царствованіе Милана было-бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ сербы добровольно предложили ему управлять страною;—какая же опасность грозитъ Сербіи, отъ которой хочетъ избавить ее Миланъ? По извѣстіямъ изъ Вѣны, настоящее положеніе непремѣнно должно привести къ междоусобной войнѣ. Опасность эту можно де предотвратить только вмѣшательствомъ Австро-Венгріи въ сербскія дѣла. Отмѣчая эти слухи, *Nord* говоритъ: „Упомянутыя извѣстія получены изъ Вѣны, а этого одного уже достаточно для того, чтобы признать ихъ тенденціозными. Нѣтъ ничего удивительнаго, если въ Вѣнѣ сгораютъ нетерпѣніемъ вмѣшаться въ сербскія дѣла. Весь вопросъ заключается въ томъ, найдется-ли подходящій предлогъ для такого вмѣшательства... Утверждаютъ, будто главной пружиной въ данномъ случаѣ послужитъ бывшій сербскій король Миланъ, который, по возвращеніи своемъ въ Бѣлградъ, будто бы обратится къ Австріи съ просьбой о военномъ вмѣшательствѣ. Допустивъ даже, что бывшій король можетъ рѣшиться на такой антипатріотическій шагъ, надо будетъ признать, что означенный шагъ все же останется совершенно безплоднымъ, такъ какъ Миланъ, послѣ отреченія своего отъ престола, не играетъ уже никакой роли въ управленіи сербскимъ королевствомъ.“

Безъ вмѣшательства въ чужія дѣла Австро-Венгрія жить не можетъ. Только подъ ея вліяніемъ, а быть можетъ и прямо вслѣдствіе конвенціи съ Италіей, о заключеніи которой ходило не мало толковъ,—изданъ въ Римѣ декретъ закрывшій тамъ комитетъ для освобожденія Тріента и Тріеста. Мѣра эта мотивируется соображеніемъ, что учредители комитета стремятся къ узурпаціи власти короля и парламента и имѣютъ цѣлью нарушить отношенія съ союзною державой и расторгнуть союзъ, служащій не только устойчивою основой европейскаго мира, но и залогомъ независимости и единства Италіи. Въ политическихъ кругахъ помянутый декретъ считаютъ оффиціальнымъ и окончательнымъ отказомъ отъ всѣхъ дальнѣйшихъ видовъ Италіи на Тріентъ и Тріестъ. Повсюду въ Италіи закрытіе комитета по освобожденію Тріента и Тріеста произвело сильное волненіе.

Лига мира даетъ себя знать итальянцамъ. А къ ней, поговаривали, хочетъ присоединиться также Турція. Слухи эти были такъ упорны, что, по словамъ *Correspondance de l'Est*, Порта сочла нужнымъ разослать своимъ представителямъ заграницею ноту, въ которой называетъ невѣрнымъ распространенное газетами извѣстіе, будто Турція присоединилась къ тройственному союзу. Въ нотѣ сказано, что Порта сохраняетъ за собою полную свободу дѣйствій и соблюдаетъ строжайшій нейтралитетъ. Въ настоящее время Турція исключительно занята критскими дѣлами, которыя усложняются.

По извѣстіямъ съ Крита, революція признается неизбѣжною. Мусульманскіе крестьяне стекаются къ прибрежнымъ городамъ. Въ Ретименскомъ округѣ христіане сожгли мусульманскую деревню, а въ Египетскомъ округѣ они прогнали мусульманъ, намѣревавшихся собраться около городовъ, причемъ были убиты три мусульманина и одинъ христіанинъ. *Агентству Рейтера* передаютъ: „Инсургенты на островѣ Критѣ прогнали представителей власти изъ Вамоса и Сидоніи и сожгли тамъ архивы. Сельское населеніе, объятое паникой, укрылось въ Ретимо. Со времени отъѣзда Махмудъ-Джелаледина-паши съ Крита Порта не приняла никакихъ мѣръ къ успокоенію острова. Если Порта будетъ медлить согласіемъ на введеніе реформъ, то, какъ опасаются, мѣстныя партіи составятъ коалицію и потребуютъ присоединенія Крита къ Греціи.“ Иностранные консулы отправились къ собравшимся въ Буцумаріи критскимъ главарямъ и обѣщали имъ, что добьются отозванія губернатора и удовлетворенія главнѣйшихъ требованій населенія острова. При этомъ консулы посовѣтовали, чтобы народъ, въ интересахъ острова, не нарушалъ порядка. Главари еще не дали отвѣта. Изъ Турціи продолжаютъ посылать на Критъ подкрѣпленія. *Kreuz-Zeitung*, обсуждая событія на островѣ Критѣ, сомнѣвается въ возможности участія Австро-Венгріи и Германіи въ блокадѣ острова и заявляетъ, что уступка Крита Англіи была бы ничѣмъ не мотивированною и ошибочною мѣрою. Если уже Турціи суждено лишиться острова, то пусть онъ сдѣлается достояніемъ Греціи, которая одна только имѣетъ на него права. Самымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы совокупное представленіе европейской дипломатіи въ Константинополѣ и Аѳинахъ съ цѣлью побудить Турцію и Грецію къ улаженію смуты на островѣ.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ (по поводу 100-й годовщины рожденія).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Законы о многократныхъ выборахъ во Франціи, а также обвинительный актъ не остались безъ отвѣта со стороны Буланже и его друзей. Въ особой прокламаціи Буланже заявляетъ, что законъ противъ выборовъ является покушеніемъ на всенародное голосованіе, но это де не помѣшаетъ народу проявить свою державную волю, какъ первый энергичный протестъ противъ гнуснаго нарушенія его правъ. Комитетъ національной партіи рѣшилъ выставить въ восьмидесяти кантонахъ кандидатуру Буланже въ члены генеральныхъ совѣтовъ. Буланже предлагаетъ выборщикамъ подавать за него голоса лишь въ тѣхъ кантонахъ которые онъ самъ укажетъ. Въ заключеніе Буланже говоритъ, что этотъ первый вердиктъ народа послужитъ прелюдіей къ великому торжеству, до котораго, что бы ни предпринимали правители, теперь уже не далеко. Прокламація заканчивается виватами въ честь Франціи и національной республики. По поводу обвинительнаго акта, Бу-

ланже, Дильонъ и Рошфоръ опубликовали новую прокламацію, составленную въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. „Мы, говорится въ прокламаціи, — пренебрегли отвѣтомъ на клеветы правительства. Факты оправдываютъ такое съ нашей стороны воздержаніе. Верховный судъ и правительство обратились къ бѣжавшимъ изъ тюремъ лицамъ, чтобы добыть лживыя показанія, но тѣмъ не менѣе ничего противъ насъ не могли обнаружить. Выборщики насъ разсудятъ. Спокойно ждемъ ихъ приговора“. Но рѣзкія выраженія прокламаціи ничтожны въ сравненіи съ той бранью, которою осыпаютъ буланжистскія газеты правительство. Со своей стороны и нынѣшніе французскіе правители не остаются въ долгу и, серьезно приготовляясь къ избирательной борьбѣ, безпощадно „очищаютъ“ администрацію отъ буланжистскихъ элементовъ и увольняютъ по всѣмъ вѣдомствамъ чиновниковъ заподозрѣнныхъ въ сочувствіи генералу Буланже.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ нѣкоторое время замѣтно недомогалъ, но Самъ не придавалъ этому особаго значенія. Въ четвергъ, 6 іюля, въ 12 часовъ дня, Вел. Князь, вмѣстѣ съ Августѣйшею Супругою и Сыновьями, встрѣчалъ на платформѣ Павловской станціи желѣзной дороги Королеву Эллиновъ, прибывшую въ Павловскъ изъ Петергофа. Вечеромъ Вел. Князь чувствовалъ себя вполнѣ хорошо. На другой день, Е. И. В. всталъ въ четверть девятаго часа утра, и только что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ обнаружились параличныя явленія правой стороны тѣла, съ потерею рѣчи. Тотчасъ явились врачъ Е. И. В., докторъ Дмитріевъ, и проживающій въ Павловскѣ профессоръ военно-медицинской академіи, академикъ Мержеевскій, дававшій уже нѣсколько времени совѣты Вел. Князю. Врачи предписали Августѣйшему больному полное спокойствіе. Къ вечеру Вел. Князь нисколько не поправился; ночь была проведена очень неспокойно. 8 іюля, въ 4 часа утра, Вел. Князь, на сдѣланное Е. И. Высочеству предложеніе, изъявилъ желаніе пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Въ комнатѣ Августѣйшаго больнаго собралось Его Семейство. Духовникъ Е. И. Высочества, настоятель павловской придворной Маріинской церкви, протоіерей Шафрановскій, исповѣдалъ и причастилъ Вел. Князя. Вечеромъ Августѣйшаго больнаго, по желанію Ихъ Императорскихъ Величествъ, посѣтилъ лейбъ-медикъ Боткинъ. Ночью волненія повторялись, сонъ былъ безпокойный и короткій. 10 іюля въ положеніи Е. И. Высочества произошло незначительное улучшеніе, выразившееся возвратомъ нѣкоторыхъ движеній въ парализованной правой ногѣ; сонливость меньше; Августѣйшій больной просыпался самопроизвольно, къ окружающимъ относился вполнѣ сознательно; ночь проведена удовлетворительно. 11 іюля въ состояніи здоровья Е. И. Высочества улучшеніе продолжалось. Августѣйшій больной могъ внятно произнести нѣсколько словъ; появился небольшой аппетитъ; силы крѣпче; Е. И. Высочество могъ просидѣть нѣсколько времени въ креслѣ. Ночь проведена спокойно. 12 іюля въ состояніи здоровья Е. И. Высочества особыхъ перемѣнъ не произошло. Температура тѣла и пульсъ нормальны; движеніе въ парализованной ногѣ продолжаетъ возстанавливаться, хотя медленно и въ незначительной степени, но постепенно. Ночь проведена спокойно, аппетитъ лучше, силы крѣпче.

Дѣла церкви.

— 7 іюля, московскій женскій Вознесенскій монастырь праздновалъ пятисотлѣтіе со дня своего основанія.

— Въ усадьбѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, близъ Кіева, учрежденъ женскій Покровскій общежительный монастырь.

Правительственныя распоряженія.

— Предоставлено министерству Финансовъ приступить къ новому, VII выпуску мѣдной монеты, пятидесятирублеваго въ пудѣ достоинства, на сумму въ три милліона рублей.

— Съ привозимыхъ къ Батумскому порту и отправляемыхъ изъ онаго товаровъ установленъ временный, на десять лѣтъ, сборъ, на основаніи особыхъ правилъ.

— Для огражденія правильной торговли чаемъ, чаеторговцамъ разрѣшено выпускать въ продажу чай, разсыпанный ими въ мелкія помѣщенія, съ наложеніемъ на эти помѣщенія казенныхъ бандеролей. Обандероленіе чая производится съ разрѣшенія Правительства, подъ надзоромъ назначаемыхъ для этого чиновъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— По свѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ, число фабрикъ и заводовъ, за исключеніемъ уплачивающихъ акцизные сборы и горныхъ заводовъ, равняется въ Европейской Россіи съ Царствомъ Польскимъ 18,963 съ производствомъ на 1.074.967,000 рублей, а включая Кавказъ, Сибирь и Туркестанъ—21,247 заводовъ, съ производствомъ въ 1.120.252,000 рублей.

— Къ 4 сего іюля положеніе полевой растительности въ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Озимые хлѣба, за весьма немногими исключеніями, *удовлетворительны* въ 9 губ.: Архангельс., Вятс., Пермс., Московс., Рязанс., Казанс., Лифляндс., Эстляндс. и Радомс. *Частію удовлетворительны, частію посредственны* также въ 9 губ.: Вологодс., Владимірс., Смоленс., Тамбовс., Пензенс., Орловс., Черниговс., Оренбургс. и Уфимс. *Посредственны* въ 15 губ.: Ярославс., Костромс., Калужс., Тульс., Нижегородс., Симбирс., Саратовс., Самарс., Минс., Ковенс., Курляндс., Калишс., Кѣлец., Петроковс. и Сѣдлец. *Частью посредственны, частью неудовлетворительны* въ 14 губ.: СПБ., Курс., Воронежс., Харьковс., Астраханс., Тавричес., Херсонс., Бессарабс., Кіевс., Могилевс., Гродненс., Виленс., Витебс. и Сувалкс. *Неудовлетворительны* въ 12 губ.: Новгородс., Олонец., Псковс., Тверс., Полтавс., Екатеринославс., Подольс., Волынс., Варшавс., Ломжинс., Люблинс. и Плоцкой.

Яровые хлѣба *удовлетворительны* въ 10 губ.: Архангельс., Вятс., Пермс., Московс., Пензенс., Полтавс., Нижегородс., Казанс., Симбирс. и Самарс. *Частью удовлетворительны, частью посредственны* въ 15 губ.: Псковс., Ярославс., Костромс., Владимірс., Рязанс., Тамбовс., Орловс., Курс., Харьковс., Черниговс., Саратовс., Оренбургс., Уфимс., Астраханс. и Херсонс. *Посредственны* также въ 15 губ.: Вологодс., Тверс., Калужс., Тульс., Тавричес., Минс., Могилевс., Гродненс., Ковенс., Виленс., Витебс., Курляндс., Лифляндс., Эстляндс. и Радомс. *Частію посредственны, частію неудовлетворительны* въ 10 губ.: СПБ., Воронежс., Екатеринославс., Бессарабс., Кіевс., Волынс., Калишс., Кѣлец., Петроковс. и Сувалкс. *Неудовлетворительны* въ 9 губ.: Новгородс., Олонец., Смоленс., Подольс., Варшавс., Ломжинс., Люблинс., Плоц. и Сѣдлецкой.

Литература и наука.

— Въ Петербургъ пріѣхалъ венгерскій профессоръ, филологъ Бела-Викаръ.

— Въ зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ поступаетъ новый вкладъ— черепъ допотопнаго животнаго, найденный недавно на югѣ Россіи.

— Профессоръ СПБ. университета Э. Ю. Петри отправился въ киргизскія степи, гдѣ ему поручено: 1) произвести научное изслѣдованіе и 2) ознакомиться съ условіями жизни киргизовъ.

— Извѣстный геологъ, баронъ фонъ-Унгернъ-Штернбергъ, въ текущемъ году предпринимаетъ экспедицію съ цѣлію изслѣдованія высокогорной области между Казбекомъ и Эльборусомъ.

— Недавно члены германо-австрійскаго альпійскаго клуба гг. Гукдешель и Гиршъ совершили подъемъ на вершину Казбека, куда проводилъ ихъ извѣстный своими восхожденіями заграницей, присяжный проводникъ Францъ Гоферъ изъ Пинчъ-Гау, въ Тиролѣ.

Изъ губерній и областей.

— Семирѣченскій губернаторъ телеграфируетъ: „Землетрясеніемъ 30 іюня въ Пржевальскѣ: въ домахъ трещины; повреждены: церковь, въ тюрьмѣ и уѣздномъ управленіи— стѣны. Въ домѣ уѣзднаго начальника выпала часть стѣны. Во всемъ городѣ свалились трубы. Въ Теплоключинскомъ въ домахъ значительныя трещины; въ Сливкиной и Джергесѣ нѣсколько слабѣе. Трубы повсемѣстно повалились. Дачи, кромѣ двухъ, всѣ разрушены. Возвышенный берегъ нѣсколько осыпался. Три Джергаланскихъ моста исковерканы. Русла рѣкъ измѣнились: берега изуродованы, мѣстами опустились, разорвались уступами; выступила вода изъ вздутій. До Сазановки дорога въ трещинахъ: нѣкоторыя шириною аршинъ и глубиною четыре. Въ Преображенскомъ церковь и училище частью сильно повреждены, частью растрескались; станція разрушена, новый мостъ на Тюрѣ изломанъ. Въ Уйталѣ всѣ 29 домовъ и магазинъ разрушены; одинъ старикъ и шестеро малолѣтнихъ убиты, раненыхъ четыре.

„Въ Сазановкѣ всѣ 167 домовъ, станція, училище и магазинъ частью развалились, частью въ громадныхъ трещинахъ; легко раненыхъ 23, тяжело — 10. Зданія монастыря рухнули. Въ киргизскихъ Кенсуйской и Турангырской волостяхъ убитыхъ 14. Въ горахъ много побито скота. Сильныя сотрясенія продолжаются непрерывно. Районъ сильнѣйшаго землетрясенія: между Сазановкою, Преображенскимъ отъ Кунгей-Алатау противъ Вѣрнаго до Пржевальска. Западнѣе Сазановки сотрясенія легкія; поврежденій и пострадавшихъ тамъ нѣтъ. Согласно приказанію генерала-отъ-инфантеріи Колпаковскаго, предложено привести въ извѣстность убытки частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ землетрясенія, и образовать, по примѣру 1887 года, подъ предсѣдательствомъ губернатора, комитетъ помощи, въ который передать 16,000 р., оставшихся отъ прежнихъ пожертвованій, съ обращеніемъ на выдачу пособій наиболѣе пострадавшимъ сельскимъ обывателямъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Кромѣ того, для увеличенія средствъ помощи, выслана губернатору одна тысяча рублей изъ наличнаго генералъ-губернаторскаго кредита“.

— Въ Вѣрномъ, въ ночь на 12 іюля, три раза было землетрясеніе; дома трещали.

— Въ *Русскомъ Инвалидѣ* напечатана слѣдующая телеграмма и. д. туркестанскаго генералъ-губернатора Военному Министру, отъ 4 іюля, изъ Ташкента: „Жары, наступившіе внезапно послѣ долгой холодной весны, слѣдовавшей за многоснѣжной зимой, вызвали быстрое таяніе снѣговъ въ горахъ, вслѣдствіе чего произошли небывалыя наводненія въ уѣздахъ: Ошскомъ, Наманганскомъ и Маргеланскомъ, причинившія много бѣдствія населенію. По донесенію военнаго губернатора, многія земли испорчены наводненіемъ и негодны для эксплуатаціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, нѣкоторыя-же стали окончательно негодными, пострадали также мосты, постройки, ирригаціонныя сооруженія. Кромѣ сложенія податей съ разоренныхъ бѣдствіемъ хозяевъ, потребуется денежная помощь казны наиболѣе пострадавшимъ и нуждающимся“.

— Минувшею весною и въ началѣ лѣта настоящаго года, во многихъ мѣстахъ Закавказскаго края выпали обильные дожди, отъ

которыхъ рѣки разлились и надѣлали немало бѣдъ и несчастій, причинившихъ населенію большіе убытки. Насколько значительны эти убытки, можно судить потому, что въ одномъ Елисаветпольскомъ уѣздѣ убытки простираются, по словамъ газеты *Кавказъ*, на сумму свыше 70 тысячъ рублей. Въ этомъ уѣздѣ, во время дождей, вода, выступивъ изъ береговъ рѣкъ Куры, Алазани и Іоры, затопила дома, шелковичные сараи и уничтожила хлѣбные посѣвы селеній: Ичкопуй, Сангеръ, Алпаутъ, Такламачъ, Еленчугъ, Алкендъ, Адабашъ, Мансурлы и Караковахъ. Кромѣ того, въ этихъ-же селеніяхъ унесено водою много скота.

— Изъ Кашгара сообщаютъ, что 3 іюня окончена тамъ постройка памятника, воздвигнутаго русскимъ консуломъ въ Кашгарѣ Петровскимъ надъ могилою извѣстнаго путешественника по Средней Азіи, Адольфа Шлагинтвейта. Памятникъ, имѣющій видъ пирамиды съ желѣзнымъ крестомъ наверху, воздвигнутъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Шлагинтвейтъ былъ казненъ 14 августа 1857 года, по приказанію завоевателя Кашгара, Вали-Ханъ-Тюри. Мѣсто подъ памятникъ уступлено китайскимъ правительствомъ, которому нынѣ подвластенъ Кашгаръ.

— Въ окрестностяхъ Благовѣщенска появилась сибирская язва.

Смѣсь.

Интересное двухсотлѣтіе. Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно 200 лѣтъ со времени послѣдняго бракосочетанія въ Россійскомъ Царствующемъ Домѣ православнаго съ православной по рожденію. Это былъ бракъ молодаго царя Петра Алексѣевича съ Евдокіею Θеодоровною, дочерью боярина Θ. А. Лопухина, въ 1689 году. Слѣдовательно, недавнее бракосочетаніе члена благополучно Царствующаго Дома, Е. И. В. Вел. Кн. Павла Александровича съ греческою королевною Александрою Георгіевной, есть такое событіе, котораго не было въ русской державѣ ровно 200 лѣтъ. Припомнимъ кстати, что изъ великихъ князей Рюриковой династіи были женаты на княжнахъ славянскаго происхожденія: Великій князь Святославъ на Преславѣ, Владиміръ на Милоликѣ (мать св. князей Бориса и Глѣба)—княжнахъ болгарскихъ. Великій князь Владимірскій и всея Россіи Всеволодъ III „Большое гнѣздо“ (съ 1175 г.) былъ женатъ на Маріи, княжнѣ чешской, Димитрій, внукъ в. к. Іоанна III, именовавшійся съ 1498 по 1502 г. великимъ княземъ Владимірскимъ и Московскимъ, былъ женатъ на Еленѣ, дочери Стефана VI, господаря Молдавскаго. (в.)

Клубъ пѣшеходовъ. Въ Варшавѣ организуется, по словамъ мѣстныхъ газетъ, оригинальный клубъ—пѣшеходовъ. Онъ въ программу свою включаетъ: 1) совмѣстныя прогулки пѣшкомъ на разстояніи трехъ миль отъ города; 2) болѣе отдаленныя экскурсіи въ провинціи на срокъ отъ недѣли до мѣсяца; 3) конкурсы скороходовъ. Кромѣ того, клубъ будетъ выдавать стипендіи лицамъ, совершающимъ экскурсіи пѣшкомъ съ научной цѣлью, и лицамъ, вынужденнымъ много ходить, напр. почтальонамъ, телеграфистамъ, посыльнымъ и проч. Врачи при клубѣ будутъ постоянно наблюдать за состояніемъ здоровья „членовъ-пѣшеходовъ“. (в.)

Курьезная переписка между однимъ сельскимъ старостою и становымъ приставомъ воспроизведена въ газетѣ *Елисаветградскій Вѣстникъ*. „Препровождая при семъ крестьянина (имя рекъ)—рапортовалъ староста—честь имѣю донести его вскбл. г. приставу ... стана, что онъ, какъ видно изъ его выраженій и поступковъ, *нездоровъ какой-то умственной неспособностью*, а потому имѣю честь покорнѣйше просить зависящаго распоряженія“. Приставъ написалъ на этомъ рапортѣ слѣдующее: „Поименованнаго крестьянина препровождаю въ ...скую земскую больницу и покорно прошу освидѣтельствовать его съ цѣлью признанія, дѣйствительно-ли онъ *страдаетъ умственными способностями*“. (в.)

Образцовый рапортъ по начальству напечатанъ въ одной изъ южныхъ газетъ: „Ввѣренный мнѣ сотскій Сидоровъ—говорится въ рапортѣ—перваго числа сего мѣсяца противозаконно застрѣлился, а съ чего ему послѣдовала смерть—неизвѣстно. По освидѣтельствованіи, зубы найдены частью у науличнаго окна, а прочія челюсти какъ будто вовсе вонъ извлечены изъ головы въ отверстіи *лбы*. Потолокъ на второй половинѣ прострѣленъ дырою, ибо комната имѣла направленіе на востокъ, такъ какъ задомъ была построена на западъ.“ (в.)

Тарпанъ. Не такъ давно въ Московскомъ зоологическомъ саду палъ тарпанъ (дикая лошадь), въ весьма преклонномъ для этого животнаго возрастѣ. Онъ прожилъ въ зоологическомъ саду съ самаго основанія этого учрежденія и представлялъ собою весьма рѣдкостный экземпляръ выродившагося вида лошади. Подобнаго экземпляра, какъ говорятъ, не было еще ни въ одномъ изъ европейскихъ звѣринцевъ. Тарпану зоологическаго сада было болѣе тридцати лѣтъ. Послѣдніе три года отъ старости онъ не ѣлъ уже ни овса, ни сѣна, и его кормили мѣшкой. За нѣсколько дней передъ издыханіемъ онъ совсѣмъ не принималъ никакой пищи. Изъ кожи животнаго сдѣлали чучело, которое поступило въ число рѣдкостей зоологическаго музея при Московскомъ университетѣ. (в.)

Возобновленіе древняго храма. Въ Муромѣ съ начала нынѣшняго лѣта происходятъ земляныя работы по возобновленію древняго забытаго Козьмо-Даміанскаго храма, построеннаго на холмѣ, который осыпался и грозилъ опасностью. По словамъ ревнителя и знатока историческихъ древностей Н. Г. Добрынкина, возникъ этотъ храмъ такъ. Въ 1552 г. царь Іоаннъ Васильевичъ пребывалъ въ Муромѣ на берегу Оки, гдѣ для него былъ раскинутъ роскошный шатеръ; отсюда царь обозрѣвалъ свои войска, во множествѣ плывшія на судахъ по Окѣ и временно расположившіяся на противоположной сторонѣ рѣки въ пойменной долинѣ. Здѣсь царь простудился и нѣкоторое время лежалъ больной. По выздоровленіи онъ повелѣлъ на мѣстѣ шатра воздвигнуть каменную церковь. Вскорѣ церковь была сооружена и освящена во имя Св. безсребренниковъ Козьмы и Даміана. Такъ гласитъ устная молва муромскихъ жителей. (в.)

Одному предпріимчивому трактирщику въ Лондонѣ пришла въ голову оригинальная мысль: возить по самымъ оживленнымъ улицамъ столицы такъ-назыв. „Luncheon-waggon“—фургоны съ завтракомъ. Въ каждомъ подобномъ фургонѣ находится поваръ, жаровня и достаточное количество сырыхъ припасовъ, для того чтобы каждый желающій могъ получать свѣже-приготовленное кушанье. Чтобы не затруднять движенія по улицамъ, посѣтители „подвижнаго ресторана“ должны влѣзать въ фургонъ и такимъ образомъ, во время завтрака, они могутъ проѣзжать часть своего пути, что составляетъ не малую приманку въ странѣ, породившей пословицу „время—деньги“. (с.)

Интересный и совершенно исключительный юбилей будетъ въ скоромъ времени праздновать *Пекинская газета*, а именно, тысячную годовщину своего основанія. По случаю торжественнаго событія будетъ, конечно, обнародована исторія газеты, составляющая солидный томъ и представляющая положеніе пекинской печати въ весьма благопріятномъ свѣтѣ. Оказывается, что *Пекинская газета* за тысячу лѣтъ своего существованія ни разу не была конфискована. (с.)

Въ Барнумскомъ звѣринцѣ въ Бриджпортѣ (Коннектикутъ) не такъ давно были произведены электрическіе опыты надъ различными животными. Принадлежащія къ кошачьей породѣ оказались наиболѣе чувствительными къ дѣйствію электричества; что же касается морскихъ львовъ и бегемотовъ, то пропускаемый чрезъ ихъ тѣла токъ, не вызывалъ въ нихъ ни малѣйшаго признака раздраженія. Обезьяны и волки начинали выть. Только на слоновъ опыты оказывали самое пріятное впечатлѣніе. При дѣйствіи 42 элементовъ Лекланшэ, они отъ удовольствія терли себѣ ноги и ласкались къ сторожамъ. (с.)

Рѣшеніе ребуса № 39
(помѣщенн. въ № 23).

„Часомъ опоздалъ и годомъ не воротишь“.

Рѣшеніе задачи буквъ № 40
(помѣщенной въ № 23).

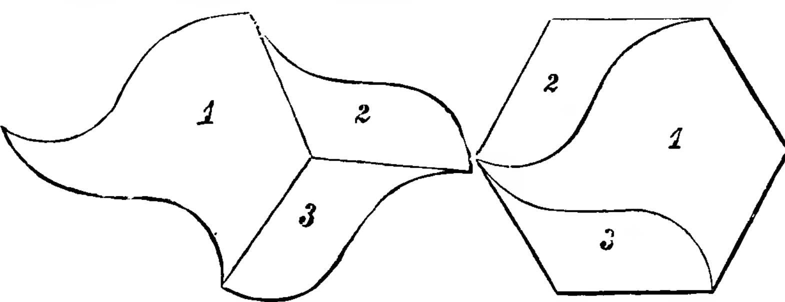
(3)	(1)	(4)	(2)
с	п	у	с
т	я	л	ѣ
т	о	в	ъ
л	ѣ	с	ъ
п	о	м	а
л	и	н	у
н	е	х	о
д	я	т	ъ

1) Мулъ. 5) Плесо.
2) Тля. 6) Яхта.
3) Вѣно. 7) Сѣти.
4) Пудъ. 8) Носъ.

„Спустя лѣто въ лѣсъ по малину не ходятъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—П. В. Панкова, Ф. А. Воронина, В. Г. Васильева; **Москва**—Н. К. Двинянинова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Бобруйскъ**—Е. Мольской. **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, Л. Е. Шилохвастова, **Климъ**—А. Королева, **Лебедянь**—В. П. Чурилина; **Николаевъ**—Фолькерта, **Перновъ**—Ф. Михель.

Рѣшеніе геометрической задачи № 41 (помѣщенной въ № 23).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—И. Е. Иванова-Кузнецова, С. П. Зимина, А. Н. Тонова, Л. Н. Свенторжецкаго, П. В. Панкова, М. П. Кочергина, Ф. А. Воронина, А. А. Коломенскаго, П. П. Пастухова, **Москва**—П. Полгина, **Арзамасъ**—Хомутинникова, **Александрополь**—Г. Ф. Кехасиуло, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Бирскъ**—П. Огаркова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Владикавказъ**—Р. Зинч, **Вязьма**—Н. Вейденбахъ, Л. Александрова, **Грязи**—Е. Н. Миролюбовой, **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Демидовка**—С. Подвысоцкаго, **Екатеринославъ**—Ф. Ильяшевича, **Износково**—Дмитровскаго, **Кременчугъ**—Г. С. Рабиновича, **Кіевъ**—А. Н. Шульженко, **Каменская**—В. Е. Севрюгова, **Лебедянь**—В. П. Чурилина, **Макарьевъ**—М. Лафина, **Мценскъ**—Б. Максимова, **Н. Новгородъ**—В. Обрядчикова, **Новогрудокъ**—І. Котарскаго, **Одесса**—Рейжевскаго, А. П. Нованн, **Осинова**—Ѳ. К. Листонадова, **Перновъ**—Ф. Михель, **Рязань**—П. Постникова, **Самара**—М. А. Смирнова, **Сергіевъ посадъ**—С. П. Заботина, Н. А. Стромынцева, **Смоленскъ**—К. П. Олицкаго, **Тотьма**—А. В. Горохова, **Устюжна**—А. Масникова, **Царское Село**—М. Ф. Таубе, П. П. Вядонѣева.

СТАТЬИ, рисунки и стихи для „Нивы" должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора, а также съ обозначеніемъ условій гонорара. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи, фотографіи и рисунки сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Генрихъ Блоккъ въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ., 19 іюля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Под. № 2, д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8 - 10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 29 іюля 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Лѣтняя идилія. Рис. Шлезингеръ, грав. Кезебергъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XV.

Оскорбленный художникъ съ бѣшенствомъ принялся за работу.

Въ первые дни онъ едва-едва говорилъ съ Вѣрочкой, не потому что въ его душѣ было еще раздраженіе противъ нея, нѣтъ, а потому что его мысли были сильно заняты картиною, которую онъ дописывалъ. Онъ разсѣянно глоталъ куски за обѣдомъ, не доѣвъ срывался и уходилъ къ мольберту; когда жена подходя останавливалась около, онъ безсознательно поднималъ на нее глаза и она видѣла, что онъ вѣрно даже и не замѣчаетъ ее въ такія минуты. Рядновъ сталъ вставать рано, онъ худѣлъ и желтѣлъ, въ всклокоченной за эти дни бородѣ прибавилось много сѣдыхъ волосъ. Часто ночью онъ просыпался и, присѣвъ на кровать, обдумывалъ что-то, потомъ босикомъ бросался въ другую комнату, наскоро набрасывалъ свои мысли и ложился, чтобы до утра не смыкать глазъ. Вѣра, по его приказанію, стала класть на столикъ у его изголовья бумагу и карандашъ и каждое утро находила первую исписанной. Александръ Петровичъ даже забылъ ее поблагодарить за ея заботливость... Глаза его пока видѣли хорошо. Ничто не застилало — вѣрно долгій отдыхъ послужилъ имъ въ пользу... Глядя какъ лихорадочно работаетъ его кисть, Вѣра боялась какъ бы на самомъ созданіи не отразилась спѣшность и недодуманность; она какъ-то сказала объ этомъ мужу, тотъ угрюмо отвѣтилъ:

— Мнѣ некогда. Если бы я былъ твоихъ лѣтъ, дѣло другое. Да я вѣдь по ночамъ обдумываю, когда ты спишь...

Черезъ двѣ недѣли общій обликъ картины былъ уже готовъ. Главныя фигуры выдѣлялись изъ нея странно, словно живыя среди хаоса еще ожидавшаго творческихъ усилій художника. Тучное, раскормленное тѣло Тиверія, его лицо съ властными и въ то же время подозрительными глазами, слѣдами разврата въ чертахъ, дряблое, пожелтѣвшее, было просто страшно; дѣвушки, привезенныя къ нему изъ Капуи, въ полной свѣжести и яркости красокъ, пугливыя какъ серны, съ ужасомъ смотрѣли на безсмысленную судьбу, олицетворявшуюся для нихъ въ образѣ ихъ повелителя; подлое лицо сенатора, угоднически-раболѣпное, льстивое, съ отпечаткомъ того же животнаго страха за себя; — все это выдѣлялось изъ миража набросковъ, разсѣянныхъ мазковъ, начатыхъ и брошенныхъ деталей... Только вверху въ амбразуру окна смотрѣло знакомое Вѣрочкѣ глубокое, строгое, темно-синее небо Капри съ бѣлою искоркою голубка, утонувшаго въ его недосягаемой выси...

— Ну, что скажешь?.. обратился къ ней Рядновъ.

— Развѣ я могу... По моему, это великолѣпно... Это лучшее изъ всего, что я у тебя видѣла...

— Да, полагаю. Я имъ утру носъ. Я покажу имъ *бывшаго* художника. Ну-ко пускай нынѣшніе попробуютъ такъ?

— Знаешь-ли... Я бы только это общее выраженіе страха бросила отсвѣтомъ и на лицо Тиверія...

— Что? не сообразилъ онъ въ первый моментъ...

— Я бы и ему сдѣлала присущимъ этотъ ужасъ такъ или иначе умирающаго міра. Власть, оргіи, бѣшенство страсти — и въ то же время тамъ гдѣ-то въ глубинѣ, въ потемкахъ, темный, безсмысленный ужасъ передъ томительнымъ „завтра“...

Рядновъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее, потомъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Да... да... Откуда это у тебя берется — не понимаю... Да, это вѣрно... Это будетъ удивительно хорошо.

И онъ заработалъ съ бѣшенствомъ, съ какимъ-то страданіемъ и ужасомъ, точно этотъ страхъ передъ „завтра“ умирающаго языческаго міра передался и ему.

Вечеромъ онъ первый подошелъ къ Вѣрѣ.

— Знаешь, твой совѣтъ точно освѣтилъ картину новымъ выраженіемъ...

Теперь, какъ только заходило солнце, вплоть до восхода онъ давалъ отдыхъ своимъ больнымъ глазамъ. Лампу зажигали въ другой комнатѣ, въ этой были потемки. Въ слабомъ, едва достигавшемъ сюда свѣтѣ, чуть мерещились золотыя рамы, едва-едва намѣчивались серебряные кубки и парча, разбросанные по кресламъ. Рядновъ цѣлые часы сидѣлъ въ одномъ изъ нихъ и думалъ-думалъ... Вѣрочка замѣчала, что за все это время она уже не занимаетъ мѣста въ его сердцѣ. Художникъ весь ушелъ въ свою работу, передъ нимъ носились миражи другихъ ожидавшихъ воплощенія картинъ, онъ усиленно, съ болью, истомой, напряженіемъ представлялъ ихъ себѣ уже написанными со всѣми деталями, обдуманными такъ, чтобы потомъ ему остался только трудъ копировальщика, вѣрнаго вполнѣ намѣтившемуся въ головѣ оригиналу... Что ему было до женщины заботившейся о немъ, до Вѣрочки, которая старалась неслышимо быть около него, тѣнью слѣдовать за нимъ, предупреждая его раздраженіе, его нравственныя боли и муки. И рядомъ съ этимъ, рядомъ съ торжествомъ художника, уже видящаго свое созданіе воплощеннымъ въ чудныя и безукоризненныя формы настоящаго вдохновеннаго творчества, что-то странное, холодное, незамѣтное сначала заползало въ его душу.

Это былъ „страхъ“... Глупый, безотчетный страхъ...

— Не упадетъ-ли тамъ лампа?.. Ты знаешь, керосинъ разольется, вспыхнетъ и моя картина...

— Нѣтъ, лампа стоитъ прочно...

— Хорошо-ли заперты двери парадной лѣстницы?.. Не можетъ-ли войти кто?..

Какъ-то прилетѣлъ Дороцкій и сорокою заболталъ въ гостиной. Вѣра хотѣла уже провести его къ мужу, но тотъ озабоченно вышелъ, сумрачно посидѣлъ минуту, ушелъ и заперся...

— Можно къ вамъ? постучался къ нему гость.

— Не могу... Заходите когда кончу...

Потомъ онъ объяснялъ Вѣрочкѣ:

— Ты знаешь, это случается... Дороцкій болтунъ... Начнетъ вездѣ звонить о моей картинѣ. Ну, другой художникъ и воспользуется мыслью. Это случается. Воровство сюжетовъ не такъ рѣдко какъ думаютъ...

Онъ и на Вѣрочку сталъ смотрѣть подозрительно.

— Что́ ты пишешь теперь внизу?..

— Такъ кое-что.

Ея уклончивый отвѣтъ ударилъ Ряднова по сердцу. Онъ не сказалъ ни слова, а какъ только она пошла внизъ работать, онъ заперъ свою мастерскую и спустился къ ней... Вѣра изумилась и обрадовалась увидя его.

— Какъ я рада!

Но онъ ее не слушалъ, а весь дрожа и ревниво озираясь шелъ къ ея картинамъ... Осмотрѣлъ ихъ, потомъ бросился къ недоконченной, надъ которой она работала.

— Отчего ты не хотѣла сказать?.. Отчего?.. разсѣянно ронялъ онъ подходя.

И разомъ успокоился.

Передъ нимъ была когда-то видѣнная имъ монастырская „рисовальня“... Съ одной стороны сбились въ кучу испуганныя бѣлицы, а съ другой — у рамы картины, стоялъ онъ, Рядновъ, и съ ласковой усмѣшкой созерцалъ наивное созданіе монашеской кисти. Въ картинѣ было много правды, искренности и свѣта.

— Да... а я думалъ...—И кровь прилила къ его желтому лицу. — Знаешь, Вѣрочка, ты вообще пока не сердись на меня... Мнѣ иной разъ самому кажется, что я дѣлаюсь сумасшедшимъ...

Онъ пошелъ было уже къ дверямъ, какъ остановился разомъ. Около стояла спиною прислоненная къ стѣнѣ картина.

— А здѣсь что́, здѣсь что̀?..

Опять лицо его подернулось ревнивою подозрительностью.

— Ты не вставай, я самъ, я самъ...—Онъ торопливо повернулъ къ свѣту картину и опять покраснѣлъ. — Да-да, недурно, очень недурно... Уголокъ Капри. Солнце хорошо бьетъ въ эту стѣну и золотые блики на кактусахъ живо переданы. Море вонъ тамъ какъ будто слишкомъ сине... А у тебя больше нигдѣ нѣтъ картинъ, а?.. Можетъ-быть ты куда-нибудь ставишь ихъ...

— Нѣтъ, Саша... Зачѣмъ же бы я стала ихъ прятать.

— Такъ, знаешь... бываетъ... бываетъ.

И онъ все такъ же торопливо, порывисто, лихорадочно пошелъ къ себѣ приниматься за прерванную работу.

XVI.

Совѣтъ Вѣрочки дѣйствительно придалъ картинѣ какой-то невыразимый ужасъ. Цѣлая эпоха становилась понятною и одинаково жалкими казались и палачи ея, и жертвы... Но и для самого художника работа эта не прошла даромъ. Къ прежнимъ страхамъ, когда онъ уже доканчивалъ ее, присоединился новый...

Она почти была дописана... Выдѣлились прозрачные мраморы Тиверіева дворца. Солнце заиграло на ихъ бѣлой поверхности, ушли въ сумракъ высокаго свода стройныя колонны, запестрѣла чудными сочетаніями красокъ мозаика половъ, чуть мерещилась на стѣнахъ помпейская живопись, курился и краснымъ огонькомъ подернулся жертвенникъ, голубая сквозная глубь бассейна вспѣнилась подъ холодною струей, падавшей изъ пасти мраморнаго льва. Въ глубинѣ темныхъ нишъ забѣлѣли строгіе бюсты—въ окнахъ уже горѣло полуденное небо... Капуанскія дѣвушки были окончены и лица вышли изумительно прекрасны. Оставалось только додѣлать кое-гдѣ ноги, пройти еще по картинѣ нѣсколькими мазками и въ глубинѣ арки дописать видные сквозь нее пышные платаны и кактусы. Оставалось работы дня на четыре, на пять, какъ вдругъ разъ Александръ Петровичъ сбѣжалъ внизъ къ Вѣрѣ.

На немъ лица не было.

— Что́ съ тобою?..

— Пожалуйста, подымись ко мнѣ на одну минуту...

Она поспѣшила исполнить его требованіе.

— Ты ничего не замѣчаешь?

— Ничего, кромѣ того что картина будетъ превосходна. Я бы только на голый черепъ этого вотъ сенатора бросила нѣсколько солнечныхъ бликовъ... Вѣдь окно—вонъ гдѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, а краски... краски-то вѣрны?

— Совершенно.

— Ты мнѣ говоришь правду?.. подозрительно переспросилъ онъ ее.

— А что-же другое я бы могла сказать тебѣ?

— Слава Богу!.. Я положительно сойду съ ума... Теперь мнѣ стало казаться, что эти краски только моему испорченному зрѣнію являются такими, а въ дѣйствительности онѣ совсѣмъ другія. Эта проклятая болѣзнь глазъ. Я потеряю съ нею вѣру въ себя... Теперь меня постоянно мучаетъ страхъ, что я ослѣпну, не кончивъ картины...

Вѣра внимательно посмотрѣла на него.

Края глазъ были сильно воспалены, даже вѣки вспухли на немъ и покраснѣли.

— Они болятъ у тебя?

— Нѣтъ... Колетъ какъ-то временами, да я не замѣчаю—некогда. Все это разумѣется болѣзни воображенія. Глупости.

— Ты-бы сдѣлалъ перерывъ.

— А къ выставкѣ у меня ничего не будетъ готово? Такъ!.. впрочемъ, что-же? Тебѣ-же будетъ лучше тогда. Ряднову не будутъ сравнивать съ Рядновымъ... Не такъ-ли?

— Какъ тебѣ не стыдно...

— Ну да ужь тамъ стыдно или нѣтъ... Иди—я сажусь за дѣло.

И она еще была въ дверяхъ, а кисть его уже лихорадочно заработала.

На другой день онъ былъ въ ужасномъ состояніи. Боязнь ослѣпнуть какимъ-то неизмѣннымъ призракомъ стала около и не отходила отъ него. Что̀ онъ ни дѣлалъ, какъ ни старался заработаться до измору, о чемъ ни думалъ—она своими хладными руками сжимала ему сердце. Да—онъ ослѣпнетъ не кончивъ картины, этой картины которая должна будетъ зажать ротъ всѣмъ тѣмъ негодяямъ, и если ихъ клеветамъ повѣрятъ, онъ станетъ для всѣхъ бездарностью, все прошлое его забудутъ... И Рядновъ съ головокружительною торопливостью набрасывалъ мазокъ за мазкомъ, схватываясь порою за голову, такъ она у него ходила во всѣ стороны и болѣла въ вискахъ. Вѣра не могла спокойно смотрѣть на него. Ея мужъ не былъ похожъ самъ на себя. Онъ дрожалъ, смотрѣлъ на все какимъ-то безумнымъ взглядомъ; при разговорѣ губы его трепетали и изъ груди вмѣсто дыханія вырывались сиплые стоны.

Когда по вечерамъ онъ отдыхалъ, сидя въ креслѣ и зажмурясь, тишина его комнаты, полумракъ, спокойное чтеніе Вѣрочки не приносило ему успокоенія. Онъ не слушалъ ея вовсе. Ему казалось, что это не темнота, а просто онъ уже пересталъ видѣть.

— Принеси лампу! приказывалъ онъ.—На минутку! пояснялъ онъ ей.

Лампу вносили. Рядновъ жадно смотрѣлъ какъ выступало изъ угловъ дописанное имъ полотно, какъ загорались рамы картинъ, какъ изъ потемковъ выдѣлялась статуя, давно стоявшая тамъ, и намѣчивались алые цвѣта на пестромъ коврѣ около.

— Довольно!.. Унеси! говорилъ онъ, успокоенный.

И вдругъ ему представлялось, какъ его будутъ водить слѣпаго изъ комнаты въ комнату. И пожалуй его картину, эту еще никому неизвѣстную картину, выдадутъ за свою. „Кто выдастъ?.. Некому... Вѣра не дастъ... А что̀ если она завидуетъ ему такъ-же, какъ онъ завидовалъ ей?.. Всѣ—люди. Ей сто̀итъ только сказать...“ И онъ вдругъ сорвался съ мѣста.

— Вѣра, посвѣти мнѣ на секунду одну въ мастерскую.

— Ты вечеромъ хочешь работать?

Въ ея вздрогнувшемъ отъ опасенія голосѣ онъ прочиталъ подтвержденіе его мысли.

— Я тебѣ говорю, возьми лампу. Вѣдь я и самъ...

Она покорно понесла туда лампу.

Александръ Петровичъ сѣлъ къ картинѣ и написалъ въ углу ея своимъ обычнымъ росчеркомъ:

„Александръ Рядновъ,
Петербургъ, Сентября 188... года.“

— Развѣ бы ты не успѣлъ сдѣлать это завтра?..

— Завтра можетъ быть было бы поздно...

Потомъ онъ позвалъ Семена.

— Семенъ, ты видишь эту картину? Ну, такъ помни: ее нарисовалъ *я*, я одинъ. Никто не помогалъ мнѣ, никто не участвовалъ въ этомъ. Я... я одинъ.

Весло упустилъ! Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Пора на водопой! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Глоба, грав. Ангереръ.

Проснувшись ночью, во мракѣ, онъ вскрикивалъ, ему казалось, что онъ ничего не видитъ. Онъ протягивалъ руку, покрытую холоднымъ потомъ ужаса, къ столу, бралъ коробку спичекъ, зажигалъ одну, и радостно улыбаясь, смотрѣлъ на желтый огонекъ. Давалъ спичкѣ догорѣть, опаляя себѣ руку. Бралъ другую, третью и съ ними продѣлывалъ то же. Потомъ, подымая высоко надъ собою ихъ и освѣтивъ такимъ образомъ углы, засыпалъ счастливый и спокойный до перваго пробужденія и новыхъ предчувствій несчастія, которое онъ какъ будто уже чуялъ надъ собою.

XVII.

Картина была кончена и сохла.

Теперь только изрѣдка подходилъ къ ней Рядновъ и клалъ то тамъ, то здѣсь блики. Смягчалъ кое-гдѣ слишкомъ рѣзко выступавшую краску, сливая оттѣнки. Положеніе Вѣрочки было невыносимо. Онъ уже не пускалъ ее къ себѣ.

„Неужели я стала ему до такой степени противна?“ думала она, вспоминая какъ онъ ласкалъ ее когда-то.

— Послѣ, послѣ, встрѣчалъ онъ ее въ дверяхъ мастерской.—Послѣ...

— Ты вѣдь кончилъ, позови врача. Теперь займись глазами.

— Глупости!

Онъ запирался на цѣлые дни и стерегъ свое сокровище.

Теперь онъ въ волю пускалъ сюда свѣта. Ему все казалось, что темно кругомъ. Онъ выходилъ къ обѣду веселый и все чаще отъ него пахло коньякомъ. Вѣра знала, что въ послѣдніе дни работы онъ искусственно поддерживалъ свою бодрость,—онъ, никогда не пившій до тѣхъ поръ. Теперь бутылка съ отвратительнымъ пойломъ стояла у него на окнѣ, и всякій разъ какъ Вѣра заговаривала объ этомъ, Александръ Петровичъ выходилъ изъ себя:

— Чтó я развѣ пьяница, что-ли? Ты кажется совсѣмъ сошла съ ума, или воображаешь себя моей гувернанткой. Пожалуйста успокойся, мнѣ не нужны твои попеченія.

И какъ будто не замѣчая въ жару спора, дѣлалъ самъ глотокъ за глоткомъ.

— Какъ вамъ кажется, чтó лучше: ослѣпнуть или оглохнуть и онѣмѣть? задавалъ онъ вопросы знакомымъ, когда тѣ его навѣщали.

— Право не знаю, чтò сказать вамъ!.. И то, и другое скверно.

— А я думаю, что всего ужаснѣе ослѣпнуть. Тьма кругомъ, вѣчная тьма—точно могила сомкнулась надъ тобою. Знаешь, обращался онъ къ Вѣрочкѣ,—я пожалуй согласенъ съ докторомъ, съ профессоромъ—помнишь? Глазъ вынуть хотѣлъ мнѣ—для него это все равно что зубъ вырвать... Я все равно правымъ уже ничего не вижу. То-есть временами вижу, а временами нѣтъ...

У него явился теперь сверхчеловѣческій страхъ за свой другой глазъ. Онъ готовъ былъ Богъ знаетъ на чтó, только бы спасти его. Онъ съ завистью смотрѣлъ на жену, подолгу засматривался на небо, воображая, что быть-можетъ придетъ моментъ, когда эта блѣдная сѣверная лазурь закроется для него навсегда. И тамъ будетъ тьма, и въ душѣ—кругомъ станетъ темно.

Онъ поѣхалъ къ доктору вмѣстѣ съ Вѣрочкой.

— А, почтеннѣйшій! встрѣтилъ его весело эскулапъ.— А картину-то вы мнѣ не послали?

— Я думалъ, что вы раздумали, профессоръ.

— Ну, нѣтъ-съ. Я чтó скажу, то свято... Жду, жду-съ... Денежки готовы, получайте... Ну, что ваши глазки?..

— Я пріѣхалъ къ вамъ—посмотрите. Если вы находите, что надо вынуть одинъ, берите его. Богъ съ вами! попробовалъ Рядновъ пошутить.

— Н-да!.. Посмотримъ, посмотримъ. Садитесь-ко вотъ сюда.

Онъ зажегъ лампу, сталъ изслѣдовать больной глазъ и по привычкѣ забралъ свои усы въ ротъ. Все это замѣчала Вѣра. Не укрылось отъ нея, какъ онъ вдругъ нахмурился, повелъ плечами и откинулся назадъ.

— Ну? спросилъ его Рядновъ.

— Не торопе-ву па! попробовалъ пошутить профессоръ и загадочно посмотрѣлъ на художника.—Да... Потомъ задумался и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, продекламировалъ:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій.

Да-съ, такъ. Именно. Никакихъ послѣдствій. Ну-ко, позвольте теперь другой глазокъ.

Вѣра замѣтила, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ онъ сталъ наблюдать его, какъ все болѣе и болѣе забиралъ въ ротъ усы, пыхтѣлъ, хмурился, потомъ опять, по своей привычкѣ, отвалился назадъ и забарабанилъ пальцами по колѣну.

— Надо вынимать, докторъ? постарался оставаться бодрымъ Рядновъ.

— Вы давно пріѣхали?

— Четыре мѣсяца.

— Тамъ вы не лѣчились?

— Нѣтъ, почти не лѣчился.

— Четыре мѣсяца тутъ, да двѣ недѣли тамъ... Не предвидя отъ сего... птичка ходитъ... Да-съ.

Онъ озабоченно посмотрѣлъ на него, опасливо, какъ-то бокомъ на Вѣру, всталъ и началъ мыть руки.

— Что-же вы мнѣ скажете, докторъ?

Профессоръ заговорилъ не оборачиваясь, очевидно онъ нарочно полоскался дольше.

— Вынимать нахожу излишнимъ.

— Значитъ, вы тогда ошиблись?

— Да, знаете... это случается... съ нами... Единъ Богъ безъ грѣха, единъ Богъ безъ грѣха. На улицѣ двѣ курицы съ пѣтухомъ дерутся, вдругъ невыносимо фальшиво запѣлъ онъ.—А дѣвицы изъ окна смотрятъ и смѣются... Напрасно вынимать-съ! Не надо теперь.. Теперь не надо...

И онъ невольно, самъ того не желая, подчеркнулъ *теперь*.

— Я вотъ сейчасъ... прописочку маленькую, рецептикъ... убирался онъ къ столу на своихъ коротенькихъ ножкахъ, стараясь не встрѣтиться взглядомъ съ этой пытливо глядѣвшей на него женщиной. Онъ дѣйствительно написалъ рецептъ, потомъ набросалъ нѣсколько строкъ, зажалъ ихъ въ руку и, значительно посмотрѣвъ на Вѣру, показалъ.

Рецептъ онъ подалъ Ряднову, а бумажку незамѣтно взяла Вѣрочка. Когда Рядновъ вздумалъ было расплачиваться, профессоръ возмутился:

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста—съ писателей, художниковъ и артистовъ не беру. Мы вѣдь всѣ, какъ говорится, люди свободныхъ профессій, товарищи, рыцари одного и того же ордена, слышите... Сильно работаете вѣрно? какъ будто вскользь замѣтилъ онъ.

— Да, кончилъ только теперь картину. Еще два штриха и готово.

— Ну, и Богъ съ вами...

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но, ахъ, кто, сердце, можетъ
Противиться тебѣ.

— Что вы это сегодня, профессоръ, въ пѣвучемъ настроеніи, кажется?

— Въ козлиномъ. Козлитонъ у меня, вмѣсто баритона, отшучивался онъ.

Пріѣхавъ домой, Вѣрочка прочла:

„Вооружитесь бодростью. Лѣвый глазъ можно было спасти еще два-три мѣсяца назадъ. Теперь поздно. Онъ зараженъ такъ-же, какъ и правый, извлекать который напрасно. Все равно ничему не поможешь. Вашъ мужъ ослѣпнетъ, и скоро... Медицина тутъ безсильна“.

Дня черезъ два послѣ того, Рядновъ, веселый, позвалъ Вѣру къ себѣ въ мастерскую.

На него нашла спокойная минута и онъ радовался ей какъ ребенокъ. Сидя передъ своей картиной, онъ взялъ кисть. Ему осталось сдѣлать нѣсколько выразительнѣе глаза у одной изъ капуанокъ.

— Такъ будетъ лучше... А?..

Вдругъ онъ крикнулъ и рухнулъ со своего табурета внизъ.

Вѣра бросилась къ нему.

— Что ты?..

— Глазъ... глазъ мой, глазъ!..

Онъ подымался, держась рукою за правый глазъ.

— Нѣтъ его, нѣтъ!.. Господи!.. Что это?„—Наконецъ зажмуря лѣвый, онъ открылъ правый. — Вотъ оно... вотъ оно... Пришло... Я думалъ...

И вдругъ, прислонясь къ ея плечу, онъ зарыдалъ горько, неудержимо, отчаянно, какъ плачутъ люди, для которыхъ уже нѣтъ надежды на спасеніе.

— Я имъ ничего... ничего не вижу... Съ утра, съ утра было плохо... думалъ ничего, пройдетъ.

Вѣра подвела его къ креслу и усадила.

Черезъ всю картину, отъ головки намѣченной имъ капуанки, вплоть до рамки шелъ длинный мазокъ скользнувшей внизъ, вмѣстѣ съ художникомъ, кисти.

XVIII.

Рядновъ нѣсколько дней уже лежалъ въ своей спальнѣ. Плотно опущенныя занавѣси не пропускали сюда свѣта вовсе. Полумракъ стоялъ кругомъ. Блѣдная и измученная Вѣра не отходила отъ мужа совсѣмъ. Даже когда раздраженный, доходившій почти до помѣшательства, онъ гналъ ее отъ себя, она пряталась въ другой комнатѣ, безмолвно плача тамъ или молясь, пока его крикъ или звонокъ не призывали ее къ нему. Она послала за „профессоромъ“; тотъ пріѣхалъ. Посмотрѣлъ больнаго и сталъ съ нимъ шутить.

— Выздоровлю я? опасливо спрашивалъ онъ.

— О, да, разумѣется. Да вы не таращитесь. Вамъ надо быть спокойнымъ, слышите: спокойнымъ. Со спокойствіемъ все опять вернется къ вамъ. Нечего бояться.

— Глазъ вернется? недовѣрчиво перебилъ онъ его.

— Ну разумѣется... Только надо не волноваться, слышите: не волноваться.

— Такъ скажите, досадливо заговорилъ онъ,—моей женѣ, чтобы она не раздражала меня... А то я не имѣю ни минуты покоя. Ни секунды.

Докторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я очень несчастливъ, профессоръ, очень несчастливъ. Не могу выразить, чего мнѣ стоитъ все это. Можетъ-быть потому у меня и этотъ глазъ закрылся, что я все время злился, выходилъ изъ себя... У нея, онъ заговорилъ тихо,—у нея ужасный характеръ. Она все молчитъ, но я знаю, о чемъ она думаетъ...—Рядновъ вдругъ приподнялся на локти. — Она вообразила, что ея картины гораздо лучше моихъ, что я уже ничего не стою... Я написалъ теперь „Тиверія“... На этомъ можетъ-быть и глазъ потерялъ... Я хочу, чтобы вы его посмотрѣли и знали... и потомъ, если понадобится, засвидѣтельствовали, что это моя... моя картина. Тамъ ни одного мазка чужаго нѣтъ... Ни одного.. Все я, все самъ...

Когда докторъ вышелъ, Вѣра ждала его внизу у себя.

— Ну, барыня, пожалъ онъ ей руку, — вооружитесь теперь большимъ терпѣніемъ. Съ нимъ—не хорошо. Второй глазъ у него тоже зараженъ, но вопросъ, когда онъ его потеряетъ. Можетъ—черезъ годъ, а то и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Все бываетъ. Бываетъ вотъ что и курица пѣтухомъ кричитъ, неуклюже по привычкѣ пошутилъ онъ.—Теперь главное—исполнять всѣ его капризы. Онъ не нормаленъ. На васъ жалуется, вы де всему причина. Но вы — терпите и ни слова... „Объ этомъ ни слова, ни слова, ни слова... Молчи... молчи!..“ вдругъ запѣлъ онъ. — Откуда это бишь... да изъ „Периколы“. Такъ вотъ. Какія бы глупыя фантазіи ему въ голову ни приходили — пускай... „Ахъ почто за мечъ воинственный я свой посохъ отдала...“

— Да, но если онъ опять работать захочетъ?

Докторъ завертѣлъ пальцами одинъ около другаго.

— А вы думаете захочетъ?

— Отъ него станетъ. У него теперь недовѣріе ко всѣмъ...

— Будетъ работать, ослѣпнетъ въ мѣсяцъ... Это ужь такъ... А и мѣшать нельзя. Помѣшаешь—спятитъ... И это бываетъ... Но вы уже присмотрите, какъ-нибудь... У васъ, у женщинъ, на это особенный тактъ есть, вы умѣете... И со слѣпцами. Да... какъ это...

> Малютка, шлемъ нося, просилъ
> У Бога пищи лишь дневныя
> Слѣпцу, котораго водилъ,
> Кѣмъ славны Римъ и Византія...

Въ моей молодости хорошіе стихи писали, Вѣра Васильевна. Теперь такихъ не пишутъ.

> Подайте мальчику на хлѣбъ —
> Онъ Велизарія питаетъ...

— Чтó же мнѣ посовѣтуете?

— Ничего... И такъ скверно, и этакъ не хорошо. Значитъ, поступайте по вдохновенію.

Ночью, когда Вѣрочка, утомленная, только что задремала, ее разбудилъ крикъ Александра Петровича.

— Чтó, что съ тобой?

— Тамъ въ мастерской люди... Я слышалъ шумъ...

Вѣра зажгла свѣчу и пошла туда.

— Побойся Бога, никого нѣтъ...

— Не можетъ быть, я самъ слышалъ, понимаешь, самъ, своими собственными ушами. Картина моя цѣла?

— Цѣла...

— Такъ внеси ее съ Семеномъ. Разбуди и внеси сюда... Я хочу, чтобы она здѣсь была, въ спальнѣ. Иначе я не вѣрю... Я вѣдь знаю... Нечего на меня такъ смотрѣть. Я все вижу еще однимъ-то глазомъ, сдѣлайте одолженіе, меня не надуете...

Вѣра разбудила лакея. Картину внесли. Александръ Петровичъ успокоился, но не на долго. Часъ спустя ему почудилось, что если онъ заснетъ, ее могутъ все-таки взять у него изъ спальни, а онъ не услышитъ... Онъ приказалъ ее поставить за кровать у стѣны. Пощупалъ подъ подушкой револьверъ—тутъ-ли? и только тогда успокоился.

Недѣлю или двѣ, потрясенный организмъ его шалилъ такимъ образомъ. Потомъ, привыкнувъ къ потерѣ глаза, Александръ Петровичъ пришелъ въ себя. Разъ утромъ, когда вставшая ранѣе Вѣра вошла къ нему, онъ поймалъ ея руку и прижалъ ее къ губамъ. Бѣдная женщина даже растерялась отъ ласки, отъ которой она давно отвыкла.

— Прости меня. Я кажется измучилъ тебя. Мнѣ представлялось Богъ знаетъ чтó... Ты не должна сердиться на меня, вѣдь я больной и ты не принимай моихъ выходокъ къ сердцу.

Въ этотъ день онъ всталъ и показался въ другія комнаты. Скоро онъ успокоился совсѣмъ.

— Я однимъ глазомъ теперь еще лучше вижу... Такъ только иногда заститъ кое-что...

— Ты знаешь, заговорилъ онъ нѣсколько позже, —

я даже думаю, что къ выставкѣ успѣю отдѣлать свою „Байю“, помнишь въ Капри началъ, развалины храма въ Байѣ...

— Побереги глазъ.

— Да вѣдь этотъ глазъ здоровъ. При тебѣ же тогда докторъ говорилъ, еще въ Италіи, что онъ за оба глаза будетъ одинъ отлично работать.

— По крайней мѣрѣ этотъ годъ ты не утомляйся.

Къ нему опять вернулось странное выраженіе лица, которое она замѣчала во все время его болѣзни.

— Да, подождать... Еще бы! Это будетъ отлично для тебя... Ряднова выставитъ пять-шесть картинъ, а ея мужъ одну. Ну, разумѣется, услужливые рецензенты, для которыхъ у насъ есть и веселая улыбка, и заманчивый взглядъ...

— Саша, Саша, какъ тебѣ не стыдно! Знай же что я рѣшилась уже не выставлять своихъ картинъ совсѣмъ.

— Да? Поздно немножко, когда объ нихъ дуракъ Дороцкій прокричалъ. Скажутъ: „бѣдная жертва... Мужъ изъ зависти заставляетъ ее оставаться въ тѣни.“

„Боже мой, какъ онъ перемѣнился за нѣсколько мѣсяцевъ!“ думала Вѣра, глядя, какъ какая-то жесткая улыбка безобразила его губы.

— Нѣтъ, довольно о глупостяхъ. Твои картины будутъ, и мои тоже. Ты что̀ же вообразила, крикнулъ онъ на нее,—что я боюсь соперничества, что-ли? Съ тобою? Я еще никогда и никому не завидовалъ и всѣмъ отдавалъ должное. Я не таковъ какъ другіе художники.

И онъ черезъ нѣсколько дней, считая себя вполнѣ оправившимся, принялся опять за работу.

Вмѣстѣ съ этимъ и нравственное состояніе его стало лучше. Онъ началъ даже шутить.

— Вѣра, а ты видишься еще съ этой... какъ ее, мать Синекдоха или мать Тарантула?

— Вижусь.

И она строго посмотрѣла на него.

— Ну не буду, не буду... Я даже и спросилъ потому, что она вѣрно сердится на меня... за тотъ вечеръ... Я бы не прочь даже извиниться.

— Мать Парѳенія настолько безобидна и добра, что она тогда же тебя простила. И за себя...

И Вѣра Васильевна примолкла.

— И за тебя. Оканчивай. Ну будетъ, не станемъ ссориться. Мнѣ случается думать, что я схожу съ ума. Приведи ее сюда.

— Она не пойдетъ.

— Ну я пойду къ ней.

— Напрасно. Ты еще больше разобидишь ее.

— Что̀ же мнѣ сдѣлать?

— Если ты каешься въ этомъ, помолись, чтобы тебя Богъ простилъ, а она на тебѣ зла не помнитъ.

— Ну это по вашему, по монашескому...

Еще черезъ недѣлю Ряднов сталъ уже выходить.

Онъ возобновилъ старыя знакомства, побывалъ въ нѣкоторыхъ дружественныхъ ему редакціяхъ, пригласилъ къ себѣ Дороцкаго и показалъ ему картину. Дороцкій разумѣется разблаговѣстилъ о ней въ печати. На другой же день къ художнику побѣжали репортеры. Враждебныя ему изданія промолчали.

Александръ Петровичъ торжествовалъ. Къ вящему своему удовольствію, онъ встрѣтилъ „профессора“-доктора на улицѣ, а тотъ сдѣлалъ веселое лицо и поздравилъ его съ выздоровленіемъ.

— Вотъ такъ-то лучше.

— А какъ же съ этимъ глазомъ?

— Да развѣ онъ вамъ мѣшаетъ?

— Нѣтъ... Но я въ него только и различаю свѣтъ отъ мрака.

— И слава Тебѣ, Господи. До перваго дня мірозданія и самъ Господь не раздѣлялъ ихъ. Что же вы больше Бога быть хотите?

— Вы все смѣетесь, докторъ.

— Отчего же не смѣяться? Для пищеваренія это вотъ какъ хорошо!..

Да какъ еще смѣется,
Да ну ихъ, говоритъ,
Да ну ихъ, говоритъ,
Вотъ, говоритъ, потѣха,
Ей-ей умру,
Ей-ей умру,
Ей-ей умру отъ смѣха...

Что же по вашему лучше плакать, что-ли?

Вѣра встрѣтилась съ Дороцкимъ.

— Послушайте.—И она вся покраснѣла. Ей впервые приходилось еще лгать и притворяться и прибѣгать къ изворотливости. — У меня къ вамъ просьба.

— Весь къ вашимъ услугамъ.

— Будьте добры, когда вы станете писать о картинахъ мужа, не упоминайте обо мнѣ, или скажите вскользь... Даже „обругайте“, засмѣялась она.

— Васъ, васъ, ругать... Божественная!

И Киръ-царь-Персидскій, забывъ что онъ на улицѣ, ткнулся ей губами въ перчатку.

— Пожалуйста, я серьезно... Онъ боленъ, раздражителенъ...

И она, стыдясь самое-себя, потупилась. Даже Дороцкій сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Довольно... довольно, и ни слова... Ни одного слова, я понимаю и молчу. Слышите: молчу. Вы... вы.. онъ отступилъ на шагъ назадъ и сдѣлалъ жестъ,—вы велики!..

На другой день въ газетѣ еще разъ заговорили о картинѣ Ряднова, при чемъ какъ бы кстати, невѣдомый авторъ прибавилъ: „Что же касается до работъ его жены, то хотя ей и нельзя отказать въ талантѣ, но все лучшее что̀ у нея есть—она заняла у своего мужа, а если говорить о своемъ, то свое у нея еще не представляетъ особенно выдающихся достоинствъ. Впрочемъ, ея картины довольно милы и несомнѣнно понравятся публикѣ.“

Рядновъ въ то же утро влетѣлъ къ ней въ мастерскую сіяющій.

— Ты читала газеты?

— Нѣтъ

— Тутъ опять о моей картинѣ. Обрадовались. Молчали-молчали, а теперь во всѣ колокола. Я къ этому довольно равнодушенъ. Но воображаю какъ всѣ мои недруги злятся. Вскользь онъ и о тебѣ говоритъ. И не дурно, знаешь, говоритъ Не много, но вѣрно. Я тоже нахожу, что молодыхъ художниковъ захваливать не слѣдуетъ. Они тогда воображаютъ что въ предѣлѣ земнаго свершили все земное и начинаютъ работать спустя рукава. Надо чтобы слава давалась съ трудомъ, а то у насъ за послѣднее время слишкомъ уже щедро стали раздавать лавровые вѣнки. Кому только не швыряли ихъ. Мальчишкамъ, у которыхъ въ письмѣ кромѣ молодой дерзости еще ничего нѣтъ... Нѣтъ, хорошо, право, хорошо

„Спасибо Дороцкому“, думала про себя Вѣра. — „Спасибо ему. “

— Какой вы милый! встрѣтила она его, когда онъ пришелъ къ нимъ.

— Ни слова.. Я понимаю все.. Ни слова. Пусть умретъ здѣсь.—И онъ трагически ткнулъ себѣ въ грудь противъ сердца —Только вы да я. Больше никто.

Съ этого времени Дороцкій сталъ смотрѣть на Ряднова съ соболѣзнованіемъ и, встрѣтивъ взглядъ Вѣрочки, дѣлалъ ей ужасно глупые глаза, что̀ должно было изображать всю глубину его уваженія и сочувствія къ ней.

(Продолженіе будетъ).

Малороссійская жница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Котляревскаго, грав. Шюблеръ

Кто-же?

Разсказъ **Петра Дорошенко.**

(Окончаніе).

„Не взыщи, дорогая Маша (такъ начиналось письмо), что такъ долго не подавала о себѣ вѣсточки. Мысленно я часто съ вами, слѣжу за вашимъ жизненнымъ путемъ, и всѣми рѣдкими радостями, выпавшими мнѣ на долю за эти долгіе годы, я исключительно обязана вамъ однимъ...

„О себѣ же сообщать было нечего, да по правдѣ сказать—и охоты никакой. Къ чему навѣвать мрачное облако на раскинутый передъ вами ясный горизонтъ? Наша духовная связь крѣпка и неизмѣнна; оттого-то свыше силъ моихъ трактовать съ вами о постороннихъ, ничего не значущихъ предметахъ, когда скорбное сердце жаждетъ излиться передъ сочувствующимъ другомъ. Теперь я сознаю, что благотворный переломъ, происшедшій въ моемъ нравственномъ мірѣ, долженъ обрадовать всѣхъ васъ, такъ горячо меня любящихъ, и спѣшу подѣлиться съ вами моими новыми впечатлѣніями. Смотрите только, не теряйтесь въ догадкахъ и не предполагайте несуществующаго. Отношенія мои къ графу—все тѣ-же; даже единственная отрадная цѣль моей жизни (теперь когда, слава Богу, вы всѣ во мнѣ болѣе не нуждаетесь), любовь моего бѣднаго, обойденнаго Юрія все еще является въ неопредѣленномъ будущемъ. Къ условіямъ внѣшняго міра я безучастна, вы хорошо это знаете, и справедливо недоумѣвая, ждете разъясненія. Вотъ оно.

„Съ пріѣздомъ въ Элворазъ, мое разстроенное здоровье стало видимо крѣпнуть. Это ли повліяло на мое душевное состояніе, или ежедневное столкновеніе съ тяжелою, но нравственно здоровою жизнью простаго народа отрезвило меня, я и сама въ толкъ не возьму,—но дѣло въ томъ, что я устыдилась своего малодушія, и съ бодрой рѣшимостью стряхнула угнетавшую меня апатію. Да, малодушіе; и я только теперь уяснила себѣ всѣ его пагубныя послѣдствія. Еслибъ, вмѣсто того чтобы нянчиться со своей безумною печалью, послѣ Колиной безвременной смерти, я твердо отстаивала бы свои материнская права, *ей* не удалось бы такъ легко завладѣть умомъ и сердцемъ моего бѣднаго малютки, такъ систематически возвести между нами преграду. Чѣмъ болѣе я вникаю въ свою прошлую жизнь, тѣмъ яснѣе вижу свою слѣпоту, вводившую меня въ заблужденіе. Я чистосердечно считала другихъ виновными въ своей горькой участи, въ полномъ отчужденіи отъ семьи, упуская изъ виду что своею суровою холодностью я оттолкнула мужа и собственноручно открыла двери дома грѣху. Передъ Богомъ также я оказалась неблагодарною. Развѣ лично извѣданное горе не окупилось сторицею достиженіемъ первоначальной цѣли? Одинъ Коля погибъ; ты же, бѣдная, искушенная Маша лишь вѣрнѣе теперь оцѣниваешь тихую пристань; остальные всѣ на твердомъ, честномъ пути. Я грѣшила ослѣпленіемъ—и Онъ справедливо покаралъ меня. Когда я только подумаю что я такъ долго, денно и нощно испрашивала себѣ смерти, какъ единственнаго исхода изъ унизительнаго, невозможнаго положенія! Всеблагій Богъ не внялъ преступной молитвѣ обезумѣвшей матери. Что́ сталось бы съ моимъ сыномъ? Какой человѣкъ выработался бы изъ Юрія подъ этимъ тлетворнымъ вліяніемъ?

„Теперь, я чувствую, время еще не ушло. Въ его годы, всякое дурное направленіе поправимо. Я всего какихъ-нибудь мѣсяца два вступила въ фазисъ возрожденія (не смѣйтесь надо мной, не думайте что я увлекаюсь), а плоды этой перемѣны даютъ уже себя чувствовать. Враждебность графа, не подстрекаемая моимъ холоднымъ пренебреженіемъ, мало-помалу теряетъ свою острую форму. Я наблюдаю за нимъ. Не любовь свѣтится въ его взглядѣ, обращенномъ къ *ней*, а не то привычка, не то порабощеніе ослабшей натуры сильному характеру. Юрій безъ *нея* приходитъ ко мнѣ, и я вполнѣ наслаждаюсь этими блаженными минутами. Онъ уже становится довѣрчивѣе ко мнѣ... Сегодня въ первый разъ приласкался самъ, и я встрепенулась отъ этой ласки. Въ тридцать лѣтъ жизнь еще не кончена. Добиться-бы только *ея* удаленія, и я чувствую—мужъ и сынъ оба спасены. Эта свѣтлая мечта способна придать мнѣ исполинскую силу для неравной борьбы. Съ ней постараюсь я заснуть; авось приснятся мнѣ новые, лучшіе дни. Ужъ поздно, завтра допишу".

Листъ былъ помѣченъ 15 октября. Несчастная не подозрѣвала что смерть коварно стерегла ее у изголовья, и что ожидаемое *завтра* уже принадлежало вѣчности.

Руки мои дрожали отъ волненія, пока я спѣшно пробѣгалъ драгоцѣнную находку. Документъ вполнѣ оправдывалъ возникновеніе уголовнаго дѣла. Трогательная исповѣдь Ольги Андреевны, ея робкая надежда на возможность если не семейнаго счастья, то умиротворенія, весь ужасъ этой смерти, застигшей ее въ самый моментъ пробужденія жизненныхъ силъ, разжигали во мнѣ жажду мести. Я зналъ что теперь въ моей власти отвѣтить на вызовъ Лауры Дерлонъ привлеченіемъ ея къ суду въ качествѣ подозрѣваемой въ убійствѣ графини Клеяецкой, но отнюдь не увлекался вѣроятными послѣдствіями этого крупнаго скандала. Отсутствіе прямыхъ уликъ, проявленное самообладаніе, изворотливость ума и наконецъ—почему не сознаться?—обаяніе жгучей красоты, обезпечивало ей заранѣе оправдательный приговоръ и въ глазахъ равнодушной легкомысленной толпы пожалуй даже ореолъ мученичества.

Кровь хлынула мнѣ въ голову при одной мысли о возможности подобнаго исхода. Теперь, нужно было добиться бо́льшаго, и ободренный успѣхомъ, я вернулся снова на мѣсто преступленія. Тщетно напрягалъ я всю силу ума, всю способность зрѣнія; блѣдный лучъ разсвѣта застигъ меня за утомительною задачей...

Я задулъ догорѣвшую свѣчу, запряталъ на груди портфель, и пройдя будуаръ, уже перешагнулъ порогъ, отдѣлявшій его отъ зимняго сада, какъ вдругъ, въ самомъ косякѣ дубовой двери, какое-то свѣтлое пятно невольно привлекло мои еще машинально наблюдавшие глаза.

Я нагнулся и не безъ труда освободилъ изъ металлической петли трехугольный лоскутокъ голубой матеріи. Высокая доброта ткани и пестрый разводъ узора въ индійскомъ стилѣ указывали его принадлежность дамскому роскошному туалету.

Вопросъ теперь заключался въ томъ: окажется-ли этотъ лоскутокъ оторваннымъ отъ платья самой графини, или доказана будетъ его принадлежность другой особѣ. А кромѣ француженки кто бы могъ это быть? Я хорошо зналъ что этотъ проходъ былъ устроенъ для удобства сообщенія матери съ сыномъ, и тутъ мнѣ припомнилось, что вѣдь не даромъ же Дерлонъ такъ подчеркивала, что почти мѣсяцъ не входила къ покойной.

Поспѣшность ухода всего проще объясняла присутствіе лоскутка. Именно съ этой стороны я считалъ вѣроятнымъ нападеніе, и по непонятной самому оплошности ограничился лишь поверхностнымъ осмотромъ мѣстности.

Неужели этому ничтожному клочку суждено пролить истинный свѣтъ на столь сложное дѣло? Опасаясь преждевременно придать ему значеніе, я поспѣшилъ къ себѣ и не раздѣваясь бросился на постель, разсчитывая заснуть часа на два, чтобы скорѣе дождаться общаго пробужденія въ домѣ. Но расходившееся воображеніе не давало мнѣ покоя. Блѣдный обликъ убитой графини смѣнялся торжествующимъ призракомъ безнаказанной соперницы. Я судорожно сжималъ въ похолодѣвшихъ пальцахъ единственную добытую нить, и еслибъ моя собственная участь зависѣла отъ доказанной принадлежности ничтожнаго лоскутка, я не могъ-бы съ болѣе захватывающимъ трепетомъ ожидать разъясненія вопроса.

Я каждую минуту слѣдилъ за часами, мысленно проклиная медленность стрѣлокъ. Наглядно убѣдившись въ невозможности сна, я вскочилъ, вылилъ себѣ на голову чуть не цѣлый кувшинъ воды и принялся перечитывать показаніе француженки съ напряженнымъ вниманіемъ.

Дойдя до подробностей, касавшихся Коринскаго пистолета, я не на шутку призадумался. Тутъ скрывался вѣрнѣйшій отпоръ обвиненію.

Варвара утверждала, что наканунѣ вечеромъ револьверъ висѣлъ на обычномъ мѣстѣ, и не было повода заподозрить ея правдивость. Слѣдовательно, убійцѣ надо было завладѣть имъ, зарядить, и все это такъ осторожно и искусно чтобы не потревожить чуткаго сна избранной жертвы.

Всякому, даже заурядному адвокату, это обстоятельство являло благодарную почву чтобы посѣять выгодное недоумѣніе въ присяжныхъ.

Даже при осуществленіи моихъ надеждъ, т. е. въ случаѣ безспорной принадлежности лоскутка Лаурѣ Дерлонъ, револьверъ могъ послужить камнемъ преткновенія успѣшному ходу судебнаго слѣдствія.

Въ безпомощной злобѣ на неодушевленный предметъ, я схватилъ оружіе и сталъ его вертѣть во всѣ стороны, какъ бы силясь сорвать послѣдній покровъ мучительной тайны.

На бѣломъ листѣ, рядомъ съ только что добытой матеріей, лежало единственное вещественное доказательство: пуля, вынутая Журинымъ изъ тѣла.

— Боже мой! какъ? чѣмъ указать на недрогнувшую руку зарядившую его? вырвалось у меня болѣзненнымъ воплемъ, и я, естественно побуждаемый ходомъ мысли, опустилъ пулю въ барабанъ.

Она такъ свободно проскочила, что у меня вырвался крикъ радостнаго удивленія. Нѣтъ, это не ошибка, не плодъ разгоряченнаго воображенія, — не тотъ калибръ оказался.

Я нѣсколько разъ повторилъ опытъ, и тутъ только сообразилъ что мы съ Журинымъ были введены въ заблужденіе малымъ объемомъ пули, вполнѣ соотвѣтствующей на-глазъ размѣру Коринскаго револьвера.

Осмотрѣвъ еще разъ пулю, я остановился на предположеніи что смертельный выстрѣлъ былъ направленъ изъ такъ-называемаго Монтекристо, чѣмъ и объяснялось полное отсутствіе звука. Всѣ не даромъ удивлялись, что Варвара и остальныя женщины, живущія въ коридорѣ, не слыхали даже отдаленнаго гула.

Очевидно, слѣдствіе теперь только начиналось. Въ ослѣпленіи первыхъ минутъ мы съ Журинымъ не догадались даже взглянуть подъ спущенный курокъ Коринскаго револьвера—камера подъ нимъ должна была оказаться или пустою, или заткнутою выстрѣленнымъ патрономъ Монтекристо. Поднимать этотъ вопросъ теперь, когда револьверъ побывалъ уже въ нѣсколькихъ рукахъ и камера дѣйствительно оказывалась пустою—было уже поздно. Тѣмъ не менѣе я торжествовалъ.

„Теперь мы сочтемся, M-elle Derlong“, подумалъ я.

Тяжелое бремя мигомъ скатилось съ плечъ. Я хорошо зналъ что никакимъ ухищреніямъ, пикакимъ софизмамъ не пошатнуть незыблемой основы моего обвиненія.

XIX.

Часы протяжнымъ боемъ прозвонили восемь. На порогѣ своей комнаты я столкнулся съ полуодѣтымъ докторомъ, который, еще потягиваясь со сна, пришелъ со мной совѣтоваться относительно скорѣйшаго отъѣзда. Я нетерпѣливо махнулъ рукой, и не придавъ значенія его недоумѣвающему лицу, отправился, первымъ дѣломъ, на поиски Варвары.

— Онѣ всю ночь продежурили у покойницы, доложила мнѣ первая спрошенная женщина. — Только сейчасъ вышли, кофейку испить.

И тотчасъ вызвалась проводить меня къ ней.

— Варвара Кузьминишна! васъ, матушка, спрашиваютъ, оповѣстила она, почтительно постучавъ въ дверь.

Когда я вошелъ, она встала со стула, во вчерашнемъ одѣяніи, съ еще болѣе осунувшимся лицомъ и явными признаками тяжелой, безсонной ночи.

— Вы! невольно воскликнула она, смущенная моимъ раннимъ и нежданнымъ появленіемъ.

— Такъ точно; да вы не тревожьтесь. Маленькое дѣло привело меня къ вамъ; въ сущности бездѣлица понадобилась.—И я, подъ личиной развязнаго равнодушія старался скрыть переживаемое волненіе. — Такъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ... мнѣ сію минуту нужно поглядѣть вотъ это самое платье покойной графини.

И не выпуская изъ рукъ, я ей показалъ вырванный лоскутокъ.

Но женщину эту было не легко провести. Подозрительно взглянувъ на меня, она процѣдила сквозь зубы:

— А гдѣ жь мнѣ его взять?

— Разглядите хорошенько и отвѣчайте осмотрительно, продолжалъ я въ болѣе суровомъ тонѣ, — помните, что не простое любопытство руководитъ моими дѣйствіями и что законъ обязываетъ васъ ничего не утаивать.

— Да помилуйте, къ чему стращать коль я не виновата? Матерію эту съ перваго взгляда признать можно. Я присягу приму что, за всѣ года моей службы, у графини такого платья или шлафрока не было. Да вотъ и ключи вамъ въ руки. Гардеробная рядомъ, сейчасъ проведу; провѣрьте сами.

— Если вы утверждаете что такого платья не было у графини, я готовъ вамъ вѣрить; но помогите мнѣ, въ свою очередь, отыскать чье же оно.

Варвара опустила голову, и помолчавъ немного, какъ бы соображая, беззвучно отвѣтила:

— Мало-ли ихъ тутъ въ домѣ! чужими туалетами я не занимаюсь.

Женщина, проводившая меня, мучимая любопытствомъ, топталась въ углу, старательно прибирая что-то. При этомъ отзывѣ, она долѣе не выдержала, и просовывая голову изъ-за Варвариного плеча, широко улыбаясь воскликнула:

— Ну, такъ оно и есть! Чтой-то вы, матушка, не догадались? Мамзелинъ утрешній капотъ, то бишь, теперь даже и не мамзелинъ, а Дуняшинъ. Еще вчерась вечеромъ она въ дѣвичьей похвалялась, что изъ-за тровера по покойницѣ, Царство ей Небесное, онъ ей и достался. Еще мы ей всѣ присовѣтовали къ вѣнцу приберечь!

Легкая тѣнь раздраженія пробѣжала по пасмурному лицу Варвары и не ускользнула отъ меня.

— Сдѣлайте милость, голубушка, обратился я къ словоохотливой кумушкѣ, — раздобудьте вы мнѣ эту Дуняшу, и устройте такъ чтобы она сама принесла сюда этотъ дареный капотъ. Обо мнѣ лучше не упоминайте, чего добраго побоится. Ну, скажите ей, что Варвара Кузьминишна полюбопытствовать хочетъ. Главное, чтобы до самой француженки не дошло. Не даромъ по глазамъ вижу что вы баба смышленая—и не Дуняшу провести можете!

— Не сумнѣвайтесь, сударь мой. Съ превеликимъ удовольствіемъ, все однимъ мигомъ обдѣлаю.

И видимо польщенная моимъ комплиментомъ, она даже не замѣтила слабо протестующаго жеста Варвары и опрометью бросилась къ двери.

Въ комнатѣ воцарилось глубокое молчаніе. Я мысленно соображалъ какъ, добывъ это послѣднее вѣское доказательство, я предстану въ своемъ всеоружіи передъ ничего не чающей преступницей, и разомъ уничтожу ее. Я до такой степени увлекался картиной послѣдней эффектной аттаки, что невольно вздрогнулъ когда, вдругъ, словно привидѣніе, Варвара выросла передо мной.

Ея блѣдныя, дрожавшія губы съ трудомъ вымолвили:

— На что вамъ оно?

Я даже не успѣлъ сообразить всю неумѣстность вопроса и, безсознательно повинуясь ея молящему взору, тихо отвѣтилъ:

— Для вящаго подтвержденія истины. Графиня не своею смертью умерла.

— Вы доискались уже? Доказать... можете?

Ея голосъ оборвался.

— Выходя отсюда, я это во всеуслышаніе объявлю. Убійцѣ не отвертѣться теперь!..

— Для того и понадобилось?.. Она?

Я молча кивнулъ головою. Пораженный неожиданностью этихъ вопросовъ, я глазъ не сводилъ съ Варвары.

Блѣдность этой женщины приняла какой-то земляной оттѣнокъ; невыразимая мука сказалась въ глубокомъ, темномъ взорѣ и надтреснутомъ шепотѣ:

— А самъ... не причастенъ? Ради Бога пожалѣйте!

Все далекое прошлое этой истомленной души внезапно предстало предо мной. Рабская преданность всосавшаяся въ плоть и кровь, минутный капризъ породившій жгучую, скрытую страсть, страшное затаенное подозрѣніе, отчаяніе граничащее съ безуміемъ — все слилось во-едино и терзало нечеловѣческою мукой.

Мнѣ жаль стало ее.

— Помыслы людскіе одинъ Богъ вѣдаетъ, такъ же тихо проронилъ я,—а за дѣйствія свои графъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не въ отвѣтѣ предъ судомъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, Варвара схватила мою руку и въ безумномъ порывѣ радости осыпала ее поцѣлуями. Когда мнѣ удалось положить предѣлъ этому восторженному изъявленію благодарности, она, не стѣсняясь болѣе моимъ присутствіемъ, метнулась въ уголъ и, съ блаженными слезами на глазахъ, простерлась до земли передъ иконами. Набожно учащая крестныя знаменія, она лепетала сухими, воспаленными устами:

— Слава Тебѣ, Создателю, не прогнѣвался въ конецъ! Заступница Святая! отвратила бѣду грозную, пожалѣла сироту малаго, не дала роду древнему запятнать себя кровью. Услыхала Ты, Пречистая, молитву грѣшницы окаянной! Не отрини меня отъ пристанища тихаго... свято обѣщаюсь завѣтъ хранить... Подъ чернымъ клобукомъ грѣхи давніе, тяжкіе, замаливать стану...

Звукъ приближающихся шаговъ долетѣлъ до ея чуткаго уха. Она встала, выпрямилась, провела ладонью по глазамъ. Внезапно вспыхнувшая страсть и на мигъ воскресшая красота снова улеглись въ безжизненную раму величавой степенности. Метаморфоза была мгновенна. Когда юркая Дуняша, въ сопровожденіи моей посланной, перешагнула порогъ, Варвара такъ безучастно стояла на прежнемъ мѣстѣ, что никому не удалось бы выслѣдить въ ней признакъ пережитой бури.

На лѣвой рукѣ у молоденькой горничной виднѣлся бережно-сложенный голубой капотъ. Она было направилась къ Варварѣ, но я быстрымъ движеніемъ преградилъ ей путь.

— Покажите-ка прежде мнѣ, сказалъ я, протягивая руку.

Она не дерзнула противиться, но подвижное личико подернулось досадой и сердито-укоризненный взоръ, брошенный посмѣивающейся женщинѣ, выдалъ ея тревожное опасеніе.

Я разложилъ платье на столъ, и въ виду сосредоточенной Варвары и двухъ недоумѣвающихъ женщинъ, приставилъ находившійся у меня лоскутокъ къ лѣвому краю подола, гдѣ, черезъ значительную дырку, просвѣчивалъ розовый атласъ подкладки.

Дружное восклицаніе встрѣтило мою попытку. Тождественность бросалась въ глаза.

— И какъ вы только его добыли, Господи Іисусе Христе! изумлялась любопытная женщина, — такой малюсенькій—апъ не пропалъ. Неровенъ часъ, ищешь, ищешь чего и покрупнѣе день-то деньской, да такъ и плюнешь; точно въ воду кануло.

— Отдайте его мнѣ, взмолилась Дуняша.—Вамъ онъ не къ чему, а я такъ важно заштопаю, что никто и не примѣтитъ. Не повѣрите, какъ я тужила, что изъ-за него цѣлое полотнище у меня пропадаетъ.

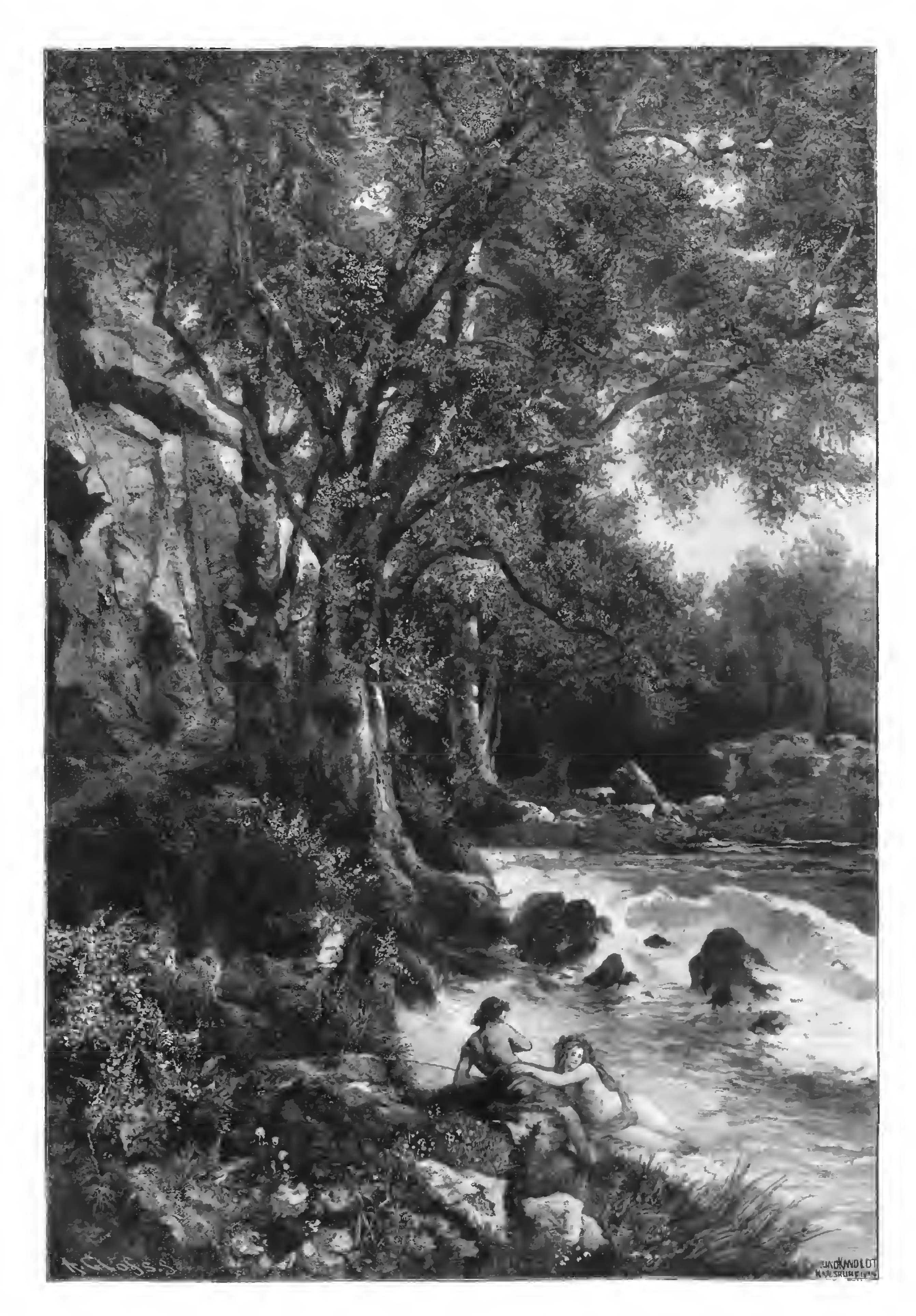
— Ну, теперь не въ полотнищѣ дѣло.

— Что-жъ это такое? Ужь не хотите-ли вы его отнять у меня?—И ея быстрые глазенки приняли испуганно-злое выраженіе.—Воровкой меня никто не обзоветъ. Это моя собственность. На самое Лауру Викторовну сошлюсь; не далѣе какъ вчерась утромъ подарила. Теперь трауеръ въ домѣ, самой носить не пристало. Мало-ли что завистники болтать примутся, не вѣрить же имъ всѣмъ.

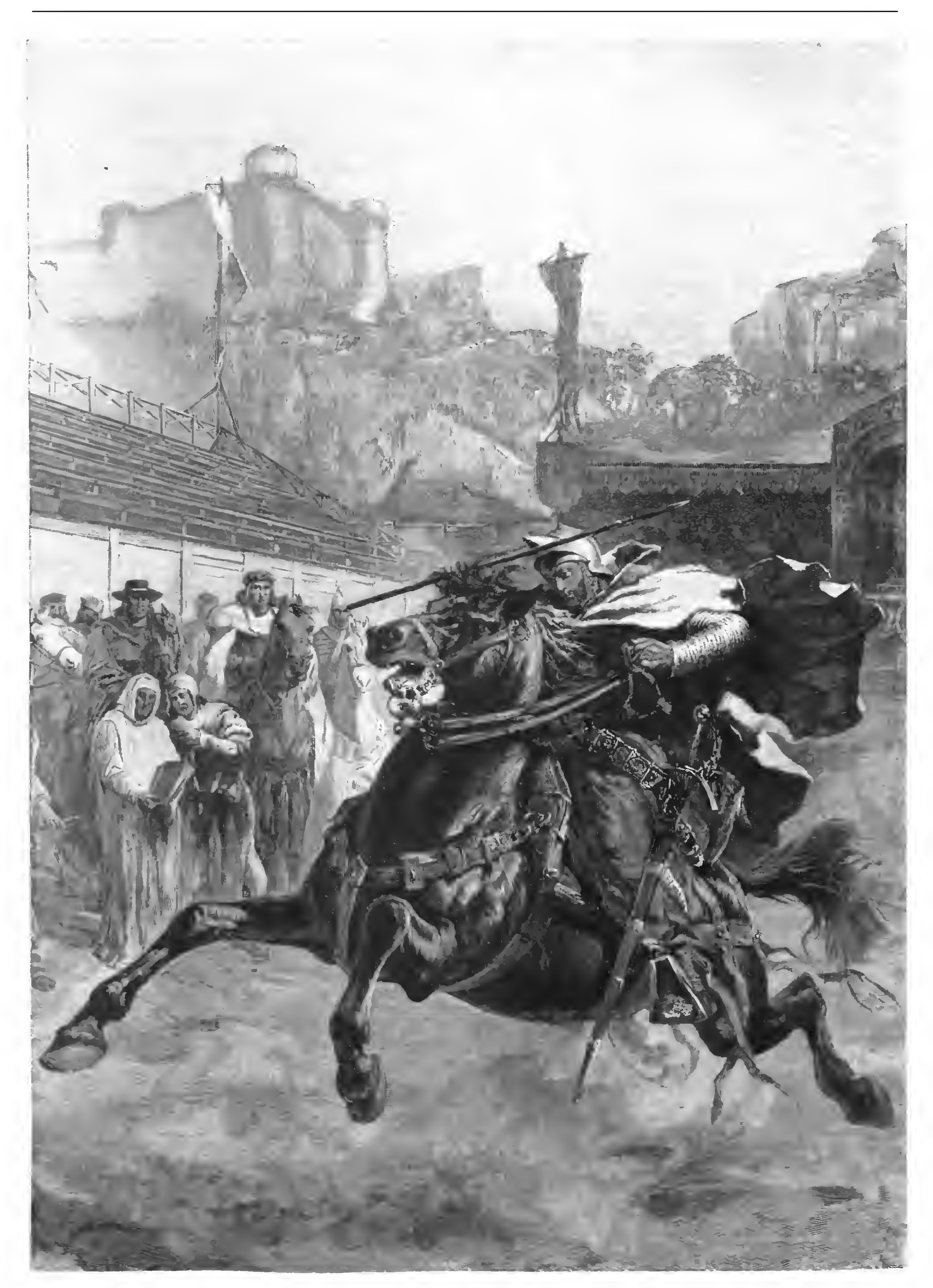
И двѣ слезинки блеснули на ея густыхъ рѣсницахъ.

— Прежде всего успокойтесь. Никто не думаетъ ваше доброе имя поносить или отымать у васъ вашу собственность. Вѣдь вамъ извѣстно, что я здѣсь по поводу слѣдствія о кончинѣ графини. Это самое платье понадобилось мнѣ для извѣстныхъ соображеній. Неужели вы побоитесь довѣрить его мнѣ на нѣкоторое время? Я ручаюсь вамъ, именемъ графа, что вы никакого ущерба не потерпите.

— Ахъ, съ моимъ удовольствіемъ-съ! Развѣ я смѣю сумнѣ-

Литературный альбомъ. „Рыбакъ“, Гёте. Картина Канольдта, грав. Клоссъ.

Карлъ Анжуйскій въ Бордо. Картина Рамопа Тюске, грав. Геданъ.

ваться, согласилась она, радостно вспыхнувъ.—А все-таки, если не обезсудите за смѣлость, интересно было-бы узнать, какимъ манеромъ оно вамъ пригодиться-то можетъ?

— Потерпите немного. Вспомните поговорку: „Много будешь знать, скоро состаришься“, отшутился я.

— Да, прости Господи, вмѣшалась болтливая кумушка,—и кому только покойница, не тѣмъ будь помянута, хлопотъ-то не причинила своимъ грѣшнымъ дѣломъ! И на людяхъ даже не слыхано, чтобъ рядомъ съ образницей такую смертоносную пищаль держать. Что-жъ мудренаго, что лукавый-то ее и попуталъ. Вотъ и на Варвару Кузьминишну я не разъ дивилась. Полагать надо, что обтерпѣлась съ привычки. Ей, бывало, ничего, а вотъ я рѣдко въ тѣ покои вхожа-то была: какъ за дѣломъ какимъ пошлютъ, да одна тамъ очутишься, такъ морозъ по кожѣ и продеретъ. Молитву примусь творить, а въ энтотъ уголъ обернуться и не моги. Человѣческую душу загубилъ, ну, значитъ нечистая сила какъ есть тамъ на просторѣ гуляй.

— Это все только ваши деревенскія понятія, горячо возразила хорошенькая Дуняша, желая щегольнуть передо мною своей образованностью.—Развѣ можно на эти глупости вниманіе обращать? Пистолетъ небось самъ не выстрѣлитъ, а господа даже очень привычны съ нимъ обращаться. Спервоначала, оно, конечно, боязно кажется. Я это довольно знаю. Когда Лаура Викторовна, примѣрно, для графчика цѣль выписали, и сами все наровили попасть въ самую эту точку, чтобы страшная такая рожа объявилась, такъ вѣрите-ли, даже не хлопнетъ, искорка только блеснетъ, а у меня колѣнки затрясутся, такъ и подкашиваются. Теперь же такъ приглядѣлась къ нему, что когда ея бѣлье изъ комода достаю, такъ самый этотъ пистолетъ для плезира въ руки беру.

Богатство доставшихся мнѣ свѣдѣній значительно превышало всѣ мои надежды. Мѣшкать было нечего. Я обмѣнялся съ Варварою многозначительнымъ взглядомъ, и убѣжденный, что найду теперь въ ней вѣрнаго союзника, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ступайте къ графу; если онъ спитъ, добейтесь, чтобы его разбудили. Скажите, что мнѣ нужно его видѣть для безотлагательнаго сообщенія. Я стану его ждать тамъ.

— Все исполню, отвѣтила она.

Дуняша, не безъ нѣкотораго безпокойства слѣдила за участью капота, неумѣло взятаго мною. Она проворно сложила его, сама пристроила его мнѣ на руку, и въ видѣ напутствія, заботливо шепнула:

— Поберегите его, баринъ дорогой! Другой такой-то наша сестра не легко наживетъ.

Я обнадежилъ ее какъ умѣлъ; вѣроятно успѣшно. Она не сочла нужнымъ слѣдить долѣе за моей драгоцѣнной ношею, и проводя меня до двери, прошмыгнула въ дѣвичью, чтобы на просторѣ потолковать объ этомъ любопытномъ, загадочномъ событіи.

Тогда я досталъ изъ кармана пулю, бережно завернулъ ее въ лоскутокъ, и направился прямо наверхъ, въ аппартаменты Лауры Дерлонъ.

XX.

Я вступилъ въ изящно меблированную гостиную, гдѣ бездна дорогихъ бездѣлушекъ, стариннаго фарфора и легкимъ ароматомъ пропитанный воздухъ далеко превосходили утонченную роскошью излюбленный будуаръ графини.

Въ глубинѣ, за мягкой, шелковою драпировкою, обрѣтался входъ въ спальню. Не успѣлъ я постучаться, какъ, заслышавъ мужскіе шаги, знакомый мнѣ голосъ окликнулъ:

— Кто тамъ?

— Судебный слѣдователь.

— Вы должно быть ошиблись дверьми?

— Не думаю.

— Да вамъ кого нужно?

— Французскую подданную, Лауру Дерлонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? А знаете-ли вы, милостивый государь, что крайне неприлично тревожить женщину въ такой ранній, неурочный часъ?

— Чтò прикажете дѣлать, обстоятельствамъ подчиняешься чаще, нежели руководишь ими.

— Предупреждаю васъ, что я еще въ постели.

— Охотно извиняюсь, что нарушилъ вашъ покой, но убѣдительно прошу принять меня.

— Вооружитесь терпѣніемъ. Я не привыкла одѣваться на скорую руку.

— Это удобная, но мало вѣская отговорка для непріятныхъ случайностей. Впрочемъ, пустая перестрѣлка ни къ чему не поведетъ. Я предоставляю вамъ получасовой срокъ и кладу часы на столъ. Ежели, по истеченіи его, вы ко мнѣ не выйдете, или къ себѣ не впустите, то я прибѣгну къ другимъ мѣрамъ, и на себя пеняйте, если отъ этой проволочки произойдетъ огласка, которой я считалъ возможнымъ избѣгнуть.

Отвѣта не послѣдовало.

Я не вполнѣ былъ доволенъ вступленіемъ. Она конечно предугадала истинную цѣль моего посѣщенія, а изворотливости ея бойкаго ума всегда можно было опасаться. Мало-ли чтò подобная женщина передумаетъ и придумаетъ въ назначенный мною срокъ. Но чтò же другое я могъ предпринять? Нелѣпо было бы тотчасъ ломиться къ ней въ дверь, звать всю прислугу. И нравственно успокоенный невозможностью другаго исхода, я приготовился терпѣливо выждать близкой развязки.

Осажденная сочла должно-быть выгоднѣе отступить отъ брошеннаго вызова, такъ какъ, по истеченіи не болѣе десяти минутъ, ключъ звякнулъ въ замкѣ, дверь распахнулась, и она предстала передо мной.

Бѣлое одѣяніе мягкими складками охватывало ее, искусно подчеркивая ея роскошныя формы. Длинные, греческаго покроя рукава, обнажали полныя, выточенныя руки; густые, вьющіеся волосы ниспадали живописною волною по плечамъ. Ея чувственная краса выступала еще обаятельнѣе подъ этимъ, на видъ, безпритязательнымъ покровомъ. Въ томныхъ глазахъ таился лучъ самоувѣренности и надежды.

Я поспѣшно всталъ и холодно поклонился ей. Мы обмѣнялись взглядами.

Многозначительна была эта короткая, нѣмая сцена!

Свѣтлыя искры потухли мгновенно; одной рукой она оперлась о косякъ двери, другая безпомощно повисла. Она ясно сознавала, что неподкупная совѣсть судьи закалила человѣка...

Вдругъ блуждающій взоръ упалъ на капотъ, котораго я не выпускалъ изъ рукъ. Зрачки расширились, мраморная блѣдность разлилась по надменному челу, но сила воли превозмогла мимолетное смущеніе и съ ѣдкою насмѣшкой она обратилась ко мнѣ:

— Это чтò за тряпки? Да, я не ошибаюсь, это мой старый капотъ у васъ въ рукахъ! Не посвящаете-ли вы свои досуги перекупкѣ разнаго добра, и пожалуй все это неотложное дѣло клонится къ тому, чтобъ...

— Перестаньте, перебилъ я рѣзко,—вся эта постыдная комедія неумѣстна между нами. Вчера еще-я предугадалъ истину въ этомъ темномъ, кровавомъ дѣлѣ, но вы, отуманенная мнимой безнаказанностью, не страшились грозы. За эту ночь роли измѣнились. Все то чтò предполагалъ, я теперь въ силахъ доказать.

— Попробуйте потѣхи ради.

И она задорно смотрѣла на меня.

— У меня хранится собственноручное, еще не доконченное письмо графини. Оно писано за нѣсколько часовъ до ея смерти, и она ясно говоритъ въ немъ о пробудившемся желаніи жить и о свѣтлой надеждѣ на лучшее будущее. Эта возможность примиренія супруговъ и побудила васъ покончить скорѣе съ ней.

— Что-же, она загробнымъ призракомъ уже окончила его, съ указаніемъ на меня какъ на убійцу?

И ядовитая усмѣшка замерла на ея искаженныхъ чертахъ.

— Не безпокойтесь. Суду этого указанія не требуется, чтобы добраться до того лица, кому эта загадочная смерть болѣе всѣхъ на руку. Но все-же не лишнее будетъ сопоставить съ приведеннымъ аргументомъ вотъ этотъ лоскутокъ, найденный въ щели двери зимняго сада. Вамъ, конечно, шуточное дѣло будетъ объяснить, какимъ образомъ онъ туда попалъ, когда вы собственнымъ почином указали на то обстоятельство, что вашей ноги не было въ покояхъ графини почти цѣлый мѣсяцъ.

Мрачная тѣнь все болѣе и болѣе заволакивала ея энергичное лицо. Пальцы нервно перебирали кисти широкаго пояса.

Я уже предвкушалъ близкое торжество.

Все это были только цвѣточки, ягодку я приберегъ къ концу.

— Теперь всѣмъ станетъ понятна ваша нѣжная забота о бездыханномъ тѣлѣ графини! Чего удобнѣе, въ самомъ дѣлѣ, схоронить концы въ самомъ гробу? Но, къ несчастію, не всѣ разсчеты оказываются вѣрны въ итогѣ. Вотъ пуля извлеченная докторомъ. Хотѣлъ бы я поглядѣть, кто ухитрится зарядить ею пистолетъ игравшій такую печальную роль въ судьбѣ Корина и такъ ловко подсунутый въ руку графинѣ Клемецкой?

Появленіе самой покойницы не произвело бы болѣе разительнаго дѣйствія чѣмъ видъ нѣмаго обличителя предъявленнаго мною.

Она инстинктивно закрыла глаза; нервная дрожь пробѣжала по тѣлу, но съ послѣднимъ проблескомъ энергіи, она пыталась еще отпарировать грозный ударъ и еле выговорила коснѣющимъ языкомъ:

— Можетъ-быть все это вѣрно... но почему же именно я преступница?.. У графа цѣлый арсеналъ въ кабинетѣ, но передъ нимъ конечно и пикнуть не смѣютъ!.. А я—дѣло другое... и взвѣсить не потрудятся, откуда мнѣ оружіе добыть?

— Этотъ послѣдній пунктъ мы сообща сейчасъ рѣшимъ.

И быстрымъ движеніемъ я направился въ спальню, гдѣ изъ-за двери я успѣлъ разглядѣть объемистый комодъ краснаго дерева съ бронзовой насѣчкой.

— Тамъ не прибрано. Я не потерплю, чтобы вы туда взошли.

— Въ такомъ случаѣ обойдусь и безъ вашего разрѣшенія. Вотъ и все.

Она въ изступленіи схватила меня за руки. Ея большіе глаза блестѣли отчаянною отвагой волчицы, чующей неминуемую погибель отъ облѣпившей ее голодной стаи.

Мнѣ противна стала эта унизительная борьба съ женщиной.

— Вы правы, иронически замѣтилъ я.—Къ чему спѣшить,

когда самое сопротивленіе ваше—вѣрнѣйшее доказательство тѣхъ драгоцѣнныхъ находокъ, которыя я тамъ могу обрѣсти.

Логичность довода сразила ее.

Она мгновенно отскочила отъ меня, смѣрила съ головы до ногъ преисполненнымъ безпомощной ненависти взглядомъ. Холодная рѣшимость сказалась въ судорожно-сжатыхъ бровяхъ; подбородокъ изрѣдка вздрагивалъ.

— Ступайте за мной; я сдамся добровольно, прошептала она, и быстрымъ, твердымъ шагомъ подошла къ примѣченному мною комоду. Она достала изъ кармана ключъ, отперла, пошарила въ углу—что-то блеснуло у ней въ рукѣ...

Я невольно метнулся въ сторону. Она уловила это движеніе.

— Не бойтесь! разразилась она злымъ, презрительнымъ смѣхомъ,—я не посягну на столь полезную жизнь. Карайте ближняго въ волю...

И что-то тяжелое полетѣло къ моимъ ногамъ.

Я нагнулся, поднялъ небольшой пистолетъ и, пристально разсматривая его, тутъ же убѣдился въ тождественности калибра. Торжествуя послѣднюю побѣду, я поднялъ глаза на уличенную преступницу, да такъ и замеръ на мѣстѣ...

Опираясь на комодъ откинутымъ бюстомъ, Лаура Дерлонъ стояла передо мною съ искаженнымъ предсмертными судорогами лицомъ; зловѣщая пѣна обрамляла посинѣвшія губы; расширенные зрачки блуждали кругомъ въ мучительной агоніи, уже коснѣющая рука выронила на полъ кругленькій золотой флаконъ. Я пытался крикнуть, призвать на помощь, но голосъ измѣнилъ мнѣ; тогда я стремительно кинулся чтобы поддержать ее. Собравъ послѣднія силы, она злобно оттолкнула меня.

— Quand on perd... on paie en beau joueur... едва переводя духъ, пролепетала она.—Je vous échappe au moins... [1]).

Былая искра промелькнула въ затуманенномъ взорѣ и угасла на вѣкъ. Я еще хлопоталъ около безжизненнаго тѣла отравившейся красавицы, не допуская возможности такой внезапной кончины, какъ вдругъ пронзительный, зловѣщій смѣхъ раздался надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я вскочилъ какъ ужаленный.

Графъ Клемецкій, покачивая равномѣрно головою, съ остановившимся стеклянымъ взоромъ и безсмысленной улыбкой на губахъ, твердилъ безъ умолку:

— Ольга внизу, Laure наверху...? Обѣ заразъ! Nini, c'est fini.

Его ослабшій организмъ не выдержалъ напора бурныхъ ощущеній послѣднихъ дней; подоспѣвшій докторъ только безнадежно покачалъ головой.

. . . .

Уже впослѣдствіи я узналъ что всѣ европейскія знаменитости единогласно подтвердили приговоръ неизлѣчимости.

Графъ умеръ недавно въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ.

Я съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаю осиротѣвшаго сына Ольги Кориной, по что сталось съ нимъ—не знаю...

Лиственничный лѣсъ Петра Великаго.

Я. П. Полонскаго.

(Рис. на стр. 784).

Никогда ни отъ кого въ Петербургѣ не слыхалъ я о лиственничномъ лѣсѣ, посаженномъ въ Финляндіи Петромъ Великимъ. Упоминаетъ-ли объ этомъ Устряловъ въ своей исторіи—не помню. Едва-ли помнитъ объ этомъ и любой русскій патріотъ, самый безпамятный между всѣми европейскими патріотами. Зналъ-ли даже объ этомъ самъ вѣнценосный воспитанникъ Лагарпа?

Здѣсь-же, на Финляндской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Райвола, всѣмъ чухонцамъ извѣстно это преданіе, и каждый воочію можетъ убѣдиться въ его достовѣрности: стоитъ только нанять таратайку и отправиться за четыре версты отъ станціи. Поѣзжайте и убѣдитесь что это историческій фактъ, а не историческій вымыселъ въ родѣ побѣды финляндцевъ надъ русскими и т. п.

Мнѣ говорили, что дорога туда плоха и что лучше всего туда пѣшкомъ идти, но идти пѣшкомъ (за 9 верстъ отъ нашей дачи) не позволяла мнѣ больная нога. „И радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ“, говоритъ русская пословица...

Вмѣсто меня въ эту лиственницу пошли пѣшкомъ сосѣди и моя семья.

Это было въ прошломъ году, вскорѣ послѣ того какъ Германскій императоръ привезъ намъ хорошую погоду.

Отправилась семья моя въ четвертомъ часу пополудни и вернулась въ сумерки около 10 часовъ вечера. Вернулась радостная, вполнѣ довольная своимъ путешествіемъ, и всѣ разсказы ихъ были такого свойства, что я, какъ художникъ въ душѣ, не могъ не позавидовать женѣ и дѣтямъ. По ихъ мнѣнію, это было самое живописное мѣсто какое только видѣли они въ окрестностяхъ, и самая роща, посаженная Петромъ, со своими красноватыми стволами, дымчатой зеленью, высокая и стройная, стоила того, чтобъ пойти и увидѣть ее.

Это дѣло—посадка лѣса, какимъ-бы ни казалось оно маленькимъ и незначительнымъ дѣломъ, есть все-таки дѣло того чудотворца-исполина, который по счастливому выраженію другаго чудотворца—Пушкина,

„Дробя стекло ковалъ булатъ“,

и изъ Московскаго государства выковалъ великую Имперію. Какъ-бы ни было мало это дѣло, оно для каждаго изъ насъ, обыкновенныхъ и заурядныхъ смертныхъ, было-бы великимъ дѣломъ.

27 іюля, пользуясь тепловатымъ, солнечнымъ утромъ, послалъ я за маленькимъ Петромъ, который здѣсь всѣмъ извѣстенъ, какъ неподкупный и строгій сельскій староста и судья, какъ хорошій извощикъ и какъ умный, знающій русскій языкъ чухонецъ. Я зналъ, что онъ не станетъ запрашивать лишняго, что ему извѣстны здѣсь всѣ пути и дороги, что лошадь его не пуглива, и что этотъ маленькій практическій человѣкъ, въ кожаной курткѣ и дѣтскихъ штанахъ, самый пріятный изъ всѣхъ здѣшнихъ чухонцевъ, о которыхъ напрасно думаютъ, что они глупы; впрочемъ, если и глупы, то не пьяницы, не воры и не мошенники, а это чего-нибудь да стоитъ.

Я взялъ съ собой бумагу и карандашъ, хотя, признаюсь, рисовать карандашемъ съ натуры нѣтъ у меня ни навыка, ни тѣхъ техническихъ приспособленій, которыя сокращаютъ работу... Но кто-же не знаетъ, что писать съ натуры, значитъ спѣшить. Солнце заходитъ и безпрестанно перемѣщаетъ свѣтовыя и тѣневыя пятна.

„Ну, авось что-нибудь и удастся!“ подумалъ я садясь въ таратайку вмѣстѣ съ сыномъ и отправляясь тѣмъ-же путемъ, какимъ всѣ мы ѣздимъ на станцію (черезъ русскую деревню и лѣсопильный заводъ).

Не доѣзжая до станціи, возница нашъ свернулъ направо, осторожно переѣхалъ рельсы желѣзной дороги и по бревенчатой мостовой, очень тряской, выѣхалъ на проселочную дорогу. Мы поѣхали такимъ-же лѣсомъ, какъ и вездѣ въ этихъ мѣстахъ, куда бы мы ни поѣхали.

Всѣ здѣшніе хвойные лѣса однообразны, скучны и неряшливы—завалены буреломомъ, сухими сучьями, гніющими стволами и почернѣвшими отъ времени корнями ихъ. По такимъ лѣсамъ, мѣстами каменистымъ, мѣстами болотистымъ, трудно ходить—проѣзжать же въ экипажѣ и верхомъ въ сумерки или ночью едва-ли возможно. Еслибы финляндскія власти дозволили крестьянамъ очищать эти лѣса отъ всякой суши и лому, на многіе годы хватило-бы имъ топлива. При надзорѣ и строгихъ взысканіяхъ, конечно, никто бы на незаконную порубку и покушаться не сталъ, но... это не наше дѣло...

Сначала дорога шла такая, что можно было ѣхать рысью, но когда мы свернули влѣво, вынуждены были ѣхать шагомъ. Колеса таратайки то задѣвали за корни деревьевъ, то одно изъ нихъ попадало на камень, тогда какъ другое погружалось въ тину или дождевую лужу. Мостики были сомнительны—но и погода сдѣлалась сомнительною. Со всѣхъ сторонъ наплывали тучи. Солнце пряталось, въ воздухѣ пахло дождемъ.

Когда ѣдешь шагомъ, точно горшокъ съ молокомъ везешь—версты кажутся гораздо длиннѣе, особливо тамъ, гдѣ о нихъ и въ поминѣ нѣтъ.

„Да когда-же это мы доберемся!.. Тутъ конца нѣтъ!..“ думалъ я, поглядывая на небо.

Наконецъ-то мы наткнулись на изгородь. Возница слѣзъ съ облучка, отвелъ лошадь съ дороги въ сторону и выдвинулъ изъ изгороди жерди. Дальше дороги нѣтъ, мы должны были пѣшкомъ идти.

Но насъ обступилъ такой-же сосновый, еловый и можжевеловый лѣсъ, немного старѣе, немного выше и нѣсколько живописнѣе.

— Это? спросилъ я не безъ удивленія.

— Э! нѣтъ еще... и спрашивать будетъ не нужно... сразу видно будетъ!.. отвѣчали мнѣ.

Чухонецъ, хозяинъ тарантаса, шелъ вмѣстѣ съ нами, покинувъ позади и таратайку, и лошадь, не изъ безпечности, а изъ увѣренности, что все будетъ цѣло: здѣсь о конокрадахъ и помину нѣтъ. Говорятъ, что и казнокрадовъ нѣтъ; но если вамъ скажутъ, что и волковъ нѣтъ—не вѣрьте. Есть и волки, и даже лисицы.

— Ты самъ сейчасъ увидишь разницу, подтвердилъ сынъ мой, помогая мнѣ, опирающемуся на костыль, перебираться черезъ рытвины съ увязнувшими въ нихъ неровными и скользкими камнями.

И дѣйствительно, не нужно было и сказывать. Разница сама бросалась въ глаза. Лиственничный лѣсъ былъ не похожъ на тѣ лѣса, которые остались за спиной. Незамѣтно, мы вошли въ него и очутились точно въ сумрачномъ старинномъ храмѣ, подъ колоннами такихъ прямыхъ и такихъ высокихъ деревьевъ, что не запрокидывая головы нельзя было и видѣть тонкихъ

[1]) Когда проиграешь, умѣй и расплачиваться.... Отъ васъ по крайней мѣрѣ отдѣлалась...

вершинъ ихъ, развѣтвленныхъ въ видѣ пучка или зеленой рагульки. Все кругомъ было глухо, мрачно, даже страшно. Казалось, не на небѣ собирается гроза, а этотъ лѣсъ, сизый и непроглядный, охватилъ насъ, какъ грозовая туча. Вѣковыя лиственницы посажены рядами и, уходя въ перспективу, кажутся рядомъ колоссальныхъ коридоровъ въ готическомъ стилѣ, въ особенности тамъ, гдѣ онѣ, какъ-бы стрѣльчатые своды, сходятся своими вершинами. Этому очарованію не мало способствуетъ и то, что стволы нисколько не закрываются сучьями, видны снизу до самаго верху. Сучья, какъ и у старыхъ сосенъ, начинаются высоко отъ корней, очень длинны, обнажены и только на концахъ, развѣтвляясь, покрыты мягкою бахромистою зеленью или висящими космами сѣдаго мха.

Вѣтеръ былъ небольшой, тучи ушли куда-то, верхушки подъ яснымъ, полуденнымъ небомъ казались неподвижными, и все-же какой-то смутный гулъ перекатывался по лѣсу.

Что же бы могло быть, если бы дунула буря и раскачала эти колонны!.. А буря, сказывалъ намъ чухонецъ, прошла здѣсь недавно и повалила не мало деревьевъ — шестнадцатисаженные стволы ихъ были проданы съ аукціона и почти что даромъ, по два рубля за стволъ, пошли на какія-то финляндскія верфи. Въ лѣсу остались только вывернутые изъ земли корни и стали издали похожи на какихъ-то фантастическихъ, черныхъ и косматыхъ животныхъ вставшихъ на дыбы, разинувшихъ пасти и протянувшихъ когтистыя лапы...

Ни въ бурю, ни въ ливень не дай Богъ очутиться въ этомъ лѣсу — нигдѣ здѣсь не найти вамъ пріюта, ни избы, ни шалаша; говорятъ, гдѣ-то есть домикъ лѣсника, но никакой заѣзжій дачникъ здѣсь въ темь или дождь не найдетъ его. Можетъ-быть, съ другой стороны лѣса и есть что-нибудь жилое; мы не видали ничего кромѣ слѣдовъ костра на опушкѣ, вокругъ котораго несомнѣнно совершалось чаепитіе. Будь тутъ лѣсъ посаженъ не Петромъ Великимъ, а какимъ-нибудь Шведскимъ королемъ или хоть богатымъ финляндцемъ — здѣсь была бы и гостиница и даже памятникъ съ надписью по-фински и по-шведски: когда и кѣмъ была посажена эта лиственница,—и тогда вела бы сюда шоссейная дорога, и никто изъ дачниковъ не смѣлъ бы да и нужды бы не имѣлъ разводить костры у корней этого живаго памятника великой старины — словомъ все было бы такъ какъ подобаетъ. Но... вѣдь и я только случайно узналъ объ этомъ лѣсѣ.

А странное чувство охватывало меня когда, переходя лѣсъ, я останавливался, оглядывался или смотрѣлъ на эти древесныя выси...

Лиственничный лѣсъ Петра Великаго. Съ карт. Я. П. Полонскаго, грав. Шлипперъ.

Даже это маленькое, изо всѣхъ дѣлъ самое незначительное дѣло, совершенное Петромъ, носитъ печать великой души его. Только геній, „въ надеждѣ славы и добра", могъ насадить этотъ лѣсъ; не ради каприза, или собственнаго своего удовольствія, не у себя въ лѣтней резиденціи онъ насадилъ его, а въ странѣ только-что занятой имъ, дикой и малолюдной.

Онъ насаждалъ эту лиственницу въ увѣренности, что выроститъ мачтовый лѣсъ, и лѣтъ черезъ двѣсти пригодится его имперіи, у которой окажется свой собственный, не привозный матеріалъ для флота. Какая любовь къ Россіи, какая прозорливость и какая непоколебимая увѣренность что все имъ завоеванное будетъ русскимъ и никогда не вернется въ руки враговъ его!

Почему онъ выбралъ это, а не другое мѣсто? Почему онъ предполагалъ что эти деревья примутся и не погибнутъ? Откуда перевезъ онъ лиственницу? Долго-ли и чьими руками рыли эту каменистую сырую почву и вырубали коренья стараго лѣса, чтобъ дать мѣсто новому? Все это — не мнѣ рѣшать...

Ясно только что и здѣсь, въ завоеванной странѣ, онъ оказался такимъ же преобразователемъ какъ и у себя на родинѣ. Вѣдь лиственница сама собой здѣсь не роститъ — ее даже и теперь не видать нигдѣ кругомъ, даже въ садахъ у помѣщиковъ, даже въ бывшемъ помѣстьѣ министра Замятина, а тогда, въ прошломъ нѣкѣ, смѣю думать, здѣсь о лиственницахъ и помина не было.

Все было обдумано Петромъ, и несомнѣнно выполнено по его плану и по его указанію.

Спускаясь все ниже и ниже по неровному лѣсному скату, дошли мы наконецъ до зеленой поляны, тоже покатой и протянувшейся вдоль рѣчки Райвола, которая течетъ у опушки лѣса и, какъ кажется, служитъ ему границею. Рѣчка эта не широка, но живописна, течетъ по камнямъ и по валунамъ, которые высовываются изъ воды какъ тюлени. При солнцѣ и ясномъ небѣ цвѣтъ рѣки казался мнѣ коричневымъ. Быть-можетъ желѣзистая вода придаетъ ей такой видъ. Черезъ поляну, на которую мы вышли, ключевая вода пробирается изъ лѣсу къ рѣкѣ. Трудно было перебираться черезъ эти насыщенныя водой и прикрытыя травой полосы. Ноги вязли въ нихъ.

Но на этой же полянѣ нашлось и сухое мѣсто недалеко отъ покосившагося сруба, набитаго сѣномъ.

Только тутъ нашлась возможность сѣсть на траву и наскоро набросать видъ лиственницы, которая темной стѣной шла по рѣкѣ, круто завернувшей отъ насъ направо. Отсюда былъ далеко не лучшій видъ,—но что же дѣлать: я настолько усталъ, что не могъ искать лучшаго.

Къ рисункамъ.

Лѣтняя идилія. (Рис. на стр. 769).

Авторъ этой прелестной картинки, изображающей дѣдушку съ двумя внучками, жанристъ Феликсъ Шлезингеръ, родился 9 октября 1833 года въ Гамбургѣ, 1850—51 учился въ Дюссельдорфской академіи и работалъ въ мастерской Іордана, затѣмъ прожилъ много лѣтъ въ Парижѣ, и наконецъ поселился въ Мюнхенѣ. Картины его отличаются художественною простотой содержанія и блестящимъ колоритомъ.

Весло упустилъ! (Рис на стр. 772).

Комично безвыходное положеніе гребца-дилеттанта—раскачавъ по неумѣлости лодку и струсивъ при этомъ, онъ упустилъ весло, а нагибаясь за нимъ, потерялъ и картузъ... Мать шалуна причитаетъ ему съ плоту обычное: „говорила тебѣ, пострѣленокъ, не суйся въ воду, не берись не за свое дѣло" и т. д.

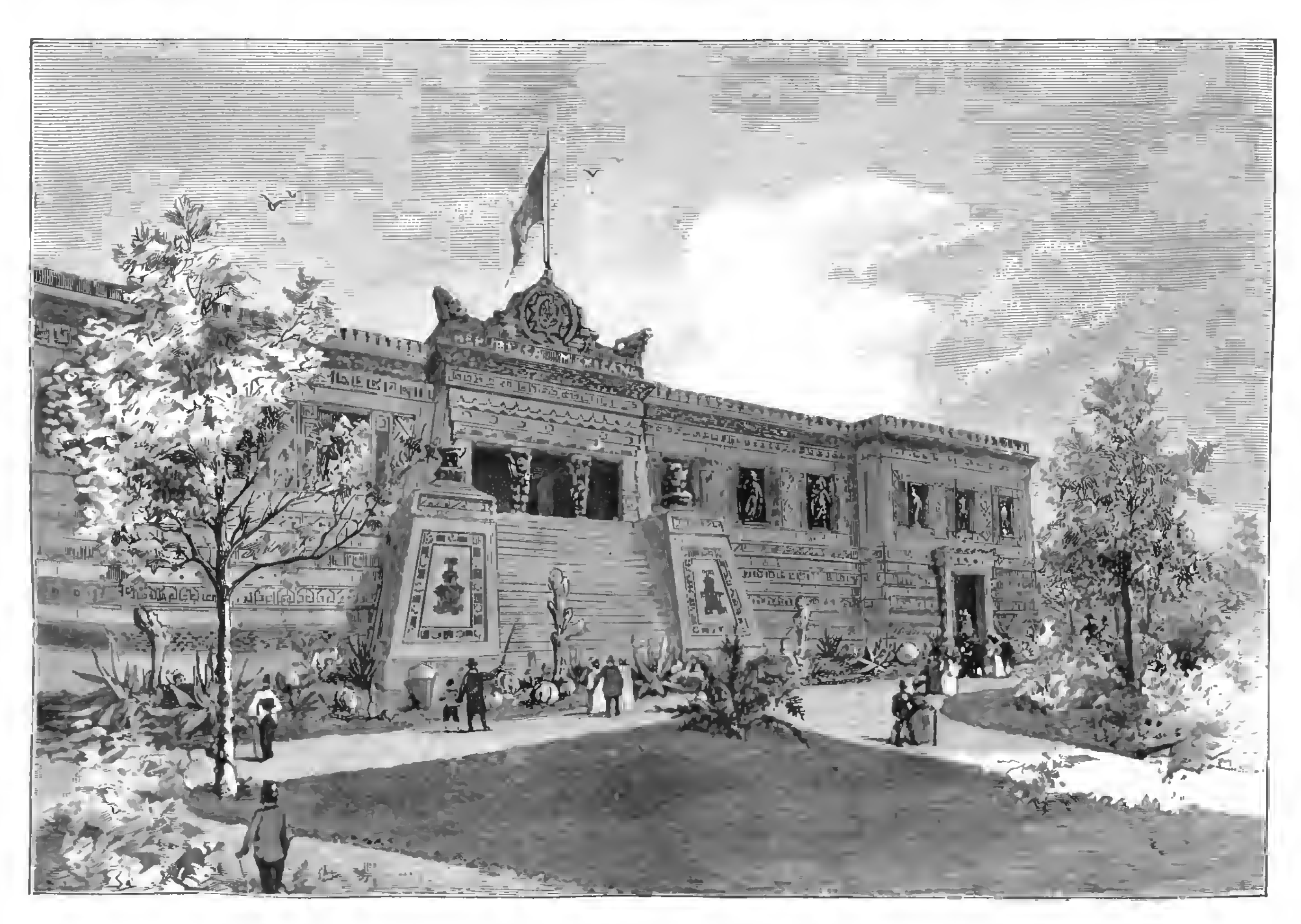
Пора на водопой. (Рис. на стр. 773).

Домашнія животныя удивительно привыкаютъ къ обычному порядку ихъ жизни и хорошо знаютъ время выгона на пастбище, доенья и т. п. Вотъ насталъ часъ водопоя, а пастушокъ, сморенный зноемъ, заснулъ на припекѣ... Овцы, подождавъ-подождавъ, окружаютъ его съ жалобнымъ блеяньемъ, а баранъ даже наровитъ слегка боднуть его подъ бокъ.

Малороссійская жница. (Рис. на стр. 777).

Засверкали на нивѣ серпы,
Какъ на небѣ вечернемъ зарница...
Съ пѣсней вяжетъ и носитъ снопы
Молодая, прекрасная жница.
Черноброва, румяна, свѣжа;
Станъ и гибокъ, и строенъ, какъ колосъ;

Парижская всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Аргентинской республики. По рис. М. I., грав. М. Рашевскій.

Парижская всемірная выставка 1889 г. Павильонъ Мексики. По рис. М. I., грав. М. Рашевскій.

Рѣжетъ пламенный взоръ безъ ножа;
Льется въ душу чарующій голосъ.
Какъ въ лазурныхъ кристальныхъ струяхъ
Днемъ играетъ на солнышкѣ рыбка—
У степнячки на алыхъ устахъ
Плутовская играетъ улыбка.
Душенъ воздухъ. Огнистымъ лучемъ
Солнце жжетъ ея смуглое тѣло,
Мучитъ жажда... Но все ни почемъ—
Ей, красавицѣ сильной и смѣлой.
И всегда-то она весела,
И поетъ, и щебечетъ какъ птица—
Украшенье родного села,
Молодая, прекрасная жница. **П. Б.**

Литературный альбомъ. „Рыбакъ", Гёте.

(Рис. на стр. 780).

Волна бѣжитъ, шумитъ, колышетъ
Едва замѣтный поплавокъ;
Рыбакъ поникъ и жадно дышитъ
Прохладой, глядя на потокъ.
Въ немъ сердце сладко замираетъ...
Онъ видитъ—женщина изъ водъ,
Ихъ разсѣкая, выплываетъ
Вся на поверхность, и поетъ...
. . . .
Волна бѣжитъ, шумитъ, сверкаетъ...
Рыбакъ поникъ надъ глубиной.
Невольный жаръ овладѣваетъ
Въ немъ замирающей душой.
Она поетъ... Рыбакъ несмѣло
Скользитъ къ водѣ... его нога
Ушла въ потокъ... волна вскипѣла —
И опустѣли берега... **Я. П. Полонскій.**

Карлъ Анжуйскій въ Бордо. (Рис. на стр. 781).

Еще въ глубокой древности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Библія, а также древнія священныя писанія Персовъ, споры отдѣльныхъ лицъ, а иногда и цѣлыхъ народовъ, рѣшались поединкомъ. Въ средніе вѣка особенно часто прибѣгали къ такому рѣшенію „суда Божія".

Такимъ-же судомъ Божіимъ хотѣлъ рѣшить Карлъ Анжуйскій свою исконную вражду съ Петромъ Арагонскимъ.

Это случилось въ 1280 году 20 мая. Весь городъ Бордо былъ въ сильномъ возбужденіи. Тамъ долженъ былъ произойти поединокъ, на который вызвалъ Карлъ Анжуйскій своего злѣйшаго врага, Петра Арагонскаго. Извѣстная въ исторіи „Сициліанская вечерня" вырвала Сицилію изъ-подъ власти Карла и престолъ достался Петру III. Послѣ тщетныхъ попытокъ снова овладѣть островомъ, онъ вызвалъ Петра рѣшить единоборствомъ кому быть властителемъ, и благородный Петръ, хотя и знакомый съ вѣроломствомъ своего противника, принялъ вызовъ. Двѣнадцать рыцарей были избраны судьями; мѣстомъ поединка назначили Бордо. Каждая изъ сторонъ обязалась привести съ собою по 100 рыцарей. Первымъ явился къ мѣсту поединка Карлъ, чтобы устроить, по его словамъ, все по возможности торжественнѣе и пышнѣе. На самомъ дѣлѣ у него на умѣ было совсѣмъ другое, и къ своему счастію, Петръ узналъ объ его зломъ умыслѣ своевременно. По прибытіи его изъ Сициліи въ Арагонію, ему донесли, что Карлъ собралъ около Бордо сильное войско. Петръ въ сопровожденіи трехъ спутниковъ, переодѣвшись, лично убѣдился въ низкихъ помыслахъ Карла, и открывъ себя судьямъ, и объявивъ имъ, что онъ былъ на мѣстѣ поединка, поспѣшилъ затѣмъ обратно въ Сицилію. Узнавъ о томъ, Карлъ послалъ за Петромъ погоню, но безуспѣшно. Чтобы хотя повидимому сохранить за собою правоту въ неудавшемся единоборствѣ, онъ прибылъ къ назначенному мѣсту битвы и съ утра до поздней ночи тщетно ожидалъ своего соперника, въ неистовствѣ отъ разрушившихся козней носясь на конѣ и въ полномъ вооруженіи по аренѣ. Эта сцена и изображена на рисункѣ, помѣщенномъ на стр. 781.

Парижская всемірная выставка 1889 г.

(Рис. на стр. 785).

Къ числу наиболѣе характерныхъ зданій на всемірной выставкѣ относятся изображенные на нашихъ рисункахъ отдѣлы Мексиканской и Аргентинской республикъ.

Аргентинцы поручили постройку своего роскошнаго павильона г. Баллю, съ тѣмъ, что послѣ Парижской выставки павильонъ будетъ перенесенъ въ Буэносъ-Айресъ, для тамошнихъ выставокъ. Это — великолѣпное зданіе около 35 саж. длины и около 12 ширины, обошедшееся въ 1.400,000 франковъ. Основою ему служитъ металлическая сѣть, заполненная и украшенная фарфоромъ, кафлями и мозаикой, производящими самое пріятное общее впечатлѣніе. Аргентинская республика выставила преимущественно предметы промышленности и торговли. Во второмъ этажѣ расположены кожи, шерсть и т. п.; въ первомъ — хлѣбъ, дерево, вина и мясные консервы. Кстати замѣтимъ, что пресловутый „мясной экстрактъ"—чисто французское изобрѣтеніе и принадлежитъ двумъ французскимъ ученымъ Пру и Пармантье; Либихъ только популяризовалъ мясной экстрактъ и указалъ его важность, благодаря чему имя его и осталось связаннымъ съ этимъ изобрѣтеніемъ.

Мексиканскій павильонъ своею суровою внѣшностью и особенно крутою лѣстницей напоминаетъ древніе теокали Ацтековъ; фасады украшены геометрическими рисунками, тщательно скопированными съ древне-мексиканскихъ памятниковъ. Двѣнадцать колоссальныхъ полурельефныхъ бронзовыхъ фигуръ изображаютъ доисторическихъ повелителей Мексики, которымъ приносились сотни человѣческихъ жертвъ. Здѣсь выставлены: кофе, индиго, хлопокъ, кожи, сахаръ, ваниль, цѣнное дерево, минералы, драгоцѣнные каменья и нѣсколько картинъ.

С. П. Акимова. (Портр. на стр. 788).

Рано утромъ, 4 іюля, въ селѣ Раменскомъ, находящемся по Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ, тихо отошла въ вѣчность артистка Императорскаго Московскаго Малаго театра Софья Павловна Акимова, сорокъ лѣтъ служившая лучшимъ украшеніемъ казенной сцены. Съ ея смертью исчезло наглядное представленіе о томъ блестящемъ, „золотомъ времени" русскаго драматическаго театра, о томъ знаменитомъ періодѣ московской сцены, когда на ней вкупѣ подвизались незабвенные Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Живокини, Васильевъ, Никифоровъ, Полтавцевъ, Сабурова, Васильева и друг. Акимова занимала драматическое амплуа „комической старухи", нынѣ почти не существующее, котораго она была послѣдней представительницей. Комизмъ этого женскаго амплуа, родственнаго амплуа итальянской оперы „basso buffo" и амплуа „гротесковъ" въ балетѣ, заключался во внѣшней смѣхотворности, въ шаржѣ. Артистка по натурѣ, Акимова за свой неподдѣльный комизмъ, юморъ и заразительную веселость, получила у завзятыхъ театраловъ прозваніе „Живокини въ юбкѣ" и заставляла хохотать неудержимо всю залу; по разсказамъ старожиловъ, участіе Акимовой въ водевилѣ, особенно когда она играла съ Живокини, удерживало всю публику въ театрѣ до самаго конца спектакля, какъ-бы поздно онъ ни затягивался, и публика надсаживалась отъ смѣха, хохотала такъ, какъ нынѣ уже не смѣются. И не мудрено, С. П. Акимова, какъ говоритъ извѣстный театральный критикъ и знатокъ сцены г. Васильевъ, въ значительной мѣрѣ обладала фантастическимъ комизмомъ, тѣмъ талантомъ комизма, который французы называютъ „le comique phantaisiste". Она была необыкновенно талантлива въ своемъ амплуа и составила себѣ въ немъ огромную извѣстность. Молодое поколѣніе, заставшее лишь послѣдніе годы артистической дѣятельности С. П. Акимовой, не можетъ составить себѣ понятія о тѣхъ оваціяхъ, которыя она вызывала, о популярности, какою она пользовалась среди посѣтителей Малаго театра. Талантъ артистки выражался не въ одномъ лишь „комизмѣ для смѣха", внѣшнемъ комизмѣ, но и въ созданіи живыхъ народныхъ типовъ, которымъ она умѣла придать чрезвычайную колоритность. Такими типами въ ея прекрасномъ, яркомъ исполненіи были: сваха въ „Женитьбѣ" Гоголя, слесарша въ „Ревизорѣ", странница въ „Грозѣ", тетка въ „Не въ свои сани не садись" и другія лица, преимущественно въ пьесахъ Островскаго. Доказательствомъ ея добросовѣстности, ея любви къ театру, къ искусству, вообще ея артистической жилки можетъ служить то, что, молчаливая и сдержанная вообще, она необыкновенно оживлялась на сценѣ или когда рѣчь заходила о театрѣ, и то, что она трусила, волновалась передъ каждымъ выходомъ на сцену, какъ новичокъ-дебютантъ. „Въ горлѣ что-то схватитъ, и кажется, что всю роль перезабыла", говаривала артистка. А между тѣмъ она переиграла болѣе пятисотъ ролей и обладала громадною опытностью, усвоила технику въ совершенствѣ. Даже разбитая уже параличемъ, въ дни облегченія, она жаждала играть и страшно обижалась на театральную дирекцію, которая, щадя здоровье артистки, передавала ея роли другимъ.

Софья Павловна Акимова съ первыхъ дней появленія своего на свѣтъ Божій уже дышала театральною атмосферой. Она была дочь Ребристова, даровитаго музыканта въ оркестрѣ московскаго казеннаго театра и родилась въ 1824 году, въ Москвѣ. Образованіе она получила хорошее, знала отлично языки французскій и нѣмецкій. Лѣтъ восемнадцати-девятнадцати она вышла замужъ за Акимова, режиссера драматической труппы Малаго театра и черезъ нѣсколько времени поступила на сцену, по страстному влеченію къ ней и вопреки желанію мужа, противъ воли родныхъ, пророчившихъ ей полнѣйшій неуспѣхъ на сценѣ. По секрету отъ всѣхъ разучивала она свои первыя, дебютныя роли и своимъ артистическимъ образованіемъ обязана артисткѣ Аграфенѣ Тимоѳеевнѣ Сабуровой, принимавшей въ ней большое участіе. Акимовой было всего 22 года, когда она выступила на театральныхъ подмосткахъ, въ пьесѣ М. Н. Загоскина „Благородный театръ", дебютируя ролью Кутерлиной. Несмотря на пророчества родныхъ и мужа, она имѣла успѣхъ и все болѣе обращала на себя вниманіе своей осмысленной игрой, появившись для втораго и третьяго дебютовъ въ роляхъ Праксагоры въ водевилѣ „Эзопъ у Ксаноа", гдѣ Эзопа исполнялъ Щепкинъ, и Клушиной въ водевилѣ П. С. Федорова „Путаница". Несмотря на молодость лѣтъ своихъ,

она избрала для себя амплуа комическихъ старухъ, угадавъ своимъ артистическимъ чутьемъ свое настоящее призванie. Замѣчательно, что, несмотря на видимые успѣхи артистки на сценѣ, театральное начальство объявило ей, что она принята на службу единственно въ уваженie заслугъ ея отца и мужа, и *чтобы артистка и не думала, будто у ней есть какой-нибудь талантъ*. При такомъ взглядѣ на нее начальства, С. П. Акимовой приходилось буквально завоевывать себѣ роли, а слѣдовательно и положенie на сценѣ. По оставленiи артисткой А. Т. Сабуровой сцены, дирекцiя открыла конкурсъ на замѣщенie ея амплуа; явилось не мало претендентовъ, но Акимова затмила исполненiемъ своихъ конкурентокъ и вышла побѣдительницей, оставивъ за собою амплуа, въ которомъ рѣшительно не имѣла соперницъ на московской сценѣ. Послѣднie годы она не часто появлялась на сценѣ: память стала измѣнять артисткѣ, она съ трудомъ разучивала роли; силы измѣняли ей. Въ послѣднiй разъ она участвовала въ пьесѣ Островскаго „Воевода", а послѣдней ея ролью была роль старой няньки въ комедiи „Послѣдняя воля". „Это была — говоритъ г. Васильевъ,—даже не роль; это было воспроизведенie дѣйствительности... На сцену выводили подъ-руки разрушившуюся старушку, сажали ее на диванъ и черезъ нѣсколько времени уводили обратно". И тѣмъ не менѣе, публика каждый разъ аплодировала дружно артисткѣ; она рукоплескала ея блестящему прошлому и той беззавѣтной любви къ искусству, той вѣрности долгу, которыя до послѣднихъ минутъ жизни не покидали С. П. Акимову. Служа сценѣ, артистка пытала силы и въ драматической литературѣ: она перевела съ нѣмецкаго драму „Мать и сынъ" (за которую ее вызывали, какъ переводчицу) и помогала мужу въ переводѣ нѣсколькихъ пьесъ съ французскаго: „Женихъ безъ фрака", „Пробужденie льва", „Пятница" и друг. **П. Б—овъ.**

Д. Д. Минаевъ. (Портр. на стр. 788).

(Портр. на стр. 788)

10 iюля, въ Симбирскѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался извѣстный поэтъ-юмористъ Д. Д. Минаевъ, пользовавшiйся за свое остроумie огромной популярностью и въ столицѣ, и въ провинцiи. Экспромты Минаева на всякie важные и пустые случаи, на разныя общественныя и литературныя явленiя переходили изъ устъ въ уста, разносились по всѣмъ угламъ и закоулкамъ Россiи, и едва ли у насъ найдется такой грамотный, слѣдящiй за литературою человѣкъ, который не зналъ бы какого-нибудь изъ этихъ экспромтовъ или вообще юмористическихъ стиховъ Минаева. Необычайныя, но истинѣ изумительныя плодовитость, бойкость, легкость, веселость, богатство риѳмъ и щегольство формы—были отличительными признаками его талантливой и причудливой музы. Минаевъ быстро откликался на всѣ интересы минуты и своимъ остроумiемъ, своими, подчасъ колкими, эпиграммами преслѣдовалъ и настоящее зло, невѣжество и лицемѣрie людей несимпатичныхъ, одержимыхъ корыстью, шаткостью убѣжденiй и прочими общественными недугами, и точно такъ же высмѣивалъ зло мнимое, такiя явленiя, такихъ почтенныхъ дѣятелей, надъ которыми потѣшаться было и стыдно, и грѣшно. Минаевъ одинаково глумился и надъ либеральнымъ лагеремъ, къ которому онъ себя причислялъ, и надъ лагеремъ консервативнымъ, порою, единственно ради возможности удачно сострить, пустить въ дѣло какой-нибудь ловкiй каламбуръ. Надъ „своими" онъ всего больше и всего удачнѣе смѣялся, заклеймивъ довольно злыми эпиграммами и расколъ въ либеральной партiи, и рьяное разрушенie авторитетовъ. Когда, отъ чрезмѣрнаго усердiя къ этому разрушенiю, Лермонтовъ былъ низведенъ до „пошляка", а Пушкинъ названъ „поэтомъ побрякушекъ", Минаевъ ополчился противъ подобнаго святотатства и написалъ остроумную сатиру-пародiю „Евгенiй Онѣгинъ, романъ въ стихахъ, сокращенный и исправленный по статьямъ новѣйшихъ лжереалистовъ", одну изъ удачнѣйшихъ своихъ юмористическихъ вещей, которая была до нѣкоторой степени подвигомъ со стороны Минаева, ибо въ то „комическое" время дозволялось разрушать всякie авторитеты и изрекать, что „сапоги выше Шекспира", но отнюдь не дозволялось касаться такихъ кумировъ современныхъ, какимъ былъ авторъ пошлыхъ и вздорныхъ статей о Пушкинѣ, Писаревъ. Въ стихахъ и прозѣ Минаевъ всегда вооружался противъ теорiи искусства для искусства, а межъ тѣмъ онъ самъ первый осуществлялъ эту теорiю на практикѣ—онъ смѣялся ради того только, чтобы смѣяться и, какъ говоритъ пословица, „ради краснаго словца не жалѣлъ и роднаго отца". Безспорно, Минаевъ обладалъ большимъ стихотворнымъ талантомъ, но чисто внѣшняго свойства, который не шелъ дальше округленности, гладкости формы, нѣкоторой картинности; о чувствѣ, гармонiи, образности въ стихахъ Минаева, конечно, не можетъ быть и рѣчи: чувство замѣнялось у него холоднымъ резонерствомъ, гармонiя, мелодiя стиха—звучными риѳмами, риторическими украшенiями, вылощенностью формы. Оригинальнаго въ его не юмористическихъ стихахъ ничего не было и они представляли собою болѣе или менѣе удачные перепѣвы произведенiй Некрасова, которому Минаевъ слѣпо поклонялся, и, говоря откровенно, мнилъ себя его продолжателемъ. Минаевъ не отличался особеннымъ умомъ и развитiемъ, не получилъ серьезнаго образованiя и не заботился, какъ это мы видимъ у другихъ писателей, о пополненiи его пробѣловъ; идеаловъ высокихъ у него тоже не было, какъ равно и стойкости въ убѣжденiяхъ; таланта его хватало только на мелочи, почему юморъ его не отличался глубиною, серьезною подкладкой и вращался большею частью въ узкой сферѣ обличенiя повседневныхъ явленiй и отдѣльныхъ личностей, интересовъ своего муравейника и одностороннихъ партiйныхъ взглядовъ. Вотъ почему также Минаевъ пережилъ свой талантъ, и въ его послѣднихъ произведенiяхъ, натянутыхъ, шаблонныхъ, замѣчаются однѣ только жалкiя потуги на остроумie и притомъ ужъ совсѣмъ неразборчивое.

Кромѣ юмористическихъ стиховъ, Минаевъ занимался переводами поэтическихъ произведенiй Ювенала, Барбье, Гюго, Мольера, Мюссе, Байрона, Шелли, Борнса, Данте, Гейне, Сырокомли и другихъ иностранныхъ писателей мелкихъ и крупныхъ. Но такъ какъ самъ онъ совсѣмъ не зналъ языковъ и перекладывалъ въ стихи подстрочно переведенныя для него другими произведенiя, то его переводы, очень гладкie, даже блестящie по формѣ, не передавали ни красокъ, ни духа подлинника и часто были не только невѣрны, но и грѣшили несообразностями, нелѣпостями, каковы, напримѣръ, въ особенности, его переводы большихъ поэмъ Байрона („Донъ-Жуанъ", „Чайльдъ-Гарольдъ", „Беппо", „Манфредъ", „Каинъ") и Дантовской трилогiи; чтенie этихъ переводовъ невольно вызываетъ и смѣхъ, и досаду. Изъ серьезныхъ произведенiй Минаева, удачнѣе всего его стихотворныя комедiи: „Либералъ" „Спѣтая пѣсня" и „Разоренное гнѣздо", въ которыхъ затронуты довольно остроумно современные мотивы, есть нѣсколько весьма жизненныхъ типовъ и правдоподобныхъ сценъ и много юмора; кромѣ того, все это скрашено необыкновенно блестящею формой. Послѣднее произведенie, комедiя „Разоренное гнѣздо" своими прекрасными стихами, напоминающими грибоѣдовскie, подкупила даже одного изъ академиковъ, А. В. Никитенко, которому она, какъ конкурсное произведенie, была отдана на разсмотрѣнie; онъ одобрилъ ее, и Минаевъ получилъ за эту пьесу Уваровскую премiю въ пятьсотъ рублей.

Дмитрiй Дмитрieвичъ Минаевъ происходитъ изъ дворянскаго рода и родился въ Симбирскѣ, 21 октября 1835 года. Дѣдъ его былъ ветеранъ екатерининскихъ временъ, а отецъ, Дмитрiй Ивановичъ, участвовалъ въ литературѣ и какъ второстепенный поэтъ сороковыхъ годовъ и, особенно, какъ переводчикъ „Слова о полку Игоря" пользовался нѣкоторой извѣстностью; онъ былъ отставной капитанъ, служилъ въ Провiантской коммисiи, занималъ должность смотрителя Измайловскаго провiантскаго магазина въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1847 г. съ одиннадцатилѣтнимъ своимъ сыномъ. Дмитрiй Дмитрieвичъ поступилъ, послѣ домашняго воспитанiя, въ Дворянскiй полкъ, откуда выпущенъ съ чиномъ XIV класса, въ 1852 году, затѣмъ служилъ года два въ Симбирской казенной палатѣ, послѣ чего вышелъ въ отставку и прiѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ снова опредѣлился на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ земскiй отдѣлъ по крестьянскому вопросу, гдѣ оставался до половины 1857 года, когда окончательно оставилъ службу и исключительно занялся литературой. Писать стихи онъ началъ еще на школьной скамьѣ, но печататься сталъ въ 1858 году, дебютируя лирическими пьесками, переводами изъ Гейне и повѣстями, которыя помѣщались въ мелкихъ, еженедѣльныхъ изданiяхъ. Сдѣлавшись усерднымъ сотрудникомъ *Искры*, гдѣ онъ печатался подъ множествомъ псевдонимовъ, онъ вскорѣ получилъ извѣстность, и безъ его серьезныхъ, юмористическихъ и переводныхъ стихотворенiй, замѣтокъ и фельетоновъ не обходилось почти ни одно изъ изданiй шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ, преимущественно либеральнаго направленiя. Д. Д. Минаевъ умеръ еще не старымъ человѣкомъ, всего 54 лѣтъ отъ роду, но его дарованie состарилось уже давно... **П. Б—овъ.**

Политическое обозрѣнie.

Францiя въ настоящее время всецѣло поглощена происходящими выборами въ генеральные совѣты. Результаты ихъ интересны уже потому что буланжисты употребляютъ всѣ мѣры, чтобы доставить своему главарю, по возможности, наибольшее число избранiй и устроить изъ мѣстныхъ выборовъ какъ бы плебисцитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же результаты покажутъ настроенie страны при предстоящихъ общихъ выборахъ. Къ сожалѣнiю, точнаго числа дѣйствительныхъ избранiй, въ виду многочисленныхъ перебаллотировокъ, еще нельзя опредѣлить, но уже по ходу дѣла можно видѣть, что старанiя буланжистовъ не увѣнчаются успѣхомъ. По поводу земскихъ выборовъ *Journal de St.-Pétersbourg* говоритъ, въ среду 19 iюля: „Наши депеши изъ Парижа относительно результата выборовъ въ воскресенье (16 iюля) еще очень скудны подробностями. Но изъ совокупности этихъ скудныхъ свѣдѣнiй вытекаетъ, что „плебисцитъ въ миніатюрѣ", — какъ выражается *Temps*, — устроенный

бывшимъ военнымъ министромъ, не привелъ къ немедленному торжеству достигнутому послѣ борьбы. Если, какъ утверждаютъ газеты, кандидатура генерала была поставлена въ ста-пятидесяти кантонахъ, то избранія всего въ двѣнадцати мѣстахъ, не считая перебаллотировокъ, нельзя считать особенно блестящимъ результатомъ и съ этой точки зрѣнія можно сказать, что буланжистская манифестація не произвела ожидаемаго эффекта. Перипетіи кандидатуръ Буланже представляютъ, впрочемъ, любопытный предметъ изслѣдованія. Въ своемъ недавнемъ манифестѣ, обращенномъ къ выборщикамъ, генералъ самымъ формальнымъ образомъ заявилъ, что онъ поставилъ свою кандидатуру лишь въ восьмидесяти кантонахъ. „Эта цифра—утверждалъ онъ — установлена безповоротно". Онъ даже настоятельно просилъ выборщиковъ не подавать за него голоса въ тѣхъ кантонахъ, которые не будутъ имъ самимъ открыто указаны. Затѣмъ, наканунѣ выборовъ, тактика эта внезапно измѣнилась. Не только не было опубликовано списка этихъ восьмидесяти кантоновъ, но кандидатуры Буланже были поставлены вездѣ понемножку, либо самимъ генераломъ, либо его сообщниками съ г. Тюркэ во главѣ. Но въ то же время, тотъ же г. Тюркэ заявлялъ въ буланжистскихъ газетахъ, что до дня выборовъ ни одного кантона не укажутъ оффиціально, что будетъ соблюдаема строжайшая тайна и что по окончаніи выборовъ будетъ объявлено, въ какихъ именно кантонахъ генералъ Буланже выставилъ свою кандидатуру. *Temps* замѣчаетъ, что генералъ Буланже, слѣдуя этой новой тактикѣ, могъ предложить или допустить голосованіе въ свою пользу во всѣхъ тѣхъ кантонахъ, гдѣ онъ полагалъ имѣть шансы на успѣхъ, а затѣмъ, тотчасъ послѣ выборовъ, онъ могъ собрать названія восьмидесяти кантоновъ, въ которыхъ онъ получилъ наибольшее число голосовъ и заявить странѣ: „Вотъ указанные мною восемьдесятъ округовъ, во другихъ же мѣстахъ слѣдуетъ видѣть лишь внезапную манифестацію, устроенную выборщиками по собственному ихъ почину; они вотировали за меня, не смотря на представленія, заключавшіяся въ моемъ манифестѣ". *Temps* заранѣе протестовала противъ этой военной хитрости. „Позвольте!" восклицаетъ эта газета: „далеко не одно и то же — одержать побѣду въ восьмидесяти предварительно указанныхъ кантонахъ, или же быть избраннымъ восемьдесятъ разъ въ совокупности всѣхъ кантоновъ. Первая операція не представляетъ особенныхъ затрудненій, коль скоро между округами сдѣланъ былъ тщательный выборъ, но при всемъ томъ вторая операція несравненно легче. Еслибъ даже вы располагали большинствомъ въ ста округахъ, все-таки это было бы не важнымъ успѣхомъ, коль скоро вы понесли пораженіе во многихъ другихъ".

Въ Сербіи, Миланъ, по пріѣздѣ въ Бѣлградъ, сдѣлалъ визиты митрополиту Михаилу, регентамъ Груичу и Мраовичу. По свѣдѣніямъ *Correspondance de l'Est*, принимая министровъ, онъ выразилъ искреннее удовольствіе по поводу господствующихъ въ странѣ спокойствія и порядка. Кромѣ того, всѣ посланники, находящіеся нынѣ въ Бѣлградѣ, по очереди были приняты Миланомъ въ аудіенціи. 18 іюля имѣлъ аудіенцію у Милана русскій повѣренный въ дѣлахъ, г. Сергѣевъ. Въ тотъ же день Миланъ отправился во Вранью въ сопровожденіи Белимарковича, Груича и, вѣроятно, Таушановича. Поѣздка приводится въ связь съ вопросомъ объ регулированіи положенія королевы. По этому поводу телеграфъ сообщаетъ, что правительство заявило о необходимости пріѣзда королевы въ Сербію и предложило Милану уступить для жительства ея дворецъ въ Нишѣ, гдѣ король могъ бы по временамъ видѣться съ матерью. Миланъ отвѣтилъ, что въ принципѣ не имѣетъ права противиться возвращенію королевы, но что у него, кромѣ 72 статьи конституціи, есть письменное условіе съ регентами, по которому мать можетъ видѣться съ сыномъ только за границею и лишь въ городахъ, гдѣ разрѣшитъ отецъ. Миланъ, однако, готовъ уступить, но только подъ условіемъ, чтобы правительство письменно признало фактъ развода. Правительство это предложеніе отвергло.

С. П. Акимова († 4 іюля 1889). Съ фот. Коларскаго, грав. Шюблеръ.

Д. Д. Минаевъ († 10 іюля 1889 г.). Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Положеніе дѣлъ на островѣ Критѣ продолжаетъ быть возбужденнымъ и опаснымъ. Многія семейства переселяются въ Грецію и иностранные консулы обратились къ ихъ правительствамъ съ просьбою прислать военныя суда. На Критѣ, однако, почти всѣ греки надѣются на мирное улаженіе конфликта, благодаря отозванію губернатора и примиренію либераловъ съ христіанами консервативной партіи. Тѣмъ не менѣе критяне не положатъ оружія до прекращенія кризиса. По послѣднимъ извѣстіямъ, нуждающимся впрочемъ въ подтвержденіи, произошли вооруженныя столкновенія между христіанами и турками, причемъ нѣсколько человѣкъ было убито. По свѣдѣніямъ *Агентства Рейтера*, греческое правительство также сильно надѣется на мирное улаженіе критскаго вопроса. Всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ партіямъ, по телеграммѣ изъ Лондона, Англія дала ясно понять, что британское правительство придаетъ величайшее значеніе тому, чтобы Критъ и впредь оставался составною частью Оттоманской имперіи. Въ Константинополѣ 17 іюля состоялось засѣданіе совѣта министровъ, въ предсѣдательствѣ султана. На немъ рѣшено послать на островъ Критъ новую коммисію съ предсѣдательствомъ янинскаго губернатора Риза-паши, а также восемь батальоновъ войскъ и нижнихъ чиновъ для комплектованія расположенныхъ уже на островѣ батальоновъ; съ Крита же въ Константинополь выѣхала коммисія, состоящая изъ двухъ мусульманъ и четырехъ христіанъ. Изъ христіанскихъ коммисаровъ двое принадлежатъ къ большинству національнаго собранія, а двое служатъ представителями инсургентовъ.

Интересно сдѣланное 18 іюля заявленіе маркиза Солсбери въ палатѣ лордовъ на требованіе лорда Стратедена относительно представленія парламенту дальнѣйшей дипломатической переписки касательно Болгаріи. „Исторія Болгаріи съ 1887 г.— заявилъ премьеръ — не богата событіями и невозможно пока сказать, ожидаетъ-ли Балканскій полуостровъ иная судьба

чѣмъ Турцію, но теперь нѣтъ никакой причины опасаться бо̀льшихъ нарушеній порядка чѣмъ въ послѣднее время. Съ другой стороны, существуютъ ободряющіе симптомы усиливающихся устойчивости и прогресса и обнаруживается меньшая склонность различныхъ крупныхъ и мелкихъ властителей спекулировать на возможность безпорядковъ въ Турціи. Россія держалась весьма правильнаго образа дѣйствій и, судя лишь по событіямъ, Русское правительство всегда и вполнѣ оправдывало на дѣлѣ свои миролюбивыя завѣренія. Вообще я полагаю, что Восточный вопросъ будетъ тѣмъ болѣе стремиться къ скорому, здравому и мирному разрѣшенію путемъ естественнаго развитія населеній Балканскаго полуострова, чѣмъ болѣе всѣ другія стороны будутъ воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій или заявленій въ поощреніе возникающихъ отъ времени до времени прискорбныхъ недоразумѣній. Съ нѣкоторою увѣренностью я могу выразить мнѣніе, что мрачная картина ближайшаго будущаго, нарисованная лордомъ Стратеденомъ, не оправдывается фактами".

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 21 іюля, въ 4 часа дня, съ экстреннымъ поѣздомъ прибыли изъ-за границы въ Петергофъ: князь Николай Черногорскій, наслѣдникъ Черногорскій князь Даніилъ, высоконареченная невѣста Вел. Кн. Петра Николаевича княжна Милица Николаевна и сестра ея княжна Анастасія Николаевна. Съ этимъ же поѣздомъ прибылъ и Вел. Кн. Петръ Николаевичъ, выѣзжавшій на встрѣчу своей высоконареченной невѣстѣ до границы, въ сопровожденіи своего адъютанта барона Стааля и свиты Его Величества генералъ-маіора Пушкина, назначеннаго состоять при князѣ Николаѣ Черногорскомъ. Въ свитѣ августѣйшихъ гостей находится воевода Божидаръ Петровичъ и адъютантъ его высочества князя Николая г. Николаичъ.

— По послѣднему бюллетеню изъ Павловска отъ 19 іюля, особыхъ перемѣнъ въ состояніи здоровья Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича не произошло. Сонъ, аппетитъ продолжаютъ быть удовлетворительными. День и ночь проведены спокойно.

Правительственныя распоряженія.

— Предоставлено министру Народнаго Просвѣщенія принимать мѣры къ постепенному введенію въ нынѣ существующихъ и во вновь открываемыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Деритскаго учебнаго округа преподаванія учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, не распространяя сего требованія на преподаваніе закона Божія лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій.

— По слухамъ, министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи вырабатываются особыя правила по огражденію крестьянъ отъ хищническихъ вымогательствъ различныхъ уѣздныхъ сутягъ и нелегальныхъ ходатаевъ по дѣламъ.

Дѣла церкви.

— Въ Св. Синодъ поступило ходатайство о разрѣшеніи издавать особый печатный органъ для военнаго духовенства, подъ названіемъ „Вѣстникъ Военнаго Духовенства". „Вѣстникъ" будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ и замѣнитъ для военнаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости".

— 4 апрѣля, преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ, было получено донесеніе отъ священниковъ Елабужскаго уѣзда, села Куракова—о. В. Домрачева, и села Игры—о. Романова, о присоединеніи къ православной церкви семи семействъ язычниковъ черемисскаго племени, въ числѣ сорока человѣкъ и одной дѣвицы-мусульманки.

Въ той-же епархіи, священникомъ села Новоноселенскаго, Сарапульскаго уѣзда, о. І. Утробнымъ, 4 февраля, просвѣщены Св. Крещеніемъ четыре семейства, въ которыхъ числится 7 чел. муж. пола и 8 женск., а 5 февраля—6 семействъ, въ 16 чел. муж. пола и 9 женскаго. Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ третье и четвертое воскресенье Великаго поста, тѣмъ же о. Іоанномъ Утробнымъ присоединено къ православію изъ язычниковъ черемисскаго племени 12 человѣкъ.

Финансы.

— Въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ (января — апрѣля) текущаго года поступило государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи 1889 г.: обыкновенныхъ и оборотныхъ 248,084 милл. руб. и чрезвычайныхъ 5,756 милл. руб., итого 253,840 милл. руб., въ сравненіи съ поступленіемъ доходовъ въ первые четыре мѣсяца 1888 г. въ счетъ росписи 1888 г., болѣе на 27,094 милл. руб. Съ присоединеніемъ доходовъ льготнаго срока въ счетъ росписи 1888 г. и въ счетъ будущихъ смѣтъ (11,473 милл. руб.), общая сумма поступленія въ нынѣшнемъ году составила 265,313 милл. руб., болѣе противъ общей суммы января—апрѣля 1888 г. (243,565 милл. руб.) на 21,748 милл. р.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ Одессы сообщаютъ, что въ три года борьбы съ филлоксерой уничтожено 29 десятинъ 898 квадр. саженъ виноградниковъ, т. е. около 0,05 процента всѣхъ виноградныхъ садовъ въ Бессарабской губерніи.

— Въ послѣдніе годы развиваются въ Бирюченскомъ и Валуйскомъ уѣздахъ, Воронежской губ., посѣвы аниса. Онъ засѣвается исключительно крестьянами, на надѣльныхъ и даже на арендованныхъ земляхъ.

Наука.

— Николаевская Пулковская обсерваторія дѣятельно готовится къ своему пятидесятилѣтнему юбилею. Всѣ помѣщенія обсерваторіи: музей, библіотека и проч. обновляются; составляются новые каталоги, описываются архивы и проч. Въ торжественномъ актѣ, который состоится 7 августа, изъявили желаніе принять участіе многочисленныя депутаціи отъ различныхъ учрежденій.

— 3 іюля, прибыла во Владикавказъ экспедиція на ледники Коштантау, снаряженная англійскимъ альпійскимъ клубомъ для поисковъ слѣдовъ погибшихъ въ минувшемъ году, между 18 и 20 августа, при восхожденіи на одну изъ вершинъ Коштантау, членовъ альпійскаго клуба гг. Фокса и Донкина съ двумя проводниками, Штрайхомъ и Фишеромъ. Экспедицію составляютъ: президентъ клуба г. Дента, секретарь королевско-британскаго географическаго общества г. Фрешфильдъ, нѣсколько разъ посѣтившій Кавказъ и въ 1868 году взошедшій на Казбекъ, и гг. Воуллей и Повель. При нихъ 4 проводника изъ швейцарскихъ горцевъ, между которыми и братъ погибшаго Фишера.

2 іюля отправилась, черезъ сел. Нальчикъ, на Кавказѣ, другая экспедиція, состоящая изъ 6-ти лицъ, во главѣ съ итальянцами, братьями Эрминіо и Витторіо Селла; цѣль этой экспедиціи—фотографированіе горныхъ видовъ и ледниковъ, съ восхожденіями на нихъ, въ окрестностяхъ Безинги. По сообщенію *Терск. Вѣд.*, эта экспедиція также изъявила готовность принять участіе въ поискахъ слѣдовъ погибшихъ.

— 5 іюля, въ 7¼ часа вечера, въ гор. Петрозаводскѣ наблюдалась необыкновенная радуга, или лучше сказать—четыре радуги, изъ которыхъ каждая пара шла концентрически, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла свой особый центръ.

Открытія и изобрѣтенія.

— Техникомъ Д. М. Козловскимъ изобрѣтенъ особый составъ для покрытія судовъ, съ цѣлью сообщенія имъ непроницаемости для воды и предохраненія отъ гніенія.

— Въ Усть-Ижорскомъ саперномъ лагерѣ въ настоящее время производятся опыты движенія особаго типа локомотивовъ, ходящихъ по обыкновеннымъ дорогамъ.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Харькова пишутъ, что на Екатерининской желѣзной дорогѣ, вблизи станціи „Печугино", нассажирскій поѣздъ № 3-й налетѣлъ, по оплошности стрѣлочника, на товарный поѣздъ № 12-й. Разбито восемь вагоновъ. Легко ранено, какъ говорятъ, шесть человѣкъ. Нѣкоторыхъ пассажировъ выбросило при столкновеніи изъ вагоновъ на полотно дороги.

— Изъ Бухары, отъ 19 іюля, телеграфируютъ, что среди городскаго сартскаго населенія столицы Эмира обнаружилась необычайная смертность. По свѣдѣніямъ диванъ-беги Бухары, 14, 15 и 16 іюля умерло 702 человѣка, не считая дѣтей. Жители не выходятъ изъ домовъ на базары, вслѣдствіе чего обнаруживается сильный застой въ торговлѣ. Жары стоятъ тропическіе.

Новыя книги.

а) *Изданія книгопродавца К. Л. Риккера въ СПБ.*:

1) *Зубы* и ихъ сохраненіе. Публичныя лекціи П. Ѳ. Ѳедорова. Съ 7-ю рисунк. въ текстѣ. 95 стр.

2) *Курсъ русской стенографіи* по системѣ В. Штольце. Публич. лекціи С. М. Длусскаго, читанныя въ университетѣ Св. Владиміра. Курсъ начальный: Пансстенографія. Изд. 4-е исправленное. СПБ. 1889 г. 138 стр.

3) *Экспериментальное изслѣдованіе въ области гипнотизма* д-ра Р. Ф. Крафтъ-Эбинга, проф. психіатріи и нервныхъ болѣзней при университетѣ въ Грацѣ. Переводъ со 2 дополненнаго и исправленнаго нѣмецкаго изданія „Eine experimentelle Studie auf dem Gebiete des Hypnotismus" д-ра О. И. Майзель, подъ ред. пр.-доц. П. Я. Розенбаха. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. СПБ. 1889 г. 92 стр.

4) *Фальсификаціи* и мѣры борьбы съ ними. Двѣ публичныя лекціи проф. А. В. Пеля, читанныя въ Педагогическомъ музеѣ военноучебныхъ заведеній, въ пользу нуждающихся студентовъ Императорской Военно-Медицинской Академіи. СПБ. 1889 г. 63 стр.

b) *Изданіе книгопродавца А. Ф. Цинзерлинга въ СПБ.*:

Домашняя техника, П. П. Андреева. Простѣйшіе способы распознаванія доброкачественности продуктовъ первой необходимости. СПБ. 1889 г. 52 стр.

c) *Изданіе Ѳ. Л. Брамсона въ Кіевѣ*:

Краткіе очерки классической миѳологіи для учащихся обоего пола. Составилъ Ѳ. Л. Брамсонъ. 3-е изданіе, дополненное „Очеркомъ религіозныхъ обрядовъ и празднествъ", равно многими примѣчаніями для старшихъ классовъ. Кіевъ 1889 г. 132 стр.

Смѣсь.

Изъ археологическихъ изысканій на островѣ Эзелѣ (Лифляндской губ.) можно вывести заключеніе, что островъ былъ населенъ въ доисторическое время, чему доказательствомъ служатъ добытыя при раскопкахъ многочисленныя каменныя орудія; слѣдовъ бронзоваго вѣка уцѣлѣло очень мало. Между найденными здѣсь монетами встрѣчаются и съ куфическими надписями VI и VIII вѣковъ, что̀ также доказываетъ населенность острова во времена глубокой древности. (в)

Интересное совпаденіе. Въ *Русскомъ Архивѣ* помѣщена слѣдующая „историческая замѣтка“ извѣстнаго археолога и любителя старины архимандрита Леонида (въ мірѣ Кавелина). Замѣчательно, говоритъ авторъ замѣтки, что слишкомъ девятьсотъ лѣтъ тому назадъ, въ семьѣ перваго изъ православныхъ Россійскихъ великихъ князей, Владиміра „Красное солнышко“, въ послѣдніе годы языческаго періода его жизни, была княгиня славянскаго происхожденія, одинаковаго (по своему значенію) имени съ высоконареченною невѣстою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича. Это—*Миломика*, изъ болгарскихъ княженъ, мать святыхъ князей Бориса и Глѣба. (б.)

Еще о проказахъ Булгакова. Еще будучи въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, К. А. Булгаковъ изумлялъ и начальство и товарищей своими невозможными шутками и проказами. Зимой однажды онъ продѣлалъ слѣдующее. Въ классные часы онъ выпросилъ у дежурнаго офицера позволенія выйти, спустился внизъ на площадку передъ лѣстницей и замѣтивъ, что тамъ нѣтъ на лицо ни одного сторожа, надѣлъ на себя бѣличью шубу и мѣховую шапку „батюшки“, преподавателя Закона Божьяго, знаменитаго тогда проповѣдника, протоіерея Исаакіевскаго собора, Малова. Поднявъ воротникъ и выбѣжавъ въ палисадникъ, находившійся во дворѣ школы, онъ на срединѣ его дѣлаетъ нѣсколько самыхъ уморительныхъ, козлообразныхъ пируэтовъ, возвращается затѣмъ въ сѣни, вѣшаетъ шубу и шапку на мѣсто, и, никѣмъ неузнанный, въ отсутствіе сторожей, пробирается въ классъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, усаживается на свое мѣсто. Но тутъ и начинается суматоха. Директоръ школы, генералъ Шлиппенбахъ, и инспекторъ полковникъ Павловскій, видѣли изъ своихъ оконъ, выходившихъ во дворъ, пляску протоіерея Малова въ палисадникѣ. Озадаченные, они спѣшатъ разъяснить себѣ это видѣніе. Допрошенные сторожа объявляютъ, что они стояли на мѣстахъ, никого, ни входящимъ, ни выходящимъ, не видѣли и что шуба и шапка „батюшки“ висятъ на мѣстѣ. Непостижимо!—Начальство отправилось тогда въ классы. Изъ коридора сквозь стеклянныя двери директоръ и инспекторъ видятъ Малова, сидящаго на каѳедрѣ и благочестиво объясняющаго свой предметъ. Послѣ окончанія класса, Шлиппенбахъ поздоровался съ отцомъ-протоіереемъ и не безъ нѣкотораго смущенія спросилъ его, не выходилъ-ли онъ изъ класса. Тотъ, не мало удивленный вопросомъ, отвѣтилъ отрицательно. Тогда разумѣется началось дознаніе. Дежурный офицеръ указалъ, что въ числѣ выходившихъ изъ классовъ былъ и Булгаковъ. Увидавъ, что запирательство только повредитъ ему, шалунъ признался и давалъ свое объясненіе съ такимъ комизмомъ и наивностью дурачка, что самъ Маловъ, при этомъ присутствовавшій, хохоталъ до слезъ и выпросилъ смягченіе наказанія виновному, который и отдѣлался карцеромъ. (в.)

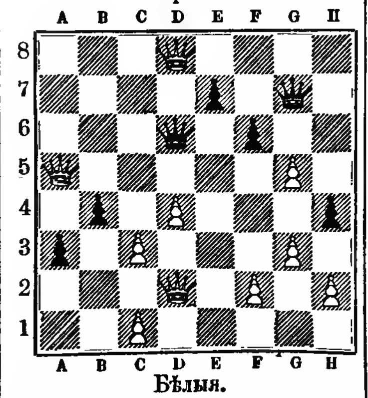
Женскій трудъ. Одна изъ провинціальныхъ газетъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о развитіи женскаго труда въ приволжскихъ колоніяхъ. Главное занятіе рабочихъ—грузка хлѣба въ амбары и на суда, занятіе довольно тяжелое. На Волгѣ въ послѣднее время понастроили чрезвычайно высокіе амбары, напоминающіе многоэтажные дома; прежде амбары росли въ ширину и длину, теперь ростутъ только въ вышину, ибо въ колоніяхъ, въ Баронскѣ, напримѣръ, платятъ ежегодно по 20 коп. за квадр. сажень, и строители изъ экономіи надстраиваютъ амбары вверхъ. Трудъ рабочаго ссыпщика сталъ гораздо тяжелѣе, ибо сотни разъ теперь приходится карабкаться по высокимъ лѣстницамъ, имѣя на спинѣ грузъ отъ 4 до 5 пудовъ. Мѣстныя женщины однако не боятся этого тяжелаго труда, легко принимаются за него и работаютъ иногда болѣе мужчины. Конечно, вмѣсто 5 пудовъ женщина-ссыпщица зерна несетъ на вершины амбаровъ не болѣе 3—4 пудовъ и получаетъ при этомъ не 40 коп., получаемыхъ работниками въ день на своихъ харчахъ, а копѣекъ 30—35. При этомъ рабочій день начинается съ разсвѣта, съ четырехъ часовъ пополуночи и кончается въ сумерки, а на обѣдъ дается за все время полутора-часовой перерывъ. Пусть эмансипированныя дамы отъ скуки разглагольствующія о трудѣ и ищущія „самостоятельной работы“ примутъ это сообщеніе къ свѣдѣнію. (б.)

Ребусъ. Задача № 50.

Шашечная задача № 51.

В. Шошина.

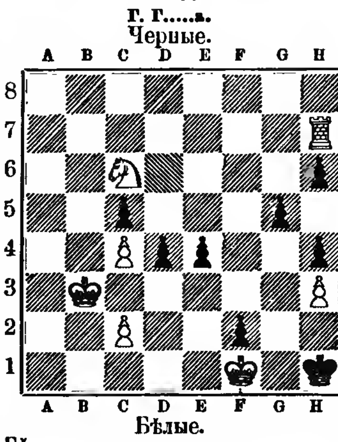

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 2 дамки и три простыхъ черн.

Шахматная задача № 52.

Г. Г.....а.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Алгебраическая задача № 53.

Если 20 буквъ одной русской пословицы замѣнить цифрами соотвѣтственно порядку ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то между полученными такимъ образомъ числами будутъ слѣдующія соотношенія:

1) Второе равно суммѣ перваго и шестаго.
2) Утроенное седьмое равно третьему съ четвертымъ.
3) Удвоенное тринадцатое равно разности между суммою девятаго и десятаго и седьмымъ.
4) Разность между суммою шестнадцатаго и семнадцатаго и девятнадцатымъ равна разности между суммою пятаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго и третьимъ съ шестымъ.
5) Второе равно корню квадратному изъ суммы тринадцатаго и восемнадцатаго.
6) Корень кубичный изъ разности между двадцатымъ и третью пятнадцатаго равенъ единицѣ и двѣнадцатому безъ одиннадцатаго.
7) Отношеніе третьяго къ четвертому равно отношенію седьмаго къ двадцатому.
8) Сумма четырнадцатаго и пятнадцатаго безъ единицы равна суммѣ шестаго и одиннадцатаго.
9) Девятое равно полусуммѣ восемнадцатаго, девятнадцатаго и пятнадцатаго.
10) Корень квадратный изъ суммы седьмаго, девятаго, тринадцатаго и двѣнадцатаго равенъ пятнадцатому.
11) Три четверти четырнадцатаго равны суммѣ корня квадратнаго изъ восьмаго, такого же корня изъ пятнадцатаго, втораго, шестаго безъ пятаго.
12) Разность между семнадцатымъ и восемнадцатымъ равна разности между шестнадцатымъ и третьимъ.
13) Четырнадцатое равно: $\sqrt[6]{2{,}985{,}984}$.
14) Сумма восьмаго и корня квадратнаго изъ разности между двадцатымъ и первымъ безъ третьяго равна половинѣ четырнадцатаго.
15) Двѣнадцатое равно значенію **x** изъ урав.:

$$\sqrt{x+4}+\sqrt[8]{x^2-185}=7.$$

16) Первое и второе равны суммѣ одиннадцатаго и трети десятаго безъ семнадцатаго.
17) Сумма восьмаго и девятаго равна восемнадцатому и девятнадцатому.
18) Четырнадцатое и пятнадцатое равны суммѣ втораго и седьмаго.
19) Сумма четвертаго, шестаго и восьмаго равна десятому и шестнадцатому.
20) Двадцатое, девятнадцатое, восемнадцатое равны суммѣ удвоеннаго пятаго, десятаго, одиннадцатаго и четырнадцатаго.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

РОСКОШНЫЯ

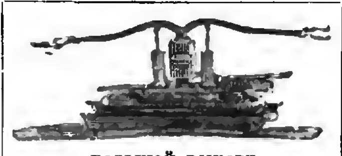
ГАРМОНІИ

ДЕШЕВО

ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ-БЕЗПЛАТНО

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,

НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ

молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Тріумфъ, локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣнныхъ прессовъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, **катковъ для бѣлья** и пр. № 3942 6—3

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. безплатно.

ВРАЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Ив. Вас. МАЛЯРЕВСКАГО

Для дѣтей болѣзненныхъ, нервныхъ, неуспѣвающихъ, съ недостатками рѣчи и пр. Классныя занятія, ремесла, земледѣліе. СПБ. Выборгская стор., Александровская ул., 15.

НОВОСТИ!

Веселыя свинки, очень интересная игра. **Вопросъ Эйфелевой башни**, фокусъ съ Парижской выставки. Цѣна за обѣ игры 1 руб. съ пересылкой (игры для взрослыхъ и дѣтей). П. № 3975

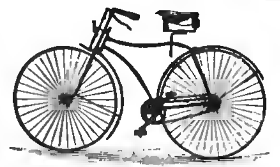
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ. ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

У ИЗДАТЕЛЯ-КНИГОПРОДАВЦА А. Д. СТУПИНА,

Москва, Никольская ул.,

поступили **НОВЫЯ КНИГИ** въ продажу:

6-е, единственное доступное изданіе въ Россіи:

САМОУЧИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА. Спеціально-практическое руководство для архитекторовъ, техниковъ, столяровъ, плотниковъ, каменьщиковъ, печниковъ, управляющихъ, агрономовъ, мельниковъ, домовладѣльцевъ и подрядчиковъ по разнымъ отраслямъ строительно-хозяйственной практики. **Въ 4-хъ книгахъ**, съ дополненіями нужнѣйшихъ статей изъ **Высочайше утвержденнаго урочнаго положенія** и устава строительнаго, съ **476** чертежами въ текстѣ и съ приложеніемъ **атласа на 32** листахъ строительныхъ рисунковъ. Составилъ Инж. Строитель **Скрябучинскій; 6-е** исправленное и дополненное изданіе; М. 1889 года. Цѣна **3 р.**, въ корешкѣ **3 р. 50 к.**, въ коленкор. пер. **4 руб.**
= **На почтовую пересылку прошу прилагать 60 коп.** =

АЛЬБОМЪ ГОРОДСКИХЪ, ЗАГОРОДНЫХЪ и СЕЛЬСКИХЪ ПОСТРОЕКЪ. Пособіе къ простому изученію всевозможныхъ сооруженій въ современномъ вкусѣ. **Фасады и планы**, съ детальными чертежами на **50** лист., на александрійской бумагѣ, печатаны въ краскахъ, съ подробнымъ текстомъ строительнаго искусства и смѣтнаго исчисленія на количество матеріаловъ и рабочихъ, потребныхъ на каждое строеніе. Сост. инженеръ-архитекторъ В. Г. **Залѣсскій. Цѣна** въ папкѣ **10 р.**, въ коленк. перепл. **12 р.**, въ роскошномъ перепл. съ золот. обрѣз. **15 р. На почтовую пересылку прошу прилагать 1 рубль.**

ЛѢТО ЛУЧШАЯ ПОРА излѣченія тяжкихъ, застарѣлыхъ болѣзней: ревматизма, геморроя, подагры, одышки, упорнаго кашля, золотухи и пр. и пр. декоктами, травами, растительными соками, минеральными водами, ваннами и другими лѣчебными способами, подробно изложенными въ предлагаемомъ лѣчебникѣ.

ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ (домашній лѣчебникъ). Практическое руководство **къ самосохраненію здоровья и продленію жизни до глубокой старости.** Предупрежденіе и распознаваніе всѣхъ болѣзней: наружныхъ и внутреннихъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыхъ и заразительныхъ и ихъ лѣченіе испытанными и врачебными средствами, безъ помощи врача и аптеки, по правиламъ аллопатіи, гомеопатіи и всѣхъ прочихъ способовъ врачеванія; самопомощь въ несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ. Болѣе **3000 рецептовъ** лѣкарствъ (на русскомъ и латинскомъ языкахъ). **Полный популярный курсъ медицины**, 4-е изданіе, въ 2-хъ частяхъ, съ **137** рисун., общедоступно изложен. д-ромъ **Андреевскимъ.** 1,120 стр. убористаго шрифта, Москва. 1887 г., **цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.**, въ корешкѣ. перепл. **4 р.**, въ коленкор. перепл. **4 р. 50 к. ШКОЛА ЗДОРОВЬЯ** (еще 1-е изданіе) **удостоилась многихъ лестныхъ отзывовъ** со стороны періодической печати.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ ДЛЯ НАРОДА и всѣхъ нуждающихся во врачебной помощи. **Самопомощь** въ несчастныхъ случаяхъ и различныхъ болѣзняхъ: наружныхъ и внутреннихъ, простыхъ и заразныхъ, скоротечныхъ и длительныхъ, простыми домашними и общедоступными средствами, которыя всякій можетъ имѣть подъ рукою и употребленіе которыхъ нимало не опасно. Съ краткимъ описаніемъ строенія человѣческаго тѣла и съ **27** общепонятными рисунками. Составилъ д-ръ **Андреевскій.** Москва, 86 г., 200 стр. убористой печати. **Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.**, въ переп. **1 р.**

ЛѢТОМЪ И ОСЕНЬЮ домашній скотъ страдаетъ и гибнетъ **отъ разныхъ заразныхъ и повальныхъ болѣзней**, насѣкомыхъ и пр. Разумныя и своевременныя мѣры спасаютъ его отъ гибели. Эти мѣры указаны въ предлагаемой книгѣ

ВЕТЕРИНАРНАЯ ШКОЛА (ПОЛНЫЙ СКОТОЛѢЧЕБНИКЪ). Всѣ болѣзни домашнихъ животныхъ, лѣченіе простыми, домашними и врачебными средствами. Домашняя аптека, дѣйствіе и употребленіе различныхъ лѣкарствъ и приготовленіе ихъ домашнимъ способомъ. **Болѣе 1000 рецептовъ** лѣкарствъ (на русск. языкѣ). **Холощеніе и другія операціи.** Съ 113 рис. Въ 2-хъ част. Общепонятно изложено ветеринаромъ-практикомъ **П. Павловскимъ.** 2-е дополн. изд. М. 1888 г., **цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.**, въ корешк. пер. **4 р.**, въ коленкоровомъ перепл. **4 р. 50 к.**
◆ **Вмѣсто мелочи можно присылать почтовыя марки.** ◆ № 3977

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52 крот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.

Рекомендую золот. и серебр. мужскія и дамскіе часы въ большомъ выборѣ.

Ручательство на 2 года.

Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10—3

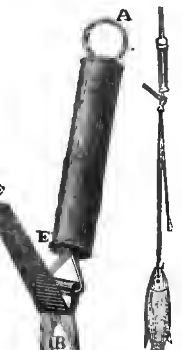

Магазинъ англійскихъ рыболовныхъ принадлежностей

П. Ф. КАРАТАЕВА,

С.-Петербургъ, Милютинъ рядъ, № 18, удостоенъ медали на первой Россійской рыбопромышленной выставкѣ въ 1889 г. въ С.Петербургѣ, высылаетъ новый иллюстрированн. прейсъ-курантъ за 7 к. марку.

CORSETS LEOTY

adoptés par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine, Paris.

20—17

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ д-ра РЕГЕЛЯ и КЕССЕЛЬРИНГА,

на Выборгской сторонѣ за Католическимъ кладбищемъ,

при настоящемъ удобномъ времени для посадки хвойныхъ деревъ, предлагаетъ самую полную существующую коллекцію выносливыхъ въ петербургскомъ климатѣ всѣхъ видовъ разной величины, а также красивоцвѣтущихъ многолѣтнихъ растеній и земляники. Съ заказами обращаться въ помологическій садъ, а съ требованіями каталога къ д-ру Регелю въ Императорскій Ботаническій садъ. № 3981

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона** и **Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дезк“** и **сноповязалокъ Мак' Кормика** въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (4)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКОЕ

грязе-лечебное заведеніе товарищества врачей **въ Крыму, въ г. Керчи.** Сезонъ съ 20 мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за 1 семикоп. марку. Адресов. **въ г. Керчь, д-ру Филимовичу.**

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М.

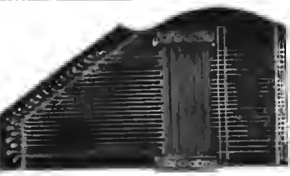
фабрикантъ велосипедовъ

„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—12

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (7) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

Дозвол. цензур., СПБ., 26 іюля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. — г. XX

№ 32 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 5 августа 1889 г. — Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АВГУСТЪ 1889 г., съ 33 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 23 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Рыбачьи хаты въ окрестностяхъ Кіева. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **П. Васильченко,** грав. Рашевскій.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XIX.

Въ залахъ выставки Рядновъ точно помолодѣлъ.

Она еще не была открыта для посѣтителей. Кругомъ казалось пусто и кто-то уже сострилъ: „Ну, господа, мы какъ горохъ въ пузырѣ“. Александръ Петровичъ самъ выбралъ мѣсто для своей картины и теперь стоялъ около тріумфаторомъ. Товарищи окружали его, и со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ ласкавшій его ухо гулъ похвалъ, то искреннихъ, то полузавистливыхъ.

— Нѣтъ, братцы, продолжалъ все тотъ же острякъ.— Ряднову дай Богъ поскорѣе на правый глазъ прозрѣть, а то съ однимъ лѣвымъ онъ начинаетъ слишкомъ хорошо писать. Этакъ онъ насъ совсѣмъ въ уголъ загонитъ.

Поминутно вносили новыя картины, разоблачали ихъ изъ-подъ холста. Пахло пòтомъ отъ носильщиковъ, соломою, въ которую были уложены полотна присланныя издалека. То и дѣло поспѣшно, порывисто, съ какою-то лихорадочною жадностью вбѣгали новые художники, торопливо оглядывали чужія картины и торопились къ своимъ — такъ-ли помѣщены, достаточно-ли свѣту и хорошо-ли онъ падаетъ. Одинъ жаловался что его запрятали слишкомъ высоко, другой претендовалъ—слишкомъ низко, третій плачущимъ голосомъ обращался ко всѣмъ — его миніатюры были дѣйствительно затеряны между произведеніями слишкомъ громадныхъ величинъ. Четвертый потѣлъ самъ, уставляя свое сокровище то такъ, то этакъ...

— А все-таки, господа, картина Ряднова лучше всѣхъ... слышалось издали Александру Петровичу.

— Я бы на его мѣстѣ второй и не поставилъ.

— А почему?

— Послѣ ужина горчица. Кто станетъ смотрѣть на его „Байю“ послѣ Тиверія...

— А гдѣ картины твоей жены?

— Онѣ тамъ, въ той залѣ, неопредѣленно указывалъ Рядновъ.

— Что же ея нѣтъ?

— Да я и то едва убѣдилъ ее выставить. Скромничаетъ.

— Боится.

— Она?.. Нѣтъ, чтò ей бояться. Изъ молодыхъ да ранняя. Талантлива. Это мы съ тобою, душа моя, боялись; а нынѣшніе—помнишь: „страха не страшусь“! Имъ наплевать на публику.

— Что это точно ты недоволенъ ею?

— Публикою или женою? засмѣялся онъ.—Первою— еще не знаю, а второю очень доволенъ. Какъ учитель, я бы не желалъ лучшаго ученика. Только, знаешь, вѣдь это дѣйствительно что у нихъ, у нынѣшнихъ, слишкомъ рано профессіональное самолюбіе развивается... что ты думаешь? Вотъ расхвали ее рецензенты, до нея пальцемъ не достанешь.—И онъ тотчасъ же, круто обернувшись, взялъ подъ руку одного господина сновавшаго разсѣянно отъ одной картины къ другой съ видомъ оцѣнщика передъ аукціономъ и съ тѣмъ нѣсколько скучающимъ выраженіемъ лица, которое принадлежитъ людямъ являющимся по обязанности. — Модестъ Савичъ... Какъ я радъ что вы здѣсь... Мнѣ вамъ надо нѣсколько словечекъ...

— Я вашу картину видѣлъ.

— Ну что?..

Модестъ Савичъ сдѣлалъ значительное лицо, пожевалъ-пожевалъ губами, точно желалъ придать особенную важность тому чтò воспослѣдуетъ.

— Да... знаете... хорошо... Не ожидалъ... не ожидалъ.

— Чего не ожидали? изумился Рядновъ.

— Того,—онъ махнулъ указательнымъ перстомъ въ воздухѣ.—Сочно, очень сочно. Кисть выразительная. Благодарю... Доставили мнѣ истинное художественное наслажденіе. Разумѣется, не изъ самыхъ лучшихъ вашихъ...

— У меня для васъ есть этюдикъ дома... Недурной, какъ будто нечаянно уронилъ Рядновъ.

— Съ итальяночки? оживился Модестъ Савичъ.

— Да... съ итальяночки... Знаете, въ Капри записано, только что изъ воды вышла.

— Ну, вотъ спасибо... вотъ спасибо... Не изъ лучшихъ—это я про ту, про маленькую вашу картину, а большая, помилуйте, ей мѣсто въ Эрмитажѣ. Такихъ у насъ уже нѣсколько выставокъ не было картинъ. Это перлъ, сокровище, это... это цѣлая поэма человѣческаго духа. Я о ней непремѣнно буду писать отдѣльно. Помилуйте, да тутъ и знанія исторіи не надо: посмотрѣлъ—и вся эпоха передъ тобою.

Куда дѣвался его вялый и равнодушный тонъ.

— Такъ я за итальяночкой-то пришлю къ вамъ.

— Пожалуйста... Кстати, Модестъ Савичъ, хотѣлъ я васъ попросить. Вы знаете что я свою жену люблю, а какъ мою ученицу ставлю ее ужасно высоко. Ужасно высоко. Но тутъ-то и закорючка. Я ее изучилъ отлично. Не очень-то вы ее возносите. Отмѣтьте талантъ, но главное подчеркните, что ей надо вырабатывать самостоятельность, а то, какъ мнѣ ни лестно, но на одной подражательности, хотя бы и мнѣ, она далеко не уѣдетъ. Самъ я ей это говорилъ; но, знаете, отъ такого авторитета какъ вы услышать это будетъ для нея гораздо значительнѣе...

— Мм!.. зажевалъ опять Модестъ Савичъ.—Мм! да... Что же, я могу. Вообще отнесусь справедливо, но строго...

— Именно, строгость нужна. Если бы она была еще не такъ талантлива, тогда куда ни шло, пиши чтò хочешь; а отъ нея надо требовать многаго. Тутъ какъ-то и кто-то, въ этой, знаете, „Летучей Газетѣ“, сказалъ что ея картины лучше моихъ... Что же вы думаете?—повѣрила... И совѣтовъ моихъ не стала слушать... А вы знаете этакъ тономъ дружескимъ, но серьезнымъ. Это полезно.

— Полезно. Еще бы... Я всегда стою за строгость.

— Именно... Однако я вижу, что Геннадій Васильевичъ подбирается къ вамъ...

Старикъ-художникъ подошелъ къ рецензенту и отвелъ его въ противоположную сторону для какого-то конфиденціальнаго разговора.

Выставка мало-по-малу принимала настоящій видъ. Черныя подставки для картинъ были уже почти всѣ заняты ими. Лучи солнца весело играли на золотыхъ рамахъ и яркихъ краскахъ. Рядновъ, проходя мимо, разсѣянно любовался на зеленые пейзажи, багровые закаты, жанры такъ и бившіе въ глаза подчеркнутымъ реализмомъ. („Ты какъ написалъ кожухъ“, слышалось ему около,—„думаешь хорошо? оно дѣйствительно хорошо, но отъ него не пахнетъ; а ты такъ напиши чтобы пахло, вотъ это будетъ художественная правда.“) Улыбаясь, Александръ Петровичъ пробѣгалъ взглядомъ по полотнамъ необыкновенно эффектныхъ баталистовъ, гдѣ изъ клубовъ пороховаго дыма неслись куда-то разъяренные всадники, такъ что хотѣлось посторониться, чтобы они, выскочивъ изъ рамы, не растоптали васъ; по претенціознымъ изображеніямъ необыкновенно свирѣпыхъ урядниковъ съ нагайками, выше которыхъ гражданская смѣлость ихъ авторовъ не подымалась... „Каковъ урядничекъ-то, хоть сейчасъ въ Юліи Цезари...

Только когда же это они въ церкви дерутся? Кажись этого не бываетъ?"—„Ну вотъ еще. Надо возбуждать протестъ—бить публику молоткомъ по нервамъ. Нервы теперь грубы и бить надо такъ чтобы было чувствительно."

— Ну ужь это слишкомъ, остановился Ряднов передъ одной картиной.

— А что?.. подбѣжалъ художникъ.—Это у меня попъ Аввакумъ горитъ въ срубѣ.

— Да рука-то его вытянулась въ пламени изъ крыши?

— Да, черезъ крышу! убѣжденно подтвердилъ счастливый авторъ.

— И выше трубы оказалась?.. Вѣдь этакого попа Аввакума ни въ какую избу не помѣстишь.

— Отчего же? Вѣдь эта грозящая среди огня рука—весь смыслъ картины.

— Да размѣры-то, размѣры... Соотвѣтствіе частностей.

— Ну, вы съ вашими старыми традиціями!.. Наплевать мнѣ на ваши соотвѣтствія. Я импрессіонистъ. Я хочу производить впечатлѣніе, а до „соотвѣтствій" мнѣ никакого дѣла нѣтъ.

— Да какъ же онъ горящую крышу проломалъ?

— Такъ и проломалъ... Захотѣлъ я—онъ и проломалъ. Отчего же ему не проломать?

— Смѣло! засмѣялся Рядновъ.

— Да, не ваши старыя академическія кандалы. Мы на Рафаэляхъ да на Мурильяхъ не росли и передъ Тиціанами изъ самихъ себя не выскакивали... Не на розовой водицѣ—на крови и на потѣ народились!..

Александръ Петровичъ отмахнулся и пошелъ дальше.

Вотъ и картины его жены. Онъ долго стоялъ противъ нихъ и пристально всматривался. Трудно было бы сказать, что̀ онъ чувствовалъ въ эти минуты. И зависть, и тихое умиленіе, и ревнивую жажду отыскать крупный недостатокъ, и невольно вкрадывавшееся въ душу убѣжденіе, что это настоящій, дѣйствительный талантъ, которому онъ пожалуй недостоинъ и башмака развязать... И тутъ же ему представилось робкое личико его Вѣры: какъ она поблѣднѣла за послѣднее время, точно еще больше выросли глаза и какое печальное выраженіе въ нихъ! Онъ вспомнилъ о чемъ только-что говорилъ съ рецензентомъ. Ему сдѣлалось стыдно и больно. Неужели это онъ, онъ, который всегда такимъ привѣтомъ и ласкою встрѣчалъ каждое начинающее дарованіе? Нѣтъ!

И онъ быстро пошелъ по заламъ.

— Гдѣ Модестъ Савичъ? обратился онъ къ одному изъ говорящихъ.

— Уѣхалъ уже... Геннадій повезъ его кормить...

— Не знаешь куда?

— Нѣтъ, не знаю...

— Значитъ не судьба!

И Александръ Петровичъ опять поддался какому-то враждебному чувству къ своей женѣ... Знать не судьба! И онъ былъ почти радъ тому, что не захватилъ вліятельнаго критика.

— Что же по вашему, налетѣлъ на него авторъ „Аввакумовой десницы",—картины вашей жены лучше?

— То есть какъ? Правильнѣе, во всякомъ случаѣ.

— Правильнѣе! съ презрѣніемъ протянулъ „многообѣщающій юноша", какъ называли его въ газетахъ.—Я не чертежникъ, а художникъ. А знаете какъ я называю такія вотъ полотна, какія прислала г-жа Ряднова? Разслабляющею живописью. Въ наше время умилять и мирить вздумала. Скажите пожалуйста, какая мироносица выискалась! Нѣтъ-съ. Надо чтобы публика, чортъ ее подери, на дыбы становилась; она вѣдь толстошкурая, ее—какъ? топоромъ въ носъ или всей пятерней по затылку... Знаете какъ котовъ учатъ чтобы не шкодили, за шиворотъ и—носомъ, носомъ...

— Въ вашу картину? разозлился Рядновъ.

— Чего-съ? не понялъ художникъ.

— Носомъ-то въ вашу картину? Слуга покорный, тыкайтесь на здоровье.

И онъ пошелъ вонъ отсюда, пожимая руки направо и налѣво.

— Что ты такъ рано? догналъ его пріятель.

— Нельзя мнѣ долго. Глазъ. И то опять нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ застилать. Я думаю, что это отъ воображенія. Съ правымъ это было, ну мнѣ и съ лѣвымъ тоже чудится. Лѣвый у меня, знаешь, совсѣмъ здоровъ, увѣряю тебя, я имъ отлично вижу. Ты не думай... убѣждалъ онъ пріятеля, вовсе въ этомъ и не сомнѣвавшагося, и въ то же время ловилъ на его лицѣ, не проскользнетъ-ли сомнѣніе въ его словахъ или не замѣчаетъ-ли тотъ чего-нибудь въ его глазу.—Вѣдь ты видишь, никакой тусклости въ немъ нѣтъ. Чистъ вѣдь зрачокъ?

— Чистъ!.. Чистъ.

— Ну то-то...

И Рядновъ, успокоенный, вышелъ вонъ.

XX.

Эта выставка была изъ удачнѣйшихъ въ Петербургѣ. Даже скверная погода стоявшая все время, какой-то насморкъ въ воздухѣ, уступила солнцу и дни проходили за днями въ яркомъ серебряномъ уборѣ подъ блѣдно-голубымъ, но чистымъ зимнимъ небомъ. Въ залахъ было свѣту довольно—и картины точно выступали изъ своихъ рамъ навстрѣчу жаднымъ взглядамъ толпы, съ утра наполнявшей просторныя комнаты. Торопливый гулъ стоялъ кругомъ, смѣшиваясь съ шорохомъ женскихъ платьевъ, шумомъ шаговъ, съ лязгомъ сабель и скрипомъ передвигаемыхъ стульевъ. Въ двери виднѣлись залы одна за другою, тонувшія, казалось, гдѣ-то далеко-далеко, въ веселомъ маревѣ золота, чернаго дерева, яркихъ красокъ и пестрыхъ костюмовъ. Передъ нѣкоторыми картинами толпа стояла стѣною, то безмолвная и внимательная, то разомъ лихорадочно вспыхивавшая спорами, болтовнею, безсмысленными восторгами и еще болѣе безсмысленными восклицаніями. Къ числу такихъ картинъ принадлежали и „Тиверій" Ряднова, и всѣ выставленныя его женою... Она сама было пошла на выставку, чтобы прислушаться къ суду „публики", но судъ этотъ сначала показался ей дикимъ, потомъ сбилъ ее съ толку и наконецъ закружилъ ей голову. Особенно дамы—прости имъ Господь всемилостивый! Въ ихъ щебетаніи и стрекотѣ совсѣмъ потерялась и утонула внимательная мысль молодой художницы. Потомъ она подошла къ картинѣ мужа и къ ужасу своему услышала:

— Ну какъ же сравнить его съ его женою! У той молодость, сила, свѣжесть. А у него все старое. Техника изумительная—и только. Tempi passati.

— Да, постарѣлъ, постарѣлъ! Это и видно.

— Повторяться сталъ Рядновъ.

— За-то у его жены видѣли вы въ той залѣ нѣсколько вещицъ?

— Да, прелесть.

— Восторгъ!

— Вотъ, батюшка, дарованіе-то! Какое ваше мнѣніе? обратился говорящій къ подслѣповатому малому, съ видомъ скучающаго верблюда бродившему по заламъ.

— О чемъ это?

— О Рядновой. Не правда-ли... хорошо, а?

Малый оживился, ткнулъ носомъ куда-то въ сторону, прищурился и захрипѣлъ:

— Да, это настоящій, настоящій талантъ. Какъ огонь изъ кремня. Такъ и брызжетъ!.. Глупо, очень глупо, но хорошо.

— То-есть, что-же глупо? ошеломились зрители.

— Помилуйте, что̀-же она хочетъ доказать своими монахинями?.. Мысль, мысль мнѣ подайте! Чему она служитъ, ея убѣжденія? Я ихъ не вижу, замѣчаю та-

Изъ города въ деревню домой. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Дмитріева-Оренбургскаго, грав. Шюблеръ.

Іоаннъ Грозный за письмомъ Курбскому. Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Р. Радомскаго, грав. Шюблеръ.

лантъ, силу большую и вмѣстѣ догадываюсь, что въ головѣ у нея пусто и свободно. Я понимаю — изображать монастыри, какъ ея мужъ когда-то. Помните, его инокъ, звѣрь-звѣремъ, весь мохомъ покрылся, отъ человѣческихъ интересовъ ушелъ въ пустыню и одичалъ. Это ясно. Это протестъ... А у нея что?.. Глупо... глупо...

— Н-да... растерялись слушатели.—Протеста дѣйствительно нѣтъ.

— А если нѣтъ, такъ на кой чортъ мнѣ ея картины?

Вѣра не дослушала и пошла дальше. Но неугомонный верблюдъ нагналъ ее и въ кружкѣ внимательныхъ поклонниковъ уже ораторствовалъ передъ „десницею попа Аввакума“.

— Вотъ вамъ прямая противоположность вашей Ряднoвой. Вѣдь этотъ олухъ писать не умѣетъ. Посмотрите, вѣдь это онъ не кистью, а половой щеткой навалялъ, и таланта у него ни на грошъ. Вѣдь вытяните эту руку въ пламени, и она выше трубы будетъ, да и притомъ, какъ же это человѣкъ горящую крышу рукою проломаетъ... Неимовѣрно? а? какъ по вашему-то?.. А по моему—молодецъ. Мысль есть—видишь и понимаешь, что это идея. Слышите—идея... Онъ, подлецъ, попа Аввакума-то съ воспитательною цѣлью съ того свѣта вернулъ и въ этакую глупую позу поставилъ. Тутъ сила гражданскаго развитія. Такъ и понимаешь художника, что ему до техники, до образовъ—наплевать. И безъ нихъ, говоритъ, обойдусь—и обошелся. И вотъ его картина, по моему, является общественнымъ событіемъ. Я смотрю и думаю: и жгли, и мучили свободную совѣсть человѣка—и все-таки ничего съ нею не подѣлали. Понадобится—и еще найдутся попы Аввакумы. Не оскудѣла ими земля Русская.

— Божественная! налетѣлъ на Вѣру Дороцкій.—Вы здѣсь? Хотите сейчасъ заору на всѣ залы: Mesdames et messieurs, вотъ она, царица здѣшнихъ мѣстъ, вотъ Ряднова... Хотите?

— Что вы, что вы! испугалась Вѣрочка.—Ради Бога! Вообще не кричите, видите на насъ оглядываются.

— Чего же вы боитесь, вѣдь не вы кричите, а я... Ну, поздравляю! Поздравляю!.. Эта выставка вашъ тріумфъ. Толпа передъ вашими картинами сплошь стоитъ. Слышите какой гамъ—и это тамъ... А?.. Особенно нравится эта дѣвочка, что на монастырской стѣнѣ намалевала углемъ монахиню, да не замѣтила, какъ ее за ухо схватилъ оригиналъ ея рисунка. Хороши и похороны монахини. А монастырское кладбище—какая чудная вещь... И молодая бѣлица играющая на колокольнѣ съ голубями, тоже восторгъ. А ваши итальянскіе этюды—одна прелесть!

— Вы не знаете, кто это постоянно ругаетъ мужа въ „Летучей Газетѣ“?

— А! Мочаловъ вѣрно. Есть, есть тамъ. Онъ вообще ничего Александру Петровичу не спускаетъ. И тѣмъ досаднѣе, знаете, что человѣкъ онъ не безъ остроумія. Языкъ у него — бритва. И ничѣмъ его не проймешь вѣдь. Вызывали его—на чемъ угодно можетъ. И изъ пистолетовъ въ туза лупитъ, и на сабляхъ мастеръ. Онъ собственно прежде военный былъ; сталъ картины писать, его обругали. Бездаренъ оказался—ну, такъ онъ теперь сердце на всѣхъ срываетъ. Преловкая шельма, знаете.

Вѣра простилась съ Киромъ-царемъ-Персидскимъ, еще разъ услышавъ отъ него, что она „несравненная, божественная“ и проч., и проч., и проч. Купивъ у подъѣзда „Летучую Газету“, она поѣхала по указанному въ ней адресу въ редакцію. Она давно задумала кое-что, заставлявшее ее долго колебаться и волноваться, но всякій разъ, взглянувъ на мужа, она укрѣплялась въ принятомъ ею рѣшеніи. Взбѣжавъ по лѣстницѣ, она позвонила.

— Поздно, у насъ послѣ двухъ часовъ не принимаютъ! встрѣтилъ ее мрачный, точно начитавшійся передовыхъ статей, „человѣкъ“.

— Мнѣ не то... Не можете-ли вы сообщить мнѣ адресъ г. Мочалова?

И она дала ему мелочи.

„Человѣкъ“, не чуждый экономическимъ соображеніямъ, сначала посмотрѣлъ сколько, потомъ смягчился.

— Господинъ Мочаловъ? Они живутъ напротивъ.

— Дома онъ теперь?

— Куда-же имъ уйти! Да вы насчетъ пѣтуховъ?

— Что? изумилась Вѣра.

— Насчетъ пѣтуховъ, спрашиваю?.. Потому господинъ Мочаловъ по всей Россіи первый спеціалистъ по пѣтушиной части. Къ нему изъ Москвы ѣздятъ даже, по этому самому-съ пернатому предмету.

И показавъ свою образованность, „редакціонный человѣкъ“ насупился. Эту манеру онъ занялъ отъ редактора, у котораго брови росли отъ самыхъ глазъ, что ему въ достаточной степени замѣнило умъ и даже создало извѣстное положеніе въ литературѣ.

XXI.

Вѣра отправилась къ Мочалову.

„Не ошибается ли онъ? Тотъ ли это?“ думала она.

И дѣйствительно, еще на лѣстницѣ ее оглушило доносившееся изъ-за дверей пѣніе пѣтуховъ.

Когда она позвонила и вошла, какой-то ошалѣлый пѣтухъ налетѣлъ на нее съ азартомъ, клюнулъ ее въ ботинку и, величественно растопыривъ крылья, замахалъ ими, громогласно сообщивъ другимъ пѣтухамъ о только что оказанномъ имъ безпримѣрномъ подвигѣ отчаяннаго мужества. Другіе „пернатые предметы“ точно такъ-же громко одобрили его достойное поведеніе.

— Насчетъ пѣтуховъ? спросила ее горничная.

— Нѣтъ. Мнѣ надо видѣть г. Мочалова. Онъ дома?

— А гдѣ-же имъ быть. Всегда-съ при пѣтухахъ состоятъ.

— Это тотъ, который пишетъ въ газетахъ?

— Они самые. Только два дѣла у нихъ и есть что пѣтухи да газеты.

Когда Вѣра Васильевна вошла въ комнату, на нее отовсюду заорали пѣтухи, сидѣвшіе и на подоконникахъ, и на столахъ, и на зеркалахъ, и на рамахъ запыленныхъ картинъ. Одинъ, вѣроятно желавшій тоже заслужить общее удивленіе, налетѣлъ было на нее съ геройскимъ видомъ, но его своевременно схватилъ за распущенный хвостъ во-время появившійся хозяинъ.

— Простите, я сейчасъ... Только вотъ сорванца этого накажу. Что я тебѣ, подлецу, говорилъ? а? что говорилъ? Помилуйте, словно оправдываясь, оглянулся онъ на Вѣрочку,—сладу нѣтъ съ этимъ негодяемъ.

Пѣтухъ таращился, зная вѣрно, что его ждетъ экзекуція.

— Я тебѣ вчера простилъ, а сегодня не помилую.

Получивъ должное воздаяніе, пѣтухъ, словно со слѣпу, покрутился-покрутился по полу и растерянно забрался въ уголъ, гдѣ молодой и смирный пѣтушокъ до того воодушевился его униженіемъ, что клюнулъ несчастнаго въ голову и тотчасъ же прошелся гоголемъ между другими, точно говоря: „посмотрите-ка на меня, какой я молодецъ...“

— То-есть, знаете-ли, сладу у меня нѣтъ съ этими господами. Самая не дисциплинированная публика. Хотя собственно экземплярчики есть отмѣнные между ними. Вотъ напримѣръ—взгляните.—И безцеремонно поймавъ за хвостъ самаго важнаго, называвшагося между другими пѣтухами Далай-Ламой, онъ поставилъ его на столъ.—Обратите вниманіе на штаны... Видѣли вы такое опереніе? А воротничекъ?.. а?... А на грудкѣ—видите какъ завивается. Каковъ?.. Аполлонъ, совсѣмъ Аполлонъ!.. Впрочемъ, что-же я, сконфузился вдругъ Мочаловъ.—Виноватъ... Пожалуйте ко мнѣ въ другую комнату. Тутъ у меня нѣтъ этой поющей и вопіющей публики... Только пожалуйста погромче, съ ними трудно слышать.

И дѣйствительно, какъ только хозяинъ вышелъ, пѣтухи заорали и загомонили во всю.

— Съ кѣмъ имѣю честь?

— Вѣра Васильевна Ряднова.

И она покраснѣла вся.

— Какъ-съ?

Очевидно Мочалову показалось, что онъ ослышался.

— Ряднова.

— Та самая, которая... совершенно глупо уже переспросилъ онъ, очевидно растерянный.

— Жена художника... еще болѣе терялась она.

— Какъ-же, какъ-же... Только напрасно вы себя называете женою художника... Вы сами художникъ, простите меня, цѣлой головой выше своего мужа.

— Я знаю—вы его не любите.

— Не люблю-съ!—И Мочаловъ ожесточился разомъ.—Не люблю-съ. Талантъ его признаю, но не люблю-съ. Высокомѣренъ и претенціозенъ. Не въ мѣру захвалили...

— Я не о томъ... я пришла къ вамъ..

И Вѣрѣ вдругъ стало страшно и больно и обидно. Она только теперь поняла, какое униженіе предстояло перенести ей.

— Къ вашимъ услугамъ...

— Видите-ли... это такъ трудно, такъ тяжело...

Мочаловъ замѣтилъ ея растерянность, и ему стало разомъ жаль бѣдную женщину. Онъ добродушно улыбнулся.

— Видите-ли... продолжала она.

— Вижу-съ... Пришли въ берлогу къ вѣдомому аспиду и василиску и теперь себя клянете, зачѣмъ сунулись къ оному звѣрю лютому... Не правда-ли? — Онъ засмѣялся.—А вы по простотѣ. Я люблю такихъ, которые прямо... знаете, какъ это въ объявленіяхъ пишутъ—безъ посредства коммисіонеровъ.... Ну-съ, чтò вамъ угодно?

— Я къ вамъ съ просьбою... Я обращаюсь къ вашему сердцу и великодушію... Мужъ мой — боленъ... Очень боленъ.

— Да?.. Чтò у него? равнодушно переспросилъ Мочаловъ.

— Онъ уже ослѣпъ на одинъ глазъ. Докторъ *** говоритъ, что и другой... если онъ станетъ волноваться...

— Понимаю!..—И Мочаловъ положилъ на ея руку свою.—Понимаю-съ. Довольно. Больше себя не мучьте и не волнуйтесь. Не безпокойтесь, я не оскорблю самолюбія господина Ряднова. Напротивъ!.. И не разсказывайте дальше... ничего... Лучше вашего знаю... все... все... Успокойтесь. Въ одномъ могу позавидовать господину Ряднову, что у него такая милая, хорошая и добрая жена. Это великое, великое счастіе... И хоть бы не ему право!..

Она поднялась, радостная и благодарная.

— И такъ, продолжалъ онъ уже въ дверяхъ.—Спите спокойно. Если ему и станетъ хуже, то во всякомъ случаѣ не отъ меня. Ради васъ желаю ему здравія и благополучія. До свиданія. Радъ случаю познакомиться съ вами.

— И еще... Она опять вспыхнула.—Пожалуйста обо мнѣ поменьше. Чтобы не было сравненій...

— Хорошо, хорошо... Ахъ, ужъ мнѣ эти артисты! улыбнулся все такъ-же добродушно Мочаловъ.—Вѣдь вотъ дотронься до меня, ничего и не замѣчу пожалуй... А онъ весь сожмется и скорчится и заоретъ, точно у нихъ у всѣхъ кожа содрана!..

Пѣтухи проводили Вѣру Васильевну торжественными криками, хлопали за нею крыльями и таращили свои огненные глаза, точно хотѣли сразу проглотить ее и не подавиться при этомъ.

XXII.

Первое время Александръ Петровичъ былъ радостенъ и спокоенъ. Старыя сомнѣнія его не мучили, на зло врачамъ—глазъ его какъ будто поправлялся. Вѣрочка даже сообщила эту вѣсть встрѣченному ею профессору.

— Жаль мнѣ, знаете, васъ разочаровывать, серьезно началъ онъ, по разумѣется не могъ не закончить шутовствомъ:

Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!..

продекламировалъ онъ.

— По крайней мѣрѣ онъ не жалуется.

— И отлично. Радуюсь... А по временамъ покалываетъ?

— Да.

— Гм!.. И мухи этакъ мелькаютъ въ глазу?

— Мелькаютъ.

— Ничего-съ, къ крайнему сожалѣнію своему, ничего измѣнить въ этомъ не могу... Дѣло идетъ своимъ порядкомъ. Болѣзнь значитъ развивается согласно научнымъ даннымъ вполнѣ послѣдовательно, повторилъ онъ.—Вполнѣ-съ. Никакихъ отступленій отъ естественнаго хода ея не вижу... Никакихъ, слышите?..

Ахъ, почто я сердце юное
Сновидѣньямъ предала...

Но наступившее спокойствіе продолжалось недолго.

Вѣра Васильевна какъ-то вернулась домой съ выставки и Семенъ встрѣтилъ ее въ передней мрачнѣе мрачнаго.

— Что баринъ?

— Опять-съ... Совсѣмъ изъ себя царь Саулъ стали.

Въ предчувствіи чего-то непріятнаго, ожидающаго ее, Вѣрочка вошла къ царю Саулу.

— Можете полюбоваться, вонъ тамъ на столѣ лежатъ рецензіи о выставкѣ.

— Неужели Мочаловъ?.. вырвалось у нея.

— Нѣтъ, господинъ Мочаловъ пока молчитъ, онъ всегда попозже. А тутъ другіе. Должно быть вы очень ужь хорошо дѣйствовали вашими прекрасными глазками. Весьма васъ эти господа одобряютъ, а одинъ даже повѣдалъ міру, что всѣ недостатки вашихъ картинъ, взятые вмѣстѣ, выше достоинствъ моего произведенія... Слава Богу, глазъ вернулся, могу работать какъ слѣдуетъ и зажать имъ ротъ.

— Сегодня передъ твоей картиной сплошная толпа. Добраться до „Тиверія“ невозможно.

— Да?.. Публика всегда справедлива... Я думаю, намъ лучше не мѣшать другъ другу, Вѣра. Ты бы шла работать къ себѣ внизъ... Я обдумывалъ тутъ. Мнѣ одному лучше...

Вѣрочка вспыхнула.

— Я только переодѣнусь и пойду.

— Я не гоню тебя, но все-таки лучше.... Эти разговоры... ты вѣдь даже не можешь говорить со мной безъ раздраженія.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Да, разумѣется. Я это замѣчаю давно, вдругъ вышелъ онъ изъ себя. — А разъ ты не можешь говорить со мною спокойно, такъ лучше молчи. Ты знаешь, я боленъ и мнѣ волненіе вредно.

— Когда же я такъ говорила съ тобой?

— Что же я, по твоему, лгу? Чортъ возьми, только этого еще недоставало. Женившись на тебѣ я ослѣпъ, имѣю удовольствіе слышать на каждомъ шагу, что ты, моя ученица, оставила меня далеко за собою, да еще попалъ и въ глупцы...

Еслибы Вѣра, выходя, обернулась назадъ, она бы похолодѣла вся, замѣтивъ, какимъ упорнымъ, полнымъ ненависти взглядомъ провожалъ ее Александръ Петровичъ.

„И кто меня толкалъ жениться?“ думалъ онъ. — „Точно мнѣ не было такъ спокойно и хорошо. Съ той минуты счастье обернулось ко мнѣ спиною...“

Вмѣсто того чтобы переодѣться, Вѣрочка сѣла въ кресло и уронивъ руки на колѣна, скорбно задумалась обо всемъ, чтò случилось въ эти два-три года.

„Боже мой, какъ подъ вліяніемъ болѣзни и неудачъ измѣнилось это когда-то такое благородное и великодушное сердце!“ думала она. У нея въ душѣ не было злобы и отчаянія. Она вѣрила, что тучи, заслонившія отъ нея ея небо, разойдутся и свѣтлая лазурь опять ласково откроется ей... Во всякомъ случаѣ, что́ бы ни случилось, она не измѣнитъ себѣ, она будетъ около него, такая же кроткая, тихая и любящая. Онъ „ненормаленъ“ теперь, сказалъ ей профессоръ. Не на одну же радость, не на одно же счастье она сошлась съ мужемъ!.. Теперь-то, именно теперь она и должна быть около него. Даже, чтобы больше не было ничего между ними, ничего чтобы не портило ихъ отношеній, она до наступленія лучшаго времени совсѣмъ броситъ работу. Богъ съ нею! Пусть онъ только не волнуется и не страдаетъ. Даже ко лжи она должна будетъ прибѣгнуть; что-жь, бываетъ и ложь во спасеніе...

Веселая уже и спокойная, она вернулась къ нему.

— Пожалуйста, Александръ Петровичъ, если я тебѣ мѣшаю, ты мнѣ скажи, я могу совсѣмъ перебраться со всѣми моими вещами.

— Нѣтъ, ты мнѣ не мѣшаешь... колебался онъ. — То-есть, видишь-ли, мнѣ, разумѣется, лучше остаться одному... Гораздо лучше, но что́ же дѣлать... Вотъ что...

И онъ задумался о чемъ-то.

Подъ вліяніемъ болѣзни онъ словно одичалъ. Ему мало-по-малу становилось противно видѣть людей, встрѣчаться и говорить съ ними. Очевидно, онъ тяжело переживалъ свою славу. Ему невыносимо было видѣть другихъ, мало-по-малу становившихся на мѣсто занимаемое имъ когда-то. И главнымъ образомъ, конечно совершенно безсознательно, его мучило то, что рядомъ расцвѣтала такая пышная, здоровая и сильная жизнь, какою представлялась ему Вѣрочка. Онъ и ненавидѣть ее сталъ безсознательно. Если бы его спросили за что̀ онъ такъ относится къ ней, онъ не нашелся бы ничего отвѣтить. Самъ себя онъ никогда не спрашивалъ объ этомъ; все время онъ ощущалъ не сознанное и не давалъ себѣ отчета въ этомъ, погруженный каждою своею мыслью въ несчастіе, казавшееся ему такимъ громаднымъ, такимъ великимъ... Часто онъ цѣлые часы просиживалъ наединѣ съ самимъ собою, переживая свое безконечное горе. Окружающая его обстановка, плотно завѣшанныя гардины, полумракъ, тишина, заставляли еще ярче выступать передъ нимъ зловѣщій призракъ его воображенія, звучать еще громче голоса мрачные и торжественные, рождавшіеся въ немъ самомъ... Когда онъ выходилъ на выставку, на улицы, въ рисовальную школу, свѣтъ яркаго солнца гналъ его опять домой. Часто даже глазъ у него не болѣлъ, но ему становилось безсознательно страшно за него и онъ чувствовалъ покалыванiе, котораго въ дѣйствительности можетъ быть и не было вовсе. Ему становилось легко только тогда, когда онъ садился за свой мольбертъ и брался за кисти. Но легко лишь въ первыя минуты; дѣло въ томъ, что въ душѣ, измученной отчаяніемъ и завистью, уже не было прежней вѣры въ самое-себя, въ ней какъ будто изсякъ источникъ чистаго вдохновенія, когда-то такимъ ключомъ бившій изъ нея. Онъ возбуждалъ себя и самъ замѣчалъ послѣ, что эти возбужденія не были тѣми проблесками экстаза, какой прежде такъ часто посѣщалъ его. Подъ вліяніемъ этого насилованія воображенія, прекрасное обращалось въ манерное, преувеличенное; трагическое дѣлалось чудовищнымъ, трогательное — сантиментальнымъ. И краски, и лица кричали, грубость проступала вездѣ и во всемъ. Онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ уходилъ внизъ къ женѣ, и когда ея не было, приказывалъ отперетъ ея мастерскую. Съ тоской и ненавистью всматривался онъ въ ея работы. Да, это „онъ“, онъ „прежній“ въ нихъ. Точно отъ него къ ней перешла вся чистота души, весь свѣтъ генія, вся искренность чувства, тонкость пониманія... Вотъ именно такъ писалъ онъ прежде. Такъ, какъ она пишетъ теперь. Это его головки, эти глаза, сіяющія такимъ свѣтомъ, эти одухотворенныя лица украдены у него, именно у него. И самъ же онъ, самъ помогалъ этому, самъ указалъ ей дорогу, по которой она пошла, оставивъ его далеко за собою.:. Разъ, когда ея не было, онъ сѣлъ передъ ея картиной. Вѣра только что начала ее.

Всего и было въ ней, что маленькая дѣвочка на монастырскомъ кладбищѣ, приложившаяся ухомъ къ могильному холмику и чутко прислушивающаяся къ чему-то, по ея убѣжденію творящемуся подъ нимъ. Сверху лилось солнечное сіяніе, золотыми брызгами сверкавшее на росѣ и на цвѣтахъ, въ густой травѣ; кругомъ— пышныя раины вязовъ и тополей; уголокъ темносиняго неба былъ жарокъ.

Рядновъ долго смотрѣлъ на это дѣтское лицо, полное въ одно и то-же время и любопытства, и страха, и тихаго восторга. Онъ даже сѣлъ передъ картиной и сталъ злобно, бѣшенно всматриваться въ ея детали. Да, это онъ... онъ научилъ ее класть эти блики, онъ передалъ ей секретъ этихъ вотъ черточекъ, придающихъ такой блескъ глазамъ, самый эффектъ проблесковъ солнечныхъ въ травѣ заимствованъ ею у него; онъ разсказалъ ей о сочетаніи повидимому самыхъ неподходящихъ красокъ, давшихъ въ результатѣ такое живое и дѣйствительное освѣщеніе. Онъ, онъ, вездѣ и во всемъ онъ. Ненависть росла въ немъ и душила его все больше и больше. Особенно эти глаза, этотъ свѣтившійся въ нихъ восторгъ... какъ это выходило у него когда-то!.. Какъ онъ славился именно „душою“ картины, чѣмъ-то неуловимымъ, жившимъ въ ней, благословеніемъ Божіимъ, просвѣчивающимся сквозь краски... А теперь...

Не зная самъ, что̀ онъ дѣлаетъ, Рядновъ сначала толкнулъ мольбертъ ногой; съ громкимъ шумомъ и трескомъ картина упала на полъ. Но и оттуда, съ полу, на него смотрѣли эти дѣтскіе, чистые глаза... Они „нарочно“ смотрѣли на него. Они точно дразнили его бѣшенство, будто говорили ему: „А ты все-таки ничего съ нами сдѣлать не можешь... А мы все-таки живемъ, живемъ на зло тебѣ, и живемъ, и видимъ, и осуждаемъ все недоброе, что̀ творится въ твоей душѣ“. Онъ отвернулся отъ нихъ, но ему почудилось, что эти глаза смотрятъ на него, смотрятъ и насквозь пронизываютъ своимъ чистымъ взглядомъ. Онъ отошелъ къ окну—они слѣдуютъ туда за нимъ... Что-то словно кровавой волной хлынуло ему въ грудь, сдавило горло. Голова кружилась, въ вискахъ стучало.

— Да что-же вамъ надо? совершенно обезумѣвъ, крикнулъ онъ. — Что̀ вамъ надо? Убить... убить вы меня хотите?!.

И не понимая самъ что̀ онъ дѣлаетъ, бросился къ лежавшей на полу картинѣ, и сталъ топтать ее, именно это чистое, кроткое, дѣтское лицо, своими каблуками, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ!

Это его и успокоило, и испугало.

— Что́ я надѣлалъ, что́ я надѣлалъ! растерянно проговорилъ онъ.

И бросился вверхъ, позабывъ затворить за собою двери.

Марья Францовна, попавшаяся ему въ коридорѣ навстрѣчу, точно отшатнулась прочь, увидѣвъ его раскраснѣвшееся лицо и волосы, поднявшіеся надъ разгоряченною головою. Она прижалась къ стѣнѣ, пропуская его мимо, а онъ даже и не замѣтилъ ее. Добѣжавъ къ себѣ, онъ все не зналъ, что̀ ему дѣлать съ этой кружившейся комнатой, съ этими мыслями, странными и дикими, въ какомъ-то вихрѣ вращавшимися въ его мозгу, съ этими странными голосами и звуками, пре-

Вѣночекъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Ангереръ.

слѣдовавшими его по пятамъ, онъ бросился къ крану, вдѣланному въ стѣнѣ, подставилъ подъ холодную струю, бившую изъ него, свое темя. Вода мало-по-малу привела его въ себя, онъ съ удивленіемъ оглянулся кругомъ и когда вспомнилъ что̀ совершилось тамъ внизу—схватился за голову, да такъ и замеръ на нѣкоторое время въ одномъ выраженіи тоски и ужаса.

(Продолженіе будетъ).

Жена великаго человѣка.

П. И. Вейнберга.

„Геній и злодѣйство — двѣ вещи несовмѣстныя“, говорилъ, какъ извѣстно, Пушкинскій Сальери, хотя тутъ-же, припоминая обвиненіе, тяготѣвшее надъ Микель-Анджело, находилъ, что это неправда, т. е. что геніальный человѣкъ можетъ въ то же время быть и злодѣемъ.

Не знаю, что̀ справедливо — первое или второе, но собственноручное свидѣтельство одного изъ геніальнѣйшихъ людей нашего времени привело меня къ убѣжденію, что такіе люди могутъ быть величайшими тиранами, способными съ безпощаднымъ эгоизмомъ и возмутительною черствостью губить все окружающее ихъ, поклоняющееся имъ, отдающее за нихъ и имъ свою жизнь... Сквозь очки увлеченія геніальнымъ ореоломъ, всегда обаятельно дѣйствующимъ на наблюдателя, подобные поступки такихъ людей представляются этому наблюдателю естественнымъ и не подлежащимъ никакому обвиненію проявленіемъ натуры выходящей изъ ряда, не признающей и не могущей признавать никакихъ законовъ, созданной на то чтобы подчинять себѣ все окружающее, не заботясь о томъ, каковы результаты этого подчиненія... Для наблюденія трезваго, безпристрастнаго, такой образъ дѣйствія, повторяю, есть не что̀ иное, какъ эгоистическое, грубое, ничѣмъ не оправдываемое безсердечіе...

Геніальный человѣкъ, о которомъ я говорю — Томасъ Карлейль, умершій, какъ извѣстно, въ 1881 г. и оставившій бумаги и записки, на основаніи которыхъ онъ и представляется намъ чудовищемъ эгоизма и черствости. Жертва этихъ свойствъ знаменитаго автора „Исторіи французской революціи“—его жена.

Исторія ихъ отношеній исполнена глубокаго трагизма и въ высшей степени интересна въ психологическомъ отношеніи, если принять во вниманіе, что герой ея, виновникъ этого трагизма—такой умъ, какъ Карлейль...

* * *

Передъ нами двѣ совершенно противоположныя другъ другу натуры, противоположныя уже при первоначальномъ развитіи ихъ, въ первые годы своего формированія.

Будущая жена Карлейля, Дженни Вельшъ, единственная дочь весьма почтеннаго шотландскаго семейства — красавица, веселая, талантливая, блистательная во всѣхъ отношеніяхъ, обворожительная своими внѣшними и внутренними достоинствами, но въ то же время и своею эксцентричностью... Онъ, будущій мужъ ея, старше ея четырьмя годами,—сынъ каменьщика, человѣка честнаго и прямаго, но до такой степени суроваго, съ такимъ „замурованнымъ“, по словамъ самого Карлейля, сердцемъ, что жена и дѣти „не смѣли любить его“. Эти свойства онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, которые всѣ были въ такомъ же родѣ, и въ свою очередь передалъ ихъ сыну, нашему знаменитому историку и критику, которому въ этомъ отношеніи предстояло даже превзойти своихъ предшественниковъ въ семьѣ. Замѣтимъ еще, что его мать была одно время помѣшана. Уже въ дѣтствѣ Томасъ Карлейль поражаетъ и отталкиваетъ своею грубостью, мрачною суровостью, эгоизмомъ, доходящимъ до дикости упрямствомъ, какою-то ненавистью къ людямъ—и все это растетъ по мѣрѣ его физическаго роста; по его собственнымъ позднѣйшимъ словамъ, онъ живетъ въ эту пору—пору своей университетской жизни — „одинокій, поѣдая свое собственное сердце, служа добычею невыразимой внутренней борьбы, невыразимыхъ страданій...“ И наружность его соотвѣтствуетъ этому внутреннему настроенію: низкій лобъ, взъерошенные волосы, самъ неуклюжій, грязноватый.

Таковы эти два существа въ то время, когда они встрѣчаются,—встрѣчаются для того, чтобы чрезъ нѣсколько времени блестящая красавица, пріученная ко всевозможному комфорту, почти изнѣженная своею обстановкой, сдѣлалась женой далеко не изящнаго, мрачнаго, почти до нищеты бѣднаго человѣка. Въ чемъ же объясненіе этой странной развязки? Въ явленіи очень обыкновенномъ: обаяніи, которое производитъ талантъ, выдающаяся натура, а ужь и подавно геній, на женскую натуру вообще, а такую какъ Женни Вельшъ—въ особенности. Женни Вельшъ давно уже, съ самыхъ юношескихъ лѣтъ, была проникнута стремленіемъ къ умственной эмансипаціи, жаждою умственнаго труда, порывами къ выходу изъ повседневной житейской среды. Со свойственною женщинѣ—и притомъ такой женщинѣ какъ она—чуткостью, умственный и сердечный глазъ ея угадалъ подъ отталкивающею наружностью молодаго Карлейля печать генія, и мысль—поддерживавшаяся ихъ взаимными сношеніями—работать вмѣстѣ съ нимъ, помогать ему въ трудахъ, имѣть вліяніе на его судьбу, помочь ему сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, совершенно поглотила эту молодую, воспріимчивую, часто экзальтированную душу,—явленіе, какъ извѣстно, встрѣчающееся очень часто. Мысль эта тѣмъ глубже пускала корни въ этой головѣ и въ этомъ сердцѣ, что Женни съ каждымъ днемъ, даже не смотря на свое инстинктивное сопротивленіе, нечувствительно для себя подчинялась все больше и больше обаянію этого человѣка, пока еще однако не заявившаго своей геніальности ничѣмъ фактическимъ и только дававшаго такъ-сказать предугадывать ее. „Я не знаю—писала молодая дѣвушка своему будущему мужу — какимъ образомъ вашъ умъ пріобрѣлъ такую власть надъ моимъ вопреки моей гордости и моему упорству. Но это совершилось. Упрямая относительно другихъ, какъ мулъ, съ вами я гибка и покорна. Я слушаю вашъ голосъ, какъ голосъ второй совѣсти, почти столько же страшной, какъ та совѣсть которую поселила во мнѣ природа. Откуда въ васъ эта власть надо мною? Ибо тутъ играютъ роль не только вашъ геній и ваша добродѣтель...“ Подъ этою „добродѣтелью“ Женни Вельшъ понимала тѣ нравственныя качества Карлейля, которыя она тоже открыла, отчасти и вообразила, подъ его грубою оболочкою — прямоту, честность, даже великодушіе...

* * *

Но въ то время, когда писались эти строки, красавица и не думала сдѣлаться женою того, кому онѣ адресовались. Она смотрѣла на себя только какъ на его товарища, сотрудника. „Я буду—говорила она ему въ другомъ письмѣ—вашимъ другомъ, самымъ лучшимъ и самымъ преданнымъ изъ вашихъ друзей, до конца моей жизни; но вашею женою — никогда!. Никогда, хотя бы вы были богаты какъ Крезъ, знамениты такъ, какъ конечно сдѣлаетесь со временемъ“. И она имѣла тѣмъ болѣе основанія говорить такимъ образомъ, что любила другаго; но съ этимъ другимъ судьба разлучила ее, и онъ вскорѣ послѣ того умеръ. Женни стала все больше и больше привязываться къ Карлейлю,—но любовь попрежнему не играла въ этой привязанности никакой роли, и настоятельныя просьбы молодаго дикаря сдѣлаться его женою встрѣчали съ ея стороны постоянный и энергическій отпоръ.

Что̀-же было причиной этихъ настояній Карлейля, этого несокрушимаго упорства, которое въ концѣ-концовъ все-таки окончилось побѣдой? Причина въ высшей степени характеристическая. О любви тутъ не было и рѣчи; на любовь Карлейль уже тогда, какъ и впослѣдствіи, смотрѣлъ какъ на чувство совершенно вздорное, недостойное серьезнаго человѣка. Уже будучи его женою и въ то время, когда его окружала уже громкая извѣстность, Женни писала: „Для величайшаго философа нашего времени (такъ выражалась она о своемъ мужѣ) въ послѣднемъ романѣ Теккерея наиболѣе ненавистно, признается имъ за „безусловно фальшивое и достойное осужденія“ то, что любовь изображена тутъ какъ чувство охватывающее собой все наше существованіе и составляющее великій интересъ его; тогда какъ, напротивъ того, любовь—*вещь которая называется любовью* — занимаетъ собою только весьма малое число годовъ человѣческой жизни, и даже въ это незначительное пространство времени она есть не что̀ иное какъ одинъ изъ предметовъ, которыми человѣкъ занимается среди множества другихъ предметовъ, гораздо болѣе важныхъ. На взглядъ Карлейля, любовь и вся возня съ нею — такой жалкій вздоръ, что въ героическую эпоху никто бы и не сталъ о немъ думать, а тѣмъ менѣе—говорить“.

Женитьбы Карлейль добивался такъ настоятельно потому, что ему, съ одной стороны, нужна была „хозяйка“ (вѣрнѣе какъ увидимъ ниже, прислуга), ибо всякія житейскія, практическія заботы были для него ненавистны, до такой степени, что войти за чѣмъ-нибудь въ лавку составляло для него мученіе,—съ другой стороны, въ немъ сложилось убѣжденіе, что когда около него будетъ женщина, заботящаяся о всей его житейской обстановкѣ, ему будетъ легче, удобнѣе работать, такъ какъ въ то время въ головѣ его было уже много литературныхъ замысловъ. Біографъ, у котораго я почерпаю эти свѣдѣнія, на основаніи вышеупомянутыхъ бумагъ и записокъ, называетъ эти побужденія Карлейля „побужденіями такого свойства, какія подобаютъ натурѣ философа“. Я полагаю, что замѣна „философа“ „безсердечнымъ эгоистомъ“ была-бы здѣсь совершенно основательна и правильна, тѣмъ болѣе, когда принять въ соображеніе, какую именно женщину такъ упорно желалъ онъ сдѣлать своею хозяйкой и служанкой...

* * *

Какъ-бы то ни было, побѣда была одержана: Женни Вельшъ сдѣлалась Женни Карлейль, не смотря на свое убѣжденіе, что она для него не что̀ иное (по ея собственнымъ словамъ) какъ „одно изъ обстоятельствъ его судьбы“; она сдѣлалась женою человѣка, который ей, уже невѣстѣ, заявилъ, какъ „вѣчную— по его словамъ — аксіому, какъ законъ природы, отъ котораго

не отступаетъ безнаказанно ни одинъ смертный", что повелѣвать въ домѣ долженъ безусловно и неограниченно мужъ; она сдѣлалась женою человѣка, который говорилъ: „когда я требую, чтобъ мнѣ сварили супъ изъ камней, то супъ изъ камней долженъ быть сваренъ..." Но она въ то же время инстинктивно чувствовала и сознательно понимала, что этотъ человѣкъ—великій умъ и могучая натура,—и склонилась. А разъ склонившись, она дала себѣ слово быть, какъ-бы ни сложилась ея жизнь, безусловно преданною и покорною этому человѣку и со своей по крайней мѣрѣ стороны сдѣлать все, что въ человѣческихъ—а какъ увидимъ ниже, и сверхъ-человѣческихъ — силахъ, чтобы дать ему возможность дойти до своей великой цѣли.

Такъ исполнить принятый на себя долгъ, какъ это сдѣлала Женни Вельшъ, теперь Женни Карлейль, можетъ только истинная героиня, и я сказалъ-бы, истинная мученица, если-бы здѣсь не было передъ нами самоистязанія добровольнаго, отъ котораго, если-бъ она *желала,* то могла-бы избавиться во всякое время.

* * *

Уже съ первыхъ дней мѣсяца, къ которому эпитетъ „медовый" шелъ-бы какъ самая горькая насмѣшка, мы видимъ молодую чету въ самой бѣдной обстановкѣ. Женни отдала все свое состояніе матери, Карлейль не имѣлъ почти ничего, а работать, т. е. писать только ради денежнаго заработка, сдѣлаться „литературнымъ поденщикомъ—для него было немыслимо, ненавистно; да и жена ни за что не допустила-бы его до этого, ибо въ такомъ случаѣ вѣдь не была-бы достигнута ея высокая цѣль: „хлѣбныя работы" отвлекли-бы его отъ тѣхъ трудовъ, которыми предстояло ему создать себѣ безсмертную литературную славу.

И вотъ въ то время, когда онъ, запершись въ одной изъ двухъ-трехъ комнатокъ убогаго домика, нанятаго и кое-какъ меблированнаго матерью Женни для новобрачныхъ, обдумываетъ свои будущія великія произведенія,—она, еще недавно царившая въ комфортной и даже блестящей обстановкѣ, готовитъ кушанье, моетъ полы, штопаетъ платье и бѣлье мужа, даже печетъ хлѣбъ. И при этомъ, не только ни слова упрека или грусти, но, напротивъ, бодрость, живость, даже веселость. „У нея—писалъ Карлейль уже послѣ ея смерти, въ припадкѣ поздняго раскаянія, позднихъ угрызеній совѣсти—у нея всегда находилось для меня какое-нибудь веселое слово... въ самые тяжелые дни не вырывалось у нея ни звука, который могъ-бы нагнать тоску или скуку; она замалчивала все грустное и хранила его исключительно для себя..."

Читатель думаетъ вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ эту удивительную женщину поддерживало нравственное чувство общенія между ею и мужемъ, поддерживала взаимность духовныхъ интересовъ, которая для такихъ натуръ замѣняетъ отсутствіе матеріальнаго достатка. Нѣтъ, и этого не было. Мрачный, желчный, вѣчно страдая желудкомъ и печенью, приходя въ раздраженіе отъ малѣйшаго шума и движенія вокругъ него, не впуская къ себѣ въ домъ буквально ни одного посѣтителя, заставляя жену уничтожать посредствомъ смертной казни или иными способами всѣхъ куръ, собакъ, кошекъ, имѣвшихъ несчастье очутиться въ домѣ или по сосѣдству съ нимъ,—Карлейль почти съ первыхъ дней брачнаго сожительства проводилъ дни и ночи или въ своемъ „кабинетѣ", или на прогулкѣ, съ женою видѣлся, за очень рѣдкими исключеніями, только въ часы обѣда, да и тутъ мало говорилъ съ нею, а иногда цѣлую недѣлю не обращалъ къ ней ни слова, даже не смотрѣлъ на нее. Онъ весь ушелъ въ свой умственный трудъ, но о томъ „сотрудничествѣ", о которомъ мечтала бѣдная Женни, рѣшившись связать свою судьбу съ судьбой этого человѣка, не было и рѣчи. Для Карлейля жена — которую онъ впрочемъ любилъ *по своему* — была хозяйкой и служанкой, и онъ находилъ это совершенно естественнымъ, когда, покуривая свою трубочку и обдумывая свою будущую знаменитую „Исторію французской революціи", смотрѣлъ, какъ его Женни мыла въ это время полъ въ его комнатѣ. „Ему — замѣчаетъ его біографъ — казалось въ порядкѣ вещей, чтобъ она пекла для него хлѣбъ дома, такъ какъ онъ не любилъ хлѣба изготовлявшагося въ булочной, и починяла его сапоги. Каждому свое: мужчинѣ — благородная работа ума, женщинѣ—работа служанки..."

И ужь если такъ стояло дѣло въ „медовые" мѣсяцы, то съ теченіемъ времени оно конечно должно было ухудшиться,—что дѣйствительно и случилось...

* * *

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы мы находимъ чету уже не въ Эдинбургѣ, гдѣ по крайней мѣрѣ можно было видѣть и слышать живыхъ людей, а въ одной изъ самыхъ уединенныхъ, самыхъ печальныхъ и самыхъ безобразныхъ мѣстностей Шотландіи—маленькомъ клочкѣ земли, доставшемся Карлейлю отъ матери и называвшемся Крейгенпёттокъ. Здѣсь, въ полномъ отчужденіи отъ свѣта, среди отвратительной пустыни, Карлейль надѣялся преодолѣть ту страшную умственную борьбу, которая происходила въ немъ — борьбу между великими мыслями, толпившимися въ его умѣ, и трудностью, даже пока невозможностью придать имъ опредѣленное, удовлетворяющее творца ихъ выраженіе; другими словами, онъ надѣялся здѣсь, благодаря „безусловному уединенію и чистому безмолвію природы" преодолѣть тѣ трудности занимавшей его въ это время литературной работы, которыя для него—странное дѣло!—были не простыми трудностями, а истинными муками, — муками, среди которыхъ ему—говоря его собственными словами—казалось иногда, что мозгъ его превратился въ черную грязь...

Само собой разумѣется, что какія-бы то ни было соображенія о женѣ, которую онъ обрекалъ на ужасную жизнь, не приходили ему въ голову,—точно такъ-же какъ не пришли они къ нему ни разу въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ, проведенныхъ имъ глазъ-на-глазъ съ женою въ этомъ дикомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ писала потомъ несчастная женщина, „изъ ея непосредственныхъ трехъ предшественницъ двѣ сошли съ ума, а одна сдѣлалась пьяницею".

* * *

А она въ теченіе этихъ шести лѣтъ является тою-же мученицей своего долга, тою-же самоотверженною и героическою рабыней человѣка, покоряющаго ее своимъ умомъ и великою нравственною силою. Какова была внѣшняя сторона ея жизни въ этой трущобѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ напримѣръ словъ одного изъ ея писемъ, писаннаго уже гораздо позже: „Я поселилась со своимъ мужемъ въ маленькомъ домикѣ, утонувшемъ въ болотѣ. Это была очень печальная мѣстность, и жить тутъ приходилось очень скверно. На шестнадцать миль въ окружности нельзя было найти никакихъ матеріальныхъ ресурсовъ: никакихъ лавокъ, даже ни одного почтоваго отдѣленія. Кромѣ того, мы были очень бѣдны, а что еще хуже — я, какъ единственная дочь и воспитанная для „блестящаго положенія въ свѣтѣ", отлично знала латынь и математику, но оказывалась блистательною невѣждой въ вещахъ практическихъ. Въ этихъ необычайныхъ обстоятельствахъ мнѣ надо было выучиться шить. Я съ ужасомъ убѣдилась, что удѣлъ мужей—рвать свои носки и постоянно растеривать свои пуговицы, и что для наблюденія за всѣмъ этимъ разсчитывали на меня. Пришлось также выучиться стряпать, такъ какъ ни одна порядочная кухарка не соглашалась жить въ такой ужасной глуши, а у моего мужа было очень дурное пищевареніе, чѣмъ страшно усложнялось положеніе дѣла. Въ довершеніе бѣдствій, хлѣбъ, который намъ привозили изъ Дёмфри, „производилъ у него въ желудкѣ кислоту", и очевидно, что на мнѣ, какъ истинно христіанской женѣ, лежалъ долгъ—печь хлѣбъ собственноручно..."

Но всѣ эти занятія и заботы были сущею бездѣлицею въ сравненіи со многими другими подробностями этой домашней обстановки, представлявшейся намъ особенно ужасною, варварскою потому, что молодая женщина, несшая на себѣ все это бремя, являлась не помощницею своего мужа, не товарищемъ его въ горѣ и нуждѣ, а безотвѣтною служанкою, на которую господинъ обращалъ весьма мало вниманія. Всѣ тѣ прежнія мечты ея о сотрудничествѣ, о духовномъ общеніи, которыя, какъ мы видѣли выше, служили этой несчастной женщинѣ однимъ изъ могущественныхъ стимуловъ къ выходу за этого человѣка,—всѣ эти мечты разбивались все больше и больше о жестокую дѣйствительность. Карлейль посвящалъ своей женѣ ровно полчаса въ день; въ продолженіе цѣлыхъ тридцати минутъ ежедневно удостоивалъ онъ ее бесѣдою, или, вѣрнѣе говоря, молчаніемъ съ-глазу-на-глазъ, ибо великій человѣкъ, славившійся вообще своею молчаливостью, „платонически любившій молчаніе", какъ выражалась о немъ жена, примѣнялъ это свойство свое самымъ широкимъ образомъ и въ своихъ отношеніяхъ къ той, для которой названіе „подруги жизни" представлялось самою горькою ироніею. Правда, что когда это молчаніе по временамъ прерывалось, когда масса мыслей, накопившихся въ геніальной головѣ, требовала себѣ простору, и Карлейль, забывая или не обращая вниманія, кто именно былъ его слушателемъ, вдругъ дѣлался краснорѣчивъ такъ, какъ умѣли быть краснорѣчивы весьма немногіе,—тогда съ избыткомъ вознаграждался длинный рядъ часовъ суроваго, часто даже озлобленнаго безмолвія. И великій писатель, какъ видно, самъ понималъ это. „Я помню — писалъ онъ уже гораздо позже, уже послѣ смерти своей несчастной жертвы—я помню, что однажды, во время одного изъ ея кризисовъ (важности которыхъ я въ ту пору не подозрѣвалъ) я три вечера сряду приходилъ къ ней, весь проникнутый сраженіемъ при Мольвицѣ, которое я, къ моей великой гордости, наконецъ понялъ, и ни о чемъ другомъ не говорилъ въ продолженіе этихъ трехъ получасовъ. Она отвѣчала мало, думая, быть можетъ, что не умѣла говорить достаточно хорошо для меня, но видимо не скучала, и мнѣ кажется даже, что это интересовало ее".

Слово „интересовало" не выражаетъ и сотой доли того, что испытывала въ эти минуты Женни Карлейль: она была вся вниманіе, вся слухъ, вся подчиненіе этому магическому вліянію. И тутъ, конечно, скрывалась одна изъ существеннѣйшихъ причинъ не только безропотнаго, но даже отчасти радостнаго перенесенія ею всѣхъ невзгодъ и мукъ ея жизни; тутъ скрывалось разъясненіе такихъ словъ, какія мы встрѣчаемъ напримѣръ въ одномъ изъ ея писемъ къ мужу, въ одну изъ ихъ временныхъ разлукъ уже послѣ выѣзда ихъ изъ этого страшнаго мѣста. „Дѣлайте—писала она—все возможное, чтобы быть терпѣливымъ и снисходительнымъ къ вашей маленькой Гудѣ, потому что она любитъ васъ и готова исполнять все, что вы пожелаете на свѣтѣ, готова полѣзть на луну, если вы прикажете.

Дачный сезонъ. Рис. Г. Марксъ, грав. Ротъ.

Лѣтній день. Съ карт. Эрнестины Фридрихсенъ, грав. Брендамуръ.

Но когда у моего господина не находится для меня ни одного привѣтнаго взгляда, ни одного добраго слова, что остается мнѣ, кромѣ отчаянія?..“

Если эта умственная сила генія подчинила себѣ женскую воспріимчивую душу уже въ ту пору, когда геній не заявилъ себя еще ничѣмъ фактическимъ, когда будущая „подруга жизни“ его только предугадывала, предчувствовала въ немъ великаго человѣка,—то обаяніе этой силы естественно должно было увеличиться въ очень сильной степени теперь, когда она сказывалась все болѣе и болѣе осязательными результатами... Но къ обаянію умственному присоединялась тутъ еще и причина сердечная: Женни Карлейль видѣла своего мужа глубоко несчастнымъ, видѣла его не только мучителемъ, но и мученикомъ—мученикомъ его собственной нервности, желчности, ипохондріи, мученикомъ настроенія въ которомъ онъ смотрѣлъ на міръ какъ на пріютъ испорченности и нелѣпости, на жизнь—какъ на жестокую и смѣшную трагедію, на себя—какъ на добычу какого-то демона, который заставлялъ его все глубже и глубже вязнуть въ „покрытой глубокимъ мракомъ грязи...“ А извѣстно, что для женщины состраданіе—пружина весьма могущественная, особенно когда она въ соединеніи съ другими въ родѣ вышеприведенныхъ...

* * *

Такъ или иначе, но тѣмъ или другимъ причинамъ и побужденіямъ, но Женни Карлейль героически переносила свое положеніе и героически надѣялась на лучшее будущее. Только оно не наступило для нея и тогда, когда Карлейль вышелъ на свою дорогу, когда его окружила громкая слава, когда слѣдовательно ей, какъ подругѣ его жизни, не зачѣмъ уже было подчиняться его деспотизму, его грубому пренебреженію, его эгоистическимъ соображеніямъ, чтобы давать ему возможность работать и достигать своей великой цѣли.

Нравственное положеніе несчастной женщины теперь не только не улучшилось—оно даже ухудшилось, ибо она узнала еще то, чего не испытывала до тѣхъ поръ—ревность. Вошедшій въ славу Карлейль проводилъ дни и вечера въ блестящихъ салонахъ (особенно у леди Ашбёртонъ, скоро совсѣмъ завладѣвшей имъ), жена оставалась дома совершенно одна, уже потому, что онъ—Карлейль!—находилъ ее недостаточно изящною, слишкомъ деревенскою для этихъ салоновъ. Она оставалась одна, предавалась отчаянію—и вштопывала его брюки, чинила его халаты. „Сегодня—читаемъ мы, напримѣръ, въ ея дневникѣ 6 ноября 1855 г.,—сегодня я починяла халатъ г. Карлейля. Много движенія на воздухѣ необходимо мнѣ для того, чтобы помѣшать моему сердцу выскочить въ голову и свести меня съ ума... Въ настоящее время моя самая безпредѣльная и самая настоятельная забота—съумѣть не попасть въ Бедламъ...“—„О, Господи!—восклицаетъ она въ томъ же дневникѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя,—сжалься надо мной, потому что я слабѣю! О, Господи, исцѣли меня, потому что мои кости страшно болятъ. Страшно болитъ также моя душа; но, Господи, когда же пріидешь Ты? Пріиди освободить мою душу! Спаси меня Твоимъ милосердіемъ!..“

Что въ этихъ мукахъ играла значительную роль ревность, видно изъ многихъ мѣстъ того-же дневника, точно такъ-же, какъ видно изъ него, что между супругами по поводу этого обстоятельства происходили не разъ „бурныя сцены“. Страданія нравственныя осложнялись физическими: шестилѣтнее пребываніе въ ужасномъ Крейгенпёттокѣ принесло свои плоды. Несчастная женщина хирѣла со дня на день, а несчастный случай во время одной поѣздки въ экипажѣ усилилъ болѣзнь. Жестокія, невыразимыя мученія продолжались долго,—но смерть пришла внезапно. „Жена великаго человѣка“ умерла въ 1866 г., шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

* * *

И тутъ „повязка спала съ глазъ“ великаго человѣка. Онъ понялъ все, почувствовалъ все, и съ той минуты нѣтъ конца его угрызеніямъ совѣсти. Единственное оправданіе, которое онъ позволялъ себѣ,—что онъ ничего не замѣчалъ...

Но для насъ, конечно, это не оправданіе, а обвиненіе. Сѣтованія на себя, укоры себѣ, въ которыхъ изливается знаменитый писатель послѣ смерти жены, апоѳозъ, которымъ онъ окружаетъ ея память,—не только не примиряютъ насъ съ нимъ въ этомъ отношеніи, но еще болѣе усиливаютъ чувство негодованія...

И если вся эта исторія, съ одной стороны, блистательно доказываетъ совмѣстимость геніальности ума и грубой ординарности сердца, то съ другой стороны, какъ ярко выразилась здѣсь одна изъ поразительнѣйшихъ загадокъ женскаго сердца!..

О способахъ пищедобыванія въ животномъ царствѣ.

Профессора **К. Э. Линдемана.**

Безъ питанія немыслимъ никакой организмъ. Вещество составляющее часть живаго тѣла — находится въ постоянномъ движеніи, безпрестанно измѣняясь и разрушаясь подъ вліяніемъ поступающаго въ организмъ извнѣ кислорода. Это безостановочное разрушеніе вещества, образующаго организмъ, есть одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ жизни. Подъ вліяніемъ этого разрушенія всѣ вещества животнаго тѣла постоянно превращаются въ простѣйшія соединенія, именно: въ угольную кислоту, воду и мочевину, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ минеральныхъ солей, удаляются изъ организма. Этотъ химическій процессъ сопровождается развитіемъ теплоты, электричества, мускульной и нервной работы или дѣятельности железистыхъ аппаратовъ, т. е. всей совокупностью тѣхъ процессовъ, какіе мы видимъ совершающимися въ организмѣ животныхъ и которые являются въ одно и то же время и слѣдствіемъ химическихъ измѣненій вещества, и вмѣстѣ съ тѣмъ причиною его. Это разрушеніе вещества можетъ поэтому остановиться лишь со смертью животнаго.

Такая постоянная потеря веществъ, какую несетъ организмъ каждаго животнаго во время жизни его, дѣлаетъ необходимымъ столь же постоянное введеніе въ организмъ извнѣ новыхъ веществъ, которыя могли бы стать на мѣсто разрушенныхъ и такимъ образомъ поддержать существованіе организма въ теченіе продолжительнаго времени. Подъ вліяніемъ такой необходимости каждое животное питается, т. е. принимаетъ изъ окружающей его природы различныя вещества, переработываетъ ихъ опредѣленнымъ образомъ въ своемъ тѣлѣ и размѣщаетъ ихъ по различнымъ тканямъ своимъ, гдѣ въ нихъ является надобность для замѣны веществъ утраченныхъ вслѣдствіе жизнедѣятельности въ предшедшіе моменты. Въ этомъ сложномъ рядѣ явленій и состоитъ сущность питанія. Въ нижеслѣдующемъ я хочу остановиться на одной группѣ явленій этого ряда, именно на различныхъ формахъ пищепринятія или пищедобыванія, которыя представляютъ весьма большой интересъ.

Животныя далеко не одинаковымъ образомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе. Мы можемъ отличить четыре главныхъ способа пищедобыванія, а именно: 1) простое; 2) комензализмъ; 3) симбіозъ и 4) паразитизмъ.

1. Большинство животныхъ добываютъ нужную имъ пищу прямо, безъ всякихъ особыхъ приспособленій, пріемовъ или ухищреній. Назовемъ этотъ способъ пищедобыванія *простымъ*. Такія животныя либо объѣдаютъ кормящія ихъ растенія на пастбищахъ своихъ, либо нападаютъ на другихъ животныхъ долженствующихъ служить имъ пищею, не вступая ни въ какія особыя отношенія ни съ этими растеніями, ни съ этими животными. Повидимому это самый наименѣе интересный способъ пищедобыванія, но для зоолога онъ представляетъ чрезвычайно много важнаго и поучительнаго, преимущественно потому что разнообразіемъ второстепенныхъ особенностей его онъ различно отражается на организаціи животныхъ, обусловливая происхожденіе такихъ чертъ въ формѣ различныхъ частей тѣла, которыя оказываются въ прямой зависимости отъ рода такъ принимаемой пищи или отъ другихъ условій, необходимо сопровождающихъ такое принятіе именно данной пищи. Стоитъ вспомнить различіе въ формѣ зубовъ травоядныхъ и плотоядныхъ млекопитающихъ, различіе въ устройствѣ скелета (напр. конечностей) у тѣхъ и другихъ, настолько рѣшительно выраженныя, что по одному обломку кости или зуба мы безошибочно опредѣляемъ, принадлежалъ-ли онъ травоядному или плотоядному звѣрю. Я напомню, напримѣръ, различіе формъ языка птицъ, обусловленное свойствами обычной ихъ пищи: такъ, у дятла языкъ, приспособленный для того чтобы доставать личинокъ насѣкомыхъ изъ ходовъ ихъ въ глубинѣ древесныхъ вѣтвей и стволовъ, имѣетъ форму остраго шила, вооруженнаго назадъ направленными зубцами; у клеста, вынимающаго языкомъ сѣмена изъ-подъ чешуйки хвойныхъ шишекъ, языкъ имѣетъ форму ложечки, со вдавленіемъ на кончикѣ, приспособленнымъ для того чтобы вмѣстить въ себѣ и зацѣпить самое сѣмячко; у колибри, достающихъ языкомъ нектаръ изъ цвѣточныхъ трубокъ, языкъ имѣетъ на верхушкѣ кисточку изъ тонкихъ нитей, между которыми остается большая капля сладкой жидкости, когда погруженный въ нее языкъ будетъ снова втянутъ въ ротъ. Можно было бы представить здѣсь много еще подобныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что тѣ или другія особенности формъ органовъ обусловливаются различными видоизмѣненіями простаго пищедобыванія; но ограничусь приведенными выше, какъ типическими, достаточно убѣдительными, ибо имѣю въ виду остановиться нѣсколько подробнѣе на другихъ способахъ пищедобыванія, знакомство съ которыми менѣе распространено,—дополнивъ вышесказанное лишь тѣмъ указаніемъ, что почти каждое животное, простымъ способомъ добывающее свою пищу, имѣетъ въ своей организаціи тѣ или другія особенности, находящіяся въ зависимости отъ спеціальныхъ свойствъ его обычной пищи, или отъ тѣхъ особенныхъ пріемовъ, которые необходимы для ея добыванія.

2. *Комензализмъ*. Весьма нерѣдки въ животномъ царствѣ такіе случаи, когда животное, мало одаренное, ищетъ покровительства какого-нибудь другаго, болѣе могущественнаго жи-

вотнаго, чтобы добывать себѣ пищу подъ его защитою, или пользоваться крохами отъ стола своего амфитріона. Такое взаимо-отношеніе животныхъ и составляетъ сущность комменсализма. Въ простѣйшемъ случаѣ послѣдній принимаетъ форму союза между различными животными. Такъ въ степяхъ Африки страусы и квагга пасутся очень часто вмѣстѣ, и такой союзъ столь различныхъ животныхъ объясняется тою пользою, какую они другъ другу оказываютъ при этомъ. Благодаря длиннымъ ногамъ своимъ и длинной шеѣ, страусы могутъ осматривать болѣе далекій горизонтъ и ранѣе видѣть приближеніе какой-либо опасности чѣмъ менѣе высокорослыя квагги. Послѣднія же привлекаютъ къ себѣ страусовъ тѣмъ, что въ навозѣ ихъ поселяются большіе жуки, составляющіе любимое лакомство страусовъ. Другимъ примѣромъ такого комменсализма могутъ служить намъ муравьи, въ гнѣздахъ которыхъ очень часто поселяются общества травяной тли, платящей особою выдѣляемою сладкою жидкостью, охотно облизываемою муравьями, за ту защиту, которую тля находитъ въ гнѣздахъ могущественныхъ хозяевъ.

Но въ большинствѣ случаевъ союзы между животными принимаютъ характеръ гораздо болѣе тѣсныхъ, причемъ комменсалистъ поселяется внутри тѣла своего покровителя, чтобы такимъ возможно совершеннѣйшимъ образомъ стать подъ его защиту. Такъ напр. въ Тихомъ океанѣ водятся рыбы изъ рода *Fierasfer*, рѣдко встрѣчаемыя на свободѣ, а обыкновенно поселяющіяся въ полости желудка морскихъ звѣздъ или кубышекъ (голотурій). Живя здѣсь, рыба питается не частями тѣла обитаемаго ею животнаго, а лишь содержимымъ желудка. Въ Бразиліи водится сомъ, *Platystome*, въ полости рта котораго находятся нерѣдко цѣлыя общества маленькихъ рыбокъ, совершенно спокойно живущія здѣсь между разнообразными выростами и складками стѣнокъ обитаемой полости. Первоначально полагали, что эти мелкія рыбки суть дѣтеныши сома, ибо намъ дѣйствительно извѣстны нѣкоторые виды рыбъ, которыя, выметавъ икру, набираютъ ее въ ротъ и носятъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не выведутся изъ нея рыбешки; таковы напр., Chromis, Arius bookei на Цейлонѣ и др. Но болѣе внимательное изслѣдованіе показало, что рыбки живущія въ полости рта сома суть вполнѣ развитыя, зрѣлыя существа, самцы и самки, рѣзко отличныя отъ своего хозяина, принадлежащія къ особому роду, именно *Stegophilus insidiosus*. Живя въ указанномъ мѣстѣ, находя здѣсь достаточную защиту отъ своихъ враговъ, Stegophilus перехватываетъ частицы пищи, поступающей въ ротъ сома, и такимъ образомъ кормится.

Такіе примѣры комменсализма мы еще чаще наблюдаемъ между животными низшими. Извѣстно нѣсколько морскихъ раковъ (Pinnotheres, Pontonia), которые живутъ въ раковинахъ живыхъ еще моллюсковъ, двустворокъ и др., не только не нанося имъ никакого вреда, но даже принося невидимому нѣкоторую пользу. Такъ еще Плиній разсказывалъ о дружбѣ между крабомъ, котораго онъ называлъ *Cancer custos*, и большимъ двустворчатымъ моллюскомъ называвшимся *Chama* (Pinna marina), весьма хорошо извѣстнымъ въ древнемъ Римѣ, гдѣ этотъ моллюскъ содержался въ особыхъ водовмѣстилищахъ какъ полезное домашнее животное, доставлявшее особыя нити, byssus, служившія для изготовленія тонкихъ шелковистыхъ тканей. Сидя между полуоткрытыми створками моллюска, крабъ энергическими движеніями своихъ конечностей привлекалъ къ своему хозяину струи воды, приносящія питательныя вещества, и за это находилъ себѣ защиту подъ твердыми створками, зажатыми помощью сильныхъ мускуловъ моллюска.

Въ полости тѣла губки Великаго океана, такъ-наз. *Euplectella aspergillum*, живутъ раки *Palaemon* и *Aega*, настолько обросшіе тканями тѣла ихъ хозяина, что они уже не могутъ выйти оттуда наружу, а принуждены оставаться вѣчными узниками, питаясь частицами пищи, внесенной губкою въ каналы своего тѣла для собственныхъ надобностей.

Въ широкихъ каналахъ тѣла той же самой губки очень часто встрѣчается особая гидромедуза, *Amphibrachium euplectellae*, настолько приспособленная къ обитаемой ею средѣ, что за предѣлами ея никогда не была находима. Въ средиземноморской губкѣ *Aplysina aërophoba* очень часто живетъ особый гидроидъ *Stephanoscyphus mirabilis*. Въ сложно-развѣтвленныхъ каналахъ тѣла губки Euplectella живетъ особый кольчатый червь, *Syllis ramosa*, настолько приспособленный къ своему мѣстожительству, что утратилъ обычную форму тѣла червя, а принялъ форму многоразлично, древообразно развѣтвленнаго тѣла.

Въ такой комменсализмъ вступаютъ не только члены животнаго царства, но бываютъ также случаи, когда тѣсный союзъ оказывается полезнымъ для членовъ обоихъ царствъ живой природы. Такъ въ тропической Америкѣ наблюдаются примѣры такого союза между растеніями *Cecropia* и муравьями. Муравьи защищаютъ растенія отъ насѣкомыхъ портящихъ листья ихъ, напр. гусеницъ, тли и т. п. Для того чтобы привлечь муравьевъ къ себѣ, упомянутая Cecropia приспособилась по двумъ направленіямъ: во-первыхъ на листьяхъ ея образуются особыя смолистыя выдѣленія, особенно охотно поѣдаемыя муравьями (*Azteca instabilis*) и потому сильно привлекающія послѣднихъ; во-вторыхъ, на стеблѣ растенія вырабатываются особыя приспособленія, могущія служить этимъ муравьямъ убѣжищемъ или даже постояннымъ жилищемъ. Въ опредѣленномъ мѣстѣ каждаго междоузлія на стеблѣ Cecropia стѣнка стебля о обенно сильно утончена; муравьи легко прогрызаютъ здѣсь отверстіе, чрезъ которое получаютъ доступъ ко внутренней полости стебля, въ которой и устраиваютъ свои гнѣзда. Исполняя полицейскія обязанности на растеніи Cecropia, муравьи получаютъ отъ послѣдняго за такія ихъ услуги удобную квартиру и лакомство.

На стволахъ деревьевъ очень часто растутъ печеночные мхи *Radula*, *Lejeunia*, *Frullania*. На листовыхъ лопастяхъ этихъ мховъ образуются особые карманы, въ которые можетъ затекать дождевая вода и въ нихъ задерживаться на нѣкоторое время. Въ этихъ карманахъ живетъ, обыкновенно по-одиночкѣ, маленькое водяное животное, особая коловратка, *Callidina symbiotica*. Обитая въ этихъ карманахъ, названная коловратка не вредитъ своему хозяину, питаясь лишь тѣми водорослями, которыя заводятся въ наполняющей ихъ водѣ, и пользуясь выдыхаемымъ здѣсь кислородомъ. Когда вода въ этихъ карманахъ высыхаетъ, коловратка заключается въ цисту и засыпаетъ; но когда дождь или обильная роса смачиваютъ растенія и наполняютъ водою ихъ карманы, коловратка сейчасъ же высовываетъ свои рѣсничныя колеса и начинаетъ дѣлать ими водовороты.

Приведенные примѣры достаточно ознакомляютъ насъ какъ съ сущностью комменсализма, такъ и съ тѣмъ разнообразіемъ, какое могутъ представлять взаимоотношенія существъ, связанныхъ между собою этою формою пищедобыванія. Возникая въ видѣ простаго союза, не требующаго никакихъ особыхъ приспособленій съ той или другой стороны, комменсализмъ вырабатываетъ постепенно болѣе или менѣе сложныя, спеціальныя приспособленія, какъ со стороны существа ищущаго покровительства сильныхъ міра (напр. Syllis ramosa, Fierasfer съ его рудиментарными плавниками), такъ и у амфитріона его (напр. костные складки и выросты въ ротовой полости сома; карманы у печеночныхъ мховъ и др.). Но каково бы ни было вліяніе комменсализма на связанныя имъ существа, всегда ихъ взаимныя отношенія остаются совершенно дружественными, въ томъ смыслѣ, что никогда жилецъ не причиняетъ никакого вреда своему хозяину.

3. *Симбіозъ*. Особую форму комменсализма представляетъ симбіозъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что союзъ между нѣкоторыми различными существами становится столь тѣснымъ, что они въ функціональномъ отношеніи являются какъ бы частями тѣла одного и того же организма. Такая интересная форма соединенія совершенно различныхъ существъ была первоначально открыта ботаниками у нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ растеній, носящихъ названіе *лишайниковъ*. Извѣстно, что каждый лишайникъ есть организмъ, происшедшій чрезъ тѣсное единеніе нѣкотораго грибка съ водорослями. Союзъ, заключаемый между этими различными растеніями, принимаетъ всегда столь опредѣленныя формы, что внѣшній видъ такъ образуемыхъ лишайниковъ всегда является совершенно одинаковымъ для извѣстнаго рода и неизмѣнно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ послѣднее время удалось констатировать, что и въ животномъ царствѣ такое тѣсное единеніе организмовъ наступаетъ очень часто при извѣстныхъ условіяхъ.

Уже давно было извѣстно, что въ тканяхъ различныхъ водяныхъ животныхъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ (напр. у полиповъ, медузъ, гидръ, инфузорій), отлагаются зерна того же хлорофилла, который присутствіемъ своимъ обусловливаетъ цвѣтъ зеленыхъ частей растеній. Этотъ хлорофиллъ считали принадлежностью клѣтокъ тѣла помянутыхъ животныхъ. Но въ новѣйшее время накопились факты, которые заставили измѣнить взглядъ на это обстоятельство. Оказалось, что хлорофиллъ у животныхъ не просто отлагается въ клѣткахъ организма послѣднихъ, а заключенъ въ особыхъ, меньшихъ клѣточкахъ, обладающихъ своею самостоятельною оболочкою изъ клѣтчатки и вложенныхъ иногда во множествѣ въ протоплазму значительно болѣе объемистыхъ клѣтокъ животнаго тѣла. Оказалось далѣе, что эти хлорофиллъ содержащія маленькія клѣточки обладаютъ значительною самостоятельностью, ибо, будучи изолированными, могутъ жить свободно и размножаться, причемъ содержимое ихъ всегда одинаковымъ образомъ дѣлится на четыре новыя клѣточки (тетрады) и переходитъ въ особое состояніе, такъ-наз. Palmella. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что эти зеленыя клѣточки суть водоросли, вросшія въ ткани животнаго и тамъ размножившіяся. Сначала признали въ нихъ самостоятельную форму водорослей, получившую названіе *Philozoon* или *Zoochlorella*. Но затѣмъ оказалось, что зеленыя клѣтки, напр. въ тѣлѣ губокъ, суть фазы развитія многихъ различныхъ водорослей, каковы: Palmella spongiarum, Oscillaria spongeliae, Scytonema, Hypheotrix coerulea, Polysiphonia, Callithamnium membranaceum, Thamnoclonium flabelliforme и многихъ другихъ. Относительно клѣтокъ содержащихъ въ себѣ желтое видоизмѣненіе хлорофилла, и также очень часто встрѣчающихся въ тканяхъ различныхъ водяныхъ животныхъ, полагаютъ нынѣ, что онѣ суть не что иное, какъ перешедшія въ состояніе покоя споры обыкновенныхъ морскихъ водорослей изъ группы *Melanophyceae*.

Живя въ различныхъ тканяхъ тѣла животныхъ, эти зеленыя и желтыя растительныя клѣтки не причиняютъ рѣшительно никакого вреда своимъ хозяевамъ. Въ этомъ мы имѣемъ возможность убѣждаться прямыми наблюденіями. Такъ въ яйцахъ нашей обыкновенной зеленой гидры почти всегда присутствуютъ въ большомъ числѣ зеленыя клѣтки водорослей, иногда совершенно наполняя протоплазму яйца. А между тѣмъ это нисколько не мѣшаетъ такимъ яйцамъ совершенно правильно развиваться и производить новое существо вполнѣ способное къ самостоятельной жизни. Даже болѣе. Живя внутри тканей водяныхъ животныхъ, эти водоросли приносятъ имъ весьма большую пользу. Изслѣдованія показали, что въ воздухѣ выдѣляемомъ животными, ткани которыхъ заключаютъ въ себѣ множество зеленыхъ клѣтокъ, содержится очень много кислорода, иногда даже до 38% (у актиній). Этотъ кислородъ выдѣляется зелеными водорослями, притомъ въ столь значительномъ количествѣ, что лишь часть его потребляется обитаемыми животными тканями, другая же часть выдѣляется, какъ мы видѣли, наружу. Кромѣ того, эти водоросли полезны своему хозяину тѣмъ, что уже прямо въ тканяхъ его поглощаютъ и перерабатываютъ образуемую послѣдними углекислоту, и въ то же время приготовляютъ крахмалъ и другія вещества, могущія служить для питанія обитаемаго животнаго. Такое присутствіе водорослей, которыхъ мы можемъ разсматривать какъ маленькіе заводы для приготовленія кислорода, въ тканяхъ животныхъ, имѣетъ особенно полезное значеніе для животныхъ водяныхъ и преимущественно морскихъ, обитающихъ на такой глубинѣ, гдѣ проникновеніе атмосфернаго кислорода является весьма затрудненнымъ и обмѣнъ его вообще очень замедленнымъ. Жизнь животныхъ въ морѣ на нѣкоторой глубинѣ его стала бы совершенно невозможною, еслибы эти животныя не были одарены способностью устраивать въ своемъ тѣлѣ, во всѣхъ почти тканяхъ его, помянутыя многочисленныя фабрики кислорода, съ большимъ избыткомъ фабрикующія этотъ нужнѣйшій жизненный эликсиръ. Этихъ словъ достаточно, чтобы выяснить ту значительную пользу, которую приносятъ нѣкоторымъ животнымъ гостящія въ тѣлѣ ихъ водоросли. Послѣднія же пользуются за свою услугу тою угольною кислотою, которая происходитъ въ окружающихъ тканяхъ, и минеральными солями ихъ соковъ, на счетъ которыхъ онѣ ростутъ и множатся.

Между растительными организмами найдены примѣры еще болѣе тѣснаго соединенія чѣмъ только что описанныя. Такъ установлено, что на корняхъ дуба, бука, каштана, вовсе нѣтъ волосковъ и что корни этихъ деревьевъ, также какъ и корни лѣснаго орѣшника (лещины), всегда покрыты толстымъ слоемъ грибныхъ нитей, отъ котораго отходятъ во всѣ стороны ниточки, такъ что лѣсная почва пронизана цѣлою сѣтью послѣднихъ. Эти грибныя нити доставляютъ корнямъ дерева влагу и минеральныя вещества изъ почвы, взамѣнъ которыхъ получаютъ изъ соковъ дерева необходимыя имъ питательныя вещества. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, грибки и дерево настолько согласовали свои взаимныя отношенія, что представляются какъ бы частями одного сложнаго организма.

4. Послѣдняя форма пищедобыванія въ животномъ царствѣ есть *паразитизмъ*. Сущность его состоитъ въ томъ, что нѣкоторое животное поселяется внутри или на поверхности тѣла другаго животнаго или растенія, но не для того чтобы принести своимъ хозяевамъ нѣкоторую пользу, какъ въ предшедшихъ случаяхъ, а для того чтобы питаться частями тѣла или его соками, обусловливая этимъ возникновеніе болѣзней, нерѣдко приводящихъ къ смерти существа пораженнаго паразитами.

Паразитизмъ есть весьма распространенная форма пищедобыванія въ животномъ царствѣ, и мы знаемъ паразитовъ во всѣхъ типахъ его, за исключеніемъ лишь позвоночныхъ. Паразитируютъ либо оба пола, либо только одни самки. Послѣднее мы наблюдаемъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ (Stylops, Pulex penetrans) и у многихъ раковъ (напр. Phronima, Cryptoniscus и др.). Никогда не бываетъ такъ, чтобы паразитировали только самцы, а самки вели свободную жизнь. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что самки, развивающія въ себѣ значительное количество яичекъ, нуждаются въ большемъ количествѣ пищи, и требуютъ болѣе обезпеченнаго и правильнаго притока ея, что вполнѣ и достигается при паразитизмѣ, при которомъ онѣ буквально тонутъ въ нужной имъ пищѣ. Одни паразиты, какъ напр. глисты, живутъ внутри тѣла обитаемаго ими животнаго; другіе (напр. клещи, рачки)—на наружной поверхности тѣла послѣдняго. Первые называются энтопаразитами, вторые—эктопаразитами.

Гораздо сильнѣе чѣмъ комменсализмъ, паразитизмъ отражается на внѣшней формѣ и внутреннемъ строеніи тѣла животныхъ, этимъ способомъ добывающихъ себѣ пропитаніе. Такъ у эктопаразитныхъ червей появляются особые крючки и присоски для лучшаго прикрѣпленія къ кожѣ или жабрамъ обитаемыхъ ими рыбъ; у нѣкоторыхъ эктопаразитныхъ раковъ развиваются особые корневидные отростки, вростающіе внутрь тѣла обитаемаго животнаго и служащіе какъ для прикрѣпленія паразита, такъ и для питанія. Но не только такимъ образомъ, т. е. появленіемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ снарядовъ, отражается паразитизмъ на животномъ. Очень часто вліяніе его простирается гораздо глубже, обусловливая болѣе или менѣе значительное упрощеніе всего организма паразита. Живя въ тѣлѣ другаго животнаго, окруженный со всѣхъ сторонъ въ избыткѣ притекающей къ нему пищей и находя себѣ здѣсь защиту отъ враговъ, паразитъ не нуждается во множествѣ органовъ, необходимыхъ для животнаго свободно живущаго. Конечности, органы чувствъ и много другихъ совершенно не нужны для существа всю жизнь свою неподвижно проводящаго напр. въ кишкѣ или въ общей полости тѣла другаго животнаго. Поэтому мы знаемъ множество паразитовъ которыхъ организація представляется чрезвычайно простою, сравнительно съ родственными животными, не ведущими паразитный образъ жизни. Такъ глисты не только лишены внѣшнихъ придатковъ для движенія и органовъ чувствъ, но даже не имѣютъ вовсе ни кишечнаго канала, ни кровеносныхъ сосудовъ, такъ какъ пластинчатое тѣло ихъ, со всѣхъ сторонъ омываемое уже переваренною пищею, можетъ черпать изъ послѣдней нужныя ему вещества прямо всею поверхностью своею. Такъ нѣкоторые паразитные раки (Sacalina) имѣютъ видъ простаго пластинчатаго мѣшечка, содержащаго лишь органы размноженія и лишеннаго всякихъ наружныхъ органовъ, такъ что безъ знанія исторіи развитія этихъ существъ невозможно было-бы опредѣлить ихъ родственныя отношенія къ другимъ классамъ животныхъ.

Можно высказать какъ общее правило, что паразитизмъ наичаще ведетъ къ упрощенію организаціи животнаго, что особенно сильно выражается у энтопаразитовъ. Что такое упрощеніе организма паразита есть слѣдствіе именно его обезпеченнаго паразитнаго существованія, въ этомъ мы можемъ убѣдиться на фактахъ.

Въ брюшкѣ осы нерѣдко встрѣчаются слабыя паразитныя существа, въ видѣ удлиненныхъ мѣшечковъ съ маленькою пуговкообразною головкою на одномъ концѣ. Никакихъ внѣшнихъ органовъ эти паразиты не имѣютъ, и внутренняя ихъ организація представляется также весьма упрощенною. Эти паразиты называются *Stylops*, и принадлежатъ къ насѣкомымъ, въ чемъ легко убѣдиться, ибо изъ яичекъ ихъ образуются личинки, похожія на личинки другихъ насѣкомыхъ. Эти Stylops интересны для насъ здѣсь тѣмъ, что не всѣ особи имѣютъ форму такихъ простыхъ мѣшечковъ, какъ сейчасъ сказано; таковыми представляются только однѣ самки. Самцы-же чрезвычайно рѣзко отличаются отъ нихъ тѣмъ, что имѣютъ тѣло раздѣленное на обычныя въ тѣлѣ всякаго насѣкомаго области; головка ихъ вооружена членистыми усиками, ротовыми органами и снабжена глазами; на грудной области присутствуютъ двѣ пары крыльевъ и шесть правильно построенныхъ ногъ. Однимъ словомъ, эти самцы имѣютъ обычную внѣшнюю форму насѣкомаго и, глядя на нихъ, никто ни на минуту не усомнится въ томъ, что они должны быть относимы именно къ этому классу животныхъ. Чѣмъ-же объясняется такая громадная разница между самцомъ и самкою одного и того-же вида? Ближайшее знакомство съ образомъ жизни того и другаго даетъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Самка всегда живетъ паразитно, внутри другихъ животныхъ; самецъ всегда, подобно другимъ насѣкомымъ, ведетъ свободный образъ жизни, питаясь на цвѣтахъ пыльцею ихъ тычинокъ. Это позволяетъ сдѣлать заключеніе, что именно паразитизмъ является причиною упрощенія организма у самки Stylops. Многіе аналогичные примѣры позволяютъ обобщить этотъ частичный выводъ и утверждать, что паразитизмъ вліяетъ на животныхъ главнымъ образомъ деградируя ихъ.

Не только на самомъ паразитѣ такъ или иначе отражается избранный имъ способъ пищедобыванія, но также не остается онъ безъ вліянія и на существо обитаемое, на хозяина, который нерѣдко вырабатываетъ въ себѣ спеціальныя измѣненія, являющіяся какъ-бы внѣшнимъ выраженіемъ той реакціи, которая вызвана въ тѣлѣ его вліяніемъ поселившагося на немъ паразита. Я имѣю здѣсь въ виду не тѣ болѣзненные припадки, которыми сопровождается паразитизмъ, а тѣ внѣшнія измѣненія, какія нерѣдко появляются на наружной поверхности тѣла животнаго, обитаемаго паразитами. У животныхъ появленіе такихъ внѣшнихъ измѣненій подъ вліяніемъ паразитовъ бываетъ, правда, очень рѣдко. Я приведу здѣсь, напр., появленіе волдырей на спинѣ рогатаго скота при паразитизмѣ личинокъ оводовъ подъ кожею; я напомню, напр., появленіе характерныхъ костныхъ наростовъ на лицевыхъ костяхъ рогатаго скота, подъ вліяніемъ паразитизма особаго грибка (Acanthomyces). Но на растеніяхъ очень часто наблюдаются измѣненія, появленія характерныхъ наростовъ, подъ вліяніемъ паразитизма животныхъ. Я напомню всѣмъ извѣстные чернильные орѣшки на дубахъ. Они происходятъ такимъ образомъ. Самка орѣхотворки дѣлаетъ яйцекладомъ уколъ въ опредѣленномъ мѣстѣ дуба и кладетъ туда яички. Развивающіяся яички, питаясь тканями растенія, раздражаютъ эти ткани, вызываютъ усиленное размноженіе составляющихъ ихъ клѣточекъ, вслѣдствіе чего въ данномъ мѣстѣ появляется наростъ всегда одинаковой формы, такъ назыв. орѣшекъ. Такія образованія, какъ ихъ теперь называютъ: *цецидіи*, имѣютъ столь постоянный внѣшній видъ, что по формѣ ихъ, по расположенію на той или другой части извѣстнаго растенія, мы можемъ опредѣлить видъ насѣкомаго ихъ образовавшаго. Происхожденіе такихъ цецидій представляетъ явленіе въ высшей степени интересное, къ сожалѣнію, въ

настоящее время еще не совсѣмъ выясненное. Происходятъ цецидіи на растеніяхъ не только подъ вліяніемъ насѣкомыхъ, но еще нѣкоторыхъ другихъ животныхъ. Поэтому принято различать нѣсколько формъ ихъ, именно: Insectocecidiae, Acarocecidiae (происшедшія вслѣдствіе паразитизма клещей) и Helminthocecidiae (происшедшія подъ вліяніемъ паразитизма червей, родственныхъ, напр., трихинамъ).

Между разсмотрѣнными здѣсь четырьмя формами пищедобыванія въ животномъ царствѣ нѣтъ рѣзкихъ границъ. Онѣ связаны между собою постепенными переходами.

Къ рисункамъ.

Рыбачьи хижины на берегу Днѣпра у Кіева.

(Рис. на стр. 793).

Рыбная ловля на Днѣпрѣ, за исключеніемъ его низовьевъ и лимана, не составляетъ особаго промысла. Выловленная рыба потребляется и продается на мѣстѣ. Во время разливовъ рыба заходитъ въ заливы и рукава, образуемые теченіемъ почти по всему протяженію, и тамъ ловится съ ранней весны до поздней осени. Но особенно много ея попадается во время половодья. Въ Кіевской губерніи, гдѣ дно рѣки песчано, на Днѣпрѣ особенно много отмелей, которыя перемѣняютъ свое положеніе, чѣмъ не мало затрудняютъ судоходство. Около такихъ-то отмелей обыкновенно и рыбачатъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ невзрачныя мазанки рыбаковъ, занимающихся рыбною ловлею подъ Кіевомъ.

Изъ города въ деревню.

(Рис. на стр. 796).

По дорогѣ изъ города въ деревню, въ негустомъ лѣсу, молодой парень, повидимому сидѣлецъ въ городской лавкѣ или прислуживающій въ трактирѣ, нагналъ трехъ попутчицъ. „Балуясь“ папироской, онъ ведетъ съ ними бесѣду. Его вниманіе особенно обращаетъ на себя миловидная дѣвушка, одѣтая также по городскому. Веселыя шутки и росказни краснобая парня видно не совсѣмъ пришлись по вкусу красавицѣ и она замахнулась на навязчиваго любезника, полусердито глядя на него.

Эта полная движенія и жизненной правды сценка принадлежитъ кисти извѣстнаго баталиста и даровитаго рисовальщика бытовыхъ сценъ Николая Дмитріевича Дмитріева-Оренбургскаго.

Іоаннъ Грозный, пишущій отвѣтное посланіе Курбскому. (Рис. на стр. 797).

Въ комнатѣ, освѣщенной утренними лучами солнца, за столомъ, поставленнымъ въ опочивальнѣ около царскаго ложа, сидитъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный и пишетъ отвѣтъ на „укоризненное посланіе“ своего измѣнника, бѣжавшаго въ Литву князя Андрея Курбскаго. Царь видимо взволнованъ: онъ обдумываетъ и взвѣшиваетъ каждое слово своего письма... Онъ безпрестанно проводитъ рукою по своему высокому челу, которое уже успѣли избороздить суровыя морщины преждевременно наступившей старости.... Скуфейка, которою всѣ русскіе знатные люди прикрывали въ XVI в. голову даже и въ домѣ, слегка шевелится при движеніи этихъ морщинъ и взмахѣ грозныхъ бровей... Все вниманіе царя поглощено тѣмъ отвѣтомъ Курбскому, который разростается все болѣе и обращается въ объемистую книгу. Царь Іоаннъ Грозный, одинъ изъ самыхъ начитанныхъ людей своего времени, знаетъ, что пишетъ къ человѣку, который, при всей низости своего характера, принадлежалъ къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени—къ кружку людей, воспитанныхъ въ древней Руси знаменитымъ Максимомъ Грекомъ. Царь превосходно знаетъ Священное Писаніе, онъ свѣдущъ и въ лѣтописяхъ русскихъ, но онъ понимаетъ, что и ему не легко тягаться въ просвѣщеніи и образованности съ Курбскимъ, который знакомъ и съ древними языками, и съ польскою литературою; который постоянно укоряетъ и стыдитъ въ своихъ письмахъ Іоанна за грубость его выраженій, за непослѣдовательность его выводовъ и неискусный оборотъ рѣчи. Царь Грозный, передъ которымъ трепещетъ все Московское государство, пишетъ къ своему подданному, къ измѣннику и бѣглецу за рубежъ Русской земли, и выбираетъ выраженія, и взвѣшиваетъ слова, и боится уронить передъ врагомъ свое достоинство не съумѣвъ защититься отъ его нападокъ.

Вотъ сюжетъ картины, взятый молодымъ и талантливымъ художникомъ изъ того царствованія, которое уже послужило бо-

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ. Статуя работы академика Опекушина, отлитая на заводѣ Морана въ СПБ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

гатою канвою для столькихъ живописцевъ, поэтовъ и драматурговъ русскихъ. Замѣтимъ въ заключеніе, что Курбскій бѣжалъ въ Литву въ 1564 году, и что переписка его съ Іоанномъ длилась нѣсколько лѣтъ. Письма Іоанна носятъ на себѣ величавый отпечатокъ государственной мудрости и сознанія своей правоты—и какъ мелка въ сравненіи съ ними казуистика Курбскаго!

Вѣночекъ. (Рис. на стр. 801).

Малютка-дѣвочка неумѣлыми пальчиками сплела себѣ коекакъ вѣнокъ и, надѣвъ его на голову, кажется сама миловиднымъ полевымъ цвѣточкомъ. Непослушныя пряди волосъ спускаются по смуглой щечкѣ, а лукавые глазки задумчиво смотрятъ изъ-подъ ленты полевыхъ цвѣтовъ.

Дачный сезонъ. (Рис. на стр. 804).

Изящная картинка дюссельдорфскаго художника, Г. Маркса, изображаетъ весьма обыкновенную сценку приморской вилледжіатуры. Въ обычный часъ прогулки въ экипажахъ и верхомъ, у подъѣзда одной изъ дачъ встрѣчаются дама въ щегольскомъ фаэтонѣ и амазонка со своимъ кавалеромъ. Въ исполненіи рисунка замѣчательна бойкость, съ которою переданъ галопъ верховыхъ лошадей, въ тотъ моментъ, когда всѣ четыре ноги на воздухѣ.

Лѣтній день. (Рис. на стр. 805).

Далеко раскинулась зеркальная поверхность озера. До самаго небосклона играетъ оно золотыми нитями, подъ яркими лучами солнца. А въ тѣнистомъ заливѣ тихо и прохладно. Прибрежные кусты и деревья отразились въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, и кажется, что подъ водою растетъ другой зеленый и прекрасный лѣсъ. Деревенскія дѣти давно уже излюбили эту бухточку и съ наслажденіемъ купаются въ ней въ лѣтніе жары. Безбоязненно плещутся они на золотомъ пескѣ неглубокаго озера. Только одинъ мальчуганъ боязливо, но съ завистью, смотритъ на своихъ маленькихъ друзей и, несмотря на уговоры матери и приглашенія другихъ дѣтей, не рѣшается послѣдовать ихъ примѣру.

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.

(Рис. на стр. 809).

Какъ извѣстно читателямъ *Нивы*, въ Пятигорскѣ готовятся къ постановкѣ памятника величайшему послѣ Пушкина русскому поэту, на гранитной скалѣ, изъ восьми громадныхъ глыбъ. Что касается самой статуи, она исполнена авторомъ Пушкинскаго памятника (въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ), академикомъ Опекушинымъ, который окончилъ ея лѣпку еще въ апрѣлѣ. Затѣмъ статуя отливалась на заводѣ Морана въ СПБ. и въ началѣ іюля была уже совсѣмъ готовая выставлена на дворѣ литейнаго заведенія. Она изображаетъ Лермонтова сидящимъ на обломкѣ скалы, въ задумчивой позѣ, склонивъ голову на правую руку. На немъ разстегнутый офицерскій сюртукъ и спущенная съ плечъ шинель. Взглядъ поэта устремленъ вдаль, на вершины Кавказскихъ горъ, панорама которыхъ открывается съ мѣста постановки памятника. Вышина статуи 3½ аршина. Гранитная, нетесанная скала, служащая пьедесталомъ, будетъ украшена отлитымъ изъ бронзы же рельефомъ лиры, перевитой лавровымъ вѣнкомъ, съ продѣтымъ въ него перомъ.

Открытіе памятника предполагается въ началѣ августа. На возможный вопросъ: почему памятникъ всероссійскому поэту поставленъ на такой дальней окраинѣ Россіи, лучше всего отвѣтятъ слѣдующія строки посвященія къ поэмѣ „*Демонъ*“:

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

Но и окончить жизнь суждено было поэту на Кавказѣ-же, почти на мѣстѣ постановки памятника. Какъ извѣстно, роковая дуэль, на которой палъ Лермонтовъ, происходила въ полутора верстахъ отъ Пятигорска, у подошвы горы Машука.

Е. Н. Андреевъ. (Портр. на стр. 812).

Русская наука понесла новую потерю. Близъ Парижа, въ СенъЖерменѣ (St.-Germain en Laye), вечеромъ 12 (24) іюля скончался главный коммисаръ русскаго отдѣла выставки, тайный совѣтникъ, членъ совѣта министерства Финансовъ, Евгеній Николаевичъ Андреевъ, бывшій профессоръ сельско-хозяйственной технологіи въ Земледѣльческомъ институтѣ, много поработавшій какъ ученый и какъ практикъ въ качествѣ предсѣдателя коммисіи по техническому образованію и въ качествѣ члена-учредителя Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Онъ родился въ Таганрогѣ, въ 1829 году, первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи, а высшее въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1849 году, по отдѣленію камеральныхъ наукъ. Черезъ два года назначенъ помощникомъ инспектора классовъ Петербургскаго технологическаго института, а въ 1857 году сдѣланъ испекторомъ классовъ. Прослуживъ здѣсь три года, онъ причислился затѣмъ къ Департаменту мануфактуръ и внутренней торговли, въ качествѣ технолога по акцизной части, при чемъ ему было поручено разсмотрѣть вопросъ о взиманіи акциза съ приготовляемаго у насъ свекло-сахарнаго песку. Передъ этимъ, въ 1856 г., Андреевъ ѣздилъ заграницу, командированный туда для осмотра техническихъ учебныхъ заведеній и для приготовленія къ занятію каѳедры въ технологическомъ институтѣ. Заграницей онъ много работалъ, занимался между прочимъ, и у Бунзена, въ Гейдельбергѣ, гдѣ въ его лабораторіи произвелъ изслѣдованіе „Объ удѣльномъ вѣсѣ и расширеніи нѣкоторыхъ сгущенныхъ газовъ“, которое привело къ выводу, что жидкости, при извѣстной температурѣ, выше точки кипѣнія, расширяются сильнѣе газовъ. Этимъ подтвердилось замѣчаніе Тилорье о сильномъ расширеніи углекислоты и возведено на степень общаго закона. Результатомъ заграничной поѣздки Андреева было также нѣсколько статей спеціальнаго содержанія и составленный имъ планъ преподаванія въ технологическомъ институтѣ, который потомъ, съ дополненіями, былъ принятъ въ основаніе предположенныхъ въ этомъ заведеніи преобразованій. Освободившись отъ службы въ институтѣ, Андреевъ достаточно потрудился надъ переработкой „Курса химической технологіи“ профессора П. А. Ильенкова, совершенно устарѣвшей, и за это удостоился лестныхъ отзывовъ академиковъ нашихъ Фрицше и Зинина, какъ редакторъ руководства, получившаго въ 1862 г. малую Демидовскую премію. Въ это же время онъ дѣлалъ частыя поѣздки по заводамъ, изучая вопросъ о свекло-сахарной промышленности въ отечествѣ. Радѣя о распространеніи въ Россіи прикладныхъ знаній, онъ еще въ 1860 г. задумалъ основать общество технологовъ, но встрѣтилъ много затрудненій и осуществилъ свой планъ лишь въ 1864 году, сдѣлавшись однимъ изъ учредителей Русскаго техническаго общества и первымъ секретаремъ его и навсегда связавъ неразрывно свое имя съ исторіей этого учрежденія, для котораго онъ сдѣлалъ все, что могъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1862 г. онъ принялъ на себя редакцію техническаго отдѣла въ журналѣ *Русскій Ремесленникъ*, а потомъ три года (1864—1866) редижировалъ *Журналъ Мануфактуръ и Торговли*, гдѣ помѣстилъ много цѣнныхъ статей и замѣтокъ. Съ 1863 по 1878 г. онъ занималъ каѳедру сельско-хозяйственной технологіи въ Лѣсномъ институтѣ, и затѣмъ много потрудился въ должности предсѣдателя коммисіи для разработки вопроса о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи, учрежденной въ 1879 г. И. Вольно-Экономич. Обществомъ; кромѣ того, онъ былъ въ числѣ иниціаторовъ желѣзнодорожныхъ школъ и представилъ нѣсколько проектовъ по техническому образованію и объ упорядоченіи труда малолѣтнихъ на фабрикахъ, именно объ ограниченіи работы дѣтей. Болѣе всего трудился онъ въ коммисіи по техническому образованію, и дѣятельность его здѣсь главнымъ образомъ состояла въ организаціи и администраціи школъ для взрослыхъ фабричныхъ и ихъ дѣтей, причемъ онъ желалъ поднять нравственный и умственный уровень рабочихъ, и заботился о научно-практической подготовкѣ мастеровъ или второстепенныхъ техниковъ. Обозрѣвая фабрики и заводы, русскіе и заграничные, Андреевъ постоянно наталкивался на факты истощенія дѣтей работою и сталъ серьезно заботиться объ ограниченіи у насъ труда малолѣтнихъ. Съ этой цѣлью онъ, при содѣйствіи профессора Янсона, составилъ докладъ и проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ—и проектъ этотъ, одобренный общимъ собраніемъ членовъ техническаго общества, въ 1874 году былъ представленъ на усмотрѣніе правительства. Черезъ десять лѣтъ онъ выпустилъ объемистое сочиненіе, посвященное разработкѣ того-же вопроса, подъ заглавіемъ „Трудъ малолѣтнихъ въ Россіи и въ Европѣ“, обратившее на себя вниманіе спеціалистовъ, административныхъ сферъ и всѣхъ образованныхъ людей. Много времени и труда Андреевъ посвятилъ изслѣдованію у насъ кустарной промышленности, горячо отдавшись этому дѣлу еще съ начала семидесятыхъ годовъ, особенно когда при Департаментѣ торговли и мануфактуръ была учреждена коммисія по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи, въ кото-

рой онъ былъ главнымъ и усерднѣйшимъ дѣятелемъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Благодаря ему и трудамъ коммисіи, выяснилось огромное значеніе этой промышленности для отечества нашего, и на нее обратили серьезное вниманіе и правительство, и земство, и иныя учрежденія. Андреевъ читалъ о кустарной промышленности публичныя лекціи, путемъ долгаго труда составилъ прекрасное собраніе образцовъ кустарныхъ издѣлій, печаталъ по этому предмету брошюры. Съ закрытіемъ названной коммисіи, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ, Андреевъ настоялъ на учрежденіи отдѣла (V-го) кустарной и ремесленной промышленности при Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговли, и, будучи избранъ предсѣдателемъ этого отдѣла, выказалъ не мало усердія при исполненіи своей обязанности. Андреевъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ выставкахъ отечественныхъ и заграничныхъ, устраивая на нихъ русскіе отдѣлы, первый способствовалъ возникновенію у насъ выставокъ женскихъ изящныхъ издѣлій, участвовалъ и въ международныхъ конгрессахъ: статистическомъ въ Петербургѣ и гигіеническомъ въ Брюсселѣ. Множество статей разнаго содержанія, принадлежащихъ перу Андреева, разсѣяно по нашимъ періодическимъ изданіямъ. Онъ состоялъ также членомъ общества улучшенія народнаго труда и другихъ подобныхъ учрежденій. Удивительное трудолюбіе, энергія, настойчивость, горячая преданность дѣлу, за которое онъ брался, честность и безкорыстіе были отличительными качествами этого въ высшей степени полезнаго дѣятеля и прекраснаго человѣка.

П. Б—овъ.

Робертъ Гамерлингъ. (Порт. на стр. 812).

Скончавшійся 1 (13) іюля въ Грацѣ, нѣмецкій писатель Робертъ Гамерлингъ занималъ первое мѣсто въ ряду представителей современной нѣмецкой поэзіи, нынѣ весьма бѣдной талантами. Какъ лирическій поэтъ, онъ еще въ одномъ изъ первыхъ сборниковъ своихъ пѣсенъ „Мысли и любовь“ („Sinnen und Minnen“) обнаружилъ много чувства, искренности, удивительное благородство мысли и большое мастерство внѣшней отдѣлки. Его лирическія пьесы всегда содержательны, отличаются разнообразіемъ мотивовъ, обиліемъ образовъ, ясныхъ и смѣлыхъ, нерѣдко глубоки по мысли и носятъ характеръ полной объективности. Ихъ возвышенный тонъ порою напоминаетъ поэзію Шиллера, хотя въ стихотвореніяхъ Гамерлинга нѣтъ и тѣни подражанія кому бы то ни было; онъ поэтъ вполнѣ оригинальный и имѣетъ крайне своеобразную литературную физіономію, вслѣдствіе которой онъ стоитъ почти особнякомъ въ нѣмецкой поэзіи. Гамерлинга можно упрекнуть въ нѣкоторой мрачности красокъ, проскальзывающей у него, впрочемъ, довольно рѣдко и являющейся слѣдствіемъ того пессимистическаго настроенія мысли, которое явилось и у него, и у другихъ нѣмецкихъ поэтовъ новѣйшаго времени подъ вліяніемъ доктринъ Шопенгауэра, возобновившаго старыя буддистскія идеи міровой скорби и міроваго отрицанія, и Эдуарда Гартмана, развившаго и дополнившаго міросозерцаніе своего предшественника. Гамерлингъ, впрочемъ, хотя и поставилъ нѣсколько скептическихъ вопросовъ, напримѣръ, въ собраніи своихъ стиховъ „Лебединая пѣснь романтизма“ и далъ на нихъ отвѣты съ пессимистическимъ оттѣнкомъ, но тѣмъ не менѣе онъ не разрушаетъ вѣры въ идеалъ. Онъ, напротивъ, полонъ вѣры въ идеалы и всегда старается провести свѣтлый взглядъ на земное назначеніе человѣка; въ „Пѣсняхъ изъ Венеціи“, въ сборникахъ „Венера въ изгнаніи“, „Мысли и любовь“, „Лебединая пѣснь романтизма“ и въ другихъ, онъ, воспѣвая красоты природы, рисуя прелести и чудеса Венеціи или восточнаго и греческаго міра, — вездѣ выдвигаетъ такую мысль, что могущество человѣка, объемлющаго своимъ умомъ и всю красу природы и искусства, этимъ самымъ становится выше ихъ. Еще ярче, еще рельефнѣе выразился талантъ Гамерлинга въ его эпическихъ произведеніяхъ, изобилующихъ рядомъ замѣчательныхъ картинъ, грандіозныхъ образовъ и проникнутыхъ могучею фантазіей, силою которой поэтъ необыкновенно живо олицетворяетъ передъ читателями то языческій Римъ временъ Нерона, съ его баснословно-роскошными пирами, сценами гибели христіанскихъ мучениковъ, ради потѣхи травленыхъ звѣрями, сценами неистовыхъ оргій, то во всей оригинальной ея обстановкѣ интересную личность „пророка“, короля анабаптистовъ, то мистическій міръ борьбы духовъ ночи съ свѣтлыми духами, то наконецъ войну херусковъ съ римлянами. Такихъ эпическихъ произведеній у Гамерлинга — пять, это поэмы „Агасѳеръ въ Римѣ“, „Сіонскій царь“, „Аспазія“, „Семь смертныхъ грѣховъ“ и драматическія сцены „Тевтъ“; всѣ онѣ весьма серьезны по мысли, прекрасны по исполненію и производятъ сильное впечатлѣніе, особенно поэмы „Агасѳеръ въ Римѣ“, и „Сіонскій царь“, въ которыхъ авторъ обнаружилъ много вкуса, большія знанія, выказалъ ослѣпительно-яркую, иногда слишкомъ даже роскошную живопись. Личность Агасѳера, по имени котораго названа поэма, изображаетъ не „вѣчнаго жида“, какъ это можно было предположить, а перваго убійцу, Каина, пощаженнаго смертью въ награду за то, что онъ первый внесъ въ міръ ея царствованіе; онъ имѣетъ съ „вѣчнымъ жидомъ“ общаго лишь одно пламенное желаніе умереть, чѣмъ и противопоставленъ въ поэмѣ Нерону, жаждущему испить всю чашу наслажденій, ненасытному въ отыскиваніи новыхъ утѣхъ жизни. Благодаря такому сопоставленію, авторъ проводитъ очень искусно параллель между этими двумя діаметрально противоположными характерами. Нерона онъ рисуетъ не по рутинѣ, т. е. не только мучителемъ, себялюбцемъ, развратникомъ, но и весьма умнымъ, развитымъ человѣкомъ, который презираетъ ничтожную, раболѣпствующую передъ тираномъ толпу и понимаетъ, что съ подобными низменными личностями можно не церемониться. Поэма „Агасѳеръ въ Римѣ“ прославила имя автора и въ Германіи, и за предѣлами ея; она превосходно переведена на русскій языкъ покойнымъ поэтомъ Ѳ. Б. Миллеромъ, въ числѣ другихъ его поэмъ и лирическихъ пьесъ, которыя переводились также Вейнбергомъ, Плещеевымъ, Якубовичемъ. Не ниже по достоинству должна быть поставлена и другая большая поэма Гамерлинга „Семь смертныхъ грѣховъ“, гдѣ онъ остается вполнѣ вѣренъ своимъ прекраснымъ творческимъ пріемамъ и переноситъ читателя въ фантастическій міръ борьбы мрака со свѣтомъ, въ царство страстей и пороковъ, легендарно олицетворяемыхъ въ видѣ зла. Дѣйствующими лицами являются здѣсь „высшіе духи ночи“, старающіеся другъ передъ другомъ щегольнуть своей работой въ дѣлѣ разрушенія міра, опустошенія земли, сперва являющіеся побѣдителями, а потомъ уступающими силѣ духовъ свѣта. Эту поэму, которую въ Германіи встрѣтили восторженно, лучшіе, солидные критики признали весьма выдающимся произведеніемъ, многіе отрывки котораго напоминаютъ самыя удачныя мѣста произведеній Байрона. Далеко не такъ встрѣчена была драматическая сатира Гамерлинга „Тевтъ“, въ которой выведена борьба херусковъ съ римлянами. Соотечественники увидѣли въ ней ясный намекъ на франко-прусскую войну и хорошо поняли, что поэтъ, не зараженный духомъ милитаризма, въ этой очень остроумной и злой сатирѣ, тонко насмѣхается надъ пресловутымъ германскимъ единствомъ, надъ нѣкоторыми несимпатичными чертами своихъ соотечественниковъ. Гамерлингъ скончался далеко не старымъ человѣкомъ. Онъ родился въ мѣстечкѣ Кирхбергъ, въ Нижней Австріи, на границѣ Чехіи, 24 марта 1830 года. Научась съ грѣхомъ пополамъ грамотѣ, онъ поступилъ пѣвчимъ хора въ цистеріанскій монастырь Цветель. Его родители, по происхожденію австрійцы, были очень бѣдны и не могли дать сыну сколько-нибудь сноснаго образованія, если бы не подоспѣла помощь посторонныхъ добрыхъ людей. Благодаря имъ, Гамерлингъ помѣщенъ былъ въ вѣнскую гимназію, гдѣ уже и обнаружилъ проблески поэтическаго дарованія. Окончивъ высшее образованіе на медицинскомъ факультетѣ въ Вѣнѣ, онъ былъ учителемъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Грацѣ и Тріестѣ, но въ 1866 году, вслѣдствіе болѣзни, оставилъ педагогическую дѣятельность и, получивъ небольшую пенсію и денежный подарокъ отъ одной изъ большихъ поклонницъ своего таланта, поселился въ Грацѣ, гдѣ, весь отдавшись поэтической дѣятельности, прожилъ безбѣдно до самой смерти. Еще при жизни Гамерлинга, ему былъ поставленъ, 23 іюля 1883 г., монументъ на Союзной горѣ (Vereinsberg) близъ Шремса.

П. Быковъ.

Ангкорская пагода. (Рис. на стр. 813).

Особенное вниманіе на всемірной парижской выставкѣ обращаетъ на себя точное воспроизведеніе ангкорской пагоды. Подъ именемъ Ангкора или Онгкора извѣстны замѣчательныя развалины въ индо-китайскомъ государствѣ Камбоджѣ, близъ границы съ Сіамомъ, къ сѣверу отъ города Симрипа. Изъ нихъ славится храмъ Наконъ-Фатъ со множествомъ надписей, рельефовъ и статуй. Одну изъ пагодъ этихъ развалинъ, куда до сихъ поръ стекаются буддійскіе паломники, и воспроизвелъ до мелочей архитекторъ Фабръ насупротивъ деревни съ Зандскихъ острововъ на эспланадѣ Инвалидовъ въ Парижѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 22 іюля, въ высокоторжественный день Тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, въ Петергофѣ происходилъ малый выходъ въ церковь большаго Петровскаго Дворца.

Къ двумъ часамъ дня, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе и другія Особы Императорской Фамиліи отправились, привѣтствуемые на пути кликами „ура“, на пароходную пристань въ военной гавани, для встрѣчи Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и Его Супруги Е. И. Выс. Великой Княгини Анастасіи Михаиловны.

Ихъ Высочества Великіе Герцогъ и Герцогиня Мекленбургъ-Шверинскіе прибыли изъ-за границы на Имп. яхтѣ „Держава“ и въ Кронштадтѣ перешли на Имп. яхту „Александрія“. Стоящая на петергофскомъ рейдѣ яхта „Царевна“ отсалютовала „Александріи“.

Когда яхта подошла къ пристани, караулъ отдалъ честь. Музыка заиграла полковой

маршъ. Ихъ Величества радушно привѣтствовали Высокихъ Гостей; затѣмъ подъ звуки германскаго гимна, Великій Герцогъ, въ сопровожденіи Его Величества, прошелъ по фронту почетнаго караула и по-русски поздоровался съ нимъ. Со станціи Ихъ Величества и Высокіе Гости прослѣдовали въ экипажахъ въ Александрію, откуда Герцогъ и Герцогиня Мекленбургъ-Шверинскіе отбыли въ Михайловское, имѣніе Вел. Кн. Михаила Николаевича.

Въ половинѣ девятаго часа вечера, состоялся Императорскій фамильный обѣдъ на 38 особъ, во время котораго игралъ оркестръ придворнаго музыкантскаго хора. Толпы народа стояли передъ Дворцомъ, привѣтствуя каждое появленіе Ихъ Величествъ у оконъ восторженнымъ „ура“.

Въ это время, въ Нижнемъ паркѣ начали зажигать иллюминацію, и къ окончанію обѣда весь Нижній паркъ уже сіялъ тысячами огней. Особенно эффектно были убраны Самсоніевскій каналъ, противъ Дворца, и Монплезиръ.

Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи катались въ открытыхъ коляскахъ въ аллеяхъ парка, гдѣ двигались десятки тысячъ народа, восторженно привѣтствовавшаго Ихъ Величествъ. Августѣйшія Особы пили чай въ Монплезирѣ, причемъ игралъ духовой оркестръ придворнаго музыкантскаго хора, и съ площадки смотрѣли на блестящій фейерверкъ, спущенный на взморьѣ съ судовъ.

— 26 іюля, въ 3 часа дня, въ Петергофѣ, въ Большомъ Дворцѣ, согласно церемоніалу, состоялось бракосочетаніе Е. И. В. Вел. Кн. Петра Николаевича съ Ея Свѣтлостью Княжною Черногорскою Милицею Николаевною. Вѣнчаніе совершалъ духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, благодарственное молебствіе служилъ высокопреосвященный митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Исидоръ, съ членами Святѣйшаго Синода и придворнымъ духовенствомъ. Шаферами были: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Наслѣдникъ Черногорскій Князь Даніилъ, И. И. В. Вел. Князья Сергѣй Михаиловичъ, Александръ Михаиловичъ, Дмитрій Константиновичъ и Николай Николаевичъ Младшій.

На бракосочетаніи присутствовали и въ церемоніи шествія участвовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Королева Эллиновъ Ольга Константиновна, Владѣтельный Князь Черногорскій Николай, съ Наслѣднымъ Княземъ Даніиломъ, Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, съ Супругою, Е. И. В. Вел. Княгинею Анастасіею Михаиловною, Великою Герцогинею Мекленбургъ-Шверинскою, Герцогъ Эдинбургскій съ Супругою, Е. И. В. Вел. Княгинею Маріею Александровною, Герцогинею Эдинбургскою, и другія Особы Императорской Фамиліи. Высоконареченный Женихъ и Невѣста шли рядомъ. Въ числѣ Особъ Императорской Фамиліи шли также рядомъ помолвленные наканунѣ — Е. И. В. Князь Романовскій Герцогъ Лейхтенбергскій, Георгій Максимиліановичъ и Ея Свѣтлость Княжна Анастасія Черногорская. Шествіе началось въ 3 часа дня; вѣнчаніе окончилось въ 4 ч. Въ 5½ часовъ былъ обѣдъ въ залахъ Дворца и въ 8 часовъ вечера состоялся отъѣздъ Высоконовобрачныхъ въ село Знаменское.

Е. Н. Андреевъ († 12 Іюля 1889 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Робертъ Гамерлингъ († 1 (13) Іюля 1889 г.). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Правительственныя распоряженія.

— 7 іюля послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о нѣкоторомъ ограниченіи компетенціи суда присяжныхъ. Этимъ закономъ изъ числа дѣлъ, подвѣдомственныхъ составу суда съ присяжными, изъяты дѣла по нарушеніямъ, такъ-называемыхъ, „уставовъ казеннаго управленія“. Сюда относятся уставы: горный, соляной, таможенный, телеграфный, путей сообщенія и, наконецъ, кредитный. Равнымъ образомъ, изъемлются изъ компетенціи суда присяжныхъ дѣла о сопротивленіи властямъ, объ уничтоженіи казенныхъ печатей, объ оскорбленіяхъ должностныхъ лицъ, дѣла о печати и, наконецъ, двоеженство или двумужество.

Военное дѣло.

— Въ настоящее время въ войскахъ Красносельскаго лагернаго сбора испытывается новый шанцевый инструментъ и новые пріемы по самоокапыванію, оказавшіеся весьма практическими. Въ нѣсколько минутъ стрѣлокъ можетъ возвести для себя прикрытіе отъ непріятельскаго ружейнаго огня.

— Въ октябрѣ, при Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ состоятся, послѣдній разъ въ нынѣшнемъ году, испытанія для лицъ, поступающихъ въ войска вольноопредѣляющимися втораго разряда.

Народное просвѣщеніе.

— Предоставлено Министерству Народнаго Просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о закрытіи, въ теченіе трехъ лѣтъ, гимназій Императора Александра II въ м. Биркенруэ и Феллинской, съ прекращеніемъ, начиная съ будущаго $18^{89}/_{90}$ учебнаго года, пріема учениковъ въ эти заведенія и съ сохраненіемъ въ нихъ, впредь до закрытія, преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ.

— Новгородсѣверская женская прогимназія преобразуется въ гимназію съ открытіемъ при ней съ начала $18^{89}/_{90}$ учебнаго года 7-го класса.

Спортъ.

— 23 іюля, въ Царскомъ Селѣ, во время скачки съ препятствіями А. А. Левашовъ, скакавшій на „Миссъ-Мидели“, бар. И. Ѳ. Таубе, на барьерѣ упалъ, вслѣдствіе неудачнаго прыжка лошади. Ѣздокъ получилъ сильный ушибъ лѣвой половины лба и сотрясеніе мозга.

— 22 іюля въ Петергофъ прибыли изъ Павловска 9 велосипедистовъ, на велосипедахъ, и въ ночь отправились обратно.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Симбирска, отъ 21 іюля, телеграфируютъ, что 20 іюля въ сильную бурю вспыхнулъ пожаръ въ посадѣ Мелекесъ; сгорѣла лучшая часть посада.

— Изъ Ташкента, отъ 26 іюля, сообщаютъ что, какъ видно изъ опубликованныхъ свѣдѣній о наводненіи, убытокъ простирается свыше 360 тысячъ рублей, отъ погибшихъ шелковичныхъ червей убытокъ до 40 тысячъ рублей.

— 30 минувшаго іюня, въ 2 ч. 50 м. утра, въ Ташкентѣ ощущалось весьма продолжительное, хотя и довольно слабое землетрясеніе. Спавшіе крѣпкимъ, утреннимъ сномъ, конечно, его не замѣтили. Но тѣ, кто бодрствовалъ, ясно ощущали сотрясеніе земли, длившееся, по крайней мѣрѣ, минуты 2 или 3. Рамы въ окнахъ и посуда въ шкафахъ звенѣли, висячія лампы и лампадки качались. Никакихъ другихъ послѣдствій въ Ташкентѣ

землетрясеніе не имѣло, и многіе думали, что это весьма обыкновенное въ Средней Азіи мѣстное сотрясеніе земли. Но уже около 9 часовъ утра того же дня были получены въ Ташкентѣ, какъ сообщаютъ *Турк. Вѣд.*, телеграммы, извѣщавшія, что ощущавшееся въ Ташкентѣ землетрясеніе было только слабымъ отголоскомъ страшнаго несчастія, случившагося въ эту ночь на восточной окраинѣ средне-азіатскихъ владѣній, въ укр. Джаркентѣ, Семирѣченской области, на китайской границѣ, по дорогѣ въ Кульджу.

Политическое обозрѣніе.

Давно ожидаемая поѣздка Германскаго императора въ Англію совершилась. 20 іюля вечеромъ Вильгельмъ II прослѣдовалъ въ сопровожденіи десяти военныхъ судовъ мимо Дувра и на слѣдующій день прибылъ къ Портсмуту, а затѣмъ, согласно установленной программѣ, вечеромъ, въ Осборнъ. Принцъ и принцесса Вельскіе на яхтѣ „Osborne" встрѣтили яхту „Hohenzollern" въ началѣ шестаго часа. Германская эскадра произвела салютъ изъ орудій, на который отвѣчали орудія англійскаго флота. Затѣмъ яхта „Osborne" пошла впередъ въ Каузъ, за нею слѣдовала яхта „Hohenzollern", сопутствуемая сотнями пароходовъ, наполненныхъ зрителями, привѣтствовавшими императора. По приходѣ въ Каузъ принцъ Вельскій перешелъ на яхту „Hohenzollern" и сердечно привѣтствовалъ императора. Почетный караулъ отдалъ воинскія почести, послѣ чего императоръ вмѣстѣ съ принцемъ и принцессою Вельскими отправился въ открытомъ экипажѣ въ Каузъ, гдѣ былъ встрѣченъ у параднаго подъѣзда королевою, королевскою фамиліею и маркизомъ Солсбери.

Парижская всемірная выставка 1889 г. Ангкорская пагода. По рис. Р. І. грав. Флюгель.

Особенно замѣчательнымъ и удачнымъ вышелъ морской смотръ англійскому флоту на Спитгедскомъ рейдѣ. Отложенный въ виду дурной погоды съ субботы на 24 іюля, онъ прошелъ въ блистательномъ порядкѣ. Въ пятомъ часу пополудни пушечный салютъ съ береговыхъ батарей извѣстилъ, что императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи своего брата принца Генриха, а также принца и принцессы Вельскихъ, двухъ ихъ дочерей и герцога Кембриджскаго перешелъ на англійскую королевскую яхту „Викторія и Альбертъ", которая сейчасъ-же и двинулась. За королевскою яхтою слѣдовала германская императорская яхта „Гогенцоллернъ" и англійскія яхты, на которыхъ находились придворные чины, сановники, лордъ-мэръ и представители разныхъ корпорацій Лондона. Кортежъ объѣхалъ линіи украшенныхъ флагами англійскихъ военныхъ судовъ, на реяхъ которыхъ стояли матросы и привѣтствовали императора дружными криками „ура!" Императоръ, въ сопровожденіи англійскихъ принцевъ, осмотрѣлъ нѣсколько наиболѣе значительныхъ военныхъ судовъ, причемъ подробно ознакомился съ ихъ конструкціей. Объѣздъ окончился въ шестомъ часу, послѣ чего императору Вильгельму на королевской яхтѣ были представлены адмиралы и капитаны собравшагося на смотръ флота. Свое пребываніе въ Англіи императоръ Вильгельмъ рѣшилъ продлить до пятницы 28 іюля. 25 числа утромъ онъ присутствовалъ при выходѣ судовъ британскаго флота на морскіе маневры, а вечеромъ былъ на банкетѣ въ королевскомъ яхтъ-клубѣ въ Каузѣ. Принцъ Вельскій провозгласилъ на банкетѣ тостъ за здоровье Германскаго императора. На другой день императоръ отправился на маневры войскъ подъ Ольдершотскимъ лагеремъ. Лондонскія газеты привѣтствуютъ въ сочувственныхъ выраженіяхъ пріѣздъ въ Англію императора Вильгельма. Органъ маркиза Солсбери, *Standard*, объясняетъ визитъ отчасти родственными чувствами, отчасти желаніемъ императора ознакомиться de visu съ вооруженными силами Англіи. „Англія и Германія — говоритъ газета — не только связаны родственными узами ихъ царствующихъ домовъ, но и общими интересами, и противъ этого мелочная зависть извѣстныхъ лицъ обѣихъ національностей окажется безсильною. Визитъ императора усугубитъ, безспорно, крѣпость личныхъ, политическихъ и племенныхъ отношеній, существующихъ между обоими государствами". *Times* посвящаетъ Германскому императору сочувственную передовую статью, въ которой въ заключеніе говоритъ: „Существуютъ важныя причины противъ формальнаго присоединенія Англіи къ лигѣ среднеевропейскихъ державъ, но за то не существуетъ никакихъ препятствій проявить, что Англія, грозная сила которой обнаруживается нынѣ на Спитгедскомъ рейдѣ, симпатизируетъ цѣлямъ тѣхъ, кто искренно желаетъ сохраненія европейскаго мира."

Залогомъ сохраненія европейскаго мира, по словамъ маркиза Солсбери, произнесеннымъ на годичномъ обѣдѣ лондонскаго

лордъ-мэра въ честь министровъ въ Меншенгаузѣ,—служатъ колоссальныя военныя приготовленія въ Европѣ: они отбиваютъ въ государственныхъ людяхъ желаніе начать войну, которая для побѣжденной стороны можетъ завершиться уничтоженіемъ. Тѣмъ не менѣе, глава британскаго министерства вынужденъ былъ замѣтить, что миръ нарушенъ въ двухъ мѣстахъ, къ счастію, въ незначительныхъ размѣрахъ: въ Египтѣ, который дервиши собираются вновь атаковать, несмотря на удачное сопротивленіе англо-египетскихъ войскъ, и на Критѣ. Изъ послѣдняго мѣста постоянно получаются извѣстія очень тревожнаго свойства и положеніе вещей считаютъ чрезвычайно опаснымъ. *Агентству Рейтера* телеграфируютъ изъ Константинополя, что султанъ очень недоволенъ поведеніемъ критянъ и рѣшилъ подавить возстаніе оружіемъ, если дѣло до этого дойдетъ. По свѣдѣніямъ оттуда-же, полученнымъ изъ итальянскаго источника, Порта рѣшила провозгласить на островѣ Критѣ осадное положеніе.

Изъ Аѳинъ телеграфируютъ *Агентству Рейтера*, что греческое правительство разослало великимъ державамъ ноту, въ которой настоятельно предлагаетъ имъ посредничество въ дѣлѣ возстановленія порядка на островѣ Критѣ, выставляя на видъ, что въ противномъ случаѣ Греція вынуждена будетъ сама принять мѣры къ охранѣ греческихъ подданныхъ.

По поводу Критскаго возстанія *Journal de St.-Pétersbourg* пишетъ слѣдующее:

„Уже нѣсколько дней многочисленныя телеграммы сообщаютъ намъ о возникшихъ на островѣ Критѣ смутахъ и о мѣрахъ, которыя турецкое правительство сочло полезнымъ принять для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія ихъ. Что касается причинъ этого взрыва, то, насколько можно пока судить, онѣ имѣютъ исключительно мѣстный и административный характеръ. Но это не мѣшаетъ *Politische Correspondenz* и *Koelnische Zeitung* видѣть тамъ руку Россіи. Для этой державы, будто-бы, важно не допустить, чтобы его величество императоръ Германскій, отправляясь въ Аѳины для присутствованія на бракосочетаніи своей Августѣйшей сестры съ Греческимъ принцемъ, могъ осуществить приписываемый ему проектъ отправиться также въ Константинополь, такъ какъ этотъ визитъ могъ-бы имѣть результатомъ присоединеніе Блистательной Порты къ тройственному союзу. Для предупрежденія такой комбинаціи, стараются вызвать въ Портѣ и во дворцѣ опасеніе относительно затрудненій, могущихъ возникнуть вслѣдствіе пріема Вильгельма II въ Константинополѣ. Нѣкоторыя лица даже приводятъ эти усилія русской дипломатіи въ связь съ поощреніями, оказываемыми русскимъ консуломъ на островѣ Критѣ тамошнему движенію. Въ Петербургѣ дѣйствительно де надѣются, что если волненіе на островѣ Критѣ приметъ крупные размѣры, то императоръ Вильгельмъ II будетъ вынужденъ отказаться отъ поѣздки въ Грецію."

„Надо по истинѣ перечитать нѣсколько разъ столь дерзкія выходки для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что ихъ смѣютъ печатать серьезныя газеты. Прежде всего позволяютъ себѣ безъ всякихъ доказательствъ говорить о „поощреніяхъ, оказываемыхъ русскимъ консуломъ на островѣ Критѣ тамошнему движенію". Между тѣмъ ничего подобнаго не было. Мѣстныя власти воздали должную справедливость самому правильному образу дѣйствій представителя Россіи въ Канеѣ. Что касается слуха, утверждающаго, будто Критъ предполагается уступить Греціи и что Германія собирается хлопотать объ этомъ по случаю бракосочетанія Греческаго королевича, то если этотъ слухъ произвелъ ободряющее дѣйствіе на инсургентовъ, то наши собратья конечно согласятся съ тѣмъ, что онъ исходилъ не изъ Петербурга. И такъ макіавелическія намѣренія, приписываемыя Россіи въ этомъ случаѣ вѣнскою и кельнскою газетами, отличаются часто фантастическимъ характеромъ. Россія питаетъ слишкомъ глубокое и слишкомъ искреннее расположеніе къ Эллинскому народу для того, чтобы ея политика могла вызвать затрудненія и непріятности въ родѣ тѣхъ, которыя произошли бы отъ продленія волненій на островѣ Критѣ. Сверхъ того, Россія въ теченіе многихъ лѣтъ представляла доказательства своимъ образомъ дѣйствій, насколько она исполнена желанія содѣйствовать сохраненію спокойствія на Востокѣ. Вотъ почему мы болѣе не будемъ обращать вниманіе на нелѣпыя заявленія нашихъ австрійскихъ и германскихъ собратьевъ".

Во Франціи общій результатъ выборовъ по возобновленію генеральныхъ совѣтовъ, сообщенный въ совѣтѣ министровъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, показываетъ, что избрано 949 республиканцевъ и 489 консерваторовъ. Консерваторы пріобрѣли вновь 29 мѣстъ. Что касается до происковъ генерала Буланже, то брюссельская газета *Nord* констатируетъ полное фіаско буланжистовъ на земскихъ выборахъ, но при этомъ замѣчаетъ, что изъ результата послѣднихъ все-таки трудно вывести заключеніе о томъ, къ какимъ результатамъ приведутъ парламентскіе выборы.

Смѣсь.

Изъ жизни императора Николая въ одномъ изъ историческихъ изданій нашихъ напечатанъ интересный анекдотъ, записанный извѣстнымъ А. В. Никитенкой, профессоромъ и писателемъ. Въ одну изъ прогулокъ государя Николая Павловича передъ нимъ падаетъ на колѣни какой-то человѣкъ и проситъ у него правосудія, жалуясь на нѣкоего богатаго помѣщика, который занялъ у него восемь тысячъ рублей, составлявшихъ все его достояніе, и теперь не отдаетъ долга. А межь тѣмъ давшій эти деньги терпитъ со своей семьей крайнюю нужду. „Есть у тебя нужные документы?" спросилъ государь. „Есть ваше величество, вексель—и вотъ онъ..." Императоръ, удостовѣрясь въ законности документа, приказалъ отнести его къ маклеру и потребовать, чтобы тотъ сдѣлалъ на немъ надпись о передачѣ его Николаю Павловичу Романову. Проситель сдѣлалъ по приказанію, но маклеръ принялъ его за сумасшедшаго и отправилъ къ генералъ-губернатору. Послѣднему тѣмъ временемъ уже приказано было выдать заимодавцу всю сумму съ процентами, что и было имъ тутъ-же исполнено. Государь, получивъ вексель, протестовалъ его и на третій день тоже получилъ всю сумму съ процентами. Тогда онъ призвалъ къ себѣ должника, сдѣлалъ ему строгій выговоръ, а начальству внушеніе, чтобы оно впередъ не допускало подобныхъ послабленій и не менѣе скоро удовлетворяло законныя требованія его подданныхъ, какъ и его собственныя. (в.)

Экспромты Минаева. Умершій недавно поэтъ Минаевъ особенно отличался своими стихотворными экспромтами, которыми просто сыпалъ во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ. Однажды поспорилъ онъ со своимъ соперникомъ по части богатства риѳмъ въ стихахъ, Г. Н. Жулевымъ, тоже довольно остроумнымъ поэтомъ-юмористомъ,—поспорили, кто скорѣе подберетъ риѳму къ слову „окунь". Жулевъ долго возился надъ этимъ, но безуспѣшно. Какъ разъ въ это время они оба ѣздили верхомъ въ Юкки на чухонскихъ клячахъ и тамъ изрядно кутнули. На обратномъ пути Минаевъ всю дорогу острилъ и шутилъ, а Жулевъ „клевалъ носомъ". „Что, братъ, трудно дается риѳма? спрашивалъ его Минаевъ, — видно, со вчерашняго еще хмѣль въ головѣ." — „А что такое вчера было? я и забылъ", говоритъ Жулевъ.—„Ахъ, ты, Жулька, Жулька! дразнилъ его Минаевъ, — забылъ, что съ нами вчера было!.. Вспомни только—

Верхомъ мы ѣздили далеко
И всю дорогу шли конь-ò-конь,
Я говорливъ былъ какъ сорока,
А ты былъ нѣмъ, какъ окунь...

Академія Наукъ выдала Минаеву демидовскую премію за написанную имъ комедію въ стихахъ „Разоренное гнѣздо". Получивъ эти деньги и „вспрыснувъ" ихъ въ небольшомъ ресторанѣ на Владимірской улицѣ (гдѣ Минаевъ обыкновенно проводилъ всѣ свои досуги съ пріятелями), въ кругу товарищей-литераторовъ, Минаевъ вдругъ расхохотался и сказалъ экспромтъ:

Да, въ Академіи Наукъ
Плохи хозяева, ей-ей:
За „*Разоренное* гнѣздо"
Вдругъ дали мнѣ пятьсотъ рублей!..

Въ пору процвѣтанія оперетки на сценѣ Александринскаго театра, Минаевъ смотрѣлъ первое представленіе оперетки „Зеленый островъ", переведенной В. С. Курочкинымъ. Въ тотъ день онъ обѣдалъ у кого-то изъ пріятелей на Васильевскомъ Островѣ и оттуда поѣхалъ въ театръ. „Ну, какъ вамъ понравился „Зеленый Островъ?" спросили послѣ спектакля Минаева. Не долго думая, онъ отвѣтилъ:

Хоть не близка была дорога,
Но шелъ смотрѣть я пьесу съ Острова;
Скажу, *зеленаго* въ ней много,
Но очень, очень мало *остраго*. (в)

Жестокіе нравы. Къ одному изъ могилевскихъ адвокатовъ приходитъ благообразной наружности мужикъ съ просьбою защищать его на судѣ и, на вопросъ адвоката, какое онъ преступленіе совершилъ, разсказываетъ слѣдующее: Во время Масляницы повезъ онъ въ городъ на базаръ свинью съ семью поросятами. Дорогой попадается ему жидъ и проситъ его подвезти. Мужикъ беретъ его въ сани. Вдругъ откуда ни возьмись волки. Сталъ мужикъ гнать лошаденку... волки настигаютъ. Видитъ онъ—дѣло дрянь и сталъ бросать имъ по поросенку; пришлось отвязывать и свинью. А волки тѣмъ временемъ въ сани лѣзутъ... „Тутъ грѣхъ меня и попуталъ", говоритъ мужикъ, „взялъ я, да и спихнулъ волкамъ жида .. Пріѣхавъ домой сильно мучился, а потомъ и повинился властямъ". (в.)

Собачья солидарность. Различные отбросы и части больныхъ животныхъ, признанные негодными на кіевскихъ городскихъ бойняхъ, вывозятся въ одинъ изъ отроговъ Прозоровскаго оврага и тамъ закапываются. Для этого вырываются глубокія ямы въ аршинъ слишкомъ глубины и засыпаются землею. И вотъ что, по разсказу одной изъ мѣстныхъ газетъ, продѣлываютъ собаки. Онѣ собираются въ Прозоровскій оврагъ дружнымъ обществомъ и не ссорясь, „не прибѣгая къ безполезнымъ преніямъ", приступаютъ энергично къ работѣ. Незамѣтно наблюдая за „труженицами", очевидецъ замѣтилъ, что яму начинаетъ разрывать одна изъ собакъ-техниковъ; всѣ остальныя терпѣливо сидятъ въ ожиданіи. Когда землекопъ устаетъ, приступаетъ, по очереди, другая собака и т. д. При правильномъ распредѣленіи труда работа спорится и яма, къ общему собачьему удовольствію, разрывается довольно быстро. (в.)

Рѣшенiе шашечной задачи № 42 (помѣщ. въ № 25).

Бѣлыя.	Черныя.
e 3 — f 4	d 4 — g 1
d 8 — f 6	h 4 — f 2
f 4 — d 2	b 4 — e 1
d 6 — e 7	f 8 — b 4
h 6 — g 7	a 7 — c 5
f 6 — d 4	c 5 — e 3
g 7 — c 3	b 4 — d 2
a 1 — b 2	всѣ шашки заперты.

Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Н. В. Панкова, А. Куз—ова, Я. В. Васильева, С. Т. Грибова, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, **Москва**—А. М. Челышева, С. Череповскаго, Н. П. Смирнова, В. Шкробова, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мауръ, **Вербовка**—П. М. Оболенцова, **Городня**—С. В. Писарева, **Гатчино**—Я. Артоболенскаго, **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Калуга**—М. Волокова, **Казацкое**—В. Бопташъ, **Леово**—Гольденштейнъ, **Молога**—М. Н. Неустроева, **Одесса**—Н. Банкетова, **Островъ**—С. Судоплатова, **Прилѣпы**—А. Фарберъ, **Суздаль**—М. Померанцева, **Самара**—И. Старостина, **Тамбовъ**—И. М. Ананьева, **Царское Село**—Д. К. Корстъ.

Рѣшенiе шахматной задачи № 43 (помѣщ. въ № 25).

	Бѣлые.	Черные.
1)	С c5—f 8	Кр. e 4—d 4
2)	Кр. g 7—f 6	Кр. d 4—e 4
3)	С f 8—g 7	Кр. e 4—d 4
4)	Кр. f 6—f 5++	

Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—А. А. Поспѣева, В. И. Шошина, В. Родзеевскаго-Колупайло, В. Таласвскаго, **Москва**—А. Эйхбаумъ, **Вознесенскъ**—П. И. Самаржи, **Вагаршапатъ**—В. Мушегiанцъ, **Дисна**—С. А. Дубнякова, **Елецъ**—Х. Розенфельдъ, **Жмеринка**—В. К. Шнейдеръ, **Кiевъ**—Е. Лебединскаго, **Марiуполь**—К. Ничахчи, **Ревель**—Ф. И. Штернъ.

Рѣшенiе алгебраической задачи № 44 (помѣщ. въ № 25).

1)	a. $a - d : c = h : l$	a. = 18 = **С**
2)	b. $n : b + e = c : l$	b. = 14 = **Н**
3)	c. $d : m = f - g : k - b$	c. = 15 = **О**
4)	d. $n - b : e = a - k : d + m - g$	d. = 3 = **В**
5)	e. $a : c + m = h + d : k + e$	e. = 1 = **А**
6)	f. $c : n = h : n$	f. = 8 = **З**
7)	g. $l : d = h : m$	g. = 5 = **Д**
8)	h. $\sqrt{f + k} = g$	h. = 15 = **О**
9)	k. $\sqrt[3]{k + g^2} = d$	k. = 17 = **Р**
10)	l. $f^2 = k - g$	l. = 15 = **О**
11)	m. $f - g = m$	m. = 3 = **В**
12)	n. $h + n = c + b + e$	n = 15 = **О**

„Снова здорово“.

Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Ф. А. Боронина, К. Конюхова, Н. В. Пвнкова, А. А. Поспѣева, **Москва**—Т. Калинина, В. Е. Соколова, И. Федюшина, И. Я. Романова, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Бр.-Литовскъ**—П. М. Арсеньева, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бахмутъ**—Н. Трифильева, **Елецъ**—Х. Розенфельдъ, **Керчъ**—Д. Н. Блаватскаго, **Лебедянь**—В. И. Чурилина, **Одесса**—Рейжевскаго, Д. Раппопортъ, **Тотьма**—А. В. Горохова.

Рѣшенiе ребуса № 45 (помѣщеннаго въ № 25).

„Дѣлай дѣло Божье, свое само поспѣетъ“.

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенiя, по поводу предстоящаго 18 ноября с. г. празднованiя 50-лѣтняго юбилея Антона Григорьевича Рубинштейна, между прочимъ, открыта въ средѣ Имп. Рус. Музыкальнаго Общества и между почитателями А. Г. Рубинштейна подписка на составленiе капитала, который будетъ предоставленъ въ распоряженiе юбиляра.

Въ видахъ обезпеченiя лицамъ, кои пожелали-бы принять участiе въ составленiи этого капитала, возможности и удобства дѣлать взносы, Высочайше утвержденный Распорядительный Комитетъ по устройству чествованiя А. Г. Рубинштейна, обратился къ намъ съ предложенiемъ открыть въ редакцiи *Нивы* прiемъ помянутыхъ взносовъ.

Доставляемые въ редакцiю *Нивы* взносы будутъ немедленно пересылаться въ Комитетъ и отчеты о поступившихъ взносахъ будутъ печататься въ журналѣ.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКIЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1889 г., съ 33 рис. и отдѣльный листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 23 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ФИСГАРМОНІИ

лучшихъ французскихъ и американскихъ фабрикъ въ 100, 110, 130, 150, 160, 175, 200, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

Играть на фисгармоніи можно легко выучиться. Кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда.

Школа для фисгармоніи въ 3 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ инструментамъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—**безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. №3985

С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

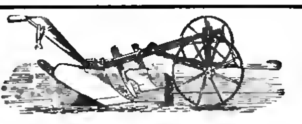
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ — ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези“ и снопоавязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.**

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (5)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

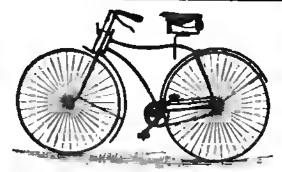
Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ

единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ №2

= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Вышелъ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ и поступилъ въ продажу

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ

(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ,** заключающихъ въ себѣ **болѣе 400** рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Успѣхъ первыхъ двухъ изданій альбома, распроданныхъ въ весьма короткое время, служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько изданіе наше удовлетворяетъ потребностямъ любителей ажурной работы. Рисунки отличаются разнообразіемъ предметовъ (отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе крупныхъ вещей), красотою стиля и безукоризненно выполнены въ литографскомъ отношеніи.

Цѣна альбома, не смотря на значительныя дополненія, остается попрежнему весьма незначительная, а именно **1 руб.,** съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ **С.-Петербургъ,** въ Контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

Двадцать главныхъ **НАГРАДЪ** НА РАЗНЫХЪ **выставкахъ.**

Приготовленіе и продажа мыла **РАЗРѢШЕНЫ** МОСКОВСКИМЪ **Врачебнымъ Управленіемъ,**

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и Ко.

въ Москвѣ. № 3966 3—1

Оптовая продажа:	**Розничная продажа:**
Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ.	Кузнецкій мостъ. д. Солодовникова.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. D. № 3984 2—1

Зимній курсъ начинается во вторникъ, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію безплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ

Гогенгеймъ въ Іюлѣ мѣс. 1889 г. **Vossler.**

Разрѣшенное въ 1884 г. СПРАВОЧНОЕ БЮРО **„Н. ДОНИЧЪ“** и обезпеченное залогомъ.

Принимаетъ заявленія и выдаетъ справки всякаго рода: о покупкѣ, продажѣ, залогѣ и арендѣ: имѣній, домовъ, дачъ, фабрикъ, заводовъ, торговыхъ, промышленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ заведеній и и друг. дѣлъ; о капитал. подъ залогъ недвижимости.

АДРЕСОВАНІЕ писемъ и телеграммъ на „Справочное Бюро“ подъ № или лит. **до востребованія.**

Принимаетъ печатаніе **ОБЪЯВЛЕНІЙ** въ газеты и журналы **ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ.** Лица, не желающія оглашать въ заявленіяхъ или публикаціяхъ своего адреса и фамиліи, замѣняютъ таковые № квитанціи, выданной отъ Справочнаго Бюро.

АДРЕСЪ для городскихъ и иногороднихъ: Москва, Софійка, противъ пассажа, Справочное Бюро **„Н. ДОНИЧЪ“.** № 3971 3—2

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

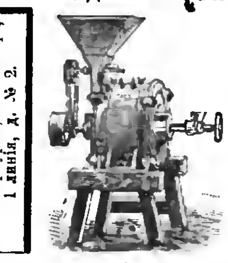
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (77) № 2946

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ.

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, д. № 2.

Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова.

обращаютъ вниманіе гг. хозяевъ на **мукомольныя мельницы „ТРІУМФЪ“** съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строимъ 3 размѣр.

ЛОКОМОБИЛИ

3, 4 и 6 силъ (спеціальность).

Большой выборъ ручныхъ и конныхъ

МОЛОТИЛОКЪ, ВѢЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ, НАСОСОВЪ, ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.

Иллюстрир. каталоги по востребованію.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Больш. чувствит., хорошо вывѣрены. № 3982 2—1

Въ никелиров. оправѣ 5 и 6 р. 50 к., пересылка за 2 фунт.

Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р.

Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р.

Карманн. баром. и для измѣренія высотъ отъ 12 р. 50 к. до 50 р.

Е. КРАУСЪ и Ко.

Фабрика **въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ. 4,**

ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ. Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-кур. высылается безплатно.

Изготовляемые подъ этою фабричною маркою

О-ДЕ-КОЛОНЪ, ДУХИ,

Туалетныя мыла высокаго достоинства,

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,

Препараты для нѣжности кожи,

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА, ПУДРЫ, МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,

Туалетная вода и т. п.

пріобрѣли благодаря ихъ высокимъ качествамъ и ихъ дешевизнѣ извѣстность во всемъ мірѣ.

Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженныя настоящей фабричной маркой

Ц. № 3937 5—4

которыя продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное Депо у **Александра Тисъ и Ко,** Пушкинская, № 4, въ СПБ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).

Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco.*

Іог. Заксъ и Ко.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. №3734

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева. Ц. 2 р.,** съ пер. **2 р. 50 к.**

Дозвол. цензур., СПБ., 2 августа 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. № 33 — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 12 августа 1889 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

В. Я. Струве.

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1813 году, молодой докторъ философіи, только что получившій эту степень, защищалъ диссертацію о географическомъ положеніи Дерпской обсерваторіи. Защита была блестящая, но едва ли кто-нибудь подозрѣвалъ въ этомъ цвѣтущемъ, двадцатилѣтнемъ юношѣ будущаго знаменитаго астронома, именемъ котораго вполнѣ можетъ гордиться русская наука. Георгъ-Фридрихъ-Вильгельмъ-Струве—такъ звали юнаго диссертанта—позднѣе сталъ извѣстенъ подъ именемъ Василія Яковлевича Струве и пріобрѣлъ достаточную популярность не только какъ русскій астрономъ, но и какъ директоръ нашей Пулковской обсерваторіи, въ исторіи которой его имя занимаетъ самое почетное мѣсто. Когда вслѣдствіе личнаго доклада академиковъ Струве и Паррота, императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ соорудить главную обсерваторію на Пулковской горѣ, въ окрестностяхъ Петербурга, Василій Яковлевичъ, въ научномъ отношеніи, сталъ душою этого дѣла. Зданіе, въ коемъ теперь производятся наблюденія, располагалось по его указаніямъ; всевозможные астрономическіе инструменты изготовлялись также по его мыслямъ лучшими европейскими мастерами и притомъ въ усовершенствованномъ видѣ, на основаніяхъ выработанныхъ послѣднимъ словомъ науки. Грандіозная парижская обсерваторія, на сооруженіе которой потрачено около двухъ милліоновъ франковъ, оказалась, въ концѣ концовъ, неудобною и долго приводила въ отчаяніе французскихъ астрономовъ. Наша же Пулковская обсерваторія, благодаря заботамъ Струве, сразу поставлена была на надлежащую высоту и уже въ то время представляла полное осуществленіе того что̀ требуется для преуспѣянія астрономіи, и того что̀ можно было сдѣлать при современномъ состояніи оптики и практической механики. „Я убѣжденъ, писалъ Эри, директоръ

В. Я. Струве (по поводу 50-лѣтняго юбилея Пулковской обсерваторіи).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Гриничской обсерваторіи,—что безъ прилежнаго и внимательнаго изученія всѣхъ сокровищъ находящихся въ Пулковѣ, никакой астрономъ не можетъ считать себя вполнѣ знакомымъ съ практическою стороною нашей науки въ томъ совершенствѣ, какого она теперь достигла; занятія астрономовъ и ихъ точные способы наблюденій тамъ столь-же поучительны, какъ и самое устройство зданій, установка, выборъ и свойства инструментовъ". Но не одно устройство нашей обсерваторіи и совершенство ея инструментовъ заслуживало удивленія; она прославилась и прекрасными трудами, въ силу того, что Струве умѣлъ выбрать себѣ помощниковъ изъ ученыхъ весьма талантливыхъ, дѣятельныхъ, горячихъ приверженцевъ науки.

Еще важнѣе его заслуги какъ ученаго, такъ много поработавшаго и на почвѣ практическихъ занятій, и въ области кабинетнаго труда. Едва приступивъ къ первымъ астрономическимъ наблюденіямъ, онъ опредѣлилъ широту и долготу Дерптской обсерваторіи несравненно вѣрнѣе, нежели прежде было извѣстно. Занявшись еще въ то время интереснымъ вопросомъ о сложныхъ звѣздахъ, Струве вскорѣ, при помощи соединенія двухъ лучшихъ инструментовъ, обнаружилъ относительныя перемѣщенія звѣздъ въ нѣкоторыхъ системахъ и для двухъ изъ нихъ вывелъ даже періоды полныхъ оборотовъ; затѣмъ онъ сдѣлалъ наблюденія надъ 405 сложными звѣздами и за эти работы удостоенъ былъ самаго лестнаго отзыва отъ берлинскаго астронома Энке. Онъ измѣрилъ также, съ барономъ Врангелемъ, дугу меридіана въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ и результаты этихъ работъ изложилъ въ двухтомномъ сочиненіи. Въ отношеніи микрометрическаго измѣренія двойныхъ и многократныхъ звѣздъ, произведеннаго съ образцовою точностью, едва-ли кто изъ современныхъ астрономовъ сдѣлалъ такъ много какъ Струве. Вообще, важнѣйшія изысканія его о сложныхъ звѣздахъ, по отзыву Біо, знаменитаго французскаго физика, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для будущихъ открытій. Среди астрономовъ также высоко цѣнятся его работы по изслѣдованію эллиптическаго вида Юпитера, о размѣрахъ поперечника Сатурна и его колецъ и положеніи этихъ колецъ относительно эклиптики, наблюденія надъ кометами, отличающіяся величайшею точностью. И практическія занятія и кабинетные труды Струве отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Онъ изслѣдовалъ вѣроятную степень полноты и точности огромной росписи звѣздъ, изданной Академіей Наукъ, представивъ при этомъ свои остроумныя соображенія объ устройствѣ окружающей насъ системы звѣздъ въ экваторіальной полосѣ неба; разсматривалъ мнѣнія разныхъ астрономовъ и философовъ о млечномъ пути и объ устройствѣ вселенной; руководилъ при окончаніи измѣренія большой дуги меридіана между Дунаемъ и Ледовитымъ океаномъ, участвовалъ и лично, и наставленіями въ хронометрическихъ экспедиціяхъ для опредѣленія разности долготъ. Воспользовавшись звѣздными росписями Брадлея, Піацци, Лаланда и Грумбриджа, путемъ поправокъ, тщательныхъ сравненій, онъ вывелъ движенія для полуторы тысячи звѣздъ. Кромѣ всего этого, онъ оказалъ не мало услугъ и для болѣе тѣсной области геодезіи, между прочимъ изложивъ новые способы для изслѣдованій преломленія лучей свѣта при выводѣ высоты горъ и другихъ земныхъ предметовъ. Наконецъ, Струве руководилъ также большею частью географическихъ работъ, производившихся въ его время, и былъ однимъ изъ первыхъ учредителей нашего Географическаго общества. Какъ членъ совѣта и предсѣдатель его по отдѣленію русской и математической географіи, онъ много содѣйствовалъ успѣхамъ, которые сдѣлало это общество.

Василій Яковлевичъ Струве, сынъ директора альтонской гимназіи, родился 4 (15) апрѣля 1793 года въ Альтонѣ и первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстной гимназіи, гдѣ пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ элементарной математикѣ и древнихъ классическихъ языкахъ. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ которомъ онъ проходилъ курсъ филологическихъ наукъ и за разсужденіе „De studiis criticis et grammaticis apud Alexandrinos" былъ награжденъ золотою медалью, причемъ самое разсужденіе признано достойнымъ къ изданію на счетъ университета. Филологіей Струве занимался съ увлеченіемъ, но слушалъ также и лекціи физики, которыя читалъ директоръ Дерптскаго университета Парротъ. Онъ первый замѣтилъ въ молодомъ филологѣ необыкновенныя способности къ наблюдательнымъ наукамъ и, развивая эти способности, указалъ Струве его настоящую дорогу. Когда училищный комитетъ Дерптскаго учебнаго округа, цѣня обширныя познанія Струве въ древнихъ языкахъ, предложилъ ему мѣсто старшаго учителя гимназій (и выгодное и почетное для молодаго, небогатаго человѣка), Парротъ прямо отсовѣтовалъ ему принять это лестное предложеніе. Струве сталъ ревностно заниматься высшею математикой, изучилъ ее безъ посторонней помощи и, защитивъ диссертацію „De geographicae positione speculae astr. Dorpatensis", въ 1813 году, былъ, въ концѣ того-же года, опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ и астрономомъ-наблюдателемъ въ университетской обсерваторіи Дерпта. Съ этого времени начинается его въ высшей степени плодотворная дѣятельность на пользу науки, которая продолжалась пятьдесять лѣтъ непрерывно до конца дней знаменитаго астронома. Успѣшные труды его обратили на себя вниманіе Императорской Академіи Наукъ, и она избрала его еще въ 1822 году своимъ членомъ-корреспондентомъ, а спустя четыре года почетнымъ членомъ. Въ 1832 году онъ сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ академіи, получивъ право продолжать ученыя занятія въ Дерптѣ за неимѣніемъ въ С.-Петербургѣ хорошей обсерваторіи. Съ 1833 года началась постройка Николаевской обсерваторіи въ Пулковѣ и въ 1839 году Струве, оставивъ Дерптскій университетъ со званіемъ заслуженнаго профессора, вступилъ въ управленіе этой обсерваторіи. Кромѣ разнообразныхъ занятій въ ней, Струве читалъ еще публичныя лекціи въ Дерптѣ и въ Петербургѣ. Въ 1858 г. онъ тяжко занемогъ, такъ что долженъ былъ оставить Россію по совѣту врачей; по возвращеніи изъ-за границы онъ испросилъ, въ 1861 г., увольненіе отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, оставилъ обсерваторію, но не смотря на упадокъ силъ, ежедневно занимался наукой по нѣскольку часовъ. Онъ скончался 11 ноября 1864 года, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Струве былъ членомъ почти всѣхъ академій наукъ и ученыхъ обществъ въ Европѣ и Америкѣ и кавалеромъ многочисленныхъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ.

П. Быковъ.

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXIII.

Прошелъ день.

Въ обращенномъ на него, все попрежнему кроткомъ и любящемъ взглядѣ Вѣрочки, онъ не прочелъ укора.

И... возненавидѣлъ ее еще болѣе.

— Что-же, тебѣ не жаль что-ли картины? угрюмо проговорилъ онъ, глядя куда-то въ сторону.

— Ахъ, ты объ этомъ... Я и сама была ею недовольна... ты отлично сдѣлалъ...

И она принудила себя улыбнуться.

— Ты и лгать ужь выучилась?.. Впрочемъ,—повинуясь внезапно нахлынувшему на него порыву накипѣвшей злости, кончилъ онъ,—вѣдь у васъ въ монастырѣ учатъ: „Ложь во спасеніе".

— Нѣтъ, вспыхнула Вѣрочка, не выносившая нападокъ на обитель,—у насъ учатъ другому.

— Чему-же? зорко взглянулъ онъ на нее.

— Прощать и забывать зло—помнить только добро.

Нужно было видѣть Ряднова въ эту минуту.

— Уйди пожалуйста, я хочу остаться одинъ... Я еще не читалъ газетъ.

Она увидѣла цѣлую пачку ихъ передъ нимъ.

— Не хочешь-ли, я прочту тебѣ ихъ?

— Это все заботливость о моемъ глазѣ?.. насмѣшливо протянулъ онъ.—Да?.. Не безпокойся пожалуйста, я и самъ могу, безъ тебя... Опять-же я знаю, какъ ты пропускаешь все черезъ свою цензуру. Я не ребенокъ, чтобы мнѣ читались только пріятныя вещи...

Вѣра вспыхнула и вышла вонъ.

Третьяго дня, читая нѣкоторыя рецензіи о выставкѣ, она скрыла отъ него указанія недостатковъ, замѣченныхъ присяжными цеховыми критиками въ его картинахъ.

Рядновъ дождался, когда шумъ ея шаговъ замеръ вдали.

— Семенъ! крикнулъ онъ.

— Что-съ?

— Запри двери и никого ко мнѣ не пускай.

— Слушаю-съ... Окромя барыни?..

ною, риторическою въ художествѣ посредственностью, мнящею себя чуть ли не геніемъ?"

„Какимъ образомъ двадцать лѣтъ техника моя—нынѣ „предѣлъ возможнаго для русскихъ художниковъ"—оказывалась „замазываніемъ и сплошною банальностью?"

„Какимъ образомъ сюжеты моихъ картинъ „обнаруживающіе глубокую философскую мысль", двадцать лѣтъ были только „жалкою претенціозностью русскаго доморощеннаго Мартына Задеки (такъ, кажется, не разъ вы меня называли) на общечеловѣческія темы, отражавшіяся въ моемъ мозгу, какъ солнце въ грязной лужѣ?"

„Когда же вы лгали, г. Мочаловъ,—тогда или теперь? Что означаетъ вашъ покаянный вопль по поводу моихъ картинъ?

„Со своей стороны, прибавлю одно: мнѣ ваши похвалы оскорбительны, тогда какъ ваша брань была только смѣшна... Я не нуждаюсь въ первыхъ и совсѣмъ не обращаю вниманія на вторую. Пожалуйста продолжайте въ томъ родѣ, котораго вѣрнымъ выразителемъ вы были вотъ уже двадцать лѣтъ. Роль вдохновеннаго Пиндара вамъ не къ лицу совсѣмъ. Вы были гораздо интереснѣе для вашей публики, т. е. для улицы и площади, когда ругались. Этотъ языкъ былъ имъ сроднѣе и понятнѣе... Самое лучшее, что вы можете сдѣлать для меня,—это забыть обо мнѣ совсѣмъ, и ужъ если хотите вспоминать иногда, то лучше продолжайте свой сплошь двадцать лѣтъ раздававшійся лай, не переходя въ другое амплуа, для котораго вы вовсе не годитесь. Оно къ вамъ идетъ, какъ къ коровѣ сѣдло".

Написавъ это, Ряднова прочелъ, самъ пришелъ въ восторгъ и отослалъ тотчасъ же въ редакцію „Ежедневнаго Вѣстника" съ письмомъ къ „Киру-царю-Персидскому".

Киръ черезъ часъ отвѣтилъ:

„Редакція отъ вашего письма въ экстазѣ. Оно будетъ напечатано завтра же. Воображаю бѣшенство Мочалова и злость почтеннаго редактора „Летучей Газеты".

Этого „завтра" ждалъ Рядновъ съ какимъ-то тупымъ и ноющимъ чувствомъ.

Сегодня, пока всѣ читаютъ такъ неожиданно оскорбившую его статью — онъ не хотѣлъ показываться никуда.

XXIV.

Пришло это завтра.

Мочаловъ, какъ нарочно, былъ въ самомъ злобномъ настроеніи духа.

Его пѣтуховъ точно обуялъ какой-то бѣсъ. Они съ утра разодрались; лучшему изъ нихъ, штанишками и воротникомъ котораго такъ гордился Мочаловъ,—другой озорникъ и воинственный кочетъ проклевалъ глазъ; третій — тоже изъ доморощенныхъ героевъ, подготовляемый хозяиномъ на выставку, вылетѣлъ куда-то въ открытую форточку и отправился гулять по карнизамъ и крышамъ. Не смотря на посулы, дворники пока еще никакъ не могли отыскать бѣглеца.

Сверхъ того, и самъ Мочаловъ чувствовалъ себя скверно. Всталъ съ головною болью, въ кисломъ расположеніи духа, знакомомъ кореннымъ петербуржцамъ. Началъ было статью, но она у него не клеилась. Въ заключеніе явился одинъ изъ его безчисленныхъ кредиторовъ, одинъ изъ тѣхъ непризнанныхъ библіографовъ, которые любятъ при жизни еще описывать литераторовъ... понятно черезъ судебнаго пристава—и наговорилъ бѣдному Мочалову тысячи непріятностей. Въ концѣ-концовъ принесли „Ежедневный Вѣстникъ" и не успѣлъ рецензентъ прочесть первую строчку Рядновской отповѣди, какъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ и такъ заоралъ, что всѣ пѣтухи живо попрятались у него подъ столы, подъ скамьи, подъ стулья.

— Что это такое? Вотъ бездѣльникъ!..

Потомъ ему представилось, что все посѣщеніе Вѣрочкою его логовища было сообща съ ея мужемъ задуманною комедіей.

— А! вы—такъ? бормоталъ онъ.—Вы—такъ... Ну хорошо, хорошо. Теперь и я съ вами не стану церемониться... Я вамъ покажу, какъ со мною шутить, я вамъ покажу... вотъ-вотъ сейчасъ...

Если бы авторъ захотѣлъ описывать его бѣшенство, у него въ распоряженіи не нашлось бы для этого ни выраженій, ни красокъ, и начинать пришлось бы не иначе какъ съ классической фразы:

Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Самъ даже не сообразивъ что онъ изобразилъ сгоряча, Мочаловъ, дописавъ, отправилъ въ редакцію...

Нельзя сказать чтобы и Рядновъ былъ спокоенъ.

Утромъ на другой день онъ проснулся рано и, когда Вѣра постучала къ нему, былъ уже одѣтъ.

— Ты не хорошо чувствуешь себя?

— Пожалуйста не приставай... оборвалъ онъ ее. — Пожалуйста не приставай... Иди по своимъ дѣламъ. Самое лучшее что ты можешь сдѣлать — это оставить меня въ покоѣ.

— Я хотѣла сказать тебѣ, что вернусь домой прямо къ обѣду.

— Отлично. Мнѣ-то вы сегодня не нужны совсѣмъ.

Онъ хотѣлъ прибавить: *„и не только сегодня, но и потомъ"*, да увидѣвъ ее невольно остановился на полуфразѣ.

Вѣра за это время очень перемѣнилась. Она похудѣла и поблѣднѣла. Очевидно, что ея здоровье не выдержало и сильно пошатнулось. Глаза ввалились, на лицѣ то проступалъ лихорадочный румянецъ, то исчезалъ совсѣмъ, и только взглядъ ея загорался тогда, печальный и безнадежный въ одно и то же время. До сихъ поръ какъ-то Рядновъ не обращалъ вниманія на свою жену. Теперь же его невольно поразила перемѣна съ нею.

„Надо ее отправить изъ Петербурга куда-нибудь", думалъ онъ.

И ни разу въ развившемся эгоистѣ не шевельнулось упрека самому себѣ, что ни Петербургъ, ни сѣверная зима не причинны въ этомъ, что виноватъ онъ, и одинъ онъ.

„Да... да... Пусть поѣдетъ... И мнѣ будетъ покойнѣе все-таки!.."

И это было для него главнымъ въ вопросѣ о его женѣ. Впрочемъ, онъ не долго останавливался на этой мысли... Онъ позвонилъ.

— Что, Семенъ, еще не приносили газетъ?

— Нѣтъ. Еще часа черезъ два подадутъ.

— Ну, хорошо, ступай.

Онъ легъ въ постель опять одѣтый и попробовалъ было заснуть, но сонъ не шелъ къ нему, да и въ уцѣлѣвшемъ глазу покалывало. На этотъ разъ уже боль была дѣйствительная, не воображаемая. Онъ лежалъ закрывъ его, стараясь успокоиться.

— Это все нервное, нервное, утѣшалъ онъ самъ себя.— Стоитъ мнѣ быть одному и не волноваться, глазъ пройдетъ совсѣмъ... Остаться одному. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы ей не поѣхать погостить въ свой далекій монастырь, гдѣ ее такъ знаютъ и любятъ, и главное онъ тогда исключительно можетъ заниматься собою и не знать больше никакихъ тревогъ...

И онъ уже сталъ мечтать, какъ одинъ здѣсь онъ мало-по-малу отдастся своей работѣ безъ помѣхъ и какъ „впослѣдствіи" она вернется къ нему примиренною... Впослѣдствіи. Это „впослѣдствіи" онъ отодвигалъ подальше.

Тишина, царившая кругомъ, сумракъ, котораго здѣсь лучи яркаго дня не могли разогнать изъ-за плотно опущенныхъ шторъ и занавѣсей, мало-по-малу погрузили Александра Петровича въ забытье. Онъ даже

Привалъ на охотѣ съ борзыми. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Кившенко, грав. Ангереръ.

— Я тебѣ сказалъ: *никого*...

Семенъ, постарѣвшій у него на службѣ, укоризненно покачалъ головой.

— Пошелъ вонъ, болванъ!..

Лакей вышелъ и хлопнулъ за собою дверью. Ворчанье его слышалось за нею.

Ряднобъ выскочилъ.

— Ты что̀ это бормочешь тутъ про себя?

— Не хорошо-съ, Александръ Петровичъ... Не хорошо-съ.

— Что̀ не хорошо?.. едва сдерживалъ онъ приступы начинавшагося бѣшенства.

— Такъ... поступки поступаете... Вѣра Васильевна, истинный кладъ Господень...

— Вонъ! затопалъ онъ ногами.—Если ты еще разъ осмѣлишься—я тебя выгоню на улицу... Это еще что̀ за манера! Хамы учить меня будутъ... Вонъ!

Семенъ, не опуская глазъ передъ нимъ, остановился въ слѣдующихъ дверяхъ, выждалъ, пока баринъ ушелъ къ себѣ и замкнулся.

— Подлинно царь Саулъ... вздохнулъ онъ.

А царь Саулъ, желая успокоиться, бросился къ газетамъ, и лихорадочно развертывая ихъ, искалъ отчетовъ о выставкѣ. Они тянулись давно — нѣкоторыя изданія уже дали отзывы о его картинахъ, другія—нѣтъ. Теперь онъ, пробѣгая столбцы, искалъ своего имени и имени жены. Каждая строка точно впивалась въ его сердце, съ болью проникала въ него и тамъ оставалась тяжелымъ грузомъ тоски и злобы. Большая часть писавшихъ восторженно говорили о Вѣрочкѣ. Увы! въ словахъ, посвященныхъ ему, онъ не видѣлъ той искренности и восторга, къ которому они пріучили его прежде. Было уваженіе, признаніе его заслугъ. Его называли „нашъ знаменитый“, „нашъ столько потрудившійся“. Одинъ даже произвелъ его въ „маститые“. Другой, воображая, что онъ говоритъ величайшую ему любезность, сравнилъ Ряднова съ ярко закатывающимся солнцемъ и тутъ же прибавилъ: „За то восходитъ другое въ лицѣ его жены... И одно закатывающееся кидаетъ свой розовый отсвѣтъ на молодое восходящее“. „Два солнца сразу“, досадливо проговорилъ Рядновъ, скомкалъ и швырнулъ газету въ уголъ. Маленькія газеты не щадили его самолюбія. Одна сравнила лицо его „Тиверія“ съ московскимъ Китъ-Китычемъ и прошлась стихами насчетъ того, что Рядновъ ищетъ своихъ оригиналовъ, для картинъ изъ римской жизни, на Таганкѣ. Другая, зло подчеркивая, что онъ исписался, прошлась не безъ яда, что де какъ существуютъ фирмы „Гаврило Пузановъ и сынъ“, такъ и Рядновъ, желая не умереть въ памяти потомства, связываетъ себя со свѣжимъ и могучимъ дарованіемъ своей жены. „Александръ Рядновъ и супруга“, такъ мы и будемъ называть эту художественную фирму: „Торговый домъ Александра Ряднова и супруги!..“ Дальше шли тонкія инсинуаціи, что если въ картинѣ Ряднова выписаны хорошо лица дѣвушекъ, то не помогала-ли ему въ этомъ нѣжная и тонкая кисть его супруги. И эта газета послѣдовала за первой. Наконецъ ему бросилась въ глаза подпись: „Мочаловъ“. Мочаловъ—вѣчный врагъ его, находившій въ самое счастливое время возможность осаживать его, смѣяться надъ нимъ съ чуткостью ищейки попадавшей на самыя больныя мѣста, и отыскивавшій недостатки въ его письмѣ, недостатки незамѣченные другими. „Мочаловъ“ на него дѣйствовалъ какъ красная мулета [1]) на испанскаго быка. Онъ при одной только подписи этой фамиліи выходилъ изъ себя. И на этотъ разъ онъ уже не хотѣлъ читать что̀ этотъ врагъ его нашелъ нужнымъ сказать о немъ. Онъ бросилъ газету на столъ, но его тянуло къ ней. Зналъ, что вѣдь обругалъ, не дорожилъ мнѣніемъ критика и все-таки рука такъ и направлялась сама къ статьѣ, глаза поневолѣ точно отыскивали начало ея.

„Опять наболталъ глупости должно-быть!... Ну, да вѣдь я не обращаю вниманія на эту сволочь!“ старался самъ себя увѣрить онъ, пробѣгая начало отчета (гдѣ Мочаловъ вскользь сказалъ о его женѣ—призналъ за ней „нѣкоторое“ дарованіе), и вдругъ, къ удивленію своему, наткнулся: „впрочемъ, на ней отразился громадный талантъ ея мужа...“ Какъ будто мимоходомъ замѣтивъ, что строгость отношенія къ сему послѣднему объясняется уваженіемъ къ величинѣ его генія, чѣмъ больше де дано, тѣмъ больше и спросится, г. Мочаловъ вдругъ разсыпался передъ Рядновымъ въ такихъ похвалахъ, что тотъ даже глазамъ не повѣрилъ и прочелъ еще разъ. Да... это дѣйствительно написано Мочаловымъ. Вотъ и его мѣтка Н. М-ч-ловъ. Онъ, онъ и есть!.. Что̀ сей сонъ обозначаетъ? Разумѣется, похвалы не особенно искренни. Въ самой преувеличенности ихъ, чуткій Рядновъ угадалъ, что не отъ сердца шли онѣ.

Неужели же онъ, Рядновъ, такъ упалъ, такъ сталъ ординаренъ, плохъ, что теперь даже Мочаловъ великодушничаетъ и расхваливаетъ его? Да, эта похвала хуже всякаго оскорбленія. Каждая буква ея жжетъ и мучитъ. Не вѣря себѣ, художникъ дочиталъ до конца всю эту статью и съ какимъ-то страннымъ успокоеніемъ всталъ и прошелся.

Въ немъ точно все упало. Ему казалось необходимымъ сейчасъ же сдѣлать что-то, а что̀—онъ еще не зналъ самъ. Но такъ оставить этого нельзя было. Нельзя, нельзя... Ему представлялось, что статья Мочалова сегодня читается и цитируется всѣми, что всѣ смѣются надъ Рядновымъ.

— А что̀ если подумаютъ, будто я самъ заискивалъ въ Мочаловѣ?.. будто онъ смиловался надо мною ради моего собственнаго малодушія?

Ряднова даже шатнуло отъ этого предположенія.

— Да какъ-же чѣмъ-нибудь другимъ объяснить это? Какъ?.. Тѣ, кто меня не знаетъ, легко повѣрятъ этой „клеветѣ“. (Она уже сложилась въ его головѣ вся съ деталями). Кто меня знаетъ, но не любитъ, не станетъ противорѣчить ей... А найдутся такіе, которые, выдумавъ, разскажутъ, какъ я ѣздилъ къ Мочалову, упрашивалъ его... Нѣтъ, это уже слишкомъ... слишкомъ!.. Надо что-нибудь предпринять... Но что̀?..

И онъ опять тяжело зашагалъ изъ угла въ уголъ.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ, ему хотѣлось чуть не секундантовъ послать къ Мочалову, потомъ пришло въ голову ѣхать сейчасъ же и потребовать у него объясненій... Третье показалось ему лучше всего.

— Разумѣется, эта газета не помѣститъ... нечего и думать; зато другія не откажутся... Особенно если я отправлю въ „Ежедневный Вѣстникъ“. Они съ „Летучею Газетой“ въ самой отчаянной враждѣ. Напечатаютъ сейчасъ же.

И плохо отдавая себѣ отчетъ, что̀ онъ дѣлаетъ, Рядновъ присѣлъ къ столу и написалъ:

„Открытое письмо г. Мочалову.

„Въ № 000 „Летучей Газеты“, вы, г. Мочаловъ, помѣстили замѣтку, несказанно меня удивившую и, простите, оскорбившую во мнѣ не только художника, но и человѣка.

„Вы меня признаете „высокоталантливымъ“.

„Техника моя, по вашему,—„предѣлъ возможнаго для русскаго живописца“.

„Сюжеты моихъ картинъ, помимо „прекраснаго“, обнаруживаютъ еще и глубокую философскую мысль.

„Очень вамъ благодаренъ, г. Мочаловъ!

„Позвольте мнѣ только предложить вамъ по этому поводу нѣсколько вопросовъ.

„Какимъ образомъ двадцать лѣтъ подъ-рядъ вы находили меня—„высокоталантливаго“ теперь—„напыщен-

[1]) Плащъ или кусокъ матеріи, которыми тореро дразнятъ быковъ.

сталъ засыпать, какъ вдругъ въ комнатѣ рядомъ послышались шаги.

— Неужели ты, Вѣра? досадливо крикнулъ онъ.

— Никакъ нѣтъ.

— Что тебѣ, Семенъ?

— Приказывали насчетъ газетовъ. Принесли-съ...

— Давай сюда...

Онъ приказалъ приподнять штору. Свѣтъ залилъ всю эту комнату...

Рядновъ живо отыскалъ номеръ „Ежедневнаго Вѣстника“... Вотъ онъ лихорадочно прочиталъ оглавленіе и наткнулся на подпись „Мочаловъ“.

У него даже сердце забилось сильнѣе. Тѣмъ болѣе что и статья значилась обращенною къ нему. Такъ и красовалось въ заголовкѣ „*Господину Ряднову въ назиданіе*“. Александръ Петровичъ скорѣе рванулъ, чѣмъ перевернулъ газету; вотъ она—эта статья. Сталъ читать, вскочилъ съ мѣста, бросился къ окну. Какой-то неудержимый приливъ бѣшенства залилъ его щеки яркимъ румянцемъ... бѣшенства и стыда въ одно и то же время. Опять *она*, опять *она*, на его дорогѣ!.. И на этотъ разъ онъ безсиленъ. Онъ опозоренъ ею вполнѣ...

„Господину Ряднову угодно знать, когда я лгалъ“, мстительно писалъ рецензентъ,—„ему видите-ли оскорбительна показалась „„вымоленная““ у меня похвала... Странно! Не оскорбляется же нищій, когда на его назойливое и жалобное „„подайте““—подаютъ, и чѣмъ больше, тѣмъ разумѣется онъ долженъ чувствовать себя лучше. А я на сей разъ подалъ г. Ряднову даже не двугривенный, а цѣлый *золотой*, котораго разумѣется онъ не былъ и въ правѣ ожидать отъ меня. Но я вижу отсюда недоумѣніе читателя. Что̀ значитъ „вымоленная похвала“, *золотой* поданный нищему? А то, милостивые государи, что никому и отнюдь не слѣдуетъ заниматься благотворительностью въ литературѣ, и какъ свой карманъ, такъ и сердце надо держать довольно крѣпко. Особенно бѣда съ сердцемъ нашему брату-писателю: поддашься, напримѣръ, женскимъ слезамъ, да откроешь его, ну и кончено — попалъ въ дураки. Пусть г. Рядновъ успокоится, на сей разъ я дѣйствительно оказался въ дуракахъ, да еще въ какихъ!.. Не знаю, съ его-ли вѣдома... а можетъ быть и по собственному побужденію, его ученица и жена... Впрочемъ, позволю себѣ нѣсколько пріостановиться. Впередъ прошу извиненія у г-жи Рядновой, что я мѣшаю ее въ эту исторію. Если бы ея мужъ не позволилъ себѣ вчера грубой, дерзкой и наглой выходки на мой счетъ, я разумѣется ни за какія блага въ мірѣ не раскрылъ бы читателямъ нашей маленькой обоюдной тайны. Но г. Рядновъ, котораго я хотѣлъ помиловать, позволилъ собѣ заподозрить мою правдивость и честность. Признаемся, до сихъ поръ мы еще не помнимъ примѣра такой неблагодарности или, если хотите, не знаемъ столь ловко и искусно задуманнаго и выполненнаго іезуитскаго подвоха... Судите сами... Сидитъ себѣ вашъ покорнѣйшій слуга у себя дома и знать ничего не хочетъ. Вдругъ является молоденькая, хорошенькая (это подтверждаю охотно) женщина, вся въ смущеніи, съ слѣдами слезъ на своихъ очаровательныхъ глазкахъ, растерянная и сразу подкупающая въ свою пользу самаго нелицепріятнаго судью... Понятно, что я, Мочаловъ, не изъ сердобольскаго же гранита сооруженъ — растаялъ и давай утѣшать: „сударыня, вашего слова довольно“ и т. д. по всѣмъ правиламъ танцовальнаго искусства. Сударыня тоже играетъ свою роль великолѣпно:

„— Ахъ, мсье Мочаловъ, мой мужъ, мой бѣдный мужъ (голосъ ея становится драматическимъ)... Его убиваютъ ваши рецензіи. Если бы вы знали какъ онъ боленъ. Онъ ослѣпъ на одинъ глазъ; скоро, по словамъ профессора NN, долженъ ослѣпнуть на другой. Пощадите его... Умилосердитесь. Не губите, не убивайте...“ И при этомъ слезы, фонтанъ слезъ, рѣка слезъ, море слезъ, океанъ слезъ... Понятно что я боялся утонуть въ этихъ слезахъ и обѣщалъ все...

„Каюсь—обѣщалъ пощадить и не губить ея мужа.

„И пощадилъ, и не погубилъ; въ первый разъ въ жизни покрививъ душою, воспѣлъ сего россійскаго полишинеля, ухитрявшагося обманывать публику двадцать лѣтъ, и ослабѣвъ, прибѣгающаго къ такимъ неблаговиднымъ пріемамъ для пріобрѣтенія рецензентскихъ милостей и снисхожденія... Теперь — не моя вина. Tu l'as voulu, George Dandin!.. Теперь я васъ, г. Рядновъ, какъ гоголевскій будочникъ, казню безъ милосердія. Каковъ въ самомъ дѣлѣ джентльменъ!.. Разжалобитесь слезами его жены, помилуете его — а онъ...“

Дальше Рядновъ не читалъ.

Онъ сидѣлъ весь посинѣвшій, страшный, такой страшный, что когда Семенъ вошелъ въ комнату, то попятился...

— Не прикажете-ли доктора?..

— Нѣтъ... хрипло отвѣтилъ Рядновъ. — Когда надо будетъ, позову. Ступай.

— Александръ Петровичъ...

Но тотъ только сверкнулъ на него взглядомъ... Семенъ вышелъ. Черезъ полчаса Рядновъ позвонилъ его...

— Вотъ тутъ письмо на Васильевскій островъ... Можешь придти домой послѣ обѣда. Я уйду и запру квартиру. Раньше пяти часовъ не вернусь...

— А барыня?

Проклятье сорвалось у Ряднова.

— Я тебѣ сказалъ... крикнулъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ, что старый лакей бросился прочь.

Оставшись одинъ въ квартирѣ, художникъ не тронулся съ мѣста...

Онъ тупо смотрѣлъ передъ собою въ стѣну. Обрывки какихъ-то мыслей и звуковъ съ головокружительною быстротою смѣнялись въ его умѣ. То ругательства, то совсѣмъ не идущія къ дѣлу соображенія о томъ, какая теперь погода, жарко-ли, какъ Доменико Морелли написалъ своего Христа и почему онъ такъ низко склонилъ его голову... И опять *она*, она, какъ ему казалось въ порывѣ сумасшествія, опозорившая его навсегда, навсегда.

— Это подлость, подлость, подлость! повторялъ онъ про себя.

— Этому нѣтъ имени... Пойти къ нему!.. зачѣмъ?!.. Какъ и чѣмъ она вымолила?..

И воображеніе ему рисовало отвратительныя картины, воображеніе человѣка потерявшаго самосознаніе.

Часы шли за часами, а онъ все сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста, какъ вдругъ въ передней прозвучалъ звонокъ.

Рядновъ не тронулся.

Позвонили еще разъ, громче.

Рядновъ всталъ и машинально пошелъ отворять, какъ автоматъ пошелъ, какъ автоматъ отодвинулъ задвижку и повернулъ ключъ въ замкѣ.

— Здравствуй! Что̀ съ тобой?

Вѣра смотрѣла на него со страхомъ и слезами.

Онъ загородилъ ей двери собой, хотѣлъ сказать что-то, но только въ горлѣ у него захрипѣло.

— Ты... ты... наконецъ проговорилъ онъ.

— Александръ, ты не узнаешь меня, что-ли?

— Какъ же, узналъ - узналъ... Вонъ!.. и навсегда вонъ... Вонъ—къ Мочалову, къ кому хочешь, на улицу... Продажная...

— Опомнись...

— Вонъ!.. прочь!..

И скомкавъ газету, все еще бывшую у него въ лѣвой рукѣ, онъ съ такой силой толкнулъ ею Вѣру въ лицо, что та, съ дикимъ, полнымъ ужаса крикомъ, упала навзничь на площадку лѣстницы.

Онъ долго вспоминалъ потомъ это мгновенно помертвѣвшее лицо, это тѣло падавшее внизъ, этотъ крикъ, замершій въ воздухѣ... Вспоминалъ *потомъ*. Въ эту же минуту онъ, прохрипѣвъ еще разъ: „вонъ!"—заперъ свою дверь...

Когда явился Семенъ, Ряднов лежалъ глядя все такъ же, безъ смысла и цѣли, передъ собою.

Отворивъ ему, Александръ Петровичъ коротко приказалъ:

— Все что тутъ есть принадлежащаго Вѣрѣ Васильевнѣ, снеси къ ней внизъ. Слышишь—все. И помни: если она придетъ, меня для нея нѣтъ дома. Ее сюда не пускать вовсе.

— Господь съ вами...

— Если же ты за нее, то завтра можешь убираться вонъ.

— Что-жь дѣлать. Силъ моихъ нѣтъ, я уйду-съ... Я не могу видѣть этого.

— Иди... иди прочь... Вонъ!.. Мнѣ никого не надо...

XXV.

Вѣра только черезъ двѣ недѣли стала поправляться.

Она лежала у Марьи Францовны внизу — раза два зашелъ къ ней Семенъ, уже не служившій у Ряднова.

Когда она наконецъ настолько собралась съ силами, чтобы спросить у хозяйки о своемъ мужѣ, та коротко ей отвѣтила: „потомъ", и только черезъ нѣсколько дней сообщила, что мужъ ея переѣхалъ со своей квартиры на Васильевскій островъ. Она теперь по часамъ лежала закрывъ глаза, нарочно, чтобы съ ней не заговаривали, и переживала все это недолгое прошлое, ея прошлое, начавшееся такъ свѣтло и радостно, такъ много обѣщавшее и, побаловавъ ее нѣсколькими ясными днями, измучившее ее разомъ... Да... она не могла вспомнить безъ ужаса о мукахъ, пережитыхъ ею. Но ни въ душѣ своей, ни въ памяти она не находила осужденія человѣку которому была такъ много обязана когда-то и котораго такъ беззавѣтно любила. Она старалась найти ему оправданіе въ его болѣзни, въ его страданіяхъ. Это былъ не онъ, нѣтъ, не онъ, это *другой* сидѣлъ въ немъ — и кстати мелькнули въ ея головѣ разсказы Степаниды-подворотницы объ одержимыхъ. Дѣйствительно—одержимый... Развѣ не одержимымъ былъ онъ когда съ такою сатанинскою злобой отшвырнулъ ее отъ себя на лѣстницѣ? Развѣ не одержимымъ былъ онъ, оскорбляя ее день за днемъ, часъ за часомъ?.. Чѣмъ же другимъ объяснить все это?.. И съ воспоминаніемъ смутнымъ о Степанидѣ, передъ Вѣрой встала точно надежною стѣною, защитою отъ всѣхъ бурь, тишина обители... Словно въявь увидѣла она передъ собою ея колокольни, ея соборы и церкви, кельи и садики, залитые солнцемъ, щедро залитые солнцемъ, отъ веселаго блеска котораго развозились чижи въ вязахъ, щеглы и ласточки въ липахъ... А на кладбищѣ-то теперь поди какъ тихо! Недвижно стоитъ высокая густая трава, вся осыпанная росою. Искрится только. Не шелохнутся кусты, осыпанные цвѣтами. Тихо спятъ въ своихъ могилахъ добрыя бабушки, такъ нѣжно любившія ея далекое дѣтство. И какъ нарочно въ эту минуту ударилъ Исаакіевскій колоколъ. Она даже вздрогнула въ своей постели и плотнѣе зажмурила глаза, чтобы не видать всего окружавшаго ея міра... Она слушала звонъ и заставляла себя думать, что она у себя, въ томъ крохотномъ домикѣ, что это въ монастырѣ благовѣстятъ къ обѣднѣ, что вотъ она сейчасъ выйдетъ и мать Степанида привѣтливо улыбнется ей подъ воротами и мать Варлаама ласково потреплетъ ее по щекѣ своей старческою рукою... А колоколъ звонитъ все больше и больше, и чудится Вѣрочкѣ: въ полумракъ высокаго собора одинъ за другимъ входятъ черные силуэты монахинь... Входятъ и размѣщаются. Слышенъ шорохъ отъ ихъ мантій, тихій шопотъ молитвъ, и она сама, дѣвочкой, стоитъ въ уголкѣ, любуясь на тусклый блескъ иконостаса, доискиваясь у ветхихъ иконъ прежнихъ, написанныхъ на нихъ чертъ... А тамъ по лицу Богоматери покатилась алмазная слезка...

И вдругъ неудержимо захотѣлось ей скорѣе оставить этотъ ненавистный городъ, съ его вѣчнымъ разладомъ и нравственными муками, и уйти далеко-далеко, въ ту тихую пристань, въ царство безмятежной молитвы.

Вѣрочка оправлялась быстро. Странное нравственное состояніе охватило ее послѣ всего пережитаго, что-то чего она сама не могла бы объяснить себѣ, если бы только думала или разсуждала о своемъ положеніи какъ слѣдуетъ.

Точно что-то оторвалось отъ сердца. Точно что-то сломалось въ ея груди...

Въ изломѣ еще чувствовалась тупая боль, но Вѣрочкѣ было какъ-то все равно. Внутри ныло, но вовсе не отъ сознанія ужаса окружавшаго ее,—нѣтъ!.. Точно эта боль была только слѣдомъ пережитаго несчастья, о которомъ она уже успѣла совсѣмъ позабыть.

Именно—ей было все равно.

Она слушала все что передавала ей Марья Францовна, и добрая женщина, по выраженію ея лица, угадывала, что больной вовсе это не интересно.

Она улыбалась на шутки профессора, посѣщавшаго ее, хотя ея болѣзнь и не относилась къ его спеціальности. Даже заставляла себя слушать стихи, которые онъ декламировалъ по старой памяти. Но еслибы ее спросили, о чемъ шутитъ и что читаетъ онъ, она навѣрное не могла бы отвѣтить на такой вопросъ.

Профессоръ-окулистъ привелъ врача, который лѣчилъ Вѣрочку.

Она обстоятельно отвѣчала ему на всѣ его разспросы, принимала лекарства, — чаще забывала объ этомъ, и когда, придя къ ней, онъ находилъ на ея столикѣ нераскупоренныя бутылочки съ микстурами и качалъ головой, она краснѣла и признавалась, что только теперь вспомнила о немъ и о нихъ.

Ей все чаще и чаще казалось, что кругомъ звонятъ ея монастырскіе колокола.

Они звонили и утромъ и вечеромъ, и днемъ и ночью, когда она просыпалась, и, прислушиваясь къ нимъ, она до такой степени вся уходила въ чудный міръ своего прежняго, что ни для чего сегодняшняго у нея не оставалось ни памяти, ни сознанія.

Разъ какъ-то пришелъ къ ней профессоръ, привязавшійся къ ней, какъ къ дочери.

— Ну, беззащитная жертва, что дѣлаете?

— Лежу...

— Лежите, это я вижу... Читаете?.. книгъ не видать—значитъ нѣтъ... Размышляете?..

Она сдвинула брови, точно думая, размышляетъ она или нѣтъ.

— Это у васъ послѣ всего пережитаго... Да... родъ умственнаго столбняка... Ну, да это скоро пройдетъ и вы опять будете молодцомъ. Именно молодцомъ. Да еще какимъ!.. Вотъ вамъ кстати,—и онъ ей подалъ букетъ изъ розъ.—Нарочно для васъ досталъ. Поди-ка другой добудь въ этомъ сезонѣ, а я могу... Да-съ. Пусть онѣ вамъ напоминаютъ далекое ваше Капри... Знаете — въ моей юности дѣвицы, желавшія выйти замужъ, распѣвали обыкновенно:

Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы
Эфирною душою по веснѣ...

И потомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ на высочайшихъ ноткахъ заканчивали:

Скажите мнѣ!
Скажите мнѣ!..

Она принудила себя улыбнуться, но улыбка вышла дѣланная. Профессоръ замѣтилъ это и огорчился. Онъ

Отъ новаго урожая. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Флюгель.

откинулся на спинку кресла и сталъ напѣвать, акомпанируя себѣ пальцами по колѣнямъ:

Коли я те не по нраву,
Возьми въ ручки пистолетикъ,
Возьми въ ручки пистолетикъ
Прострѣли ты жизнь мою—
Я и тѣмъ буду довольна,
Что умру отъ рукъ твоихъ,
Безпокойный человѣкъ.

Какъ ни была апатична Вѣрочка, но послѣ этого на лицѣ ея скользнула, точно лучъ весны, улыбка.

— Вотъ такъ-то лучше... Такъ-то лучше.

— Вы его...—она вспыхнула опять,—его-то навѣщаете?

— Да, былъ, какъ-же...

— Ну, и что-жъ?

— Относительно чего вамъ угодно знать?

— Глазъ...

— Глазъ?.. По всѣмъ правиламъ науки... Отлично идетъ... къ вѣрному уничтоженію...

— И нельзя спасти?

— Нѣтъ... Да вы знайте ужъ лучше себя, а о немъ забудьте. Помилуйте, что̀ за человѣкъ этакій, даже досадно! Я заговорилъ о васъ, онъ нахмурился и выпалилъ: „безъ нея я скоро поправлюсь.“ Онъ даже не понимаетъ, какъ онъ виноватъ по отношенію къ вамъ.

— Богъ съ нимъ. Я не помню его вины.

— Однако!.. Помните только себя теперь, и живите для одной себя. Этакъ, увѣряю васъ, будетъ куда лучше. А всякій разъ, какъ станетъ забирать васъ жалость—знаете сами, женская натура-то вѣдь подлая,—ну, такъ вотъ, какъ станетъ забирать васъ жалость, вы сейчасъ и вспоминайте во всѣхъ подробностяхъ, что̀ въ послѣднее время происходило между вами.

— Я этого не помню...

— Ахъ, и это отшибло?

— Нѣтъ... Я помню каковъ онъ былъ въ первое, счастливое время.

— Такъ!.. Я говорю, что женская натура самая подлая какая есть! Она обо всемъ дурномъ забудетъ, а немного хорошаго, что̀ выпало ей въ жизни, такъ и будетъ стоять передъ ней вѣчно. Потому-то вы такъ и любите всевозможныхъ негодяевъ, какіе только существуютъ на бѣломъ свѣтѣ. Приласкаетъ ее, а потомъ хоть дѣлай самыя сверхъестественныя гадости — все равно. Одинаково проститъ ихъ.

— Удобно-ли ему на новой квартирѣ?

— Я бы его, знаете, на колъ посадилъ и сталъ спрашивать—удобно-ли ему. Разумѣется, удобно. Какъ горошина въ пузырѣ, одинъ болтается въ пяти комнатахъ. Теперь еще за картину засѣлъ. А знаете что̀ я вамъ скажу... Самое лучшее что̀ вы можете сдѣлать теперь—это уѣхать изъ Петербурга. Именно убирайтесь-ко вы отсюда вонъ. Помните, какъ наши дѣдушки пѣвали:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Такъ вотъ, душа моя, и вамъ слѣдуетъ въ пустыню удалиться отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

— Я жду. когда подымусь.

— А тогда?

— Уѣду на время... пока онъ не опомнится и не позоветъ меня.

— Ну, на него надежда плохая! Плюньте лучше. У меня, при моей крохотной дочуркѣ нянька состоитъ, такъ она отъ всѣхъ огорченій одинаково лечитъ ее: „плюнь“, говоритъ, „душенька, на каку!“ Такъ и вы плюньте на каку. Да-съ. Ну, что̀ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, сто́итъ—взяли да и забыли.

— Я уѣду, рѣшительно заговорила она, — уѣду въ монастырь, туда, къ себѣ...

— И отлично, и великолѣпно. Только не въ монахини.

— Нѣтъ, у меня тамъ домикъ маленькій. Много солнца и тихо-тихо такъ. Стану рисовать тамъ, работать.

— Великолѣпно, милая вы моя дѣвочка! Великолѣпно!

И она закрыла глаза и тотчасъ-же ей послышался звонъ знакомыхъ колоколовъ. Они точно звали ее.

„Приди къ намъ, измученная, приди къ намъ, больная и разбитая, и мы успокоимъ тебя...“

И чѣмъ дольше лежала она съ закрытыми глазами, тѣмъ громче звонили колокола.

Такъ что докторъ, внимательно посмотрѣвъ на нее, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, и наткнувшись въ коридорѣ на Марью Францовну, замахалъ на нее руками.

— Что вы?

— Тише, тише... Спитъ, заснула... Не безпокойте ее.

А колокола такъ и разливались, такъ и звонили мѣдными языками своими надъ задремавшею страдалицей и какое-то чудное небо раскрывалось ея же закрытымъ очамъ. Точно съ него сползали прочь сѣрыя, грузныя тучи. Тихо-тихо сползали. Пригрѣвало ее оттуда солнцемъ.

— Да, уѣду!..

И она разомъ открыла глаза и поднялась.

Къ крайнему удивленію ея, профессора уже не было, только розы, оставленныя имъ на ея столикѣ, всю комнату наполняли своимъ ароматомъ.

(Продолженіе будетъ).

Боръ.

Поэма **Алексѣя Луговаго**.

I.

Бѣжавъ изъ каменныхъ палатъ
Столицы шумной и надменной
Въ родную глушь, гдѣ такъ смиренно
Мой старый домъ и старый садъ
Надъ тихой рѣчкою стоитъ, —
Я ожилъ здѣсь душой и тѣломъ,
И радость въ сердцѣ запустѣломъ
Проснулась вновь... Давно, давно
Я не былъ здѣсь.. и вотъ — оно
Передо мной, мое родное,
Мое забытое село,
Гдѣ безвозвратно протекло
То время жизни золотое,
Когда въ кругу своей семьи
Я годы лучшіе мои,
Ни горя, ни заботъ не зная,
Въ безпечной нѣгѣ проводилъ...
Я выросъ здѣсь... я здѣсь любилъ...

Но кровь кипѣла молодая,
И скученъ былъ мнѣ мой удѣлъ:
Я славы и борьбы хотѣлъ,
Покоемъ, нѣгой тяготился
И въ даль безвѣстную стремился.

И я покинулъ барскій домъ
Съ полуразрушеннымъ крыльцомъ,
Гдѣ, сына въ путь благословляя,
Стояла мать моя, рыдая;
Покинулъ рѣчку съ островкомъ,
Рыбачью лодку, садъ тѣнистый
И прудъ широкій за селомъ;
Покинулъ сѣнокосъ душистый
И лѣсъ, обвившійся кольцомъ
Вкругъ нивы съ пышными хлѣбами, —
И за гранитными стѣнами,
Гдѣ люди съ черствыми сердцами,
Иного счастья я искалъ...
И съ той поры я испыталъ
Тревогъ и горя много, много...
То было время мрачныхъ сновъ...
Но вотъ — у отчаго порога
Я вновь, — и здѣсь, подъ шумъ лѣсовъ,
Заснули горе и тревога.
Привѣтъ тебѣ, сосновый боръ,
Родимый боръ, товарищъ дѣтства!..
Я снова твой!.. туманитъ взоръ
Слеза, и — юности наслѣдство —
Воспоминанья о быломъ
Въ душѣ невольно воскресаютъ...
Да, хорошо въ краю родномъ!
Здѣсь всюду надо мной витаютъ
Мечты и грёзы прежнихъ дней,
И я какъ будто молодѣю...
И окруженъ толпой тѣней,
Въ раздумьи сладкомъ цѣпенѣю.

Бывало, утренней порой,
Едва румяною зарей
Зардѣетъ небосклонъ далекій,
Тепло и свѣтъ волной широкой,
Проснувшись, солнце разольетъ

И, поднимаясь горделиво,
Погонитъ прочь туманъ болотъ
И отъ росы осушитъ нивы,—
Ужь я не сплю: скорѣе въ лѣсъ,
Скорѣй подъ яркій сводъ небесъ
Изъ душной спальни убѣгаю
И долго по лѣсу блуждаю;
Тамъ, внемля голосу весны,
Бьетъ всюду жизнь струей кипучей;
Смолистымъ запахомъ сосны
Насыщенъ воздухъ, и колючей,
Зеленой, свѣжею иглой
Одѣвъ побѣги молодые,
Своей кудрявой головой
Кивають сосны вѣковыя;
Звѣрей и птицъ незримый хоръ
Поетъ хвалебный гимнъ природѣ,
И вторитъ имъ зеленый боръ:
Въ его вершинахъ на свободѣ
Гуляетъ вѣтеръ и шумитъ,
Какъ будто съ ними говоритъ,
И — образецъ непостоянства —
Любовной рѣчью ихъ покой
Смутивъ, съ отвагой молодой
Летитъ въ далекое пространство...

Уставъ бродить, ложился я
Въ тѣни, на берегу ручья,
Что изъ-подъ корня пробиваясь,
Между корнями извиваясь,
По дну песчаному бѣжалъ...
Но я не долго отдыхалъ:
Зенита солнца достигало,
Ко мнѣ сквозь вѣтви проникало,
И вотъ несносный полдня зной
Невольно гналъ меня домой,
Гдѣ, барскія храня хоромы
Отъ лѣтнихъ зноя и истомы,
Рядъ плотно замкнутыхъ ставней
Не пропускалъ дневныхъ лучей...
. . . .

А помнишь-ли, родимый боръ,
Какъ ты пугалъ меня, бывало,
Когда серебряный уборъ
Тебѣ на кудри надѣвала
Красавица-зима, и я,
Порой вечерней, одиноко,
Въ груди дыханье затая,
Лѣсной тропинкою далеко
Въ твои трущобы заходилъ?
Невольный страхъ меня томилъ,
Когда, во мракѣ зимней ночи,
Вперивъ испуганныя очи
Въ твою таинственную сѣнь,
Какой-нибудь громадный пень,
Покрытый шапкой снѣговою,
Я за медвѣдя принималъ
И осторожно отступалъ
Назадъ, предъ встрѣчей роковою
Бѣжать не смѣя; а за мной,
Тогда, какъ будто въ отомщенье
За твой нарушенный покой,
Ты слилъ въ догонку привидѣнья...
Но мой испугъ не зналъ границъ,
Когда еще въ тотъ мигъ, случайно
Затѣетъ трескъ необычайный
Старикъ-морозъ, и стая птицъ
Съ своихъ ночлеговъ встрепенется,
Съ зловѣщимъ крикомъ пронесется
И въ чащѣ скроется лѣсной, —
Я весь дрожалъ... спѣшилъ домой
И думалъ: больше ни ногой!..
Но страхъ пройдетъ, и манитъ снова
Меня таинственный твой видъ,
Какъ будто счастья неземного
Открыть онъ тайны мнѣ сулитъ;
Невѣдомыя страсть и нѣга
Меня, бывало, въ часъ ночной
Влекутъ волшебною рукой
Въ твои владѣнья, въ царство снѣга.

Когда-жь, бывало, чередой
Смѣняя тьму ночей мятежныхъ,
Въ твоихъ чертогахъ бѣлоснѣжныхъ
Ночуетъ мѣсяцъ молодой,
И въ драгоцѣнные каменья,
Какихъ красивѣй не найдешь,
Ему постель ты уберешь, —
Въ какомъ восторгѣ и смущеньи
Я предъ тобой тогда стоялъ!..
Тогда я страхъ позабывалъ —
Я былъ тобою очарованъ,
Мой дорогой, дремучій лѣсъ;
Въ тебѣ былъ цѣлый міръ чудесъ,
И ты былъ словно заколдованъ:
Безъ словъ ты сказки мнѣ шепталъ,
И я нѣмымъ рѣчамъ внималъ...

Я сказкой съ дѣтства избалованъ
Старухой нянею моей,
И до конца печальныхъ дней
Моей отрадой будутъ сказки —
Мечты предательскія ласки.
. . . .

II.

Потомъ я помню лѣтній день:
Съ утра промчался дождь, и тучи,
Разсѣявшись толпой летучей,
Еще кой-гдѣ бросали тѣнь;
Но солнце жгло уже... и нива,
Что у опушки лѣса шла,
Въ лучахъ, какъ въ золотѣ, была,
А легкій вѣтерокъ лѣниво
Колосьевъ море волновалъ
И отъ дождя ихъ осушалъ.

Какой-то праздникъ былъ; сосѣди
Въ тотъ день на праздничномъ обѣдѣ
У насъ гурьбою собрались,—
Тогда вездѣ еще велись
Порядки прежняго довольства,
Гостепріимство, хлѣбосольство
Въ домахъ помѣщичьихъ цвѣло...
То время въ вѣчность отошло.

Въ числѣ гостей, съ старухой теткой,
Была она — она, чей взоръ,
Любовію сіявшій кроткой,
Я позабыть не могъ съ тѣхъ поръ,
Когда, еще дѣтьми, играя,
Ее я назвалъ „дѣвой рая“;
Чей образъ я въ душѣ носилъ,
Кого я пламенно любилъ,
Другаго божества не зная,
Въ теченьи многихъ, многихъ лѣтъ...
Мнѣ не припомнить тѣхъ названій,
Ни словъ, ни красокъ тѣхъ ужь нѣтъ,
Какими я ея портретъ
Писалъ въ стихахъ моихъ „посланій“.
Но изъ-за скромности моей
Въ любви признаться я боялся,
И ей прочесть я не рѣшался
Всего написаннаго „къ ней“.
И всё „посланія“ поэта
Огонь камина скрылъ отъ свѣта.

За-то читалъ я ей не разъ
Все, что написано въ романахъ
О сладостныхъ любовныхъ ранахъ,
И въ выраженьи нѣжномъ глазъ
Порой я могъ-бы видѣть ясно,
Что я любимъ... но, все напрасно —
Простыхъ двухъ словъ: „люблю тебя“
Не смѣлъ я произнесть — дитя —
И, отдаляя часъ признанья,
Терпѣлъ напрасныя страданья...

Итакъ, въ тотъ день въ числѣ гостей
Была она... Немало дней
Прошло съ тѣхъ поръ, но сохранила
Мнѣ память все, о чемъ тогда
Она со мною говорила,
Что отвѣчалъ я, и когда,
Какъ въ наши дѣтскіе года,
Она была порой игрива,
То вдругъ задумчива порой,
То снова дѣтски шаловлива, —
Едва я могъ владѣть собой:
Любовь — въ словахъ изъ устъ просилась,
Любовь — въ глазахъ моихъ свѣтилась,
И для любви лишь сердце билось;
И еслибъ не толпа гостей,
Казалось, я признался-бъ ей.
. . . .

Но вотъ, откушавъ, гости чинно,
Привычкѣ слѣдуя старинной,
Кто былъ постарше — разбрелись:
Тотъ въ кабинетъ, тотъ въ залъ, тотъ въ спальню,
А кто такъ и во флигель дальній,
И потихоньку улеглись
Вздремнуть — отъ сытнаго обѣда
У хлѣбосольнаго сосѣда, —
А молодежь, шумя, рѣзвясь,
Толпой веселой понеслась
Бѣгомъ, чрезъ поле, въ боръ сосновый
Искать грибы...

... О, счастья часъ!
Когда-бъ ты могъ, вернувшись снова,
Остаться вѣчностью для насъ!..

Я рядомъ съ нею шелъ; отстали
Мы почему-то отъ другихъ,
И насъ отъ взоровъ ихъ скрывали
Ряды высокихъ и густыхъ
Колосьевъ ржи; взявъ колосъ спѣлый,
Я изъ него рукой несмѣлой
Сухія зерна вынималъ
И, другъ за другомъ ихъ бросая,
Склонившись къ милой „дѣвѣ рая“,
„Не любитъ — любитъ“ — ей шепталъ.
Но прежде, чѣмъ отвѣтъ счастливый
Успѣли зерна мнѣ сказать,
Она рукой нетерпѣливой
Схватила колосъ, и бѣжать
Впередъ пустилась...

... До опушки,
Гдѣ лѣсъ стѣной примкнулъ къ полямъ,
Я не догналъ моей рѣзвушки —
А насъ давно ужь ждали тамъ,
Чтобъ у меня спросить дорогу
Къ грибнымъ мѣстамъ, и понемногу
Потомъ въ лѣсу всѣ разбрелись,
И скоро въ чащѣ раздались
Веселые раскаты смѣха,
Да гулъ ауканья порой
Будилъ чуть дремлющее эхо
И замиралъ въ глуши лѣсной.

III.

Мы долго вмѣстѣ съ ней бродили...
Она задумчива была;
По склону свѣтлаго чела
Порою тѣни проходили,
Въ ея задумчивыхъ очахъ
Читалъ я мысль — не о грибахъ:
Грибы насъ сами находили
И другъ за дружкой—скокъ, да скокъ!—
Наполнили нашъ кузовокъ, —
Нѣтъ, мнѣ казалось, что украдкой
За мною взоръ ея слѣдилъ
И о любви мнѣ говорилъ...
И думалъ я съ надеждой сладкой,
Что мигъ признанья не далекъ,
Что сердце не напрасно билось,
И та любовь, что въ немъ таилась,
Какъ пышный разцвѣтетъ цвѣтокъ.
По и теперь я, какъ и прежде,
Искалъ отрады лишь въ надеждѣ,
А робость одолѣть не могъ,
Чтобъ, наконецъ, у милыхъ ногъ
Упасть и, переставъ скрываться,
Въ святой любви моей сознаться.

Молчали оба мы... въ лѣсной
Глуши вдвоемъ мы очутились
И, утомленные ходьбой,
Присѣсть и отдохнуть рѣшились.
Земля, какъ бархатнымъ ковромъ,
Покрыта хвоями и мхомъ,
Казалась намъ постелью пышной;
Надъ нами ты, дремучій боръ,
Намъ что-то прошумѣвъ чуть слышно,
Зеленый чудный свой шатеръ
Гостепріимно распростеръ.

Мы сѣли... смотримъ: передъ нами,
Не грибъ — король между грибами,
Громадный боровикъ сидѣлъ
И съ любопытствомъ и смущеньемъ
На насъ, казалося, глядѣлъ...
Ужь я сорвать его хотѣлъ,
Какъ вдругъ порывистымъ движеньемъ

Общій видъ города Вильны. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Церковь Троицкаго монастыря въ Вильнѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Внѣшній видъ храма. Внутренній видъ храма

Ея дрожавшая рука
Мою остановила руку.
„Къ чему? оставьте старика,
„Ему ли вынести разлуку
„Съ родимой ночвой?—пускай живетъ!
„Онъ старъ и дряхлъ — пускай онъ ждетъ
„Зимы, чтобъ на постели снѣжной
„Заснуть на-вѣки безмятежно.“

Я этой рѣчью тронутъ былъ —
Она мнѣ музыкой звучала;
А та, кого я такъ любилъ,
Въ своей рукѣ мою сжимала
И улыбалась кротко мнѣ...

Тогда, въ какомъ-то полуснѣ,
Не въ силахъ долѣе таиться,
Не въ силахъ все еще открыться,
Предъ ней я на колѣни всталъ,
И рѣчь такую о себѣ я
Отъ имени гриба держалъ:

„Царица фей! меня жалѣя,
„Ты тѣмъ сказала мнѣ, кто ты.
„Да, я узналъ тебя: ты—фея,
„Дитя Поэта и Мечты!..
„Грибнаго царства представитель,
„Неограниченный властитель
„Всегда послушныхъ мнѣ рабовъ,
„Растущихъ здѣсь въ бору грибовъ,
„Я предъ тобой главу склоняю!
„Сегодня ты меня спасла:
„Тебѣ хвалу я возсылаю
„И вмѣстѣ съ тѣмъ, не помня зла,
„И чуждый всякаго коварства,
„Прощаю я того, кто царство
„И жизнь взять у меня хотѣлъ.
„Теперь отъ старика сѣдого
„Прошу я выслушать два слова.
„Царица! мнѣ судьба въ удѣлъ
„Дала чудесный даръ познанья
„Любви, боящейся признанья;
„И мнѣ случалося не разъ,
„Въ моихъ владѣньяхъ отдаленныхъ,
„Вдали отъ любопытныхъ глазъ,
„Встрѣчать застѣнчивыхъ влюбленныхъ:
„Всегда сочувствовалъ я имъ.
„(Я самъ когда-то былъ любимъ
„И много зналъ ночей безсонныхъ.)
„Завидѣвъ парочку, я къ нимъ
„Пошлю, какъ будто бы случайно,
„Тотчасъ изъ подданныхъ своихъ
„Кого-нибудь — онъ сблизитъ ихъ,
„И то, что долго было тайной,
„Наружу вырвется; а я,
„Любуясь новою четою,
„Смѣюсь довольный самъ собою:
„Цѣлуйтесь, думаю, друзья, —
„Задача кончена моя...
„Царица! жизнью и короной
„Тебѣ обязанъ я сейчасъ —
„А потому, на этотъ разъ,
„Хочу я собственной персоной
„Тебѣ открыть, въ моей глуши,
„Страданья любящей души,
„Давно томящейся въ незнаньи,
„Какъ примешь ты ея признанье;
„И если, внявъ ея мольбамъ,
„Твоя душа сольется съ нею —
„Клянусь короною моею —
„Всѣхъ больше радъ я буду самъ,
„И всѣмъ подвластнымъ мнѣ грибамъ
„Устрою я блестящій праздникъ
„И дамъ имъ свадебный обѣдъ!..“

Я кончилъ, и, смѣясь, въ отвѣтъ
Она мнѣ молвила: „проказникъ!
„Смотрите! да скорѣй, скорѣй!..“
Она въ восторгѣ вдругъ сказала,
И мнѣ на небо указала.

IV.

Я оглянулся: межъ вѣтвей,
Спустившихся кругомъ, какъ рама,
Небесъ виднѣлась панорама,
И по лазурной вышинѣ
Тамъ облака толпою плыли...
Одни бѣлѣе снѣга были,
Другія, словно какъ въ огнѣ,
Въ лучахъ заката утопали
И яркимъ пурпуромъ блистали,
Иль, свившися клубкомъ густымъ,
Чернѣли пятнами, какъ дымъ.
То развиваясь, то свиваясь,
То замедляя свой полетъ,
То снова быстро удаляясь,
То другъ за друга укрываясь,
То выдвигаясь впередъ, —
Шли облака за облаками;
Играя формой и цвѣтами,
Они мѣняли передъ нами
Картинъ волшебныхъ рядъ живой,
Рядъ чудныхъ, смѣлыхъ сочетаній,
Рядъ прихотливыхъ очертаній,
Штриховъ неуловимыхъ рой!..

Восторгъ подруги раздѣляя,
Я самъ восторгомъ былъ объятъ
И, устремивъ на небо взглядъ,
Стоялъ, невольно забывая
Ту рѣчь, что я сейчасъ сказалъ...
Что на нее отвѣтъ я ждалъ...
И сердце билось, замирая...

А мнѣ межъ тѣмъ уже шепталъ
Моей подруги голосъ нѣжный:
„Смотрите! вонъ, среди цвѣтовъ,
„Въ одеждѣ легкой, бѣлоснѣжной,
„Съ толпой подвластныхъ ей духовъ —
„Малютокъ эльфъ и фей — играя,
„Идетъ Титанія младая...
„Ее встрѣчаетъ Оберонъ,
„Ревнивый мужъ ея... А вонъ,
„*Печальный Демонъ, духъ изгнанья*,
„Въ пурпурной мантіи своей
„Летитъ къ Тамарѣ на свиданье...
„Смотрите... онъ спустился къ ней
„И рѣчью лживою и страстной
„Смущаетъ умъ княжны прекрасной...
„А тамъ, какъ будто-бы въ тѣни,
„Я вижу чей-то страшный профиль...
„Да, это онъ — злой Мефистофель!
„Хохочетъ онъ... а вонъ, они:
„Красавецъ Фаустъ... Маргарита...
„Обнявшись по саду идутъ —
„Ее обманъ и горе ждутъ,
„Но будущность предъ нею скрыта,
„И неземное выраженье
„Хранитъ ея невинный ликъ...“

Потомъ смѣшалися на мигъ
Бѣгущихъ облаковъ видѣнья;
Но не надолго... и опять,
Гонимы нашими мечтами,
Чредою понеслись предъ нами —
То рыцарей желѣзныхъ рать,
То караванъ въ пескахъ пустыни,
То мавры смуглые въ чалмахъ,
То обнаженныя рабыни;
Потомъ, на вздутыхъ парусахъ,
Явились, волны разсѣкая,
Нормандскихъ викинговъ суда;
Потомъ, другъ друга обгоняя,
Неслись драконовъ, змѣй стада;
Тамъ—мрачный Дантъ и съ нимъ Виргилій
Искали въ свѣтлыхъ облакахъ
Тѣнь Беатриче; тамъ — монахъ,
Понявъ тщету своихъ усилій,
Проклявши ту, кого любилъ,
Отъ Эсмеральды уходилъ;
А тамъ — вражды семейной жертвы,
Слилися въ поцѣлуй предсмертный
На ложѣ каменныхъ могилъ,
Ромео и его Джульетта...

„Смотрите же! а это, это!..
„Вонъ, средь безжизненной равнины,
„Гдѣ прежде бились дружины,
„Большая голова лежитъ
„Одна — и сномъ глубокимъ спитъ...
„А вотъ, волшебные чертоги;
„Надъ ними куполъ золотой;
„У нихъ изъ золота пороги;
„Въ нихъ полъ, мощеный бирюзой,
„И стѣны, крытыя рубиномъ...
„И здѣсь сидитъ подъ балдахиномъ
„Самъ Черноморъ, волшебникъ злой,
„Съ своей огромной бородой...
„А тамъ Русланъ въ кольчугѣ бранной
„Идетъ къ Людмилѣ — гость желанный...
„Пришелъ... цѣлуетъ... а она
„*Отъ заколдованнаго сна*
„Уже проснулась... и въ смущеньи
„Открыла очи... и кругомъ
„Глядитъ... и видитъ: отчій домъ...
„Отецъ... Русланъ... еще мгновенье —
„И въ упоеньи обнимаетъ
„Онъ ту, кого давно искалъ...
„Смотри, какъ онъ ее ласкаетъ!..
„Смотри: устами онъ припалъ
„Къ устамъ красавицы Людмилы!..
„Ты видишь это?.. видишь, милый!..“
Но видѣлъ я передъ собой
Лишь взоръ подруги дорогой
И образъ страстно мной любимый;
Она сіяла красотой;
Ея слова неизъяснимой
Дышали нѣгою; они
Сомнѣнья давнія мои,
Загадку жизни мнѣ рѣшали,
Меня къ любви и счастью звали...
. . . .

Какъ сквозь преграды вдругъ прорвется
Рѣка, и вольно понесется
Потокомъ бурнымъ по лугамъ, —
Такъ и любовь, что по годамъ
Въ сердцахъ застѣнчивыхъ таится,
Рѣкою бурной вдругъ родится
И требуетъ сполна свое...
. . . .

И, помню, обнялъ я ее,
Мою красавицу-подругу,
И долго-долго цѣловалъ, —
Любви давнишнему недугу
Цѣлебной помощи искалъ
Я въ вихрѣ пламенныхъ лобзаній,
И годы долгіе терзаній
Минутой счастья искупалъ...
Я помню, какъ она упала
Въ объятья страстныя мои
И первый поцѣлуй любви
Лобзаньемъ трепетнымъ встрѣчала...
Я помню, какъ тогда у ней
Разбились локоны кудрей,
Зардѣлось личико стыдливо,
И страстью вспыхнулъ нѣжный взоръ...

Какъ много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!..

Привѣтъ тебѣ, родная нива!
Привѣтъ тебѣ, родимый боръ!..

Полувѣковой юбилей Николаевской Пулковской обсерваторіи.

(Рис. на стр. 836 и 837).

7 августа 1889 года Николаевская Пулковская обсерваторія празднуетъ наступленіе втораго пятидесятилѣтія своего существованія. По этому поводу мы нашли необходимымъ отправить заблаговременно въ Пулково нашего спеціальнаго корреспондента-фотографа, дабы ознакомить читателей „Нивы“ съ тѣми усовершенствованіями, которыя за послѣднее время были внесены въ устройство нашей знаменитой (и обширнѣйшей въ свѣтѣ) обсерваторіи, въ тѣсной связи съ безостановочнымъ движеніемъ механики и техники, безпрерывно изумляющихъ насъ новыми открытіями и изобрѣтеніями. Спѣшимъ подѣлиться съ нашими подписчиками тѣмъ запасомъ снимковъ и тѣми свѣдѣніями, которыми нашъ корреспондентъ вполнѣ обязанъ просвѣщенному вниманію начальства и любезной предупредительности слу-

жащихъ въ Пулковской обсерваторіи представителей русской науки.

Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ устройствомъ обсерваторій вообще. Встарину, ради болѣе обширнаго кругозора, обсерваторіи строились на высокихъ башняхъ (напр. даже Лейпцигская, выстроенная въ 1787—90 г.), но съ прошлаго столѣтія убѣдились, что такія высокія зданія слишкомъ чувствительны къ потрясеніямъ и вслѣдствіе неравномѣрнаго нагрѣванія солнцемъ представляютъ весьма колеблющееся основаніе, почему на нихъ и невозможна та точность наблюденій, какой требуютъ нынѣ усовершенствованные инструменты и развитіе техники наблюденій. Поэтому теперь строятъ низкія обсерваторіи, а большіе инструменты ставятъ отдѣльно на каменныхъ устояхъ, которые не имѣютъ связи съ частями самаго зданія. Затѣмъ строятся башни съ вращающеюся круглою крышей, которая позволяетъ производить наблюденія по всѣмъ направленіямъ; кромѣ того, устраиваютъ террасы и т. п. для наблюденій подъ открытымъ небомъ. Всѣ зданія обсерваторіи должны быть расположены въ тихомъ, спокойномъ мѣстѣ, подальше отъ многолюдныхъ улицъ, отнюдь не внутри города. Совершенной пустоты горизонта не требуется, такъ какъ на наблюденія свѣтилъ близъ горизонта нельзя полагаться. Достаточно если значительная часть неба надъ головой, т. е. облегающая зенитъ, не заслоняется сосѣдними зданіями.

Пулковская возвышенность, лежащая на югѣ отъ Петербурга, по направленію шоссейной дороги, соединяющей столицу съ Царскимъ Селомъ, поднимается довольно высоко надъ уровнемъ моря, а именно, на 240 футовъ. Въ то время, когда положено было первое основаніе нашей обсерваторіи въ Пулковѣ, шоссейная дорога, пролегающая у подошвы Пулковской возвышенности, имѣла еще значеніе весьма важнаго и весьма оживленнаго пути, по которому совершалось, главнымъ образомъ, сообщеніе между обѣими столицами — Петербургомъ и Москвою. Движеніе на этомъ пути было настолько сильно, что однихъ рессорныхъ экипажей (кромѣ почтовыхъ повозокъ и обозныхъ телѣгъ, тянувшихся непрерывными рядами) насчитывали въ часъ, въ каждомъ пунктѣ дороги, около 60. Не успѣла еще обсерваторія и достроиться, какъ уже возникла первая въ Россіи желѣзная дорога—Царскосельская... Затѣмъ, не замедлили постройкою и другія двѣ дороги—двѣ важнѣйшія артеріи нашей государственной и народной жизни—Николаевская и Петербурго-Варшавская желѣзныя дороги, и всѣ три миновали Пулково, даже не коснувшись подножія холма, на которомъ съ 7 августа 1839 года первые русскіе обсерваторы, подъ руководствомъ ученаго астронома В. Я. Струве, впервые направили къ небу свои наблюдательные взоры, вооруженные превосходными обсерваціонными инструментами—въ то время *лучшими* въ Европѣ. Такимъ образомъ, Пулковская обсерваторія, на своемъ высокомъ холмѣ, при трехъ желѣзныхъ дорогахъ, пролегающихъ мимо ея, осталась все-же значительно удаленною отъ столицы — осталась, къ великому благу ученой колоніи, обитающей подъ мирнымъ кровомъ зданій обсерваторіи, — въ „сторонѣ отъ большаго свѣта“, въ сторонѣ отъ шума и суеты столичной. Обсерваторія Пулковская удалена отъ зданія С.-Петербургскаго Адмиралтейства на 18 верстъ, а отъ окраины города (Московской заставы) на 14 верстъ, и даже отъ ближайшей станціи желѣзной дороги (Царскосельской) на 5 верстъ... Потому-то именно, на вершинѣ Пулковскаго холма и сложилась жизнь маленькой ученой колоніи такъ спокойно и прочно, что вы, едва вступивъ подъ роскошную сѣнь парка, окружающаго обсерваторію, уже чувствуете себя гдѣ-то очень далеко отъ Петербурга, хотя онъ и виденъ весь какъ на ладони съ Пулковскаго холма,—хотя вы и знаете, что Пулковская обсерваторія, при помощи телеграфной проволоки, и водитъ стрѣлками лучшихъ столичныхъ часовъ, и даетъ ежедневно столицѣ точнѣйшее указаніе полудня обычною вѣстовою пушкою.

Надъ дверью, ведущею въ главный или, лучше сказать, въ торжественный залъ обсерваторіи, подъ портикомъ въ строгомъ и простомъ іоническомъ стилѣ, красуется цифра MDCCCXXXIX— годъ достославнаго основанія Пулковской обсерваторіи, появившейся по величавому мановенію императора Николая, который не пожалѣлъ средствъ на это учрежденіе и съумѣлъ создать себѣ въ немъ достойный памятникъ. Залъ, въ который вы входите изъ-подъ портика, представляетъ собою только историческій музей, гдѣ собраны портреты знаменитѣйшихъ астрономовъ всего свѣта, начиная отъ Коперника и Галилея и до Араго, Леверье и новѣйшихъ астрономовъ, между которыми видное мѣсто занимаютъ и портреты основателя Пулковской обсерваторіи—Василія Яковлевича Струве и его ученаго преемника и сына, Оттона Васильевича Струве, нынѣшняго директора обсерваторіи. Портреты астрономовъ висятъ по стѣнамъ исторической залы, а средина ея, отдѣленная кругообразною колоннадою, представляетъ собою нѣкотораго рода святилище, вмѣщающее въ себѣ только портреты трехъ Императоровъ: Николая I, Александра II и Александра III—и прекрасный бюстъ императора Николая I, которому обсерваторія обязана своимъ славнымъ полувѣковымъ существованіемъ.

Необходимые инструменты для каждой обсерваторіи суть: меридіанальный кругъ, полуденная труба, экваторіалъ, вертикальный кругъ, геліометръ, нѣсколько телескоповъ меньшаго размѣра, вѣрные (астрономическіе) часы, электрическіе регистрирующіе аппараты и метеорологическіе инструменты.

Меридіанальный кругъ, изобрѣтенный еще Олафомъ Рёмеромъ, но только въ началѣ нынѣшняго столѣтія введенный въ употребленіе Рейхенбахомъ, есть астрономическій инструментъ, которымъ съ помощью часовъ можно наблюдать такъ-называемое кульминаціонное время, т. е. моментъ, въ который свѣтило достигаетъ наибольшей высоты или, другими словами, проходитъ черезъ меридіанъ; вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдаются разности прямыхъ восхожденій и одновременно точныя кульминаціонныя высоты свѣтилъ, а изъ послѣднихъ, вычитаніемъ высоты экватора, вычисляются склоненія свѣтилъ. Кругъ (рис. на стр. 837) состоитъ изъ телескопа (a,a), который движется только въ плоскости меридіана и неподвижно укрѣпленъ на горизонтальной оси (b,b), направляющейся отъ востока къ западу; уголъ-же наклоненія телескопа къ горизонту отыскивается на кругѣ перпендикулярномъ къ оси. Горизонтальная ось эта помѣщается въ особой комнатѣ (меридіанной), при чемъ цапфы ея покоятся на двухъ каменныхъ стояхъ (c,c), которые проходятъ сквозь полъ и не находятся въ связи ни съ какою частью зданія. Середина оси состоитъ изъ пустаго внутри куба, который, посредствомъ привинченныхъ къ нему пустыхъ конусовъ, соединяется съ обѣими стальными цапфами. На этомъ кубѣ, съ обѣихъ сторонъ, перпендикулярно къ оси, прикрѣплены двѣ слабо-коническія трубы, составляющія тѣло телескопа. На узкомъ концѣ одной трубы находится объективъ (предметное стекло телескопа), на другой—окуляторъ (глазное стекло). Въ общемъ фокусѣ ихъ натянута сѣть изъ вертикальныхъ паутинокъ, по которымъ и заставляютъ пролагаться наблюдаемую звѣзду, отмѣчая время прохожденія по ударамъ часовъ или регистрируя его на хронографѣ помощью электрической проволоки. Дальнѣйшее описаніе меридіанальнаго круга потребовало-бы слишкомъ много мѣста и все-таки не было-бы понятно не-спеціалисту.

Для той же цѣли — наблюденій прохожденія звѣзды черезъ меридіанъ — служитъ изобрѣтенный Олафомъ Рёмеромъ *пассажный инструментъ* или *полуденная труба*, который отличается отъ меридіанальнаго круга лишь болѣе крупными дѣленіями. Онъ (рис. 3 на стр. 836) состоитъ изъ астрономическаго, снабженнаго крестообразно натянутыми нитями, телескопа (a, a), подобно меридіанальному кругу двигающагося лишь въ плоскости меридіана, на горизонтальной оси, покоющейся на двухъ каменныхъ устояхъ (b, b). На одномъ изъ концовъ оси находится кругъ съ алидадою, позволяющей устанавливать телескопъ такъ чтобы звѣзда, коей меридіанальную высоту требуется опредѣлить, при кульминаціи вступала въ поле зрѣнія. Для этого опредѣленія достаточно дѣленій круга, на которомъ обозначены минуты. Если-же требуется точнѣйшее наблюденіе кульминаціональныхъ высотъ, дѣленія круга должны быть возможно мельче—и тогда инструментъ получаетъ названіе меридіанальнаго круга.

Для измѣренія высоты свѣтилъ внѣ меридіана служитъ такъ называемый *вертикальный кругъ* (рис. 2 на стр. 836). Устройство его слѣдующее: на верхнемъ концѣ вертикальнаго столба (a), вращающагося около своей оси, находится горизонтальная ось подвижнаго вертикальнаго круга, а другой, равный ему и концентрическій вертикальный-же кругъ неподвижно прикрѣпленъ къ столбу; такъ что по дѣленіямъ одного изъ круговъ, при помощи находящагося на другомъ кругѣ нопіуса, можно измѣрить величину дуги, на которую слѣдуетъ повернуть находящійся на оси подвижнаго вертикальнаго круга телескопъ (b), для того чтобы онъ изъ горизонтальнаго положенія направился на звѣзду.

Экваторіалъ служитъ для отысканія на небѣ звѣзды, коей предварительно даны часовой уголъ и склоненіе.

Геліометръ есть точнѣйшій астрономическій инструментъ для измѣренія весьма малыхъ угловъ. Описаніе завлекло-бы насъ въ подробности оптики и механики. Достаточно сказать, что имъ опредѣляется напр. кажущійся діаметръ солнца въ минутахъ и секундахъ, несмотря на то, что уголъ образуемый линіями идущими отъ глаза къ крайнимъ точкамъ этого діаметра почти ничтоженъ.

Изъ телескоповъ нынѣ на обсерваторіяхъ употребляются только *рефракторы*, т. е. состоящіе изъ однихъ стеколъ (линзъ), въ противоположность такъ-называемымъ катоптрическимъ телескопамъ, въ составъ которыхъ входятъ и зеркала.

Всѣ эти виды астрономическихъ инструментовъ имѣютъ достойныхъ представителей въ Пулковѣ.

Колонны историческаго зала поддерживаютъ главную башню обсерваторіи, нѣкогда составлявшую ея гордость: башню, въ которой находится превосходный 15-ти-дюймовый рефракторъ, работы Мерца и Молера въ Мюнхенѣ. Искусно маскированныя двери ведутъ изъ круглой исторической залы въ смежныя съ нею помѣщенія обширнаго зданія обсерваторіи: въ западный залъ, гдѣ стоитъ *пассажный* инструментъ и *большой вертикальный кругъ* (оба—работы Эртеля въ Мюнхенѣ); въ восточный,—гдѣ помѣщается одинъ изъ важнѣйшихъ инструментовъ обсерваторіи, *большой меридіанальный кругъ* (работы Ренсольда въ Гамбургѣ), и наконецъ—въ южный залъ, гдѣ помѣщается еще одинъ *пассажный* инструментъ. Кромѣ главной башни, на

серединѣ зданія обсерваторіи, надъ круглой залой, по бокамъ зданія, находятся еще двѣ башни; изъ нихъ, въ восточной помѣщается *геліометръ*; въ западной—*меньшій рефракторъ*, предназначенный для занятій молодыхъ обучающихся астрономовъ. Рядомъ съ круглою залой, въ небольшомъ отдѣльномъ помѣщеніи, соединенномъ телеграфною проволокою съ нѣкоторыми столичными зданіями *), помѣщается главный хронометръ обсерваторіи, опредѣляющій нормальное среднее время. Поднимаясь по лѣстницѣ изъ круглаго зала вверхъ, къ средней башнѣ, вы проходите мимо превосходной библіотеки Пулковской обсерваторіи, въ которой собрано *все*, что наука донынѣ произвела и напечатала важнаго по астрономіи, не исключая и самой небольшой брошюры или диссертаціи.

Вокругъ главнаго зданія, среди зеленыхъ лужаекъ и роскошныхъ цвѣтниковъ, расположены отдѣльныя небольшія зданія, въ которыхъ устроены особыя обсерваторіи, снабженныя всѣми необходимыми инструментами, для наблюденій не связанныхъ съ общими учеными работами главной обсерваторіи.

Несмотря, однако же, на всѣ капитальныя затраты, которыя щедрою рукою императора Николая были сдѣланы при основаніи и первоначальномъ обзаведеніи обсерваторіи, быстрое поступательное движеніе науки, постоянно заявляющей новыя требованія, и необычайные успѣхи техники вызвали въ послѣднее десятилѣтіе массу новыхъ затратъ на пополненіе ученыхъ средствъ обсерваторіи и вынудили правительство къ новымъ и крупнымъ затратамъ. Оптическое вооруженіе обсерваторіи, несмотря на то, что она обладала прекраснымъ 18-тидюймовымъ рефракторомъ — оказалось недостаточнымъ... Освѣщеніе ученыхъ помѣщеній и мастерскихъ обсерваторіи масломъ и керосиномъ — также отжило свой вѣкъ, въ виду электрическаго освѣщенія... И вотъ, на холмѣ, занятомъ мирною колоніею, опять поднялась тревога—стали воздвигать, на югъ отъ главнаго зданія, новую огромную башню (рис. 1, на стр. 836), съ вращающимся верхомъ, для новаго громаднѣйшаго телескопа, 30-ти-дюймоваго рефрактора, заказаннаго новой оптической знаменитости—Кларку въ Америкѣ. И во всемъ остальномъ зданіи начались передѣлки, обновленія, приспособленія для электричества, для замѣны камня чугуномъ, для замѣны дерева и мѣди, прежде облекавшихъ главный рефракторъ — новою оболочкою изъ металла.

Въ результатѣ всѣхъ работъ и обновленій Пулковская обсерваторія обогатилась новымъ гигантскимъ телескопомъ, въ которомъ одно стекло (объективъ) стоитъ 80,000 р. с. Весь же инструментъ, со всѣми приспособленіями и особой, вновь выстроенной для него башней, обошелся болѣе 300,000 р. с. Помѣщеніе для этого гиганта (рис. 5, на стр. 836) представляетъ огромный круглый залъ, саженъ въ десять вышины (при глубинѣ фундамента почти въ $1^1/_2$ сажени), съ широкимъ балкономъ и вращающимся куполообразнымъ верхомъ. Телескопъ-гигантъ (a) съ величайшею легкостью и удобствомъ приводится въ движеніе посредствомъ двухъ ручныхъ колесъ, движущихъ механизмомъ, скрытымъ внутри чугуннаго столба, служащаго ему опорою; человѣкъ, поставленный на маленькомъ балкончикѣ, около этихъ колесъ, одною рукою вращая то или другое изъ нихъ, можетъ совершенно свободно заставить трубу подняться или опуститься или совершить полный оборотъ кругомъ опорнаго столба. Вокругъ инструмента, по круговымъ рельсамъ пола, движется и особая механическая лѣстница, съ кресломъ для наблюдателя-астронома. Такая же лѣстница съ кресломъ (еще болѣе первой, нижней) ходитъ по другимъ круговымъ рельсамъ круговаго балкона (b); на это, верхнее кресло, астрономъ-наблюдатель перемѣщается въ томъ случаѣ, когда ему приходится приводить инструментъ въ положеніе, близкое къ горизонтальному. Вся башня освѣщена электричествомъ, при помощи маленькихъ, тюльпановидныхъ ламночекъ, укрѣпленныхъ въ карнизѣ балкона; особою электрическою машиною приводится въ настоящее время въ движеніе и весь громадный куполъ башни. Прежде, когда его приходилось приводить въ движеніе при помощи ручныхъ механическихъ приспособленій, этотъ куполъ совершалъ полный оборотъ въ теченіе 25 минутъ; теперь — этотъ же оборотъ совершается всего въ 3 минуты.

Послѣ того, какъ эта оптическая диковинка была установлена въ отдѣльномъ зданіи Пулковской обсерваторіи, пришлось прибѣгнуть и къ передѣлкѣ стараго 15-ти-дюймоваго рефрактора (рис. 4, на стр. 836), нѣкогда составлявшаго гордость обсерваторіи. Тотъ-же мастеръ, Репсольдъ въ Гамбургѣ, который исполнилъ всѣ механическія приспособленія и установилъ новый рефракторъ, передѣлалъ и старый, согласно современнымъ требованіямъ астрономической техники. Для этой цѣли онъ долженъ былъ снять его съ того каменнаго столба, на которомъ онъ былъ прежде утвержденъ, и перенести его на новый, болѣе легкій и болѣе удобный чугунный опорный столбъ, съ массивнымъ чугуннымъ противовѣсомъ. При этомъ и вся оболочка инструмента (деревянная съ мѣдною оковкой) была замѣнена новою, болѣе прочною и болѣе легкою, оболочкою металлическою. Наконецъ, всѣ помѣщенія главнаго зданія и физическая лабораторія были освѣщены электричествомъ.

Благодаря всѣмъ этимъ новымъ работамъ и затратамъ, произведеннымъ въ царствованіе Императора Александра III, Пулковская обсерваторія и по истеченіи перваго пятидесятилѣтія своего существованія не измѣнила тому высокому положенію, которое она, съ самаго своего существованія, заняла въ научномъ мірѣ. Она и теперь, какъ прежде, должна быть признана величайшею изъ обсерваторій въ свѣтѣ, снабженною наибольшимъ количествомъ совершеннѣйшихъ инструментовъ, доставляющихъ возможность наблюденія наибольшему числу астрономовъ - обсерваторовъ *). Продолжая блистать въ ученомъ мірѣ Европы своими трудами, наша обсерваторія, попрежнему, служитъ для Россіи разсадникомъ ученыхъ астрономовъ, и тѣмъ выполняетъ высокое назначеніе свое.

Въ заключеніе сообщеннаго выше о нашей Пулковской обсерваторіи, замѣтимъ кстати, что Пулковскій холмъ пересѣкается на сѣверъ, по направленію къ Петербургу, *Пулковскимъ меридіаномъ*, который матеріально изображенъ въ природѣ правильно-вытянутою въ линію густою аллеею высокихъ деревьевъ, гладко остриженныхъ внутрь аллеи. Видъ съ холма на шоссе и на мелькающія вдали зданія столицы, черезъ эту аллею-меридіанъ, очень оригиналенъ.

Къ рисункамъ.

Привалъ на псовой охотѣ. (Рис. на стр. 820 и 821).

Натѣшились, напорскались, на-атукались до хрипоты охотнички, много угонокъ задали борзыя, много зайцевъ и краснаго звѣря виситъ въ торокахъ у сѣделъ — пора отдохнуть... И вотъ, въ тѣни высокаго стога и на припекѣ въ травѣ расположились въ перемѣшку люди, кони и собачки густопсовыя и чистопсовыя, преимущественно полвой и муругой масти. Прекрасный рисунокъ г. Кившенко, котораго охотничьи сцены имѣли такой блестящій успѣхъ на выставкѣ въ Академіи Художествъ, вполнѣ передаетъ поэзію отъѣзжаго поля.

Отъ новаго урожая. (Рис. на стр. 825).

Въ pendant къ приложенному въ № 31 *Нивы* рисунку „малороссійская жница", помѣщаемъ изображеніе украинской молодки, въ монистѣ съ дукачами, которая вмѣстѣ съ дочуркой радуется на плоды недавнихъ трудовъ въ страдную пору жатвы, вѣя новое жито. Хлѣбъ уродился на славу, зерно задалось крупное, ровное какъ на подборъ—слава Господу, нынѣшній годъ ни въ чемъ недостачи не будетъ.

Городъ Вильна и церковь Троицкаго монастыря.

(Рис. на стр. 828 и 829).

Въ № 24 нашего журнала за нынѣшній годъ, по случаю празднованія 50-ти-лѣтія возсоединенія уніатовъ, было помѣщено нѣсколько гравюръ, изображающихъ главнѣйшихъ дѣятелей приснопамятнаго торжества православія, а также виды города Вильны. Нынѣ читатели найдутъ на стр. 828 и 829 общій видъ того-же города со стороны Зарѣчья и виды наружный и внутренній церкви Троицкаго мужскаго монастыря, нѣкогда бывшаго уніатскимъ храмомъ, расположеннаго рядомъ съ зданіемъ Виленской Литовской семинаріи. Основаніе нѣкогда могущественной столицы сильнаго Литовскаго княжества теряется въ глубокой древности. Впервые въ русскихъ лѣтописяхъ Вильна упоминается около 1128 года. При Гедиминѣ въ 1323 г. Вильна стала столицею Литовскаго княжества. Спустя 465 лѣтъ Вильна была взята русскими войсками; въ 1795 году вмѣстѣ Литвою присоединена къ Россіи. Въ слѣдующемъ году, въ августѣ, Вильна была сдѣлана губернскимъ городомъ Виленскаго намѣстничества, 12 декабря—губернскимъ городомъ Литовской губерніи и съ 1802 года—губерніи Виленской. Нынѣ въ Вильнѣ насчитывается свыше 102 тысячъ жителей, изъ которыхъ около половины католиковъ и евреевъ больше четвертой части. Въ ихъ рукахъ находится вся торговля, довольно значительная, благодаря счастливому положенію Вильны на пересѣченіи нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ путей. Чрезвычайно красиво расположенная посреди живописныхъ холмовъ при впаденіи рѣки Вилейки въ рѣку Вилію, Вильна продолжаетъ привлекать къ себѣ путешественниковъ не только красотою своего мѣстоположенія, но и остатками старины. Особенно замѣчательны въ ней древніе храмы и костелы. Изъ первыхъ замѣчательны: соборъ Св. Николая и церковь Пресвятыя Богородицы, въ которой похоронены великій князь Ольгердъ, принявшій святое крещеніе подъ именемъ Александра, супруга его Іуліанія и супруга короля Польскаго Александра—Елена, дочь великаго князя Московскаго Василія Іоанновича. Изъ католическихъ церк-

*) Пулковская обсерваторія соединена телеграфною проволокою съ часами въ Императорской Публичной Библіотекѣ, съ часами въ Главномъ Штабѣ и крѣпости, а также и съ магазиномъ часовъ Эриксона, на Литейной, д. № 9.

*) Самою большою, послѣ Пулковской обсерваторіи, считается Гриничская, близъ Лондона; но тамъ работаютъ только 8 астрономовъ-наблюдателей; а у насъ въ Пулковѣ—15.

Полувѣковый юбилей Николаевской Пулковской обсерваторіи. Общій видъ обсерваторіи.

Съ фотогр. рис. Подбѣльскій, грав. Шлясскій.

вей нельзя обойти молчаніемъ костелъ Св. Іоанна, высоко подымающійся надо всѣми окружающими его зданіями, какъ это видно на нашей гравюрѣ; вправо отъ него католическій каѳедральный соборъ, за Пречистенскимъ соборомъ; а влѣво, вдали— костелъ Св. Якова.

Политическое обозрѣніе.

Осборнское свиданіе смѣнилось берлинскимъ. Покинувъ Англію, Германскій императоръ поспѣшилъ на родину, чтобы въ Берлинѣ встрѣтить вѣнценоснаго гостя, императора Австрійскаго. Заграничныя газеты переполнены подробностями пребыванія Франца-Іосифа въ Германіи. Но наряду съ этими описаніями въ газетахъ продолжаютъ помѣщать извѣщенія о посѣщеніи императоромъ Вильгельмомъ II своей бабки и обсуждать значеніе этого визита.

Послѣ морскаго смотра на Спитгедскомъ рейдѣ состоялись въ Ольдершотѣ 26 іюля маневры, въ которыхъ участвовали 30,000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Во время сервированнаго въ лагерѣ по окончаніи маневровъ завтрака, императоръ Вильгельмъ отозвался о дѣйствіяхъ британскихъ войскъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, причемъ онъ напомнилъ объ англо-прусскомъ братствѣ по оружію при Мальплакэ и Ватерло и заключилъ свою рѣчь троекратнымъ „hoch" въ честь британской арміи. Въ заключеніе войска прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ императоромъ. Принцъ Вельскій, вслѣдствіе легкаго нездоровья, на маневрахъ не присутствовалъ. На другой день команды съ германской эскадры въ 1,500 человѣкъ высадились въ Осборнѣ, подъ начальствомъ императора, и командамъ былъ сдѣланъ смотръ королевою около Осборнскаго дворца. Императоръ, который былъ въ мундирѣ адмирала англійскаго флота, построилъ послѣ смотра команды въ карэ, выразилъ имъ отъ имени королевы ея искреннее удовольствіе по поводу блестящаго ихъ вида въ строю и предложилъ троекратный „hoch" въ честь королевы, принятый восторженно. Но на англичанъ видъ германской эскадры не произвелъ, повидимому, особенно внушительнаго впечатлѣнія. Такъ *Daily Chronicle*, между прочимъ, говоритъ, что суда, сопутствовавшія императору Вильгельму въ англійскія воды, не болѣе, какъ „плетенки". Въ тотъ-же день на банкетѣ въ яхтъ-клубѣ принцъ Вельскій въ заздравной рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ наше время каждое государство должно быть подготовлено ко всякимъ случайностямъ. Должно надѣяться, что великая германская армія, равно какъ британскій флотъ, будутъ содѣйствовать сохраненію общаго мира". Императоръ отвѣтилъ: „Германія обладаетъ соотвѣтствующею ея потребностямъ арміею и если британскій народъ будетъ располагать соотвѣтствующимъ его потребностямъ флотомъ, то Европа вообще сочтетъ это факторомъ поддержанія мира". Вечеромъ, 27 іюля, прощаясь съ королевой Викторіей, императоръ Вильгельмъ высказалъ, что онъ чрезвычайно доволенъ оказаннымъ ему въ Англіи пріемомъ и что посѣщеніе Англіи доставило ему величайшее удовольствіе. Императоръ прибавилъ, что онъ надѣется на посѣщеніе Берлина королевою. Австрійская и венгерская печать, относившаяся первоначально къ осборнскому свиданію нѣсколько сдержанно, начинаетъ придавать теперь совершающимся въ Англіи событіямъ важное политическое значеніе. По словамъ *Neue Freie Presse*, визитъ императора Германскаго его Августѣйшей бабкѣ дѣйствительно имѣлъ первоначально частный характеръ, но во время пребыванія Вильгельма II въ Осборнѣ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, превратился въ первоклассное политическое событіе, которое-де должно оказать весьма серьезное вліяніе на политическое положеніе Европы вообще и юго-восточной ея части въ особенности.

Еще большее значеніе придаютъ германскія и австрійскія газеты посѣщенію императоромъ Францемъ-Іосифомъ Берлина. Въ день отъѣзда вѣнскіе органы печати посвятили этому событію передовыя статьи, причемъ оффиціозная *Fremdenblatt* находитъ, будто тройственный союзъ не союзъ государей, а народовъ, а *Neue Freie Presse* высказывается въ томъ смыслѣ, что предстоящее свиданіе императоровъ имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ простой актъ вѣжливости, и что присутствіе въ Берлинѣ эрцгерцога Франца-Фердинанда должно свидѣтельствовать о желаніи, чтобы союзъ пережилъ теперешнее поколѣніе. Въ Берлинъ Австрійскій императоръ и эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ прибыли, въ сопровожденіи свиты, въ 5 часовъ 31 іюля, на Тиргартенскій вокзалъ. Въ вокзалѣ находились императоръ Вильгельмъ, принцы, князь Бисмаркъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ и весь генералитетъ. Встрѣча обоихъ императоровъ была сердечная. Почетная стража взяла на караулъ, а музыка заиграла австрійскій національный гимнъ. Императоры прошли передъ фронтомъ почетнаго караула и, обмѣнявшись привѣтствіями съ прусскими принцами, княземъ Бисмаркомъ и прочими лицами, отправились въ коляскѣ четверкою, среди поставленныхъ шпалерами войскъ гвардіи. Публика, густою толпой стоявшая на улицѣ, восторженно привѣтствовала ихъ величества. Во второмъ экипажѣ ѣхалъ эрцгерцогъ Францъ съ принцемъ Генрихомъ; затѣмъ слѣдовали экипажи, въ которыхъ находились принцы, графъ Кальноки съ германскимъ канцлеромъ и графомъ Гербертомъ Бисмаркомъ и графъ Мольтке съ начальникомъ штаба Бекомъ. Во дворцѣ выставленъ былъ почетный караулъ отъ полка имени императора Франца-Іосифа. По обходѣ фронта, Австрійскій императоръ былъ привѣтствованъ царствующею императрицею и императрицею Августой въ верхнихъ покояхъ. Во время фамильнаго обѣда у императорской четы передъ дворцомъ исполнена была заря. Когда играли австрійскій народный гимнъ, находившіеся на балконѣ оба императора встали съ мѣстъ. Въ вышедшемъ въ тотъ-же день нумерѣ *Имперскаго Указателя* напечатано привѣтствіе Австрійскому императору. По словамъ газеты, Австро-Венгрія связана съ Германіей историческими традиціями, общими интересами и одинаковою любовью къ миру. Въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* напечатано, что свиданіе императоровъ въ Берлинѣ представляется народамъ Австро-Венгріи и Германіи признакомъ нерасторжимаго союза и дружбы. „Да почерпнетъ—восклицаетъ газета—существованіе европейскаго мира новую силу изъ этого свиданія!" Но чешскія газеты рѣшительно отрицаютъ основательность соображеній нѣмецкихъ газетъ о томъ, будто австро-германскій союзъ будетъ длиться неограниченно долгое время. По отзыву чешскихъ органовъ, союзъ этотъ просто результатъ временной политической комбинаціи и заключенъ съ опредѣленною цѣлью на опредѣленное время.

1 августа, въ Берлинѣ состоялся смотръ гвардейскому корпусу въ честь императора Австрійскаго при великолѣпной погодѣ. Императрица присутствовала на смотру верхомъ. Императоръ командовалъ парадомъ лично, и парадировалъ передъ Австрійскимъ императоромъ сначала во главѣ всего корпуса, а затѣмъ во главѣ перваго гвардейскаго полка. Императоръ Австрійскій парадировалъ передъ императоромъ Вильгельмомъ во главѣ пѣхотнаго имени императора Франца полка. На парадномъ обѣдѣ въ тотъ же день императоръ Вильгельмъ провозгласилъ тостъ въ честь императора Франца-Іосифа, причемъ указалъ на восторженную встрѣчу народомъ, свидѣтельствующую о горячемъ чувствѣ, возбужденномъ вѣковою дружбою обоихъ народовъ. „Народъ и армія — присовокупилъ императоръ — твердо держатся заключеннаго союза. Армія исполнена сознанія, что вмѣстѣ съ австрійскою арміею она должна отстаивать миръ и, если будетъ угодно Провидѣнію, вмѣстѣ сражаться". Императоръ пилъ за здоровье высокаго гостя, его дома и доблестныхъ австрійскихъ товарищей. Императоръ Францъ-Іосифъ благодарилъ за тостъ, за блестящій пріемъ, за утѣшительную встрѣчу со стороны населенія и за большую сердечность, обнаруженную вѣрными союзниками. Напомнивъ съ признательностью объ искреннемъ къ нему расположеніи Германской имперіи, императоръ провозгласилъ тостъ за здоровье близкаго его сердцу друга и союзника, за его домъ, а также за неразрывное братство и товарищество обѣихъ армій и за умноженіе и упроченіе залоговъ мира. Вся вѣнская печать привѣтствуетъ тосты, произнесенные императорами въ Берлинѣ. Католическая газета *Vaterland* полагаетъ, что торжественная встрѣча, оказанная Австрійскому императору въ Берлинѣ, служитъ для Австріи отмщеніемъ за Садовую и доказательствомъ того, что могущество Габсбургской монархіи не сломлено.

Судъ надъ Буланже совершился. Никто не сомнѣвался въ исходѣ его, но всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ подробностей обвиненія, такъ какъ не только сторонники генерала, но и многіе другіе считали его вздорнымъ и пристрастнымъ. Такъ, обсуждая процессъ Буланже, нѣкоторыя германскія газеты, въ томъ числѣ *Vossische Zeitung* и *Kölnische Zeitung*, считали всѣ взводимыя на генерала обвиненія мало основательными, отчасти фантастическими. Даже оффиціозная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* признавала обвинительный актъ и свидѣтельскія показанія бездоказательными. Но трудно себѣ представить, чтобы верховный судъ, состоящій изъ лицъ почтенныхъ и уважаемыхъ, изъ-за какихъ-то скрытыхъ цѣлей, готовъ былъ подвергнуть себя позору и осмѣянію, осуждая человѣка невиннаго. Первое засѣданіе верховнаго суда состоялось 27 іюля. Генеральный прокуроръ свою обвинительную рѣчь началъ съ заявленія, что обвинительный актъ былъ имъ составленъ въ сжатомъ видѣ съ преднамѣренною цѣлью, но нынѣ онъ скажетъ все. Прежде всего онъ старался установить фактъ заговора, изложилъ, какъ Буланже устраивалъ заговоры, будучи начальникомъ департамента пѣхоты военнаго министерства, потомъ во время командованія войсками въ Тунисѣ и управленія военнымъ министерствомъ. При этомъ прокуроръ настаивалъ на сношеніяхъ Буланже съ подозрительными личностями съ цѣлью пропаганды въ его пользу. Далѣе генералъ-прокуроръ въ своей реквизиторіи стремился доказать безчестный образъ дѣйствій Буланже, послѣ чего приступилъ къ объясненію участія Рошфора и Дильона и выставилъ на видъ ихъ прежнее поведеніе. На другой день генеральный прокуроръ продолжалъ обвини-

тельную рѣчь, при чемъ доказывалъ, что Буланже, командуя корпусомъ въ Клермонъ-Ферранѣ, занимался вмѣсто дѣлъ корпуса политикой и велъ избирательную агитацію чрезъ посредство своихъ агентовъ, т. е. началъ нарушеніемъ дисциплины, а кончилъ заговоромъ. Прокуроръ упомянулъ также о попыткѣ Буланже войти въ сношеніе съ германскимъ банкиромъ Блейхредеромъ. Затѣмъ прокуроръ коснулся денежнаго вопроса и изложилъ инциденты на ліонскомъ вокзалѣ при отъѣздѣ Буланже въ Клермонъ-Ферранъ, происшедшіе 14 іюля 1887 г., манифестаціи на Лоншанскомъ полѣ, наконецъ манифестаціи по случаю президентскаго кризиса, допущенныя и одобренныя Буланже и устроенныя съ цѣлью провозглашенія Буланже президентомъ республики. Прокуроръ приходитъ къ заключенію, что всѣ эти дѣянія составляютъ начало покушенія на безопасность государства. По возобновленіи засѣданія верховнаго суда, 30 іюля, чтеніе реквизиторіи продолжалось. Генеральный прокуроръ распространился о предосудительныхъ поступкахъ Буланже, пользовавшагося запасными и секретнымъ фондами министерства для рекламъ и для устройства заговора. Прокуроръ коснулся еще другихъ дѣлъ и въ заключеніе предложилъ предать Буланже верховному суду по обвиненію въ заговорѣ, покушеніи и въ другихъ находящихся въ связи со всѣмъ этимъ преступленіяхъ. Членъ правой, Бюффе, потребовалъ слова. Среди вызваннаго этимъ требованіемъ шума Леройе заявилъ, что онъ отказываетъ Бюффе въ правѣ слова, потому что пренія верховнаго суда должны происходить въ секретномъ комитетѣ. Верховный судъ безотлагательно собрался въ секретный комитетъ. Здѣсь Кердрель, отъ имени 53 сенаторовъ правой, внесъ предложеніе объ объявленіи суда незаконнымъ, ибо дѣянія, вмѣняемыя Буланже, не составляютъ покушенія. Предложеніе это было отклонено и верховный судъ 212 голосами противъ 51 объявилъ себя компетентнымъ. Члены правой рѣшили не участвовать болѣе въ преніяхъ. Протестъ 53 сенаторовъ правой долженъ былъ произвести тѣмъ большее впечатлѣніе, что всѣ они принадлежатъ къ противникамъ генерала Буланже. Во вторникъ, 1 августа, верховный судъ именнымъ голосованіемъ призналъ 206 голосами (шесть сенаторовъ воздержались отъ голосованія) Буланже виновнымъ въ устройствѣ заговора, а Рошфора и Дильона сообщниками въ заговорѣ, а затѣмъ призналъ Буланже за дѣло на ліонскомъ вокзалѣ виновнымъ въ покушеніи на безопасность государства. Дальнѣйшее разбирательство дѣла отложено было до 2 августа, когда верховный судъ, въ утреннемъ засѣданіи, призналъ Дильона большинствомъ 179 голосовъ и Рошфора большинствомъ 183 голосовъ противъ 18 сообщниками въ дѣлѣ покушенія, послѣ чего постановилъ, что факты, коими сопровождался министерскій кризисъ, не составляютъ покушенія. Затѣмъ верховный судъ приступилъ къ разбирательству фактовъ, касающихся растраты и казнокрадства, и призналъ Буланже виновнымъ въ растратѣ и присвоеніи казенныхъ денегъ, отвергнулъ смягчающія обстоятельства и приговорилъ Буланже, Дильона и Рошфора къ ссылкѣ съ заключеніемъ въ крѣпость.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 27 іюля, изъ Петергофа отправился особый поѣздъ Балтійской желѣзной дороги, на которомъ отбыли заграницу Герцогъ Эдинбургскій съ Супругою Е. И. В. Вел. Кн. Маріею Александровною Герцогинею Эдинбургскою. Отъѣзжающихъ Высокихъ Гостей пріѣхали проводить на станцію Ихъ Величества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и прочія Особы Императорской Фамиліи.

— Августѣйшимъ Молодымъ, И. И. В. Вел. Кн. Петру Николаевичу и Вел. Кн. Милицѣ Николаевнѣ, въ день бракосочетанія, по пріѣздѣ въ Знаменское, были поднесены Управляющимъ Дворомъ Вел. Кн. Николая Николаевича Старшаго, генералъ-маіоромъ Орловымъ, отъ личнаго состава Двора, золотой массивный складень, съ изображеніемъ въ серединѣ — Спасителя, а на створахъ — Св. апостола Петра и Св. Милицы, и отъ служащихъ но Дворцѣ — хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. На другой день, 27 іюля, въ Знаменское пріѣхала депутація отъ Новгорода, — городской голова съ гласными думы, которые поднесли И. И. В. Августѣйшему Имениннику и хозяину Вел. Князю Николаю Николаевичу Старшему произведенія и продукты Новгорода — рыбу-сырть и ягодную пастилу, и Августѣйшимъ Молодымъ—хлѣбъ-соль на серебряномъ, золоченомъ блюдѣ.

— 1 августа Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ отбыли на морскіе маневры подъ Свеаборгомъ.

— Положеніе Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича въ трехъ-недѣльный періодъ болѣзни подвергалось колебаніямъ; въ настоящее время угрожающія жизни болѣзненныя явленія ослабѣли, но состояніе парализованныхъ членовъ и утраченныхъ отправленій улучшается весьма медленно; вслѣдствіе этого печатаніе бюллетеней прекращено до наступленія замѣтныхъ измѣненій въ положеніи Августѣйшаго больнаго.

Правительственныя распоряженія.

— Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ Императора Александра II къ Прибалтійскимъ губерніямъ, а также правила: а) объ учрежденіи въ сихъ губерніяхъ опекунскихъ установленій и б) о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ законоположеніяхъ объ ипотекахъ, вводятся въ дѣйствіе въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и въ городѣ Нарвѣ, С.-Петербургской губерніи, въ теченіе второй половины 1889 года.

— Высочайше утвержденъ проектъ временныхъ правилъ о почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассахъ.

Торговля.

— За первые 5 мѣсяцевъ текущаго года отпускъ за границу русскихъ товаровъ опредѣлился въ 270,1 милліоновъ рублей противъ 294,3 милл. за то-же время прошлаго года, представляя сокращеніе на 24,2 милл. рублей или почти на 9%. Сравнительно-же съ 1887 годомъ отпускъ 1889 года все еще представляетъ крупное увеличеніе слишкомъ въ 64,1 милл. или на 31%. Привозъ за тотъ-же періодъ времени иностранныхъ товаровъ выразился въ текущемъ году въ 161,9 милл. рублей, противъ 122,8 въ 1888 году, превысивъ послѣдній на 39,1 милл. рублей или почти на 32%; противъ 1887 года превышеніе привоза нынѣшняго года составляетъ 31,8 милл. рублей или 24%. Несмотря на такое возростаніе привоза въ Европейскую Россію иностранныхъ товаровъ и нѣкоторое сокращеніе отпуска противъ 1888 года, превышеніе отпуска надъ привозомъ все еще опредѣляется слишкомъ въ 108 милл. рублей или почти на 67%. Отпускъ за границу золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ составилъ съ 1 января по 1 іюня текущаго года ничтожную цифру въ 0,9 милл. рублей противъ 30,4 милл. въ 1888 году; привозъ за то же время изъ-за границы драгоцѣнныхъ металловъ достигъ 6 милл. рублей противъ 2,9 въ прошломъ году.

— Вслѣдствіе неурожая пшеницы въ Сѣверной Америкѣ, а также, частію, благодаря превосходству русской пшеницы надъ сѣвероамериканскою, въ послѣднее время стали замѣчаться случаи отправки изъ Одессы цѣлыхъ пароходовъ пшеницы въ Южную Америку, а именно въ Ріо-де-Жанейро. Въ іюнѣ мѣсяцѣ туда отошелъ изъ одесскаго порта англійскій пароходъ, на которомъ было отправлено 17,000 четвертей пшеницы. Въ настоящее время въ портѣ выдерживаетъ обсервацію другой англійскій пароходъ, который возьметъ 22,000 четв. пшеницы также для Ріо-де-Жанейро. Кромѣ этого, зафрахтованъ еще одинъ англійскій пароходъ, который пойдетъ съ пшеницею въ Южную Америку.

Изъ губерній и областей.

— Въ Ялтѣ открылась выставка и базаръ женскихъ рукодѣлій. Въ выставкѣ приняла участіе и Сербская королева Наталія. Сборъ съ выставки поступаетъ въ пользу недостаточныхъ учениць мѣстной гимназіи. Въ первый день выручено болѣе 1,000 руб. Королева уѣзжаетъ 10 августа.

— Экспедиція генеральнаго штаба полковника Пѣвцова благополучно прибыла въ мѣстность Якъ-Худукъ, Яркендскаго округа, и около 25 іюня достигнетъ, по всей вѣроятности, гор. Яркевда. Въ Тянь-шанѣ, на перевалахъ Барсъ-кіунъ и въ особенности на Бедэлѣ, чрезъ которые пролегалъ путь экспедиціи, лежалъ еще глубокій снѣгъ и ей пришлось бороться съ большими трудностями. Однако, всѣ животныя сохранились, а часть людей отдѣлалась легкой простудой. Китайцы встрѣтили экспедицію дружелюбно и оказываютъ содѣйствіе къ успѣшному ея слѣдованію. Научныя занятія идутъ вполнѣ удовлетворительно. Изъ Яркенда экспедиція направится черезъ Хотанъ и Керію въ Нію, куда прибудетъ, вѣроятно, не ранѣе 20 іюля. Отъ самой границы экспедиція слѣдовала по мѣстности въ которой не были еще европейцы, и теперь пойдетъ вверхъ по р. Яркендъ-Дарьѣ до гор. Яркенда. Это протяженіе рѣки никѣмъ еще не изслѣдовано.

— Частная экспедиція, въ составѣ офицеровъ Уманскаго казачьяго полка, урядника, казака и двухъ курдовъ, 19 минувшаго іюля, взошла на вершину Большаго Арарата. Здѣсь, по сообщенію газеты *Кавказъ*, экспедиціею былъ найденъ оставленный въ прошломъ году гг. Марковымъ и Ковалевскимъ минимальный термометръ Цельзія, показывавшій ниже 50 градусовъ холода.

Библіографія.

Изданія А. С. Суворина: Дешевая библіотека:

Н. М. Карамзинъ. *Исторія Государства Россійскаго.* Томъ V. Ц. 20 коп.

И. П. Котляревскій. *Енеида перелицованная на малороссійскій языкъ.* Ц. 20 к.

Бомарше. *Безумный день или женитьба Фигаро,* комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ Чудинова. Ц. 20 к.

Достаточно перечислить вышеприведенныя заглавія, чтобы читателямъ, даже незнакомымъ съ рядомъ дешевыхъ изданій А. С. Суворина (если-бы такіе еще нашлись), стало вполнѣ ясно, какую громадную услугу русской читающей публикѣ оказываетъ издатель, возобновляя изданія классическія или ставшія уже библіографическою рѣдкостью, и притомъ по баснословно дешевой цѣнѣ. До сихъ поръ вышло болѣе 80 книжекъ *Дешевой библіотеки*, составленныхъ исключительно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской и иностранной (въ переводахъ) литературы всѣхъ эпохъ.

А. В. Стернъ. *Три повѣсти.* Москва 1889.

Это сборникъ произведеній беллетриста, лѣтъ пять тому назадъ выступившаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* подъ скромными инииціалами *А. В.* Талантъ начинавшаго писателя былъ замѣченъ съ первой же его повѣсти: *Невольная месть*, и затѣмъ дальнѣйшія произведенія представляли непрерывный рядъ успѣховъ. А. В. Стернъ принадлежитъ къ писателямъ строгой школы, сохранившей лучшія литературныя преданія.

Стрѣлы. Стихотворенія В. Буренина. Изданіе второе, дополненное новыми стихотвореніями. СПБ. 1889.

Если и есть на свѣтѣ люди которымъ quasi-аттическая соль шаржа серіозно портитъ желчь, то они могутъ утѣшиться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ этой книжкѣ равно достается „всѣмъ сестрамъ по сергамъ". Второе ея изданіе, появляющееся нынѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ что стрѣлы, несмотря на горечь ихъ, охотно раскупаются, и слѣдовательно отдается должное „безпристрастію" автора.

Дѣятельность текучей воды и борьба съ нею помощью растительности. Э. Нидергефера. СПБ. 1889.

Молодой ученый, удостоенный серебряной медали И. Р. Геогр. Общества за сочиненіе „О низовьяхъ Днѣпра и объ Алешковскихъ пескахъ", выступаетъ нынѣ

Полувѣковый юбилей Николаевской Пулковской обсерваторіи.
Рис. 1. Вновь выстроенная башня для 30-дюймоваго рефрактора. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

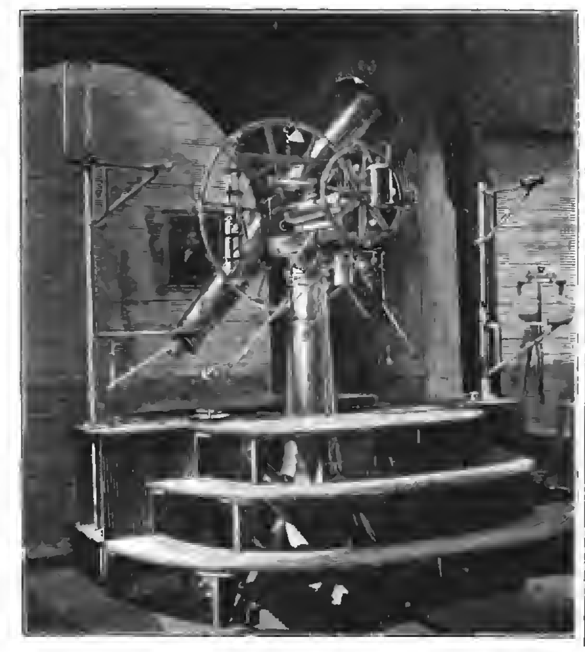

Рис. 2. Вертикальный кругъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

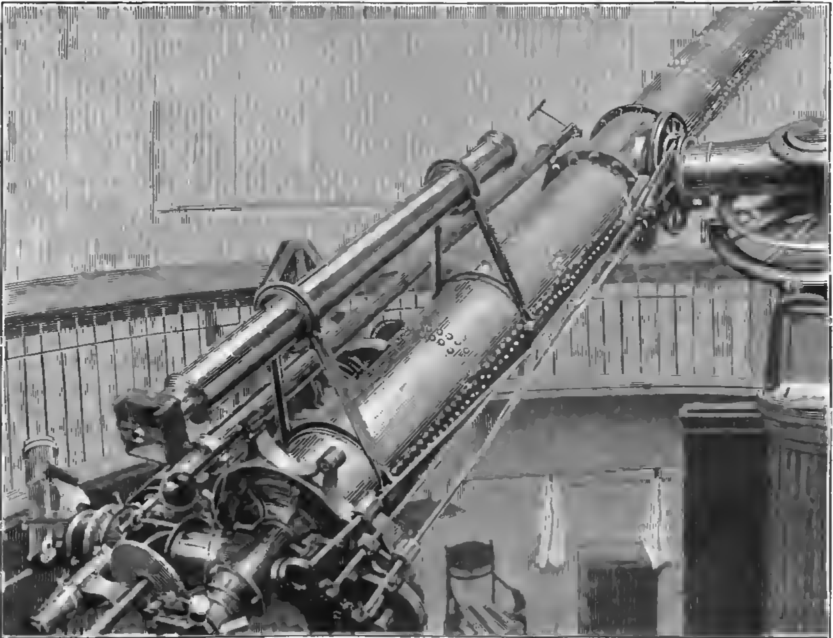

Рис. 4. Старый 15-ти-дюймовый рефракторъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Рис. 3. Пассажный инструментъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

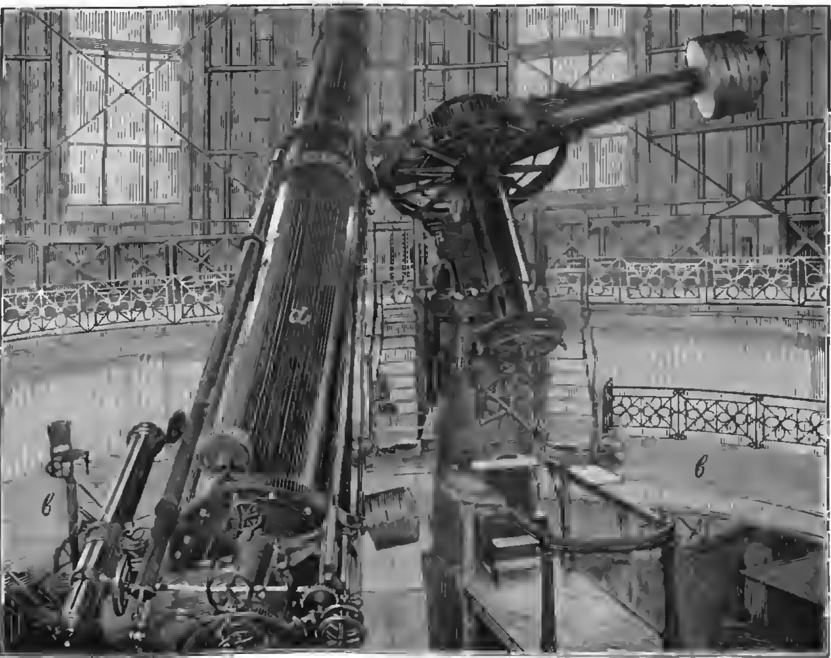

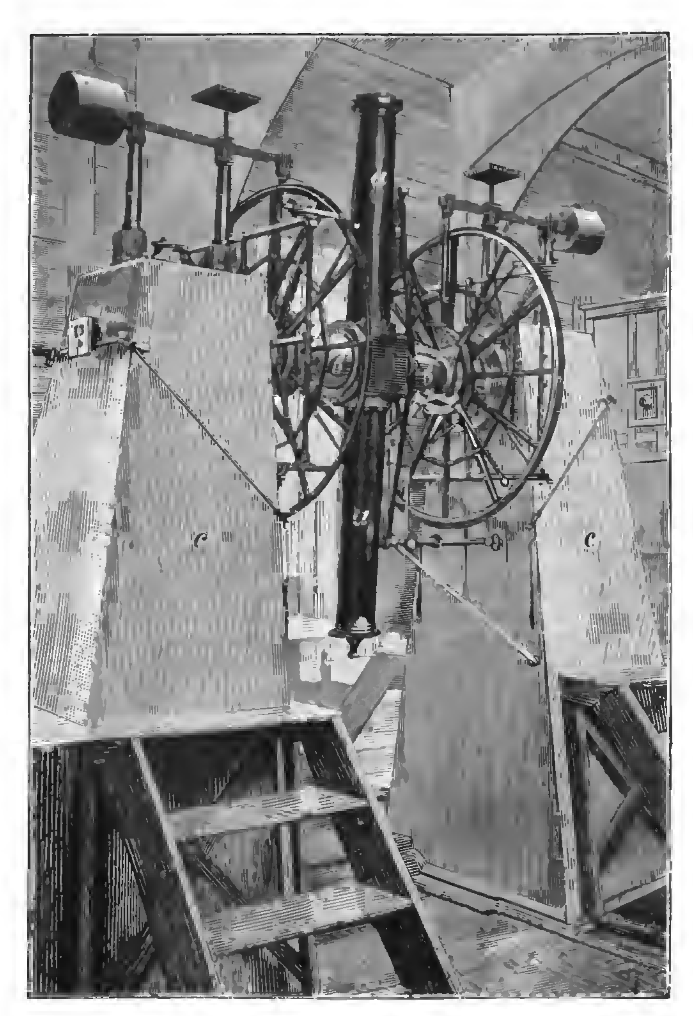
Рис. 5. Новый 30-ти-дюймовый рефракторъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

съ новымъ изслѣдованіемъ, чрезвычайно важнымъ для инженеровъ путей сообщенія и землевладѣльцевъ, принужденныхъ бороться съ разрушительными дѣйствіями воды или ея недостаткомъ. Всѣ сопряженные съ этимъ вопросы весьма обстоятельно изложены и разобраны авторомъ въ небольшой брошюрѣ, которая безъ сомнѣнія сдѣлается настольною у лицъ заинтересованныхъ.

Смѣсь.

Домъ московской синодальной типографіи. Въ древности домъ Синодальной типографіи, одно изъ замѣчательныхъ зданій Китая-города по Никольской улицѣ, извѣстенъ былъ подъ именемъ „Печатнаго двора". Его исторію разсказываетъ г. Пыляевъ въ своихъ компилятивныхъ очеркахъ „Старая Москва". Печатный дворъ построенъ въ 1553 году, по повелѣнію царя Ивана Васильевича. Въ первое время это большое каменное зданіе было о двухъ жильяхъ или этажахъ, съ подклѣтами или погребами; оконницы въ немъ были изъ слюды, кровля и другія пристройки деревянныя. Типографскій дворъ обнесенъ былъ острымъ деревяннымъ тыномъ, а на Никольскую улицу выходили большія деревянныя ворота съ кровлею. Въ 1643 году, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, на Печатномъ дворѣ, на пространствѣ въ длину 39 саженъ по Никольской улицѣ, были сооружены двухъ-этажныя каменныя палаты, а два года спустя была окончена постройка каменныхъ воротъ съ башнею. Надворная башня имѣла въ вышину 13 саж. Зданіе этого двора красивой готической архитектуры, смѣшанной съ арабскимъ и итальянскимъ стилемъ; въ срединѣ воротъ надъ створами, въ большомъ овалѣ, лѣпное изображеніе всевидящаго ока въ лучахъ. Въ бель-этажѣ надъ воротами находятся вѣрнѣйшіе солнечные часы; послѣднихъ двое и помѣщены они по сторонамъ симметрично. На срединѣ надъ бель-этажемъ—англійскій гербъ. Надо думать, впрочемъ, что фигуры коня и единорога, почитаемыя за гербъ Англіи, суть не что иное, какъ гербъ самого Грознаго царя Московскаго, который употреблялъ фигуры этихъ животныхъ на своей печати. Означенный гербъ повелъ къ предположенію, будто домъ этотъ нѣкогда принадлежалъ англійскимъ посламъ и что царь Алексѣй Михайловичъ, разгнѣванный на нихъ, за то, что они умертвили своего законнаго короля Карла I, отнялъ у нихъ домъ. Но это предположеніе вполнѣ опровергается слѣдующею надписью на домѣ: „Божіею милостію и повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великаго князя Михаила и сына его государева царевича великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи, сдѣлана бысть сія палата на дворѣ надъ воротами книгопечатнаго тисненія въ лѣто 7155 (1645) мѣсяца іюнія въ 30 день". Эта надпись относится къ наружному на улицу строенію, а не въ тому что находится внутри двора и построенному Іоанномъ Грознымъ, который первый завелъ въ Москвѣ печатный дворъ. До царствованія Ѳеодора Алексѣевича торговля иконами производилась на большой Проѣзжей улицѣ. Царь нашелъ это неприличнымъ, и именнымъ указомъ повелѣлъ, чтобы промѣнъ Св. иконъ и иконный рядъ были въ сокровенномъ мѣстѣ, и для этого приказалъ на Печатномъ дворѣ сдѣлать пристройку, въ 1681 году, куда и перемѣстили весь иконный рядъ, находившійся на Никольской улицѣ, идя отъ Кремля налѣво впередъ Заиконоспасскаго монастыря. Для иконныхъ торговцевъ построено было по обѣимъ сторонамъ Печатнаго двора десять деревянныхъ лавокъ. (в.)

Тарантасъ графа Соллогуба. Разсказъ гр. Соллогуба „Тарантасъ", конечно, извѣстенъ каждому образованному русскому, но едва-ли кому извѣстна исторія настоящаго тарантаса этого даровитаго писателя, того самаго экипажа, въ которомъ графъ странствовалъ и который, кажется, навелъ его на мысль написать разсказъ съ такимъ заглавіемъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ гр. Соллогубъ, разъѣзжая по Нижегородской губерніи, заѣхалъ въ сельцо Ляхово, отстоявшее въ семи верстахъ отъ Нижняго, по Арзамасской дорогѣ, гдѣ находилась усадьба П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго). Графъ Соллогубъ заѣхалъ къ нему на одинъ день, а пробылъ почти цѣлую недѣлю. Въ это время наступила дождливая погода; дороги испортились настолько, что въ своемъ громадномъ и тяжеломъ тарантасѣ гр. Соллогубъ не надѣялся доѣхать до Нижняго, и ему пришлось отправиться въ почтовомъ экипажѣ. Свой же тарантасъ онъ оставилъ у Мельникова до слѣдующаго посѣщенія. Но такого посѣщенія уже не было: гр. Соллогубъ скоро совсѣмъ уѣхалъ изъ Нижняго. Черезъ два года Мельниковъ тоже оставилъ родныя мѣста и переселился съ семьей въ Петербургъ. Ляховская усадьба цѣлыхъ двадцать лѣтъ оставалась необитаемою и тарантасъ Соллогуба доживалъ свой вѣкъ въ полуразвалившемся сараѣ. Въ 1881 году въ Ляховѣ вспыхнулъ пожаръ: горѣли надворныя постройки усадьбы, и огонь угрожалъ даже дому. Мельникова, жившаго въ это время въ имѣніи, больнаго и разслабленнаго, вывели подъ-руки изъ комнатъ. Когда онъ увидѣлъ сарай, гдѣ стоялъ тарантасъ, весь объятый пламенемъ, онъ улыбнулся и съ трудомъ сказалъ женѣ (онъ плохо тогда владѣлъ языкомъ отъ болѣзни): „Ну, матушка, и тарантасу Соллогуба пришелъ конецъ". (в.)

Полувѣковый юбилей Николаевской Пулковской обсерваторіи.
Рис. 6. Меридіанальный кругъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Сохранившійся старый обычай. Въ селѣ Усольѣ, Соликамскаго уѣзда, Пермской губ., на владѣльческихъ соляныхъ промыслахъ сохранился старый обычай дѣлать праздникъ для заводскихъ рабочихъ въ Прокопьевъ день, 8 іюля. Этотъ праздникъ имѣетъ здѣсь за собою столѣтнюю давность и установленъ до раздѣла Строгановскаго имѣнія между нынѣшними наслѣдниками—совладѣльцами промысловъ, бывшимъ управляющимъ Прокопіемъ Вороновымъ, который пышно и торжественно справлялъ въ тѣ времена свои именины. Въ этотъ день, какъ гласитъ преданіе, стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола, когда гости пили заздравную чару. Теперь угощеніе рабочихъ скуднѣе прежняго, но они и этимъ остаются довольны и цѣлый годъ съ нетерпѣніемъ ждутъ желаннаго дня. Угощеніе происходитъ нынѣ въ самыхъ промыслахъ, для чего нарочно устраиваются достаточно помѣстительные столы и лавки для сидѣнья. Такъ какъ въ Усольѣ въ этотъ день, 8 іюля, бываетъ храмовой праздникъ Казанской Божіей матери, то обѣдъ для рабочихъ съ приличнымъ возліяніемъ начинается послѣ церковной службы. (в.)

Переписка Кантемира. Занимаясь въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ, одинъ изъ молодыхъ русскихъ ученыхъ В. Н. Александренко, доцентъ Варшавскаго университета, открылъ въ архивѣ весьма важную и интересную переписку извѣстнаго русскаго писателя-сатирика, князя Антіоха Кантемира съ англійскими министрами: лордомъ Гаррингтономъ и герцогомъ Ньюкестлемъ. Эта дипломатическая переписка относится ко времени семилѣтняго пребыванія (1732—1738 гг.) князя Кантемира въ Лондонѣ въ качествѣ представителя Россіи при англійскомъ дворѣ. (в.)

Рѣдкій аппетитъ. Въ Ростовѣ-на-Дону, по разсказу одной изъ воронежскихъ газетъ, нѣкая дама проявила недавно особенный аппетитъ. Вполнѣ прилично одѣтая и солидная на видъ, особа эта, покупая какъ-то булки, замѣтила булочнику, что его трехкопѣечный бѣлый хлѣбъ очень малъ. „Укусить одинъ разъ такую булку—и нѣтъ ея!" замѣтила мимоходомъ дама. Оскорбленный булочникъ отвѣтилъ на это дамѣ, что онъ отдастъ цѣлыхъ двадцать булокъ, если такой величины булку дама съѣстъ съ пяти разъ. Храбрая дама взяла булку, немного ее сдавила и, при хохотѣ собравшейся толпы, стала кусать булку разъ, другой... и къ третьему разу въ рукахъ у нея остался лишь маленькій кусочекъ. Послѣ этого, побѣдоносно забравъ двадцать выигранныхъ булокъ, дама отправилась домой при всеобщемъ одобреніи глазѣвшей на даровой спектакль публики. (в.)

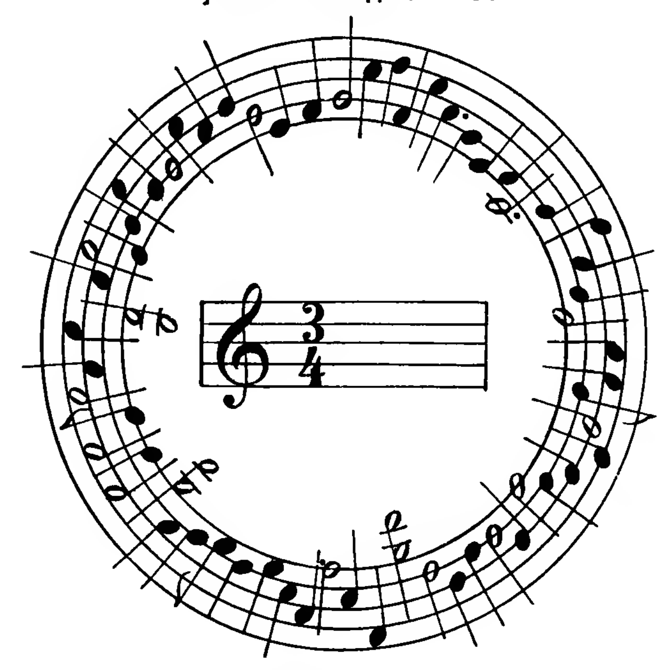
Шляпный промыселъ. Кустарная промышленность вообще процвѣтаетъ въ Слободскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, но особенно развита она въ двухъ юго-западныхъ волостяхъ уѣзда—Шепелевской и Жеребцовской и частью въ сѣверной—Рѣдкинской волости. Въ двухъ первыхъ крестьяне, независимо отъ земледѣлія, занимаются изготовленіемъ посуды и мебели, какъ для мѣстнаго употребленія, такъ и на продажу въ городъ. Въ Воткинской волости занимаются тѣмъ же ремесломъ, а также выдѣлываютъ бочки для мѣстныхъ дегтярныхъ заводовъ. Наконецъ въ сѣверо-западной, Георгіевской волости, отстоящей отъ города въ 26 верстахъ, установился, съ 1888 г., новый промыселъ—выдѣлка соломенныхъ шляпъ. Имъ занимаются, главнымъ образомъ, мальчики лѣтъ 12—13. Первый распространитель этой новой отрасли кустарной промышленности—Елькинъ, крестьянскій мальчикъ села Шестакова, Георгіевской волости. Научился онъ шляпному мастерству у волостнаго писаря Олькова, а этотъ вынесъ шляпочное мастерство изъ Орловскаго уѣзда, гдѣ промыселъ шляпочный существуетъ давнымъ-давно. Въ настоящее время изготовленіемъ соломенныхъ шляпъ занимаются до 20 мальчиковъ. Шляпы плетутся изъ обыкновенной бѣлой соломы. Сперва сбивается изъ 4 соломенокъ длинная полоса, въ формѣ плетня, который потомъ мочутъ въ водѣ, и уже затѣмъ изъ него на модели плетутъ шляпу. Цѣна шляпъ не превышаетъ 30 коп. Изъ мелкой соломы шляпа стоитъ 30 коп., а изъ крупной—15 или 20 коп. (в.)

Средство отъ коклюша у дѣтей. Существуетъ не мало простыхъ лѣчебныхъ средствъ, которыя приносятъ большую пользу тамъ, гдѣ нельзя прибѣгнуть къ помощи врача немедленно, напримѣръ въ деревняхъ. Къ числу такихъ средствъ принадлежитъ и домашнее лѣченіе коклюша у дѣтей. Прежде всего не слѣдуетъ запускать болѣзнь и при первыхъ признакахъ ея начать вытираніе груди, спины и конечностей больнаго ребенка посредствомъ шерстяныхъ перчатокъ или просто фланели. Внутрь надо давать крѣпкій настой изъ сушеной малины, процѣженный, съ прибавленіемъ одной столовой ложки краснаго меду. Пріемы повторять три раза въ день, по столовой ложкѣ, прибавляя каждый разъ въ малину съ медомъ отъ 3 до 6 капель свѣчнаго сала. Кромѣ того, на груди больнаго укрѣпляютъ кусокъ сахарной бумаги, проткнутой во многихъ мѣстахъ булавками и сильно напитанной свѣчнымъ саломъ. (в.)

Изъ исторіи города Одессы. Профессоръ Кирпичниковъ въ статейкѣ своей объ Одессѣ, помѣщенной въ *Историч. Вѣстн.*, говоритъ, между прочимъ, о томъ, какъ быстро, совсѣмъ по сказочному, росла Одесса, „эта дочка великой императрицы". Въ 1793 году, когда мысль основать на мѣстѣ Хаджи-Бея русскій городъ уже совсѣмъ созрѣла и начались работы для постройки большой крѣпости, въ поселкѣ Хаджи-бейскомъ было всего 28 жителей (22 мужскаго пола и 6 женскаго). Въ 1794 году, 27 мая, является знаменитый указъ о Хаджи-Беѣ, а 22 августа митрополитъ уже освящаетъ городъ, въ которомъ насчитываютъ 600 домовъ и землянокъ. Въ слѣдующемъ 1795 г. въ городѣ, уже носившемъ названіе Одессы, почти 2400 жителей (1625 мужч. и 734 женщ.), кромѣ войска, матросовъ и чиновниковъ; въ ея гавань въ этомъ году пришло 39 кораблей и 22 уѣхали съ грузомъ, а въ слѣдующемъ 1796 г., число экспортирующихъ кораблей почти утроилось. На работы въ одесскомъ портѣ императрица, въ 1796 году, затратила огромныя по тому времени суммы въ 312,000 руб. Городъ уже былъ благоустроенъ: въ немъ былъ магистратъ, городской голова и бургомистры и была учреждена цензура для иностранныхъ книгъ. Очевидно городъ и тогда уже доставлялъ Россіи умственные товары Европы. Даже и въ царствованіе Павла, при всѣхъ невзгодахъ, Одесса росла и крѣпла и въ ней жителей было уже почти 9000 человѣкъ, а торговый оборотъ 1800 по 1802 г. болѣе чѣмъ удвоился.

Клѣточный промыселъ. Весьма любопытныя данныя объ этомъ промыслѣ сообщаетъ журналъ *Русскій Лѣсопромышленникъ.* Первымъ основателемъ клѣточнаго промысла былъ нѣкій Петръ Калугинъ, столяръ. Въ 1827 г. онъ привезъ изъ Москвы въ свое село, Медынскаго уѣзда, Калужской губ., канарейку, въ деревянной клѣткѣ. Вскорѣ онъ научился дѣлать клѣтки, его примѣру послѣдовали сосѣди-односельчане и затѣмъ мало-по-малу промыселъ сталъ развиваться вмѣстѣ съ канареечнымъ. Сначала производство клѣтокъ сосредоточивалось преимущественно въ селѣ Полотняномъ Заводѣ, но потомъ оно распространилось по всему Медынскому уѣзду, гдѣ клѣточниковъ наберется не болѣе 10 человѣкъ. Эти клѣточники не имѣютъ своей запашки и живутъ своимъ ремесломъ, выдѣлывая въ годъ до 4000 клѣтокъ различной формы и величины, по 50 коп. среднею цѣною. Такимъ образомъ выручается 2000 руб.; изъ нихъ на матеріалъ, т. е. на бруски, доски, клей, лакъ и политуру расходуется 200 руб., а 1800 остается на 10 семействъ. Сумма эта оказывается не вполнѣ достаточною, но клѣточники выручаютъ еще довольно сносную сумму отъ продажи канареекъ, которыхъ разводятъ всѣ мастера. Клѣточное производство не требуетъ ни отдѣльнаго помѣщенія, ни сложныхъ инструментовъ. Обыкновенный столярный верстакъ съ принадлежностями, стоющій не болѣе 6 руб., составляетъ главную часть первоначальнаго обзаведенія. Затѣмъ для этого производства необходимы: маленькій станокъ съ зыбкою, для точенія столбиковъ и шишечекъ, клещи для протаскиванія и тягольная дощечка, служащая для протягиванія прутиковъ и состоящая изъ стальной пластинки съ 20 дырочками различныхъ размѣровъ. На выдѣлку клѣтокъ идутъ основныя доски въ 1/4 вершка толщины, называемыя клѣточнымъ тесомъ. Для работы одного человѣка въ годъ требуется до 150 досокъ, въ 7 вершк. ширины и 3 арш. длины. Рѣшетки дѣлаются изъ клена, который продается для этого въ видѣ кругляковыхъ дровъ въ 1½ арш. длины и отъ ½ до 1½ вершка толщины. Самая выдѣлка очень проста: высушивъ столько досокъ, сколько нужно для недѣльной работы, мастеръ распиливаетъ ихъ по шаблонамъ, т. е. заготовляетъ передъ, верхъ и низъ или станокъ; пока станки обдѣлываютъ, верхи красятся. Когда верхи высохли, приготовляютъ прутики, распиливая ихъ на тоненькія лучинки, которыя затѣмъ протягиваются черезъ отверстія тягольной дощечки, переходя постепенно отъ большихъ къ меньшимъ; этимъ обыкновенно занимаются жена и дѣти хозяина. Покрывая лакомъ верхи, въ то же время красятъ и отдѣлываютъ станки, послѣ чего части клѣтки собираютъ. Такъ какъ видъ и отдѣлка клѣтокъ очень разнообразны, то и число выдѣлываемыхъ въ недѣлю клѣтокъ колеблется между двумя и двадцатью, также какъ и ихъ цѣна, достигающая отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 20 к. (в.)

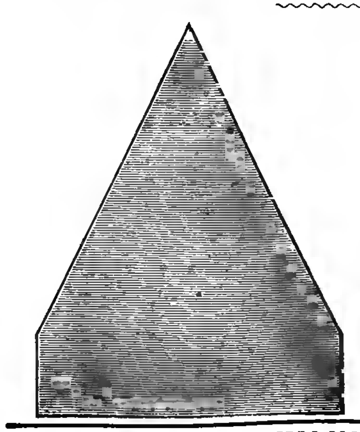
Музыкальная задача № 54.

Отъ одного изъ помѣщенныхъ въ этомъ кругѣ sol требуется отсчитывать по равному числу нотъ и выписывать послѣднюю изъ нихъ, считая слѣва направо, до тѣхъ поръ пока весь кругъ окончательно не будетъ высчитанъ. Первое sol составляетъ за-тактъ и начало мелодіи, а первый тактъ и счетъ начинается со слѣдующей ноты. Отсчитанныя ноты выписываются по порядку и составляютъ извѣстную мелодію. Разъ выписанная нота впослѣдствіи уже не считается.

Какъ называется мелодія, черезъ сколько нотъ высчитывается и какимъ sol начинается?

Геометрическая задача № 55.

Данную фигуру раздѣлить на семь частей, изъ которыхъ требуется составить правильный шестиугольникъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

☛ Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года, ☚

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и **полтора аршина** ширины).

Желая наиболѣе удешевить цѣны рамъ и такимъ образомъ сдѣлать пріобрѣтеніе ихъ доступнымъ каждому, мы въ настоящемъ году озаботились изготовленіемъ (**на фабрикѣ Ч. Гофмана въ СПБ.**) рамъ **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, изъ коихъ первый имѣется только изъ золоченаго полированнаго багета, а второй и третій—изъ **золоченаго** и **чернаго.** Размѣръ и цѣны рамъ, **со вставленными въ нихъ картинами** (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго **золоченаго** багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 1³/₈ вершк.) по **3 руб.**, съ упаковкою въ ящикѣ **для иногороднихъ** по **4 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же **золоченаго** или **чернаго**, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2 вершка) **по 4 руб.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногороднихъ по 5 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2⁸/₁₀ вершк.): золоченыя **6 р.**, и черныя **5 р. 50 к.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногороднихъ 7 р. 50 к.** и **7 р.** (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, **по полученіи слѣдуемыхъ за нихъ денегъ**, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

☛ Такъ какъ при выдачѣ преміи (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ получить премію въ рамѣ, НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору **свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года.**

Гг. московскіе подписчики могутъ получить **премію въ рамѣ также теперь**, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ **Н. Н. Печковской** (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: **№ 1**—по **4 руб.**, **№ 2**—золоченыя и черныя—по **5 руб.** и **№ 3**—золоченыя **7 р.**, черныя **6 р. 50 к.**

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

Начало занятій 1 сентября.

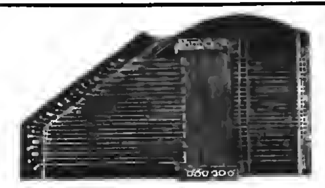
Музыкально-драматическіе КУРСЫ РАПГОФЪ

Программы выдаются и высылаются безплатно.

СПБургъ, Малая Морская, д. № 7. Пріемъ по пятницамъ съ 2—6 ч. веч. Съ 17-го августа ежедневный.

СОСТАВЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: **ПѢНІЕ:** проф. Е. Ф. Цванцигеръ, З. П. Гренингъ-Вильде, г-жа Нардуччи и г-нъ Гропелло. **ФОРТЕПІАНО:** А. К. фонъ-Дрейеръ, А. И. Полетика, Е. П. Рапгофъ, г-жи Ярмушь, Диллонъ, Горячева и другіе. **СКРИПКА:** гг. Поповъ и Радике. **ВІОЛОНЧЕЛЬ:** г-нъ Потаповъ. **ФЛЕЙТА:** Э. Келеръ. **ВАЛТОРНО:** г-нъ Франкъ. **ТЕОРІЯ:** К. фонъ-Бахъ, г-нъ Липпольдъ и В. Соколовъ. **СОЛЬФЕДЖІО:** М. А. Данилевская. **ФРАНЦУЗСК. и ИТАЛЬЯНСК. ЯЗЫКИ:** г-жа Отсолигъ и г-нъ Нардуччи. **МИМИКА и ТАНЦЫ:** г-нъ Анстовъ. **КЛАССЪ ПЕДАГОГИКИ ФОРТЕПІАННОЙ ИГРЫ:** Евг. Павл. Рапгофъ. **КЛ. ДРАМ. ИСКУССТВА:** С. М. Сосновскій.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Смотря по предмету и по курсу отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. | Всѣ дополнительные предметы преподаются безплатно. Директоръ курсовъ **Евген. Павл. Рапгофъ.**

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Болкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (8) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези" и снопоязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (6)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноцъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ.

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бициклы отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

НОВОЕ, **ПЯТОЕ** ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

☞ **Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.**

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.**, съ перес. **6 р. 75 к.**; въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями—**8 руб.**, съ пересылкою **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы"—5 р. 50 к., съ перес. **6 р. 25 к.**; въ переплетѣ **7 р.**, съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ СПБургъ, въ контору журнала „Нива" (Невскій, 6).

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Больш. чувствит., хорошо вывѣрены. № 3982 2—2

Въ никкелиров. оправѣ 5 и 6 р. 50 к., пересылка за 2 фунт.

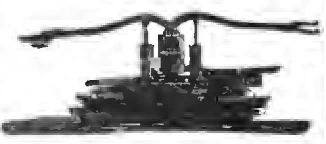
Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р.
Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р.
Карманн. баром. и для измѣренія высоты отъ 12 р. 50 к. до 50 р.

Е. КРАУСЪ и К°.
Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ. 4.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ-кур. высылается безплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3925
Также нужны вѣрные съ постоянныимъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа. Спеціалистъ хронометровъ.
Рекомендую золот. глухіе мужскіе часы полухронометръ въ 120 р., которые не уступаютъ вѣрности хода хронометра въ 350 р.
Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3947 10—4

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,
НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ
молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Тріумфъ, локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣнныхъ прессовъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, катковъ для бѣлья и пр. № 3942 6—4

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. безплатно.

CORSETS LEOTY 20—18
adoptés par le High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine. Paris.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва, Кузнецкій мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Дозвол. ценз., СПБ., 9 августа 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. — г. XX

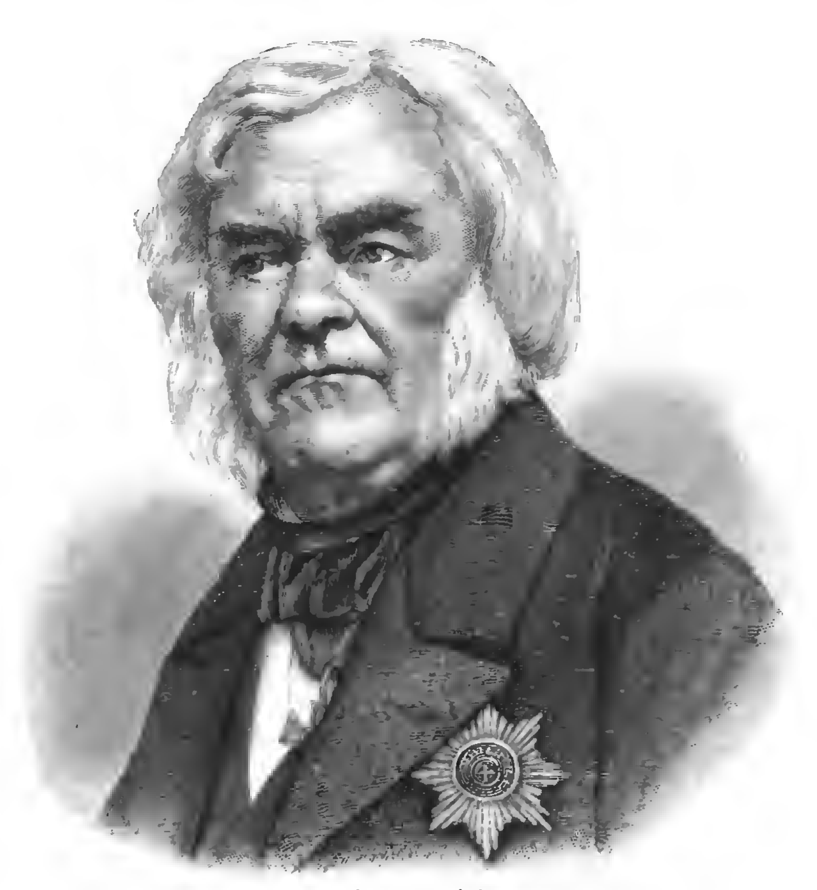
№ 34 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 19 августа 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. Х. Востоковъ.

Имя Востокова извѣстно въ нашемъ отечествѣ какъ автора русской граматики, по которой училось русскому языку не одно поколѣніе; но далеко не всѣ даже вполнѣ образованные люди знаютъ его какъ замѣчательнѣйшаго ученаго, какъ полезнаго литературнаго дѣятеля и поэта. По поводу недавно исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня его кончины, будетъ весьма кстати вспомнить теперь о его заслугахъ, которыя должны быть памятны каждому Русскому. Востоковъ сдѣлалъ весьма много для языкознанія въ теченіе своей слишкомъ полувѣковой дѣятельности и въ исторіи филологіи его имя стоитъ на ряду съ первоклассными европейскими филологами. Въ тѣ дни, когда и въ Западной Европѣ еще не замѣтно было вѣяній новаго историческаго направленія филологической науки, онъ выступилъ съ рядомъ открытій, важныхъ особенно въ томъ отношеніи, что они произвели

Александръ Христіановичъ Остенэкъ (Востоковъ) (по поводу 25-лѣтія со дня смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

переворотъ въ понятіяхъ о славянскомъ языкѣ, господствовавшихъ до тѣхъ поръ. Эти открытія—плодъ долголѣтняго усидчиваго труда—объяснили коренныя свойства древняго церковно-славянскаго языка, какъ одного изъ древнѣйшихъ проявленій общаго языка всѣхъ славянъ, а также послужили ключемъ къ уразумѣнію постепеннаго видоизмѣненія славянскихъ нарѣчій при переходѣ отъ строя древняго къ новому. Своимъ взглядомъ на исторію старославянскаго языка, взглядомъ новымъ и глубокимъ, который сошелся съ послѣдовавшими открытіями западно-европейскихъ филологовъ, Востоковъ, по замѣчанію Срезневскаго, положилъ прочное основаніе славянской филологіи, какъ самостоятельной отрасли филологическихъ изслѣдованій. Шафарикъ и Копитаръ волей-неволей должны были сдѣлаться его послѣдователями; они стали его учениками и послѣдній всегда восторженно отзывался о заслугахъ Востокова: „lumen, creator philologiae slavicae,

Ostromiri Aristarchus“—такими именами называетъ Копитаръ знаменитаго русскаго филолога. Когда появился извѣстный трудъ Востокова „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“, знаменитый аббатъ Іосифъ Добровскій, приготовившій въ это время къ изданію свою работу „Institutions linguae slavici veteris dialecti“, хотѣлъ истребить отпечатанные листы этой книги — настолько трудъ Востокова вдругъ преобразовалъ взглядъ Добровскаго, выработавшійся у него годами.

Востокову принадлежитъ также починъ въ дѣлѣ ознакомленія соотечественниковъ со множествомъ памятниковъ славянской и русской письменности древней и старинной, и въ этомъ отношеніи его имя должно быть поставлено рядомъ съ именемъ Карамзина. Востоковъ составилъ „Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго музеума“ и издалъ „Остромірово Евангеліе“ — этотъ драгоцѣнный памятникъ XI вѣка. Съ такой тщательностью ни прежде, ни послѣ не былъ изданъ ни одинъ славянскій памятникъ. Надъ изданіемъ „Остромірова Евангелія“ Востоковъ работалъ четыре года и, давъ намъ текстъ его, буквально вѣрный съ подлинникомъ, снабдилъ книгу грамматическими правилами языка, извлеченными изъ этого памятника и служащими для облегченія систематическаго изученія славянскаго языка по „Остромірову Евангелію“. Описаніемъ слишкомъ 470-ти Румянцевскихъ рукописей онъ оказалъ громадную услугу: только съ этого времени явилась возможность начать ученую разработку древней русской литературы и русскихъ древностей вообще, не только лицамъ могущимъ посѣщать Румянцевскій музей, но всѣмъ и каждому. Такимъ образомъ, Востоковъ, по выраженію Шевырева, „первый отворилъ намъ двери въ тайны рукописныхъ древностей до Петровской Руси и указалъ на обиліе сокровищъ, которыя здѣсь находятся“... Отворить эти ржавыя, желѣзныя, заложенныя засовами и увѣшанныя заговоренными замками двери въ нашу древнюю Русь — подвигъ геркулесовскій. Востокова справедливо считаютъ основателемъ славянской палеографіи; ему первому пришло на мысль пріурочивать памятники письма къ опредѣленному времени на основаніи разныхъ палеографическихъ примѣтъ и затѣмъ объяснять эти примѣты. Онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ у насъ палеографовъ въ отношеніи строгаго пониманія своихъ обязанностей, стараясь при оцѣнкѣ памятника старины и древности вникать во всѣ мелочи историческія, хронологическія, литературныя и другія, кромѣ особенностей письма и языка. Точность, полнота и разнообразіе наблюденій въ его описаніяхъ и изданіяхъ памятниковъ и въ его „Словарѣ Церковно-Славянскаго языка“ — просто поразительны. Что касается поэтическихъ произведеній Востокова, то теперь они, конечно, устарѣли, но въ свое время они обращали на себя вниманіе своей искренностью, непринужденностью, теплотою чувства. Нѣкоторыя стихотворенія по тону своему напоминаютъ стихи Державина, но строй лиры Востокова нѣжнѣе. Величественныхъ образовъ, созданныхъ творческой силой Державина, у Востокова нѣтъ, но у него нѣтъ „и тѣхъ паденій генія, слѣды которыхъ, по мнѣнію одного критика, мы видимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ пѣвца Фелицы и которыя происходили отъ недостатка развитія тонкаго вкуса при первоначальномъ образованіи.“ Все граціозное въ природѣ и жизни находило откликъ въ поэтической душѣ Востокова. Какъ поэтъ, онъ не проложилъ новыхъ путей въ искусствѣ, но какъ умный и просвѣщенный писатель съ широкими литературно-художественными понятіями принесъ много пользы. Онъ первый сдѣлалъ попытку ввести разнообразіе въ метрахъ, заимствуя новые стихотворные размѣры, по примѣру нѣмцевъ, у латинскихъ и греческихъ классиковъ; имъ впервые разъяснено строеніе стиха нашихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, въ которыхъ онъ открылъ просодическіе періоды, имѣющіе около слога съ удареніемъ нѣсколько слоговъ безъ ударенія.

Мы, русскіе, тѣмъ болѣе должны быть благодарны Востокову за все имъ сдѣланное для отечественнаго языка, что этотъ благородный дѣятель былъ по происхожденію иноземецъ, который всю свою жизнь посвятилъ странѣ для него чужой. Настоящая фамилія Востокова — Остенэкъ. По совѣту близкихъ друзей, начавъ заниматься литературой, онъ перевелъ свое прозвище на русскій языкъ и сталъ подъ стихами подписываться псевдонимомъ *Востоковъ*, а подъ серьезными статьями ставилъ *Остенэкъ-Востоковъ*. Впослѣдствіи пламенный русскій патріотъ А. Н. Оленинъ убѣдилъ его подписываться просто *Востоковъ* и съ тѣхъ поръ и въ Россіи, и заграницей онъ былъ извѣстенъ только подъ этимъ псевдонимомъ. Александръ Христофоровичъ Остенэкъ (Osteneck) родился въ Аренсбургѣ (на островѣ Эзелѣ) 16 марта 1781 года и прежде всего выучился своему родному языку, нѣмецкому, живя на воспитаніи въ Ревелѣ у маіорши Трейблутъ, но вскорѣ выучился и по-русски, слушая разсказы сержанта Савелія, жившаго въ томъ же домѣ. На восьмомъ году онъ былъ отвезенъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, откуда, вслѣдствіе сильнѣйшаго заиканія, мѣшавшаго мальчику пріобрѣтать познанія, онъ былъ переведенъ въ Академію Художествъ, гдѣ, по окончаніи курса, служилъ помощникомъ библіотекаря. Потомъ онъ находился на службѣ въ Коммисіи составленія законовъ и въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ; съ 1815 г. занималъ мѣсто помощника хранителя рукописей Имп. Публ. библіотеки, а съ 1830 г. утвержденъ хранителемъ рукописей ея, и служилъ здѣсь до 1845 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ старшимъ библіотекаремъ Румянцевскаго музея и главнымъ редакторомъ археографической коммисіи. Въ 1820 г. Востоковъ сдѣлался членомъ Россійской Академіи, а по преобразованіи ея, членомъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ, принимая главное участіе въ составленіи Словаря, изданнаго академіей. Заниматься литературой Востоковъ началъ въ молодыхъ лѣтахъ и, будучи членомъ-основателемъ Вольнаго Общества любителей россійской словесности, помѣщалъ свои первыя стихотворенія въ изданіяхъ этого общества. Занятія свои филологіей и палеографіей онъ началъ еще на службѣ въ Имп. Публичн. библіотекѣ. Заслуги Востокова были достойно оцѣнены и въ Россіи, и заграницей: онъ былъ избранъ въ члены многихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а въ декабрѣ 1854 г. въ нашей Академіи Наукъ праздновался чрезвычайно торжественно юбилей его пятидесятилѣтней литературной жизни. А. Х. Востоковъ скончался 8 февраля 1864 года и погребенъ на Волковскомъ кладбищѣ. Всѣ біографы Востокова говорятъ о его безпримѣрной скромности и почти отшельнической жизни.

П. Быковъ.

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

I.

Въ большомъ кабинетѣ, за огромнымъ письменнымъ столомъ, сидѣлъ Владиміръ Алексѣевичъ Ратиминъ и внимательно просматривалъ газеты, разбросанныя передъ нимъ. Нѣсколько разъ онъ поморщился, придавая презрительное выраженье своему довольно красивому лицу тридцати-двухъ-лѣтняго брюнета. Красный карандашъ быстро вертѣлся у него между пальцами и хрустѣлъ на отмѣчаемыхъ строчкахъ.

Наконецъ, всѣ газеты были просмотрѣны. Ратиминъ всталъ, выпрямился во весь ростъ, потянулся, отошелъ отъ письменнаго стола и началъ ходить взадъ и впередъ, задумчиво водя рукой по густымъ усамъ, въ которыхъ уже виднѣлась сѣдина.

— У меня ничего подобнаго не будетъ, я ни слова не допущу, прошепталъ онъ, и его бритый подбородокъ немного выдвинулся впередъ, привычнымъ движеніемъ, являвшимся у Владиміра Алексѣевича всегда, коль скоро онъ готовился разсердиться. Онъ взглянулъ на старинные бронзовые часы, стоявшіе на темномъ кронштейнѣ, въ углу, тамъ гдѣ обрывались ряды орѣховыхъ полокъ, заваленныхъ книгами, рукописями, раскиданными бумагами. Безъ пяти минутъ одиннадцать. Бекинъ, вѣроятно, сидитъ уже наверху, въ редакціи...

Ратиминъ подошелъ къ домовому телефону, пожалъ, нѣсколько разъ подъ-рядъ, пуговку звонка и проговорилъ, пагнувшись:

— Петръ Леонтьевичъ, вы здѣсь? Прошу васъ ко мнѣ... да, ко мнѣ... поскорѣе...

И онъ сталъ ходить быстрѣе. Проснувшаяся нервность заставляла его двигаться, словно онъ торопился куда-то и боялся опоздать. Онъ взглянулъ еще разъ на часы, потомъ на площадь, гдѣ недавній снѣгъ успѣлъ уже побурѣть, гдѣ ноябрьскій морозъ, грязный морозъ заѣзженныхъ петербургскихъ улицъ, не сверкалъ подъ притупленными лучами солнца, а казался еще болѣе невеселымъ, чѣмъ въ пасмурный день.

— Изъ-за всякихъ пустяковъ волнуюсь! усмѣхнулся Владиміръ Алексѣевичъ,—это даже смѣшно, тѣмъ болѣе, что и самихъ пустяковъ, такъ сказать, въ наличности еще нѣтъ...

Послышались торопливые шаги, дверь отворилась, на порогѣ показался Петръ Леонтьевичъ Бекинъ, запыхавшійся, и проговорилъ:

— Здравствуйте, Владиміръ Алексѣевичъ. Что прикажете?

Ратиминъ брезгливо поморщился отъ словъ „что прикажете" и, противъ воли, не совсѣмъ дружелюбно взглянулъ на вошедшаго. Это былъ толстый господинъ, лѣтъ сорока-двухъ, рыжій, красный, съ растрепанной бородкой клиномъ и прилизанной прической. Неувѣренная, боязливая улыбка расплывалась на его лоснящемся лицѣ, готовая, по первому поводу, превратиться въ выраженіе безпредѣльнаго восторга или исчезнуть, смотря по тому, что̀ можетъ оказаться пріятнымъ начальству.

— Возьмите, пожалуйста, я отмѣтилъ, сказалъ Ратиминъ, кивнувъ на груду газетъ, — но не забудьте: слѣдуетъ воздерживаться отъ колкостей и остротъ. Напишите сами возраженье на статьи „Публициста" и „Времени" по поводу нашихъ корреспонденцій изъ Загреба и покажите мнѣ... Я кое-что, вѣроятно, прибавлю...

— Да, да, да! Какже! Еще-бы! Sans doute, съ неизмѣримой радостью поддакнулъ Петръ Леонтьевичъ, соглашаясь всѣмъ своимъ существомъ со словами своего патрона, съ такимъ выраженіемъ готовности согласиться вообще съ чѣмъ бы то ни было, что, казалось, каждая пуговица его просторнаго сюртука тоже твердила: „да, да, да"...

— Сегодня, продолжалъ Владиміръ Алексѣевичъ, — во всѣхъ газетахъ помѣщены сообщенія, статьи, рекламы, отзывы о госпожѣ Негрѣховой, той родственницѣ или свойственницѣ Пронина, которая на-дняхъ дебютируетъ въ его пьесѣ. У насъ, до сихъ поръ, ничего не было о ней...

— Ахъ, да! Comment donc! Рашметкинъ долженъ добыть новыя свѣдѣнія... Я распорядился. Мнѣ нынче должны доставить подробную біографію...

— И совершенно напрасно распорядились, прервалъ Ратиминъ холоднымъ голосомъ, строго, — никакой рекламы въ моей газетѣ не бывало и не будетъ никогда. Меня удивляетъ, что вы до сихъ поръ не поняли моего взгляда на дѣло. Ни слова объ этой дамѣ, слышите, впредь до моего разрѣшенія. Я призвалъ васъ именно для того, чтобы сказать вамъ это. Я былъ увѣренъ, что вы увлечетесь, не захотите отстать отъ другихъ, а я слишкомъ дорожу честью своей газеты, чтобы давать на ея столбцахъ мѣсто пошлостямъ. Пусть госпожа Негрѣхова дебютируетъ, тогда мы скажемъ свое мнѣніе о ней. Печать существуетъ не для цѣлей нахальной поддержки бездарностей, находящихся въ родствѣ съ пронырливыми авторами, умѣющими добиваться статей... Небось Пронинъ ко мнѣ не сунулся, а къ Рашметкину, навѣрно, подсылалъ услужливыхъ пріятелей.

— Вотъ, вотъ, вотъ, parfaitement juste! замѣтилъ Бекинъ съ самой неунывающею улыбкой, — оно совершенно вѣрно, что...

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный круглый жестъ, потомъ досталъ папиросу и закурилъ, стараясь принять видъ человѣка съ которымъ, вообще, сто̀итъ разговаривать.

— Я вижу, продолжалъ Ратиминъ,—что публика привыкла къ моей газетѣ, къ ея серьезному и строгому тону. Добился я этого съ трудомъ, послѣ трехъ лѣтъ терпѣливыхъ тяжелыхъ стараній. Когда я купилъ у васъ „Столицу", это былъ листокъ пасквилей, сплетенъ и комическихъ потугъ по политическимъ вопросамъ. Въ три года я ее пересоздалъ, превратилъ ее въ честную, уважающую себя и уважаемую газету. Намъ довѣряютъ, насъ слушаютъ, насъ положительно любятъ. Число подписчиковъ служитъ тому доказательствомъ. Подобралъ я хорошихъ, дѣльныхъ сотрудниковъ. Не портьте-же моего дѣла и не заставляйте меня, пожалуйста, входить во всѣ мелочи. Довольствуйтесь тѣмъ, что я говорю вамъ: „пишите объ этомъ и пишите такъ", но *газетчикомъ* я не былъ и никогда не стану. Не такой у меня характеръ... Начать съ того, что вопросъ о подпискѣ оставляетъ меня совершенно равнодушнымъ. Пусть они всѣ бросаютъ насъ, пусть „Столица" поглотитъ все мое состояніе, мнѣ все равно; я до конца не откажусь отъ своихъ убѣжденій, простыхъ, положительныхъ, честныхъ. Не заставляйте меня быть редакторомъ... Я вѣдь, наконецъ, плачу вамъ именно для того, чтобы имѣть возможность не входить въ ваши дрязги. Мнѣ нужна ваша опытность, но въ предѣлахъ, указанныхъ мною...

— Oui, oui, c'est ça! счелъ долгомъ сказать Бекинъ и вдругъ просіялъ, придавъ своему лицу самое галантное выраженіе, потому что на порогѣ показалась Валентина Петровна, жена Ратимина, блѣдная, апатичная блондинка лѣтъ двадцати пяти, которая была-бы прелестна, если-бъ хоть искра жизни виднѣлась на ея лицѣ. Но въ ней все было безцвѣтно: глаза, щеки, волосы, даже свѣтлый капотъ.

— Что̀ случилось? спросила она мужа, поздоровавшись съ Бекинымъ,—даже въ гостиной слышенъ твой голосъ...

Владиміръ Алексѣевичъ забылъ, что его женѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что̀ его интересуетъ, забылъ, съ какимъ равнодушіемъ она относится ко всему не находящемуся въ тѣсной связи съ туалетами и модными журналами. Онъ отвѣтилъ:

— Меня такія вещи сердятъ. Я терпѣть не могу недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Представь себѣ, какую-то дебютантку, еще не успѣвшую выступить ни въ одной роли, Негрѣхову, сломя голову рекламируютъ, потому что она состоитъ въ родствѣ съ Пронинымъ, которому пріятно, чтобы по поводу его пьесы шумѣли, какъ можно больше...

Валентина Петровна пожала плечами, съ презрѣніемъ ко всякимъ „газетнымъ вопросамъ", какъ она мысленно выразилась.

— Что-жъ, снисходительно проговорила она,—можетъ-быть, эта дама талантлива. Тѣмъ болѣе, что она двоюродная сестра даровитаго человѣка, а ты самъ любишь утверждать, что таланты въ семьѣ передаются.

Владиміръ Алексѣевичъ вздохнулъ. Ему стало очень скучно, не хотѣлось больше говорить, и даже совѣстно было, что онъ вздумалъ высказываться передъ женой, передъ безличнымъ Бекинымъ, котораго онъ держитъ при себѣ только потому, что ему удобенъ такой человѣкъ, не смѣющій разсуждать и радующійся всякому приказанію.

Петръ Леонтьевичъ подобралъ газеты и удалился, пробормотавъ нѣсколько почтительныхъ словъ. Валентина Петровна подошла къ мужу.

— Брось, брось все это! нѣжно произнесла она, и чувство блеснуло въ ея глазахъ, сдѣлало ее на секунду привлекательною,—развѣ тебѣ оно нужно?

— Именно оттого и дорого, что не нужно, мой другъ, отвѣтилъ Ратиминъ и нагнулся было съ поцѣлуемъ къ женѣ, но вошелъ лакей и подалъ барину визитную карточку.

Владиміръ Алексѣевичъ взялъ и разсмѣялся.

— Посмотри, сказалъ онъ женѣ.

Та прочла: „Евгенія Сергѣевна Негрѣхова..."

— Актриса?

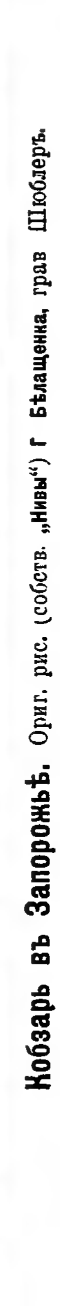
— Да, будущая. Очевидно, она пришла просить сочувственнаго отзыва... и будетъ жестоко раскаиваться, повѣрь...

— Проси! приказалъ онъ камердинеру и проводилъ жену до маленькой двери, замаскированной поддѣльнымъ книжнымъ шкафомъ.—Иди, потомъ все разскажу...

„Значитъ, есть люди, воображающіе, что меня можно подкупить, если не деньгами, то любезностями и поклономъ!" нервно подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ, болѣзненно волнуясь при одной мысли о томъ, что его могутъ считать не вполнѣ безупречнымъ человѣкомъ.

По грибы. Ориг рис. (собст. „Нивы") Суходольскаго, грав. Флюгель.

Кобзарь въ Запорожьѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") г **Бѣлащенка,** грав Шюблеръ.

II.

Онъ встрѣтилъ почти враждебнымъ взглядомъ вошедшую, но первымъ его впечатлѣніемъ было: какъ она хороша!

„Какъ она хороша!“ мысленно повторилъ онъ, кланяясь, и его поразило сходство и несходство это женщины съ его женой... Тотъ же профиль, тотъ же цвѣтъ волосъ, та-же мягкая походка, но лицо оживленное, глаза сверкающіе и какая-то сразу чарующая улыбка на полураскрытыхъ губахъ.

„И одѣвается изящнѣе,“ подумалъ Ратиминъ, понимавшій толкъ въ дамскихъ нарядахъ, какъ человѣкъ уплатившій много по счетамъ портнихъ.

— Вы господинъ Ратиминъ, редакторъ-издатель „Столицы“? спросила Негрѣхова, и ему тотчасъ представилось, что онъ ея голосъ когда-то слышалъ, очень давно или, по крайней мѣрѣ, въ былые годы юности, дѣтства, отвлеченной влюбленности, мечталъ о томъ, что въ ушахъ его будутъ раздаваться ласковыя слова, произносимыя такимъ голосомъ.

Однако онъ встряхнулся душой, подумалъ: „Богъ знаетъ, что̀ со мной дѣлается! Мальчишество“.

— Я, отвѣтилъ онъ,—садитесь пожалуйста, чѣмъ могу служить?

Она сѣла, не спуская съ него взгляда.

Ему, отъ выраженья ея глазъ, сдѣлалось какъ-то не по себѣ, словно онъ чуялъ неуловимую насмѣшку, словно она сказала ему: „а вѣдь я вижу твою душу, и мнѣ смѣшно!“ Онъ тоже сѣлъ, нахмуривъ брови, невольно стараясь казаться занятымъ очень серьезными мыслями.

— Вы, конечно, знаете, кто я, проговорила она,—и...

— Разумѣется, перебилъ онъ, справившись съ собой,—я, по необходимости, читаю всѣ газеты и знаю много подробностей вашей жизни. Вамъ двадцать одинъ годъ, вы удивительно талантливы, но не успѣли еще это доказать, такъ какъ нигдѣ не играли; развили въ себѣ сценическія способности подъ руководствомъ вашего родственника, господина Пронина; лишились недавно отца, матери, средствъ къ существованію; отказали нѣсколькимъ женихамъ, желая посвятить себя исключительно искусству; были прежде очень богаты, воспитывались въ Парижѣ и, до сихъ поръ, проводили каждое лѣто въ Саратовской губерніи. Скажу даже впередъ: на другой день послѣ вашего дебюта, всѣ газеты, имѣющія основанье благоволить къ господину Пронину, будутъ наполнены хвалебными рецензіями, гдѣ мы прочитаемъ, что вы играли превосходно... даже если вы окажетесь самою жалкою посредственностью.

— Скажите, спросила Негрѣхова, насмѣшливо улыбаясь,—вы вѣроятно думаете, что я пришла просить отзыва, рекламы, чего-нибудь въ этомъ родѣ? Напрасно. Повѣрьте, я вовсе не добивалась тѣхъ преждевременныхъ похвалъ, какими подарили меня газеты. Явились эти похвалы благодаря тому, что у Пронина много друзей. И я, признаться, нисколько этимъ не огорчена: на меня обратятъ вниманіе, чего я, при другихъ обстоятельствахъ, не дождалась-бы.... Впрочемъ, да, я пришла просить отзыва, я пришла просить васъ непремѣнно присутствовать на первомъ представленіи „Увлеченья“, чтобы я, на другой день, могла услышать вашъ приговоръ.

— Услышать, а не прочитать? захотѣлъ поиронизировать Ратиминъ.

— Послушайте... не смѣйтесь! Дайте мнѣ договорить.

Въ глазахъ Евгеніи Сергѣевны сверкнулъ рѣзкій огонекъ. Она откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и, глядя на Владиміра Алексѣевича въ упоръ, продолжала твердымъ голосомъ:

— Я пришла къ вамъ, зная васъ хорошо — по слухамъ, по вашей газетѣ, по тому, что̀ о васъ писали. Я пришла къ вамъ, оттого что вѣрю вамъ и васъ уважаю. Я знаю, вы судья строгій, справедливый, не поддающійся никакимъ постороннимъ соображеніямъ. Вы мнѣ скажете, есть-ли у меня талантъ, должна ли я продолжать, надѣяться... Отъ васъ я услышу правду, поступлю такъ, какъ вы скажете поступить. Мнѣ это нужно. Вы вѣдь любите свое-то дѣло, вы поймете меня...

„Что̀ ты: фокусница или искренній человѣкъ?“ подумалъ Ратиминъ, ища какъ разобраться въ ея словахъ, казавшихся ему одновременно слишкомъ простыми и неестественными.

„Во всякомъ случаѣ не бездарность“, рѣшилъ онъ и отвѣтилъ:

— Хорошо.

Это слово постарался онъ произнести самымъ холоднымъ тономъ.

— Хорошо, повторилъ онъ, — я исполню ваше желанье и попрошу даже Кельникова, нашего театральнаго рецензента, предоставить мнѣ написать статью объ „Увлеченіи“ и вашемъ дебютѣ...

— Благодарю васъ...

— Такимъ образомъ, тридцать шесть часовъ спустя, вы узнаете мое мнѣнье и не будете принуждены придти ко мнѣ.

Евгенія Сергѣевна медленно встала.

— Я, признаться, думала, что вы примете меня любезнѣе, проговорила она,—но я не ставлю своей ошибки вамъ въ вину. Прощайте!

И она, кивнувъ съ особенной граціозной сухостью, направилась къ двери.

„Постойте!“ хотѣлъ крикнуть Ратиминъ, но во время удержался, и злость его охватила, когда оригинальная посѣтительница исчезла. Онъ разозлился на себя за-то, что далъ ей уйти что былъ, въ первый разъ въ жизни, невѣжливъ съ женщиной, съ хорошенькой женщиной, которая произвела на него впечатлѣніе враждебно-чарующее, дразнящее, совсѣмъ сбивающее съ толка.

III.

— Авантюристка! сердито прошепталъ онъ, воображая, что всѣ недоконченныя бьющіяся въ немъ чувства — не что̀ иное, какъ неудовольствіе, даже гнѣвъ. Ему было обидно, что онъ, впервые, не съумѣлъ удержаться на должной высотѣ, повелъ глупо разговоръ, вздумалъ обращаться съ Негрѣховой такъ, какъ съ Петромъ Леонтьевичемъ... онъ, всегда гордившійся своею строгою вѣжливостью, выдержкой барина. Красота этой дѣвушки испугала его, заставила быть почти грубымъ.

Досада его возросла до того, что онъ представился самому себѣ совершенно неспособнымъ на то дѣло, которымъ онъ, вотъ уже три года, наполняетъ свою жизнь. Нервный упадокъ силъ обезцвѣтилъ все, для чего онъ, донынѣ, существовалъ, надъ чѣмъ волновался,—обезцвѣтилъ оттого, что ему почудилась громадная разница между имъ самимъ и тѣмъ человѣкомъ какимъ онъ себя считалъ. И ему сдѣлалось больно, совѣстно, потому что внезапно вошла въ его жизнь минута за которую онъ остался недоволенъ собой.

„Отъ нервности избавиться бы мнѣ, тогда все хорошо!“ подумалъ онъ, сознавая, что придаетъ значеніе пустякамъ и не въ состояніи обойти равнодушно эти пустяки.

На него часто находили такія мгновенья, когда онъ проклиналъ мигъ принесшій ему мысль о веденіи газеты, когда онъ проклиналъ двухмилліонное наслѣдство, доставшееся ему отъ ни разу не видѣннаго имъ родственника и давшее ему возможность осуществить давнишнюю мечту, на лишнія деньги. Вспоминались ему прежніе годы полунищеты, годы тяжелой работы

въ газетахъ и журналахъ, когда надо было писать чтобы жить, и когда публика обратила на него вниманіе, послѣ ряда его блестящихъ статей о Гоголѣ, о Жуковскомъ.

Хорошіе дни переживалъ онъ, были свѣтлыя радости, ощущалось довольство самимъ собой, пріятное сознаніе честнаго заработка. Какъ онъ былъ счастливъ, женившись на бѣдной, любящей его дѣвушкѣ!.. И какъ это *близкое*, неуловимое счастье быстро исчезло, едва только явилось внезапное богатство! Пришла на смѣну горячая дѣятельность, дѣятельность не нравящаяся женѣ, установившая между нимъ и Валентиной Петровной неискреннія отношенія, вызывающая постоянныя неудовольствія со стороны Ратиминой.

Но онъ не горевалъ объ этомъ, отдался весь дѣлу, слѣдя за нимъ свысока, съ высоты намѣченнаго идеала, задавшись цѣлью говорить правду обо всемъ, не придерживаясь никакихъ предвзятыхъ взглядовъ и не давая никому повода сказать: „Ратиминъ принадлежитъ къ такому-то лагерю, проводитъ идеи такого-то кружка.“ Нѣтъ, онъ заботился лишь объ одномъ — чтобы всѣ поняли безупречную, во всѣхъ отношеніяхъ, честность его газеты; чтобы всѣ увидѣли, что въ „Столицѣ“ нѣтъ ни одной строчки подъ которой бы не согласился подписаться всякій уважающій себя человѣкъ. И это поняли. Сперва нападали на него, со всѣхъ сторонъ. Пытались глумиться надъ нимъ, доходили до самыхъ беззастѣнчивыхъ инсинуацій... Но глумленіе осѣкалось объ сдержанный тонъ „Столицы“.

Самъ онъ почти не писалъ, но сгруппировалъ около себя лучшихъ публицистовъ Петербурга, всей Россіи. Изрѣдка появлялись его статьи, когда онъ чувствовалъ, что *скажетъ* лучше всѣхъ. Порой, онъ вставлялъ два-три слова въ чужой фельетонъ... именно эти два-три слова бросались всѣмъ въ глаза, производили впечатлѣніе.

И его теперь не радовало это. Ему казалось, что нѣтъ въ немъ качествъ нужныхъ для такого дѣла, что бездарный Бекинъ болѣе его способенъ вести газету, изломавъ всѣ суставы своей душонки о публицистическое ремесло... Брало его чувство гадливости къ излюбленному дѣлу, чувство вызванное тѣмъ, что онъ не можетъ найти человѣка раздѣляющаго вполнѣ его взгляды и не смотрящаго на „Столицу“ какъ на выгодный источникъ дохода. Или честныхъ людей такъ мало?

„А вѣдь она, въ сущности, необыкновенно хороша!“ прервалъ свои мысли Владиміръ Алексѣевичъ и машинально остановился передъ стуломъ, гдѣ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сидѣла Негрѣхова.

Ему вспомнилась ея поза, ея рѣзкій взглядъ. И онъ старался объяснить себѣ, почему она произвела на него такое удручающе-пріятное впечатлѣніе. Но никакого объясненія онъ не могъ подобрать, и мысль его вернулась къ газетѣ. Въ сотый разъ задалъ онъ себѣ вопросъ, какъ быть съ Бекинымъ... и въ сотый разъ рѣшилъ онъ: оставить его, не лишать куска хлѣба. Это бездарность, но бездарность послушная, не смѣющая разсуждать, лакейскаго типа. Съ другимъ было бы больше хлопотъ.

Вдругъ, Ратиминъ захохоталъ, до того ему показалось смѣшнымъ, что онъ вздумалъ развлекать себя мыслями о Петрѣ Леонтьевичѣ.

— Неужели, прошепталъ онъ,—эта дѣвчонка имѣетъ хоть какое-нибудь значенье для меня! Просто миловидность, живость...

Онъ пожалъ плечами, но тотчасъ же замѣтилъ, что совершенно напрасно хочетъ самого себя обмануть. Она, дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, оставила что-то въ его душѣ. Можетъ быть, онъ только заинтересовался оригинальностью встрѣчи? Да, навѣрно такъ. Нѣтъ, тутъ не все. Вѣроятно, играетъ большую роль недовольство собой, несомнѣнное желаніе забыть, загладить душевную неловкость.

„Въ ней огонекъ есть“, подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ. — „Въ ней чувствуется сила, рѣзкая самостоятельность. А можетъ-быть, она просто взбалмошная дѣвица, не терпящая противорѣчій. Я круто обошелся съ ней, вотъ почему я не могу о ней забыть. Какъ она похожа на жену! Да, но какая громадная разница! Столько яркости въ каждомъ ничтожномъ движеніи лица!“

Ратиминъ улыбнулся. Ему послышались ея слова: „я не ставлю своей ошибки вамъ въ вину“, и ему снова показалось, что у нея именно такой голосъ, о которомъ можно мечтать, ласковый, теплый...

„Нѣтъ, нѣтъ!“ возмутился онъ. „Искренней нотки въ ней нѣтъ. Вотъ почему я потерялъ самообладаніе...“

И, подумавъ о женѣ, онъ смутился, какъ будто онъ провинился передъ Валентиной Петровной. Эта безцвѣтная, холодная женщина, сдѣлавшаяся безцвѣтной и холодной съ того времени, какъ они разбогатѣли, прежде, въ дни бѣдности и лишеній, никогда не жаловалась на судьбу, придавала ему бодрость, но не заставляла работать во что̀ бы то ни стало, трудиться во имя гроша.

„Очень просто!“ мелькнуло въ его головѣ.—„Очень просто! Она не жаловалась, благодаря своему неподвижному равнодушію ко всему.“

Но онъ отогналъ отъ себя это объясненіе.

„Вѣдь я съ нею счастливъ!“ подумалъ онъ. — „Мнѣ покойно, тихо. Она не вторгается въ мою жизнь... потому что ей нѣтъ дѣла до моей жизни“, неожиданно докончилъ Ратиминъ, внезапно понявъ, что онъ не въ силахъ найти доводы могущіе поставить его жену выше... выше...

Онъ не нашелъ сравненія, потому что боялся мысленно произнести „выше Негрѣховой“.

— Что̀ это! проговорилъ онъ, — не могу отъ этой дѣвчонки избавиться!

Взглядъ его скользнулъ по письменному столу, упалъ на визитную карточку.

— Евгенія Сергѣевна, прочиталъ онъ и сконфузился, какъ будто ему представилось, что она, Негрѣхова, находится около него, слышитъ, какимъ голосомъ онъ произноситъ ея имя, и смѣется надъ нимъ.

„Да,“ подумалъ онъ, — „я былъ смѣшонъ, глупъ...“

— Можно войти? послышался вѣжливый голосокъ Бекина.

— Войдите, отвѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ, довольный тѣмъ, что явился человѣкъ и помѣшаетъ думать. Какъ нарочно, сегодня, въ пріемный часъ, никто, кромѣ Негрѣховой, не пришелъ. Иной разъ человѣкъ сорокъ является.

Петръ Леонтьевичъ держалъ въ рукахъ нѣсколько длинныхъ и узкихъ полосокъ бумаги, покрытыхъ печатаннымъ текстомъ.

— Вотъ гранки, сказалъ онъ, — вамъ угодно было посмотрѣть, въ гранкахъ, статью Бронскаго о книгахъ, вышедшихъ за послѣдній мѣсяцъ.

— Хорошо, подождите...

Ратиминъ взялъ полоски и сталъ ихъ внимательно просматривать.

— Выкиньте все, что̀ сказано о романѣ Зарокова, проговорилъ онъ,—заявите Бронскому, что я самъ напишу объ этомъ романѣ. Сколько разъ твердилъ я: недобросовѣстно нападать на автора только потому, что онъ работаетъ въ журналѣ которому мы не сочувствуемъ.

— Вотъ, вотъ, да, да, comme de raison! обрадовался Бекинъ и прибавилъ: — я принесъ также свою статью по поводу Кавказской желѣзной дороги... Не будете-ли добры просмотрѣть?

Владиміръ Алексѣевичъ началъ читать, вычеркнулъ

двѣ или три фразы, написалъ нѣсколько словъ на поляхъ и вернулъ, сказавъ:

— Такъ будетъ хорошо. Я съ удовольствіемъ замѣчаю, что вы, наконецъ, усвоили себѣ нужный тонъ и писали-бы безупречно, если-бы не имѣли пристрастія къ общимъ мѣстамъ.

Петръ Леонтьевичъ просіялъ отъ радости. Онъ опустился на стулъ, гдѣ, за десять минутъ передъ тѣмъ, сидѣла Негрѣхова, сдѣлалъ круглый жестъ лѣвой рукой и сталъ излагать всѣ соображенія, какія у него, вообще, имѣлись относительно желѣзныхъ дорогъ.

Ратиминъ разсѣянно приговаривалъ „хорошо, хорошо“, думая о Евгеніи Сергѣевнѣ. Его продолжало томить предположеніе, что онъ, въ ея глазахъ, не сталъ на должную высоту. Вдругъ, онъ удивленно посмотрѣлъ на Бекина, пораженный тѣмъ, что тотъ осмѣлился сѣсть на ея стулъ, и прервалъ его объясненія:

— Послушайте... вы бы пересѣли... мнѣ такъ неудобно.

IV.

Завтракъ близился къ концу. Старый лакей, прислуживавшій нѣкогда отцу Ратимина и хорошо помнящій невеселыя времена, пережитыя бариномъ до полученія внезапнаго наслѣдства, принесъ уже миніатюрныя чашки кофе, поставилъ коробку съ сигарами и застылъ, въ ожиданіи пока господа встанутъ.

Владиміръ Алексѣевичъ сидѣлъ, откинувшись назадъ, хмурый, съ неяснымъ томленіемъ въ сердцѣ. Пронеслось три дня съ тѣхъ поръ, какъ красота Негрѣховой сверкнула въ его душевномъ мірѣ, и не проходило часа, чтобы онъ не подумалъ о ней, все чаще и чаще, не зная еще, что́ собственно захватило его въ этой женщинѣ... Красота, рѣзкость, неожиданность встрѣчи?.. или-же онъ возвращается мыслью къ ней только потому, что остался въ немъ осадокъ недовольства собою, желаніе увидѣть ее еще разъ и доказать ей что онъ дѣйствительно тотъ человѣкъ котораго всякій долженъ уважать и бояться.

Нельзя было забыть о ней. Всѣ о ней говорили, вездѣ шли толки; куда ни поѣзжай, услышишь ея имя. У Шапиро красуется ея портретъ, поразительно удачный, дразнящій улыбкой и выраженіемъ глазъ.

И Ратиминъ теперь не смѣлъ смотрѣть на жену, точно появилось въ его жизни обстоятельство легшее на его душу пятномъ. Ему даже больно было прислушиваться, какъ она, сидя за столомъ, болтаетъ со своей сестрою, игриво-симпатичною Софьей Петровной, дѣвушкой лѣтъ восемнадцати, живущей у нихъ въ домѣ вотъ уже года два, со времени смерти матери. Она оживляла ихъ бездѣтную семью.

А Софья Петровна, въ этотъ день, была особенно въ ударѣ, смѣялась, шутила, словно она хотѣла дать понять Ратимину: видишь, какъ хорошо и весело мы живемъ, а ты вздумалъ увлекаться первою встрѣчною хорошенькою женщиной, затемняешь себѣ существованіе неизбѣжною теперь ложью...

Глупости! Никто не подозрѣваетъ. Всѣ воображаютъ, что онъ поглощенъ газетой, а вотъ уже два дня какъ онъ долженъ производить надъ собой усиліе, чтобы заставить себя заглядывать въ гранки, кое-какъ просматривать нумеръ въ полосахъ... Пустяки! Никто не догадывается... Жена, попрежнему, относится къ нему съ неподражаемо равнодушною любовью, сонная душой, заспанная сердцемъ; попрежнему морщится она при одномъ видѣ листовъ „Столицы“, какъ будто эта газета отняла у нея мужа; попрежнему она бросаетъ на Владиміра Алексѣевича короткіе взгляды, полные холодной, неподвижной любви.

А Соня—развѣ она можетъ думать о чемъ-бы то ни было, кромѣ своей свадьбы съ Разволинымъ? Она считаетъ дни отдѣляющіе ее отъ седьмаго января, воображая, что выходить замужъ, это *ужасно смѣшная* радость.

— Дядя Володя, дядя Володя! говоритъ она, называя, неизвѣстно почему, Ратимина дядей, — ты, пожалуйста, прикажи своему хроникеру описать мой подвѣнечный туалетъ...

И она сама смѣется своей шуткѣ, счастливая, миловидная, съ ямочками на щечкахъ и вздернутымъ носикомъ „угрожающимъ небесамъ“, какъ увѣряетъ Ратиминъ, когда онъ въ духѣ.

Дядя Володя разсѣянно смотритъ на нее, стараясь понять, по блеску ея черныхъ глазъ безпокойной брюнетки, о чемъ она болтаетъ, и, кое-какъ улыбнувшись, отвѣчаетъ:

— Да...

— Только ужасно нехорошо, что у меня женихъ некрасивый! комично сожалѣетъ Соня, и она складываетъ свою подвижную физіономію въ потѣшную гримасу, передразнивая отсутствующаго жениха.

Валентина Петровна замѣчаетъ:

— Онъ превосходный человѣкъ, но, дѣйствительно, некрасивъ и не производитъ сразу пріятнаго впечатлѣнія.

А Соня неожиданно сердится. Ей замѣчаніе сестры кажется очень обиднымъ.

— Вовсе нѣтъ, возражаетъ она,—я, напротивъ, увѣрена, что онъ можетъ нравиться очень многимъ. Я убѣждена, что онъ долженъ нравиться. Я знаю, что есть дамы которыя въ него влюблены.

Валентина Петровна улыбается. Черезчуръ смѣшнымъ является для нея представленіе о томъ, что есть женщины способныя влюбиться въ Разволина.

— Да вѣдь я его люблю, настаиваетъ Соня.

— Ты—другое дѣло. Ты его любишь и совершенно права, но влюбиться въ него положительно невозможно.

— Ты не можешь знать, ты ничего не понимаешь! Дядя Володя, вѣдь Михаилъ Константиновичъ прелесть? да? Скажи?

— Да, да, съ чувствомъ отвѣчаетъ Владиміръ Алексѣевичъ, и сердце его сжимается: онъ вспоминаетъ, что первое представленіе „Увлеченія“ назначено на слѣдующій день. Ему думается, что онъ выйдетъ изъ театра уже не такимъ безупречнымъ.

И Соня радуется, но, чтобы вполнѣ быть счастливой, она хотѣла-бы имѣть въ рукахъ доказательство того, что въ ея будущаго мужа влюбляются поголовно всѣ женщины видѣвшія его хоть разъ, непремѣнно всѣ.

„Впрочемъ, нѣтъ!“ рѣшаетъ Владиміръ Алексѣевичъ. „Не можетъ быть дурнаго въ томъ, что я увлекаюсь, даже увлеченъ. Вѣдь я не допущу себя до предосудительнаго поступка. Мое душевное состояніе доказываетъ, что много еще жизни и чуткости во мнѣ“.

Ему приходитъ на умъ фраза изъ Онѣгина:

Любви всѣ возрасты покорны,
Ея порывы благотворны...

Его раздумье было прервано лакеемъ, подавшимъ ему на подносѣ письмо. Владиміръ Алексѣевичъ лѣниво распечаталъ... изъ конверта выпали театральный билетъ и визитная карточка Негрѣховой. На карточкѣ было написано: „Чтобы напомнить о себѣ, посылаю кресло на завтра; сдается мнѣ, что вы сочтете это взяткой, разсердитесь, не придете...“

— Ждутъ отвѣта? торопливо спросилъ Ратиминъ.

— Ждутъ-съ...

Владиміръ Алексѣевичъ, въ нерѣшительности, повертѣлъ карточку. Ему очень хотѣлось приказать: „узнай отъ посланнаго адресъ госпожи Негрѣховой“, но онъ не рѣшился, подумалъ, что это будетъ неловко. Кромѣ того, къ чему свиданье? Чтобы заявить ей: „вы мнѣ нравитесь?“ Только это можетъ онъ сказать, не солгавъ. Любви тутъ нѣтъ.

Цыганка. Съ картины **Чумакова**, грав. Пааръ.

— Скажи, что хорошо, проговорилъ онъ.

Лакей вышелъ.

— Отъ кого письмо? спросила Валентина Петровна.

— Отъ этой актрисы... отъ той... ну, знаешь, началъ Ратиминъ, съ дѣланной разсѣянностью, но ему сейчасъ же пришло на умъ, что такое притворство не честно, и онъ прибавилъ:—отъ Евгеніи Сергѣевны Негрѣховой, которая была у меня три дня тому назадъ. Ты помнишь? Присылаетъ билетъ на свой завтрашній дебютъ...

— Дядя Володя, дядя Володя, намъ ложу! Пожалуйста! шутливо протянула Соня, подражая капризному ребенку.

— Слушаю-съ; она, кстати, взята, весело отвѣтилъ Владиміръ Алексѣевичъ, довольный своею формальною откровенностью.

Когда встали изъ-за стола, онъ, цѣлуя руку жены, былъ совершенно спокоенъ.

— Ты ѣдешь куда-нибудь сегодня? спросила Валентина Петровна.

— Не знаю... теперь я въ редакцію зайду.

— А вѣдь дядя Володя сегодня какой-то странный, задумчиво замѣтила Соня.

(Продолженіе будетъ).

Подъ звонъ колоколовъ.

Романъ **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXVI.

Навѣстилъ и Дороцкій больную Вѣрочку.

Бѣдный поэтъ дѣйствительно былъ разстроенъ.

Онъ писалъ теперь все о тиранахъ и жертвахъ, представляя подъ первыми Ряднова, а подъ вторыми—Вѣру Васильевну. Первымъ онъ грозилъ всѣми перунами какіе были въ распоряженіи его неукротимой фантазіи, вторымъ обѣщалъ райское блаженство на землѣ, причемъ главною прелестью этого рая считалъ любовь поэта (подразумѣвая подъ симъ послѣднимъ не кого иного какъ самого себя)... Наконецъ, вообразивъ, что она должна умереть, онъ воспѣлъ ея раннюю кончину самыми звучными стихами, а потомъ ему представилось, что онъ долженъ будетъ послѣдовать за нею въ мракъ Аида. Онъ такъ пожалѣлъ себя, что наваляль цѣлую поэму, въ одной части которой онъ умиралъ, во второй къ нему слетали ангелы, а въ третьей онъ являлся съ того свѣта, чтобы плакать надъ своею собственною могилой.

Вѣра встрѣтила его привѣтливо.

Ей пріятно было видѣть бѣднаго Кира-царя-Персидскаго, хотя теперь онъ являлся къ ней опустивъ свои яркія крылья.

Она подала ему исхудалую руку. Онъ наклонился, поцѣловалъ ее, и сейчасъ у него въ головѣ мелькнуло начало новаго стихотворенія:

На рученкѣ твоей исхудалой
Призракъ смерти я вижу, увы!..

И вмѣсто того чтобы отвѣчать на ея вопросы, онъ тщетно ломалъ голову пріискивая приличную риѳму на слово „исхудалой“.

— Что вы подѣлываете?

— Малый, удалый, обвалы... залы... Нѣтъ, не выходитъ.

— Что съ вами?

— Ахъ, да... Здравствуйте, вдругъ расшаркался онъ.

Она спросила его, былъ-ли онъ у Александра Петровича.

— Я?.. пойду къ Александру Петровичу?—И онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ назадъ въ порывѣ благороднаго негодованія...—За кого вы меня принимаете?

— Отчего-же? Онъ тоже больной, измученный.

— Я у палачей не бываю!—И онъ эффектно взбилъ волосы.—Я у палачей не бываю, пусть ихъ постигнетъ всеобщее осужденіе и одиночество...

— За что вы на него злы?

— За все.

Она его больше не разспрашивала... Онъ тоже молча сидѣлъ передъ нею.

— Вы пишете теперь что-нибудь?

— Я... О, да... Я пишу...—И онъ горько улыбнулся.— Я даже готовлю къ выпуску томикъ, подъ названіемъ „Могильныя слезы или призраки бѣлой ночи“.

— Что?

— „Могильныя слезы или призраки бѣлой ночи“.

— Такъ длинно.

— Ну пусть будетъ кратко: „мои слезы!“ немедленно согласился онъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ глаза полные упрека и меланхолично вздыхая спросилъ ее:

— И вы считали меня способнымъ пойти къ нему?

— Отчего-же... отчего-же... Вы вѣдь его другъ.

— Былъ когда-то! До тѣхъ поръ пока онъ не отнялъ у меня счастье всей моей жизни.

Счастьемъ всей его жизни разумѣется была Вѣрочка. Она такъ и поняла это, но почему онъ считалъ ее принадлежавшей ему когда-то, почему Рядновъ именно у него, у царя-Персидскаго, отнялъ Вѣрочку, это было выше ея пониманія; боясь впрочемъ чтобы онъ съ отчаянія не ринулся дальше по этому скользкому пути, она попросила его:

— Прочтите мнѣ что-нибудь ваше.

Дороцкій мигомъ встопорщился.

— Зачѣмъ тревожить сердца раны!..

— Все-таки. Мнѣ будетъ пріятно.

— У меня все мрачное.

— Читайте и мрачное!

— Пожалуй... Вотъ стихотвореніе посвященное мнѣ самому. Слышите-ли: мнѣ самому.

Онъ сдѣлалъ скорбное лицо, даже возвелъ очи горѣ и началъ скандировать, всѣми четырьмя лапами упираясь въ риѳмы:

Я долженъ умереть—мнѣ доктора сказали—
Я долженъ умереть, скорѣе-же скорѣй,
Я не хочу чтобъ жизнь на время продолжали...
Могила ждетъ меня, отдайте жертву ей!
Лежать въ землѣ сырой, холодной, непроглядной,
Лежать и гнить недвижнымъ мертвецомъ...
А если мозгъ живетъ?!. О жребій безпощадный,
А если чувства есть и въ тѣсномъ гробѣ тамъ?
Я долженъ умереть оставить все что мило,
Покорно, какъ дитя, глаза свои закрыть,
Когда въ моихъ рукахъ еще не гаснетъ сила,
Когда я жить хочу, вы слышите-ли — жить!

Вѣрочка дѣлала тщетныя усилія чтобы не заснуть.

Слишкомъ потрясенный организмъ поминутно требовалъ покоя. Она нарочно шире открывала глаза и насиловала себя держа ихъ открытыми. Но сномъ помимо ея воли обносило, именно обносило ее. А поэтъ въ это время еще выразительнѣе продолжалъ:

Я долженъ умереть... Изгнанникомъ несчастнымъ,
Чужая сторона, тебѣ я кинутъ былъ;
Ты приняла меня враждой, проклятьемъ страстнымъ,
Душила ты меня, который всѣхъ любилъ...
Боролся долго я—въ борьбѣ я черпалъ силы,
Окрѣпла грудь моя и снова выросъ я...
Уже я счастья ждалъ—и вдругъ призывъ могилы...
Я долженъ умереть—донѣта пѣснь моя...
Теперь ужъ все равно,
Откройте-же окно,
Пусть въ комнатѣ моей
Горятъ снопы лучей,
Пусть вѣтерокъ съ полей
Пахнетъ въ мое окно
Теперь ужъ все равно.

Поэтъ сдѣлалъ маленькую передышку.

Онъ искоса взглянулъ на Вѣрочку, словно желая увѣриться въ произведенномъ имъ впечатлѣніи, и къ крайнему изумленію увидѣлъ ее спящею.

Сначала онъ было хотѣлъ обидѣться.

Но съ ея лица еще не исчезло такое выраженіе внутренняго страданія, что невольно чувство умиленія охватило Кира-царя-Персидскаго. Онъ наклонился къ ней и въ умѣ его стало опять складываться: „Спи—я сонъ твой стану сторожить, мой другъ!..“ Но опять не нашелъ риѳмы на слово „стану“ и умолкъ, какъ сдѣлалъ то же передъ нимъ докторъ, радуясь ея сну какъ признаку близкаго выздоровленія.

XXVII.

Александръ Петровичъ уныло бродилъ изъ угла въ уголъ въ своей новой квартирѣ.

Сначала его навѣщали друзья, потомъ, мало-по-малу, узнавъ о его поступкѣ съ женой — одинъ за другимъ переставали бывать; да и самъ Рядновъ далеко не являлся очень уже интереснымъ для нихъ. Его странное состояніе, вѣчное взглядываніе внутрь, въ себя, вѣчное шпіонничаніе за быстро смѣнявшимися въ немъ самомъ ощущеніями, этотъ никогда не прекращавшійся надзоръ за своимъ *я* и притомъ разспросы: „каковъ я сегодня, какъ мой глазъ, не замѣчаете-ли вы чего-нибудь?“—надоѣли всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь.

— Это Богъ знаетъ какъ скучно! говорили они, уходя отъ него.

А жалобы его на жену, которыми какъ будто хотѣлось ему оправдаться, не передъ ними, а передъ самимъ собой,—стали просто ненавистны. Всѣ знали Вѣру. Всѣ помнили ея кроткое спокойствіе и неизмѣнную улыбку сіявшую для мужа на ея миломъ личикѣ. Одинъ изъ его близкихъ не воздержался и замѣтилъ ему:

— Вамъ-бы держаться за нее—она одна всю жизнь вашу скрашивала.

— Она! какъ будто не вѣря ушамъ своимъ восклицалъ Рядновъ.—Она?.. эта... эта...

И въ невѣдомо который уже разъ онъ начиналъ разсказывать исторію съ Мочаловымъ, разумѣется оттѣняя и подчеркивая ее, какъ ему подсказывало его неулегшееся еще раздраженіе.

— Да!.. И все-таки она *для васъ* пошла на униженіе. Это святая женщина.

— Если она святая, то вы... вы... бѣшено схватывался съ мѣста Рядновъ.

— Что́—я? негодовалъ его собесѣдникъ.

— Вы... вы просто—дуракъ!

И лучшіе друзья отходили отъ него прочь, оставляя его одинъ за другимъ — на жертву его терзаніямъ и сомнѣніямъ.

Когда Вѣрочка оправилась и встала, первою ея мыслью былъ мужъ.

Она не рисковала идти къ нему. Ей передали, что онъ сталъ нелюдимомъ, что въ душѣ его еще болѣе росло раздраженіе противу нея. Она написала ему письмо — всепрощающее, кроткое, отъ каждаго слова котораго вѣяло прелестью женскаго сердца, согласнаго все забыть, всему покориться и со всѣмъ примириться. Но увы! Сѣмя и на этотъ разъ, доброе сѣмя, попало на каменистую почву. Рядновъ вскочилъ, какъ ужаленный, получивъ его—прочелъ, взбѣсился.

— Ей еще мало! Она сдѣлала меня общимъ посмѣшищемъ. Она смѣется надо мной. Она отняла у меня моихъ друзей и теперь хочетъ опять возобновить для меня эту вѣчную пытку.

И онъ отвѣтилъ ей грубо, дерзко, оскорбительно.

Каждое слово его письма было обидой, каждый штрихъ его ударомъ по сердцу.

Прочитавъ — цѣлый день просидѣла Вѣра уронивъ свои исхудавшія руки на колѣни и вдумываясь во все что́ произошло кругомъ нея въ послѣднее время... У нея уже не было слезъ. Напротивъ, глаза ея, еще недавно такіе мечтательные и кроткіе, приняли несвойственное имъ выраженіе строгости.

— Да, довольно!.. наконецъ проговорила она. Но ей все-таки тяжело было оставлять за собой злобу.

Она знала, что нѣтъ такой души человѣческой, которая не вернулась-бы къ добру, гдѣ раздраженіе и бѣшенство совсѣмъ-бы заволокли свѣтлыя небеса, гдѣ-бы никогда не прозвучалъ призывъ къ покаянію.

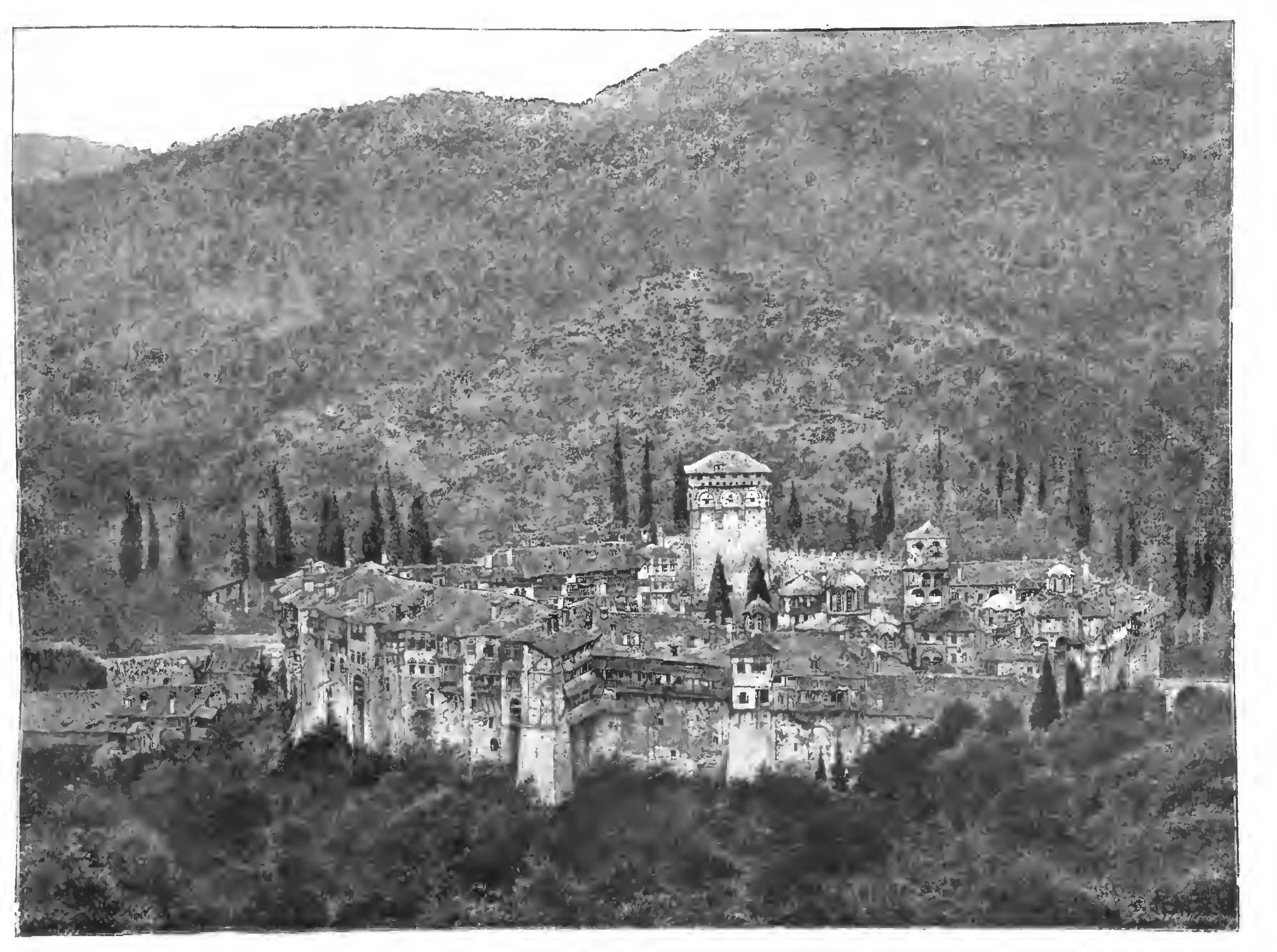
Вечеромъ она написала ему:

„Если когда-нибудь вы поймете все что̀ вы сдѣлали и ваша совѣсть заговоритъ противъ васъ — не мучьте себя и помните, я васъ простила, простила все и забыла все... Я стану молиться за васъ вдали и если когда-нибудь моя слабая рука нужна будетъ вамъ— знайте, что я не перестала васъ любить!..“

На другой день она уже выѣзжала изъ Петербурга вонъ.

Увы! какъ этотъ отъѣздъ былъ не похожъ на тотъ яркій и свѣтлый день, который всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ ее здѣсь-же, на этомъ вокзалѣ!.. Какъ не похожа она на ту наивную дѣвушку—пугавшуюся всего и расплакавшуюся отъ напора новыхъ для нея ощущеній!.. Какъ не похожа она на ту Вѣрочку что такъ ясно и свѣтло смотрѣла своими большими голубыми глазами на міръ Божій ничего-же сумняшеся, съ полнымъ убѣжденіемъ, что на всемъ его просторѣ— Богъ правду видитъ и за праведныхъ стоитъ! Теперь эта юдоль казалась ей полною тяжкихъ испытаній. Она знала, что жизнь есть великое и трудное послушаніе, данное Провидѣніемъ человѣку,—послушаніе, крестъ котораго надо нести безропотно... Сидя въ вагонѣ и оглядываясь на все это пестрое прошлое, она видѣла въ немъ однѣ тѣни и тѣни. Изрѣдка робкія полоски свѣта прорывались между ними, но тотчасъ-же ихъ застилали непроглядныя тучи. Господи, кажется, давно-ли, уѣзжая изъ своей кроткой и мирной обители, она видѣла передъ собою всю свою жизнь впереди осіянною зарею слѣпящей. А теперь—теперь ночь кругомъ, темная, глухая, и въ ней словно яркая звѣздочка—манитъ и влечетъ къ себѣ—ея старый и вѣрный пріютъ, ея тихій и полузабытый въ шумѣ и суетѣ монастырь. Да, только тамъ покой, только тамъ умиротвореніе. Все это: слава, пышность, весь этотъ льстивый говоръ толпы, мишурный успѣхъ, общее поклоненіе—все это не давало счастья, а только кружило ей голову. И кутаясь отъ холода въ свое теплое пальто, она, полузакрывъ глаза, казалось, опять мигъ за мигомъ, часъ за часомъ, день за днемъ, недѣля и мѣсяцъ за недѣлей и мѣсяцемъ переживаетъ эту недавнюю, эту страшную быль... Да, страшную! О, какъ легки раны—нанесенныя врагами, какъ выносимы обиды—отъ клеветниковъ и недруговъ! Онѣ ошеломляютъ, но душа не болитъ отъ нихъ, сердце не точится кровавыми слезами; вся жизнь не обращается въ одну безконечную муку. Но раны которыя нанесла любимая рука, обида и клевета изъ любимыхъ устъ, вражда исходящая отъ сердца которое когда-то билось и жило для нея одной—вотъ гдѣ ужасъ, безповоротный, холодный, отъ котораго некуда уйти, некуда спрятаться... О! да чѣмъ-же она виновна передъ нимъ?—И опять она рылась въ своей памяти, въ туманѣ смутныхъ, неуловимыхъ ощущеній, доискиваясь вѣдомыхъ и невѣдомыхъ грѣховъ передъ нимъ, и не находила ихъ. Она чувствовала, что ей было-бы легче, легче за него, еслибы она могла найти часъ или мигъ когда была-бы виновата передъ нимъ. Но такихъ часовъ, такихъ мгновеній не было, вовсе не было. Ни одного. Всѣ эти годы она какъ свѣча горѣла передъ нимъ — и если теперь она одинока, самъ онъ несчастливъ — она знала, что она права, но не чувствовала себя покойнѣе отъ этого...

Часы шли за часами. Однѣ станціи смѣнялись другими...

Аѳонъ. Хиландарскій монастырь. Съ фотогр. грав Ангереръ

Въ Рёнскомъ лѣсу. Пейзажъ Ф. Эбеля, грав. Гейеръ.

Поѣздъ со свистомъ, грохотомъ и шумомъ уносилъ ее все дальше и дальше. Смутно она помнила потомъ, будто сонъ, какъ утромъ показалась, закружила ее своимъ гомономъ и суетою—Москва, и потомъ опять дорога, опять грохотъ поѣзда, частыя остановки на станціяхъ, незнакомыя лица, сотни незнакомыхъ лицъ и наконецъ вдали показался городъ. Отсюда до ея пристани, до ея тихой и мирной обители было уже недалеко... Она даже видѣла ея большой куполъ и верхушку колокольни надъ холмами замыкавшими даль.

XXVIII.

Не успѣла еще Вѣрочка выглянуть въ окно вагона, подходившаго къ городу, какъ издали стали ее окликать радостныя, растерявшіяся отъ прилива свѣтлыхъ впечатлѣній монахини.

— Слава Тебѣ, Господи... Вѣтерокъ-то, вѣтерокъ! вся впопыхахъ торопилась толстая мать Варлаама.

— Здравствуй, Вѣрочка, здравствуй, родная! кричала ей Серафима, вся обливаясь слезами.

И Вѣрочка только слышала ихъ — не видя, потому что тѣ-же радостныя слезы мѣшали ей различать своихъ „добрыхъ бабушекъ“.

Они такъ и замерла въ теплыхъ объятіяхъ, когда наконецъ ей удалось выйти изъ вагона.

— Настрадалась, намучилась, голубушка! шептала ей въ одно ухо Серафима.

— Отдохни да отойди теперь съ нами! говорила ей въ другое мать-игуменья.

— Домикъ-отъ твой готовъ. Все попрежнему—только цвѣтовъ мы больше кругомъ развели, да Маруська твоя выросла совсѣмъ теперь большая, такая важная.

И когда Вѣрочка подъѣзжала къ обители, колокола ея, точно этого лишь и ожидавшіе, заговорили ей на понятномъ ей съ самаго дѣтства языкѣ. Торжественно заговорили, точно укоряя ее, что она столько времени уже не внимала имъ изъ своего окошка, сплошь охваченнаго теперь голыми сучьями зимнихъ кустовъ... Слушая ихъ, Вѣрочка закрывала глаза—и точно не было этихъ ужасныхъ послѣднихъ мѣсяцевъ испытаній, точно еще вчера она входила въ эту обитель счастливою и безмятежною дѣвушкой. Сонъ видѣла—и съ пробужденіемъ все прошло опять; и когда, не заходя еще домой, она побѣжала по засыпанной снѣгомъ дорожкѣ къ бабушкиной могилѣ и рыдая упала на нее, ей казалось, что старушка тамъ, подъ своимъ тяжелымъ холмомъ, слышитъ ее и радуется ея возвращенію. Монахини не хотѣли ей мѣшать и оставили ее наединѣ съ ея воспоминаніями о взроствшей ее старухѣ; но за то когда, отмолясь и наплакавшись вдоволь, она вышла, у воротъ ждала ее толна знакомыхъ инокинь и Вѣрочка переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, неизмѣнно увѣряя каждую, что она ихъ не забыла, что она ихъ всѣхъ вмѣстѣ и каждую особо именно помнила все время своей Петербургской жизни. Пытливо смотрѣли на нее добрые и ласковые глаза старицъ, радостно вспыхивали ихъ щеки и горячѣе бились сердца, словно вихрь жизни и счастья вмѣстѣ съ возвратившеюся бѣглянкой ворвался въ ихъ мирное и однообразное существованіе. Позади за монахинями стояли бѣлицы,—она узнавала своихъ ученицъ и подругъ; нѣкоторыя уже приняли постриженіе и краснѣли на ея привѣтливыя поздравленія. Она обмолвилась даже, назвала одну изъ нихъ матушкой—и молодая монахиня, застыдясь, закрылась рукавомъ и отошла въ сторону. Она не помнила такого счастливаго и радостнаго дня давно уже. Это было такъ хорошо, такъ тепло становилось ей между ними, что самыя несчастья пережитыя отошли въ какую-то страшную даль, въ такую даль, что она перестала ихъ и видѣть вовсе.

А колокола заливались во всю, точно и со своей стороны привѣтствуя скиталицу.

На паперти встрѣтилъ ее знакомый старый священникъ.

— Ну, здравствуй, здравствуй, дочка, привѣтствовалъ онъ ее.—Здравствуй... Повсечасно мы любуемся на труды рукъ твоихъ и даже изъ другихъ городовъ есть любители, пріѣзжаютъ смотрѣть ихъ. Прославила ты и обитель нашу.

— Да ужъ! заговорила Варлаама, только сейчасъ вспомнивъ объ этомъ. — Твою умирающую монахиню архіерей—былъ здѣсь—разрѣшилъ повѣсить въ соборѣ. Это, говоритъ, тотъ-же образъ. Ужь и онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нее, и потомъ вздохнулъ: „Подлинно—дивно и умилительно“. Вотъ какъ умудрилъ тебя Господь! Ну, теперь мы тебя скоро не выпустимъ.

— Да я и не собираюсь. Годикъ поживу.

— То-то намъ въ соборъ-то иконъ напишешь! восхитилась Варлаама.

И Вѣрочка, войдя въ церковь, отыскала свой любимый уголокъ, и когда монахини, отдавшись молитвѣ, забыли на время о ней, она незамѣтно проскользнула туда и ставъ на колѣна—вся ушла въ созерцательную и умиленную молитву. Попрежнему привѣтливо смотрѣли на нее знакомые облики святыхъ, какъ и во время оно—по лику Богоматери катилась бриллiантовая слёзка, тускло горѣли оклады и ризы и тихо колыхалось пламя свѣчей и лампадъ. Попрежнему въ сумракѣ стараго собора въ вышину, гдѣ точно свершилась непостижимая тайна, уходили и тонули въ ней толстыя круглыя колонны, и какъ дѣвочкѣ когда-то, такъ и взрослой ей теперь почудилось, что если священникъ опуститъ руки,—Евангеліе, все горя и сіяя, поплыветъ впередъ и утонетъ въ пространствѣ золотой звѣздою.

Сидя потомъ у матери Варлаамы за чаемъ, Вѣрочка, не желая огорчать ее, глотала ложками и вишневое варенье, и крыжовниковое, и малиновое, и клубничное, и разсказывала старушкѣ о далекихъ странахъ и народахъ которые она видѣла, о своихъ успѣхахъ, о Петербургѣ, о томъ какія картины она писала и какія собирается написать еще.

Она легла спать и на другой день встала подъ звонъ родныхъ колоколовъ.

Та же Маруська взобралась къ ней на кровать и разбудила ее. Вѣрочка отыскала и надѣла свое старое люстриновое платье съ кожанымъ поясомъ, набросила на голову черный платокъ и прошла мимо новой привратницы, привѣтливо ей кивавшей.

— Знаю, знаю, говорила она. — Мать Степанида скольки о тебѣ говорила-то.

— А гдѣ она теперь?

— Въ затворѣ... Въ воскресенье въ церкви увидишь... До тѣхъ поръ ни къ кому не выходитъ старица, въ молчаніи и уединеніи къ смерти готовится...

Въ рисовальной школѣ появленіе Вѣрочки было истиннымъ праздникомъ... Потомъ, когда Вѣра у себя повѣсила картины свои и пригласила мать Варлааму, Серафиму и другихъ монахинь, восторгамъ не было конца.

— Ишь какъ тебя Господь умудрилъ!.. Ахъ ты бѣдовая!.. Смотри, мать, смотри, вѣдь это Секлетея за ухо ее, нашего Вѣрка, держитъ. Ахти мнѣ, а вѣдь это я... Я и есть... Ахъ ты, вѣтерокъ, вѣтерокъ, скажите пожалуйста—на весь свѣтъ насъ ославила.

И монахини толпились кругомъ, присматриваясь и по-дѣтски радуясь, узнавая ту или другую изъ своихъ сестеръ.

— И кладбище наше!..

— И попъ Захарія... А это Степанидушка... ишь ты съ розгой-то... Это когда мы ее изъ обители изгнали, Вѣрка-то нашего... Ахъ, ты лукавка этакая!

— А это мать Агпія на колокольнѣ. Она и есть.

До поздняго вечера оставались монахини здѣсь, любуясь ея работами и радуясь имъ.

А въ воскресенье, когда въ церкви вдругъ всѣ мо-

нахини разступились пропуская затворницу мать Степаниду, старушка разомъ остановилась увидя передъ собою на колѣняхъ Вѣру...

Она тихо подняла Вѣру, поцѣловала ее, но памятуя обѣтъ молчанія, наложенный на себя, не сказала ей ни слова, хотя губы ея трепѣтали отъ неодолимаго желанія перемолвиться со своею любимицей. За то, стоя въ углу, Вѣрочка видѣла какъ мать Степанида все время радостно и ласково смотрѣла на нее, сіяя своими добрыми старческими глазами...

(Оконч. въ слѣд. №).

Старинныя русскія одежды.

П. Н. Полевого. (Рис. на стр. 857).

Одежды русскихъ царей, торжественныя и праздничныя. Царское ходильное и полевое платье. Платье государя патріарха. Одежды бояръ и ближнихъ людей.

4 января 1700 г., Великій Преобразователь Россіи издалъ указъ, по которому предписывалось: „боярамъ и окольвичимъ, и думнымъ и ближнимъ людямъ, и стольникамъ и стряпчимъ“ и всѣмъ другимъ служащимъ при дворѣ и пріѣзжающимъ ко двору лицамъ,—„по Москвѣ и въ городахъ носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе—длиною по подвязку, а исподніе короче верхнихъ, тѣмъ-же порядкомъ“. Годъ спустя, выданъ былъ новый, еще болѣе строгій и подробный указъ, по которому всѣмъ русскимъ людямъ, „кромѣ духовнаго чину и пашенныхъ крестьянъ“, повелѣно было „носить платье нѣмецкое, верхнія саксонскія и французскія, а исподніе калцоны и проч., и сапоги, и башмаки, и шапки—нѣмецкія, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ“. Тѣмъ же указомъ запрещалось какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ ношеніе „русскаго платья и обуви“; а мастеровымъ, которые бы стали „русское платье дѣлать и имъ торговать въ рядахъ“, указъ угрожалъ „жестокимъ наказаніемъ“. Эти указы, соблюдаемые съ рѣдкою суровостью и обставленные, на случай невыполненія, тяжелыми штрафами и взысканіями, оказали свое дѣйствіе: русское платье было, почти на полвѣка, вытѣснено изъ употребленія и замѣнено, не только въ высшихъ классахъ общества, но даже и въ низшихъ, иноземною одеждою, несвойственною ни нашему быту, ни нашему климату, противною нашимъ обычаямъ и понятіямъ о приличіи. Старинныя одежды были забыты, оставлены въ пренебреженіи и осмѣяны разными досужими услужниками Великаго Преобразователя, который, послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія, ужь слишкомъ увлекся европейскими обычаями, а послѣ страшнаго стрѣлецкаго розыска слишкомъ проникся ненавистью къ русской старинѣ. Такое быстрое и притомъ насильственное введеніе къ намъ на Русь иноземнаго (европейскаго) платья не осталось безъ вліянія на наши общественные нравы. Вмѣстѣ съ европейскимъ платьемъ проникали къ намъ европейскія моды и страсть къ частымъ перемѣнамъ покроя и внѣшнихъ украшеній наряда, а это въ значительной степени способствовало развитію безполезной роскоши въ одеждѣ; съ другой стороны, весьма значительное большинство нашего высшаго общества, увлекшись внѣшнимъ европеизмомъ, совершенно отстало отъ русскихъ обычаевъ и утратило національный русскій отпечатокъ. И только уже значительно позже, во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Екатерина II отмѣнила суровые Петровскіе указы и сама стала выказывать полное и глубокое уваженіе къ русской старинѣ—вредное вліяніе внѣшняго европеизма значительно ослабѣло, и въ русскихъ людяхъ вновь пробудилось желаніе быть европейцами, не переставая быть русскими.

Гоненіе на русскую одежду, воздвигнутое Петромъ, было мѣрою до такой степени странною и тягостною, что сами иностранцы были этимъ явленіемъ поражены. Старинныя русскія одежды нравились иноземцамъ посѣщавшимъ Россію въ до-Петровское время, и всѣ они посвящаютъ очень охотно цѣлыя страницы своихъ записокъ и посольскихъ отчетовъ описанію величавой и богатой одежды русскихъ царей, бояръ и вельможъ,—одежды, которая потому именно имъ и нравилась, что она нисколько не походила на европейскую и поражала нашихъ заѣзжихъ гостей своею оригинальностью. Герберштейнъ, Гваньини, Флетчеръ, Петрей, Олеарій, Мейербергъ, Лизекъ и Таннеръ—въ разное время бывшіе въ Россіи, оставили намъ такъ много подробностей о русской одеждѣ нашихъ предковъ, что мы могли бы уже составить о ней довольно ясное представленіе, если бы даже не было у насъ драгоцѣнныхъ остатковъ старины, сохраненныхъ нашими музеями. Одинъ изъ путешественниковъ, посѣтившій Московію въ 1663 г., графъ Карлейль, даже весьма откровенно отдаетъ преимущество русской одеждѣ предъ всѣми одеждами остальныхъ европейскихъ націй. „Надо отдать Московитамъ справедливость“, говоритъ Карлейль,—„въ томъ, что къ нимъ очень идетъ ихъ одежда; всѣ они высоки ростомъ, дородны и хорошо сложены, но этимъ внѣшнимъ качествамъ еще большее значеніе придаютъ ихъ длинныя одежды, ихъ шапки, ихъ высокіе сапоги, ихъ подстриженные въ кружокъ волосы и длинныя бороды, которыми Московиты отличаются отъ большей части остальныхъ народовъ христіанскихъ. *Тѣ безпрестанно мѣняютъ свои моды; а среди Московитовъ ничего подобнаго не видимъ, ибо они всегда носятъ платья одного и того же покроя, и знатные въ одеждѣ только тѣмъ и отличаются отъ простолюдиновъ, что ихъ одежды сшиты изъ лучшихъ матерій и богато украшены.* Знатные обыкновенно шьютъ себѣ одежды изъ атласа, узорчатыхъ матерій, багреца, бархата или парчи; горожане—изъ толстаго сукна, красновато-лиловаго или темно-зеленаго; а простолюдины—изъ толстаго сукна, которое они сами же и выдѣлываютъ у себя домашнимъ способомъ.“ При описаніи встрѣчи, устроенной Карлейлю передъ въѣздомъ его въ Москву, онъ съ восторгомъ говоритъ о великолѣпіи одежды бояръ, стольниковъ и другихъ вельможъ высланныхъ на встрѣчу посольству. „Одежды ихъ“, говоритъ иноземецъ,—„блистали серебромъ и золотомъ и были сшиты изъ бархата, атласа, узорчатыхъ матерій и украшены драгоцѣнными каменьями и богатыми мѣхами. Всѣ они ѣхали верхами на прекраснѣйшихъ лошадяхъ, въ роскошной сбруѣ, съ бархатными и расшитыми шелкомъ чепраками, изъ коихъ многіе были осыпаны сіявшими на солнцѣ драгоцѣнными каменьями. Особенно замѣчательны были узды и поводья ихъ коней, серебряные, прорѣзные, состоявшіе изъ кольчатыхъ цѣпей, съ очень широкими и тонкими кольцами и бляхами, которыя величаво позвякивали на ходу коней. Не менѣе замѣчательна была по богатству одежды и свита сопровождавшая бояръ и стольниковъ — вся она шла пѣшкомъ, кромѣ конюховъ, которые ѣхали на запасныхъ коняхъ, покрытыхъ прекрасными тигровыми и леопардовыми шкурами.“

Дѣйствительно, старинная русская одежда, точно такъ же, какъ и вообще великолѣпная обстановка нашего древняго Московскаго Двора, должны были производить глубокое впечатлѣніе на иноземцевъ: передъ этимъ впечатлѣніемъ блѣднѣли, въ значительной степени, всѣ понятія европейцевъ о блескѣ, всѣ представленія ихъ о роскоши и богатствѣ, вынесенныя изъ знакомства съ бытомъ европейскихъ государей. Чтобы дать нѣкоторое, болѣе ясное понятіе о нашихъ старинныхъ одеждахъ, мы и рѣшились представить читателямъ *Нивы* цѣлый рядъ рисунковъ, снятыхъ съ древнихъ памятниковъ и знакомящихъ съ подробностями одежды нашихъ царей и царицъ, бояръ и вельможъ, ихъ женъ и дочерей. Всѣ эти рисунки сняты съ извѣстныхъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, и заслуживаютъ подробнаго описанія.

Драгоцѣннѣйшія царскія одежды и украшенія къ нимъ хранились на Казенномъ Дворѣ; всѣ прочія одежды и все вообще царское платье хранилось въ казнѣ такъ-называемой Мастерской Палаты, особаго вѣдомства, которое занято было исключительно заготовленіемъ и храненіемъ царскихъ одеждъ. Одежды и „утвари царскія“ (т. е. регаліи) были распредѣлены *на наряды*, т. е. подобраны, сообразно виду и цѣнности, такъ, что *каждому наряду* соотвѣтствовала и *особая утварь*. Отъ воли государя зависѣло — выбрать тотъ или другой *нарядъ*; потребовать *полный нарядъ* или выбрать *части разныхъ нарядовъ*. Смотря по степени важности выхода, опредѣлялся и *нарядъ*. Во времена царя Михаила Ѳеодоровича, когда казна царская (послѣ разореній Смутнаго времени) была не слишкомъ богата, мы видимъ *восемь дорогихъ* (т. е. парадныхъ) *царскихъ нарядовъ*, хранимыхъ на Казенномъ Дворѣ, и *тридцать* обыкновенныхъ перемѣнъ царскаго выходнаго платья.

Самымъ богатымъ изъ царскихъ нарядовъ былъ такъ-называемый *большой* царскій нарядъ, иначе называемый *„нарядъ Большія казны съ Казеннаго Двора“*, такъ какъ всѣ принадлежности этого наряда хранились тамъ. При этомъ *большомъ* нарядѣ полагались непремѣнно *регаліи* или *царская утварь*, т. е. *бармы*, *скиѳетръ* и *державное яблоко*. Въ такомъ именно нарядѣ и изображенъ государь на рис. 1 (см. стр. 857). На государѣ, сверхъ нижняго платья (ферези), надѣто богатѣйшее царственное одѣяніе, широкое и съ широкими рукавами, украшенное вдоль полъ и по подолу, и на рукавахъ нашивнымъ *круживомъ*, изъ крупнѣйшаго жемчуга съ драгоцѣнными каменьями. Одѣяніе это застегнуто петлями на *пуговицы* изъ крупныхъ драгоцѣнныхъ камней (яхонтовъ, изумрудовъ, рубиновъ и т. д.). При *большомъ* нарядѣ, поверхъ одѣянія, на плеча накидывалось накладное *оплечье* (въ родѣ пелерины), называемое иначе *бармы* или *діадима*. Оконечности рукавовъ нижняго платья прикрывались *поручами*, которыя по подбору жемчуга и драгоцѣнныхъ камней соотвѣтствовали великолѣпію убранства всего наряда и въ особенности діадимы, сдѣланной изъ парчи (золотой или серебряной), съ нашитыми на нее образками, усыпанными крупнымъ жемчугомъ, алмазами, изумрудами и яхонтами. Самое одѣяніе шилось изъ весьма дорогихъ въ то время тканей: изъ бархата, изъ парчи, изъ алтабаса, и мѣстами (какъ и на нашемъ рис. 1) украшалось нашивными *запанами* (въ видѣ звѣздъ изъ жемчуга и каменьевъ).

При большомъ нарядѣ полагались *регаліи* (царская утварь):

цѣпь съ крестомъ, надѣваемая поверхъ бармъ, *скиѳетръ* (царственный жезлъ) украшенный алмазами, и *царственное яблоко* (или держава). Сверхъ того, при большомъ нарядѣ была постоянно надѣваема и *шапка царская большаго наряда*, которая замѣняла собою *царскій вѣнецъ* и была чрезвычайно тяжела отъ той массы золота и каменьевъ, которые ее украшали [1]). „Большой" нарядъ надѣвался въ дни вѣнчанія на царство, во времена торжественныхъ пріемовъ всякихъ посланниковъ и другихъ чужеземцевъ, при хиротоніи архіереевъ и въ *великіе* праздники (Рождество Христово, Богоявленіе, Вербное Воскресеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Троицынъ День, Успеніе Богородицы). Такъ какъ „большой нарядъ" былъ чрезвычайно тяжелъ (въ особенности шапка его), то царь спѣшилъ его снять тотчасъ по окончаніи выхода, а шапку во время богослуженія нѣсколько разъ снималъ и передавалъ стряпчему (придворному сановнику), принимавшему ее на блюдо, и вновь возлагалъ на себя.

Всѣ остальные *наряды* царскіе (выходные или парадные), кромѣ *большаго*, назывались *меньшими*. При нихъ не полагалось царственныхъ *утварей* (скиѳетра, державы и т. д.) и *бармъ*. Такой *меньшій* нарядъ изображенъ у насъ на стр. 857, на рис. 2. Здѣсь царь шествуетъ на выходъ въ царскомъ нарчевомъ *платнѣ*, украшенномъ нашитыми на него каменьями и драгоцѣнными пуговицами; на головѣ царя царская шапка *меньшаго* наряда, т. е. болѣе легкая и не въ такой степени обремененная всякими драгоцѣнностями, какъ шапка *большаго* наряда. Въ рукѣ у царя богатый золотой крестъ, съ частицами Св. мощей и древа Животворящаго Креста. Такіе *меньшіе* наряды надѣвались на выходы въ менѣе важные праздники и при торжествахъ семейныхъ, когда не требовалось выставлять весь блескъ придворной роскоши.

Въ остальное время, государи надѣвали обыкновенное *постельное* (иначе: *ходильное*) платье, которое по своему покрою ни мало не отличалось отъ общаго боярскаго платья и было весьма схоже съ народною одеждой, отъ которой, дѣйствительно, отличалось только качествомъ ткани. Носильное платье было *хоромное* (комнатное); *становое*—носимое въ городѣ; *ѣздовое*—дорожное; *полевое* — въ которомъ цари ѣздили *въ поле*, т. е. на охоту; *военное* — надѣваемое подъ воинскіе доспѣхи; *столовое* — надѣваемое при столѣ, и наконецъ *смирное*, т. е. траурное, надѣваемое при погребеньяхъ, панихидахъ и др. печальныхъ событіяхъ и носимое въ теченіе извѣстнаго времени послѣ смерти того или другаго лица, принадлежавшаго къ царскому семейству. Чрезвычайно любопытно, что, по стариннымъ русскимъ понятіямъ, траурнымъ цвѣтомъ былъ не одинъ *черный*, а также и слѣдующіе три: темновишневый, темнобагровый и гвоздичный. Поэтому, *смирное* (или траурное) платье имѣлось изо всѣхъ этихъ цвѣтовъ.

Обыкновенно царское платье *носильное* состояло изъ слѣдующихъ одеждъ, надѣваемыхъ одна на другую. Сверхъ *сорочки*, которая бывала и полотняная, и шелковая, и расшивалась около ворота, разрѣза и по краямъ рукавовъ шелками, серебромъ, золотомъ и жемчугомъ, и сверхъ такого же *исподняго платья*—надѣвался *зипунъ*, въ родѣ короткаго кафтанца, тафтяной или атласный. Зипуны облегали тѣло вплотную и иногда шились безъ рукавовъ, съ самымъ короткимъ воротникомъ; у нарядныхъ зипуновъ пришивали стоячій воротникъ, низанный жемчугомъ. Сверхъ *зипуна* надѣвалась вторая, выходная одежда, въ которой государь уже могъ выйти изъ своей опочивальни въ домашніе, внутренніе покои (или *комнату*); такою второю одеждою у государя и у бояръ и придворныхъ могли быть *терликъ, кафтанъ, опашень* или *кожухъ*.

Терликъ былъ одеждою довольно длинною, ниже колѣнъ, съ перехватомъ въ таліи, съ рукавами довольно узкими и безъ сборокъ. Вдоль полъ, по рукавамъ и подолу, терлики обшивались серебрянымъ или золотымъ галуномъ и украшались жемчугомъ и каменьями.

Кафтанъ былъ длиннѣе терлика и доходилъ почти до ладыжекъ ноги; онъ застегивался напереди, пуговицами и петлицами, по большей части длинными, а рукава, сверху болѣе широкіе, сбористые, снизу стягивались *запукавьями*, которыя также украшались жемчугомъ и каменьями. Кафтаны были различные: *турскіе* и *становые*. *Становой* кафтанъ дѣлался шире, *безъ таліи*, и притомъ такъ, что одна пола закидывалась на другую (какъ у нынѣшнихъ кафтановъ)—правая на лѣвую—и застегивалась только въ двухъ мѣстахъ: у шеи и на лѣвомъ боку, при помощи особыхъ застежекъ или пуговицъ. *Турскій* кафтанъ дѣлали *уже становаго съ таліею* и съ рукавами покороче и поуже, чѣмъ у становаго кафтана. Царское *платно* (см. рис. 2) надѣвалось обыкновенно поверхъ становаго кафтана и по своему покрою очень было близко къ кафтану.

Опашень отличался отъ платна тѣмъ, что рукава у него были короче и весьма широкі (см. рис. 1). Если опашень подбивался мѣхомъ, то получалъ названіе *кожуха*. Собственно же говоря, опашень была третья, верхняя лѣтняя одежда, которая носилась отъ Благовѣщеньева дня и до осени. Самое названіе ея произошло отъ того, что ее носили *на-дпашь*—безъ пояса.

Къ кафтанамъ часто пришивались высокіе, стоячіе, спереди открытые воротники; такой воротникъ назывался *козыремъ* и почти прикрывалъ весь затылокъ. Козырь, обыкновенно скроенный изъ атласа или бархата, расшивался золотомъ и серебромъ и вывизывался жемчугомъ. Нѣкоторыя женскія обители особенно славились щеголеватымъ шитьемъ козырей.

Опашни дѣлались иногда и съ откладными воротниками, съ узкими, сборчатыми рукавами (см. рис. 3, фигура направо) и съ богатыми жемчужными застежками. Вмѣсто опашней надѣвалась иногда, въ качествѣ третьяго, выходнаго лѣтняго платья, *чуга*, нѣчто въ родѣ кафтана, съ откладнымъ воротникомъ и короткими, широкими рукавами (см. рис. 3, фигура налѣво). Чуга, на нашемъ рисункѣ, надѣта поверхъ *ферези*, которой петлицы видны наверху, около ворота.

Необходимою принадлежностью одежды царской и боярской была *шапка* или *тафья*. Тафья (см. рис. 3), нѣчто въ родѣ шапочки изъ бархата, низанной жемчугомъ и украшенной богатыми запонами изъ каменьевъ, была въ употребленіи въ домашнемъ быту, и царскомъ, и боярскомъ. Иногда, вмѣсто тафьи, затылокъ, даже и подъ шапкою, прикрывался круглою *шапочкой*, плотно прилегающей къ головѣ (нѣчто въ родѣ ермолки), расшитой золотомъ и жемчугомъ по бархату. Шапки были, по фасону своему, очень разнообразны: то въ видѣ высокаго колпака, съ острой тульей, то съ округлой и почти плоской. Онѣ обшивались бархатомъ, дѣлались и шелковыя, и суконныя; оторачивались собольимъ, бобровымъ и куньимъ мѣхомъ. У бояръ были еще особыя, высокія, такъ-называемыя *горлатныя* шапки, похожія на камилавки (см. рис. 2), которыя составляли отличительный признакъ боярскаго званія и обыкновенную принадлежность боярской придворной одежды. При платьѣ выходномъ и царь, и бояре носили обыкновенно *кушаки*, которые точно такъ, какъ и теперь, складывались въ нѣсколько разъ и дѣлались изъ разноцвѣтнаго шелка, часто съ примѣсью золота и серебра; или же надѣвали *пояса* — бархатные, кожаные и иные, украшенные наборомъ изъ золотыхъ и серебряныхъ бляхъ, жемчугомъ и каменьями.

Сапоги (или *чоботы*) носили сафьянные, остроносые; загнутыя кверху носкомъ подошвы ихъ подбивались мелкими гвоздиками, а каблуки обивались серебряными скобами. Сапоги бывали разныхъ цвѣтовъ сафьяна, но чаще всего *красные*, и украшались прошивками изъ серебра и золота, галунами и мудреными узорами, иногда даже жемчугомъ и каменьями.

Какъ цари, такъ и бояре, при выходѣ изъ дома, опирались на *посохи* (или трости), которые были чрезвычайно богато и разнообразно украшены — рѣзьбою, инкрустаціею, золотыми и серебряными набалдашниками, осыпанными драгоцѣнными каменьями.

Одежда высшаго духовенства, и въ особенности „государя святѣйшаго патріарха", мало чѣмъ отличалась отъ царской, въ общемъ покроѣ, и даже извѣстна была подъ тѣми же названіями [1]). Образцомъ выходной и домашней одежды патріарха могутъ служить изображенія, помѣщенныя нами на рис. 4 (см. стр. 857). На первомъ изъ этихъ изображеній патріархъ представленъ въ богатой узорчатой рясѣ и въ вязаномъ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ и съ золотыми нашивными образками на челѣ и на лопастяхъ, опускающихся съ плечъ на грудь. Въ рукѣ патріарха посохъ — постоянная принадлежность его сана. На второмъ изображеніи (болѣе удаленномъ) мы видимъ патріарха въ болѣе простой рясѣ и въ бѣлой шляпѣ изъ тонкаго поярка, съ нашитымъ сверху серебрянымъ перекрестьемъ и широкими полями. Въ такой шляпѣ, сохранившейся намъ отъ временъ патріарха Никона, знаменитый „патріархъ-богатырь" (какъ называетъ его нашъ историкъ Соловьевъ) гулялъ обыкновенно въ саду своей любимой Воскресенской обители.

Къ рисункамъ.

По грибы. (Рис. на стр. 844).

Пролили дожди—настала грибная пора; бабы, дѣвки и ребятишки съ лукошками и кузовками отправляются въ березовую рощу, незамѣтно переходящую въ лѣсъ... Только что подошли къ ней, а на встрѣчу имъ—вставшая на зарѣ и ужь побывавшая въ лѣсу, шустрая молодуха съ полными до верха кузовками... Остановились — разговорились; молодка разсказываетъ про *грибныя* мѣста: „а ты вотъ, милая, заверни за Ѳедюхинъ верхъ, такъ тамъ, по березничку-то, видимо-невидимо ихъ... Поздненько ужь я добралась — кузовки полны были — некуда класть, да и ногу вотъ наколола еще... А ужь грибовъ—просто сила, и все какъ одинъ къ одному — на подборъ..." Слушаютъ сосѣдки, но слушаютъ съ недовѣріемъ, зная, что настоящаго грибнаго мѣста никто другому ни за что не укажетъ — про себя на другой разъ поберезкетъ.

[1]) Нѣкоторыя царскія шапки доходили вѣсомъ почти до 12 фунтовъ; въ другихъ было около 4½—5 фунтовъ. Только одна шапка вѣсила 2 фунта 20 золотниковъ.

[1]) Мы говоримъ о домашней одеждѣ патріарха, а не о его церковномъ облаченіи.

Великій государь Московскій въ большомъ царскомъ нарядѣ (XVII в.)

Великій государь Московскій въ маломъ царскомъ нарядѣ (XVII в.).

Боярское и царское ходильное и полевое платье (XVII в.).

Государь святѣйшій патріархъ въ выходномъ и домашнемъ платьѣ (XVII в.).

Старинныя русскія одежды. Рис. Земцовъ, грав. Бергъ.

Кобзарь въ Запорожьѣ. (Рис. на стр. 845).

Запорожцы, какъ извѣстно, составляли отдѣлившуюся при польскомъ владычествѣ отъ украинскихъ казаковъ общину, оставшуюся на островахъ Днѣпра, изъ коихъ Хортицкій и былъ мѣстомъ первой Сѣчи Запорожской. Послѣ присяги царю Алексѣю Михайловичу, Сѣчь находилась при рѣкахъ Токмаковкѣ и Никитиной, потомъ подъ властью турокъ переходила изъ Алешекъ въ Кодакъ и опять на старое мѣсто у рѣки Каменки, а затѣмъ, послѣ того какъ запорожцы присягнули имп. Аннѣ Іоанновнѣ, въ урочище Подпольное, при впаденіи рѣкъ Бузулука и Подпольной въ Днѣпръ. Въ 1750 г. въ Сѣчи считалось до 40 куреней и до 16,000 готовыхъ къ бою запорожцевъ. Существованіе этой вольницы, которая была очень полезна Россіи въ борьбѣ съ крымцами и поляками, при Екатеринѣ, когда области ихъ вошли въ составъ имперіи, стало уже невозможнымъ въ благоустроенномъ государствѣ—и Сѣчь была упразднена. Рисунокъ г. Бѣлащевка изображаетъ запорожцевъ за любимымъ ихъ развлеченіемъ—слушаніемъ пѣсенъ кобзаря, воспѣвающаго подвиги предковъ.

Цыганка. (Рис. на стр. 849).

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ:
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ;
Мы простимся на мосту.
Ночь пройдетъ—и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой... **Я. Полонскій.**

Аѳонъ. Хиландарскій монастырь. (Рис. на стр. 852).

Изъ двадцати обителей на Св. Горѣ Аѳонской, Хиландарскій монастырь, отличающійся чрезвычайно живописнымъ мѣстоположеніемъ, началомъ своимъ обязанъ Сербамъ. Онъ основанъ въ 1199 году великимъ жупаномъ Сербскимъ Стефаномъ Немани, который принялъ монашество подъ именемъ Симеона въ обители Ватопедской, гдѣ и сынъ его, Савва, впослѣдствіи первый архіепископъ Сербскій, также прожилъ нѣсколько лѣтъ. Стефанъ Немани отыскалъ и облюбилъ мѣсто на которомъ уже находились развалины небольшаго монастыря, построилъ необходимое число келлій для общежитія и церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Начатое отцомъ, было довершено и украшено сыномъ, святителемъ Саввой. Впослѣдствіи щедрымъ благодѣтелемъ Хиландарской обители сталъ король Сербскій Стефанъ Урошъ II Милутинъ (1275—1322), сынъ и наслѣдникъ Уроша I Великаго. Онъ обвелъ монастырь прекрасною оградой съ нѣсколькими башнями, расширилъ монастырскія строенія и построилъ новый храмъ. Изъ башенъ и донынѣ уцѣлѣла одна, прочія же частію или совершенно разрушились. На нашемъ рисункѣ изображенъ видъ на монастырь съ западной возвышенности. Милутинова башня на рисункѣ—высочайшее сооруженіе, состоящее изъ пяти отдѣленій, соединяющихся между собою деревянными лѣстницами. Монастырскія зданія представляютъ неправильный многоугольникъ, въ центрѣ коего посреди обширнаго двора стоитъ главный храмъ; куполы нѣсколькихъ часовенъ, разсѣянныхъ по обители, выглядываютъ надъ каменною стѣной. Правѣе главнаго храма—башенка, на которой видны часы; подъ крышей ея помѣщаются колокола. Ближайшая къ этой колокольнѣ часть монастыря называется *русскою*, ибо въ XVI вѣкѣ была обновлена на русскія пожертвованія. За монастыремъ мѣстность поросла низкимъ лѣсомъ, въ которомъ рѣзко выдѣляются пирамидальныя вершины кипарисовъ. Въ послѣднее время Хиландарскій монастырь, по племенному составу братіи, сталъ преимущественно болгарскимъ.

Въ Ренскомъ лѣсу. (Рис. на стр. 853).

Въ центрѣ Германіи, по сѣверной части Баварскаго королевства, а также по Саксенъ-Веймару и прусской провинціи Гессенъ-Нассау, тянется цѣпь базальтовыхъ горъ, шириною около 70 верстъ, по направленію съ сѣвера къ югу, носящихъ названіе Рена (Rhön или Rön). Нѣкогда очень богатыя буковымъ лѣсомъ, горы эти до сихъ поръ представляютъ живописную лѣсную картину, особенно въ южной своей части. Нынѣ буковый лѣсъ, кое-гдѣ сохранившійся еще на возвышенностяхъ, уступилъ мѣсто хвойнымъ деревьямъ или большимъ луговымъ пространствамъ. Ренъ—бѣдная область, очень дикая и пустынная въ своихъ высокихъ частяхъ, изъ которыхъ отдѣльныя вершины, какъ Крестовая гора (Krenzberg), Даммерсфельдъ и большая Вассеркуппе превышаютъ 430 саженъ. Необъятныя снѣговыя массы покрываютъ Ренъ зимою, дожди и туманы—постоянное явленіе на немъ лѣтомъ. Значительныя торфяныя, болотистыя пространства встрѣчаются повсюду на плоскогорьѣ, придавая ему отпечатокъ однообразія. Зато лѣсныя мѣста бываютъ порою чрезвычайно живописны и за послѣднія 10 лѣтъ привлекаютъ не мало путешественниковъ.

Русская изба и славяно-русская постройка на всемірной выставкѣ въ Парижѣ. (Рис. на стр. 860 и 861).

Какъ и все русское, обѣ вышеименованныя постройки, хотя и содержащія въ себѣ на русскій взглядъ не много русскаго, привлекаютъ къ себѣ множество французовъ и вообще посѣтителей выставки. Русская изба выстроена въ лѣвой половинѣ сада вокругъ Эйфелевой башни, между зданіемъ „Folies Parisiennes" и дворцомъ искусствъ. Второе изъ воспроизведенныхъ нами строеній quasi-русской архитектуры, находится въ ряду съ другими 43 постройками, расположенными какъ овощи на грядѣ, у подножія Эйфелевой башни и изображающими наглядно исторію человѣческаго жилья.

Е. И. В. Князь Георгій Максиміліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, и Высоконареченная Невѣста его, Княжна Анастасія Николаевна Черногорская. (Портр. на стр. 860).

Е. И. В. Князь Георгій Максиміліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, родился 17 февраля 1852 и былъ въ супружествѣ съ 20 апрѣля 1879 г. съ принцессою Терезой, дочерью принца Петра Ольденбургскаго († 7 апрѣля 1883).

Ея Свѣтлость, Княжна Анастасія (Стана) Николаевна Черногорская, родилась въ 1869 году и воспитывалась въ Россіи въ училищѣ Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь).

Глас Црногорца, по случаю сговора Княжны Анастасіи съ Его Императорскимъ Высочествомъ Княземъ Романовскимъ Герцогомъ Георгіемъ Лейхтенбергскимъ и бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Петра Николаевича и Великой Княжны Милицы Николаевны, въ статьѣ по поводу этихъ торжественныхъ событій, между прочимъ, говоритъ: „Слава тебѣ Петровъ градъ, дивный стольный градъ Православнаго Царя, за то, что въ тебѣ живетъ защита братскому согласію родственныхъ славянскихъ племенъ и забота, чтобы Славянское племя заняло достойное мѣсто среди народовъ міра. Слава Великому Царю Александру III!".

А. А. Краевскій. (Портр. на стр. 861).

Въ ночь на 8 августа, на своей дачѣ въ Павловскѣ, скончался отъ аневризма Андрей Александровичъ Краевскій, Несторъ русской журналистики и едва-ли не старѣйшій изъ журналистовъ западноевропейскихъ. Онъ не былъ литераторомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова и вся его писательская дѣятельность ограничивается нѣсколькими статейками компилятивнаго содержанія, рецензіями, замѣтками весьма заурядными и по мысли, и по формѣ, но за-то онъ обладалъ необыкновенно смѣтливымъ, практическимъ умомъ и энергіей, словомъ, всѣми качествами настоящаго издателя. Съ большимъ запасомъ терпѣнія, съ твердой волей, онъ упорно стремился къ достиженію той или другой цѣли и всегда доводилъ задуманное имъ дѣло до конца. Оттого-то всѣ литературныя предпріятія Краевскаго стояли прочно, пользовались довѣріемъ и вниманіемъ публики. Съ самаго начала своей дѣятельности, которую онъ началъ еще при жизни Пушкина, Краевскій занялъ весьма видное мѣсто, какъ опытный журналистъ, умѣвшій группировать около себя лучшія литературныя силы и пріобрѣсти замѣтное вліяніе среди своихъ собратій по перу. Когда умеръ Пушкинъ, Краевскій былъ однимъ изъ довѣренныхъ лицъ, разбиравшихъ бумаги безвременно погибшаго поэта. Съ Лермонтовымъ, Гоголемъ и прочими свѣтилами отечественной словесности и науки онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Вообще, рѣдкій изъ прежнихъ и нынѣшнихъ писателей и журналистовъ, мало-мальски выдающихся, не былъ знакомъ съ нимъ лично, рѣдкій не входилъ съ нимъ въ сношенія. Не чувствуя за собой никакого дара къ писательству и всегда умѣя выбирать людей для своего литературнаго дѣла, Краевскій давалъ полную свободу дѣйствія этимъ людямъ, а самъ, подобно опытному механику, слѣдилъ лишь за тѣмъ, чтобы машина имъ поставленная и пущенная въ ходъ, была въ исправности и дѣйствовала безостановочно. Такимъ образомъ, Краевскій былъ весьма талантливымъ журналистомъ, но талантъ этотъ былъ чисто внѣшняго свойства. Внутренняго огня, который даетъ столько жизни органу печати, у Краевскаго не было. Лица, избранныя Краевскимъ, дѣйствовали *по своему*, черезчуръ свободно, слѣдствіемъ чего являлась нерѣдко весьма замѣтная разногласица въ органѣ, гдѣ они работали. Едва-ли кто изъ русскихъ журналистовъ такъ часто мѣнялъ литературныя направленія, какъ Краевскій. Въ молодости онъ особенно былъ неустойчивъ и легко подчинялся мнѣніямъ и убѣжденіямъ лицъ, худо или хорошо на него вліявшихъ. Позднѣе онъ съ легкимъ сердцемъ „сжигалъ то, чему поклонялся, и поклонялся тому, что сжигалъ" ранѣе. Достаточно вспомнить его газету *Голосъ*, которая была и либеральною, и яро-консервативною, и анти-русскою. Когда *Отечественныя Записки*, въ шестидесятыхъ годахъ, особенно въ концѣ ихъ (подъ редакціей покойнаго Дудышкина) боровшіяся противъ нигилистическаго направленія, были отданы въ аренду Некрасову, старая редакція въ своемъ прощальномъ словѣ къ подписчикамъ прямо заявила, что это дѣлается къ лучшему; Краевскій этимъ заявленіемъ какъ-бы отрекался отъ прежняго направленія.

Во всякомъ случаѣ, русская журналистика многимъ обязана

Краевскому, по крайней мѣрѣ въ первый, ранній періодъ его дѣятельности. Краевскій много потрудился и въ качествѣ общественнаго дѣятеля. Онъ состоялъ гласнымъ Думы нашей столицы и предсѣдателемъ учрежденной при ней училищной коммисіи, и въ этихъ званіяхъ принесъ большую пользу дѣлу городскаго управленія и народнаго образованія. Слишкомъ десять лѣтъ занималъ онъ должность предсѣдателя училищной коммисіи и отечески заботился о нуждахъ преподавателей обоего пола въ начальныхъ городскихъ училищахъ, а равно и учащихся; съ его именемъ неразрывно связаны успѣхи народно-учебнаго дѣла въ Петербургѣ со дня передачи его въ вѣдѣніе нашей Думы. При началѣ дѣятельности Краевскаго въ этой сферѣ, въ Петербургѣ было всего 16 училищъ съ 300 учащихся, а теперь ихъ болѣе 250 съ 12,000 учениковъ и ученицъ. Здѣсь онъ проявлялъ, не смотря на свой преклонный возрастъ, то же усердіе, трудолюбіе, точность, аккуратность и разсчетливую распорядительность, качества, которыми онъ всегда отличался во всѣхъ своихъ хлопотливыхъ занятіяхъ и сношеніяхъ съ литераторами и другими лицами.

Предки Краевскаго были польскаго происхожденія. Андрей Александровичъ родился въ Москвѣ, 6 февраля 1810 года. Раннее дѣтство провелъ онъ въ домѣ вельможи Екатерининскаго времени Н. П. Архарова, который сталъ его покровителемъ съ самаго рожденія. Краевскому едва исполнилось 15 лѣтъ, когда онъ поступилъ на философское отдѣленіе Московскаго университета. По окончаніи въ немъ курса кандидатомъ, онъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора и въ то же время сталъ пробовать свои силы въ литературѣ, напечатавъ нѣсколько статей въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Съ 1831 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, перейдя на службу въ департаментъ министерства Народнаго Просвѣщенія. Здѣсь онъ познакомился съ Гречемъ, участвовалъ въ его *Сынѣ Отечества*, напечатавъ статью „Борисъ Годуновъ“, потомъ сблизился съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и со многими видными писателями того времени, старыми и молодыми, вошелъ въ кругъ высшаго столичнаго общества, пріобрѣлъ тутъ необходимыя связи. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто преподавателя въ Пажескомъ корпусѣ, былъ причисленъ къ редакціи *Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія* и занималъ должность помощника редактора этого журнала съ 1834 по 1837 г. Затѣмъ, когда Плюшаръ пріобрѣлъ, въ 1837 г., право на изданіе *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду*, Краевскій былъ приглашенъ редижировать ихъ. Въ 1839 г. на средства одного кружка писателей и покровителей литературы основаны *Отечественныя Записки*; распорядителемъ и усерднымъ сотрудникомъ ихъ сдѣлался Краевскій, сосредоточивъ въ журналѣ лучшія силы литературы и науки. Спустя нѣсколько времени *Отеч. Зап.* перешли въ полную собственность Краевскаго, который съ начала шестидесятыхъ годовъ принялъ въ соиздатели журнала С. С. Дудышкина, извѣстнаго критика, а въ концѣ 1867 года отдалъ журналъ въ аренду Некрасову. Кромѣ того, онъ съ 1843 г. состоялъ помощникомъ редактора *Русскаго Инвалида*, съ 1847 г. его редакторомъ, а въ теченіе 1852—1862 гг. издавалъ, на правахъ аренды, вмѣстѣ съ А. Н. Очкинымъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Съ 1863 г. Краевскій началъ издавать печальной памяти газету *Голосъ*, которая просуществовала до февраля 1883 г. Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ онъ сталъ во главѣ громаднаго литературнаго предпріятія *Энциклопедическаго Словаря*, къ сожалѣнію не оконченнаго, но обѣщавшаго быть единственнымъ у насъ изданіемъ этого рода. Еще при старой общей Думѣ, съ конца шестидесятыхъ годовъ Краевскій принялъ участіе въ городскомъ общественномъ управленіи Петербурга и со введеніемъ городоваго положенія избранъ гласнымъ, которымъ и оставался до самой кончины. Краевскій имѣлъ огромное состояніе, нажитое имъ частію литературой, частію коммерческими предпріятіями и, между прочимъ, участіемъ въ дѣлѣ золотопромышленности. Значительную долю этого состоянія онъ завѣщалъ на образованіе стипендій, Литературному Фонду, Обществу поощренія художествъ, Обществу сценическихъ дѣятелей и на разныя благотворительныя учрежденія. Самые цѣнные автографы, рукописи, письма знаменитостей и прочія рѣдкости своей обширной коллекціи онъ завѣщалъ Имп. Публ. библіотекѣ. Краевскій умеръ 79 лѣтъ. Тѣло его погребено въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. **П. Б—овъ.**

Политическое обозрѣніе.

3 августа императоръ Францъ-Іосифъ, въ 9 ч. вечера, покинулъ Берлинъ и выѣхалъ въ Ишль. Императоръ Вильгельмъ проводилъ его до вокзала, гдѣ государи сердечно простились. Теперь остается только ожидать послѣдствій берлинскаго свиданія; пока о значеніи его газеты высказываются довольно скупо, хотя въ догадкахъ не должно-бы быть недостатка, принявъ во вниманіе хотя бы тосты императоровъ, да посѣщеніе имперскимъ канцлеромъ графа Кальноки, съ которымъ онъ долго совѣщался, послѣ чего князь Бисмаркъ былъ принятъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ.

Несмотря на это, старочешскіе и младочешскіе органы въ Прагѣ продолжаютъ оспаривать основательность торжественныхъ заявленій нѣмецкихъ газетъ о неразрывности австро-германскаго союза, доказывая, что такая неразрывность была бы равносильна обращенію Австріи въ провинцію Германской имперіи. Да и другія австро-нѣмецкія газеты начали высказываться тоже противъ чрезмѣрнаго расширенія союза съ Германіей, причемъ выставляютъ на видъ, что государственная самостоятельность является необходимымъ жизненнымъ элементомъ монархіи.

На ряду со слухами о расширеніи тройственнаго союза, появились извѣстія о соглашеніи Англіи съ лигою мира. О существованіи его товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Фергюссонъ, дважды за послѣднее время далъ объясненія, но они врядъ-ли кого могутъ удовлетворить своею неопредѣленностью. Въ первый разъ 4 августа, въ палатѣ общинъ, членъ либеральной оппозиціи Лабушеръ потребовалъ объясненій объ отношеніяхъ Англіи къ Италіи и къ тройственному союзу, причемъ желалъ узнать, опредѣлилъ ли яснѣе отношеніе Англіи къ тройственному союзу маркизъ Солсбери въ переговорахъ съ императоромъ Вильгельмомъ и съ графомъ Бисмаркомъ и сдѣлалъ ли онъ прямо или косвенно заявленія, могущія навести державы на предположеніе, что въ случаѣ войны Англія присоединится къ тройственному союзу. Фергюссонъ заявилъ, что еще недавно было объяснено, что Англія предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій; Лабушеръ де повторяетъ лишь неосновательные слухи и онъ, Фергюссонъ, можетъ отвѣтить ему лишь сказаннымъ въ февралѣ 1889 г., а именно, что относительно употребленія сухопутныхъ и морскихъ силъ правительство никакихъ обязательствъ на себя не принимало, кромѣ тѣхъ, которыя уже извѣстны палатѣ. Нѣтъ страны, которая была бы болѣе Англіи заинтересована на сохраненіи мира. Имѣя интересы на всемъ земномъ шарѣ, Англія должна при всякой случайности быть свободною держаться политики, требуемой ея интересами. Во второй разъ Фергюссонъ сдѣлалъ заявленіе въ палатѣ общинъ по поводу статьи *National-Zeitung*, въ которой говорится о соглашеніи, достигнутомъ между Англіею и тройственнымъ союзомъ и обезпечивающемъ тождественность политики по европейскимъ вопросамъ: эта статья основана де на догадкѣ. Сдѣланное имъ сообщеніе, что въ случаѣ войны политика Англіи будетъ такою, какой потребуютъ обстоятельства и интересы Англіи, остается въ силѣ.

Въ Парижѣ приговоръ надъ Буланже не произвелъ замѣтнаго впечатлѣнія, вечеръ прошелъ спокойно, никакихъ сборищъ или манифестацій не было. Большая часть членовъ буланжистскаго комитета выѣхала въ Лондонъ, чтобы вмѣстѣ съ Буланже составить прокламацію. Въ этой прокламаціи говорится: „Приговоръ верховнаго суда является результатомъ сдѣлки между палатою и сенатомъ, по которой палата обязана не упразднять сената. Чудовищный результатъ произведеннаго противъ насъ дознанія есть пораженіе всенароднаго голосованія, но эта оргія произвола, клеветы и мошенничества приходитъ къ концу. Несмотря на новые государственные перевороты, подготовляемые въ тѣни, мы питаемъ довѣріе къ твердости выборщиковъ“.

Новыхъ переворотовъ, дѣйствительно, можно ожидать, такъ какъ уже теперь разногласія между опортунистами и радикалами въ виду предстоящихъ парламентскихъ выборовъ замѣтно усиливаются. Въ то же время правительство не перестаетъ бороться съ происками буланжистовъ. Изъ верховнаго суда былъ доставленъ списокъ 1,500 лицъ военнаго вѣдомства, подозрѣваемыхъ въ агитаціи. По произведенному дознанію, по отношенію къ 59 офицерамъ дѣйствующей арміи приняты различныя строгія мѣры.

На островѣ Критѣ порядокъ начинаетъ понемногу возстановляться. Въ концѣ іюля греческое правительство издало циркулярную ноту касательно Крита. Въ ней излагаются происходящіе на островѣ безпорядки и указывается на то, что Турція раздала оружіе мусульманскому населенію городовъ, вслѣдствіе чего христіанамъ грозитъ рѣзня. Если дѣло дойдетъ до этого, то Греція вынуждена будетъ вступиться за кандіотскихъ христіанъ. По словамъ *Politische Correspondenz*, въ Портѣ греческая нота произвела удручающее впечатлѣніе и вызвала опасеніе, что возстаніе разгорится неудержимо, если которая нибудь изъ великихъ державъ сдѣлаетъ по поводу этой ноты представленія въ Константинополѣ. Въ отвѣтъ на греческую ноту Порта также разослала державамъ циркулярную ноту о критскихъ дѣлахъ. Въ этой нотѣ Порта отвергаетъ заявленіе, что Турцію слѣдуетъ считать отвѣтственною за развитіе инсуррекціоннаго движенія. Далѣе въ нотѣ извѣщается, что посолъ при русскомъ дворѣ Шакиръ-паша назначенъ временно командующимъ войсками и временнымъ губернаторомъ Крита.

По прибытіи на Критъ, Шакиръ-паша энергичными мѣрами приступилъ къ подавленію смуты. 3 августа на островѣ было провозглашено осадное положеніе. Затѣмъ Шакиръ-паша пригрозилъ мусульманской черни строгимъ примѣненіемъ военно-полевыхъ законовъ, смѣнилъ гражданскихъ губернаторовъ, назначилъ на ихъ мѣста военныхъ и занялъ войскомъ окрестно-

Е. И. В. Князь Георгій Максиміліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, и Ея Свѣтлость Княжна Анастасія Николаевна Черногорская. Съ фот. грав. Шюблеръ.

сти Канеи, воздвигнувъ окопы на многихъ пунктахъ. Инсургенты хотѣли этому препятствовать, но вынуждены были отступить. Джефадъ-паша отправился въ лагерь инсургентовъ, вожди которыхъ вышли къ нему на встрѣчу, увѣряя его, что христіане встрѣтятъ дружелюбно регулярныя войска, предназначенныя для возстановленія порядка. Шакиръ-паша препроводилъ тре-

Парижская всемірная выставка 1889. Русская изба. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

бованія христіанъ въ Константинополь. На островѣ вообще довольно спокойно и въ окрестностяхъ Канеи порядокъ возстановленъ: сельскіе жители возвращаются въ свои деревни. Принимаемыя въ другихъ мѣстностяхъ мѣры къ возстановленію спокойствія также достигаютъ цѣли.

Смѣсь.

Лиственичный лѣсъ близь с. Райвола, Выборгской губ. Предсѣдатель Лѣснаго общества въ СПБ. сообщаетъ намъ нѣсколько дополненій и слѣдующую историческую справку къ статьѣ „Лиственичный лѣсъ Петра Великаго“, въ № 31 *Нивы*.

„Описываемый лѣсъ, называемый русскими мѣстными жителями *Листвянкой*, а на оффиціальныхъ планахъ *Линдуловской дачей*, *Лиственницей*, *Лиственничной рощей* (Krono Lärkträd Parken), изрѣдка *Екатериненской*, очень хорошо извѣстенъ всѣмъ интересующимся русскимъ лѣсомъ и неоднократно былъ осматриваемъ и описываемъ спеціалистами-лѣсничими. Въ 1883 году пишущій эти строки, вмѣстѣ съ восемью другими членами Лѣснаго общества, посѣтилъ „Листвянку“ и результаты лѣсоводственной экскурсіи изложилъ въ сообщеніи, прочитанномъ въ засѣданіи Общества 8 октября, изъ котораго приведу слѣдующія строки:

„Листвяика“ находится въ Выборгскомъ уѣздѣ, Выборгской губ., въ Новокиркскомъ кирхшпилѣ (приходѣ или пасторатѣ), на сѣверовостокъ отъ Финскаго залива (въ 5 верстахъ отъ него) и расположена по обѣимъ сторонамъ рѣчки, названной на однихъ планахъ (1837 г.) *Линдуловкой*, откуда и самое названіе *Линдуловская роща*, а на другихъ (1829 г.) *Вомеляки* (Wommelsun joki), т. е. рѣка Черная. Хотя существуетъ преданіе, что уже Петръ Великій намѣревался развести корабельную рощу на теперешнемъ ея мѣстѣ, и что при Екатеринѣ I начато это разведеніе, но, судя по возрасту наиболѣе старыхъ изъ поваленныхъ до сихъ поръ бурями деревьевъ (130 — 145 лѣтъ), гораздо вѣроятнѣе, что **первыя** работы по *лѣсоразведенію начались нѣсколько позже, именно въ царствованіе Анны Іоанновны*, когда выписанный, около 1730 года, изъ Германіи *лѣсной знатель*, форстмейстеръ Фокель, авторъ перваго русскаго сочиненія по лѣсоводству („Описаніе естественнаго состоянія растущихъ въ сѣверныхъ Россійскихъ странахъ лѣсовъ съ различными примѣчаніями и наставленіями какъ оные разводить“, СПБ. 1766 г.), осмотрѣвъ берега Финскаго залива, выбралъ участокъ земли, площадью до 68 десятинъ, принадлежащій деревнямъ Вомельсу и Сюксли, какъ наиболѣе пригодный для разведенія лиственницы, имѣющей доставлять въ будущемъ корабельный лѣсъ для Кронштадтской верфи. *Около 1738 года* въ этомъ участкѣ произведенъ посѣвъ лиственничныхъ сѣмянъ въ той сѣверной части рощи, на лѣвомъ берегу рѣчки, которая въ настоящее время носитъ названіе *Безтолковой* и гдѣ встрѣчаются теперь наиболѣе старыя деревья (130—145 лѣтъ).

„Далѣе, на основаніи показаній старожиловъ, выяснено г. Грешнеромъ, что спустя пять лѣтъ послѣ посѣва молодые всходы были пересажены правильными рядами, тѣмъ-же форстмейстеромъ Фокелемъ, на мѣста находящіяся вблизи первоначальнаго посѣва и, такимъ образомъ, „Безтолковая роща“ послужила разсадникомъ для образованія большинства находящихся въ „Листвянкѣ“ насажденій. Впослѣдствіи, въ разное время (съ 1743 по 1805 годъ и позже, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія), предпринимаемо было разведеніе лиственницы, какъ посѣвомъ, такъ и посадкою правильными рядами, при разстояніи 13—14 футовъ, какъ рядовъ, такъ и въ рядахъ.

„По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1872 г., „Линдуловская дача“ заключала въ себѣ 96 десят. 940 кв. саж., изъ которыхъ только пятая часть занята лиственницей (21 десят. 580 кв. саж.), 3/5 же всей площади покрыто сосною (52 десят. 900 кв. саж.), остальное составляетъ насажденіе ели и березы, большею частью въ смѣси“.

О ростѣ лиственницы въ „Листвянкѣ“ можно судить по сообщенію г. Бломквиста, директора Эвойской (въ Финляндіи) лѣс-

Андрей Александровичъ Краевскій. † 8 Августа 1889 г. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Парижская всемірная выставка 1889. Славяно-русская постройка. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

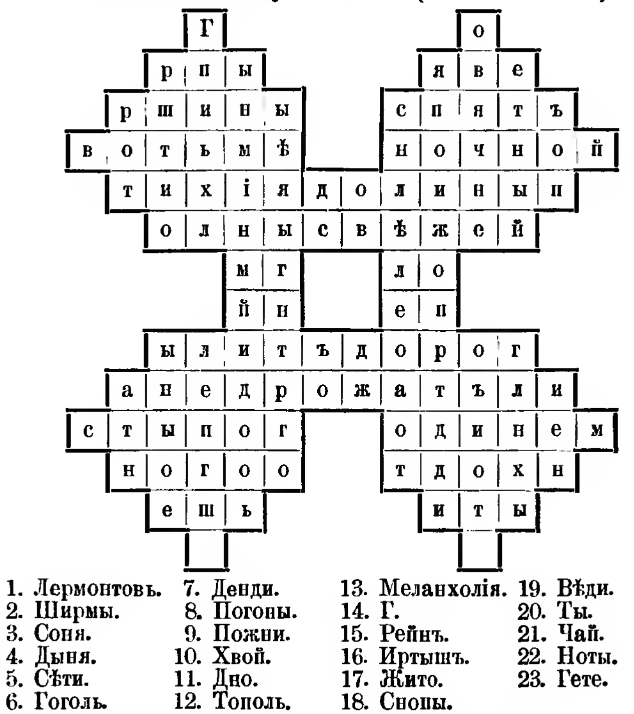
ной школы, который нашелъ тамъ на одной десятинѣ 464 дерева, составляющія въ общемъ болѣе 100 кубическихъ саженей массы.

До конца семидесятыхъ годовъ „Лиственка“ находилась въ завѣдываніи управленія государственными имуществами С.-Петербургской губерніи, но потомъ передана Финляндскому лѣсному управленію.

Mésalliance. Извѣстная писательница Елена Владиміровна Энгельгардъ, печатавшая повѣсти подъ псевдонимомъ Ольги N, въ своихъ интересныхъ Записках о старомъ бытѣ между прочимъ разсказываетъ одинъ случай, характеризующій прежніе взгляды на артистовъ. Знаменитый нѣкогда піанистъ Дёлеръ и младшая дочь гр. Шереметьева влюбились другъ въ друга. Послѣ долгихъ колебаній родители молодой дѣвушки согласились на бракъ ея съ красивымъ иностранцемъ, имя котораго тогда гремѣло въ Европѣ, и объ этомъ романѣ заговорили во всѣхъ гостиныхъ столицы. Разъ какъ-то княгиня Юсупова давала балъ, на которомъ присутствовало царское семейство. Когда танцы прекратились на нѣсколько минутъ, императоръ Николай Павловичъ прошелъ черезъ всю залу и остановился передъ графиней Шереметьевой, старшею дочерью Варвары Петровны. „Ваша сестра выходитъ замужъ за Дёлера?“ — „Да, ваше величество“. — „Должно быть она начиталась романовъ, которые экзальтировали ея воображеніе“. — „Ваше величество, отвѣчала съ достоинствомъ молодая графиня, — сестра моя серьезная женщина и не выбрала бы человѣка не стоящаго ея любви“. — „Если ваша мать согласилась на этотъ бракъ, я его запрещаю. Она должна знать, что бракъ Русской съ иностранцемъ не можетъ состояться безъ моего позволенія, et je ne souffrirai pas cette mésalliance“. На другой день графиня, со слезами на глазахъ, передала сестрѣ слова императора. Они произвели дѣйствіе громоваго удара. Идти противъ воли царя было немыслимо; все семейство могло потерпѣть отъ его гнѣва. Извѣстили Дёлера. Послѣ первыхъ часовъ отчаянія невѣста успокоилась и сказала: „Нѣтъ! люди не передѣлаютъ то, что Богъ опредѣлилъ“. И предчувствіе ея сбылось. Дёлеръ находился тогда при дворѣ герцога Луккскаго, который былъ расположенъ къ нему попрежнему и принималъ живое участіе въ его женитьбѣ. Въ тотъ самый день, когда Русскій императоръ разрушилъ ее однимъ словомъ, герцогъ уничтожилъ рѣшеніе императора, поздравивъ Дёлера титуломъ барона. Государь не противился болѣе, но требовалъ, чтобы Дёлеръ не давалъ концертовъ въ Россіи, даже въ пользу бѣдныхъ, къ чему его и обязали подпиской. Свадьбу отпраздновали въ Петербургѣ; вѣнчаніе происходило въ домовой церкви графа Шереметьева. Интересно то, что тѣ самыя личности, которыя возставали такъ горячо противъ неравнаго брака, стали напрашиваться на приглашеніе. „И вотъ общественное мнѣніе!“ какъ сказалъ Чацкій. (в.)

Новая планета. По Кильской телеграммѣ, Charlois въ Ниццѣ открылъ 3 августа новую планету 13-й величины; послѣдняя въ настоящее время находится вблизи созвѣздія Водолея. Открытая 6 іюля Бруксомъ комета, въ созвѣздіи Рыбъ, по наблюденіямъ Lick-обсерваторіи, распалась на 3 новыя. (N.)

Рѣшеніе задачи буквъ № 46 (помѣщ. въ № 27).

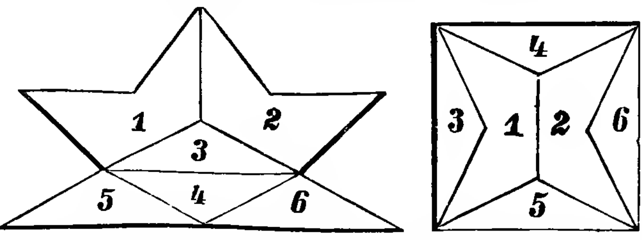
1. Лермонтовъ. 2. Ширмы. 3. Соня. 4. Дыня. 5. Сѣти. 6. Гоголь. 7. Денди. 8. Погоны. 9. Пожни. 10. Хвой. 11. Дно. 12. Тополь. 13. Меланхолія. 14. Г. 15. Рейнъ. 16. Иртышъ. 17. Жито. 18. Снопы. 19. Вѣди. 20. Ты. 21. Чай. 22. Ноты. 23. Гете.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы,
Погоди немного,
Отдохнешь и ты.

Лермонтовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: **СПБ.:** — А. А. Поспѣева, Н. В. Панкова, О. Гин—ло, К. Ковюхова, Т. Широкова, Ф. А. Боронина, А. Копылова, Свенторжецкаго, **Москва** — Е. П. Глаголевскаго, Н. К. Двинянинова, И. Я. Ромонова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ** — Ѳ. З. Мазуръ, **Бобруйскъ** — Е. Мольской, **Дисна** — С. А. Дубнякова, **Задонскъ** — К. М. Савилова, **Кіевъ** — Паткевича, Л. Е. Шилохвастова, Н. Савкина, **Красное Село** — А. Двоеглазова, **Крутица** — А. Трясунова, Н. П. Андреева, **Левашево** — В. Безкровнаго, **Лебедянь** — В. И. Чурилина, **Меленки** — И. П. Герасимова, **Макарьевъ** — М. Лафина, **Н. Новгородъ** — В. Исаковича, **Одесса** — Д. Раппопортъ, Рейжевскаго, **Перновъ** — Ф. Михель, **Ревель** — Е. Худынцевой, **Севастополь** — М. Рябошапкина, **Солнцево** — Ѳ. Кравченко, **Тамбовъ** — И. М. Ананьева, **Царское Село** — Таубе, П. П. Видинѣева, Н. Хитрово, **Шацкъ** — А. А. Тюменева.

Рѣшеніе геометрической задачи № 47 (помѣщ. въ № 27).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Ф. А. Боронина, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Динабургъ** — М. Загеръ, **Елисаветградъ** — М. Басистъ, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Лебедянь** — В. И. Чурилина, **Перновъ** — Ф. Михель, **Рязань** — П. Постникова, **Сергіевъ посадъ** — И. А. Стромынцева, **Тамбовъ** — С. К. Которова, **Царское Село** — М. Ф. Вашутина, **Яновъ** — А. А. Эбергъ.

Домашнее хозяйство.

Глянцъ-лакъ для гуттаперчевой (резиновой) обуви. Въ одномъ фунтѣ самаго крѣпкаго 95° спирта растворяется одинъ золотникъ камфоры. По раствореніи камфоры, въ этотъ растворъ опускается шестнадцать золотниковъ гумми-сандарака и четыре золотника венеціанскаго терпентина. Въ другую стклянку наливается четыре золотника скипидара и въ немъ растворяется два золотника хорошаго асфальта. Въ третьей посудѣ растворяется одинъ золотникъ сахара обыкновеннаго, въ двухъ золотникахъ воды. Всѣ эти три жидкости смѣшиваются въ одной стклянкѣ, и оставляются на нѣсколько дней, при частомъ взбалтываніи въ тепломъ мѣстѣ, послѣ чего лакъ готовъ къ употребленію. Очистивъ предварительно калоши отъ грязи и пыли, ихъ натираютъ немного виннымъ спиртомъ и лакъ чуть теплый наводится равномѣрно мягкою кистью.

Маринованіе свѣжихъ сливъ. Въ глиняной неглазурованной плоской чашкѣ все дно выкладывается очищенными отъ стебельковъ, свѣжими, не вполнѣ зрѣлыми сливами, такъ чтобы онѣ лежали бокъ-о-бокъ, но не одна на другой. Въ глиняный горшокъ наливается 1 литръ хорошаго виннаго уксуса и туда же кладется одинъ килограммъ (около 2½ ф.) сахару, немного вина мадеры, небольшое количество корицы и нѣсколько штукъ гвоздики. Все это вмѣстѣ (безъ сливъ) варится въ теченіе получаса, а когда уксусъ остылъ, тогда сливы обливаются и оставляются такъ на 24 часа. По истеченіи этого времени уксусъ опять сливаютъ со сливъ, нагрѣваютъ и теплымъ уже обливаютъ сливы; а по истеченіи сутокъ, опять уксусъ сливаютъ, даютъ ему вскипѣть и туда же кладутъ осторожно сливы, съ которыми поддерживается кипѣніе въ теченіе не болѣе двухъ минутъ. Затѣмъ сливы помѣщаютъ въ банки, обливаютъ этимъ уксусомъ, прибавляя ничтожное количество салициловой кислоты, и банки завязываются пергаментною бумагою. Такія маринованныя сливы долго сохраняются и весьма вкусны.

Японскій способъ сохранять мясо отъ скорой порчи. Въ фарфоровую чашку кладутъ свѣжее мясо, обливаютъ его кипяткомъ такъ, чтобы все мясо было покрыто имъ. Послѣ остыванія воды, на поверхность ея наливаютъ тонкій слой какого-нибудь растительнаго масла, въ родѣ напр., сезамнаго, рѣпнаго или сарептскаго и др., а затѣмъ все это выставляютъ въ сухое, холодное мѣсто. Такимъ образомъ, японцы сохраняютъ мясо весьма долгое время безъ вреда. Понятно, что способъ этотъ основанъ на трудности проникновенія въ глубину мяса свободнаго воздуха, отъ котораго мясо начинаетъ разлагаться. Кипяченая вода свертываетъ бѣлковину мяса, оно становится какъ бы консервированнымъ, а слой масла мѣшаетъ доступу воздуха.

Настоящая тушь, по Пиффарду. Одинъ лотъ камфоры опускается въ полфунта крѣпкой сѣрной кислоты; смѣсь эта нагрѣвается осторожно въ чашкѣ. Получается сначала студенистая красно-бурая масса, отъ которой выдѣляется (вредный для дыханія) сѣрнистый газъ, а затѣмъ уже эта жижа дѣлается интензивно черной. При дальнѣйшемъ же нагрѣваніи удаляется избытокъ кислоты и камфоры и тогда уже получается незамѣнимая ничѣмъ, черная растворимая въ водѣ краска. Краска эта никогда не портится и не выдѣляетъ осадка.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14¾ вершк. вышины и **полтора аршина** ширины).

Желая наиболѣе удешевить цѣны рамъ и такимъ образомъ сдѣлать пріобрѣтеніе ихъ доступнымъ каждому, мы въ настоящемъ году озаботились изготовленіемъ (**на фабрикѣ Ч. Гофмана въ СПБ.**) рамъ **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, изъ коихъ первый имѣется только изъ золоченаго полированнаго багета, а второй и третій—изъ **золоченаго** и **чернаго.** Размѣръ и цѣны рамъ, **со вставленными въ нихъ картинами** (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго **золоченаго** багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 1⅜ вершк.) по **3 руб.**, съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ** по **4 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же **золоченаго** или **чернаго,** но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2 вершка) **по 4 руб.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ по 5 р. 50 к.** (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2⁸/₁₀ вершк.): золоченыя **6 р.**, и черныя **5 р. 50 к.**, а съ упаковкою въ ящикѣ **для иногородныхъ 7 р. 50 к.** и **7 р.** (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, **по полученіи слѣдуемыхъ за нихъ денегъ,** чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

☛ Такъ какъ при выдачѣ преміи (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ получить премію въ рамѣ, НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору **свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года.**

Гг. московскіе подписчики могутъ получить **премію въ рамѣ также теперь,** въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ **Н. Н. Печковской** (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: **№ 1**—по **4 руб., № 2**—золоченыя и черныя—по **5 руб.** и **№ 3**—золоченыя **7 р.**, черныя **6 р. 50 к.**

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2½, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1½, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3½, 5, 7, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ ¾, ½ и ¼ величины для дѣтей.

Школа Баганца ч. I—1 р., ч. II и III по 1 р. 50 к.

АЛЬТЫ и ВІОЛОНЧЕЛИ.

Гитары въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1½, 3 и 4½ р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированн прейсъ-курантъ—безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо № 3993

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ; жнеекъ „Дези" и снопоязалокъ Мак' Кормика въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (7)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПЛОДОВЫЙ САДЪ РОХЕЛЯ

въ С.-Петербургѣ, уголъ Лабораторн. шоссе и Полюстровск. просп. высылаетъ безплатно иллюстр. каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ, ягодныхъ кустарниковъ, кратегуса для изгородей, розъ, многолѣтнихъ раст. и пр., съ краткимъ объясненіемъ ихъ культуры.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,

Варшава, Лешно, 14.

Бицикли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

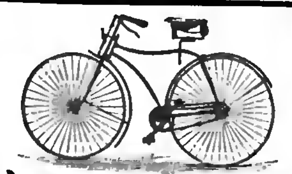
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ.	С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ. ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Въ отдѣленіи книжнаго склада **В. В. ДУМНОВА**

подъ фирмою

„НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ"

С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 19, и въ Москвѣ, въ его же книжномъ магазинѣ, на Мясницкой улицѣ, въ домѣ Обидиной,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Изданіе десятое, подъ редакціею проф. **Н. С. Тихонравова**, въ 5-ти томахъ большаго формата (болѣе 200 листовъ), съ двумя портретами автора, снимками его автографовъ, чертежей и другими рисунками, съ примѣчаніями редактора и варіантами. Текстъ этого изданія, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, произведенія и отрывки, до сего времени не помѣщенные ни въ одномъ изъ предыдущихъ изданій, свѣренъ и исправленъ проф. Тихонравовымъ по собственноручнымъ рукописямъ поэта и первоначальнымъ изданіямъ его произведеній, выходившимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Гоголя. Цѣна за 5 томовъ **8 р. 50 к.**, пересылка за 11-ть фунтовъ, по разстоянію, на счетъ покупателей. Въ настоящее время вышли I, IV, V томы, на остальные два тома выдается билетъ. До выхода въ свѣтъ всѣхъ 5-ти томовъ, желающимъ допускается подписка на слѣдующихъ условіяхъ: **городскіе** покупатели вносятъ при полученіи перваго тома **2 р. 50 к.**, а **иногородные 2 р. 50 к.** и стоимость пересылки, при полученіи-же слѣдующихъ томовъ—по **1 р. 50 к.** за каждый томъ. По выходѣ же всѣхъ 5-ти томовъ, о чемъ будетъ особо публиковано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", подписка прекращается и лица не взявшія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня публикаціи слѣдуемыхъ имъ томовъ, теряютъ право на полученіе ихъ. Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденіяхъ могутъ получать сочиненія Гоголя въ разсрочку, внося первоначально **2 р. 50 к.** и стоимость пересылки, а остальные взносы производить ежемѣсячно, но не менѣе **1 рубля** въ мѣсяцъ, при чемъ вышедшіе три тома будутъ высланы немедленно, а остальные по выходѣ въ свѣтъ. При разсрочкѣ этого послѣдняго рода, требованія должны присылаться на бланкѣ и съ печатью учрежденія, за подписью и ручательствомъ казначея или завѣдывающаго денежною отчетностью. По окончаніи печатанія означенныхъ 5-ти томовъ, предполагается приступить къ печатанію VI тома, также подъ редакціею проф. Тихонравова, который поступитъ въ отдѣльную продажу. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ (напр. „Учебная книга словесности"), первоначальныя редакціи „Женитьбы" и „Ревизора" и первой части „Мертвыхъ душъ", программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ произведеній. № 3990 3—1

Двадцать главныхъ **НАГРАДЪ** НА РАЗНЫХЪ **выставкахъ.**

Приготовленіе и продажа мыла **РАЗРѢШЕНЫ** МОСКОВСКИМЪ **Врачебнымъ Управленіемъ,**

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и К°.

въ Москвѣ. № 3966 3—2

Оптовая продажа:	Розничная продажа:
Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ.	Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

Разрѣшенное въ 1884 г. **„Н. ДОНИЧЪ"** и обезпеченное залогомъ.

Принимаетъ заявленія и выдаетъ справки всякаго рода: о покупкѣ, продажѣ, залогѣ и арендѣ: имѣній, домовъ, дачъ, фабрикъ, заводовъ, торговыхъ, промышленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ заведеній и и друг. дѣлъ; о капитал. подъ залогъ недвижимости.

АДРЕСОВАНІЕ писемъ и телеграммъ на „Справочное Бюро" подъ № или лит. до востребованія.

Принимаетъ печатаніе **ОБЪЯВЛЕНІЙ** въ газеты и журналы **ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ.** Лица, не желающія оглашать въ заявленіяхъ или публикаціяхъ своего адреса и фамиліи, замѣняютъ таковые № квитанціи, выданной отъ Справочнаго Бюро.

АДРЕСЪ для городскихъ и иногородныхъ: Москва, Софійка, противъ пассажа, Справочное Бюро **„Н. ДОНИЧЪ".** № 3971 3—3

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

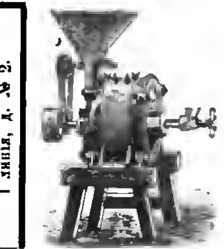
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (79) № 2946

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ.

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, д. № 2.

Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова.

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на **мукомольныя мельницы „ТРІУМФЪ"** съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строимъ 3 размѣр.

ЛОКОМОБИЛИ

3, 4 и 6 силъ (спеціальность).

Большой выборъ ручныхъ и конныхъ

МОЛОТИЛОКЪ,

ВѢЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ,

НАСОСОВЪ,

ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.

Иллюстрир. каталоги по востребованію.

Изготовляемые подъ этою фабричною маркою

О-ДЕ-КОЛОНЪ,

ДУХИ,

Туалетныя мыла высокаго достоинства,

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА,

Препараты для нѣжности кожи,

ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА,

ПУДРЫ,

МАСЛА ДЛЯ ВОЛОСЪ, ПОМАДЫ,

Туалетная вода и т. п.

пріобрѣли благодаря ихъ высокимъ качествамъ и ихъ дешевизнѣ извѣстность во всемъ мірѣ.

Просимъ всѣхъ покупающихъ парфюмерныя издѣлія требовать при покупкѣ издѣлія, снабженныя настоящей фабричной маркой

Ц. № 3987 5—5

которыя продаются почти во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Главное Депо у Александра Тисъ и К°, Пушкинская, № 4, въ СПБ.

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

Вышла изъ печати

„ФАУСТЪ",

опера въ 5-ти дѣйствіяхъ

К. ГУНО,

въ новомъ переводѣ, со всѣми вставными аріями и съ прибавленіемъ сцены „Вальпургіева ночь".

Для пѣнія съ фортеп. . . . . 4 р. — к.

Для фортеп. въ 2 руки. . . . 1 р. 50 к.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

Съ 15 Августа по 15 Сентября сего года по вторникамъ и пятницамъ отъ 1 до 3-хъ часовъ пополудни будетъ производиться пріемъ лицъ желающихъ слушать лекціи на курсахъ Попечительнаго Комитета о Сестрахъ Краснаго Креста, для подготовленія къ званію Сестры Краснаго Креста. № 3989

Желающія записаться слушательницами этихъ лекцій благоволятъ, для ознакомленія съ условіями для сего установленными, обращаться въ Комитетъ (Инженерная, № 9, при Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста).

Лучшую уксусную эссенцію отъ 40% до 100% по **умѣреннымъ цѣнамъ** предлагаетъ: Химическій заводъ А. Ейвина, д. Яино, черезъ ст. Печановку, Ю. З. ж. д. № 3996

Дозвол. ценз., СПБ., 16 августа 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.